ГОМБОРЦЫ.

Исторія 1-го Кавказскаго Стрѣлковаго
Его Императорскаго Высочества
Великаго Князя **МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА**
БАТАЛІОНА.

Составилъ того-же баталіона
штабсъ-капитанъ **Ф. Арутюновъ.**

Изданіе дополненное и исправленное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Вышинскаго, Казанская, 35.
1898 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
94750-45

2007057034

Его Императорскому Высочеству

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ ШЕФУ

ГОМБОРСКИХЪ СРѢЛКОВЪ

Благоговѣйнѣйше посвящаетъ свой трудъ

штабъ-капитанъ

Арутюновъ.

Предисловіе.

Сравнительно большой объемъ настоящаго труда, представляющаго исторію лишь полувѣковой службы 1-го кавказскаго стрѣлковаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ самый бурный періодъ войны на Кавказѣ баталіонъ этотъ высылалъ части одновременно на нѣсколько военныхъ театровъ, и авторъ описалъ дѣйствія каждаго отряда, въ составъ котораго входилъ хотя-бы полувзводъ стрѣлковъ. На самомъ дѣлѣ, исторія знаменитыхъ на Кавказѣ гомборскихъ стрѣлковъ нетолько не подробна, но и страдаетъ недостаткомъ желательной полноты. Нельзя не отмѣтить, что въ распоряженіи автора имѣлось весьма мало матеріаловъ. На просьбу о присылкѣ таковыхъ, между прочимъ объявленную въ газетахъ, откликнулись лишь генералъ-отъ-инфантеріи Фрейгангъ и полковники Линдбладтъ и Геннингъ (Григорій), прославъ по небольшой тетради своихъ воспоминаній, оказавшихся, впрочемъ, весьма цѣнными. Сѣтовать на это не представлялось однако основанія; число офицеровъ баталіона рѣдко переходило 20, и потому ко времени составленія полувѣковой его исторіи оставался весьма небольшой контингентъ лицъ, которыя могли повѣствовать о пройденной ими суровой школѣ въ рядахъ гомборцевъ. Архивъ баталіона оказался также скуднымъ. Безпрестанное перемѣщеніе штабъ-квартиры, находившейся то въ Финляндіи, то въ Царствѣ Польскомъ, наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ Кавказа и Закавказья, сильно отразилось на его архивѣ; въ послѣднемъ не оказалось, напримѣръ, приказовъ по баталіону за нѣсколько лѣтъ, послужныхъ списковъ многихъ офицеровъ и т. д. По свидѣтельству старыхъ гомборцевъ, баталіонъ при переправѣ черезъ какую-то разлившуюся рѣку въ Кубанской Области чуть не потерялъ весь свой походный архивъ, незначительную часть котораго съ большимъ лишь трудомъ удалось выловить изъ мутныхъ волнъ. Пришлось обратиться къ другимъ архивамъ, но изъ нихъ дѣйствительно полезнымъ оказался только архивъ при штабѣ кавказскаго военнаго округа. Однако архивы эти могли дать мало данныхъ для вѣрнаго изображенія внутренняго быта и духовной физіономіи гомборцевъ, что представлялось весьма важнымъ, такъ какъ этими факторами, главнымъ образомъ, и обусловливались всѣ боевые ихъ подвиги и заслуги. Въ этомъ смыслѣ авторъ сдѣлалъ все что могъ, пользуясь, между прочимъ, устными сообщеніями весьма немногихъ старыхъ стрѣлковъ.

Добываніе матеріаловъ и составленіе по нимъ исторіи гомборцевъ потребовало около двухъ лѣтъ времени. Въ маѣ 1888 г. рукопись была передана для изданія въ военно-историческій отдѣлъ штаба кавказскаго военнаго округа, а въ сентябрѣ того-же года окончена печатаніемъ. Изъ

нея оказались исключенными главы о послѣдней турецкой кампаніи и нѣкоторыя мѣста изъ прочихъ главъ, а на обложкѣ книги оказалась совершенно неожиданная отмѣтка названнаго отдѣла: „*Извлечено изъ рукописи....*“ и т. д. Изданіе въ такомъ видѣ не могло удовлетворить офицеровъ баталіона, уже знакомыхъ съ рукописью, не говоря уже о составителѣ, принявшемся за трудъ по собственному внушенію. Существовавшая въ то время брошюра, изданная отдѣломъ, подъ названіемъ: „*Описаніе боевой жизни 1-го Кавказскаго Стрѣлковаго Е. И. В. Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА баталіона въ минувшую войну 1877—1878 г.г.*“, отнюдь не исключала надобности въ новомъ изложеніи того-же предмета, такъ какъ брошюра эта ни по содержанію своему, ни по плану и характеру изложенія, не могла служить болѣе или менѣе подходящимъ дополненіемъ къ сочиненію „*Гомборцы*“. Черпая изъ нея кое-какія свѣдѣнія, съ соотвѣтственными ссылками въ выноскахъ, авторъ воспользовался, для своего повѣствованія объ участіи гомборцевъ въ послѣдней турецкой войнѣ, многими другими матеріалами. Цѣльности и систематичности исторіи повредили также и другія сокращенія.

Послѣ выпуска въ свѣтъ книги немедленно-же возникла по поводу „*Извлеченія*“ продолжительная офиціальная переписка, завершившаяся рѣшеніемъ, найденнымъ наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ, издать сочиненіе „*Гомборцы*“ вновь и въ полномъ объемѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Формированіе 1-го стрѣлковаго баталіона. Обмундированіе. Вооруженіе. Первый командиръ баталіона маіоръ фонъ-Тунебергъ. Лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Высочайшій смотръ. Передвиженіе баталіона въ Царство Польское. Второй Высочайшій смотръ. Лагерь подъ Кіевомъ. Переименованіе баталіона въ кавказскій стрѣлковый. Смотръ по Высочайшему повелѣнію. Передвиженіе на Кавказъ. Временная штабъ-квартира баталіона въ станицѣ Новосельцы. Кавказская линія. Баталіонъ на Терекѣ. Чечня и чеченцы. Дагестанъ и горцы. Стрѣлки и кавказскій солдатъ. Высочайшее указаніе относительно пользованія стрѣлками 1

II. Причины, вызвавшія прибытіе на кавказъ 5 го пѣхотнаго корпуса и съ нимъ вмѣстѣ стрѣлковаго баталіона. Высочайшій рескриптъ. Распредѣленіе стрѣлковъ по отрядамъ. Участіе взвода стрѣлковъ въ набѣгѣ на аулъ Гехи. Особенное отличіе баталіона 21-го мая при Амиръ-Аджи-юртѣ. Переформированіе баталіона въ шестисотенный составъ. Дѣйствія 4-й роты стрѣлковъ на ахатлинской переправѣ. Отступленіе Шамиля. Движеніе дагестанскаго отряда въ Аварію. Прибытіе къ карадахскому мосту. Отступленіе. Участіе 1-й роты стрѣлковъ въ движеніи части чеченскаго отряда къ Ирганаю. Высочайшій рескриптъ. Дѣятельность 4-й роты въ салатавскомъ, а 1-й въ чеченскомъ отрядахъ. Засада стрѣлковъ на фуражировкѣ 14-го августа. Взглядъ на дѣятельность стрѣлковъ въ 1844 году. Первыя поощренія стрѣлковъ 18

III. 1845 годъ. Высочайше начертанная задача. Прибытіе на Кавказъ гр. Воронцова. Назначеніе въ отряды 2-й, 3-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона. Новая штабъ-квартира. Выступленіе отрядовъ въ горы. Участіе стрѣлковъ въ дѣйствіяхъ войскъ въ Андіи, въ даргинскомъ лѣсу, при взятіи аула Дарго, у с. Белгатоя и въ кровопролитномъ бою 10-го и 11-го іюля. Движеніе отряда къ Гергель-аулу. Бой 14-го, 16-го и 19-го іюля. Прибытіе на помощь генерала Фрейтага. Потери. Высочайшее пожалованіе стрѣлкамъ знамени. Инструкція инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ и вліяніе ея на послѣдующую судьбу баталіона. Награды 34

IV. 1846 годъ. Приготовленіе къ походу 1-й роты. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника Кривоносова. Участіе 1-й роты въ военныхъ дѣйствіяхъ самурскаго отряда. Подвиги стрѣлковъ въ бою на тлійскихъ высотахъ и отнятіе ими у непріятеля значка. Участіе въ движеніи къ сел. Гамсутлю. Демонстрація. Расположеніе на отдыхъ. Неудачныя посягательства Шамиля на казикумухское ханство и даргинскій округъ. Возвращеніе стрѣлковъ въ Гомборы. Награды. Дѣятельность 2-й роты стрѣлковъ въ чеченскомъ отрядѣ. Участіе ея въ дѣлахъ съ непріятелемъ на Фортангѣ, а также въ перестрѣлкахъ 19-го, 23-го, 26-го іюля и 3-го сентября. Фуражировки. Награды. Внутренній бытъ стрѣлковъ въ 1846 году. Учрежденіе ссудной офицерской кассы и образованіе библіотеки. Приказъ по баталіону . . 54

V. 1847 годъ. Участіе 3-й и 4-й ротъ стрѣлковъ въ штурмѣ укр. Гергебиля. Отступленіе на Турчидагъ. Участіе въ дѣйствіяхъ при осадѣ аула Салты. Дѣятельность стрѣлковъ при пораженіи скопищъ 7-го августа. Участіе стрѣлковъ въ отраженіи семи атакъ на наше укрѣпленіе. Бой 9-го сентября. Штурмъ Салты 14-го сентября и значеніе этого событія. Передвиженія стрѣлковъ во второй половинѣ 1847 года. Десятилѣтній юбилей баталіона. Холера въ Гомборахъ. Почетный караулъ изъ рекрутъ. Нововведенія въ стрѣлковыхъ баталіонахъ. Успѣхи мирныхъ служебныхъ занятій стрѣлковаго баталіона. Штабъ-квартирныя работы. 70

Стр.

VI. 1848 годъ. Участіе 2-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона въ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда при осадѣ и взятіи Гергебиля. Вторженіе Шамиля въ самурскій округъ. Прибытіе въ Нуху 2-й роты стрѣлковъ. Осада укр. Ахты. Участіе 3-й роты и 1-го взвода 1-й роты въ сраженіи при Мескенджи 22-го сентября. Награды. Дѣятельность 2-го взвода 1-й роты въ составѣ чеченскаго отряда. Набѣгъ на аулъ Ахметъ-Тала. Постройка укрѣпленія на р. Мартанѣ. Предпріятія чеченцевъ. Фуражировки. Награды. Внутренній бытъ стрѣлковъ. Назначеніе маіора Прежевскаго командиромъ баталіона. 83

VII. 1849-й годъ. Участіе 2-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона въ составѣ дагестанскаго отряда при бомбардированіи аула Чохъ. Отступленіе отряда. Подвиги стрѣлковъ и отзывы о нихъ кн. Аргутинскаго. Ходатайство кн. Аргутинскаго объ оставленіи стрѣлковъ въ Дагестанѣ на зиму. 2-я рота въ наблюдательномъ отрядѣ. Посѣщеніе княземъ Воронцовымъ штабъ-квартиры стрѣлковъ. Внутренній бытъ стрѣлковъ. Общество офицеровъ . 103

VIII. 1850-й годъ. Распредѣленіе стрѣлковъ по отрядамъ. Участіе одиннадцати человѣкъ изъ нихъ при подавленіи мятежа въ Осетіи. Дѣятельность команды стрѣлковъ на лезгинской кордонной линіи и въ экспедиціи въ Джурмутъ и Канаду. Пребываніе 4-й роты въ Дагестанѣ. Стоянка въ Муселимъ-аулѣ. Участіе въ лѣтнихъ движеніяхъ. Услуга стрѣлковъ при аулѣ Арчи. Стоянка на Дучрагатырѣ и на кутешинскихъ высотахъ. Пребываніе 4-й роты въ Лучекѣ. Учрежденіе застрѣльщичьихъ командъ. Участіе 2-й роты стрѣлковъ въ дѣйствіяхъ чеченскаго отряда. Высочайшій рескриптъ. Награды . 114

IX. 1851-й г. Правый флангъ. Закубанскіе горцы. Взводъ 2-й роты стрѣлковъ въ бѣлорѣчинскомъ отрядѣ. Участіе стрѣлковъ при постройкѣ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія. Стрѣлки въ дагестанскомъ отрядѣ. Отличіе 1-й роты и взвода второй въ дѣлахъ 21-го и 22-го іюня. Молодецкое дѣло стрѣлковъ 13-го іюля на гамашинскихъ высотахъ. Участіе стрѣлковъ въ погонѣ за Хаджи-Муратомъ и въ разгромленіи его скопища въ Табасарани. Старанія князя Аргутинскаго продержать у себя стрѣлковъ. Смотръ главнокомандующаго въ Гомборахъ и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Взводъ 2-й роты въ лезгинскомъ отрядѣ. Отличіе стрѣлковъ въ рекогносцировкѣ 30 іюля. Учрежденіе при баталіонѣ четверть-инвалидной роты 134

X. 1852-й годъ. Князь Барятинскій. Погромъ Чечни и участіе въ немъ команды стрѣлковъ. Сквозное движеніе съ Аргуна на Мичикъ. Рубка лѣса на Аргунѣ и Нефтянкѣ. Результаты экспедиціи. Виды Шамиля на Табасарань. Дѣйствія отряда, съ участіемъ взвода 3-й роты стрѣлковъ, въ Кайтагѣ. Тревоги. Дѣятельность взвода 4-й роты въ составѣ дагестанскаго отряда. Прибытіе въ Дагестанъ 2-й роты. Участіе въ дѣлахъ на лезгинской линіи взводовъ 1-й и 4-й ротъ. Нововведенія въ стрѣлковомъ вооруженіи 154

XI. 1853-й годъ. Экспедиція въ большую Чечню. Занятіе хоби-шавдонскихъ высотъ. Знаменитая переправа черезъ Мичикъ 17-го февраля. Проложеніе просѣкъ. Стрѣлки въ горно-чеченскомъ отрядѣ г.-м. барона Вревскаго. Значеніе высотъ Керелама. Стрѣлки при кереламскомъ отступленіи. Вторженіе Шамиля въ джаро-белаканскій округъ. Участіе стрѣлковъ въ выбитіи скопищъ Шамиля изъ с. Старые Закаталы. „Безпримѣрный“ переходъ дагестанскаго отряда черезъ главный хребетъ. Князь Аргутинскій и стрѣлки. Награды. Смотры кн. Воронцова стрѣлкамъ 172

XII. Турецкая война 1853—1856 годовъ. Положеніе наше передъ войною. Прибытіе ротъ стрѣлковаго баталіона въ Александрополь. Сраженіе подъ Баяндуромъ. Подвиги стрѣлковъ. Приказъ. Награды. Манифестъ. Отличіе стрѣлковъ на фуражировкѣ 17-го ноября. Сраженіе подъ Башъ-Кадыкляромъ. Подвиги стрѣлковъ. Награды. Отступленіе. 1854-й годъ. Укомплектованіе баталіона. Турецкіе главнокомандующіе. Боевыя силы сторонъ. Переходъ границы. Пораженіе непріятеля при Кюрюкъ-Дара. Привѣтъ войскамъ Императора. Пожалованіе стрѣлковому баталіону георгіевскаго знамени. Подвиги стрѣлковъ. Награды. Роспускъ войскъ. 188

Стр.

XIII. 1855-й годъ. 18-е февраля. Значеніе арса. Обученіе пѣхоты стрѣльбѣ гомборцами. Блокада Карса. Участіе стрѣлковъ въ фуражировкахъ и поискахъ подъ Карсомъ. Укрѣпленія Карса. Штурмъ 17-го сентября. Сдача. Роспускъ войскъ. Награды. 1856-й годъ. Преобразованія. Новый взглядъ на покореніе горцевъ. Общее состояніе гомборцевъ. Освященіе знамени. Посѣщеніе Гомборъ ген.-ад. княземъ Барятинскимъ. Вступленіе его въ командованіе корпусомъ. Переименованіе и переформированіе баталіона. Сформированіе трехъ новыхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ 215

XIV. 1857-й годъ. Новая система дѣйствій. Участіе трехъ ротъ стрѣлковаго гренадерскаго баталіона въ лезгинской экспедиціи. Выдающееся участіе стрѣлковъ въ разгромленіи ауловъ дидойскаго общества: Хупро, Хитрахо и др. Знаменитый штурмъ 4-й роты при отступленіи отряда изъ дидойскаго общества. Роспускъ отряда. Результаты экспедиціи. Награды. Тушины и стрѣлки. Внутренній бытъ въ штабъ-квартирѣ. 232

XV. 1858-й годъ. Движеніе трехъ ротъ гомборцевъ съ лезгинскимъ отрядомъ въ Капучу, Анцухъ и въ анкратльскій союзъ. Гомборцы въ бою на склонѣ хребта Гогеатль. Движеніе въ Ильянхеви. Штурмъ аула Китури. Баронъ Вревскій и полковникъ Коргановъ. Движеніе въ Дидо. Роспускъ отряда. Награды. Посѣщеніе Гомборъ Ихъ Императорскими Высочествами. Переходъ гомборцевъ изъ вѣдѣнія инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ въ распоряженіе своего главнокомандующаго. Ружья Минье. Смотръ. 1859-й годъ. Участіе трехъ ротъ гомборцевъ въ лѣтней лезгинской экспедиціи и движеніе ихъ въ долину андійскаго Койсу. Окончательное покореніе восточнаго Кавказа. Роспускъ отряда. Награды. Смотръ стрѣлковъ 246

XVI. 1860-й годъ. Выступленіе гренадерскаго стрѣлковаго баталіона на западный Кавказъ и участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ составѣ адагумскаго отряда. Отличія. Награды. 1861-й годъ. Боевая дѣятельность гомборскихъ стрѣлковъ въ адагумскомъ и верхне-лабинскомъ отрядахъ. Состояніе баталіона. Прибытіе въ Кубанскую область Государя Императора. Назначеніе командиромъ баталіона полковника Виберга. Дѣятельность стрѣлковъ въ дѣлѣ 20-го ноября. Награды 270

XVII. 1862-й годъ. Волненія между абадзехами. Дѣятельность гомборцевъ въ составѣ главнаго отряда. Подвиги гомборцевъ въ дѣлахъ 24-го и 27-го февраля. Временная штабъ-квартира стрѣлковъ—станица Ханская. Экспедиція въ Дахо и на урджипсъ. Гомборцы въ пшехскомъ отрядѣ. Лихорадки. Подвигъ гомборцевъ 4-го ноября у Валгай-Обидова. Рѣшительная помощь гомборцевъ 31 декабря. Баталіонная библіотека. Назначеніе Е. И. В. Государя Великаго Князя Михаила Николаевича Главнокомандующимъ кавказскою арміею. Награды 291

XVIII. 1863-й годъ. Дальнѣйшая дѣятельность гомборцевъ въ составѣ пшехскаго отряда. Прибытіе въ отрядъ Августѣйшаго Главнокомандующаго и слѣдованіе въ Майкопъ. Отличіе гомборцевъ при переправѣ черезъ р. Пшишъ. Награды. Подвигъ и смерть поручика гр. Менгдена. Подвигъ полковника Виберга. Отбитіе партіи абадзеховъ командою фурштатъ и инвалидовъ гомборскаго баталіона. Выдѣленіе изъ баталіона кадра для формированія 16-ти вторыхъ резервныхъ баталіоновъ. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника Комарова 4-го. Близость развязки. Назначеніе шефомъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Е. И. В. Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Пораженіе скопища въ верховьяхъ Туапсе. Послѣдующія дѣянія гомборцевъ въ области. 1864-й годъ. Возвращеніе баталіона въ Гомборы. Награды. Смотръ. Выступленіе въ походъ. Участіе баталіона въ окончательномъ покореніи западнаго Кавказа. Возвращеніе въ Гомборы. Награды. Учебная команда и ротныя библіотеки. Прибытіе въ Гомборы Главнокомандующаго 308

XIX. 1865-й г. Переформированіе баталіона. Лагерь подъ Тифлисомъ. 1866 г. Переименованіе 1-й роты. Подчиненіе стрѣлковъ общему строевому уставу и инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ. 1867-й г. Гомборцы въ Тифлисѣ

Стр.

и въ Боржомѣ. 1868 г. Назначеніе маіора Толстого командиромъ баталіона. Смотръ Шефа. Перевооруженіе винтовками Карле въ 1869 году. 1870-й г. Переименованіе баталіона. Перемѣна штабъ-квартиры баталіона и перевооруженіе его винтовками Бердана № 1. Высочайшій смотръ. Смотры въ 1872—73 гг. Преобразованіе 1874-го года. Выдающіеся успѣхи въ стрѣльбѣ въ 1875—76 гг. Дѣятельность баталіона при усмиреніи возстанія въ Мингреліи. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника князя Барятинскаго . . 327

XX. Турецкая война 1877—1878 гг. Укомплектованіе, подготовка и выступленіе въ походъ стрѣлковъ Его Высочества. Гомборцы въ кобулетскомъ отрядѣ. Граница, пути сообщенія и населеніе Гуріи. Переходъ границы. Участіе гомборцевъ въ штурмѣ Легвы. Взятіе гомборцами высотъ Аламбара. Награды. Цихисдзирскій укрѣпленный лагерь. Участіе гомборцевъ въ штурмѣ Цихисдзири 11-го іюня. Отступленіе. Награды. Итоги. Гомборцы въ ардаганскомъ отрядѣ. Партизанскія попытки турокъ. Переходъ стрѣлковъ Его Высочества въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса 345

XXI. Обстоятельства, вызвавшія подкрѣпленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. Турецкая позиція. Гомборцы въ рекогносцировкѣ 6-го августа. Бой подъ Кизилъ-тапою и Субатаномъ. Награды. Прибытіе Августѣйшаго Главнокомандующаго въ кюрюкъ-даринскій лагерь. Поворотъ въ настроеніи русскихъ и турецкихъ войскъ. Штурмъ гомборцами горы большіе Ягны 20-го сентября. Награды. 1-й кавалеръ ордена св. Георгія—капитанъ Бейнардтъ. Результаты боя 20-го сентября. Участіе гомборцевъ въ бою 3-го октября. Погромъ арміи Мухтара-паши и его послѣдствія. Награды . . . 366

XXII. Гомборцы въ карсскомъ отрядѣ. Блокада Карса. Карсскія укрѣпленія. Фортъ анлы. Бомбардированіе. Поискъ гомборцевъ въ ночь на 17-е октября. Указанія Его Высочества Главнокомандующаго и диспозиція для штурма. Отдѣльныя дѣйствія ротъ гомборцевъ при штурмѣ форта Канлы. Паденіе Канлы. Дѣйствія противъ другихъ фортовъ. Паденіе Карса. Трофеи. Награды. Назначеніе капитана барона Зальца временно-командующимъ гомборцами 387

XXIII. Переходъ гомборцевъ въ составъ ардаганскаго отряда. Ложное извѣстіе о перемиріи. Движеніе отряда къ иммеръ-хевскому мосту. Позиція турокъ. 1878-й годъ. Взятіе гомборцами горы Аджи-алма. Награды. Участіе стрѣлковъ Его Высочества въ штурмѣ долисханской позиціи. Трофей гомборцевъ. Движеніе къ Тольгому. Помощь гомборцевъ пятигорцамъ. Занятіе тольгомской позиціи. Перемиріе. Возвращеніе баталіона въ Тифлисъ. Встрѣча Августѣйшаго Шефа. Награды. Оружейный мастеръ Клеттъ. . . 402

XXIV. Состояніе 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона послѣ войны 1877—1878 гг. Приведеніе его въ мирный составъ. 1879-й г. Назначеніе командиромъ подполковника барона Зальца. Перевооруженіе винтовками Бердана № 2. Прикомандированіе къ баталіону Е. И. В. Великаго Князя Николая Михаиловича. Смотръ. Учрежденіе металлическаго знака „за отличную стрѣльбу“. Вступленіе Его Высочества въ командованіе ротою и зачисленіе въ баталіонъ. Положеніе наше за Каспійскимъ моремъ. Снаряженіе и походъ 2-й роты, въ составѣ сводно-стрѣлковаго баталіона, въ ахалъ-текинскій оазисъ. Степная служба стрѣлковъ. Штурмъ Геокъ-тепе 28-го августа 1879-го года. Подвиги. Потери. Отступленіе. Возвращеніе въ Тифлисъ. Награды 421

XXV. 1880-й г. Переформированіе и состояніе гомборцевъ. Смотръ стрѣльбы. Отличіе 1-й роты и пожалованіе Августѣйшаго ея Командира орденомъ св. Владиміра 4-й степени. 1881-й годъ. Приказъ по баталіону по случаю оставленія баталіона Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ. Отъѣздъ изъ края Августѣйшаго Шефа гомборцевъ. Зачисленіе въ списки баталіона Е. И. В. Великаго Князя Михаила Михаиловича. Занятія тактическія и военно-судебныя. 1882-й годъ. Баталіонное и ротное хозяйство. Телеграммы Августѣйшаго Шефа. 1883-й годъ. Смотръ. Пріѣздъ въ Тифлисъ Августѣйшаго Шефа гомборцевъ. Чайная. 1884-й годъ. Успѣхи стрѣлковъ. Особыя черты гомбарцевъ. 438

Стр.

XXVI. 1885-й годъ. Мобилизація баталіона. Выступленіе въ Закаспійскую область. Трудности степного похода. Пребываніе въ Серахсѣ. Смотръ. Баталіонный праздникъ. Пріемъ офицеровъ у Менгли-хана. Смотровая стрѣльба. Нравственное состояніе баталіона. 1886-й годъ. Болѣзненность. Несбывшіяся распоряженія. Увольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ. Измѣненіе штатовъ. Назначеніе новаго начальника бригады. Усиленіе болѣзней. Укомплектованіе баталіона. Возвращеніе баталіона въ Тифлисъ. Приказы. Вопросъ о солдатской кашѣ. 1887-й годъ. Хозяйственная часть. Лагерь въ Тіонетахъ. Смотръ генерала Эллиса. Состояніе оружія. Полувѣковой юбилей. Заключеніе. 450

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Списокъ Высочайшимъ Особамъ и офицерамъ баталіона 472
II. Списокъ офицерамъ, поступившимъ на сформированіе баталіона 475
III. Списокъ командирамъ 476
IV. Списокъ убитымъ и раненымъ офицерамъ съ 1844—1879 г. . . . . —
V. Высочайшая грамота 1846-го года 479
VI. Высочайшая грамота 1858-го года . . . . . —
VII. Высочайшая грамота 1865-го года 480
VIII. Высочайшая грамота 1878-го года . . . . . —
IX. Приказъ по баталіону 5-го іюля 1841-го года № 180 481
X. Приказъ по баталіону 24-го января 1843-го года № 24 . . . . . —
XI. Приказъ по баталіону 3-го ноября 1843-го года № 307 482
XII. Приказъ по баталіону 5-го ноября 1843-го года № 309 483

Императоръ Николай I.

I.

Формированіе 1-го стрѣлковаго баталіона. Обмундированіе. Вооруженіе. Первый командиръ баталіона маіоръ фонъ-Тунебергъ. Лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Высочайшій смотръ. Передвиженіе баталіона въ Царство Польское. Второй Высочайшій смотръ. Лагерь подъ Кіевомъ. Переименованіе баталіона въ кавказскій стрѣлковый. Смотръ по Высочайшему повелѣнію. Передвиженіе на Кавказъ. Временная штабъ-квартира баталіона въ станицѣ Новосельцы. Кавказская линія. Баталіонъ на Терекѣ. Чечня и чеченцы. Дагестанъ и горцы. Стрѣлки и кавказскій солдатъ. Высочайшее указаніе относительно пользованія стрѣлками.

Старѣйшая стрѣлковая часть русской арміи—это нынѣшній 1-й кавказскій стрѣлковый Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ. Высочайшимъ приказомъ о его сформированіи, послѣдовавшимъ 10-го іюля 1837 года, онъ былъ названъ 1-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, назначался для перваго пѣхотнаго корпуса и долженъ былъ сформироваться при лейбъ-гвардіи финскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ въ городѣ Гельсингфорсѣ. Въ баталіонѣ положено было имѣть по штату одного штабъ-офицера (баталіонный командиръ), 12 оберъ-офицеровъ, 48 унтеръ-офицеровъ, 480 рядовыхъ, 9 горнистовъ, одного баталіоннаго писаря, 6 оружейныхъ учениковъ, одного ложника, одного фельдшера и 4 цирюльниковъ. Баталіонъ былъ раздѣленъ на четыре роты; въ каждой должно было состоять три оберъ-офицера, 12-ть унтеръ-офицеровъ (въ томъ числѣ исправляющій должность фельдфебеля), 120 рядовыхъ и горнистовъ: въ 1-й ротѣ 3, а въ остальныхъ по 2; нестроевыхъ въ каждой ротѣ по два. Чины эти должны были поступить изъ егерскихъ полковъ 1-го пѣхотнаго корпуса [1]). Относительно выбора офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ первоначальный составъ баталіона было сказано въ приказѣ:

„Въ числѣ офицеровъ, на сформированіе стрѣлковаго баталіона поступить долженствующихъ, половинное число назначается изъ отличнѣйшихъ офицеровъ егерскихъ полковъ 1-го пѣхотнаго корпуса (изъ каждаго по одному въ чинахъ поручика или подпоручика), а прочихъ затѣмъ предоставляется командиру лейбъ-гвардіи финскаго стрѣлковаго баталіона избрать изъ произведенныхъ въ офицеры унтеръ-офицеровъ сего баталіона, извѣст-

---

[1]) Оберъ-офицеровъ отъ каждаго егерскаго полка 1-го пѣхотнаго корпуса по 2, всего 12; унтеръ-офицеровъ отъ каждаго дѣйствующаго баталіона по два, что составляло изъ полка по 8, а изъ 6-ти егерскихъ полковъ 48; рядовыхъ отъ каждой роты по 5, слѣдовательно отъ баталіона по 20, отъ полка 80, а изъ 6-ти полковъ 480; горнистовъ отъ 3-хъ егерскихъ полковъ перваго пѣхотнаго корпуса по 2, а отъ другихъ трехъ по одному,—всего 9. (Полное Собраніе Законовъ Росс. Имп. 1838 года, ст. 10439, §§ 12, 13, 14, 15, 16).

ныхъ ему своимъ усердіемъ и знаніемъ стрѣлковой службы, съ переводомъ въ егерскіе полки 1-го пѣхотнаго корпуса по принадлежности.

„Поступающіе на сформированіе новаго стрѣлковаго баталіона унтеръ-офицеры (ихъ было 16) и рядовые гренадерскаго стрѣлковаго баталіона раздѣляются на четыре равныя части, составляютъ кадры ротъ новаго стрѣлковаго баталіона и зачисляются также въ списки егерскихъ полковъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Недостающіе затѣмъ строевые нижніе чины пополняются: унтеръ-офицеры изъ 1-го учебнаго карабинернаго полка, а рядовые изъ кантонистовъ, совершенно способныхъ къ стрѣлковому назначенію и также зачисленныхъ въ спискахъ егерскихъ полковъ, которые должны показывать ихъ въ командировкѣ.

„Въ случаѣ убыли офицеровъ, они замѣняются другими изъ тѣхъ же полковъ, а унтеръ-офицеры изъ достойнѣйшихъ рядовыхъ своего баталіона; горнисты изъ 1-го учебнаго карабинернаго полка, а рядовые изъ кантонистовъ.

„Кромѣ положенной дачи провіанта, нижніе чины получаютъ порціонныя деньги по 8 коп. въ сутки; для больныхъ устроенъ лазаретъ въ Гельсингфорсѣ.

„Находясь, впредь до повелѣнія, при лейбъ-гвардіи финскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, 1-й стрѣлковый баталіонъ состоитъ подъ начальствомъ военнаго министра и въ непосредственномъ вѣдѣніи и попеченіи командира сего баталіона какъ по образованію, такъ и по строевой и хозяйственной частямъ“ [2]).

Изъ приведеннаго не трудно было видѣть, что въ дѣлѣ сформированія 1-го стрѣлковаго баталіона важнѣйшую роль играли командиры лейбъ-гвардіи финскаго и гренадерскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ, потому что первый выдѣлялъ изъ своего баталіона шесть оберъ-офицеровъ, а второй—кадръ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Отъ нихъ зависѣли дальнѣйшіе шаги и успѣхи молодаго баталіона на поприщѣ служенія Царю и отечеству.

По отзывамъ старослужащихъ и по формулярнымъ спискамъ нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, кадръ молодаго баталіона отличался высокими качествами. Да и не могло быть иначе, потому что лейбъ-гвардіи финскій и гренадерскій стрѣлковые баталіоны, дорожа своимъ знаменемъ и репутаціею, естественно должны были выдѣлить изъ своего состава надежный, безукоризненный, отборный кадръ и способствовать всѣми средствами къ тому, чтобы молодой баталіонъ, дѣйствительно, имѣлъ право впослѣдствіи гордиться своимъ происхожденіемъ. Относительно же другихъ чиновъ, взятыхъ изъ егерскихъ полковъ, и дальнѣйшихъ укомплектованій баталіона несомнѣнно одно, что, въ виду желанія Императора Николая имѣть въ стрѣлкахъ отборное войско, части 1-го пѣхотнаго корпуса принуждены были также выдѣлить изъ себя людей, наиболѣе пригодныхъ къ стрѣлковому дѣлу. Уже достаточно было то, что Императоръ лично выбралъ для баталіона 39 человѣкъ изъ 1-го учебнаго карабинернаго полка.

Первымъ командиромъ баталіона былъ маіоръ фонъ-Тунебергъ—по свидѣтельству многихъ, честнѣйшій штабъ-офицеръ, справедливѣйшій начальникъ и весьма симпатичный человѣкъ. Благодаря его неутомимой дѣятель-

---

[2]) Полн. Собр. Зак., ст. 10439, §§ 17, 18, 20 и 24.

ности, сформированіе баталіона пошло быстро съ первыхъ же дней, т. е. съ 11-го іюля 1837 года, и стрѣлки въ первую же осень уже сидѣли за своими спеціальными занятіями. Учителями ихъ въ изученіи стрѣлковаго дѣла были преимущественно офицеры финскаго баталіона, которые, правда, плохо говорили порусски, но умѣло передавали смѣтливымъ ученикамъ свои познанія. Говоря вообще о вліяніи финляндцевъ на баталіонъ, нельзя не замѣтить, что оно было во всѣхъ отношеніяхъ благотворное: честность, правдивость и акуратность были отличительными качествами финскихъ стрѣлковъ; всѣ они были люди серьезные и до страсти преданные своей спеціальной службѣ. Такимъ образомъ, 1-й стрѣлковый баталіонъ родился съ крѣпкою и высокою организаціею; нужна была для его роста только соотвѣтственная пища и благопріятная обстановка [3]).

Существенную часть одежды стрѣлковъ составлялъ мундиръ изъ темнозеленаго сукна съ фалдами, доходившими до колѣнъ; воротникъ мундира также изъ темнозеленаго сукна съ двумя красными кантами, какъ на мундирахъ чиновъ спеціальныхъ родовъ оружія; плечевые погоны на мундирахъ были изъ краснаго сукна съ знаками: 1. С.; пуговицы желтыя съ тѣми же знаками, какіе были на погонахъ. Головной уборъ составлялъ тяжелый киверъ съ кутасомъ, чешуею и гербомъ, а обувь—суконные башмаки. Стрѣлки были вооружены семилинейными нарѣзными ружьями, съ ударнымъ замкомъ, стрѣлявшими сферическими пулями, съ предѣльною дальностью въ 600 шаговъ. Для сообщенія пулѣ вращательнаго движенія, ее обертывали пластыремъ и заколачивали въ каналъ ствола, сверхъ заряда, деревяннымъ шомполомъ съ насадкою. Пластырь вжимался въ нарѣзы небольшой крутизны (до одного оборота) и, при вылетѣ пули изъ канала ствола, сообщалъ ей вращательное движеніе. Такая винтовка носила названіе „финскаго штуцера“ и была наилучшимъ ружьемъ въ русской арміи, хотя недостатки его и тогда давали себя чувствовать. Главнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: 1) пули часто срывались съ нарѣзовъ; 2) заряжаніе производилось крайне медленно, вслѣдствіе обертыванія пули пластыремъ; 3) пуля вгонялась съ дула въ казенную часть деревяннымъ шомполомъ, весьма часто ломавшимся отъ этого. Холодное оружіе стрѣлковъ состояло изъ обоюдо-остраго ножа, который носился съ боку въ ножнахъ, и только передъ рукопашнымъ боемъ надѣвался, при помощи особаго приспособленія, на дульную часть винтовки, замѣняя собою штыкъ. Шейка на дулѣ штуцера, на которую надѣвался ножъ, была такъ коротка, и ножъ прилегалъ настолько близко къ дулу штуцера, что спѣшное заряжаніе дѣлалось невозможнымъ. По этой причинѣ стрѣльба производилась преимущественно безъ надѣтыхъ ножей, которые предназначались только для рукопашнаго боя. Изъ всего числа нижнихъ чиновъ 1-го стрѣлковаго баталіона штуцерами были вооружены 48 унтеръ-офицеровъ и 480 рядовыхъ, всего 528 штуцеровъ. Горнисты были вооружены

---

[3]) Со дня сформированія баталіонъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое названіе: въ 1837 году онъ именовался„ 1-й стрѣлковый баталіонъ“, въ 1843 году—„кавказскій стрѣлковый баталіонъ“, въ 1856 году—„кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ“, въ 1863 году—„кавказскій гренадерскій Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ, въ 1870 году—„1-й кавказскій стрѣлковый Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ“. При изложеніи событій каждый разъ будетъ сохранено то названіе баталіона, которое принадлежало ему въ описываемое время.

тесаками, а обозные рядовые саблями. Вооруженіе офицера составляла полусабля.

Строевой службѣ и стрѣльбѣ стрѣлки обучались по уставамъ и инструкціямъ крайне сложнымъ [4]). Изученіе множества военныхъ церемоній, трудныхъ ружейныхъ пріемовъ, мудреныхъ построеній ящиками и плутонгами обнимало собою почти всю солдатскую службу и едва возможно было сколько нибудь успѣшно только при прежнихъ долгихъ срокахъ службы. Церемоніальный маршъ и вообще шагистика составляли вѣнецъ солдатскаго образованія, и нѣкоторымъ образомъ служили не только мѣриломъ фронтовой выправки, но даже частью и дисциплины. Теоретическія познанія солдатъ рѣдко провѣрялись инспекторами. Грамотѣ, нельзя сказать, чтобы вовсе не учили, но ничтожное умѣнье небольшаго числа унтеръ-офицеровъ читать и писать нельзя сравнивать съ нынѣшнимъ. Хотя первые учителя стрѣлковъ изъ финляндцевъ, какъ выше сказано, плохо говорили порусски, но это не мѣшало бывшимъ отборнымъ карабинерамъ и егерямъ въ короткое время усвоить себѣ теорію стрѣльбы изъ винтовокъ и основательно изучить особенности своего новаго вооруженія.

Конецъ 1837 года и весь 1838 годъ были временемъ усиленной дѣятельности по формированію, комплектованію и обученію баталіона. Умный и энергичный командиръ маіоръ фонъ-Тунебергъ неутомимо трудился надъ серьезнымъ дѣломъ установленія внутренней твердой связи между элементами баталіона, составленнаго изъ чиновъ хотя и наилучшихъ въ нашей арміи, но воспитанныхъ далеко не въ однородной обстановкѣ. Командиру баталіона нужно было сплотить эти элементы въ одно органическое тѣло и сообщить послѣднему одинаковыя стремленія и общее направленіе. Дѣйствуя съ большимъ тактомъ и умѣньемъ, онъ въ короткое время, какъ увидимъ впослѣдствіи, достигъ прекрасныхъ результатовъ. Въ этомъ дѣлѣ маіору фонъ-Тунебергу помогали, за исключеніемъ офицеровъ, которые съ любовью шли по его слѣдамъ, два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, всѣ чины баталіона, начиная отъ самаго командира и кончая послѣднимъ рядовымъ, отлично знали, что Государь Императоръ живо интересуется судьбою перваго стрѣлковаго баталіона и, вѣроятно, скоро пожелаетъ видѣть его. Дѣйствительно, Государь ожидалъ въ этомъ баталіонѣ образецъ какъ строеваго образованія, такъ въ особенности стрѣлковаго искусства, и всѣ чины одинаково сознавали необходимость оправдать эти ожиданія. Другое обстоятельство состояло въ естественномъ въ подобныхъ случаяхъ корпоративномъ духѣ, созданномъ званіемъ стрѣлковаго баталіона: выбранные изъ лучшихъ чиновъ другихъ частей войскъ, вооруженные наилучшимъ оружіемъ своего времени, стрѣлки не могли сразу же не почувствовать у себя въ кругу взаимную тѣсную связь и свое превосходство надъ другими пѣхотными частями. Составляя спеціальную корпорацію, стрѣлки смотрѣли на себя какъ на высшій родъ пѣхоты, и это обстоятельство должно было сильно поддерживать въ нихъ чувство самолюбія и уваженіе къ своему мун-

---

[4]) Впрочемъ строевой уставъ примѣнялся къ стрѣлкамъ съ нѣкоторыми исключеніями: такъ, они не строились въ колонну къ атакѣ, не производили наступленія „развернутымъ фронтомъ“, „со вздвоенными взводами“, не стрѣляли залпомъ и нѣк. друг.

диру. На ближайшемъ смотру имъ нужно было доказать передъ всѣми войсками, что они не даромъ носятъ стрѣлковый мундиръ. Если подобныя побужденія способствуютъ благородному соревнованію среди частей войскъ, то эта истина безспорно приложима въ высшей степени къ стрѣлковому баталіону.

Въ маѣ 1839 года баталіонъ, уже окончательно сформированный и, дѣйствительно, превращенный въ стрѣлковую часть, перевезенъ моремъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Начались первыя лагерныя занятія, изъ которыхъ егерское ученіе (то же, что и ученіе разсыпнаго строя) и цѣльная стрѣльба занимали первое мѣсто,—хотя и въ маршировкѣ стрѣлки нисколько не отставали отъ другихъ пѣхотныхъ частей. Стрѣльба особенно обращала на себя вниманіе: она производилась всегда съ опредѣленныхъ дистанцій и одиночнымъ порядкомъ; залпами же никогда. Для практической стрѣльбы отпускалось на каждаго стрѣлка по 200 боевыхъ патроновъ въ годъ и капсюли по числу ихъ, съ запасомъ по пяти штукъ на каждые сто капсюлей. Они хранились въ плоскихъ продолговатыхъ деревянныхъ ящикахъ, а для помѣщенія ихъ стрѣлокъ имѣлъ особый „ранецъ съ карманомъ“. Для поощренія стрѣлковъ „за постоянно отличную стрѣльбу“ были жалуемы имъ слѣдующія награды для нижнихъ чиновъ установленныя: 1) узкій продольный галунъ посерединѣ плечеваго погона, 2) серебряные часы и 3) денежныя награды.

Обставленныя вообще благопріятными условіями, занятія подъ Краснымъ Селомъ прошли весьма успѣшно, и на смотру цѣльной стрѣльбы, произведенномъ инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ генераломъ Рамзаемъ, роты баталіона дали до того отличные результаты, что инспекторъ счелъ нужнымъ тотчасъ же представить ихъ на воззрѣніе Его Величества. Пребываніе въ лагерѣ завершилось Высочайшимъ смотромъ. Пропустивъ баталіонъ церемоніальнымъ маршемъ, Государь Императоръ остался имъ очень доволенъ и удостоилъ его царскимъ „спасибо“. Затѣмъ, подъѣхавъ къ баталіону, Его Величество милостиво похвалилъ стрѣлковъ за отличную стрѣльбу, произведенную на смотру генерала Рамзая.

По окончаніи лагернаго сбора баталіонъ, въ составѣ войскъ 1-го армейскаго корпуса, выступилъ въ Царство Польское и расположенъ былъ въ крѣпости Модлинѣ. Передвиженіе это состоялось вслѣдствіе установленнаго тогда порядка, чтобы дѣйствующіе корпуса черезъ каждые три года перемѣняли свою дислокацію. Трехлѣтняя жизнь и служба баталіона въ Царствѣ Польскомъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовались, за исключеніемъ Высочайшаго смотра, бывшаго лѣтомъ въ 1840 году подъ Варшавою, куда стрѣлки обыкновенно ходили каждое лѣто для участія въ общихъ лагерныхъ сборахъ. Здѣсь, точно также какъ и въ 1839 году, смотръ цѣльной стрѣльбы сошелъ весьма благополучно, и генералъ Рамзай донесъ объ этомъ Государю. Когда же въ Высочайшемъ присутствіи баталіону, по повелѣнію Императора, было произведено егерское ученіе, то Его Величество во второй разъ лично осчастливилъ баталіонъ Своимъ „спасибо“ за „отличную“ стрѣльбу и „ловкое маневрированіе“. Внутренняя жизнь и служба стрѣлковъ до осени 1842 года, судя по приказамъ, текла въ строго установленной формѣ. Впрочемъ, изъ одного приказа видно, что высшее начальство поставило офицерамъ на видъ незначительныя отступленія отъ установлен-

ной формы одежды [5]). Умственная жизнь офицеровъ была бѣдна; офицерскія библіотеки того времени наполнены были книгами преимущественно легкаго содержанія. Усмотрѣвъ это обстоятельство, заботливый Императоръ выразилъ желаніе, „чтобы для полковыхъ библіотекъ были выписываемы книги болѣе полезнаго содержанія въ отношеніи образованія“. Объ успѣхѣ же стрѣлковаго образованія можно судить по дистанціямъ, съ которыхъ произведена была 18-го іюня цѣльная стрѣльба на смотру корпуснаго командира и въ присутствіи принца прусскаго. Эти дистанціи были: 200, 250 и 300 шаговъ. Для тогдашняго времени, впрочемъ, онѣ были не такъ малы, если принять во вниманіе, что предѣльная дальность финскаго штуцера доходила лишь до 600 шаговъ. Стрѣльба была довольно мѣткая, и корпусный командиръ остался ею весьма доволенъ.

Послѣ лагерныхъ сборовъ въ 1842 году баталіонъ, въ составѣ 1-го пѣхотнаго корпуса, былъ передвинутъ въ юго-западную Россію—сначала въ Кіевскую, а потомъ въ Полтавскую губерніи, расквартированъ въ Золотоношенскомъ уѣздѣ и оставался тамъ до 1844 года. Обиліе жизненныхъ припасовъ и баснословная дешевизна въ этихъ мѣстахъ способствовали обогащенію баталіонныхъ и ротныхъ суммъ. Смотръ, произведенный по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютантомъ капитаномъ Катенинымъ, обнаружилъ высокое благосостояніе баталіона. Провѣривъ ротныя и баталіонныя суммы, инспекторъ выразился, что онѣ превосходятъ суммы даже нѣкоторыхъ полковъ.

Въ августѣ 1843 года баталіонъ потерялъ своего перваго командира, съ которымъ успѣлъ тѣсно сродниться въ эти немногіе, но тяжелые годы: послѣ одного баталіоннаго ученія онъ слегъ и черезъ два дня скончался. Командующимъ баталіономъ былъ временно назначенъ маіоръ Эрнкрейцъ. Въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ баталіонъ находился въ лагерномъ сборѣ корпуса подъ Кіевомъ, „Осенью 1843 года покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ изволилъ произвести Высочайшій смотръ войскамъ 1 пѣхотнаго корпуса, собраннымъ подъ г. Кіевомъ. Въ составъ корпуса входилъ и 1-й стрѣлковый баталіонъ. Благодаря заботливости начальника штаба генерала Желтухина, баталіонъ укомплектовался отборными молодыми людьми, былъ представленъ въ отличномъ видѣ и заслужилъ особое благоволеніе Государя Императора. По окончаніи лагернаго сбора, войска были распущены на зимнія квартиры, и 1-й стрѣлковый баталіонъ былъ направленъ въ м. Гильмазово, Полтавской губерніи“ [6]).

И такъ, жизнь баталіона со времени сформированія его и по 1843 годъ была вообще бѣдна событіями, и болѣе или менѣе выдающимися изъ нихъ были только смотры и парады. Послѣдніе какъ бы составляли цѣль этой жизни, къ которой были направлены всѣ старанія и усердіе чиновъ баталіона. Передвиженія и занятія мирнаго времени, нѣтъ сомнѣнія, воспитывали баталіонъ, но они не могли развить въ немъ внутреннюю силу и вызвать къ дѣятельности всю его энергію. Для такой части, которую можно сравнить, безъ большой погрѣшности, съ богатыремъ по рожденію, такая

---

[5]) „Замѣчено, что гг. офицеры носятъ сюртуки столь короткіе, что полы не закрываютъ колѣнъ, потому подтверждается по корпусу, чтобы офицерскіе сюртуки носить на два пальца ниже колѣнъ“. (Приказъ въ маѣ 1842 года).

[6]) „Русскій Инвалидъ“ 1886 г. № 239.

жизнь означала прозябаніе. Судьба однако явилась на помощь; она не дала заглохнуть силамъ баталіона, которому необходимъ былъ широкій просторъ и дѣятельность, болѣе достойная и соотвѣтственная его силамъ.

Въ 1843 году дѣла наши на Кавказѣ приняли неблагопріятный оборотъ: горскія племена въ виду угрожавшей имъ общей опасности съ нашей стороны, сплотились около своего могущественнаго имама Шамиля и начали дѣйствовать до того энергично и успѣшно, что наше преобладаніе на Кавказѣ сдѣлалось какъ нельзя болѣе сомнительнымъ. Россія не могла уступить; ей необходимо было возстановить то вліяніе, которымъ она пользовалась до этого времени и съ этою цѣлью выслать на Кавказъ подкрѣпленія; иначе отъ нашего могущества въ этомъ краѣ осталось бы одно воспоминаніе. Въ виду этого, для усиленія отдѣльнаго кавказскаго корпуса былъ передвинутъ 5-й пѣхотный корпусъ, въ составъ котораго посчастливилось войти и 1-му стрѣлковому баталіону.

Настало 14-е ноября 1843 года—день такой же знаменательный и памятный для баталіона, какъ и 10 іюля 1837 года, даже больше: послѣдній былъ началомъ его существованія, первый же — вступленіемъ на поприще боевой славы. Въ этотъ день послѣдовалъ приказъ военнаго министра [7]) такого содержанія: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-й стрѣлковый баталіонъ переименовать въ кавказскій стрѣлковый [8]), съ перечисленіемъ вонискихъ чиновъ изъ списковъ егерскихъ полковъ перваго пѣхотнаго корпуса [9]) въ карабинерные и егерскіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса“. Въ приказѣ же отъ 7-го декабря того года было сказано: „кавказскому стрѣлковому баталіону, въ полномъ своемъ составѣ, опредѣленномъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ въ 10-й день іюля 1837 года, съ полнымъ по военному положенію обозомъ, выступить на Кавказъ изъ занимаемыхъ баталіономъ кантониръ-квартиръ“. Восторгъ баталіона былъ необыкновенный: ему открывалось, наконецъ, широкое поприще славы и неиспытанныхъ дотолѣ ощущеній въ невѣдомой странѣ, которая представлялась тогда русской молодежи полною всякаго рода чудесъ. Быть на Кавказѣ, подраться съ чеченцами—было мечтою всякаго военнаго человѣка. Начались дѣятельныя приготовленія къ походу, для которыхъ былъ данъ

---

[7]) № 132.

[8]) Въ нѣкоторыхъ старыхъ оффиціальныхъ документахъ упоминается о переименованіи четвертаго стрѣлковаго баталіона въ кавказскій стрѣлковый. Но это обстоятельство нашего баталіона не касается. Для того же, чтобы не встрѣтилось по этому поводу недоразумѣній, необходимо замѣтить слѣдующее: послѣ сформированія перваго стрѣлковаго баталіона въ 1837 году, были послѣдовательно сформированы 2-й, 3-й и 4-й стрѣлковые баталіоны. Въ ноябрѣ 1841 года четвертому баталіону Высочайше повелѣно было именоваться кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ. Вѣроятно, имѣлось въ виду отправить его на Кавказъ, но онъ пока остался въ Гельсингфорсѣ. Въ 1843 году, въ ноябрѣ, первому стрѣлковому баталіону, какъ находившемуся гораздо ближе къ Кавказу, чѣмъ кавказскій—было Высочайше повелѣно именоваться „кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ“ и двинуться на Кавказъ. Кавказскому же, т. е. бывшему четвертому баталіону—именоваться первымъ стрѣлковымъ баталіономъ. (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 1841 года, ст. 17318, и 1843 года ст. 17113).

[9]) Стрѣлки, составляя отдѣльный баталіонъ, все же числились въ спискахъ своихъ прежнихъ частей и „были отъ нихъ какъ бы въ откомандированіи“ Въ случаѣ малоспособности стрѣлки отчислялись обратно въ свои части, откуда взамѣнъ ихъ пополнялись вакантные ряды баталіона.

трехнедѣльный срокъ. Но прежде чѣмъ отпустить баталіонъ на Кавказъ, Его Величество въ декабрѣ 1843 года изволилъ повелѣть: „прежде чѣмъ баталіону двинуться въ походъ, произвести ему смотръ для удостовѣренія исправности по всѣмъ частямъ“.

Заботясь о томъ, чтобы стрѣлки передъ выступленіемъ въ походъ были снабжены теплыми рукавицами и мѣховыми воротниками, Государь Императоръ, принимая въ соображеніе, что „стрѣлковый баталіонъ не можетъ имѣть хозяйственныхъ способовъ“, Высочайше предоставлялъ генералъ-адъютанду Шильдеру: „если баталіонный командиръ не найдетъ возможнымъ снабдить людей сими вещами по своему попеченію, истребовать въ такомъ случаѣ нужную для того сумму изъ кіевской коммисаріатской коммисіи“ [10]). Вновь назначенный командиръ баталіона подполковникъ Киновичъ нашелъ возможность „собственными способами“ снабдить стрѣлковъ означенными вещами, такъ какъ баталіонныя суммы, благодаря отлично веденному подполковникомъ Тунебергомъ хозяйству, находились въ наилучшемъ состояніи. Отъ казны было назначено офицерамъ—однимъ третное, другимъ полугодовое содержаніе.

Передъ выступленіемъ въ дальній походъ баталіонъ получилъ новое вооруженіе—литтихскіе штуцера [11]) англійскаго образца, заряжавшіеся съ дула сферическими пулями съ выпуклымъ пояскомъ на поверхности. Поясокъ или ободокъ соотвѣтствовалъ двумъ плоскимъ нарѣзамъ въ каналѣ штуцера. Заряжаніе литтихскихъ штуцеровъ шло гораздо медленнѣе, чѣмъ финскихъ: надо было тщательно поставить пулю по нарѣзамъ и съ усиліемъ загонять ее шомполомъ на мѣсто; важное же преимущество состояло въ томъ, что пули рѣдко могли срываться съ нарѣзовъ и при вылетѣ изъ дула получали болѣе правильное направленіе, имѣя и большую досягаемость. Кромѣ 528 новыхъ штуцеровъ, баталіону было разрѣшено взять съ собою другой комплектъ финскихъ и еще 50 сверхъ комплекта для отправленія караульной службы и ученій. Отягощеніе обоза сверхштатными ружьями оправдывалось крайнею заботливостью высшаго начальства о тщательнѣйшемъ сбереженіи новыхъ штуцеровъ, тогда еще очень дорогихъ. Эта заботливость, кромѣ того, была необходима еще вслѣдствіе того, что предстояло совершить далекій походъ въ такую страну, гдѣ не легко было замѣнить негодные штуцера годными или исправлять ихъ. Нечего и говорить, что умѣнье бережно обращаться съ ружьемъ было поставлено у стрѣлковъ на первомъ планѣ. Обмундированіе стрѣлковъ также нѣсколько видоизмѣнилось: они получили кожанные юфтовые сапоги взамѣнъ прежнихъ суконныхъ штиблетовъ и на плечевые погоны, вмѣсто прежнихъ знаковъ, двѣ буквы К. С. Кромѣ того, ихъ тяжелые кивера замѣнены папахами изъ чернаго курпея, съ суконнымъ верхомъ темнозеленаго цвѣта и съ красными на на немъ крестообразными кантами; у офицеровъ вмѣсто кантовъ былъ узкій галунъ.

---

[10]) Высочайшій приказъ 23-го декабря 1843 года.

[11]) Новые штуцера, согласно Высочайшему приказу, могли быть употребляемы только для цѣльной стрѣльбы, но отнюдь не для ружейныхъ пріемовъ, и притомъ могли быть розданы на руки не всѣмъ нижнимъ чинамъ, а только лучшимъ стрѣлкамъ. (Рапортъ начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса 18-го декабря 1843 года № 8291).

Для повѣрки походной и боевой готовности баталіона былъ Высочайше командированъ генералъ-адъютантъ Шильдеръ, который прибылъ въ Гильмазово 14-го января. Подполковникъ Киновичъ 15-го же января представилъ ему баталіонъ совсѣмъ готовый къ походу, въ полномъ составѣ [12]), и нижнихъ чиновъ въ походномъ снаряженіи, въ теплой одеждѣ и обуви. Осмотрѣвъ все это, а также обозъ и подъемныхъ лошадей, и найдя въ отличномъ состояніи, генералъ Шильдеръ приказалъ произвести егерское ученіе, а потомъ и церемоніальный маршъ. Тѣмъ и другимъ, а преимущественно фронтовою выправкою людей и ихъ внѣшнимъ видомъ, онъ также остался вполнѣ доволенъ. Въ тотъ же день послѣ обѣда инспектирующій смотрѣлъ стрѣльбу. Отъ каждой роты были назначены для стрѣльбы въ цѣль по 4 стрѣлка 1-го и 2-го классовъ, на разстояніяхъ 250 и 300 шаговъ. Не смотря на морозъ въ 12° и сильное солнечное освѣщеніе, результаты стрѣльбы были превосходные и выразились въ слѣдующемъ [13]):

Дистанціи.	№№ ротъ.	Выпущено.	Попало.	Въ поле.
250 шаговъ.	1-я рота.	12	11	1
	2-я рота.	12	8	4
	3-я рота.	12	11	1
	4-я рота.	12	12	0
300 шаговъ.	1-я рота.	12	10	2
	2-я рота.	12	9	3
	3-я рота.	12	11	1
	4-я рота.	12	11	1

Этими результатами инспектирующій, конечно, остался также доволенъ. Поблагодаривъ и пожелавъ имъ счастливаго пути и славной будущности на Кавказѣ, генералъ Шильдеръ въ тотъ же день уѣхалъ въ Петербургъ для доклада Государю и военному министру о результатахъ произведеннаго имъ осмотра.

18-го января 1844 года баталіонъ распростился со всѣмъ своимъ завѣтнымъ прошлымъ и, съ семействами офицеровъ и нижнихъ чиновъ, тронулся, подъ командою подполковника Киновича [14]), въ далекій путь. Маршрутъ былъ данъ на Кременчугъ, Таганрогъ, Ростовъ на Дону, Ставрополь, Моздокъ и крѣпость Грозную. По пути баталіонъ долженъ былъ войти въ составъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, направленнаго изъ Одессы также на Кавказъ. Конечный пунктъ движенія, равно и штабъ-квартира, не были указаны баталіону. Слѣдуя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и все ближе подходя къ Кавказу, онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній и распоряженій относительно

---

[12]) Въ это время состоялось Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи штата баталіона до 600 стрѣлковъ изъ войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но самое укомплектованіе должно было совершиться лишь по прибытіи на Кавказъ.

[13]) Рапортъ подполковника Киновича инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ генералъ-маіору Рамзаю за № 69.

[14]) Составъ баталіона былъ слѣдующій: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 48, рядовыхъ 480, музыкантовъ 9, фурштатовъ 18, деньщиковъ 19.

своей будущей штабъ-квартиры. А между тѣмъ, необходимо было уже отдѣлаться, для большей подвижности, отъ излишнихъ тяжестей и дать отдыхъ изнуреннымъ семействамъ, совершившимъ неимовѣрно трудное тогда и далекое путешествіе. Подполковникъ Киновичъ нѣсколько разъ обращался къ начальству съ просьбою о распоряженіи насчетъ штабъ-квартиры. Наконецъ, ему было предписано, чтобы баталіонъ оставилъ семейства и излишнія тяжести въ станицѣ Новосельцы и двигался на станицу Екатериноградскую. Такимъ образомъ, станица Новосельцы сдѣлалась *временною* кавказскою штабъ-квартирою баталіона. Отъ р. Егорлыка баталіонъ сопровождалъ и охранялъ артилерійскій паркъ, слѣдовавшій также на Екатериноградъ

По пути къ Екатериноградy подполковникъ Киновичъ получилъ первое непосредственное приказаніе отъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса—выдѣлить одну роту, подъ командою „надежнаго ротнаго командира“, и отправить въ Амиръ-Аджи-юртовскую станицу въ распоряженіе начальника лѣваго фланга кавказской линіи генералъ-маіора Фрейтага. Хотя выраженіе „надежнаго ротнаго командира“ могло показаться неудобнымъ и для ротныхъ командировъ, и для самаго командира баталіона, но оно отчасти имѣло основаніе, потому что прибывавшіе изъ Россіи въ составъ кавказскаго корпуса офицеры весьма часто не удовлетворяли требованіямъ кавказской войны.

Пятый пѣхотный корпусъ двигался двумя колоннами. Кавказскій стрѣлковый баталіонъ шелъ въ составѣ лѣвой колонны, подъ командою начальника 15-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Гасфорта. 3-го апрѣля баталіонъ прибылъ въ городъ Ставрополь, гдѣ офицерамъ было приказано „носить фуражки согласно существующимъ на Кавказѣ порядкамъ“. По этому стрѣлки перемѣнили папахи на фуражки съ большими козырками и бѣлыми чахлами. Когда же они пришли въ станицу Надеждинскую, гдѣ имѣли дневку, то многіе офицеры поспѣшили пріобрѣсти азіятскіе клинки, бурки и т. п.

Дальнѣйшее движеніе колонны Гасфорта сопровождалось рядомъ мѣръ и приказовъ, подготовлявшихъ ее къ обстановкѣ кавказскихъ войскъ. Дѣйствительно, нельзя было терять времени; вліяніе тревожной боевой жизни съ каждымъ шагомъ все сильнѣе давало себя чувствовать, и начальство считало своимъ долгомъ преподать прибывшимъ на Кавказъ войскамъ первые тактическіе пріемы. Оно начало съ приказа: „полкамъ и баталіонамъ отпустить штыки, тесаки и топоры; штыки должны быть на концахъ какъ можно острѣе. Офицерамъ отпустить полусабли; людей пріучать колоть сразмаха полнымъ ударомъ, а не царапать издали, надъ чѣмъ горцы смѣются и весьма натурально и справедливо, ибо кто издали колетъ, тотъ доказываетъ, что болѣе заботится о самосохраненіи, чѣмъ о низложеніи врага. Чѣмъ ближе въ одиночномъ бою подступить къ сердцу и животу непріятеля, тѣмъ вѣрнѣе ударъ. Не считать числа непріятелей, а поражать не разбирая, гдѣ и сколько наберется; убитыхъ враговъ сочтетъ арріергардъ“ и т. п. Не было упущено рѣшительно ничего, что только могло служить неопытнымъ войскамъ руководствомъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ горцами. Всему этому однако предстояло научиться горькимъ опытомъ, путемъ долголѣтней боевой жизни.

Наконецъ, 11-го апрѣля 1844 года утомленный баталіонъ добрался до станицы Новосельцы, которая была однимъ изъ пунктовъ Кавказской линіи.

Линія эта состояла изъ ряда казачьихъ станицъ и постовъ, расположенныхъ по р. Тереку отъ Каспійскаго моря до Екатериноградa, а затѣмъ по Кубани до Чернаго моря. Она дѣлилась на правый флангъ, центръ и на лѣвый флангъ. Бассейнъ рѣки Кубани составлялъ правый, а Терека—лѣвый фланги; водораздѣлъ же между ними составлялъ центръ ея, въ который входила вся Кабарда; черезъ нее пролегала военно-грузинская дорога, служившая единственнымъ сообщеніемъ Россіи съ Закавказьемъ. Оставивъ въ Новосельцахъ семейства, всѣ излишнія тяжести и комплектъ старыхъ штуцеровъ при одномъ унтеръ-офицерѣ и 13 рядовыхъ, баталіонъ направился на лѣвый флангъ кавказской линіи. Послѣдній представлялъ тогда изъ себя двѣ оборонительныхъ линіи: терскую по рѣкѣ Тереку и сунженскую по р. Сунжѣ. Терская линія была сѣверною границею лѣваго фланга и, оканчиваясь устьемъ р. Терека, упиралась восточнымъ краемъ въ Каспійское море. Екатериноградъ, куда прибылъ кавказскій стрѣлковый баталіонъ 20-го апрѣля, считался крайнимъ западнымъ пунктомъ линіи. Баталіонъ былъ встрѣченъ здѣсь командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютантомъ Нейдгардтомъ и, послѣ осмотра, на другой же день двинулся дальше къ низовьямъ р. Терека, куда послѣдовали и другія части 5-го пѣхотнаго корпуса.

Къ востоку отъ Екатериноградa тянулись по всему лѣвому берегу Терека до самаго Кизляра богатыя станицы моздокскаго, гребенскаго и кизлярскаго казачьихъ полковъ, съ двумя городами Моздокомъ и Кизляромъ. По этимъ станицамъ и расположились на отдыхъ прибывшія изъ Россіи войска 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, кавказскій стрѣлковый баталіонъ 28-го апрѣля сталъ лагеремъ у станицы Щедринской, гребенскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ, баталіонъ пробылъ въ походѣ слишкомъ три мѣсяца безъ всякихъ остановокъ, имѣя дневки черезъ три дня на четвертый. Къ празднику Пасхи баталіонъ дошелъ до границы Кавказской области, не оставивъ на пути слѣдованія ни одного больного [15]). Свершившимъ дальній походъ войскамъ данъ былъ отдыхъ до 1-го мая, т. е. до начала предполагавшихся военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ. Колоннѣ генерала Гасфорта приказано было къ 1-му мая собраться частью въ станицѣ Червленной, а частью въ Амиръ-Аджи-юртѣ. Въ ожиданіи этихъ сборовъ и дальнѣйшихъ приказаній, баталіонъ занялся приведеніемъ въ порядокъ оружія и обоза, послѣ долгаго похода требовавшихъ исправленія.

Хотя стрѣлкамъ не долго пришлось оставаться въ станицѣ Щедринской, тѣмъ не менѣе они успѣли познакомиться съ обстановкою и даже съ нѣкоторыми впечатлѣніями предстоявшей для нихъ новой тревожной жизни. Между станицами, на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, въ небольшихъ турлучныхъ оградахъ, содержались казачьи посты; на вышкахъ, напоминавшихъ голубятни, стояли часовые, глаза которыхъ не отрывались отъ Терека. Ночью посты высылали къ самому берегу и къ бродамъ, а иногда даже и на противуположный берегъ, залоги или секреты. По правому берегу рѣки были раскинуты аулы чеченцевъ, которые не пропускали ни одного удобнаго случая переправиться черезъ Терекъ и грабить казачьи станицы,

---

15) „Русскій Инвалидъ“ 1836 г. № 239

Стрѣлки въ нѣсколько дней наслышались о нихъ много разсказовъ и разныхъ кровавыхъ эпизодовъ. Теперь имъ самимъ предстояло имѣть дѣло съ этими чеченцами, страна которыхъ должна была сдѣлаться для нихъ театромъ военныхъ дѣйствій.

Чечня не имѣла опредѣленныхъ границъ. Подъ этимъ именемъ разумѣлось пространство, ограниченное съ сѣвера Терекомъ до впаденія въ него р. Сунжи, съ востока—рѣкою Акташемъ, за которою начинался собственно Дагестанъ, съ юга—отрогами андійскаго и главнаго кавказскаго хребтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Черныхъ горъ, а съ запада—верхнимъ теченіемъ Терека и Малою Кабардою до станицы Стодеревской на Терекѣ. Наибольшее протяженіе Чечни отъ востока къ западу—70 верстъ и почти столько же отъ сѣвера къ югу. Слѣдовательно стратегическій театръ для стрѣлковъ въ этой странѣ представлялъ до 5000 квадратныхъ верстъ.

Топографически Чечня раздѣлялась на двѣ совершенно различныя другъ отъ друга части: на сѣверную—плоскую и южную—горную; обѣ, а въ особенности послѣдняя, были густо покрыты вѣковыми лѣсами преимущественно лиственными; огромные чинары, дубы, кленъ и особенно орѣшникъ, перевитые дикимъ виноградомъ и другими ползущими и цѣпкими растеніями, образовали непроходимыя дебри. Но Чечня была богата также многими обширными и воздѣланными полями и тучными лугами и служила, вслѣдствіе этого, житницею покрытаго голыми скалами нагорнаго Дагестана. Въ этнографическомъ отношеніи Чечня дѣлилась также на двѣ части—большую и малую; первая представляла степную глушь между Терекомъ и р. Сунжею съ весьма бѣднымъ орошеніемъ. Малая же Чечня заключала въ себѣ все пространство отъ Сунжи до Андійскаго хребта и, слегка покатая къ Чернымъ горамъ, изрѣзана многочисленными быстрыми и почти параллельными притоками Сунжи. Особенность почти всѣхъ рѣкъ Чечни—это быстрое, почти внезапное разлитіе послѣ дождей; выбѣгая изъ горныхъ тѣснинъ на плоскость, онѣ текутъ по глинистому грунту большею частью въ весьма крутыхъ берегахъ, очень часто размывая ихъ и мѣняя отъ того русло и уровень воды. Эти особенности рѣкъ Чечни имѣли иногда большое вліяніе на успѣхъ нашихъ экспедицій. Стрѣлки уже знали много эпизодовъ, связанныхъ съ именами этихъ рѣкъ: Валерикъ, Гойта, Аргунъ и др. уже имѣли, ко времени ихъ прихода, по нѣскольку кровавыхъ исторій. Не менѣе было имъ извѣстно, какимъ необоримымъ и пагубнымъ препятствіемъ служили, при движеніяхъ нашихъ войскъ, лѣса Чечни, и сколько поучительныхъ катастрофъ разыгралось въ ея трущобахъ въ предшествовавшіе годы.

Чеченцы селились аулами по берегамъ рѣкъ, главнымъ образомъ, по Сунжѣ, Аргуну, Хулхулау, Мичику и др.; ихъ обыкновенно дѣлили на множество группъ, давая имъ имя отъ рѣкъ и горъ, на которыхъ они обитали; такъ напримѣръ, все населеніе по берегамъ Мичика носило названіе мичиковцевъ; жители Качкалыковскаго хребта были извѣстны подъ именемъ качкалыковцевъ и т. д. Но это подраздѣленіе было сдѣлано только русскими и не было извѣстно туземцамъ; сами же чеченцы называли себя *„нахче“* (т. е. народъ). Названіе „чеченцы“ дано имъ русскими по имени большого аула Чечень. Основою ихъ общественнаго быта служило родовое начало роды носили названія по имени своихъ родоначальниковъ, но, при общности языка и религіи, живо сознавали свое единство. Пока извнѣ не угрожала опас-

ность ихъ свободѣ, они не прекращали междоусобій; общая же опасность соединяла ихъ ненадолго: сплотившіяся было общества, не имѣя организаціи, быстро разлетались отъ грома нашихъ пушекъ и разумной политики. Но въ 1825 году выросла на нашихъ глазахъ сила, которая сплотила воедино не только чеченцевъ, но создала изъ всѣхъ народовъ Чечни и Дагестана одно политическое цѣлое. Сила эта извѣстна подъ именемъ мюридизма [16]), который, ко времени прихода на Кавказъ стрѣлковъ, достигъ апогея своего развитія. Къ этому же времени выработался тотъ типъ чеченца, съ которымъ приходилось стрѣлкамъ учиться воевать. Чеченецъ начала сороковыхъ годовъ—это обыкновенно высокаго роста стройный воинъ, закаленный въ лѣсныхъ бояхъ. Обладая громадною физическою силою, онъ поражалъ своею гибкостью, подвижностью, проворствомъ и ловкостью. Одежда его отличалась легкостью, а оружіе доброкачественностью. Но всѣ доблести чеченцевъ заключались въ умѣніи фехтоваться, ѣздить и стрѣлять. Отличаясь личною храбростью, доходившею до полнаго забвенія опасности [17]), чеченцы страдали недостаткомъ тактическихъ и еще болѣе стратегическихъ соображеній. Вотъ почему болѣе или менѣе способными предводителями ихъ являлись почти всегда дагестанцы, жители голыхъ скалъ Дагестана, отличавшіеся хладнокровіемъ и разсудительностью.

По приходѣ стрѣлковъ на Кавказъ, часть изъ нихъ была отправлена въ Дагестанъ. Страна эта обнимала собою площадь громаднаго прямоугольнаго треугольника, гипотенузою котораго служитъ часть главнаго кавказскаго хребта отъ горы Барбало до Апшеронскаго мыса, а катетами—линія по берегу Каспійскаго моря до устьевъ р. Сулака и отъ Барбало по андій-

---

[16]) Мюридизмъ—религіозное ученіе, которое, во имя пророка Магомета, соединяло горцевъ узами ненависти къ русскимъ и клятвою изгнать ихъ изъ горъ. Послѣдователи этого ученія именовались мюридами, образуя своего рода духовно-рыцарскій орденъ.

[17]) Впечатлѣнія очевидцевъ, вынесенныя изъ столкновеній съ чеченцами, выразились, подъ перомъ г. Потто, въ слѣдующихъ строкахъ: „Дерзкіе при наступленіи, они (чеченцы), бывали еще отважнѣе при преслѣдованіи врага, но не имѣя ни стойкости, ни хладнокровія, чтобы выдержать правильную битву. Въ аулахъ чеченцы защищались рѣдко, развѣ случайно удавалось захватить ихъ врасплохъ; обыкновенно они бросали дома на произволъ судьбы, мало дорожа своими постройками, которыя всегда могли легко возобновить при изобиліи лѣсного матеріала. Но тамъ, гдѣ были дремучіе лѣса, овраги и горныя трущобы, они являлись по истинѣ страшными противниками. Русскія войска, вступая въ Чечню, въ открытыхъ мѣстахъ обыкновенно совершенно не встрѣчали сопротивленія. Но только что начинался лѣсъ, какъ загоралась сильная перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ. И чѣмъ пересѣченнѣе была мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе шла и перестрѣлка. Вѣковыя деревья, за которыми скрывался непріятель, окутывались дымомъ, и звучные перекаты ружейнаго огня далеко будили сонныя окрестности. И такъ дѣло шло обыкновенно до тѣхъ поръ, пока войска стойко сохраняли порядокъ. Но горе, если ослабѣвала или разстраивалась гдѣ нибудь цѣпь; тогда сотни шашекъ и кинжаловъ мгновенно выростали передъ нею, какъ изъ земли, и чеченцы съ гикомъ кидались въ средину колонны. Начиналась ужасная рѣзня, потому что чеченцы проворны и безпощадны какъ тигры. Кровь опьяняла ихъ, омрачала разсудокъ; глаза ихъ загорались фосфорическимъ блескомъ, движенія становились еще болѣе ловки и быстры; изъ гортани вылетали звуки, напоминавшіе скорѣе рычаніе тигра, чѣмъ голосъ человѣка. Такими они были, по разсказамъ очевидцевъ, во время рѣзни въ ичкеринскихъ лѣсахъ, и такими являлись всегда, когда имѣли дѣло со слабыми, разстроенными командами или съ одиночными людьми". „Кавказская война".

скому хребту и по прямой линіи до Петровска. Вся эта площадь, за незначительными исключеніями, загромождена была скалистыми горными массами, изрѣзана ущельями, изрыта пропастями и оврагами.

По характеру мѣстности и по племенамъ населяющимъ его, Дагестанъ дѣлится на двѣ главныя части. Ближайшая къ Каспійскому морю и простирающаяся по всему его берегу часть носитъ названіе Прикаспійскаго Дагестана; болѣе отдаленная часть, наполненная высочайшими горами, извѣстна подъ именемъ Нагорнаго или Внутренняго Дагестана.

Въ самомъ центрѣ каменныхъ громадъ Внутренняго Дагестана лежитъ недоступная Аварія, грозное нѣкогда ханство, составлявшее средоточіе политической жизни всего Дагестана. Къ сѣверу отъ Аваріи находятся: Салатавія съ знаменитымъ Теренгульскимъ оврагомъ, Гумбетъ и Андія, славившіеся производствомъ превосходныхъ бурокъ и вообще промышленностью; на востокъ тянутся голые Койсубулинскіе утесы съ извѣстнымъ ауломъ Гимры, гдѣ родился имамъ Казимулла и воспитывался Шамиль. Койсубу—это колыбель мюридизма. Самыя глухія части Нагорнаго Дагестана находились на западѣ Аваріи—это земли или точнѣе обнаженныя безплодныя скалы по обоимъ берегамъ Аварскаго Койсу, а именно: Технуцалъ, Карата, Ункратль и др. Наконецъ, на югѣ Аваріи были общества: Гидатль, Тилитль, Андалялъ съ крѣпкимъ ауломъ Чохъ и знаменитою горою Гунибъ. Еще южнѣе и какъ разъ по сѣверному склону главнаго хребта лежали Дидо и Анкратльскій союзъ, состоявшій изъ девяти вольныхъ обществъ: Анцухъ, Капуча, Ильяхеви и др.; по противоположному склону хребта, по границѣ Кахетіи, лежали земли Джаро – бѣлаканскихъ лезгинъ.

Прибрежный Дагестанъ, или же, какъ его называли, Прикаспійскій край состоялъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ владѣній, которыя ко времени прихода стрѣлковъ не могли считаться безусловно покорными, хотя обитатели ихъ давно считались подданными Россіи.

Шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство составляли сѣверный Дагестанъ. Даргинскій округъ, Казикумухъ, Кайтагъ и Табасаранъ—извѣстны подъ именемъ средняго Дагестана; наконецъ, Кюринское ханство и Кубинская провинція съ городами Дербентомъ и Баку образовали южный Дагестанъ.

Лѣса, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей прикаспійскаго края—рѣдкость въ Дагестанѣ, который вообще бѣденъ растительностью. Искусственное орошеніе Дагестана горными потоками, при необыкновенной праздности и лѣни его обитателей, было не мыслимо. Весь Дагестанъ изрѣзанъ множествомъ этихъ потоковъ, съ громомъ извергающихся изъ горныхъ трущобъ и образующихъ четыре главныя рѣки: андійское Койсу, аварское Койсу, Кара-Койсу и казикумухское Койсу. Всѣ онѣ сливаются вмѣстѣ и образуютъ рѣку Сулакъ. Онѣ многоводны, быстры, непроходимы въ бродъ и протекаютъ большею частью въ скалистыхъ и отвѣсныхъ берегахъ. Кромѣ четырехъ Койсу, на границѣ между ханствами кюринскимъ и кубинскимъ протекаетъ значительная рѣка Самуръ, также, какъ и Сулакъ, впадающая въ Каспійское море.

Приморскій Дагестанъ, служившій нѣкогда большою дорогою, по которой проходили народы изъ Азіи въ южно-европейскія степи, населенъ на

сѣверѣ кумыками, въ средней части казикумыхами, на югѣ—преимущественно татарами. Нагорный же Дагестанъ по своей недоступности съ древнѣйшихъ временъ былъ исключительнымъ достояніемъ доисторическаго племени аварцевъ, которыхъ сосѣди обыкновенно называли то тавлинцами, то лезгинами [18]). Жили они въ небольшихъ аулахъ, ютившихся на недоступныхъ скалистыхъ утесахъ и напоминавшихъ скорѣе вороньи гнѣзда. Тяжело давалась жизнь горцу; каменистая почва страны, гдѣ онъ принужденъ былъ прозябать, не могла дать ему и самыхъ ограниченныхъ средствъ къ существованію. „Пашни, говоритъ г. Потто, встрѣчались рѣдко и то небольшими клочками, разбросанными на самыхъ высотахъ неприступныхъ горъ, куда горецъ долженъ былъ взбираться съ помощью крючьевъ и веревокъ, чтобы засѣять горсть ячменя или проса“. Но аварцы не охотно переносили лишенія; не рѣдко они покидали свои скалистыя трущобы съ тѣмъ лишь, чтобы силою взять у сосѣднихъ болѣе счастливыхъ народовъ то, въ чемъ имъ отказывала родная природа. Принужденные жить на счетъ сосѣдей, они въ теченіи вѣковъ выработали въ себѣ необыкновенный воинственный духъ. Грузія, Шамхальство и сосѣднія ханства трепетали отъ одного ихъ имени.

Русскія войска впервые вступили въ Аварію въ 1819 году. Части Дагестана въ это время были завоеваны Ермоловымъ и Мадатовымъ и аварскій ханъ былъ генераломъ русской службы. Но въ двадцатыхъ годахъ здѣсь, также, какъ и въ Чечнѣ двумя годами позже, возникъ мюридизмъ, который, ко времени прихода стрѣлковъ, охватилъ всѣ завѣтныя трущобы Дагестана, и мы имѣли передъ собою не раздробленныя племена, а цѣлое государство съ первоклассными крѣпостями съ организованною арміею, воодушевленною страшною ненавистью къ гяурамъ, и искавшею въ пролитіи ихъ крови вѣчнаго блаженства.

Такимъ образомъ неопытнымъ еще въ боевомъ дѣлѣ стрѣлкамъ предстояло встрѣчаться грудь съ грудью съ воинственными, закаленными въ безпрерывныхъ бранныхъ тревогахъ, фанатиками, на сторонѣ которыхъ было все: и капризная природа Кавказа, и мѣстность, и превосходныя воинскія качества туземца. Правда, горецъ не отличается пылкою отвагою, наѣздничествомъ чеченца: природа и условія жизни въ горахъ выработали въ немъ совершенно особенныя качества. Чеченецъ, закаленный въ лѣсномъ бою, могъ поражать дагестанца личною храбростью, но всегда охотно подчинялся ему, какъ болѣе разсудительному воину. Лѣса чечни, недопуская дѣйствій сомкнутымъ строемъ и взаимной поддержки, принуждали дравшагося чеченца полагаться исключительно на собственныя силы, мужество и ловкость, и чеченецъ бился храбро, мужественно. Не то было въ Дагестанѣ. Тамъ съ вершины горъ видно все какъ на ладони; тамъ можно прекрасно ориентироваться, узнать силы врага, расчитать движенія, вѣрно направлять ударъ и т. п.; все это развивало тактическія соображенія дагестанцевъ, а нѣкоторые изъ ихъ предводителей, какъ напр. Шамиль, Кибитъ-Магома, Хаджи-Муратъ, поражали вѣрностью даже и своихъ стратегическихъ со-

---

[18]) Тавлинцами ихъ называли жители плоскостей: кумыки, кабардинцы, шамхальцы, чеченцы и другія; подъ именемъ лезгинъ они были извѣстны на югѣ въ закавказскомъ краѣ. Но какъ тавлинецъ (тау-гора) такъ и лезгинъ одинаково означаютъ жителя горъ.

ображеній; по этой-то причинѣ предводители чеченцевъ большею частью были дагестанцы.

Чеченецъ рѣдко защищался въ аулахъ, которыми онъ не дорожилъ; при обильи воды и лѣснаго матеріала онъ могъ вездѣ выстроить себѣ плетневую мазанку, и если онъ иногда защищался, то это означало, что онъ не успѣлъ еще вывести оттуда свое семейство и имущество. Дагестанецъ же дорожилъ своимъ ауломъ; при недостаткѣ матеріала для построекъ, онъ строилъ себѣ каменную прочную саклю, надѣясь жить въ ней долгія времена, а для безопасности лѣпилъ ихъ къ недоступнымъ скалистымъ утесамъ, располагая сакли почти всегда амфитеатромъ, вооружая ихъ всякими фронтальными и фланговыми бойницами; такой аулъ горецъ не легко могъ уступить врагу, и дѣйствительно, штурмы дагестанскихъ ауловъ всегда стоили намъ потоковъ крови, потому что горцы защищались въ нихъ съ такою стойкостью, которая изумляла даже закаленнаго кавказскаго солдата.

Противъ всего этого стрѣлки были вооружены пока только превосходными штуцерами и, главное, твердымъ сознаніемъ долга передъ внимательно слѣдившимъ за ними Государемъ Императоромъ.

Новая страна, съ своею дикою и роскошною природою, величественнымъ видомъ своихъ горъ произвела на стрѣлковъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе; привыкшіе къ однообразнымъ равнинамъ Россіи, они были глубоко поражены страшнымъ разнообразіемъ картинъ, своеобразною, полудикою жизнью горцевъ, ихъ жилищами, вооруженіемъ и т. д. Не мало удивили ихъ также и свои братья, прославленные кавказскіе герои, по большей части низкорослые, сухощавые солдаты, у которыхъ такъ мало было стройности и порядка при совокупныхъ движеніяхъ ихъ [19]). Говоря вообще, кавказскіе солдаты далеко расходились съ тѣми идеалами, которые воображали себѣ войска въ Россіи. Что же касается дѣла, которое болѣе всего интересовало стрѣлковъ, а именно — стрѣльбы въ цѣль, то оно было въ крайне плохомъ состояніи. Такъ напримѣръ: „въ приказахъ по Куринскому полку за время Фрейтага (командиръ полка конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ) не видно указанія на строевыя занятія; за то, стрѣльба обратила на себя особое вниманіе Р. К. (Роберта Карловича Фрейтага) — и притомъ, ранѣе приказа по дивизіи, отданнаго вслѣдствіе донесенія флигель-адъютанта Назимова. Прежде всего видно, что дальность вѣрнаго выстрѣла была не болѣе 150—200 шаговъ, и вся мечта тогдашняго начальства заключалась въ томъ, чтобы въ ротѣ, состоящей почти изъ 300 человѣкъ, съ разстоянія 150 — 200 шаговъ попадали въ мишень, величиною съ нашу офицерскую, 25 рядовыхъ и два унтеръ-офицера“ [20]). Если таковы были требованія въ одномъ изъ лучшихъ

---

[19]) „Въ 1841 году полки 20-й дивизіи инспектировалъ по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютантъ Назимовъ. Онъ съ ужасомъ уѣхалъ съ Кавказа и донесъ Государю, что въ 20-й дивизіи: а) цѣльная стрѣльба не доведена и вполовину до настоящаго совершенства; нижніе чины не ознакомлены даже съ глазомѣромъ и выстрѣливаютъ патроны, будучи внѣ выстрѣла отъ непріятеля; б) на строевую, лагерную и гарнизонную службу и на стрѣлковое и егерское ученія мало обращается вниманія; в) унтеръ-офицеры и ефрейторы нисколько не ушли образованіемъ отъ рядовыхъ, и нѣкоторые въ строевой службѣ хуже рекрутъ; г) офицеры совершенно не знаютъ своего дѣла, включая въ это число и нѣкоторыхъ командировъ. („Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ“, полковника Казбека, стр. 170).

[20]) Тамъ же.

боевыхъ полковъ Кавказа, то нечего и говорить о тѣхъ частяхъ, которыя по преимуществу занимали гарнизоны.

Но за то, съ другой стороны, громадная разница существовала между стрѣлками и кавказскими солдатами относительно боевыхъ качествъ и воинскаго закала. Въ обыденной жизни она не бросалась въ глаза; пожалуй, даже вновь прибывшіе могли внушить къ себѣ гораздо болѣе довѣрія и уваженія. Но въ бою, въ рукопашной схваткѣ, эти невзрачные кавказскіе солдаты перерождались, и на нихъ нельзя было смотрѣть безъ глубокаго уваженія и удивленія. Эти качества стрѣлки не могли, конечно, выработать въ себѣ вдругъ; для нихъ нужны были годы и постоянныя кровавыя схватки, среди которыхъ дорогою цѣною купилъ ихъ кавказскій солдатъ, вполнѣ примѣнившійся къ тактикѣ своего противника. А эта тактика ничего не имѣла общаго съ русскимъ строевымъ уставомъ и была поразительно сложная. Поневолѣ кавказскій солдатъ забылъ свои уставы и предался изученію тонкостей и особенностей исскуства непріятеля. Ученіе сомкнутыхъ построеній роты и баталіона были оставлены, потому что въ нихъ не было пока настоятельной надобности. Въ лѣсномъ бою, въ рукопашной схваткѣ грудь съ грудью съ отважнымъ горцемъ, солдатъ долженъ былъ расчитывать исключительно на собственныя силы, такъ какъ ожидать помощи отъ разрознившихся въ чащѣ товарищей не всегда было возможно. Помимо безполезности церемоніальныхъ маршей и шагистики, кавказскій солдатъ не могъ ими заниматься еще и потому, что ему было некогда: если оставалось сколько нибудь свободнаго времени отъ экспедицій и работъ, то онъ посвящалъ его самому себѣ и казеннымъ хозяйственнымъ занятіямъ. Ко времени прихода 5-го корпуса на Кавказъ, кавказскій солдатъ стоялъ на высокой степени развитія своихъ воинскихъ доблестей, и если отдѣльный кавказскій корпусъ оказался недостаточнымъ для борьбы съ горцами, то причина этого лежала не въ мужествѣ нашего солдата, а въ измѣнившихся значительно условіяхъ нашего владычества въ горахъ и въ иныхъ требованіяхъ войны. Такъ какъ то и другое вызвало на Кавказъ цѣлый корпусъ, а съ нимъ вмѣстѣ стрѣлковый баталіонъ, то въ слѣдующей главѣ будетъ сдѣланъ бѣглый очеркъ предыдущихъ военныхъ событій на Кавказѣ такъ какъ дальнѣйшая наша упорная борьба съ горцами, истекшая изъ предшествовавшихъ явленій, благодаря ея особенному направленію, имѣла большое вліяніе на судьбу баталіона, принимавшаго въ ней дѣятельное участіе. Пока слѣдуетъ замѣтить, что съ первыхъ же шаговъ на боевомъ поприщѣ Кавказскій стрѣлковый баталіонъ сталъ дробиться на части для участія въ нѣсколькихъ отрядахъ и на различныхъ театрахъ кавказской войны. Не говоря о потребности въ стрѣлкахъ для каждаго изъ этихъ отрядовъ, въ основаніи этого дробленія легло Высочайшее словесное указаніе, переданное генералъ-адъютанту Нейдгардту въ докладной запискѣ генеральнаго штаба полковника Вольфа, слѣдующаго содержанія: „относительно кавказскаго стрѣлковаго баталіона Его Величество признать изволилъ, что баталіонъ сей, по причинѣ своего состава, вооруженія и неопытности въ горной войнѣ, и даже по своему предназначенію, отнюдь не долженъ быть употребленъ въ отрядахъ для отдѣльнаго самостоятельнаго дѣйствія, но въ составѣ полубаталіоновъ или ротъ можетъ съ большою пользою усиливать баталіоны и полки, назначенные въ авангардъ, въ арріергардъ или боковыя прикрытія колонны, съ

тѣмъ, чтобы на важнѣйшихъ пунктахъ имѣлась всегда часть отборныхъ и надежныхъ стрѣлковъ для пораженія непріятеля самымъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ“ [21]).

II.

Причины вызвавшія прибытіе на Кавказъ 5-го пѣхотнаго корпуса и съ нимъ вмѣстѣ стрѣлковаго баталіона. Высочайшій рескриптъ. Распредѣленіе стрѣлковъ по отрядамъ. Участіе взвода стрѣлковъ въ набѣгѣ на аулъ Гехи. Особенное отличіе баталіона 21-го мая при Амиръ-Аджи-юртѣ. Переформированіе баталіона въ шестисотенный составъ. Дѣйствія 4-й роты стрѣлковъ на ахатлинской переправѣ. Отступленіе Шампля. Движеніе дагестанскаго отряда въ Аварію. Прибытіе къ кородахскому мосту. Отступленіе. Участіе 1-й роты стрѣлковъ въ движеніи части чеченскаго отряда къ Ирганаю. Высочайшій рескриптъ. Дѣятельность 4-й роты въ салатавскомъ, а 1-й въ чеченскомъ отрядахъ. Засада стрѣлковъ на фуражировкѣ 14-го августа. Взглядъ на дѣятельность стрѣлковъ въ 1844 году. Первыя поощренія стрѣлковъ.

Присоединивъ къ себѣ Закавказье, Россія должна была и обезпечить сообщеніе съ нимъ, т. е. покорить безпокойныя горскія племена, жившія вдоль этого сообщенія и постоянно угрожавшія намъ нападеніями на наши транспорты, даже сопровождаемые воинскими командами. Назначенный въ 1816 году командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ Ермоловъ успѣлъ, за 10 лѣтъ своего пребыванія на Кавказѣ, сдѣлать очень многое: покоривъ многіе народы Чечни и Дагестана, онъ возстановилъ порядокъ и спокойствіе въ горахъ разумными, частью строгими, мѣрами, а также смѣлыми экспедиціями и возведеніемъ укрѣпленій, подавилъ всѣ попытки покоренныхъ народовъ къ возстанію и постоянно стремился къ обезсиленію ихъ всѣми силами и къ уничтоженію, такимъ образомъ, всѣхъ средствъ, которыми они могли вредить намъ въ будущемъ. Частые набѣги, возведенные въ систему категорическимъ приказомъ Ермолова [1]), какъ будто выполнили свое назначеніе: отъ всѣхъ обществъ Чечни и Дагестана были взяты аманаты (заложники). Но одно упустилъ изъ вниманія генералъ Ермоловъ—это внутреннюю жизнь края и въ особенности религіозное въ немъ броженіе, вслѣдствіе чего на его глазахъ зародилось то вѣроученіе, которое еще съ первыхъ дней было ловко направлено къ достиженію серьезныхъ политическихъ цѣлей. Вѣроученіе это извѣстно подъ именемъ мюридизма. Генералу доносили о сходкахъ у нѣкоего Моллы-Магомета, указывая на ихъ опасность, но онъ не могъ допустить и мысли, чтобы подъ его твердою рукою могла выпрямиться пригнутая и сгорбленная имъ шея покореннаго и покорнаго населенія. Пока Ермоловъ былъ на Кавказѣ мюридизмъ не могъ вылиться въ опредѣленную и опасную для насъ

[21]) Архивъ шт. к. в. окр. Дѣло 2 отд. ген. шт. 1844 года № 7.

[1]) Генералъ Ермоловъ между прочимъ писалъ командовавшему Кавказскою линіею генералу Сталю: „Для нанесенія чеченцамъ возможно большаго вреда, безпокоить и наказывать ихъ внезапными набѣгами“.

форму, такъ какъ главнымъ къ тому препятствіемъ служилъ рѣшительный и твердый характеръ корпуснаго командира, выраженіе котораго горцы уже испытали достаточно и боялись испытать вновь. Но когда его не стало, а преемникъ его былъ весьма мало знакомъ съ Кавказомъ и далеко не отличался тѣми качествами своего предмѣстника, которые оказались столь необходимы въ примѣненіи къ горцамъ, то мюридизмъ смѣло выступилъ изъ мечетей въ поле, отъ слова перешелъ къ дѣлу. При этихъ условіяхъ ермоловскіе набѣги, клонившіеся къ обузданію и наказанію горцевъ, явились не только неумѣстными — потому что требовался противовѣсъ болѣе серьезный,—но, раздражая и озлобляя обольщенныхъ и обнадеженныхъ новымъ ученіемъ, увеличивали ту пропасть, которая отдѣляла ихъ отъ насъ. Среди нашихъ палліативныхъ мѣръ, а въ большинствѣ случаевъ полнаго бездѣйствія, а также оказавшихся въ 1830 г. злоупотребленій со стороны однаго изъ нашихъ агентовъ въ Дагестанѣ, мюридизмъ наконецъ, пріобрѣлъ особую живучесть и силу и въ значительной степени подорвалъ обаяніе русской власти въ горахъ. Мирный проповѣдникъ „газавата“ [2]) Молла-Магометъ, уступилъ мѣсто новому имаму-воину, отважному Кази-Муллѣ, который немедленно же бросился на Кизляръ и, разворивъ его, осадилъ кр. Внезапную, Дербентъ. Горскія племена страшно взволновались и многія отложились отъ насъ. Когда же Кази-Мулла погибъ, и настало нѣкоторое затишье, никто не ожидалъ новой бури, и никакихъ мѣръ не было принято къ отвращенію ея. А тѣмъ временемъ мюридизмъ окрѣпъ въ нѣдрахъ Дагестана подъ главенствомъ Шамиля. Работая безъ устали надъ организаціею вооруженныхъ силъ, администраціею и укрѣпленіями въ непокорной намъ странѣ, онъ до того поднялся въ глазахъ горцевъ, что жители большой и малой Чечни въ началѣ 1840 года примкнули къ дагестанцамъ и составили одно могучее политическое тѣло подъ диктаторствомъ мудраго имама. Это былъ первый рѣшительный ударъ и безъ того пошатнувшемуся нашему господству въ краѣ. Полнѣйшее бездѣйствіе съ нашей стороны способствовало тому, что къ началу 1842 года Шамиль сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова властителемъ горъ. Уже одинъ знаменитый ичкеринскій походъ генерала Граббе даетъ намъ достаточное понятіе о его могуществѣ и о нашемъ ущербѣ. Мы потеряли въ одинъ день убитыми и ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 66 и нижнихъ чиновъ 1800 — что не могло не быть чувствительно для сравнительно малыхъ нашихъ наличныхъ на Кавказѣ боевыхъ силъ. Это былъ для насъ второй ужъ черезчуръ чувствительный ударъ. А когда затѣмъ въ 1843 году, съ 27-го августа по 22-е декабря, у насъ выбыло изъ строя въ одномъ только Дагестанѣ 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2308 нижнихъ чиновъ, да потеряли мы 27 орудій и 12 укрѣпленій, то весьма затруднительное и почти безвыходное наше положеніе къ 1-му января 1844 года будетъ весьма понятнымъ. Средства же Шамиля возрастали съ каждымъ днемъ, и мы стояли, наконецъ, на рубежѣ окончательнаго уничтоженія нашего вліянія на Кавказѣ. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя было не усилить отдѣльный кавказскій корпусъ новыми войсками изъ Россіи.

---

[2]) „Газаватъ“ — священная война противъ невѣрныхъ — основная заповѣдь мюридизма.

скаго и дагестанскаго отрядовъ, должны были получать жалованье по усиленному окладу во все время экспедиціи; генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ были разрѣшены порціонныя деньги, полагая въ сутки на лошадь по 15 коп. по сю сторону, и по 25 коп. по ту сторону Сулака. Сверхъ того, каждому штабъ и оберъ-офицеру велѣно было выдавать во время экспедиціи солдатскій паекъ и по фунту мяса ежедневно. Войска снабжены были перевязочными и аптечными предметами и укомплектованы медицинскимъ персоналомъ.

1-го и 2-го мая 1844 года стрѣлки выступили изъ станицы Щедринской на сборные пункты тѣхъ отрядовъ, въ составъ которыхъ были назначены. Прежде всѣхъ двинулась 1-го мая 4-я рота, подъ командою поручика Аленина 1-го, при двухъ офицерахъ, подпоручикахъ Алениніъ 2-мъ и Врисбергѣ. 3-го мая она прибыла къ амиръ-аджи-юртовской переправѣ, гдѣ поручикъ Алениніъ явился къ начальнику колонны, слѣдовавшей на сборный пунктъ дагестанскаго отряда, въ Темиръ-Ханъ-Шуру, капитану Вранкену. Остальныя три роты, подъ начальствомъ командира баталіона подполковника Киновича, выступили изъ станицы Щедринской 2-го мая и въ этотъ же день, прибывъ въ Амиръ-Аджи-юртъ, вошли въ составъ отряда генерала Лабынцова. Оставивъ роты стрѣлковаго баталіона для охраны переправы и большаго воловьяго транспорта съ боевыми снарядами и порохомъ, генералъ Лабынцовъ съ остальными войсками выступилъ въ Ташъ-Кичу. Съ прибытіемъ въ Амиръ-Аджи-юртъ баталіонъ немедленно же занялъ позицію впереди переправы, имѣя на лѣвомъ флангѣ, не въ особенно значительномъ разстояніи, густой лѣсъ. Передъ фронтомъ мѣстность была частью поросшая кустарникомъ, а частью открытая. „Самое наше расположеніе—говоритъ подполковникъ Киновичъ—требовало соблюденія большой осторожности, а потому треть баталіона стояла постоянно подъ ружьемъ, а въ опушку лѣса ставился караулъ при офицерѣ“. На переправу посуточно высылалась одна рота и небольшая команда саперъ. Такимъ образомъ, въ ожиданіи вторичнаго прибытія отряда генерала Лабынцова, баталіонъ простоялъ до половины мая благополучно. Въ это время успѣли переправить весь пороховой транспортъ на правый берегъ р. Терека [4]).

Хотя днемъ сбора чеченскаго отряда было назначено первое мая, но наступательныя движенія пришлось отложить на 5 недѣль, такъ какъ ожидаемое изъ Астрахани продовольствіе опоздало. Генералъ Нейдгардтъ хотѣлъ употребить этотъ промежутокъ времени для какой нибудь боевой операціи, чтобы освоить съ кавказскою войною прибывшія изъ Россіи войска, и только видимо затруднялся, съ чего начать, какъ вдругъ сама судьба явилась къ нему на помощь: жители малочеченскаго селенія Гехи обратились къ начальнику лѣваго фланга генералу Фрейтагу съ просьбою защитить ихъ отъ Шамиля. Генералъ Нейдгардтъ приказалъ Фрейтагу немедленно удовлетворить ихъ. Для этого, въ набѣгъ была назначена колонна изъ шести съ половиною баталіоновъ пѣхоты [5]), взвода кавказскаго стрѣл-

---

[4]) „Русскій Инвалидъ“ 1886 г., № 239.

[5]) Шесть ротъ Замосцскаго, баталіонъ Люблинскаго, три съ половиною баталіона Куринскаго егерскаго полковъ и двѣ роты кавказскаго линейнаго № 10-го баталіона; двѣ сотни Ставропольскаго казачьяго полка, двѣ сотни милиціи, 12 легкихъ и 2 горныхъ орудія.

ковaго баталіона въ 60 человѣкъ, съ двумя при немъ офицерами — поручиками Невядомскимъ, и Фитингофомъ, четырехъ сотенъ и 14 орудій. Войска эти, выступивъ налегкахъ съ необходимымъ колеснымъ обозомъ и десятидневнымъ провіантомъ, прибыли 11-го мая въ кр. Грозную. 13-го числа они двинулись черезъ ханкальское ущелье къ знаменитому и роковому для насъ многими катастрофами гойтенскому лѣсу. Когда они вступили въ него, то оказалось, что непріятель занялъ его весьма слабо и ожидалъ здѣсь большихъ подкрѣпленій. Генералъ Фрейтагъ ускорилъ маршъ и быстро, почти безпрепятственно, прошелъ эту трущобу; только въ арріергардѣ произошла небольшая перестрѣлка.

14-го мая, послѣ незначительной перестрѣлки, отрядъ подступилъ къ аулу Гехи; но оказалось; что мюриды Шамиля предупредили его: они прибыли сюда наканунѣ и взяли аманатовъ отъ жителей, искавшихъ нашей защиты. Наказавъ гехинцевъ, непріятель обратился противъ отряда полковника Нестерова, прибывшаго для вспомоществованія Фрейтагу также къ селенію Гехи, только черезъ рѣку Валерикъ. Орудійная пальба и крики „ура“, доносившіеся отъ Валерика, давали знать о затруднительномъ положеніи Нестерова. Фрейтагъ немедленно двинулся къ нему на помощь и засталъ назрановскій отрядъ разрѣзаннымъ надвое, съ промежуточнымъ между колоннами пространствомъ, занятымъ непріятелемъ. Войска Фрейтага ринулись на горцевъ и отбросили ихъ сначала отъ главныхъ силъ колонны, а потомъ и отъ авангарда ея, которымъ командовалъ баронъ Вревскій. Послѣ этого отрядъ занялъ с. Гехи и въ четыре дня уничтожилъ окрестный хлѣбъ на поляхъ, продовольственные запасы и четыре аула. Непріятель не упускалъ случая тревожить нашъ лагерь. 15-го числа, въ 8 часовъ утра, конница его въ значительныхъ массахъ стала разъѣзжать около лагеря. „Одинъ лихой наѣздникъ—доносилъ корпусный командиръ—подъѣхалъ слишкомъ неосторожно къ цѣпи стрѣлковъ. Поручикъ Фитингофъ, командиръ взвода кавказскаго стрѣлковаго баталіона [6]), ссадилъ его съ лошади. Послѣ этого выстрѣла кавалерія ихъ держалась въ отдаленіи отъ цѣпи“ [7]).

19-го мая соединенные отряды, подъ начальствомъ генерала Фрейтага, выступили изъ Гехи и дошли до гойтенскаго лѣса съ небольшими препятствіями, такъ какъ почти всѣ непріятельскія партіи занимали уже самый лѣсъ, чтобы перерѣзать намъ дорогу. Съ первымъ шагомъ, въ лѣсу началась бойкая перестрѣлка. Мосты оказались уничтоженными, и у Гойты пришлось остановиться и подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ возстановить мостъ. Стрѣлки были выдвинуты впередъ, чтобы обстрѣлять завалы на противуположномъ берегу.

Когда мостъ былъ наведенъ, и обозъ сталъ проходить по немъ, масса чеченцевъ атаковала его, и нужно было много усилій, чтобы отразить ихъ. Но обозъ, наконецъ, переправился черезъ рѣку. Въ лѣсу начались ожесточенныя нападенія съ двухъ сторонъ. Генералъ Фрейтагъ направилъ бѣглымъ шагомъ 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка для прикрытія фланговъ колонны. Стрѣлки же, какъ доносилъ корпусный командиръ, „разсы-

---

[6]) Указанія на командовавшаго взводомъ не сходятся съ приказомъ о наградахъ, по которому командованіе можно отнести и къ Невядомскому.

[7]) Рапортъ генералъ-адъютанта Нейдгардта 19-го мая 1844 г. № 16.

павшись въ лѣсу, не подпустили ни одного чеченца къ цѣпи, и замѣтивъ, что масса ихъ собралась на полянѣ съ намѣреніемъ напасть на цѣпь, примкнули штыки и бросились прямо на нихъ. Командиръ 7-й егерской роты поручикъ Пулло, видя, что стрѣлки занеслись, со всею ротою бросился за ними", между тѣмъ какъ три роты 3-го баталіона, пробѣжавъ лѣсъ, вышли на поляну. Рота поручика Пулло и стрѣлки поручика Фитингофа были совсѣмъ окружены чеченцами. Узнавъ объ этомъ, генералъ Фрейтагъ повернулъ обратно баталіонъ куринцевъ, съ командиромъ полка полковникомъ Витортомъ, который, по словамъ того же донесенія, „прогнавъ чеченцевъ, нашелъ стрѣлковъ и 7-ю егерскую роту въ самомъ веселомъ расположеніи духа, окруженныхъ трупами чеченцевъ и потерявшихъ въ продолженіе всего дѣла только одного убитаго и пять раненыхъ человѣкъ". Такимъ образомъ, горцы были отброшены съ большимъ урономъ и затѣмъ совсѣмъ не тревожили отряда до крѣпости Грозной, куда онъ прибылъ въ одинадцатомъ часу ночи. Потери, понесенныя войсками въ теченіе трехчасоваго отступленія изъ сел. Гехи, на пространствѣ около двухъ верстъ, состояли изъ 14 штабъ и оберъ-офицеровъ и 190 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и контуженными. 21-го мая войска Фрейтага прибыли въ Амиръ-Аджи-юртъ.

Второе дѣло стрѣлковъ, уже значительно болѣе кровавое, чѣмъ предыдущее, было 21-го мая. Въ этотъ день изъ Амиръ-Аджи-юрта была послана въ лѣсъ команда для рубки дровъ, и въ прикрытіе ея—взводъ стрѣлковъ при офицерѣ. Команда была внезапно атакована большой партіей чеченцевъ, хотя лѣсъ отстоялъ отъ Амиръ-Аджи-юрта всего въ трехъ верстахъ. Незнакомые съ пріемами чеченцевъ и съ особенностями лѣснаго боя, стрѣлки тѣмъ не менѣе не растерялись, удержали горцевъ и дали возможность повозкамъ выбраться изъ лѣса—хотя сами понесли чувствительный уронъ. Подполковникъ Киновичъ доносилъ; „едва успѣли разставить цѣпь, какъ въ лѣсу раздались выстрѣлы, и тотчасъ по тревогѣ одна рота (1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Тунеберга) бѣгомъ направилась въ лѣсъ въ подкрѣпленіе находящемуся тамъ взводу. Горцы сильно насѣдали и сошлись съ цѣпью на такое разстояніе, что завязался рукопашный бой. Давъ время выбраться повозкамъ изъ лѣса, стрѣлки, преслѣдуемые по пятамъ, начали медленно отступать на присоединеніе къ отряду. Выбравшись изъ лѣса на поляну, люди дружно ударили на непріятеля и вогнали его въ лѣсъ. Въ это же время другая конная партія понеслась къ мѣсту, гдѣ стоялъ пороховой транспортъ. Оставшіяся на позиціи остальныя полторы роты, собравшись въ кучки, встрѣтили ее штуцернымъ огнемъ. Выстрѣлы были удачны, и нѣсколько всадниковъ свалились съ коней; горцы быстро повернули назадъ и, перестроившись снова въ длинныя шеренги, переходили нѣсколько разъ въ наступленіе, но безуспѣшно. Тогда небольшая партія смѣльчаковъ обскакала нашъ правый флангъ и понеслась прямо къ переправѣ, но, встрѣченная выстрѣлами 3-й роты Фитингофа, охранявшей амиръ-аджи-юртовскую переправу, быстро повернула назадъ. Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ все еще продолжалась кровавая схватка: горцы съ ожесточеніемъ тѣснили стрѣлковъ, но, замѣтивъ неудачу своей конницы, поспѣшно скрылись въ лѣсу. Толпы пѣшихъ и конныхъ горцевъ отошли изъ подъ нашихъ выстрѣловъ, переходя съ

мѣста на мѣсто и какъ бы соображая, съ какой стороны сдѣлать нападеніе, а, можетъ быть, желая отвлечь насъ отъ переправы. Прогарцовавъ нѣсколько времени, онѣ, наконецъ, отступили по направленію къ Куринскому укрѣпленію".

Киновичъ, будучи самъ истиннымъ виновникомъ и представителемъ въ этотъ день нашего успѣха, между прочимъ умолчалъ только о себѣ самомъ. Этотъ пробѣлъ восполняется офиціальнымъ донесеніемъ корпуснаго командира такого рода: „подполковникъ Киновичъ, услышавъ выстрѣлы, вышелъ поспѣшно съ 1-ю ротою кавказскаго стрѣлковаго баталіона, стоявшею въ готовности, для поддержанія фуражировки, съ однимъ орудіемъ, и, ударивъ на непріятеля, выручилъ окруженную въ лѣсу команду" [8]).

Такъ закончился этотъ горячій кратковременный бой. Баталіонъ потерялъ 40 человѣкъ убитыми и ранеными. Потерю горцевъ опредѣлить трудно, однако они оставили на мѣстѣ 9 убитыхъ, да кромѣ того нѣсколько осѣдланныхъ лошадей достались намъ въ добычу.

„Назначеніе одного стрѣлковаго баталіона пятисотеннаго состава на цѣлый пѣхотный корпусъ указывало не на желаніе усилить корпусъ однимъ баталіономъ, а на потребность имѣть стрѣлковъ, вооруженныхъ дальнобойными штуцерами, которыхъ назначеніе — открывать мѣткій огонь съ дальнѣйшихъ дистанцій, недосягаемыхъ для гладкоствольнаго ружья; оставлять же баталіонъ дѣйствовать отдѣльно, какъ это было въ день 21-го мая, не соотвѣтствовало вовсе его вооруженію (и даже шло въ разрѣзъ съ Высочайше выраженною волею) [9]). Тѣмъ не менѣе, молодецкій баталіонъ хотя и понесъ чувствительную потерю, но спасъ пороховой транспортъ, удержалъ переправу и понудилъ скопище горцевъ отступить съ урономъ" [10]).

Пребываніе 2-й и 3-й ротъ въ чеченскомъ отрядѣ было непродожительное. По распоряженію командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, онѣ были направлены въ штабъ-квартиру баталіона, въ ст. Новосельцы, куда прибыли 6-го іюня, будучи слѣдовательно въ походѣ всего одинъ мѣсяцъ. 1-я же рота продолжала оставаться въ чеченскомъ отрядѣ. Причиною возвращенія 2-й и 3-й ротъ было предстоявшее переформированіе и укомплектованіе баталіона до шестисотеннаго состава по штату, Высочайше утвержденному 4-го мая 1844 года. Укомплектованіе это слѣдовало произвести нижними чинами Эриванскаго карабинернаго и егерскихъ полковъ 19-й и 20-й дивизій, по 25 человѣкъ отъ каждаго полка.

Высочайше утвердивъ штатъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, Государь Императоръ произвелъ въ немъ корренное измѣненіе, выразившееся въ слѣдующемъ: „1) Всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а также строевыхъ нижнихъ чиновъ, которые, находясь въ составѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ, числятся нынѣ по спискамъ въ карабинерныхъ и егерскихъ полкахъ, исключить изъ полковъ и считать принадлежащими къ симъ баталіонамъ. 2) Взамѣнъ полагаемыхъ въ каждомъ стрѣлковомъ баталіонѣ 600 рядовыхъ, полагавшіеся въ шести егерскихъ и карабинерныхъ полкахъ по 100 человѣкъ считать въ безсрочномъ отпуску сверхъ того числа нижнихъ чиновъ, какое

---

[8]) Рапортъ генералъ-адъютанта Нейдгардта 26-го мая 1844 года № 40.

[9]) Докладная записка ген. штаба полковника Вольфа корпусному командиру, Секр. д. 2 от. г. шт., 1844 года № 7.

[10]) „Русскій Инвалидъ" 1886 г. № 239.

назначено уже имѣть отъ назначенныхъ полковъ въ таковомъ отпуску. 3) Штабъ и оберъ-офицеровъ и строевыхъ нижнихъ чиновъ, требующихся на укомплектованіе стрѣлковыхъ баталіоновъ изъ карабинерныхъ и егерскихъ полковъ, назначить изъ числа отличнѣйшихъ и знающихъ стрѣлковую службу, выбравъ послѣднихъ ростомъ не свыше шести вершковъ. 4) Прибавляемыхъ въ стрѣлковые баталіоны, по восьми горнистовъ въ каждый, назначить изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ. 5) Положенныхъ по штату фурштатскихъ нижнихъ чиновъ опредѣлить въ баталіоны сіи вмѣстѣ съ назначеніемъ имъ обоза и подъемныхъ лошадей“ [11]). Къ этому времени, т. е. ко дню переформированія, изъ всего числа стрѣлковъ, въ 1-мъ и во 2-мъ классахъ было 48 унтеръ-офицеровъ и 256 рядовыхъ, а въ 3-мъ и 4-мъ—229 рядовыхъ. Къ первымъ двумъ классамъ принадлежали лучшіе стрѣлки, между которыми почти не было разницы; два же послѣдніе состояли изъ людей обучающихся стрѣльбѣ, которые стрѣляли изъ штуцеровъ прежняго образца, и имъ не давали на руки литтихскихъ штуцеровъ. Къ послѣднимъ двумъ классамъ принадлежали всѣ мастеровые, хлѣбопеки, кашевары и т. п. [12]).

Укомплектованныя стрѣлковые роты долго не могли принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ имъ нужно было пройти съ вновь прибывшими людьми курсъ стрѣльбы изъ оружія вовсе имъ незнакомаго и выучить ихъ умѣнью обращаться съ штуцеромъ. Впрочемъ, еслибы этого и не было, то во всякомъ случаѣ пришлось бы часть стрѣлковъ оставлять при штабъ-квартирѣ уже въ силу слѣдующихъ Высочайшихъ указаній: „1) безъ крайней надобности баталіонъ этотъ въ цѣломъ составѣ не назначать въ экспедиціи, но оставлять часть онаго въ видѣ резерва или кадра“. Затѣмъ, особенное вниманіе генералъ-адъютанта Нейдгардта обращалось на качественное состояніе офицеровъ и сбереженіе нижнихъ чиновъ. 2) „Съ увеличеніемъ числа стрѣлковъ въ баталіонѣ, командировать въ оный изъ войскъ кавказскаго корпуса отличнѣйшихъ и знакомыхъ съ образомъ войны съ горцами: штабъ-офицера 1, оберъ-офицеровъ 4-хъ и 4-хъ горнистовъ—по одному въ каждую роту. 3) Для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, не укрѣпившихся еще по молодости въ силахъ, дозволить имѣть имъ въ ранцахъ во время похода только самыя необходимыя вещи; прочія возить на вьюкахъ, которыхъ завести по 6-ти на каждую роту“. Выборъ офицеровъ предоставлялся усмотрѣнію генералъ-адъютанта Нейдгардта, „но Его Величеству угодно—подтверждалъ военный министръ—чтобы требуемые въ кавказскій стрѣлковый баталіонъ штабъ и оберъ-офицеры командированы были непремѣнно изъ числа находившихся въ дѣлахъ противъ горцевъ, отличныхъ и совершенно знающихъ образъ тамошней войны, и чтобы баталіону сему, долженствующему находиться по окончаніи военныхъ дѣйствій при кавказской резервной бригадѣ, назначена была постоянная штабъ-квартира вблизи къ городу Тифлису“ [13]).

Такимъ образомъ, по случаю переформированія, въ дальнѣйшихъ во-

---

[11]) Полное Собр. Законовъ Рос. Имп., 1844 года, статья 17877.

[12]) Рапортъ ком. в. на Кавказской линіи ген. Нейдгардту 24-го мая 1844 г. № 821.

[13]) Отзывъ военнаго министра генералъ-адъютанту Нейдгардту 22-го апрѣля 1844 года № 3802.

енныхъ дѣйствіяхъ 1844 года на Кавказѣ участвовали только двѣ роты: первая въ чеченскомъ отрядѣ и четвертая въ дагестанскомъ.

Дѣйствія чеченскаго отряда начались съ 6-го іюня. Въ этотъ день онъ выступилъ въ Салаватію, подъ главнымъ начальствомъ корпуснаго командира генерала Нейдгардта, для занятія хубарскихъ высотъ, на которыхъ стояли скопища Шамиля въ числѣ около десяти тысячъ человѣкъ. Для облегченія задачи чеченскаго отряда, дагестанскій отрядъ генерала Лидерса получилъ приказаніе—переправиться черезъ Сулакъ и занять гору Ибрагимъ-Дада, въ тылу хубарской позиціи Шамиля. Такъ какъ мосты черезъ Сулакъ были уничтожены, то Лидерсъ двинулся къ ахатлинской переправѣ, гдѣ ширина рѣки доходила до четырехъ сажень. Какъ только войска подошли къ рѣкѣ, съ противуположнаго берега, укрѣпленнаго десятью завалами въ нѣсколько ярусовъ, былъ открытъ сильный ружейный огонь, подъ которыми саперы должны были приступить къ наводкѣ моста. Здѣсь стрѣлки впервые исполнили свое спеціальное назначеніе во всемъ его объемѣ. Завалы горцевъ, изъ за которыхъ они стрѣляли, находились въ 200 шагахъ отъ мѣста переправы и были расположены такъ искусно, что если переправа нашихъ войскъ и могла состояться, то съ большими затрудненіями и жертвами. Чтобы по возможности избѣгнуть ихъ, генералъ Лидерсъ приказалъ командиру 4-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона штабсъ-капитану Аленину 1-му занять удобную позицію на правомъ берегу Сулака и поближе къ завалами. Рота расположилась въ 400 шагахъ отъ нихъ на командующей возвышенности и притомъ вполнѣ незамѣтно для горцевъ, пробравшись къ этой позиціи, по указанію своего командира, кучками, по расщелинамъ скалъ и по лощинамъ. Въ нѣсколько минутъ вся рота была въ сборѣ и за закрытіями. Горцы не имѣли еще понятія о штуцерахъ, такъ что, еслибы и замѣтили маневръ стрѣлковъ, то, считая ихъ обыкновенною пѣхотою, пожалуй, и не обратили бы на нихъ вниманія; притомъ, они знали, что для гладкоствольныхъ ружей, которыми были вооружены наши кавказскіе солдаты, дистанція въ 400 шаговъ слишкомъ большая. Какъ только стрѣлки утвердились на позиціи, рабочая колонна тотчасъ стала спускаться къ рѣкѣ для наводки моста. Когда она подходила къ переправѣ, горцы приготовились встрѣтить ее ружейнымъ огнемъ, и такъ какъ для этого имъ приходилось стрѣлять подъ большимъ угломъ склоненія, то они должны были перегибаться черезъ завалъ. По словамъ Геннинга, этого момента и поджидали стрѣлки съ наведенными уже штуцерами. Когда же горцы открыли огонь, то со стороны стрѣлковъ грянулъ почти залпъ, и горцы десятками легли на завалѣ наповалъ. Моментально былъ прекращенъ огонь изъ завала,—и эффектъ вышелъ полный. Не трудно представить себѣ озадаченность горцевъ отъ неожиданности. Потомъ пытались они еще по одиночкѣ высовываться изъ за завала для стрѣльбы по рабочимъ, но каждаго смѣльчака поджидали наведенные штуцера. Пришлось горцамъ отказаться отъ всякой попытки къ сопротивленію и убираться кто куда попало. Переправа совершалась почти безъ потери въ людяхъ со стороны отряда — и это исключительно благодаря стрѣлкамъ“.

Обстоятельство это подтверждается также и слѣдующимъ офиціальнымъ донесеніемъ. „Крѣпостныя ружья и стрѣлки кавказскаго стрѣл-

коваго баталіона, расположившись вдоль берега за прикрытіями, открыли огонь. Подъ покровительствомъ его, волынцы подошли къ пункту переправы, составили ружья, взбѣжали на первый уступъ каменнаго берега Сулака и быстро увѣнчали его турами. За ними тотчасъ же засѣли стрѣлки“ [14]). Скоро были перекинуты доски надъ пропастью, въ которой билась и клокотала рѣка, сжатая двумя отвѣсными скалами. Благодаря мѣткому огню стрѣлковъ и картечи изъ орудій, войскамъ удалось, съ незначительными потерями и чрезвычайно быстро, окончить мостъ и стать твердою ногою на другомъ берегу Сулака. 13-го іюня генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ двинулся къ Ибрагимъ-Дада и занялъ эту гору. Такимъ образомъ, цѣль была достигнута: Шамиль, узнавъ, что дагестанскій отрядъ угрожаетъ его тылу, въ тотъ же день снялся съ хубарской позиціи и съ своими огромными скопищами, при 6-ти орудіяхъ, поспѣшно отступилъ за теренгульскій оврагъ и сталъ на весьма крѣпкой позиціи. Чеченскій отрядъ безъ потерь овладѣлъ высотами Хубара, гдѣ оказалась масса заваловъ по всѣмъ направленіямъ. На слѣдующій день онъ перешелъ къ аулу Гертме и расположился лагеремъ въ виду позиціи Шамиля. Сюда же прибылъ на соединеніе съ чечинскимъ и дагестанскій отрядъ. Убѣдившись, что одна фронтальная атака непріятельскаго расположенія можетъ повлечь за собою у насъ громадную убыль, генералъ Нейдгардтъ рѣшилъ —независимо отъ этой атаки, произвести одновременно и обходное движеніе одного изъ фланговъ. Эта операція возложена была на особую колонну изъ шести баталіоновъ и взвода кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клюгенау. Она была выполнена ночью замѣчательно искусно и быстро. Горцы открыли движеніе колонны только на разсвѣтѣ, когда уже было поздно помѣшать ему. Шамиль опять очистилъ свою позицію, избѣгнувъ и на этотъ разъ приготовленнаго для него удара. Онъ остался вѣрнымъ своей тактикѣ—не вступать съ нами въ открытый бой, и достигъ цѣли. Кромѣ того, осторожныя дѣйствія русскихъ дали ему возможность распустить слухъ, что „онъ привлекъ на себя самаго сардаря, съ 17 т. войскъ, и вызвалъ его на бой, но тотъ уклонился“. Мало этого, самое свое отступленіе Шамиль обставилъ нѣкоторою торжественностью: „рано утромъ, 16-го іюня, онъ поднялъ свой лагерь и, окруженный наибами и тѣлохранителями, которые держали надъ нимъ распущенный зонтикъ, въ виду нашихъ войскъ, пропустилъ подъ звуки бубна и зурны церемоніальнымъ маршемъ своихъ ратниковъ, громко распѣвавшихъ ля-илляхи-иль-алла“ [15]).

Шамиль удалился съ своими скопищами въ Гумбетъ, прикрывающій дорогу въ Андію. Въ виду того, что задача главнаго чеченскаго отряда была выполнена, корпусный командиръ не счелъ нужнымъ преслѣдовать имама, такъ какъ во-первыхъ, это не входило въ его программу; во-вторыхъ, чувствовался уже недостатокъ провіанта, и, наконецъ, весьма важно было отнять у Шамиля Аварію. Останавливаясь преимущественно на этомъ послѣднемъ соображеніи, корпусный командиръ поручилъ генералу Лидерсу съ дагестанскимъ отрядомъ вторгнуться въ Аварію черезъ Акушу,

---

[14]) Рапортъ генералъ-отъ-инфантеріи Лидерса 15-го іюня 1844 года № 402.

[15]) „Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ“, полковника Казбека.

а защиту Шуры и облегченіе дѣйствій дагестанскаго отряда возложилъ на войска, выдѣленныя имъ изъ чеченскаго отряда, ввѣривъ ихъ генералу Фрейтагу. Остальныя части чеченскаго отряда сосредоточились на урочищѣ Ибрагимъ-Дада. Для обезпеченія сообщенія съ Евгеніевскимъ, они приступили къ постройкѣ укрѣпленія у моста черезъ Сулакъ, разобравъ на матеріалъ строенія только что раззореннаго нами аула Черкея, и затѣмъ предпринимали кое-какія движенія и фуражировки. 22-го іюня небольшая колонна была послана къ селенію Зубутъ, заняла его безъ боя и сожгла. Въ перестрѣлкѣ, происшедшей при отступленіи, у стрѣлковъ былъ раненъ поручикъ Невядомскій.

Дагестанскій отрядъ, въ составѣ 20 баталіоновъ, 40 орудій и 3000 всадниковъ, подъ начальствомъ генерала Лидерса, выступилъ въ Акушу и далѣе къ кородахскому мосту, черезъ который пролегалъ единственный путь изъ Акуши въ Аварію. 4-я рота стрѣлковъ слѣдовала въ главныхъ силахъ. Шамиль, съ огромными толпами, укрѣпился на хребтѣ Шайтанъ-Ру, позади сел. Акуши, на перевалѣ, черезъ который проходила дорога къ Цудахару. 30-го іюня генералъ Лидерсъ двинулся съ главными силами изъ Акуши и направился къ позиціи непріятеля. По словамъ офиціальнаго донесенія [16]), „Шамиль, съ своими скопищами, стоялъ на противуположной сторонѣ оврага; занявъ кусты по гребню, онъ открылъ ружейный огонь. Достаточно было одной роты стрѣлковъ, чтобы выбить непріятеля изъ кустовъ и заставить его отойти и стать внѣ нашихъ выстрѣловъ“. По мѣрѣ того, какъ войска подвигались впередъ, Шамиль быстро снимался съ позиціи и еще быстрѣе сталъ отступать на сел. Баркарлю. Хотя кавалерія и преслѣдовала его, но крутой подъемъ и ненастная погода настолько замедлили ея движеніе, что онъ успѣлъ скрыться. 1-го іюля отрядъ двинулся по слѣдамъ Шамиля, который прошелъ Цудахаръ, переправился черезъ казикумухское Койсу и расположился на лѣвомъ берегу его. Вскорѣ онъ былъ сбитъ съ этой позиціи и бѣжалъ въ Кудали. Часть самурскаго отряда князя Аргутинскаго, преслѣдуя его, заставила бросить и эту новую позицію. Послѣ этого толпы имама раздѣлились надвое: одна половина бросилась черезъ гидатлинскій мостъ къ кородахскому, а другая въ Андаляль. При такомъ рѣшительномъ и настойчивомъ преслѣдованіи съ нашей стороны, Шамиль потерялъ три орудія. Потеря наша была ничтожная, а въ 4-й ротѣ стрѣлковаго баталіона раненъ одинъ рядовой.

Послѣ этого оставалось лишь овладѣть кородахскимъ мостомъ—и тогда вступленіе наше въ Аварію было бы дѣломъ рѣшеннымъ. Сообщивъ объ этомъ ненералу Гурко, съ присовокупленіемъ свѣдѣній объ успѣхахъ дагестанскаго отряда, корпусный командиръ предписалъ ему—двинуться съ частью чеченскаго отряда къ Ирганаю, на встрѣчу генералу Лидерсу. Но кородахскій мостъ былъ уже разрушенъ, а противуположный берегъ рѣки занятъ главною половиною скопищъ Шамиля. 4-го іюля войска наши прибыли къ переправѣ и остановились на позиціи. Шамиль обстрѣливалъ всѣ доступы къ рѣкѣ не только ружейнымъ, но и орудійнымъ огнемъ, а партія наиба Кибитъ-Магомы занимала кородахское ущелье, выходившее къ переправѣ съ лѣвой стороны нашей позиціи. Обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла

---

[16]) „Русск. Инв.“ 1886 года № 239.

генералъ Лидерсъ донесъ корпусному командиру, а самъ, видя, что форсировать кородахскую переправу невозможно, оставилъ близь нея колонну генерала Клюки-фонъ-Клугенау, въ составъ которой вошла почти вся рота стрѣлковъ, и двинулъ часть самурскаго отряда, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, внизъ по рѣкѣ къ селенію Маали для отысканія другой переправы. Прочія войска, въ ожиданіи развязки, размѣщены были въ вагенбургѣ и на пространствѣ отъ с. Сила-Махи до Кородаха. Изъ 4-й роты стрѣлковъ двадцать нижнихъ чиновъ были выдѣлены въ колонну князя Аргутинскаго.

Рекогносцировка, произведенная начальникомъ самурскаго отряда 6-го іюля, привела къ заключенію, что переправа противъ Маали труднѣе чѣмъ у Кородаха. Такимъ образомъ, Лидерсу представлялись препятствія неодолимыя, при которыхъ обратное движеніе было рѣшеніемъ наиболѣе благоразумнымъ. Какъ видно, это мнѣніе раздѣлялъ и корпусный командиръ, который прислалъ ему приказаніе оставить Аварію въ покоѣ и отступить, такъ какъ вторженіе въ Аварію, по его выраженію, могло имѣть „моральное только вліяніе на умы горцевъ, а не утвержденіе въ семъ краѣ нашего владычества“ [17]).

Тѣмъ временемъ, генералъ Гурко, согласно предписанію Нейдгардта, двинулся 4-го іюля съ частью чеченскаго отряда, и въ томъ числѣ съ 1-ю ротою стрѣлковъ, черезъ Шуру и урочище Бурундукъ-Кале. Колонна безпрепятственно дошла до Ирганая, гдѣ генералъ Гурко произвелъ рекогносцировку праваго берега Койсу къ селенію Зыряны. Оказалось, что послѣднее занято сильною партіею горцевъ, которые привѣтствовали войска нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Эта встрѣча доказала генералу Гурко, что непріятель твердо рѣшился защищать селеніе, и въ то же время наводила его на мысль, что еслибы генералъ Лидерсъ овладѣлъ кородахскою переправою, то Зыряны ни въ какомъ случаѣ не были бы заняты. Вторичная рекогносцировка, повторенная на другой день, совершенно убѣдила его въ этомъ предположеніи, и онъ вполнѣ пришелъ къ заключенію, что предпріятіе Лидерса не удалось. Такъ какъ при послѣднемъ условіи пребываніе его въ Ирганаѣ являлось безполезнымъ, то онъ снялъ отрядъ съ позиціи и началъ отступать. На половинѣ дороги къ Бурундукъ-Кале, тамъ, гдѣ ирганайское ущелье съуживается отвѣсными скалами, горцы съ двухъ сторонъ открыли огонь, и одна большая партія ихъ насѣла на войска по самому дну ущелья такъ назойливо, что арріергардъ принужденъ былъ нѣсколько разъ останавливаться и переходить въ наступленіе. Когда же колонна дошла до того мѣста, гдѣ ущелье нѣсколько расширяется, стрѣлки быстро заняли боковыя высоты и своимъ огнемъ совершенно прекратили натиски непріятеля [18]). Все это обошлось имъ однимъ раненымъ рядовымъ. По дорогѣ генералъ Гурко получилъ записку отъ корпуснаго командира, который извѣщалъ его объ отступленіи генерала Лидерса. Направивъ свои войска въ мѣста ихъ прежняго расположенія, Гурко возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру для совѣщанія съ генераломъ Нейдгардтомъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

---

[17]) Предписаніе генералъ-адъютанта Нейдгардта 3-го іюля 1844 года № 105.

[18]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Гурко 18-го іюля 1844 года № 489.

Не смотря на неудачи, которыя потерпѣли наши войска, корпусный командиръ все-таки не оставлялъ мысли послать сильный отрядъ въ 20 баталіоновъ въ центръ горъ, въ Андію, такъ какъ того требовала Высочайшая воля. Но это предпріятіе не обѣщало успѣха, вопервыхъ потому, что не имѣлось достаточныхъ свѣдѣній о мѣстности, которую намъ предстояло обнять, и о степени ожидавшаго насъ тамъ сопротивленія; а вовторыхъ, отрядъ долженъ былъ имѣть только одну, и притомъ очень длинную, коммуникаціонную линію, для обезпеченія которой требовалось до 10 баталіоновъ и, наконецъ, для экспедиціи нужно было до 2000 подъемныхъ лошадей, которыхъ невозможно было достать въ скоромъ времени. „Для движенія въ Андію, писалъ Гурко, надобно полагаться лишь на одну помощь Всевышняго, чтобы совершить все, что возможно, для выполненія священной воли Государя Императора“ [19]).

Въ виду всего этого, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ былъ вынужденъ отказаться отъ движенія въ Андію и рѣшилъ обратить весь чеченскій отрядъ на устройство передовой чеченской линіи. Когда объ этомъ былъ сдѣланъ докладъ Государю Императору, то Его Величество былъ сильно огорченъ такимъ исходомъ дѣлъ на Кавказѣ и требовалъ точнаго исполненія по крайней мѣрѣ предположенія по устройству передоваго чеченскаго укрѣпленія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ генералу Нейдгардту между прочимъ сказано: *„ожиданія Мои далеко не сбылись. На вашу строжайшую отвѣтственность обращаю, чтобы то, чѣмъ вы довольствуетесь на сей годъ, было въ точности и непремѣнно выполнено. Нѣтъ предлога, чтобы и то не удалось, если вы обратите дѣятельность и настойчивость, которую требую, какъ отъ васъ, такъ и отъ подчиненныхъ вашихъ, чтобы все исполнено было и быстро, и вѣрно“.*

Но послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія чеченскаго отряда, благодаря энергіи и распорядительности генерала Гурко, нѣсколько успокоили Императора: укрѣпленіе, сооруженное на передовой чеченской линіи, своимъ важнымъ стратегическимъ значеніемъ вполнѣ соотвѣтствовало желанію Его Величества.

Пока чеченскій отрядъ былъ занятъ устройствомъ въ своемъ раіонѣ передовой линіи, дагестанскій, выдѣливъ изъ своего состава часть войскъ въ самурскій отрядъ кн. Аргутинскаго, долженъ былъ заняться устройствомъ передовой сулакской линіи и возведеніемъ укрѣпленій. Для этой цѣли частямъ дагестанскаго отряда предстояло расположиться въ различныхъ пунктахъ Дагестана. 4-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона вошла въ составъ особой колонны, получившей названіе салатавскаго отряда, назначенной для вторженія въ Салатавію, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пассека. Вслѣдствіе ненастной погоды, колонна эта вступила въ Салатавію лишь 31-го августа и по 1-е октября усердно опустошала страну. Стрѣлки сперва принимали участіе въ уничтоженіи хлѣбныхъ посѣвовъ и запасовъ продовольствія, а потомъ вмѣстѣ съ другими войсками истребили два большихъ и богатыхъ аула—Буртунай и Зубутъ. Не обошлось, конечно, и безъ кровавыхъ стычекъ съ горцами, гдѣ штуцера дали имъ почувствовать себя весьма внушительно. Но положительныхъ результатовъ изъ всего этого для насъ не выразилось, такъ какъ, по приказанію имама, боявшагося потерять

---

[19]) Рапортъ генерала Гурко 15-го іюля 1844 года № 43.

репутацію непобѣдимаго вождя, горцы избѣгали открытыхъ и рѣшительныхъ битвъ.

Наступили, наконецъ, холода—и отряды наши предприняли обратное движеніе. Салатавскій отрядъ отступилъ въ укр. Евгеніевское, а оттуда, 3-го октября, перешелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и присоединился къ дагестанскому. Послѣдній въ концѣ ноября былъ распущенъ, и 4-я рота возвратилась 1-го декабря въ свою штабъ-квартиру, въ ст. Новосельцы [20]).

Для работъ по устройству передовой чеченской линіи чеченскій отрядъ генерала Гурко сосредоточился въ концѣ іюля въ крѣпости Внезапной. 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона оставлена была съ частью войскъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, именно въ Черкеѣ, на нѣсколько дней до смѣны ихъ войсками дагестанскаго отряда, чтобы не обнажать этого пункта и не прерывать работъ по возведенію предмостнаго укрѣпленія. Черезъ нѣсколько дней стрѣлковая рота была отправлена, по требованію генерала Гурко, въ Умаханъ-юртъ и, переправившись тамъ черезъ Сунжу на поромѣ, прибыла въ Грозную, гдѣ къ 15-му августа собрались всѣ войска.

Узнавъ о предположенномъ нами движеніи въ Чечню, Шамиль немедленно распорядился объ уничтоженіи повсюду запасовъ сѣна, чтобы, лишивъ нашихъ лошадей продовольствія, заставить насъ отказаться отъ экспедиціи. Но генералъ Гурко поспѣшилъ воспользоваться сосредоточеннымъ положеніемъ войскъ въ Грозной и сейчасъ же приступилъ къ частымъ и усиленнымъ фуражировкамъ, приказавъ посылать каждый разъ всѣ вьюки и повозки отряда. 14-го августа была отправлена колонна изъ пяти баталіоновъ, при шести орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Полтинина; въ составъ ея вошла рота стрѣлковъ. Колонна успѣла набрать сѣна, котораго было въ изобиліи, раньше, чѣмъ собрались чеченцы. Когда войска тронулись обратно, непріятель открылъ со всѣхъ сторонъ сильную перестрѣлку и въ заключеніе бросился въ шашки на арріергардъ, который долго и стойко выдерживалъ его натискъ. Желая отбить у горцевъ охоту къ преслѣдованію, генералъ Полтининъ устроилъ въ лѣсу, по пути, засаду изъ 80 стрѣлковъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Ольшевскаго. Неожиданно наткнувшіеся на засаду и привѣтствованные энергически штуцерами, ошеломленные горцы моментально разсѣялись съ большимъ урономъ. Колонна доставила въ отрядъ большой запасъ сѣна.

Обезпечивъ себя фуражемъ, генералъ Гурко, во главѣ сильнаго отряда въ 13¼ баталіоновъ пѣхоты, 10 сотенъ кавалеріи и 22 орудій [21]), двинулся черезъ ханкальское ущелье къ рѣкѣ Аргуну, для закладки укрѣпленія при выходѣ этой рѣки изъ горъ. Въ составъ этого отряда вошла 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго батальона. Какъ только колонна вошла въ ханкаль-

---

[20]) Рапорты генералъ-маіора Пассека 12-го, 19 сентября и 5-го октября 1844 года №№ 324, 365 и 402.

[21]) 1-й и 2-й баталіоны Модлинскаго, 1-й, двѣ роты втораго и 3-й Прагскаго, 1-й и 2-й Навагинскаго, первые, вторые и третьи баталіоны кн. Чернышева и Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, двѣ роты 5-го сапернаго, одна рота стрѣлковаго баталіона, 6-ть сотенъ линейныхъ казаковъ, двѣ сотни донцовъ № 26-го полка, дружина пѣшей и двѣ сотни конной грузинской милиціи, дивизіоны батарейной № 3 и легкой № 4 батарей 14-й, дивизіоны батарейной № 3, взводъ легкой № 8, дивизіонъ горной батерей 20-й артилерійскихъ бригадъ и дивизіонъ казачьей линейной № 14 батареи.

ское ущелье, горцы большими массами нахлынули на нее и открыли жестокую пальбу, но не могли задержать ея движенія. Отчаявшись въ успѣхѣ, они дѣятельно принялись сожигать траву и сѣно, заготовленное жителями на громадномъ пространствѣ отъ р. Гойты до рѣки Аргуна. Пройдя ущелье, войска расположились 21-го августа на ночлегъ у аула большаго Атаги, на лѣвомъ берегу Аргуна. Вблизи этого пункта было выбрано мѣсто для постройки укрѣпленія, но для обезпеченія работъ по возведенію его необходимо было завладѣть противуположнымъ берегомъ рѣки и вырубить тамъ лѣсъ по крайней мѣрѣ на дальній пушечный выстрѣлъ. Съ этою цѣлью была снаряжена колонна [22]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабынцова, которому приказано переправиться черезъ рѣку въ бродъ и занять правый ея берегъ. Въ составъ этой колонны вошелъ взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

Обстрѣлявъ непріятельскій берегъ орудійными снарядами, генералъ Лабынцовъ двинулъ войска къ броду. Подъ сильнымъ огнемъ горцевъ стрѣлки вступили въ рѣку и, при помощи казаковъ, поставленныхъ въ водѣ по обѣ стороны брода, быстро перешли ее, выскочили на другой берегъ, ворвались въ опушку и опрокинули непріятеля. Подъ прикрытіемъ огня стрѣлковъ переправились и другія части колонны. Тогда генералъ Лабынцовъ поставилъ остальныя войска въ карре и приступилъ къ рубкѣ лѣса и устройству засѣкъ. Горцы всѣми силами противодѣйствовали нашему утвержденію на берегу Аргуна и производили почти непрерывную канонаду по нашему лагерю съ окрестныхъ возвышенностей. Наконецъ, вскорѣ появился довольно сильный тетъ-де-понъ, въ видѣ люнета, и подъ покровительствомъ его построенъ былъ мостъ на козлахъ. Все это время стрѣлки поддерживали неумолкаемый огонь, державшій горцевъ на почтительномъ отдаленіи

22-го августа, въ день священнаго коронованія Государя, послѣ торжественнаго молебствія и 101-го салютаціоннаго боеваго выстрѣла, произведена закладка укрѣпленія, которое, съ Высочайшаго соизволенія, наименовано Воздвиженскимъ, въ честь найденнаго здесь древняго креста. Этотъ укрѣпленный пунктъ, находясь въ 5—6 верстахъ отъ аргунскаго ущелья, имѣлъ для насъ то значеніе, что замыкалъ горцамъ важный выходъ изъ горъ и отрѣзывалъ отъ владѣнія Шамиля большой кусокъ богатой плоскостной Чечни. Имамъ вполнѣ ясно сознавалъ все значеніе этой потери, но не могъ не помириться съ своею неудачею. Чтобы чѣмъ нибудь вознаградить себя, онъ велѣлъ истребить всѣ продовольственные запасы въ окрестностяхъ нашего лагеря и, переселивъ жителей на правый берегъ Аргуна, организовалъ изъ нихъ партіи, назначеніе которыхъ состояло въ дѣйствіяхъ вокругъ мѣста расположенія нашего отряда, въ уничтоженіи нашихъ сообщеній и транспортовъ, въ противодѣйствіи фуражировкамъ и т. п.

Генералъ Гурко рѣшилъ воспользоваться временемъ, пока горцы не все успѣли предать огню, и запастись на зиму Фуражемъ. Съ этою цѣлью 1-го октября онъ выступилъ съ сильною колонною [23]) къ селенію Геленъ-

---

[22]) 6 баталіоновъ пѣхоты, взводъ стрѣлковъ, дружины пѣшей и конной грузинской милиціи, 2 сотни казаковъ и 4 горныхъ орудія. „Кавказскій Сборникъ“ т. VI.

[23]) 7 баталіоновъ пѣхоты, рота саперъ, рота стрѣлковъ, 2 сотни казаковъ и 8 орудій.

Гойтѣ. Въ составъ этой колонны входила и 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Селеніе было застигнуто врасплохъ и оцѣплено. Жители едва успѣли спасти только свои семейства; все же имущество богатаго аула досталось въ наши руки. При отступленіи колонны, горцы въ огромныхъ силахъ нѣсколько разъ бросались въ шашки, но картечь нашихъ единороговъ и мужество генерала Полтинина выручили колонну.

Это были послѣднія сильныя ощущенія для стрѣлковъ въ 1844 году. Вскорѣ чеченскій отрядъ, сосредоточенный въ кр. Грозной, 23-го ноября былъ распущенъ на зимнія квартиры. Только нѣкоторая часть его, со взводомъ стрѣлковъ, осталась въ новой крѣпости Воздвиженской для гарнизона и въ видѣ подвижнаго резерва. Назначеніе послѣдняго состояло въ производствѣ зимою набѣговъ съ цѣлью уничтоженія продовольственныхъ запасовъ въ непріятельскихъ аулахъ, и раззоренія ихъ. Вскорѣ взводъ 1-й роты стрѣлковъ былъ смѣненъ высланнымъ изъ штабъ-квартиры взводомъ 2-й роты, подъ командою штабсъ-капитана Гольца. Этимъ завершилась боевая дѣятельность кавказскаго стрѣлковаго баталіона въ 1844 году.

Изъ предыдущаго обзора легко видѣть, что стрѣлки ни разу не были назначаемы ни въ авангардъ, ни въ боковыя цѣпи, ни въ арріергардъ. Едвали можно объяснить это стремленіемъ беречь стрѣлковъ, вооруженныхъ дорогими штуцерами; начальство просто не полагалось на ихъ стойкость. Боковыя цѣпи, авангардъ и арріергардъ составляли почти все въ горской войнѣ. Колонна главныхъ силъ, лишенная этихъ частей, дѣлалась неизбѣжною добычею врага тамъ, гдѣ, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, она не могла развертываться. По этому ее и охраняли всегда „надежныя части“, на которыя главнымъ образомъ и обрушивался непріятель. Но и дѣйствуя огнемъ, стрѣлки далеко не были безучастными зрителями рукопашныхъ схватокъ и во всякомъ случаѣ пришли къ твердому выводу, что въ цѣпи нельзя зѣвать и теряться отъ неожиданности и что никогда не слѣдуетъ показывать тылъ преслѣдующему непріятелю, а отступать глядя на него и поражая его. По возвращеніи въ свою штабъ-квартиру стрѣлки не замедлили подѣлиться съ своими товарищами, безмятежно несшими мирную службу своими безконечно разнообразными впечатлѣніями и уроками, вынесенными ими изъ кроваваго опыта. Годомъ позже, въ даргинской экспедиціи мы видимъ стрѣлковъ уже почти всегда на опаснѣйшихъ мѣстахъ какъ походнаго такъ и боеваго порядковъ. Хотя въ теченіе 1844 г. стрѣлки не имѣли крупныхъ случаевъ показать преимущество своего вооруженія, такъ какъ большею частью стрѣляли на близкихъ дистанціяхъ, но они съ горцами и горцы съ ними познакомились достаточно; и вѣсть о томъ, что у русскихъ появились чудесные застрѣльщики, электричествомъ разнеслась въ горахъ. Видно, засада стрѣлковъ у Бурундукъ-Кале, оборона ахатлинской переправы и нѣкоторыя другія обстоятельства дали достаточное понятіе горцамъ о новомъ грозномъ элементѣ, вошедшемъ въ составъ войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Первыя поощренія стрѣлковъ за боевыя отличія состояли въ слѣдующихъ наградахъ: подполковникъ Киновичъ произведенъ въ слѣдующій чинъ; штабсъ-капитаны Аленинъ 1-й, Тунебергъ и Фитингофъ награждены орденами св. Анны 3-й степени; поручикъ Аленинъ 2-й—орденомъ св. Анны 4-й

степени съ надписью „за храбрость“; подпоручики Кржевковичъ-Познякъ, Бучинскій и прикомандированный къ баталіону, лейбъ-гардіи финскаго стрѣлковаго баталіона Эрнстремъ—слѣдующими чинами. Нижнимъ чинамъ пожаловано семь знаковъ отличія военнаго ордена [24]).

III.

1845 годъ. Высочайше начертанная задача. Прибытіе на Кавказъ гр. Воронцова. Назначеніе въ отряды 2-й, 3-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона. Новая штабъ-квартира. Выступленіе отрядовъ въ горы. Участіе стрѣлковъ въ дѣйствіяхъ войскъ въ Андіи, въ даргинскомъ лѣсу, при взятіи аула Дарго, у с. Белгатоя и въ кровопролитномъ бою 10-го и 11-го іюля. Движеніе отряда къ Герзель-аулу. Бой 14-го, 16-го и 19-го іюля. Прибытіе на помощь генерала Фрейтага. Потери. Высочайшее пожалованіе стрѣлкамъ знамени. Инструкція инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ и вліяніе ея на послѣдующую судьбу баталіона. Награды.

Не смотря на усиленіе кавказскихъ войскъ прибывшимъ изъ Россіи 5-ымъ корпусомъ, военныя дѣйствія 1844 года не имѣли почти никакого осязательнаго и сколько нибудь благопріятнаго результата, за исключеніемъ укрѣпленія одного пункта на передовой Чеченской линіи, что можно было сдѣлать и безъ усиленія кавказскаго корпуса. Записка, собственноручно написанная по этому поводу Государемъ Императоромъ военному министру, гласитъ слѣдующее: „*Неоспоримо, что укрѣпить еще одинъ или два пункта на передовой Чеченской линіи, дѣло весьма полезное, въ виду окончательнаго покоренія Чечни, но ни одного изъ сихъ мѣръ не достигается та цѣль, которая единственно извиняетъ присутствіе пятаго корпуса на Кавказѣ*“. А эта цѣль, категорически поставленная Его Величествомъ, была слѣдующая: *1) „разбить буде можно скопища Шамиля“, 2) „проникнуть въ центръ его владычества“, 3) „въ немъ утвердиться“*. Это означало: вторгнуться, конечно большими массами войскъ, въ центръ горъ, которымъ считался большой аулъ Анди, завладѣть резиденціею Шамиля Дарго и здѣсь укрѣпиться, имѣя безопасное сообщеніе съ Кавказскою линіею. Планъ вторженія былъ выработанъ въ Петербургѣ; выполненіе же его было ввѣрено новому главнокомандующему графу Воронцову, назначенному на этотъ постъ 17 ноября 1844 года. Прибывъ въ Тифлисъ 25-го марта 1845 года, графъ Воронцовъ немедленно же приступилъ къ приведенію въ исполненіе Высочайше начертанной задачи. До сорока баталіоновъ было стянуто раннею весною 1845 года на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанъ. Базою дѣйствій избранъ сѣверный Дагестанъ, гдѣ были сосредоточены всѣ военные и продовольственные запасы и перевозочныя средства. Войска были распредѣлены на нѣсколько отрядовъ, но роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона принимали участіе въ дѣйствіяхъ только двухъ изъ нихъ—дагестанскаго и чеченскаго, которые были назначены для исключительныхъ операцій въ Андіи, гдѣ сосредоточивались скопища Шамиля; остальные отряды имѣли демонстративное, либо охранительное назначенія.

[24]) Унтеръ-офицерамъ—Ивану Семенову, Федору Лебедеву, Кириллу Смирнову; рядовымъ—Якубу Мансурову, Автамону Подкопаеву, Казиміру Зелинскому, Трофиму Черныхъ. (Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. № 47).

Притомъ, въ указанные отряды были назначены только три роты, подъ общимъ начальствомъ младшаго штабъ-офицера маіора Калашникова: 2-я (капитана Гольца), 3-я (штабсъ-капитана Фитингофа) и 4-я (штабсъ-капитана Аленина). 1-я рота (поручика Геннинга) осталась пока во временной штабъ-квартирѣ баталіона, въ ст. Новосельцахъ.

Графъ Воронцовъ сознавалъ великую трудность возложенной на него задачи и сомнѣвался въ успѣхѣ ея, въ особенности послѣ свиданія и объясненія его съ генераломъ Фрейтагомъ. Наканунѣ выступленія въ походъ, т. е. 30-го мая, графъ Воронцовъ писалъ военному министру: „повергните меня къ стопамъ Его Величества: я не смѣю надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю, разумѣется, все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность". Неувѣренность главнокомандующаго въ успѣхѣ экспедиціи была извѣстна въ войскахъ; тѣмъ не менѣе, они, по своему обыкновенію, принялись весело и бодро готовиться къ походу.

Пока три роты стрѣлковаго баталіона, войдя въ составъ чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ, готовились къ участію въ даргинской экспедиціи, получилось, наконецъ, распоряженіе о новой (хотя изъ предписанія не видно было, чтобы о постоянной) для баталіона штабъ-квартирѣ,—переписка о которой происходила въ теченіе всего 1844 года. Выборъ, одобренный Государемъ Императоромъ, палъ на урочище Мухровань, вблизи Тифлиса, и 2-го мая баталіонный штабъ вмѣстѣ съ первою ротою и полковникомъ Киновичемъ, съ обозомъ, тяжестями и семействами оставилъ Новосельцы и двинулся въ Закавказье. Передвиженіе это было трудное и опасное; оно происходило по военно-грузинской дорогѣ и продолжалось 34 дня. Однако, назначеніе штабъ-квартиры въ Мухровани не состоялось: на походѣ Киновичъ получилъ предписаніе направиться на ур. Гомборы и занять тамъ помѣщенія горной № 1 батареи, переведенной на Кавказскую линію. 6-го іюня 1-я рота и баталіонный штабъ вступили, наконецъ, такъ сказать, въ обѣтованную землю. Гомборы, будучи удалены отъ г. Тифлиса всего только на 50 верстъ, составляли прекрасную лѣсистую мѣстность и имѣли умѣренный и здоровый климатъ—что было очень важно при южномъ продолжительномъ и жаркомъ лѣтѣ.

Но относительно помѣщеній стрѣлки имѣли большія неудобства. Тѣ, которыя оставила батарея, оказались непригодными даже на одну зиму. Строенія, сколько нибудь удовлетворительныя, заняли горнисты, фурштаты, канцелярія и пр. Казарма же, въ которой можно было помѣстить всего одну роту, была „въ такомъ ветхомъ состояніи, что безъ совершенной ея перестройки было бы крайне опасно занять ее постоемъ". Въ виду этого стрѣлковъ размѣстили въ конюшнѣ, выстроенной давнымъ давно изъ турлука и покрытой дранью, и то лишь послѣ довольно основательнаго ея ремонтированія. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ Гомборы понравились стрѣлкамъ, въ особенности Киновичу. Кромѣ всевозможныхъ хозяйственныхъ удобствъ, покосныхъ, огородныхъ мѣстъ, широкихъ полянъ для стрѣльбы и т. д., гомборскіе лѣса могли доставить штуцерамъ орѣховыя ложи, которыя до тѣхъ поръ выписывались изъ Германіи.

Достойны вниманія всѣ старанія полковника Киновича къ изысканію наименѣе обременительныхъ для казны средствъ къ переустройству на

зиму штабъ-квартиры. При полной негодности помѣщеній и при недостаткѣ ихъ для офицеровъ, для лазарета и др., полковникъ Киновичъ просилъ на ремонтъ и постройку всего 775 рублей, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о назначеніи Гомборъ постоянною штабъ-квартирою баталіона. Первая просьба о деньгахъ, конечно, была уважена, и онѣ отпущены, а о результатѣ второй такъ и осталось надолго неизвѣстнымъ. Въ виду этого, по приходѣ въ Гомборы стрѣлки занялись устройствомъ помѣщеній только на одну зиму, а о хозяйственныхъ заведеніяхъ, объ огородахъ и т. п. нечего было и думать. Только въ 1846 году было приступлено къ окончательному устройству штабъ-квартиры, послѣ того, какъ на нѣсколько новыхъ запросовъ получено было увѣдомленіе, что не имѣется въ виду переводить стрѣлковъ изъ Гомборъ куда бы то ни было.

Съ минуты прибытія на новую осѣдлость, кавказскій стрѣлковый баталіонъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ „гомборцевъ“. Это названіе было употребительно въ отрядахъ, въ обществѣ, даже въ мѣстной, скудной въ то время, литературѣ. Впослѣдствіи жизнь среди лѣсистой мѣстности и обиліе кругомъ дичи развили въ стрѣлкахъ страсть къ охотѣ и укрѣпляли въ нихъ постоянно ихъ прямое спеціальное назначеніе; но на первыхъ порахъ пребываніе въ Гомборахъ прошло для нихъ чрезвычайно однообразно, и о какихъ бы то ни было развлеченіяхъ, хотя бы даже охотою, нечего было и помышлять. Такимъ образомъ, на долю первой роты, вмѣсто военныхъ дѣйствій, выпала сравнительно тяжелая довольно служба—сперва сопровождать управленіе, семейства и хозяйство баталіона по опасной дорогѣ, при постоянной готовности отразить нападеніе горцевъ и при ежедневныхъ трудахъ и работахъ на ночлегахъ, а потомъ устроивать новую штабъ-квартиру въ странѣ малонаселенной, среди населенія чуждаго по языку и нравамъ и при ограниченныхъ средствахъ. Будучи постоянно заняты хозяйственными работами, люди 1-й роты даже совершенно отвыкли отъ своего дѣла, и черезъ годъ полковнику Киновичу стоило много трудовъ, чтобы сколько нибудь поднять ихъ на высоту тѣхъ требованій, которыя кавказскія войска имѣли право предъявлять стрѣлкамъ.

Назначенныя въ составъ дагестанскаго отряда 2-я и 4-я роты, въ ожиданіи похода, стояли лагеремъ на правомъ берегу Терека противъ Амиръ-Аджи-юрта, куда они прибыли 18-го апрѣля подъ общею командою капитана Гольца. Съ ними находилась только часть отряда; остальныя же войска должны были присоединиться у укрѣпленія Евгеніевскаго, назначеннаго сборнымъ пунктомъ всего отряда. Амиръ-Аджи-юртъ, находившійся на лѣвомъ берегу Терека, въ то время былъ слободкою, огороженною плетнемъ, замѣнявшимъ валъ. „Карантинный чиновникъ, соляной магазинъ, бунты, нѣсколько бабъ-торговокъ, два-три кабака, да базарный изъ линейныхъ солдатъ въ качествѣ блюстителя порядка, съ палкою въ рукахъ (атрибутъ власти) и воинскій начальникъ—вотъ и все. Малочисленная линейная рота, содержавшая также караулъ въ маленькомъ укрѣпленіи на правомъ берегу, въ видѣ тетъ-де-пона, прикрывавшемъ переправу, составляла гарнизонъ“. Эти слова покойнаго генерала Геймана живо иллюстрируютъ ту безпечность, съ которою относились тогда къ вопросу объ укрѣпленіи такой важной переправы черезъ быстрѣйшую изъ горныхъ рѣкъ, какъ амиръ-аджи-юртовская. Впрочемъ, въ 1845 году Амиръ-Аджи-юртъ былъ необычайно ожи-

вленъ: паромъ то и дѣло перевозилъ въ лагерь кумыковъ, казаковъ, маркитантовъ и другихъ жданныхъ или незванныхъ посѣтителей. Въ восемнадцати верстахъ отъ этой переправы находилось укрѣпленіе Ташъ-Кичу, въ которомъ навремя расположились главная квартира и самъ главнокомандующій. Это было маленькое укрѣпленіе на р. Аксаѣ, съ земляным валомъ и нѣсколькими пушками, имѣвшее единственныхъ два зданія. „На небольшой площади около укрѣпленія кишмя кишѣла бездна народа: казаки, кумыки, — кто верхомъ, кто пѣшкомъ, сновали въ разныя стороны. Адъютантство покупало бурки, оружіе — разумѣется въ три-дорога; нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ толкались тутъ же. Посреди общаго говора и суеты слышались языки: кумыкскій, русскій, французскій и нѣмецкій. Все это сливалось въ общій говоръ, и выходила оригинальная картина, нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго“ [1]). Приведенныя слова достаточно характеризуютъ рессурсы страны и благонадежность обитателей, которыхъ мы оставляли у себя въ тылу, собираясь въ далекую экспедицію. А какихъ солдатъ мы брали въ эту экспедицію! „Глядя на солдатъ (во время молебствія 23-го мая), я невольно проникался къ нимъ чувствомъ глубокаго уваженія. Да и что это были за молодцы! Загорѣлыя, воинственныя лица ихъ дышали отвагою; во взглядахъ и движеніяхъ ихъ читалась смѣсь добродушія съ самоувѣренностью, спокойствіе съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Съ такими солдатами не можетъ существовать никакихъ преградъ: имъ робость незнакома“. Во главѣ ихъ стояли еще болѣе доблестные и безусловно талантливые генералы, какъ напр.: Пассекъ, Клюки-фонъ-Клюгенау, князь Бебутовъ, прославившійся впослѣдствіи башкадыклярскій герой, воинскимъ доблестямъ и обаятельной личности котораго ген. Гейманъ посвятилъ много строкъ въ своихъ даргинскихъ „воспоминаніяхъ“; наконецъ, самъ графъ Воронцовъ—знаменитый краонскій герой.

Послѣ молебствія дагестанскій отрядъ выступилъ и 23-го мая ночевалъ у аула Баматъ-юрта. Слѣдующій ночлегъ былъ у аула Костекъ; третій ночлегъ у небольшаго укрѣпленія Кази-юртъ. Всѣ эти пункты были населены очень мало, и жители ихъ отличались крайнею бѣдностью. Вообще, по всей предположенной комуникаціонной линіи не встрѣчалось ни одного богатаго и населеннаго аула, такъ что отрядъ не могъ и не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ разсчитывать на жизненные достатки страны, по которой пролегала дорога къ сердцу горъ. За время вышеназванныхъ переходовъ приходилось войскамъ переправляться въ бродъ черезъ рѣки, подверженныя внезапнымъ разливамъ, какъ напр.: Яманъ-Су, Ярыкъ-Су, Акташъ и множество глубокихъ и широкихъ канавъ, а въ Кази-юртѣ переправа черезъ Сулакъ производилась на единственномъ и маленькомъ паромѣ. До Чиръ-юрта дорога шла по равнинѣ, а отсюда начинался подъемъ въ горы. Съ этого пункта движеніе началось съ военными предосторожностями, и части войскъ стали высылать боковыя цѣпи „по возможности“, такъ какъ по сторонамъ дороги тянулись почти все время непроходимые лѣса и обрывы. Когда отрядъ поднялся на довольно большую высоту— передъ нимъ предстало въ глубокой котловинѣ укрѣпленіе Евгеніевское. Спускъ къ нему продолжался болѣе двухъ часовъ и былъ сопряженъ съ неимовѣрными

[1]) „Воспоминанія“ генерала Геймана. „Кавказскій Сборникъ“, т. III.

затрудненіями и опасностями. 31-го мая, отрядъ [2]), окончательно укомплектованный частями, прибывшими изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, выступилъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова и въ тотъ же день, пройдя мимо раззореннаго аула Чиркей, прибылъ къ аулу Гертме, гдѣ долженъ былъ присоединиться къ нему отрядъ генерала Лидерса.

Чеченскій отрядъ, въ составъ котораго вошла 3-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона подъ командою штабсъ-капитана Фитингофа [3]), окончательно собрался у крѣпости Внезапной къ 31-му числу мая и, во главѣ съ графомъ Воронцовымъ, при которомъ находился наслѣдный принцъ гессенъ-дармштадтскій Александръ, въ тотъ же день выступилъ по дорогѣ къ Чиръ-юрту, оставивъ въ крѣпости колесный обозъ и всѣ лишнія тяжести. 3-го іюня, послѣ незначительной перестрѣлки съ горцами, слѣдившими за движеніемъ нашихъ войскъ, на хубарскихъ высотахъ, чеченскій отрядъ присоединился къ дагестанскому. Въ этотъ же день войска безъ боя заняли позицію у теренгульскаго оврага, которую очистили скопища Шамиля и, по приказанію главнокомандующаго, въ пять часовъ пополудни двинулись на другую сторону оврага. Переправа продолжалась всю ночь подъ сильнымъ дождемъ. Стрѣлки 2-й и 4-й ротъ, шедшіе въ авангардѣ, впотьмахъ, съ большими препятствіями и затрудненіями, хотя выбрались на противуположный берегъ оврага прежде другихъ, но должны были стоять въ полной боевой готовности до тѣхъ поръ, пока не стянулся весь отрядъ,—а онъ стянулся только къ десяти часамъ утра.

Черезъ андійскій хребетъ ведутъ въ Андію два пути—одинъ изъ Ичкеріи, по берегу рѣки Аксая, а другой черезъ перевалъ Кыркъ въ Гумбетъ и далѣе черезъ такъ называемыя „андійскія ворота“. Графъ Воронцовъ избралъ послѣдній изъ нихъ, потому что переходъ черезъ ичкеринскій лѣсъ представлялъ большія затрудненія. Но Шамиль испортилъ дорогу на Кыркъ и, оставивъ тамъ лишь наблюдательные посты, главныя свои силы сосредоточилъ въ мичикальскомъ ущельи, ожидая здѣсь нашего наступленія. Когда же главнокомандующій, съ рекогносцировочной колонной генерала Пассека, двинулся на Кыркъ, чтобы осмотрѣть, насколько возможенъ переходъ черезъ эту гору, то конныя и пѣшія партіи начали поспѣшно стягиваться на гору Анчимееръ, находившуюся противъ Кырка и служившую ключемъ позиціи. Однако, это ни къ чему для нихъ не повело, такъ какъ спустя два часа Анчимееръ былъ уже въ нашихъ рукахъ, а еще черезъ нѣсколько времени и мичикальская позиція Шамиля была взята въ тылъ. Авангардъ нашъ сталъ на дорогѣ изъ Мичикала въ Андію, а потомъ передвинулся на гору Зунумееръ; всѣ остальныя наши силы расположились

---

[2]) Въ составъ дагестанскаго отряда вошли слѣдующія части: 1-й и 3-й баталіоны Минскаго, 1-й и 3-й баталіоны Житомірскаго, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго, 1-й и 2-й егерскаго князя Чернышева полковъ, 2 роты саперъ, 2-я и 4-я роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 18 легкихъ и горныхъ орудій, ракетная команда, летучій паркъ и 3 сотни иррегулярной кавалеріи.

[3]) Въ составъ чеченскаго отряда вошли слѣдующія войска: 1-й баталіонъ Литовскаго, 1-й и 3-й Прагскаго, 1-й и 3-й баталіоны Люблинскаго, 2-й бат. Замосцскаго, 3-й и 4-й Навагинскаго, 1-й, 2-й и 3-й Куринскаго, 3-й бат. князя Чернышева полковъ, двѣ роты саперъ, 3-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, двѣ дружины грузинской пѣшей милиціи (1000 человѣкъ) и 50 человѣкъ гурійской, 14 сотенъ кавалеріи, 12 легкихъ, 12 горныхъ орудій и 4 мортиры.

частью у Кырка, а частью у мичикальскаго ущелья, гдѣ была стоянка собственно дагестанскаго отряда. До 12-го іюня не было никакихъ столкновеній съ горцами, но за то, войска перенесли страшныя невзгоды: ночи были необыновенно холодныя; 7-го числа выпалъ снѣгъ, и начались морозы; въ отрядѣ не было дровъ и палатокъ даже для офицеровъ; воды также не было, и ее замѣнялъ снѣгъ. Эти лишенія были необычайны не только для стрѣлковъ, непривыкшихъ къ нимъ, но даже и для старыхъ кавказскихъ солдатъ, которые, къ слову сказать, большею частью были безъ теплой одежды. Единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы не умереть отъ холода, были продольные ровики или „могилки“, которыя стрѣлки, глядя на опытныхъ кавказцевъ, копали для себя съ большимъ усердіемъ, и въ которыхъ они лежали попарно, прикрывшись шинелями. „Положеніе становилось буквально невыносимымъ. Дровъ—ни плахи; казачьи пики, древки отъ носилокъ и палатокъ были уничтожены еще днемъ, чтобы сварить въ котелкахъ кашицу или согрѣть чайники... Войска страшно зябли, но не было слышно ни одного слова ропота; напротивъ, иногда даже подшучивали. Мы находились— пишетъ генералъ Гейманъ—въ положеніи людей, заброшенныхъ на какой нибудь необитаемый островъ Ледовитаго моря, отчужденныхъ отъ всего свѣта“. Въ одно утро умерли отъ холода Люблинскаго полка 7 человѣкъ солдатъ; 450 человѣкъ отъ недостатка зимней обуви отморозили себѣ конечности, и 500 лошадей пало отъ холода и истощенія. Стрѣлки же, благодаря хорошему состоянію въ баталіонѣ хозяйства, были снабжены всѣмъ необходимымъ и не имѣли ни одного обмороженнаго. 13-го іюня показалось солнце. Отрядъ оживился, обсушился и въ два часа пополудни передвинулся къ „андійскимъ воротамъ“, которыя прошелъ безпрепятственно; лишь издали нѣсколько конныхъ горцевъ съ большимъ вниманіемъ слѣдили за его движеніемъ. Андійскія ворота—это широкая расщелина въ грядѣ горъ, у дороги совершенно съуживающаяся; она отдѣляетъ Гумбетъ отъ Андіи.

Рекогносцировка андійскихъ воротъ показала, что горцы оставили входъ въ Андію открытымъ, а аулъ Анди предали огню. Шамиль сначала думалъ у этого прохода загородить намъ дорогу, для чего приказалъ заложить его каменною стѣною толщиною около сажени и занялъ ее своими мюридами; но, сообразивъ, что намъ будетъ легко обойти эту преграду, онъ, подъ предлогомъ ненасной погоды и сбереженія своихъ людей, отозвалъ мюридовъ, назначенныхъ для обороны дефилэ, а затѣмъ приказалъ имъ вывезти все имущество изъ селенія и обороняться дома. Какъ только все цѣнное было вывезено изъ Анди, Шамиль велѣлъ сжечь самый аулъ для того, чтобы заставить жителей переселиться въ глубь страны. Скопища горцевъ въ шесть тысячъ человѣкъ отступили на крѣпкую позицію противъ селенія Анди, на высоты Азалъ, укрѣпленныя завалами, и только арріергардъ ихъ держался въ аулахъ Гагатль и Анди. Послѣ небольшой перестрѣлки, оба эти аула перешли въ наши руки. Атака нами его позиціи встрѣтила большія затрудненія. Однако, ни сильный ружейный огонь горцевъ, ни канонада изъ всѣхъ трехъ орудій Шамиля не задержали нашихъ войскъ, которыя, какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ, начали брать завалы одинъ за другимъ. Скопища стали отступать, увезя предварительно артилерію, и поднялись на самый гребень Азала. Хотя войска наши были сильно утомлены, но послѣдовали вслѣдъ за ними и сбросили ихъ также и оттуда.

Постоявъ нѣкоторое время на вершинѣ горы, они возвратились обратно, и на ночь чеченскій отрядъ расположился между аулами Анди и Гагатль, а прибывшій вслѣдъ затѣмъ дагестанскій отрядъ—рядомъ, но нѣсколько выше.

Въ описанныхъ выше дѣйствіяхъ главную роль играли куринцы, кабардинцы и грузинская пѣшая милиція капитана кн. Меликова. О стрѣлкахъ же журналы военныхъ дѣйствій умалчиваютъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что они не бездѣйствовали. Если они не обратили на себя особеннаго вниманія, то, конечно, только потому, что были разбросаны малыми командами чуть не по всѣмъ баталіонамъ, и въ открытые штурмы, которыми доселѣ характеризовались наши столкновенія съ горцами, не могли быть допущены. Тѣмъ не менѣе, нельзя не думать, что роль ихъ была хотя скромная, но важная; что они въ сущности были необходимыми помощниками и пособниками атакующихъ, и что не одинъ горецъ палъ отъ ихъ мѣткихъ выстрѣловъ. Благодаря свойству своего оружія, стрѣлки, употреблявшіеся главнымъ образомъ въ авангардѣ и при первомъ столкновеніи съ непріятелемъ, необходимо должны были раздѣлять славу подвиговъ куринцевъ и кабардинцевъ при нашемъ наступленіи въ Андію.

Хотя по занятіи аула Анди намъ необходимо было прочно утвердиться въ этомъ центрѣ горъ и устроить безопасное сообщеніе съ Внезапной, но это являлось почти невозможнымъ. А между тѣмъ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и частыхъ дождей, а также при отсутствіи подножнаго корма и затруднительности фуражировокъ, отрядъ сильно страдалъ недостаткомъ продовольствія, терялъ большое количество подъемныхъ лошадей и вообще, далеко не достигнувъ окончательной цѣли, былъ въ крайнемъ положеніи. Стрѣлки страдали наравнѣ съ прочими войсками, и имъ, также какъ и всѣмъ, уменьшили дачу сухарей—хотя мяса было вдоволь. По недостатку крупы въ части отпустили овесъ, но приказали сперва парить, потомъ толочь и варить. Это вызвало много остротъ; но никто не роптalъ, всѣ были веселы и довольны. Стрѣлки, взирая съ уваженіемъ на терпѣніе, покорность и выносливость кавказцевъ, учились перенимать у нихъ эти высокія качества.

Наконецъ, 4-го іюля прибылъ транспортъ съ продовольствіемъ, и главнокомандующій 6-го іюля двинулъ войска впередъ къ резиденціи Шамиля. Въ небольшомъ, только-что построенномъ Андійскомъ укрѣпленіи оставлены больные и незначительный гарнизонъ, въ составъ котораго вошли десять стрѣлковъ. Движеніе войскъ происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ—$2^1/_4$ баталіона, 4 орудія и 1 сотня; въ правой обходной колоннѣ, на обязанности которой лежало, въ случаѣ надобности, образовать правую цѣпь подъ командою полковника Меллера-Закомельскаго—$1^1/_2$ баталіона, взводъ стрѣлковъ поручика Бучинскаго и 2-я грузинская дружина; въ лѣвой обходной колоннѣ, составлявшей лѣвую цѣпь, подъ командою полковника Козловскаго—2 баталіона, взводъ стрѣлковъ поручика фонъ-Врисберга и 1-я грузинская дружина: Остальныя двѣ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона были въ главныхъ силахъ генералъ-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау, состоявшихъ изъ $3^3/_4$ баталіоновъ (кромѣ стрѣлковъ) и восьми орудій. Стрѣлковыми ротами командовали: 2-ю—поручикъ Аленинъ 2-й, 3-ю—штабсъ-капитанъ Фитинговъ, 4-ю—штабсъ-капитанъ Аленинъ 1-й. Въ арріергардѣ слѣдовали 2 баталіона, 4 орудія и казаки. Конная милиція была от-

дѣлена влѣво, для дѣйствія, въ случаѣ надобности, особо. Численный составъ всѣхъ войскъ простирался до 9500 человѣкъ. Это пониженіе первоначальной цифры общаго состава войскъ произошло вслѣдствіе болѣзней, отдѣленія нѣкоторыхъ частей въ прикрытіе транспортовъ и для составленія промежуточныхъ отрядовъ. Въ Дарго вели двѣ дороги: одна, сначала довольно широкая и удобная, оканчивалась при спускѣ въ глубокое и лѣсистое ущелье Аксая узкою и крутою тропинкою, которая тянулась на протяженіи 10 верстъ до Дарго; другая, направляясь прямо къ сѣверу, пролегала по хребтамъ праваго берега Аксая и была въ началѣ крутая и скалистая, но, переваливъ, на разстояніи 10 верстъ, черезъ хребетъ Речолъ, входила въ памятный для кавказскихъ войскъ ичкеринскій лѣсъ. Главнокомандующій выбралъ эту послѣднюю дорогу, по которой будто бы войска могли слѣдовать даже тремя колоннами. Дѣйствительно, эта дорога тянулась сначала по открытому хребту Речолъ, но оказалось затѣмъ, что на 14-й верстѣ отъ аула Гагатля она прерывалась глубокимъ оврагомъ, по дну котораго входила въ дремучій ичкеринскій лѣсъ и этимъ вѣковымъ лѣсомъ шла на протяженіи трехъ верстъ до широкой поляны, на которой расположено было Дарго. Входъ въ лѣсъ былъ прегражденъ каменнымъ заваломъ; затѣмъ, на всемъ протяженіи до выхода на открытое мѣсто дорога была перегорожена 27-ю завалами, устроенными изъ толстыхъ срубленныхъ деревьевъ, скрѣпленныхъ насыпною землею, смѣшанною съ камнями; поляна же была вся окружена засѣками. Впослѣдствіи пришлось убѣдиться, что по этому пути не только не было никакой возможности слѣдовать тремя колоннами, но даже нельзя было никакимъ образомъ совершить обходъ заваловъ. Передъ входомъ въ лѣсъ отрядъ остановился недалеко отъ его опушки. Главнокомандующій предчувствовалъ опасность, поэтому хотѣлъ дать войскамъ, вопервыхъ, отдохнуть, а вовторыхъ—остальнымъ частямъ и обозу стянуться предъ боемъ. Между тѣмъ, замѣтно было большое движеніе въ лѣсу, у опушки котораго повременамъ показывались непріятельскія партіи.

Послѣ двухчасоваго отдыха, когда обозъ и арріергардъ подтянулись, правая обходня колонна, въ которой находился и взводъ стрѣлковъ Бучинскаго, заняла цѣпью опушку лѣса вдоль гребня, прикрывавшаго дорогу, по которой долженъ былъ двигаться авангардъ. Разсыпавшуюся цѣпь горцы встрѣтили убійственнымъ огнемъ. Хотя она понесла жестокія потери, но дала возможность авангарду безпрепятственно продвинуться дальше до перваго завала. Съ этого времени начинается отчаянный штурмъ заваловъ. Авангардъ беретъ ихъ одинъ за другимъ и, прикрываясь съ боковъ цѣпью, стремительно бросается впередъ и натыкается на узкій перешеекъ съ крутыми обрывами съ обѣихъ сторонъ. Боковыя цѣпи въ это время растянулись на большое протяженіе; у перешейка же онѣ уже смѣшались съ остальными войсками. Стрѣлки между тѣмъ ни минуты не прерывали огнестрѣльнаго боя [4]).

До сихъ поръ весьма живая перестрѣлка была только въ правой цѣпи; но лишь авангардъ втянулся въ лѣсъ—послышался ожесточенный огонь съ двухъ сторонъ. Въ вѣковомъ лѣсу непрерывная ружейная пальба, частые пушечные выстрѣлы, гикъ горцевъ, „ура“ нашихъ солдатъ—все это

[4]) Рапортъ генерала Лидерса 10-го іюня 1845 года № 99.

Всесоюзная библиотека имени

составляло своего рода адъ, въ омутѣ котораго однако быстро подвигались наши войска. По мѣрѣ усиленія огня, они прибавляли шагъ и шли почти бѣгомъ до узкаго перешейка. Горцы отлично поняли значеніе этого перешейка, черезъ который проходила дорога лишь въ одну повозку, и очень искусно воспользовались имъ, устроивъ противъ него на нѣкоторомъ возвышеніи завалъ, и вообще стянувъ къ этому пункту большія силы. Здѣсь агангардъ подвергся страшному ружейному огню, и хотя понесъ очень чувствительныя потери, но выхватилъ завалъ изъ рукъ непріятеля. Въ этомъ бою палъ генералъ Фокъ и нѣсколько офицеровъ.

Отрядъ между тѣмъ продолжалъ подвигаться, опрокидывая противника и преодолѣвая всѣ препятствія. Прикрываемый съ боковъ цѣпью стрѣлковъ и куринцевъ, онъ достигъ, наконецъ, цѣли экспедиціи. Стрѣлки, не прерывая все время огня, присоединились къ отряду только тогда, когда онъ стянулся въ Дарго, именно къ восьми часамъ вечера. Шамиль предалъ огню все, что невозможно было вывезти, и отъ этого плетневая столица его представляла еще болѣе печальную картину, чѣмъ аулъ Анди, гдѣ жилища преимущественно были каменныя.

Взятіе Дарго 6-го іюля обошлось стрѣлкамъ недорого: они потеряли одного убитаго и двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, хотя въ этотъ день „находились въ самыхъ опасныхъ пунктахъ“ и участвовали при штурмѣ двадцати двухъ заваловъ.

Между тѣмъ, горцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, поспѣшили занять высоты по лѣвому берегу рѣки Аксая и всю ночь съ 6-го на 7-е іюля и утро слѣдующаго дня осыпали нашъ лагерь ядрами изъ трехъ орудій. Воронцовъ выслалъ на эти высоты 8-го іюля колонну, въ которую вошли и двѣ роты стрѣлковаго баталіона [5]), подъ начальствомъ генерала Лабынцова, съ приказаніемъ—разсѣять непріятельскія скопища и утвердиться на лѣвомъ берегу Аксая. Генералъ Лабынцовъ построилъ войска въ двѣ линіи съ резервомъ и повелъ ихъ къ лѣвому берегу Аксая; двѣ роты стрѣлковъ вошли во вторую линію. Какъ только колонна подошла къ Аксаю, немедленно завязалась перестрѣлка, перешедшая въ ожесточенный бой. Первая линія живо очистила лѣсъ отъ массы горцевъ, которые бѣжали къ аулу Белгатою. Тамъ они утвердились преимущественно на кладбищѣ и отразили нѣсколько атакъ нашихъ передовыхъ войскъ. Тогда для поддержки первой линіи была направлена вторая. Послѣдняя, имѣя впереди двѣ роты стрѣлковъ, присоединившись къ атакующимъ, штыками выбила горцевъ изъ аула и съ кладбища и преслѣдовала ихъ еще версты три за Белгатой. Считая свое порученіе выполненнымъ, генералъ Лабынцовъ началъ отступать. Горцы массою насѣли на колонну—и вновь завязался упорный бой, особенно у сел. Белгатоя, которое нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Непріятель все усиливался и легко могъ отрѣзать колонну. Для этого стоило ему только вновь занять кладбище, этотъ сильный пунктъ позиціи, господствовавшей надъ весьма узкою дорогою къ Аксаю, по которой предстояло дальнѣйшее отступленіе нашихъ войскъ; но лихая атака нашей кавалеріи

[5]) Остальныя войска колонны были слѣдующія: 1-й баталіонъ Люблинскаго, 2-й баталіонъ Замосцскаго, 3-й Апшеронскаго, 3-й и 4-й Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, двѣ роты Куринскаго егерскаго, одна рота саперъ, 4 сотни казаковъ, двѣ сотни грузинской конной милиціи и 6 горныхъ орудій № 3 батареи 19-й артилерійской бригады.

и стойкая оборона кладбища, которую поддерживали съ правой стороны 1-й баталіонъ Люблинскаго, а лѣвѣе его 2-й баталіонъ Замосцскаго полковъ, дали возможность колоннѣ отступить въ полномъ порядкѣ. Во время отступленія стрѣлки были въ цѣпи вмѣстѣ съ куринцами.

Пока все это происходило по пути движенія, многочисленная толпа горцевъ, пробравшись незамѣтно черезъ густой лѣсъ по аксайскому ущелью, намѣревалась отрѣзать колоннѣ переправу черезъ Аксай. Но она опоздала, потому что переправа уже была занята подоспѣвшими 5-ю и 6-ю ротами Замосцскаго полка, 4-ю ротою стрѣлковаго баталіона (штабсъ-капитана Аленина 1-го) и однимъ орудіемъ. Эти части, разсыпавъ густую цѣпь стрѣлковъ, по выраженію генерала Лабынцова, „не только удержали переправу за нами, но убійственнымъ мѣткимъ огнемъ обратили горцевъ въ бѣгство“ [6]). Колонна наконецъ, достигла лагеря, потерявъ убитыми одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера и 28 нижнихъ чиновъ; ранеными—трехъ штабъ-офицеровъ, семь оберъ-офицеровъ и 178 нижнихъ чиновъ и контуженными—одного штабъ-офицера и четырехъ оберъ-офицеровъ. Стрѣлки же въ трехъ ротахъ потеряли одного убитаго и трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Хотя движеніе 8-го іюля за Аксай было произведено блистательно, однако, громадныя жертвы оказались совершенно напрасными, такъ какъ цѣль вовсе не была достигнута такъ, какъ намѣтилъ ее Лабынцову графъ Воронцовъ. Какъ только колонна очистила лѣвый берегъ Аксая, Шамиль не замедлилъ занять его своими полчищами и артилерісю, и для того, вѣроятно, чтобы поглумиться надъ нами, произвелъ въ виду нашего отряда нѣчто въ родѣ парада бывшимъ у него нашимъ дезиртирамъ, пропустивъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуки рожковъ, зурны и барабановъ.

Изъ трехъ пунктовъ программы военныхъ дѣйствій, Высочайше указанныхъ графу Воронцову, былъ приведенъ въ исполненіе только одинъ: наши войска проникли въ „центръ владычества Шамиля“—хотя съ оргомными жертвами. Оставалось исполнить остальные два пункта; а) разсѣять скопища Шамиля, б) утвердиться въ центрѣ его владѣній.

Оказалось, что движеніемъ нашимъ внутрь горъ и занятіемъ резиденціи Шамиля не только не были разсѣяны его скопища, но, напротивъ, они разростались все болѣе и болѣе прибытіемъ новыхъ, свѣжихъ партій со всѣхъ концовъ Чечни. Нечего было и думать о томъ, что съ раззореніемъ убогихъ лачугъ Дарго, имамъ явится съ повинною. Наоборотъ, онъ объявилъ народу, что завлекъ кяфировъ въ ичкеринскіе лѣса съ тою цѣлью, чтобы истребить ихъ—и горцы, считая нашъ отрядъ вѣрною своею добычею, только и заботились, чтобы не выпустить его изъ своихъ рукъ: они дѣятельно принялись за топоръ, и въ скоромъ времени нашъ лагерь былъ окруженъ многочисленными засѣками и завалами по всѣмъ направленіямъ. О возможности исполненія третьяго пункта программы, т. е. утвержденія нашего въ Дарго, и рѣчи не могло быть, такъ какъ войска начинали чувствовать недостатокъ въ продовольственныхъ запасахъ. Транспортъ, который ожидали 9-го іюля, не прибылъ, да и мало было надежды, что онъ могъ благополучно пройти

[6]) Рапортъ генералъ-маіора Лабынцова 11-го іюля 1845 года № 91.

черезъ злополучный лѣсной проходъ. Поэтому, самый естественный исходъ дѣла состоялъ въ томъ, чтобы бросить Дарго и вернуться на линію, но бросить его съ честью, какъ ненужную вещь, вырваться изъ безконечныхъ ичкеринскихъ трущобъ, не уронивъ при томъ достоинства русскаго оружія. Вопросъ заключался лишь въ выборѣ дороги.

Главнокомандующій, зная, что разстояніе отъ Дарго до нашего укрѣпленія Герзель-аула, расположеннаго на Аксаѣ, всего 40 верстъ, и что можно двигаться удобно, хотя и съ боемъ, по ущелью этой рѣки, предпочелъ этотъ путь тому, который пролегалъ черезъ Андію и Гумбетъ. Но прежде, чѣмъ начать отступленіе, нужно было запастись продовольствіемъ по крайней мѣрѣ на четыре дня. Стали ждать транспорта.

По условію, начальникъ колонны, сопровождавшей транспортъ, долженъ былъ тремя пушечными выстрѣлами извѣстить главнокомандующаго о своемъ приближеніи къ ичкеринскому лѣсу. 10-го іюля въ отрядѣ услышали, наконецъ, эти выстрѣлы—и навстрѣчу транспорту немедленно выступила колонна, назначенная заранѣе, подъ командою генерала фонъ-Клугенау, изъ половины всѣхъ войскъ даргинскаго лагеря; 4-я рота стрѣлковаго баталіона входила въ составъ ея авангарда, ввѣреннаго генералъ-маіору Пасску [7]). Въ составъ арріергарда, ввѣреннаго генералъ-маіору Викторову, входилъ взводъ стрѣлковъ подъ командою поручика Новицкаго. Главными силами командовалъ самъ генералъ Клугенау; при нихъ находились всѣ тяжести, больные, раненые и тѣло генерала Фока, убитаго 6-го іюля при штурмѣ завалова. Все это предполагалось сдать транспортной колоннѣ, которая должна была слѣдовать обратно въ Андію; принявъ отъ нея продовольствіе, колонна Клугенау должна была вернуться къ отряду. Эта встрѣчная „оказія“ извѣстна въ исторіи кавказской войны подъ названіемъ „сухарной оказіи“.

Когда колонна генерала Клугенау подошла къ знаменитому дефиле, то оказалось, что горцы не только исправили разрушенные нами завалы, но и построили много новыхъ и боковыхъ для перекрестнаго огня; промежутки же между завалами были сильно испорчены, такъ что если бы авангардъ и овладѣлъ завалами, то главнымъ силамъ пришлось бы сильно растянуться и двигаться вереницею. Такъ оно и вышло: авангардъ атаковалъ завалы, и горцы хотя сопровождали его убійственнымъ огнемъ, но не особенно препятствовали его атакамъ, стараясь поскорѣе пропустить впередъ. Они достигли цѣли, потому что Пассекъ, увлекшись успѣхомъ, оставилъ главныя силы далеко позади, ничего совершенно не подозрѣвая о томъ, что дѣлается у него въ тылу. Между тѣмъ, главныя силы растянулись на большое протяженіе, и когда авангардъ вышелъ на опушку къ транспорту, то горцы моментально бросились со всѣхъ сторонъ на растянувшуюся колонну и преимущественно на арріергардъ, отрѣзали послѣдній и стали его рубить. Часть стрѣлковъ, прикрывавшихъ орудіе, была также изрублена, подавленная массою разъяренныхъ чеченцевъ; поручикъ Новицкій былъ тяжело раненъ въ руку, но, не оставляя своего поста, продолжалъ отби-

---

[7]) Составъ авангарда: одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка, рота саперъ, рота стрѣлковъ и часть грузинской милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Арріергардъ: баталіонъ Новагинскаго полка, двѣ роты апшеронцевъ, взводъ кавказскихъ стрѣлковъ и два горныхъ орудія. Вообще же, съ правою цѣпью и съ главными силами у Клугенау было 6 баталіоновъ пѣхоты, 1½ роты стрѣлковъ, 4 орудія, казаки и милиція.

ваться по мѣрѣ возможности вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими нижними чинами [8]). Лошади подъ орудіями были перебиты; два единорога были сброшены подъ кручу; генералъ Викторовъ убитъ; гробъ генерала Фока остался въ рукахъ горцевъ, которые оборвали съ него галуны, а тѣло выбросили вонъ. Разстроенный арріергардъ не могъ дать дружнаго отпора чеченцамъ, привыкшимъ къ одиночному лѣсному бою; но когда онъ подтянулся и нѣсколько приготовился къ атакѣ, то непріятель бросился въ опушку, на деревья, за кусты и началъ мѣткимъ огнемъ преслѣдовать его. Остатки злополучнаго арріергарда присоединились къ колоннѣ только къ 11 часамъ ночи. Нечего и говорить, что находившіеся въ арріергардѣ стрѣлки, не имѣя никакой возможности воспользоваться въ общей свалкѣ превосходствомъ своего оружія, подверглись общей участи и понесли тяжкія потери. Всю ночь горцы отовсюду безпокоили стянувшіяся на площадкѣ войска ружейнымъ огнемъ. Впрочемъ, изнеможеннымъ отъ боя солдатамъ было не до покоя и отдыха: они сдавали раненыхъ, принимали продовольствіе, разбирали сухари въ ранцы, готовили вьюки.

Между тѣмъ, зловѣщій звукъ топоровъ и огни въ лѣсу указывали на чрезвычайное усердіе, съ которыми работали горцы надъ устройствомъ новыхъ и исправленіемъ старыхъ заваловъ. Впослѣдствіи оказалось, что наши убитые были раздѣты донага и уложены ярусами передъ завалами для внушенія страха нашимъ солдатамъ.

Предстояло обратное движеніе злосчастной колонны черезъ ужасный лѣсъ, и на этотъ разъ даже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ: 1) много людей выбыло изъ строя; 2) много было занято переноскою убитыхъ и раненыхъ; 3) люди несли на себѣ продовольствіе; 4) число горцевъ возросло, а успѣхъ поднялъ ихъ нравственный духъ и подѣйствовалъ на нашихъ солдатъ неблагопріятно. Принимая все это въ соображеніе, казалось, генералъ Клугенау не рѣшится подвергнуть свою колонну опасности окончательнаго истребленія, а поведетъ ее въ Анди, предоставляя остальнымъ войскамъ самимъ пробить себѣ путь къ Герзель-аулу. Но у Клугенау заговорило самолюбіе и достоинство русскаго генерала: этотъ мужественный человѣкъ не могъ допустить горцевъ подумать, что два русскихъ генерала устрашились вторично пройти тотъ лѣсъ, гдѣ могли найти себѣ могилу— и онъ рѣшился присоединиться къ войскамъ даргинскаго лагеря, гдѣ главнокомандующій съ подавленнымъ сердцемъ ожидалъ развязки долгой и тяжелой драмы.

Извѣстивъ главный отрядъ о своемъ обратномъ движеніи черезъ лѣсъ условными выстрѣлами и ракетами, генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау двинулся обратно. Стрѣлки, по мѣрѣ слѣдованія колонны, должны были образовать боковыя цѣпи. Авангардомъ командовалъ генералъ Пассекъ. Къ сожалѣнію, не смотря на недавній урокъ и пріобрѣтенную въ многочисленныхъ бояхъ опытность, онъ повторилъ ошибку, сдѣланную имъ наканунѣ: онъ быстро увлекъ впередъ авангардъ, который, лихо штурмуя завалъ за заваломъ, и штыками пролагая себѣ путь, очутился далеко впереди главныхъ силъ. Саперы, не успѣвшіе расчищать дорогу и оторванные отъ авангарда, были отрѣзаны, атакованы и изрублены горцами, кото-

[8]) Рапортъ ген.-лейт. Клюки-фонъ-Клугенау 22-го іюля 1845 г. № 74.

рые вслѣдъ затѣмъ немедленно заняли завалы. Увлеченіе Пассека на этотъ разъ не обошлось ему даромъ: онъ былъ убитъ при штурмѣ одного завала, а авангардъ его частью изрубленъ и частью разсѣянъ. Вслѣдствіе непроходимости дороги, вся колонна опять растянулась на большое протяженіе и была атакована со всѣхъ сторонъ массами горцевъ. Стрѣлки, составлявшіе боковыя цѣпи, также растянулись и уже дрались въ одиночку и отчаянно на однихъ штыкахъ. Произошла страшная суматоха: конная милиція, раненые солдаты, вьючныя лошади, порціонный скотъ, ихъ вожатые и всѣ, бывшіе внѣ строя, бросились на дорогу плотною массою. Все перемѣшалось. Не было никакой возможности остановить этотъ потокъ, который опрокинулъ и увлекъ за собою и строевыя части. Горцы съ необыкновенной энергіею обдавали свинцовымъ градомъ безпорядочную и ошеломленную толпу. Попытка Клугенау остановить бѣгущихъ штыками также не удалась [9]). Вскорѣ около заваловъ, только-что расчищенныхъ, образовались новые, составленные уже изъ труповъ людей и лошадей, и можно было съ полною вѣроятностью ожидать рѣшительной гибели всей колонны. Но этого не случилось, такъ какъ остатки ея были задержаны на небольшой площадкѣ безстрашнымъ генераломъ Клугенау, который въ эту ужасную минуту съумѣлъ возстановить нѣкоторый порядокъ. Этотъ замѣчательный и многоопытный кавказскій вождь обнаружилъ чрезвычайную стойкость и присутствіе духа; „онъ оживотворялъ статую командора“, говоритъ участникъ и очевидецъ генералъ Гейманъ.

Ружейный огонь горцевъ между тѣмъ усиленно продолжался въ тылу. Нѣкоторыя части, собранныя и приведенныя въ порядокъ генераломъ Клугенау, начали отступать довольно стройно—какъ вдругъ, послѣдовалъ отчаянный натискъ горцевъ. Но цѣпь стрѣлковъ и навагинцевъ, немедленно выдвинутая впередъ, прикрыла движеніе остатковъ колонны. Взводъ поручика Новицкаго нѣсколько разъ пускалъ въ дѣло свои штыки и каждый разъ съ честью выходилъ изъ рукопашной схватки. Въ этотъ послѣдній критическій моментъ подоспѣло подкрѣпленіе, высланное изъ Дарго графомъ Воронцовымъ; оно состояло изъ кабардинцевъ и стрѣлковъ. Послѣднихъ привелъ прикомандированный къ баталіону лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона подпоручикъ Адамъ. Подкрѣпленіе это, при выступленіи изъ лагеря, подверглось сильному ружейному огню съ лѣваго берега Аксая, занятаго горцами; но оно быстро вышло изъ сферы непріятельскаго огня и черезъ нѣсколько минутъ было на мѣстѣ катастрофы. Оно живо пробралось по узкой дорожкѣ между грудами тѣлъ и вьюковъ и немедленно оцѣпило всю колонну. Подъ прикрытіемъ цѣпи, на которую нѣсколько разъ горцы отчаянно бросались въ шашки, генералъ Клугенау успѣлъ спасти клочки своей колонны. Отступленіе было произведено въ порядкѣ, благодаря стрѣлкамъ и кабардинцамъ, которые отбивались только штыками.

Такъ кончилась „сухарная экспедиція“, цѣль которой не была достигнута: отрядъ не получилъ ожидаемыхъ продовольственныхъ запасовъ, а отяготилъ себя новыми ранеными, которыхъ было до 700 человѣкъ, не говоря о громадномъ количествѣ убитыхъ. Въ два дня „сухарной экспедиціи“ мы потеряли убитыми двухъ генераловъ, трехъ штабъ-офицеровъ, 14 оберъ-

[9]) Рапортъ Клугенау 22-го іюля № 74.

офицеровъ и 537 нижнихъ чиновъ; ранеными—32 оберъ-офицера, 738 нижнихъ чиновъ; контуженными—4-хъ офицеровъ и 84 нижнихъ чина; одинъ оберъ-офицеръ пропалъ безъ вѣсти, и три горныхъ единорога были брошены въ лѣсу. Двѣ роты стрѣлковъ потеряли убитыми 34 нижнихъ чина, ранеными—поручика Новицкаго и 16 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропавшими—7 нижнихъ чиновъ. Стойкость, которую обнаружили стрѣлки, была поистинѣ изумительная—что видно также изъ цифры убитыхъ, которая болѣе чѣмъ вдвое превосходила количество раненыхъ, — примѣръ хотя и возможный, но все же довольно рѣдкій въ военной исторіи.

Положеніе отряда становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Шамиль страшно поднялся въ глазахъ горцевъ, и партіи его все усиливались. Главнокомандующій рѣшилъ пробиться къ Герзель-аулу и отдалъ 13-го іюля по отряду приказаніе, чтобы на разсвѣтѣ быть готовыми къ выступленію; ночью отобрать отъ убитыхъ и тяжело раненыхъ ружья, которыя зарыть, палатки порвать на бинты, все лишнее сжечь; однимъ словомъ, освободить возможно больше вьючныхъ лошадей для перевозки раненыхъ. Кромѣ того, велѣно было частямъ, занимавшимъ укрѣпленные пункты у Гагатля и Анди, стянуться къ позиціи у мичикальскаго ущелья и прекратить сношенія съ главнымъ отрядомъ. Генералъ-лейтенантъ кн. Бебутовъ получилъ приказаніе—принять на себя начальство надъ означенными войсками и удержать за собою Мичикалъ впредь до особаго распоряженія. Передъ выступленіемъ изъ Дарго графъ Воронцовъ послалъ приказаніе въ пяти экземплярахъ и пятью разными дорогами генералу Фрейтагу собрать всѣ наличныя войска и поспѣшить на встрѣчу главному отряду, по направленію къ Герзель-аулу.

Въ четыре часа утра отрядъ, имѣя въ строю всего лишь 5000 штыковъ, а на рукахъ 35000 патроновъ и 700 артилерійскихъ зарядовъ, двинулся въ путь. Въ авангардѣ, бывшемъ подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, слѣдовали три роты стрѣлковъ, въ составѣ Аншеронскаго, Люблинскаго и сапернаго баталіоновъ, четырехъ орудій и конной милиціи. За авангардомъ двигались главныя силы подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау, обремененная тяжестями и свыше семью стами раненыхъ. Первое и серьезное препятствіе, представившееся отряду, былъ крутой и глубокій оврагъ Аксая, а вслѣдъ затѣмъ подъемъ. Какъ только авангардъ сталъ спускаться въ оврагъ, горцы открыли по немъ сильный огонь изъ двухъ орудій, поставленныхъ на высотахъ лѣваго берега Аксая. Для прикрытія авангарда, отъ него были отдѣлены всѣ три роты стрѣлковаго баталіона и расположены на правомъ берегу Аксая. Руководимые маіоромъ Калашниковымъ, стрѣлки своимъ мѣткимъ огнемъ заставили горцевъ отступить и дали возможность авангарду выбрать весьма выгодную позицію за деревнею Белгатой и на ея кладбищѣ [10]). Непріятель отступилъ къ селенію Ведено. Когда же весь отрядъ стянулся на позиціи у Белгатоя, то авангардъ, къ которому немедленно бѣгомъ присоединились стрѣлки, двинулся дальше и, выбивъ горцевъ изъ небольшой, но крѣпкой башни, прибылъ къ аулу Цонтери. У этого же аула расположился на ночлегъ весь отрядъ. Сверхъ всякаго ожиданія, ночь была проведена очень спокойно.

[10]) Рапортъ ген. Лидерса 23-го іюля 1845 г. № 103.

Отъ Цонтери идутъ двѣ дороги: одна черезъ сел. Шуани къ Герзель-аулу, а другая на Маюртупъ. 14 іюля отрядъ двинулся по первой изъ нихъ. Непріятель, не зная, какую изъ этихъ дорогъ выберетъ отрядъ, собрался въ большія массы и занялъ лѣсъ у аула Цонтери, впереди того мѣста, гдѣ дорога развѣтвляется. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашей горной батареи и сильнаго огня стрѣлковъ, авангардъ ворвался въ лѣсъ, разсѣялъ горцевъ и занялъ опушку у дороги. Тогда отрядъ двинулся безостановочно. Какъ только горцы замѣтили, что онъ направляется на Шуани, то съ лихорадочною поспѣшностью бросились на лѣсистый хребетъ, преграждавшій путь; хребетъ этотъ еще раньше былъ ими укрѣпленъ на всякій случай множествомъ боковыхъ и фронтальныхъ заваловъ. Авангардъ получилъ приказаніе атаковать хребетъ съ фронта. Эта задача была чрезвычайно важная и въ высшей степени трудная, поэтому, для облегченія ея было направлено шесть ротъ куринцевъ на штурмъ заваловъ съ лѣвой стороны, а баталіонъ литовцевъ—съ правой. Такимъ образомъ, авангардъ, обезпеченный отъ фланговаго огня непріятеля, имѣя впереди стрѣлковъ, двинулся въ атаку. Вскорѣ завалы одинъ за другимъ стали переходить въ наши руки. Увлеченные боемъ и успѣхомъ, атакующіе бросились къ предпослѣднему завалу, и „первымъ вскочилъ“ на него кавказскаго стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Домбровскій, но тутъ же „погибъ геройскою смертью“. При этой стремительной атакѣ, авангардъ очутился далеко впереди главныхъ силъ и потерялъ съ ними всякую связь. Горцы, сосредоточившіеся за послѣднимъ заваломъ, усмотрѣвъ его малочисленность и критическое положеніе, приготовились къ отчаяному и рѣшительному удару Смѣлый авангардъ, не смотря ни на что, готовился уже броситься на послѣдній завалъ, но въ это время подоспѣлъ Генералъ Лидерсъ и приказалъ ему остановиться и залечь въ предпослѣднемъ завалѣ до прибытія подкрѣпленія. Послѣднее не заставило себя долго ждать и явилось во главѣ съ самимъ главнокомандующимъ, который собралъ въ составъ его все, что оставалось отъ колоннъ, штурмовавшихъ фланговые завалы. Затѣмъ подоспѣлъ также дивизіонъ горной батареи, немедленно открывшій огонь, а затѣмъ были направлены въ обходъ послѣднихъ заваловъ Апшеронцы и Литовцы; все это вынудило горцевъ бросить позицію и удалиться. Тѣмъ временемъ отрядъ стянулся и двинулся дальше. Выбравшись изъ лѣса, гдѣ приходилось ежеминутно отражать непріятеля, войска достигли селенія Иса-юртъ и противъ него остановились на ночлегъ. Хотя они прошли всего только восемь верстъ, но были сильно утомлены, потому что бой почти не прерывался, и дорога была совершенно испорчена проливнымъ дождемъ, такъ что полевыя орудія явились на бивакъ лишь къ утру слѣдующаго дня. Общая потеря наша была довольно значитетьная [11]). Стрѣлки же, участвуя почти все время въ дѣйствіяхъ авангарда, потеряли убитыми одного офицера (прапорщика Домбровскаго) и двухъ нижнихъ чиновъ и ранеными 15 человѣкъ.

На слѣдующій день, 15-го іюля, пройдя всего только четыре версты, отрядъ остановился на ночлегъ у аула Аллерой. Необходимо было сдѣлать такой небольшой переходъ не столько потому, что непріятель представлялъ

[11]) Убиты: 1 штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 65 нижнихъ чиновъ; ранены: 3 штабъ-офицера, 11 оберъ-офицеровъ, 158 нижнихъ чиновъ; контужены: 4 оберъ-офицера, 37 нижнихъ чиновъ, и 7 нижнихъ чиновъ пропали безъ вѣсти.

серьезныя сопротивленія, сколько потому, что отрядъ пришелъ въ крайнее изнеможеніе. Положеніе его становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе критическимъ: провіантъ уже истощался; порціоннаго скота оставалось немного; небольшое количество вьючныхъ лошадей едва хватало для поднятія даже раненыхъ, вслѣдствіе чего офицеры весьма охотно сожгли свой багажъ, чтобы уступить имъ своихъ верховыхъ лошадей, (самъ графъ Воронцовъ, для примѣра, собственноручно сжегъ свой весьма дорогой багажъ), а часть лошадей для той же цѣли была взята у казаковъ; число больныхъ и раненыхъ между тѣмъ съ каждымъ часомъ увеличивалось.

На слѣдующее утро, вслѣдствіе густаго тумана и дождя, отрядъ не могъ выступить раньше восьми часовъ. Диспозиція для движенія оставалась прежняя; только стрѣлки были частью въ авангардѣ и частью въ боковыхъ цѣпяхъ. Авангарду пришлось подъ сильнымъ огнемъ пройти черезъ лѣсъ, спуститься въ глубокій оврагъ, построить вмѣстѣ съ саперами мостъ черезъ него и въ то же время огнемъ штуцеровъ прикрывать саперъ отъ сильнаго огня горцевъ. Когда же мостъ былъ готовъ, авангардъ, съ стрѣлками во главѣ, двинулся на гребень оврага, гдѣ былъ непріятельскій завалъ, и штыками выбилъ отсюда горцевъ. Здѣсь стрѣлки потеряли раненными: прикомандированнаго къ 3-й ротѣ, лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка поручика барона Врангеля и девять нижнихъ чиновъ. Наконецъ, отрядъ выбрался изъ мрачныхъ и гибельныхъ ичкеринскихъ лѣсовъ. Когда онъ вышелъ на поляну къ аулу Шаухалъ-Берды, то авангардъ, и въ томъ числѣ стрѣлки, руководимые маіоромъ Калашниковымъ, тотчасъ атаковали аулъ и заняли его. Ночь была проведена очень безпокойно: весь лѣсъ, окружавшій поляну, кишѣлъ партіями горцевъ, неустанно тревожившихъ войска, положеніе которыхъ было поистинѣ плачевное. Баталіоны до того порѣдѣли, что самые сильные едва имѣли въ строю 300 человѣкъ, а число больныхъ и раненыхъ дошло до 1500. Ночью принуждены были уничтожить лафеты для того, чтобы на артилерійскихъ лошадяхъ перевезти больныхъ, а тѣла орудій велѣно везти на вьюкахъ. На каждое ружье оставалось не болѣе 50 патроновъ, а недостатокъ въ артилерійскихъ снарядахъ заставлялъ собирать непріятельскія ядра и неразорвавшіяся гранаты. Уже четыре дня люди ничего не ѣли, кромѣ кукурузы, которую голоднымъ солдатамъ удалось набрать у аула Шаухалъ-Берды. Но не смотря на все это, солдаты нисколько не падали духомъ: обычныя пѣсни, веселыя шутки ни на минуту не покидали ихъ; даже неизвѣстность будущаго совсѣмъ не приводила ихъ въ уныніе. Обезсиленному до такой степени отряду крайне рискованно было продолжать путь къ Герзель-аулу, тѣмъ болѣе, что непріятель не переставалъ усиливаться; поэтому главнокомандующій предпочелъ ожидать у Шаухалъ-Берды прибытія генерала Фрейтага съ подкрѣпленіемъ и 17-го числа отдалъ приказъ слѣдующаго содержанія:

„Ребята! Мы, русскіе, и особливо люди какъ вы, никогда не унываютъ и берутъ верхъ надъ всѣмъ. О себѣ намъ заботиться нечего, мы вездѣ пройдемъ благополучно. Главнѣйшее наше попеченіе должно быть, чтобы пронести нашихъ больныхъ. Это нашъ долгъ христіанскій, и Богъ намъ въ томъ поможетъ. Будьте бодры, веселы, мужественны, и мы выйдемъ отсюда съ честью и славою, тѣмъ болѣе, что къ намъ идетъ на встрѣчу отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фрейтага“.

Главнокомандующаго, видно, сильно угнетала мысль, что крайность можетъ, наконецъ, заставить отрядъ бросить раненыхъ и больныхъ и пробиться къ Герзель-аулу. Онъ съ ужасомъ думалъ о возможности такого несчастія въ случаѣ неприбытія генерала Фрейтага. Это видно изъ его словъ, которыя онъ впослѣдствіи писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ: „я имѣлъ ужасныя минуты сомнѣнія, разумѣется не за себя лично, потому что въ нашемъ ремеслѣ и особенно въ мои годы было бы стыдно думать о себѣ, но я боялся за нашихъ раненыхъ“.

Между тѣмъ, горцы съ высокаго берега Аксая громили наше расположеніе изъ трехъ орудій; ружейный огонь ихъ тоже не умолкалъ. Наша цѣпь, и главнымъ образомъ стрѣлки, окружавшіе и сторожившіе бивакъ, отстрѣливались и удерживали непріятеля на почтительномъ разстояніи, такъ что пули его не особенно вредили намъ. Впрочемъ, горцы повидимому, и не торопились покончить съ нами, будучи увѣрены что раньше или позже мы не уйдемъ изъ ихъ рукъ. Это внушало намъ радостную мысль, что они не подозрѣвали ничего о движеніи генерала Фрейтага.

19-го іюля, въ семь часовъ утра, по дорогѣ отъ Мискита показались войска генералъ-маіора Фрейтага. Появленіе ихъ столько же обрадовало даргинскій отрядъ, сколько переполошило горцевъ. Спѣша воспрепятствовать соединенію отрядовъ, они заняли устроенные ими раньше завалы, но войска Фрейтага остановились на противуположныхъ высотахъ въ тылу у нихъ, открыли артилерійскій огонь, подбили одно изъ орудій Шамиля и произвели между скопищами порядочное смятеніе. Конныя и пѣшія толпы торопливо стали перебираться на высоты праваго берега Аксая. Главный отрядъ немедленно двинулся впередъ. Это было около 10 часовъ утра. Рота стрѣлковъ штабсъ-капитана Аленина 1-го была въ авангардѣ, а другія двѣ роты были въ боковыхъ цѣпяхъ и въ арріергардѣ. Раненые были отправлены впередъ, но между носильщиками, силившимися какъ можно скорѣе протѣсниться впередъ въ виду отряда генерала Фрейтага, произошла суматоха. Горцы воспользовались этимъ моментомъ и встрѣтили эту безпорядочную толпу страшнымъ огнемъ изъ боковыхъ заваловъ, а потомъ бросились на нее въ шашки. Но подоспѣлъ съ авангардомъ генералъ Бѣлявскій, обогналъ раненыхъ и возстановилъ порядокъ. Послѣ этого непріятель обратилъ свои нападенія на лѣвую цѣпь и на арріергардъ, которые стойко выдержали всѣ его удары до тѣхъ поръ, пока отрядъ спустился въ лѣсистый оврагъ. При подъемѣ его затѣмъ на противуположный берегъ, онъ былъ сопровождаемъ такимъ сильнымъ огнемъ изъ заваловъ, устроенныхъ на высотахъ, что движеніе его сдѣлалось буквально невозможнымъ. Вслѣдствіе этого лѣвая цѣпь, гдѣ между прочимъ была рота стрѣлковъ съ штабсъ-капитаномъ Фитингофомъ, поддержанная куринцами, присланными генераломъ Фрейтагомъ, бросилась на завалы и послѣдовательно очистила ихъ штыками. Только послѣ этого отрядъ могъ безопасно подняться на другую сторону оврага и получилъ возможность войти въ связь съ войсками Фрейтага. Что касается арріергарда, гдѣ также находились стрѣлки, то послѣ многихъ атакъ, которыя пришлось ему отражать въ теченіе четырехъ часовъ, онъ, по соединеніи отрядовъ, былъ, наконецъ, смѣненъ войсками Фрейтага. 19-го іюля стрѣлки потеряли ранеными девять человѣкъ и одного безъ вѣсти пропавшаго. Всѣ войска расположились на ночлегъ у Мискита.

На слѣдующій день, выступивъ въ 10 часовъ утра, они безъ всякихъ тревогъ прибыли къ Герзель-аулу въ четыре часа пополудни.

Даргинская экспедиція кончилась. Въ теченіи ея стрѣлки потеряли убитыми одного оберъ-офицера и 54 нижнихъ чина; ранеными двухъ оберъ-офицеровъ и 65 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими 8 нижнихъ чиновъ [12]).

По поводу безъ вѣсти пропавшихъ одинъ старый стрѣлокъ утверждаетъ слѣдующее: дѣйствуя большею частью въ боковыхъ цѣпяхъ, стрѣлки, при внезапныхъ нападеніяхъ горцевъ, часто бывали ими сталкиваемы подъ кручу. Когда положеніе кого либо изъ стрѣлковъ становилось безвыходнымъ, онъ бросалъ свой разряженный штуцеръ товарищамъ, чтобы непріятель не завладѣлъ дорогимъ оружіемъ, а самъ отбивался и оборонялся своимъ ножемъ. Горцамъ сильно хотѣлось завладѣть хоть однимъ штуцеромъ, который ихъ крѣпко интересовалъ. Впослѣдствіи лазутчики передавали, что имъ, наконецъ, удалось посредствомъ длиннаго крюка неожиданно стащить изъ боковой цѣпи въ оврагъ одного стрѣлка вмѣстѣ съ его штуцеромъ. Когда его привели въ аулъ, то все населеніе сбѣжалось смотрѣть невиданное оружіе. Стрѣлка, говорятъ, держали въ большомъ почетѣ и хотѣли представить Шамилю.

Даргинская экспедиція принесла нашимъ дальнѣйшимъ операціямъ ту важную услугу, что послѣ нея главнокомандующему предоставлено было дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, и изъ Петербурга не только заранѣе составленныхъ плановъ, но и никакихъ болѣе инструкцій и указаній даваемо не было. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ придерживаться системы постепеннаго покоренія края путемъ постепеннаго, хотя и медленнаго, но прочнаго занятія главныхъ пунктовъ и уничтоженія главныхъ оплотовъ Шамиля и мюридизма. Но во второй половинѣ 1845 года ничего серьезнаго въ этомъ смыслѣ онъ предпринять не могъ, такъ какъ войска нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ и должны были привести въ порядокъ все, что у нихъ было разстроено и растрачено. Въ виду этого главнокомандующій въ первый же день по приходѣ въ Герзель-аулъ распустилъ ихъ по штабъ-квартирамъ. Въ напутственномъ приказѣ по отряду графъ Воронцовъ, перечисливъ всѣ подвиги его, писалъ между прочимъ: „Слухъ о нашемъ походѣ долго будетъ служить въ горахъ страшилищемъ для враговъ нашихъ и доказательствомъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Я горжусь тѣмъ, что имѣлъ честь вами командовать и раздѣлить съ вами труды и опасности“.

Однако 2-я, 3-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона еще долго оставались на линіи для нѣкоторыхъ второстепенныхъ предпріятій. Послѣднія заключались въ постройкѣ укрѣпленія въ Чиръ-юртѣ, на прямомъ сообщеніи съ Дагестаномъ, въ проложеніи просѣки у подошвы Черныхъ горъ, къ западу отъ крѣпости Воздвиженской, и въ устройствѣ казачьихъ поселеній на Сунжѣ. Стрѣлки принимали дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ операціяхъ, будучи по обыкновенію разбиваемы на взводы и команды и распредѣляемы

[12]) Общія потери наши въ войскахъ соединенныхъ отрядовъ были слѣдующія: убито 37 и ранено 119 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 819, ранено 1916; контужено 3 штабъ-офицера, 28 оберъ-офицеровъ, 409 нижнихъ чиновъ; пропало безъ вѣсти 2 оберъ-офицера и 179 нижнихъ чиновъ.

по разнымъ раіонамъ дѣйствій. На всѣхъ работахъ они конечно служили прикрытіемъ, подъ покровительствомъ котораго топоры и лопаты свершали свое дѣло. Въ концѣ октября всѣ три роты, съ присоединившимися къ нимъ еще въ августѣ десятью стрѣлками изъ отряда кн. Бебутова, который былъ тогда же распущенъ, возвратились въ свою новую штабъ-квартиру, на урочище Гомборы, гдѣ ихъ ожидала радушная встрѣча семействъ и товарищей, а самое главное — теплыя и сухія помѣщенія, которыхъ онѣ не знали съ начала 1844 года.

Даргинская экспедиція покрыла молодой стрѣлковый баталіонъ большою славою и выдвинула его въ ряды старыхъ доблестныхъ кавказскихъ полковъ. Подтвержденіе тому служитъ Всемилостивѣйше пожалованное баталіону знамя съ надписью: *„за походъ въ Андію въ іюнѣ и за взятіе Дарго 6-го іюля 1845 года“* [13]). Эта же самая экспедиція быстро воспитала стрѣлковъ, давъ имъ возможность въ короткое время пройти чуть не весь курсъ боевой школы. Послѣдняя началась для нихъ въ 1844 году распоряженіями довольно робкими относительно указанія имъ скромнаго мѣста въ сферѣ дѣйствій прочихъ войскъ, а завершилась самостоятельною и независимою отъ другихъ частей дѣятельностью въ 1845 году, когда, при отступленіи злополучнаго даргинскаго отряда, они атакуютъ завалы и замыкаютъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, общее движеніе. Горцы, изумлявшіеся доселѣ мѣткости штуцеровъ и искусству стрѣлковъ, на этотъ разъ убѣдились, что эти стрѣлки не менѣе ловко и искусно работаютъ штыкомъ.

Но за то, не мало удивили стрѣлки своими потерями въ даргинскую экспедицію и инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ генерала барона Рамзая. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ ротѣ считалось 150 штыковъ, но въ дѣло могли выходить всего 120 — 130; остальные распредѣлялись по различнымъ вагенбургамъ, на дежурства, были больные, слабые и т. д. Потеря въ 127 нижнихъ чиновъ составляетъ почти одну треть всего числа людей, бывшихъ въ дѣлахъ противъ непріятеля. Когда эта цифра была представлена генералу Рамзаю, то послѣдній разразился жестокими упреками надъ тѣми начальниками, которые, вопреки Высочайшей волѣ, такъ нецѣлесообразно пользовались стрѣлками. Между прочимъ, онъ начерталъ цѣлую инструкцію, опредѣлявшую порядокъ и случаи примѣненія стрѣлковъ въ бою. Въ отзывѣ своемъ къ начальнику главнаго штаба войскъ на Кавказѣ онъ писалъ: „изъ полученныхъ мною отчетовъ и свѣдѣній отъ очевидныхъ свидѣтелей, что участвующими въ дѣлахъ противъ горцевъ ротами кавказскаго стрѣлковаго баталіона разстрѣливается непомѣрно большое количество боевыхъ патроновъ, заключаю, что стрѣлки во время дѣйствій употребляются безъ виду достиженія той цѣли, къ которой они по преимуществу своего оружія, въ отношеніи мѣткости и дальности попаданія противъ обыкновенныхъ ружей, предназначены, черезъ что и не можетъ быть принесена ими требуемая въ дѣлѣ польза. Вслѣдствіе чего, предписавъ вмѣстѣ съ симъ командующему баталіономъ маіору Кривоносову [14]) настрожайшее внушить чинамъ баталіона, что во время дѣла противъ непріятеля главнѣйшая обязанность стрѣлковъ—дѣйствовать въ такихъ только случаяхъ, гдѣ огонь ихъ дѣй-

[13]) Приказъ военнаго министра 20-го марта 1846 г. № 53.

[14]) Преемникъ полковника Киновича, который сдалъ ему баталіонъ въ 1846 году передъ полученіемъ предписанія ген. Рамзая.

ствительно можетъ нанести непріятелю чувствительный вредъ, и на сей конецъ сосредоточивать огонь на одни важнѣйшіе пункты, стараясь быть отъ непріятеля на такомъ разстояніи, чтобы могли дальнимъ выстрѣломъ вѣрно и мѣтко поражать его, находясь сами прикрытыми удобною мѣстностью по возможности отъ огня противника; употреблять же стрѣлковъ при атакахъ, штурмованіи деревень, для очистки опушки лѣса отъ непріятеля и въ прочихъ т. п. случаяхъ, гдѣ дѣйствуетъ густая цѣпь стрѣлковъ другихъ пѣхотныхъ войскъ, вовсе не слѣдуетъ—я долгомъ считаю увѣдомить о семъ ваше превосходительство, съ покорнѣйшей просьбою о зависящихъ по сему предмету распоряженіяхъ".

Впослѣдствіи увидимъ, что при всемъ своемъ стараніи точно исполнять инструкцію генерала Рамзая, кавказскіе начальники были весьма часто вынуждаемы пользоваться штыкомъ стрѣлковъ такъ же обширно, какъ и ихъ штуцеромъ. Стрѣлки все таки продолжали весьма нерѣдко быть впереди всѣхъ, участвовали въ атакахъ и штурмахъ, назначались въ арріергардъ, гдѣ имъ приходилось въ хвостѣ колонны отступать исключительно на штыкахъ, и выдерживали подчасъ продолжительный рукопашный бой. Сами стрѣлки, конечно, на это не претендовали; напротивъ, они считали для себя за честь всякое подобное назначеніе. Но справедливость требуетъ сказать, что офицеры на этомъ иной разъ теряли, такъ какъ были случаи, что, представляя ихъ къ награжденію, начальство умалчивало о ихъ подвигахъ, преимущественно рукопашныхъ, достойныхъ ордена св. Георгія, чтобы этимъ не обнаружить нарушенія инструкціи инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ.

За даргинскую экспедицію большинство офицеровъ баталіона получило по двѣ награды. „Отважный" маіоръ Калашниковъ, за дѣла 6-го, 7-го, 10-го и 11-го іюля награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а за дѣла съ 13-го по 20-е число того же мѣсяца чиномъ подполковника. Штабсъ-капитанъ Аленинъ за 7-е іюля награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а за отступленіе отъ Дарго орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Штабсъ-капитанъ Фитингофъ—орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Поручикъ фонъ-Врисбергъ — орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость" и орденомъ св. Станислава 3-й степени съ бантомъ. Поручикъ Аленинъ 2-й — орденомъ св. Станислава 3-й степени. Поручикъ Бучинскій —орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость". Прикомандированные къ баталіону: поручикъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка баронъ Врангель — орденомъ св. Анны 3-й степени и подпоручикъ лейбъ-гвардіи финскаго стрѣлковаго баталіона Адамъ—слѣдующимъ чиномъ. Поручикъ Новицкій—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Прапорщикъ Максимовъ — орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость". Такимъ образомъ, въ трехъ ротахъ получено 15 офицерскихъ наградъ, въ томъ числѣ четыре владимірскихъ креста. Нижнимъ чинамъ пожаловано 23 знака отличія военнаго ордена [15]). Эти награды, независимо

[15]) Награждены: фельдфебеля—Евстафій Семеновъ, Филиппъ Алексѣевъ; унтеръ-офицеры—Григорій Волковъ, Захаръ Фенькovъ, Сергѣй Павловъ, Дмитрій Николаевъ, Евдокимъ Надѣинъ, Иванъ Яковлевъ, Семенъ Симоновъ, Поликарпъ Филипповъ, Несторъ Паськовъ; рядовые—Власъ Ефимовъ, Ардаліонъ Шаповаловъ, Афанасій Перми-

отъ понесенныхъ въ бою потеръ, весьма достаточно и рельефно опредѣляютъ подвиги стрѣлковъ, поэтому нѣтъ надобности приводить реляціи, въ которыхъ восхвалялись заслуги отличившихся преимущественно въ упорныхъ рукопашныхъ бояхъ и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

IV.

1846 годъ. Приготовленіе къ походу 1-й роты. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника Кривоносова. Участіе 1-й роты въ военныхъ дѣйствіяхъ самурскаго отряда. Подвиги стрѣлковъ въ бою на тлійскихъ высотахъ и отнятіе ими у непріятеля значка. Участіе въ движеніи къ сел. Гамсутлю. Демонстрація. Расположеніе на отдыхъ. Неудачныя посягательства Шамиля на казикумухское ханство и даргинскій округъ. Возвращеніе стрѣлковъ въ Гомборы. Награды. Дѣятельность 2-й роты стрѣлковъ въ чеченскомъ отрядѣ. Участіе ее въ дѣлахъ съ непріятелемъ на Фортангѣ, а также въ перестрѣлкахъ 19-го, 23-го, 26-го іюля и 3-го сентября. Фуражировки. Награды. Внутренній бытъ стрѣлковъ въ 1846 году. Учрежденіе ссудной офицерской кассы и образованіе библіотеки. Приказъ по баталіону.

Даргинская экспедиція доказала самымъ наглядымъ образомъ, что однимъ ударомъ завладѣть твердынями Кавказа нельзя и что необходимо для „сокрушенія владычества Шамиля“ вести правильную и постепенную атаку горъ. Съ 1845 года и начинается такая осадная война, выразившаяся въ устройствѣ параллельныхъ кордонныхъ линій, унизанныхъ укрѣпленіями и постами, въ проведеніи дорогъ, просѣкъ и т. п. При устройствѣ этихъ сооруженій нельзя было, конечно, избѣжать вооруженныхъ столкновеній и приходилось даже предпринимать экспедиціи для наказанія и усмиренія горцевъ, или же для отвлеченія ихъ отъ нашихъ работъ, но общій характеръ нашихъ дѣйствій остается съ этого времени неизмѣннымъ.

Шамиль проникъ новое направленіе нашихъ дѣйствій и старался всѣми средствами мѣшать нашимъ работамъ безпрестанными нападеніями. Не смотря на наши укрѣпленія съ сильными гарнизонами и на войска, приходившія къ нимъ на помощь въ лѣтніе мѣсяцы изъ Закавказья, горцы часто прорывались черезъ наши кордонныя линіи—чеченскую и лезгинскую, грабили и уводили въ плѣнъ жителей ближайшихъ деревень. Для наказанія ихъ за набѣги рѣшено было предпринять поискъ въ общества, пропускавшія къ намъ хищниковъ, войсками самурскаго отряда, находившимися въ южномъ Дагестанѣ подъ начальствомъ генерала князя Аргутинскаго. Въ составъ этого отряда вошла и 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона подъ командою поручика Геннинга.

новъ, Тихонъ Карповъ, Федоръ Карповъ, Евсей Колтыковъ, Спиридонъ Соболевъ, Яковъ Андреевъ, Андрей Пахомовъ, Федоръ Легкопытовъ, Яковъ Федоровъ, Ѳаддей Ситовскій. (Дѣла особ. от. арх. кав. воен. окр. №№ 40, 42, 43, 46 — 1845 года). Впослѣдствіи командиромъ кавказской резервной бригады были возложены присланные княземъ Воронцовымъ кресты на слѣдующихъ чиновъ: фельдфебеля Степана Троца № 82230, унтеръ-офицера Михаила Гончарова № 82228; рядов. — Юзефа Погорѣльскаго № 82226, Харитона Козлова № 82227 и Федора Хука № 82229. (Приказъ по баталіону 17-го ноября 1846 г. № 321).

Князь Аргутинскій высоко цѣнилъ боевыя качества стрѣлковъ и превосходство ихъ вооруженія, поэтому онъ еще въ сентябрѣ 1845 года вошелъ съ представленіемъ о „необходимости имѣть при самурскомъ отрядѣ двѣ или по крайней мѣрѣ одну роту кавказскаго стрѣлковаго баталіона“ для предполагавшихся военныхъ дѣйствій въ 1846 году [1]). Представленіе это было уважено и предписано командиру баталіона полковнику Киновичу отправить въ самурскій отрядъ одну роту. Выступленіе роты предполагалось не раньше прибытія остальныхъ трехъ ротъ.

Полковникъ Киновичъ дѣятельно принялся съ конца же сентября за приготовленіе 1-й роты къ походу; но такъ какъ она, будучи почти все время на хозяйственныхъ работахъ, сильно отстала въ дѣлѣ стрѣлковаго образованія, то онъ счелъ долгомъ донести командиру резервной бригады барону Врангелю [2]), что „рота, по своему настоящему составу, съ пользою, какую отъ стрѣлковъ ожидать должно, не можетъ быть употреблена, потому что: 1) по списочному состоянію въ ротѣ состоитъ 138 человѣкъ и изъ нихъ: а) стрѣлковъ всѣхъ разрядовъ 46, б) вновь поступившихъ на укомплектованіе и спеціально стрѣлковому дѣлу необученыхъ 43, в) вовсе необученыхъ 30; 2) съ самаго выступленія изъ прежде занимаемыхъ квартиръ въ сел. Новосельцахъ, т. е. со 2-го мая 1845 года, практическая стрѣльба производилась только нѣсколько разъ, такъ какъ люди первой роты, со дня прибытія на Гомборы, находились постоянно на работахъ по заготовленію для казенно-подъемныхъ и ротныхъ лошадей, а также и для скота, сѣна, а потомъ по переустройству на зиму всѣхъ зданій и перестройкѣ конюшенъ въ жилую казарму, каковыя работы до сихъ поръ еще не приведены къ окончанію“. На основаніи этихъ обстоятельствъ командиръ баталіона просилъ разрѣшенія: „дозволить повременить отправленіемъ роты къ отряду до ранней весны, дабы имѣть возможность въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ заняться исключительно практическою стрѣльбою и обучить вновь поступившихъ на укомплектованіе“. Просьбу полковника Киновича начальникъ главнаго штаба нашелъ основательною, и рота, къ великому удовольствію командира баталіона, зимою въ самурскій отрядъ не пошла. Это обстоятельство показываетъ, насколько строго относился Киновичъ къ репутаціи единственнаго на Кавказѣ стрѣлковаго баталіона. Дѣйствительно, стрѣлки, обращавшіе въ это время на себя всеобщее вниманіе, должны были всѣми силами стараться поддержать свое значеніе и оправдать довѣріе, которое они успѣли внушить такому генералу, какъ князь Аргутинскій.

Въ ожиданіи похода, вся зима была проведена первою ротою въ усиленныхъ занятіяхъ стрѣльбою въ цѣль, такъ что раннею весною командиръ баталіона могъ спокойно отпустить стрѣлковъ въ отрядъ. Между тѣмъ, къ концу октября прибыли 2-я, 3-я и 4-я роты, успѣвшія много испытать и пріобрѣсти боевой закалъ. Зимнія занятія происходили уже подъ вліяніемъ опытныхъ даргинскихъ учителей, которые сообщили всей системѣ обученія солдатъ новый отпечатокъ. Строевые уставы были забыты, грамотностью также не занимались. Стрѣльба въ цѣль и фехтованіе составляли все. Часы досуга посвящались охотѣ на звѣря въ гомборскихъ лѣсахъ, обилующихъ дичью.

---

[1]) Рапортъ князя Аргутинскаго 8-го сентября 1845 года № 255.

[2]) Рапортъ № 1009.

Командиръ баталіона старался поощрять это направленіе, и охота, которая приняла большіе и правильные размѣры, имѣла значительное вліяніе на стрѣлковое воспитаніе солдатъ и офицеровъ.

Что касается внутренней жизни и хозяйства баталіона, то хотя относительно ея и было сдѣлано все, что возможно, но жилось не совсѣмъ удобно: офицеры помѣщались пока въ лачугахъ, по два, по три и даже болѣе; общаго стола еще не было; отсутствіе библіотеки, газетъ и журналовъ въ первое время живо давало себя чувствовать. Единственное „домашнее“ удовольствіе офицеровъ состояло въ томъ, что они, собравшись къ кому нибудь въ узкую и не особенно свѣтлую лачугу, заливали свою скуку кахетинскимъ виномъ. Впрочемъ, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ охота на звѣрей чуть ли не занимала весь досугъ офицеровъ. 3-го января 1846 года командиромъ баталіона былъ назначенъ подполковникъ Кривоносовъ, но онъ принялъ его только въ половинѣ марта [3]), такъ что стрѣлковую роту въ походъ снарядилъ полковникъ Киновичъ.

1-я рота выступила на сборный пунктъ самурскаго отряда въ г. Кубу въ слѣдующемъ составѣ: командующій ротою поручикъ Геннингъ, прикомандированный къ баталіону отъ Тифлисскаго егерскаго полка; оберъ-офицеровъ 4, унтеръ-офицеровъ 12, музыкантовъ 4, рядовыхъ 120, нестроевыхъ 5; подъемныхъ лошадей 18. Въ числѣ офицеровъ находился прикомандированный къ баталіону лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка поручикъ Сомовъ [4]). Лишь въ концѣ марта рота прибыла въ Кубу послѣ 37 дней марша, сдѣлавъ 618 верстъ въ 27 переходовъ. Поручику Геннингу было вмѣнено въ особенную обязанность наблюдать за здоровьемъ людей. Это и понятно: такое относительно громадное передвиженіе роты, не привыкшей еще къ суровой походной жизни на Кавказѣ, должно было сильно отразиться на здоровьи стрѣлковъ. Кромѣ того, какъ видно, полковника Киновича сильно озабочивала мысль, что стрѣлки, пробывъ долгое время въ походѣ, могутъ отстать отъ своей спеціальности, вслѣдствіе чего онъ предписалъ поручику Геннингу: „если гдѣ представится случай, то заниматься стрѣльбою въ цѣль, на какой предметъ имѣете истребовать черезъ высшее начальство, въ зависимости коего будете находиться, учебные припасы“.

Изъ Кубы рота выступила черезъ селенія Экръ и Харабъ-Кентъ и 4-го іюня прибыла въ сел. Мукрахъ, гдѣ сосредоточился самурскій отрядъ. Назначеніе его было—отвлекать вниманіе горцевъ отъ другихъ нашихъ отрядовъ, занятыхъ въ это время устройствомъ укрѣпленій и дорогъ. Военныя же дѣйствія, которыя могли быть имъ предприняты, должны были состоять въ томъ, чтобы наказывать горцевъ за набѣги, поражая гдѣ только возможно, ослабить ихъ предпріимчивость и этимъ повліять на нихъ также и морально.

Первымъ шагомъ кн. Аргутинскаго было движеніе на Мукрахъ, чтобы помѣшать намѣренію бывшаго султана элисуйскаго Даніельбека вторгнуться въ джаро-белаканскій округъ. Съ наступленіемъ его, собравшіяся уже скопища отступили въ глубь Дагестана, чтобы усилить оборону Кара-Койсу,

---

[3]) Приказъ по корпусу 8-го марта 1846 года № 73.

[4]) Строевой рапортъ командира баталіона 15-го февраля 1846 года.

понимая, что должны думать о защитѣ своего очага и бросить пока всякую мысль о набѣгѣ на линію. Когда, такимъ образомъ, цѣль движенія отряда на Мукрахъ была достигнута, князь Аргутинскій счелъ полезнымъ обратиться въ Андаляль, на селенія Кудали и Салты, зажиточные жители которыхъ давали пріютъ и оказывали гостепріимство большимъ непріятельскимъ партіямъ, предпринимавшимъ вторженія въ предѣлы преданныхъ намъ обществъ. Князь Аргутинскій не думалъ истреблять эти аулы, а только предполагалъ уничтожить продовольственные запасы и лишить средствъ къ снабженію ими непріятеля.

7-го іюля отрядъ двинулся черезъ Турчидагъ въ Кегеръ, гдѣ былъ усиленъ милиціею отъ чохцевъ, аварцевъ и нѣкоторыхъ другихъ обществъ, весьма усердно служившихъ намъ противъ своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ. Прибывъ 8-го іюля въ Кегеръ и оставивъ тамъ часть отряда подъ начальствомъ Плацъ-Бекъ-Кокума, онъ съ остальными войсками [5]) двинулся дальше и девятаго числа расположился противъ селенія Кудали. Горцы заняли ближайшія высоты и завязали перестрѣлку, продолжавшуюся цѣлый день, въ которой главная роль съ нашей стороны принадлежала стрѣлкамъ. 10-го числа отрядъ подступилъ къ сильно укрѣпленному селенію Салты, расположенному при входѣ въ ущелье, ведущее къ салтынскому мосту. Семейства и имущества были вывезены изъ аула, и остались въ немъ лишь тѣ изъ жителей, которые должны были защищать его; къ нимъ прибыли на помощь также кудалинцы и другіе горцы сосѣднихъ ауловъ.

Князь Аргутинскій, не имѣвъ намѣренія, какъ видно изъ донесенія его, брать аулъ штурмомъ, направилъ главныя силы черезъ хуторъ Сила-Махи на лѣвый берегъ Кегеръ-чая, который совершенно командуетъ селеніемъ и представляетъ болѣе удобствъ для дѣйствія по немъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Ближайшій подступъ къ селенію оборонялся передовою башнею, построенною на небольшомъ возвышеніи лѣваго берега рѣки. Къ этой башнѣ бросились, по приказанію кн. Аргутинскаго, сотня казикумухцевъ и сотня ахтынцевъ, бывшихъ въ головѣ войскъ. Не смотря на сильный огонь, милиціонеры храбро атаковали горцевъ и заставили ихъ очистить башню. На этой башнѣ и лѣвѣе ея—на другомъ возвышеніи, саперы быстро устроили эполементы для орудій, а милиціонеры—завалы для стрѣлковъ, и затѣмъ былъ открытъ огонь. Вскорѣ многія сакли, наполненныя хлѣбомъ и сѣномъ, загорѣлись, и стрѣлки дѣйствовали изъ за своихъ закрытій преимущественно по защитникамъ, выбѣгавшимъ изъ зажженныхъ жилищъ; а спустя нѣкоторое время одинъ взводъ отдѣлился и, подъ командою поручика Стефанека, приблизился къ селенію на самый вѣрный выстрѣлъ, откуда имѣлъ возможность нанести непріятелю весьма чувствительный уронъ. За храбрость и распорядительность въ этомъ дѣлѣ Стефанекъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“, а на взводъ пожаловано два креста [6]). Огонь по селенію изъ нашихъ орудій, крѣпостныхъ ружей и штуцеровъ продолжался 11-го и 12-го

---

[5]) 1-й и 3-й баталіоны кн. Варшавскаго полка, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, дивизіонъ горной № 2-й батареи кавк. грен. арт. бригады, 2 сотни казикумухцевъ, 2 сотни кайтагской милиціи и 5 сотенъ даргинскаго округа.

[6]) Кресты возложены на унтеръ-офицера Фрола Зубовича (№ 82259) и на рядоваго Василія Иванова (№ 82260). (Дѣло особ. отд. шт. кавк. в. окр. № 131, 1846 года).

іюня [7]). Въ теченіе этихъ дней у стрѣлковъ ранено двое. Къ защитникамъ не переставали прибывать подкрѣпленія, а къ 13-му числу явились Даніельбекъ и Хаджи-Муратъ съ своими лучшими мюридами. Противъ подходившихъ партій весьма удачно дѣйствовали одни только милиціонеры, такъ что не было надобности вводить въ дѣло регулярныя войска и стрѣлковъ. Наконецъ, удовлетворившись результатами своей диверсіи, кн. Аргутинскій отступилъ на Турчидагъ.

Но не долго пришлось ему стоять на излюбленномъ турчидагскомъ плато. Вскорѣ лазутчики дали знать, что Даніельбекъ опять собираетъ большія скопища, преимущественно изъ Тленсеруха и Дусарата, для вторженія въ джаро-белаканскій округъ. Князь Аргутинскій поднялъ отрядъ и двинулся въ эти общества, чтобы появленіемъ среди нихъ возвратить въ свои дома жителей и тѣмъ разстроить партіи и самый замыслъ Даніельбека. Дорога была въ высшей степени затруднительная и требовала частой разработки для артилеріи и вьюковъ. Непріятель, не зная цѣли и направленія нашего движенія, не могъ ему помѣшать, а когда 23-го іюля оно стало ему ясно, то уже было слишкомъ поздно загородить дорогу завалами. Но онъ все-таки подоспѣлъ въ свои общества, занялъ противуположный берегъ Тленсерухъ-чая, впереди деревни Хавабзухъ, и высоты, прилегавшія къ правому флангу нашего расположенія на берегу рѣки, и открылъ огонь. Перестрѣлка эта, впрочемъ, продолжалась недолго, потому что милиція сбила ее оттуда, а стрѣлки въ ожиданіи нашей переправы и разработки дороги къ аулу Кутихъ, удерживали его отъ всякихъ дальнѣйшихъ покушеній. Тѣмъ временемъ, прочія войска сожигали окрестные хутора и уничтожали по ущелью покосы.

Въ теченіе всего дня пѣшіе и конные горцы быстро стекались цѣлыми партіями и, наконецъ, составили весьма значительное скопище. Привлеченіемъ ихъ къ своему отряду князь Аргутинскій достигалъ главной цѣли своего движенія, почему и дальнѣйшее пребываніе его въ Тленсерухѣ становилось излишнимъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ возвратиться назадъ, и 25-го іюля стянулъ отрядъ на равнину Хулдухъ. Горцы, замѣтивъ это, поспѣшили занять гребень Тлія, раздѣляющій рр. Дусаратъ-чай и Тленсерухъ-чай, повидимому ожидая нашего движенія въ глубокую долину Дусаратъ-чая, чтобы начать рѣшительное преслѣдованіе. Находя невыгоднымъ въ виду такого многочисленнаго непріятеля, расположеннаго на флангѣ отряда, продолжать отступленіе, кн. Аргутинскій вознамѣрился оттянуть его съ высотъ къ Тленсерухъ-чаю, разбить, разсѣять и потомъ уже слѣдовать далѣе.

Крутыя высоты хребта Тлія, въ особенности два пика его, усѣченныя вершины которыхъ выставлялись въ формѣ раковины, нѣсколько наклоненной къ непріятелю, были сильно заняты мюридами и укрѣплены завалами. Высота на правомъ флангѣ непріятельскаго расположенія была командующею и составляла ключъ позиціи, поэтому сюда и предстояло намъ направить главную атаку. Отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: первая [8]), въ

---

[7]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 16-го іюля 1846 года № 96.

[8]) Колонна состояла изъ милиціи Самурскаго округа, 2-го баталіона кн. Варшавскаго полка, двухъ орудій № 2 батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, взвода стрѣлковъ и взвода крѣпостныхъ ружей кн. Варшавскаго полка.

составъ которой вошелъ взводъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ маіора Григоркова, была направлена на завалы, расположенные на правомъ флангѣ непріятельской позиціи; вторая [9]), въ которой находились остальные три взвода встрѣлковъ, подъ начальствомъ подполковника Трацевскаго, была назначена для атаки высотъ лѣваго фланга; правѣе ея расположилась часть милиціи.

Наступленіе открыла первая колонна. 2-й баталіонъ кн. Варшавскаго полка, имѣя впереди милицію, а по флангамъ крѣпостныя ружья и стрѣлковъ, быстро двинулся на хребетъ и занялъ ближайшую возвышенность безъ большихъ усилій, но долженъ былъ остановиться передъ сильнымъ заваломъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по этому завалу изъ орудій, баталіонъ и милиція двинулись на штурмъ. Не доходя до завала шаговъ 40, подступъ къ нему съуживался до того, что только три человѣка могли идти фронтомъ. Въ этомъ дефилэ милиція, встрѣченная губительнымъ огнемъ, была отброшена; послѣдовавшій за нею баталіонъ также долженъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Не смотря на эту неудачу, онъ поспѣшно устроился и вторично бросился впередъ; но усилія его опять были напрасны: онъ вновь отступилъ, залегъ за ближайшими покатостями и ограничился ружейною перестрѣлкою. Всѣ выгоды были на сторонѣ обороны; нѣсколько ярусовъ ружей изъ огромнаго завала были обращены на каждаго, кто осмѣливался показаться изъ за покатостей. Хотя офицеры личнымъ примѣромъ старались воодушевить солдатъ, подняли ихъ на ноги и въ третій разъ повели на приступъ, но это имѣло послѣдствіемъ только славную смерть многихъ изъ нихъ. Съ обѣихъ сторонъ бѣглый ружейный огонь не прерывался. „Взводъ 1-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, расположившись на покатости вправо и влѣво, подъ командою капитана Мищенко 3-го, наносилъ непріятелю сильный вредъ. Ожесточеніе горцевъ было такъ велико, что они десятками поднимались изъ за завалова, чтобы вѣрнѣе стрѣлять въ солдатъ, залегшихъ за покатостями, и погибали отъ нашихъ пуль на разстояніи 35—40 шаговъ“ [10]).

Въ это время колонна Трацевскаго значительно подвинулась къ лѣвому флангу непріятельскаго расположенія; 1-й и 2-й баталіоны самурцевъ и стрѣлки приблизились уже къ подошвѣ хребта. Но прежде чѣмъ атаковать эту позицію, кн. Аргутинскій приказалъ взводу стрѣлковъ обойти ее съ фланга. Унтеръ-офицеръ Широконинъ, который ранѣе былъ посланъ на развѣдки поручикомъ Геннингомъ 1-мъ, съ 6-ю стрѣлками пробрался незамѣтно въ обходъ и выбралъ весьма удобный пунктъ. Примѣру Геннинга послѣдовалъ и поручикъ Бучинскій, который послалъ для той же цѣли 12 нижнихъ чиновъ своего взвода, подъ командою юнкера Эдмунда Позняка. Команда эта незамѣтно прошла въ тылъ непріятелю и расположилась отъ него шагахъ въ пятидесяти [11]). За Широконинымъ же и его товарищами ползкомъ пробрались и всѣ остальные стрѣлки. Высота, которую они заняли, оказалась не только на флангѣ, но почти въ тылу и на пути отступленія

---

[9]) 1-й и 2-й баталіоны Самурскаго полка, взводъ горной № 4 батареи 19-й артилерійской бригады, взводъ крѣпостныхъ ружей Самурскаго полка, три взвода кавказскаго стрѣлковаго баталіона. (Рапортъ 1-го августа 1846 года № 106.

[10]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 26-го августа 1846 года № 120.

[11]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1846 года № 193.

защитниковъ завала къ главному скопищу. Когда стрѣлки такъ успѣшно заняли столь важные пункты, 1-й и 2-й баталіоны самурцевъ двинулись на штурмъ. Сначала они были встрѣчены камнями, а потомъ густымъ ружейнымъ огнемъ. Не смотря на крутую покатость, простиравшуюся сажень на 100, баталіоны, не останавливаясь ни на мгновеніе, медленно, твердо поднимались на гору при крикахъ „ура“. Однако все это далеко не поколебало горцевъ, и они повидимому не только рѣшились держаться до послѣдней крайности, но даже приготовились встрѣтить самурцевъ шашками и кинжалами. Какъ вдругъ, въ это время въ тылу и на флангѣ у нихъ зашипѣли штуцерныя пули. Узнавъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и пораженные ужасомъ, горцы заметались въ стороны, сбились въ кучу и бросились бѣжать, опережая другъ друга. Но путь отступленія мимо стрѣлковъ былъ не совсѣмъ безопасенъ: поручикъ Геннингъ далъ по нимъ залпъ почти въ упоръ и бросился въ штыки. Паника горцевъ была настолько велика, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился даже защищаться. Все это произошло такъ быстро, что командовавшій однимъ изъ стрѣлковыхъ взводовъ прапорщикъ Солтановъ, держа въ рукѣ хлыстъ, въ пылу боя забылъ обнажить шашку и, вскочивъ въ безпорядочную толпу, употребилъ его въ дѣло вмѣсто оружія. Потеря у стрѣлковъ была сравнительно незначительная: убитъ одинъ и ранено шесть нижнихъ чиновъ; контужены поручики Бучинскій и Геннингъ.

Пока стрѣлки, преслѣдуя непріятеля, добивали его остатки, милиція заняла оставленные безъ боя завалы. Непріятель бросилъ на мѣстѣ болѣе 300 тѣлъ. „Пораженіе непріятеля, осмѣлившагося такъ долго удерживать свою позицію, было всесовершенное, причемъ кавказскіе стрѣлки отняли у непріятеля значокъ“. Такъ доносилъ кн. Аргутинскій [12]). Судя по массамъ, усѣявшимъ хребетъ Тлія и покатости его, число непріятеля, среди котораго были и толпы анкратльцевъ, простиралось до семи, а по показаніямъ лазутчиковъ, болѣе 10 тысячъ. Съ ними были лучшіе наибы Шамиля: Кибитъ-Магома и его братъ Муртузали, Даніельбекъ, каратинскій наибъ Дибиръ и гидатлинскій наибъ Кази-Магомедъ. Нукера этихъ наибовъ были поставлены позади съ обнаженными шашками, чтобы рубить бѣгущихъ. Этимъ объясняется то упорство, съ которымъ горцы держались на позиціи, и огромная потеря ими понесенная. Кромѣ тѣлъ, оставленныхъ на мѣстѣ, они потеряли много убитыхъ и раненыхъ во время канонады и перестрѣлки съ войсками лѣвой колонны, которыхъ успѣли унести. Послѣ боя оказалось, что, кромѣ скопищъ на хребтѣ Тлія, были значительныя толпы непріятеля изъ Согратля, Ругджи и др., подъ начальствомъ наиба Инко-Хаджи. Увѣренныя въ побѣдѣ, онѣ, занявъ дорогу въ тылу отряда, предполагали броситься на него при отступленіи, но когда узнали о пораженіи скопищъ на хребтѣ Тлія, тотчасъ разошлись по домамъ.

Тѣ стрѣлки, которые были главными виновниками тлійской побѣды, награждены крестами и одинъ—третью пенсіи на знакъ отличія военнаго ордена, а еще одинъ—прапорщичьимъ чиномъ [13]). Подвиги офицеровъ хотя и соотвѣт-

---

[12]) Донесеніе 26-го августа 1846 года № 120.

[13]) Унтеръ-офицеръ Василій Широконинъ № 82583, рядовой Тимофей Грибоѣдовъ № 82584; фельдфебель Иванъ Семеновъ награжденъ второю третью пенсіи на имѣвшійся у него крестъ; юнкеръ Эдмундъ Познякъ произведенъ въ прапорщики. (Дѣла особ. отд. арх. окр. шт. №№ 141, 193).

ствовали, по статуту, награжденію орденомъ св. Георгія, но такъ какъ стрѣлки *незаконно* участвовали въ штурмѣ, то начальство не рѣшилось представить ихъ къ этой наградѣ. Князь Аргутинскій горячо благодарилъ всѣхъ стрѣлковъ, въ особенности поручика Геннинга, за ихъ подвиги. „Знаю, братъ, что ты заслужилъ Георгія, говорилъ Геннингу князь, ну что, братъ, подѣлаешь, не могу представить"; этимъ онъ намекнулъ ему на прискорбную инструкцію инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, тѣмъ не менѣе въ реляціи къ главнокомандующему не могъ скрыть заслуги поручика Геннинга. Онъ писалъ: „находясь съ тремя взводами ввѣренной ему роты на штурмѣ хребта Тлія при самурскихъ баталіонахъ, мѣткою стрѣльбою весьма много способствовалъ успѣшному ходу дѣлъ; потомъ, посланный по гребню во флангъ главному непріятельскому завалу, нанесъ большой уронъ непріятелю и тѣмъ сильно подѣйствовалъ на моральныя силы мюридовъ. Когда же онъ замѣтилъ бѣгство непріятеля изъ завала, то храбрый и распорядительный офицеръ сей двинулъ стрѣлковъ наперерѣзъ горцамъ и, врѣзавшись въ толпы ихъ, положилъ болѣе 80 человѣкъ на мѣстѣ штыками и отбилъ одинъ значокъ" [14]).

На слѣдующій день послѣ тлійскаго дѣла отрядъ снялся съ позиціи и, двигаясь безъ преслѣдованія, 28-го іюля стянулся на высотахъ Цуара и расположился на отдыхъ. Тутъ онъ оставался до 16-го августа. Въ теченіе этого времени стрѣлки занимались стрѣльбою и строевыми ученіями, также какъ и всѣ другія части войскъ. Это кажущееся бездѣйствіе князя Аргутинскаго вводило горцевъ въ недоумѣніе. Между тѣмъ князь задумывалъ и составлялъ слѣдующій планъ: двинуться къ богатѣйшему въ Дагестанѣ аулу Согратль, поддерживавшему мюридовъ, и наказать за это его жителей, а главное—угрожая вторженіемъ въ средній Дагестанъ, вызвать большія массы непріятеля на правый берегъ Кара-Койсу, дать имъ сраженіе и разбить ихъ. Съ этимъ намѣреніемъ кн. Аргутинскій двинулся по направленію къ Согратлю. Оставивъ по дорогѣ часть отряда на Турчидагѣ, онъ двигался далѣе двумя колоннами. Рота стрѣлковъ была въ первой изъ нихъ [15]), подъ начальствомъ подполковника Горскаго.

17-го августа первая колонна расположилась на высотахъ у согратальскихъ хуторовъ. Непріятель, все время наблюдавшій за отрядомъ, большими партіями собрался въ виду расположенія нашихъ войскъ и былъ усиленъ отдѣльнымъ скопищемъ, прибывшимъ въ с. Гамсутль съ наибомъ Инко-Хаджи. 18-го августа князь Аргутинскій произвелъ рекогносцировку къ этому селенію съ небольшою колонною, въ составъ которой вошелъ и взводъ стрѣлковъ. Хотя горцы повидимому твердо держались въ Гамсутлѣ, укрѣпивъ передовые пункты и занявъ ихъ мюридами, но они безъ особеннаго труда были выбиты оттуда нашею чохскою милиціею, и позиція эта занята стрѣлками, которые отстаивали ее отъ ихъ послѣдующихъ покушеній ружейнымъ огнемъ. Тѣмъ временемъ, милиція успѣла предать огню до 14 согратльскихъ хуторовъ, а фуражиры истребили часть хлѣба. На обратномъ пути горцы бросились вслѣдъ за отрядомъ, но въ арріергардѣ шли стрѣлки, которые

---

[14]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1846 г. № 141.

[15]) Третьи баталіоны кн. Варшавскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, взводъ горной № 4 батареи 19 артилерійской бригады, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, милиція чохцевъ, аварцевъ и казикумухцевъ.

скоро охладили ихъ пылъ и заставили прекратить преслѣдованіе [16]). Подобная рекогносцировка была повторена 20-го августа къ Гамсутлю опять съ тою же колонною. На этотъ разъ кн. Аргутинскій, желая подробнѣе ознакомиться съ деревнею, „приказалъ стрѣлковымъ взводамъ ближе обложить ее. Мѣстность при этомъ дозволяла нанести непріятелю сильный вредъ мѣткою стрѣльбою стрѣлковъ и милиціи“ [17]). Въ то время, какъ стрѣлки своими пулями задерживали горцевъ въ ямахъ и сакляхъ, фуражиры наши истребили большую часть хлѣба, а милиціонеры разрушили остальные хутора (махи). При отступленіи отряда непріятель сдѣлался до крайности осторожнымъ. Узнавъ, что въ арріергардѣ идутъ стрѣлки, онъ не только не преслѣдовалъ колонны, но даже и не наблюдалъ за нею. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ возвратился на Турчидагъ, такъ какъ, съ уничтоженіемъ запасовъ непріятеля и отвлеченіемъ большихъ силъ его отъ нашихъ предѣловъ, кн. Аргутинскій достигъ своей цѣли.

Между тѣмъ, Шамиль не унимался и намѣревался вторгнуться въ даргинскій округъ. Хотя Турчидагъ лежитъ на главномъ сообщеніи съ центральнымъ Дагестаномъ, и самурскій отрядъ легко могъ угрожать всякимъ попыткамъ имама, въ какую бы сторону онѣ ни были предприняты, но кн. Аргутинскій этимъ не удовлетворялся. Онъ писалъ кн. Воронцову: „я двинулся къ Чоху, чтобы новымъ наступательнымъ движеніемъ, угрожая непріятелю вторженіемъ, заставить Кибигъ-Магому, Даніельбека и Хаджи-Мурата собрать свои войска и заботиться о защитѣ лѣваго берега Кара-Койсу“.

Оставивъ небольшой отрядъ на Турчидагѣ для прикрытія фуражировъ, посланныхъ со стороны Салты и Кудали, кн. Аргутинскій, съ остальными войсками, въ томъ числѣ и ротою стрѣлковъ, двинулся правымъ берегомъ Кара-Койсу по направленію къ урочищу Гудулъ-Мейдану, находящемуся на лѣвомъ берегу этой рѣки, укрѣпленному сильнымъ заваломъ. Чтобы показать непріятелю намѣреніе переправиться на лѣвый берегъ рѣки, начальникъ отряда приказалъ саперамъ построить на берегу батарею и прикрытіе для стрѣлковъ. Саперы работали всю ночь подъ неумолкаемымъ огнемъ горцевъ, которые однако не причинили намъ значительныхъ потерь. Они укрѣплялись въ свою очередь и къ утру довели свою оборону до широкихъ размѣровъ. Кромѣ того, у нихъ показались новыя толпы конныхъ и пѣшихъ, расположившіяся на высотахъ лѣваго берега, со стороны Ругджи и Караха. Этого только и домогался кн. Аргутинскій, вовлекшій непріятеля въ горькое заблужденіе. Въ 10 часовъ утра, когда батарея и наши ложементы были готовы, стрѣлки бѣглымъ шагомъ заняли ихъ вмѣстѣ съ тремя горными орудіями и крѣпостными ружьями, а отрядъ приготовился къ движенію. Непріятель, по словамъ князя Аргутинскаго [18]), обратилъ на „нихъ (батарея и ложементы) весь свой огонь, но принужденъ былъ замолчать отличнымъ дѣйствіемъ нашей артилеріи, кавказскихъ стрѣлковъ и крѣпостныхъ ружей“. Хотя горцы и притихли, но не оставляли своихъ заваловъ, не смотря даже

---

[16]) За отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена за № 82737 стрѣлокъ Дмитрій Петровъ. (Арх. шт. к. в. окр., дѣло особаго отдѣленія 1846 г. № 167).

[17]) Донесеніе кн. Аргутинскаго 26 августа 1846 г. № 120.

[18]) Рапортъ 6-го сентября 1846-го года № 128.

и на то, что весьма сомнѣвались, чтобы отрядъ могъ перейти рѣку въ бродъ, по случаю большой прибыли воды отъ постоянныхъ дождей, продолжавшихся въ теченіе лѣта. Войска, тѣмъ временемъ, вытягивались по дорогѣ къ Чоху. Когда они совершенно очистили мѣсто бивака, горныя орудія и стрѣлки также оставили позицію и присоединились къ нимъ. 30 августа отрядъ поднялся на Турчидагъ. Всѣми этими движеніями кн. Аргутинскій до того утомилъ горцевъ, что они видимо отказались отъ всякаго серьезнаго предпріятія. Хотя Аргутинскій могъ расчитывать, что, за недостаткомъ фуража и жизненныхъ припасовъ, горцы не предпримутъ ничего серьезнаго до весны, но онъ все же не распускалъ окончательно отряда, а только, по случаю осени и ненастья въ горахъ, далъ ему отдыхъ. Часть его онъ расположилъ въ укрѣпленіи Кумухскомъ и въ селеніи Чирахѣ, а роту стрѣлковъ, три баталіона самурцевъ и шесть орудій направилъ 8-го сентября въ сел. Кабиръ. Всѣмъ войскамъ, тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ быть готовыми къ движенію по первому требованію, а князю Воронцову донесъ: „двухмѣсячное пребываніе войскъ самурскаго отряда въ безпрестанныхъ движеніяхъ и преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, обильныхъ дождями и холоднымъ туманомъ, при всей заботливости частныхъ начальниковъ, повело къ изнуренію людей, а въ особенности лошадей“. Такъ, писалъ человѣкъ—чистый спартанецъ по образу жизни, отъ всей души презиравшій малѣйшее проявленіе изнѣженности.

Отдохнуть самурскому отряду пришлось однако недолго. 7-го октября, громадныя скопища, подъ начальствомъ самого Шамиля, занявъ Турчидагъ, появились подъ Цудахаромъ и, завладѣвъ этимъ укрѣпленнымъ ауломъ, собирались вторгнуться въ даргинскій округъ. Князь Аргутинскій быстро сталъ стягивать части самурскаго отряда между Кумухомъ и сел. Кюлюли, куда форсированнымъ маршемъ явились и стрѣлки. Но прежде чѣмъ войска успѣли сосредоточиться, Шамиль занялъ Акушу, а Даніельбекъ—мухракскій магалъ, изъ котораго угрожалъ Кумуху. Однако, всѣ эти успѣхи непріятеля не повели ни къ чему, потому что дагестанскій отрядъ князя Бебутова разбилъ и разсѣялъ его при селеніи Аймяки и, занявъ Лаваши, сталъ твердою ногою въ Акушѣ. Шамиль бросился на Ходжалъ-Махи. Кн. Аргутинскій, слѣдовавшій съ частью отряда на Вихлю, узнавъ объ этомъ, повернулъ къ с. Куппа, быстро прошелъ черезъ Турчидагъ и мимо Цудахара направился въ тылъ Шамилю. Но въ пособіи его уже не предстояло надобности: въ знаменитомъ кутешинскомъ бою князь Бебутовъ наголову разбилъ громадныя полчища имама и прогналъ ихъ за Кара-Койсу. Тогда кн. Аргутинскій остановилъ части своего отряда на тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ застало его приказаніе. Стрѣлки, команда саперъ и всѣ горныя орудія остановились въ сел. Куркалю. Акуша успокоилась; убрался въ Ирибъ также и Даніельбекъ [19]); южный Дагестанъ затихъ. Въ виду этого, а также по причинѣ глубокихъ снѣговъ и холодовъ, кн. Аргутинскій рѣшилъ вывести войска изъ казикумухскаго ханства. 24-го октября стрѣлки, съ двумя баталіонами ширванцевъ и взводомъ горныхъ орудій, вышли послѣдними изъ ханства. Они, вмѣстѣ съ саперами, расположились въ сел. Гиляръ, а баталіоны и орудія въ сел. Кабирѣ (кюринскаго ханства). Князь

[19]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 17-го октября 1846 года № 219.

Аргутинскій предполагалъ всѣхъ ихъ придержать здѣсь на зиму, „какъ часть, могущую двинуться по первой надобности въ Казикумухъ въ видѣ авангарда войскъ“, находившихся въ его распоряженіи [20]). Изъ Гиляръ, 25-го ноября, саперы ушли въ Тифлисъ, и остались одни стрѣлки. Наконецъ, князь Аргутинскій вполнѣ успокоился насчетъ безопасности южнаго Дагестана, и понемногу сталъ спускать войска. Но стрѣлки въ убогихъ сакляхъ Гиляръ провели суровую зиму до 9-го января 1847 года и только послѣ этого возвратились въ Гомборы.

Такимъ образомъ, и 1-я рота, нѣсколько отставшая отъ остальныхъ трехъ въ походномъ и боевомъ закалѣ, успѣла догнать ихъ и возмѣстить свой пробѣлъ въ военномъ искусствѣ. Состояніе ея, въ которомъ она прибыла изъ Дагестана въ Гомборы, характеризуется слѣдующимъ приказомъ главнокомандующаго:

„Командиръ кавказской резервной бригады донесъ мнѣ, что, при осмотрѣ возвратившейся изъ самурскаго отряда 1-ой роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, нижніе чины оной найдены бодрыми, здоровыми и сбереженными во всѣхъ отношеніяхъ, не смотря на сдѣланный ими 40 дневный маршъ въ суровое и ненастное время, съ 9-го января по 18-е февраля, и что въ теченіе этого времени оставленъ за болѣзнью въ госпиталѣ только одинъ рядовой. Относя такое сбереженіе людей къ попечительности командира роты штабсъ-капитана Геннинга, я объявляю ему полную благодарность мою за добросовѣстное и усердное исполненіе одной изъ главнѣйшихъ обязаностей начальниковъ частей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключая изъ столь удовлетворительнаго состоянія роты, что начальникомъ самурскаго отряда генералъ-лейтенантомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ обращено особое вниманіе по сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ ему войскъ, я изъявляю ему за то искреннюю мою признательность“ [21]). Стрѣлки, подъ начальствомъ и руководствомъ кн. Аргутинскаго, провели восемь лѣтъ тяжелой, но славной боевой жизни, начиная съ 1846 по 1853 годъ. Благодаря ему, они разукрасили много страницъ въ исторіи своей славной службы и навсегда остались ему признательны. Далѣе усмотримъ, что и онъ самъ былъ ими постоянно не менѣе доволенъ.

За военныя дѣйствія въ 1846 году поручикъ Геннингъ получилъ слѣдующій чинъ, поручикъ Стефанекъ — орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“, поручикъ Бучинскій—орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, прапорщикъ Солтановъ—слѣдующій чинъ.

Пока князь Аргутинскій привлекалъ на себя громадныя скопища дагестанцевъ съ Шамилемъ и даровитѣйшими его сподвижниками, въ Чечнѣ топоръ и лопата работали съ меньшими уже противодѣйствіями со стороны имама, потому что, не смотря на всю важность своихъ утратъ въ этой странѣ, онъ не могъ наводнять ее лезгинами, такъ какъ они были нужны ему для охраненія Дагестана отъ всевозможныхъ посягательствъ Аргутинскаго. Смѣлое вторженіе имама въ концѣ апрѣля въ Кабарду, имѣвшее цѣлью отвлечь наши войска отъ Чечни, также не принесло ему никахъ результатовъ: небольшая колонна Меллера-Закомельскаго и холодный пріемъ, оказанный ему насе-

---

[20]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 9-го ноября 1846 года № 220.

[21]) Приказъ по отд. кав. корпусу 15-го апрѣля 1847 года № 58.

леніемъ центра кавказской линіи, заставили его уйти обратно за Терекъ. Но Шамиль былъ въ цвѣтѣ лѣтъ; энергія въ немъ кипѣла, и неудачи только раздражали его. Узнавъ, что мы намѣрены занять и укрѣпить второй пунктъ на чеченской линіи и именно на р. Фортангѣ, онъ распорядился о призывѣ партій и, собравъ джаматъ, поклялся на алкоранѣ не уступать намъ болѣе ни одного выхода изъ горъ на плоскость Чечни. Между тѣмъ чеченскій отрядъ къ 15 іюня стянулся у станицы Сунженской. Отъ стрѣлковаго баталіона прибыла сюда 2-я рота, выступившая изъ Гомборъ 16-го мая, подъ командою поручика Врисберга, въ составѣ, кромѣ него, еще трехъ офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 128 строевыхъ нижнихъ чиновъ. Форсированнымъ маршемъ перешла она въ Душетъ, приняла здѣсь подъ свое прикрытіе обозъ трехъ баталіоновъ Грузинскаго и Эриванскаго полковъ и ихъ крѣпостныя ружья и „безъ дневокъ“ направилась во Владикавказъ. Не смотря на неимовѣрныя трудности движенія по военно-грузинской дорогѣ и опасеніе подвергнуться нападенію скопищъ Шамиля, успѣвшаго передъ тѣмъ прорваться на главное наше сообщеніе съ Закавказьемъ, она прошла благополучно и имѣла всего только одного слабаго рядоваго [22]). Къ сожалѣнію, заболѣлъ только самъ Врисбергъ. Отправивъ его въ госпиталь и сдавъ обозъ и крѣпостныя ружья по принадлежности, стрѣлки, подъ командою поручика Аленина 2-го, съ ротою саперъ и четырмя баталіонами навагинцевъ, двинулись къ Сунженской станицѣ. Они прибыли туда 15-го іюня, пробывъ въ походѣ цѣлый мѣсяцъ.

18-го іюня, отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Лабынцова, во главѣ съ княземъ Воронцовымъ, пріѣхавшимъ въ ст. Сунженскую тотчасъ за прибытіемъ стрѣлковъ, двинулся къ р. Ассѣ, гдѣ къ нему присоединились еще новыя части, назначенныя въ составъ его. Численность его простиралась до девяти съ половиною баталіоновъ пѣхоты, восьми сотенъ кавалеріи и 16 орудій, съ крѣпостными ружьями [23]). По приходѣ на Ассу войска немедленно вырубили лѣсъ по обоимъ берегамъ рѣки на пушечный выстрѣлъ, а 19-го числа, послѣ молебствія, направились къ Фортангѣ. Стрѣлки слѣдовали въ главныхъ силахъ. Приближеніе кавалеріи, двигавшейся въ головѣ отряда, было привѣтствовано ружейнымъ огнемъ чеченцевъ, разсыпанныхъ въ опушкѣ. Подоспѣвшій взводъ стрѣлковъ, подъ командою подпоручика Зыбина, поддержалъ кавалерію мѣткимъ огнемъ [24]), и она, не обращая вниманія на непріятеля, заняла противуположный берегъ рѣки. Вслѣдъ затѣмъ войска расположились лагеремъ на правомъ берегу Фортанги, и князь Воронцовъ намѣтилъ пунктъ для возведенія Ачхоевскаго укрѣпленія [25]). День этотъ въ быту стрѣлковъ ознаменовался маленькимъ эпизодомъ: когда позиція была занята, впереди

---

[22]) Дѣло арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., 1846 г. № 110.

[23]) 1-й и 2-й баталіоны Грузинскаго, 2-й баталіонъ Эриванскаго, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Тенгинскаго, 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полковъ, 2-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона и рота 3-го резервнаго сапернаго баталіона. Кавалерія состояла изъ казаковъ и наполовину изъ осетинской и назрановской милиціи; артилерія изъ 8 батарейныхъ орудій сводной батарейной батареи, 4 орудій горной № 4 батареи и 4 конныхъ орудій конно-казачьей № 14 батареи.

[24]) Дѣло особ. отд. 1846 года № 182.

[25]) Рапортъ поручика Аленина 2-го 19 іюня 1846 года.

нашей цѣпи, на дальній выстрѣлъ изъ гладкоствольнаго ружья, появился какой-то всадникъ и открылъ джигитовку, посылая намъ пулю за пулею. Всѣ усилія цѣпи свалить его съ коня были напрасны. Кн. Воронцовъ, видя это, потребовалъ стрѣлковъ. Поручикъ Аленинъ 2-й выбралъ 10 человѣкъ перворазрядныхъ и лично повелъ ихъ въ цѣпь; они разсыпались и установили свои подсошки; раздался выстрѣлъ и—джигита какъ не бывало. Начальникъ главнаго штаба, подозвавъ къ себѣ поручика Аленина и отличившагося стрѣлка—Сергѣя Павлова, выразилъ первому свою благодарность, а Павлову, по приказанію кн. Воронцова, пожаловалъ тутъ же десять рублей.

20-го іюня войска, прикрываемыя рѣдкимъ огнемъ стрѣлковъ, вырубили лѣсъ впереди лѣваго и праваго фасовъ лагеря, а на слѣдующій день приступили къ закладкѣ укрѣпленія. Князь Воронцовъ положилъ первый камень для угловой башни фаса, обращеннаго къ Фортангѣ. 22-го числа произведена трасировка укрѣпленія съ помощью, въ числѣ прочихъ, 25 стрѣлковъ, и съ этой минуты работы по очисткѣ отъ лѣса окрестностей не прекращались ни на минуту. Стрѣлки, прикрывая рабочихъ, вели перестрѣлку почти каждый день, но потерь не имѣли. Партіи непріятеля, тѣмъ временемъ, возросли до солидныхъ размѣровъ, и Шамиль, который не могъ и не успѣлъ выполнить свою клятву, прислалъ приказаніе чеченцамъ—всѣми силами противодѣйствовать хоть по крайней мѣрѣ постройкѣ укрѣпленія; онъ ихъ снабдилъ артилеріею, обѣщалъ помочь войсками и прибыть къ нимъ лично, какъ только справится съ „самурскимъ кабаномъ“.

Чтобы угодить своему имаму и порадовать его, чеченцы 26-го іюня произвели первую серьезную попытку сбить насъ съ позиціи. Въ четыре часа пополудни они заняли густыми толпами опушку лѣса и открыли ружейный огонь по рабочимъ на лѣвомъ фасѣ строившагося укрѣпленія, а орудійный, съ дистанціи 650 сажень—по лагерю. Хотя при большомъ, повидимому, углѣ возвышенія, снаряды ихъ долетали только рикошетами, не причиняя намъ вреда, тѣмъ не менѣе съ нашей стороны вступили въ дѣйствіе четыре батарейныхъ орудія, которыя заставили замолчать непріятельскую артилерію на двѣнадцатомъ выстрѣлѣ. Чтобы выбить изъ опушки лѣса и самихъ чеченцевъ, была послана наша кавалерія, но они ее встрѣтили сильнымъ ружейнымъ огнемъ и заставили ограничиться лишь прикрытіемъ нашего лѣваго фланга. На поддержку кавалеріи были вызваны 50 стрѣлковъ, которые, подъ командою прапорщика Брунстрема, бѣгомъ явились на лѣвый флангъ, разсыпались впереди и открыли огонь. Послѣ получасоваго состязанія съ стрѣлками, чеченцы бѣжали въ глубину лѣса, унеся своихъ убитыхъ и раненыхъ, а затѣмъ попробовали счастья на нашемъ правомъ флангѣ. Но и здѣсь ихъ встрѣтили штуцера другаго взвода стрѣлковъ, подъ командою поручика Аленина 2-го, которые живо отбросили ихъ назадъ и заставили держаться въ почтительномъ отдаленіи. Однако эти уроки не образумили чеченцевъ, и, спустя немного, партія ихъ засѣла за курганомъ и оттуда безнаказанно опять начала выводить изъ строя нашихъ всадниковъ. Чтобы избавиться отъ нея окончательно, начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ Аленина и приказалъ ему направить нѣсколько стрѣлковъ во флангъ кургана. Выбравъ всего 12 человѣкъ и

поручивъ ихъ рядовому изъ дворянъ Іосафату Головнѣ, Аленинъ приказалъ ему пробраться бурьяномъ къ лѣвому флангу назойливыхъ горцевъ и скрытно занять тамъ позицію. Головня выполнилъ это порученіе блестящимъ образомъ: скрывая стрѣлковъ въ бурьянѣ, онъ подошелъ на близкій выстрѣлъ къ кургану и быстро, со всею правильностью, размѣстилъ пары. Вдругъ, почти въ тылу у чеченцевъ зашипѣли штуцерныя пули. Пораженные этою неожиданностью, они выскочили изъ за кургана и безъ оглядки бросились бѣжать. Этой минуты только и ожидалъ начальникъ отряда: казаки съ полслова поняли его приказаніе, понеслись за ними, настигли, частью изрубили ихъ, а частью перехватили живьемъ [26]).

Приключеніе это подѣйствовало на чеченцевъ, и хотя они еще разъ столкнулись 28-го іюня съ штуцерами стрѣлковъ, прикрывавшихъ рабочихъ [27]), но это было явленіе болѣе случайное и притомъ незначительное. Они видимо оставили свои серьезныя затѣи, потому что, по мѣрѣ того, какъ выростало укрѣпленіе, благоразумнѣйшіе изъ нихъ примирялись съ мыслью о необходимости повиновенія и въ началѣ іюля изъявили желаніе жить подъ защитою новаго укрѣпленія. Хотя, не взирая на это, наибы Атабай и Сайбдула продолжали пускаться на разныя ухищренія, чтобы остановить наши работы и прервать сообщеніе съ Сунжею, но это имъ не помогло. Транспорты, большею частью конвоируемые, въ составѣ колонны, взводомъ или полувзводомъ стрѣлковъ, прибывали на Ассу и на Фортангу всегда благополучно. Тѣ же стрѣлки, которые оставались въ лагерѣ, почти все время сторожили отрядъ, не отрывая глазъ отъ отдаленныхъ опушекъ лѣса. По представленію поручика Аленина 2-го, ихъ освободили отъ нарядовъ на крѣпостныя работы. Впрочемъ, такая напряженная служба продолжалась недолго: когда укрѣпленіе значительно поднялось, и нападенія на него непріятеля стали неопасны, часть войскъ была обращена къ болѣе удобному устройству лагеря, а остальныя употреблялись на фуражировки, такъ какъ масса отбитаго у чеченцевъ скота и лошадей [28]) требовала обезпеченія ихъ большимъ запасомъ фуража. Это было необходимо и потому, что чеченцы безпощадно сжигали запасы фуража въ окрестностяхъ укрѣпленія.

Относительное затишье длилось цѣлый мѣсяцъ, пока чеченцы, убравъ поля, надежно припрятали хлѣбъ въ своихъ завѣтныхъ трущобахъ. 2-го августа лазутчики дали знать генералу Лабынцову о сборѣ партій въ большой Чечнѣ, въ аулѣ Шали, куда Шамиль прислалъ наиба Хаджи-Ягья съ пятью орудіями. На слѣдующій день они сообщили другую новость — что громадное скопище потянулось къ Сунжѣ. Чтобы предупредить нападеніе на сунженскую линію, генералъ Лабынцовъ оставилъ для прикрытія укрѣпленія около десяти ротъ пѣхоты, а съ остальными войсками, не исключая и роты стрѣлковъ, выступилъ въ часъ ночи на 30-е августа въ ст. Михайловскую и прибылъ туда на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Узнавъ о приближеніи русскаго отряда, сборища частью разошлись, а частью направились на кумыкскую плоскость. Пробывъ въ ст. Михайловской всего одинъ день, отрядъ 1-го сентября возвратился на р. Фортангу, забравъ съ собою кстати

---

[26]) Дѣло особ. отд. Арх. окр. шт. 1846 г. № 182.

[27]) Рапортъ ген.-лейт. Лабынцова 2-го іюля 1846 года № 23.

[28]) Одни сунженскіе казаки имѣли до 20 тысячъ головъ скота.

также и транспортъ. Едва генералъ Лабынцовъ удалился съ Сунжи, какъ чеченцы вновь собрались, и въ ночь на 3-е сентября партія ихъ въ тысячу человѣкъ, подъ предводительствомъ бѣглаго кабардинца Магомета Анзорова и наиба Сайбдулы, бросилась на Сунжу отбить скотъ. Она скрылась въ засадѣ между ст. Михайловскою и Казахъ-Кичу, но узнавъ, что начальникъ сунженской линіи полковникъ Слѣпцовъ съ сильною колонною выступилъ на рекогносцировку, поспѣшно спустилась балкою къ рѣкѣ Нетхою, по берегамъ которой фуражировали войска генерала Лабынцова. Фуражировка эта производилась подъ прикрытіемъ баталіона эриванцевъ и двухъ сотенъ Волгскаго казачьяго полка, при двухъ орудіяхъ. Рота стрѣлковъ была въ передовой цѣпи, а осетинская милиція занимала пикеты по р. Нетхою. Чеченцы, явившіеся сюда послѣ неудачнаго набѣга на сунженскую линію, атаковали прежде всего осетинъ и завязали съ ними живую перестрѣлку; на выстрѣлы подоспѣли съ своими партіями Анзоровъ и Сайбдула и также стали тѣснить осетинъ. Но стрѣлки были близко. Поручикъ Аленинъ 2-й быстро собравъ большую часть роты, кинулся съ нею на выручку милиціи, которая подъ стремительнымъ натискомъ непріятеля уже отступала, хотя и въ порядкѣ. Стрѣлки явились въ тотъ критическій для милиціонеровъ моментъ, когда на нихъ, преслѣдуемыхъ уже двумя партіями, напалъ еще и галашаевскій наибъ Дударовъ съ 200 всадниковъ; стрѣлки очень скоро осадили бѣглымъ огнемъ всѣ партіи [29]). Чеченцы перешли на правый берегъ Нетхоя, но не прекращали перестрѣлки, ожидая повидимому благопріятной минуты для повторенія атаки. На тревогу прибылъ начальникъ отряда съ баталіономъ тенгинцевъ и съ кавалерійскимъ резервомъ, при одномъ орудіи. Онъ приказалъ казакамъ и милиціи перейти Нетхой и атаковать непріятеля съ лѣваго фланга, а пѣхоту направилъ съ фронта. Кавалерія, не давъ опомниться чеченцамъ, налетѣла на нихъ вихремъ, врубилась въ ихъ толпы, вогнала въ лѣсъ и разсѣяла; на мѣстѣ осталось шесть тѣлъ. Обратное движеніе войскъ произошло безъ преслѣдованія.

Фуражировки большею частью обходились безъ большихъ приключеній и кончались довольно удачно. Къ 15-му сентября для гарнизона Ачхоевскаго укрѣпленія уже имѣлся запасъ провіанта на 6 мѣсяцевъ. Единственная жаркая фуражировка произошла лишь 21-го сентября, также близъ Нетхоя. Въ прикрытіи были стрѣлки, вмѣстѣ съ Тенгинскимъ баталіономъ. Партія, переправившись на лѣвый берегъ Нетхоя, завязала перестрѣлку съ нашею цѣпью. Подпоручикъ Зыбинъ и прапорщикъ Брунстремъ, собравъ свои взводы, встрѣтили ее частымъ огнемъ, поддержаннымъ орудіями. Когда непріятель замѣтно поколебался, цѣпь стрѣлковъ, а за нею тенгинцы, двинулись впередъ и безъ труда отбросили его за рѣку, гдѣ онъ скрылся въ лѣсахъ [30]).

Князь Воронцовъ былъ восхищенъ стрѣлками; сильно интересуясь ихъ цѣльною стрѣльбою, онъ присутствовалъ на ней три дня—16-го, 17-го и 18-го сентября. Въ результатѣ онъ выразилъ подполковнику Кривоносову, прибывшему въ Ачхой 15-го августа, свою душевную благодарность и наградилъ 28 отличнѣйшихъ стрѣлковъ деньгами [31]).

---

[29]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1846 года № 182.

[30]) Рапортъ ген.-лейт. Лабынцова 25-го сентября 1846 года № 158.

[31]) Приказъ по баталіону 30-го ноября 1846 года № 334.

Въ началѣ октября, хотя работы по укрѣпленію еще продолжались, но верки были почти готовы и къ 10-му числу вооружены 15-ю орудіями. Всѣ внутреннія строенія также были возведены. Вслѣдствіе этого, оставивъ 1-й баталіонъ Тенгинскаго и двѣ роты Навагинскаго полковъ, команды казаковъ и до 250 рабочихъ, генералъ Лабынцовъ, согласно приказанію князя Воронцова, передвинулъ чеченскій отрядъ съ Фортанги на Сунжу. Пробывъ на Сунжѣ еще недѣлю, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, по приказанію главнокомандующаго, 18-го октября была отпущена въ свою штабъ-квартиру, въ Гомборы.

Ачхоевское укрѣпленіе имѣло важное значеніе: оно служило связью между Сунжею и крѣпостью Воздвиженскою. Возведеніе его, впрочемъ, не составляло послѣдняго дѣянія нашихъ отрядовъ въ 1846 году, который ознаменовался для лѣваго фланга постройкою еще одного укрѣпленія у выхода изъ горъ на кумыкскую плоскость, на рѣкѣ Ярыкъ-су, впослѣдствіи названнаго Хасавъ-юртомъ и получившаго важное значеніе обезпеченіемъ плоскости отъ набѣговъ дагестанцевъ.

За дѣла съ непріятелемъ при постройкѣ Ачхоевскаго укрѣпленія стрѣлки получили слѣдующія награды: командиръ баталіона подполковникъ Кривоносовъ—Монаршее благоволеніе; поручикъ Аленинъ 2-й и прапорщикъ Брунстремъ — слѣдующіе чины; подпоручикъ Зыбинъ — орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Изъ нижнихъ чиновъ, Іосафатъ Головня (разжалованный изъ чиновниковъ и прикомандированный изъ Куринскаго полка) былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; одинъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена и одинъ—вторую треть пенсіи на знакъ отличія [32]).

Внутренній бытъ стрѣлковаго баталіона и благосостояніе его въ 1846 году были весьма удовлетворительны. Это видно изъ того, что хотя 1845 годъ прошелъ для него при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но полковникъ Киновичъ съумѣлъ привести хозяйственную часть въ такую исправность, что могъ сдать баталіонъ маіору Кривоносову въ два дня. Получивъ объ этомъ отъ командира кавказской резервной бригады донесеніе, кн. Воронцовъ поблагодарилъ въ приказѣ по корпусу за необыкновенно быструю сдачу и пріемъ баталіона какъ полковника Киновича, такъ равно и маіора Кривоносова [33]).

Послѣднее время командованія баталіономъ полковника Киновича ознаменовалось учрежденіемъ (10-го января 1846 года), „съ общаго согласія офицеровъ“, офицерскаго запмообразнаго капитала, долженствовавшаго образоваться изъ обязательнаго ежетретнаго вычета въ 10 рублей съ каждаго офицера. По желанію же, допускалось вносить и болѣе. Изъ этой суммы каждый офицеръ имѣлъ возможность получать ссуды не болѣе половины третнаго жалованья (за исключеніемъ уважительныхъ случаевъ), съ уплатою по 4%. Сумма, имѣвшая образоваться изъ процентныхъ денегъ, была обращена на заведеніе при баталіонѣ библіотеки [34]). Такимъ образомъ,

---

[32]) Приказъ по корпусу 29-го апрѣля 1846 года № 127. Пенсіей награжденъ унтеръ-офицеръ Сергѣй Павловъ и крестомъ за № 82719 рядовой Романъ Константиновъ.

[33]) Предписаніе командира резервной бригады 19-го февраля 1846 года № 571.

[34]) Приказъ по баталіону 10-го января 1846 г. № 10.

при полковникѣ Киновичѣ было положено основаніе библіотеки, которая затѣмъ освѣжилась и обогатилась лишь въ пятидесятыхъ годахъ. Офицерская сумма, помимо благодѣтельнаго вліянія на бытъ офицеровъ, давала командиру баталіона возможность сблизиться съ частною жизнью ихъ и исправлять нѣкоторые недостатки. Въ доказательство этого и для иллюстраціи нравовъ того времени, нельзя не упомянуть о случаѣ, изображенномъ въ приказѣ по баталіону слѣдующимъ образомъ:

„Прапорщикъ Бекманъ по переводѣ въ баталіонъ не участвовалъ въ походахъ, кои сопряжены съ издержками въ деньгахъ, и въ коихъ нужда позаимствоваться оными бываетъ почти неизбѣжна. Между тѣмъ, находясь постоянно при штабъ-квартирѣ, дважды относился съ просьбою о выдачѣ ему въ заимообразъ. Я на сихъ дняхъ лично предупредилъ его быть умѣреннѣе въ расходахъ, на что онъ отвѣчалъ, что необходимость въ деньгахъ онъ имѣетъ собственно отъ проигрыша. Неумѣстный отвѣтъ этотъ отношу я болѣе къ незнанію хорошо русскаго языка, но при всемъ томъ поставляю его на видъ, дѣлаю строгій ему выговоръ и предупреждаю, что если прапорщикъ Бекманъ въ образѣ жизни не воздержитъ себя въ расходахъ, то въ кондуитной аттестаціи будетъ отмѣченъ „расточительнымъ“ [35]).

V.

1847 годъ. Участіе 3-й и 4-й ротъ стрѣлковъ въ штурмѣ укр. Гергебиля. Отступленіе на Турчидагъ. Участіе въ дѣйствіяхъ при осадѣ аула Салты. Дѣятельность стрѣлковъ при пораженіи скопищъ 7-го августа. Участіе стрѣлковъ въ отраженіи семи атакъ на наше укрѣпленіе. Бой 9-го сентября. Штурмъ Салты 14-го сентября и значеніе этого событія. Передвиженія стрѣлковъ во второй половинѣ 1847 года. Десятилѣтній юбилей баталіона. Холера въ Гомборахъ. Почетный караулъ изъ рекрутъ. Нововведенія въ стрѣлковыхъ баталіонахъ. Успѣхи мирныхъ служебныхъ занятій стрѣлковаго баталіона. Штабъ-квартирныя работы.

Наступило въ Дагестанѣ знаменитое трехлѣтіе (1847—1849), характеризующееся почти исключительно осадною войною въ самомъ центрѣ горъ. Послѣ событій 1845 года, убѣдившихъ главнокомандующаго въ необходимости измѣнить систему нашей войны съ горцами, и начала новой системы въ 1846 году, положительно приходится остановиться въ недоумѣніи на кровавыхъ штурмахъ замѣчательныхъ укрѣпленій Дагестана—Гергебиля и Салты и на попыткѣ относительно Чохъ, и вывести такого рода заключеніе: или система постепеннаго покоренія Кавказа была принята условно и поверхностно, или же князь Воронцовъ считалъ Шамиля простымъ возмутителемъ, а не представителемъ народа и властелиномъ страны, къ завоеванію которой мы стремились. Какихъ именно результатовъ думалъ достигнуть главнокомандующій разгромленіемъ этихъ трехъ непріятельскихъ твердынь, полагалъ-ли онъ, что со взятіемъ этихъ крѣпостей и плѣненіемъ самого

[35]) Приказъ по баталіону 28-го декабря 1846 г. № 362.

Шамиля онъ покончитъ съ Кавказомъ на всегда—трудно сказать; но довольно того, что въ самое короткое время топоръ и лопата опять уступили свою работу штыку и пушкѣ.

Предположенія на 1847 годъ сводились къ слѣдующей задачѣ: взять и укрѣпить Гергебиль, истребить безпокойные аулы Салты и Согратль. Для этихъ цѣлей войска должны были двинуться сначала двумя отрядами—дагестанскій съ сѣвера и самурскій съ юга, отъ казикумухскаго ханства. Къ нимъ впослѣдствіи долженъ былъ присоединиться вспомогательный лезгинскій отрядъ.

Самурскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, долженъ былъ сосредоточиться къ 25-му мая на Турчидагѣ. Въ составъ его были назначены: шесть баталіоновъ пѣхоты, 3-я и 4-я роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 150 саперъ, команда съ крѣпостными ружьями, двѣ сотни казаковъ, до 15-ти сотенъ милиціи и 10 орудій. Стрѣлки выступили изъ Гомборъ подъ общею командою штабсъ-капитана Фитингофа 16-го марта и вступили въ составъ самурскаго отряда въ концѣ того же мѣсяца. 3-ю ротою завѣдывалъ за Фитингофа „по наружности“ штабсъ-капитанъ Кривоносовъ, а 4-ю командовалъ штабсъ-капитанъ Аленинъ 1-й. Обѣ роты имѣли въ своемъ составѣ: 9 оберъ-офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ, 6 горнистовъ, 212 строевыхъ и 14 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Со дня вступленія въ самурскій отрядъ, стрѣлки цѣлыхъ *два мѣсяца находились* въ безпрестанныхъ движеніяхъ въ самурскомъ округѣ для отвлеченія, главнымъ образомъ, партій Даніельбека отъ лезгинской кордонной линіи. Когда же въ концѣ мая лезгинскій отрядъ былъ усиленъ баталіонами изъ Закавказья, то самурскій, вмѣстѣ съ обѣими стрѣлковыми ротами, стянулся на Турчидагѣ, чтобы оттуда двинуться въ глубь горъ.

Первый нашъ ударъ рѣшено было направить на укрѣпленный аулъ Гергебиль, который находился на обрывистомъ утесѣ лѣваго берега р. *Аймяканки, впадающей въ казикумухское* Койсу, противъ аймякинскаго ущелья. Съ сѣверо-западной стороны аулъ былъ недоступенъ по причинѣ отвѣсныхъ скалъ; съ остальныхъ сторонъ вездѣ были укрѣпленныя сакли, которыя террассами поднимались къ центру аула, гдѣ образовывали какъ бы цитадель. Крыши нѣкоторыхъ башенъ и сакль были надорваны и, вмѣстѣ съ заранѣе приготовленными для насъ глубокими волчьими ямами, были прикрыты хворостомъ, слегка присыпаннымъ землею. Весь аулъ былъ окруженъ высокою и толстою стѣною съ башнями, бойницами и амбразурами; вода была проведена изъ рѣчки Аймяканки.

1-го іюня князь Воронцовъ прибылъ къ Гергебилю съ дагестанскимъ отрядомъ князя Бебутова, Съ наступленіемъ ночи пришелъ сюда самурскій отрядъ, который и разбилъ свой лагерь къ сторонѣ гергебильскихъ садовъ. Только утромъ слѣдующаго дня непріятель замѣтилъ новыя войска и открылъ по лагерю самурскаго отряда орудійный огонь. Хотя онъ не принесъ отряду никакого вреда, но позиція его все-таки оказывалась неудобною, потому что была подвержена сильному обстрѣливанію изъ Гергебиля, поэтому отрядъ бросилъ ее и занялъ крѣпкіе гергебильскіе сады.

Шамиль тоже не замедлилъ явиться на помощь къ гергебильцамъ съ толпами, которыя расположилъ на горахъ по лѣвому берегу Кара-Койсу, такъ что гергебильскій гарнизонъ съ своихъ стѣнъ имѣлъ возможность

любоваться могуществомъ своего имама. При Шамилѣ находились его неразлучные сподвижники Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома. 2-го и 3-го іюня артилерія наша неустанно громила Гергебиль и пробила большую брешь. Горцы отвѣчали на нашу энергическую стрѣльбу изъ одного только орудія, которое перетаскивали съ мѣста на мѣсто; ружейный же огонь ихъ былъ весьма слабъ. Между тѣмъ гарнизонъ и не думалъ объ исправленіи стѣнъ, поврежденныхъ нашими ядрами; оказалось, что въ ночь на 4-е іюня онъ вовсе намѣренъ вывезти свою артилерію. Узнавъ объ этомъ, князь Воронцовъ 3-го же іюня отправилъ на развѣдки о внутреннемъ состояніи укрѣпленія и о силахъ его взводъ стрѣлковъ, вмѣстѣ съ другими охотниками, подъ командою прапорщика Ширванскаго полка Воронова. Охотники не избѣгли столкновенія, въ которомъ потеряли четырехъ раненыхъ. За это дѣло одинъ изъ стрѣлковъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена [1]). Поискъ нашъ если не подтвердилъ показаній лазутчиковъ, то и не обнаружилъ ихъ лживости. Главнокомандующій, думая вслѣдствіе этого, что гарнизонъ Гергебиля ничтоженъ, и признавая артилерійскую подготовку вполнѣ достаточною, рѣшилъ предпринять штурмъ и назначилъ его на слѣдующій же день.

По диспозиціи, самурскому отряду приказано было слѣдить за непріятелемъ, расположеннымъ на высотахъ вокругъ укрѣпленія, и отразить его въ то время, еслибы въ продолженіе нашей атаки онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на какой либо пунктъ или подать помощь гарнизону. Штурмовать же аулъ долженъ былъ дагестанскій отрядъ, раздѣленный на двѣ колонны: штурмовую и демонстративную. Въ составъ первой, включившей въ себя два баталіона и команду саперъ, вошелъ взводъ стрѣлковъ подъ начальствомъ прапорщика Бекмана. Она должна была наступать прямо на брешь, имѣя впереди охотниковъ, а вторая колонна—слѣдовать въ обходъ укрѣпленія. Послѣдняя выступила въ 6 часовъ утра, и когда заняла предназначенныя ей мѣста, тогда только, въ 9 часовъ, по сигналу съ барабаннымъ боемъ, двинулась штурмовая колонна. Горцы, не подававшіе до этого времени даже и признаковъ существованія, подпустивъ штурмовую колонну на хорошій выстрѣлъ, открыли по ней страшный огонь. Прапорщикъ Бекманъ, шедшій со стрѣлками впереди, былъ тяжело раненъ не доходя еще до стѣны. Послѣ него командованіе взводомъ принялъ фельдфебель Леонтій Тимофеевъ и молодецки повелъ его на брешь. Изъ числа стрѣлковъ первымъ взошелъ на башню унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Яковъ Петренко; за нимъ бросились и всѣ остальные стрѣлки. Наконецъ, колонна ворвалась внутрь укрѣпленія, но тутъ ее ожидала жестокая участь; увлеченные боемъ, солдаты десятками проваливались въ капканы и волчьи ямы и въ самое короткое время понесли огромную потерю. Лишившись значительнаго числа своихъ офицеровъ, они начали отступать и были окончательно выбиты изъ аула шашками и кинжалами. Спустя немного, колонна, усиленная свѣжими частями, пошла вторично на приступъ и снова ворвалась въ укрѣпленіе. Озлобленные только-что понесенною неудачею, солдаты, очертя головы, кидались отъ сакли къ саклѣ и, поражаемые отовсюду огнемъ, гибли безнаказанно. Въ непродолжительномъ времени и вторая

[1]) Рядовой Яковъ Федотовъ. (Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1847 года № 97).

наша атака была отбита. Въ теченіе двухъ штурмовъ колонна потеряла почти всѣхъ офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ. Что касается отряда князя Аргутинскаго, то онъ продолжалъ оставаться въ выжидательномъ положеніи, и только стрѣлки штабсъ-капитана Фитингофа, „занявъ ближайшія къ аулу высоты, мѣткими выстрѣлами поражали непріятеля“ [2]).

Къ счастію, князь Воронцовъ вскорѣ убѣдился, что овладѣть при его средствахъ Гергебилемъ нельзя да и безцѣльно, такъ какъ доставка продовольственныхъ и боевыхъ средствъ къ Гергебилю могла послѣдовать не ранѣе, какъ чрезъ три недѣли, а до того времени съ отрядомъ могла повториться исторія сухарной экспедиціи и ичкерпнскаго погрома. Къ довершенію несчастія, въ отрядѣ появилась холера. Въ виду этого онъ рѣшилъ снять осаду и на восьмое іюня назначилъ отступленіе. Такъ какъ оно было сопряжено съ большими опасностями, то наканунѣ этого дня, ночью, всѣ тяжести отправлены были впередъ на Ходжалъ-Махи. Не подлежало никакому сомнѣнію, что горцы, вѣрные своему обычаю, обрушатся на арріергардъ. Вслѣдствіе этого, въ составъ послѣдняго были назначены по одному баталіону Мингрельскаго егерскаго и Эриванскаго карабинернаго полковъ, крѣпостныя ружья, 3-я и 4-я роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона и два горныхъ орудія.

Съ разсвѣтомъ выступили главныя силы. Арріергардъ, пропустивъ отрядъ и оставшись въ тылу у него, занялъ вторыя отъ бывшаго нашего лагеря высоты и прикрылъ собою отступавшія колонны. Въ нѣсколько минутъ предыдущія высоты, только-что оставленныя войсками, были усѣяны густыми толпами непріятельской пѣхоты и кавалеріи, которыя нѣсколько разъ порывались ударить во флангъ арріергарду, но были останавливаемы артилеріею и конгревовыми ракетами. При дальнѣйшемъ отступленіи въ первый разъ на Кавказѣ примѣнена была княземъ Аргутинскимъ система перекатовъ цѣлыми колоннами, а не отдѣльными боевыми единицами. Въ то время, какъ рота стрѣлковъ и баталіонъ мингрельцевъ отражали отчаянный натискъ горцевъ, эриванцы съ другою ротою стрѣлковъ быстро отступали, выбирали впереди позицію и, въ свою очередь, прикрывали огнемъ и штыками отходившіе на нихъ баталіонъ мингрельцевъ и роту стрѣлковъ. Это перекатное отступленіе по мѣстности крайне пересѣченной, на разстояніи 5 верстъ, было произведено замѣчательно искусно и твердо, вслѣдствіе чего непріятель не могъ нанести отряду почти никакого вреда. Стрѣлки при этомъ отступленіи потеряли пять раненыхъ нижнихъ чиновъ и контуженымъ штабсъ-капитана Кривоносова. Среди нихъ преимущественно отличились: штабсъ-капитаны Фитингофъ и Кривоносовъ, прапорщикъ Каменскій, унтеръ-офицеръ Антонъ Ильяшенко и рядовой Пасковъ [3]). Главный отрядъ расположился на Турчидагѣ, чтобы отдохнуть и обезпечить себя продовольственными и необходимыми осадными средствами для предстоявшаго новаго движенія къ укрѣпленному аулу Салты. Стрѣлки въ это время занимались практическою стрѣльбою и нерѣдко назначались въ прикрытіе командъ, наряжаемыхъ для рубки дровъ или на фуражировки. 5-го іюля, при фуражировкѣ въ окрестныхъ аулахъ,

---

[2]) Дѣло особ. отд. 1847 года № 88.

[3]) Дѣло особ. отд. № 88.

они имѣли довольно бойкую перестрѣлку съ большою партіею горцевъ и, не допустивъ ее помѣшать нашему предпріятію, заставили удалиться безъ всякаго результата. У стрѣлковъ былъ раненъ одинъ рядовой. Время, свободное отъ службы и отъ боевыхъ похожденій, войска проводили на Турчидагѣ довольно разнообразно и позабыли свое недавнее горе, не смотря на господствовавшую въ это время въ Дагестанѣ холеру, которая, впрочемъ, среди нихъ дѣйствовала слабо. Князь Воронцовъ умѣлъ поддерживать это благопріятное настроеніе войскъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля холера значительно ослабѣла, и главнокомандующій снялъ съ Турчидага войска и двинулся съ ними къ Салты. 26-го іюля отрядъ занялъ позицію впереди этого аула и открылъ осадныя работы [4]).

Салты, по своей оборонительной силѣ, далеко превосходили Гергебиль и охранялись болѣе значительнымъ гарнизономъ. Съ ранняго утра 27-го іюля въ цѣпяхъ загремѣла перестрѣлка, продолжавшаяся до полудня и окончившаяся нападеніемъ непріятеля на наши передовые посты, занятые главнымъ образомъ стрѣлками. Адъютантъ главнокомандующаго ротмистръ Глѣбовъ, командовавшій передовою цѣпью, сомкнулъ ее и, перейдя въ наступленіе, ударилъ на непріятеля въ штыки. Хотя послѣдній былъ отброшенъ, но Глѣбовъ поплатился за это жизнью; у стрѣлковъ же былъ тяжело раненъ прапорщикъ Спреліусъ и два нижнихъ чина. Наши осадныя работы живо подвигались впередъ, и съ 28-го іюля началось бомбардированіе укрѣпленія изъ двухпудовыхъ мортиръ. Стрѣлки, прикрывавшіе устройство и вооруженіе первой батареи, потеряли въ теченіе 28-го и 29-го іюля двухъ нижнихъ чиновъ ранеными, но выполнили свое назначеніе блистательно: ихъ штуцера, направленные на бойницы укрѣпленныхъ сооруженій аула, отнимали у горцевъ всякую охоту становиться за эти бойницы или выставлять какъ нибудь свои папахи или бритыя головы. Благодаря этому обстоятельству, наши работы продолжались весьма успѣшно, а орудія большаго калибра разрушили нѣсколько домовъ и сильно повредили нѣкоторыя башни. При нашихъ энергическихъ дѣйствіяхъ, непріятель не смѣлъ показываться днемъ; но за то, рѣшился достойнымъ образомъ отплатить намъ за понесенные убытки какъ нибудь ночью. Съ 29-го на 30-е іюля онъ сдѣлалъ вылазку и атаковалъ нашу цѣпь, которая преимущественно была составлена изъ стрѣлковъ. Послѣдніе были заблаговременно извѣщены секретомъ объ этой вылазкѣ и, встрѣтивъ горцевъ залпомъ, приготовились принять ихъ въ штыки. Но до этого не дошло: осыпанные картечью, горцы быстро разсѣялись. Тѣмъ не менѣе они не оставили нашу цѣпь въ покоѣ и безпокоили ее почти всю ночь одиночнымъ и рѣдкимъ огнемъ. Въ эту ночь потеря стрѣлковъ заключалась въ одномъ раненомъ. Нападенія и вылазки повторились и въ послѣдующія ночи, но всѣ онѣ были отражаемы ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Съ другой стороны усилилась орудійная

---

[4]) Въ составъ отряда входили: 3-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, 1-й баталіонъ Эриванскаго, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго, 1-й и 4-й баталіоны Самурскаго и 1-й баталіонъ Мингрельскаго полковъ, рота кавказскаго сапернаго баталіона съ гальваническою командою, три взвода крѣпостныхъ ружей, 4 орудія батарейной № 4 и 2 орудія легкой № 6 батарей, 6 горныхъ орудій, дивизіонъ „тяжелой“ артилеріи, взводъ конгревовыхъ ракетъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, 1500 человѣкъ пѣшей и конной милиціи.

стрѣльба горцевъ съ батареи, устроенной ими внутри аула и маскированной крѣпкими саклями. Какъ ни удачно было прикрыто орудіе непріятеля, и какъ ни твердо повидимому онъ былъ увѣренъ, что мы его не разыщемъ, однако вовремя стрѣльбы его по нашему лѣвому флангу артилерія наша сорвала нѣсколько сакль, прикрывавшихъ это орудіе и заставила его сойти съ батареи; но такъ какъ вообще непріятель направлялъ свои удары на нашъ лѣвый флангъ, то послѣдній былъ усиленъ двумя баталіонами пѣхоты и ротою стрѣлковъ, съ двумя орудіями. Увидѣвъ это, горцы перестали безпокоить насъ со стороны лѣваго фланга.

За то, по ночамъ они то и дѣло посылали намъ ядра и гранаты изъ какого-то другаго орудія, находившагося внѣ аула. Произведенная рекогносцировка обнаружила, что это орудіе принадлежало восьмитысячному скопищу, расположенному подъ главнымъ начальствомъ Шамиля на покатостяхъ окрестныхъ къ аулу высотъ. Главнокомандующій рѣшилъ доказать имаму, что это его сосѣдство не вполнѣ безопасно для него, и что нравственная поддержка, которую онъ оказываетъ гарнизону укрѣпленія своимъ личнымъ присутствіемъ, весьма легко можетъ быть парализована. Онъ приказалъ снарядить колонну изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, обѣихъ ротъ стрѣлковаго баталіона, 375 человѣкъ драгунъ и казаковъ, шести горныхъ орудій, двухъ взводовъ конгревовыхъ ракетъ и всей почти милиціи и въ ночь съ 6-го на 7-е августа двинулъ ее противъ скопища. Стрѣлки, мингрельцы и самурцы были въ авангардѣ. Благодаря полной безпечности непріятеля, войска наши на разсвѣтѣ стояли вокругъ его позиціи въ тѣсномъ боевомъ порядкѣ. Обстрѣлявъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ изумленныя толпы, сбившіяся въ безпорядочную массу, отрядъ сталъ концентрически спускаться къ ихъ позиціи. Увидя себя окруженнымъ и очутившись въ крайнемъ положеніи, непріятель отъ недоумѣнія перешелъ къ ожесточенію, обнажилъ шашки и задумалъ расчистить себѣ дорогу холоднымъ оружіемъ. Одна большая партія мюридовъ, съ поднятыми кверху кинжалами, съ страшнымъ гикомъ бросилась на стрѣлковъ, ближе всѣхъ другихъ находившихся къ ней. Хотя ее встрѣтилъ дружный, выдержанный залпъ, особенно изъ штуцеровъ взвода прапорщика Норденсвана, но она, какъ опьянѣлая, рвалась впередъ. Стрѣлки уже успѣли примкнуть свои ножи и стѣною загородили ей дорогу. Одинъ изъ мюридовъ, опередивъ всѣхъ прочихъ, нанесъ лѣво-фланговому стрѣлку смертельный ударъ въ голову,—какъ вдругъ, въ это время всеобщее „ура“ показало, что надежда атакованныхъ на уступку потеряна безвозвратно. „Взревѣвъ словно стадо тигровъ, горцы начали бросать оружіе, бурки, все, что только ихъ стѣсняло, и, какъ бараны, опережая и подавляя другъ друга, кинулись толпами подъ кручу, съ отвѣсныхъ скалъ между салтынскимъ и гидатлинскимъ мостами“ [5]). Сраженіе обратилось въ побоище, такъ какъ и въ оврагахъ горцы не нашли спасенія и подверглись фланговому огню нашихъ войскъ, занявшихъ выходы изъ нихъ. Это была травля, окончившаяся совершеннымъ избіеніемъ непріятеля. Потери его, по показаніямъ лазутчиковъ, были громадны. Множество плѣнныхъ, весь лагерь и разное имущество, не исключая всякой мѣдной и фаянсовой посуды, чьей-то зрительной трубы, зонтика и другихъ вещей, остались въ нашихъ рукахъ.

[5]) „Кавказскій Сборникъ“, т. VI.

Это славное дѣло, или лучше сказать побоище, виновникомъ котораго былъ кн. Аргутинскій, распоряжавшійся всѣми движеніями войскъ, обошлось стрѣлкамъ только однимъ убитымъ. Колонна же, благодаря быстротѣ атаки, потеряла всего лишь 3 убитыхъ рядовыхъ и около 12 раненыхъ милиціонеровъ. Но еще не все было сдѣлано. Горцы, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ наиба Абакаръ-Хаджи, занимали другую сильную позицію противъ праваго фланга нашего лагеря. Они не только слѣдили за всѣми нашими движеніями, но очень мѣшали нашимъ осаднымъ работамъ и надоѣдали траншеямъ. Сюда, послѣ описаннаго погрома, примкнули остатки скопища Шамиля. Необходимо было избавиться отъ этихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что они содѣйствовали вылазкамъ осажденныхъ, тревожили фуражировъ и т. д. Главнокомандующій рѣшилъ сбить горцевъ съ этихъ высотъ и для этого составилъ колонну изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, обѣихъ ротъ стрѣлковъ, 375 человѣкъ кавалеріи, 6 орудій, 9 сотенъ пѣшей и конной милиціи и конгревовыхъ ракетъ. Стрѣлки и на этотъ разъ были назначены въ авангардъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Минквица [6]).

Отрядъ двинулся ночью 9-го августа къ кушинскимъ высотамъ, окруженнымъ завалами, и къ разсвѣту былъ въ виду непріятеля. На штурмъ заваломъ былъ назначенъ весь авангардъ; но стрѣлкамъ не пришлось имѣть дѣло съ непріятелемъ, который оказался гораздо осторожнѣе и разсудительнѣе, чѣмъ 7-го августа, и поспѣшилъ очистить завалы. Когда стрѣлки, будучи въ головѣ авангарда, поднялись на возвышенность, то нестройныя толпы Шамиля уже бѣжали по всѣмъ направленіямъ. Точно такимъ же образомъ непріятель былъ вытѣсненъ изъ заваловъ другихъ сосѣднихъ высотъ, и съ той минуты мы могли обратить все свое вниманіе на осажденныхъ. Но гарнизонъ далеко не упалъ духомъ; онъ какъ бы сдѣлался гораздо отважнѣе и предпріимчивѣе чѣмъ тогда, когда издали былъ поддерживаемъ Шамилемъ. Чѣмъ ближе мы подступали къ стѣнамъ, тѣмъ онъ становился энергичнѣе, какъ бы предчувствуя близкую развязку.

Съ отраженіемъ полчищъ Шамиля, всѣ наши дѣйствія были направлены къ возможно быстрому окончанію осадныхъ работъ. Дѣятельность стрѣлковъ въ періодъ работъ была крайне утомительная, но въ высшей степени полезная для общаго дѣла: они ежедневно отъ зари до зари перестрѣливались съ осажденными. По мѣрѣ заложенія нашихъ параллелей, увеличились и трудности службы стрѣлковъ: имъ всегда приходилось прикрывать рабочихъ въ ближайшей отъ укрѣпленія траншеѣ и цѣлый день напряженно слѣдить за непріятелемъ, имѣя наготовѣ во всякій моментъ свой штуцеръ. Малѣйшая оплошность со стороны стрѣлка была его гибелью, потому что и осажденные не зѣвали, — а такъ какъ перестрѣлка происходила на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, то горцы въ мѣткости своихъ выстрѣловъ нисколько не уступали стрѣлкамъ. Кромѣ того, съ нашей стороны нужна была всегда стрѣльба спокойная, потому что обѣ стороны состязались изъ за закрытій—и для нашихъ стрѣлковъ вся мишень ограничивалась бойницею, представлявшею щель въ $1^1/_2$ вершка шириною.

---

[6]) Составъ авангарды: баталіонъ Мингрельскаго полка, двѣ роты стрѣлковъ, два орудія, всѣ ракеты и крѣпостныя ружья.

Тутъ потребовалось все искусство стрѣлковъ, крайняя осмотрительность, догадливость, хладнокровіе и находчивость. И они не страдали недостаткомъ этихъ качествъ: когда непріятельскія бойницы пропускали свѣтъ—это означало, что онѣ пусты, и стрѣлки въ это время молчали; когда же бойница темнѣла—нужно было немедленно посылать въ нее пулю. Такая стрѣльба называлась „бить на тѣнь“. Горцы поняли эту сноровку стрѣлковъ и рѣдко осмѣливались останавливаться за бойницею или амбразурою. Артилерійская прислуга ихъ страшно терпѣла отъ нашихъ штуцеровъ, поэтому и рѣдко стрѣляла черезъ амбразуры, а устроивала для орудій батареи посреди аула и маскировала ихъ весьма тщательно. Такимъ образомъ, во все время осады стрѣлки держали въ страхѣ и въ ямахъ осажденныхъ, проклинавшихъ наши штуцера, или, какъ они ихъ называли, „турци“. Но и стрѣлкамъ иногда доставалось отъ горцевъ—впрочемъ, не отъ ружейнаго огня, а отъ осколковъ гранатъ, которыми очень щедро осыпали они наши траншеи и батареи. Такъ, 13-го августа у стрѣлковъ раненъ одинъ рядовой и контуженъ другой.

Около 16-го августа бомбардированіе аула было въ полномъ разгарѣ. Много сакль было снесено, нѣкоторыя башни были разрушены. Однако, горцы и не думали о сдачѣ. На нашу непрерывную канонаду они отвѣчали весьма бойко и только удивляли насъ богатствомъ своихъ боевыхъ запасовъ. Удивленіе это было въ особенности велико, когда мы убѣдились, что они отлично были знакомы съ минною системою, и въ то время, когда мы вели галлерею, ухитрились повести противъ насъ контръ-мину такъ вѣрно, что въ своихъ расчетахъ не ошиблись ни на волосъ. 18-го августа наши минеры поспѣшили заложить камуфлетъ. Но не успѣли они забить его, какъ контръ-минеръ, просвѣрливъ тонкій простѣнокъ, выстрѣломъ изъ ружья взорвалъ его. Такимъ образомъ, подземная побѣда осталась на сторонѣ инженеровъ-самоучекъ.

На брешь-батареѣ, строившейся нами впереди лѣваго фланга нашей позиціи, сосредоточился сильный огонь непріятельской артилеріи, и въ рядахъ стрѣлковъ двое были тяжело ранены. Съ этой батареи скоро открытъ былъ огонь по крѣпкой башнѣ, которая быстро разлетѣлась вдребезги. Траншеи приближались все ближе и ближе къ стѣнѣ укрѣпленія, а съ ними нераздучно придвигались и стрѣлки. Наконецъ, была заложена брешь-батарея въ двадцати саженяхъ отъ стѣны и вооружена двумя четвертьпудовыми единорогами и двумя двѣнадцати-фунтовыми пушками. Огонь, открытый изъ этихъ орудій, къ 21-му августа сдѣлалъ двѣ бреши между двумя большими башнями. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилился ружейный огонь горцевъ, не умолкавшій все время 21-го и 22-го августа. Потери стрѣлковъ на брешь-батареѣ были сравнительно велики: раненъ штабсъ-капитанъ Аленинъ 2-й [7]), убито 2 и ранено 6 стрѣлковъ.

Надо замѣтить, что Аленинъ 2-й былъ раненъ въ голову еще 21-го августа и въ траншеяхъ, но, не обращая вниманія на эту рану, продолжалъ нести тяжелую траншейную службу.

Однако, нельзя было ограничиться одними осадными работами. Въ тылу укрѣпленія Салты находились сады, еще не занятые нами, и съ этой

---

[7]) Приказъ по баталіону 27-го ноября 1847 года № 331.

стороны гарнизонъ имѣлъ возможность, такъ сказать, освѣжаться новыми партіями и получать продовольствіе. Чтобы воспрепятствовать ему въ этомъ, нужно было овладѣть садами; но чтобы удержаться въ нихъ — слѣдовало занять двѣ высоты, господствовавшія надъ ними и одна надъ другою. Непріятель не могъ не оцѣнить значенія этихъ высотъ. Рѣшась завладѣть ими, главнокомандующій былъ убѣжденъ, что горцы будутъ драться изъ за нихъ до послѣдней крайности, поэтому сформировалъ двѣ колонны— штурмовую и демонстративную. Въ составъ первой вошли два баталіона пѣхоты, взводъ стрѣлковъ подпоручика Брустрема, два горныхъ орудія и три сотни милиціи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бюрно. 22-го августа, въ то время, какъ эта колонна направилась къ указанному ей пункту, по всему аулу загрохотали наши батареи, отвлекая вниманіе гарнизона, а демонстративная колонна приняла на себя нѣсколько ружейныхъ залповъ. Баталіоны, ввѣренные Бюрно, живо пробрались черезъ сады, заняли высоты и укрѣпились на нихъ. Горцы спохватились, но помѣшать уже было поздно. Стрѣлки должны были поддерживать сильный огонь по укрѣпленію, чтобы помѣшать гарнизону вредить нашимъ войскамъ, устроившимъ на занятыхъ ими высотахъ редуты. Къ вечеру на нижней высотѣ устроена была батарея на два горныхъ орудія и по обѣ стороны ея, а также на площадкѣ, сильные завалы. Съ наступленіемъ сумерокъ выстрѣлы прекратились, и колонна размѣстилась въ завалахъ. Стрѣлки пока отдѣлались только однимъ раненымъ.

Занятіе двухъ указанныхъ позицій было вопросомъ жизни для гарнизона, поэтому мюриды рѣшились отнять ихъ у насъ во что бы ни стало и какъ можно скорѣе, пока мы еще не совсѣмъ на нихъ укрѣпились. Мы это предвидѣли, и, въ ожиданіи ночнаго нападенія, дежурныя части стояли подъ ружьемъ. Ровно въ восемь часовъ по обѣимъ вновь устроеннымъ нами наскоро укрѣпленнымъ позиціямъ грянули выстрѣлы — и обдало ихъ картечью. Масса горцевъ, какъ по сигналу, хлынула изъ аула и въ нѣсколько минутъ, словно саранча, облѣпила передовую высоту. Ее встрѣтили залпомъ, но она валила впередъ, подавляя, сокрушая все своею многочисленностью. Солдаты не успѣвали отбиваться, а ожесточеніе мюридовъ, одушевлявшихъ другъ друга своими возгласами, не имѣло границъ. Закрывши глаза, толпа бѣшено ломила на наши завалы и вскорѣ ворвалась въ укрѣпленіе Въ это время пальба уступила мѣсто рукопашной схваткѣ, среди которой раздавались лишь одни удары холоднаго оружія и изрѣдка недружное, хриплое „ура“. Около двадцати минутъ происходила рѣзня; на каждаго изъ нашихъ героевъ приходилось нѣсколько враговъ. Устоять было невозможно. Съ глубокимъ огорченіемъ въ душѣ начали стрѣлки отступать вмѣстѣ съ ротами въ нижнее укрѣпленіе, названное „низовымъ“, въ первый разъ уступивъ непріятелю свою позицію. Отступленіе было медленное, потому что приходилось грудью закрывать отправленныхъ впередъ раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ вторично раненый стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Сиреліусъ. Едва роты успѣли занять „низовое“ укрѣпленіе, какъ толпы непріятеля спустились съ верхней высоты, кинулись по пятамъ ихъ и, приблизившись къ редуту, съ ожесточеніемъ полѣзли на брустверъ. Только религіозный фанатизмъ и страшная ненависть къ намъ могли сообщить имъ такую несокрушимую отвагу. У „низоваго“ укрѣпленія бой длился около

получаса. Не смотря на прибытіе къ непріятелю подкрѣпленія, всѣ его усилія остались безуспѣшны, и онъ былъ отбитъ.

Гарнизонъ, одушевленный своимъ успѣхомъ и въ особенности подполковникомъ Бибановымъ, теперь стоялъ непоколебимо и исполненъ былъ рѣшимости отстаивать себя до послѣдняго издыханія. Ровно черезъ полчаса раздался знакомый гикъ, и вновь горцы кинулись на укрѣпленіе съ трехъ сторонъ. На этотъ разъ атаку ихъ встрѣтили и стрѣлки подпоручика Брунстрема. Бой загорѣлся съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, но опять побѣда осталась за нами, и мюриды были отброшены. Подобравъ раненыхъ и убитыхъ товарищей, гарнизонъ устроился на своихъ мѣстахъ и ждалъ. Ожиданіе продолжалось недолго: горцы хлынули въ третій разъ, но опять встрѣтили ту же желѣзную колючку на брустверѣ и принуждены были отступить. Было уже одиннадцать часовъ ночи. Вдругъ, съ высотъ, командовавшихъ „низовымъ“ укрѣпленіемъ и находившихся на правомъ флангѣ нашего лагеря, раздался по нашимъ защитникамъ сильный ружейный огонь. Это были полевыя непріятельскія войска, которыя зашли отъ салтынскаго моста и, найдя выгодную позицію за глубокимъ русломъ рѣчки, дали знать атакующимъ о своемъ присутствіи. Ободренные мюриды съ радостнымъ крикомъ бросились еще разъ въ атаку; но картечь двухъ нашихъ орудій разорвала толпу на части. Она сперва хотя и смѣшалась, однако тотчасъ сплотилась и удвоила натискъ. Еще два такихъ удачныхъ выстрѣла—но все-таки непріятель не остановился; часть его была уже на брустверѣ. Однако она встрѣтила здѣсь то же безмолвное сопротивленіе, такъ какъ наши резервы были придвинуты, ряды сомкнуты, и Бибановъ, хотя уже раненый, продолжалъ, какъ и прежде, невозмутимо руководить всѣми перипетіями боя. На этотъ разъ обошлось безъ участія стрѣлковъ, такъ какъ гарнизонъ и безъ того отстоялъ свой постъ. Случилось только одно несчастье: Бибановъ палъ, но, умирая, завѣщалъ всѣмъ стойкость и терпѣніе. Послѣ четвертаго приступа взводъ стрѣлковъ Брунстрема въ третій разъ смѣнилъ резервъ и ожидалъ своей очереди. Главнымъ предметомъ нападеній горцевъ были наши орудія, которыми имъ никакъ не удавалось овладѣть, не смотря даже на то, что сильнѣйшій огонь по укрѣпленію съ праваго фланга все продолжалъ ихъ поддерживать и ободрять. Одушевляемые и, такъ сказать, направляемые имъ, мюриды произвели пятую атаку, и хотя она уступала предыдущимъ въ настойчивости и силѣ удара, но была такъ же кровава, какъ и прежнія. Стрѣлки вступили въ дѣло и на славу кололи мюридовъ, хватавшихся за ихъ штыки и падавшихъ подъ ихъ ударами. Но все было напрасно. Пятая атака была отбита, и послѣдовавшія за нею еще двѣ другихъ также были безуспѣшны. Что было бы далѣе—неизвѣстно, но въ это время взошла луна и освѣтила окрестности. Условія перемѣнились: рукопашная схватка, спеціальность мюридовъ, должна была уступить мѣсто мѣткому огню защитниковъ. Горцы поняли, что роль ихъ кончена, и въ нерѣшимости какъ бы приросли къ брустверу. Черезъ минуту они бѣжали стремглавъ. Стрѣлки моментально зарядили штуцера и, вмѣстѣ съ прочими, могли только напутствовать своими залпами уходившія толпы непріятеля. Вскорѣ вся окрестность погрузилась въ мертвую тишину, нарушаемую лишь стонами раненыхъ.

„И такъ, варшавцы, самурцы, стрѣлки, артилеристы и ахтынцы свято исполнили завѣтъ Бибанова: они спасли честь и славу русскаго оружія;

они отстояли тотъ фундаментъ, безъ котораго послѣдующая затѣмъ наша побѣда была бы, пожалуй, какъ нельзя болѣе сомнительною“ [8]). Утромъ на другой день князь Воронцовъ горячо благодарилъ войска. Между прочимъ, обходя ихъ ряды, онъ поздравилъ подпоручика Брунстрема и прапорщика Спреліуса съ слѣдующими чинами, а на унтеръ-офицера Ивана Васильева возложилъ крестъ [9]).

Между тѣмъ, какъ „у низоваго“ укрѣпленія стрѣлки боролись съ горцами преимущественно холоднымъ оружіемъ, дѣятельность ихъ товарищей на осадныхъ работахъ была для отряда не менѣе благотворна: подъ прикрытіемъ ихъ огня, нѣсколько минныхъ галлерей были доведены до стѣнъ укрѣпленія, и орудія наши спокойно и упорно расширяли бреши въ обѣ стороны отъ большой и главной въ аулѣ башни.

Рано утромъ слѣдующаго дня горцы открыли орудійную пальбу по злополучному „низовому“ укрѣпленію, представлявшему печальную картину. Не смотря на ихъ огонь, войска наши, подъ прикрытіемъ также и стрѣлковъ, принялись исправлять поврежденія, зная, что непріятель не упуститъ случая повторить свою попытку къ возвращенію такого важнаго для него пункта. Гарнизонъ былъ усиленъ двумя ротами апшеронцевъ, и къ вечеру брустверъ укрѣпленія былъ возвышенъ и утолщенъ.

Но необходимо было также занять и верхнюю высоту, которую, впрочемъ, горцы оставили, полагая, вѣроятно, что имъ не трудно будетъ овладѣть ею во всякое время. Высота эта была занята однимъ баталіономъ безъ выстрѣла. Непріятель спохватился, но уже было поздно атаковать гору, такъ какъ ему нужно было пройти сады подъ нашимъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, и передовая высота пока осталась за нами. Лишь только мы ее заняли и стали укрѣплять, какъ всѣ наши батареи открыли общую канонаду по Салты, и двѣ мины, заряженныя — одна шестидесятью пятью, а друга пятнадцатью пудами пороха, были взорваны. Взрывы были удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать: средняя башня сравнялась съ землею и обнажила намъ часть внутренности аула. Такимъ образомъ, галлереи сослужили свою службу: вмѣстѣ съ продолжавшеюся канонадою онѣ отвлекли вниманіе гарнизона отъ нашихъ саперныхъ работъ на верхней высотѣ, на которой войсками командовалъ инженеръ генералъ-маіоръ Бюрно. Къ ночи онъ успѣлъ приготовить всѣ способы къ надежной оборонѣ ввѣренной ему позиціи—и ждалъ. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго, послѣ двухъ-трехъ одиночныхъ выстрѣловъ, сады загорѣлись сотнями огоньковъ; и по обоимъ нашимъ укрѣпленіямъ открылась непрерывная пальба. Но нѣсколько дружныхъ залповъ стрѣлковъ убѣдили горцевъ, что они также дружно будутъ приняты на штыки гарнизонами обоихъ укрѣпленій, принявшихъ уже внушительныя профили. Поэтому, нерѣшаясь атаковать, горцы убрались восвояси, и ночь прошла спокойно. Занятыя нами двѣ весьма важныя высоты давали намъ возможность отражать всякія вылазки гарнизона и попытки полевыхъ войскъ Шамиля сообщаться съ осажденными и доставлять имъ продовольствіе. Лишивъ, такимъ образомъ, защитниковъ Салты всякаго рода продовольствій, мы рѣшили лишить ихъ

[8]) „Кавказскій Сборникъ“, т. VI.

[9]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1847 г. № 101. Приказъ по баталіону 10-го декабря 1847 г. № 344.

также и воды. Оказалось, что они получали ее изъ пруда, находившагося у аула; генералъ Бюрно рѣшился отравить эту воду; этого было бы вполнѣ достаточно, такъ какъ родники, откуда горцы могли въ крайности брать воду, находились подъ нашими выстрѣлами; слѣдовательно, о нихъ нечего было безпокоиться.

25-го августа прудъ оказался отравленнымъ, и съ этого дня характеръ дѣйствій горцевъ видоизмѣняется, и всѣ усилія ихъ направляются исключительно къ тому, чтобы добыть себѣ хлѣба и особенно воды. Вылазки предпринимаются все чаще и чаще, но ихъ предупреждаетъ гарнизонъ „Бибановскаго“ редута, гдѣ находился и взводъ стрѣлковъ. Всѣ стремленія Шамиля подать осажденнымъ руку помощи оканчиваются для него большими потерями, а удары, направляемые имъ на редутъ и имѣвшіе, впрочемъ, въ данный періодъ демонстративное значеніе, молодецки отражаются небольшимъ его гарнизономъ. Испытавъ напрасно всѣ ухищренія, имамъ приказалъ Хаджи-Мурату отправить съ нѣсколькими мюридами къ аулу стадо барановъ, привязавъ на каждомъ изъ нихъ хлѣбъ; но наши часовые предупредили и это обстоятельство. Наконецъ, Шамиль сдѣлалъ еще одну отчаянную попытку отобрать у насъ редутъ, но опять усилія его сокрушились о желѣзную стойкость гарнизона.—причемъ стрѣлки потеряли одного рядоваго раненымъ.

Между тѣмъ, осадныя работы наши подвигались къ концу. Бомбардированіе двухпудовыми мортирами и 12-фунтовыми пушками произвело страшное опустошеніе во всѣхъ частяхъ аула, а успѣшное дѣйствіе брешь-батареи, частые взрывы и, наконецъ, голодъ и жажда гарнизона давали намъ возможность надѣяться, что онъ не замедлитъ сдать намъ остатки своей твердыни. Но ничуть не бывало: защитники Салты видимо не теряли надежды на помощь Бога, а еще болѣе страшились Шамиля. Они съ неослабною энергіею старались вредить нашимъ саперамъ, готовившимъ имъ гибель, но саперъ берегли стрѣлки, хотя и поплачивались за это. Такъ, 29-го августа, прикрывая ихъ, они потеряли двухъ раненыхъ. Охранительная дѣятельность стрѣлковъ, какъ на осадныхъ работахъ, такъ и въ „Бибановскомъ“ редутѣ, продолжалась вплоть до 14-го сентября безъ выдающихся событій. Она, правда, была вспомогательная, скромная, но тѣмъ не менѣе была важная. Шамиль отлично зналъ о существованіи въ „Бибановскомъ“ редутѣ штуцеровъ и питалъ къ нимъ больше почтенія, чѣмъ даже къ нашимъ орудіямъ.

Въ послѣдній періодъ осады слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, двѣ услуги стрѣлковъ: 7 сентября они сильнымъ ружейнымъ огнемъ пріостановили партію, сопровождавшую въ аулъ транспортъ, а затѣмъ, выдвинувшись ей на встрѣчу, заставили ее безусловно отказаться отъ ея благотворительной миссіи. Другая услуга слѣдующая: 8-го сентября, когда мы совсѣмъ придвинулись къ аулу, наша минная галлерея была подведена подъ большую башню на южномъ фасѣ укрѣпленія. Къ счастью, намъ удалось услышать контръ-минера, на этотъ разъ не совсѣмъ чуткаго. Немедленно былъ заряженъ горнъ 80-ю пудами пороха, а утромъ 9-го сентября батареи наши открыли сильную канонаду. Посреди грома нашихъ пушекъ всевозможныхъ наименованій, раздался страшный трескъ—и башня опустилась въ землю, образовавъ вмѣстѣ со взорванною галлереею горцевъ двѣ воронки.

Сформированныя заранѣе охотничьи команды кинулись къ этимъ воронкамъ и заняли ихъ, а саперы живо увѣнчали турами ихъ и брешь, образованную между башнею и оврагомъ. Охотники наши подверглись страшному ружейному огню изъ аула; но, не смотря на это, южная стѣна его осталась за нами и была приведена въ оборонительное положеніе. Между башнею и оврагомъ находилась „казарма, которая также была приведена въ оборонительное положеніе, но она найдена столь узкою, что въ ней могла помѣститься только одна шеренга стрѣлковъ, которые въ продѣланныя бойницы начали уже сами наносить вредъ непріятелю мѣткими выстрѣлами. Ровъ былъ вполовину засыпанъ, и по немъ устраивалось широкое и прикрытое сообщеніе для артиллеріи; по всей серединѣ выведена стѣнка съ бойницами, черезъ которыя наши стрѣлки открыли огонь уже болѣе дѣйствительный“ [10]).

Какія частности и выдающіеся подвиги сопровождали въ этотъ день дѣятельность стрѣлковъ—изъ журнала князя Аргутинскаго не видно; но что они несомнѣнно были—доказывается наградами, которыя они получили за 9-е сентября: штабсъ-капитанъ Аленинъ 2-й (Николай)—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, прапорщики Норденсванъ и Каменскій (Михаилъ)—слѣдующіе чины; нижніе же чины награждены четырмя крестами [11]). Въ реляціи главнокомандующаго о награжденіи ихъ сказано, что „они 9-го сентября, при занятіи оборонительной казармы и восточной стѣны селенія Салты, занимая переднюю цѣпь, мѣткою стрѣльбою удерживали непріятеля за стѣнами укрѣпленнаго аула и видимо уменьшили число его“.

Вслѣдъ за занятіемъ восточной стѣны послѣдовало устройство на ней батарей и немедленное вооруженіе ихъ. Орудійная и ружейная пальба въ слѣдующіе дни была доведена до крайняго напряженія. Къ 14-му сентября были разрушены всѣ башни Салты и еще часть стѣны, и на развалинахъ ея возведены ложементы и батареи, а внутренность укрѣпленія была буквально засыпана бомбами и гранатами. Усмотрѣвъ, что все подготовлено къ тому, чтобы однимъ ударомъ покончить съ ауломъ, главнокомандующій 14-го сентября рѣшилъ штурмовать его. По данному сигналу колонны ворвались въ аулъ, но встрѣтили множество неожиданныхъ препятствій, въ видѣ прочныхъ сакль съ бойницами во вторыхъ этажахъ, подваловъ и подземелій, откуда трещали выстрѣлы; нѣсколько разъ штурмовавшія роты смѣнялись свѣжими; многія отступали за невозможностью бороться съ блокгаузами или же воспользоваться какимъ либо закрытіемъ; разгорѣлся страшный бой. Передъ началомъ этого жестокаго боя, стрѣлки, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, разсыпались вдоль занятой уже нами стѣны и своимъ огнемъ значительно облегчали штурмовой колоннѣ овладѣніе первою линіею внутреннихъ укрѣпленныхъ сооруженій аула. „Незакрытые нашими войсками, по словамъ кн. Аргутинскаго, они производили безпрерывно мѣткій огонь по гарнизону, который, отчаянно защищаясь, не могъ быть часто не открытъ нашимъ выстрѣламъ“. Подъ ихъ прикрытіемъ войска наши ворвались

---

[10]) Дѣло 2 отд. ген. шт. арх. окр. шт. 1847 г. № 9. Журналъ военныхъ дѣйствій, веденный княземъ Аргутинскимъ.

[11]) Унтеръ-офицеръ Семенъ Выголовъ № 83870; рядовые: Артемій Колесниченко № 83873, Семенъ Ивановъ № 83874 и Василій Никитинъ № 83875. (Дѣло особ. отд. арх. шт. кав. воен. окр. 1847 г. № 115).

также во вторую, а потомъ и въ третью линіи и утвердились на новой позиціи, фланкируемой первою. „Непріятель защищался отчаянно — доносилъ начальникъ штаба генералъ Коцебу военному министру [12])—и неоднократно собирался толпами, чтобы ударить въ кинжалы, но всякій разъ долженъ былъ искать спасенія въ подземельяхъ и завалахъ, будучи поражаемъ картечью и ядрами, отъ которыхъ обваливались на него стѣны сакль, а также мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, расположенныхъ вдоль позиціи на стѣнкахъ аула“, Восхваляя героевъ этого дня, князь Воронцовъ, слѣдившій также и за дѣйствіями стрѣлковъ, не могъ умолчать о нихъ въ отзывѣ, препровожденномъ для всеподданнѣйшаго доклада: „отлично содѣйствовали храбрымъ войскамъ нашимъ артилерія—писалъ онъ между прочимъ—и стрѣлки кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Стрѣлки бдительно стерегли всѣхъ тѣхъ, которые показывались изъ за заваловъ и развалинъ, и мѣткими выстрѣлами поражали храбрецовъ; неоднакратно также непріятель собирался толпами для рѣшительнаго нападенія, но всегда былъ разстраиваемъ артилерійскимъ огнемъ и мѣткими выстрѣлами стрѣлковъ“ [13]). Бой длился почти цѣлый день. Большая часть переднихъ сакль перешла въ наши руки. Попытка Шамиля подать гарнизону помощь движеніемъ къ аулу скопища Хаджи-Мурата потерпѣла полную неудачу. Наступила темнота, и кн. Воронцовъ приказалъ войскамъ прекратить бой и утвердиться на занятыхъ позиціяхъ.

Въ теченіе ночи войска готовились къ продолженію штурма, и стрѣлки не смыкали глазъ. Развязка для гарнизона предстояла весьма печальная, и только счастливый случай могъ спасти его отъ поголовнаго истребленія. Зная это прекрасно, онъ рѣшился на самое отчаянное средство—пробиться сквозь русскіе штыки. Въ девять часовъ вечера было замѣчено необыкновенное движеніе въ аулѣ, а черезъ четверть часа горцы, отдѣльными группами, съ шашками и кинжалами наголо, бросились изъ аула по направленію къ оврагу. Но едва успѣли они спуститься въ него, какъ были охвачены со всѣхъ сторонъ—и произошло въ полномъ смыслѣ слова побоище. Защитники Салты десятками погибали на штыкахъ нашихъ солдатъ, и, только благодаря темнотѣ, часть ихъ успѣла спастись. Они оставили на мѣстѣ до 500 тѣлъ, массу оружія бурокъ и т. д.

Въ этотъ знаменательный день стрѣлки потеряли убитыми: подпоручика Брунстрема и двухъ нижнихъ чиновъ; ранеными—также двухъ нижнихъ чиновъ. 14-е сентября 1847 года—день выдающійся въ исторіи кавказской войны, потому что окончательно разгромленъ важный опорный пунктъ въ центрѣ Дагестана, имѣвшій не только большое стратегическое значеніе, но и составлявшій твердый, надежный оплотъ мюридизма—чѣмъ и объясняется то упорство, съ которымъ горцы дрались съ нами, а также боролись съ голодомъ и жаждою. Нельзя не удивляться ихъ стойкости, которой не поколебало даже полуторамѣсячное бомбардированіе, и тому мужеству, съ которымъ они удержались въ своемъ гнѣздѣ почти до послѣдняго издыханія. Значеніе, которое кн. Воронцовъ придаетъ паденію Салты, видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ военному министру [14]):

[12]) Рапортъ 15-го сентября 1847 года № 543.

[13]) Отзывъ князя Воронцова къ воен. министру 29-го сентября 1847 года № 597.

[14]) 15 сентября 1847 г.

„я бы рѣшился скорѣе потерять одинъ глазъ, два глаза, даже самую жизнь, чѣмъ оставить Салты, не овладѣвъ ими и не разрушивъ. Это была дуэль между Шамилемъ и нами. Дѣйствительный результатъ ея принесетъ ему много вреда; но еслибы мы потерпѣли неудачу, то это причинило бы намъ такія послѣдствія, которыхъ я не желалъ бы пережить".

Разгромивъ до тла аулъ со всѣми его фортификаціонными сооруженіями, главнокомандующій съ небольшою половиною отряда двинулся къ Цудахару, а нѣкоторыя части, въ томъ числѣ и 4-ю роту стрѣлковъ, направилъ въ Кумухъ. Третья же рота, вмѣстѣ съ нѣсколькими баталіонами, подъ начальствомъ кн. Аргутинскаго, участвовала затѣмъ въ разныхъ передвиженіяхъ, вызванныхъ намѣреніемъ Шамиля возбудить противъ насъ, посредствомъ своихъ мюридовъ, всѣ общества Дагестана. Князь Аргутинскій вездѣ предупреждалъ всѣ его попытки; и Шамиль, наконецъ, угомонился—хотя это слѣдуетъ приписать отчасти и наступившимъ холодамъ. Стрѣлки мужественно переносили эти усиленныя движеніе и холодъ, не имѣя по нѣсколько дней полѣна дровъ; они участвовали также въ небольшихъ перестрѣлкахъ съ мюридами, укрывавшимися въ покорныхъ намъ аулахъ, но потерь не имѣли. Этимъ закончилась вся ихъ дѣятельность въ 1847 году. По роспускѣ войскъ, четвертая рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона была возвращена 7-го ноября въ Гомборы, а третья оставлена въ южномъ Дагестанѣ на случай зимнихъ экспедицій, которыхъ легко было ожидать при страшно возбужденномъ состояніи Шамиля. Она расквартирована была въ аулахъ и впослѣдствіи долго не могла забыть своей во всѣхъ отношеніяхъ отвратительной стоянки.

За 14-е сентября 1847 года стрѣлки получили слѣдующія награды: штабсъ-капитаны Фитингофъ и Кривоносовъ—слѣдующіе чины; первый изъ нихъ, кромѣ того, орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; штабсъ-капитанъ Аленинъ 1-й (Владиміръ), все время находившійся съ ротою въ огнѣ на лѣвой стѣнѣ отъ нашей позиціи—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; прапорщикъ Красовскій—слѣдующій чинъ. Нижнимъ чинамъ пожаловано было восемь знаковъ отличія военнаго ордена, и о тѣхъ, которые ихъ удостоились [15]), сказано въ реляціи такъ: „стрѣлки эти, занимая передовую цѣпь кругомъ селенія, быстрымъ огнемъ и мѣткою стрѣльбою очень много способствовали баталіонамъ, съ боя занимавшимъ фасъ. Въ этомъ дѣлѣ значительное число непріятеля пало отъ пуль сихъ стрѣлковъ" [16]).

Жизнь оставшихся въ штабъ-квартирѣ 1-й и 2-й ротъ ознаменовалась празднованіемъ 10 іюля десятилѣтняго юбилея баталіона со дня его сформированія. Праздникъ прошелъ шумно и торжественно.

Составъ офицеровъ баталіона измѣнился: изъ числа поступившихъ въ баталіонъ со дня сформированія, оставались всего двое: капитанъ Фитингофъ и шт.-к. Аленинъ 1-й.

Въ 1847 году Гомборы посѣтила холера, которая свирѣпствовала въ

---

[15]) Унтеръ-офицеры: Артемьевъ № 83871, Моисей Харитоновъ № 83872; рядовые: Андрей Андреевъ № 83876, Трофимъ Ивановъ № 83877, Матвѣй Михайловъ № 83878, Владиміръ Аносовъ № 83879, Руфъ Егоровъ № 83880 и Алексѣй Гладковъ № 83881.

[16]) Дѣла арх. окр. шт., особ. отдѣл., 1847 года, № 115 и 2 отд. г. шт. № 9. Приказъ по корпусу 30 сентября 1847 г. № 132.

окрестностяхъ еще съ конца 1846 года; но гомборцевъ она особенно не обидѣла, благодаря энергіи штабъ-лекаря Залѣсскаго, неустанно трудившагося надъ мѣрами къ обезсиленію непрошенной гостьи. Стрѣлки размѣщались довольно просторно. Роту, возвратившуюся въ началѣ года изъ экспедиціи, расположили сперва въ селеніи Хашмѣ, но въ концѣ апрѣля опять перевели въ Гомборы, вслѣдствіе еще болѣе улучшенныхъ тамъ условій квартированія.

Успѣхи стрѣлковъ въ ихъ мирныхъ занятіяхъ не уступали ихъ добросовѣстной дѣятельности на боевомъ полѣ, чему подтвержденіемъ служитъ слѣдующій фактъ: когда пріѣхалъ въ Гомборы для инспекторскаго смотра командиръ кавказской резервной бригады, то къ нему выставили почетный караулъ изъ однихъ только рекрутъ, прослужившихъ всего три мѣсяца. Въ приказѣ по поводу этого было выражено такъ: „выправка этихъ людей, ихъ бодрый и молодцеватый видъ, знаніе своего дѣла во фронтѣ, все это сначала заставило его превосходительство заключить, что караулъ составленъ былъ изъ старыхъ солдатъ; но тѣмъ пріятнѣе было ему убѣдиться въ противномъ, и что всѣ рекруты, а не одни только бывшіе въ караулѣ, какъ удостовѣрился онъ на смотру, поставлены на настоящую солдатскую ногу. За доведеніе упомянутыхъ рекрутъ, безъ ихъ изнуренія, до надлежащаго состоянія, приказомъ по ввѣренной его превосходительству бригадѣ, командиръ кавказской резервной гренадерской бригады изъявилъ свою мнѣ признательность и благодарность ротнымъ командирамъ, и въ особенности командиру 2-й роты капитану Тюпину“ [17]).

Въ 1847 году въ стрѣлковыхъ баталіонахъ введены были правила заряжанія по командѣ и безъ команды. Заряжанію по командѣ отведено мѣсто только на одиночныхъ ученіяхъ и въ одной только рекрутской школѣ. Затѣмъ, на ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ заряжаніе должно было производиться вовсе безъ команды. Эти правила были распространены также и на штуцерныхъ застрѣльщиковъ въ полкахъ [18]).

Если роты, мирно обучавшіяся въ штабъ-квартирѣ, удивляли своими успѣхами командира своей бригады, то не менѣе радовали высшее начальство и тѣ, которыя несли службу на боевомъ полѣ. Князь Воронцовъ, послѣ смотра цѣльной стрѣльбы 21-го іюля, „за отличное по всѣмъ частямъ состояніе, знаніе своего дѣла гг. офицерами и смѣтливость нижнихъ чиновъ“, объявилъ благодарность подполковнику Кривоносову, командовавшему 3-ю и 4-ю ротами шт.-к. Фитингофу, командиру 4-й роты шт.-к. Аленину 1-му и всѣмъ офицерамъ этихъ ротъ [19]). Роты, остававшіяся при штабъ-квартирѣ, работали почти все лѣто, не взирая на жары и свирѣпствовавшую вокругъ холеру. Онѣ косили сѣно, построили гауптвахту, казарму для фурштатовъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, баталіонныя мастерскія, четыре цейхгауза и четыре ротныхъ двора съ погребами и конюшнями. „Устройство этихъ помѣщеній—писалъ г.-м. баронъ Врангель—скорое, отчетливое, удобное и прочное, въ чемъ я лично убѣдился при осмотрѣ ихъ, свидѣтельствуя о распорядительности и усердіи гг. ближайшихъ начальниковъ, доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе и обязываетъ меня

[17]) Приказъ по баталіону 7-го апрѣля 1847 г. № 97.

[18]) Предписаніе ген.-л. Рамзая 29 марта 1847 г. № 354.

[19]) Приказы по корпусу 15 и 24-го іюля 1847 года №№ 92 и 96.

изъявить мою искреннюю признательность подполковнику Кривоносову, капитану Тюнину и штабсъ-капитану Геннингу. Постройки, произведенныя на ур. Гомборахъ, могутъ служить примѣромъ, какъ много можетъ сдѣлать ближайшій начальникъ отдѣльной части при скудныхъ средствахъ, при благоразумной распорядительности и ревностномъ усердіи. Хозяйственные способы стрѣлковаго баталіона, сравнительно съ полковыми, при всѣхъ одинаковыхъ условіяхъ, очень слабы. Лѣтомъ этого года въ баталіонной штабъ-квартирѣ оставалось только двѣ роты, изъ которой въ каждой полагается по штату всего 150 рядовыхъ. Съ незначительнымъ числомъ людей, не смотря на вышеизложенныя неблагопріятныя обстоятельства, покосы въ баталіонѣ окончены въ первыхъ числахъ августа мѣсяца и произведены означенныя постройки. И при всемъ томъ, нижніе чины не отстали отъ своего дѣла по фронту. Все это подаетъ утѣшительную надежду, что средства, которыя угодно было г. главнокомандующему доставить теперь стрѣлковому баталіону къ устройству штабъ-квартиры, будутъ употреблены съ надлежащимъ успѣхомъ къ скорому возведенію необходимыхъ помѣщеній, подъ кровлею которыхъ солдатъ, наконецъ, найдетъ спокойный отдыхъ послѣ трудовъ въ экспедиціи и на работахъ“ [20]).

VI.

1848 годъ. Участіе 2-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона въ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда при осадѣ и взятіи Гергебиля. Вторженіе Шамиля въ самурскій округъ. Прибытіе въ Пуху 2-й роты стрѣлковъ. Осада укр. Ахты. Участіе 3-й роты и 1-го взвода 1-й роты въ сраженіи при Мескенджи 22-го сентября. Награды. Дѣятельность 2-го взвода 1-й роты въ составѣ чеченскаго отряда. Набѣгъ на аулъ Ахметъ-Тала. Постройка укрѣпленія на р. Мартанѣ. Предпріятія чеченцевъ. Фуражировки. Награды. Внутренній бытъ стрѣлковъ. Назначеніе маіора Прежевскаго командиромъ баталіона.

Рядомъ съ усовершенствованіемъ нашихъ кордонныхъ линій, возведеніемъ укрѣпленій и проложеніемъ дорогъ, предположено было въ 1848 г. покончить съ Гергебилемъ, подъ стѣнами котораго мы понесли огромныя потери, и тѣмъ доказать горцамъ, что неудача насъ не остановила и что никакимъ ихъ твердынямъ не устоять противъ нашихъ войскъ. Слѣдовательно, военныя дѣйствія 1848 года въ Дагестанѣ представляютъ продолженіе дѣйствій 1847 года. Для взятія Гергебиля предназначены были: $14^{3}/_{4}$ баталіоновъ пѣхоты, дивизіонъ драгунъ, 15 сотенъ кавалеріи, 16 орудій, ракеты и крѣпостныя ружья [1]). Въ составъ этихъ войскъ вошли: оставшаяся въ южномъ Дагестанѣ третья рота стрѣлковаго баталіона и первый взводъ первой роты, прибывшій въ Дагестанъ въ концѣ марта, подъ командою штабсъ-капитана Геннинга 1-го. Второй же взводъ этой роты, подъ командою поручика Новицкаго, былъ отправленъ въ Чечню.

[20]) Приказъ по кавк. рез. гренад. бригадѣ 18 октября 1847 № 74.

[1]) Нѣкоторыя части этихъ войскъ были оставлены на разныхъ пунктахъ Дагестана для прикрытія ханствъ, нашихъ запасовъ, переправъ и т. п.

Войска дагестанскаго отряда собрались въ указанныхъ имъ мѣстахъ еще въ концѣ мая. Взводъ же штабсъ-капитана Геннинга прибылъ изъ Гомборъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ половинѣ апрѣля, но до 16-го іюня, кромѣ рекогносцировокъ, производившихся съ большою тщательностью „командующимъ войсками въ прикаспійскомъ краѣ“ княземъ Аргутинскимъ, нигдѣ болѣе не участвовалъ. Рекогносцировки эти дали возможность опредѣлить наудобнѣйшіе подступы къ Гергебилю и степень сопротивленія, которое могло бы оказать это укрѣпленіе. 14-го іюня отрядъ расположился подъ Гергебилемъ со стороны Ходжалъ-Махи. Прибывшіе сюда, подъ общею командою капитана Фитингофа, три взвода стрѣлковъ [2]) вмѣстѣ съ большею частью отряда, занимали позицію на возвышенности, круто спускавшейся къ Койсу и соединявшейся съ горами, окружающими долину его. Отсюда передъ нами раскрывалась вся позиція непріятеля, укрѣпленный лагерь и верхняя часть Гергебиля. 15-го числа прибыла и осадная артилерія.

Гергебиль хотя и носилъ еще на себѣ слѣды прошлогднихъ разрушеній, но стѣны его были выложены заново и утолщены, воздвигнуты новыя башни; нижняя часть аула во многихъ мѣстахъ была покрыта блиндажами и закидана камнями; по всѣмъ направленіямъ были устроены скрытыя сообщенія между укрѣпленными саклями; въ верхней части аула, представлявшей цитадель, устроена оборонительная казарма, вооруженная тремя орудіями. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ тысячи человѣкъ отборныхъ мюридовъ, которые, кромѣ своей личной храбрости и крѣпости своего аула, сильно надѣялись на укрѣпленный лагерь, находившійся на громадной скалѣ по ту сторону казикумухскаго Койсу.

Съ прибытіемъ нашихъ войскъ, почти со всѣхъ сторонъ начали собираться новыя партіи горцевъ, и одна изъ нихъ заняла тѣ передовыя высоты, гдѣ въ прошломъ году были построены наши брешь-батареи. На эту партію князь Аргутинскій направилъ свой первый ударъ, чтобы, сбросивъ ее съ позиціи, выбрать тамъ пункты для заложенія нашихъ осадныхъ батарей. Назначенная для атаки высотъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бриммера, колонна [3]), состоявшая изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, взвода стрѣлковаго баталіона подъ командою штабсъ-капитана Геннинга, шести орудій и части милиціи, подошла къ высотѣ ночью тихо и скрытно. Съ разсвѣтомъ, милиція, поддержанная баталіономъ самурцевъ, бросилась на ошеломленнаго залпами стрѣлковъ непріятеля и, прогнавъ его съ высоты, принялась укрѣплять ее. Послѣ этого была занята часть садовъ, примыкавшая къ подошвѣ нашей общей позиціи, и приступлено къ укрѣпленію послѣдней. Обезпечивъ себя на передовомъ пунктѣ, князь Аргутинскій выбралъ мѣста для батарей и распорядился о немедленномъ же начатіи работъ по ихъ сооруженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ разработкѣ между нашими позиціями колесныхъ дорогъ. Непріятель громилъ наше расположеніе очень усердно. Артилерія его дѣйствовала довольно удачно, но мы, не придавая ей особеннаго значенія, заложили батарею № 1-й на

---

[2]) Составъ ихъ былъ слѣдующій: оберъ-офицеровъ 6, унтеръ-офицеровъ 12, музыкантовъ 5, рядовыхъ 142, фурштатовъ 5 и нестроевыхъ 3.

[3]) 1-й и 4-й баталіоны князя Варшавскаго, 4-й Дагестанскаго, 2-й Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, взводъ стрѣлковаго баталіона, два батарейныхъ, два горныхъ и два легкихъ орудія, 250 человѣкъ пѣшей и конной милиціи.

пять орудій. Съ этой минуты осадныя работы наши живо начали подвигаться впередъ.

Съ первыхъ же дней мы должны были убѣдиться, что сопротивленіе горцевъ будетъ упорное. Гарнизонъ крѣпости, усиленной множествомъ фортификаціонныхъ сооруженій, состоялъ изъ лучшихъ мюридовъ Дагестана и имѣлъ подъ рукою семь орудій большихъ калибровъ, изъ которыхъ стрѣлялъ чрезвычайно мѣтко. Наша батарея № 1-й, вооруженная четырьмя двѣнадцати-фунтовыми пушками, послала въ аулъ первые снаряды утромъ 18-го іюня, а стрѣлки, прикрывая повсюду работы, дѣятельно поддерживали артилерію своими штуцерами, нимало не смущаясь разрывавшимися вокругъ нихъ непріятельскими гранатами, съ которыми уже давно привыкли мириться. Эти гранаты обильно и мѣтко осыпали наши траншеи, такъ что наши орудія дѣйствовали не столько съ цѣлью бомбардированія, сколько для того, чтобы заставить непріятеля замолчать.

Командующій войсками, для болѣе тѣсной и полной блокады, рѣшилъ овладѣть гергебильскими садами. Эту задачу онъ возложилъ на войска главнаго отряда, а для того, чтобы ихъ облегчить и поддержать, сформировалъ особую колонну, подъ начальствомъ полковника Евдокимова, изъ двухъ баталіоновъ Дагестанскаго и Мингрельскаго полковъ, взвода стрѣлковъ штабсъ-капитана Геннинга, 4-хъ орудій и ракетъ, которую двинулъ 12 іюня ночью на кодухскія высоты и оттуда велѣлъ спуститься къ Гергебилю. Эта колонна появленіемъ въ тылу аула должна была привлечь на себя вниманіе гарнизона въ то время, когда отрядъ двинется для занятія садовъ. Черезъ нѣсколько времени по выступленіи ея, на горѣ, гдѣ были расположены ахтынцы, раздались ружейные выстрѣлы, сопровождаемые неистовымъ гикомъ. Колонна ускорила шагъ, быстро прошла пространство, отдѣлявшее ее отъ лагеря ахтынцевъ, и съ большими усиліями начала подниматься на гору. Оказалось, что безпечные ахтынцы, полагаясь на неприступность своей позиціи, правда, окруженной глубокими оврагами съ крутыми скатами, не приняли относительно своего лагеря никакихъ мѣръ предосторожности, а вслѣдствіе этого, конечно, были атакованы большими толпами горцевъ. Пораженные неожиданностью, ахтынцы пришли въ ужасъ, сбились въ кучу, или же пустились вразсыпную куда попало. Началась страшная рѣзня. Въ эту минуту и появилась колонна Евдокимова—и роли перемѣнились: горцы бросили ахтынцевъ и исчезли, не доставивъ даже случая стрѣлкамъ разрядить по нимъ свои штуцера. Утромъ Евдокимовъ поднялся на аймякинскія высоты, пробылъ тамъ въ милиціонномъ лагерѣ полковника Бакиханова весь день, и потомъ, присоединивъ къ себѣ его отрядъ, направился черезъ раззоренное селеніе Аймяки къ Кодуху и незадолго до вечера сталъ безпрепятственно на высотахъ, окружающихъ этотъ аулъ.

Для занятія садовъ была назначена особая колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Бриммера, въ составъ которой вошла 3-я рота стрѣлковъ капитана Фитингофа. Оставивъ для прикрытія батарей передовой позиціи два баталіона, Бриммеръ съ остальными войсками двинулся къ гергебильскимъ садамъ въ два часа пополуночи на 23-е число. Едва только авангардъ изъ пяти ротъ, подъ командою полковника князя Барятинскаго, переправился, со стрѣлками впереди, черезъ оврагъ, отдѣлявшій насъ отъ садовъ, какъ

толпы непріятеля ринулись изъ аула и открыли отчаянный ружейный огонь противъ нашего праваго фланга, пальба же изъ всѣхъ орудій горцевъ дошла до крайняго напряженія. Вскорѣ новыя толпы атаковали и лѣвый флангъ расположенія князя Барятинскаго. Бой разгорѣлся донельзя, и непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки, но постоянно былъ отражаемъ съ урономъ. Наконецъ, сады были заняты, и колонна Евдокимова появилась на высотахъ надъ Гергебилемъ. Но такъ какъ, за неимѣніемъ времени, уже невозможно было въ этотъ день проложить предположенную дорогу и укрѣпить противуположную сторону оврага, то князь Барятинскій вынужденъ былъ перейти оврагъ обратно. При отступленіи, въ замкѣ находились двадцать стрѣлковъ подъ командою унтеръ-офицера Автамона Подкопаева, который, не обращая вниманія на полученную рану, спокойно и хладнокровно исполнялъ свою обязанность. Кромѣ Подкопаева, въ дѣлѣ 23-го іюня особенно отличился и рядовой Кириллъ Алюнинъ, а также въ официальныхъ документахъ упоминается объ отличіяхъ слѣдующихъ офицеровъ: поручиковъ Кржевковича-Позняка и Стефанека, подпоручика Каменскаго и прапорщика Мейстера [4]).

Окончательное занятіе гергебильскихъ садовъ послѣдовало 24 іюня почти безъ боя и только подъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ непріятеля. Съ занятіемъ ихъ установилось сообщеніе передовой позиціи нашей съ позиціею въ тылу аула, уже укрѣпленною полковникомъ Евдокимовымъ. Главные тактическіе ключи аула были въ нашихъ рукахъ; оставалось только устроить, гдѣ слѣдуетъ, редуты, батареи и ложементы, для прегражденія всякаго сообщенія гарнизона съ полевыми скопищами. Не смотря на неумолкаемый огонь непріятельскихъ орудій, дѣйствовавшихъ днемъ и ночью, саперы, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, быстро подвигали впередъ работы по устройству названныхъ сооруженій. Нѣтъ сомнѣнія, что услуги стрѣлковъ не могли обходиться имъ безнаказанно: 30-го іюня они потеряли одного, а 4-го іюля двухъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ осколками гранатъ; товарищи же ихъ, находившіеся на высотѣ, занятой полковникомъ Евдокимовымъ, нѣсколько разъ вступали въ бой съ непріятелемъ, который пытался сбить колонну съ позиціи.

5-го іюля Гергебиль находился уже въ тѣсной блокадѣ, и у непріятеля отнята всякая возможность прорваться черезъ нашу блокадную линію. Кромѣ того, не было ни одного пункта, который бы не находился подъ выстрѣлами нашей артилеріи. Оставалось только приступить къ общему и рѣшительному бомбардированію, и оно было открыто 6-го іюля, по ракетѣ, одновременно изъ двадцати пяти орудій [5]). При всемъ желаніи мюридовъ вредить нашей артилерійской прислугѣ, они должны были большею частью прятаться въ сакляхъ, потому что стрѣлки штабсъ-капитана Геннинга, занимавшіе ближайшія къ аулу траншеи, своими мѣткими выстрѣлами не дозволяли имъ показываться изъ сакль. Другіе два взвода капитана Фитингофа частью также „способствовали сбереженію артилерійской прислуги отъ ружейнаго огня изъ аула, частью же принимали энергическое участіе въ парализованіи дѣйствій полевыхъ войскъ Шамиля, стремившагося подать гарнизону

---

[4]) Дѣло особ. отд. 1848 г. № 116

[5]) 8 мортиръ, 11 батарейныхъ и 6 легкихъ.

помощь". Такъ сказано въ реляціяхъ [6]). Канонада продолжалась съ небольшимъ перерывомъ до девяти часовъ вечера, и такъ энергично, какъ только было возможно. Намъ удалось, наконецъ, разрушить водяную башню съ резервуаромъ и завалить канаву, по которой вода проходила въ аулъ, разпесенными по сосѣдству башнями. Запруженная, такимъ образомъ, вода направилась назадъ въ рѣчку, протекающую по аймякинскому ущелью. Гарнизонъ остался безъ воды; по крайней мѣрѣ, чтобы достать ее, нужно было подходить подъ дуло нашихъ орудій и въ упоръ нашему ружейному огню. Къ вечеру аулъ былъ приведенъ въ совершенно безнадежное положеніе; часть его, прилегавшая къ ущелью, совершенно уничтожена; въ стѣнѣ сдѣланъ огромный обвалъ; большая часть прикрытаго пути въ аулѣ за стѣною была разрушена, и множество сакль было сравнено съ землею. Положеніе злополучнаго гарнизона было вполнѣ критическое, такъ какъ, кромѣ того, что онъ остался безъ воды—въ аулѣ, взрытомъ нашими бомбами и ядрами, не было, такъ сказать, живаго мѣста. Однако, не смотря на это, онъ не падалъ духомъ и весь день продолжалъ отбиваться уже не столько артилерійскимъ, какъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, направляя его почти исключительно на артилерійскую прислугу и на прикрытіе у батарей. Стрѣлки едва успѣвали заряжать свои штуцера, но дѣйствовали безукоризненно. Въ теченіе дня они потеряли одного убитаго и одного раненаго.

Между тѣмъ фортификаціонныя работы наши шли съ обычною энергіею. Цѣль ихъ теперь, главнымъ образомъ, состояла въ проведеніи траншеи, посредствомъ которой можно было бы занять входъ въ аймякинское ущелье и въ разрушенную часть аула, прилегавшую къ водяной башнѣ, и тѣмъ окончательно лишить гарнизонъ возможности брать воду даже подъ нашими пулями. Гарнизонъ зналъ все это, и прошлогодній опытъ подсказалъ ему, что чѣмъ раньше пробьется онъ сквозь русскіе штыки, тѣмъ лучше будетъ для него. Пользуясь совершенною темнотою ночи, онъ въ 10-ть часовъ вышелъ изъ укрѣпленія и бросился бѣжать вразбродъ по разнымъ направленіямъ. Со своей стороны, мы готовили имъ надлежащіе проводы, о времени наступленія которыхъ извѣстили насъ бдительные часовые. Загремѣла пальба на всѣхъ пунктахъ, и пошла обычная въ подобныхъ случаяхъ бойня. Мюриды не защищались и только, подбирая раненыхъ, прорывались все дальше впередъ; но, по мѣрѣ того, какъ они ихъ уносили — новыя жертвы устилали собою путь ихъ бѣгства. Только ночь спасла ихъ отъ окончательнаго и безусловнаго истребленія, а также помѣшала нашимъ войскамъ преслѣдовать бѣгущихъ. Къ полуночи все стихло.

15-го іюля, когда аулъ былъ совершенно уничтоженъ минами и фугасами, и сады истреблены, кн. Аргутинскій отвелъ войска въ лагерь и въ полдень началъ отступленіе на Ходжалъ-Махи. Для того, чтобы горцы не могли безнаказанно преслѣдовать отрядъ, были заложены по пути отступленія въ нѣсколькихъ мѣстахъ камнеметные фугасы, а въ редутѣ № 1— шесть минъ, въ общей сложности въ восемь пудовъ пороху, которыя должны были воспламениться одновременно дѣйствіемъ гальванической батареи, поставленной въ 25 саженяхъ отъ редута. Отступленіе началось со всѣми предосторожностями. Горцы, по своему обыкновенію, налетѣли со

[6]) Дѣла особ. отд. арх. окр. шт. 1848 г. №№ 102, 116.

всѣхъ сторонъ и, не имѣя возможности задержать наше движеніе, начали съ торжествомъ занимать оставленныя нами позиціи. Между прочимъ, громадная масса ихъ съ ликованіемъ набросилась на редутъ № 1, который пока былъ удерживаемъ за нами четырмя ротами пѣхоты, съ участіемъ стрѣлковъ, окружила его съ трехъ сторонъ и почти преградила выходъ. Когда войска благополучно перешли оврагъ, роты поспѣшно оставили редутъ и стали быстро отступать. Стрѣлки опять были въ замкѣ, и двое изъ нихъ едва не были изрублены нахлынувшими мюридами, которые съ побѣднымъ крикомъ заняли редутъ. Но въ этотъ моментъ раздался страшный трескъ, и злополучный редутъ № 1 потонулъ въ дыму и въ пыли. Вся внутренность редута оказалась устланною изуродованными трупами [7]). Однако и это несчастіе не задержало горцевъ: они съ удвоеннымъ ожесточеніемъ и еще довольно долго насѣдали на отступавшія войска. Стрѣлки, слѣдовавшіе въ арріергардѣ, отбивались большею частью штыками.

Войска отступили сначала на кутешинскія высоты, а 30-го іюля часть ихъ, съ тремя взводами стрѣлковъ, передвинулась на Турчидагъ, чтобы, угрожая оттуда непокорнымъ обществамъ центральнаго Дагестана, удержать лезгинъ отъ помощи чеченцамъ въ борьбѣ ихъ съ нашимъ чеченскимъ отрядомъ, строившимъ въ это время укрѣпленіе на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ. Стрѣлки, до отпуска ихъ въ штабъ-квартиру, не оставались безъ дѣла: они были заняты добываніемъ торфа, почти единственнаго топлива въ безлѣсныхъ горахъ, а также разработкою дорогъ, изъ которыхъ весьма важное значеніе имѣла такъ называемая „военно-ахтынская“. Кромѣ того, они участвовали въ рекогносцировкахъ Чоха и Салты, а затѣмъ помогали въ устройствѣ дороги отъ кутешинскаго озера на селеніе Ходжалъ-Махи. Въ концѣ августа они двинулись, въ составѣ дагестанскаго отряда, въ Темиръ-Ханъ-Шуру и расположились тамъ лагеремъ.

Уничтоженіе Гергебиля, по мнѣнію князя Воронцова, имѣло то значеніе, что Шамиль, съ паденіемъ его, терялъ опорный пунктъ, откуда постоянно угрожалъ даргинскому округу и мехтулинскому ханству. Для успѣшнаго противодѣйствія попыткамъ Шамиля вторгаться въ эти мѣста, генералъ-адъютантъ кн. Аргутинскій, съ Высочайшаго разрѣшенія, построилъ укрѣпленіе въ селеніи Аймяки. Гергебиля онъ не возстановилъ, такъ какъ по близости къ этому пункту мы уже имѣли укрѣпленіе Ходжалъ-Махи.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ своими сподвижниками, Шамиль рѣшилъ предпринять дѣло, которое могло бы возстановить его пошатнувшееся вліяніе въ горахъ. Отвлекая небольшими нападеніями на Кумухъ вниманіе кн. Аргутинскаго, онъ въ короткое время съ большимъ искусствомъ собралъ скопище въ десять тысячъ, бросился въ самурскій округъ и 13-го сентября обложилъ наше укрѣпленіе Ахты, бывшее на правомъ берегу рѣки Самура.

Князь Аргутинскій получилъ объ этомъ извѣстіе лишь тогда, когда осажденный гарнизонъ уже находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что женщины должны были отправлять караульную службу, а защитники съ минуты на минуту ожидали своего послѣдняго часа, рѣшившись взорвать укрѣпленіе. Начальникъ укрѣпленія полковникъ Ротъ просилъ по-

[7]) Рапорты кн. Аргутинскаго отъ 29-го іюня, 7-го іюля, 9-го іюля, 21-го іюля 1848 г. №№ 222, 307, 331, 428.

мощи у кн. Аргутинскаго, который узналъ о вторженіи Шамиля въ самурскій округъ 8-го сентября, т. е. 2-мя днями раньше, чѣмъ донесеніе Рота дошло до него. Но онъ пока стягивалъ войска. 10-го же сентября съ разсвѣтомъ онъ поднялъ по тревогѣ войска темиръ-ханъ-шуринскаго лагеря, гдѣ находились три взвода стрѣлковъ, и форсированнымъ маршемъ двинулся въ сел. Оглы. Однако движеніе замедлилось, потому что приходилось по дорогѣ притягивать къ отряду части войскъ, разрабатывавшихъ дороги. Полковникъ Ротъ, зная, что командующій войсками легко можетъ опоздать съ помощью, просилъ помощи также и у командира 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи генерала Бриммера. Послѣдній прислалъ ему роту въ 200 штыковъ, благодаря которой гарнизонъ могъ отстоять себя до прибытія кн. Аргутинскаго.

Весь нухинскій уѣздъ подвергся опасности непріятельскаго вторженія. Шемахинскій губернаторъ баронъ Врангель, прибывъ 12-го сентября въ г. Нуху для ревизіи присутственныхъ мѣстъ, здѣсь впервые узналъ объ участи Ахты и объ опасности, угрожавшей вторженіемъ Шамиля въ нухинскій уѣздъ черезъ кишское и хачмазское ущелья. Для удержанія за собою этихъ ущелій, мы владѣли укрѣпленною позиціею въ селеніи Борчъ, охраняемою рабочею колонною въ 1000 штыковъ генерала Бюрно; но послѣдній, считая свои силы недостаточными для противодѣйствія скопищамъ Шамиля, очистилъ Борчъ и тѣмъ открылъ непріятелю путь въ нухинскій уѣздъ. Баронъ Врангель немедля отправилъ въ эти ущелья часть нухинскаго гарнизона, а затѣмъ, пользуясь происходившимъ въ это время случайнымъ передвиженіемъ войскъ въ губерніи, а также слѣдованіемъ въ Шуру изъ Гомборъ 2-й стрѣлковой роты, притянулъ нѣкоторыя части, въ томъ числѣ и эту роту, въ Нуху — какъ для защиты города, такъ и на случай движенія, куда надобность укажетъ. Такимъ образомъ, вторая рота, выступившая изъ Гомборъ 25-го августа, подъ командою капитана Тюнина, на смѣну своихъ товарищей, вполнѣ неожиданно получила совсѣмъ иное назначеніе. Къ 20-му сентября она была уже въ Нухѣ, гдѣ населеніе начинало волноваться. Быстрота, съ которою рота спѣшила къ мѣсту, которое могло быть каждую минуту залито кровью, была поистинѣ изумительная: она дѣлала такіе переходы, какіе можетъ дѣлать съ трудомъ только регулярная кавалерія. Объ этомъ въ „Кавказскомъ Сборникѣ“ [8]) повѣствуется такъ: „всѣхъ изумили своимъ поспѣшнымъ прибытіемъ въ особенности двѣ части — рота линейнаго № 7 баталіона, которая въ два дня прошла 109 верстъ, и вторая рота стрѣлковаго баталіона, сдѣлавшая въ четыре дня 177 верстъ“. Подобное обстоятельство не могло не обратить вниманія кн. Воронцова, который въ приказѣ по корпусу [9]) отмѣтилъ его слѣдующимъ образомъ: въ этой быстротѣ марша поименованныхъ частей вижу я неутомимость, молодецкій духъ и желаніе сразиться съ непріятелемъ, за что изъявляю полную мою признательность всѣмъ гг. начальникамъ означенныхъ войскъ, въ особенности командующимъ: грузинскимъ линейнымъ № 7-го баталіономъ подполковника Эгазе и 2-ю ротою кавказскаго стрѣлковаго баталіона капитану Тюнину“.

Не меньшей подвижностью и выносливостью отличились тѣ три взвода

[8]) Т. VII, стр. 557.

[9]) 8-го ноября 1848 г. № 133.

стрѣлковъ, которые слѣдовали съ отрядомъ въ Ахты. Находясь въ авангардѣ, они не отставали отъ лошади князя Аргутинскаго, каждый разъ приходили на ночлегъ бодрыми и свѣжими и не имѣли ни одного отсталаго или больнаго. Кн. Аргутинскій не могъ безъ восхищенія смотрѣть на этихъ маленькихъ солдатъ, загорѣлыя и мужественныя лица которыхъ были полны достоинства и внушительности,—и онъ у нихъ не остался въ долгу.

Отрядъ слѣдовалъ безъ дороги, прямо черезъ горы, и съ разсвѣтомъ 18-го сентября, выйдя изъ Кураха, имѣлъ въ своемъ составѣ девять баталіоновъ пѣхоты [10]), $1^1/_2$ роты стрѣлковъ, дивизіонъ драгунъ, три сотни казаковъ и милицію почти отъ всѣхъ покорныхъ обществъ Дагестана. Въ этотъ же день послѣ полудня онъ показался противъ Ахты на отвѣсныхъ высотахъ лѣваго берега Самура въ то самое время, когда гарнизонъ, ожидая рѣшительнаго штурма и потерявъ всякую надежду на помощь извнѣ, уже готовился взорвать укрѣпленье. Но переправа черезъ разлившійся и бушевавшій Самуръ оказалась положительно невозможною, и князь Аргутинскій, къ великому ужасу гарнизона, дождавшагося было своего спасенія, немедленно повернулъ назадъ, чтобы найти переправу въ другомъ мѣстѣ и обходными путями подойти къ укрѣпленію съ противоположной стороны. 2-го сентября ему удалось, наконецъ, переправиться на правый берегъ Самура въ бродъ съ большимъ трудомъ, но безъ потерь, и на другой же день онъ поспѣшилъ съ отрядомъ, безъ тяжестей, къ осажденнымъ. Но пока происходила эта переправа, укрѣпленіе чуть не погибло: 20-го сентября Шамиль предпринялъ отчаянный штурмъ укрѣпленія, думая покончить съ нимъ до прихода князя Аргутинскаго. Но гарнизонъ, въ ожиданіи возможнаго спасенія, употребилъ послѣднія усилія и еще разъ отстоялъ себя. Тогда Шамиль направилъ большую часть своихъ скопищъ на встрѣчу дагестанскому отряду, чтобы задержать его хоть на столько времени, чтобы еще разъ попытать счастія въ штурмѣ Ахты. Для этого онъ стянулъ свои скопища у селенія Мескенджи на пути наступленія князя Аргутинскаго. Позиція была выбрана имамомъ очень удачно: она тянулась поперегъ дороги, между камнями громадной величины, по уступу хребта, отдѣляющаго Микрахъ-чай отъ Мескенджи; лѣвый флангъ ея упирался въ неприступный обрывъ рѣки Самура, а правый—въ крутой и высокій хребетъ. Численность боевой силы непріятеля простиралась до семи тысячъ человѣкъ.

Но все это нимало не смутило князя Аргутинскаго, а тѣмъ болѣе его отрядъ, который рвался на выручку товарищей, готовый броситься для этого на всякія преграды. Приблизившись къ позиціи непріятеля, князь обстрѣлялъ ее ракетами и горными орудіями, а потомъ велѣлъ всей кавалеріи переправиться на лѣвый берегъ Самура, обойти позицію горцевъ подъ отвѣсными скалами, снова переправиться на правый берегъ и ударить скопищу въ тылъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, три баталіона ширванцевъ онъ бросилъ въ атаку съ фронта. „Въ передовой цѣпи слѣдовала рота стрѣлковаго баталіона“ [11]) капитана Фитингофа.

[10]) 1-й, 2-й и 3-й кн. Варшавскаго, 2-й и 3-й Апшеронскаго, 1-й, 2-й и 4-й Самурскаго, 2-й Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ.

[11]) „Кавказскій Сборникъ“, т. VII, стр. 598.

Когда передовая линія подвинулась на ружейный выстрѣлъ, горцы встрѣтили ее залпами. Бой закипѣлъ отчаянный, и вся окрестность скрылась въ пороховомъ дыму. Неодолимымъ препятствіемъ оказался лѣвофланговый непріятельскій завалъ, въ пять аршинъ высоты, на который и были направлены главныя наши усилія. Первый нашъ штурмъ этого завала, произведенный двумя баталіонами, былъ отбитъ. Въ разгарѣ боя стрѣлкамъ удалось увѣнчать собою возвышенности на лѣвомъ флангѣ непріятеля и, открывъ огонь, заставить многихъ защитниковъ лѣвофланговаго завала въ большомъ безпорядкѣ податься выше; это значительно облегчило дѣло отряда [12]): черезъ нѣкоторое время, второй штурмъ уже увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ — и у непріятеля былъ вырванъ ключъ его позиціи. Въ этомъ жестокомъ штурмѣ на лѣвофланговый завалъ одинъ стрѣлокъ былъ раненъ камнемъ въ голову, а другой — кинжаломъ въ лѣвую руку [13]). Съ этой минуты горцы не могли болѣе держаться ни въ центрѣ, ни на правомъ флангѣ, и полная побѣда осталась за нами. Скопище бросило Ахты и бѣжало; самъ Шамиль едва спасся. Потери наши, сравнительно съ успѣхомъ, были не велики: убито 15 нижнихъ чиновъ, ранено 6 офицеровъ и 152 рядовыхъ; среди нихъ убитъ одинъ и ранено 4 стрѣлка.

Послѣ мескенджикской битвы и освобожденія отъ осады Ахты, 3-я рота стрѣлковъ, въ составѣ дагестанскаго отряда, перешла къ Рутулу, а отсюда форсированнымъ маршемъ въ Казикумухъ—по поводу слуховъ о появленіи въ его окрестностяхъ непріятельскихъ скопищъ. 2-я же рота капитана Тюнина изъ Нухи отправилась въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Непріятель, дѣйствительно, вторгся въ Казикумухъ; но, встрѣтивъ здѣсь крайне враждебный пріемъ, вынужденъ былъ убраться, такъ что пришедшіе туда стрѣлки застали край въ полной тишинѣ. Изъ Казикумуха стрѣлки перешли въ Цудахаръ и, простоявъ здѣсь два мѣсяца, были отпущены въ Гомборы, куда явились 16-го декабря. Рота же капитана Тюнина была оставлена, по желанію кн. Аргутинскаго, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на случай зимнихъ движеній отряда и сборовъ непріятеля, и затѣмъ расположена въ убогомъ аулѣ Халилъ-бекъ, въ двухъ верстахъ отъ Шуры. Въ началѣ слѣдующаго года она была передвинута въ Муселимъ-аулъ.

За разгромленіе укрѣпленія Гергебиля стрѣлки удостоились получить слѣдующія награды: капитанъ Фитингофъ—золотую полусаблю съ надписью „за храбрость“; штабсъ-капитанъ Геннингъ, поручики Кржевковичъ-Познякъ и Стефанекъ, подпоручикъ Максимовъ и прапорщикъ Мейстеръ—слѣдующіе чины; подпоручикъ Каменскій—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Нижнимъ чинамъ пожаловано десять знаковъ отличія военнаго ордена и одна пенсія на крестъ [14]). За пораженіе же скопищъ Шамиля при Мескенджи награждены: капитанъ Фитингофъ—чиномъ маіора, капитанъ Геннингъ и штабсъ-капитанъ Стефанекъ—орденами св.

---

[12]) Дѣло особ. отд. арх. шт. кав. воен. окр. 1848 года № 131.

[13]) Рапортъ кап. Фитингофа 24-го октября 1848 года № 332.

[14]) Пенсіею награжденъ унтеръ-офицеръ Автамонъ Подкопаевъ; крестами: унтеръ-офицеры—Руфъ Яковлевъ 84756, Филиппъ Игнатовъ 84757, Иванъ Цвѣтковъ 84758; рр. Кириллъ Алюнинъ, Петръ Егоровъ 84758, Евграфъ Ганшинъ 84760, Григорій Александровъ 84761, Поликарпъ Филипповъ 84762, Абрамъ Матвѣевъ 84763, Казиміръ Масюкатисъ 84764.

Анны 3-й степени съ бантомъ, а нижніе чины получили девять знаковъ отличія военнаго ордена [15]).

Дѣйствія наши въ Чечнѣ въ 1848 году, въ которыхъ принимали участіе также и гомборскіе стрѣлки, были посвящены, главнымъ образомъ, возведенію укрѣпленія на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ. Оно должно было отстоять отъ Воздвиженскаго на 15, а отъ Ачхоевскаго на 26 верстъ. Безъ него чеченская передовая линія была бы слишкомъ растянута и бѣдна обсерваціонными пунктами, такъ какъ ни въ Ачхоѣ, ни въ Воздвиженскомъ никогда нельзя было знать, что дѣлается на плоскости малой Чечни.

Раннею весною начались въ ближайшія общества рекогносцировки, поиски, проложеніе просѣкъ и разработка дорогъ, которые были пріуготовительными и вспомогательными дѣйствіями. За ними должны были слѣдовать фортификаціонныя работы войскъ чеченскаго отряда. Въ этихъ подготовительныхъ чеченскихъ экспедиціяхъ зимою и раннею весною стрѣлки не могли участвовать, такъ какъ на другихъ театрахъ они были болѣе нужны. Да и для лѣтнихъ экспедицій въ Чечнѣ оказалось возможнымъ командировать всего одинъ взводъ.

Выступивъ изъ Гомборъ 20-го апрѣля, 2-й взводъ 1-й роты поручика Новицкаго послѣдовалъ на кумыкскую плоскость и прибылъ въ Хасавъюртъ въ половинѣ мая. Болѣе мѣсяца онъ оставался въ покоѣ, если не считать участія его въ небольшихъ передвиженіяхъ на кумыкской плоскости, происходившихъ по случаю незначительныхъ нападеній хищниковъ. 24-го же іюня онъ, въ составѣ колонны, подъ начальствомъ временно командовавшаго войсками полковника Веревкина, былъ въ набѣгѣ на ауховскій аулъ Ахметъ-Тала, расположенный на правомъ берегу Аксая, верстахъ въ 18 отъ Герзель-аула. Набѣгъ этотъ съ одной стороны отвлекалъ значительную часть скопищъ Шамиля отъ дагестанскаго отряда, осаждавшаго въ это время Гергебиль, а съ другой—имѣлъ цѣлью разореніемъ богатѣйшаго изъ ауловъ—наказать его жителей за гостепріимство, оказываемое ими враждебнымъ намъ абрекамъ и за содѣйствіе хищникамъ. Это могло послужить урокомъ и для другихъ обществъ, которыя, вмѣсто содѣйствія чеченцамъ противъ нашего чеченскаго отряда, строившаго укрѣпленіе на Урусъ-Мартанѣ, должны были позаботиться о безопасности роднаго очага и сидѣть смирно.

Планъ набѣга былъ составленъ самимъ Веревкинымъ, и приготовленія къ нему содержались имъ въ глубокой тайнѣ. Стянувъ ночью 23-го іюня къ Герзель-аулу изъ различныхъ пунктовъ кумыкской плоскости около четырехъ баталіоновъ и изъ Хасавъ-юрта взводъ стрѣлковъ подъ командою поручика Новицкаго, при которомъ находился прапорщикъ Спаксаревъ, а также четыре орудія, два эскадрона и шесть сотенъ, полковникъ Веревкинъ выслалъ впередъ охотниковъ изъ стрѣлковъ съ прапорщикомъ

---

[15]) Ун.-офицеры: Николай Балдинъ 86047, Яковъ Грибковъ 86048, Федоръ Ельцовъ 86049; рядовые: Евстафій Онуфріевъ 86051, Антонъ Петренко 86052, Илья Трофимюкъ 86053, Самойло Ревенко 86054, Андрей Онуфріевъ 86055, Захаръ Тарасовъ 86050. Такимъ образомъ, три взвода стрѣлковъ получили десять офицерскихъ наградъ, 19 крестовъ и одну пенсію на крестъ. (Дѣла особ. отд. арх. окр, шт. 1848 года №№ 102, 116, 131.

Снаксаревымъ во главѣ, а самъ выступилъ въ полночь въ совершенной тишинѣ и со всевозможными предосторожностями. Преодолѣвъ трудности ночного движенія, отрядъ на разсвѣтѣ подошелъ къ аулу и застигъ горцевъ совершенно врасплохъ. Въ то время, какъ кавалерія, а потомъ и пѣхота, ворвались въ аулъ, проникали мелкими партіями въ сакли и истребляли ихъ защитниковъ, стрѣлки, по приказанію поручика Новицкаго, оцѣпили аулъ и встрѣчали, а равно провожали своими штуцерами тѣхъ, которые искали спасенія въ бѣгствѣ. Истребивъ большую часть жителей и основательно опустошивъ всѣ сакли, а также пріобрѣтя въ добычу около тысячи головъ рогатаго скота, отрядъ предалъ аулъ пламени и двинулся обратно.

Между тѣмъ, толпы горцевъ сбѣжались изъ окрестностей и, какъ только войска вытянулись, обрушились на нихъ всею массою. Стрѣлки были распредѣлены въ арріергардѣ и въ правой цѣпи. Непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки, но постоянно былъ отбрасываемъ, благодаря мѣткому штуцерному огню, хладнокровію и распорядительности офицеровъ, руководившихъ арріергардомъ. Послѣ восьмичасоваго боя отрядъ прибылъ въ Гергель-аулъ, потерявъ 12 убитыхъ, 115 раненыхъ и 45 контуженыхъ [16]). За участіе въ этомъ набѣгѣ на взводъ стрѣлковъ было пожаловано два креста [17]) изъ числа 18, присланныхъ на весь отрядъ.

Погромъ главнаго ауховскаго аула однако не повліялъ на остальныя непокорныя общества, которыя и послѣ продолжали попрежнему тревожить своими набѣгами и нападеніями кумыкскую плоскость. Ауховцы также принялись за свое дѣло, какъ только нѣсколько оправились отъ недавняго удара. Вслѣдствіе этого, въ теченіе времени до августа мѣсяца постоянно происходили небольшія, но довольно частыя столкновенія съ неугомоннымъ непріятелемъ, особенно на фуражировкахъ. Стрѣлки принимали обязательное участіе почти во всѣхъ этихъ приключеніяхъ; безъ нихъ не обходилось почти ни одно изъ нихъ. Но мелкія происшествія мало повліяли на судьбу стрѣлковъ, поэтому о нихъ и не сохранилось ровно никакихъ воспоминаній. Только стрѣлки не забыли до сихъ поръ, какъ они во время движеній и дѣйствій на кумыкской плоскости въ 1848 году успѣли пріобрѣсти особенное расположеніе своего суроваго начальника полковника Веревкина, который не упускалъ случая сказать имъ ласковое слово и не иначе привѣтствовалъ ихъ, какъ: „здорово, желѣзные стрѣлочки“! Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, бывшихъ въ теченіе іюля, которыя частью сохранились въ офиціальныхъ источникахъ. Такъ, 1-го іюля колонна полковника кн. Эристова, со взводомъ стрѣлковъ, на возвратномъ пути съ фуражировки отъ шалинскихъ хуторовъ, была преслѣдуема значительными толпами чеченцевъ. Они сильно атаковали хвостъ колонны, но особеннаго вреда ему не нанесли, потому что „огонь ракетъ и стрѣлковъ кавказскаго баталіона—по выраженію генерала Шиллинга—нанесъ непріятелю большія потери и заставилъ его держаться въ отдаленіи“ [18]). То же самое случилось 4-го и 6-го іюля. Полувзводъ стрѣлковъ, во время фуражировокъ съ навагинцами и куринцами въ окрестностяхъ аула Шали,

[16]) Рапортъ полковника Веревкина 25-го іюня 1848 года № 1465.

[17]) Награждены: унтеръ-офицеръ Иванъ Струнинъ и рядовой Кузьма Алтуховъ. (Арх. кав. в. окр., дѣло особ. отд. № 115, 1848 года).

[18]) Рапортъ ген. лейт. Шиллинга 8-го іюля 1848 года № 80.

опять подъ командою кн. Эристова, не допустилъ чеченцевъ ближе дальняго ружейнаго выстрѣла [19]).

Въ первыхъ числахъ августа войска чеченскаго отряда были уже въ сборѣ на берегахъ р. Урусъ-Мартана. Къ этому времени прибыла колонна полковника Веревкина [20]), и съ нею стрѣлки, въ составѣ двухъ оберъ-офицеровъ, 5-ти унтеръ-офицеровъ, 2-хъ музыкантовъ, 58 рядовыхъ и 4-хъ нестроевыхъ. Движеніе на Урусъ-Мартанъ этой колонны черезъ гойтенскій лѣсъ, конечно, не обошлось безъ приключеній, такъ какъ чеченцы никогда не пропускали удобнаго случая нанести намъ хоть какой нибудь вредъ въ этой заколдованной трущобѣ. Такъ было и на этотъ разъ: они бойко встрѣтили колонну выстрѣлами, доставивъ штуцерамъ довольно энергическую работу; но такъ какъ стрѣлковъ было мало, то они должны были вознаградить себя особенною быстротою и мѣткостью. Назойливые чеченцы, вынужденные держаться на почтительномъ отдаленіи отъ колонны, могли ее тревожить только дальнимъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ, много уступавшимъ нашимъ штуцерамъ. Они знали, что наше движеніе на Мартанъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ обыкновенные набѣги и экспедиціи, а вскорѣ и убѣдились, что мы расположились на берегу этой рѣки съ тѣмъ, чтобы его больше не покидать. Вскорѣ они имѣли возможность любоваться, какъ быстро выростало укрѣпленіе, которое должно было въ значительной степени стѣснять свободу ихъ дѣйствій и подорвать ихъ благосостояніе. Новое укрѣпленіе на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ, какъ промежуточное между Ачхоевскимъ и крѣпостью Воздвиженскою, совсѣмъ отнимало возможность у жителей нагорной малой Чечни вѣдаться съ плоскостью.

Пока отрядъ былъ занятъ предварительными работами и высылалъ колонны для фуражировокъ, чеченцы съ замѣчательною быстротою успѣли предать пламени большіе запасы сѣна, находившагося въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана. Для того, чтобы не дать имъ уничтожить его окончательно, первое время было главнымъ образомъ посвящено фуражировкамъ. Стрѣлки почти всегда назначались по полувзводно въ колонны, высылавшіяся съ означенною цѣлью [21]); имъ приходилось весьма часто сопровождать драгунъ и казаковъ, никогда не отставая отъ нихъ при движеніи, и всегда прикрывая ихъ отступленіе,

Шамиль зналъ о зарождающемся укрѣпленіи, но, занятый сборами полчищъ для вторженія въ самурскій округъ, не могъ лично прибыть въ Чечню для отвращенія отъ нея роковаго удара. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не надѣясь на вѣрность чеченскихъ наибовъ и боясь политической неблагонадежности самихъ чеченцевъ, которые и съ своей стороны не особенно вѣрили въ несокрушимость могущества имама, онъ прислалъ въ Чечню гумбетовскаго наиба Абакаръ-Дибира. Послѣдній привезъ съ собою артилерію и большой запасъ снарядовъ. Миссія, возложенная на него, состояла въ томъ, чтобы не оставлять русскаго отряда въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ позиціи на Мартанѣ; тревожить его день и ночь, за-

[19]) Тамъ же.

[20]) 2 роты навагинцевъ, 3-й баталіонъ куринцевъ, взводъ стрѣлковъ, 4 сотни казаковъ, взводъ горной № 3 батареи 19 артил. бригады, пѣшая и конная ракетныя команды.

[21]) Дѣло секр. 2-го отд. ген. штаба 1848 года № 12.

труднять всѣ его движенія постоянными нападеніями и перестрѣлками, дѣйствовать по лагерю артилерійскимъ огнемъ, портить переправы, не допускать подвоза провіанта, а въ особенности не позволять опустошать поля чеченцевъ фуражировками. По прибытіи въ Чечню, Абакаръ созвалъ на совѣтъ наибовъ, и всѣ вмѣстѣ рѣшили: 1) испортить переправы на рѣкахъ малой Чечни отъ Воздвиженской до Ачхоя, въ особенности на Гойтѣ, пересѣкающей путь отъ продовольственнаго базиса къ операціонному; 2) отвести воду изъ р. Урусъ-Мартана и ея притока Рошни и 3) держать въ постоянной готовности въ окрестностяхъ Черной поляны не менѣе трехъ орудій. Къ этому же времени, т. е. около 7-го августа, по сообщеніямъ лазутчиковъ, начали прибывать большія партіи чеченцевъ и дагестанцевъ къ рѣкамъ Велерику, Гехи и др., съ единственною цѣлью заставить насъ сняться съ позиціи на рѣкѣ Мартанѣ.

Между тѣмъ, укрѣпленіе значительно выдвинулось изъ земли. Но одно обстоятельство едва не заставило насъ срыть его и покинуть берега Мартана. Намѣреніе чеченцевъ лишить насъ воды быстро было приведено въ исполненіе, и имъ удалось отвести ее не только въ Урусъ-Мартанѣ, но и въ притокѣ его Рошнѣ. 9-го августа отрядъ уже былъ безъ воды. Но саперы принялись дѣятельно копать колодцы, и на другой день утромъ, послѣ необычайныхъ трудовъ, въ одномъ изъ нихъ показалась, наконецъ, вода. Видя такую крупную свою неудачу, чеченцы принялись за наши транспорты, но и на этомъ поприщѣ всѣ попытки ихъ оканчивались роковымъ для нихъ образомъ, такъ какъ прежде всѣхъ другихъ, стрѣлки, по обыкновенію, принимали ихъ еще издали самымъ недружелюбнымъ способомъ. Послѣ этого горцы рѣшились вредить намъ украдкою: у нихъ было пять орудій; они стали подвозить ихъ каждую ночь къ нашему лагерю и открывали канонаду. Тревога поднималась общая; высылалась команда охотниковъ и даже баталіоны, но артилерія непріятеля моментально исчезала въ непроходимыхъ трущобахъ. Эта канонада однако была не безвредна для нашего отряда. Напримѣръ, въ ночь съ 12-го на 13-е августа мы лишились тридцати слишкомъ человѣкъ убитыми и изувѣченными; стрѣлки, почти не имѣвшіе доселѣ потерь въ открытомъ бою, также не досчитались одного убитымъ и одного раненымъ. Вообще, чеченцы, слѣдуя рѣшенію своего военнаго совѣта, съ большимъ усердіемъ изощрялись во всевозможныхъ уловкахъ, лишь бы выжить насъ съ береговъ Урусъ-Мартана [22]). Не смотря однако на это, Шамиль не былъ доволенъ Абакаромъ какъ военачальникомъ и убралъ его. Съ той минуты чеченцы и въ самомъ дѣлѣ сдѣлались гораздо предпріимчивѣе и опаснѣе для насъ. Наши потери становятся все чувствительнѣе, главнымъ образомъ, отъ ружейнаго огня; орудія чеченцы боялись подвозить близко. Но энергія ихъ, конечно, не могла остановить хода событій, и

[22]) Характерно письмо Шамиля къ наибу Талгику; оно вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, сколько горя причиняло имаму наше новое укрѣпленіе: „именемъ всемогущаго Бога призываю васъ на брань съ невѣрными. Я съ княземъ Даніелемъ соберу въ горахъ всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе, и приду къ вамъ. Если помощь моя нужна скорая, увѣдомь меня, и я прискачу къ вамъ такъ скоро, какъ бѣгаютъ зайцы. Дѣйствуйте противъ непріятеля также хитро, какъ лисицы. Надѣйтесь на Бога, который не допуститъ наносить вамъ новыя обиды. Знай, мой любезный братъ, что если отторгнется отъ насъ гехинскій округъ, то погибнетъ вся Чечня. Ничтожный рабъ Божій Шамиль“.

укрѣпленіе съ каждымъ днемъ все совершенствовалось, а частыя фуражировки наполнили его большими запасами продовольствія, такъ что вскорѣ отрядъ избавился отъ необходимости прибытія къ нему транспортовъ съ линіи.

Чеченцы однако далеко не примирились съ нашимъ водвореніемъ на берегахъ Мартана, какъ съ фактомъ совершившимся и уже болѣе непоправимымъ; они надѣялись все еще вернуть старое, причиняя намъ возможно большій ущербъ; они участили свои ночныя похожденія и причиняли намъ иногда серьезныя непріятности. 21-го августа они подкрались къ лагерю и открыли по немъ орудійный огонь. Вмѣсто того, чтобы послать охотниковъ захватить ихъ, начальникъ отряда приказалъ всѣмъ войскамъ, не трогаясь съ мѣста, кричать „ура“. Этого, дѣйствительно, оказалось достаточно для того, чтобы чеченцы исчезли. 24-го августа была послана колонна на фуражировку въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана, подъ начальствомъ Навагинскаго полка маіора князя Лукомскаго. Въ составъ колонны были назначены тридцать человѣкъ стрѣлковъ съ прапорщикомъ Снаксаревымъ. Пока происходила фуражировка, горцы собрались въ значительномъ числѣ и попробовали вступить въ перестрѣлку, но она оказалась для нихъ невыгодною, потому что штуцера не позволяли имъ приблизиться даже на дальній выстрѣлъ изъ винтовки. Нечего дѣлать, они примолкли и ожидали, когда вытянется колонна, а арріергардъ, находясь въ движеніи, будетъ уже не такъ опасенъ своимъ огнемъ. Но колонна вытянулась, а обстоятельства не измѣнились, потому что всѣ тридцать стрѣлковъ были въ арріергардной цѣпи. Хотя надежда чеченцевъ не оправдалась, но на этотъ разъ они не пожелали возвратиться домой съ пустыми руками и не только попробовали состязаться съ штуцерами, но даже имѣли возможность въ упоръ присмотрѣться къ стрѣлковому штыку. Потеря колонны была невелика, но въ маленькой стрѣлковой командѣ она оказалась замѣтною, такъ какъ, кромѣ двухъ нижнихъ чиновъ, былъ раненъ еще и прапорщикъ Снаксаревъ, который, по офиціальному донесенію [23]), „своею личною храбростью и знаніемъ дѣла много содѣйствовалъ къ пораженію непріятеля, нападавшаго на арріергардную цѣпь“. За это дѣло Снаксаревъ былъ награжденъ чиномъ подпоручика. Непріятель оставилъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; относительно же раненыхъ и тѣхъ убитыхъ, которые были имъ подобраны, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣлось [24]). Такая же приблизительно исторія разыгралась на другой день на фуражировкѣ на берегу Гехи; но полувзводъ стрѣлковъ потерь не имѣлъ, хотя на обратномъ пути отстрѣливался съ большимъ жаромъ.

Укрѣпленіе между тѣмъ приняло тотъ видъ, который внушаетъ серьезную опасность приближаться къ нему съ враждебнымъ намѣреніемъ. Чечня была на канунѣ паденія. Оставалось только окончательно уничтожить запасы и богатые посѣвы непріятеля, и тѣмъ лишить его насущнаго пропитанія въ будущемъ. Съ этою цѣлью и были предпринимаемы всѣ наши дѣйствія послѣ постройки укрѣпленія. 27-го августа колонна, снаряженная съ цѣлью захватить огромные запасы кукурузы, которые, по донесеніямъ лазутчиковъ, уцѣлѣли въ хуторахъ наиба Сайбдулы, достигла хорошихъ результатовъ: всѣ повозки были обильно нагружены кукурузою и благополучно достигли лагеря. Безъ недоразумѣнія, конечно, не обошлось, въ осо-

[23]) Дѣло особ. отд. 1848 г. № 115.

[24]) Рапортъ подполковника Рудановскаго 26 августа 1848 года № 128.

бенности съ стрѣлками, которые, какъ бы по наслѣдственному праву, занимали при наступленіи боковыя, а при отступленіи арріергардныя цѣпи; но они отдѣлались всего однимъ раненымъ [25]).

31-го августа фуражирная колонна была направлена къ джарганъюртовскимъ хуторамъ, гдѣ еще уцѣлѣли большіе запасы кукурузы и сѣна. Она спустилась внизъ по Мартану и, слѣдуя далѣе, наткнулась на громадный завалъ изъ молодыхъ, только-что срубленыхъ деревьевъ. Обойти его лѣсомъ можно было не иначе, какъ съ большимъ урономъ, а штурмовать было нерасчетливо, даже неблагоразумно; оставалось или отступить, или разнести его артилерійскими снарядами. Такъ какъ первое изъ этихъ рѣшеній не пользовалось въ кавказскихъ войскахъ ни малѣйшею популярностью, то и приступили къ бомбардированію. Орудія дѣйствовали весьма удачно, и чеченцы, бросивъ завалъ, заняли опушку лѣса и деревья по всему протяженію отъ завала на полверсты до широкой поляны, на которой разставлены были скирды кукурузы. Колонна двинулась дальше, но была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ деревьевъ, за густою листвою которыхъ спрятались чеченцы. Не смотря на то, что ихъ нѣсколько разъ обдавали картечью, они буквально осыпали нашу артилерійскую прислугу градомъ пуль. „Стрѣлки, между тѣмъ, все время дѣйствовали изъ своихъ штуцеровъ противъ чеченцевъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ; имъ удалось, наконецъ, выбить ихъ изъ этой позиціи“ [26]). Послѣ этого опушка была занята стрѣлками же и, подъ прикрытіемъ ихъ огня, движеніе продолжалось безпрепятственно. Въ заключеніе, войска вполнѣ достигли цѣли: повозки были нагружены съ верхомъ и спокойно прибыли въ лагерь.

Шамиль зналъ обо всемъ, происходившемъ въ Чечнѣ, но не могъ оставить Дагестанъ, гдѣ у него были дѣла поважнѣе. Впрочемъ, чеченцы обходились и безъ него и съ честью постояли за свою независимость и неприкосновенность, такъ что наши войска имѣли передъ собою весьма достойныхъ противниковъ. Въ этомъ они еще разъ убѣдились при фуражировкѣ у нижне-гехинскихъ хуторовъ. Въ этомъ дѣлѣ стрѣлки довели до напряженія все свое искусство. Другое же дѣло въ этомъ родѣ случилось 11-го сентября. Рано утромъ была выслана изъ лагеря колонна усиленнаго состава, подъ начальствомъ подполковника Рудановскаго. Она переправилась черезъ Рошню, прошла все гехинское общество и приблизилась къ знаменитому Валерику. Чеченцы не ожидали, что русскіе проникнутъ такъ далеко, и потому никакихъ мѣръ предосторожности не приняли; но казаки успѣли растревожить аулы, жители которыхъ не замедлили явиться и окружили колонну въ то время, когда уже цѣпи были разставлены вокругъ широко раскинувшейся поляны впереди большой Русской дороги. Стрѣлки, съ поручикомъ Новицкимъ во главѣ, были назначены въ лѣвую цѣпь, составлявшую въ этомъ случаѣ весьма важный постъ. Едва только звенья заняли свои мѣста, какъ загремѣла перестрѣлка, охватившая колонну одновременно съ трехъ сторонъ. Мѣткія пули штуцеровъ не могли остановить озлобленныхъ чеченцевъ, которые все порывались впередъ и гибли, не доходя до цѣпи. Огнестрѣльный бой продолжался въ теченіе всей фуражировки, т. е. около часа, и, конечно, при лучшихъ для насъ, чѣмъ для не-

[25]) Рапортъ полковника барона Меллера-Закомельскаго 2-го сентября 1848 г. № 134.
[26]) „Кавказскій Сборникъ“ т. XI, стр. 366.

пріятеля, условіяхъ, потому что, стоя на мѣстѣ, удобнѣе отражать нападающаго; но когда началось отступленіе—роли перемѣнились. Чеченцы изумительно мѣтко стали поражать колонну; число ихъ значительно возросло, и они очень назойливо насѣдали на арріергардъ, такъ что стрѣлкамъ приходилось вступать въ рукопашный бой. Только надвинувшіеся сумерки пріостановили преслѣдованіе. Генералъ-маіоръ Нестеровъ доносилъ [27]), что на этой фуражировкѣ „очень много содѣйствовали успѣху дѣла стрѣлки поручика Новицкаго, расположенные въ лѣвой цѣпи". За 11-е сентября поручикъ Новицкій награжденъ орденомъ святой Анны 3 ст. съ бантомъ, а на взводъ пожаловано, какъ за 11-е сентября, такъ и за 24-е августа, четыре знака отличія военнаго ордена [28]). Послѣ этого стрѣлки участвовали всего только въ одной фуражировкѣ, 16-го сентября, къ разоренному хутору наиба Сайбдулы. О степени ихъ участія нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній, но, судя по наградѣ, которая выпала на долю полувзвода [29]), должно думать, что они далеко не бездѣйствовали. Послѣ этого взводъ Новицкаго хотя и оставался въ чеченскомъ отрядѣ еще двѣ недѣли, но участія въ его операціяхъ никакого не принималъ,—по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего неизвѣстно. Къ 30-му сентября укрѣпленіе было готово, и въ этотъ день взводъ стрѣлковъ, взявъ подъ свое покровительство дивизіонъ батарейной № 1-го батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, вернулся въ Гомборы съ пріятнымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Чтобы дополнить и обобщить понятіе о дѣятельности стрѣлковъ въ чеченскомъ отрядѣ, нельзя не указать на то обстоятельство, что за дѣла 24-го августа, 11-го и 16-го сентября взводъ получилъ пять крестовъ, между тѣмъ какъ баталіоны получили по два и даже по одному [30]). За взятіе аула Ахметъ-Тала, изъ 18-ти крестовъ, присланныхъ отряду, въ которомъ, кромѣ кавалеріи и артилеріи, было 14 ротъ, стрѣлки получили два — что все вмѣстѣ составитъ семь знаковъ отличія военнаго ордена на одинъ взводъ въ теченіе лѣта.

Внутренній бытъ стрѣлковъ къ концу сороковыхъ годовъ характеризуется уже многими чертами усвоенной ими кавказской военной жизни, а въ особенности тѣсною связью между офицерами. При послѣднемъ условіи, не каждый, желавшій служить въ баталіонѣ, уже достаточно прославившемся и считавшемся передовою боевою единицею, могъ достигнуть этой цѣли. Помимо многихъ условій, отъ желавшаго требовалось, чтобы онъ былъ извѣстенъ не только командиру баталіона, но и большинству офицеровъ. И высшее начальство въ этомъ отношеніи не стѣсняло командира баталіона. Такъ напримѣръ: на предложеніе помощника начальника главнаго штаба о производствѣ двухъ достойныхъ юнкеровъ, Ганзаля и Коптева, въ кавказскій стрѣлковый баталіонъ, подполковникъ Кривоносовъ не стѣснился отвѣтить, что „не желаетъ имѣть у себя тѣхъ офицеровъ, ко-

---

[27]) Рапортъ 16-го сентября 1848 года № 146.

[28]) Кресты возложены были на унтеръ-офицера Андрея Скопинова и на рядовыхъ: Василія Коробова, Федора Шебанина и Савву Красюка. (Арх. кавк. воен. окр., дѣло особ. отд. № 115, 1848 года).

[29]) Унтеръ-офицеръ Дмитрій Никифоровъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена „за примѣрную храбрость въ стычкахъ съ непріятелемъ 16-го сентября". (Дѣло арх. окр. шт., особ. отд., 1848 г., № 115).

[30]) Арх. кавк. воен. окр., дѣло особ. отд. № 115, 1848 года.

торыхъ не знаетъ“ [31]). Но впослѣдствіи Коптевъ добился вступленія въ баталіонъ — конечно, не раньше, какъ заявилъ себя съ весьма хорошей стороны. Вообще, подполковникъ Кривоносовъ весьма ревниво оберегалъ достоинство баталіона. Заботясь о поднятіи умственнаго уровня офицеровъ, онъ рекомендовалъ имъ въ цѣломъ рядѣ приказовъ множество весьма полезныхъ литературныхъ и чисто-спеціальныхъ изданій. При немъ положено основаніе и частному хозяйству нижнихъ чиновъ. Неподалеку отъ казармы раскинуты были землянки стрѣлковъ, напоминавшія жилища бобровъ. Онѣ были наполнены запасами сушеныхъ грушъ, орѣховъ и всевозможныхъ доступныхъ солдату благъ. Съ уходомъ въ экспедицію хозяйство это ничуть не разстраивалось; каждый стрѣлокъ находилъ товарища, который охотно соглашался припасать ему на зиму все, что могли дать богатые фруктовые гомборскіе лѣса и роскошные огороды. О женатыхъ нижнихъ чинахъ нечего и говорить: слободка ихъ, не смотря на непродолжительное веденіе хозяйства, отличалась замѣчательнымъ благосостояніемъ. Подполковникъ Кривоносовъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности частной жизни нижнихъ чиновъ и особенно поощрялъ домашнее хозяйство. Не менѣе вниманія онъ обращалъ и на баталіонное хозяйство, а затѣмъ въ службѣ первымъ условіемъ ставилъ цѣльную стрѣльбу. Это доказалъ смотръ, произведенный начальникомъ кавказской гренадерской резервной бригады 1-й, 2-й и 4-й ротамъ, въ то время, когда 3-я рота находилась въ Дагестанѣ. Оставшись весьма доволенъ этимъ смотромъ, ген.-м. баронъ Врангель, строгій цѣнитель стрѣльбы, наградилъ четырехъ унтеръ-офицеровъ золотыми нашивками вдоль погоновъ, десять стрѣлковъ золотыми нашивками изъ галуна вокругъ обшлаговъ на мундирахъ и шесть человѣкъ денежными наградами „за примѣрно отличную стрѣльбу“ [32]). Къ сожалѣнію, труды подполковника Кривоносова были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ: 8-го мая онъ скоропостижно скончался и, какъ говорятъ, отъ разрыва сердца. Въ командованіе баталіономъ на законномъ основаніи вступилъ младшій штабъ-офицеръ маіоръ Араратскій „впредь до назначенія командира Высочайшимъ приказомъ“ [33]). 30-го августа баталіонъ принялъ маіоръ 1-го стрѣлковаго баталіона Прежевскій, назначенный Высочайшимъ приказомъ 21-го іюня 1848 года [34]). Новый командиръ хотя былъ незнакомъ съ Кавказомъ, съ требованіями и условіями его быта и службы, но имѣлъ репутацію отличнаго боеваго офицера, пріобрѣтенную имъ въ 1831 году въ польскую компанію, гдѣ заслужилъ ордена св. Анны 3-й степени съ бантомъ и св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

---

[31]) Рапортъ подполковника Кривоносова 10-го мая 1848 года № 236.
[32]) Предписаніе ген.-м. барона Врангеля 24-го марта 1848 года № 6.
[33]) Предписаніе ген.-м. барона Врангеля 16-го мая 1848 года № 1604.
[34]) Предписаніе инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ 3-го августа 1848 года № 874.

VII.

1849-й годъ. Участіе 2-й и 4-й ротъ стрѣлковаго баталіона въ составѣ дагестанскаго отряда при бомбардированіи аула Чохъ. Отступленіе отряда. Подвиги стрѣлковъ и отзывы о нихъ кн. Аргутинскаго. Ходатайство кн. Аргутинскаго объ оставленіи стрѣлковъ въ Дагестанѣ на зиму. 2-я рота въ наблюдательномъ отрядѣ. Посѣщеніе княземъ Воронцовымъ штабъ-квартиры стрѣлковъ. Внутренній бытъ стрѣлковъ. Общество офицеровъ.

Паденіе такихъ сильныхъ оплотовъ мюридизма, какъ Салты и Гергебиль, и истребленіе ихъ защитниковъ, не только не подорвало „владычества“ Шамиля, но, наоборотъ, вызвало въ немъ и въ непокорномъ намъ населеніи чрезвычайную энергію къ возмездію намъ и до крайности разожгло его фанатизмъ. Престижъ Шамиля нисколько не пострадалъ. Съ удвоенною силою принялись мюриды за приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ. Между имамомъ и его наибами послѣдовало нѣсколько важныхъ и рѣшительныхъ совѣщаній. Въ началѣ года партіи, уже организованныя и хорошо вооруженныя, открыли въ различныхъ пунктахъ военныя дѣйствія; даже одна произвела неудачное нападеніе на Шуру, но мы имѣли также свои планы и задачи, которыхъ нельзя было поставить въ зависимость отъ инициативы горцевъ.

Наша задача въ 1849 году главнымъ образомъ состояла: въ изгнаніи непріятеля изъ той части Андаляля, которая находилась въ его рукахъ, для чего необходимо было овладѣть сильно укрѣпленнымъ ауломъ Чохъ и богатымъ Согратлемъ; въ устройствѣ трехъ штабъ-квартиръ и въ окончаніи четвертой; въ разработкѣ важнѣйшихъ сообщеній; въ заготовленіи торфа для войскъ и отысканіи каменнаго угля. Выполненіе этихъ предпріятій легло на всѣ войска прикаспійскаго края, а наступательныя дѣйствія — собственно на дагестанскій отрядъ, въ составъ котораго были назначены: 15 баталіоновъ пѣхоты, 2-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, 2 роты саперъ, дивизіонъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, 6 легкихъ, 12 горныхъ, 20 осадныхъ орудій и 21 сотня милиціи.

Многолюдный аулъ Чохъ издавна славился богатствомъ и былъ средоточіемъ боевой силы и оплотомъ могущественнаго Андаляля. Чохъ былъ укрѣпленъ не хуже Гергебиля, а по своей естественной недоступности могъ вполнѣ соперничать съ Тилитлемъ. Чохцы были исключительно воины. Жители же сосѣдняго Согратля, составлявшаго центръ промышленности, торговли и умственнаго развитія всего Дагестана, были большею частью купцы и ремесленники. Эти два аула по этому находились въ тѣсной зависимости другъ отъ друга въ дѣлахъ защиты отечества и удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Намъ приходилось, слѣдовательно, имѣть дѣло только съ Чохомъ, потому что, овладѣвъ имъ, мы лишали не только Согратль, но и весь Андаляль его главной точки опоры.

Изъ числа войскъ, назначенныхъ въ составъ дагестанскаго отряда, вторая рота стрѣлковъ продолжала пребывать въ Шурѣ и весною удостоилась представиться главнокомандующему, который нашелъ ее „въ примѣрно отличномъ“ состояніи, за что объявилъ „особенную благодарность“ Тюпину [1]). Кн. Аргутинскій, сознавая всю важность и трудность предстоявшей ему

[1]) Приказъ по корпусу 18 мая 1849 г. № 46.

операціи, находилъ недостаточнымъ одной роты стрѣлковъ и просилъ прислать ему еще и другую. Вслѣдствіе этого была выслана изъ Гомборъ четвертая рота, подъ командою штабсъ-капитана Аленина 2-го. Первая же рота, усиленная до 200 стрѣлковъ, подъ командою капитана Геннинга 1-го, была отправлена въ составъ особаго наблюдательнаго отряда, собраннаго на Царскихъ-Колодцахъ и ввѣреннаго полковнику генеральнаго штаба Веревкину. Третья рота оставалась въ штабъ-квартирѣ, въ видѣ необходимаго резерва. Ко второму іюня большая часть дагестанскаго отряда сосредоточилась въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, куда прибыла и 4-я рота. Походъ для всѣхъ стрѣлковъ былъ праздникомъ, такъ какъ они шли къ любимому ими вождю и знали, что напрасно не прольютъ ни капли крови, и съ побѣднымъ вѣнкомъ вернутся домой.

5-го и 7-го іюня князь Аргутинскій двинулъ войска двумя колоннами; 8-го іюня колонны соединились у с. Оглы. Отсюда дагестанскій отрядъ направился дальше, и 15-го іюня передовая его колонна подошла къ послѣднему подъему на Турчидагъ. Возвышенность эта въ стратегическомъ отношеніи была важна, какъ серединный пунктъ между сѣвернымъ и южнымъ Дагестаномъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ представляла превосходную лѣтнюю стоянку и имѣла обширное плато, на которомъ могло свободно помѣститься до 25 тысячъ войскъ. Съ Турчидага вели пути къ такъ называемому чохскому спуску и затѣмъ къ самому аулу Чохъ. 18-го іюня часть отряда перешла къ чохскому спуску и расположилась тамъ лагеремъ. Приближеніе нашихъ войскъ къ Чоху произвело между его жителями чрезвычайную суматоху: всѣ семейства и имущество тотчасъ же были вывезены за Кара-Койсу, и на другой день Чохъ совсѣмъ опустѣлъ и какъ бы замеръ, такъ что рекогносцировка, произведенная командующимъ войсками, ничего ему не обнаружила и не выяснила—ни численности гарнизона, ни всѣхъ другихъ собственно внутреннихъ средствъ обороны. Самъ проницательный князь Аргутинскій не могъ ничего добиться отъ лазутчиковъ. Осмотръ Чоха на дальній орудійный выстрѣлъ показалъ только его внѣшнюю оборону: аулъ былъ ограниченъ съ трехъ сторонъ обрывистыми скатами и только въ тылу соединялся узкимъ перешейкомъ съ лагеремъ горцевъ, собравшихся, по свѣдѣніямъ, въ числѣ десяти тысячъ изъ всѣхъ концовъ Дагестана и Чечни. Стѣны укрѣпленія были воздвигнуты на скалѣ изъ бревенъ, а также изъ плитъ, булыжнаго камня и кирпича на извести; замѣтно было, что съ внутренней стороны онѣ блиндированы. Къ угламъ передняго фаса были пристроены круглыя башни, доставлявшія фланговую и перекрестную оборону. Укрѣпленіе имѣло два ряда бойницъ, барбеты и амбразуры; въ центрѣ его возвышался редюитъ, замѣнявшій цитадель.

Князь Аргутинскій не предпринималъ пока ничего въ ожиданіи осадной артилеріи. 25-го іюня она прибыла на Турчидагъ подъ прикрытіемъ одного баталіона самурцевъ, второй и четвертой ротъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, роты саперъ и двухъ легкихъ орудій, пробывъ въ дорогѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 21 день, изъ которыхъ въ продолженіе одиннадцати дней, вслѣдствіе сильныхъ дождей, она прошла всего 90 верстъ. Особенно много труда стоило колоннѣ, въ томъ числѣ и стрѣлкамъ, поднять осадныя орудія по трудному подъему на Турчидагъ [2]). Не мало без-

[2]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 26-го іюня 1849 года № 37.

поконлись по дорогѣ Самурцы и стрѣлки за безопасность ввѣренной ихъ охранѣ артилеріи, отъ которой всецѣло зависѣлъ весь успѣхъ предпріятій 1849 года въ Дагестанѣ.

Рѣшивъ приступить къ осадѣ Чоха, князь Аргутинскій спустилъ 5 іюля съ Турчидага къ укрѣпленію слѣдующія войска: шесть баталіоновъ пѣхоты, роту стрѣлковъ, двѣ роты саперъ, восемь орудій и милицію [3]). 2-я рота стрѣлковъ была спущена только 8-го іюля. Горцы, засѣвшіе въ завалахъ на разстояніи отъ Чоха немного менѣе версты, встрѣтили колонну сильнымъ ружейнымъ огнемъ, а изъ укрѣпленія открыли по ней орудійную пальбу. Стрѣлки первые начали огонь по заваламъ, а затѣмъ заговорили и наши орудія. Минутъ черезъ пять завязалась жаркая канонада. Взводъ стрѣлковъ, подъ командою поручика Новицкаго, шедшій вмѣстѣ съ самурцами во главѣ колонны, быстро спустился съ террасъ, подъ сильнымъ огнемъ бросился къ завалу, отстоявшему въ 450 саженяхъ отъ аула, и вмѣстѣ съ самурцами ударилъ въ штыки. Непріятель, будучи отброшенъ, поспѣшилъ занять слѣдующіе завалы, откуда снова открылъ огонь. Въ занятомъ нами завалѣ немедленно было приступлено къ работамъ по приведенію его въ оборонительное положеніе. Горцы нѣсколько разъ видимо порывались въ атаку, чтобы вернуть свою потерю, но грозный и стройный рядъ штуцеровъ держалъ ихъ въ приличномъ отдаленіи. Къ передовому взводу стрѣлковъ скоро присоединился и другой—подпоручика Позняка (Эдмунда), и подъ прикрытіемъ ихъ обоихъ саперы и войска успѣли живо укрѣпить первый занятый нами пунктъ, откуда предполагалось уже вести постепенную атаку аула. Часть дагестанскаго отряда начала спускаться съ Турчидага въ этотъ же день. Этимъ пока все и ограничилось. Потери наступной колонны состояли въ 2-хъ офицерахъ и 52 нижнихъ чинахъ убитыми, ранеными и контуженными; взводъ стрѣлковъ потерялъ ранеными двухъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился поручикъ Новицкій, о которомъ въ реляціи сказано: „находясь 5-го іюля при занятіи боевой позиціи подъ укрѣпленіемъ Чохъ, съ особеннымъ успѣхомъ и мѣткостью выстрѣловъ заставилъ непріятеля отступить изъ занимаемаго имъ завала и, занявъ оный, удерживалъ этотъ завалъ до прибытія подкрѣпленія“ [4]). 5-го же іюля было опредѣлено направленіе первой параллели, и начались работы по ея заложенію. Четвертая рота стрѣлковъ расположилась въ тотъ же день въ траншеѣ, а остальныя войска—частью у чохскаго спуска со стороны Турчидага, и частью [5]), подъ начальствомъ подполковника Асѣева, на кегерскихъ высотахъ. Сюда было направлено также двадцать человѣкъ стрѣлковъ отъ 2-й роты, подъ командою прапорщика Апшельберга. Назначеніе этой колонны состояло въ обезпеченіи движенія отряда къ укрѣпленію и въ наблюденіи за непріятелемъ.

6-го іюля были подвезены съ Турчидага 6 мортиръ, инженерный паркъ,

---

[3]) 1-й, 2-й и 4-й баталіоны кн. Варшавскаго, 2-й 3-й и 4-й баталіоны Самурскаго полковъ, 4-я рота стрѣлковаго баталіона, 1-я и 3-я роты кавк. сап. баталіона, два орудія легкой № 1 бат. кавк. гренад., два орудія легкой № 5 батареи 20-й, четыре орудія горной № 6 батареи 21-й арт. бригадъ, ракетная команда той же бригады, конная чохская, пѣшія ахтынская и сюргинская милиціи.

[4]) Дѣло особ. отд. № 147, 1849 года.

[5]) 4-й баталіонъ Дагестанскаго полка, 2 орудія горной № 6 батареи, 20 человѣкъ стрѣлковаго баталіона и акушинская милиція „Кавк. Сб.“ т. VIII, стр. 266.

а также часть артилерійскаго парка. Начались работы по устройству сообщеній между частями боевой позиціи, заложена демонтиръ-батарея, устроена мортирная, и намѣчена брешь-батарея. Осадныя работы, впрочемъ, шли медленно по причинѣ скалистой мѣстности, непрерывныхъ проливныхъ дождей и главное—вслѣдствіе бдительности горцевъ, которые не пропускали ни днемъ, ни ночью удобнаго случая вредить намъ. Стрѣлки, прикрывая рабочихъ, должны были въ то же время отражать отчаянныя вылазки осажденныхъ; это удавалось имъ почти всегда съ большимъ успѣхомъ, но и не обходилось для нихъ безъ потерь и сильнаго утомленія. 15-го іюля у стрѣлковъ былъ убитъ одинъ нижній чинъ. Траншейная служба, которая сдѣлалась особенно тяжелою съ 9-го іюля, продолжалась до 23-го августа. Изъ офицеровъ, почти непрерывно находившихся съ стрѣлками въ траншеяхъ для прикрытія рабочихъ, были: шт.-кап. Кржевковичъ-Познякъ, прапорщикъ Венюковъ и прикомандированный къ стрѣлкамъ прапорщикъ князь Иванъ Орбеліани. Всѣ они, имѣя каждый подъ командою у себя по взводу, лично руководили стрѣльбою изъ штуцеровъ и держали горцевъ въ постоянномъ страхѣ [6]).

Уже вторая параллель была заложена, но горцы не только не уступали осаждающимъ въ неутомимости и энергіи, а, напротивъ, даже перещеголяли ихъ. Они построили на обоихъ нашихъ флангахъ завалы, откуда, дѣйствуя продольнымъ огнемъ, сильно препятствовали нашимъ работамъ; не менѣе усердно дѣйствовали они артилерійскимъ огнемъ по всему лагерю. Для того, чтобы по возможности обезпечить нашу позицію, мы построили на флангахъ редуты, изъ которыхъ артилерія наша и стрѣлки дѣйствовали весьма удачно; но это не унимало непріятеля, и избавиться отъ него можно было только взятіемъ его крѣпкихъ завалов. Исходя изъ этого заключенія, кн. Аргутинскій сформировалъ для атаки каждаго изъ завалов по одной колоннѣ. Въ составъ первой колонны [7]), назначенной для овладѣнія лѣвымъ заваломъ, вошли сорокъ человѣкъ стрѣлковъ. Запасшись турами, фашинами и земляными мѣшками, колонна, подъ начальствомъ полковника Броневскаго, выступила 16-го іюля передъ разсвѣтомъ и въ чрезвычайной тишинѣ двинулась по назначенію. Она шла съ такою осторожностью, что горцы, погруженные въ сонъ, были какъ громомъ поражены, когда неожиданно увидѣли ее почти подъ самымъ заваломъ. Стрѣлки, слѣдовавшіе впереди, не дали имъ очнуться и обдали ихъ залпомъ. Но не всѣ горцы растерялись: храбрѣйшіе изъ нихъ моментально схватились за ружья, и въ скоромъ времени закипѣлъ огнестрѣльный бой. Но онъ не долго продолжался. Раздалось наше „ура“—и баталіоны опрометью кинулись на завалъ. Защитники не устояли противъ такого лихаго удара и тотчасъ же бѣжали, оставивъ на мѣстѣ множество бурокъ, оружія, серебряный папбскій значекъ подъ чернью и тѣла своихъ убитыхъ. На отнятой позиціи тотчасъ приступлено къ закладкѣ редута на одинъ баталіонъ. Стѣны аула и укрѣпленія послали въ помощь защитникамъ завала массу пуль и ядеръ, но уже было поздно. Отъ заложеннаго редута поведена летучею сапою траншея ко второй параллели. Во время этой работы, руководившій саперами поручикъ

[6]) Дѣло особ. отд. 1849 года № 147.

[7]) 4-й бат. Самурскаго, 4-й батал. Мингрельскаго полковъ, 2 горныхъ орудія, 40 стрѣлковъ и 20 н. ч. сапернаго баталіона.

кн. Бектабековъ наткнулся на водопроводную трубу, которая шла на одинъ аршинъ ниже поверхности земли, и по которой протекала прекрасная горная ключевая вода въ обширный басейнъ, находившійся впереди чохскаго укрѣпленія. Воду, конечно, немедленно же отвели въ сторону, и ею воспользовались наши войска. При взятіи завала, изъ за котораго горцы такъ серьезно безпокоили отрядъ, стрѣлки лишились двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Шамиль былъ недалеко и зналъ о происходившемъ; онъ крѣпко надѣялся на мужество и силу чохскаго гарнизона, и не особенно спѣшилъ къ нему, но послѣ роковаго 16-го іюля онъ сообразилъ, что нельзя допустить кн. Аргутинскаго хозяйничать безнаказанно, и немедленно явился въ лагерь горцевъ для личныхъ распоряженій. Князь Аргутинскій тотчасъ узналъ объ этомъ, но не отказался отъ своего намѣренія покончить и съ правымъ заваломъ. Онъ сформировалъ колонну изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, ракетъ и сотни милиціи и ввѣрилъ ее г.-м. князю Орбеліани. Она выступила въ ночь на 18-е іюля и на разсвѣтѣ была на ружейный выстрѣлъ отъ завала. Завязалось жаркое дѣло, исходъ котораго состоялъ въ отнятіи нами и этого завала, съ прибавленіемъ къ нему множества мелкихъ трофеевъ. По занятіи завала саперы тотчасъ же приступили къ устройству редута на двѣ роты.

Изъ журнала военныхъ дѣйствій или, лучше сказать, изъ дневника осады, не видно, чтобы 18-го іюля въ составъ штурмовой колонны входили и стрѣлки; между тѣмъ, изъ реляцій главнокомандующему самого же кн. Аргутинскаго, касающихся боевой дѣятельности ихъ въ этотъ день, оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ не только участвовали въ дѣлѣ, но и оказали отличія. Такъ напримѣръ, о капитанѣ Тюпинѣ сказано, что онъ „принималъ дѣятельное участіе при занятіи 18-го іюля укрѣпленныхъ хуторовъ на правомъ флангѣ позиціи“; о штабсъ-капитанѣ Крыжевковичѣ-Познякѣ—что онъ „18-го іюля находился при штурмѣ хуторовъ на правомъ флангѣ нашей позиціи и во всѣхъ дѣлахъ отличался храбростью и распорядительностью“; о подпоручикахъ Мейстерѣ и Познякѣ (Эдмундѣ)—что они „отличались“ 18-го іюля; наконецъ, о прикомандированномъ прапорщикѣ князѣ Орбеліани (Иванѣ) говорится, что онъ „съ 9-го іюня по 23-е августа постоянно былъ наряжаемъ со взводомъ стрѣлковъ въ траншеи для прикрытія рабочихъ, гдѣ мѣткими выстрѣлами наносилъ сильный вредъ непріятелю, участвовалъ съ ними 18-го іюля“ и т. д. [8]). Приведенныя данныя объ участіи въ дѣлѣ 18-го іюля такого большого сравнительно числа офицеровъ, и притомъ старшихъ среди нихъ, исключаетъ всякую возможность сомнѣваться и о пребываніи съ ними также нижнихъ чиновъ; но почему реляціи не соотвѣтствуютъ журналу—это теперь разрѣшить весьма трудно.

Заложеніе второй параллели приблизило къ непріятелю ея охранителей стрѣлковъ на дистанцію полуружейнаго выстрѣла и вызвало въ нихъ крайнюю осторожность и бдительность, такъ какъ горцы слѣдили съ замѣчательнымъ вниманіемъ за всѣми ихъ движеніями и видимо желали воспользоваться малѣйшею ихъ оплошностью. Вскорѣ мюриды не удовлетворились одними наблюденіями; видя, что траншеи наши понемногу подвигаются къ стѣнамъ Чоха, и штуцера не позволяютъ бить землекоповъ, они

[8]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1849 года № 147.

начали производить вылазки, и для большей безопасности отъ ружейнаго огня—по ночамъ. Первая изъ нихъ, въ ночь на 25-е іюля, сопровождавшаяся, между прочимъ, сильнымъ рукопашнымъ боемъ, была, къ сожалѣнію, для насъ не совсѣмъ удачна, хотя и отбита; мы лишились, кромѣ шести нашихъ офицеровъ, выбывшихъ изъ строя, выдающейся во всѣхъ отношеніяхъ личности полковника Левицкаго, бывшаго траншей-маіоромъ, смерть котораго произвела на всѣхъ глубокое и горькое впечатлѣніе. Вѣроятно, ободренные своимъ успѣхомъ, мюриды сдѣлали вторую вылазку въ ночь на 27-е іюля. Большими толпами они вышли изъ укрѣпленія и открыли по всей линіи ружейный огонь. Затѣмъ, одна сильная партія бросилась по направленію къ траншеѣ, гдѣ находилась команда стрѣлковъ подъ начальствомъ поручика Бучинскаго, прикрывавшая рабочихъ. Стрѣлки дали залпъ и пошли въ штыки; но что могла сдѣлать эта горсть храбрецовъ! Къ счастью, въ этотъ критическій моментъ подоспѣли самурцы, а потомъ и мингрельцы. Закипѣлъ отчаянный рукопашный бой, и, наконецъ, мюриды были отброшены. Такой же отпоръ встрѣтили они и на другихъ пунктахъ. У насъ выбыло изъ строя, кромѣ офицеровъ, 111 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ, но за то непріятель потерялъ втрое больше. Стрѣлки лишились одного нижняго чина убитымъ и одного раненымъ.

Горцамъ не удалось помѣшать нашимъ осаднымъ работамъ. Послѣдняя вылазка убѣдила ихъ въ безполезности такихъ попытокъ, и поэтому они ихъ прекратили и ограничились съ того времени только непрерывною ружейною пальбою. Бомбардированіе Чоха хотя и началось изъ батарей второй параллели, но всѣ осадныя орудія открыли канонаду только 11-го августа, когда была окончена третья параллель. У насъ было десять осадныхъ батарей, изъ которыхъ ближайшая къ укрѣпленію брешь-батарея находилась въ 80 саженяхъ. Небольшія партіи горцевъ иногда прокрадывались къ нашей сапѣ, отодвигали мантелетъ и дѣлали вдоль по ней залпъ. Въ подобныя минуты съ ними чаще всего схватывались стрѣлки, мингрельцы и самурцы. 16-го августа при такой схваткѣ стрѣлки потеряли одного нижняго чина раненымъ.

Съ открытіемъ бомбардированія, для стрѣлковъ настали трудныя и утомительныя минуты, потому что они должны были прикрывать и защищать артилерійскую прислугу нашихъ батарей. Съ заряженными штуцерами, напрягая все свое вниманіе, слѣдили они за папахами, высовывавшимися съ винтовками по направленію къ батареямъ, и мѣткою пальбою предупреждали каждое ихъ движеніе. Въ такомъ родѣ бомбардированіе продолжалось до 22-го августа, и артилеристы почти не имѣли потерь, а потому дѣйствовали хладнокровно и весьма удачно. Стѣны и башни сильно пострадали, не смотря на то, что были выложены изъ камня на извести и связаны вдоль и поперегъ толстыми бревнами; послѣднія, правда, не допускали значительныхъ обломовъ въ стѣнахъ, но не могли защитить ихъ отъ серьезнаго потрясенія, причиненнаго продолжительнымъ и упорнымъ бомбардированіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переднихъ и боковыхъ фасовъ были сдѣланы даже удобовосходимые обвалы и бреши. Всѣ ждали послѣдняго и рѣшительнаго часа укрѣпленія, но не дождались: ко всеобщему удивленію, кн. Аргутинскій, вмѣсто штурма, велѣлъ разоружить батареи и перевезти осадныя орудія на Турчидагъ. Всѣ тяжести понемногу были отвезены отъ Чоха, а за-

тѣмъ самая осада была снята 22-го августа—хотя легкія орудія продолжали громить развалины аула. Всѣ были въ полномъ недоумѣніи. Князь Аргутинскій былъ великій мастеръ скрывать свои замыслы. Распоряженія о снятіи осады были сдѣланы чрезвычайно осторожно, и отрядъ узналъ о своемъ отступленіи только въ ту минуту, когда оно началось. Впослѣдствіи такой неожиданный поворотъ дѣла объяснился въ слѣдующемъ донесеніи кн. Аргутинскаго главнокомандующему [9]): „принимая въ соображеніе, съ одной стороны, что главная цѣль—разрушеніе чохскаго укрѣпленія достигнута, а съ другой стороны то, что занятіе окружающихъ его высотъ не можетъ доставить намъ существенной пользы, а было бы сопряжено съ большими пожертвованіями въ людяхъ, и что, наконецъ, скопища Шамиля уже наказаны огромными потерями—я снялъ осаду Чоха".

Отступленіе было предпринято на разсвѣтѣ 23-го августа. Едва только горцы замѣтили его, какъ тотчасъ же налетѣли на отрядъ. Стрѣлки всѣ до единаго были въ арріергардѣ. Пользуясь туманомъ, горцы, не смотря на удачныя дѣйствія нашихъ камнеметныхъ фугасовъ, оставленныхъ имъ въ достояніе, нѣсколько разъ кидались въ атаку, но всегда были отбрасываемы штыками. Стрѣлки, содѣйствуя баталіонамъ князя Варшавскаго и Апшеронскаго полковъ, раздѣлились на двѣ части, и въ то время, какъ одна удерживала нападающихъ, другая — заряжала штуцера и вслѣдъ затѣмъ смѣняла предыдущую. Изъ офицеровъ, наиболѣе отличившихся „рѣдкимъ мужествомъ, хладнокровіемъ и распорядительностью", были капитанъ Тюпинъ и штабсъ-капитанъ Аленинъ 2-й. Послѣдній былъ вскорѣ тяжело раненъ и не могъ оставаться въ строю; его замѣнилъ поручикъ Бучинскій [10]). Бой длился въ продолженіе пяти часовъ и завершился отступленіемъ небольшаго отряда полковника Асѣева, съ кегерскихъ высотъ на Турчидагъ, принявшаго на себя ударъ большей половины горцевъ. Сорокъ человѣкъ стрѣлковъ, находившихся при отрядѣ Асѣева, оказали ему большое содѣйствіе. По словамъ князя Аргутинскаго, особенно отличился своею распорядительностью и находчивостью ихъ командиръ прапорщикъ Вольдемаръ Аппельбергъ [11]). Главную же поддержку составили орудія, которыя открывали огонь по насѣдавшимъ толпамъ даже на самыхъ невыгодныхъ для себя позиціяхъ. Къ 10 часамъ отрядъ стянулся на Турчидагѣ. 1-го сентября 2-я и 4-я роты стрѣлковъ, при двухъ орудіяхъ легкой № 5 батареи 20-й артилерійской бригады, были отправлены въ Темиръ-Хапъ-Шуру.

Въ славномъ бою при отступленіи отъ Чоха стрѣлки доставили возможность отличиться и заслужить чинъ полковника сыну главнокомандующаго, флигель-адъютанту, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану кн. Воронцову. Объ этомъ въ представленіи кн. Аргутинскаго выражено такъ: „отдаю полную справедливость за отличную храбрость и распорядительность командовавшему двумя ротами кавказскаго стрѣлковаго баталіона флигель-

---

[9]) Рапортъ 28-го августа № 203.

[10]) При этомъ славномъ отступленіи былъ, между прочимъ, раненъ Апшеронскаго полка поручикъ Геннингъ (Григорій), „находившійся впереди ввѣренной ему роты и служившій рѣдкимъ примѣромъ храбрости". Съ 20-го августа онъ былъ переведенъ въ стрѣлковый баталіонъ, и хотя еще не вступилъ въ него, но имя его можетъ быть внесено въ число офицеровъ этого баталіона.

[11]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1849 г. № 147.

адъютанту л.-гв. Преображенскаго полка капитану кн. Воронцову, который, находясь во все время движенія со стрѣлками при баталіонахъ, прикрывавшихъ отступленіе, указывалъ стрѣлкамъ удобнѣйшія для этого оружія мѣста и тѣмъ весьма много содѣйствовалъ къ обезпеченію отступающихъ частей,—того же баталіона капитану Тюпину и шт.-кап. Аленину“ [12]).

Больше всего наградъ пришлось на долю офицеровъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Нижніе чины также не были обижены: они удостоились четырехъ знаковъ отличія военнаго ордена и одинъ изъ нихъ—трети пенсіи на знакъ отличія, — что составляло сравнительно весьма большой процентъ [13]). Вообще же, за чохскую экспедицію 1849 г. въ ротахъ стрѣлковаго баталіона получили награды слѣдующія лица: за дѣло 5-го іюля поручикъ Новицкій и подпоручикъ Познякъ — слѣдующіе чины; за дальнѣйшія дѣйствія подъ Чохомъ, штабсъ-капитанъ Кржевковичъ-Познякъ — орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, прапорщикъ Вепюковъ и князь Иванъ Орбеліани—слѣдующіе чины; за отбитіе вылазки 27-го іюля поручикъ Бучинскій — слѣдующій чинъ; за подвиги при отступленіи 23-го августа, капитанъ Тюпинъ, шт.-к. Аленинъ 2-й, подпоручикъ Мейстеръ и прапорщикъ Аппельбергъ — слѣдующіе чины, а переведенный уже въ то время изъ Апшеронскаго полка, но еще не прибывшій въ баталіонъ, поручикъ Геннингъ—золотое оружіе. Фельдфебель Евстафій Семеновъ и унтеръ-офицеры Дмитрій Кривошеинъ и Григорій Волковъ „за замѣчательную храбрость и самоотверженіе“ награждены чинами прапорщика, съ переводомъ въ другія части.

Дѣйствія стрѣлковъ въ 1849 году кн. Аргутинскій ставилъ, по словамъ многихъ старослужащихъ, выше всякой похвалы. Своими штуцерами и въ особенности мѣткою стрѣльбою они нерѣдко наводили ужасъ на горцевъ, посылая пули въ далекія и, повидимому, вполнѣ безопасныя непріятельскія палатки. Черезъ лазутчиковъ командующій войсками получилъ свѣдѣніе, что „осажденные не имѣютъ покоя отъ стрѣлковъ и проклинаютъ ихъ; жалуются, что они даже во время совершенія намаза ихъ бьютъ“ [14]). Эти слова сказаны княземъ Аргутинскимъ въ то время, когда онъ благодарилъ стрѣлковъ за ихъ молодецкую службу. Лучшею оцѣнкою ихъ заслугъ служитъ донесеніе командующаго войсками князю Воронцову, въ августѣ 1849 года, въ которомъ выражено: „говорятъ, что горцы въ продолженіе всей осады потеряли убитыми и умершими отъ ранъ до 1500 человѣкъ, и что потеря ихъ, со включеніемъ раненыхъ, доходитъ до 3000 человѣкъ; равно, что главнѣйшій уронъ наносили имъ наши бомбы и мѣткій огонь кавказскихъ стрѣлковъ, которые и въ этомъ походѣ служили съ отмѣнною пользою“ [15]).

Военныя дѣйствія хотя и прекратились, но начальникъ отряда не могъ распустить войска по штабъ-квартирамъ, такъ какъ лазутчики постоянно доносили, что Шамиль намѣревается вторгнуться въ наши предѣлы. И онъ,

---

[12]) Дѣло особ. отд. № 147, 1849 г.

[13]) Вторая треть пенсіи на знакъ пожалована рядовому Владиміру Аносову. Кресты пожалованы унтеръ-офицерамъ: Ефиму Иванову, Максиму Ефимову, Василію Иванову и Максиму Щенову (дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1849 г. № 147).

[14]) Сообщеніе полковника Геннинга.

[15]) Рапортъ 28-го августа № 203.

дѣйствительно, серьезно задумывалъ планъ вторженія въ казикумухское ханство или же въ даргинскій округъ. Предполагая возможность этихъ предпріятій — хотя скопища были изнурены, и напбы не особенно были склонны къ новымъ дѣйствіямъ—кн. Аргутинскій, во избѣжаніе случайностей, передвигалъ войска съ одного пункта на другой. Стрѣлки принимали участіе во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ. Вслѣдствіе этого, 2-я рота, которой предстояло возвратиться въ Гомборы, простояла въ селеніи Улу-Ая до 15-го ноября. Вообще войска вынуждены были стоять подъ ружьемъ довольно продолжительное время, и только глубокою зимою, когда окончательно стало извѣстно, что имамъ распустилъ свои полчища, они были отправлены по штабъ-квартирамъ. Вторая рота стрѣлковъ, по распоряженію кн. Воронцова, 15-го декабря возвратилась въ Гомборы, сдѣлавъ болѣе 700 верстъ и, не смотря на чрезвычайно трудные переходы въ глубокую и суровую зиму, въ теченіе 44 дней марша, имѣла всего трехъ больныхъ [16]); четвертая же рота была оставлена въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ до открытія военныхъ дѣйствій въ 1850 году.

Здѣсь не безъинтересно привести переписку князя Аргутинскаго, въ которой онъ стремился удержать у себя въ отрядѣ на неопредѣленное время обѣ роты стрѣлковъ послѣ лѣтней экспедиціи 1849 года. Онъ доносилъ главнокомандующему: „убѣдившись вновь въ настоящую экспедицію въ той существенной пользѣ, которую приносятъ кавказскіе стрѣлки при дѣйствіи въ горахъ, я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать разрѣшенія вашего сіятельства на оставленіе вышеупомянутыхъ ротъ (2-й и 4-й) и на предстоящую зиму при дагестанскомъ отрядѣ, на случай, если предприниматься будутъ движенія противъ горцевъ. Если же ваше сіятельство изволите полагать необходимымъ, что 2-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, находясь въ отсутствіи изъ своей штабъ-квартиры болѣе года, имѣетъ надобность быть туда возвращена, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить приказать выслать вмѣсто означенной роты другую, а 2-ю стрѣлковую роту возвратить въ штабъ-квартиру не ранѣе, какъ по прибытіи на смѣну ея другой“ [17]).

Исполнить просьбу кн. Аргутинскаго оказалось невозможнымъ, за откомандированіемъ 1-й роты въ составъ наблюдательнаго отряда на Царскихъ-Колодцахъ, а отправить бывшую въ резервѣ 3-ю роту на смѣну 2-й, по расформированіи наблюдательнаго отряда, т. е. въ концѣ октября мѣсяца, князь Воронцовъ счелъ крайне неудобнымъ. Сначала онъ разрѣшилъ оставить 2-ю роту въ Дагестанѣ съ тѣмъ, что еслибы было признано необходимымъ смѣнить ее, то чтобы назначенная для этого рота была выслана изъ Гомборъ ранней весною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ 2-й ротѣ годовыхъ вещей по сроку 1850 года [18]). Но не такъ легко смотрѣлъ на это дѣло маіоръ Прежевскій. Въ виду большой убыли годныхъ штуцеровъ [19]), а также и того, что постройка мундирной одежды внѣ штабъ-квартиры представляла массу неудобствъ; наконецъ, во вниманіе къ тому, что вьючный обозъ требовалъ капитальныхъ исправ-

---

[16]) Рапортъ маіора Прежевскаго 28 декабря 1849 г. № 1588.

[17]) Рапортъ князя Аргутинскаго 29 августа 1849 г. № 205.

[18]) Отзывъ начальника главнаго штаба 20 сентября 1849 г. № 861.

[19]) 3-я рота, бывшая два года въ экспедиціи, имѣла въ починкѣ 67 штуцеровъ, а 1-я, бывшая всего годъ въ экспедиціи—36 штуцеровъ.

леній, маіоръ Прежевскій продолжалъ настаивать на возвращеніи роты капитана Тюпина въ Гомборы [20]). Князь Воронцовъ долженъ былъ согласиться съ приведенными доводами и предписалъ князю Аргутинскому отпустить 2-ю роту въ штабъ-квартиру. Подобная переписка завязывалась почти каждый разъ, когда кн. Аргутинскому приходилось лишаться стрѣлковъ хотя бы на короткое время.

Отступленіе дагестанскаго отряда отъ Чоха было истолковано горцами, конечно, не въ пользу могущества нашего оружія. Кромѣ сборовъ партій для вторженія въ казикумухское ханство или въ даргинскій округъ, Шамиль сталъ группировать ихъ вдоль всей лезгинской кордонной линіи. Особенной опасности подвергались самурскій округъ и цухинскій уѣздъ. Спустя недѣлю послѣ чохской экспедиціи, населеніе этихъ мѣстъ не на шутку заволновалось. Для наблюденія за нимъ и за сборами непріятеля, равно для предотвращенія всякихъ попытокъ Шамиля, въ первыхъ числахъ сентября былъ сформированъ на Царскихъ-Колодцахъ особый наблюдательный отрядъ, ввѣренный генеральнаго штаба полковнику Веревкину. Въ составъ этого отряда кн. Воронцовъ велѣлъ выслать изъ Гомборъ роту стрѣлковъ въ 200 человѣкъ немедленно же по полученіи приказанія. Предписаніе объ этомъ было доставлено утромъ 2-го сентября, а въ 3 часа того же дня 1-я рота, уже укомплектованная до 200 человѣкъ людьми изъ третьей роты, и снабженная всѣмъ необходимымъ, выступила, подъ командою капитана Геннинга, въ составѣ 3-хъ оберъ-офицеровъ, 17 унтеръ-офицеровъ, четырехъ горнистовъ, 190 рядовыхъ и 7 нестроевыхъ, съ 21-ю подъемною лошадью [21]). Прибывъ на Царскіе-Колодцы, стрѣлки немедленно направились, съ частью наблюдательнаго отряда, въ с. Белаканы, гдѣ командующій войсками на лезгинской линіи со дня на день ожидалъ вторженія партій Даніельбека. Но все обошлось благополучно. Быстрый сборъ нашихъ войскъ охладилъ прыткость лезгинъ, и они вскорѣ разошлись, не предпринявъ ничего особеннаго. Въ виду этого, командующій войсками приказалъ полковнику Веревкину распустить отрядъ. Рота капитана Геннинга 12-го октября возвратилась въ Царскіе-Колодцы и, выступивъ оттуда черезъ три дня, 20-го октября прибыла въ Гомборы. Вскорѣ затѣмъ, именно въ ноябрѣ, штабъ-квартиру стрѣлковъ посѣтилъ главнокомандующій. Осмотрѣвъ помѣщенія и „устроенный маіоромъ Прежевскимъ весьма удобный баталіонный лазаретъ“, князь Воронцовъ остался этимъ вполнѣ доволенъ. Но ему „въ особенности пріятно было видѣть нижнихъ чиновъ хорошо одѣтыхъ, выправленныхъ, сбереженныхъ, съ видомъ здоровымъ и бодрымъ, а въ лазаретѣ, хорошо содержимомъ, весьма малое число больныхъ“. За это главнокомандующій объявилъ въ приказѣ по корпусу маіору Прежевскому „совершенную благодарность“ [22]).

1849 годомъ оканчивается бурный и едва ли плодотворный для насъ періодъ кавказской войны. Съ 1850 года наши дѣйствія вступаютъ въ новый фазисъ. Держась въ Дагестанѣ преимущественно оборонительной и охранительной системы, мы начинаемъ наносить рѣшительные и постепенные удары непріятелю въ Чечнѣ.

---

[20]) Рапортъ маіора Прежевскаго 24 сентября 1849 г. № 1248.

[21]) Приказъ по баталіону 2 сентября 1849 г. № 245.

[22]) Приказъ по корпусу 5 марта 1850 г. № 37.

Но если наши штурмы и бомбардированія въ Дагестанѣ остались безслѣдны въ смыслѣ подготовки къ окончательному покоренію восточнаго Кавказа, то они оставили глубокіе слѣды въ быту и въ направленіи стрѣлковъ. Къ началу 1850 года они были уже далеко не тѣ, какъ въ 1844 году: суровые годы безпрерывныхъ боевыхъ тревогъ и жертвъ наложили на нихъ иной отпечатокъ. Самосбереженіе стало имъ вполнѣ чуждо, и всѣ атаки горцевъ, сопровождаемыя ихъ дикими возгласами, не только не вызывали въ нихъ признаковъ тревоги, но, напротивъ, заставляли ихъ еще болѣе сосредоточиваться на своей обязанности, чтобы не выпустить даромъ цѣнную пулю изъ трудно заряжаемаго оружія. Въ первое время стрѣлки гордились тѣмъ, что ихъ назначали преимущественно передъ прочими въ боковыя цѣпи или въ арріергардъ; въ послѣдніе же годы они бы очень удивились, еслибы ихъ случайно заключили въ колонну главныхъ силъ. Они изучили арріергардный бой до совершенства. Отступленіе отъ преслѣдующаго непріятеля они совершаютъ съ какимъ-то особеннымъ шикомъ; оно въ ихъ рукахъ какъ бы орудіе, которымъ они могутъ вѣрнѣе поражать непріятеля, экзальтированнаго мгновеннымъ успѣхомъ. При всемъ этомъ, продолжительное пребываніе въ походахъ, обыкновенно связанное съ нѣкоторою отсталостью отъ строевой и гарнизонной службы, а также всѣ увлекательныя и соблазнительныя стороны боевой жизни—такъ какъ и она ихъ имѣетъ—не вліяли на прямое спеціальное назначеніе стрѣлковъ, и они не забывали его — что доказывалось быстрымъ возрастаніемъ въ баталіонѣ отличнѣйшихъ перворазрядцевъ: въ 1849 году, т. е. въ одинъ годъ, число стрѣлковъ, имѣвшихъ нашивки за отличную стрѣльбу, увеличилось двѣнадцатью новыми, и до двадцати человѣкъ получили денежныя награды—хотя смотръ, за который то и другое было пожаловано, былъ произведенъ всего только двумъ ротамъ — 1-й и 3-й.

У себя въ штабъ-квартирѣ, въ своемъ домашнемъ быту, стрѣлки отличались особеннымъ трудолюбіемъ. Праздность имъ была незнакома, и если оставалось свободное отъ службы время, которое было предоставлено собственному усмотрѣнію солдата, то онъ или употреблялъ его на свои хозяйственныя нужды, или упражнялся въ охотѣ за звѣремъ, не смотря даже на то, что занятіе это было весьма не безопасное [55]). Отрѣшенные отъ всѣхъ родственныхъ связей на далекой родинѣ, куда возвратъ былъ весьма сомнителенъ при прежнихъ срокахъ солдатской службы, и при томъ на „гибельномъ“ Кавказѣ, стрѣлки по необходимости должны были находить въ своей собственной средѣ все то, что потеряли въ кругу людей родныхъ и близкихъ имъ, и отъ этого невольно поддерживали тѣсныя и пріязненныя отношенія другъ къ другу, обезпечивавшія цѣлость, стройность и стойкость баталіона во всѣхъ отношеніяхъ. Еще сильнѣе былъ товарищескій духъ въ обществѣ офицеровъ. Старшіе изъ нихъ, въ случаѣ надобности, были преимущественно переводимы на вакансію изъ числа наилучшихъ и извѣстныхъ командиру баталіона офицеровъ славныхъ кавказскихъ полковъ — Апшеронскаго, Ширванскаго и др., а молодые, большею частью прапорщики,

[55]) Въ 1857 г. былъ выдающійся случай, когда на охотѣ за медвѣдемъ пострадало до двѣнадцати стрѣлковъ, и изъ нихъ нѣкоторые были изувѣчены на-смерть. Можетъ быть, это былъ не первый и не послѣдній случай, но о другихъ подобныхъ въ болѣе отдаленное время сказаній не сохранилось.

поступали изъ воспитанниковъ финляндскаго кадетскаго корпуса по выбору инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ генерала Рамзая, весьма ревниво относившагося къ безупречности единственнаго на Кавказѣ стрѣлковаго баталіона. Эти молодые люди, поддерживая въ баталіонѣ то прекрасное нравственное начало, которое легло въ его основаніе, всѣ остальныя, необходимыя въ своемъ быту, качества быстро заимствовали у старыхъ товарищей, закаленныхъ въ невзгодахъ кавказской службы, и такимъ образомъ въ самое непродолжительное время являлись вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію во всѣхъ отношеніяхъ.

VIII.

1850 годъ. Распредѣленіе стрѣлковъ по отрядамъ. Участіе одиннадцати человѣкъ изъ нихъ при подавленіи мятежа въ Осетіи. Дѣятельность команды стрѣлковъ на лезгинской кордонной линіи и въ экспедиціи въ Джурмутъ и Канаду. Пребываніе 4-й роты въ Дагестанѣ. Стоянка въ Муселимъ-аулѣ. Участіе въ лѣтнихъ движеніяхъ. Услуга стрѣлковъ при аулѣ Арчи. Стоянка на Дучрагатырѣ и на кутешинскихъ высотахъ. Пребываніе 4-й роты въ Лучекѣ. Учрежденіе застрѣльщичьихъ командъ. Участіе 2-й роты стрѣлковъ въ дѣйствіяхъ чеченскаго отряда. Высочайшій рескриптъ. Награды.

Выдающаяся дѣятельность стрѣлковъ и существенные ея результаты, въ связи съ пріобрѣтенною ими на Кавказѣ репутаціею, привели къ тому, что въ концѣ 1849 года послѣдовали просьбы о присылкѣ ихъ въ отряды, дѣйствовавшіе на всѣхъ военныхъ театрахъ края. Такимъ образомъ, стрѣлки знакомятся съ этого времени съ Лезгистаномъ или южнымъ Дагестаномъ, съ лезгинскою кордонною линіею, съ правымъ флангомъ кавказской линіи и даже съ такимъ затаеннымъ уголкомъ, какъ Осетія. 1-я рота находилась въ составѣ отряда, сформированнаго для постройки укрѣпленія у селенія Лучека, въ верховьяхъ р. Самура; 2-я—въ Чечнѣ, 4-я—въ Дагестанѣ, въ распоряженіи кн. Аргутинскаго; команда—въ лезгинскомъ отрядѣ и одиннадцать человѣкъ въ Осетіи. Подобное дробленіе продолжалось непрерывно четыре года сряду, т. е. до войны съ Турціею. Это обстоятельство, кромѣ того, что крайне льстило стрѣлкамъ, еще избавляло ихъ отъ тягостей осадной войны, которыя они съ такимъ мужествомъ переносили три года подъ Салтами, Гергебилемъ и Чохомъ. Хотя они знали, что имъ предстоятъ постоянныя тревоги партизанской войны, но онѣ всегда сноснѣе нежели траншейная служба, сопряженная съ чрезвычайнымъ нервнымъ напряженіемъ и нравственнымъ утомленіемъ.

Въ началѣ мая 1850 года одиннадцать человѣкъ стрѣлковъ, подъ командою унтеръ-офицера 2-й роты Максима Щенова, были отправлены въ Осетію, въ составъ отряда генералъ-маіора кн. Андроникова, образованнаго для усмиренія осетинъ, вышедшихъ изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ. Когда ни угрозы, ни появленіе войскъ не подѣйствовали на бунтовщиковъ, то приступлено было къ оружію. Стрѣлки принимали участіе во всѣхъ передвиженіяхъ отряда, а также и въ перестрѣлкѣ 3-го іюня.

Въ своемъ донесеніи кн. Андроникovъ пишетъ между прочимъ о стрѣлкахъ: „бунтовщики виѣ выстрѣла обозрѣвали нашъ лагерь, но мѣткая стрѣльба штуцеровъ, нанеся имъ большой вредъ, заставила ихъ скрыться“ [1]). Простоявъ до 24-го іюля на военно-грузинской дорогѣ, стрѣлки возвратились затѣмъ въ Гомборы.

Дѣятельность другой команды стрѣлковъ на лезгинской кордонной линіи была несравненно обширнѣе и серьезнѣе. Такъ какъ эта линія являлась для стрѣлковъ новымъ театромъ, на которомъ они подвизались потомъ многіе годы въ составѣ войскъ лезгинскаго отряда, то бѣглый очеркъ этого раіона ихъ дѣятельности будетъ не лишній.

Съ покореніемъ южнаго Дагестана мы учредили лезгинскую кордонную линію, единственное назначеніе которой состояло въ охраненіи сопредѣльной Грузіи отъ хищническихъ шаекъ лезгинъ. Линія эта тянулась вдоль всей долины р. Алазани, лежащей между главнымъ хребтомъ и боковою его вѣтвью, которая, начинаясь у горы Барбало, близъ истоковъ Алазани, тянется по ея теченію до самаго ея впаденія въ р. Куру. Вся длина алазанской долины около 200, а ширина 20—25 верстъ. Сосредоточивъ все управленіе краемъ въ г. Закаталахъ и имѣя по всей линіи около 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, мы держали страну въ полномъ порядкѣ до 1844 года, т. е. до измѣны и бѣгства къ Шамилю одного изъ бывшихъ владѣтелей южнаго Дагестана, элисуйскаго султана Даніель-бека, которому имамъ обѣщалъ подарить чуть-ли не всю Грузію. Съ этого времени лезгинскія общества становятся въ явно враждебныя отношенія къ намъ и заставляютъ насъ держать въ долинѣ Алазани сильный отрядъ на все продолженіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Мы вынуждены были, сверхъ того, усовершенствовать самый кордонъ, который, ко времени появленія сюда стрѣлковъ, заключалъ въ себѣ двѣ крѣпости, семь укрѣпленій, цѣлую систему промежуточныхъ постовъ съ достаточно сильными гарнизонами. Линія уже дѣлилась на два фланга: правый обнималъ джаро-белаканскій округъ отъ южной границы элисуйскаго приставства до укр. Лагодехи; все же пространство отъ послѣдняго до самой Тушетіи составляло лѣвый флангъ. Къ началу 1850 года силы Даніель-бека значительно возросли, и начальникъ лезгинскаго отряда генералъ-маіоръ Чиляевъ рѣшилъ держаться въ предѣлахъ строгой обороны. Тогда горцы перешли въ наступленіе. Принимая мѣры къ надлежащей ихъ встрѣчѣ, генералъ Чиляевъ между прочимъ просилъ прислать въ составъ ввѣренныхъ ему войскъ также и стрѣлковъ. Согласно его просьбѣ, 25-го апрѣля прибыла изъ Гомборъ въ Лагодехи команда, въ числѣ 1-го оберъ-офицера, 2-хъ унтеръ-офицеровъ, 2-хъ горнистовъ и 50 рядовыхъ.

Ждать стрѣлкамъ столкновенія съ лезгинами пришлось не долго. Ночью 7-го мая скопище лезгинъ, въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ наиба Моллы-Шабана, перешло чрезъ Акималъ и на другой день, 8-го мая, напало на Белаканы. Гарнизонъ этого пункта, считавшагося самымъ важнымъ въ джаро-белаканскомъ округѣ, состоялъ изъ милиціонеровъ и партизанской команды, въ общемъ до 300 человѣкъ. Предупредивъ

[1]) Унтеръ-офицеръ Максимъ Щеновъ награжденъ второю третью пенсіи на имѣвшійся крестъ, а рядовой Иванъ Ермолаевъ знакомъ отличія за № 88526. Сверхъ того, каждый изъ стрѣлковъ получилъ по полтинѣ серебромъ. (Дѣло особ. отд. арх. шт. к. в. окр. 1850 г. № 94).

эту горсть заранѣе, на основаніи свѣдѣній отъ лазутчиковъ, о предстоящемъ нападеніи лезгинъ, и приказавъ ей отстаивать себя до прибытія подкрѣпленія, генералъ Чиляевъ еще утромъ того же дня послалъ въ Закаталы и Лагодехи за двумя съ половиною баталіонами пѣхоты, четырмя горными орудіями, взводомъ крѣпостныхъ ружей и командою стрѣлковъ. Но гарнизонъ самъ отстоялъ себя съ честью и, мало того, даже осмѣлился преслѣдовать непріятеля. Преслѣдованіе это происходило довольно удачно до верховьевъ цаблуанскаго ущелья, но здѣсь милиціонеры наскочили на засаду: грузины, окруженные лезгинами, бились отчаянно, понесли огромныя потери и, конечно, были бы всѣ перерѣзаны, еслибы въ эту критическую для нихъ минуту не подоспѣли прежде всѣхъ стрѣлки, во главѣ съ штабсъ-капитаномъ Кржевковичемъ-Позняком, а за ними и другія части. Пораженные неожиданностью и будучи утомлены, лезгины не рѣшились вступить въ состязаніе съ подкрѣпленіемъ и бѣжали. Стрѣлки штабсъ-капитана Позняка возвратились въ Лагодехи и тамъ проживали спокойно до 10-го іюня.

Въ серединѣ мая генералъ Чиляевъ уѣхалъ въ отпускъ, передавъ временное управленіе краемъ и войсками генералъ-маіору Бельгарду. Къ этому же времени Шамиль усилилъ свои резервы противъ войскъ лезгинскаго отряда; наибы его: Адаловъ, Молла-Шабанъ и Бакракъ-Али сосредочили въ своихъ рукахъ значительныя скопища. Дѣлалось это для отвлеченія нашихъ войскъ какъ отъ с. Лучекъ, гдѣ мы строили сильное укрѣпленіе, такъ и отъ позиціи у с. Кялало, откуда особый резервъ угрожалъ резиденціи Даніель-бека Ирибу. Но сборища горцевъ не сдвинули съ названныхъ позицій ни одного солдата, и войска наши, въ томъ числѣ 1-я рота стрѣлковъ капитана Геннинга, продолжали спокойно строить важное для насъ укрѣпленіе въ верховьяхъ Самура, а генералъ Бельгардъ не только счелъ достаточными, для обороны края, наличныя войска лезгинскаго отряда, но даже рѣшилъ перейти съ ними въ наступленіе и въ свою очередь отвлечь горцевъ отъ Лучека. Выславъ 11-го іюня небольшую колонну полковника Давыдова черезъ Мовравъ-Дагъ на Кялало, генералъ Бельгардъ выступилъ съ остальными войсками [2]) и съ командою стрѣлковъ штабсъ-капитана Позняка на Акималъ и далѣе на Маалъ-Раса. До Акимала не представлялось никакихъ затрудненій, но отсюда подъемъ на Маалъ-Раса былъ необыкновенно труденъ: узкая тропа, пробитая пѣшеходами, то извивалась зигзагами по страшнымъ крутизнамъ, то лѣпилась почти по отвѣснымъ скатамъ надъ пропастями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось пробираться по острымъ гребнямъ утесовъ, въ другихъ—по высѣченнымъ въ скалѣ ступенькамъ, представлявшимъ подобіе головокружительной лѣстницы. Наиболѣе серьезныя заботы выпали на долю обоза, а главнымъ образомъ, артилеріи. Стрѣлки карабкались на крутизны безъ особеннаго труда и легко боролись съ трудностями путей, хотя нерѣдко приходилось имъ нести на рукахъ горныя орудія. Маалъ-Раса была покрыта снѣгомъ, и вообще стояла ненастная погода: бури, проливной дождь, снѣгъ—то и дѣло смѣнялись одни другими. Восхожденіе продолжалось три дня. Наконецъ,

[2]) Шесть ротъ грузинцевъ, баталіонъ тифлисцевъ, рота кавказскаго сапернаго баталіона, команда стрѣлковъ въ 38 человѣкъ, 80 милиціонеровъ Грузинской пѣшей дружины, полсотни донскихъ казаковъ, 4 горныхъ орудія и команды съ крѣпостными ружьями.

шнурованный отрядъ 15-го іюня расположился лагеремъ на урочищѣ Маалъ-Раса, которое было еще покрыто снѣгомъ. Стрѣлки не имѣли ни одного отсталаго или больного. Отдыхъ продолжался два дня, но ненастная погода не переставала донимать людей и лошадей. Только 18-го іюня прекратились эти невзгоды, и войска перешли на урочище Тамалду. Здѣсь лазутчики дали знать генералу Бельгарду, что вблизи находится скопище лезгинъ во главѣ съ Молла-Шабаномъ. Начальникъ отряда приказалъ генеральнаго штаба подполковнику Марку, съ двумя ротами гренадеръ, командами стрѣлковъ и саперъ, съ крѣпостными ружьями и сотнею Грузинской Дружины, произвести рекогносцировку. Непріятель былъ открытъ въ числѣ до 4,000 человѣкъ у селенія Бехельды, при сліяніи рѣкъ Джурмутъ-чай и Рогно-оръ. Съ фронта позиція его оказалась безусловно недоступною, и каменные завалы, изъ которыхъ главный тянулся на 70 саженъ, доходили толщиною до двухъ аршинъ. По докладу Марка, даже десяти баталіоновъ было недостаточно для овладѣнія ею. Но лазутчики вывели Бельгарда изъ затрудненія: они указали ему тропинку, проходившую противъ праваго фланга и въ тылъ непріятельскаго расположенія. Немедленно была составлена диспозиція, и на 21-е іюня назначена атака. Для этого отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны. Въ составъ двухъ изъ нихъ вошли по 10-ти стрѣлковъ, а въ среднюю—всѣ остальные, съ штабсъ-капитаномъ Кржевковичемъ-Позпякомъ. Лѣвая колонна, подъ командою маіора Сусловскаго, выступила налегкахъ въ три часа пополудни и направилась въ обходъ позиціи горцевъ по весьма трудной, почти непроходимой дорогѣ; правая и средняя выступили черезъ четыре часа, имѣя главною цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ маневра Сусловскаго. Стрѣлками, находившимися въ правой колоннѣ, командовалъ унтеръ-офицеръ Василій Тарасовъ, а тѣми, которые были въ обходной—унтеръ-офицеръ Яковъ Грибковъ.

Правая колонна полковника князя Андроникова переправилась на правый берегъ Джурмутъ-чая черезъ мостъ, наведенный наканунѣ нашими саперами, а средняя маіора князя Шаликова двинулась по тамалдинскому хребту къ высотамъ, командующимъ надъ непріятелемъ. Послѣдній обратилъ все вниманіе на эти двѣ колонны, и вслѣдствіе этого далъ возможность Сусловскому подняться на хребетъ. Тогда начальникъ отряда, со всею кавалеріею, присоединился къ средней колоннѣ и занялъ крѣпкую позицію на пушечный выстрѣлъ отъ фронта непріятельскаго завала. Полковникъ же князь Андроникovъ, переправившись черезъ Джурмутъ-чай, сталъ подниматься на крутизны. Главныя силы горцевъ ожидали эту колонну за деревнею Бехельды, въ самой деревнѣ и въ прилежащихъ къ ней хуторахъ. Предвидя ея затруднительное положеніе, Бельгардъ открылъ по завaламъ артилерійскій огонь, усиливъ его въ то же время штуцерами и крѣпостными ружьями. Насколько удачны были дѣйствія стрѣлковъ, видно изъ реляціи объ унтеръ-офицерѣ Василіѣ Тарасовѣ и изъ общаго донесенія о ходѣ боя. Въ первой генералъ Бельгардъ, воздавая похвалу „отличному мужеству и распорядительности“ Василія Тарасова, отозвался, что онъ „мѣткимъ огнемъ своихъ стрѣлковъ наносилъ сильный вредъ непріятелю“, а въ донесеніи замѣтилъ, что „удачное дѣйствіе орудія и крѣпостныхъ ружей, равно какъ и мѣткіе выстрѣлы стрѣлковъ, много обезпечили движеніе правой колонны“ [3]).

[3]) Рапортъ ген. м. Бельгарда 25-го іюня 1850 г. № 604.

Что же касается дѣятельности прочихъ стрѣлковъ, находившихся въ средней колоннѣ, а также ихъ командира штабсъ-капитана Кржевковича, то реляція рисуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „командуя цѣпью стрѣлковъ, высланныхъ отъ средней колонны, офицеръ этотъ удачнымъ выборомъ мѣстности и мѣткимъ огнемъ приводилъ въ сильное разстройство непріятеля, безъ всякой потери во ввѣренной ему части [4]). Такимъ образомъ, артилерія, крѣпостныя ружья и стрѣлки значительно облегчили наступленіе правой колонны“, которая, наконецъ, вступила на бехельдинскій подъемъ. Непріятель, усматривая, что ему грозятъ обходомъ, видимо поколебался, хотя не оставлялъ своей позиціи, думая, конечно, отстоять ее; но когда Сусловскій показался на высотахъ, откуда имѣлъ возможность ударить въ тылъ главному завалу, тогда толпы заволновались и быстро начали отступать въ Бехельду. Войска кн. Андроникова бросились вслѣдъ за ними и ворвались въ деревню. Но тутъ партіи сплотились и встрѣтили атакующихъ сперва раскатами ружейнаго огня, а затѣмъ холоднымъ оружіемъ. Въ этомъ жестокомъ рукопашномъ бою намъ довольно дорого приходилось выкупать каждый шагъ наступленія. Неизвѣстно, какая бы участь постигла колонну князя Андроникова, еслибы маіоръ Сусловскій не поторопился ее выручить. Взявъ, послѣ горячихъ схватокъ, два завала, находившіеся на пути его движенія въ сѣдловинѣ горы, онъ ударилъ горцамъ въ тылъ и тѣмъ, по словамъ донесенія, „довершилъ все дѣло. Непріятель, потерпѣвъ сильное разстройство, бѣжалъ, бросивъ всѣ свои позиціи и оставивъ на полѣ битвы 86 тѣлъ и множество оружія“. Общій же уронъ его заключался въ „320 человѣкахъ убитыми и вдвое болѣе ранеными“. Объявляя объ этомъ „успѣшномъ“ дѣлѣ въ приказѣ по корпусу, главнокомандующій говоритъ: „атака была ведена такъ быстро и рѣшительно, что мы не дали непріятелю опомниться. Отъ того наша потеря ограничивается двумя убитыми нижними чинами, однимъ раненымъ оберъ-офицеромъ и 18 ранеными и контуженными нижними чинами“. Стрѣлки потерь не имѣли, благодаря распорядительности Позняка и, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что они составляли весьма незначительную часть войскъ, штурмовавшихъ позицію горцевъ. Однако, не смотря на свою малочисленность, они очевидно оказали отряду серьезныя услуги, такъ какъ за дѣло 21-го іюня у Бехельды шт. капитанъ Кржевковичъ-Позякъ удостоенъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, одинъ изъ нижнихъ чиновъ второй трети пенсіи на крестъ [5]) и двое знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія [6]). Даже и такой процентъ наградъ былъ довольно великъ сравнительно съполученными въ баталіонахъ, гдѣ на каждый пожаловано всего лишь по два креста.

По соединеніи всѣхъ колоннъ, средняя, послѣ двухчасоваго отдыха, возвратилась въ лагерь, а двѣ другія направились по правому берегу Джурмутъчая и прибыли только на слѣдующій день, такъ какъ были заняты истребленіемъ по пути шести главныхъ джурмутскихъ деревень, съ прилежащими хуторами, которыя обратили въ груду развалинъ [7]). 26-го іюня, особою колонною [8])

---

[4]) Дѣло особаго отд. арх. шт. кавк. в. окр. 1850 г. № 89.

[5]) Унтеръ-офицеръ Яковъ Грибковъ.

[6]) Унтеръ-офицеръ Василій Тарасовъ и рядовой Григорій Авдѣевъ.

[7]) „Исторія Грузинской пѣшей Дружины“, стр. 183 и 184.

[8]) Шесть ротъ тифлисцевъ, половина команды стрѣлковъ, полурота саперъ и сотня Грузинской Дружины.

были уничтожены въ тѣхъ же мѣстахъ хлѣбные посѣвы и разорено нѣсколько другихъ деревень.

Но все это не образумило джурмутцевъ, и они не думали просить о помилованіи; мало того, даже стали возбуждать противъ насъ и сосѣднее общество Канаду. Бельгардъ вознамѣрился поскорѣе покончить съ ними, такъ какъ и въ другихъ пунктахъ собирались партіи непріятеля. Для обезпеченія своего успѣха онъ потребовалъ къ себѣ колонну полковника Давыдова, бывшую въ Кялало и пока бездѣйствовавшую. Она прибыла въ Тамалду къ 5-му іюля, а 6-го числа отрядъ двинулся въ канадальское общество, „гдѣ еще никогда не бывала русская нога". Дороги, ведущія въ Канаду, отличались многими недостатками; вести по которой либо изъ нихъ весь отрядъ было крайне трудно; кромѣ того, было бы полезнѣе нѣсколько развлечь непріятельскія силы. Вслѣдствіе этого генералъ Бельгардъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны и въ каждую изъ нихъ назначилъ по полувзводу стрѣлковъ.

Первою выступила лѣвая колонна, подъ начальствомъ полковника кн. Андроникова, имѣя стрѣлковъ въ авангардѣ. Переправившись черезъ Джурмутъ-чай у сел. Бехельды и слѣдуя по правому берегу рѣки, она около полудня подошла къ селенію Гортлыпубъ. По пути стрѣлкамъ не разъ приходилось разряжать свои штуцера по пикетамъ и небольшимъ партіямъ, которыя, впрочемъ, уступали свои позиціи безъ сопротивленія и старались поскорѣе скрыться. На слѣдующій день, 7-го іюля, колонна, съ незначительными препятствіями, вошла въ канадальское ущелье и стала противъ сел. Колобъ, находившагося за рѣчкою Тланъ-чай. Расположивъ ее на двухъ уступахъ ската, полковникъ князь Андрониковъ открылъ по селенію артилерійскій огонь, а для занятія переправы черезъ Тланъ-чай и опушки лѣса на противуположномъ скатѣ ущелья послалъ часть пѣхоты, милиціи и стрѣлковъ. Непріятель устремился изъ селенія къ опушкѣ лѣса, но, будучи здѣсь встрѣченъ сильнымъ огнемъ стрѣлковъ и милиціонеровъ, остановился, засѣлъ за камнями и утесами и началъ отбиваться. Однако вскорѣ онъ былъ атакованъ и прогнанъ, причемъ милиціонерами былъ выхваченъ у него значокъ канадальскаго наиба Магомы-Омара. Значительная партія горцевъ рѣшилась повидимому отстоять Колобъ, во что бы то ни стало, но, замѣтивъ дымъ отъ пылавшихъ деревень вверхъ по ущелью, зажженныхъ подходившею правою колонною генерала Бельгарда, пришла въ крайнее замѣшательство и, покинувъ Колобъ, бросилась къ горѣвшимъ деревнямъ для спасенія своего имущества и семействъ отъ огня и правой колонны. Тогда лѣвая колонна, устроивъ поспѣшно мостъ черезъ Тланъ-чай, переправилась по немъ и заняла Колобъ, безъ большаго сопротивленія. Въ добычу намъ досталось немного скота, разное имущество и оружіе.

Дѣйствія правой колонны выразились въ слѣдующемъ: она выступила, подъ начальствомъ самого генерала Бельгарда, изъ Тамалды черезъ три часа послѣ лѣвой колонны. Полувзводъ стрѣлковъ съ штабсъ-капитаномъ Познякомъ, во все время движенія этой колонны, находился въ составѣ авангарда. Переправившись черезъ Джурмутъ-чай у сел. Гириль, колонна поднялась на гору Ябы-Мееръ, отдѣляющую общество Джурмутъ отъ Канады, и заняла позицію на урочищѣ Ябыкалъ. На слѣдующій день, 7-го іюля, она перешла черезъ Тланъ-чай, уничтожила на пути два селенія и, выбивая непріятеля тамъ, гдѣ онъ оказывалъ сопротивленіе, подступила къ наибольшему и наисильнѣйшему аулу Цымгѣ, при чемъ стрѣлкамъ пришлось со-

вершить обходъ для выбитія лезгинъ изъ фланговой позиціи, откуда они пытались задержать наше приближеніе къ Цымгѣ. Сюда, тѣмъ временемъ, успѣли собраться довольно большія партіи изъ сосѣднихъ деревень, желая воспользоваться крѣпкимъ мѣстоположеніемъ аула, чтобы остановить наше наступленіе. Каменныя сакли аула, расположеннаго на горномъ отрогѣ, возвышались амфитеатромъ и, дѣйствительно, представляли всѣ удобства для обороны. Укрывшись въ нихъ, горцы открыли по авангарду сильный огонь, но милиціонеры, саперы, стрѣлки и рота эриванцевъ, не обращая на него вниманія, быстро поднялись изъ глубокаго ущелья по весьма крутому скалистому подъему, обстрѣляли на ходу аулъ и овладѣли ближайшими саклями, изъ которыхъ лезгины поспѣшили убраться и занимать сакли верхнихъ террасъ. Наконецъ, ворвалась въ аулъ и вся колонна. Тогда защитники Цымги, видя невозможность отстоять аулъ, сдѣлали еще залпъ съ послѣдней террасы и скрылись въ горахъ. Предавъ пламени Цымгу, колонна достигла, наконецъ, Колоба и, атаковавъ его съ лѣвой стороны одновременно съ колонною полковника кн. Андроникова, овладѣла имъ и преслѣдовала непріятеля до вершины хребта Хуналъ-дагъ. Кромѣ трехъ селеній, было сожжено еще по пути слѣдованія колонны до двадцати хуторовъ. Былъ шестой часъ пополудни, когда обѣ колонны соединились и, пройдя Колобъ, заняли надъ нимъ позицію.

Въ дѣлѣ 7-го іюля стрѣлки обратили на себя особенное вниманіе начальника отряда, имѣвшаго возможность лично слѣдить за ихъ дѣйствіями въ правой колоннѣ. Представивъ штабсъ-капитана Позняка шесть дней тому назадъ къ ордену св. Владиміра, генералъ Бельгардъ не затруднился ходатайствовать вслѣдъ затѣмъ о награжденіи его чиномъ въ слѣдующей реляціи: „при движеніи лезгинскаго отряда въ кандальское общество, штабсъ-капитанъ Позняк слѣдовалъ съ полувзводомъ стрѣлковъ въ авангардѣ правой колонны, и 7-го іюля, когда непріятель близъ селенія Цымги занялъ высоты, открывъ по авангарду сильный ружейный огонь, офицеръ этотъ занялъ весьма удобную позицію, мѣткими выстрѣлами принудилъ горцевъ отступить и тѣмъ облегчилъ занятіе сказаннаго селенія безъ большой потери съ нашей стороны. Нижніе же чины, стрѣлки — сказано далѣе — при выбитіи горцевъ изъ селенія Колобъ отличились примѣрнымъ мужествомъ, хладнокровіемъ и въ особенности мѣткою стрѣльбою, которая нанесла непріятелю сильный вредъ“. За это дѣло два изъ нихъ получили знаки отличія военнаго ордена [9]).

8-го іюля отрядъ двинулся обратно къ Тамалдѣ, по дорогѣ, по которой наступала лѣвая колонна кн. Андроникова. Стрѣлки были въ арріергардѣ. Лишь только авангардъ, послѣ перестрѣлки, овладѣлъ переваломъ на хребтѣ Арабихкалъ, и вслѣдъ затѣмъ тронулись главныя силы, какъ значительная партія, выйдя скрытно изъ ущелья р. Канадуръ, заняла высоты Хуналъ-дагъ, командовавшія надъ путемъ отступленія съ правой стороны, и стала бросать громадные камни, сопровождая низверженіе ихъ ружейною пальбою. Чтобы сбить ее съ позиціи и тѣмъ открыть путь отступленія, была послана рота гренадеръ, полувзводъ стрѣлковъ и двѣ сотни Грузинской пѣшей Дружины. Не смотря на огромные валуны, съ грохотомъ катившіеся сверху внизъ,

[9]) Рядовые: Филиппъ Марковъ (№ 88247) и Данило Шкалета (№ 88248). (Дѣло особ. отд. арх. шт. кавк. воен. окр. 1850 г. № 117).

стрѣлки взбирались на гору безостановочно. Имъ впервые приходилось испытать ощущенія подобнаго рода; но такъ какъ въ подвижности и ловкости у нихъ недостатка не было, то они, лавируя весьма удачно между валившимися глыбами, приблизились, наконецъ, къ непріятелю, не имѣя ни одного ушибленнаго, тогда какъ даже милиціонеры немного пострадали. Еще нѣсколько шаговъ—и для горцевъ готовилась лихая атака; но сопротивленіе не входило въ ихъ расчеты, и они поспѣшили очистить позицію, въ особенности, когда на флангѣ у нихъ появились роты, посланныя имъ въ обходъ. Стрѣлки открыли по бѣгущимъ мѣткій огонь и заставили ихъ убраться настолько далеко, сколько это было необходимо для безопаснаго слѣдованія войскъ. Оно происходило почти до самаго ночлежнаго пункта по открытому горному хребту, поэтому дальнѣйшихъ столкновеній съ непріятелемъ, благодаря преимущественно охраненію штуцеровъ, не произошло. 9-го іюля отрядъ стянулся на урочищѣ Тамалдѣ. „Такимъ образомъ—писалъ генералъ Бельгардъ—послѣ этой экспедиціи, войска, преодолѣвъ необыкновенныя препятствія мѣстности, совершили движеніе въ общество Канаду, куда до этого времени еще не проникало русское оружіе, и въ два дня раззорили почти всѣ селенія, посѣвы и хутора этого общества. Священнымъ долгомъ считаю свидѣтельствовать о неослабномъ рвеніи къ службѣ, твердости духа и храбрости, оказанныхъ всѣми частями этого отряда“ [10]).

Въ дѣйствительности, отрядъ не достигъ цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы навести страхъ на горныя общества: озлобленные разрушительными операціями отряда, лезгины удалились въ глубину горъ и въ сосѣднія общества, и ни одинъ изъ нихъ въ теченіе экспедиціи не являлся къ Бельгарду съ просьбою о помилованіи или же съ предложеніемъ покорности.

Позиція, которую занималъ полковникъ Давыдовъ у Кялало, составляла центръ горныхъ магаловъ и прикрывала лезгинскую кордонную линію отъ шинскаго ущелья до Закаталъ. Давыдовъ поэтому имѣлъ возможность отрѣзать отступленіе партій, которыя попытались бы спуститься въ долину Алазани, вправо отъ Закаталъ. Горцы это отлично понимали, и потому, какъ только колонна Давыдова очистила Кялало и, по требованію генерала Бельгарда, направилась на Тамалду, то они, подъ предводительствомъ прибскаго наиба Тамимъ-Аги, бросились на Кусуръ и черезъ хребетъ Динди-дагъ направились на плоскость, предварительно укрѣпляя удобныя позиціи завалами и оставляя на нихъ резервы, назначенные для прикрытія своего отступленія. Такъ какъ джаро-белаканскій округъ оказался въ большой опасности, и жители его стали убѣгать изъ деревень, то генералъ Бельгардъ возвратилъ колонну Давыдова въ Кялало. Тамимъ-Ага, тѣмъ не менѣе, успѣлъ захватить кое-какую добычу. Горцы пріободрились.

Спустя нѣкоторое время, большія силы лезгинъ сосредоточились въ Ирибѣ, во главѣ уже съ самимъ Даніельбекомъ. По донесеніи объ этомъ лазутчиковъ, не указавшихъ, впрочемъ, направленія, которое намѣрено принять скопище, 24-го іюля на Меседельгерѣ собрался отрядъ изъ шести ротъ пѣхоты, съ крѣпостными ружьями, роты саперъ, взвода стрѣлковъ, четырехъ горныхъ орудій и ракетной команды. Начальнику этого отряда генеральнаго штаба подполковнику Марку было приказано двинуться на усиленіе войскъ, расположенныхъ въ горномъ магалѣ белаканскаго округа, и

[10]) Рапортъ г.-м. Бельгарда 12-го іюля 1850 г. № 755.

вмѣстѣ съ тѣмъ ему дана была инструкція—зайти въ тылъ селенію Кусуръ. Выступивъ 25-го іюля, отрядъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, понесенныхъ въ пути до 29-го числа включительно, прибылъ, наконецъ, на позицію при сел. Кялало. Простоявъ въ совершенномъ бездѣйствіи до 4-го августа, подполковникъ Маркъ получилъ отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, по которымъ узналъ, что скопища Даніельбека, вовсе не думая тревожить Кусуръ, направились къ сѣверу отъ аула Арчи и были встрѣчены дагестанскимъ отрядомъ кн. Аргутинскаго. При такомъ условіи, стоять въ Кялало оказывалось безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что наступили холода. „По причинѣ страшныхъ холодныхъ вѣтровъ—писалъ генералъ Бельгардъ главнокомандующему—нижніе чины начали заболѣвать, и поэтому я вынужденъ былъ оставить кялалоскую позицію и 5-го августа двинулся къ горѣ Сапанъ-дагъ, послав часть отряда въ Лагодехи для укрѣпленія центра линіи“ [11]). Стрѣлки пришли на Сапанъ-дагъ, не имѣя ни одного больного.

Начальникъ колонны, расположенной на Сапанъ-дагѣ, подполковникъ Фрейтагъ, получивъ свѣдѣніе, что скопище горцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго отчаяннаго бѣглеца Мелькумъ-Раджаба, заняло селеніе Башъ-Мухахъ, немедленно командировалъ туда маіора Фелькнера, съ двумя ротами гренадеръ, 15-ю стрѣлками и полусотнею Грузинской Дружины. Колонна захватила горцевъ въ селеніи на разсвѣтѣ 9-го августа и, послѣ перестрѣлки, прогнала ихъ въ горы. Они оставили десять и унесли съ собою до двадцати раненыхъ. Затѣмъ колонна возвратилась на Сапанъ-дагъ, гдѣ простояла до 7-го сентября. Въ теченіе этого времени дожди и вѣтры сильно ее одолѣвали, но стрѣлки мужественно переносили всѣ капризы природы. Наконецъ, 6-го сентября выпалъ снѣгъ, и колонна была спущена на плоскость — хотя тревожные слухи о приготовленіяхъ Шамиля къ вторженію въ Кахетію не переставали доходить до генерала Чиляева, возвратившагося изъ отпуска и вступившаго въ должность. Войска прошли въ мухахское ущелье и расположились на урочищѣ Ахдамъ-Тахта. На новой стоянкѣ также не весело было стрѣлкамъ: тѣ же лишенія и невзгоды, а главное—томительное и безплодное ожиданіе нападенія горцевъ. Къ концу сентября они были передвинуты въ Лагодехи.

Вообще, Шамиль въ 1850 году обращалъ на лезгинскую линію особенное вниманіе. Онъ зналъ всѣ слабыя стороны ея и не оставлялъ намѣренія о вторженіи въ Кахетію. Наибы его наперерывъ пользовались оплошностями сторожевыхъ постовъ кордона, врывались на плоскость, грабили и уводили въ плѣнъ жителей. Эти мелкія нападенія, тревожившія линію и отражавшіяся также на стрѣлкахъ, служили лишь рекогносцировками и развѣдками для будущихъ генеральныхъ предпріятій Шамиля, неизбѣжность которыхъ то и дѣло подтверждалась свѣдѣніями изъ горъ. Въ началѣ октября Чиляевъ, дѣйствительно, узналъ, что послѣ праздника курбанъ-байрама сильное скопище приготовляется прорваться на плоскость, преимущественно между Закаталами и Белаканами. Вслѣдствіе этого онъ поспѣшилъ сдѣлать „надлежащія передвиженія“ войскъ по линіи для наилучшаго отпора горцамъ. Полувзводъ стрѣлковъ, съ двумя ротами Тифлисскаго гренадерскаго полка, былъ отправленъ 9-го октября изъ Лагодехи въ укрѣпленіе Бежань-

[11]) Рапортъ г.-м. Бельгарда 10-го августа 1850 г. № 998.

яны „для усиленія лѣваго фланга лезгинской линіи“ [12]). Но на этотъ разъ тревога оказалась ложною, и въ округѣ царила полная тишина. Однако, не смотря на это, стрѣлки были задержаны на лезгинской линіи до 10-го ноября и затѣмъ ужъ отпущены въ Гомборы, такъ какъ горцы не могли болѣе собраться въ горахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, для вторженія хотя бы даже въ Кахетію. Стрѣлки не понесли никакихъ потерь и имѣли только одного контуженаго камнемъ; всѣ они вернулись въ Гомборы цѣлыми и здравыми. Это обстоятельство, и отчасти незначительность потерь во всемъ отрядѣ, Генералъ Чиляевъ относилъ, между прочимъ, также къ распорядительности штабсъ-капитана Позняка и смѣтливости стрѣлковъ, которые дальностью и мѣткостью своего огня не разъ заставляли горцевъ покидать ихъ крѣпкія позиціи, не причинивъ намъ вреда.

Переходя къ операціямъ въ Дагестанѣ, гдѣ дѣйствовала 4-я рота стрѣлковъ, слѣдуетъ замѣтить, что Шамиль, послѣ погромовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, предпочелъ ограничиться одними лишь мелкими нападеніями и большихъ скопищъ не собиралъ. Онъ отлично понималъ, что большія сраженія очень легко могутъ погубить его могущество, да и не на что было продовольствовать большія скопища, такъ какъ самыя богатыя владѣнія имама были доведены до крайняго истощенія. Партизанская война измѣнила условія походной и боевой жизни нашихъ войскъ, и князь Аргутинскій, противъ партій непріятеля, тревожившихъ насъ по всей границѣ, держалъ лишь небольшіе отряды на разныхъ болѣе или менѣе удобныхъ пунктахъ. Въ случаѣ же слуховъ о какихъ-либо серьезныхъ преднамѣреніяхъ горцевъ, онъ передвигалъ войска по линіи сообразно съ обстоятельствами. Такимъ образомъ, боевыя столкновенія съ непріятелемъ и наши побѣды надъ нимъ уступили мѣсто всѣмъ невзгодамъ и лишеніямъ почти исключительно одной походной жизни. По словамъ офиціальныхъ донесеній, „ужасная воля Шамиля не давала горцамъ покоя, и даже глубокою зимою они, хотя съ неудовольствіемъ, собирались въ значительныя партіи и старались вредить намъ всевозможными средствами“. Насколько эти сборы тревожили наши войска, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: въ половинѣ февраля 1850 года, не смотря на сильные морозы и большіе снѣга, горцы ворвались въ Унджугатль и, послѣ небольшой перестрѣлки съ жителями, заняли его и строго наказали „измѣнниковъ ислама, друзей невѣрныхъ“. Партія, правда, была незначительная, но искра могла обратиться въ пожаръ, поэтому кн. Аргутинскій, узнавъ о нападеніи, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Дженгутай съ небольшимъ отрядомъ [13]), въ составъ котораго входила и 4-я рота стрѣлковаго баталіона. Въ Дженгутаѣ онъ присоединилъ къ себѣ три баталіона пѣхоты [14]) и двѣ сотни кайтагской милиціи, а въ Курахѣ должны были собраться другія войска [15]) и ожидать его приказаній. Но горцы, отражаемые всюду жителями и увѣдомленные о приближеніи князя Аргутинскаго,

---

[12]) Рапортъ ген. Чиляева 10-го октября 1850 г. № 1461.

[13]) Составъ: 2-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 4-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 4 орудія горной № 2-го батареи, ракетная команда.

[14]) 1-й баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, 1-й и 3-й баталіоны Самурскаго полка.

[15]) 1-й и 2-й баталіоны князя Варшавскаго полка, 4 горныхъ орудія, двѣ сотни кюринской конной милиціи, двѣ сотни кубинскихъ военныхъ нукеровъ.

отступили въ горы. Отрядъ былъ немедленно распущенъ [16]). Черезъ нѣсколько времени горцы опять потревожили кн. Аргутинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и стрѣлковъ, вторженіемъ своимъ въ казикумухское ханство. Снова противъ нихъ былъ направленъ небольшой отрядъ, который дошелъ только до даргинскаго округа и возвратился обратно, такъ какъ мюриды, получивъ достойный отпоръ отъ самихъ жителей, сочли безполезнымъ дождаться еще прибытія нашихъ войскъ. По роспускѣ войскъ на зимнія квартиры, стрѣлки были посланы въ Муселимъ-аулъ „для охраненія края отъ горцевъ, еслибы они вторглись въ казикумухское ханство“. Въ этомъ аулѣ рота провела три холодныхъ мѣсяца, терпя всякія лишенія и развлекаясь слухами и разсказами о ложныхъ и дѣйствительныхъ тревогахъ, а также о похожденіяхъ небольшихъ партій, пробиравшихся въ немирные аулы

Наконецъ, наступило время, когда можно было совершать передвиженія въ горахъ безъ большихъ затрудненій. 2-го іюня кн. Аргутинскій выступилъ съ небольшимъ отрядомъ [17]), въ составъ котораго входила рота стрѣлковъ, на кутешинскія высоты и 6-го числа перешелъ на Турчидагъ. Желая узнать, въ какомъ положеніи находился Чохъ, разгромленный въ прошломъ году, кн. Аргутинскій, съ частью войскъ, въ томъ числѣ и съ ротою стрѣлковъ, 13-го числа прибылъ къ чохскому спуску. Онъ увидѣлъ, что селеніе было вновь укрѣплено и даже болѣе неприступно—что доказывало множество подземныхъ казематовъ, съ толстыми каменными сводами въ нѣсколько слоевъ. Всѣ вновь возведенныя фортификаціонныя сооруженія приписывали египетскому инженеру, уроженцу малой Чечни, Юсуфъ-Гаджи, прибывшему изъ Константинополя въ чинѣ полковника турецкой службы. Осмотрѣнъ былъ также аулъ Салты, который оказался совершенно брошеннымъ жителями, а развалины его, столь знакомыя стрѣлкамъ, покрытыми бурьяномъ [18]).

Во время этихъ передвиженій у кн. Аргутинскаго созрѣлъ планъ новыхъ дѣйствій. „Желая лично осмотрѣть—писалъ онъ—тѣ части дусратскаго магала казикумухскаго ханства, въ коихъ мнѣ до сихъ поръ не удалось быть, и получивъ свѣдѣнія, что въ тѣхъ мѣстахъ собираются горцы, я предпринялъ движеніе въ ту часть края“. Дусратскій магалъ примыкалъ къ лезгинскимъ обществамъ; жители его не признавали власти управляющаго казикумухскимъ ханствомъ и, находясь въ зависимости отъ непокорныхъ горцевъ, нерѣдко участвовали въ набѣгахъ на самое ханство. Расположивъ часть отряда на гамашинскихъ высотахъ, князь съ остальными войсками двинулся 22-го числа въ Дусратъ къ сел. Шали, а 24-го къ сел. Арчи, бывшему тогда центромъ мусульманскаго образованія и имѣвшему въ цвѣтущемъ состояніи обширное духовное училище для всего Дагестана. При приближеніи къ аулу, отрядъ встрѣтилъ препятствіе, устраненіемъ котораго былъ обязанъ преимущественно стрѣлкамъ. Объ этомъ обстоятельствѣ кн. Аргутинскій доносилъ главнокомандующему слѣдующее: „въ томъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходятся въ Арчи и Дусрекъ, непріятель занялъ вы-

[16]) Рапортъ князя Аргутинскаго 19-го февраля 1850 г. № 17.

[17]) 4-я рота стрѣлковаго баталіона, 1-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 2-й дивизіонъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, сборная казачья сотня № 7 полка, одно орудіе № 2 батареи 20 артилерійской бригады, конныя и пѣшія ракетныя команды.

[18]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 19-го іюня 1850 г. № 49.

соты, завязалъ перестрѣлку и бросалъ камни на проходящія войска. Стрѣлки кавказскаго стрѣлковаго баталіона и крѣпостныя ружья Дагестанскаго пѣхотнаго полка заставили его удалиться“ [19]). Подробности же этого дѣла полковникъ Геннингъ передаетъ такъ:

„При движеніи отряда къ аулу встрѣтилось такое положеніе: слѣва—глубокая бурливая рѣка Арчи-чай, безъ мостовъ и бродовъ, а справа—очень значительная высота, почти отвѣсно спускающаяся къ рѣкѣ. Между подножіемъ высоты и рѣкою проходила дорога шириною саженъ до десяти. Шагахъ въ 1,200—1,500 отъ нея, на высотѣ, выдавалась длинная, параллельно дорогѣ, гряда обломковъ скалы; затѣмъ выше и ниже гряды—гладкая покатость. На грядѣ собралась партія горцевъ, человѣкъ въ 200—300. Когда же отрядъ, имѣя въ головѣ 20—30 конныхъ милиціонеровъ, сталъ проходить описанное мѣсто, то горцы начали спускать камни; но милиціонеры, вовремя замѣтивъ опасность, проскакали пространство благополучно; пѣхотѣ же нечего было и думать двигаться подъ градомъ пудовыхъ и болѣе камней. Кто бывалъ въ походахъ того времени, тотъ хорошо знаетъ печальныя послѣдствія такого града. Отрядъ долженъ былъ остановиться, и назначена была обходная колонна, чтобы сбить непріятеля. Такое обстоятельство задержало бы движеніе войскъ на цѣлый день, тогда какъ захватить Арчи нужно было немедленно. Въ виду этого, командиръ 4-й роты стрѣлковаго баталіона капитанъ Аленинъ 2-й доложилъ командующему войсками, что на то разстояніе, гдѣ находились горцы, штуцерныя пули достижимы. Князь посмотрѣлъ на него съ недовѣріемъ, но приказалъ вызвать десять стрѣлковъ и попробовать, а самъ сталъ наблюдать въ зрительную трубу. Когда стрѣлки открыли огонь, то горцы въ ту же минуту зашевелились и быстро стали уходить, а кн. Аргутинскій, обратившись къ близстоявшимъ, сказалъ съ удивленіемъ: „представьте, у нихъ есть раненые“. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ дать сигналъ движенія впередъ, а десяти стрѣлкамъ — остаться на мѣстѣ, пропустить отрядъ и присоединиться къ арріергарду. Такимъ образомъ отрядъ прошелъ подъ прикрытіемъ десяти стрѣлковъ. При приближеніи его къ аулу, защитники разбѣжались, бросивъ свои святилища на произволъ судьбы. Арчи былъ занятъ и, конечно, немедленно разметанъ и сожженъ. Кн. Аргутинскій не имѣлъ возможности перейти Дуэраратъ-чай для дальнѣйшаго движенія, вслѣдствіе чего предпринялъ обратный путь. Такимъ образомъ ему не удалось принудить горцевъ къ сборамъ, и они предоставили русскимъ хозяйничать по своему усмотрѣнію и при этомъ не обнаруживали ни малѣйшей попытки вредить имъ. На возвратномъ пути отрядъ сжегъ аулъ Шали; не были пощажены также хлѣба и посѣвы горцевъ, скрывшихся въ неприступныя трущобы съ своими семействами и имуществомъ. Совершилось даже немыслимое: отрядъ отступалъ, совершенно не преслѣдуемый непріятелемъ. „Несмѣлость непріятеля—писалъ кн. Аргутинскій—до сихъ поръ только издали слѣдившаго за отрядомъ, или нежеланіе вступить въ бой дошли до того, что онъ даже не пользовался занятіемъ такихъ мѣстъ, гдѣ бы онъ могъ оказать намъ упорное сопротивленіе, какъ напримѣръ, перевалъ черезъ Шали-дагъ—въ особенности, еслибы непріятель занялъ его при обратномъ слѣдованіи отряда“.

Въ Дагестанѣ водворилось спокойствіе; по крайней мѣрѣ въ это время

[19]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 30-го іюня 1850 г. № 83.

нигдѣ горцы не обнаруживали никакихъ серьезныхъ движеній, вслѣдствіе чего кн. Аргутинскій распустилъ отрядъ, а стрѣлковъ направилъ 30-го іюня, съ частью войскъ, на Дучрагатырь [20]). Стоянка на этомъ урочищѣ не ознаменовалась ничѣмъ особенно важнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приключеній съ небольшими нашими командами, высылавшимися для рубки дровъ или на фуражировки. Такъ, 2-го августа была отправлена команда, состоявшая изъ одного баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, двадцати человѣкъ стрѣлковаго баталіона, четырехъ крѣпостныхъ ружей и одной сотни кюринской милиціи, для рубки дровъ въ лѣсу, находившемся въ четырехъ верстахъ отъ лагеря. Вся операція была произведена благополучно и, судя по предшествовавшимъ недавно событіямъ, можно было ожидать, что отступленіе колонны также будетъ произведено безъ затрудненій, но случилось иное. Едва только она успѣла вытянуться, какъ партія человѣкъ въ сто завязала съ нею весьма сильную перестрѣлку и заставила ее остановиться. Перестрѣлка все усиливалась и угрожала перейти въ рукопашную схватку, но „выстрѣлами стрѣлковъ и крѣпостныхъ ружей горцы принуждены были удалиться“ [21]). Потери были незначительны, а стрѣлки все-таки лишились одного нижняго чина убитымъ. Затѣмъ колонна отступила спокойно, и хотя горцы не прекращали издали огня, но вреда никакого принести не могли, вслѣдствіе дальности, а стало быть, и недѣйствительности ихъ выстрѣловъ. Все негодованіе мюридовъ обрушилось на однихъ стрѣлковъ, которыхъ они провожали бранью.

Лагерная стоянка на Дучрагатырѣ отличалась многими непривлекательными сторонами, не говоря объ однообразной и скучной жизни, а постоянные дожди и грязь не давали возможности двинуться съ мѣста. Вскорѣ въ самомъ лагерѣ и даже въ палаткахъ не было возможности длить грустное прозябаніе. „Вслѣдствіе топкости грунта земли, писалъ кн. Аргутинскій, невозможно было болѣе оставаться“ на прежнемъ мѣстѣ, поэтому 3-го августа лагерь былъ перемѣщенъ на полторы версты. Непріятель, слѣдившій за отрядомъ, рѣшилъ воспользоваться этимъ короткимъ промежуткомъ времени. Когда войска были въ движеніи, онъ показался въ трехъ толпахъ, численностью до 400 всадниковъ, на высотахъ Псуча и Цуара. Повидимому, онъ намѣренъ былъ спуститься отсюда по направленію къ Кумуху. Чтобы не допустить его до этого, кн. Аргутинскій двинулъ на Псуча колонну изъ одного баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка, роты стрѣлковъ и двухъ сотенъ конной милиціи. Видя приближеніе войскъ, горцы бросились къ Согратлю. Стрѣлки, шедшіе впереди, напрасно утомляли себя бѣглымъ шагомъ, такъ какъ, при всей своей поспѣшности, не могли догнать всадниковъ; но конной милиціи, опередившей колонну, удалось настигнуть лезгинъ и захватить двоихъ въ плѣнъ. Непріятель не переставалъ тревожить и самый лагерь отряда. Такъ, 7-го августа партія хищниковъ, подъѣхавъ къ самому лагерю, бросилась на фуражировавшихъ здѣсь покорныхъ намъ жителей. На мѣсто схватки немедленно же былъ направленъ взводъ стрѣлковъ отъ роты штабсъ-капитана Аленина 2-го. „Послѣ нѣсколькихъ весьма удачныхъ выстрѣловъ“ стрѣлки заставили хищниковъ бѣжать съ уономъ [22]).

[20]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 30-го іюня 1855 г. № 83.
[21]) Рапортъ кн. Аргутинскаго 6-го августа 1850 г. № 92.
[22]) Рапортъ шт.-кап. Аленина 20-го августа 1850 г. № 17.

28-го августа часть отряда, со стрѣлками, была передвинута на кутешинскія высоты для охраненія даргинскаго округа и мехтулинскаго ханства отъ покушеній горцевъ, которые, по донесеніямъ лазутчиковъ, собирались для вторженія въ эту часть края. Покушенія эти, если только были, окончились тотчасъ же при приближеніи нашихъ войскъ. Послѣ того спокойствіе ничѣмъ не нарушалось въ теченіе двухъ слишкомъ недѣль, а 15-го сентября стрѣлки были отведены въ Муселимъ-аулъ, откуда, спустя нѣкоторое время, направлены въ Гомборы.

И такъ, событія въ прикаспійскомъ краѣ въ 1850 году не отличались ни блескомъ, ни кровопролитіемъ, ни даже размѣрами своими. Они состояли изъ тревогъ, передвиженій и преслѣдованій незначительныхъ партій, дѣйствовавшихъ, по требованію Шамиля, враждебно по отношенію къ покорнымъ намъ ауламъ, которые мы обязаны были защищать. Но эти тревоги и сопряженныя съ ними лишенія были необходимы, какъ и разгромленіе сильныхъ непріятельскихъ укрѣпленій, для еще большаго и лучшаго закала стрѣлковъ, которые, къ слову сказать, вели себя совершенно въ духѣ кн. Аргутинскаго. Съ полнымъ сознаніемъ необходимости всякихъ жертвъ, каковы бы онѣ ни были, и даже съ удовольствіемъ, устремлялись они туда, гдѣ являлась опасность, бодростью и молодцеватостью своею постоянно радуя маститаго полководца, который умѣлъ цѣнить ихъ какъ нельзя лучше и не упускалъ случая оказать имъ свое вниманіе и расположеніе, благодаря которымъ командиръ 4-й роты капитанъ Аленинъ, за военныя отличія въ 1850 году, удостоился получить орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ предположеніяхъ для военныхъ дѣйствій на 1851 годъ онъ писалъ главнокомандующему, между прочимъ, слѣдующее: „необходимо имѣть въ составѣ отряда по двѣ роты саперъ и стрѣлковъ. Польза тѣхъ и другихъ несомнѣнна, въ особенности при столь отличномъ состояніи, въ какомъ находятся кавказскіе саперный и стрѣлковый баталіоны“ [23]). Къ этому документу придется еще возвращаться, когда нужно будетъ доказать, что не одно лишь хорошее вооруженіе дѣлало кавказскій стрѣлковый баталіонъ необходимымъ для всякаго отряда (такъ какъ въ это время небольшія команды въ пѣхотныхъ полкахъ были также вооружены штуцерами), а тотъ внутренній духъ, который выработался подъ вліяніемъ особыхъ условій и при исключительной обстановкѣ баталіона со дня его сформированія.

Въ заключеніе необходимо сказать и о дѣятельности 1-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Выступивъ изъ Гомборъ 16-го марта, она прибыла въ сел. Лучекъ, принимала участіе во всевозможныхъ родахъ охранительной службы и въ фуражировкахъ, но потерь не несла, за исключеніемъ одного убитаго стрѣлка на фуражировкѣ 22-го августа. При проѣздѣ черезъ Лучекъ князя Воронцова, капитанъ Геннингъ представилъ ему свою роту. Главнокомандующій остался въ высшей степени доволенъ образцовымъ ея состояніемъ и объявилъ въ приказѣ по корпусу благодарность командиру баталіона маіору Прежевскому и капитану Геннингу. Затѣмъ, рота, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ частей, сопутствовала князю Воронцову въ продолженіе восьмидневнаго его похода при рекогносцировкѣ ущелья Самура. Восхваляя въ приказѣ сопровождавшія его войска за „одушевляющій ихъ от-

[23]) Рапортъ 11-го сентября 1850 г. № 168.

личный духъ", онъ вновь объявилъ „искреннюю признательность", наряду съ начальниками частей, также и капитану Геннингу [24]).

Застрѣльщичьи команды, о которыхъ выше упомянуто вскользь, были сформированы въ 1850 году при каждомъ баталіонѣ, въ числѣ 24 человѣкъ, и вооружены литтихскими штуцерами. Но прежде чѣмъ составить эти команды, предписано было „назначить отъ каждаго полка и линейнаго баталіона по одному офицеру и по четыре лучшихъ застрѣльщика и учредить изъ нихъ *учебныя* команды". Послѣднія было предположено составить главнымъ образомъ въ военно-административныхъ центрахъ, и только части кавказской резервной гренадерской бригады и всѣ семь грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ, вмѣсто сформированія учебныхъ командъ, должны были послать избранныхъ чиновъ своихъ для обученія стрѣлковому дѣлу прямо въ штабъ-квартиру кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Для обученія же всѣхъ остальныхъ учебныхъ командъ предписано было отправить въ каждую изъ нихъ „изъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона по одному унтеръ-офицеру и одному старшему стрѣлку или по два старшихъ стрѣлка, изъ способнѣйшихъ обучать стрѣльбѣ въ цѣль и обращаться съ штуцерами; въ Темиръ-Ханъ-Шуру же и Кусары командировать учителей изъ роты стрѣлковаго баталіона, въ Дагестанѣ находящейся, по усмотрѣнію командующаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ". На каждаго человѣка, поступившаго въ учебную команду, предписано было отпускать по 200 боевыхъ патроновъ. „Людей учебныхъ командъ, по надлежащемъ испытаніи дивизіонными начальниками и бригадными командирами, распустить по своимъ мѣстамъ, для передачи преподанныхъ имъ правилъ въ полкахъ и баталіонахъ застрѣльщикамъ" [25]). Всѣ эти распоряженія примѣнялись въ теченіе 1851 и 1852 годовъ съ рѣдкимъ успѣхомъ, и послѣ этого нѣтъ надобности долго распространяться объ историческомъ значеніи кавказскаго стрѣлковаго баталіона для войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Послѣ постройки укрѣпленія на р. Урусъ-Мартанѣ, т. е. съ конца 1848 и до конца 1850 годовъ, стрѣлки ни разу не заглядывали въ Чечню. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ особенной надобности въ нихъ на этомъ театрѣ и не предстояло, такъ какъ главная наша борьба съ горцами происходила въ Дагестанѣ, вслѣдствіе чего Чечня была относительно спокойна. Пользуясь этимъ затишьемъ, начальникъ чеченскаго отряда генералъ Нестеровъ принялся за устройство прямаго сообщенія между кр. Грозною и кумыкскою плоскостью, которое было почти вдвое короче прежняго [26]). Для того же, чтобы его обезпечить, онъ построилъ на Сунжѣ, у самаго лучшаго брода, укрѣпленіе Тепли-Кичу, между Грозною и Умаханъ-юртомъ. Къ 1850 году малая Чечня была почти оторвана отъ Шамиля, и жители ея, благодаря, между прочимъ, успѣшнымъ набѣгамъ начальника сунженской линіи полковника Слѣпцова, толпами выселялись изъ своихъ трущобъ подъ покровительство нашихъ штыковъ.

---

[24]) Приказъ по корпусу 13-го іюня 1850 г. № 110.

[25]) Приказаніе по войскамъ корпуса 28-го ноября 1850 г. № 110.

[26]) Прежняя дорога лежала черезъ мостъ на р. Терекѣ въ ст. Николаевской и черезъ ст. Червленную въ Щедринскую, гдѣ была вторая переправа черезъ Терекъ; затѣмъ она спускалась по лѣвому берегу Сунжи до Умаханъ-юрта, гдѣ вновь была переправа черезъ рѣку.

Благіе результаты системы нашихъ дѣйствій въ малой Чечнѣ, отъ которой мы уклонились въ Дагестанѣ въ 1847—1849 годахъ, вполнѣ доказали преимущество лопаты и топора передъ штыкомъ. Та же система должна была лечь въ основаніе завоеванія и большой Чечни, которая могла пасть только при посредствѣ просѣкъ и хорошихъ сообщеній. При этомъ, конечно, нельзя было сразу и всецѣло отказаться и отъ набѣговъ, но къ нимъ рѣшено было прибѣгать только для предупрежденія сборищъ непріятеля и въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія. Дѣятельность нашу въ большой Чечнѣ мы должны были развить на самой плодородной равнинѣ между рѣками Аргуномъ и Хулхулау, гдѣ находились богатые и многолюдные аулы: Шали, Автуры, Гельдыгенъ, Герменчукъ и др. Нужно было разрѣзать эту равнину по возможности большимъ числомъ широкихъ просѣкъ и связать ея аулы хорошими сообщеніями съ базисомъ нашихъ дѣйствій. Для этого еще въ зимнюю экспедицію 1849—1850 годовъ начата была рубка просѣки отъ кр. Воздвиженской по направленію къ аулу Шали. Имаму не трудно было предвидѣть бѣду, которую мы ему готовили, и онъ поспѣшилъ поставить намъ преграду, занявъ выходъ съ просѣки знаменитымъ шалинскимъ окопомъ. Въ теченіе 1850 года наши войска два раза штурмовали и разворяли этотъ окопъ, но Шамиль, при помощи тавлинцевъ, возобновлялъ его съ замѣчательною неутомимостью, а къ началу 1851 года далъ ему грандіозные размѣры.

Задача зимней экспедиціи 1851—52 годовъ въ большой Чечнѣ представляла собою продолженіе нашихъ дѣйствій въ предыдущій годъ и должна была выразиться въ окончательномъ занятіи шалинской поляны и въ истребленіи враждебныхъ намъ элементовъ на пространствѣ между рр. Аргуномъ и Хулхулау. Для этого рѣшено было провести новую просѣку изъ Воздвиженской вправо отъ сдѣланной въ 1850 году, такъ какъ это направленіе, отрѣзывая всю плоскостную Чечню отъ нагорной, приблизило бы насъ къ резиденціи Шамиля—Ведено. Этимъ путемъ можно было бы обойти шалинскій окопъ и заставить чеченцевъ бросить его безъ боя. Дальнѣйшая затѣмъ работа состояла въ продолженіи просѣки съ одной стороны къ Герменчуку, а съ другой въ Автуры, причемъ имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, „очистить со всѣхъ сторонъ входъ на шалинскую поляну“. Исполнивъ все это, мы становились „въ будущемъ году полными хозяевами на шалинской полянѣ—этой главной житницѣ большой Чечни и части нагорнаго Дагестана“. Для выполненія означенныхъ предпріятій было назначено 10 баталіоновъ пѣхоты, рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, рота саперъ, два дивизіона драгунскаго принца Виртембергскаго полка, 5½ сотенъ казаковъ, 20 орудій и ракетная команда [29]). Сборный пунктъ этимъ войскамъ былъ указанъ въ кр. Воздвиженской, гдѣ сосредоточивались и продовольственные запасы. Что касается стрѣлковъ, то еще въ началѣ августа 1850 года начальникъ штаба генералъ Коцебу дѣятельно хлопоталъ о назначеніи ихъ въ чеченскій отрядъ въ составѣ одной комплектной роты. „Нужно испросить—писалъ онъ генералу Вольфу 13-го августа 1850 года—приказанія главнокомандующаго возвратить теперь же изъ Дагестана одну роту кавказскаго стрѣлковаго баталіона, ибо въ настоящее время тамъ находятся двѣ роты, а военныя дѣйствія кончены, а пока рота выступитъ,

[29]) „Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ“, полковника Казбека, стр. 260.

наступитъ и поздняя осень". Но стрѣлковыхъ ротъ, находившихся въ Дагестанѣ, не потревожили, а, по возвращеніи ихъ въ Гомборы, выслана была въ Чечню вторая рота, подъ командою штабсъ-капитана Стефанека, съ младшими офицерами поручиками Врисбергомъ и Новицкимъ (Петръ) и подпоручикомъ Венюковымъ, въ составѣ 12 унтеръ-офицеровъ, трехъ горнистовъ и 120 рядовыхъ. 18-го ноября рота была уже во Владикавказѣ.

По случаю пріѣзда на Кавказъ Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича зимняя экспедиція должна была начаться нѣсколько позже, чѣмъ предполагалось, а именно: 2-го января 1851 года, и кончиться 1-го марта. Къ 2-му января чеченскій отрядъ собрался въ лагерѣ на правомъ берегу Аргуна. По произведенной 5-го января рекогносцировкѣ, шалинскій окопъ оказался усиленнымъ редутами, вооруженнымъ артилеріею и занятымъ многочисленными скопищами. Тавлинцы, съ Хаджи-Муратомъ во главѣ, стояли въ тылу окопа на р. Шавдонѣ; Шамиль также прибылъ въ Чечню и вскорѣ ожидалъ и Даніельбека съ толпами. По болѣзни генералъ-лейтенанта Нестерова, начальствованіе чеченскимъ отрядомъ было поручено генералъ-маіору Козловскому. 6-го января былъ назначенъ штурмъ окопа, но не былъ приведенъ въ исполненіе по случаю праздника Кабардинскаго полка. Это замедленіе послужило для насъ случайностью весьма счастливою, такъ какъ Козловскій неожиданно узналъ въ день праздника отъ лазутчиковъ, что окопъ можно обойти съ праваго фланга. Благодаря этому сообщенію, намъ не пришлось прибѣгать къ штурму. На слѣдующій день Козловскій двинулся съ колонною, въ которую входилъ и взводъ стрѣлковъ, къ разоренному аулу Бегень, взявъ направленіе къ сѣверу отъ старой просѣки. Въ трехъ верстахъ отъ лагеря, войска вошли въ рѣдкій лѣсъ; пѣхота занялась рубкою просѣки и къ вечеру успѣла проложить ее на сто сажень ширины и около версты въ длину. Работа производилась безпрепятственно; небольшая перестрѣлка, затѣянная горцами, скоро окончилась, такъ какъ штуцера быстро произвели на нихъ свое дѣйствіе. Чеченцы догадались, что взлелѣянный ими окопъ будетъ обойденъ и, находя удержаніе его ненужнымъ, бросили его и расположились на полянѣ за рѣчкою Шавдономъ, выбравъ здѣсь удобную позицію и ожидая случая вредить нашимъ работамъ. На слѣдующій день, 8-го января, за часъ до разсвѣта, отрядъ, въ которомъ теперь находилась вся рота стрѣлковъ, двинулся по проложенной наканунѣ просѣкѣ и передъ разсвѣтомъ вышелъ на поляну. Горцы хотя предвидѣли эту развязку, но до того растерялись, что не оказали намъ рѣшительно никакого сопротивленія. Войска вошли съ тыла въ шалинскій окопъ и заняли его безъ выстрѣла. Не долго однако продолжалось оцѣпѣненіе непріятеля: онъ опомнился и, быстро разсыпавшись по лѣсу, открылъ огонь. Такъ какъ при этомъ условіи онъ не особенно много терпѣлъ даже отъ нашихъ штуцеровъ, то посланы были въ лѣсъ три баталіона со стрѣлками, которые быстро выбили его оттуда и заставили бѣжать; драгуны довершили пораженіе. Потеря чеченцевъ была велика не числомъ убитыхъ, а знатностью павшихъ сподвижниковъ имама: ауховскаго наиба Гойтемира и извѣстнаго наѣздника Давлетъ-Мурзы. Шамиль, стоя на р. Бассѣ съ своею артилеріею, оставался нѣмымъ зрителемъ этого крайне печальнаго для него событія. Войска наши приступили къ разрушенію окопа; но его окончательно срыть въ этотъ день не удалось, вслѣдствіе промерзлаго грунта и недостатка

инструментовъ. Успѣли только сдѣлать въ немъ пять удобныхъ проѣздовъ. Послѣ этого отрядъ вернулся въ лагерь безъ преслѣдованія. При обратномъ движеніи рота стрѣлковъ была въ арріергардѣ.

Рубка просѣки продолжалась въ слѣдующіе затѣмъ дни безостановочно. Во все это время начальникъ отряда почти ежедневно высылалъ колонну обыкновенно изъ 4—5 баталіоновъ пѣхоты, назначая въ нее соотвѣтственныя части артилеріи и кавалеріи; каждый разъ въ составъ колонны входилъ непремѣнно взводъ стрѣлковъ, а иногда и цѣлая рота. Первое время главнымъ образомъ было посвящено окончательному разрушенію шалинскаго окопа и рубкѣ лѣса вокругъ шалинской поляны; затѣмъ войска съ особеннымъ усердіемъ трудились надъ просѣками съ одной стороны къ Герменчуку и Автуры, а съ другой—къ мезонинской полянѣ на Бассѣ. Нѣтъ нужды описывать ежедневныя происшествія этого періода времени, такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе однообразны, а роль стрѣлковъ состояла въ слѣдующемъ: при движеніи впередъ колонны они шли въ авангардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ; по прибытіи на мѣсто рубки, пѣхота принималась за топоры, а стрѣлки, оцѣпивъ рабочихъ и держа наготовѣ штуцера, выслѣживали непріятеля. Но онъ рѣдко тревожилъ войска во время работы и открывалъ свои нападенія при отступленіи. Какъ только колонна вытягивалась, онъ не упускалъ случая бросаться на арріергардъ. Стрѣлки, часто не имѣя времени заряжать штуцера, отбивали его штыками и, конечно, не обходилось безъ потерь. Съ 14-го по 21-е января они лишились трехъ нижнихъ чиновъ ранеными, а съ 21-го по 28-е одного убитаго и двухъ раненыхъ [30]).

Между тѣмъ, успѣхъ работъ былъ изумительный, не смотря на отчаянныя усилія Шамиля помѣшать имъ нападеніями, устройствомъ заваловъ или же попыткою возвратить себѣ шалинскій окопъ. Къ концу января послѣдній былъ окончательно срытъ, и всѣ просѣки вокругъ него окончены. Въ февралѣ началась рубка просѣкъ къ Чечень-аулу, къ Атагѣ и мезонинскимъ хуторамъ на Бассѣ. 5-го февраля была выслана колонна, подъ начальствомъ полковника Майделя, для рубки лѣса съ сѣверной стороны шалинской просѣки. Колонна состояла изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, взвода стрѣлковъ, команды саперъ, кавалеріи и 6 орудій. Выступивъ въ 6 часовъ утра изъ лагеря, она направилась къ мѣсту работы и, разставивъ цѣпи, принялась рубить лѣсъ. Горцы, не любившіе рано просыпаться, все таки къ 7-ми часамъ успѣли собраться. Густыя толпы ихъ показались въ трехъ верстахъ отъ лагеря, пробираясь на атагинскую дорогу. Немедленно направлена была къ нимъ наша кавалерія. Лихо понеслась она на непріятеля, который успѣлъ, впрочемъ, уклониться отъ удара, бросился въ лѣсъ, скрылся за завалами, устроенными на атагинской дорогѣ, и встрѣтилъ кавалерію огнемъ. Но конная артилерія и ракеты успѣли нѣсколькими удачными выстрѣлами выбить его изъ завала и заставили разсѣяться по лѣсу. Эти непріятельскія толпы, какъ оказалось впослѣдствіи, составляли партіи Хаджи-Мурата и наиба Талгика; онѣ пришли ночью на Аргунь, съ намѣреніемъ напасть утромъ на нашъ водопой, но убѣдились, что мы не такъ ужъ безпечны. Водопой оказался „достаточно обезпеченнымъ принятыми мѣрами предосторожности“. Горцы возвратились, но уже не съ тѣмъ, чтобы обрадовать Шамиля сюрпризомъ, а огорчить его потерями отъ нашихъ гра-

[30]) Донесенія начальника отряда 23-го и 30-го января 1851-года №№ 83 и 154.

натъ и ракетъ. Работы наши начались своимъ чередомъ, но чеченцы далеко не думали оставить нашихъ рабочихъ въ покоѣ. Утренняя неудача не сократила однако ихъ предпріимчивости. Получивъ новыя подкрѣпленія, непріятель немедленно же повторилъ свои попытки. Было около десяти часовъ утра, когда конныя толпы его заняли южную, а пѣшія сѣверную стороны просѣки. Подъ прикрытіемъ этихъ партій Шамиль быстро устроилъ батареи и въ одиннадцать часовъ открылъ огонь изъ четырехъ орудій. Въ это же время завязалась въ лѣсу сильная ружейная перестрѣлка, которую у насъ приняли—авангардъ, лѣвое прикрытіе и преимущественно стрѣлки. Завалы и всѣ закрытія, которыми искусно пользовался непріятель, не могли укрыть его отъ мѣткости нашихъ штуцеровъ, но все же онъ не покидалъ позиціи. Наконецъ, послѣ значительнаго промежутка времени, ему оказалось невозможнымъ выдерживать состязаніе съ стрѣлками. Въ донесеніи генералъ-лейтенанта Нестерова объ этомъ дѣлѣ говорится: „удачное дѣйствіе нашей артилеріи, движеніе кавалеріи и цѣльные выстрѣлы взвода стрѣлковъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона заставили непріятеля прекратить пальбу и удалиться“. Потеря наша состояла въ этотъ день въ трехъ убитыхъ и семи раненыхъ нижнихъ чинахъ. Въ числѣ весьма немногихъ офицеровъ, особенно отличившихся, упоминается въ донесеніи и о штабсъ-капитанѣ Стефанекѣ [31]).

Къ 7-му февраля лѣсъ былъ окончательно вырубленъ до дороги, идущей изъ Чечень-аула въ Шали, которая была теперь совершенно открыта, и непріятель не могъ проходить по ней и двигать свою артилерію. Отсюда рубка была продолжена къ атагинской дорогѣ. Шамиль собралъ здѣсь большія скопища и рѣшилъ защищаться самымъ упорнымъ образомъ. Воины его работали день и ночь, и вскорѣ выросло множество заваловъ и батарей.

8-го числа выслана была изъ лагеря колонна, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Барятинскаго, для вырубки лѣса съ южной стороны просѣки. Она состояла изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, взвода кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команды саперъ, всей кавалеріи отряда, 12-ти орудій и ракетной команды. Во время работы часть колонны двинулась впередъ и заняла позицію на р. Шавдонѣ. Еще не успѣла наша кавалерія расположиться на указанныхъ мѣстахъ, какъ за Шавдономъ показался непріятель, который вслѣдъ затѣмъ открылъ огонь изъ четырехъ своихъ орудій. Наша кавалерія понеслась въ атаку—и орудія исчезли, послѣ чего рубка лѣса продолжалась совершенно безпрепятственно. Однако партіи чеченцевъ, разсыпавшись по лѣсу, далеко не думали расходиться. Едва только работы прекратились, и колонна начала возвращаться въ лагерь, какъ загремѣла перестрѣлка. Стрѣлки шли частью въ арріергардѣ, частью въ боковой цѣпи. На нихъ-то главнымъ образомъ обрушились горцы; но всѣ усилія ихъ прорвать цѣпь и всѣ натиски на арріергардъ не имѣли для нихъ ни малѣйшаго успѣха. Въ этомъ бою участвовали всѣ четыре стрѣлковыхъ офицера, которые дрались рука объ руку съ солдатами. Барятинскій доносилъ: „не смотря на присутствіе Даніельбека, Хаджи-Мурата и другихъ наибовъ, лично ободрявшихъ чеченцевъ и тавлинцевъ, они ничего не могли сдѣлать противъ храбрости и стойкости нашихъ войскъ“. Эти-то качества и воодушевляли будущаго покорителя восточнаго Кавказа

[31]) **Рапортъ генералъ-лейтенанта Нестерова 13-го февраля 1851 г. № 227.**

и фельдмаршала, питая въ немъ врожденную страсть къ блестящимъ подвигамъ; и было чѣмъ воодушевляться: самые отважные и повидимому безумно-смѣлые планы его приводились въ исполненіе этими войсками. Но особеннымъ вниманіемъ князя всегда пользовались стрѣлки, такъ какъ они наиболѣе способствовали выполненію его плановъ. И въ молодецкомъ дѣлѣ 8-го февраля кн. Барятинскій, въ числѣ весьма немногихъ офицеровъ, особенно обратившихъ на себя его вниманіе своими подвигами, упомянулъ также и о штабсъ-капитанѣ Стефанекѣ [32]). Потери колонны были ничтожны, если принять во вниманіе достигнутые результаты дня: ранено 12 нижнихъ чиновъ, контужены 3 оберъ-офицера и 23 нижнихъ чина. Потери же стрѣлковъ сравнительно были велики: съ 4-го по 11-е февраля они имѣли восемь человѣкъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Однако, этотъ кровавый урокъ, данный соединеннымъ силамъ чеченцевъ и дагестанцевъ, не совсѣмъ отбилъ у нихъ охоту тревожить наши колонны: они каждый разъ бросались на нихъ, хотя уже не съ прежнею дерзостью. Шамиль же не останавливался ни передъ чѣмъ и не падалъ духомъ: съ отеческою заботливостью и съ юношескимъ пыломъ онъ формировалъ постоянно новыя партіи и, благословляя ихъ, отправлялъ на убой. Несчастные горцы, не имѣя ровно никакого успѣха, почти всегда дѣлались жертвою нашего артилерійскаго и штуцернаго огня, а чаще всего попадали подъ шашки казаковъ и въ особенности драгунъ.

Конечно, работы наши не могли быть задержаны этими партіями и продолжались безостановочно до конца февраля. Стрѣлки, безъ которыхъ на рубку лѣса не высылалась ни одна колонна, всегда съ честью выполняли свое назначеніе, хотя въ военныхъ журналахъ того времени и нѣтъ исключительныхъ указаній на ихъ дѣятельность съ 8-го февраля до конца экспедиціи. Къ концу февраля колонны наши могли безъ выстрѣла пройти до Герменчука. Такимъ образомъ, большой Чечнѣ былъ нанесенъ первый сильный и рѣшительный ударъ. Резиденція Шамиля находилась въ большой опасности, и онъ со дня на день могъ ожидать у себя крайне нежеланныхъ гостей. Экспедиція была окончена 1-го марта; всѣ предположенія приведены въ точное исполненіе, и чеченскій отрядъ былъ распущенъ. Генералъ-лейтенантъ Нестеровъ заключилъ описаніе зимнихъ военныхъ дѣйствій 1850—1851 годовъ слѣдующими словами: „военныя дѣйствія чеченскаго отряда продолжались два мѣсяца, въ которыхъ войска наши, кромѣ непомѣрныхъ трудовъ, ознаменовали и покрыли себя новыми подвигами безпримѣрнаго мужества и самоотверженія въ тѣхъ почти ежедневныхъ бояхъ, которые они имѣли съ многочисленнымъ непріятелемъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе 10-ти тысячъ чеченцевъ и тавлинцевъ, собранныхъ Шамилемъ на шалинской полянѣ, и ежедневную канонаду изъ 4-хъ орудій, войска наши съ честью исполнили предначертанія главнокомандующаго“ [33]).

Насколько зимняя экспедиція 1850—1851 годовъ была важна по своимъ послѣдствіямъ, видно изъ слѣдующаго Всемилостивѣйшаго рескрипта на имя князя Воронцова:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣстился Я о блистательномъ окон-

---

[32]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Нестерова 13-го февраля 1851 года № 227.

[33]) Рапортъ генерала Нестерова 6-го марта 1851 года № 362.

чаніи зимняго похода въ большой Чечнѣ. Отрядъ, ввѣренный генералъ-маіору Козловскому, вполнѣ исполнилъ свое назначеніе—открыть намъ свободный во всякое время доступъ въ этотъ край, и войска, сокрушивъ на всѣхъ пунктахъ усиленныя сопротивленія непріятеля, проложили широкія черезъ лѣса просѣки къ плодородной шалинской полянѣ. Такимъ образомъ, совершенъ новый важный шагъ къ постепенному стѣсненію непокорныхъ горцевъ. Относя сей успѣхъ къ искусству и твердости, съ коими, минуя всѣ препятствія, вы постоянно направляете дѣйствія доблестныхъ войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса къ достиженію этой цѣли, Мнѣ пріятно изъявить вамъ Мою искреннюю признательность".

Стрѣлки, принимавшіе въ экспедиціи весьма дѣятельное и видное участіе, также были щедро взысканы милостью Монарха: штабсъ-капитанъ Стефанекъ, поручикъ Врисбергъ, подпоручикъ Венюковъ повышены слѣдующими чинами, а поручикъ Новицкій (Петръ) награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость". Въ реляціи объ этихъ офицерахъ сказано, между прочимъ, что они „участвовали съ стрѣлками во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только представлялась возможность вредить непріятелю. Будучи сами отличными стрѣлками, офицеры эти поражали непріятеля наравнѣ съ нижними чинами, конхъ дѣйствіями они распоряжались, превосходно пользуясь мѣстностью и предметами естественной защиты. Въ перестрѣлкахъ 8-го, 16-го, 23-го января и 8-го февраля они, расположивъ взводы стрѣлковъ весьма выгодно, сильно вредили непріятелю прицѣльными выстрѣлами". Нижніе чины получили два креста [34]) и по два рубля серебромъ на человѣка. Рота стрѣлковъ, по роспускѣ отряда, была, „согласно распоряженію главнокомандующаго", направлена въ станицу Наурскую, откуда одинъ взводъ ея, подъ командою поручика Новицкаго (Петра), былъ посланъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ кавказской линіи. Это было первое появленіе стрѣлковъ на новомъ военномъ театрѣ, съ которымъ читатель ознакомится изъ слѣдующей главы.

IX.

1851 г. Правый флангъ. Закубанскіе горцы. Взводъ 2-й роты стрѣлковъ въ бѣлорѣчинскомъ отрядѣ. Участіе стрѣлковъ при постройкѣ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія. Стрѣлки въ дагестанскомъ отрядѣ. Отличіе 1-й роты и взвода второй въ дѣлахъ 21-го и 22-го іюня. Молодецкое дѣло стрѣлковъ 13-го іюля на гамашинскихъ высотахъ. Участіе стрѣлковъ въ погонѣ за Хаджи-Муратомъ и въ разгромленіи его скопища въ Табасарани. Старанія князя Аргутинскаго продержать у себя стрѣлковъ. Смотръ главнокомандующаго въ Гомборахъ и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Взводъ 2-й роты въ лезгинскомъ отрядѣ. Отличіе стрѣлковъ въ рекогносцировкѣ 30 іюля. Учрежденіе при баталіонѣ четверть-инвалидной роты.

Начало 1851 года ознаменовалось для стрѣлковъ, между прочимъ, первымъ походомъ ихъ на неизвѣстный имъ еще правый флангъ кавказской линіи [1]).

[34]) Рядовые: Власъ Василенко (№ 87819) и Трифонъ Жевлаковъ (№ 87820). (Дѣло особ. отд. арх. шт. кавк. воен. окр. 1851 года).

[1]) Хотя послѣ зимней чеченской экспедиціи 1850—1851 годовъ, былъ направленъ изъ Чечни на правый флангъ всего одинъ стрѣлковый взводъ, который оставался тамъ

Подъ именемъ праваго фланга разумѣлось пространство отъ верховьевъ р. Кубани до границы Черноморіи. Кубань составляла сѣверную и восточную, а главный хребетъ—южную его границы. Гористое на югѣ и слегка лишь покатое къ Кубани, оно изрѣзано множествомъ рѣкъ, текущихъ съ главнаго хребта и впадающихъ въ Кубань съ лѣвой стороны. Важнѣйшія изъ нихъ: Урупъ, Лаба, Бѣлая, Пшишъ, Псекупсъ и др. орошаютъ плодороднѣйшія равнины между лѣвымъ берегомъ Кубани и сѣверными склонами главнаго хребта, но и создаютъ своими разливами источники изнурительной лихорадки. Не смотря на послѣднее обстоятельство, берега всѣхъ рѣкъ были густо усѣяны аулами богатаго земледѣльческаго населенія. Послѣднее хотя и было извѣстно подъ общимъ названіемъ черкесовъ, но состояло изъ нѣсколькихъ народностей, изъ которыхъ значительнѣйшими были: шапсуги, бжедухи, абадзехи. Первые и вторые жили преимущественно на сѣверной равнинной полосѣ, абадзехи же населяли гористыя верховья притоковъ Кубани и вообще сѣверный склонъ кавказскаго хребта. Къ западу отъ нихъ обитали натухайцы, а къ югу—убыхи. Черкесы—народъ кавказскаго происхожденія съ феодальнымъ общественнымъ устройствомъ. До принятія магометанства князья ихъ охотно вступали въ дружбу и въ союзъ съ русскими великими князями и царями противъ крымцевъ, калмыковъ и др. Но туркамъ удалось обратить ихъ къ исламу, и тогда прежняя дружба ихъ съ русскими уступила мѣсто фанатической ненависти къ нимъ. Сословія, правда, стали съ этого времени уравниваться, но владѣльческій классъ никогда не переставалъ пользоваться большимъ значеніемъ въ народѣ.

Воинскія качества ихъ были почти тѣ же, что и у чеченцевъ; но они были гораздо менѣе кровожадны и болѣе нравственны и уже совсѣмъ не доступны для средствъ, направленныхъ къ общественному ихъ разъединенію. Стремленіе наше водворить между ними благіе порядки встрѣтило сильный отпоръ. Какъ фанатики религіи и, еще болѣе,—свободы, черкесы дружно поднялись противъ насъ, какъ противъ гяуровъ и будущихъ господъ. Началась продолжительная борьба, имѣвшая лишь тотъ результатъ, что къ концу 1850 года мы заняли казачьими станицами и укрѣпленіями правый берегъ Лабы. Ко времени прихода сюда стрѣлковъ, это была наша крайняя оборонительная линія; вся живая сила ея заключалась въ двухъ казачьихъ полкахъ. Прежде съ Кубани, потомъ съ Лабы, мы производили набѣги для „наказанія“ черкесовъ за ихъ хищническія продѣлки на нашихъ линіяхъ, но ущербъ, который мы имъ наносили этими набѣгами, отражался на насъ сильнѣе, чѣмъ на нихъ, такъ какъ мы истощали свои силы, не добившись ничего серьезнаго. Мы жгли посѣвы и дома. Но это не могло быть чувствительно въ странѣ плодородной, обильной лѣсомъ и водою; этимъ мы еще болѣе разжигали ненависть къ намъ богатаго и воинственнаго народа, увеличивая отдѣлявшую насъ пропасть. Затрудненія наши увеличились особенно послѣ того, когда между закубанскими горцами по-

---

весьма короткое время, не участвовалъ притомъ ни въ какихъ большихъ передвиженіяхъ или крупныхъ дѣлахъ, если не считать его содѣйствія постройкѣ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія, тѣмъ не менѣе пришлось распространиться о топографіи и этнографіи новаго для стрѣлковъ театра, принявъ во вниманіе, что кавказскій стрѣлковый баталіонъ перенесъ сюда всю свою дѣятельность въ началѣ 1860 года и оставался здѣсь до конца 1863 года.

явился посланный Шамилемъ наибъ Магометъ-Аминъ—личность въ высшей степени замѣчательная по дарованіямъ и желѣзной волѣ. Онъ пріобрѣлъ такое вліяніе между черкесами, что могъ распоряжаться ихъ жизнью и имуществомъ гораздо шире, чѣмъ Шамиль въ Дагестанѣ. Чтобы вѣрнѣе остановить его успѣхи, было признано необходимымъ принять здѣсь, какъ и въ Чечнѣ, систему движенія впередъ укрѣпленными оборонительными линіями. Поэтому рѣшено было лѣтомъ 1851 года передвинуть войска съ Лабы, нашего кордона, на р. Бѣлую, поставить на ней укрѣпленіе; а затѣмъ, распространиться станицами и постами по правому ея берегу и такимъ образомъ отхватить и оставить у себя въ тылу всю плодородную полосу земли между р.р. Бѣлою и Лабою.

Для выполненія этого предпріятія къ 20-му апрѣля на правомъ берегу р. Лабы, у станицы Тенгинской, было собрано до десяти баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ взвода стрѣлковъ подъ командою поручика Новицкаго (Петра), четырнадцати сотенъ кавалеріи, двухъ сотенъ милиціи и четырнадцати орудій [2]). Отрядъ получилъ названіе „бѣлорѣчинскаго“ и поступилъ подъ начальство командующаго войсками на кавказской линіи генералъ-лейтенанта Заводовскаго. 24-го апрѣля войска перешли по вновь устроенному у станицы Тенгинской мосту черезъ рѣку Лабу, расположились на лѣвомъ ея берегу лагеремъ и немедленно приступили къ постройкѣ мостовъ по дорогѣ къ рѣкѣ Бѣлой. 29-го апрѣля они передвинулись къ рѣкѣ Бѣлой. При этомъ произошла перестрѣлка, въ которой принимали участіе и стрѣлки; непріятель оставилъ на мѣстѣ десять тѣлъ. Отрядъ расположился лагеремъ на правомъ берегу рѣки Бѣлой, у бывшаго аула Добраки. Горцы встревожились и поспѣшили занять лѣвый берегъ рѣки противъ нашего отряда.

30-го апрѣля небольшая партія, засѣвъ въ лѣсу на лѣвомъ берегу Бѣлой, открыла огонь по цѣпи, расположенной на островѣ невдали отъ праваго берега. Нѣсколько гранатъ, ракетъ и штуцерныхъ пуль заставили ее удалиться. 1-го мая была произведена разбивка укрѣпленія, и продолжалось устройство лагеря. Партія въ 300 человѣкъ вздумала атаковать нашъ пикетъ, но была обращена въ бѣгство артилерійскимъ огнемъ, при содѣйствіи штуцеровъ, которые затѣмъ держали ее въ отдаленіи. Черезъ день она повторила свою попытку, но, лишившись пяти человѣкъ—чѣмъ обязана была стрѣлкамъ—убѣдилась въ дѣйствительности нашихъ выстрѣловъ и не осмѣлилась болѣе приближаться къ берегу рѣки [3]).

Въ началѣ мая Магометъ-Аминъ былъ въ верховьяхъ Лабы. Узнавъ о появленіи русскаго отряда, онъ немедленно прибылъ на рѣку Бѣлую и разослалъ своихъ муртазековъ къ убыхамъ, шапсугамъ и другимъ племенамъ съ приказаніемъ собираться. Не прошло двухъ-трехъ дней, какъ на

[2]) Пять ротъ Тенгинскаго пѣхотнаго, два баталіона Ставропольскаго, пять баталіоновъ Кубанскаго егерскихъ полковъ, двѣ роты кавказскаго линейнаго № 2 баталіона, двѣ роты пѣшаго баталіона кавказскаго линейнаго казачьяго войска, рота 3-го кавказскаго сапернаго баталіона, взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, по шести сотенъ отъ 1-й и 3-й бригадъ линейнаго казачьяго войска, двѣ сотни донскаго казачьяго № 15 полка, 201 человѣкъ милиціи, батарейной № 3 батареи 4 орудія, легкой № 3 батареи 21 артилерійской бригады 6 орудій, конно-казачьей № 13 батареи кавказскаго линейнаго казачьяго войска 4 орудія.

[3]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1851 г. № 181.

лѣвомъ берегу р. Бѣлой начали появляться значительныя толпы. 4-го мая было заложено Бѣлорѣчинское укрѣпленіе, и войска приступили къ успѣшнымъ работамъ. Избранный пунктъ командовалъ противуположнымъ непріятельскимъ берегомъ, давалъ возможность обстрѣливать рѣку вверхъ и внизъ на значительныя дистанціи, имѣлъ вблизи лѣсъ для построекъ и обиловалъ здоровою родниковою водою, что было особенно важно, такъ какъ, при свирѣпствовавшихъ здѣсь лихорадкахъ, не всегда было безопасно употреблять воду изъ рѣки Бѣлой. Но за то, неудобство занятаго пункта состояло въ томъ, что теченіе рѣки Бѣлой, при полноводіи, постояннымъ прибоемъ къ правому берегу подмывало его противъ самаго укрѣпленія, и это сильно озабочивало инженеровъ. Абадзехи, а въ особенности обитатели верховьевъ рѣки Бѣлой, видя наше намѣреніе прочно утвердиться на Бѣлой, окрестности которой были ихъ житницею, пришли въ необычайное движеніе. Послѣ того Магометъ-Аминъ лично являлся въ общества шапсуговъ и бжедуховъ и возбуждалъ ихъ къ газавату, а муртазеки его (мюриды), разъѣзжая по ауламъ, дѣятельно вербовали партіи джигитовъ. Но работы наши шли необычайно быстро, не смотря на то, что горцы тревожили насъ и отвлекали разными демонстраціями на р. Лабѣ. „Непріятель — доносилъ генералъ Заводовскій—ежедневно велъ изъ за Бѣлой перестрѣлку съ нашими стрѣлками, расположенными на берегу рѣки, но не причинялъ намъ никакого вреда“. Гораздо больше вредили намъ стихійныя силы, и первою изъ нихъ было разлитіе рѣки Бѣлой, которая начала размывать грунтъ подъ самымъ валомъ укрѣпленія. „Принуждены были для охраненія мѣстности прибѣгнуть къ устройству четырехъ береговыхъ устоевъ, которые видимо отклонили въ сторону теченіе рѣки“ [4]). Другое несчастье составляла лихорадка, которая съ наступленіемъ жаровъ ежедневно увеличивала у насъ число больныхъ. Гомборцы, привыкшіе къ благодатному климату дагестанскихъ горъ, также не избѣгли общей невзгоды. Впрочемъ, число ихъ больныхъ уступало въ процентномъ отношеніи числу больныхъ въ другихъ частяхъ, уже достаточно освоившихся съ климатомъ: за іюнь мѣсяцъ они потеряли всего одного умершимъ.

25-го іюля, по случаю празднованія дня рожденія Государя Императора, съ вала вновь возводимаго укрѣпленія были сдѣланы первые орудійные выстрѣлы. Абадзехи, такъ легко уступившіе намъ рѣку Бѣлую, начинали понемногу примиряться съ упроченіемъ русской власти въ ихъ землѣ. Старанія Магомет-Амина не увѣнчались успѣхомъ, и онъ приказалъ обществамъ приступить пока къ уборкѣ хлѣба и запасовъ, чтобы осенью открыть серьезныя военныя дѣйствія. Происки его между шапсугами и бжедухами также не привели къ желанной цѣли. Словомъ, все благопріятствовало намъ прочно утвердиться на Бѣлой.

Въ іюлѣ лихорадки усилились, и госпитали переполнились больными; но работы не прерывались, а гомборцы не ослабляли ни на одинъ день своего напряженнаго вниманія. Подъ палящими лучами солнца, съ заряженными штуцерами въ рукахъ, они зорко слѣдили за кустами, разбросанными на противуположномъ берегу Бѣлой, откуда иногда то и дѣло высовывались папахи.

11-го іюля, въ пять часовъ пополудни, партія около 300 всадниковъ,

[4]) Рапорты генерала Заводовскаго 9-го мая и 27-го іюня 1851 года №№ 73 и 237.

пользуясь лѣсистою мѣстностью по Бѣлой, переправилась черезъ рѣку выше укрѣпленія и внезапно напала на цѣпь стрѣлковъ и ея пикетъ, выставленный для прикрытія покоса. Стрѣлки быстро сплотились и приготовились къ отпору, а подоспѣвшія двѣ сотни Кубанскаго казачьяго полка, подъ командой лейбъ-гвардіи штабсъ-ротмистра Лорисъ-Меликова, довершили отраженіе непріятеля. Нападеніе на другія наши войска, расположенныя на Лабѣ, также не отвлекли бѣлорѣчинскаго отряда отъ его задачи. Къ концу іюля, когда полевыя работы окончились, Магометъ-Аминъ собралъ старшинъ и, требуя ихъ содѣйствія къ изгнанію насъ, торжественно заявилъ, что „ни одинъ русскій не напоитъ коня своего въ р. Бѣлой". Краснорѣчіе его не могло однако склонить къ газавату старшинъ, ясно сознавшихъ, что безполезно предпринимать открытое нападеніе на новое укрѣпленіе. Они ограничились тѣмъ, что дали ему обѣщаніе вредить намъ мелкими нападеніями.

Въ августѣ жары усилились, а о лихорадкѣ и говорить нечего. 6-го августа въ бѣлорѣчинскій отрядъ прибылъ главнокомандующій и, осмотрѣвъ укрѣпленіе и войска, 11-го числа уѣхалъ. Все пошло обычнымъ порядкомъ. Скучные, знойные дни, однообразная и тяжелая служба сильно утомляли и безъ того изнуренныя болѣзнью войска. Объ абадзехахъ лазутчики не могли передать ничего тревожнаго, и все это, вмѣстѣ взятое, много содѣйствовало тому, что стрѣлки 9-го сентября были спущены изъ отряда. Они прибыли въ Гомборы 4-го ноября, оставивъ по пути заболѣвшаго поручика Венюкова и двухъ нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ злокачественной лихорадки. Она поразила также и поручика Вриберга, который умеръ черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ штабъ-квартиру. Жертвы и лишенія, перенесенныя стрѣлками были велики, но они утѣшались тѣмъ, что значительно содѣйствовали успѣшной постройкѣ укрѣпленія, послужившаго основаніемъ новой бѣлорѣчинской кордонной линіи. Съ возведеніемъ его мы отхватили въ вѣчное свое владѣніе всю богатѣйшую и живописнѣйшую равнину между рр. Лабою и Бѣлою.

Характеръ дѣйствій и доля участія стрѣлковъ при постройкѣ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія лучше всего выразились въ отзывѣ начальства о поручикѣ Новицкомъ слѣдующаго содержанія: „во время пребыванія въ бѣлорѣчинскомъ отрядѣ онъ отличался распорядительностью, постоянно днемъ и ночью обезпечивая стрѣлками правую сторону лагеря, примыкающую къ р. Бѣлой. На этомъ опасномъ посту поручикъ Новицкій превосходно пользовался дѣйствіемъ штуцеровъ, поражая на дальнемъ разстояніи отважныхъ абадзеховъ, которые, скрываясь поодиночкѣ въ кустарникахъ на противуположномъ берегу рѣки, не переставали тревожить нашъ лагерь. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручикъ Новицкій, ежедневно обезпечивая водопой кавалеріи на р. Бѣлой, 3-го мая истребилъ до пяти абадзеховъ и этимъ урономъ принудилъ партіи ихъ разсѣяться и навелъ страхъ на непріятеля, который, убѣдившись въ дѣйствительности нашихъ выстрѣловъ, не осмѣлился болѣе приближаться партіями къ берегу рѣки" [5]. За эти заслуги Новицкій былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ, а на взводъ пожалованъ одинъ крестъ [6].

Другой взводъ 2-й роты также недолго оставался въ ст. Наурской. Въ началѣ іюня, когда большая часть горъ сбросила свои снѣжные покровы, а

[5]) Дѣло особ. отд. арх. окр. шт. 1851 года № 168.

[6]) Крестъ получилъ рядовой Демьянъ Егоровъ (№ 89879).

на нѣкоторыхъ изъ нихъ появился даже подножный кормъ, дагестанскій отрядъ пришелъ въ обычное движеніе. Войска съ нетерпѣніемъ ожидали этой минуты, такъ какъ походная жизнь была во всѣхъ отношеніяхъ привлекательнѣе прозябанія въ грязныхъ и смрадныхъ аулахъ. Этого времени еще болѣе желалъ кн. Аргутинскій, заботившійся, конечно, не объ удобствахъ жизни, а о судьбѣ покорныхъ намъ племенъ, которыя онъ охранялъ, можно сказать, какъ зеницу ока. Къ 5-му іюня онъ сосредоточилъ большую часть отряда [7]) на кутешинскихъ высотахъ, куда въ этотъ день прибыли также 1½ роты стрѣлковъ—1-я рота капитана Геннинга 1-го и взводъ 2-й роты поручика Геннинга 2-го. Лагерное расположеніе на кутешинскихъ высотахъ имѣло ту выгоду, что отсюда легко было перейти съ удобствомъ въ казикумухское ханство или въ мехтулинскія и шамхальскія владѣнія, еслибы горцы бросились въ ту или другую часть Прикаспійскаго края.

Между тѣмъ старый имамъ, нисколько не утомленный зимнею экспедиціей въ Чечнѣ, успѣлъ къ этому времени организовать въ Аваріи большія партіи и призвалъ толпы также изъ разныхъ обществъ сѣверной части нагорнаго Дагестана. Наконецъ, прибылъ въ Аварію и онъ самъ, съ лучшими своими мюридами, и вскорѣ двинулся къ Ругджѣ. 17-го іюня онъ собралъ въ Ругджѣ на совѣщаніе всѣхъ наибовъ Дагестана, за исключеніемъ Даніельбека, и, сдѣлавъ разныя распоряженія, между прочимъ приказалъ Омару салтынскому пробраться, съ тремя тысячами всадниковъ, при 4-хъ наибахъ, въ сюргинское общество, а также въ вольный Кайтагъ, и поднять противъ насъ жителей. Зоркій кн. Аргутинскій узналъ это и быстро успѣлъ выяснить себѣ всѣ намѣренія имама. 18-го іюня, оставивъ на мѣстѣ часть отряда для обезпеченія даргинскаго округа отъ непріятельскаго вторженія, и запасшись двадцатидневнымъ провіантомъ, онъ съ остальными войсками поспѣшно выступилъ въ казикумухское ханство. 19-го іюня онъ сталъ съ главными силами и съ стрѣлками на гамашинскихъ высотахъ. Шамиль же, прибывъ изъ Ругджи въ Чохъ и узнавъ о вступленіи русскихъ на эти высоты, немедленно занялъ Турчидагъ „не только въ томъ намѣреніи, чтобы не допустить туда дагестанскаго отряда, но также, чтобы отвлечь его отъ скопищъ Омара и дать послѣднему возможность безпрепятственно пройти въ сюргинское общество“. Утромъ 21-го іюня, на ближайшихъ оконечностяхъ этой горы показались пикеты горцевъ, и вслѣдъ затѣмъ не замедлили обнаружить свое присутствіе и огромныя массы непріятельской конницы, подъ личнымъ начальствомъ самаго Шамиля. Оказалось необходимымъ сбить ихъ съ этой важной для насъ позиціи и занять ее. Для этого кн. Аргутинскій направилъ туда небольшую колонну, состоявшую изъ первой роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона и третьяго баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка, подъ командою полковника Кишинскаго. Колонна эта двинулась кратчайшимъ путемъ по крутому скалистому скату Турчидага, чтобы этимъ облегчить слѣдованіе остальнаго отряда по дорогѣ, пролегавшей наискось къ тому же скату. По этому же направленію, одновременно съ полковникомъ Кишинскимъ, были посланы драгуны, дагестанскіе всадники и конная ракетная команда. За-

[7]) Составъ этого отряда былъ слѣдующій: 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго, 3-й и 4-й баталіоны Самурскаго пѣхотныхъ полковъ; 1½ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, сводный дивизіонъ драгунъ принца Виртембергскаго полка, 5 сотенъ конной милиціи, 8 орудій, пѣшая и конная ракетныя команды.

мѣтивъ наступленіе нашихъ войскъ, горцы моментально разсыпались вдоль всей оконечности Турчидага. По всѣмъ признакамъ можно было догадываться, что они намѣрены оказать упорное сопротивленіе нашему движенію. Особенное вниманіе ихъ привлекала на себя небольшая пѣхотная колонна стрѣлковъ и апшеронцевъ. Обрывъ, на который она должна была карабкаться, составлявшій, между прочимъ, ключъ позиціи, былъ моментально увѣнчанъ завалами и занятъ мюридами. Но апшеронцы и стрѣлки двигались безостановочно, и послѣдніе изъ нихъ для открытія огня не считали необходимымъ останавливаться каждый разъ, а поражали на ходу, причемъ мѣткость ихъ выстрѣловъ отъ этого не страдала. Горцы, по донесенію кн. Аргутинскаго, „сильнымъ огнемъ затрудняли ихъ подняться по крутому скалистому скату, но не могли остановить“. Поднимаясь безостановочно съ одного уступа на другой, при мѣткомъ огнѣ стрѣлковъ и нѣкоторыхъ удачно брошенныхъ гранатахъ, баталіонъ и стрѣлковая рота вышли на обрывистый край Турчидага въ то время, когда собравшійся противъ нихъ непріятель увидѣлъ неудачу остальныхъ партій, защищавшихъ гору, при появленіи нашей кавалеріи. Тогда горцы, не рѣшаясь выждать рукопашной схватки съ пѣхотою и стрѣлками, обратились въ бѣгство; кавалерія наша и ракеты погнались за ними и окончательно ихъ разсѣяли. Поднявшись на Турчидагъ, мы увидѣли всѣ скопища, доходившія до двухъ тысячъ всадниковъ, тѣснившихся на противуположной оконечности горы, а около чохскаго спуска—другую массу пѣшихъ горцевъ, отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ. Здѣсь находился и Шамиль, съ своимъ сыномъ каратынскимъ наибомъ Кази-Магомою, чохскимъ и согратльскимъ наибами и другими. Нѣсколько позже оказалось, что поспѣшное прибытіе дагестанскаго отряда на гамашинскія высоты разрушило намѣреніе Шамиля занять вицхинскій магалъ казикумухскаго ханства и раззорить покорныя намъ деревни. Теперь это намѣреніе уже нельзя было исполнить потому, что оставшіяся за нами гамашинскія высоты прикрывали ханство; кромѣ того, Омаръ, направленный въ сюргинское общество, былъ остановленъ, въ ночь съ 21-го на 22-е іюня, отрядомъ полковника Агаларъ-бека, при переправѣ черезъ рѣчку Чирахъ-чай. Если-бы предположенія Шамиля и Омара удались, то они должны были, соединивши свои силы, вторгнуться въ даргинскій округъ и поднять противъ насъ все его населеніе—что удалось бы имъ навѣрное при томъ состояніи умовъ, въ которомъ находились горцы.

И такъ, „благодаря успѣху 21-го и 22-го іюня, смѣлое предпріятіе Шамиля было уничтожено“. Главные виновники этого успѣха указаны въ донесеніи кн. Аргутинскаго, гдѣ, между прочимъ, говорится: „быстрое рѣшеніе этого дѣла, въ которомъ потеря наша заключается въ одномъ раненомъ штабъ-офицерѣ, въ одномъ раненомъ оберъ-офицерѣ и десяти нижнихъ чинахъ, двухъ раненыхъ дагестанскихъ всадникахъ и десяти контуженыхъ нижнихъ чинахъ—я приписываю преимущественно неутомимому и безостановочному слѣдованію по чрезвычайно крутому подъему 3-го баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка и 1-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, равно мѣткому ихъ огню“ [8]). При этомъ особенное вниманіе князя „распорядительностью и отважностью“ обратили на себя, въ числѣ весьма немногихъ офицеровъ: капитанъ Геннингъ 1-й и поручикъ Геннингъ 2-й. Стрѣлки потеряли трехъ

[8]) Рапортъ князя Аргутинскаго 24-го іюня 1851 г. № 55.

человѣкъ выбывшими изъ строя; юнкеръ фонъ-Таубе, молодецки взбиравшійся впереди всѣхъ на крутизны Турчидага, былъ контуженъ пулею въ руку въ то время, когда указывалъ своимъ товарищамъ на закрытыхъ непріятельскихъ стрѣлковъ. За „примѣрную храбрость и рѣдкую неустрашимость“ фонъ-Таубе былъ произведенъ въ прапорщики. Не мало отличились въ дѣлѣ 21-го іюня также поручикъ Максимовъ и подпоручикъ Каменскій; они оба были награждены слѣдующими чинами [9]).

Неудовольствіе Шамиля не имѣло границъ. Насколько важно было для него это пораженіе, видно изъ того, что онъ немедленно смѣнилъ всѣхъ наибовъ, а Омара, кромѣ того, жестоко наказалъ за трусость и чуть ли не за измѣну, и на его мѣсто назначилъ гергебильскаго жителя Гусейна.

Но Шамиль не былъ изъ такихъ людей, которыхъ первая неудача въ какомъ либо предпріятіи лишаетъ энергіи. Онъ живо составилъ планъ раздѣленія силъ дагестанскаго отряда и достигъ цѣли, хотя, какъ увидимъ впослѣдствіи, этимъ не съумѣлъ воспользоваться. Онъ началъ съ того, что приказалъ Хаджи-Мурату вторгнуться съ большимъ скопищемъ въ Кайтагъ. Вѣрный сподвижникъ имама сначала отказывался отъ этого сомнительнаго предпріятія, говоря, что воины его сильно утомлены; но, опасаясь гнѣва своего повелителя и хорошо помня участь Омара салтынскаго, принужденъ былъ подчиниться велѣнію „владыки горъ“. 1-го іюля онъ ворвался въ мехтулинское ханство, а ночью безъ шума пробрался къ сел. Буйнаки. Не ожидая нападенія, жители были застигнуты врасплохъ и не могли оказать никакого сопротивленія, хотя и завязали перестрѣлку. Ограбивъ деревню, Хаджи-Муратъ стремглавъ бросился въ вольную Табасарань. Быстрота, съ которою онъ совершилъ это передвиженіе, была невѣроятна: въ 30 часовъ онъ проѣхалъ по горнымъ трущобамъ, съ тысячью всадниками, 150 верстъ. Русскіе были далеко, и жители Каракайтага и вольной Табасарани, не колеблясь ни минуты, охотно пристали къ Хаджи-Мурату. Это обстоятельство ясно доказывало, что мы будемъ имѣть дѣло не съ одною партіею знаменитаго наѣздника, а съ цѣлымъ народонаселеніемъ двухъ провинцій. Необходимо было быстрымъ появленіемъ въ эти углы края остановить успѣхи Хаджи-Мурата. Для этого кн. Аргутинскій вынужденъ былъ выдѣлить почти большую часть дагестанскаго отряда, какъ того требовало серьезное положеніе, въ которое поставилъ его Шамиль.

Но снять съ Турчидага значительное число войскъ — значило подвергнуть вицхинскій магалъ и даргинскій округъ опасности непріятельскаго вторженія. Шамиль былъ близко и только ждалъ удобнаго къ тому случая. По этой причинѣ кн. Аргутинскій расположилъ часть отряда, со взводомъ стрѣлковъ поручика Геннинга 2-го, на гамашинскихъ высотахъ, подъ командою полковника Кишинскаго, для охраненія вицхинскаго магала. Такія же части были поставлены на другихъ удобныхъ пунктахъ, какъ напримѣръ: около Кумуха — для охраненія казикумухскаго ханства, на кутешинскихъ высотахъ — для обезпеченія даргинскаго округа, и т. д. Всѣ эти войска кн. Аргутинскій ввѣрилъ генералу Грамотину. При полномъ желаніи избѣгнуть подобнаго растянутаго расположенія, князь считалъ его неизбѣжнымъ. „Сосредоточивая эти войска, доносилъ онъ, легко можно подвергнуть оголенную часть передовой линіи разоренію, по невозможности поспѣть всюду

[9]) Дѣло особ. отд. арх. шт. к. в. окр. 1851 г., № 191.

вовремя". Всего, для охраненія линіи кн. Аргутинскій долженъ былъ удѣлить шесть съ половиною баталіоновъ пѣхоты, взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 2 сотни казаковъ, двѣ сотни конной милиціи, 14 орудій и 4 станка конной ракетной команды. Съ остальными войсками [10]) онъ поспѣшно устремился въ Кайтагъ. Опасность была такъ велика, а войска такъ „недостаточны", что для „рѣшительныхъ дѣйствій" князь сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи себя третьимъ баталіономъ Ширванскаго полка изъ Чиръ-Юрта. Пять или шесть тысячъ штыковъ, дѣйствительно, было недостаточно для такого тяжелаго похода въ далекую страну и въ среду возмутившагося населенія. Но это были кавказскія войска, никогда не считавшія враговъ, и ихъ велъ кн. Аргутинскій.

Шамиль торжествовалъ. Всѣ обстоятельства, казалось, благопріятствовали его видамъ: гроза Дагестана, кн. Аргутинскій, былъ далеко, и русскіе были страшно разбросаны. Имамъ поспѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами и съ многочисленнымъ скопищемъ бросился 10-го іюля на высоты Цуара, къ югу отъ Турчидага. Эти два пункта отдѣлялись другъ отъ друга глубокимъ оврагомъ съ крутыми берегами. Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ Грамотинъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. 11-е число прошло во взаимныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ Шамиль, находясь подъ вліяніемъ предшествовавшихъ опытовъ, былъ крайне осмотрителенъ. 12-го числа, отрядивъ часть своихъ силъ къ казикумухскому селенію Ницаукра, онъ двинулся на линію съ главными силами и сталъ противъ небольшаго отряда, расположеннаго на гамашинскихъ высотахъ, состоявшаго изъ двухъ баталіоновъ Апшеронскаго полка, взвода стрѣлковъ, ракетной команды и двухъ орудій. Гамашинскія высоты орошаются съ востока рѣкою казикумухскимъ Койсу. Подымаясь постоянно террасами, онѣ примыкаютъ съ запада къ весьма возвышенной надъ ними оконечности Турчидага, отдѣляясь отъ него глубокимъ оврагомъ, тѣмъ самымъ, которымъ отдѣляется Турчидагъ отъ Цуара. Здѣсь гамашинскія высоты образуютъ какъ бы возвышенную отрасль горъ или составляютъ слабое продолженіе южнаго края Турчидага. Наконецъ, къ сѣверной сторонѣ гамашинскія высоты, понижаясь постепенно, теряются въ мелкихъ возвышенностяхъ и оврагахъ. На всей этой мѣстности, изрытой пропастями и лощинами, частью покрытой каменистыми курганами и холмами, нѣтъ ни одного дерева.

И такъ, противъ нашего незначительнаго отряда, стоявшаго на открытой мѣстности, имамъ направилъ свои главныя силы. 12-го іюля, въ 5 часовъ вечера, на оконечности Турчидага и на южной возвышенности гамашинскихъ высотъ, образующей особую отрасль горъ, стали показываться сначала непріятельскіе пикеты, а вслѣдъ затѣмъ прибыли туда же и огромныя толпы горцевъ, изъ которыхъ одна двинулась съ западной, а другая съ южной стороны. При каждой изъ нихъ находилось по орудію. При пер-

[10]) 1-й, 2-й, 3-й баталіоны кн. Варшавскаго полка, 1-й и 3-й баталіоны Дагестанскаго пѣхотнаго полка, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, команда кавказскаго сапернаго баталіона, сводный дивизіонъ драгунъ принца Виртембергскаго полка, первыя три сотни дагестанскихъ всадниковъ, четыре сотни кубинскихъ военныхъ нукеровъ, акушинская конная милиція, 6 единороговъ горной № 4 батареи 21 артилерійской бригады, 4 мортиры горной № 2-го батареи 20-й артилерійской бригады, половина конно-ракетной команды и пѣшая ракетная команда.

вомъ появленіи горцевъ на окрестныхъ горахъ, генералъ Грамотинъ рѣшилъ выступить къ нимъ на встрѣчу. Оставивъ для охраненія лагеря три роты пѣхоты, онъ, съ остальными пятью ротами, со взводомъ стрѣлковъ и двумя орудіями, выдвинулся впередъ и расположился на удобныхъ террасахъ мелкихъ возвышенностей и на отдѣльныхъ курганахъ. Поставивъ свои орудія на командующихъ высотахъ и расположивъ стрѣлковъ по гребнямъ ближайшихъ возвышенностей, горцы начали громить нашъ слабый отрядъ артилерійскимъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Вскорѣ закипѣла ожесточенная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Впрочемъ, у насъ поддерживали огнестрѣльный бой почти одни стрѣлки, такъ какъ остальной пѣхотѣ велѣно было открывать огонь только въ тѣхъ случаяхъ, „когда можно было узнать, что оный не будетъ безполезенъ“. Нѣсколько разъ толпы поднимались съ намѣреніемъ атаковать нашъ отрядъ, но грозные и мѣткіе штуцера и спокойно-молчаливая готовность нашей пѣхоты отнимали у нихъ всякую охоту, и онѣ ограничивались перестрѣлкою, которая окончилась только въ 11 часовъ вечера. Послѣ этого еще нѣсколько разъ они оглашали горы дружнымъ гиканьемъ, показывая видъ, что намѣрены броситься въ шашки, но на это не обращалось никакого вниманія. Не зная намѣреній противника, генералъ Грамотинъ оставилъ войска на занятыхъ ими позиціяхъ. Ночью подошли изъ Кумуха двѣ роты самурцевъ, вытребованныя Грамотинымъ.

На разсвѣтѣ обнаружилось, что горцы, занимавшіе наканунѣ первый уступъ южной отрасли гамашинскихъ высотъ, не только снялись съ позиціи, но даже подались назадъ, ближе къ Турчидагу. Сообразивъ всѣ важныя послѣдствія овладѣнія оставленнаго горцами гребня южной отрасли высотъ, генералъ Грамотинъ поспѣшилъ направить противъ праваго ихъ фланга небольшую колонну, съ полувзводомъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ подполковника Кендзержинскаго, при которой находился и самъ. Колонна эта двинулась въ чрезвычайной тишинѣ и, пользуясь лощинами, съумѣла вполнѣ скрыть отъ противника свое движеніе и совершенно незамѣтно подняться на гребень. Едва только успѣла она занять высоту, какъ на недалекомъ разстояніи показалась огромная партія, повидимому поспѣшавшая занять оставленную наканунѣ позицію. Увидѣвъ, что ее предупредили, партія эта съ громкими проклятіями повернула назадъ и заняла противоположную высоту, отдѣлявшуюся балкою и отстоявшую около 600 шаговъ отъ нашей позиціи. Правѣе Кендзержинскаго былъ направленъ полковникъ Ракусса, съ двумя ротами самурцевъ, а для дѣйствія противъ лѣваго фланга назначены были двѣ роты апшеронцевъ, подъ командою маіора Васильева. Эти роты и затѣмъ остальныя невыдвинутыя еще пять ротъ должны были находиться въ вѣдѣніи полковника Кишинскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ располагалъ пятью ротами для усиленія пунктовъ, которые по обстоятельствамъ надлежало бы укрѣпить. Стрѣлки изъ колонны Кендзержинскаго немедленно же открыли по непріятелю огонь. Горцы не отвѣчали, выжидая приближенія русскихъ на ближній ружейный выстрѣлъ. Чтобы не дать имъ времени подкрѣпиться новыми силами, генералъ Грамотинъ рѣшилъ атаковать ихъ и двинулся впередъ съ двумя ротами апшеронцевъ и двумя самурцевъ; стрѣлки же, оставленные на мѣстѣ, участили огонь до крайней возможности. Подъ прикрытіемъ этого огня роты подвинулись къ непрія-

телю на полуружейный выстрѣлъ, но горцы пока не стрѣляли, такъ какъ усиленно работали въ это время надъ возведеніемъ заваловъ по всей линіи своего расположенія. Колонна подполковника Кендзержинскаго остановилась на небольшомъ гребнѣ, въ ста шагахъ отъ непріятеля, который сидѣлъ за каменнымъ заваломъ. Штурмовать его безъ артилерійской подготовки Кендзержинскій не рѣшался, поэтому приступилъ къ дѣйствію ракетъ; стрѣлки же, въ виду предстоявшей атаки, быстро присоединились къ пѣхотѣ. Но въ скоромъ времени появилась на томъ же гребнѣ колонна полковника Ракуссы, съ артилерією, и немедленно открыла по завалу орудійный огонь, а стрѣлки не упускали случая наказывать любопытство горцевъ, выставлявшихъ изъ-за завала свои головы. Когда завалъ былъ нѣсколько потрясенъ нашими ядрами и гранатами, Кендзержинскій уловилъ удобную минуту и повелъ апшеронцевъ и стрѣлковъ въ штыки. Горцы не дрогнули; подпустивъ атакующихъ на пятьдесятъ шаговъ, они дали по нимъ дружный залпъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ тысячъ винтовокъ, но выстрѣлы ихъ, направленные вверхъ, не задѣли почти ни одного солдата, и роты наши, ни мало не разстроенныя, тотчасъ же, съ крикомъ „ура“, бросились на завалъ и въ одно мгновеніе выбили оттуда его упорныхъ защитниковъ.

Почти одновременно съ Кендзержинскимъ бросились впередъ и двѣ роты самурцевъ полковника Ракуссы, но были остановлены массою засѣвшихъ за каменнымъ заваломъ горцевъ. Когда же въ скоромъ времени къ нимъ подошло подкрѣпленіе, высланное Кишинскимъ, то онѣ вторично атаковали горцевъ и на этотъ разъ выбили ихъ изъ завала. Они бросились на невысокій, но крутой и острый гребень, гонимые по пятамъ нашею пѣхотою. По всей вѣроятности, они надѣялись найти спасеніе въ оврагахъ за гребнями, но, къ ихъ великому огорченію, оказалось, что злополучный гребень на всемъ своемъ приблизительно двухверстномъ протяженіи былъ обрывистъ. Не найдя нигдѣ ни одной тропинки для спуска въ овраги, толпы принуждены были бѣжать по обрыву длинною вереницею въ одного человѣка. Хотя роты самурцевъ не переставали ихъ преслѣдовать, но не могли нанести имъ большого вреда, потому что шага нельзя было ступить ни вправо, ни влѣво отъ остраго гребня; апшеронцы же, не имѣя возможности дѣйствовать по бѣгущимъ во флангъ, вслѣдствіе страшной крутизны подъема, ограничивались тѣмъ, что также потянулись параллельною съ ними вереницею по подножію гребня. Непріятель, пожалуй, не отказался бы и потѣшиться этою невинною и безполезною для насъ травлею, но стрѣлки не допустили до этого: предводимые распорядительнымъ Генинигомъ, они живо пристроились къ головѣ нашей вереницы и открыли усиленный огонь. Очевидецъ описываетъ это обстоятельство такъ: „горцы совершенно безнаказанно тянулись по гребню; незаряженныя винтовки болтались у нихъ за плечами; зарядить ихъ они не могли, потому что для этого нужна цѣлая минута времени, а главное—надо было останавливаться, что задержало бы ихъ отступленіе, и они были бы взяты въ штыки. Но огонь стрѣлковъ былъ такой мѣткій и въ то же время частый, что многіе, чтобы не погибнуть отъ вѣрныхъ пуль, бросались въ глубокій и каменистый оврагъ, сталкивая и стаскивая съ гребня своихъ раненыхъ и тѣла убитыхъ“. Безпорядокъ произошелъ страшнѣйшій. Оврагъ, отдѣляющій Турчидагъ и южную часть гамашинскихъ высотъ отъ Цуара, былъ усѣянъ трупами. Бойня эта, затѣ-

яншая исключительно стрѣлками Геннинга 2-го, продолжалась полчаса. Жалкіе остатки скопища добрались кое-какъ до склоновъ Турчидага, куда спаслись и выбитые изъ лѣвофланговыхъ заваловъ. Но и здѣсь не пощадила ихъ судьба: обезсиленные, обезкураженные, не имѣя возможности карабкаться на крутизны Турчидага, они падали подъ штыками и прикладами разгорячившихся солдатъ. Шамиль видѣлъ все это и, не будучи въ состояніи подать помощь своимъ вѣрнымъ мюридамъ, рвалъ на себѣ чалму. Онъ могъ утѣшиться развѣ только тѣмъ, что заблаговременно распорядился о спасеніи въ неприступномъ Чохѣ своихъ орудій.

Имамъ былъ въ отчаяніи: съ такими огромными силами ему не удалось прорваться черезъ нашу кордонную линію. Какого успѣха могъ онъ ожидать, еслибы противъ него сталъ самъ кн. Аргутинскій съ большею частью дагестанскаго отряда? Подъ личнымъ начальствомъ Шамиля, по донесенію кн. Аргутинскаго, находилось до восьми тысячъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ, съ лучшими мюридами и при 19-ти нанбахъ. „Смѣлость, съ которою онъ спустилъ часть своихъ скопищъ съ Турчидага на гамашинскія высоты, доказываетъ, писалъ князь, съ какою увѣренностью въ успѣхѣ это предпринималось. Говорятъ, что Шамиль не сомнѣвался въ разбитіи гамашинскаго отряда, предполагая вторгнуться въ даргинскій округъ и Кайтагъ". Весьма возможно, что имамъ лелѣялъ себя даже твердою надеждою совсѣмъ вырвать у насъ этотъ округъ, такъ какъ до сихъ поръ получалъ отъ Хаджи-Мурата одни лишь благопріятныя извѣстія.

Славное гамашинское дѣло, разыгранное преимущественно стрѣлками, не могло не отразиться также и на судьбѣ ихъ командира поручика Геннига. Въ донесеніи къ главнокомандующему князь Аргутинскій, описывая молодецкое дѣло 13-го іюля, прибавилъ: „смѣлая распорядительность генерала Грамотина — не ждать, а самому атаковать — уничтожила въ теченіе немногихъ часовъ всѣ предположенія Шамиля. Особенной похвалы заслуживаютъ, за отличіе, оказанное въ описываемомъ дѣлѣ, Самурскаго пѣхотнаго полка полковникъ Ракусса, апшеронскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Кендзерявинскій и кавказскаго стрѣлковаго баталіона поручикъ Геннигъ" [11]). За это дѣло поручикъ Геннигъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана. Къ весьма лестной для Геннига реляціи, въ которой самая значительная доля успѣха приписывалась его искусству и удачному примѣненію стрѣлковъ въ бою, командующій войсками собственноручно приписалъ: *„онъ мнѣ извѣстенъ, какъ храбрый и отличный офицеръ„*. За это дѣло стрѣлки получили одну пенсію на знакъ отличія военнаго ордена [12]). Сравнительно съ успѣхомъ, потери гамашинскаго отряда были весьма незначительны: онѣ состояли изъ пяти убитыхъ, 92 раненыхъ и 15-ти контуженыхъ нижнихъ чиновъ; стрѣлки потеряли трехъ раненыхъ.

Однако, огорченіе Шамиля длилось не долго. Онъ рѣшился вознаградить себя въ новой попыткѣ проникнуть въ казикумухское ханство и для этого, распустивъ слухъ, что кн. Аргутинскій съ отрядомъ истребленъ въ Табасарани, приказалъ Даніельбеку явиться съ лезгинами къ себѣ на помощь. Одновременно съ появленіемъ преданнаго султана у Ницаукра, имамъ

[11]) Рапортъ 30-го іюля 1851 г. № 180.

[12]) Унтеръ-офицеръ Максимъ Ефимовъ. (Дѣло особ. отд. арх. шт. кавк. воен. окр. 1851 г. № 191).

поднялся на Турчидагъ; но партіи, разсылаемыя имп двумя, не только не могли развлекать наши отряды, но были сами вездѣ встрѣчаемы жителями съ отпоромъ. Не удовлетворивъ себя и на этомъ поприщѣ, Шамиль вернулся въ Чохъ и рѣшился еще разъ попытать счастья. Въ ожиданіи благопріятныхъ новостей изъ Табасарани, упрямый и энергичный старикъ сталъ лелѣять обширный проэктъ, по которому въ его руки слѣдовало перейти не только казикумухскому ханству, но и всему покорному намъ Дагестану.

Тѣмъ временемъ, князь Аргутинскій, при неимовѣрныхъ трудностяхъ и невзгодахъ, быстро подвигался къ Табасарани. Ему нельзя было не торопиться, такъ какъ малѣйшее замедленіе могло кончиться роковымъ для насъ образомъ. Онъ слѣдовалъ черезъ Кумухъ, Хозрекъ, черезъ хребетъ Кукма-дагъ и 11-го іюля прибылъ къ селенію Буршагъ, расположенному у подошвы хребта, отдѣляющаго казикумухское и кюринское ханства отъ вольной Табасарани. Ему немного оставалось еще напрягать силы отряда, чтобы накрыть Хаджи-Мурата; но онъ зналъ хорошо, что эти силы имѣютъ предѣлъ, хотя бы принадлежали даже старому кавказскому солдату. Поэтому онъ пріостановился и донесъ: „необходимость дать войскамъ отдыхъ послѣ пятидневнаго марша по гористой мѣстности и при сильномъ зноѣ, заставила меня сдѣлать 12-го числа дневку въ окрестностяхъ Буршага“. По собраннымъ здѣсь свѣдѣніямъ оказалось, что Хаджи-Муратъ съ главнымъ скопищемъ находился близъ селенія вольной Табасарани Гужнилу, въ густомъ лѣсу, покрывавшемъ ущелье Рубаса. Устроивъ здѣсь крѣпкіе завалы для своей охраны, онъ разсылалъ небольшія партіи для склоненія жителей сѣверной и южной Табасарани къ принятію мюридизма, а въ случаѣ отказа—для грабежей и раззоренія ихъ. Узнавъ о приближеніи кн. Аргутинскаго, Хаджи-Муратъ бросился на югъ къ сел. Хивъ, намѣреваясь будто бы пробраться въ Аварію; когда же наперерѣзъ его пути была послана наша кавалерія, то онъ сразу повернулъ въ южную Табасарань, откуда немедленно двинулся въ сѣверную Табасарань на дер. Хушни. Только кавказскіе солдаты того времени были въ состояніи, во время сильнаго зноя, преслѣдовать такихъ отчаянныхъ наѣздниковъ, какъ Хаджи-Муратъ и его конные мюриды.

15-го іюля, кн. Аргутинскій, „при страшныхъ усиліяхъ, поднялся на хребетъ, отдѣляющій вольную Табасарань отъ казикумухскаго и кюринскаго ханствъ. Съ этого хребта идутъ дороги во всѣ селенія вольной Табасарани и далѣе къ сѣверной. Нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ едва доступны для пѣшеходовъ и допускаютъ движеніе только въ одного человѣка, а по ущелью рѣки Рубасъ мѣстность большею частью покрыта лѣсомъ. Движеніе отряда по этому ущелью представляло бы непреодолимыя затрудненія и было бы сопряжено съ большимъ урономъ для людей и лошадей“. Вслѣдствіе этихъ причинъ, не спускаясь въ ущелье, кн. Аргутинскій долженъ былъ вести отрядъ по открытому и скалистому хребту Каргулъ-Конухъ. По пути онъ узналъ, что Хаджи-Муратъ 17-го числа расположился на крѣпкой позиціи около сел. Хушни и разослалъ партіи для грабежа непослушныхъ деревень. Эти партіи имѣли большой успѣхъ, и къ нимъ охотно присоединялись жители ближайшихъ деревень—одни изъ боязни, другіе изъ ненависти къ русскимъ.

17-го іюля отрядъ расположился на хребтѣ Каргулъ-Конухъ, на южной пологой его покатости, въ окрестностяхъ сел. Курихъ. На гребнѣ виднѣлись непріятельскіе пикеты. На слѣдующій день была послана колонна на покатость для захвата сѣна, собраннаго жителями, и для собранія свѣдѣній о непріятелѣ. Только-что фуражиры принялись за свое дѣло, какъ къ непріятельскимъ пикетамъ присоединились двѣ огромныя партіи. Одна изъ нихъ, пѣшая, и большею частью состоявшая изъ табасаранцевъ, заняла лѣсистую часть гребня, имѣя передъ собою завалъ надъ крутымъ противуположнымъ къ намъ обрывомъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ; другая, конная, состоявшая исключительно изъ мюридовъ, подъ начальствомъ Хаджи-Мурата, расположилась на возвышенной и открытой части гребня и, поддразнивая нашу кавалерію, вызывала ее на бой. Нѣсколько мѣткихъ пуль, пущенныхъ стрѣлками, стоявшими въ цѣпи, произвели панику въ толпѣ табасаранцевъ, а движеніе нашей кавалеріи заставило ихъ, а также и конныя толпы, бѣжать и скрыться въ лѣсу. Фуражиры спокойно докончили свое дѣло. 20-го числа выяснилось намѣреніе Хаджи-Мурата держаться противъ русскаго отряда до послѣдней возможности. Жители, убѣжденные имъ, что русскіе неминуемо должны сдѣлаться его добычею, съ большою готовностью взялись помогать ему и немедленно устроили засѣки и завалы въ лѣсахъ, черезъ которые пролегали дороги въ вольную Табасарань.

Движеніе отряда по мѣстности лѣсистой и малоизвѣстной должно было представить серьезныя неудобства. Чтобы хоть отчасти избѣгнуть ихъ, кн. Аргутинскій оставилъ въ лагерѣ всѣ тяжести и даже палатки, и налегкахъ, запасшись только боевыми и жизненными припасами, 21-го числа, въ десять часовъ утра, выступилъ по направленію къ деревнямъ Вичрикъ и Куркакъ. Хаджи-Мурату вздумалось остановить его движеніе, и для этого онъ отрядилъ нѣсколько десятковъ отчаянныхъ наѣздниковъ, съ толпою табасаранцевъ; но тѣ и другіе столкнулись прежде всего съ стрѣлками, шедшими въ авангардѣ, и, испробовавъ ихъ штуцеровъ, бѣжали. Такимъ образомъ, стрѣлки расчистили отряду дорогу, но привели съ собою на ночлегъ одного раненаго товарища. Движеніе къ названнымъ деревнямъ было довольно трудное также вслѣдствіе многихъ естественныхъ преградъ, а преимущественно по случаю густаго лѣса и весьма узкой и дурной дороги. Наконецъ, послѣ четырехчасоваго мучительнаго марша, отрядъ вышелъ на поляну, окружающую Вичрикъ и Куркакъ. До Хушни, гдѣ былъ укрѣпленный лагерь Хаджи-Мурата, оставалось немного; но наступила ночь, и кн. Аргутинскій нашелъ невозможнымъ атаковать горцевъ въ мѣстности, которую совершенно не зналъ. Онъ остановился на ночлегъ.

Во всѣхъ стычкахъ нашего отряда съ горцами въ Табасарани Хаджи-Муратъ берегъ своихъ мюридовъ, и всѣ тяжелыя обязанности, сопряженныя съ боемъ, возлагалъ на жителей. Наконецъ, они подняли ропотъ противъ несправедливаго наиба. Желая отнять у нихъ всякій поводъ къ неудовольствіямъ и доказать, что онъ вовсе не прикрывается ими, Хаджи-Муратъ рѣшилъ дать отряду сраженіе на слѣдующій же день по его прибытіи. 22-го числа князю Аргутинскому предстояло движеніе на Хушни по мѣстности большею частью лѣсистой и по дорогѣ узкой, пересѣченной и вообще чрезвычайно трудной. Какъ только войска снялись съ ночлега, огромныя партіи мюридовъ, табасаранцевъ и кайтагцевъ поспѣшили занять всѣ возвы-

шенности по пути ихъ движенія. Мюриды затянули свою замогильную пѣснь, и отовсюду имъ вторили воинственные клики, отдававшіеся зловѣщимъ эхомъ по горамъ и ущельямъ. Но отрядъ подвигался въ полномъ спокойствіи, имѣя стрѣлковъ въ авангардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ — въ послѣднемъ случаѣ тамъ, гдѣ дорога это допускала. Горцы не спѣшили пока атаковать насъ и, по мѣрѣ того, какъ войска подавались впередъ по мѣстности сначала открытой, ихъ скопища удалялись назадъ и, наконецъ, исчезли въ обширномъ лѣсу. Едва только отрядъ нѣсколько углубился въ этотъ лѣсъ, какъ непріятель сталъ тѣснить его боковыя цѣпи, въ особенности лѣвую— и затрещала жестокая ружейная пальба. Когда же весь отрядъ углубился въ чащу, а авангардъ выходилъ на большую поляну, примыкающую лѣвою стороною къ глубокому крутоберегому лѣсистому оврагу, то непріятель открылъ изъ-за заваловъ сильный ружейный огонь и началъ бросаться въ шашки на лѣвую цѣпь. По упорству въ защитѣ своихъ заваловъ и по смѣлости, съ которою дѣйствовали горцы, видно было, что здѣсь сражались не одни табасаранцы и кайтагцы, но что Хаджи-Муратъ, дѣйствительно, удѣлилъ сюда значительную часть своихъ мюридовъ. Бой былъ самый упорный. Непріятель имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды позиціи: занимая берегъ оврага съ обрывистыми скатами, онъ, кромѣ того, усилилъ свое расположеніе множествомъ заваловъ; наконецъ, оборонѣ его много способствовалъ густой вѣковой лѣсъ, въ которомъ большею частью онъ былъ неуязвимъ. Стрѣлки наши прилагали къ своему дѣлу самое пзощренное вниманіе, но имъ почти все время приходилось стрѣлять въ невидимаго противника. Лѣвая цѣпь нѣсколько разъ ходила въ штыки на мюридовъ, засѣвшихъ въ опушкѣ, но выбить ихъ оттуда не могла. Бой былъ рѣшенъ артилеріею, поставленною надъ обрывомъ: батарея изъ четырехъ десятифунтовыхъ мортиръ бросила въ оврагъ 40 гранатъ, которыя и заставили непріятеля очистить его и бѣжать. Хаджи-Мурату удалось въ восьми верстахъ отъ Хушни снова собрать значительную партію на высокихъ горахъ вольной Табасарани, но и здѣсь она была выбита изъ заваловъ и разсѣяна. Послѣ этого отрядъ достигъ Хушни безъ выстрѣловъ. Стрѣлки, принимавшіе участіе во всѣхъ перестрѣлкахъ, благодаря пересѣченной мѣстности, а главное—ловкости и умѣнью пользоваться ею, потеряли всего одного убитымъ и одного раненымъ [13]).

Табасаранцы и кайтагцы призадумались и приязлись. Надежда ихъ на несокрушимость правовѣрнаго воинства пошатнулась; кромѣ того, деревнямъ и всѣмъ ихъ пожиткамъ предстояло неизбѣжное истребленіе. Старшины ихъ, посовѣтовавшись между собою, пришли къ князю Аргутинскому и стали просить пощады, объясняя все происшедшее легковѣрностью жителей, увлеченныхъ обѣщаніями Хаджи-Мурата, а къ сему послѣднему послали массу упрековъ и требовали, чтобы онъ немедленно оставилъ ихъ земли. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюля Хаджи-Муратъ бѣжалъ черезъ вольную Табасарань къ Джуфу-дагъ. Посланныя за нимъ войска не успѣли за-

[13]) Вспоминая событія этого времени, Александръ Васильевичъ Фрейгангъ, впослѣдствіи командиръ гомборскихъ стрѣлковъ, пишетъ: „21-го іюня, при занятіи Турчидага, 17-го іюля при обстрѣливаніи заваловъ близъ позиціи Каргулъ-Конухъ, 21-го и 22-го іюля во время слѣдованія къ аулу Хушни, въ Табасарани, стрѣлки принесли несомнѣнную пользу“.

хватить его, но онъ оставилъ имъ вдоволь военной добычи: 120 лошадей, 8 плѣнныхъ и нѣсколько убитыхъ. Кн. Аргутинскій пощадилъ табасарнцевъ, но приказалъ имъ проложить просѣку отъ Хушни черезъ всю вольную Табасарань на гору Джуфу-дагъ. Такія же просѣки, по его распоряженію, были сдѣланы потомъ отъ Хушни до Каргулъ-Конуха, и движеніе войскъ могло совершаться безъ большихъ затрудненій. 26-го іюля отрядъ прибылъ на Джуфу-дагъ, а 30-го на гамашинскія высоты.

Такимъ образомъ, въ теченіе 25 дней уничтожены были всѣ замыслы Шамиля на Кайтагъ и Табасарань. Потери его были громадныя: у него убито четыре и ранено три наиба; кромѣ того, отбито три значка. Но нравственно онъ чувствовалъ себя пораженнымъ еще болѣе, потому что въ то время, когда, предчувствуя неизбѣжную гибель Чечни, напрягалъ всѣ усилія для распространенія своей власти надъ Кайтагомъ и Табасаранью, онъ не только не достигъ этого, но даже значительно подорвалъ то, что для него было дороже всего — свое обаяніе надъ горцами. Безспорно, заслуга кн. Аргутинскаго въ 1851 году была велика, но онъ ее относилъ не къ себѣ. Въ донесеніи своемъ главнокомандующему онъ писалъ: „не смотря на трудности похода въ Табасарань, по дурнымъ гористымъ дорогамъ, при постоянномъ сильномъ зноѣ, войска всегда были бодры, веселы, а въ дѣлахъ съ непріятелемъ, какъ въ Табасарани, такъ и на гамашинскихъ высотахъ около Кумуха, всѣ части войскъ вновь оправдали тѣ лестные отзывы, которыми высшее начальство неоднократно удостоивало кавказскія войска“.

Вѣсть о пораженіи Хаджи-Мурата и о бѣгствѣ его въ Аварію заставила Шамиля распустить свои скопища по домамъ. Онъ крѣпко поссорился съ Хаджи-Муратомъ, обвиняя его за всѣ свои неудачи 1851 года, и отнялъ у него наибство, назначивъ вмѣсто него нѣкоего Фетъ-Али, сына Сурхая аварскаго, убитаго Гамзатъ-бекомъ. Онъ даже думалъ казнить Хаджи-Мурата, который вслѣдствіе этого бѣжалъ въ Чечню и предалъ себя великодушію нашего правительства. По поводу всего этого въ Аваріи возникли безпорядки, возбужденные, конечно, не въ пользу имама Хаджи-Муратомъ, но Шамиль явился туда лично и водворилъ спокойствіе. Что же касается возвращенія къ намъ нашего прежняго, нѣкогда вѣрнаго слуги, то запоздалое примиреніе его съ нами не могло не порадовать Государя, написавшаго на донесеніи объ этомъ: *„слава Богу, важное начало“*.

Часть дагестанскаго отряда, вмѣстѣ съ 1-ю ротою стрѣлковъ, была 5-го августа передвинута съ гамашинскихъ высотъ на кутешинскія, а взводъ поручика Геннинга 2-го остался на прежнемъ мѣстѣ до глубокой зимы. Но 1-я рота не долго простояла на кутешинскихъ высотахъ: продолжительная засуха, отсутствіе фуража и волненія въ шамхальствѣ заставили кн. Аргутинскаго распустить кутешинскій отрядъ и часть его расположить въ сел. большомъ Казанищѣ, для поданія скорой помощи шамхалу. 1-я рота, съ другою частью, прибыла въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и съ этого времени жизнь стрѣлковъ потекла самымъ мирнымъ образомъ. Горцы перестали тревожить насъ въ Дагестанѣ; они были сильно заняты приготовленіями для зимняго похода въ большую Чечню. Не было даже ни одного случая, въ родѣ угона одного быка или нѣсколькихъ барановъ у мирныхъ жителей. При всемъ томъ, стрѣлковъ не отпускали домой, гдѣ въ нихъ сильно нуждались. Вообще, въ 1851 году расходъ стрѣлковъ дошелъ до крайнихъ

предѣловъ: кромѣ походовъ, они отбывали всевозможныя командировки какъ напримѣръ, для обученія пѣхотныхъ солдатъ стрѣльбѣ изъ нарѣзнаго оружія, для приготовленія патроновъ и т. д. На вытребованіе стрѣлковъ изъ дагестанскаго отряда въ штабъ-квартиру кн. Аргутинскій отвѣчалъ: „спустить стрѣлковый взводъ съ гамашинскихъ высотъ я нахожу невозможнымъ, потому что онъ, *въ случаѣ тревогъ, крайне полезенъ тамъ*, и расположенныя тамъ войска я поставленъ въ необходимость оставить въ сборѣ, пока только время года позволитъ, дабы не подвергнуть той части края прорывамъ горцевъ; но коль скоро эти войска будутъ распущены, то и стрѣлковый взводъ немедленно будетъ отправленъ въ Гомборы“.

Та же судьба постигла и роту капитана Геннинга 1-го. Ее предположено было отпустить къ 10-му октября въ г. Кубу, куда должна была прибыть на смѣну ей изъ Гомборъ 3-я рота штабсъ-капитана Позняка; но князь Аргутинскій ни за что не согласился отправить ее къ означенному времени въ Кубу, говоря: „я встрѣчаю затруднительнымъ (отпустить роту) въ теперешнее время, потому что, если до прибытія сюда 3-й роты будутъ такіе прорывы горцевъ, которые потребуютъ сбора отряда, то стрѣлковъ здѣсь не будетъ, и потому я вынужденъ задержать здѣсь 1-ю роту до прибытія въ Темиръ-Ханъ-Шуру 3-й роты, т. е. до 24-го октября“. Такимъ образомъ, князь Аргутинскій не могъ оставаться безъ стрѣлковъ какихъ нибудь 14 дней. Но, желая выразить, что онъ вовсе не остается равнодушнымъ къ удобствамъ и судьбѣ стрѣлковъ, князь прибавлялъ: „я бы очень желалъ спустить стрѣлковъ какъ можно скорѣе, дабы не заставлять ихъ совершить обратный путь въ свою штабъ-квартиру въ позднее время, но объясненная выше причина лишаетъ меня къ тому возможности“ [14]).

Дѣйствительно, кн. Аргутинскій имѣлъ полное основаніе задерживать на линіи войска, а тѣмъ болѣе стрѣлковъ, такъ какъ Шамиль, не смотря на преподанный ему урокъ, намѣревался осенью броситься въ Табасарань. Его удержали только разсудительные наибы и кадіи, представивъ массу доказательствъ безполезности этого предпріятія. Упрямый старикъ хотя склонился на данный ему совѣтъ, но все же рѣшилъ возобновить свои происки относительно Табасарани весною 1852 года.

Рота капитана Геннинга 1-го и взводъ поручика Геннинга 2-го выступили въ Гомборы въ первыхъ числахъ ноября. Тутъ, послѣ двухлѣтняго почти пребыванія въ Дагестанѣ, они представились главнокомандующему, который нашелъ ихъ „въ совершенно удовлетворительномъ состояніи“. Вслѣдствіе этого онъ поставилъ „себѣ въ пріятный долгъ изъявить свою истинную признательность командиру баталіона подполковнику Прежевскому и капитану Геннингу“ [15]). Между прочимъ, князь Воронцовъ, осмотрѣвъ казармы, обратилъ вниманіе на особаго рода солдатскія нары съ выдвижными ящиками, изобрѣтеніе которыхъ принадлежало стрѣлкамъ. Найдя ихъ „весьма удобными“, онъ, въ приказѣ по корпусу, изъявилъ желаніе, „чтобы подобныя нары были заводимы и въ прочихъ частяхъ кавказскаго корпуса постепенно и по возможности“. 3-я же рота, прибывшая

---

[14]) Отзывъ кн. Аргутинскаго къ испр. дол. нач. шт. ген. Вольфу 20-го сентября 1851 года № 1071.

[15]) Приказъ по корпусу 26-го ноября 1851 года № 173.

въ дагестанскій отрядъ, представилась князю Воронцову въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ а также найдена въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, о чемъ не замедлилъ послѣдовать новый приказъ [16]) болѣе или менѣе подобный предыдущему.

Занятый серьезными вопросами и предпріятіями въ Дагестанѣ, Шамиль обращалъ мало вниманія на Кахетію, хотя эта благословенная страна составляла предметъ горячихъ его мечтаній. Главныя силы имама оперировали противъ отряда кн. Аргутинскаго, и онъ искалъ случая вредить ему гдѣ бы то ни было; поэтому на лезгинской кордонной линіи значительныхъ вторженій въ 1851 году произведено не было, и войска были собираемы рѣдко. Но, конечно, на передовыхъ постахъ не обходилось безъ тревогъ и стычекъ, иногда даже серьезныхъ и довольно кровопролитныхъ. Онѣ происходили единственно вслѣдствіе грабежей или же съ цѣлью утомлять наши войска и вредить имъ. Впрочемъ, относительно такихъ пунктовъ, какъ Закаталы и Белаканы, лезгины пока не обнаруживали никакихъ серьезныхъ посягательствъ, а упражнялись чаще всего противъ постовъ и башенъ, имѣвшихъ весьма небольшіе гарнизоны, состоявшіе главнымъ образомъ изъ милиціонеровъ. Въ виду этого стрѣлки, которыхъ начальникъ лезгинскаго отряда кн. Орбеліани держалъ постоянно при себѣ въ Закаталахъ, не имѣли столкновеній съ непріятелемъ, хотя, не менѣе того, пребываніе ихъ на лезгинской кордонной линіи было далеко не безполезно.

Прорываясь черезъ горные проходы въ долину Алазани съ недобрыми намѣреніями, лезгины обыкновенно выбирали у себя въ тылу удобныя позиціи, укрѣпляли ихъ завалами и оставляли на нихъ небольшіе караулы, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы прикрывать ихъ отступленіе. Другое обстоятельство, способствовавшее безнаказанности отступленія или же бѣгства горцевъ, заключалось въ томъ, что войска, преслѣдуя ихъ, по незнанію мѣстности, часто попадали въ невѣдомыя трущобы или же натыкались на засады и дѣлались жертвою хищниковъ. Вслѣдствіе этого, необходимо было иногда рекогносцировать горные проходы, уничтожать въ нихъ завалы и разгонять непріятельскіе пикеты, наблюдательность которыхъ не соотвѣтствовала нашимъ желаніямъ. Одна изъ такихъ рекогносцировокъ была предпринята въ концѣ іюля мѣсяца въ сравнительно большихъ размѣрахъ, такъ какъ ожидалась серьезная встрѣча съ непріятелемъ. Въ ней принялъ участіе и взводъ стрѣлковъ подъ командою поручика Новицкаго, который, со времени своего прибытія въ Закаталы, т. е. съ половины апрѣля, оставался почти въ бездѣйствіи. На этотъ же разъ содѣйствіе, оказанное стрѣлками нашему предпріятію, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Начальникъ лезгинскаго отряда генералъ-маіоръ кн. Орбеліани нашелъ нужнымъ осмотрѣть дорогу, пролегающую черезъ каписдарское ущелье на гору Меседельгеръ, а также изучить мѣстность около горъ Джоорджабала и Моуровъ-дага. Съ этою цѣлью онъ выступилъ туда 26-го іюля съ небольшимъ отрядомъ [17]) и остановился на ночлегъ на урочищѣ Коппа-дагъ. 27-го іюля

---

[16]) Приказъ по корпусу 15-го ноября 1851 года № 166.

[17]) Составъ отряда: двѣ роты гренадерскаго Его И. В. В. Кн. Константина Николаевича полка, одна рота Тифлисскаго полка, съ крѣпостными ружьями, 2 горныхъ орудія № 3-го батареи 21-й артил. бригады, взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, полсотни казаковъ и сотня джаро-лезгинской конной постоянной милиціи.

отрядъ сталъ подниматься на Меседельгеръ. Подъемъ на эту чрезвычайно крутую гору по тропинкамъ, доступнымъ лишь для одинокихъ и ловкихъ пѣшеходовъ, имѣлъ результатомъ страшное утомленіе войскъ и нѣсколько оборвавшихся лошадей, съ ящиками, въ пропасть. Расположивъ на Меседельгерѣ небольшую часть отряда бивакомъ, и приказавъ топографамъ заняться съемкою окрестностей, кн. Орбеліани 28-го числа двинулся черезъ Моуровъ-дагъ и Маалъ-Раса, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли существуютъ на этомъ подъемѣ непріятельскіе завалы, и въ какой степени они сильны. Обогнувъ гору Моуровъ-дагъ, и выйдя къ подъему на Маалъ-Раса, отрядъ очутился противъ множества довольно сильныхъ и трудно доступныхъ заваловъ; обходныя тропы были также преграждены завалами. При приближеніи къ нимъ на ружейный выстрѣлъ, караулъ горцевъ, числомъ до 300 человѣкъ, открылъ огонь, но „отличное дѣйствіе нашихъ крѣпостныхъ ружей и стрѣлковъ и примѣрный порядокъ при движеніи (по словамъ кн. Орбеліани) были причиною, что непріятель не осмѣливался выказываться изъ за своихъ заваловъ“. Осмотрѣвъ мѣстность почти безпрепятственно, отрядъ отступилъ безъ преслѣдованія, такъ какъ горцы, парализованные штуцерами, не рѣшались выползать изъ своихъ закрытій. Цѣль рекогносцировки была вполнѣ достигнута, мѣстность въ окрестностяхъ названныхъ горъ была нанесена на карты, и князь Орбеліани, давъ 29-го числа войскамъ отдыхъ, 30-го двинулся обратно въ Закаталы. Но на этотъ разъ лезгины не измѣнили своимъ обычаямъ и массою собрались изъ сосѣднихъ обществъ, занявъ обѣ стороны дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать отрядъ. Едва онъ вытянулся, какъ они начали обстрѣливать его съ двухъ сторонъ и атаковали арріергардъ, гдѣ шли стрѣлки и егеря. Поручикъ Новицкій, уже доказавшій замѣчательное умѣнье пользоваться всѣми выгодами мѣстности, занимая одну за другою удобнѣйшія для стрѣлковъ позиціи, встрѣчалъ горцевъ самымъ губительнымъ огнемъ. Но это не останавливало ихъ, и они, надѣясь на свое численное превосходство, съ удвоенною энергіею послѣ каждаго отпора бросались вновь. Егеря подставляли имъ въ это время свои штыки и тѣмъ давали стрѣлкамъ возможность расположиться на слѣдующей позиціи и приготовиться къ новой встрѣчѣ. Преслѣдованіе въ этомъ родѣ продолжалось до четырехъ верстъ, но не утомило непріятеля. Наконецъ, это надоѣло начальнику отряда, и онъ поспѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для болѣе рѣшительнаго внушенія назойливымъ лезгинамъ. Пропустивъ большую часть войскъ, онъ остановилъ на небольшой площадкѣ немного пѣхоты, со взводомъ стрѣлковъ, а также и орудія, и открылъ по насѣдавшимъ партіямъ картечный и сильный штуцерной огонь. Горцы разомъ отхлынули и послѣ этого значительно охладили свои порывы. Не доходя четырехъ верстъ до Каписедара, они совершенно оставили войска въ покоѣ. Это отступленіе, благодаря мужеству тифлисцевъ, мѣткости огня стрѣлковъ и ихъ умѣнью примѣняться къ мѣстности, сопровождалось небольшою потерею: ранены одинъ оберъ-офицеръ и четыре нижнихъ чина, контуженъ одинъ рядовой.

Но не такъ счастливо отдѣлались наши противники. Относительно этого обстоятельства генералъ-маіоръ кн. Орбеліани доносилъ слѣдующее: „потеря непріятеля неизвѣстна, но надобно полагать, что она значительна, потому что онъ открыто подвергался картечнымъ выстрѣламъ нашей артилеріи,

равно какъ дѣйствію крѣпостныхъ ружей и взвода стрѣлковъ“ [18]). При одномъ только спускѣ съ Меседельгера лезгины потеряли четырехъ убитыми и шестерыхъ ранеными. Въ реляціи о награжденіи поручика Новицкаго слѣдующимъ чиномъ князь Орбеліани не забылъ отдать должную справедливость и его подчиненнымъ. Въ ней сказано: „офицеръ этотъ отличался храбростью и распорядительностью въ выборѣ позиціи для стрѣлковъ, мѣткій огонь которыхъ былъ одною изъ главныхъ причинъ, что непріятель долженъ былъ остановить дерзкое свое преслѣдованіе“. Стрѣлки получили два креста [19]).

Участвовали ли стрѣлки въ прочихъ дѣйствіяхъ лезгинскаго отряда, и насколько важно было ихъ участіе—къ сожалѣнію, официальные документы не выясняютъ, но приведенная реляція показываетъ, что они во всякомъ случаѣ не сидѣли безъ дѣла. Въ ней, между прочимъ, говорится: „кромѣ того онъ (поручикъ Новицкій) участвовалъ (надо полагать, не одинъ, а со стрѣлками) во всѣхъ движеніяхъ какъ въ горы, такъ и на плоскости, совершенныхъ въ семъ году лезгинскимъ отрядомъ“.

1851-й годъ ознаменателенъ одною реформою, имѣвшею весьма важное значеніе для баталіона: по ходатайству главнокомандующаго, Высочайше повелѣно: „1) при кавказскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, для устройства хозяйственной части онаго, имѣть ¼ инвалидной роты, изъ 5-ти унтеръ-офицеровъ и 65 рядовыхъ, по примѣру четвертей инвалидныхъ ротъ, состоящихъ при батареяхъ и подвижныхъ запасныхъ паркахъ кавказской артилерійской дивизіи. 2) Къ сформированію четверти инвалидной роты въ означенномъ баталіонѣ приступить съ 1-го января 1852-го года и съ сего же времени требовать по смѣтѣ сумму, слѣдующую на содержаніе оной“ [20]).

Мѣра эта не могла впослѣдствіи не отразиться благотворнымъ образомъ на стрѣлковомъ образованіи чиновъ баталіона. Будучи почти постоянно заняты военными дѣйствіями, далеко отъ штабъ-квартиры, стрѣлки неизбѣжно должны были отставать отъ своей спеціальности. При штабъ-квартирѣ рѣдко ихъ оставалось больше одной роты, но и эта рота, какъ бы отдыхавшая отъ боевыхъ трудовъ, принуждена была почти всецѣло отдаваться хозяйственнымъ занятіямъ, которыя не прекращались и зимою. Учрежденіе ¼ инвалидной роты избавляло баталіонъ отъ хозяйственныхъ заботъ, предоставляя ему возможность заниматься лишь дѣломъ, которое должно было всегда стоять на первомъ планѣ.

---

[18]) Рапортъ ген.-маіора кн. Орбеліани 2-го августа 1851 г. № 1789.

[19]) Унтеръ-офицеръ Илья Ивановъ (№ 90762) и рядовой Архипъ Боровковъ (№ 90763). (Дѣло особ. отд. ген. шт. 1851 г. № 181).

[20]) Приказъ по корпусу 30 марта 1851 года № 43.

X.

1852 годъ. Князь Барятинскій. Погромъ Чечни и участіе въ немъ команды стрѣлковъ. Сквозное движеніе съ Аргуна на Мичикъ. Рубка лѣса на Аргунѣ и Нефтянкѣ. Результаты экспедиціи. Виды Шамиля на Табасарань. Дѣйствія отряда, съ участіемъ взвода 3-й роты стрѣлковъ, въ Кайтагѣ. Тревоги. Дѣятельность взвода 4-й роты въ составѣ дагестанскаго отряда. Прибытіе въ Дагестанъ 2-й роты. Участіе въ дѣлахъ на лезгинской линіи взводовъ 1-й и 4-й ротъ. Нововведенія въ стрѣлковомъ вооруженіи.

Послѣ зимней экспедиціи 1850—51 гг. въ Чечнѣ 2-я рота стрѣлковъ разошлась изъ ст. Наурской повзводно въ Дагестанъ и на правый флангъ. Для лѣтнихъ же экспедицій оказалось невозможнымъ командировать въ Чечню стрѣлковъ въ виду большого ихъ расхода и сравнительной неважности проектированныхъ здѣсь предпріятій. Между тѣмъ въ этомъ году на поприще самостоятельной дѣятельности въ Чечнѣ выступилъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Барятинскій, смѣнившій генерала Нестерова, душевные недуги котораго не допускали къ дальнѣйшему исправленію обязанностей начальника лѣваго фланга кавказской линіи. Человѣкъ сильный и знатный, богато одаренный яснымъ и самостоятельнымъ умомъ, хорошо знакомый съ Кавказомъ, свободный отъ всякихъ превратностей, которымъ подвержена карьера огромнаго большинства дѣятелей, а въ то же время надѣленный страстью къ военной славѣ и къ громкимъ, блестящимъ подвигамъ, князь Барятинскій не могъ не внести въ область своихъ обязанностей новыхъ взглядовъ и воззрѣній на наши военныя дѣйствія въ краѣ. Онъ ихъ не преминулъ выразить тотчасъ же и уже съ той минуты положилъ основаніе иному характеру и направленію нашей дѣятельности въ Чечнѣ, которые постепенно создали третій фазисъ покоренія Кавказа. До 1846 года главнокомандующіе на Кавказѣ должны были во всей точности выполнять программы, выработанныя въ Петербургѣ на цѣлый годъ. Князь Воронцовъ оказался гораздо самостоятельнѣе своихъ предмѣстниковъ. Даргинская экспедиція выяснила, наконецъ, что необходимо многое предоставлять личному усмотрѣнію начальника края, и благіе результаты „полной мочи главнокомандующаго“ не замедлили обнаружиться. Князь Барятинскій пошелъ еще дальше. Онъ обставилъ постъ начальника отдѣльнаго отряда такою самостоятельностью, какою не пользовались раньше и главнокомадующіе. Вступивъ 1-го апрѣля въ завѣдываніе лѣвымъ флангомъ, онъ немедленно же представилъ свои проэкты по проложенію дорогъ и вообще по завоеванію Чечни. Проэкты эти, правда, не могли быть приняты тотчасъ же, потому что предстоящія военныя дѣйствія должны были идти согласно предначертаніемъ, уже утвержденнымъ Государемъ Императоромъ, но они были внесены въ предположенія на будущій годъ.

Лѣтнія дѣйствія 1851 года въ Чечнѣ, состоявшія изъ рекогносцировокъ, истребленія посѣвовъ, разворенія нѣкоторыхъ ауловъ и т. п., были не болѣе какъ подготовительными для зимней экспедиціи. Что касается сей послѣдней, то цѣль ея лучше всего изобразилъ въ своемъ донесеніи самъ князь Барятинскій: „углубиться въ большую Чечню по тѣмъ путямъ, по которымъ еще не проходила наша нога, и добраться до тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ насъ не было уже болѣе десяти лѣтъ назадъ; разбить непріятельскія скопища, уничтожить всѣ средства продовольствія жителей и непріятеля *и потомъ*

дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами“ [1]). Для выполненія этой задачи, къ 4-му января 1852 года былъ собранъ въ кр. Воздвиженской отрядъ изъ 11 баталіоновъ пѣхоты, 50 саперъ, 50 стрѣлковъ, 2 дивизіоновъ драгунъ, 6½ сотенъ казаковъ, ½ сотни милиціи, 24 орудій и 15 ракетныхъ станковъ. Взводъ стрѣлковъ, подъ командою подпоручика Аппельберга, прибылъ въ концѣ декабря 1851 года, испытавъ заранѣе въ пути нѣкоторыя неудобства зимняго похода, но все-таки явившись въ Воздвиженскую безъ больныхъ и отсталыхъ.

5-го января отрядъ переправился по мосту на правый берегъ Аргуна и, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, двинулся къ аулу Бани-юртъ и расположился лагеремъ недалеко отъ него. Къ этому времени прибыли въ большую Чечню также и большія скопища чеченцевъ и тавлинцевъ и наводнили собою всѣ аулы, лежащіе между теченіемъ рр. Джалки и Гумса. На другой день ожидали Шамиля еще съ новыми партіями и съ 6-ю орудіями, которыя, вмѣстѣ съ двумя пушками, бывшими въ распоряженіи чеченскаго и мичиковскаго наибовъ, должны были составить довольно грозную артилерію имама.

6-го января, въ 4 часа утра, отрядъ двинулся черезъ шалинскую просѣку на разоренный аулъ Шали и, поднявъ сильную тревогу въ окрестностяхъ, прошелъ безостановочно къ Автуры. Къ 11 часамъ онъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Хулхулау, передъ этимъ ауломъ. Непріятель, ожидая насъ на Бассѣ, не подозрѣвалъ объ этомъ направленіи и поэтому не имѣлъ возможности стянуться къ Автуры, защита которыхъ легла такимъ образомъ на однихъ только оставшихся тамъ жителей. Князь Барятинскій немедленно атаковалъ Автуры. Огнестрѣльный бой, въ которомъ принимали участіе лишь стрѣлки и артилерія, продолжался недолго. Когда же аулъ, состоявшій изъ 900 домовъ и расположенный на обрывистыхъ берегахъ рѣки, былъ достаточно обстрѣлянъ—на штурмъ двинулась пѣхота, быстро выбила защитниковъ и заняла его. Огромные запасы всякихъ предметовъ довольствія, собранные здѣсь для скопищъ Шамиля, были уничтожены; жители едва успѣли спасти свои семейства. Къ 12-ти часамъ на мѣстѣ боя сосредоточился весь отрядъ. Отсюда князь Барятинскій направилъ отдѣльную колонну къ близлежащему аулу Гельдыгенъ, такому же богатому и многолюдному, какъ и Автуры, и къ тремъ часамъ пополудни рѣшилъ его участь. Къ вечеру отрядъ возвратился къ Автуры на правый берегъ рѣки. Въ этихъ двухъ дѣлахъ стрѣлки принимали слабое участіе, такъ какъ аулы были взяты спалета, и слѣдовательно первая роль принадлежала кавалеріи, а затѣмъ штыку куринцевъ и кабардинцевъ, любимцевъ Воронцова и Барятинскаго.

Горцы рѣшились отомстить намъ при обратномъ нашемъ движеніи и поспѣшно укрѣпили батареями и завалами высоты Черныхъ горъ, прилегающихъ къ дорогѣ, по которой прошли наканунѣ наши войска. Огромныя же массы чеченцевъ съ Шамилемъ во главѣ заняли лѣсъ, лежащій на прямой дорогѣ отъ Автуры къ Шали.

7-го числа, на разсвѣтѣ, отрядъ переправился на лѣвый берегъ Хулхулау. Оставивъ здѣсь большую часть его, кн. Барятинскій, съ остальными войсками, въ числѣ которыхъ были и стрѣлки, двинулся вверхъ по ущелью

[1]) „Кавказскій Сборникъ“ т. V, стр. 8.

Хулхулау къ резиденціи Шамиля—Ведено, чтобы отвлечь непріятеля отъ нашего пути отступленія. Замѣтивъ опасность, угрожавшую главному центру Чечни, всѣ конныя и пѣшія толпы, бросивъ свои фланговыя позиціи, поспѣшили занять ближайшія высоты, чтобы остановить войска направленныя на Ведено. Маневръ удался такимъ образомъ блистательно, и путь нашего отступленія оказался обезпеченнымъ. Едва только войска втянулись въ ущелье версты на три, какъ затрещала сильнѣйшая ружейная перестрѣлка, прерываемая раскатами орудійныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Пройдя еще версты двѣ и пролагая себѣ дорогу картечью и штыками, войска наконецъ пріостановились. Кн. Барятинскій, ознакомившись, такимъ образомъ, съ подступами къ Ведено, приказалъ наскоро нанести ихъ на планъ и затѣмъ повернулъ назадъ къ Автуры. Первоначально непріятель пришелъ въ недоумѣніе, не угадывая, къ чему клонится этотъ маневръ, но когда колонна была уже на полпути къ своей позиціи, онъ массою нахлынулся на арріергардъ, гдѣ слѣдовали также и стрѣлки. Но было поздно, потому что мы находились уже подъ прикрытіемъ нашего лагеря. Отступая быстро и отстрѣливаясь во всѣ стороны, колонна прибыла къ Автуры, присоединила къ себѣ остальныя войска и, не задерживаясь ни минуты, двинулась прямою дорогою, черезъ лѣсъ, мимо Сади-юрта, къ Шали. Когда направленіе наше выяснилось, непріятель обратился на нашу дорогу, быстро опередилъ войска и занялъ такъ называемые андійскіе хутора, находившіеся у насъ на лѣвомъ флангѣ. Предстояло жаркое дѣло, котораго на этотъ разъ кн. Барятинскій не могъ избѣжать. Подойдя къ хуторамъ на ружейный выстрѣлъ, онъ отрядилъ два баталіона для занятія ихъ. Произошла отчаянная рукопашная схватка, среди которой Шамиль, желая поддержать поколебавшихся мюридовъ, нѣсколько разъ самъ бросался впередъ съ обнаженною шашкою въ рукахъ, какъ простой воинъ. Съ большимъ трудомъ удалось кое-какъ самоотверженнымъ мюридамъ прикрыть собою имама и спасти его отъ штыка нашихъ солдатъ. Хутора были взяты и немедленно превращены въ пепелъ. Послѣ этого отрядъ, истребивъ по дорогѣ всѣ аулы и огромные запасы сѣна и кукурузы, къ вечеру того же дня вернулся въ лагерь на Аргунъ.

Быстрыя, смѣлыя и хорошо расчитанныя движенія кн. Барятинскаго навели панику на населеніе. Они показали ему, „что отнынѣ большая Чечня всегда будетъ находиться подъ нашими ударами, отъ которыхъ не въ состояніи предохранить ее Шамиль всѣми соединенными силами ему подвластныхъ племенъ. Упадокъ духа непріятеля былъ видимый, не говоря о потеряхъ, понесенныхъ имъ людьми и имуществомъ“. Результаты эти добыты цѣною весьма небольшихъ пожертвованій [2]), къ удовольствію Государя Императора, написавшаго на донесеніи кн. Барятинскаго: *„хорошія дѣла; можно надѣяться на такія же послѣдствія; малость потерь невѣроятна“.*

Надлежало затѣмъ приступить къ рубкѣ предположенныхъ просѣкъ, чтобы открыть прямое и безопасное сообщеніе отъ кр. Воздвиженской къ р. Бассу, минуя шалинскій окопъ. Для этого князь Барятинскій, начиная съ 9-го января, сталъ ежедневно высылать изъ лагеря на Аргунѣ колонны, въ составъ которыхъ всегда входили и стрѣлки. Рубка производилась отъ Аргуна къ мезоинскимъ хуторамъ у подошвы Черныхъ горъ. Она нерѣдко

[2]) Убитъ 1, ранено 21 нижн. чина.

сопровождалась перестрѣлками, въ которыхъ стрѣлки, составляя постоянно цѣпь и прикрытіе рабочихъ, всегда были на высотѣ своего назначенія. Старослужилые изъ нихъ говорятъ, что они выходили на рубку какъ на практическую стрѣльбу и достигали такимъ образомъ двухъ цѣлей одновременно. 10-го января, при разгромѣ мезонскихъ хуторовъ, которые гнѣздились на первыхъ возвышеніяхъ, прилегающихъ къ Чернымъ горамъ между Аргуномъ и притоками Джалки, стрѣлкамъ пришлось принять участіе въ довольно жаркомъ бою.

Такъ все продолжалось до 17-го января, когда князь Барятинскій задумалъ привести въ исполненіе новое свое предпріятіе.

Послѣ устройства дороги изъ Ачхоя въ Урусъ-Мартанъ и кр. Воздвиженскую, большая часть населенія м. Чечни выселилась съ плоскости въ горы и сгруппировалась въ трущобахъ, лежавшихъ въ верховьяхъ рѣкъ Гойты, Гехи, Валерика, Шалажи и другихъ. Въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ появились здѣсь довольно значительные аулы, жители которыхъ не упускали случая тревожить такъ называемую большую русскую дорогу. Мѣры, предпринимавшіяся къ обузданію ихъ, по недостатку войскъ, не вполнѣ достигали цѣли. Теперь же этого недостатка не было, и кн. Барятинскій рѣшилъ наказать разбойничьи аулы. Движеніе къ нимъ было произведено двумя колоннами, изъ коихъ одна, въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты и съ частью артилеріи, подъ начальствомъ командующаго владикавказскимъ округомъ генералъ-маіора барона Вревскаго, приглашеннаго княземъ Барятинскимъ, выступила изъ бани-юртовскаго лагеря на Рошню 17-го января, въ 8 часовъ вечера, а другая, изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, 6 орудій, команды стрѣлковъ подпоручика Аппельберга и всей кавалеріи, съ княземъ Барятинскимъ во главѣ, двинулась четырмя часами позже на Гойту. Небольшая часть войскъ оставлена для охраненія лагеря и находившихся въ немъ тяжестей отряда. Кромѣ князя Барятинскаго и барона Вревскаго, никто не зналъ о настоящей цѣли движенія колоннъ. Послѣднему изъ нихъ удалось на разсвѣтѣ нагрянуть неожиданнымъ образомъ на аулы въ верховьяхъ Рошни и уничтожить ихъ. Онъ отступилъ въ порядкѣ къ Урусъ-Мартану, но имѣлъ весьма чувствительныя потери.

Въ то время, когда на Рошнѣ происходилъ сильнѣйшій бой, колонна князя Барятинскаго сосредоточилась передъ ущельемъ р. Гойты, въ виду множества ауловъ и хуторовъ съ обширнымъ населеніемъ. Дѣло открыла кавалерія атамана Круковскаго. Она выслалась впередъ, и прежде чѣмъ горцы могли собраться, налетѣла со всѣхъ сторонъ на ихъ жилища и предала ихъ пламени. Казаки, конечно, не пропустили удобнаго случая воспользоваться богатою добычею, но за то понесли такую потерю, которую имъ не могла вознаградить ни одна добыча въ мірѣ. Она заключалась въ любимомъ и весьма популярномъ среди всего терскаго казачьяго населенія атаманѣ Круковскомъ. Въ то время, когда онъ собиралъ и приводилъ кавалерію въ порядокъ, его смертельно поразила пуля. Отчаяніе овладѣло казаками; они бросились къ дорогому трупу и тутъ схватились съ налетѣвшими чеченцами. Надъ тѣломъ атамана закипѣла отчаянная рукопашная схватка. Чеченцы дрались съ ожесточеніемъ. Изъ резерва вынеслась сотня гребенцовъ, а за нею дивизіонъ драгунскаго полка; затѣмъ, 4-й баталіонъ куринцевъ и команда кавказскаго стрѣлковаго баталіона быстро выдвину-

лись въ первую боевую линію для смѣны казаковъ и драгунъ, которые отошли за пѣхотную колонну; куринцы же и стрѣлки приняли на себя огонь непріятеля. Штыки и штуцера скоро произвели свое дѣйствіе, но такъ же скоро пополнялась и толпа горцевъ, насѣдавшихъ съ возраставшею энергіею. Когда же пѣхоту подкрѣпили эриванцы, то обезсиленные чеченцы, наконецъ, прекратили преслѣдованіе. Какъ ни малочисленны были гомборцы, однако они обратили на себя вниманіе князя Барятинскаго, который въ своемъ донесеніи главнокомандующему писалъ между прочимъ: „мѣткія пули команды кавказскаго стрѣлковаго баталіона и стрѣлковъ егерскаго генералъ-адъютанта кн. Воронцова полка, которыми усилена была линія наша, нанесли непріятелю большую потерю“ [3]).

Тѣмъ временемъ, кавалерія наша, предавъ пламени еще нѣсколько ауловъ на Гойтѣ, отступила подъ прикрытіемъ пѣхоты. Зарево пожара долго обозначала теченіе Гойты и слѣдъ отряда. Затѣмъ колонна князя Барятинскаго соединилась съ войсками барона Вревскаго, и къ вечеру отрядъ былъ въ лагерѣ у Бани-юрта. Шамилю, спѣшившему въ малую Чечню, не удалось задержать его.

Съ 21-го января началась усиленная рубка просѣкъ къ мезопнскимъ полямъ, и высылались колонны по разнымъ направленіямъ для уничтоженія поселеній и запасовъ, приготовленныхъ для дагестанскихъ пришельцевъ, которыхъ чеченцы сильно не взлюбили за насилія и высокомѣріе, не говоря о томъ, что тѣ пожирали большіе запасы хлѣба и фуража въ Чечнѣ. 24-го числа князь Барятинскій двинулъ колонну къ Саитъ-юрту, гдѣ былъ одинъ изъ складовъ этихъ запасовъ. Кавалерія ознаменовала этотъ день славнымъ боемъ и съ полнымъ торжествомъ отступила въ лагерь подъ прикрытіемъ огня пѣхоты. Чеченцы отнеслись къ этому почти равнодушно. Тавлинцы, съ которыми пришлось намъ имѣть дѣло, возмущенные неблагодарностью чеченцевъ, не оказавшихъ имъ пособія, ушли въ Дагестанъ. Рубка лѣса къ мезопнскимъ хуторамъ и проложеніе просѣки къ верховьямъ Басса были окончены 31-го января. Удары, нанесенные скопищамъ Шамиля 6-го, 7-го, 10-го, 18-го и 24-го января, имѣли „прямое и всестороннее вліяніе на непокорное населеніе владикавказскаго округа и лѣваго фланга; истребленіе ауловъ въ нагорныхъ возвышенностяхъ между Аргуномъ и притоками Джалки, отнятіе полей вырубкою лѣса на р. Бассѣ къ верховьямъ его и въ окрестностяхъ Мезопна; наконецъ, движеніе, нѣсколько разъ исполненное войсками по открытымъ и населеннымъ равнинамъ большой Чечни, утвердили за нами этотъ военный путь“.

Но чеченскому отряду предстояло еще открытіе прямаго сообщенія отъ Грозной черезъ всю середину большой Чечни. Въ виду этого князь Барятинскій 1-го февраля двинулся внизъ по Аргуну и расположился лагеремъ близъ аула Тепли-Кичу. Новое расположеніе имѣло много выгодъ: 1) отрядъ сближался съ крѣпостью Грозной; 2) непріятель не имѣлъ по близости никакихъ продовольственныхъ запасовъ; 3) непокорные аулы праваго берега Сунжи подвергались большой опасности; 4) отряду легко и доступно было истребленіе вѣковыхъ лѣсовъ на Аргунѣ, служившихъ притономъ и оплотомъ непокорныхъ чеченцевъ, и т. д. Войска принялись за рубку этого лѣса и за сооруженіе мостовъ на Аргунѣ. Работа эта продол-

[3]) Донесеніе кн. Барятинскаго 22-го января 1852 года № 16.

жалась до 15-го февраля и обезпечила намъ сообщеніе между долинами Аргуна и Хулхулау. Не обходилось, конечно, безъ рекогносцировокъ, въ которыхъ и стрѣлки принимали живѣйшее участіе. Судя по журналу военныхъ дѣйствій, они не имѣли потерь, благодаря быстротѣ и неожидаонности, съ которыми кн. Барятинскій громилъ пріюты чеченцевъ. Наиболѣе выдающаяся рекогносцировка происходила 13-го февраля. Въ этотъ день была выслана колонна для окончательной вырубки лѣса по лѣвому берегу Джалки, въ составѣ, пяти баталіоновъ пѣхоты [4]), командъ стрѣлковъ и саперъ, части артилеріи и всей кавалеріи отряда, подъ начальствомъ полковника князя Чавчавадзе. Она выступила изъ лагеря въ темную ночь и на разсвѣтѣ стояла противъ Мискиръ-юрта. Чеченцы на этотъ разъ были не такъ безпечны: ихъ посты, расположенные въ опушкѣ лѣса по правому берегу Джалки, вовремя открыли появленіе русскихъ и немедленно разнесли тревогу, открывъ огонь по нашей передовой цѣпи. Послѣдняя немедленно была усилена стрѣлками и вслѣдъ затѣмъ, сбивъ и разогнавъ непріятеля, быстро перешла рѣку въ бродъ и заняла позицію на правомъ берегу. За цѣпью переправились кавалерія и часть пѣхоты, а саперы приступили къ разработкѣ спусковъ къ Джалкѣ и къ уничтоженію заваловъ, устроенныхъ непріятелемъ на противуположномъ берегу рѣки. Пока происходила работа и обзоръ мѣстности, перестрѣлка была слабая, но при отступленіи колонна была атакована многочисленною партіею. Хотя стрѣлки, замыкая собою шествіе, и удерживали повозможности чеченцевъ, но ихъ усилія были недостаточны, и потребовались ракеты и картечь, которыя и остановили преслѣдованіе [5]).

Съ 15-го февраля началась рубка лѣса на правомъ берегу Джалки. За полчаса до разсвѣта была выслана колонна, подъ командою генералъ-маіора Меллера-Закомельскаго, въ составѣ, между прочимъ, и стрѣлковъ. Она быстро прошла пространство между лагеремъ и Мискиръ-юртомъ. Пѣхота, со стрѣлками, переправилась черезъ рѣку и была встрѣчена огнемъ изъ завала, устроеннаго невдали отъ берега. Не ожидая особаго приказанія, она бросилась впередъ и штыками расчистила завалъ отъ партіи, вздумавшей оказать сопротивленіе. Однимъ изъ первыхъ вскочилъ на завалъ стрѣлокъ Викторъ Кирилловъ. Затѣмъ, авангардъ прошелъ черезъ лѣсъ и черезъ глубокій лѣсистый оврагъ и открылъ такимъ образомъ свободный путь всей колоннѣ. Непріятель, будучи малочисленъ, и не рѣшаясь, послѣ понесеннаго удара, на дальнѣйшее сопротивленіе, поспѣшилъ удалиться. Войска приступили къ рубкѣ лѣса, а саперы—къ разработкѣ спусковъ къ рѣкѣ и проходовъ.

Но тутъ непріятель не заставилъ себя долго ждать, и часа черезъ два или три по открытіи работъ значки его стали показываться на различныхъ пунктахъ и даже на лѣвомъ берегу Джалки. Завязалась перестрѣлка, сначала слабая, но скоро усилившаяся до крайнихъ предѣловъ. Стрѣлки, разсыпанные на краю оврага, оказали колоннѣ ту услугу, что когда Шамиль въ 11 часовъ подвезъ свои орудія, то, благодаря предупредительности штуцеровъ, придержавшихъ ихъ на почтительномъ отдаленіи вблизи аула Эрсеноя, не могъ своими ядрами нанести колоннѣ какой либо вредъ; а пол-

---

[4]) Двухъ баталіоновъ Навагинскаго, двухъ Кабардинскаго и одного баталіона Куринскаго пѣхотныхъ полковъ.

[5]) Рапортъ кн. Барятинскаго 22-го февраля 1852 г. № 36.

чище его также не рѣшалось сходиться съ гомборцами на дѣйствительный ружейный выстрѣлъ и, выбравъ безопасныя закрытія, издали поддерживало неумолкаемую трескотню вплоть до окончанія работъ. Когда колонна приготовилась къ отступленію, стрѣлки снялись съ позиціи, перешли на лѣвый берегъ Джалки и, подъ защитою своего огня, пропустили всѣ войска. По пятамъ арріергарда чеченцы, съ своими орудіями, также переправились черезъ Джалку и удвоили натискъ. Наша артилерія отбросила ихъ картечью и отбила всякую охоту къ преслѣдованію. Колонна возвратилась въ лагерь съ незначительными потерями; но стрѣлки все же принесли двухъ тяжело раненыхъ товарищей.

Къ 16-му февраля, съ уничтоженіемъ вѣковаго лѣса на правомъ берегу Джалки, мы имѣли передъ собою поляны, которыя открывали намъ глубину большой Чечни, а также и просѣку отъ Аргуна въ долину Хулхулау. Очередь теперь настала для лѣсовъ на Хулхулау, и Шамиль зналъ это. Онъ предвидѣлъ ударъ, который готовилъ ему кн. Барятинскій, и назначилъ поголовный сборъ чеченцевъ на 17-е число, чтобы испортить всѣ дороги, проходившія по мѣстамъ, очищеннымъ отъ лѣса, и тѣмъ хоть на нѣкоторое время обезпечить жителей отъ вторженія нашихъ войскъ. Опасность сознавали также и чеченцы, вслѣдствіе чего охотно собрались въ назначенный день. Это былъ прекрасный случай, которымъ воспользовался князь Барятинскій для разгромленія такого большого сборища и проложенія прямаго сообщенія черезъ всю большую Чечню отъ Грозной въ укр. Куринское.

Оставивъ часть войскъ для прикрытія лагеря, князь Барятинскій двинулся съ остальными, передъ разсвѣтомъ 17-го февраля, по вновь разработанной дорогѣ, на Мискиръ-Юртъ и прошелъ все это пространство „по полямъ и выгонамъ, изрѣдка пересѣкаемымъ мелкими букетами кустовъ, прогоняя непріятельскіе передовые посты, расположенные по дорогѣ“ [6]). Благодаря обычной быстротѣ, съ которою кн. Барятинскій вообще водилъ войска, отрядъ неожиданно появился передъ аулами Цацынъ и Эманы и взялъ ихъ сналета. Непріятель окружилъ отрядъ и завязалъ перестрѣлку съ боковыми цѣпями. Угадавъ, что русскіе идутъ на Мичикъ, Шамиль покинулъ свою позицію на Бассѣ и съ многочисленнымъ скопищемъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ, двинулся на Хулхулау. Мосты на этой рѣкѣ были сняты, дороги испорчены, а правый берегъ ея укрѣпленъ завалами. Первый серьезный бой завязался за ауломъ Эманы, гдѣ непріятель насѣлъ на нашу лѣвую цѣпь, которую занимали, между прочимъ, и стрѣлки. Поддерживая неумолкаемую пальбу, но не останавливаясь ни на минуту, отрядъ дошелъ до Хулхулау и, прикрываемый лѣвою цѣпью, быстро занявшею правый берегъ рѣки, переправился въ бродъ. Непріятель набросился на арріергардъ полковника Веревкина, но былъ отброшенъ съ большимъ урономъ. Отсюда князь Барятинскій взялъ направленіе на Маюртупъ. Шамиль рѣшился еще разъ преградить ему дорогу, и неутомимыя толпы его понеслись опережать русскихъ, чтобы устроить завалы. Тѣмъ временемъ, князь Барятинскій далъ отряду привалъ у Гельдыгена и, сдѣлавъ надлежащія перестановки въ боевомъ порядкѣ, двинулся далѣе. Стрѣлки на этотъ разъ были въ авангардѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ командира Куринскаго полка флигель-адъютанта полковника князя Воронцова. Непріятель накинулся на арріергардъ, гдѣ шли

[6]) Рапортъ кн. Барятинскаго 22-го февраля 1852 г. № 36.

кабардинцы, и весь интересъ дѣла съ этого времени сосредоточился у нихъ. Наконецъ, послѣ тридцати-верстнаго утомительнаго перехода съ боемъ, отрядъ прибылъ на ночлегъ въ Маюртупъ, не пощадивъ по дорогѣ ни одного непріятельскаго аула.

До Мичика оставалось всего десять верстъ; но это незначительное разстояніе нужно было пройти сквозь тысячу препятствій и опасностей. Единственная дорога проходила черезъ обледенѣлые берега р. Гонсаула и черезъ густой орѣшникъ. Чтобы сколько нибудь парализовать сопротивленіе, которое могъ встрѣтить отрядъ, и облегчить ему слѣдованіе на Мичикъ, Барятинскій послалъ двухъ нарочныхъ, разными путями, въ Куринское укрѣпленіе, къ полковнику Бакланову, съ приказаніемъ: Собрать всѣ находящіяся подъ рукою войска и выступить немедленно къ аулу Гурдали. Это движеніе должно было значительно развлечь силы Шамиля. Бакановъ живо собралъ небольшой отрядъ, съ чрезвычайною осторожностью перевалилъ въ темную ночь черезъ Качкалыковскій хребетъ и на разсвѣтѣ подошелъ къ Гурдали. Въ это время выступилъ съ ночлега и Барятинскій. Порядокъ движенія остался тотъ же, что наканунѣ, и стрѣлки шли въ авангардѣ. Едва только вытянулся отрядъ, какъ загремѣла перестрѣлка. Всѣ холмы и возвышенности, командующіе надъ дорогою, оказались занятыми непріятелемъ. Съ несмолкаемымъ боемъ отрядъ прошелъ множество балокъ и овраговъ, успѣшно отражая огнемъ и штыкомъ всѣ нападенія скопищъ, скрывавшихся въ лѣсу. Наконецъ, послышались выстрѣлы изъ колонны Бакланова, и, послѣ отчаянной рукопашной схватки съ чеченцами, обѣ колонны соединились и стали переправляться черезъ Гонсаулъ. Весь шанцевый инструментъ былъ пущенъ въ ходъ для очистки береговъ рѣки отъ льда. Однако чеченцы и не думали помѣшать переправѣ. Громадныя партіи ихъ спѣшили въ это время, вдоль по Мичику, къ тому мѣсту, куда выходила просѣка отъ укр. Куринскаго. Здѣсь Шамиль занялъ позицію и расположилъ на ней до 10 тысячъ человѣкъ и четыре орудія. Барятинскій приказалъ Бакланову повести на непріятеля фронтальную атаку. Пока все вниманіе Шамиля было обращено на эту колонну, кн. Барятинскій, окончивъ переправу черезъ Гонсаулъ, прологалъ себѣ дорогу къ Мичику. Приказавъ главнымъ силамъ поспѣшно переправляться черезъ Мичикъ, начальникъ отряда ввѣрилъ Бакланову всю артилерію и поручилъ ему остаться въ арріергардѣ, удерживая непріятеля во все время переправы, а потомъ—отступить „по собственному усмотрѣнію“ [7]). Баклановъ, съ честью и съ замѣчательнымъ искусствомъ, при незначительныхъ потеряхъ, исполнилъ возложенное на него порученіе. Сначала онъ избавился отъ батарейныхъ орудій, двинувъ ихъ къ переправѣ, а чтобы замаскировать ихъ движеніе, приказалъ легкимъ орудіямъ открыть учащенную пальбу. Вслѣдъ за этимъ пѣхотѣ данъ приказъ перебраться за Мичикъ съ возможною быстротою, „не заботясь о порядкѣ“. По этому приказу вся масса пѣхоты бросилась стремглавъ на Мичикъ и, какъ одинъ человѣкъ, очутилась на другомъ берегу. Когда тяжелая артилерія и пѣхота были уже на другомъ берегу, Баклановъ сразу прекратилъ пальбу, подхватилъ кавалерію съ легкими орудіями и стрѣлою перенесся на правый берегъ рѣки. Горцы были поражены неожиданностью, и намѣреніе ихъ броситься въ шашки такъ и осталось намѣреніемъ. Поздно ночью всѣ войска сосредото-

[7]) „Кавказскій Сборникъ“ т. V., стр. 129.

чились въ Куринскомъ. Давъ имъ отдохнуть здѣсь два дня, Барятинскій выступилъ съ ними 20-го февраля и черезъ Брагуны привелъ ихъ въ Грозную.

Донося о событіяхъ 17-го и 18-го февраля, начальникъ отряда „затруднялся называть отдѣльно каждаго отличившагося офицера, такъ какъ ихъ было очень много“. Что касается лично его самого, то онъ, дѣйствуя до сихъ поръ „по обстоятельствамъ“, доказалъ самымъ наглядным образомъ, что ни фанатизмъ нашего противника, ни его численное превосходство и ничто другое не составляютъ преградъ къ достиженію нашей цѣли, если во главѣ русскаго отряда находится военачальникъ самостоятельный, предпріимчивый и ведущій дѣло опытною и искусною рукою.

Такъ какъ до срока, опредѣленнаго для окончанія зимней экспедиціи, оставалось сравнительно много времени, то начальникъ чеченскаго отряда, за неимѣніемъ въ перспективѣ случая разбить какое либо непріятельское скопище, занялся рубкою лѣса и проложеніемъ просѣки внизъ по теченію Аргуна. Этотъ вѣковой лѣсъ закрывалъ собою отъ нашего вліянія довольно обширную равнину, простиравшуюся до низовьевъ Джалки, а на той равнинѣ чеченцы пользовались сѣнокосомъ и причиняли покорнымъ намъ ауламъ много хлопотъ. 25-го февраля отрядъ выступилъ изъ Грозной, двинулся черезъ Ханбулатъ-юртъ на Аргунъ и расположился лагеремъ на обоихъ его берегахъ у бывшаго аула Устаръ-Гордоя. Немедленно началась рубка просѣки американскими топорами и продолжалась четыре дня, причемъ всегда колонны ходили въ сопровожденіи стрѣлковъ. Берега Аргуна были совершенно расчищены, и проложена широкая просѣка, открывавшая намъ свободный доступъ къ полямъ за Аргуномъ. Въ первыхъ же числахъ марта былъ вырубленъ лѣсъ на р. Нефтянкѣ [8]), чтобы открыть Воровскую балку, служившую притономъ хищническихъ партій въ лѣтнее время. Пятаго марта чеченскій отрядъ былъ распущенъ, и стрѣлки прибыли въ Гомборы 27-го марта. За зимнюю экспедицію 1851—52 гг. они удостоились слѣдующихъ наградъ: за дѣло 18-го января „примѣрно храбрый и хладнокровный подпоручикъ Аппельбергъ, подъ командою котораго мужественные стрѣлки въ правой цѣпи мѣткимъ и правильнымъ огнемъ отбили и обратили въ бѣгство значительныя партіи горцевъ, сильно тѣснившихъ отступавшихъ казаковъ“— награжденъ слѣдующимъ чиномъ. За это же дѣло и за другія пожаловано на команду четыре знака отличія военнаго ордена [9]).

Исчисляя результаты зимней экспедиціи 1852 года, князь Барятинскій писалъ: „чеченскій отрядъ въ теченіе двухмѣсячной зимней экспедиціи привелъ въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ предназначенныя работы по проложенію просѣкъ въ большой Чечнѣ. Вырубкою весьма значительнаго количества лѣса войсками нашими открыты доступы въ б. Чечню по всѣмъ направленіямъ со стороны Воздвиженской, кр. Грозной и Тепли-Кичу, и непріятельское населеніе, чувствуя, что не можетъ спастись отъ нашихъ ударовъ, очистило всю плоскость между Аргуномъ и Джалкою“. Дѣйствительно, враждебное намъ населеніе было до того стѣснено и раззорено, въ

---

[8]) Притокъ Сунжи съ лѣвой стороны.

[9]) Знаки отличія военнаго ордена св. Георгія возложены на слѣдующихъ нижнихъ чиновъ: за 18-е января на рядоваго Ивана Балабанова; за взятіе 15-го февраля завала— на рядоваго Виктора Кирилова; за торжественное шествіе съ Аргуна на Мичикъ—на унтоф. Александра Корганова и на рядоваго Кузьму Мельникова. (Д. особ. отд. 1852 г. № 10).

особенности корыстолюбивыми наибами Шамиля, что предпочло наше покровительство и начало стекаться къ намъ съ изъявленіемъ покорности. Выходцы поселялись вблизи нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ и вскорѣ образовали новые аулы. Начальство наше оказывало имъ существенное покровительство; оно дало имъ администрацію и даже собственный народный судъ. Всѣ старанія Шамиля удерживать чеченцевъ на старыхъ мѣстахъ не приводили ни къ чему, и, послѣ недавняго погрома, не только значительная часть ихъ, намъ покорившаяся, но и всѣ они возненавидѣли Шамиля и самую войну, тогда какъ жизнь подъ сѣнью русскаго штыка обѣщала имъ мирное существованіе.

Не везло Шамилю также и въ Дагестанѣ. Рѣшивъ еще осенью 1851 года взволновать противъ насъ кайтаго-табасаранцевъ, онъ однако уступилъ совѣту разсудительныхъ наибовъ и отложилъ свое намѣреніе до весны 1852 года. Но чтобы походъ въ эту страну, гдѣ пока было мало расчетовъ на любезность населенія, представлялъ торжественное шествіе и во всякомъ случаѣ не встрѣчалъ препятствій враждебнаго свойства, имамъ вздумалъ пока подготовлять почву. Изъ наибовъ никто не рѣшался служить піонеромъ мюридизма въ этой окраинѣ, въ особенности послѣ исторіи съ Хаджи-Муратомъ. Боясь встрѣтить неповиновеніе своихъ сподвижниковъ, имамъ оставилъ ихъ въ покоѣ и намѣтилъ для своихъ цѣлей нѣкоего кумухскаго бѣглеца Букъ-Магомета. Онъ приказалъ ему вторгнуться въ Табасарань съ 300 такихъ же абрековъ и возмутить населеніе противъ невѣрныхъ. Букъ-Магометъ, вынужденный незадолго до того выселиться будто бы по случаю въ горахъ неурожая, не могъ отказать имаму, такъ какъ былъ на его содержаніи и не имѣлъ средствъ къ существованію внѣ его владѣній. Въ ночь на 31-е декабря онъ пробрался съ своею шайкою въ Табасарань, но, не найдя здѣсь достаточно гостепріимства, такъ какъ табасаранцы еще не успѣли забыть князя Аргутинскаго, перешелъ въ Кайтагъ. Наилучшій пріемъ Букъ-Магомету оказали жители аула Шеляги, расположеннаго въ ущельи, среди лѣсистыхъ горъ, и служившаго притономъ для всякаго рода безпокойныхъ людей. Аулъ, конечно, немедленно былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, и населеніе дало клятву биться съ русскими до послѣдняго издыханія.

Князь Аргутинскій скоро узналъ о продѣлкахъ Букъ-Магомета. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ бѣглецъ неспособенъ ни на что серьезное; но чтобы успокоить преданное намъ населеніе и наказать Магомета за дерзость, собралъ въ Кайтагѣ отрядъ, въ составъ котораго поспѣшно вытребовалъ изъ Кафыръ-Кумыка и взводъ 3-й роты стрѣлковъ, подъ командою подпоручика Мещеринова [10]). Отрядъ этотъ былъ ввѣренъ генералъ-маіору Суслову, которому кн. Аргутинскій приказалъ прибѣгнуть къ оружію лишь въ крайности. О сборѣ отряда имамъ, конечно, немедленно же получилъ надлежащія свѣдѣнія, и чтобы отвлечь наше вниманіе отъ похожденій Букъ-Магомета, приказалъ наибамъ: араканскому, гергебильскому и аварскому—вторгнуться съ значительными партіями въ мехтулинское ханство. Попытка эта, а также нѣкоторыя другія безчинства лезгинъ были какъ нельзя лучше преду-

[10]) Кромѣ стрѣлковъ, въ составъ отряда вошли: 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго, 1-й баталіонъ Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, 4 орудія и 2 мортиры горной № 4 батареи 21 артил. бригады, двѣ сотни донскаго казачьяго № 14 полка, двѣ сотни кубинскихъ конныхъ нукеровъ и двѣ сотни кумухской милиціи.

преждены маіоромъ Лазаревымъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, герой Аладжи и Карса), который быстро являлся съ милиціею во всѣхъ угрожаемыхъ мѣстахъ и обращалъ враговъ въ бѣгство.

Между тѣмъ, 14-го января отрядъ генерала Суслова стянулся въ Великентѣ и отсюда двинулся на слѣдующій день въ Маджалисъ—мѣстопребываніе управляющаго Кайтагомъ. Здѣсь были собраны всѣ нужныя свѣдѣнія касательно Букъ-Магомета, и оказалось, что, кромѣ Шеляги, кайтагцы укрѣпили завалами тѣснину, черезъ которую русскіе должны были пройти, еслибы вздумали атаковать аулъ. Тѣснина эта, или какъ тогда называли „природныя ворота“, находилась въ семи верстахъ отъ Маджалиса по дорогѣ къ Шеляги. Генералъ Сусловъ не спѣшилъ наступленіемъ, ожидая, что горцы образумятся, и потому 15-е число провелъ на дневкѣ. Но жители не только не думали являться съ изъявленіемъ покорности, но еще пришлись съ большимъ усердіемъ укрѣплять всѣ подступы къ Шеляги. Они построили на горѣ Каръ-Кая-Пиръ крѣпкіе завалы и заняли ихъ; къ нимъ пришла часть партіи Букъ-Магомета, и кромѣ того, жители другихъ трехъ ауловъ ожидали насъ съ оружіемъ въ рукахъ. 16-го января генералъ Сусловъ двинулся съ отрядомъ къ „тѣснинѣ“. Горцы, занимавшіе ее и Каръ-Кая-Пиръ, встрѣтили войска сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Сусловъ снарядилъ обходную колонну изъ милиціи, и чтобы облегчить фронтальное движеніе къ тѣснинѣ, направилъ ее на возвышенности въ тылъ непріятелю. Артилеріи и разсыпанному взводу кавказскихъ стрѣлковъ подпоручика Мещеринова приказано обстрѣлять тѣснину съ фронта. Мѣткій огонь произвелъ чрезвычайное дѣйствіе. Скалы, груды камней и завалы не спасали скрывавшихся за ними горцевъ, и они поколебались весьма скоро. Увидя это, генералъ Сусловъ двинулъ пѣхоту на штурмъ. Проходъ во мгновеніе ока очутился въ нашихъ рукахъ, и защитники бѣжали въ ужасѣ, оставивъ намъ трофеемъ одинъ значокъ и девять лошадей. „Храбрый“ прапорщикъ Лукинъ, молодецки распоряжавшійся стрѣлками при форсированіи тѣснины, былъ тяжело раненъ и именно въ то время, когда, вмѣстѣ съ своими подчиненными, во главѣ пѣхоты бросился въ штыки. Пуля попала ему въ правую ногу и раздробила кость. Вся потеря отряда состояла изъ одного раненаго оберъ-офицера и 9-ти нижнихъ чиновъ, изъ коихъ одинъ стрѣлокъ. Отсюда отрядъ двинулся къ небольшому аулу Мишкелю, жители котораго бѣжали въ Шеляги. Аулъ немедленно былъ разрушенъ до основанія. 17-го января, давъ отряду дневку, генералъ Сусловъ, помня приказаніе князя Аргутинскаго, вошелъ съ мятежными шелягинцами въ переговоры; но всѣ увѣщанія его и угрозы оказались напрасными. Шелягинцы отвѣчали, что еслибы русскихъ было въ сто разъ болѣе, то и тогда они не впустятъ ихъ въ свой аулъ.

Дѣлать нечего, 18-го января отрядъ подступилъ къ Шеляги. Аулъ былъ расположенъ въ горной лощинѣ; съ правой стороны къ нему примыкала гора, укрѣпленная каменными завалами, а съ лѣвой стороны находился оврагъ съ обрывистыми скатами, по дну котораго протекала рѣчка Уллу-чай. Но главная оборонительная сила заключалась въ его фронтѣ, и именно въ прочныхъ и крѣпкихъ постройкахъ. Всѣ сакли были возведены изъ тесанаго камня и снабжены многочисленными бойницами въ два яруса и по всѣмъ направленіямъ; узкіе проходы между ними дѣлали невозможнымъ движеніе

въ рядъ трехъ человѣкъ. Штурмъ такой твердыни былъ очень труденъ и во всякомъ случаѣ обѣщалъ большое кровопролитіе; но, не взирая на это, Сусловъ рѣшилъ атаковать ее. Для этого онъ далъ слѣдующую словесную диспозицію: одному баталіону ширванцевъ сбить непріятеля съ командующей надъ аулomъ горы съ правой стороны и занять ее; другой баталіонъ того же полка и баталіонъ самурцевъ, при 4-хъ единорогахъ и двухъ мортирахъ, должны были открыть дѣйствія съ фронта и имѣть въ виду прежде всего внѣшніе фронтальные завалы; кавалеріи приказано — въ случаѣ занятія пѣхотою горы и удара съ фронта, обскакать аулъ съ лѣвой стороны; стрѣлковый же взводъ раздѣленъ былъ на двѣ части: одной велѣно разсыпаться передъ нашимъ правымъ флангомъ, обстрѣливать гору и фланговые завалы, и тѣмъ облегчить ширванцамъ занятіе ихъ, а другой — разсыпаться въ цѣпь передъ центромъ нашего расположенія и открыть огонь по фронтальнымъ заваламъ и по саклямъ. Въ помощь гомборцамъ были выдвинуты горныя орудія, безъ которыхъ штуцера едва ли могли бороться съ каменными завалами. Стрѣльба продолжалась до 12 часовъ. Шелягинцы и бѣглецы Букъ-Магомета не уступали намъ и не жалѣли пороха; но послѣ продолжительной канонады выстрѣлы ихъ порѣдѣли, и Сусловъ, полагая, что они упали духомъ, прекратилъ пальбу и двинулъ пѣхоту на штурмъ. Было ровно 12 часовъ, когда стрѣлки, быстро надѣвъ ножи на свои штуцера, вмѣстѣ съ баталіонами ширванцевъ и самурцевъ, пошли на завалы. Одновременно съ ними гора надъ аулomъ съ правой стороны и фланговые завалы, защитники которыхъ уже порядочно поколебались отъ огня стрѣлковъ, были атакованы и взяты ширванцами, а кавалерія обскакала аулъ съ лѣвой стороны для того, чтобъ отрѣзать горцамъ путь отступленія.

Тяжеле всего пришлось войскамъ вести штурмъ съ фронта. При приближеніи ихъ, замолчавшіе на время завалы и сакли загрохотали тысячью выстрѣловъ. Горцы, занявъ всѣ бойницы, отверстія въ стѣнахъ и завалы, открыли такой убійственный огонь, что генералъ Сусловъ хотѣлъ отозвать штурмующихъ. Однако послѣдніе, не обращая вниманія на залпы непріятеля, подвигались съ неотразимымъ упрямствомъ и черезъ нѣсколько мгновеній овладѣли передовыми завалами. Но эти преграды не могли служить имъ хотя бы временнымъ закрытіемъ, и колонна, съ крикомъ „ура“, бросилась въ аулъ. Закипѣла ожесточенная пальба; весь аулъ погрузился въ густой пороховой дымъ; опытные солдаты тотчасъ же сгруппировались въ кучки и начали штурмовать отдѣльно каждую саклю, представлявшую маленькую крѣпость съ гарнизономъ въ 10—15 человѣкъ. Они съ ожесточеніемъ врывались въ эти темныя сакли, въ ямы, въ погреба; отчаянная рѣзня охватила всѣ углы. Выбиваемые изъ своихъ жилищъ и выкуриваемые изъ зажигаемыхъ саманниковъ, защитники вступали въ ожесточенный бой въ тѣсныхъ закоулкахъ своего аула и погибали геройскою смертью, производя немалыя опустошенія и въ нашихъ рядахъ. Потеря наша, по занятіи пятидесяти передовыхъ сакль, была громадная, но отозвать теперь войска изъ аула было бы неумѣстно: съ одной стороны, цѣль нашихъ дѣйствій не была бы достигнута, а съ другой—отступленіе было бы сопряжено съ большимъ урономъ. Между тѣмъ оставалось еще штурмовать отъ 60 до 70 сакль. Генералъ Сусловъ приказалъ остановить штурмъ и поджечь ихъ. Въ то время, какъ стрѣлки, ширванцы и самурцы, засѣвъ въ занятыхъ

сакляхъ, удерживали ихъ за собою, роты, овладѣвшія горою, окружили аулъ и поджигали его. Бой продолжался до поздней ночи, когда почти все селеніе было охвачено пламенемъ. Крѣпкій и грозный до того времени аулъ представлялъ груду камней; весьма немногимъ изъ его защитниковъ удалось, пользуясь дымомъ и темнотою, спастись отъ нашего штыка. Букъ-Магомета нашли въ глубокомъ подвалѣ смертельно раненаго, сильно обожженнаго и просившаго пощады [11]). Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 142 убитыхъ и 362 раненыхъ; кромѣ того, 200 лошадей, 6 значковъ и сѣкиру, данную Шамилемъ Букъ-Магомету при отправленіи его въ этотъ злополучный для него походъ. Но и отрядъ нашъ пострадалъ весьма чувствительно: 24 офицера, 490 нижнихъ чиновъ, 60 милиціонеровъ выбыли изъ строя убитыми, ранеными и контуженными. О потерѣ стрѣлковъ нѣтъ отдѣльнаго свѣдѣнія, но старослужилые считаютъ ее „большою“.

Дѣйствія генерала Суслова кн. Аргутинскій находилъ заслуживающими „полнаго одобренія, какъ слѣдствіе настоятельной необходимости, и исполненными съ основательнымъ соображеніемъ и похвальною твердостью“. Онъ доносилъ кн. Воронцову: „всѣ офицеры дрались, какъ требуетъ честь русскаго оружія, и потому превышаютъ всякую похвалу“ [12]).

За дѣла 16-го и 18-го февраля стрѣлки были достойно вознаграждены. „Примѣрно распорядительные и неустрашимые“ подпоручикъ Мещериновъ и прапорщикъ Лукинъ, „за отличное примѣненіе стрѣлковъ къ мѣстности и нанесеніе сильнаго вреда непріятелю мѣткими выстрѣлами“, произведены въ слѣдующіе чины: каптенармусъ Дмитрій Николаевъ награжденъ второю третью пенсіи на имѣвшійся у него знакъ отличія военнаго ордена, а остальные стрѣлки получили три креста [13]). Вознагражденіе это далеко превосходило относительную численность стрѣлковъ и, конечно, не можетъ не служить краснорѣчивымъ доказательствомъ ихъ блистательныхъ подвиговъ въ Кайтагѣ.

Послѣ окончательнаго разрушенія Шеляги генералъ Сусловъ не могъ немедленно же оставить Кайтагъ, въ которомъ малѣйшая искра мюридизма могла обратиться въ пожаръ. Между тѣмъ холода и отсутствіе топлива были весьма чувствительны для отряда. Въ виду этого, послѣдній 20-го января былъ передвинутъ въ нижнія деревни Терекемейскаго участка, „гдѣ меньше холода и болѣе удобствъ для отдыха“, и здѣсь расположился по квартирамъ. Но жители присмирѣли, и Шамиль могъ только сожалѣть, что предпринялъ такую пагубную для своего престижа попытку взволновать Кайтаго-Табасарань. Съ этого времени онъ бросилъ всякія затѣи для распространенія въ этомъ краѣ мюридизма и направилъ всѣ свои усилія къ нанесенію намъ возможно сильнаго вреда въ Кахетіи — хотя и не оставлялъ въ покоѣ нѣкоторыя провинціи прикаспійскаго края. Такъ, 6-го марта князь Аргутинскій узналъ, что въ горахъ дѣлаются сборы, и скопища направляются въ Аварію и въ Андаляль, куда прибылъ и Шамиль, намѣревавшійся

---

[11]) Князь Воронцовъ приказалъ предать его суду, какъ измѣнника, бѣжавшаго къ Шамилю. Букъ-Магомета держали поэтому въ заключеніи при темиръ-ханъ-шуринскомъ госпиталѣ, но онъ умеръ до осужденія.

[12]) Рапортъ 20-го января 1852 г. № 76.

[13]) Унтеръ-офицеры: Михаилъ Левинъ (№ 90126), Елисѣй Петровъ (№ 89341) и Алексѣй Минаевъ (№ 90160). (Дѣло особ. отд. 1852 г. № 15).

вторгнуться въ предѣлы прикаспійскаго края. Хотя командующій войсками и не придавалъ особеннаго значенія преднамѣреніямъ имама, тѣмъ не менѣе собралъ отрядъ и распредѣлилъ его по пограничной линіи для прикрытія ханствъ, а для огражденія даргинскаго округа приготовилъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ три баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, третью роту кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ драгунъ, шесть сотенъ дагестанскихъ всадниковъ и 4 единорога горной № 2 батареи.

8-го марта выпалъ большой снѣгъ, и выступленіе войскъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры было пріостановлено до полученія вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Оказалось, что Шамиль прибылъ въ горы для вразумленія дагестанцевъ, бѣжавшихъ изъ Чечни, и громогласно проклиналъ ихъ, какъ единственныхъ виновниковъ несчастій зимней чеченской экспедиціи. Приказавъ укрѣпить аулы по аварскому Койсу и Кара-Койсу, и сказавшись больнымъ, онъ отправился въ Ведено.

Въ это время и кн. Аргутинскій, къ величайшему прискорбію стрѣлковъ и всего отряда, также уѣхалъ для леченія заграницу, на воды. Командованіе войсками прикаспійскаго края было временно поручено генералъ-маіору князю Орбеліани. Шамиль ожилъ, пріободрился и, поспѣшно собравъ скопища, устремился съ ними въ Андію, къ нашимъ предѣламъ; Даніельбеку же послалъ приказаніе взволновать джаро-белаканскій округъ. Но войска наши не дали себя предупредить. Быстро, форсированнымъ маршемъ, размѣстились они по всему кордону — и прикаспійскій край былъ прикрытъ. При этомъ третья рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, въ составѣ особой колонны, 5-го іюня заняла кутешинскія высоты. Такимъ образомъ, ни Шамиль, ни Даніельбекъ не съумѣли застать насъ врасплохъ. Имамъ крѣпко обозлился, особенно на наибовъ чохскаго и согратльскаго, за передачу ему ложныхъ свѣдѣній объ отсутствіи на линіи русскихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая воспользоваться отсутствіемъ кн. Аргутинскаго, и сталъ собирать скопища у развалинъ Салты. Слухъ объ этомъ быстро дошелъ до начальника отряда. Желая предупредить опасность, которою грозили эти сборы Цудахару и Ходжалъ-Махи, а кстати и осмотрѣть окрестности Салты, князь Орбеліани двинулъ туда, 30-го іюля, небольшой отрядъ, въ составъ котораго вошла и третья рота стрѣлковаго баталіона. 31-го іюля войска прибыли на Турчидагъ, гдѣ встрѣтили отрядъ генерала Суслова, пришедшій съ гамашинскихъ высотъ, а съ нимъ вмѣстѣ и взводъ 4-й роты поручика Максимова. Перейдя 1-го августа въ окрестности разворенной деревни Кудали, князь Орбеліани узналъ, что скопище горцевъ, при приближеніи русскихъ, 31-го числа разошлось по домамъ. Около Салты все было въ томъ же состояніи, въ какомъ оставили эти развалины наши войска въ 1847 году. Всѣ три взвода гомборцевъ были именно тѣ стрѣлки, которые пять лѣтъ назадъ участвовали въ разгромленіи Салты.

3-го августа отрядъ перешелъ обратно на Турчидагъ и простоялъ здѣсь болѣе мѣсяца. Затѣмъ князь Орбеліани, не желая подвергать войска рѣзкимъ климатическимъ перемѣнамъ осенняго времени на этой горѣ, и намѣреваясь побывать въ нѣкоторыхъ частяхъ края, снялся 6-го сентября съ Турчидага, двинулся въ даргинскій округъ и расположился пока въ окрестностяхъ Дюзъ-Мейдана. Распорядившись объ охраненіи округа и пере-

давъ, кому надлежало, нужныя для того наставленія, князь Орбеліани двинулся съ отрядомъ, въ томъ числѣ и съ стрѣлками, къ Губдену, чтобы наказать жителей, вышедшихъ изъ повиновенія шамхалу тарковскому. Исполнивъ здѣсь свою задачу, онъ вернулся 13-го сентября въ мехтулинское ханство.

И такъ, кромѣ кровопролитныхъ дѣлъ 16-го января у „природныхъ воротъ“ и 18-го января въ аулѣ Шеляги, всѣ подвиги стрѣлковъ въ дагестанскомъ отрядѣ въ 1852 году ограничились усиленными передвиженіями, перенесеніемъ невзгодъ отъ капризной природы и т. п. Но тѣхъ двухъ дѣлъ было совершенно достаточно, чтобы смотрѣть на гомборцевъ какъ на элементъ, который, не взирая на свою малочисленность въ составѣ огромнаго отряда, игралъ видную и рѣшительную роль въ нашихъ кровавыхъ столкновеніяхъ съ горцами. Хотя литтихскіе штуцера были теперь уже не новостью, и вновь посвященные стрѣлки работали также не дурно, все же ки. Орбеліани нашелся вынужденнымъ просить на будущій годъ по крайней мѣрѣ одну роту гомборцевъ. Онъ писалъ къ начальнику главнаго штаба: „въ составѣ дагестанскаго отряда полезно было бы имѣть изъ войскъ, внѣ прикаспійскаго края расположенныхъ, команду саперъ и роту кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Польза тѣхъ и другихъ несомнѣнна“ [14]). Просьба эта была принята во вниманіе, и изъ Гомборъ была вытребована 2-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона подъ командою штабсъ-капитана Геннинга 2-го. Но съ находившимися въ отрядѣ стрѣлками поступлено было почти также, какъ поступили съ ними въ прошломъ году, т. е. ихъ не отпустили въ Гомборы до тѣхъ поръ, пока не пришла на смѣну ихъ оттуда 2-я рота.

Къ концу осени, къ общему удовольствію, пріѣхалъ князь Аргутинскій. Онъ не совсѣмъ былъ еще здоровъ физически, но его душевныя и нравственныя силы были попрежнему крѣпки. Гомборцы поселились на зиму въ аулѣ Кафыръ-Кумыкѣ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать открытія военныхъ дѣйствій.

Относительно участія стрѣлковъ въ составѣ лезгинскаго отряда въ 1852 году военные журналы того времени, къ сожалѣнію, даютъ весьма скудныя свѣдѣнія. Впрочемъ, и самый годъ этотъ былъ весьма блѣденъ военными событіями. Обыкновенныя нападенія небольшихъ партій, главнымъ образомъ съ цѣлью грабежей, только иногда прерывали отдыхъ лезгинскаго отряда, въ которомъ безотлучно находился взводъ стрѣлковъ 1-й роты, подъ командою поручика Каменскаго, командированный въ Закаталы 12-го апрѣля.

30-го мая получено было извѣстіе, что непріятельская партія въ 500 человѣкъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго наиба Бакракъ-Али, спустилась съ горы Моуровъ-дагъ въ ущелье Капиедара, съ намѣреніемъ напасть на команду, сопровождавшую транспортъ съ сухарями на Доорджабалъ. Чтобы предупредить непріятеля, изъ Закаталъ высланы были къ транспорту: рота грузинскаго линейнаго № 10 баталіона, команда гомборскихъ стрѣлковъ, команда саперъ и сотня казаковъ, подъ начальствомъ полковника князя Мухранскаго, а для того, чтобы отрѣзать лезгинамъ путь отступленія, отправлена была въ обходъ другая небольшая колонна. Бакракъ-Али не далъ себя окружить, не смотря на то, что войска, съ гомбор-

[14]) Рапортъ 6-го іюня 1852 г. № 10.

цами впереди, буквально бѣжали къ мѣсту происшествія. „Быстрое и одновременное движеніе нашихъ войскъ — писалъ начальникъ лезгинскаго отряда — заставило горцевъ отказаться отъ своего намѣренія и отступить обратно въ горы“ [15]). Такимъ образомъ, вся заслуга гомборцевъ пока состояла въ томъ, что своимъ быстрымъ появленіемъ, въ числѣ прочихъ войскъ, передъ непріятелемъ, они спасли транспортъ.

Между тѣмъ Даніельбекъ, слѣдуя приказанію Шамиля и желая ему угодить, еще въ началѣ мая сталъ высылать партіи изъ горъ на разные пункты лезгинской кордонной линіи; но всѣ онѣ вездѣ встрѣчали готовыя къ бою войска и надлежащій отпоръ. Самая же сильная, которою начальствовалъ самъ Даніельбекъ, напавшая на правый флангъ линіи, была отражена съ урономъ. Она отступила въ верхніе магалы и расположилась въ деревняхъ по обоимъ берегамъ Самура. Генералу Врангелю было приказано: „при первой возможности, послѣ таянія снѣговъ, непремѣнно выгнать Даніельбека изъ края намъ принадлежащаго“. Для содѣйствія же Врангелю, князь Воронцовъ предписалъ временно командующему войсками въ прикаспійскомъ краѣ генералъ-маіору князю Орбеліани прислать, если найдетъ возможнымъ, по крайней мѣрѣ два баталіона пѣхоты въ укр. Лучекъ. Но князь Орбеліани выслалъ даже четыре баталіона, и съ ними взводъ 4-й роты стрѣлковъ, подъ командою поручика Максимова, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Шуру. Этотъ вспомогательный отрядъ находился подъ начальствомъ генералъ-маіора Волкова.

Какъ только горы обнажились отъ снѣга, баронъ Врангель двинулся, 15-го іюня, изъ Закаталъ въ мухахское ущелье, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ взвода стрѣлковъ поручика Каменскаго, команды саперъ, двухъ ротъ гренадеръ, двухъ сотенъ казаковъ и сотни джаро-лезгинской постоянной милиціи. По пути онъ присоединилъ къ себѣ баталіонъ мингрельцевъ, два орудія и четыре ракетныхъ станка. Въ это время Даніельбекъ уже успѣлъ построить двѣ крѣпости—въ Цахурѣ и въ Башъ-Дженихѣ, и вооружилъ ихъ шестью орудіями, а Кази-Магома съ двухтысячною партіею прибылъ въ Кусуръ. Отрядъ барона Врангеля направился къ Сарубашу, куда подвигались и другія части, такъ что въ Сарубашѣ сосредоточились: четыре баталіона пѣхоты, команда саперъ, взводъ стрѣлковъ, 6 орудій, 8 ракетныхъ станковъ, двѣ сотни казаковъ и двѣ сотни милиціи. 16-го іюня отрядъ двинулся къ Курдулу. Дорога отъ проливныхъ дождей сдѣлалась совершенно непроходимою и вдобавокъ еще была испорчена непріятелемъ; поэтому войска пока занялись ея разработкою. Къ Курдулу же выступилъ изъ Лучека, по предварительному соглашенію съ барономъ Врангелемъ, и генералъ Волковъ съ вспомогательнымъ отрядомъ по горнымъ тропинкамъ, испорченнымъ ливнями. 23-го числа, послѣ небольшой перестрѣлки, войска барона Врангеля напали на Курдулъ, еще до прихода ген. Волкова, который въ это время шелъ на Гельмецъ съ слѣдующими войсками: взводомъ стрѣлковъ штабсъ-капитана Максимова, двумя баталіонами ширванцевъ, дивизіономъ горной № 4 батареи 21 артилерійской бригады и 200 человѣкъ пѣшихъ ахтынскихъ милиціонеровъ. За гребнемъ горы, командовавшей надъ Гельмецомъ, горцы устроили завалъ и оттуда явились на вершину встрѣтить наступающія войска выстрѣлами и камнями. Чтобы сбить ихъ.

[15]) Рапортъ генералъ-маіора барона Врангеля 7-го іюня 1852 г. № 439.

съ позиціи и очистить отряду дорогу, генералъ Волковъ отправилъ 200 ахтынцевъ, за которыми непосредственно слѣдовали стрѣлки, разсыпанные въ цѣпь, и двѣ роты ширванцевъ. „Эти войска, доносилъ баронъ Врангель, не смотря на крутость едва проходимой дороги, покрытой во многихъ мѣстахъ еще снѣгомъ, успѣли занять гребень высоты". Между тѣмъ, какъ ширванцамъ и ахтынцамъ дано было нѣсколько минутъ отдыха, чтобы приготовить ихъ къ штурму, гомборцы обстрѣливали завалъ. Наконецъ, начальникъ этого авангарда, Ширванскаго полка маіоръ Дьяконовъ, имѣя на флангахъ ахтынцевъ, а впереди гомборцевъ, бросился на непріятеля съ своими двумя ротами въ штыки. Сильно поколебленные уже огнемъ стрѣлковъ, горцы не выдержали этого натиска, оставили завалъ и бѣжали въ Гельмецъ. Дьяконовъ не имѣлъ возможности преслѣдовать ихъ и занять селеніе, такъ какъ наступила темная ночь. Успѣхъ боя достался намъ недорого: раненъ 1 рядовой, да милиціонеръ свалился подъ кручу; убито пять артилерійскихъ и девять подъемныхъ лошадей. Жители Гельмеца не рѣшились оказать сопротивленіе и въ ночь на 23-е число, бросивъ свои жилища, ушли въ укрѣпленный Цахуръ. 23-го іюня Курдулъ и Гельмецъ были разрушены; хлѣба и посѣвы ихъ истреблены.

По соединеніи отрядовъ въ Курдулѣ, баронъ Врангель 26-го числа двинулся къ Лучеку, переправился черезъ Самуръ и занялъ гору Кяшанъ, господствующую надъ Цахуромъ. Намѣреваясь атаковать этотъ аулъ, генералъ Врангель направилъ часть силъ на путь отступленія непріятеля. Страхъ жителей, напуганныхъ участью Курдула и Гельмеца, и движеніе нашихъ войскъ въ тылъ Цахуру по дорогамъ, которыя считались непроходимыми, заставили Даніельбека бѣжать въ ночь на 29-е іюня. На слѣдующій день Цахуръ былъ нами занятъ безпрепятственно, а 30-го числа взятъ былъ безъ боя и Башъ-Дженихъ. Такимъ образомъ, горные магалы были очищены отъ непріятеля, и жители остались на своихъ мѣстахъ. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ переселенію на плоскость тѣхъ ауловъ, гдѣ сборища обыкновенно находили пристанище и продовольствіе. Большинство жителей само просило объ этомъ переселеніи, такъ какъ вѣчно находилось между двухъ огней. Такимъ образомъ правый флангъ лезгинской линіи былъ обезпеченъ, и 7-го іюля войска генерала Волкова, въ томъ числѣ и взводъ штабсъ-капитана Максимова, возвратились въ Дагестанъ. Войска же барона Врангеля, разрушивъ еще нѣсколько деревень, въ томъ числѣ и безпокойный Кусуръ, сосредоточились 11-го іюля на позиціи у Кялало. За дѣло 22-го іюня Максимовъ, „особенно отличившійся при выбитіи непріятеля изъ заваловъ надъ селеніемъ Гельмецъ", награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а взводъ получилъ три креста и пять денежныхъ наградъ [16]).

Отступленіе или, вѣрнѣе, бѣгство Даніельбека страшно разсердило имама, и онъ съ новою энергіею приготовилъ и отправилъ на лезгинскую линію громадную партію, съ своимъ сыномъ Кази-Магомою, но уже нѣсколько подальше отъ мѣста пребыванія русскаго отряда, а именно—на лѣвый

[16]) Кресты получили: унт. оф. Тимофей Ларіоновъ, рядовые—Иванъ Василенко и Захардинъ Бенгендѣевъ; денежныя награды получили: ун.-оф. Василій Ивановъ, Митрофанъ Хватовъ, Харитонъ Бирюлька, Максимъ Бондаревъ, Фока Тимофеевъ,—1-й 7 рублей, а остальные по три р. сер. (Дѣло особ. отд. 1852 года № 75).

флангъ. Вѣсть объ этомъ не замедлила дойти до барона Врангеля, который тотчасъ выслалъ на линію часть отряда съ стрѣлками поручика Каменскаго. Колонна эта двинулась форсированнымъ маршемъ черезъ Закаталы и 24-го числа прибыла на гору Губахъ, „чтобы быть ближе къ угрожаемому непріятелемъ пункту“. Такое быстрое и неожиданное появленіе войскъ заставило Кази-Магому распустить свое скопище и убраться въ Карату. На этомъ мѣстѣ въ военныхъ журналахъ прекращаются свѣдѣнія о дѣятельности стрѣлковъ въ лезгинскомъ отрядѣ. Судя по реляціямъ начальника отряда, на лезгинской линіи съ августа 1852 года ничего особеннаго не случилось. Встрѣчая всюду отпоръ или готовность къ нему, непріятель пересталъ тревожить линію и угомонился, а тамъ пошли снѣга, закрывшіе дороги и отнявшіе у обѣихъ сторонъ всякую возможность какихъ бы то ни было операцій.

Взводъ поручика Каменскаго былъ не такъ счастливъ, какъ взводъ штабсъ-капитана Максимова, награжденный тремя георгіевскими крестами, потому только, что не имѣлъ ни одного случая отличиться. Тѣмъ не менѣе, „мирныя заслуги“ его, выразившіяся въ перенесеніи тяжкихъ трудовъ, были для общаго нашего дѣла и важны, и необходимы, вслѣдствіе чего поручикъ Каменскій награжденъ слѣдующимъ чиномъ. Въ реляціи о немъ начальникомъ отряда сказано: „примѣрный офицеръ этотъ постоянно отличался усердіемъ и исполненіемъ своего долга и превосходнымъ состояніемъ ввѣренной ему части. Участвуя въ походѣ въ горный магалъ, онъ съ особеннымъ рвеніемъ и неутомимостью переносилъ всѣ труды и лишенія, съ которыми былъ сопряженъ этотъ походъ, чѣмъ и служилъ весьма похвальнымъ примѣромъ“ и т. д. Въ этомъ же духѣ восхвалялись и нижніе чины, получившіе семь денежныхъ наградъ [17]).

Въ 1852 году въ войскахъ кавказскаго корпуса введены были: 1) гессенскіе прицѣлы къ штуцерамъ, 2) шомпольные наконечники и 3) формы для литья остроконечныхъ пуль. Такъ какъ „нарѣзка градусовъ на новыхъ прицѣлахъ требовала особаго искусства“, и не было возможности командировать на Кавказъ „изъ заводовъ мастеровыхъ, хорошо знающихъ это дѣло“, то, на основаніи заключенія инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, рѣшено было означенное нововведеніе привести въ исполненіе при кавказскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, при чемъ для опредѣленія высотъ прицѣла офицеры этого баталіона обязаны были точнѣйшимъ образомъ пристрѣливать штуцера всѣхъ кавказскихъ войскъ. На каждый штуцеръ назначалось пороху и свинца на 25 выстрѣловъ. Главнокомандующій нашелъ „неудобнымъ штуцера для придѣлки прицѣловъ собирать въ одно мѣсто отъ всѣхъ войскъ“ и приказалъ высылать отъ каждой части въ кавказскій стрѣлковый баталіонъ „по два штуцера и по два самыхъ лучшихъ слесаря, которые на практикѣ должны были научиться тамъ у оружейнаго мастера Швангейзера придѣлкѣ къ штуцерамъ прицѣловъ и нарѣзкѣ на нихъ градусовъ“. А чтобы слесаря эти не могли прибыть въ стрѣлковый баталіонъ одновременно въ большомъ числѣ и не затрудняли бы оружейнаго мастера, назначено было для ихъ присылки четыре срока. По надлежащемъ изуче-

[17]) Унтеръ-офицеры: Петръ Егоровъ и Семенъ Степановъ; рядовые: Андрей Алексѣевъ, Климъ Климовъ, Николай Лобакъ, Игнатій Янкусъ, Степанъ Купцовъ. (Дѣло особ. отд. арх. шт. кавк. в. окр. 1852 г. № 175).

ніи этими мастеровыми способа придѣлки прицѣловъ и нарѣзки градусовъ—на что полагалось примѣрно мѣсяцъ времени—приказано было отправить ихъ, и по два съ ними штуцера, изъ Гомборъ обратно къ своимъ мѣстамъ. Но такъ какъ градусы на прицѣлахъ можно было опредѣлить лишь точнымъ пристрѣливаніемъ, то для этого главнокомандующій приказалъ: „послать изъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона пять офицеровъ и при каждомъ по одному отличному унтеръ-офицеру или стрѣлку“ во всѣ части кавказскихъ войскъ. Офицеры должны были прибывать въ назначенныя имъ мѣста къ тому времени, когда слесаря частей, по возвращеніи изъ Гомборъ, могли успѣть придѣлать прицѣлы и приготовить все необходимое для пристрѣливанія штуцеровъ и нарѣзки на нихъ градусовъ. Сверхъ того, поставлялось имъ въ обязанность „показать стрѣлкамъ, бывшимъ въ учебныхъ командахъ, правила наведенія штуцеровъ по гессенскимъ прицѣламъ и возвышенія по градусамъ“. Для облегченія объѣзда офицерами всѣхъ частей кавказскаго корпуса, имъ розданы были росписанія штабъ-квартиръ, распредѣленныхъ по пяти раіонамъ; каждому офицеру назначался одинъ раіонъ, куда ближе и удобнѣе было ему прибыть [18]).

XI.

1853 годъ. Экспедиція въ большую Чечню. Занятіе хоби-шавдонскихъ высотъ. Знаменитая переправа черезъ Мичикъ 17-го февраля. Проложеніе просѣкъ. Стрѣлки въ горно-чеченскомъ отрядѣ г.-м. барона Вревскаго. Значеніе высотъ Керелама. Стрѣлки при кереламскомъ отступленіи. Вторженіе Шамиля въ джаро-белаканскій округъ. Участіе стрѣлковъ въ выбитіи скопищъ Шамиля изъ с. Старые Закаталы. „Безпримѣрный“ переходъ дагестанскаго отряда черезъ главный хребетъ. Князь Аргутинскій и стрѣлки. Награды. Смотры кн. Воронцова стрѣлкамъ.

Въ теченіе лѣта 1852 года кн. Барятинскій съ особеннымъ усердіемъ изыскивалъ всевозможныя средства къ увеличенію числа переселенцевъ. Кромѣ того, чтобы лишить Шамиля возможности содержать войска въ предстоящую зимнюю экспедицію, онъ предпринялъ рядъ набѣговъ и уничтожилъ массу всякаго рода запасовъ, посѣвовъ и фуража. Такимъ образомъ, всѣ лѣтнія дѣйствія князя Барятинскаго, въ которыхъ, между прочимъ, стрѣлки не участвовали, служили подготовкою зимней экспедиціи, во время которой предстояло окончить просѣку и дорогу отъ Воздвиженской и Грозной на кумыкскую плоскость черезъ Мичикъ и укр. Куринское. Предугадывая эти дѣйствія, Шамиль созвалъ отъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ ополченіе свыше 10-ти тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ девятнадцати наибовъ, и сосредоточилъ его на Мичикѣ. Основаніемъ такого расположенія непріятельскихъ силъ служило то, что „Мичикъ, по выраженію кн. Барятинскаго, составлялъ оплотъ погибающей Чечни и преграду для совершеннаго покоренія ея“. Что же касается нашихъ войскъ, то они находились частью въ Грозной, частью на кумыкской плоскости и въ укрѣпленіи Куринскомъ. „Такое расположеніе было выгодно въ томъ отношеніи, что, ставя

[18]) Приказаніе по войскамъ отд. кавказскаго корпуса 5-го апрѣля 1852 года № 46.

непріятеля въ неизвѣстность на счетъ пункта, на который будетъ устремленъ нашъ первый ударъ, повсемѣстно держало его въ безпрерывно тревожномъ состояніи". Къ 1-му января 1853-года прибыла въ Грозную и команда стрѣлковъ, переваливъ черезъ снѣжныя горы въ суровый декабрь мѣсяцъ и, къ общему удивленію, не оставивъ по пути ни одного больного или отсталаго. Она состояла изъ одного оберъ-офицера (поручика Спаксарева), пяти унтеръ-офицеровъ, 50 рядовыхъ, 1 горниста и 2 фурштатовъ.

Къ 5-му января, всѣ войска, назначенныя въ составъ чеченскаго отряда, въ числѣ 11 баталіоновъ пѣхоты и команды стрѣлковъ, 4 эскадроновъ драгунъ, 8-ми сотенъ казаковъ и милиціи и 24 орудій, были готовы къ открытію военныхъ дѣйствій. Но князь Барятинскій не торопился начинать ихъ, расчитывая, что промедленіе утомитъ чеченцевъ, а уничтоженіе фуража вызоветъ неудовольствіе и ссоры между ними и тавлинцами. Дѣйствительно, „затрудненія непріятеля день-ото-дня увеличивались; духъ войска его упадалъ". Одно лишь присутствіе Шамиля удерживало въ сборѣ недовольныя толпы. Наконецъ, 27-го января, кн. Барятинскій, оставивъ часть отряда въ крѣпости Грозной, съ остальными войсками, и въ числѣ ихъ съ гомборцами, двинулся въ Новый-юртъ, а на слѣдующій день въ Умаханъ-юртъ. Построивъ здѣсь мостъ черезъ р. Сунжу, чтобы имѣть сообщеніе у себя въ тылу, кн. Барятинскій направился къ Мичику. Дорога и старая просѣка, по которымъ до сихъ поръ двигались русскія войска, упирались въ р. Мичикъ самымъ неудобнымъ для насъ образомъ. Вся мѣстность на противуположномъ берегу и на разстояніи ружейнаго выстрѣла образовывала гребень, укрѣпленный крѣпкою засѣкою со рвомъ, за которымъ скопища Шамиля, имѣя позади себя дремучій и безконечный лѣсъ, могли держать за собою переправу и, въ случаѣ нашей атаки, оказать намъ самое упорное сопротивленіе. „Чтобы завладѣть постоянною переправою и положить конецъ всѣмъ потерямъ и неудобствамъ, сопряженнымъ съ движеніями нашихъ войскъ за Мичикъ", князь Барятинскій находилъ „необходимымъ проложить новую дорогу". Съ этою цѣлью онъ сосредоточилъ отрядъ въ укр. Куринскомъ и 1-го февраля приступилъ къ рубкѣ просѣки черезъ Качкалыковскій хребетъ, къ гасанвинскому ущелью. Непріятель мѣшалъ нашимъ работамъ слабо и причинялъ незначительныя потери.

6-го февраля было предпринято занятіе перевала Хоби-Шавдонъ, откуда вся мѣстность до Мичика не представляетъ ровно никакихъ затрудненій для движенія войскъ всѣхъ родовъ оружія. Зная о затрудненіяхъ, ожидающихъ насъ при движеніи по гасанвинскому ущелью, и предполагая, что наши дѣйствія представляютъ собою только диверсію, Шамиль къ этому дню стянулъ большія силы нѣсколько вверхъ по Мичику и укрѣпился завалами для защиты другой переправы, гдѣ прежде наши войска обыкновенно переходили черезъ р. Мичикъ. Въ 8 часовъ утра къ завaламъ была направлена небольшая колонна, со стрѣлками во главѣ, подъ начальствомъ генерала Бакланова; главныя же силы совершенно незамѣтнымъ для непріятеля образомъ двинулись къ гасанвинскому ущелью, заняли его и расположились на сильной позиціи на высотѣ Хоби-Шавдонъ. Движеніе это было произведено такъ удачно и быстро, что нигдѣ не раздалось ни одного выстрѣла. Расположеніе на означенномъ перевалѣ передало въ наши руки переправу черезъ Мичикъ, составлявшій надежный оплотъ большой Чечни

съ сѣверо-восточной стороны, и открыло намъ свободный доступъ къ богатымъ равнинамъ, удѣлявшимъ избытокъ продовольствія горнымъ жителямъ сѣверной части Дагестана.

Непріятель замѣтилъ свою ошибку. Онъ вывезъ орудія и началъ стягиваться въ ближайшемъ къ нашей позиціи лѣсу, а затѣмъ открылъ сильный огонь. Съ нашей стороны въ числѣ первыхъ была разсыпана въ цѣпь вся команда стрѣлковъ, которые и отвѣчали непріятелю самымъ энергичнымъ огнемъ. Терпя потери, непріятель, видимо, спѣшилъ завершить дѣло рукопашнымъ боемъ и уже приготовлялся къ нападенію, „но мѣткіе выстрѣлы— по словамъ князя Барятинскаго—артилеріи и молодецкій отпоръ цѣпей скоро заставили его отказаться отъ этихъ попытокъ„ [1]). Вся перестрѣлка обошлась двумя ранеными нижними чинами. Войска приступили къ рубкѣ лѣса по гасанвинскому ущелью, а также и къ сторонѣ Мичика, чтобы такимъ образомъ открыть свободное сообщеніе между кумыкскою плоскостью и равнинами большой Чечни.

Съ занятіемъ хоби-шавдонскихъ высотъ мы стали на флангѣ прежней крѣпкой позиціи непріятеля, находившейся противъ Куринскаго, вслѣдствіе чего ему незачѣмъ было оставаться на ней. Онъ бросилъ ее и, для противодѣйствія нашимъ видамъ на переправу черезъ Мичикъ, перешелъ въ окрестности аула Гурдали и занялъ уголъ, образуемый сліяніемъ рр. Мичика и Гонсаула. Новая позиція его представляла широкую поляну на лѣвомъ весьма обрывистомъ берегу Мичика. Засѣки и завалы, которые были имъ немедленно сооружены на новомъ мѣстѣ, отличались сильною профилью и тянулись почти непрерывно болѣе чѣмъ на версту. Вокругъ поляны растилался густой лѣсъ, по которому проходили дороги въ Маюртупъ и Гурдали. Старая дорога изъ укрѣпленія Куринскаго спускалась къ Мичику и упиралась въ рѣку посерединѣ непріятельскаго фронта. Подъемы на лѣвый берегъ были уничтожены, и оставался лишь одинъ обрывъ до четырехъ сажень высоты. Фронтальная атака этой крѣпкой позиціи еслибы и увѣнчалась успѣхомъ, была бы сопряжена съ громадными потерями. Вслѣдствіе этого князь Барятинскій рѣшилъ направить нѣкоторую часть войскъ въ обходъ непріятельскаго фланга, а съ фронта атаковать его лишь частью отряда. Кромѣ того, задумавъ оттянуть хотя немного непріятельскихъ силъ отъ главной позиціи, онъ приказалъ всему отряду разработывать дорогу по Хоби-Шавдону. Дѣйствительно, когда войска приступили къ работѣ, обманутый непріятель 16-го февраля выдѣлилъ влѣво значительную часть своихъ силъ. Тогда князь Барятинскій рѣшилъ атаковать его.

Передъ разсвѣтомъ 17-го февраля обходная колонна генералъ-маіора Бакланова, состоявшая преимущественно изъ кавалеріи и конной артилеріи, направлена была на старую переправу, гдѣ должна была перейти черезъ Мичикъ и, въ величайшей тишинѣ, двигаться мимо оставленныхъ непріятельскихъ заваловъ, къ впаденію р. Гонсаулъ. Генералу Бакланову приказано было приблизиться къ полянѣ, занятой непріятелемъ, около 11 часовъ, когда предположенъ былъ штурмъ съ фронта. Шамиль не зналъ ничего объ этихъ приготовленіяхъ. Увидѣвъ рано утромъ, какъ повели нашихъ лошадей на водопой, онъ совершенно успокоился на мысли, что не предстоитъ ничего особеннаго. Обычная перестрѣлка, которая велась съ того

[1]) Рапортъ 10-го февраля 1853 г. № 301.

времени, какъ оба лагеря стали близко другъ противъ друга, не могла безпокоить имама. А тѣмъ временемъ, всѣ распоряженія для штурма были уже сдѣланы: войска раздѣлены на двѣ колонны, и каждой изъ нихъ указана задача. Не было еще восьми часовъ, какъ изъ колонны барона Николаи были выдвинуты 10 батарейныхъ и 4 легкихъ орудія; на флангахъ ихъ и впереди быстро размѣстились гомборцы и стрѣлки Кабардинскаго полка. Послѣ этого открылась канонада, сильно удивившая Шамиля. Гомборцы напрягли всю силу своего огня и искусства. Вскорѣ канонада съ обѣихъ сторонъ дошла до крайняго ожесточенія. Черезъ нѣсколько времени послѣ ея начала окрестности заволокло туманомъ, смѣшаннымъ съ пороховымъ дымомъ. Пользуясь этимъ, стрѣлки двинулись впередъ и, дойдя до самаго берега рѣки, залегли; за ними придвинулась также и артилерія. Грохотъ орудій и трескъ ружей представляли лишь одинъ непрерывный гулъ. Въ 11 часовъ раздался условный залпъ изъ орудій въ колоннѣ генерала Бакланова, и по этому сигналу князь Барятинскій двинулъ въ атаку колонну полковника барона Николаи. Кабардинцы, съ своими и гомборскими стрѣлками впереди, быстро переправились черезъ Мичикъ, вскарабкались на обрывистые его берега и кинулись на брустверъ непріятеля. Одновременно съ этимъ повела атаку и кавалерія генерала Бакланова. Двойной ударъ былъ такъ дружень, что горцы, подъ вліяніемъ внезапной паники, вовсе не думали защищаться. Безпорядочною толпою бросились они изъ завалovъ и скрылись въ ближайшихъ густыхъ лѣсахъ. Кавалерія ихъ преслѣдовала, настигала и жестоко рубила. Когда бой стихъ, на мѣстѣ оказалось 200 непріятельскихъ тѣлъ; кромѣ того, убито три наиба и раненъ одинъ. Потери же наши, сравнительно, были невѣроятно малы: убитъ одинъ рядовой, ранено два офицера и девять нижнихъ чиновъ, изъ коихъ одинъ былъ гомборскій стрѣлокъ.

Въ донесеніи своемъ о дѣлѣ 17-го февраля князь Барятинскій писалъ между прочимъ: „имѣя счастье доносить о столь славномъ подвигѣ войскъ ввѣреннаго мнѣ отряда, я считаю долгомъ прежде всего свидѣтельствовать о той ревности и усердіи, которыя были выказаны всѣми участвовавшими въ дѣлѣ 17-го февраля. Кромѣ храбрости и самоотверженія, столь обычныхъ нашимъ войскамъ, они выказали въ этотъ день такъ много горячаго желанія успѣха, что я не могу не высказать этого безъ чувства сердечной благодарности“ [2]). Дѣйствительно, подвигъ 17-го февраля составляетъ одну изъ золотыхъ страницъ исторіи славной кавказской войны. Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе князя Барятинскаго, собственноручно написалъ на немъ: „*прекрасное дѣло*“.

Не менѣе почетное мѣсто должно занять это событіе и въ исторіи стрѣлковаго баталіона, взводъ котораго оказалъ существенное содѣйствіе общему дѣлу. Командиръ его поручикъ Снаксаревъ „за особенное мужество“ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“; трое стрѣлковъ, карабкавшихся и ворвавшихся въ завалы впереди всѣхъ войскъ, были награждены георгіевскими крестами [3]). Эти три креста,

---

[2]) Рапортъ князя Барятинскаго 21-го февраля 1853 года № 419.

[3]) Юнкеръ Отто Мерманъ, унт.-оф. Федоръ Рыбалкинъ и рядовой Венедиктъ Скляровъ. (Дѣло особ. отдѣл. штаба кавк. военн. округа 1853 года № 65).

пожалованные всего лишь на 50 человѣкъ, служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ заслуги стрѣлковъ.

Переправа черезъ Мичикъ была въ нашихъ рукахъ, но не все еще было сдѣлано. Кромѣ рубки просѣки и устройства дороги, съ 18-го февраля ежедневно назначалась колонна для разработки спусковъ къ Мичику и для уничтоженія многочисленныхъ непріятельскихъ заваловъ, требовавшаго многихъ усилій. Сознавая всю важность обороны Мичика, непріятель не пощадилъ ничего для укрѣпленія береговъ: камни, бревна, фашины, плетни, двери отъ сакль и даже арбы, все тамъ было. Работы, произведенныя имъ, изумляли своею сложностью: берега Мичика на протяженіи семи верстъ унизаны были завалами самыхъ разнообразныхъ видовъ и построеній. Къ 25-му февраля большая часть ихъ уничтожена. Одновременно съ этимъ были высылаемы колонны, всегда съ участіемъ стрѣлковъ, также для разворенія окрестныхъ хуторовъ. Особенныхъ столкновеній съ непріятелемъ не происходило—развѣ только 25-го февраля.

Въ этотъ день была выслана колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лишевича, для истребленія ауловъ Денги-юртъ, Али-юртъ и прилежащихъ къ нимъ хуторовъ. Колонна состояла изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 8 орудій и команды кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Аулы находились на лѣвомъ берегу Мичика, вблизи одного изъ болотистыхъ его притоковъ, и были окружены весьма густымъ кустарникомъ. Войска были открыты непріятелемъ тотчасъ послѣ переправы черезъ Мичикъ и встрѣчены ружейнымъ огнемъ передовыхъ постовъ. По тревогѣ, массы горцевъ, какъ пчелы, налетѣли на колонну и преимущественно на лѣвую цѣпь, гдѣ были и гомборскіе стрѣлки, подъ общею командою лейбъ-гвардіи ротмистра Лорисъ-Меликова. Когда колонна подошла къ болотистому притоку Мичика, то непріятель насѣлъ на нее уже со всѣхъ сторонъ и открылъ пальбу изъ двухъ орудій. При приближеніи нашемъ къ ауламъ, онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы не допустить насъ туда, но напрасно: войска подвигались впередъ такъ, какъ будто ничего кругомъ и не происходило. Наконецъ, вблизи перваго изъ ауловъ горцы произвели отчаянный натискъ на колонну, но были опрокинуты и обратились въ бѣгство. За ними понеслись драгуны и преслѣдовали ихъ до самой рѣчки. Аулы были взяты и совершенно истреблены. Не всѣ части боеваго порядка дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ одинаково, хотя нападеніе было произведено со всѣхъ сторонъ. По донесенію кн. Барятинскаго, „лѣвая цѣпь находилась все время въ сильномъ огнѣ“ [4]). Ротмистръ Лорисъ-Меликовъ, командовавшій ею, получилъ благодарность. Потери колонны состояли изъ 2 убитыхъ, 11 раненыхъ и 2 контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ всего числа раненыхъ четверо были гомборскіе стрѣлки. Это была большая потеря, если принять въ соображеніе численность стрѣлковъ; но, впрочемъ, нечему и удивляться, такъ какъ гомборцы вынесли на себѣ всю тягость боя, выпавшую на долю лѣвой цѣпи.

Послѣ пораженія 17-го и 25-го февраля, непріятель не смѣлъ показываться, и отрядъ продолжалъ свои работы совершенно спокойно. 9-го марта онѣ были кончены, и князь Барятинскій, возвратившись съ войсками въ Грозную, распустилъ ихъ по квартирамъ. Онъ доносилъ слѣдующее: „Качкалыковскій хребетъ не существуетъ. Широкая просѣка или, правиль-

[4]) Рапортъ кн. Барятинскаго 1-го марта 1853 г. № 513.

нѣе говоря, обширная поляна, открытая послѣ мѣсячнаго упорнаго труда, въ вѣковыхъ лѣсахъ гасанвинскаго ущелья и хоби-шавдонскихъ высотъ, обезпечиваетъ навсегда свободное сообщеніе кумыкскихъ владѣній съ большою Чечнею даже для малыхъ отрядовъ". Но переставъ какъ бы существовать для насъ также и грозный до этого времени Мичикъ, такъ какъ занятіемъ двухъ сильнѣйшихъ позицій и истребленіемъ лѣсовъ и ауловъ съ ихъ запасами мы довели до крайности все населеніе большой Чечни. Оно должно было покинуть свои поля и искать спасенія въ нашихъ предѣлахъ, или пріютиться на неприступныхъ и лѣсистыхъ тѣснинахъ Черныхъ горъ. Но, укрывшись отъ нашихъ войскъ, оно едва ли могло найти въ этихъ трущобахъ условія для бѣднаго даже существованія. Въ виду этого, населеніе вскорѣ обнаружило большое желаніе переселиться къ намъ. Но Шамилю не легко было разстаться съ нимъ. Расположивъ сильные караулы по Джалкѣ, Сунякѣ и Гудермесу, чтобы никого не выпускать въ наши предѣлы, имамъ послалъ сильныя партіи во всѣ чеченскіе аулы, чтобы выселять жителей въ горы и уполномочилъ наибовъ предать смерти неповинующихся. Насильственнымъ выселеніемъ чеченцевъ въ горы Шамиль отнялъ у нихъ всякую увѣренность въ неприступности ихъ жилищъ и далъ доказательство своей несостоятельности защищать ихъ. Вслѣдствіе этого и не смотря на угрозы Шамиля, 7-го марта чеченцы начали переселяться къ намъ отдѣльными семействами.

Но славными дѣлами 17-го и 25-го февраля не завершилась дѣятельность стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ. Распустивъ отрядъ по квартирамъ, князь Барятинскій придержалъ стрѣлковъ и назначилъ ихъ въ составъ особаго горно-чеченскаго отряда, ввѣреннаго генералъ-маіору барону Вревскому. Въ составъ этого отряда, кромѣ стрѣлковъ, входили $4^3/_4$ баталіона пѣхоты, 6 орудій и 5 сотенъ казаковъ. Назначеніе отряда состояло въ уничтоженіи притоновъ, устроенныхъ непокорными жителями въ горахъ малой Чечни, отказавшимися отъ переселенія на плоскость и пріютившимися у подножія главнаго кавказскаго хребта. Шамиль, требуя отъ нихъ набѣговъ на мирные аулы, не оставлялъ ихъ въ покоѣ, постоянно посылая къ нимъ партіи чеченцевъ и тавлинцевъ, подъ предводительствомъ наибовъ. Надобно было разогнать эти партіи и наказать аулы, оказывавшіе гостепріимство мюридамъ Шамиля.

Баронъ Вревскій открылъ экспедицію рубкою лѣса по ассинскому ущелью къ самому сильному аулу Мужичъ, въ галашевскомъ обществѣ. По окончаніи этихъ работъ генералъ Вревскій рѣшилъ проложить новое сообщеніе отъ р. Фортанги къ хребту Кереламъ, преграждавшему собою единственный входъ въ обширную и плодородную равнину, простирающуюся между Черными горами и главнымъ кавказскимъ хребтомъ, на которой укрылись непокорные аулы, вытѣсненные изъ малой Чечни. Дорога изъ Датыха на хребетъ Кереламъ идетъ восемь верстъ по крутому подъему, поросшему густымъ, непроницаемымъ лѣсомъ. Непріятель устроилъ на ней огромные завалы, атаковать которые съ фронта—значило подвергнуть отрядъ весьма значительной потерѣ.

Баронъ Вревскій задался сначала цѣлью развлечь вниманіе и силы противника. Для этого онъ распустилъ слухъ, что намѣренъ двинуться по ущелью Мереджи. Чтобы поддержать вѣроятность такого движенія, онъ распредѣлилъ войска между ущельями Фортанги и Ассы такимъ образомъ,

что настоящая цѣль его движенія не могла быть обнаружена. Непріятель, дѣйствительно, былъ введенъ въ заблужденіе и большею частью сосредоточился у Мереджи, а между тѣмъ войска были внезапно оттянуты къ Датыху и быстро двинулись къ Кереламу. Стрѣлки были въ головѣ колонны и завязали дѣло съ непріятелемъ, который послѣ непродолжительнаго боя былъ прогнанъ, и войска наши заняли кереламскую позицію, важную не только въ тактическомъ, но и въ стратегическомъ отношеніи: она находится въ тылу главнѣйшихъ ущелій нагорной Чечни и открываетъ свободный доступъ во всѣ общества, прилежащія къ главному хребту.

Войска немедленно приступили къ рубкѣ просѣки, которая должна была обезпечить сообщеніе Керелама съ Датыхомъ и съ передовою чеченскою линіею. Ненастная погода не остановила работъ, продолжавшихся до 12-го апрѣля. За это время случилось лишь одно столкновеніе съ непріятелемъ, который, замѣтивъ 4-го апрѣля передвиженіе войскъ на позиціи и принявъ его за отступленіе, бросился толпами на нашу передовую пѣхоту, но, встрѣченный штыками и картечнымъ огнемъ, былъ совершенно разсѣянъ.

Неожиданное появленіе отряда на Кереламѣ сильно встревожило Шамиля. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвлечь русскихъ отъ этого важнаго пункта, и занялъ значительными партіями, подъ предводительствомъ 7 наибовъ, окрестности кереламскихъ высотъ, выжидая удобной минуты для рѣшительнаго нападенія. Но, благодаря ненастной и холодной погодѣ, а также постояннымъ мятелямъ и густымъ туманамъ, скрывавшимъ отрядъ отъ всякаго наблюденія, не только Шамилю, но даже и намъ нечего было и думать о какихъ нибудь движеніяхъ.

12-го апрѣля вырубка просѣки была окончена, и разработана дорога отъ Датыха до вершины Керелама. Цѣль экспедиціи была достигнута—и въ тотъ же день началось знаменитое отступленіе отряда на р. Фортангу, во время котораго войскамъ пришлось выдержать блистательный и упорный бой съ громадными массами горцевъ, ни за что не хотѣвшихъ выпустить ихъ изъ своихъ рукъ. Благодаря разсѣявшемуся туману, они скоро замѣтили отступленіе и густыми толпами кинулись на войска. Баронъ Вревскій приказалъ гомборскимъ стрѣлкамъ и 3-му баталіону Навагинскаго полка занять позицію на „первомъ уступѣ“ и пропустить колонну. Мѣсто, избранное стрѣлками и навагинцами, дало имъ возможность выдержать бой съ непріятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ. Не обращая вниманія на мѣткость нашихъ пуль, чеченцы, ингуши и тавлинцы бѣшено бросались на маленькую колонну со всѣхъ сторонъ, но каждый разъ сомкнутые ряды штыковъ встрѣчали ихъ дружнымъ ударомъ. Опрокидываемые съ большимъ урономъ, они собирались опять и съ удвоенною энергіею возобновляли свои атаки. Пропустивъ всѣ войска, гомборцы и 3-й навагинскій баталіонъ, подъ командою подполковника Наумова, замкнули собою отрядъ и медленно начали отступать въ хвостѣ его. Медленность эта происходила отъ того, что дорога, хотя и разработанная, была очень крута и трудна, въ особенности для орудій, которыя нѣсколько разъ приходилось спускать на рукахъ по скользкому и грязному грунту. Тѣмъ не менѣе, движеніе арріергарда, все время находившагося въ сильномъ огнѣ, происходило „въ величайшемъ порядкѣ на протяженіи двухъ верстъ до втораго уступа“.

Здѣсь стрѣлки и навагинцы были смѣнены эриванцами, съ однимъ горнымъ орудіемъ, а сами вошли въ составъ главныхъ силъ. Но не долго оставались они въ покоѣ и, вмѣстѣ съ навагинцами, заняли позицію на третьемъ уступѣ, съ котораго тотчасъ же приняли во флангъ горцевъ, насѣдавшихъ на арріергардъ. Натискъ былъ отраженъ, но вскорѣ непріятель, видя малочисленность стрѣлковъ и навагинцевъ, повернулся противъ нихъ и ударилъ въ шашки. Дружный, выдержанный залпъ былъ ему отвѣтомъ— и баталіонъ, съ командою стрѣлковъ, остался непоколебимъ. Отрядъ прошелъ благополучно, и изступленныя массы, надвигавшіяся, какъ лава, не задержали его ни на минуту. „Здѣсь—пишетъ баронъ Вревскій—наконецъ, о хладнокровную стойкость нашихъ войскъ сокрушилось ожесточенное преслѣдованіе горцевъ, которые были опрокинуты окончательно и, потерявъ огромное число убитыхъ и раненыхъ, мгновенно прекратили перестрѣлку и скрылись на днѣ глубокихъ лѣсныхъ балокъ, изрѣзывающихъ скаты колосальнаго Керелама“ [5]).

12-е апрѣля 1853 года составляетъ одинъ изъ блестящихъ эпизодовъ въ исторіи кавказской войны, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе, и въ лѣтописяхъ гомборцевъ. Баронъ Вревскій, всегда сдержанный въ своихъ донесеніяхъ, свидѣтельствуетъ однако о немъ такъ: „нельзя не назвать это отступленіе *вполнѣ замѣчательнымъ*, принимая въ соображеніе, что отрядъ долженъ былъ отступать на протяженіи цѣлыхъ восьми верстъ по лѣсу и по дорогамъ, по которымъ отдѣльный даже пѣшеходъ, за десять дней тому назадъ, едва могъ пробираться; что дорога эта и теперь представляетъ величайшія и неизбѣжныя затрудненія, и что цѣлыя тысячи горцевъ со всѣхъ сторонъ окружали нашъ отрядъ, который не могъ иначе тянуться, какъ длинною, узкою колонною“ [6]). Въ отрядѣ было убито нижнихъ чиновъ 7 и ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4 и нижнихъ чиновъ 77. Точная потеря стрѣлковъ неизвѣстна, но несомнѣнно, что они относительно пострадали болѣе всѣхъ.

Проложивъ дорогу къ кереламскому гребню и имѣя возможность занимать его въ какое угодно время, мы открыли новую операціонную линію отъ Бумута по направленію къ самому сердцу нагорной Чечни. Ущелья Черныхъ горъ со всѣми ихъ непроницаемыми трущобами остались въ сторонѣ и не представляли теперь для насъ никакого интереса.

Гомборцы были по достоинству щедро вознаграждены царскими милостями. Поручикъ Снаксаревъ, „обнаруживавшій во всѣхъ перестрѣлкахъ примѣрную неустрашимость, и присутствіемъ своимъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ ободрявшій стрѣлковъ, мѣткіе выстрѣлы которыхъ производили чувствительныя потери въ рядахъ горцевъ“, былъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана со старшинствомъ съ 12-го апрѣля 1853 года. „Храбрый и отважный“ юнкеръ Отто Мерманъ, уже украшенный знакомъ отличія военнаго ордена за 17-е февраля, былъ произведенъ въ прапорщики, а стрѣлки получили два креста [7]). Нельзя умолчать и объ отличіи, оказанномъ 12-го

[5]) Рапортъ барона Вревскаго 14-го апрѣля 1853 года № 72.

[6]) Тамъ же.

[7]) Унтеръ-офицеръ Иванъ Горчаковъ и рядовой Яковъ Ефимовъ, „служившіе во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ примѣромъ неустрашимости для нижнихъ чиновъ, мѣткими выстрѣлами наносившихъ непріятелю чувствительную потерю“. (Дѣло особ. отд. шт. кавк. воен. окр. 1853 г. № 65).

апрѣля командиромъ 2-го баталіона Эриванскаго полка маіоромъ Лузановымъ, такъ какъ онъ съ 2-го числа того же мѣсяца уже считался командиромъ стрѣлковаго баталіона, вмѣсто подполковника Прежевскаго, переведеннаго въ Дагестанскій пѣхотный полкъ [8]). Баталіонъ Лузанова находился въ сильномъ огнѣ и былъ тотъ самый, котораго смѣнили на второмъ уступѣ гомборцы и навагинцы. За „примѣрное мужество и неустрашимость“ маіору Лузанову было объявлено Монаршее благоволеніе. Сверхъ того, въ приказѣ по корпусу 17-го апрѣля 1853 года, за отступленіе съ Керелама ему была выражена „признательность“ главнокомандующаго. Наконецъ, самое назначеніе Лузанова командиромъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона являлось для него наградою за отличную службу вообще [9]).

Въ половинѣ 1853 года война между Россіею и Турціею казалась неизбѣжною, и эмисары Порты глухо, но дѣятельно ратовали среди горцевъ въ пользу османовъ. Шамиль былъ вовлеченъ въ сношенія съ Константинополемъ и не могъ не соблазниться перспективою возстановленія на непокорномъ восточномъ Кавказѣ своего подорваннаго авторитета и даже завоеванія Закавказья. Успѣхъ казался ему тѣмъ болѣе возможнымъ, что кн. Воронцовъ вынужденъ былъ сформировать сильный корпусъ для анатолійскаго театра изъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ. Для имама не было тайною, что большая часть войскъ Закавказья и свободныя отъ военныхъ дѣйствій части полковъ и баталіоновъ стягивались понемногу къ Александрополю, гдѣ было такъ мало войска, что, напримѣръ, 27-го іюня туда была направлена изъ Гомборъ единственная, оставшаяся въ штабъ-квартирѣ 4-я рота стрѣлковъ, хотя части баталіона, дѣйствовавшія противъ горцевъ, не были еще возвращены въ Гомборы. Шамиль рѣшилъ воспользоваться нашимъ затруднительнымъ положеніемъ. Собравъ въ Ведено всѣхъ наибовъ, онъ выяснилъ имъ положеніе политическихъ дѣлъ и требовалъ себѣ энергическаго содѣйствія, увѣряя, что наступаетъ конецъ господству гяуровъ. Приказавъ обществамъ, прилежащимъ къ лезгинской кордонной линіи, неотступно безпокоить Кахетію, онъ самъ приступилъ къ осуществленію обширнаго и чрезвычайно смѣлаго предпріятія—вторженія въ джаро-белаканскій округъ. При разбросанности нашихъ войскъ по всему кордону [10]), нечаянное нападеніе Шамиля могло имѣть для насъ гибельныя послѣдствія. Князь Орбеліани ничего заблаговременно не зналъ и получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Шамиля только 20-го августа, когда онъ уже прибылъ съ 15 тысячами войска въ Карату. Начальникъ округа не могъ сдѣлать большихъ передвиженій, потому что времени для этого было весьма мало, да и опасно было ослабить какой-нибудь пунктъ; поэтому, распорядившись о сборѣ милиціи, онъ притянулъ въ Закаталы три съ половиною баталіона пѣхоты, 6 орудій, 5 сотенъ кавалеріи, ракетную и партизанскую команды и взводъ 3-й роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою поручика Венюкова, при которомъ состоялъ и подпоручикъ Кабенинъ

---

[8]) Приказъ по корпусу 4-го мая 1853 г. № 78.

[9]) „Исторія Эриванскаго полка“, Шабановъ, стр. 220.

[10]) По всей линіи отъ тушино-пшаво-хевсурскаго округа до западной границы нухинскаго уѣзда были разбросаны: 10 баталіоновъ пѣхоты, семь конныхъ сотенъ, 12 орудій, 4 сотни Грузинской пѣшей Дружины, 625 человѣкъ милиціи и взводъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

Едва собрались эти войска, какъ 24-го августа, въ пять часовъ пополудни, на джарскихъ высотахъ, въ виду Закаталъ, показалась весьма сильная конная партія горцевъ, при которой находились: Шамиль, сынъ его Кази-Магома и Даніельбекъ. Всю ночь войска стояли наготовѣ, но непріятель не предпринималъ ничего, вѣроятно, выжидая прибытія остальныхъ своихъ силъ. На другой день, 25-го августа, Шамиль двинулся къ старымъ Закаталамъ, откуда жители выбрались заблаговременно, и занялъ ихъ большимъ скопищемъ. Другія партіи его виднѣлись вдали, на окрестныхъ возвышенностяхъ.

Отрядъ, собранный въ новыхъ Закаталахъ, уступалъ непріятелю своею численностью болѣе чѣмъ въ семь разъ. Но такъ какъ кавказцы никогда не считали враговъ, и князь Орбеліани не могъ допустить Шамиля укрѣпиться въ весьма важномъ пунктѣ и вблизи другаго не менѣе важнаго, то смѣло выступилъ противъ имама съ своимъ небольшимъ отрядомъ. При приближеніи нашихъ „львовъ“, какъ называлъ солдатъ князь Орбеліани въ донесеніи къ князю Воронцову, скопище выступило на окраину селенія и встрѣтило ихъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Позиція противника была очень сильная, закрытая, и онъ видимо приготовился отчаянно отстаивать ее. Князь Орбеліани выдвинулъ орудія и началъ громить ее; на флангахъ артилеріи разсыпались гомборскіе стрѣлки и поддерживали ее учащенною пальбою. Дѣйствіе нашего огня было поразительное и дало поводъ князю Орбеліани двинуться въ атаку. По данному сигналу, взявъ ружья на руку, пѣхота, съ гомборцами впереди, хлынула къ селенію и черезъ нѣсколько минутъ схватилась съ лезгинами въ рукопашномъ бою. Непріятель не выдержалъ, но и не бѣжалъ; онъ отступалъ шагъ за шагомъ, упорно отстаивая каждую пядь. Все-таки онъ былъ выбитъ изъ селенія, но, отходя къ своимъ резервамъ, расположеннымъ на прилежащихъ высотахъ, заставилъ насъ прибѣгнуть къ атакѣ еще нѣсколькихъ укрѣпленныхъ имъ по пути пунктовъ.

Шамиль съ тревогою смотрѣлъ на битву, гдѣ фанатизмъ его ратниковъ и несравненное численное ихъ превосходство разбивались объ отвагу и изумительную стойкость русскаго солдата. Онъ безпрерывно спускалъ съ высотъ на подкрѣпленіе свѣжія партіи, но онѣ еще издали были встрѣчаемы каждый разъ жестокимъ огнемъ пѣхоты и преимущественно обоихъ полу-взводовъ гомборскихъ стрѣлковъ, руководимыхъ Венюковымъ и Кабенинымъ. О нихъ князь Орбеліани писалъ: „съ примѣрною неустрашимостью и распорядительностью офицеры эти, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, выбирали самыя лучшія позиціи для командуемыхъ ими стрѣлковъ, дѣйствіемъ которыхъ нанесенъ былъ непріятелю большой уронъ“ [11]). Не смотря на все это, имамъ не терялъ энергіи и, вполнѣ сознавая всю важность результатовъ первой битвы, изощрялся всѣми способами, чтобы хоть сколько-нибудь выиграть въ мнѣніи джаро-белаканцевъ, съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ слѣдившихъ за тѣмъ, на чей сторонѣ будетъ побѣда, и, слѣдовательно, къ кому изъ противниковъ нужно имъ примкнуть. Войска наши также знали, что въ этотъ день они должны проявить всѣ свои богатырскія силы, такъ какъ рѣшалась честь русскаго оружія и спасеніе многолюднаго христіанскаго населенія Кахетіи, а можетъ быть, и всего закав-

[11]) Дѣло особаго отд. арх. шт. кавк. в. окр. 1853 года № 167.

казскаго края. И они ихъ проявили вполнѣ. Въ этотъ день они оказали чудеса храбрости и, наконецъ, отбросили въ горы многочисленнаго и самонадѣяннаго врага. Наступившій ночной мракъ положилъ конецъ кровопролитному бою, и войска наши возвратились въ Закаталы, не досчитавшись въ своихъ рядахъ, вмѣстѣ съ милиціею, десяти штабъ и оберъ-офицеровъ и 166 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и контуженными. Гомборцы потеряли ранеными пять стрѣлковъ. Потеря непріятеля была громадная, такъ какъ онъ неоднократно подвергался мѣткому и перекрестному огню обоихъ полувзводовъ гомборцевъ, дѣйствовавшихъ раздѣльно, и картечному огню нашей артилеріи; онъ оставилъ на мѣстѣ около 90 тѣлъ, убравъ съ собою множество убитыхъ и раненыхъ. На слѣдующій день князь Орбеліани доносилъ главнокомандующему: „не нахожу словъ выразить вашей свѣтлости того мужества и рвенія, которыми воодушевлены храбрыя ввѣренныя мнѣ войска, и съ которыми я не премину вездѣ на плоскости, куда бы Шамиль ни спустился, немедленно встрѣчать его оружіемъ“ [12]).

Хотя въ дѣлѣ 25-го августа наше „оружіе восторжествовало, но малочисленность нашихъ войскъ не могла не поколебать въ джарцахъ увѣренности въ успѣхѣ нашего дѣла. Болѣе вѣроломные аулы начали оказывать партіямъ Шамиля гостепріимство, другіе отказывались стрѣлять по нимъ. Вездѣ господствовало броженіе. Необходимо было какъ можно скорѣе прогнать Шамиля обратно въ горы“. Но при тѣхъ силахъ, какія имѣлъ подъ рукою князь Орбеліани, немыслимо было сдѣлать что либо подобное. Въ виду этого, онъ тотчасъ послѣ 25-го августа сообщилъ князю Аргутинскому о событіяхъ въ краѣ и просилъ его содѣйствія. Аргутинскій самъ давно слѣдилъ за Шамилемъ, зналъ о его сборахъ и лишь не имѣлъ достовѣрнаго свѣдѣнія о его направленіи. Не желая преждевременнымъ движеніемъ вдаться въ обманъ, онъ предпочелъ остаться на Турчидагѣ до выясненія обстоятельствъ. Имамъ такъ искусно обставилъ свое предпріятіе, что только 27-го августа князь узналъ, и притомъ почти случайно, что онъ, съ 10-ти тысячнымъ скопищемъ, направился на лезгинскую линію. Медлить было нельзя, и Аргутинскій двинулся съ отрядомъ на слѣдующій же день прямо черезъ главный кавказскій хребетъ въ тылъ Шамилю.

Тѣмъ временемъ Шамиль, ничего не подозрѣвая, укрѣпилъ завалами ущелья каисдарское и закатальское, и началъ высылать на плоскость партіи для возмущенія жителей. Окрестности Закаталъ, селенія Катехи, Мацехи и мухахское ущелье были наводнены непріятелемъ. Но князь Орбеліани не падалъ духомъ и прежде всего бросился съ отрядомъ изъ 4-хъ баталіоновъ, при которыхъ были гомборскіе стрѣлки, 6-ти орудій и всей кавалеріи въ селеніе Белаканы, гдѣ Даніельбекъ устроился какъ у себя дома. Къ счастью, послѣдній не думалъ долго сопротивляться и, озадаченный внезапнымъ появленіемъ нашихъ войскъ и нѣсколькими залпами, подхватилъ свои толпы и бѣжалъ въ другія селенія, оставивъ на мѣстѣ 12 тѣлъ и 8 лошадей. Съ такою же быстротою князь Орбеліани двинулся въ мухахское ущелье, гдѣ въ селеніи Чардахлы хозяйничала партія Кази-Магомы. Этотъ юноша, подобно Даніельбеку, также бѣжалъ, но не замедлилъ появиться на другомъ пунктѣ. Такимъ образомъ, хотя князь Орбеліани вовремя являлся повсюду, но дѣйствія его не достигали цѣли: про-

[12]) Рапортъ 26-го августа 1853 г. № 683.

гнанныя съ одного мѣста, скопища быстро появлялись на другомъ; при малочисленности же отряда, нельзя было раздробить его для преслѣдованія горцевъ и для прикрытія округа посредствомъ занятія наиболѣе важныхъ пунктовъ. А между тѣмъ броженіе умовъ мусульманскаго населенія принимало болѣе грозные размѣры. Только прибытіе дагестанскаго отряда могло спасти джаро-белаканскій округъ и Кахетію.

Шамиль, узнавъ, наконецъ, о движеніи ему въ тылъ князя Аргутинскаго, оставилъ позицію на Гонзогорѣ и съ разсвѣтомъ 4-го сентября поднялся къ Меседельгеру. Онъ обложилъ здѣсь укрѣпленіе, преградилъ къ нему дороги крѣпкими завалами и выставилъ часть скопища на гору Доорджабалъ. Князь Орбеліани послѣдовалъ за нимъ, перешелъ Катехъ-чай по наведенному наскоро мосту и сталъ на половинѣ меседельгерскаго подъема. Загородивъ такимъ образомъ главный выходъ изъ горъ, но не рѣшаясь атаковать непріятеля на крѣпкой позиціи, усиленной сверхъ того завалами, князь Орбеліани рѣшилъ дождаться прибытія дагестанскаго отряда. Шамиль, пользуясь бездѣйствіемъ нашихъ войскъ, предпринялъ нѣсколько штурмовъ Меседельгера, но мужественный гарнизонъ, едва достигавшій до 500 человѣкъ, геройски отразилъ всѣ его покушенія и съ честью отстоялъ себя до приближенія войскъ князя Аргутинскаго. Ночью на 7-е сентября Шамиль узналъ о приближеніи дагестанскаго отряда. Всѣ вожделѣнія его потерпѣли крушеніе. Будучи твердо увѣренъ, что ему нельзя ожидать ничего хорошаго отъ соединенія двухъ русскихъ отрядовъ, да еще при такомъ противникѣ, какъ князь Аргутинскій, имамъ поспѣшилъ снять осаду и со всѣмъ своимъ скопищемъ отступилъ въ горы. Спокойствіе на плоскости было возстановлено окончательно, и стрѣлки были возвращены въ Гомборы, а оттуда, черезъ четыре дня направлены къ турецкой границѣ.

Баснословный и знаменитый переходъ дагестанскаго отряда кн. Аргутинскаго черезъ семь снѣжныхъ хребтовъ на лезгинскую линію можно причислить къ тѣмъ почти невѣроятнымъ событіямъ, которыя вѣчно будутъ изумлять потомство. Русскій солдатъ еще разъ доказалъ, что нѣтъ въ мірѣ жертвы, которой онъ не могъ бы принести долгу и присягѣ, особенно если его ведетъ такой вождь, какъ князь Аргутинскій. Въ этомъ переходѣ участвовала также и 2-я рота гомборскихъ стрѣлковъ штабсъ-капитана Геннинга. Но для стрѣлковъ 1853 годъ остался навсегда въ памяти еще и потому, что они дотолѣ не имѣли такой дурной стоянки, какая выпала имъ зимою въ Кафыръ-Кумыкѣ, а самое главное, въ сентябрѣ мѣсяцѣ они разстались съ своимъ излюбленнымъ и любившимъ ихъ вождемъ—и разстались навсегда.

Съ появленіемъ первыхъ снѣговъ на горахъ начались партизанскія дѣйствія по всей линіи прикаспійскаго края; но князь Аргутинскій получилъ возможность стягивать войска на гамашинскія и кутешинскія высоты лишь въ половинѣ іюня, такъ какъ подножный кормъ появился поздно. 2-я рота стрѣлковаго баталіона поднялась на кутешинскія высоты 22-го іюня. Войска, занимавшія ихъ, никакихъ кровавыхъ стычекъ съ непріятелемъ не имѣли, и дѣятельность ихъ ограничивалась небольшими передвиженіями. Вся линія была прикрыта такъ искусно, что непріятель могъ появляться только на ея флангахъ, гдѣ и происходили болѣе или менѣе

серьезныя столкновенія; но они никакого значенія не имѣли для войскъ, расположенныхъ на кутешинскихъ высотахъ, а слѣдовательно и для стрѣлковъ. Только опасность вторженія горцевъ въ самурскій округъ заставила князя Аргутинскаго сняться съ кутешинскихъ высотъ и, оставивъ на нихъ небольшую колонну, двинуться съ остальными войсками, включая въ число ихъ и гомборскихъ стрѣлковъ, на Турчидагъ, чтобы быть ближе къ самурскому округу. Отрядъ вступилъ на Турчидагъ 29-го іюля; сюда же прибыли войска и съ гамашинскихъ высотъ. На слѣдующій день кн. Аргутинскій приказалъ приступить къ строевымъ занятіямъ. Это всѣхъ удивило, потому что такого распоряженія до сихъ поръ никогда не было. Среди этихъ занятій чисто мирнаго времени проходили дни за днями.

Между тѣмъ, какъ чистый горный воздухъ благословеннаго Турчидага оглашался неумолкаемымъ барабаннымъ боемъ, трескотнею учебной стрѣльбы и командными криками, князь Аргутинскій то и дѣло велъ переговоры и бесѣды съ лазутчиками. Онъ зналъ еще въ концѣ іюля о громадныхъ приготовленіяхъ Шамиля, но не угадалъ ихъ цѣли, хотя старался показать видъ, что совершенно не интересуется ими. 23-го августа онъ получилъ первоначальное свѣдѣніе, что Шамиль направился съ громаднымъ скопищемъ въ джаро-белаканскій округъ. Подозрѣвая, что эти слухи распущены самимъ Шамилемъ для того, чтобы обнаружить, что въ этомъ случаѣ предпримете дагестанскій отрядъ, Аргутинскій, въ ожиданіи точныхъ свѣдѣній, не трогался съ мѣста. Наконецъ, 27-го августа все объяснилось, и не было никакого сомнѣнія, что свѣдѣніе о вторженіи Шамиля въ джаро-белаканскій округъ вполнѣ справедливо. Тогда князь поднялъ на ноги большую часть своего отряда, въ томъ числѣ и роту стрѣлковъ шт.-кап. Геннинга, и 28-го августа выступилъ къ Хозреку, а въ то же время распустилъ слухъ, что идетъ въ Табасаранъ наказать жителей за неисполненіе его приказаній.

Переночевавъ въ Хозрекѣ, отрядъ на другой день повернулъ на вновь разработанную дорогу черезъ гору Носъ-дагъ. Подъемъ, благодаря множеству зигзаговъ, былъ довольно продолжителенъ, и хотя удобопроходимъ, но утомителенъ, тѣмъ болѣе, что завершился на перевалѣ вьюгою. Войска не безъ удовольствія спустились въ теплое и сухое ихрекское ущелье, гдѣ ожидали ихъ прибытія еще нѣкоторыя другія части, явившіяся сюда по приказанію князя. Съ этой минуты численность отряда заключалась въ семи баталіонахъ пѣхоты, ротѣ гомборскихъ стрѣлковъ, 8-ми орудіяхъ, четырехъ мортирахъ, двухъ эскадронахъ и десяти сотняхъ кавалеріи, пяти сотняхъ пѣшей милиціи и двухъ ракетныхъ командахъ [13]). Всею массою этихъ войскъ князь двинулся прямо, наперерѣзъ главнаго хребта, въ тылъ Шамилю. Онъ зналъ, какія препятствія противопоставитъ ему природа, но зналъ и то, какая необоримая душевная сила скрывается въ русскомъ солдатѣ,—и онъ двинулся съ вѣрою въ этого солдата.

---

[13]) 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Самурскаго, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ, команда саперъ, 2-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 2 сотни донскихъ казаковъ № 14 полка, 6 сотенъ конной милиціи, 4 орудія и 2 мортиры горной № 2 батареи 20-й артилерійской бригады, 2 мортиры горной № 4 батареи 21-й артилерійской бригады и 2 ракетныхъ команды.

Отъ ихрекскаго ущелья отрядъ повернулъ къ западу и въ два дня прошелъ черезъ два отрога, по тропамъ, совершенно незнакомымъ тогда нашимъ войскамъ. Каждый изъ этихъ отроговъ развѣтвлялся на множество крутыхъ кряжей, пересѣкавшихъ путь слѣдованія отряда. Послѣднему приходилось то спускаться въ глубокія пропасти, занесенныя снѣгомъ, то карабкаться по скользкимъ скалистымъ скатамъ. Его „вели проводники, то пробираясь черезъ снѣгъ, то цѣпляясь за голый плитнякъ. За ними гуськомъ слѣдовала кавалерія, ведя лошадей въ поводу, затѣмъ саперы и рабочія команды, расчищая по возможности на спускахъ и косогорахъ тропу, которая, извиваясь змѣйкою по громаднымъ утесамъ, выводила на вершины кряжа, гдѣ взоры поражались грандіознымъ просторомъ заоблачныхъ горъ, покрытыхъ блестящимъ снѣгомъ, какъ ледовитое море. Въ первый день этого заоблачнаго перехода въ горахъ былъ сильный вѣтеръ, сбивавшій съ ногъ людей, и больно было видѣть, какъ вождь этого смѣлаго движенія, еще не оправившійся отъ болѣзни, закутанный въ раздуваемую вѣтромъ сѣросинюю шинель, и своею тучностью составлявшій тяжелую ношу для сѣрой лошади, которую два пукера вели подъ узду, на каждомъ шагу, при неустойчивости конскихъ ногъ на скользкомъ скалистомъ грунтѣ, рисковалъ оборваться въ кручу“ [14]). Первый отрогъ былъ пройденъ, и отрядъ стянулся на ночлегъ, кое-какъ размѣстившись на покатой площадкѣ, куда однако еще не всѣ прибыли; кромѣ того, много вьюковъ и лошадей оборвалось въ кручу.

Съ такими же затрудненіями отрядъ прошелъ на слѣдующій день черезъ другой хребетъ и размѣстился въ глубокомъ узкомъ ущельи на рѣчкѣ Дюльты-чай. Много лишеній претерпѣлъ отрядъ, но ему предстояли испытанія несравненно болѣе тяжелыя. Слѣдующій переходъ черезъ Дюльты-дагъ, весьма высокую отрасль главнаго хребта, обѣщалъ неисчислимыя препятствія, но войска тронулись бодро, съ пѣснями. Они тянулись такою узкою и длинною нитью, и такъ медленно, что арріергардъ двинулся съ мѣста только въ сумерки, тогда какъ авангардъ выступилъ до разсвѣта. Подъемъ шелъ крутыми зигзагами по обрыву, на которомъ нельзя было держаться на ногахъ, и по которому люди, слѣдуя въ одного человѣка, цѣплялись за разные мѣстные предметы, поддерживая въ то же время вьючныхъ лошадей и артилерію. То и дѣло раздавалось сверху зловѣщее „берегись“, предупреждавшее о паденіи вьючной или артилерійской лошади, которая, рикошетируя по зигзагамъ, летѣла въ пропасть. Съ утра стоялъ густой снѣгъ, а къ вечеру начало морозить. „Взбираясь съ уступа на уступъ и надѣясь съ каждымъ новымъ подъемомъ взойти на вершину горы, всѣ каждый разъ разочаровывались, увидѣвъ выше себя, въ матовомъ снѣжномъ сумракѣ, движущуюся вереницу солдатъ, которая терялась вверху. Между тѣмъ морозъ усиливался, и съ каждымъ шагомъ силы слабѣли, склоняя ко сну; ноги едва двигались по безконечному подъему все выше и выше. Нельзя было однако отставать и терять изъ вида впереди идущихъ, чтобы не прервать этой цѣпи изъ людей и не своротить въ боковую пропасть. Поэтому одинъ за другимъ поспѣшали, какъ за спасительнымъ призракомъ, исчезавшимъ въ утомляющемъ зрѣніе ночномъ мракѣ. Наконецъ, когда прошли полосу тучъ и поднялись на заоблачную высоту,

[14]) Изъ повѣствованія участника и очевидца. „Кавказскій Сборникъ“. т. IX.

снѣгъ пересталъ; но за то, холодъ еще болѣе усилился, оледѣняя мокрую одежду, а пронзительный вѣтеръ увеличивалъ окоченѣніе членовъ. На тропахъ уже начали встрѣчаться какія-то павшія лошади, брошенный хламъ, вѣроятно изъ вьюковъ милиціи, и казалось, что не будетъ конца этому движенію“ [15]).

Но вотъ, отрядъ поднялся на самую вершину перевала—въ чемъ звѣздный небосклонъ убѣдилъ всѣхъ и каждаго. Начался спускъ. Теперь, „при постоянно согнутыхъ колѣнахъ, утомленіе ногъ, не удерживавшихъ ослабѣвшаго тѣла, доходило до крайности, такъ что солдаты безпрестанно падали, снова поднимаясь, скользили, какъ пьяные, по крутизнѣ размякшей тропы, а конца спуску все не было. Огни, прежде видѣвшіеся, скрылись“. Когда же забѣлѣлъ востокъ, и изъ полумрака начали выдѣляться снѣжные боковые спуски, тогда только, съ поворотомъ тропы, войска очутились въ тѣсномъ ущельи, у развалинъ селенія Кусуръ, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Какъ ни желалъ князь Аргутинскій выступить съ разсвѣтомъ дальше, но онъ вынужденъ былъ дать изнуренному отряду отдыхъ, который былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что предстоялъ трудный и большой переходъ черезъ главный перевалъ Гудуръ-дагъ. Къ счастью, въ Кусурѣ войска нашли лѣсъ отъ разворенныхъ сакль и могли согрѣться, а главное—обсушить мокрую одежду и подкрѣпить себя мясною пищею. Князя Аргутинскаго отдѣлялъ отъ Шамиля только главный хребетъ, по которому пролегалъ путь, по показаніямъ проводниковъ, всего въ 24 версты. Но этотъ переходъ причинялъ гораздо болѣе заботъ и опасеній, нежели всѣ предыдущіе. Въ виду этого, не желая поднять всю массу войска на главный перевалъ одновременно, князь Аргутинскій раздѣлилъ отрядъ на двѣ колонны: въ первую онъ назначилъ четыре баталіона ширванцевъ, команду саперъ, роту кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ драгунъ, 8 сотенъ казаковъ и милиціи, 6 орудій и двѣ ракетныхъ команды; а во вторую—остальныя войска. Съ разсвѣтомъ, 4-го сентября, выступила, подъ личнымъ начальствомъ князя, первая колонна, взявъ съ собою продовольствія лишь на четыре дня; вторая же должна была оставаться на мѣстѣ и выжидать особаго приказанія; при ней были оставлены всѣ лишнія тяжести отряда.

Движеніе первой колонны происходило сначала при самой благопріятной обстановкѣ. Безъ особенныхъ затрудненій она, около двухъ часовъ пополудни, достигла перевала, покрытаго глубокимъ снѣгомъ. Но спускъ съ него представлялъ величайшія затрудненія: „тропа буквально ныряла по крутымъ выступамъ, дѣлая безчисленное множество извилинъ и проходя надъ глубокими обрывами, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ орудія съ ящиками и даже вьюки нужно было переносить на рукахъ“. Преодолѣвъ всѣ затрудненія, часть отряда прибыла въ 9 часовъ вечера къ урочищу Динди; остальныя войска стягивались въ теченіе ночи и слѣдующаго дня. Утромъ 6-го сентября князь Аргутинскій получилъ отъ начальника лезгинскаго отряда сообщеніе, что укрѣпленіе Меседельгеръ находится въ критическомъ положеніи; поэтому, не смотря на страшную усталость войскъ, онъ немедленно двинулся къ Закаталамъ, чтобы, соединившись какъ можно скорѣе съ отрядомъ кн. Орбеліани, атаковать Шамиля. Но послѣдній уже исчезъ. Подходя къ мѣсту расположенія лезгинскаго отряда, князь Аргутинскій

[15]) Тамъ же.

узналъ, что наканунѣ вечеромъ горцы еще разъ пытались отчаяннымъ штурмомъ овладѣть меседельгерскимъ укрѣпленіемъ, но потерпѣли послѣднюю неудачу и, вмѣстѣ съ своимъ имамомъ, въ 9 часовъ вечера поспѣшно ретировались въ сторону отъ пути движенія наступавшаго отряда, въ горы. Войска, посланныя кн. Аргутинскимъ для преслѣдованія горцевъ, въ томъ числѣ и гомборцы, прибыли къ Меседельгеру въ то время, когда хвостъ непріятельскаго скопища перевалилъ черезъ главный хребетъ, а отъ Шамиля и слѣдъ простылъ. Кахетія была спасена и сравнительно весьма недорогою цѣною: стрѣлки, напримѣръ, совершивъ этотъ колосальный переходъ, не имѣли ни одного больного или же отсталаго; число же больныхъ въ остальныхъ частяхъ, преимущественно съ отмороженными членами, было относительно ограниченное.

„Честь и слава—писалъ кн. Воронцовъ—храбрымъ войскамъ лезгинскаго отряда, неустрашимому гарнизону меседельгерскаго укрѣпленія и дагестанскому отряду, увѣнчавшему уничтоженіе замысловъ Шамиля скорымъ приходомъ на помощь товарищей черезъ такія мѣста и въ такое время, что походъ сей по справедливости должно считать историческимъ и почти безпримѣрнымъ“ [16]).

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, 2-я рота стрѣлковъ оставалась въ Закаталахъ почти три недѣли, пока Шамиль окончательно распустилъ скопища, и горы начали покрываться снѣгомъ. 27-го сентября, по приказанію главнокомандующаго, она была отпущена въ Гомборы, чтобы приготовиться къ новому походу въ чуждую и неизвѣстную ей доселѣ страну—въ Турцію. Князь Аргутинскій, неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ и ожиданіяхъ, оставилъ Дагестанъ и поселился въ Тифлисѣ мирнымъ гражданиномъ. Онъ затихъ и замеръ для дальнѣйшей славы нашихъ войскъ, но передъ глазами гомборцевъ еще долго носилась тѣнь этого „вѣщаго“ сказочнаго героя, какъ эмблема ихъ непобѣдимости. Благодаря его личнымъ великимъ и неувядаемымъ подвигамъ, стрѣлки имѣли возможность развить въ своей средѣ тѣ доблести, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшей ихъ славной боевой карьеры. Рота штабсъ-капитана Геннинга за „безпримѣрный“ переходъ черезъ горы удостоилась десяти денежныхъ наградъ и одного знака отличія военнаго ордена [17]), а за пораженіе скопищъ Шамиля 25-го августа и изгнаніе ихъ изъ джаро-белаканскаго округа поручикъ Вешюковъ и подпоручикъ Кабенинъ награждены слѣдующими чинами, „храбрый“ унтеръ-офицеръ Пауль Талыгренъ произведенъ въ прапорщики, и взводъ удостоился четырехъ наградъ [18]).

Изъ приказовъ по корпусу за 1853-й годъ видно, что стрѣлки не въ

---

[16]) Приказъ по корпусу 19-го сентября 1853 г. № 191.

[17]) Фельдфебель Степанъ Островерченко, ун.-оф.: Поликарпъ Аѳанасьевъ и Трофимъ Жевлаковъ; рядовые: Василій Тимофеевъ, Валеріанъ Шишовъ, Иванъ Литвиненко, Петръ Закучисъ, Павелъ Терещукъ, Кузьма Поповъ и Петръ Степановъ—первые три по 10 руб., а остальные по 5 руб. серебромъ; сверхъ того, послѣдній награжденъ крестомъ за № 108223. (Дѣло особаго отдѣленія архива окр. штаба № 169. 1853-го года.

[18]) Рядовые: Ефимъ Афанасьевъ, Назаръ Михайловъ, Алексѣй Баркаловъ, Корней Шевченко. Первые два получили по знаку отличія военнаго ордена, 3-й—званіе унтеръ-офицера, а 4-й—5 руб. (Дѣло особ. отд. арх. шт. кав. воен. округа 1853 года № 167).

однихъ только бояхъ и походахъ радовали высшее начальство. Такъ, проѣздомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на лезгинскую кордонную линію, князь Воронцовъ, осмотрѣвъ 9-го числа въ Гомборахъ наличныхъ людей баталіона, нашелъ ихъ „хорошо сбереженными и вообще молодцами; въ казармахъ же и въ лазаретѣ увидѣлъ надлежащій порядокъ и замѣчательную чистоту“. За это командиръ кавказской резервной гренадерской бригады генералъ-маіоръ баронъ Врангель и командующій баталіономъ подполковникъ Прежевскій, а также всѣ офицеры и нижніе чины, получили благодарность главнокомандующаго [19]). Затѣмъ, въ бытность князя Воронцова въ Закаталахъ, онъ нашелъ взводъ стрѣлковъ поручика Венюкова „въ томъ превосходномъ состояніи, какое приличио боевому россійскому воинству“. Еще разъ вышепоименованнымъ лицамъ, а также поручику Венюкову, главнокомандующій выразилъ свою „полную благодарность“ [20]).

XII.

Турецкая война 1853—1856 годовъ. Положеніе наше передъ войною. Прибытіе ротъ стрѣлковаго баталіона въ Александрополь. Сраженіе подъ Баиндуромъ. Подвиги стрѣлковъ. Приказъ. Награды. Манифестъ. Отличія стрѣлковъ на фуражировкѣ 17 ноября. Сраженіе подъ Башъ-Кадыкляромъ. Подвиги стрѣлковъ. Награды. Отступленіе. 1854 годъ. Укомплектованіе баталіона. Турецкіе главнокомандующіе. Боевыя силы сторонъ. Переходъ границы. Пораженіе непріятеля при Кюрюкъ-Дара. Привѣтъ войскамъ Императора. Пожалованіе стрѣлковому баталіону георгіевскаго знамени. Подвиги стрѣлковъ. Награды. Роспускъ войскъ.

Поводомъ къ разрыву между Россіею и Турціею въ 1853 году послужило заступничество Государя Императора за православную церковь, договорныя права которой въ Палестинѣ турки попирали постоянно въ угоду французовъ и латинскаго духовенства. Когда на умѣренныя требованія Россіи порта отвѣтила отказомъ, то русская армія лѣтомъ 1853 года заняла Молдавію и Валахію съ единственною цѣлью принудить Турцію къ соблюденію договоровъ. Но къ туркамъ явились на помощь подстрекавшіе ихъ къ отказу англичане и французы, къ которымъ пристала и маленькая Сардинія. Даже Австрія, недавно спасенная великодушіемъ Императора Николая I, отблагодарила Россію принятіемъ противъ нея угрожающаго положенія. Положеніе Россіи, очутившейся безъ союзниковъ, было крайне затруднительное. Но если, вслѣдствіе вмѣшательства сильныхъ европейскихъ державъ, мы принуждены были на европейскихъ театрахъ держаться оборонительнаго образа дѣйствій, то положеніе наше на Кавказѣ было не менѣе затруднительное. Слухи о близкой войнѣ произвели сильное броженіе въ мусульманскомъ населеніи Кавказа и Закавказья. Занятые войною въ горахъ, мы располагали на пограничной съ Турціею линіи въ 500 верстъ прикрытіемъ не болѣе 1800 казаковъ и четырехъ линейныхъ баталіоновъ. А между тѣмъ малая Азія быстро наводнялась войсками османовъ, и вскорѣ дѣло дошло до того, что въ ночь на 16-е октября турецкій десантъ изъ

[19]) Приказъ по корпусу 30-го апрѣля 1853 года № 78.
[20]) Приказъ по корпусу 8-го мая 1853 г. № 83.

Батума атаковалъ на берегу Чернаго моря нашъ Николаевскій таможенный постъ, служившій складочнымъ мѣстомъ для провіанта, и истребилъ охранявшія его двѣ слабыя роты. Такія же нападенія были произведены и на другіе пункты нашей границы, хотя война еще не была объявлена. Изъ числа 200,000 войскъ, составлявшихъ кавказскій корпусъ, главнокомандующій въ первое время могъ наскоро собрать—и то лишь въ Закавказьи—всего 6 баталіоновъ, 400 казаковъ и 12 орудій, чтобы ими какъ можно поспѣшнѣе усилить и прикрыть важнѣйшіе стратегическіе пункты на нашей границѣ—Александрополь и Ахалцыхъ—съ занятіемъ которыхъ турки могли проникнуть въ Грузію по двумъ горнымъ дорогамъ. Выступленіе этихъ баталіоновъ совершенно обнажило Закавказье, и только, благодаря лишь неумѣнію турокъ пользоваться обстоятельствами, все беззащитное пространство къ югу отъ Тифлиса не очутилось въ ихъ рукахъ. Это было самое тяжелое время для закавказскаго края.

Такое положеніе вещей заставило князя Воронцова какъ можно скорѣе притянуть въ Закавказье всѣ войска, которыя можно было собрать, безъ крайняго обезсиленія кавказскихъ театровъ войны, а 13-ю пѣхотную дивизію двинуть, вмѣсто Кубанской области, въ окрестности Тифлиса, для смѣны его гарнизона и баталіоновъ кавказской резервной бригады, которые были направлены въ Александрополь. Изъ роть кавказскаго стрѣлковаго баталіона раньше всѣхъ прибыла туда 4-я, штабсъ-капитана Новицкаго 2-го. Она выступила, въ составѣ 2 оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ, 2 горнистовъ, 125 рядовыхъ, 4 фурштатовъ, 2 нестроевыхъ и 3 казенныхъ деньщиковъ, съ вьючнымъ обозомъ, 23-го іюня, и должна была слѣдовать, по усиленному маршруту, на духоборское селеніе Орловку. Въ Коджорахъ рота представилась главнокомандующему и найдена въ отличномъ порядкѣ. Въ теченіе ея 12-тидневнаго довольно труднаго марша больныхъ и отсталыхъ не оказалось [1]). Вмѣстѣ съ внезапнымъ выступленіемъ 4-й роты, командиру баталіона было приказано немедленно приготовить къ походу и остальныя „въ полномъ составѣ“. Вслѣдствіе этого, едва только 21-го сентября взводъ штабсъ-капитана Венюкова прибылъ съ лезгинской линіи въ Гомборы, какъ вся третья рота, подъ командою капитана Позняка, черезъ три дня, 26-го числа, выступила въ Александрополь, имѣя при себѣ уже колесный обозъ. Въ составѣ ея находилось 2 оберъ-офицера 13 унтеръ-офицеровъ, 3 горниста, 110 рядовыхъ, 7 нестроевыхъ. Къ концу сентября, изъ отрядовъ прибыли въ Гомборы: взводъ 1-й роты съ штабсъ-капитаномъ Спаксаревымъ и вся вторая рота. Оставивъ маіора Геннинга 1-го и при немъ штабсъ-капитана Спаксарева для завѣдыванія штабъ-квартирою и обученія стрѣльбѣ прибывающихъ въ баталіонъ укомплектованій, маіоръ Лузановъ 5-го октября самъ повелъ обѣ роты въ Александрополь; при нихъ находилась и часть $^1/_4$ инвалидной роты. 1-ю ротою завѣдывалъ подпоручикъ Аммонтъ, 2-ю—подпоручикъ Ильяшенко. Командиры же ихъ, штабсъ-капитаны Каменскій и Геннингъ 2-й, прибыли въ баталіонъ лишь 12-го ноября—первый изъ командировки по пристрѣлкѣ литтихскихъ штуцеровъ въ войскахъ черноморской береговой линіи, а второй—изъ темиръ-ханъ-шуринскаго госпиталя. Въ ротахъ состояло: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 7, унтеръ-офицеровъ 22, горнистовъ 8, строевыхъ 231, нестрое-

[1]) Рапорты Новицкаго 8-го и 16-го іюля 1853 г. №№ 6 и 8.

выхъ 33; инвалидовъ: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 11; подъемныхъ лошадей 52. Всѣ три роты представились главнокомандующему въ Тифлисѣ и также, какъ и 4-я рота, найдены „въ отличномъ порядкѣ; нижніе чины бодры и имѣли видъ молодецкій“, хотя „нѣкоторые изъ нихъ провели все лѣто въ походахъ и горныхъ экспедиціяхъ, а другіе совершили дальній походъ до Тифлиса“. Высшему начальству стрѣлковъ была выражена княземъ Воронцовымъ „искренняя признательность“, а маіору Лузанову „совершенная благодарность“ [2]). Къ концу октября баталіонъ былъ въ Александрополѣ и вошелъ въ составъ александропольскаго отряда, ввѣреннаго генералъ-лейтенанту князю Бебутову.

Между тѣмъ, какъ турецкіе башибузуки уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ неистовствовали въ христіанскихъ деревняхъ турецкой Арменіи, главныя силы непріятеля, отъ 35 до 40 тысячъ человѣкъ, 30-го октября двинулись, подъ главнымъ начальствомъ мушира Абди-паши, изъ Карса къ Александрополю. 31-го числа онѣ переправились черезъ Арпачай въ наши предѣлы и, занявъ деревню Баяндуръ, истребили большую часть жителей, не щадя ни пола, ни возраста, ни даже духовенства. Одновременно съ этимъ два сильныхъ отряда турокъ двинулись—одинъ на Эриванъ, и другой на Ахалцыхъ, но противъ нихъ мы уже имѣли достаточно оборонительныхъ силъ. Главное же вниманіе мушира было обращено на Александрополь.

1-го ноября пріѣхалъ въ отрядъ князь Бебутовъ. Узнавъ обо всемъ случившемся, онъ „рѣшился пресѣчь безобразія“ и оттѣснить турокъ за Арпачай, тѣмъ болѣе, что въ отрядъ прибыло еще два баталіона, такъ что у него было теперь до 10 баталіоновъ пѣхоты. Изъ числа всѣхъ своихъ войскъ онъ выдѣлилъ небольшой отрядъ, ввѣрилъ его генералъ-маіору кн. Орбеліани и „приказалъ ему двинуться съ нимъ на турокъ“ и оттѣснить ихъ за Арпачай. Въ составъ отряда вошелъ кавказскій стрѣлковый баталіонъ въ полномъ составѣ [3]). Князь Орбеліани выступилъ изъ александропольскаго лагеря 2-го ноября въ полдень и въ два часа прибылъ въ Караклисъ, гдѣ былъ задержанъ съ полчаса переправою черезъ тонкую рѣчку. Отрядъ былъ раздѣленъ на два эшелона, и въ каждый изъ нихъ вошли по двѣ роты стрѣлковъ и часть артиллеріи. Лишь только первый эшелонъ (эриванцы, куринцы и стрѣлки) переправился черезъ рѣку, какъ былъ немедленно атакованъ массою турецкой кавалеріи; но ее встрѣтили и отбросили штуцера гомборскихъ стрѣлковъ и картечь нашей артиллеріи. Первая боевая линія безпрепятственно выдвинулась на высоты, а между тѣмъ переправа остальныхъ войскъ черезъ рѣку была окончена. Будучи преслѣдуемы нашими казаками, башибузуки кинулись по направленію къ селенію Баяндуръ, гдѣ расположены были главныя силы турокъ. Непріятельская позиція была хорошо видна съ берега, на который взобралась наша первая линія. Лѣвымъ флангомъ она примыкала къ Баядуру, а центръ и правый

---

[2]) Приказъ по корпусу 10-го октября 1853 года № 215.

[3]) Кромѣ того: 1-я и 3-я роты 4-го баталіона Грузинскаго гр., три роты 4-го баталіона Эриванскаго, баталіонъ Куринскаго полковъ, двѣ роты кавказскаго сапернаго баталіона, два дивизіона драгунъ принца Виртенбергскаго полка, сотня донскаго казачьяго № 20 полка, двѣ дружины елисаветпольской конной милиціи, двѣ батареи кавказск. гренад. артилер. бригады и дивизіонъ донской конно-артил. легкой № 7 батареи.

флангъ ея тянулись по возвышенному берегу рѣки Арпачая, черезъ которую турки имѣли нѣсколько переправъ. Позиція эта была занята всѣми войсками, стянутыми сюда изъ Карса, въ числѣ 30 тысячъ регулярной пѣхоты и кавалеріи, съ 40 орудіями, выстроенными въ боевомъ порядкѣ. Войска наши двигались безостановочно, имѣя въ первой линіи баталіонъ эриванцевъ, баталіонъ куринцевъ, двѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ, 16 батарейныхъ и 5 легкихъ орудій; другія двѣ роты стрѣлковъ были въ резервѣ.

Едва только линія подошла къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, какъ была встрѣчена сильнымъ огнемъ всѣхъ батарей. Наша артилерія вступила въ состязаніе. Гомборцы разсыпались въ цѣпь, но штуцера ихъ пока должны были молчать, такъ какъ позиція противника превосходно командовала мѣстностью, гдѣ стоялъ русскій отрядъ, обстрѣливала впереди все пространство, и не было рѣшительно никакой возможности хотя для самой незначительной части скрытно подступить къ ней даже на штуцерной выстрѣлъ. Канонада все усиливалась; ядра и гранаты избороздили поле, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, и много героевъ сложило свои головы. Въ числѣ прочихъ былъ тяжело раненъ поручикъ Аппельбергъ, которому ядро попало въ лѣвую ногу выше колѣна; шт.-капитанъ Венюковъ получилъ сильную контузію ядромъ въ правую ногу выше колѣна; подъ капитаномъ Познякомъ, исполнявшимъ должность младшаго штабъ-офицера и командовавшимъ двумя ротами въ первой линіи, убита ядромъ лошадь; сорокъ два человѣка стрѣлковъ выбыли изъ строя убитыми и ранеными. Такія же потери несли и другіе войска первой линіи, въ виду того, что отрядъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и представлялъ собою какъ бы неподвижную мишень. Наконецъ, большинство нашихъ орудій было подбито, а частью осталось безъ прислуги и лошадей, и нашъ артилерійскій огонь чрезвычайно ослабѣлъ, такъ какъ пѣхота не могла замѣнить орудійной прислуги.

Пять часовъ длилась канонада, и положеніе отряда становилось все труднѣе. Наступать съ малочисленнымъ отрядомъ, вдобавокъ еще значительно порѣдѣвшимъ, на многочисленнаго непріятеля, еще совершенно свѣжаго и владѣвшаго сильною позиціею, было крайне рисковано; но, съ другой стороны, честь русскаго оружія не допускала оставить его безнаказаннымъ. Не рѣшаясь ни на что окончательно, князь Орбеліани продолжалъ канонаду до тѣхъ поръ, пока замолкли всѣ наши орудія. Тогда, прекративъ пальбу и съ своей стороны, непріятель выступилъ изъ окоповъ и, съ распущенными знаменами, подъ музыку, стройно двинулся въ атаку. Шесть эскадроновъ его кавалеріи, для поддержки своей пѣхоты, вынеслись на нашъ лѣвый флангъ. Этого-то и ожидали съ нетерпѣніемъ наши солдаты и въ особенности гомборцы съ готовыми штуцерами. Подпустивъ густыя массы на хорошій ружейный выстрѣлъ, они встрѣтили ихъ убійственными, выдержанными залпами, а пѣхота, замѣнивъ орудійную прислугу, осыпала ихъ картечью. Турки сперва остановились въ изумленіи. Стойкость нашей пѣхоты, выдержанные залпы которой заслужили бы на любомъ смотру великую похвалу, озадачила османовъ, безпорядочныя массы которыхъ вскорѣ совершенно смѣшались и отхлынули къ своимъ резервамъ, напутствуемые нашимъ убійственнымъ огнемъ.

Приблизительно такая же исторія повторилась нѣсколько позже на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, и съ этого времени турецкая пѣхота болѣе не возобновляла атакъ. Но этимъ не кончились попытки турокъ сбить наши линіи: они произвели еще третью атаку одною только кавалеріею. Обскакавъ нашъ правый флангъ, она прорвала 2-ю елисаветпольскую конную дружину, бывшую въ прикрытіи обоза, напала на вьюки и начала добивать раненыхъ [4]). Но не долго она хозяйничала: на нее налетѣли наши драгуны, смяли и преслѣдовали къ Арпачаю. Въ это время совершенно стемнѣло, и хотя бой утихъ, но войска наши должны были остаться на мѣстѣ всю ночь.

Князь Бебутовъ, слыша усиленную канонаду, и полагая, что непріятельскій огонь производитъ большія опустошенія въ нашихъ рядахъ, съ тремя баталіонами и частью кавалеріи поспѣшилъ на соединеніе съ правымъ флангомъ князя Орбеліани, съ намѣреніемъ пока подкрѣпить его, а на другой день атаковать непріятеля. Муширъ узналъ объ этомъ движеніи, ночью снялъ свои войска и перешелъ обратно за Арпачай. Когда такимъ образомъ цѣль наша была достигнута, князь Бебутовъ рѣшилъ въ ту же ночь отвести отрядъ въ Александрополь. Въ дѣлѣ подъ Баяндуромъ стрѣлковый баталіонъ состоялъ изъ одного штабъ-офицера, 12 оберъ-офицеровъ, 45 унтеръ-офицеровъ, 13 горнистовъ, 461 стрѣлка и 35 нестроевыхъ.

Баяндурскій бой считается изумительнѣйшимъ изъ военныхъ событій. Дѣло въ томъ, что во время атаки, или рукопашной схватки, войска бываютъ обыкновенно въ возбужденномъ состояніи; пальба, звуки музыки, крики „ура“ горячатъ, увлекаютъ ихъ, и они забываютъ, что надъ ними носится вѣрная смерть. Они рубятъ, колятъ, очертя голову. Для всего этого не требуется особеннаго героизма. Но стоять на открытой равнинѣ и изображать изъ себя, въ теченіи пятичасовой бѣшеной канонады, неподвижную мишень, молча гибнуть, не имѣя возможности отвѣчать врагу смертью же, видѣть, какъ кругомъ падаютъ обезображенные ядрами друзья, слышать стоны ихъ и терпѣливо выжидать команды „впередъ“—могутъ только войска высокодисциплинированныя. „Второе ноября принадлежитъ исторіи — доносилъ князь Бебутовъ—куда будутъ внесены подвиги храбрости войскъ, сражавшихся подъ начальствомъ князя Орбеліани во славу русскаго Царя и отечества“ [5]). Въ письмѣ же своемъ къ князю Воронцову отъ 4-го ноября князь Бебутовъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее: „описывать храбрость нашихъ войскъ, весьма хорошо извѣстную вашей свѣтлости, я полагаю излишнимъ; но не могу и не долженъ скрыть передъ вами, что на этотъ разъ поведеніе солдатъ въ помянутомъ сраженіи и распорядительность ихъ начальниковъ превосходятъ всякую похвалу“.

---

[4]) Одна партія курдовъ напала, между прочимъ, и на кучу раненыхъ и убитыхъ стрѣлковъ. Одинъ изъ раненыхъ еще въ самомъ началѣ боя, рядовой 2-й роты Иванъ Борисовъ, не смотря на страшную боль въ ногѣ, не позволявшую ему двигаться, выстрѣломъ изъ своего штуцера убилъ одного курда; затѣмъ, схвативъ у убитаго товарища заряженный штуцеръ, онъ убилъ еще другаго. Но въ это время третій курдъ сзади успѣлъ всадить свою пику ему въ спину около шеи и прокололъ ее насквозь. Этотъ герой, къ радости всей роты и ко всеобщему удивленію, совершенно выздоровѣлъ. (Рапортъ Венюкова 24-го января 1854 года № 3. Баталіон. архивъ, дѣло по описи № 36).

[5]) Рапортъ кн. Бебутова 4-го ноября № 74.

Къ счастью, архивъ стрѣлковаго баталіона до настоящей минуты сохранилъ подлинныя донесенія о единичныхъ, личныхъ подвигахъ гомборцевъ, которые ни въ какомъ случаѣ нельзя обойти молчаніемъ. Сказанія эти передаются здѣсь почти дословно. Фельдфебель 2-й роты Степанъ Островерченко, командуя 4-мъ взводомъ въ ротной колоннѣ, былъ раненъ въ ногу ядромъ и упалъ почти замертво. Двое солдатъ его взвода бросились къ нему и хотѣли отнести его во вторую линію; но онъ, прійдя въ себя и замѣтивъ, что колонна трогается впередъ, сказалъ имъ: „братцы, ступайте на свои мѣста, во фронтъ“. Затѣмъ, обратясь къ взводу, онъ громко прибавилъ: „смотрите, братцы, не осрамитесь и работайте повсегдашнему, какъ въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ, а я передъ смертью помолюсь за васъ Богу“. Благодаря помощи врачей, „отличнѣшій этотъ солдатъ“ понемногу сталъ выздоравливать. Рядовой изъ дворянъ 2-й роты Алексѣй Баркаловъ (вольноопредѣляющійся), еще совсѣмъ молодой юноша, былъ первый разъ въ огнѣ. Получивъ рану въ пальцы правой руки большимъ осколкомъ гранаты, причемъ была разбита ложа и согнутъ стволъ штуцера, юный Баркаловъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, взялъ штуцеръ въ лѣвую руку и, шутя съ товарищами, пошелъ впередъ, не отставая отъ роты ни на шагъ, пока отъ сильной потери крови упалъ безъ чувствъ [6]). Стрѣлокъ 4-й роты Василій Павловъ былъ сильно контуженъ въ ногу и сшибленъ наземь осколкомъ гранаты. Не будучи въ силахъ встать, онъ сидя разсматривалъ свою контуженую ногу. „Можешь ли дойти до перевязочнаго пункта“? спросилъ его, подойдя къ нему, дежурный по ротѣ. „Когда сапогъ цѣлъ, то и ноги цѣлы“, отвѣчалъ Павловъ. „Я пойду впереди васъ и надѣюсь еще отплатить басурману“. Павловъ все время находился въ своемъ ранжирѣ, а по окончаніи дѣла немедленно былъ отвезенъ въ госпиталь, гдѣ пробылъ 16 дней [7]). Рядовому 1-й роты Игнату Янкусу ядромъ оторвало обѣ ноги. Когда къ нему подошли товарищи и хотѣли отнести на перевязочный пунктъ, Янкусъ, держа еще штуцеръ въ рукахъ, сказалъ имъ: „постойте, ребята, у меня штуцеръ вѣдь заряженъ; не нести же его такъ въ обозъ; дайте хоть одного то басурмана уложить“ [8]). Вызванный хоръ пѣсенниковъ пѣлъ пѣсни передъ 3-ю ротою. Вдругъ, въ кружокъ ихъ, рикошетируя, влетѣло ядро, но не причинило никому вреда. Хоръ нисколько этимъ не былъ сконфуженъ и продолжалъ начатую пѣсню, а рядовой Ѳома Мочалинъ, указывая на ядро, сказалъ товарищамъ: „вотъ, ребята, турокъ прислалъ къ намъ послушать пѣсню“ [9]).

Въ офиціальномъ донесеніи князь Бебутовъ, въ числѣ особенно отличившихся, упомянулъ и о командирѣ кавказскаго стрѣлковаго баталіона Лузановѣ, который вслѣдствіе этого получилъ благодарность въ приказѣ по корпусу [10]).

Обѣ стороны отступили почти въ одно время. Турки потеряли 1000 человѣкъ, а нашъ небольшой отрядъ—16 офицеровъ и 490 нижнихъ чиновъ. Хотя сраженіе 2-го ноября слѣдуетъ считать неразрѣшеннымъ, но, взявъ

---

[6]) Рапортъ Венюкова 24-го января 1854 г. № 3.
[7]) Рапортъ штабсъ-капитана Новицкаго 24-го января 1854 года № 10.
[8]) Рапортъ штабсъ-капитана Каменскаго 24-го января 1854 года № 11.
[9]) Рапортъ капитана Позняка 24-го января 1854 года № 10.
[10]) Приказъ по корпусу 8-го ноября 1853 года № 239.

во вниманіе числительное отношеніе войскъ обѣихъ сторонъ, превосходство орудій непріятеля въ числѣ и калибрѣ, а также укрѣпленную его позицію, князь Воронцовъ находилъ, что турки потерпѣли пораженіе. Въ приказѣ по корпусу онъ извѣщалъ: „цѣлый день, слабѣйшій сравнительно съ непріятелемъ въ 6 или 7 разъ, нашъ отрядъ упорно дрался съ турками. Всѣ нападенія пѣхоты и конницы были отбиты съ урономъ и стыдомъ для нихъ. Когда князь Бебутовъ, съ 3-мя баталіонами и частью кавалеріи, поспѣшилъ на соединеніе, то сераскиръ, опасаясь рѣшительной атаки, ночью снялъ войска свои и перешелъ обратно за Арпачай".

Стрѣлковый баталіонъ получилъ за 2-е ноября слѣдующія награды: капитанъ Познякъ—орденъ св. Анны 2-й степени; штабсъ-капитаны: Максимовъ—орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, Новицкій (Петръ)—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, Новицкій (Егоръ)—орденъ св. Анны 2-й ст., Венюковъ—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и поручикъ Аппельбергъ—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; унтеръ-офицеръ Федоръ Артемьевъ произведенъ въ прапорщики; нижнимъ чинамъ пожалованы три знака отличія военнаго ордена [11]).

Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны былъ прочитанъ войскамъ послѣ баяндурскаго сраженія, 3-го ноября, и „былъ принятъ—по словамъ князя Бебутова—всѣми воинскими чинами съ изумительнымъ восторгомъ и свойственнымъ россійскому воинству энтузіазмомъ". Въ немъ между прочимъ было сказано: „не завоеваній ищемъ Мы,—въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, то, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ споръ нашъ и, съ полною надеждою на всемогущую десницу пойдемъ впередъ за вѣру православную".

Послѣ баяндурскаго сраженія турецкими войсками овладѣло сомнѣніе въ успѣхѣ. Упорство малочисленнаго русскаго отряда въ дѣлѣ 2-го ноября навело ихъ на тяжелыя размышленія. Между пашами возникли недоразумѣнія и раздоры на счетъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Талантливый и европейски образованный муширъ Абди-паша полагалъ, что слѣдуетъ уклоняться отъ рѣшительныхъ сраженій. Рейсъ-Ахметъ-паша, поддерживаемый другими, былъ противоположнаго мнѣнія. Дѣло дошло до того, что Абди-паша, видя явное неповиновеніе къ себѣ, уѣхалъ въ Карсъ, съ намѣреніемъ донести обо всемъ этомъ въ Константинополь [12]). Принявъ начальство надъ главными силами турокъ, Рейсъ-Ахметъ-паша двинулъ ихъ обратно, перешелъ Арпачай, снова занялъ Баяндуръ и привелъ его въ оборонительное положеніе. Князь Бебутовъ зналъ обо всемъ этомъ и, полагая, что первая будущая побѣда произведетъ на турокъ сильное нравственное впечатлѣніе, искалъ случая напасть на Рейсъ-Ахметъ-пашу, но пока, въ ожиданіи подкрѣпленій, до 13-го ноября не предпринималъ ничего.

---

[11]) Юнкеру Ивану Рейтеру № 93510, фельдфебелю Степану Островерченко № 93404, унтеръ-офицеру Семену Степанову № 92405. (Дѣло особаго отдѣленія архива штаба к. в. окр. 1853 года № 13).

[12]) Отношеніе главнокомандующаго къ военному министру 14-го декабря 1853 года № 682.

Въ десятыхъ числахъ ноября прибыли къ александропольскому отряду послѣднія подкрѣпленія, состоявшія изъ двухъ казачьихъ полковъ и двухъ баталіоновъ гренадерской бригады [13]). Тогда князь Бебутовъ вышелъ изъ крѣпости и сталъ искать турокъ по дорогѣ къ Баяндуру. Но Рейсъ-Ахметъ не рѣшился выждать столкновенія и, „перемѣнивъ, по выраженію князя Воронцова, свои упорныя мнѣнія“, 13-го ноября со всѣмъ корпусомъ отступилъ въ Карсъ. Приближаясь къ этой крѣпости, онъ узналъ, что отступленіе его принято за бѣгство. Оскорбленное самолюбіе и фанатизмъ заставили его возвратиться къ нашимъ границамъ и расположиться на башъ-кадыклярскихъ высотахъ [14]). Вслѣдствіе отступленія Рейсъ-Ахмета, князь Бебутовъ долженъ былъ измѣнить свой планъ: 14-го числа онъ двинулся со всѣмъ отрядомъ на Тихнисъ и Ширвали. Турки были въ то время въ 30 верстахъ, и лишь ненастная погода помѣшала князю атаковать ихъ. Онъ повернулъ влѣво и расположился лагеремъ у деревни Башъ-Шурагель. 16-го ноября получено было радостное свѣдѣніе о томъ, что отрядъ нашъ подъ Ахалцыхомъ наголову разбилъ многочисленнаго непріятеля. Это вызвало въ войскахъ особенное желаніе поскорѣе сразиться съ турками.

17-го ноября, изъ лагеря у деревни Башъ-Шурагель была выслана для фуражировки, подъ командою генералъ-маіора Кишинскаго, колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ ротъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 6 эскадроновъ драгунъ, 7 сотенъ казаковъ, при 6 пѣшихъ и 4 конныхъ орудіяхъ; она направилась въ деревню Атахана. Какъ только войска приступили къ фуражировкѣ—на ближайшихъ высотахъ, около деревни Иланлы, показалась масса непріятельской кавалеріи. Стрѣлки, по старой привычкѣ, оцѣпили фуражировъ и приготовились встрѣтить врага, который не замедлилъ налетѣть на колонну и былъ привѣтствованъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ штуцеровъ; кавалерія наша понеслась въ атаку. Непріятель былъ опрокинутъ съ урономъ и поспѣшно отступилъ къ башъ-кадыклярскимъ высотамъ, послѣ чего колонна, забравъ фуражъ, возвратилась въ лагерь [15]). Главные виновники успѣха этой фуражировки, гомборскіе стрѣлки, получили четыре знака отличія военнаго ордена [16]).

Наконецъ, 18-го числа князь Бебутовъ получилъ довольно точныя свѣдѣнія, что турецкій корпусъ, стянувшись въ окрестности Субатана, главною массою расположился лагеремъ на башъ-кадыклярскихъ высотахъ. Это обрадовало князя Бебутова „надеждою на скорую встрѣчу съ злобнымъ врагомъ, опозорившимъ себя пеистовою кровожадностью противъ поселянъ“,

---

[13]) Съ наступленіемъ осени представилась возможность усилить войска на границѣ Турціи, такъ что, съ прибытіемъ 13-й дивизіи, у насъ было 33 баталіона (кромѣ 5 мѣстныхъ), 72 орудія полевой и горной артилеріи, 10 эскадроновъ драгунъ, 21 сотня линейныхъ казаковъ, не считая на пограничномъ кордонѣ, и до 70 сотенъ мѣстной милиціи. Войска эти были расположены на 5 пунктахъ сообразно съ условіями мѣстности и опасности: въ Гуріи, Ахалцыхѣ, Ахалкалакахъ, въ окрестностяхъ Эривани и въ Александрополѣ. На послѣднемъ, какъ на главнѣйшемъ по значенію своему въ военномъ отношеніи, сосредоточено было около 14 батал. пѣхоты, 40 орудій, драгунскій полкъ и 9 сотенъ линейныхъ казаковъ; а на остальныхъ пунктахъ расположены были отъ 2 до 6 баталіоновъ, смотря по важности ихъ и надобности.

[14]) Отношеніе князя Воронцова къ военному министру 14-го декабря 1853 г. № 682.

[15]) Рапортъ князя Бебутова 6-го марта 1854 года № 395.

[16]) Рядовые: Зиновій Черепановъ № 95663, Данило Бравкинъ № 95664, Семенъ Лубанецъ № 95665, Григорій Жуковъ № 95666, (Дѣло особ. отд. ген. шт. 1854 г. № 13).

и онъ сдѣлалъ въ тотъ же день всѣ распоряженія къ наступленію. Отправивъ лишній обозъ въ Александрополь и взявъ съ собою провіанта на пять дней, спирта четыре порціи и всѣ порожнія повозки для больныхъ и раненыхъ, кн. Бебутовъ, рано утромъ 19-го ноября, двинулся съ отрядомъ по дорогѣ къ Карсу, „имѣя непремѣнное намѣреніе заставить непріятеля дать бой и положительнымъ пораженіемъ нанести ему ударъ за всѣ грабежи и разбойничества, которые турки еще до начатія военныхъ дѣйствій позволяли себѣ въ нашихъ предѣлахъ“.

Порядокъ движенія отряда былъ слѣдующій: *авангардъ*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута, состоялъ изъ трехъ сотенъ казачьяго полка полковника Камкова; *главныя силы*, подъ личнымъ начальствомъ князя Бебутова, составляли: кавказскій стрѣлковый баталіонъ [17]), 2 роты кавказскаго сапернаго баталіона, баталіонъ Куринскаго полка, два баталіона Ширванскаго полка, два баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, 7 ротъ Грузинскаго гр. полка, Нижегородскій драгунскій полкъ съ донскою № 7 батареею и 16 полевыми орудіями; *арріергардъ*, для прикрытія обоза, подъ начальствомъ полковника Моллера—семь ротъ Эриванскаго полка и 5 сотенъ донскаго казачьяго № 1 полка. Въ лѣвой цѣпи—четыре сотни сводnаго линейнаго полка, въ правой—двѣ сотни того же полка и сотня сборной конной милиціи. Всего: 8½ баталіоновъ пѣхоты, баталіонъ стрѣлковъ, 2 роты саперъ, 10 эскадроновъ драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, конной милиціи 1 сотня и артилеріи 24 орудія,

У селенія Пирвали отрядъ перешелъ въ бродъ Карсъ-чай и поднялся на высоты, пересѣкающія путь не доходя до сел. Огузлы. При тогдашней ясной погодѣ князь Бебутовъ имѣлъ возможность съ этихъ высотъ разсмотрѣть положеніе непріятеля. Турецкія войска занимали возвышенную позицію между ручьями Маврякъ и Кадыкляръ, имѣя въ рядахъ до 20 тысячъ регулярной пѣхоты, 3 тысячи регулярной кавалеріи, 14 тысячъ курдовъ и разной милиціи. Турки рѣшительно не знали ничего о наступленіи русскаго отряда, и только тогда, когда онъ подошелъ къ ихъ аванпостамъ, подняли общую тревогу, а Рейсъ-Ахметъ, извѣщенный о появленіи русскихъ, страшно изумился ихъ дерзости. „Сначала онъ не повѣрилъ этому—говоритъ кн. Бебутовъ—и цѣлый часъ пропустилъ безъ всякихъ съ своей стороны распоряженій“. Турки выбѣжали изъ лагеря и заняли позицію на высотахъ, по сю сторону ихъ, недалеко отъ сел. Огузлы и Гамза-Кирякъ. Расположеніе ихъ представляло двѣ боевыя линіи; въ каждой было по 6 баталіоновъ пѣхоты. На флангахъ первой линіи было по пятнадцати орудій и по одному регулярному полку кавалеріи; въ резервѣ оставлено 8 баталіоновъ пѣхоты и одинъ регулярный кавалерійскій полкъ, съ 8-ю орудіями. Кромѣ того, для прикрытія большого лагеря, у Орта-Кадыкляра оставлено 6 баталіоновъ при 8 орудіяхъ, а въ маломъ лагерѣ у Башъ-

[17]) Въ баталіонѣ находились на лицо: подполковникъ Лузановъ (произведенный въ этотъ чинъ приказомъ по корпусу 19-го ноября 1853 года № 252), капитанъ Познякъ; штабсъ-капитаны: оба Новицкіе, Геннингъ 2-й, Каменскій, Венюковъ; поручики: Ремизовъ, Кабенинъ; подпоручики: Ильяшенко, Аммонтъ; прапорщикъ Аткинсонъ,—итого: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 11. Нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ 38, горнистовъ 12, стрѣлковъ 425, нестроевыхъ 30, (Строевая записка командира баталіона 19-го ноября 1853 года).

Кадыкляра одинъ баталіонъ пѣхоты. Массы иррегулярной кавалеріи, курдовъ и башибузуковъ, были разсыпаны по всему протяженію турецкой позиціи. Непріятель успѣлъ расположиться въ то время, когда князь Бебутовъ подошелъ къ нему „на два пушечныхъ выстрѣла“.

Было семь часовъ утра, когда отрядъ нашъ построился въ боевой порядокъ и двинулся на непріятеля двумя линіями. „Первая линія, состоявшая изъ 1-го баталіона куринцевъ, 1-го и 2-го баталіоновъ ширванцевъ, кавказскаго стрѣлковаго баталіона, съ батарейною № 2 и легкою № 5 батареями, подъ командою генералъ-маіора Кишинскаго, была направлена на центръ непріятельской позиціи; при этомъ стрѣлковый баталіонъ былъ раздѣленъ на двѣ части, въ каждой по двѣ роты. 1-я и 2-я роты стали за правымъ, а 3-я и 4-я—за лѣвымъ флангомъ первой линіи; въ интервалахъ между баталіонами 1-й линіи двигались по 8 орудій. Такъ какъ справа угрожали намъ два регулярныхъ конныхъ полка, то на правый флангъ 1-й линіи выдвинуты были, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, три дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, 3 сотни казаковъ и 4 конныхъ орудія; такая же часть кавалеріи послана на лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута—также для противодѣйствія непріятельской регулярной кавалеріи и многочисленной массѣ курдовъ. Вторую линію составляли баталіоны гренадерской бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Мухранскаго, (1-й и 2-й баталіоны Грузинскаго, 1-й и 2-й баталіоны Эриванскаго полковъ). Въ резервъ и для прикрытія обоза были назначены семь ротъ Эриванскаго полка, съ легкою батареею кавказской гренадерской артилерійской бригады, и 5 сотенъ казаковъ.

Видя малочисленность русскаго отряда, Рейсъ-паша, съ намѣреніемъ окружить его, перестроилъ свой корпусъ и двинулъ его впередъ на правый берегъ Маврякъ-чая и къ деревнѣ Гамза-Кирякъ. Новое расположеніе турокъ было сильно растянуто и подвержено прорывамъ, но оно оправдывалось превосходными качествами позиціи и численнымъ превосходствомъ ея защитниковъ. Князь Бебутовъ хорошо зналъ кавказскаго солдата и, глубоко вѣруя въ его непобѣдимость, рѣшился атаковать турокъ. Сначала онъ хотѣлъ направить ударъ на лѣвый флангъ непріятеля и для этого двинулъ войска къ деревнѣ Огузлы, взятіемъ которой мы отрѣзывали путь отступленія турокъ; но, замѣтивъ движеніе къ этому флангу турецкаго резерва, онъ перемѣнилъ планъ и рѣшилъ атаковать непріятеля въ центрѣ и на правомъ флангѣ. Согласно этому рѣшенію, онъ повернулъ войска въ полоборота налѣво отъ Огузлы. Батареи первой линіи немедленно открыли огонь; одновременно съ этимъ гренадерская бригада князя Мухранскаго, составлявшая вторую линію, была выдвинута влѣво и направлена противъ праваго фланга турецкой позиціи. Тогда шесть турецкихъ баталіоновъ, имѣя въ резервѣ кавалерійскій полкъ, спустились на лѣвый берегъ Маврякъ-чая и заняли все пространство отъ деревни Огузлы до кладбища. Эти шесть баталіоновъ и полкъ, составляя центръ непріятельскаго расположенія, находились подъ начальствомъ Мустафы-паши. Противъ нихъ направлена была колонна генерала Кишинскаго, а слѣдовательно, и кавказскій стрѣлковый баталіонъ, распредѣленный по полубаталіонно на флангахъ колонны.

Колонна генерала Кишинскаго сейчасъ же подверглась сильному арти-

лерійскому огню; „турецкія ядра и гранаты вырывали цѣлые ряды переднихъ баталіоновъ“. Батареи наши сгруппировались, и тогда дѣйствіе ихъ оказалось болѣе существеннымъ; но это не остановило турокъ, перешедшихъ въ наступленіе. Три баталіона ихъ, стоявшіе у кладбища, смѣло, съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами, двинулись противъ праваго фланга, занятаго двумя ротами гомборцевъ и баталіономъ курипцевъ. Турки, давно не пробовавъ русскаго штыка, и позабывъ преданія предковъ, лѣзли на отборныя кавказскія войска очертя голову; они не остановились даже тогда, когда ихъ обдали картечью. Вслѣдъ за этимъ гомборцы, давъ послѣдній залпъ, вмѣстѣ съ курипцами ринулись имъ на встрѣчу. Завязалась рукопашная схватка, которая однако продолжалась не долго, потому что, послѣ перваго штыковаго удара, турецкіе баталіоны бросились назадъ и скрылись въ оврагѣ. Но вскорѣ оттуда выдвинулись два свѣжихъ баталіона. На поддержку стрѣлковъ и курипцевъ генералъ Кишинскій направилъ баталіонъ ширванцевъ, двѣ роты саперъ и двѣ эриванцевъ. До прибытія подкрѣпленія, непріятельскіе свѣжіе баталіоны, презирая мѣткій огонь нашей малочисленной пѣхоты, напирали на нее съ сильнымъ ожесточеніемъ. По прибытіи ширванцевъ, стрѣлки и курипцы перешли съ ними въ наступленіе и, съ крикомъ „ура“, погнали турокъ и стали обходить Огузлы. Деревня эта была сильно занята, и приходилось взять ее штурмомъ. Для этого генералъ Кишинскій раздѣлилъ свою колонну на три части и послалъ ихъ на деревню съ трехъ сторонъ. Три роты гомборцевъ (1-я, 3-я и 4-я), съ подполковникомъ Лузановымъ во главѣ, баталіонъ курипцевъ и два баталіона ширванцевъ, съ 12-ю орудіями, двинулись въ атаку съ фронта; 2-я рота гомборцевъ и двѣ роты эриванцевъ направились въ обходъ лѣваго фланга непріятеля; остальныя же части колонны—въ обходъ праваго фланга. Послѣ нѣкоторой перестрѣлки, средняя колонна, съ 3-мя ротами стрѣлковъ, и лѣвая „быстро и стройно—по словамъ кн. Бебутова—двинулись впередъ, подъ сильнымъ батальнымъ огнемъ ворвались на штыкахъ въ деревню и вытѣснили оттуда непріятеля“. Подполковникъ Лузановъ, самоотверженно руководившій дѣйствіями стрѣлковъ, былъ при этомъ раненъ въ лѣвый бокъ; но, скрывая рану, продолжалъ распоряжаться до конца боя.

Правой колоннѣ привелось выдержать несравненно болѣе жаркій бой, нежели первымъ двумъ. На правомъ флангѣ ея шла вторая рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Геннинга 2-го. Въ самомъ разгарѣ сраженія рота эта была обойдена двумя турецкими баталіонами и атакована съ фланга. Встрѣченные сильнымъ штуцернымъ огнемъ разсыпанной роты, турки остановились въ 300 шагахъ и открыли по стрѣлковой цѣпи бѣглый огонь. Командиръ роты штабсъ-капитанъ Геннингъ уже былъ раненъ въ руку ружейною пулею, но, не обращая вниманія на это, продолжалъ „съ отличнымъ мужествомъ и распорядительностью“ руководить дѣйствіями стрѣлковъ до тѣхъ поръ, пока новая пуля не раздробила ему кости правой ноги. Тогда мѣсто его занялъ штабсъ-капитанъ Венюковъ, „не совершенно излечившійся еще отъ полученной имъ въ дѣлѣ 2-го ноября сильной контузіи“. Не прошло и пятнадцати минутъ отъ начала этой жаркой перестрѣлки, какъ изъ оврага, въ тылу нашей боевой линіи, показались два эскадрона турецкихъ уланъ и

рысью двинулись на стрѣлковъ. Гомборцы быстро сомкнулись въ карре. Уланы, склонивъ пики, пустились въ галопъ и уже были въ 50 шагахъ отъ нихъ, какъ вдругъ раздался дружный, выдержанный залпъ стрѣлковъ и одновременно съ нимъ отрывистое „ура“ неожиданно подоспѣвшей саперной роты. Лошади уланъ, испуганныя тѣмъ и другимъ, шарахнулись въ сторону, и уланы пронеслись мимо, оставивъ стрѣлкамъ въ трофей 11 убитыхъ всадниковъ и двухъ убитыхъ лошадей. Стрѣлки опять разсыпались въ цѣпь и завязали прерванную перестрѣлку. Въ это время къ нимъ подошло подкрѣпленіе съ двумя орудіями; штуцерной и картечный огонь съ разстоянія 400 шаговъ, наконецъ, заставилъ непріятеля отступить. Стрѣлки, а съ тѣмъ вмѣстѣ средняя и лѣвая колонны, перешли въ наступленіе, опрокинули центръ непріятеля и погнали его. Колонна генерала Кишинскаго бросилась преслѣдовать турокъ, на плечахъ ихъ перешла оврагъ и заняла возвышенный его берегъ. Къ этому времени гренадерская бригада, выдержавъ отчаянный бой, завладѣла правофланговою непріятельскою батареею, разбила и разсѣяла ея защитниковъ и присоединилась къ колоннѣ генерала Кишинскаго. Вся масса турокъ обратилась теперь въ безпорядочное бѣгство, напутствуемая учащеннымъ огнемъ. Кавалерія наша вынеслась впередъ и не дала имъ ни времени, ни возможности захватить съ собою что либо изъ лагернаго имущества, и войска наши овладѣли двумя лагерями. Дальнѣйшее преслѣдованіе представлялось ненужнымъ, какъ потому, что было довольно темно, и опасно было слишкомъ вдаваться въ непріятельскую территорію, такъ въ особенности потому, что пораженіе турокъ и безъ того было полное. Знаменитая башъ-кадыклярская побѣда дорого обошлась стрѣлкамъ: вторая рота, командиръ которой получилъ двѣ раны, потеряла болѣе 20% своего состава; жестоко поплатились также и тѣ три роты, которыя двинулись на Огузлы съ фронта, такъ что общая потеря баталіона состояла изъ 55 убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ. Въ четырехъ ротахъ патроновъ выпущено 6236. Подполковникъ Лузановъ, кромѣ того, что былъ раненъ пулею въ лѣвый бокъ навылетъ, еще и контуженъ осколкомъ гранаты.

И здѣсь, какъ въ баяндурскомъ бою, не обошлось безъ единичныхъ подвиговъ, о которыхъ дѣла баталіоннаго архива свидѣтельствуютъ слѣдующее: унтеръ-офицеръ 2-й роты Поликарпъ Афанасьевъ былъ смертельно раненъ пулею въ грудь навылетъ. Долго упрашивали его товарищи идти на перевязочный пунктъ, но онъ продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ, увѣряя всѣхъ, что пуля только оцарапала его. Вскорѣ онъ истекъ кровью, упалъ безъ чувствъ и черезъ нѣсколько времени умеръ. Рядовой той же роты Егоръ Кучковъ былъ раненъ пулею въ ногу ниже колѣна, съ раздробленіемъ кости. На попытки солдатъ отнести его на перевязочный пунктъ, онъ упорно сопротивлялся, прося „позволить ему хотя остаться посмотрѣть, какъ наши поколотятъ турку“. Рядовой 2-й же роты Иванъ Иванкинъ, находившійся въ хорѣ пѣсенниковъ и всегда носившій у себя за спиною толумбасъ, былъ раненъ пулею въ шею навылетъ. „Тяжело ли раненъ“? спросили его. „Рана-то ничего—отвѣчалъ Иванкинъ—да жаль, что прострѣленъ мой толумбасъ; теперь не на чемъ будетъ бить, а новаго здѣсь не добудешь“. Черезъ нѣсколько часовъ Иванкинъ умеръ отъ раны [18]).

[18]) Рапортъ штабсъ-капитана Геннинга 2-го 24-го января 1854 г. № 10.

Рядовой 1-й роты Тимофей Губниковъ былъ раненъ въ цѣпи штуцерною пулею въ ногу навылетъ. Фельдфебель приказалъ ему идти на перевязку. На это Губниковъ отвѣтилъ: „судырь, тамъ и безъ меня много“—и, завязавъ свою рану платкомъ, онъ оставался во фронтѣ до конца дѣла [19]). Рядовой 2-й роты Наумъ Вырвихвостъ получилъ рану пулею въ руку, но понесъ съ другими стрѣлками тяжело раненаго своего товарища на перевязочный пунктъ, гдѣ, перевязавшись самъ, не смотря на увѣщанія врача, возвратился къ своей ротѣ и, подходя къ ней, сказалъ: „ну, братцы, боялся, кабы не опоздать потѣшиться надъ басурманомъ“ [20]). При занятіи стрѣлками дер. Огузлы исправлявшій должность фельдфебеля 3-й роты Федотъ Артемьевъ былъ раненъ пулею въ ногу и, перевязавшись тутъ же, находился все время на своемъ мѣстѣ до конца сраженія и не былъ въ госпиталѣ [21]). Командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Геннингъ 2-й, получивъ тяжелую рану въ руку пулею навылетъ, оставался при своей ротѣ безъ перевязки болѣе часа, пока не былъ раненъ вторично пулею въ ногу [22]). Нѣтъ сомнѣнія, что исчисленные подвиги, отличія и заслуги были только тѣ, которые удалось почему либо усмотрѣть или уловить, и что, вѣроятно, многіе другіе безслѣдно канули въ вѣчность, лишивъ исторію баталіона весьма важнаго матеріала для его характеристики.

Хотя въ башъ-кадыклярскомъ дѣлѣ мы потеряли до 1300 человѣкъ, но могли себя утѣшить блестящею побѣдою и славными трофеями, среди которыхъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о заповѣдномъ мужествѣ нашихъ войскъ 24 орудія, одно полковое знамя, 13 значковъ и т. п. Въ особенности досталось намъ много боевыхъ и жизненныхъ припасовъ. „Вещей этихъ такъ много было брошено непріятелемъ—доносилъ князь Бебутовъ—что посылаемыя колонны 20-го, 21-го и 22-го ноября едва могли небольшую ихъ часть доставить къ намъ въ лагерь; все остальное сожжено—къ чему принудило меня собственно то, что отрядъ нашъ, выступившій налегкахъ, не имѣлъ средствъ поднять съ собою всего отбитаго у непріятеля и брошеннаго имъ“. Кромѣ этого, турки оставили на мѣстѣ болѣе 1500 тѣлъ, а вся потеря ихъ, вмѣстѣ съ пропавшими безъ вѣсти, или, лучше сказать, бѣжавшими, доходила до 8000 человѣкъ. Рейсъ-Ахметъ-паша, надѣявшійся окружить русскій отрядъ и погнать его въ Карсъ, первый подалъ примѣръ позорнаго бѣгства. По пути къ Карсу турки грабили, жгли, рѣзали христіанъ, а буйствамъ ихъ въ самомъ Карсѣ некому было препятствовать. Они заперлись въ крѣпости и послѣ того долго не смѣли показываться въ открытомъ полѣ. Турецкая армія была достаточно деморализована, и князь Бебутовъ могъ бы, пользуясь этимъ, завладѣть Карсомъ, но, къ сожалѣнію, у него не было средствъ для обложенія этой весьма сильной и въ то время крѣпости.

Говоря о степени содѣйствія частей войскъ башъ-кадыклярской побѣдѣ, слѣдуетъ отдать справедливость полкамъ гренадерской бригады, которые завладѣли ключемъ турецкой позиціи. Но въ то же время нельзя отрицать, что занятіе деревни Огузлы колонною генерала Кишинскаго значительно

---

[19]) Рапортъ штабсъ-капитана Каменскаго 24-го января 1854 г. № 11.

[20]) Рапортъ штабсъ-капитана Геннинга 2-го 24-го января 1854 г. № 10.

[21]) Рапортъ капитана Позняка 24-го января 1854 г. № 10.

[22]) Рапортъ подполковника Луганова 26-го января 1854 г. № 143.

вліяло на счастливый для насъ исходъ боя, такъ какъ оно угрожало пути отступленія турокъ. Послѣдніе прекрасно сознавали это, оттого и оказали они такое сильное сопротивленіе. Турецкіе баталіоны нѣсколько разъ были выбиваемы изъ деревни и снова врывались въ нее, чтобы какъ нибудь вырвать у насъ обратно этотъ важный пунктъ, пока не убѣдились окончательно, что напрасно истощаютъ свои силы. Во всякомъ случаѣ, всѣ четыре роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона поддержали и укрѣпили подъ Огузлы старую славу гомборцевъ, и сильный уронъ, который они нанесли туркамъ своимъ „мѣткимъ огнемъ“, подтверждается многими реляціями. Но болѣе всѣхъ отличилась рота штабсъ-капитана Геннинга 2-го, награжденнаго за башъ-кадыклярское дѣло орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Остальныя награды въ баталіонѣ были слѣдующія: „истинно самоотверженный и отлично храбрый“ подполковникъ Лузановъ награжденъ чиномъ полковника; капитанъ Познякъ, исправлявшій должность младшаго штабъ-офицера, и командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Новицкій (Егоръ) награждены слѣдующими чинами; штабсъ-капитанъ Венюковъ—орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“; субалтернъ-офицеры: поручики Ремизовъ и Кабешинъ—орденами св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; подпоручики: Ильяшенко, Аммонтъ и прапорщикъ Аткинсонъ—слѣдующими чинами. Нижніе чины получили сорокъ одинъ знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія и одну пенсію на этотъ знакъ [23]).

Послѣ башъ-кадыклярскаго дѣла войска возвратились въ Александрополь и, въ виду полной вѣроятности, что туркамъ было совершенно не до предпріятій въ наступающую зиму, были распущены на зимнія квартиры. Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, обласканный княземъ Бебутовымъ за свое мужество, направленъ въ Дюскентъ. Селеніе это хотя и находилось по близости къ Александрополю, но представляло изъ себя невыразимую глушь. Размѣщенные преимущественно по буйволятникамъ, стрѣлки коекакъ провели скучную долгую зиму. Хотя холода стояли сильные, но, благодаря стараніямъ и заботливости маіора Геннинга, нижніе чины были снабжены прекрасными полушубками, да и занятій было столько, что зябнуть имъ не приходилось. Цѣльная стрѣльба никогда не забывалась, а особенно, когда приходилось имѣть дѣло съ вновь прибывающими людьми. Надо замѣтить, что большая убыль въ рядахъ стрѣлковъ обратила на себя вниманіе главнокомандующаго, и онъ „приказать изволилъ: немедленно укомплектовать баталіонъ такъ, чтобы находилось въ строю непремѣнно до

---

[23]) Знаки отличія получили: „исполнявшій обязанности офицера, распорядительный и храбрый“ юнкеръ Павелъ Новиковъ; унтеръ-офицеры: Василій Клещевъ, Игнатій Егоровъ, Алексѣй Баркаловъ, Трофимъ Черныхъ, Иванъ Михайловъ; рядовые: Антонъ Николаевъ, Елистратъ Ивановъ, Антонъ Исаевъ, Иванъ Исаевъ, Иванъ Рогановъ, Павелъ Васильевъ, Сергѣй Тимофеевъ, Емельянъ Салащенко, Севастьянъ Богдановъ, Петръ Закулисъ, Федоръ Сметанниковъ, Егоръ Жучковъ, Климъ Обланецъ, Титъ Ратушнякъ, Захаръ Бѣликовъ, Харитонъ Бирюлька, Афанасій Михайловъ, Ефимъ Ивановъ, Андрей Кондратьевъ, Лаврентій Ляхушка, Яковъ Журбенко, Миронъ Миситинскій, Иванъ Дмитріевъ, Василій Филипповъ, Василій Вырвихвостъ, Николай Тихоновъ, Виссаріонъ Шишовъ, Петръ Петрухинъ, Акимъ Киселевъ, Иванъ Витка, Сафронъ Бардинъ, Василій Павловъ, Николай Филипповъ, Лаврентій Нечаевъ, Илья Андреевъ, Фельдфебель Леонтій Тимофеевъ награжденъ второю третью пенсіи на знакъ военнаго ордена. (Дѣло особаго отд. генер. шт. архива кавк. воен. окр. 1853 года № 13).

540 рядовыхъ, если, впрочемъ, не окажется возможнымъ усилить его болѣе“ [24]). Укомплектованіе не замедлило прибыть изъ штабъ-квартиры въ февралѣ мѣсяцѣ, и хотя было достаточно подготовлено для предстоящихъ дѣйствій, но ротные командиры не ограничивались этимъ, ревностно продолжая образованіе своихъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, занятій было много, и баталіонъ провелъ остатокъ зимы и весну 1854 года довольно сносно, укорачивая свои дни ученіями и воспоминаніями о минувшихъ событіяхъ.

Извѣстіе о башъ-кадыклярскомъ погромѣ поставило на ноги всю враждебную Россіи многочисленную европейскую прессу, которая принялась съ жаромъ прославлять героизмъ турокъ, объясняя пораженіе ихъ исключительно бездарностью мушира Рейсъ-Ахмета-паши; пущено ею было въ ходъ все, что могло сколько нибудь поднять духъ турокъ и анатолійской арміи; напримѣръ, она сочиняла всевозможные разсказы о необыкновенныхъ дарованіяхъ новаго мушира, эрзерумскаго губернатора Мустафы-Зарифи-паши, назначеннаго на мѣсто Рейсъ-Ахмета, котораго султанъ вызвалъ, по настоянію англійскаго посланника, въ Константинополь и предалъ военному суду. Все это возымѣло свое дѣйствіе какъ на турецкое населеніе, такъ въ особенности на анатолійскую армію, которая была доведена до искренняго убѣжденія, что, подъ начальствомъ новаго мушира, превосходившаго мудростью не только князя Бебутова, но и всѣхъ франкскихъ пашей, она не только смоетъ позоръ башъ-кадыклярскаго пораженія, но и завоюетъ Тифлисъ и весь Кавказъ. Къ новому муширу, пользовавшемуся заслуженною славою усмирителя Алеппо, были назначены въ помощь англійскіе и французскіе офицеры.

Къ довершенію благополучія турокъ, 9-го февраля 1854 года Россія объявила войну Франціи и Англіи. Не смотря на такое неравенство силъ на вѣроятныхъ театрахъ европейской Россіи, двигать туда съ Кавказа какія либо войска было невозможно въ виду численнаго превосходства турецкихъ войскъ въ Анатоліи. Въ концѣ апрѣля турки имѣли: въ окрестностяхъ Баязета 10 и въ Ардаганѣ до 6-ти тысячъ солдатъ; сверхъ того, сосредоточены были въ Эрзерумѣ и въ Карсѣ довольно сильные резервы, а въ маѣ прибыли туда лучшіе полки изъ Сиріи, Египта и даже Туниса. Всѣ эти войска были вооружены новыми ударными ружьями и усиленно занимались ученіями подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ. Въ рядахъ турокъ оказалось нѣсколько европейскихъ генераловъ, прославившихся не въ одной революціонной войнѣ, таковы: венгерецъ Кметти (Измаилъ-паша), шотландецъ Гіойнъ (Хуршидъ-паша) и др.

Планъ турокъ въ анатолійскую кампанію 1854 года былъ тотъ же, что и въ прошломъ году, т. е. они должны были начать дѣйствія одновременно съ трехъ сторонъ. Главныя силы ихъ были назначены противъ Александрополя, а два сильныхъ отряда противъ Эривани и противъ Ахалцыха. Въ случаѣ успѣха предполагалось двинуться къ Тифлису. Держа этотъ планъ въ тайнѣ, турки распустили слухъ, что намѣрены главными силами двинуться въ Ахалцыхъ, оставивъ подъ Карсомъ лишь небольшой обсерваціонный отрядъ. Этому слуху повѣрилъ между прочимъ и командовавшій тогда кавказскимъ корпусомъ генералъ-отъ-кавалеріи

---

[24]) Предписаніе начальника главнаго штаба командиру баталіона отъ 31-го декабря 1853 года № 4254.

Реадъ [25]) и горячо хлопоталъ объ усиленіи ахалцыхскаго отряда изъ Александрополя. Но князь Бебутовъ, зорко слѣдившій за непріятелемъ, зналъ настоящія его намѣренія и, вопреки мнѣнію и желанію многихъ, сосредоточилъ главныя силы дѣйствующаго корпуса въ окрестностяхъ Александрополя. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сюда прибыли полки 18-й пѣхотной дивизіи, а 24-го числа и стрѣлковый баталіонъ. Съ прибытіемъ ихъ войска александропольскаго лагеря состояли изъ 17 баталіоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ драгунъ, 21 сотни казаковъ, коннаго мусульманскаго полка и 6 батарей артиллеріи [26]). Въ Ахалкалакахъ мы располагали двумя баталіонами пѣхоты, 4 орудіями, 3-мя стами казаковъ и 5-ю сотнями милиціи, а въ Эриванѣ—4½ баталіонами пѣхоты, 12-ю орудіями, 8-ю сотнями казаковъ и семью сотнями милиціи. Всего у насъ было около 30 тысячъ человѣкъ.

Въ началѣ апрѣля войска наши переправились черезъ Дунай и осадили Силистрію. Это время, по мнѣнію многихъ, притомъ весьма компетентныхъ военныхъ начальниковъ, считалось удобнѣйшимъ моментомъ для начатія наступательныхъ дѣйствій со стороны Кавказа. По этому неоднократно требовали изъ Петербурга открыть военныя дѣйствія; но условія, въ которыя былъ поставленъ александропольскій отрядъ, не позволяли князю Бебутову перейти границу ранѣе половины іюня; напримѣръ, при недостаткѣ фуража, не было еще и подножнаго корма. Тѣмъ не менѣе, планы его были ясно намѣчены: онъ твердо рѣшился искать турокъ въ полѣ, вопервыхъ для того, чтобы, ослабивъ турецкую армію рѣшительною побѣдою, облегчить дѣйствія другихъ нашихъ отрядовъ, а вовторыхъ, чтобы не допустить непріятеля запереться въ Карсѣ, такъ какъ намъ немыслимо было съ 17 баталіонами обложить эту крѣпость.

Изъ турецкихъ войскъ, собранныхъ въ Карсѣ, въ половинѣ мая вывыступила колонна въ 25 тысячъ человѣкъ и, расположившись на позиціи у сел. Хаджи-Вали, стала укрѣпляться. Вмѣстѣ съ тѣмъ непріятельская иррегулярная кавалерія и „заграничные хищники“ [27]) начали тревожить наши предѣлы. Чтобы положить конецъ этимъ безпорядкамъ, князь Бебутовъ, съ отрядомъ, 15-го іюня перешелъ границу и расположился на правомъ берегу Арпачая. Въ этотъ же день войскамъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ:

„Храбрые товарищи! Наступилъ часъ, съ нетерпѣніемъ вами ожидаемый, и мы переходимъ рубежъ края, который, со всѣми крѣпостями, въ немъ находящимися, 26 лѣтъ тому назадъ завоеванъ былъ побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ и великодушно уступленъ Государемъ Императоромъ нынѣ воюющей съ нами неблагодарной Турціи, и гдѣ 6 мѣсяцевъ тому назадъ, съ свойственною вамъ храбростью, нанесли вы пораженіе туркамъ, почти вчетверо васъ превосходившимъ. Мы—тѣ же солдаты. Соединяясь

---

[25]) По случаю увольненія князя Воронцова заграницу для леченія, генералъ-отъ-кавалеріи Реадъ вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ (Приказъ 2-го марта 1854 г. № 40).

[26]) Пѣхота состояла изъ кавказскихъ стрѣлковаго и сапернаго баталіоновъ, четырехъ баталіоновъ Грузинскаго, четырехъ Эриванскаго, четырехъ Тульскаго, трехъ Бѣлевскаго полковъ, а регулярная кавалерія изъ трехъ драгунскихъ полковъ.

[27]) Преимущественно борчалинскіе татары, для которыхъ не существовало государственной границы, и они грабили вездѣ, гдѣ только представлялась къ тому возможность. Турки если и не поощряли ихъ къ этому, то и не мѣшали имъ.

съ пришедшими къ намъ, по мановенію великаго Монарха нашего, храбрыми братьями-товарищами, принесемъ теплыя молитвы Господу Богу нашему, осѣняющему знаменіемъ животворящаго своего креста оружіе Государя Императора. Усердно помолимся о здравіи и долгоденствіи Его Императорскаго Величества и всей Августѣйшей Фамиліи и, вступивъ въ землю вѣроломной Турціи, пойдемъ впередъ, не щадя живота нашего за Царя, любезное отечество и за православную нашу вѣру“ [28]).

При переходѣ за Арпачай въ составѣ александропольскаго отряда, кавказскій стрѣлковый баталіонъ взялъ съ собою всѣ патронные ящики и десятидневный запасъ провіанта, а для уменьшенія обоза только половинную часть палатокъ [29]).

Князь Бебутовъ всячески старался вызвать турокъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря Хаджи-Вали, но они пока сидѣли крѣпко и только думали о томъ, какъ бы къ себѣ привлечь русскихъ, чего, конечно, достигнуть не могли, такъ какъ Бебутовъ былъ неспособенъ на грубыя ошибки. Между тѣмъ подножный кормъ въ окрестностяхъ Александрополя истощился, и это заставило передвинуть отрядъ 24-го іюня къ селенію Кюрюкъ-Дара. Избравъ здѣсь весьма хорошую боевую позицію и обративъ ее въ укрѣпленный лагерь, князь Бебутовъ спокойно принялся за изученіе положенія турокъ, стоявшихъ въ 18 верстахъ отъ него. Занятая нами позиція ограничивалась съ правой стороны обрывистымъ оврагомъ, а съ лѣвой—горами Кара-Гузы и Караялъ и, командуя впереди лежащею мѣстностью, соединяла въ себѣ всѣ условія, необходимыя для лагернаго расположенія и для выгоднаго боя.

Въ половинѣ іюля число турецкихъ войскъ у Хаджи-Вали дошло до 60 тысячъ солдатъ. Атаковать такую массу въ укрѣпленномъ лагерѣ было неудобно, и потому начальникъ отряда предпочелъ, оставаясь въ выжидательномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока турки притянутъ къ себѣ войска изъ другихъ пунктовъ, воспользоваться случаемъ, когда сами обстоятельства заставятъ ихъ выдти въ поле—и тогда атаковать. Дѣйствительно, не прошло и нѣсколько дней, какъ турецкій главнокомандующій началъ придвигать къ себѣ войска изъ Ардагана, Баязета и резервъ изъ Эрзерума. Этимъ какъ нельзя лучше воспользовался князь Бебутовъ, приказавъ эриванскому отряду произвести наступательное движеніе къ Баязету. Блестящій успѣхъ этого наступленія скоро доказалъ выгоду избраннаго способа дѣйствій. Точно такимъ же образомъ ахалкалакскій отрядъ получилъ приказаніе идти на Ардаганъ, но безпокойства на лезгинской линіи помѣшали этому предпріятію, побудивъ направить туда часть войскъ изъ Ахалцыха.

Успѣшное дѣйствіе нашихъ фланговыхъ отрядовъ, а также недостатокъ фуража и отсутствіе подножнаго корма, заставили-таки мушира, какъ ожидалъ Бебутовъ, рѣшиться на что нибудь положительное, тѣмъ болѣе, что на военномъ совѣтѣ турецкаго главнокомандующаго бездѣйствіе князя Бебутова было приписано его нерѣшительности. По предложенію просвѣщенныхъ своихъ союзниковъ, Зарифи-паша рѣшилъ двинуться на русскихъ и

[28]) Приказъ по дѣйствующему корпусу 14-го іюня 1854 г. № 195.

[29]) Секретное предписаніе генерала Кишинскаго полковнику Лузанову 11-го іюня 1854 г. № 12.

дать имъ сраженіе. Да и не имѣлъ онъ основанія, съ точки зрѣнія военной критики, держаться пассивнаго образа дѣйствій. Къ 23 іюля число турокъ превосходило уже 60,000 [30]); духъ войска былъ сильно возвышенъ, а фанатизмъ его доведенъ до высшаго предѣла присутствіемъ въ станѣ знамени одного ихъ турецкихъ святыхъ. Въ виду всего этого муширъ предпринялъ наступленіе въ ночь на 24-е іюля, выступивъ изъ лагеря чрезвычайно скрытно. Но лазутчики не замедлили дать знать объ этомъ князю Бебутову, хотя въ точности не могли сказать, какое направленіе примутъ турецкія войска. Получивъ эти свѣдѣнія, начальникъ отряда приказалъ немедленно снять палатки, всему обозу собраться въ вагенбургѣ, заблаговременно устроенномъ на весьма крѣпкой позиціи, и войскамъ быть готовыми къ выступленію, оставивъ ранцы и взявъ съ собою лишь мѣшки съ сухарями на четыре дня, и манерки съ водою. Когда все было исполнено, князь Бебутовъ двинулъ войска по дорогѣ къ сел. Яйла-Мешко, имѣя въ виду, въ случаѣ отступленія турокъ къ Карсу, ударить имъ во флангъ и отрѣзать дорогу, а въ случаѣ наступленія прямо на насъ—встрѣтить ихъ, когда, разстроенные ночнымъ движеніемъ, они будутъ устраиваться для атаки [31]).

Къ двумъ часамъ пополуночи всѣ войска были построены впереди позиціи, и движеніе ихъ началось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди колонны вытянулись двѣ сотни охотниковъ подъ командою полковника Лорисъ-Меликова, три сотни казаковъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скобелева и кавказскій стрѣлковый баталіонъ подъ командою полковника Лузанова [32]). Пѣхота съ пѣшею артилеріею двигалась двумя колоннами, съ интервалами между ними въ 200 шаговъ. Между эшелонами шелъ фербантъ съ патронными ящиками. Для прикрытія пѣхотной колонны съ правой стороны былъ назначенъ казачій полкъ полковника Камкова, а съ лѣвой—конно-мусульманская бригада кн. Андроникова. Для прикрытія вагенбурга назначены десять орудій, кавказскій саперный баталіонъ и команды отъ всѣхъ частей, составлявшихъ александропольскій отрядъ. Отъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона съ командою былъ назначенъ поручикъ Аммонтъ.

Войска соблюдали чрезвычайную тишину и осторожность. Къ разсвѣту они достигли лощины, которая, начинаясь у горы Караялъ, поворачиваетъ потомъ направо и пересѣкаетъ карсскую дорогу. Съ первыми лучами восходящаго солнца на Караялѣ замѣчены были толпы башибузуковъ, а на нашемъ лѣвомъ флангѣ показалась масса непріятельской пѣхоты и кавалеріи. Остановивъ войска и двинувъ влѣво и впередъ часть кавалеріи съ охотниками полковника Лорисъ-Меликова, князь Бебутовъ, съ начальникомъ штаба княземъ Барятинскимъ, выѣхали на одну изъ возвышенностей,

---

[30]) 48 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ шесть стрѣлковыхъ, 16 полковъ кавалеріи, 84 орудія и 14 тысячъ башибузуковъ.

[31]) Въ виду важности сраженія 24-го іюля и пожалованія за него стрѣлкамъ георгіевскаго знамени, составлявшаго въ то время рѣдкую награду, необходимо коснуться перваго изъ этихъ событій нѣсколько подробнѣе.

[32]) Нельзя не отмѣтить самоотверженнаго подвига полковника Лузанова, ставшаго 23-го іюля во главѣ баталіона, не смотря на тяжелыя раны и на убѣдительные совѣты врачей и просьбы близкихъ къ нему лицъ, и даже не взирая на то, что начальство предложило ему выписать маіора Геннинга для командованія въ бою баталіономъ.

чтобы осмотрѣть мѣстность и направленіе непріятельскихъ войскъ. Все пространство между Караяломъ, селеніемъ Хаджи-Вали и послѣднимъ скатомъ горы Малой Ягны, которому суждено было въ этотъ день сдѣлаться театромъ славнаго для насъ кюрюкъ-дарынскаго боя, представляло рядъ небольшихъ возвышенностей и неглубокихъ лощинъ, идущихъ по различнымъ направленіямъ. Главныя силы непріятеля тянулись въ это время къ Караялу, и часть ихъ уже занимала вершину горы и противоположные ея скаты; другая масса турецкой арміи частью двигалась отъ Хаджи-Вали по дорогѣ на Мешко, а частью стояла позади въ видѣ резерва. Расположеніе турокъ такимъ образомъ представляло три линіи. Судя по движенію турецкихъ войскъ, кн. Бебутовъ пришелъ къ заключенію, что они имѣли въ виду направить главный ударъ на нашъ лѣвый флангъ, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать насъ отъ вагенбурга и отъ Александрополя; сверхъ того они, повидимому, намѣревались въ то же время атаковать насъ съ фронта и съ праваго фланга.

Нашъ отрядъ оказался у турокъ на флангѣ. Многіе были тогда того мнѣнія, что слѣдовало только князю Бебутову повернуть его и ударить во флангъ всѣмъ тремъ линіямъ—и онѣ ни въ какомъ случаѣ не успѣли бы перемѣнить свой черезчуръ длинный фронтъ. Но князь Бебутовъ думалъ иначе. Дистанціи между турецкими линіями оказались на столько значительными, что нашъ малочисленный отрядъ никакимъ образомъ не могъ бы ударить во флангъ всѣмъ тремъ линіямъ. Если бы князь Бебутовъ не открылъ движенія второй и третьей линій, то, быть можетъ, онъ бы обогнулъ правый флангъ своего отряда для атаки Керима-паши, направившагося съ первымъ корпусомъ для занятія Караяла. Такъ и расчитывалъ муширъ, двинувъ Керима впередъ. Результатомъ такого маневра русскихъ былъ бы тотъ, что они подставили бы свой флангъ второму корпусу Вали-паши, двинутому полчасомъ позже. Постигнувъ диспозицію турецкаго главнокомандующаго, князь Бебутовъ рѣшилъ, отдѣливъ часть войскъ для отпора непріятелю у Караяла, другою прорвать его центръ, а остальными войсками, удерживая его до времени на нашемъ правомъ флангѣ и въ резервѣ, ударить потомъ на лѣвый его флангъ. Такое рѣшеніе заставило князя Бебутова, въ виду непріятельской арміи, отодвинуться со всѣмъ отрядомъ и выстроить фронтъ параллельно наступавшимъ турецкимъ линіямъ.

Было пять часовъ утра, когда войска бѣглымъ шагомъ, но безъ всякой суеты, заняли вновь указанныя имъ мѣста. Стрѣлковый баталіонъ очутился на крайнемъ лѣвомъ флангѣ всего отряда, который построился въ одну линію. Турки не мѣшали нашему построенію и, вѣроятно расчитывая на превосходство своихъ силъ, видимо имѣли въ виду одною своею первою линіею свободно охватить все наше расположеніе, нисколько не ослабляя своего центра, составленнаго изъ отборныхъ арабистанскихъ баталіоновъ. Когда войска построились, князь Бебутовъ отдѣлилъ кавказскій стрѣлковый баталіонъ и Бѣлевскій егерскій полкъ, съ легкою № 7 батареею, влѣво. Поручивъ начальство надъ ними генералъ-лейтенанту Бѣлявскому, онъ приказалъ ему атаковать правый флангъ турокъ, занимавшій Караялъ. Кавказская гренадерская бригада, съ принадлежавшими къ ней № 1-го и № 2-го батарейными батареями и съ батарейною № 4-го 18-й артилерійской бригады, подъ командою генерала Бриммера, была назначена для прорыва

непріятельскаго центра. Правый флангъ нашъ состоялъ почти изъ одной кавалеріи; вся же остальная пѣхота и пѣшая артилерія оставлены въ резервѣ и для прикрытія бывшаго при войскахъ обоза. Передвиженіе гомборцевъ и бѣлевцевъ, на разстояніи около трехъ верстъ, не могло произойти очень быстро, тѣмъ болѣе, что непріятель занималъ всѣ подступы къ Караялу. По этой причинѣ кавалерія наша, выдвинутая влѣво, была усилена тремя сотнями линейныхъ казаковъ полковника Скобелева, тремя донскаго казачьяго № 20 полка, двумя ракетными командами, Нижегородскимъ и Тверскимъ драгунскими полками и донскою № 7 батареею. Принявшему начальство надъ этою кавалеріею генералу Багговуту приказано было удерживать непріятеля до прибытія стрѣлковъ и бѣлевцевъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними оттѣснить его отъ Караяла.

Едва началось это передвиженіе, какъ на высотахъ между Караяломъ и Кара-Гузы, противъ нашего вагенбурга, появилось нѣсколько тысячъ баши-бузуковъ; но грозный видъ укрѣпленнаго вагенбурга остановилъ ихъ, а нѣсколько дальнихъ и мѣткихъ пуль гомборцевъ поручика Аммонта совершенно охладили ихъ пылъ и заставили ихъ предполагать здѣсь существованіе цѣлаго стрѣлковаго баталіона, съ которымъ они уже были достаточно знакомы. Генералъ Багговутъ, подъѣхавъ съ кавалеріею на ружейный выстрѣлъ, разсыпалъ фланкеровъ; но ему вскорѣ пришлось убрать ихъ, потому что непріятель, построивъ головную часть своей колонны въ боевой порядокъ, началъ рѣшительное наступленіе. Тутъ-то и выказалась вся громадность его силъ: подъ начальствомъ Керимъ-паши находилось 12 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ три стрѣлковыхъ, 3 полка регулярной кавалеріи, отъ 5 до 7 тысячъ башибузуковъ и 24 орудія. Изъ этихъ войскъ, два баталіона пѣхоты и два стрѣлковыхъ, съ 6 орудіями, занимали Караялъ, а остальныя войска были расположены полукружьемъ по скатамъ и у подошвы горы. Всѣ бывшія здѣсь 18 орудій были сосредоточены въ двухъ батареяхъ: первая, состоявшая изъ 10 орудій, занимала мѣсто на скатѣ горы, а вторая, изъ 8 орудій, у ея подошвы.

Ровно въ пять съ половиною часовъ утра, непріятель, разсыпавъ своихъ „штуцерныхъ“ передъ фронтомъ, за камнями, которыми усѣянъ Караялъ, и открывъ перекрестный огонь изъ ружей и орудій, двинулся впередъ. Чтобы парализовать его огонь и задержать его движеніе, съ нашей стороны выдвинулась донская казачья № 7 батарея и Тверской драгунскій полкъ. Другія батареи наши своимъ мѣткимъ огнемъ заставили лѣвофланговую непріятельскую батарею сняться съ позиціи и отойти назадъ. Тогда тверцы понеслись въ атаку. Непріятельскій кавалерійскій полкъ, попытавшійся остановить ихъ, былъ опрокинутъ. Налетѣвъ на батарею, тверцы перебили всю прислугу и овладѣли четырмя орудіями. Но здѣсь встрѣтили ихъ четыре турецкихъ баталіона и открыли по нимъ сильный ружейный огонь. Подверженные въ то же время фланговому картечному огню, тверцы принуждены были отойти назадъ. Гомборцы и бѣлевцы только подходили. Послѣ тверцовъ вынеслись нижегородцы. Турецкая линія сперва остановилась, но лишь драгуны стали отходить, отборнѣйшіе турецкіе баталіоны опять начали наступать. Нижегородцы повернули и снова понеслись къ нимъ на встрѣчу, а командиръ донской № 7 батареи выслалъ къ нимъ на помощь дивизіонъ съ эсауломъ Кульгачевымъ. При движеніи турецкихъ

баталіоновъ одинъ изъ нихъ (стрѣлковый) выдвинулся впередъ. Драгуны насѣли на него, а Кульгачевъ опередилъ драгунъ и, подскакавъ къ баталіону на 50 шаговъ, далъ по нимъ два залпа картечью, послѣ чего нижегородцы врубились въ него. Однако турецкіе стрѣлки быстро оправились, и въ нѣсколько минутъ огонь ихъ уничтожилъ почти всѣхъ лошадей и прислугу дивизіона Кульгачева. Пользуясь этимъ, ближайшіе турецкіе баталіоны и кавалерія бросились на драгунъ и на орудія и два изъ нихъ захватили. Закипѣлъ отчаянный бой изъ-за соблазнительныхъ трофеевъ. Нижегородцы повторили атаку за атакою, но отнять орудій не могли. Изъ 34 офицеровъ, бывшихъ у нихъ въ строю, 23 были убиты, ранены и контужены; въ нѣкоторыхъ эскадронахъ оставалось не болѣе 20 рядовъ. Драгуны рѣшились умереть, но орудій не оставить въ рукахъ непріятеля. Когда они приготовились къ послѣднему усилію, прибѣжали гомборцы и бѣлевцы, и положеніе драгунъ совершенно измѣнилось.

Гомборцы подоспѣли бы и раньше, но ихъ задержалъ другой славный и кровопролитный бой, въ который они попали слѣдующимъ образомъ: при приближеніи пѣхоты нашего лѣваго фланга, часть турецкихъ войскъ, занимавшихъ Караялъ, спустилась съ этой горы и двинулась къ главному ея отрогу съ цѣлью занять его. Отрогъ этотъ находился на флангѣ, а при дальнѣйшемъ нашемъ наступленіи онъ очутился бы и въ тылу нашего лѣваго фланга. Занимая его и опираясь на него, турки легко могли бы, при благопріятныхъ для себя условіяхъ, либо перенести сюда свой центръ сопротивленія, или же нахлынуть на нашъ лѣвый флангъ и, отбросивъ его къ центру, однимъ ударомъ рѣшить въ свою пользу судьбу всей кампаніи. Слѣдовательно, весьма важно и даже необходимо было остановить намѣреніе турокъ. И вотъ, прежде чѣмъ подать драгунамъ помощь, генералъ Бѣлявскій рѣшилъ справиться съ многочисленною турецкою пѣхотою, которая спускалась съ Караяла.

Построивъ колонну въ двѣ боевыя линіи, съ легкою № 7 батареею и гомборскимъ стрѣлковымъ баталіономъ впереди, и притянувъ изъ резерва два баталіона Тульскаго егерскаго полка, генералъ Бѣлявскій двинулся противъ праваго фланга турокъ, подаваясь правымъ плечомъ. Турецкіе баталіоны, направлявшіеся къ главному отрогу, замѣтивъ наступленіе нашего лѣваго фланга, остановились, и орудія ихъ немедленно открыли огонь. № 7 батарея, придвинувшись на хорошій орудійный выстрѣлъ, въ свою очередь начала пальбу. Когда же вслѣдъ за тѣмъ турки продолжали наступать и вновь остановились на разстояніи штуцернаго огня, баталіонъ гомборскихъ стрѣлковъ быстро перестроился въ ротныя колонны и выслалъ по взводу отъ 2-й и 3-й ротъ въ правую и лѣвую цѣпи [33]). Едва только стрѣлки открыли огонь, какъ генералъ Бѣлявскій получилъ приказаніе не штурмовать гору, а, оставивъ на позиціи 2 роты стрѣлковъ и по баталіону Тульскаго и Бѣлевскаго полковъ, съ № 7 батареею, для удержанія турокъ—съ остальною пѣхотою зайти лѣвымъ плечомъ и податься впередъ противъ праваго непріятельскаго фланга. Такимъ образомъ, стрѣлки раздѣлились: 2-я и 3-я роты стали противъ турокъ, стремившихся занять главный отрогъ Караяла, а 1-я и 4-я устремились, вмѣстѣ съ баталіонами

[33]) Ротами командовали: 1-ю капитанъ Каменскій, 2-ю штабсъ-капитанъ Геннингъ 2-й, 3-ю поручикъ Познякъ 2-й, 4-ю штабсъ капитанъ Новицкій (Петръ).

егерей, противъ непріятеля, занимавшаго Караялъ [34]). Нашъ лѣвый флангъ, слабый численностью, раздѣленный на двѣ части, съ интерваломъ болѣе чѣмъ въ 200 шаговъ, представлялъ вдобавокъ еще исходящій уголъ, легко доступный охвату и перекрестному обстрѣливанію.

Этого раздѣленія и ждали турки. Оставивъ первоначальное намѣреніе, они всею массою обратились противъ оконечности нашего лѣваго фланга, прикрытаго цѣпью двухъ взводовъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Закипѣла отчаянная канонада. Въ самомъ началѣ боя былъ убитъ прапорщикъ Демонкаль, командовавшій лѣвою цѣпью; его мѣсто занялъ поручикъ Ильяшенко, но и онъ вскорѣ былъ тяжело раненъ, хотя и не оставилъ строя до конца боя. Страшно рѣдѣла лѣвая цѣпь, постоянно пополняемая людьми изъ третьей роты; не мало терпѣла и правая—поручика Кабенина, подававшаго собою „рѣдкій примѣръ мужества и хладнокровія“. Въ самомъ разгарѣ боя двѣ турецкія батареи смѣло выѣхали на правый флангъ колонны егерей и открыли убійственный картечный огонь; но эта смѣлость имъ дорого обошлась: прислуга ихъ жестоко пострадала отъ штуцернаго огня остальныхъ двухъ взводовъ гомборцевъ, а мѣткая пуля, выпущенная бывшимъ въ цѣпи вольнонаемнымъ оружейнымъ мастеромъ Швангейзеромъ, попавъ въ турецкій зарядный ящикъ, взорвала его и переполошила всю батарею. Одновременно съ движеніемъ батарей, два турецкихъ „штуцерныхъ“ баталіона, прикрывавшихъ фронтъ непріятельской линіи и поддерживаемыхъ, въ свою очередь, нѣсколькими задними баталіонами, двинулись на крайній лѣвый флангъ нашъ. За ними выпеслась также масса башибузуковъ и курдовъ. Огнестрѣльный бой былъ въ самомъ разгарѣ. Въ это время разсыпаны были въ цѣпь и остальные два взвода гомборцевъ. Противъ нашего лѣваго фланга, подверженнаго сильному фронтальному и фланговому огню, теперь двинулся непріятель, въ шесть разъ превосходившій его числомъ и представлявшій цвѣтъ оттоманскаго воинства. Ряды гомборцевъ сильно рѣдѣли; изъ строя двухъ ротъ выбыло уже до 70-ти человѣкъ убитыми и ранеными, но оставшіеся въ цѣлости стояли твердо. Это были солдаты, давно привыкшіе къ побѣдамъ, никогда не считавшіе враговъ и совершенно незнакомые съ чувствомъ страха; словомъ, это были башъ-кадыклярскіе герои, о которыхъ въ донесеніи сказано слѣдующее:

„Хладнокровно и распорядительно управляемые командирами ротъ, штабсъ-капитаномъ Геннингомъ и поручикомъ Познякомъ, стрѣлки наши, открывъ сильный и мѣткій огонь, останавливали стремленіе турецкихъ колоннъ, которыя три раза съ большимъ упорствомъ возобновляли свои атаки въ совокупности съ своею кавалеріею. Три раза стрѣлки должны были смыкаться въ кучки и примыкать штыки и, поддерживаемые егерями, заставляли непріятеля отступать съ большимъ урономъ“ [35]).

Истощивъ усилія и разбивъ свой воинственный азартъ о стальную стойкость стрѣлковъ, турки отошли на прежнюю позицію и завязали слабую перестрѣлку. Но гомборцамъ некогда было забавляться пустяками: въ это время ихъ потребовали къ развязкѣ другой драмы.

Выше было сказано, что 1-я и 4-я роты, съ большею частью бѣлев-

[34]) Дѣло особаго отдѣленія архива кавк. воен. окр. 1856 года № 56.
[35]) Рапортъ полковника Лузанова 31-го іюля 1854 г. № 1016.

скихъ и тульскихъ егерей, были еще въ самомъ началѣ боя двинуты на правый флангъ турокъ. Войска эти, съ отдѣленіемъ отъ частей, удерживавшихъ напоръ турокъ на нашъ флангъ, зашли лѣвымъ плечомъ и подались колоннами впередъ къ возвышенности, заслонявшей намъ непріятеля. Возвышенность эта немедленно же была занята егерями, а гомборцы, разсыпавшись впереди и лѣвѣе ихъ въ цѣпь, открыли учащенный огонь по турецкимъ „штуцернымъ“ баталіонамъ. Это былъ тотъ моментъ, когда, послѣ тверскихъ драгунъ, понесшихъ страшный уронъ и отступившихъ за пѣхоту, выдвинулись въ атаку эскадроны нижегородцевъ. Огонь турецкихъ батарей въ это время дошелъ до высшаго напряженія; еще энергичнѣе дѣйствовали турецкіе штуцерные баталіоны. Въ буквальномъ смыслѣ осыпали они свинцовымъ градомъ все пространство, черезъ которое неслись наши атакующіе эскадроны. „Солдаты—пишетъ полковникъ Романовскій—видя тяжелое положеніе драгунъ, рвались въ бой, но прежде чѣмъ подать желаемую помощь, должны были управиться съ турецкою пѣхотою, которая въ это время начала спускаться съ горы Караялъ“. Къ счастью, съ этою пѣхотою гомборцы и первые баталіоны бѣлевскихъ и тульскихъ егерей управились со славою, хотя это стоило имъ большихъ жертвъ. Послѣ этого они немедленно получили приказаніе поспѣшить на соединеніе съ остальною частью колонны Бѣлявскаго. Стрѣлки соединились снова и, разсыпавшись впереди пѣхоты, открыли сильный огонь. Это былъ тотъ критическій моментъ, когда нижегородцы готовились сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе, чтобы возвратить орудія Кульгачева.

Лишь только колонна генерала Бѣлявскаго стала подходить на выручку драгунъ, всѣ орудія непріятеля и большая часть его баталіоновъ обратились теперь въ ея сторону. Но не долго гомборцы и егеря оставались подъ градомъ пуль и снарядовъ. Остановивъ войска на самое короткое время и обстрѣлявъ мѣстность, генералъ Бѣлявскій двинулъ ихъ впередъ. „Баталіонны Бѣлевскаго полка, а также и ввѣренный мнѣ баталіонъ—доносилъ полковникъ Лузановъ—воинскіе чины котораго во всѣхъ бояхъ были удостоены довѣренностью начальства, какъ испытанные уже въ кавказскихъ воинахъ, построенные въ колонну къ атакѣ, съ резервомъ изъ трехъ баталіоновъ Тульскаго егерскаго полка, съ барабаннымъ боемъ и всегда съ побѣднымъ „ура“, поведены были въ атаку“ [36]). „Они съ радостью кинулись на непріятеля, который такъ много вреда нанесъ драгунамъ“, пишетъ полковникъ Романовскій. Егеря были въ огнѣ первый разъ, но, увлекаемые отвагою гомборцевъ, и „предводимые храбрыми генералами Бѣлявскимъ и фонъ-Лейномъ и полковникомъ Лузановымъ, они скоро опрокинули первую линію и тотчасъ же ударили на вторую. Произошла страшная суматоха. Среди этой штыковой свалки оба драгунскихъ полка обскакали массы турокъ, и началась рѣзня на флангахъ и въ тылу. Въ 8 часовъ утра непріятель, дѣйствовавшій противъ нашего лѣваго фланга, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 8 орудій, началъ отступать и скоро обратился въ безпорядочное бѣгство“. Гомборцы съ жаромъ преслѣдовали его, особенно четвертая рота, командиръ которой штабсъ-капитанъ Новицкій (Петръ), въ пылу рукопашной схватки, былъ тяжело раненъ, но не оставилъ строя до конца дѣла. Впрочемъ, командиръ

[36]) Рапортъ полковника Лузанова 31-го іюля 1854 г. № 1016.

баталіона не допустилъ стрѣлковъ до крайняго увлеченія: онъ остановилъ ихъ, быстро устроилъ и повелъ на поддержку нашего центра, гдѣ жестокій бой былъ еще въ полномъ разгарѣ.

Колонна генерала Бриммера, назначенная для прорыва непріятельскаго центра, была двинута одновременно съ колонною генерала Бѣлявскаго, но, подойдя на дистанцію хорошаго пушечнаго выстрѣла, она остановилась и открыла пальбу; болѣе часа оставалась она на позиціи, пока обстоятельства наши на лѣвомъ флангѣ не разъяснились. Когда же подошедшая туда пѣхота (гомборцы и егеря) вмѣстѣ съ драгунами опрокинули первую непріятельскую линію, то центръ нашъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе и, подвигаясь съ огнестрѣльнымъ боемъ безостановочно, вступилъ съ непріятельскимъ центромъ въ рукопашный бой. Сломивъ упорное сопротивленіе турокъ, гренадеры и карабинеры наши обратили ихъ, наконецъ, въ бѣгство. Вслѣдъ за этимъ былъ смятъ и лѣвый флангъ непріятеля, потрясеннаго происшествіемъ на своемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ и, вслѣдствіе этого, не оказавшаго почти сопротивленія. Турки, объятые паникою, бѣжали безъ оглядки къ своему укрѣпленному лагерю, такъ что прибѣжавшимъ на помощь сначала къ центру, а затѣмъ къ правому нашему флангу гомборцамъ пришлось лишь присоединиться къ торжеству окончательнаго преслѣдованія шестидесяти-тысячнаго турецкаго корпуса. Но и преслѣдованіе это продолжалось не долго, такъ какъ войска, бодрствовавшія всю ночь, были страшно утомлены продолжительнымъ боемъ и зноемъ на безводномъ полѣ и значительно разстроены. Остановивъ ихъ и давъ имъ получасовой отдыхъ, князь Бебутовъ направилъ ихъ обратно въ лагерь у сел. Кюрюкъ-Дара. Ночью турки бросили свою укрѣпленную позицію и отступили въ Карсъ.

Разгромленіе турецкаго корпуса доставило намъ слѣдующіе трофеи: 15 орудій, изъ коихъ 8 отбиты войсками лѣваго фланга, 16 зарядныхъ ящиковъ, два знамени, четыре штандарта, 20 значковъ, множество разнаго оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2018 плѣнныхъ, изъ которыхъ 86 офицеровъ. Потеря непріятеля убитыми и ранеными была громадная, судя по однимъ тѣламъ, которыхъ онъ оставилъ въ полѣ 2232. Подобный кровавый бой, въ которомъ гремѣло съ обѣихъ сторонъ 140 орудій, не могъ обойтись безъ значительныхъ потерь и для насъ, „тѣмъ болѣе, что турки оказывали такое сопротивленіе, какого старые служивые—по словамъ приказа по корпусу—никогда за ними не замѣчали“. Корпусъ князя Бебутова потерялъ до трехъ тысячъ убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа гомборцы потеряли трехъ оберъ-офицеровъ и болѣе семидесяти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

„Честь блистательной побѣды, которую одержалъ 18 тысячный отрядъ надъ шестидесяти-тысячною арміею, и которая покрыла новою славою наше оружіе, вполнѣ должно приписать испытанной опытности и рѣшимости генералъ-лейтенанта князя Бебутова“. Объявляя объ этомъ въ приказѣ [37]), генералъ Реадъ искренно благодарилъ генерала Бѣлявскаго, „находившагося на оконечности лѣваго нашего фланга и весьма много способствовавшаго къ опрокинутію непріятеля“. Государь Импера-

[37]) Приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу 31-го іюля 1854 года № 195.

торъ чрезвычайно былъ обрадованъ вѣстью объ одержанной побѣдѣ и, отпуская флигель-адъютанта маіора Александровскаго на Кавказъ, изволилъ сказать слѣдующія слова: „*кланяйся отъ Меня всѣмъ товарищамъ и скажи, что Я очень доволенъ ихъ отличною службою и благодарю ихъ, а также и Бебутова*“ [38]).

За эту знаменитую побѣду Его Величество пожаловалъ генералъ-лейтенанта, имѣвшаго только александровскую ленту, кавалеромъ ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго. Щедрыя Монаршія милости не миновали также всѣхъ лицъ и частей, состоявшихъ подъ начальствомъ этого незабвеннаго вождя. Кавказскому стрѣлковому баталіону было пожаловано георгіевское знамя съ надписью: „*за отличіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854 года*“, съ сохраненіемъ и прежней надписи: „*за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго въ іюлѣ 1845 года*“. Велика была выпавшая на долю стрѣлковъ роль, и, значитъ, выполнили они ее съ подобающею для нихъ честью, коль скоро Высочайше взысканы были такою необъятною Монаршею милостью. Роль эта и ея исполненіе очерчены надлежащимъ образомъ въ реляціи къ военному министру, въ которой было сказано: „въ сраженіи 24-го іюля 1854 года при сел. Кюрюкъ-Дара кавказскій стрѣлковый баталіонъ посланъ былъ на лѣвый флангъ нашей боевой линіи, чтобы воспрепятствовать непріятелю, находившемуся на высотахъ Караяла, занять главный отрогъ этой горы. Быстро пройдя пространство, отдѣлявшее ихъ отъ горы, стрѣлки раздѣлились на двѣ части; одна стала противъ турокъ, стремившихся занять главный отрогъ, а другая противъ занявшихъ Караялъ. Ни убійственный перекрестный огонь непріятельской артилеріи, пѣхоты и штуцерныхъ, ни напоръ массъ кавалеріи не могли заставить стрѣлковъ оставить занятую позицію: они уничтожали всѣ замыслы непріятеля и вполнѣ достигли предположенной цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣткимъ огнемъ обезпечивая отъ нечаяннаго нападенія турецкой иррегулярной кавалеріи пѣхоту нашего лѣваго фланга, дали возможность перейти ему въ наступленіе и тѣмъ много способствовали пораженію праваго непріятельскаго крыла“ [39]).

Георгіевское знамя было заслужено, конечно, совокупными усиліями чиновъ баталіона [40]), но и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, не обошлось безъ выдающихся дѣяній со стороны отдѣльныхъ личностей, о которыхъ полковникъ Лузановъ доносилъ инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ: „поставляю священною обязанностью свидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ, какъ передъ образователемъ и ближайшимъ начальникомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, что всѣ чины ввѣреннаго мнѣ баталіона, находясь въ разныхъ пунктахъ и вмѣстѣ болѣе четырехъ часовъ подъ убійственнымъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ, и выдерживая ожесточенныя его атаки, исполняли каждый хладнокровно и мужественно свои обязанности. При этомъ, кромѣ упомянутыхъ уже мною гг. офицеровъ (т. е. штабсъ-капитана Геннинга и поручика Позняка), я долгомъ считаю доложить вашему превосходительству объ усердіи, хладнокровіи и распоряди-

---

[38]) Приказъ по кавказской резервной бригадѣ 16-го сентября 1854 года № 36.

[39]) Дѣло особ. отд. ген. шт. 1856 г. № 56.

[40]) Въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля, составъ баталіона былъ слѣдующій: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 15, нижнихъ чиновъ 599. (Дѣло № 36, 1853—1855 гг., архивъ баталіона).

тельности исправляющаго должность младшаго штабъ-офицера маіора Позняка, штабсъ-капитана Максимова, поручика Кабенина, находившагося на оконечности правой цѣпи, и баталіоннаго адъютанта подпоручика Грессера, передававшаго съ точностью всѣ приказанія. При этомъ не могу не упомянуть о состоящемъ при баталіонѣ вольнонаемномъ оружейномъ мастерѣ изъ прусскихъ уроженцевъ Швангейзерѣ, бывшемъ добровольно въ продолженіе всего этого дѣла въ цѣпи стрѣлковъ, гдѣ оказалъ примѣрное мужество и поражалъ своими мѣткими выстрѣлами".

На это донесеніе г.-л. баронъ Рамзай отвѣтилъ слѣдующимъ предписаніемъ:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитавъ донесеніе вашего высокоблагородія отъ 10 августа № 1031 о бывшемъ съ турками сраженіи при сел. Кюрюкъ-Дара, мнѣ радостно видѣть, что молодцы стрѣлки продолжаютъ поддерживать то выгодное мнѣніе въ военныхъ подвигахъ, каковое постоянно и напредъ сего обратило на нихъ особенное вниманіе начальства. Приписывая всякій успѣхъ къ особенной распорядительности вашей, мнѣ пріятно изъявить за это вамъ полную мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить передать таковую всѣмъ гг. офицерамъ, по засвидѣтельствованію вашему содѣйствовавшимъ блистательному исходу описываемаго вами дѣла, надѣясь при томъ, что вы и впредь доставите мнѣ удовольствіе получать подобныя донесенія" [41]).

Личные же подвиги нижнихъ чиновъ весьма внушительно могутъ свидѣтельствовать о томъ боевомъ закалѣ, съ которымъ баталіонъ стоялъ въ то время на высотѣ своего призванія. Лѣтописи, къ сожалѣнію, не сохранили свѣдѣній обо всѣхъ этихъ подвигахъ, но для характеристики тогдашнихъ стрѣлковъ достаточно и слѣдующихъ немногихъ: стрѣлокъ 3-й роты Василій Васильевъ подошелъ къ командующему ротою поручику Позняку изъ цѣпи и, показывая свою руку съ завязшею въ кости пулею, сказалъ: „в. б., я поймалъ турецкую штуцерную пулю, что мнѣ прикажете дѣлать"?— „Оставайся при ротѣ и на всякій случаѣ держи ее покрѣпче; если придется турка съѣздить по зубамъ, ударъ будетъ полновѣснѣе".— „Слушаю, ваше благородіе". Васильеву сейчасъ же перевязали руку и отпустили въ цѣпь. Когда же сраженіе окончилось, къ Васильеву обратился поручикъ Познякъ съ вопросомъ: „ну, что рука твоя"?—Слава богу, ваше благородіе, жалко только, что не пришлось размахнуться по турецкимъ зубамъ, а ужъ у собаки посыпались бы звѣздки изъ глазъ. За то, штыками-то надырявили мы имъ спины" [42]). Рядовой 1-й роты Иванъ Кольцовъ былъ тяжело раненъ картечью и пулею. Четыре человѣка тотчасъ же были отряжены для выноса его на перевязочный пунктъ, но когда хотѣли его поднять, Кольцовъ сказалъ: „спасибо вамъ, братцы. Оставьте меня лучше и ступайте на свои мѣста. Мнѣ все равно и здѣсь умереть, а вы по крайней мѣрѣ отплатите и за меня этимъ собакамъ. Ступайте, ступайте; тамъ лишній штуцеръ много значитъ" [43]).

За кюрюкъ-даринское сраженіе награды чинамъ баталіона были слѣ-

---

[41]) Предписаніе генералъ-лейтенанта барона Рамзая 8-го октября 1854 года № 1666.

[42]) Рапортъ поручика Позняка 30-го іюля 1854 г. № 90.

[43]) Рапортъ капитана Каменскаго 31-го іюля 1854 года № 109.

дующія: командиру баталіона полковнику Лузанову—орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; маіору Позняку—Императорская корона къ ордену св. Анны 2-й ст.; капитанамъ: Новицкому (Егору)—чинъ маіора; Каменскому—орденъ св. Владиміра 4-й ст.; штабсъ-капитанамъ: Геннингу (Григорію), Новицкому (Петру) и Максимову—слѣдующіе чины; Венюкову—орденъ св. Анны 2-й ст.; поручикамъ: Кабеншу —орденъ св. Владиміра 4-й ст., Позняку (Эдмунду) и Аммонту—слѣдующіе чины; Ильяшенко—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; подпоручику Грессеру—слѣдующій чинъ; прапорщикамъ: Контеву, Мерману, Левину и Тальгрену—слѣдующіе чины; юнкерамъ: Ивану Рейтеру, Павлу Новикову и унтеръ-офицерамъ—Лукѣ Аваліани, Алексѣю Баркалову, Егору Падучеву и прикомандированному къ баталіону Бѣлевскаго полка Копылевскому—чины прапорщика. Нижнимъ чинамъ было пожаловано одиннадцать пенсій на знаки отличія военнаго ордена и 34 креста [44]); сверхъ того, Государь Императоръ пожаловалъ всѣмъ, участвовавшимъ въ кюрюкъ-дарпинскомъ сраженіи нижнимъ чинамъ, по три рубля серебромъ. Не былъ забытъ также и вольнонаемный оружейный мастеръ Швангейзеръ, который взорвалъ мѣткимъ выстрѣломъ турецкій зарядный ящикъ и тѣмъ обнаружилъ мѣсто закрытой батареи. Ему былъ пожалованъ знакъ отличія военнаго ордена за № 105666 [45]).

Простоявъ на кюрюкъ-дарпинской позиціи до 5-го августа, баталіонъ перешелъ къ сел. Ахъ-Узюмъ, а оттуда, двигаясь и фуражируя вверхъ по Карсъ-чаю, 19-го августа занялъ позицію у сел. Ахъ-Булахъ. Отсюда баталіонъ нѣсколько разъ, въ составѣ колонны, ходилъ на рекогносцировки и фуражировки въ шурагельскій санджакъ, но турокъ нигдѣ не видѣлъ. Запершись въ стѣнахъ Карса, они крѣпко оградили себя отъ всякой нашей попытки. Такимъ образомъ, александропольскій отрядъ хозяйничалъ въ окрестностяхъ Карса безнаказанно цѣлыхъ четыре мѣсяца, и только 30-го ноября, когда князь Бебутовъ уже былъ вполнѣ увѣренъ въ неспособности османовъ предпринять что либо враждебное противъ насъ—былъ распущенъ на зимнія квартиры. Кавказскій стрѣлковый баталіонъ въ тотъ же день направленъ на его зимнюю стоянку, въ сел. Дюскентъ [46]), гдѣ были устроены къ этому времени кое-какія удобства. Прежніе буйволятники гомбор-

---

[44]) Третьи трети пенсіи получили слѣдующіе нижніе чины: фельдфебель Леонтій Тимофеевъ, унтеръ-офицеры: Максимъ Ефимовъ, Сергѣй Павловъ и Андрей Кошинъ вторыя трети—фельдфебеля: Трифонъ Жевлаковъ, Василій Клещевъ и Поликарпъ Филиповъ; ун. офицеры: Семенъ Степановъ, Францышекъ Зубовичъ, Казиміръ Зелинскій и рядовой Харитонъ Козловъ. Кресты получили слѣдующіе стрѣлки: Михаилъ Вартиковъ, Александръ Бейеръ, Давидъ Чхеидзе, Степанъ Меликъ-Мурадовъ, Агабекъ Аганджановъ, Андрей Ивановъ, Антонъ Харитончикъ, Федоръ Карповъ, Кузьма Васильевъ, Петръ Карповъ, Иванъ Антиповъ, Петръ Тагановъ, Данило Палкинъ. Николай Половащенко, Андрей Алексѣевъ, Кирилъ Емельяновъ, Корней Шевченко, Филиппъ Ивановъ, Егоръ Гудковъ, СергѣйШеховцовъ, Павелъ Терещукъ, Адріанъ Семеновъ, Якубъ Маевскій, Григорій Тарасовъ, Томашъ Каменка, Абрамъ Абдуловъ, Григорій Мирошниковъ, Максимъ Бондаревъ, Данило Телевной, Иванъ Меренюкъ, Михаилъ Капаницкій, Моисей Климовичъ, Иванъ Петренко и Федоръ Ивановъ.

[45]) Надо сказать, что баталіонъ былъ счастливъ на оружейныхъ мастеровъ. Прослуживъ нѣсколько времени въ баталіонѣ, они дѣлались самыми любимыми членами этого семейства, раздѣляя съ нимъ всѣ лишенія боевой и радости мирной жизни.

[46]) Предписаніе кн. Бебутова 28-го ноября 1854 г. № 2327.

Императоръ Александръ II.

Фототипія А. И. Вильборгъ С.П.Б. Мѣщ. 12.

цевъ превратились въ уютныя, теплыя и чистенькія помѣщенія, какъ для офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ; въ нихъ стрѣлки совершенно позабыли о такъ называемой лихорадкѣ-спячкѣ, которою болѣли въ осеннее холодное время, въ особенности на караклисской позиціи.

XIII.

1855 годъ. 18-е февраля. Значеніе Карса. Обученіе пѣхоты стрѣльбѣ гомборцами. Блокада Карса. Участіе стрѣлковъ въ фуражировкахъ и поискахъ подъ Карсомъ. Укрѣпленія Карса. Штурмъ 17 сентября. Сдача. Роспускъ войскъ. Награды. 1856 годъ. Преобразованія. Новый взглядъ на покореніе горцевъ. Общее состояніе гомборцевъ. Освященіе знаменъ. Посѣщеніе Гомборъ ген.-ад. княземъ Барятинскимъ. Вступленіе его въ командованіе корпусомъ. Переименованіе и переформированіе баталіона. Сформированіе трехъ новыхъ *стрѣлковыхъ баталіоновъ*.

18-го февраля 1855 года неожиданно и безвременно въ Бозѣ почилъ Императоръ Николай I. Роковой этотъ ударъ, глубоко потрясшій все наше отечество, армію и въ особенности гомборцевъ, обожавшихъ своего Монарха и Благодѣтеля, былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что Россія, теряя ежедневно на Крымскомъ полуостровѣ по нѣскольку тысячъ доблестныхъ сыновъ своихъ, *изнемогала въ неравной борьбѣ съ тремя первоклассными державами Европы*. Только славныя побѣды наши подъ Башъ-Кадыкляромъ и Кюрюкъ-Дара кое-какъ могли послужить утѣшеніемъ для молодаго Императора и скорбящей Россіи, а также нѣсколько ослабить воинственный задоръ османовъ и ихъ христіанскихъ союзниковъ. Но кавказскимъ войскамъ необходимо было увѣнчать свои успѣхи проникновеніемъ въ глубину Малой Азіи и нападеніемъ на Эрзерумъ. Это они сознавали вполнѣ, и всѣ ихъ помыслы и стремленія были обращены теперь на твердыни Карса, съ нахожденіемъ которыхъ *въ рукахъ турокъ, не было возможности* съ успѣхомъ проникнуть въ глубину турецкой Арменіи, такъ какъ твердыни эти, находясь на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ Закавказья въ глубь Малой Азіи, замыкаютъ доступы въ Анатолію со стороны Александрополя, а при движеніи на Ардаганъ или Баязетъ всегда требовали для своего наблюденія значительныхъ силъ. Задерживая наше наступленіе, Карсъ въ то же время служилъ надежнымъ убѣжищемъ для турецкой арміи, еслибы по какимъ либо обстоятельствамъ она не желала дѣйствовать въ полѣ. Сознавая такую разностороннюю важность Карса, мы въ январѣ мѣсяцѣ начали готовиться къ осадѣ его. Многое обѣщало успѣхъ: и возвышенный духъ войскъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, и, въ противоположность ему, деморализація турокъ *послѣ нашихъ побѣдъ, и опытность новаго главнокомандующаго* генералъ-адъютанта Муравьева, участвовавшаго во взятіи крѣпости въ 1829 г.

Вступивъ 1-го марта 1855 года въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, Муравьевъ поспѣшилъ пополнить порѣдѣвшіе ряды дѣйствующихъ въ Турціи баталіоновъ. За исключеніемъ самаго ограниченнаго расхода, всѣ годные нижніе чины были зачислены въ строй. Для исполненія хозяйственныхъ и нестроевыхъ должностей, кавказскій стрѣлковый

баталіонъ вытребовалъ изъ Гомборъ необходимое число людей. Въ Александрополѣ кипѣли работы по приготовленію артилерійскихъ снарядовъ и штуцерныхъ патроновъ, для чего, по приказанію князя Бебутова, съ 18-го декабря изъ стрѣлковаго баталіона были отправляемы въ Александрополь по 25 стрѣлковъ каждый мѣсяцъ. Ими заготовлено въ самый короткій промежутокъ времени до 330 тысячъ патроновъ. Одновременно съ этимъ шло дѣятельное обученіе стрѣльбѣ въ цѣль изъ штуцеровъ командъ, собранныхъ въ Александрополѣ отъ всѣхъ частей. Обученіе это, согласно приказанію корпуснаго командира, производилось подъ руководствомъ поручика кавказскаго стрѣлковаго баталіона Аммонта и двухъ унтеръ-офицеровъ отъ 2-й и 4-й ротъ [1]). Но еще болѣе энергичныя занятія стрѣльбою въ цѣль производились въ самомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, гдѣ отпускъ боевыхъ патроновъ на каждаго стрѣлка былъ усиленъ до 270 штукъ, изъ конхъ 15 на пристрѣлку и сверхъ того 30 холостыхъ патроновъ для рекрутъ. „Ротные командиры, надѣюсь, употребятъ всѣ старанія—писалъ Лузановъ—дабы при такихъ огромныхъ средствахъ нижніе чины вполнѣ усовершенствовались въ цѣльной стрѣльбѣ, какъ въ прямомъ и единственномъ ихъ назначеніи“. Дѣйствительно, ротные командиры не жалѣли усилій, а офицеры и нижніе чины не отставали отъ нихъ въ усердіи. Общее напряженное состояніе отечества отражалось на каждой отдѣльной личности, и всѣ ревностно приготовляли себя къ новымъ подвигамъ. Нельзя было не радоваться такой высотѣ нашего общаго духа, при которой взятіе Карса было вопросомъ какъ бы заранѣе рѣшеннымъ и должно было вознаградить насъ за потери, понесенныя въ Крыму. Подъ вліяніемъ такихъ усладительныхъ ощущеній, гомборцы весело провели дни св. Пасхи. Жители Дюскента (армяне) пожертвовали имъ къ празднику четыре штуки рогатаго скота „по примѣру прошлаго года“. Лузановъ по этому поводу объявлялъ въ приказѣ [2]): „относя это пожертвованіе жителей къ привязанности и доброму расположенію къ солдатамъ, надѣюсь, что нижніе чины ввѣреннаго мнѣ баталіона и впредь своимъ поведеніемъ заслужатъ, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, такое радушіе и расположеніе въ народѣ“.

24-го мая часть дѣйствующаго корпуса, вмѣстѣ съ стрѣлковымъ баталіономъ, перешла предѣлы Турціи и, двигаясь къ Карсу, 28-го числа расположилась на позиціи у Хаджи-Кала. Къ этому времени сюда прибыла и остальная часть корпуса, оставивъ въ Александрополѣ небольшой гарнизонъ изъ 10-ти ротъ пѣхоты [3]). Ахалкалакскій отрядъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, получившій приказаніе присоединиться къ главному, двинулся по дорогѣ черезъ Ардаганъ, взорвалъ стѣны этой крѣпости и 3-го іюня стянулся также къ Хаджи-Кала. Съ прибытіемъ этихъ войскъ начинаются безпрестанныя рекогносцировки окрестностей Карса.

Карсомъ можно было овладѣть: 1) постепенною атакою, 2) штурмомъ и 3) блокадою. Первое средство требовало много времени и трудовъ, и ожидаемыя къ Карсу подкрѣпленія могли обратить въ ничто всѣ наши усилія,

---

[1]) Приказъ по корпусу 24-го декабря 1854 г. № 419 и приказъ по баталіону 28-го января 1855 г. № 28.

[2]) 25-го марта 1855 года № 84.

[3]) Всего было 25 баталіоновъ (трехротныхъ) пѣхоты, 28 эскадроновъ кавалеріи, 17 сотенъ казаковъ и 76 орудій.

а второе представляло положительную несообразность, такъ какъ невозможно было вести открытое нападеніе на первокласную крѣпость, неослабленную бомбардированіемъ,—и поэтому оставалось одно: взять Карсъ въ тѣсную блокаду. Рѣшивъ это окончательно, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, по приходѣ войскъ въ Хаджи-Кала, немедленно началъ сильныя рекогносцировки къ Эрзеруму, чтобы перерѣзать сообщеніе между этимъ городомъ и Карсомъ. 6-го іюня онъ двинулся съ отрядомъ на Магараджикъ и прошелъ фланговымъ маршемъ въ виду карскихъ укрѣпленій. Главныя силы отряда находились подъ начальствомъ самаго Муравьева, а гренадерская бригада и съ нею кавказскій стрѣлковый баталіонъ составляли лѣвую колонну и находились подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Майделя. Занявъ Магараджикъ и прервавъ сообщеніе Карса съ Эрзерумомъ, мы установили такимъ образомъ первый пунктъ блокадной линіи. Оставивъ здѣсь небольшую колонну, Муравьевъ 16-го іюня передвинулся къ сел. Канакей. На другой день онъ выслалъ колонну, составленную преимущественно изъ кавалеріи, подъ командою ген.-м. Баклапова, за согаплугскій хребетъ, чтобы захватить въ селеніяхъ всякое продовольствіе. Въ колоннѣ, между прочимъ, находилась вторая рота стрѣлковаго баталіона, подъ командою капитана Геннинга 2-го. 19-го іюня колонна истребила огромные запасы и захватила множество добычи у селеній Бардуса и Енгикея, гдѣ гомборцы имѣли перестрѣлку [4]); кромѣ того, по близости Эрзерума она завладѣла большимъ транспортомъ въ 137 арбъ, нагруженныхъ всякими предметами довольствія военнаго времени; наконецъ, уничтоживъ довольно большіе склады провіантскихъ и артилерійскихъ запасовъ, Баклановъ вернулся въ Канакей.

Тѣмъ временемъ главнокомандующій, съ другою частью корпуса, также перешелъ за Согаплугъ, быстро двинулся къ Зивину, нашелъ въ немъ огромный провіантскій складъ и съ 19-го по 22-е іюня истребилъ болѣе 30 тысячъ четвертей разнаго хлѣба. Возвратившись на канакейскую позицію и простоявъ на ней до 29-го іюня, онъ передвинулся къ сел. Тыкмѣ на р. Карсъ-чаѣ, и здѣсь войска буквально бездѣйствовали до 20-го іюля. Между тѣмъ, не смотря на безпорядки въ турецкихъ войскахъ и на упадокъ ихъ духа, въ Карсѣ шли усиленныя фортификаціонныя работы, руководимыя англійскими инженерами. Комендантъ крѣпости, англійской службы полковникъ Вильямсъ, не щадилъ энергіи и пользовался почти каждою минутою, чтобы создать намъ всевозможныя затрудненія въ будущемъ. Онъ поддерживалъ духъ солдатъ, преслѣдовалъ злоупотребленія и, благодаря нашей медлительности, успѣлъ поднять и развить нравственныя и матеріальныя силы гарнизона на столько, что блокада особеннаго унынія этому гарнизону и не причиняла, не смотря на удачныя поиски нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ, всюду захватывавшихъ транспорты и вообще зорко слѣдившихъ за турками, слившимися имѣть какое либо сообщеніе съ гарнизономъ. Въ надеждѣ на внѣшнюю помощь, гарнизонъ съ усердіемъ усиливалъ профили своихъ укрѣпленій и возводилъ новыя. Къ тому же, сердце Анатоліи (Эрзерумъ) сильно билось за Карсъ, этотъ щитъ и ключъ азіатской Турціи, и вотъ оттуда двинулся на помощь Карсу вспомогательный

[4]) Добыча эта была продана съ аукціоннаго торга, и изъ вырученныхъ денегъ— 48 р. 36 к. переданы главнокомандующимъ стрѣлкамъ 2-й роты. (Приказъ по баталіону 28-го іюня).

корпусъ Вали-паши. Чтобы воспрепятствовать его соединенію, главнокомандующій 20-го іюля двинулся съ частью войскъ на Соганлугъ и, не смотря на страшный зной и усиленные переходы въ теченіе пяти дней форсированнаго марша, добрался до Керпикея, гдѣ и соединился съ отрядомъ генерала Суслова, выдвинутымъ сюда со стороны Эривани. Въ числѣ войскъ, слѣдовавшихъ съ Муравьевымъ, были 3-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, подъ командою маіора Новицкаго 1-го. Остальныя двѣ роты, съ частью главнаго отряда, одновременно съ движеніемъ Муравьева, перешли, подъ начальствомъ генерала Бриммера, на позицію Комацуръ, ближе къ Карсу [5]). Узнавъ о появленіи русскихъ, Вали-паша былъ пораженъ этою неожиданностью и поспѣшилъ ретироваться въ Эрзерумъ. Отступленіе его было совершено въ величайшемъ безпорядкѣ, и онъ избѣгнулъ громадныхъ потерь только благодаря нерѣшительности генерала Суслова, имѣвшаго возможность и даже получившаго инструкцію преслѣдовать пашу и отрѣзать ему путь отступленія. Не имѣя въ виду оперировать противъ Эрзерума, куда заперся турецкій корпусъ, генералъ Муравьевъ 25-го іюля предпринялъ обратное движеніе къ Карсу, забравъ съ собою нѣсколько христіанскихъ семействъ, просившихъ его покровительства. 30-го іюля онъ прибылъ въ Тыкму.

Между тѣмъ, войска, а съ ними и роты гомборцевъ, остававшіяся въ виду Карса, не бездѣйствовали: 23-го іюля генералъ Бриммеръ двинулъ ихъ на фуражировку почти къ самымъ стѣнамъ Карса. Цѣль, впрочемъ, не была достигнута, такъ какъ колонна, подведенная къ веркамъ крѣпости, попала подъ сильный артилерійскій огонь и, потерявъ безъ пользы болѣе тридати человѣкъ, возвратилась въ лагерь. Рота капитана Каменскаго, прикрывавшая отступленіе, потеряла двухъ стрѣлковъ тяжело раненыхъ осколками гранатъ [6]).

Въ первыхъ числахъ августа войска наши начали стягиваться къ бывшей деревнѣ Чифтли-гая и были раздѣлены на два отряда. Одинъ изъ нихъ 5-го августа былъ передвинутъ отсюда, съ вторымъ полубаталіономъ маіора Новицкаго 1-го, къ селенію Тамра и вступилъ подъ начальство генералъ-лейтенанта Ковалевскаго. Первый полубаталіонъ гомборцевъ остался у Чифтли-гая, въ восьми верстахъ къ югу отъ Карса. Съ этого времени надзоръ за крѣпостью сдѣлался гораздо строже. Въ теченіе дальнѣйшаго періода наши небольшіе кавалерійскіе отряды и разъѣзды съ рѣдкимъ успѣхомъ предупреждали всякую попытку гарнизона имѣть какое либо сношеніе съ остальнымъ міромъ. Не смотря однако на эту тѣсную блокаду, гарнизонъ, продолжая возводить оборонительныя сооруженія, надѣялся получить подкрѣпленія изъ Батума и громадные запасы продовольствія изъ Пеняка. Чтобы удостовѣриться въ этомъ и захватить, если можно, запасы, главнокомандующій, въ ночь на 29-е августа, выслалъ къ Пеняку летучую колонну изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ драгунъ и 10 сотенъ казаковъ. Въ составъ этой колонны вошли 3-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ маіора Новицкаго 1-го. Гомборцы и третій баталіонъ эриванцевъ слѣдовали непосредственно за кавалеріею и

[5]) Ротами стрѣлковъ командовали: 1-ю капитанъ Каменскій, 2-ю капитанъ Геннингъ 2-й, 3-ю штабсъ-капитанъ Познякъ и 4-ю штабсъ-капитанъ Венюковъ.

[6]) Приказъ по баталіону 26-го іюля № 207.

въ первый день, двигаясь по горнымъ тропинкамъ, сдѣлали переходъ тяжелый и большой въ 70 верстъ. На слѣдующій день колонна съ большими затрудненіями перешла перевалъ Аллахъ-Экберъ и подступила къ Пеняку. Слухи оказались ложными, а лагерь турокъ, находившійся поблизости, былъ немедленно атакованъ нашею кавалеріею и преимущественно казаками. Начальникъ войскъ Али-паша, а съ нимъ одинъ офицеръ и 45 нижнихъ чиновъ, были захвачены въ плѣнъ; убито 300 турокъ, отбито одно знамя, 2 штандарта, 4 горныхъ орудія и масса всякаго имущества. Заслуга пѣхоты, а съ ней и гомборцевъ, состояла въ томъ, что не отставая отъ кавалеріи, она всегда готова была вовремя поддержать ее. Генералъ Ковалевскій съ торжествомъ привелъ плѣнныхъ турокъ въ русскій станъ— что, впрочемъ, не обезкуражило гарнизонъ, и онъ гораздо болѣе пріунылъ отъ холеры, появившейся въ послѣднихъ числахъ августа, и отъ недостатка продовольствія. Главнокомандующій не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній относительно запасовъ Карса, но, судя по продолжительной блокадѣ, надѣялся, что они скоро истощатся, и это вынудитъ гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости; въ опустошеніи же, производимомъ холерою, не было никакого сомнѣнія. Правда, и у насъ она не щадила людей [7]), но мы имѣли больше силъ бороться съ нею, а именно: разнообразить пищу солдата, держать его хорошо одѣтымъ, устроить его бытъ сообразно санитарнымъ требованіямъ что въ дѣйствительности и дѣлалось, какъ въ кавказскомъ стрѣлковомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ баталіонахъ [8]).

11-го сентября, когда Муравьевъ съ часу на часъ ожидалъ сдачи крѣпости, въ которой несчастные турки были доведены голодомъ и холерою до крайняго истощенія, вдругъ раздались орудійные выстрѣлы, и съ пикетовъ послышались радостные возгласы. Загадка скоро объяснилась: это непріятель праздновалъ взятіе Севастополя и высадку турецкихъ войскъ въ Трапезундѣ, вѣсть о которыхъ была доставлена ему лазутчикомъ, проскользнувшимъ черезъ нашу цѣпь. Затѣмъ, было получено извѣстіе, что и въ Батумѣ высажено до четырехъ тысячъ турокъ, составлявшихъ авангардъ всего прибывшаго къ берегу моря корпуса Омеръ-паши. Такимъ образомъ, Карсъ могъ получить поддержку ранѣе, чѣмъ истощились бы всѣ продовольственные его запасы, и трехмѣсячная успѣшная блокада могла остаться безъ послѣдствій. Медлить было нечего, такъ какъ только удачный штурмъ, по мнѣнію главнокомандующаго, могъ вознаградить неимовѣрные труды блокировавшихъ войскъ.

Городъ Карсъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Карсъ-чая. Окрестности его представляютъ три отдѣльныя возвышенности, командующія имъ: Карадахъ, Чахмахъ и Шорахъ. Первыя двѣ были укрѣплены еще въ самомъ началѣ блокады. Ожидая нашего нападенія съ сѣвера, турки окружили городъ со стороны Чахмаха и Карадаха непрерывною оборонительною линіею на протяженіи 15-ти верстъ, а изъ Шораха, благодаря нашей мед-

---

[7]) Говоря о холерѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ корпусѣ Муравьева больше всего терпѣли отъ нея вновь прибывшія изъ Россіи части: изъ рядовъ же гомборцевъ она вырвала трехъ или четырехъ нижнихъ чиновъ и поручика Фрейганга (Андрея), двоюроднаго брата полковника Фрейганга, бывшаго впослѣдствіи командиромъ баталіона.

[8]) Приказъ по баталіону 7-го сентября 1855 г. № 250.

лительности, они сдѣлали трудно доступный укрѣпленный лагерь. Гребень шорахскихъ высотъ тянется параллельно теченію Карсъ-чая и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ возвышенностей, изъ которыхъ двѣ, ближайшія къ рѣчкѣ, незначительны, третья же довольно продолговатая и имѣетъ крутые скаты. Ближайшая къ рѣкѣ возвышенность, представлявшая лѣвый флангъ линіи шорахскихъ укрѣпленій, упиралась въ обрывъ Карсъ-чая и была увѣнчана флешью, горжа которой впослѣдствіи была замкнута, и укрѣпленіе получило названіе Тохмасъ-табіэ; оно было вооружено одиннадцатью орудіями и могло вмѣщать въ себѣ 1500 защитниковъ. Центральная возвышенность оборонялась редутомъ, вооруженнымъ шестью орудіями и названнымъ Юксекъ-табіэ. Послѣдній былъ фланкированъ слѣва люнетомъ Ярымъ-ай-табіэ съ двумя орудіями, а справа укрѣпленною линіею, названною ренисонскою и вооруженною четырмя орудіями. Правымъ флангомъ линія эта упиралась въ третью возвышенность, на болѣе отдаленномъ концѣ которой построена была батарея съ двумя орудіями, названная Телекъ-табіэ. Шорахскія высоты отдѣлены были отъ чахмахскихъ довольно глубокою лощиною, въ которой устроены были два редута: изъ нихъ главный расположенъ при выходѣ изъ лощины на равнину у сел. большой Чахмахъ. Линія укрѣпленій на Чахмахѣ шла почти параллельно съ шорахскою и носила названіе *англійской*. Она тянулась на разстояніи 4 верстъ и замыкалась на лѣвомъ флангѣ люнетомъ съ 9 орудіями. Чахмаскія укрѣпленія были усиленной профили и обстрѣливали промежутки и тылъ шорахскихъ укрѣпленій. Надъ всею описанною системою господствовали высоты Карадаха на правомъ берегу Карсъ-чая. Арабъ и Зіаретъ, вооруженные орудіями большихъ калибровъ, обстрѣливали высоты Чахмаха, и снаряды ихъ долетали даже до шорахскаго гребня. Подъ карадахскимъ обрывомъ расположена была цитадель, а по скату горы самый городъ. Передъ городомъ, на равнинѣ, былъ расположенъ турецкій лагерь, окруженный отдѣльными укрѣпленіями, между которыми главнѣйшія были Хафизъ-паша и Сувари, соединенные между собою небольшими редутами и участками брустверовъ. Шорахскія высоты—цѣль нашихъ войскъ, были заняты лучшими солдатами анатолійской арміи, въ числѣ 6000 человѣкъ подъ начальствомъ венгерца Кметти. Они занимали укрѣпленія и обширный плацдармъ между обѣими оборонительными линіями.

Диспозиціею, отданною на 17-е сентября, для овладѣнія шорахскими высотами, генералъ Муравьевъ раздѣлилъ войска на четыре колонны, и каждой изъ нихъ назначилъ слѣдующія задачи: первой колоннѣ [9]), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, назначалось стать къ 4-мъ часамъ утра противъ турецкаго правофланговаго укрѣпленія на Шорахѣ и выждать дѣйствій 2-й колонны; второй, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Майделя—выступить съ такимъ расчетомъ, чтобы въ 4 часа утра быть у горы Муха. Въ составъ этой колонны вошли также 1-я и 2-я роты стрѣлковаго баталіона, подъ личною командою полковника Лузанова. Колоннѣ этой, сверхъ сказаннаго, предписывалось: „будетъ ли она во время движенія замѣчена, или нѣтъ—во всякомъ случаѣ, тотчасъ по прибытіи ея на мѣсто, легкая № 1 батарея, *съ двумя ротами стрѣлковъ* и одною саперъ,

[9]) 11½ баталіоновъ пѣхоты, полкъ сборной кавалеріи, 3 сотни казаковъ, сотня милиціи и 20 орудій.

выдвигается на гору Муха. Колонна же, двумя своими линіями, съ горнымъ дивизіономъ артилеріи, продолжаетъ наступленіе по возвышенности въ тишинѣ, и если не будетъ къ тому вынуждена, безъ выстрѣла занимаетъ самую лѣвофланговую или отъ насъ правую непріятельскую батарею". Для совокупной атаки шорахскихъ высотъ, вмѣстѣ съ 1-ю и 2-ю колоннами былъ составленъ особый промежуточный отрядъ, ввѣренный генералъ-лейтенанту князю Гагарину [10]), куда вошла и третья рота гомборцевъ. Послѣднему предписывалось двинуться въ хвостъ 1-й колонны немного спустя послѣ нея и прорваться между двухъ турецкихъ укрѣпленій на шорахскихъ высотахъ. Третья колонна генералъ-лейтенанта графа Нирода должна была въ четыре часа утра быть на позиціи въ 1000 саженяхъ отъ непріятельскихъ батарей. Колонна эта была слабаго состава и, будучи только демонстративною, обязана была вполнѣ сообразоваться съ движеніемъ второй колонны. Затѣмъ, всѣ остальныя войска составляли четвертую, резервную колонну, ввѣренную генералу Бриммеру. Въ составъ ея вошла также и четвертая рота стрѣлковъ. Колоннѣ предписано держаться правѣе Столовой горы, за закрытіями. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ, какъ на Башъ-Кадыклярѣ и Кюрюкъ-Дара, стрѣлковый баталіонъ, распредѣленный ротами по отдѣльнымъ колоннамъ, былъ лишенъ возможности совокупныхъ дѣйствій.

Изъ всѣхъ колоннъ одна только вторая выполнила въ точности диспозицію. Въ назначенное время она прибыла на мѣсто привала и въ 3 часа пополудни, построившись въ двѣ боевыя линіи, двинулась къ шорахскимъ укрѣпленіямъ. Первую линію составляли 1-й и 2-й баталіоны Эриванскаго и 3-й и 4-й Мингрельскаго полковъ, вторую—1-й баталіонъ эриванцевъ, 2-й, 4-й и 5-й баталіоны Грузинскаго гренадерскаго полка. Баталіоны первой линіи шли въ ротныхъ колоннахъ по полубаталіонно, въ шахматномъ порядкѣ; баталіоны второй линіи—въ колоннахъ къ атакѣ и на дистанціи 300 шаговъ отъ заднихъ шахматовъ. Въ интервалахъ первой линіи находились 4 горныхъ орудія, а позади, за серединою линіи—легкая № 1 батарея кавк. гренад. артил. бригады, рота саперъ и двѣ роты стрѣлковаго баталіона. „Части эти были помѣщены здѣсь съ тою цѣлью, чтобы, по приближеніи къ турецкимъ укрѣпленіямъ, было бы удобнѣе выдвинуть ихъ вправо на гору, какъ то назначено диспозиціею". Остальныя войска второй колонны были оставлены въ частномъ резервѣ. Наступленіе происходило въ чрезвычайной тишинѣ и со всѣми предосторожностями; но за то, множество собакъ воемъ и лаемъ нарушали эту тишину и, быть можетъ, послужили къ преждевременному открытію турками нашего движенія.

Въ 4 часа генералъ Майдель подошелъ къ Тохмасъ-табіэ на 400 саженей совершенно незамѣченнымъ. Легкая № 1 батарея, съ саперами и двумя стрѣлковыми ротами, успѣла уже выдвинуться впередъ, на гору, находившуюся противъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій, когда раздался съ Тохмаса первый орудійный выстрѣлъ. Это было въ $4^1/_4$ часа утра, когда еще не разсвѣтало. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другіе, и черезъ три минуты загорѣлась страшная канонада во всѣхъ концахъ Карса. По первой тревогѣ турецкая пѣхота быстро заняла валъ и всѣ стрѣлковые ровики, построенные впереди укрѣпленія—и затрещалъ сильный штуцер-

[10]) 4 баталіона пѣхоты и 4 орудія.

ной огонь. Пѣхота наша ускорила шагъ; легкая № 1 батарея, стоявшая уже на позиціи, а за нею и гомборцы, занявшіе гребень горы впереди батареи, открыли учащенный огонь, въ значительной степени облегчавшій наступленіе нашей пѣхоты. Самая важная часть диспозиціи—неожиданное нападеніе, не была въ точности исполнена: непріятель былъ совершенно готовъ къ бою, и среди него не замѣчалось и тѣни суеты или замѣшательства—обыкновенныхъ явленій нечаяннаго нападенія. Турки стрѣляли мѣтко и энергично, но, не смотря на это, пѣхота наша безостановочно подвигалась впередъ. Подведя войска на ружейный выстрѣлъ къ укрѣпленіямъ, генералъ Майдель двинулъ ихъ бѣглымъ шагомъ, подъ звуки марша, на лѣвыя укрѣпленія шорахскихъ высотъ. Мингрельцы и эриванцы мгновенно выбили турокъ изъ ровиковъ и, по слѣдамъ ихъ ударили на укрѣпленія—первые съ праваго короткаго фаса, вторые—съ лѣваго длиннаго. Горныя орудія, бывшія въ интервалѣ, быстро выдвинулись впередъ и открыли картечный огонь; вторая линія колонны ускорила шагъ. Подбѣжавъ къ укрѣпленіямъ, она также по слѣдамъ первой бросилась на Тохмасъ — причемъ грузинцы овладѣли четырехъ-орудійною батареею, обстрѣливавшею губительнымъ огнемъ подступы къ редуту. Запершись въ немъ, турки съ большимъ успѣхомъ отбивали всѣ отчаянные приступы нашихъ солдатъ. Незначительная же часть ихъ, оборонявшая примыкающія къ Тохмасу укрѣпленія, обратилась въ бѣгство, и кавалерія наша по ея слѣдамъ ворвалась въ лагерь. Но успѣхъ былъ непродолжителенъ, такъ какъ турки тотчасъ стянулись сюда съ разныхъ пунктовъ. Солдаты наши не имѣли ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни фашинъ, и вся ихъ безграничная отвага разбивалась объ эскарпы, обливаемые свинцовымъ и чугуннымъ ливнемъ. Не взирая на это, они продолжали подвигаться и, заваливая ровъ трупами убитыхъ товарищей, взбирались на наружную отлогость бруствера, вырывая въ землѣ руками уступы, чтобы стать другъ другу на плечи.

Турки все усиливались. Колонны генераловъ Ковалевскаго и князя Гагарина, сбившіяся съ указаннаго имъ направленія, неожиданно попали подъ убійственный огонь правофланговыхъ шорахскихъ укрѣпленій и отступили въ безпорядкѣ, потерявъ почти всѣхъ начальниковъ. Не удались дѣйствія и демонстративной колонны графа Нирода. Турки сразу догадались, что такая слабая колонна не могла имѣть никакихъ существенныхъ задачъ. Избавившись такимъ образомъ отъ всѣхъ трехъ колоннъ, непріятель сосредоточилъ главную массу своихъ войскъ противъ колонны генерала Майделя. Часть его поспѣшила на помощь къ редутамъ, другая же направилась, чтобы отрѣзать кавалерію и пѣхоту, занявшія окраины лагеря. Кавалерія тотчасъ отступила, а пѣхота, принявъ влѣво, пристроилась къ войскамъ, штурмовавшимъ редуты, остановила напиравшія массы турокъ и все-таки удержала за собою часть лагеря. Разсвѣтало. Бой дѣлался кровопролитнѣе; большинство начальниковъ было перебито. Генералъ Майдель получилъ двѣ раны и, изнемогая, передалъ командованіе князю Тарханъ-Моуравову, приказавъ ему „держаться занятой позиціи до послѣдней крайности“.

Наступилъ самый отчаянный и рѣшительный моментъ. Князь Тарханъ-Моуравовъ сталъ собирать людей около знаменъ, съ намѣреніемъ повторить приступъ все на тотъ же злополучный Тохмасъ. Немедленно были выведены

въ занятую нами часть лагеря стоявшіе въ резервѣ два баталіона Ряжскаго полка, двѣ роты саперъ, съ батарейною № 1 батареею, за ними легкая № 1-го батарея, съ находившимися при ней саперною и двумя ротами стрѣлковаго баталіона. Прибытіе резервовъ, въ особенности артилеріи и стрѣлковъ, много облегчило атакующихъ и дало имъ возможность стать твердою ногою въ занятой части турецкихъ укрѣпленій и лагеря. Командиръ легкой № 1-го батареи полковникъ де-Саже и стрѣлки заняли правую сторону позиціи, обративъ одну часть орудій и штуцеровъ къ сторонѣ лагеря, а другую—къ Карсъ-чаю, для дѣйствія противъ нижнихъ батарей, обстрѣливавшихъ нашу штурмовую колонну. Батарейная № 1 батарея двинулась къ лѣвой сторонѣ занятой нами позиціи и, войдя въ укрѣпленіе, открыла огонь противъ турокъ, снова начинавшихъ собираться. Съ замѣчательною энергіею они парировали каждый нашъ ударъ и постепенно усиливались, такъ что стрѣлки должны были вскорѣ присоединится къ пѣхотѣ, дѣйствовавшей противъ редутовъ, а два Ряжскихъ баталіона приняли на себя прикрытіе батарей. Послѣ этого, дѣйствія противъ редутовъ были возобновлены съ новою силою. Собравъ и воодушевивъ войска, князь Тарханъ-Моуравовъ двинулъ ихъ снова на штурмъ.

На этотъ разъ впереди былъ первый полубаталіонъ гомборцевъ, съ своимъ отважнымъ командиромъ. „Бодро и весело стрѣлки пошли на штурмъ 17-го сентября — говоритъ генералъ Фрейгангъ — но дорого обошелся имъ этотъ день: командиръ ихъ полковникъ Лузановъ палъ смертью героевъ; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя болѣе 80 человѣкъ“. Не мудрено было нести такія потери: сильныя профили укрѣпленій, ихъ глубокіе рвы и высокіе брустверы дѣлали всѣ попытки стрѣлковъ безуспѣшными. Не имѣя штурмовыхъ лѣстницъ, они все же карабкались на брустверъ, но были сбрасываемы штыками въ ровъ. Унтеръ-офицеръ Михаилъ Вартиковъ первый взошелъ на валъ и увлекъ за собою своихъ товарищей; большинство ихъ было переколото внутри укрѣпленія, а Вартиковъ, выброшенный въ наружный ровъ, спасся какимъ-то чудомъ. Въ другомъ мѣстѣ творилъ чудеса храбрости отважный юнкеръ Александръ Бейеръ, съ ввѣреннымъ ему 4-мъ взводомъ 3-й роты; его старался перещеголять унтеръ-офицеръ Давидъ Чхеидзе, „служа доблестнымъ примѣромъ стрѣлкамъ“ [11]). Нечего и говорить объ офицерахъ, всегда и вездѣ открывавшихъ стрѣлкамъ путь къ побѣдамъ. Смерть доблестнаго командира вызвала въ нихъ и въ нижнихъ чинахъ сильное ожесточеніе. Принявшій послѣ него команду капитанъ Каменскій собралъ разстроенныхъ гомборцевъ, снова пошелъ съ ними на приступъ и, не смотря на тяжелую рану штуцерною пулею въ плечо съ раздробленіемъ кости, все время „личнымъ примѣромъ храбрости воодушевлялъ стрѣлковъ“ [12]). Не менѣе вдохновлялъ ихъ и „испытанный герой капитанъ Геннингъ“ [13]). Взводные командиры: капитанъ Максимовъ, подпоручики Аткинсонъ, Тальгренъ и прапорщикъ Новиковъ напрягали всѣ усилія; баталіонный адъютантъ поручикъ Грессеръ былъ контуженъ осколкомъ гранаты въ ногу; 1-я и 2-я роты потеряли болѣе 80 человѣкъ выбывшими изъ строя. Но все это не помогло, и съ

[11]) Дѣло особ. отд. 1855 года № 136.

[12]) Вскорѣ онъ умеръ отъ раны.

[13]) Дѣло особ. отд. 1855 года № 136.

каждымъ новымъ шагомъ стрѣлки продолжали гибнуть. Турки же, сосредоточивъ на атакующихъ огонь со всѣхъ ближайшихъ батарей, стали стягивать сюда баталіоны какъ изъ верхнихъ, такъ изъ нижнихъ укрѣпленій, тогда какъ наши силы истощались все болѣе и болѣе. Ряжскіе баталіоны были выдвинуты частью противъ наступающихъ турецкихъ баталіоновъ, частью же для прикрытія тыла штурмующихъ. Резервовъ у насъ болѣе не осталось.

Въ это время прибылъ къ мѣсту боя съ подкрѣпленіемъ генералъ-маіоръ Броневскій. Двинувъ два баталіона бѣлевцевъ на усиленіе атакующихъ, онъ назначилъ другіе два баталіона грузинцевъ въ резервъ къ батареѣ. Броневскій поддержалъ, воодушевилъ войска и уже готовился вести ихъ на приступъ, какъ вдругъ былъ тяжело раненъ и оставилъ ряды, передавъ команду полковнику Ганецкому. Послѣдній, съ уцѣлѣвшими войсками, повторилъ штурмъ; нѣсколько смѣльчаковъ даже вскочили на валъ, но тутъ же были осыпаны пулями и картечью и частью легли на мѣстѣ, а частью отступили. Подошелъ изъ резерва 3-й баталіонъ грузинцевъ, за нимъ 1-й баталіонъ ряжцевъ и 4-й тульцевъ, но все было безуспѣшно, даже и тогда, когда тульцы зашли туркамъ въ тылъ и заняли командующую высоту. Полковникъ Ганецкій былъ раненъ; заступившій его мѣсто полковникъ Москалевъ убитъ; почти всѣ частные начальники выбыли изъ строя, и лишь немногіе, оставшіеся въ живыхъ, не переставали воодушевлять войска. Приводя въ порядокъ разстроенныя части, они съ неослабнымъ мужествомъ разъ за разомъ вели ихъ на штурмъ. Молодецки дѣйствовала также наша артилерія, уступавшая турецкой числомъ орудій и калибромъ ихъ. Въ особенности отличился дивизіонъ прикомандированнаго къ артилеріи во время боя и оказавшагося превосходнымъ артилеристомъ „прапорщика стрѣлковаго баталіона князя Гагарина, не разъ останавливавшаго толпы непріятеля и заставившаго замолчать его батарею, не смотря на полученную имъ сильную контузію“ [14]). Тѣмъ не менѣе положеніе нашей артилеріи было крайне затруднительное, и нѣкоторыя изъ оставшихся на позиціи орудій были безъ прислуги и лошадей.

Уже истощались послѣднія силы атакующихъ, когда къ нимъ подошла резервная колонна генерала Бриммера, изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, роты гомборскихъ стрѣлковъ и дивизіона 4 батареи 18-й арт. бриг. Приказавъ послѣднему занять позицію противъ редутовъ и ослабить дѣйствіе турецкой артилеріи, безъ умолку поражавшей картечью во флангъ вторую колонну, Бриммеръ „объѣхалъ поле сраженія и не видѣлъ нигдѣ стройныхъ рядовъ. Упорные штурмы подъ перекрестнымъ огнемъ, бой между палатками и выбытіе изъ фронта частныхъ и старшихъ начальниковъ были причиною—доносилъ Бриммеръ—что части смѣшались. Съ утомленными, разстроенными шестичасовымъ боемъ войсками, стоявшими подъ сильнымъ артилерійскимъ и штуцернымъ огнемъ, нельзя было предпринять что либо. Не было никакой возможности устроить ихъ, а слѣдовательно, и ожидать малѣйшаго успѣха. Оставаться на занятыхъ нами линіяхъ тоже не было возможности. На горѣ, безъ воды, въ виду ожесточеннаго непріятеля, къ чему могла послужить намъ занятая полоса земли? Слѣдовательно, на мнѣ—продолжаетъ Бриммеръ—лежала обязанность вывести хотя сильныхъ

[14]) Дѣло дѣйств. корп. 1855 года № 76.

духомъ, но до безсилія утомленныхъ воиновъ. Понявъ эту обязанность, я долженъ былъ исполнить ее безъ замедленія, ибо каждая минута усугубляла потери". Онъ вытребовалъ казаковъ для уборки раненыхъ и отправилъ взятыя съ собою орудія. Чтобы прикрыть отступленіе, онъ поставилъ 2-й баталіонъ эриванцевъ и 4-ю роту гомборцевъ на горѣ Муха, растянувъ ихъ по всему гребню; позади же, на слѣдующей горѣ, лѣвѣе первой, размѣстилъ два баталіона Рязанскаго полка. Артилерія отошла на гору къ рязанцамъ, занявшимъ путь, по которому должны были отходить наши войска.

Когда всѣ раненые были увезены, и непріятель замѣтилъ отступленіе, то энергично бросился преслѣдовать войска, но, встрѣтивъ сильный ружейный огонь эриванцевъ, гомборцевъ и батарейныхъ орудій, повернулъ назадъ. Стянувшись предварительно у подошвы горы Муха, войска наши къ $2^1/_2$ часамъ пополудни въ порядкѣ двинулись въ лагерь, вполнѣ доказавъ, что нѣтъ жертвы, которой они не могли бы принести долгу и присягѣ. Многіе прославили себя въ этотъ достопамятный день геройскими подвигами. Изъ „особенно отличившихся офицеровъ", генералъ Бриммеръ называлъ въ своемъ донесеніи также капитана стрѣлковаго баталіона Каменскаго (Михаила) и прапорщика князя Гагарина [15]).

Неудачу нашу приписывали впослѣдствіи недостатку у насъ свѣдѣній о силѣ и профили укрѣпленій Карса. Кромѣ того, расчеты наши на неожиданность и совокупность атаки всѣми колоннами разстроились въ самомъ же началѣ. Турки ожидали насъ вполнѣ готовые къ отпору. Колонны, не имѣя проводниковъ, сбились съ даннаго имъ направленія. Демонстративная колонна Нирода сразу же обнаружила свое истинное назначеніе. Одна только колонна Майделя дѣйствовала болѣе цѣлесообразно, но, за непмѣніемъ штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ, или земляныхъ мѣшковъ, должна была гибнуть безъ всякой пользы. Ущербъ нашъ выразился въ потерѣ болѣе 7000 человѣкъ, причемъ гомборцы сравнительно пострадали болѣе всѣхъ. Изъ строя ихъ выбыло около 90 человѣкъ. Убитые, и въ ихъ числѣ славный командиръ гомборцевъ Лузановъ, были похоронены на берегу Арпачая, у подножья александропольской крѣпости, на возвышенности, названной „Холмомъ чести" и доселѣ удержавшей это названіе.

Офицеры кавказскаго стрѣлковаго баталіона, перебирая, кого могли назначить ихъ командиромъ вмѣсто Лузанова, обратились къ квартирмейстеру гренадерской бригады, генеральнаго штаба полковнику Фрейгангу, прося его ходатайствовать для себя это назначеніе. „Вѣря въ ихъ расположеніе—пишетъ генералъ Фрейгангъ—и сообразивъ, что въ генеральномъ штабѣ впереди предстоитъ мало (до военнаго министра Д. А. Милютина въ этомъ штабѣ карьеры не предвидѣлось), я рѣшился на этотъ шагъ,— и въ половинѣ октября главнокомандующій назначилъ меня командовать баталіономъ, а 30 го декабря состоялся Высочайшій приказъ объ утвержденіи [16]). Я искренно былъ радъ командовать такими молодцами и служить, хотя съ небольшимъ составомъ, но отличныхъ офицеровъ".

Послѣ штурма блокада была еще болѣе усилена и стѣснена; ночныя вылазки турокъ сдѣлались немыслимыми. Положеніе ихъ начало ухудшаться. Хотя полковникъ Вильямсъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы

[15]) Рапортъ главнокомандующему 23-го сентября 1855 года № 1517.

[16]) Приказъ по корпусу 22-го января 1856 года № 54.

ободрять гарнизонъ, и распустилъ даже ложный слухъ о взятіи Омеръ-пашею Ахалцыха, но никакія ухищренія не поколебали твердости главнокомандующаго, рѣшившагося не отступать отъ Карса до послѣдней возможности. Вскорѣ, къ ужасу турокъ, палатки наши стали исчезать и замѣняться рядами землянокъ съ печами и прочими приспособленіями для зимовки [17]). Турки же, наоборотъ, терпѣли большой недостатокъ въ топливѣ, и попытка ихъ разобрать на дрова деревню Шорахъ была нами предупреждена: деревня предана пламени, хотя и находилась въ сферѣ непріятельскаго артилерійскаго огня. Деревянныя строенія въ Карсѣ вскорѣ были разобраны; но не помогло и это, потому что холода были страшные. О голодѣ нечего и говорить: въ то время, какъ наши войска просто блаженствовали, гарнизонъ крѣпости терпѣлъ недостатокъ во всемъ. Но онъ держался еще два мѣсяца, и когда запасы его истощились, сталъ питаться мясомъ полуживыхъ лошадей. Турки обнаружили въ эту достопамятную осаду изумительную покорность и выносливость. Дезертировъ почти не было, хотя голодъ дошелъ до того, что часовые очень часто умирали на постахъ отъ истощенія. Наконецъ, положеніе гарнизона сдѣлалось поистинѣ безвыходнымъ. Капитуляція стала необходимостью, и 15-го ноября самъ Вильямсъ явился къ генералу Муравьеву и, „во имя человѣколюбія“, повергъ судьбу крѣпости великодушію главнокомандующаго.

Насталъ высокоторжественный для насъ день сдачи крѣпости. Въ 8 часовъ утра, 16-го ноября, войска заняли указанныя имъ мѣста около Карсъ-чая, въ окрестностяхъ раззореннаго селенія Кюмбетъ. Около 12-ти часовъ, изъ Карса начали выходить остатки недавней еще грозной тридцатитысячной анатолійской арміи. Сложивъ оружіе и знамена, турки предстали передъ нашими войсками военноплѣнными [18]). Продолжительное и неумолкаемое „ура“ потрясло собою воздухъ на далекое пространство. Карсъ былъ занятъ нашимъ гарнизономъ, и утро 17-го ноября озарило на его цитадели русскій флагъ, поднятый при громѣ 101-го пушечнаго выстрѣла. Намъ было сдано 130 исправныхъ мѣдныхъ орудій, до 30 тысячъ отличныхъ французскихъ ружей и штуцеровъ, 12 полковыхъ и 18 другихъ знаменъ, масса боевыхъ запасовъ и всякаго военнаго имущества. Для приведенія въ извѣстность всего этого была наряжена коммисія изъ нѣсколькихъ артилерійскихъ офицеровъ, одного инженера и двухъ офицеровъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона—штабсъ-капитана Грессера и поручика

[17]) Изъ землянокъ образовался черезъ двѣ недѣли городокъ, названный генераломъ Муравьевымъ „Владикарсъ“, имѣвшій магазины, лавки и даже кондитерскія. Теплыя шубы и обувь можно было получать по ничтожной цѣнѣ. Въ концѣ октября было открыто отсюда почтовое сообщеніе съ Александрополемъ. Въ особенности хорошо обставлены были помѣщенія гомборцевъ. 2-го ноября, посѣтивъ ихъ, главнокомандующій остался ими весьма доволенъ и выразилъ командиру баталіона благодарность. Но полковникъ Фрейгангъ отнесъ эту благодарность къ маіору Новицкому 1-му, такъ какъ постройка бараковъ была начата до вступленія его въ командованіе баталіономъ. (Приказъ 2-го ноября 1855 года № 306).

[18]) Паденіемъ Карса анатолійская армія была уничтожена. Изъ 30,000 человѣкъ было разновременно взято въ плѣнъ, до сдачи Карса, около 2000; 3000 успѣли выбраться изъ крѣпости во время блокады; болѣе 8000 погибло въ бою, отъ заразы и голода. Сдались военноплѣнными: муширъ Васифъ-паша съ штабомъ, десять пашей, англійскій коммисаръ Вильямсъ съ своимъ штабомъ и около 15 тыс. человѣкъ. Наконецъ, до 2000 больныхъ оставлено въ карсскомъ госпиталѣ.

Ильяшенко. Коммисія выполнила свою задачу блистательно и удостоилась благодарности [19]).

Главнокомандующій употребилъ всѣ мѣры, чтобы облегчить участь плѣнныхъ турокъ. Между прочимъ онъ распорядился, чтобы паши были приняты частными начальниками, и вслѣдствіе этого у полковника Фрейганга гостилъ нѣсколько дней начальникъ арабистанскихъ войскъ Гусейнъ-паша. Изъ словъ его полковникъ Фрейгангъ могъ заключить, что турки совсѣмъ не враждебно относились къ намъ, а, напротивъ, французовъ и англичанъ ненавидѣли. Разставаясь съ Гусейнъ-пашею большими друзьями, полковникъ Фрейгангъ снабдилъ его разными вещами, необходимыми для дороги; съ своей стороны паша подарилъ ему превосходнаго арабскаго жеребца.

Въ концѣ ноября начался роспускъ отряда. Стрѣлковый баталіонъ выступилъ изъ Владикарса 28-го числа. Въ день дневки его въ Александрополѣ, пріѣхалъ генералъ Муравьевъ и былъ встрѣченъ торжественно. Когда къ нему собрались всѣ начальники частей, онъ обратился къ полковнику Фрейгангу съ вопросомъ: „куда идете съ баталіономъ“?—Домой в. в. пр., отвѣчалъ тотъ. „Какъ домой? У солдата нѣтъ дома; гдѣ знамя—тамъ и домъ“. Выступая изъ Александрополя, баталіонъ, по приказанію главнокомандующаго, взялъ съ собою 200 военноплѣнныхъ для препровожденія въ Тифлисъ. Маршрутъ былъ данъ не по почтовому тракту черезъ делижанское ущелье, а по духоборскимъ деревнямъ на Цалку, Мокрыя горы и Манглисъ.

„Двухнедѣльный походъ этотъ—говоритъ Фрейгангъ—былъ достойнымъ окончаніемъ всѣхъ трудовъ и подвиговъ, перенесенныхъ во время войны. Зима стояла холодная, снѣжная. Люди должны были сами прокладывать себѣ путь по глубокому снѣгу, а переходы случались большіе. На Цалкѣ непредвидѣнный случай поставилъ меня въ большое затрудненіе: ночью поднялась буря съ мятелью, и утромъ жители заявили, что въ такую погоду немыслимо пуститься черезъ Мокрыя горы. Между тѣмъ, для уменьшенія обоза и облегченія людей, сухари были взяты въ обрѣзъ до Манглиса. Я помогъ этому горю, приказавъ уменьшить дачу сухарей и замѣнивъ ихъ ½ фунтомъ мяса на человѣка“.

Черезъ три дня погода установилась, и баталіонъ двинулся дальше. Запасшись въ Манглисѣ сухарями и переночевавъ на Коджорахъ въ холодныхъ домахъ дачевладѣльцевъ, баталіонъ 13-го декабря спустился въ Тифлисъ. „Здѣсь мы сдали плѣнныхъ турокъ, съ которыми въ походѣ было иногда порядочно хлопотъ. Плохо одѣтые, большею частью слабые, многіе приняты нами прямо изъ госпиталя, и только благодаря заботамъ о нихъ нашего офицера Ильяшенко, прибыли благополучно. Бѣдняки не хотѣли разставаться съ стрѣлками, которые во все время также относились къ нимъ чрезвычайно сочувственно. Еще два перехода—и баталіонъ 16-го декабря прибылъ въ Гомборы, свою штабъ-квартиру“.

Паденіе Карса чрезвычайно ускорило дипломатическіе переговоры. Войнѣ поставленъ конецъ, и Россія, на основаніи парижскаго трактата, вернула Турціи Карсъ. „Но кровь кавказскихъ воиновъ, говоритъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей того времени, не безъ пользы была пролита въ Малой Азіи для доро-

[19]) Приказъ по корпусу 25-го января 1856 года № 60.

гой отчизны нашей. Противъ неудачъ нашихъ на Дунаѣ и въ Крыму однѣ только трехлѣтнія побѣды наши въ азіатской Турціи могли быть поставлены на вѣсы на парижскомъ конгрессѣ—на конгрессѣ, гдѣ такъ страдала вѣковая военная и народная гордость Россіи“ [20]). Сверхъ того, побѣды эти создали всемірную боевую славу кавказскаго корпуса и его безсмертныхъ героевъ, изъ сонма коихъ выдѣляется окруженный особенно яркимъ ореоломъ величавый образъ князя Василія Осиповича Бебутова. Сдача Карса прославила также генерала Муравьева, настаивавшаго, вопреки всеобщему мнѣнію, на продолженіи блокады. Но нельзя достаточно изумляться беззавѣтному героизму руководимыхъ этими вождями войскъ, перенесшихъ столько трудовъ и потерь особенно при штурмѣ Карса.

Что касается собственно гомборцевъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что хотя въ штурмѣ 17-го сентября участвовалъ весь баталіонъ, но тяжело пострадали только 1-я и 2-я роты, чины которыхъ получили слѣдующія награды: командиръ 1-й роты капитанъ Каменскій—слѣдующій чинъ, командиръ 2-й роты капитанъ Геннингъ 2-й—орденъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, капитанъ Максимовъ—орденъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, поручикъ Грессеръ, какъ уже сказано—слѣдующій чинъ; подпоручики: Аткинсонъ—слѣдующій чинъ, Тальгренъ и прапорщикъ Новиковъ—ордена св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“; нижніе чины: фельдфебель Леонтій Тимофеевъ, юнкеръ Александръ Бейеръ, унтеръ-офицеры—Константинъ Лупуловъ, Михаилъ Вартиковъ, Давидъ Чхендзе и Максимъ Лазаревъ были произведены въ прапорщики, съ переводомъ въ другія части, за исключеніемъ одного Бейера, произведеннаго въ баталіонъ. Нижнимъ чинамъ пожаловано шестнадцать знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія, одна пенсія на знакъ отличія, одинъ единовременный полугодовой окладъ жалованья, а всѣмъ участникамъ вообще, въ числѣ 638 стрѣлковъ—по одному рублю серебромъ на человѣка [21]).

По окончаніи турецкой войны 13-я и 18-я пѣх. дивизіи были оставлены на Кавказѣ для окончательнаго покоренія горскихъ племенъ по проектамъ кн. А. И. Барятинскаго и Д. А. Милютина (впослѣдствіи военнаго министра). По мысли этихъ же лицъ въ самомъ началѣ 1856 года послѣдовало преобразованіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса и военно-административныхъ учрежденій края, причемъ упрощено управленіе частями Кавказской линіи и произведено болѣе цѣлесообразное распредѣленіе полковъ по дивизіямъ. Тифлисскій и Мингрельскій полки, будучи названы гренадерскими, исключены изъ 21-й п. дивизіи и присоединены, въ видѣ 2-й бригады, къ кавказской гренадерской. Это соединеніе образовало кавказскую гренадерскую дивизію. Въ полкахъ были сформированы стрѣлковыя роты, по одной въ

---

[20]) Кавк. Сб. т. 1 стр. 368.

[21]) Кресты получили: унтеръ-офицеры—Филиппъ Трифоновъ, Никифоръ Новицкій; рядовые—Иванъ Целищевъ, Климъ Климовъ, Иванъ Васильевъ, Иванъ Любчиковъ, Осипъ Валиковъ, Игнатій Тюхтѣевъ, Иванъ Борисовъ, Степанъ Мамонтовъ, Иванъ Дмитренко, Алексѣй Соловьевъ, Яковъ Осиповъ, Герасимъ Макѣевъ, Иванъ Афанасьевъ, Антонъ Сохранычъ. Адріанъ Семеновъ награжденъ второю третью пенсіи на знакъ отличія военнаго ордена. Фельдшеръ Петръ Замятинъ, „находившійся при двухъ ротахъ 1-го полубаталіона и все время подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ перевязывавшій раны стрѣлкамъ“, награжденъ полугодовымъ окладомъ жалованья. (Дѣло особ. отд. 1855 года № 136).

каждомъ баталіонѣ, и вооружены литтихскими штуцерами. Къ каждой дивизіи причислены вновь сформированные по одному стрѣлковому баталіону и по одному драгунскому полку, а относительно кавказскаго стрѣлковаго баталіона военный министръ писалъ главнокомандующему: „нынѣшній кавказскій стрѣлковый баталіонъ переименованъ въ гренадерскій кавказскій стрѣлковый баталіонъ, полагая оный при кавказской гренадерской дивизіи, предположенной къ сформированію, а для 19-й, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій сформировать вновь три стрѣлковыхъ баталіона“ [22]).

Но важнѣе всего то, что взглядъ на кавказскую войну радикально измѣнился, и князь Барятинскій, готовившійся вступить на постъ намѣстника, высказался такъ: „прочность завоеванія каждаго великаго народа зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: хорошей системы военныхъ дѣйствій и мудрой политики въ управленіи страною. Менѣе всего можно устрашить войною людей, которые отъ колыбели привыкли къ ней и въ ней же видятъ себѣ славу и честь; слѣдовательно, нужно, чтобы къ завоеванію оружіемъ пришла на помощь цивилизація и торговля. Непримиримая ожесточенная борьба возникаетъ только тогда, когда существуетъ убѣжденіе, что цѣль завоевателя есть уничтоженіе вѣры, обычаевъ и правъ собственности“. Продолжая въ такомъ же духѣ, князь Барятинскій замѣчаетъ: „до сихъ поръ отношенія наши къ непокорнымъ племенамъ, а также система управленія и войны, такъ часто мѣнялись, что не только непріятель, но даже большею частью лица, составляющія управленіе, не знаютъ хорошо, чего держаться“.

Реформы коснулись и умственнаго образованія въ войскахъ. „Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію“, гласилось въ манифестѣ объ окончаніи войны. Съ приходомъ въ штабъ-квартиру стрѣлковый баталіонъ не скоро могъ приняться за учебныя занятія, потому что предстояло много хозяйственныхъ заботъ. „Одежда, оружіе, обозъ, все требовало—говоритъ Фрейгангъ—тщательнаго осмотра и освѣженія, тѣмъ болѣе, что къ веснѣ снова предстоялъ походъ. Только извѣстіе о заключеніи парижскаго мира доставило возможность дѣйствовать и работать не суетясь“. Усердно занялся своимъ дѣломъ и вольнонаемный оружейный мастеръ Швангейзеръ [23]). Управившись нѣсколько съ хозяйственными нуждами, полковникъ Фрейгангъ обратилъ вниманіе на строевое образованіе. 2-го февраля 1856 года онъ сформировалъ навремя учебную команду, установивъ въ ней ежедневныя занятія до и послѣ обѣда, и приказалъ начальнику ея подпоручику Тальгрену особенно заняться ружейными пріемами, чтобы на баталіонномъ ученіи не производить ихъ разнообразно [24]). Но, конечно, далеко не одни ружейные пріемы составляли предметъ попеченія Александра Васильевича. „Командуя кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ полгода слишкомъ—говорилось въ приказѣ по баталіону—я убѣдился, что всѣ чины онаго исполняютъ долгъ службы и обязанности, и я только могу благодарить всѣхъ за стараніе. Инспекторскій смотръ, произведенный 30-го

---

[22]) Отзывъ военнаго министра главнокомандующему 2-го апрѣля 1856 года № 4244.

[23]) Уроженецъ Штральзунда, Швангейзеръ служилъ въ баталіонѣ со дня его сформированія и умеръ въ 1859 году. „Мы всѣ очень жалѣли о немъ“, говоритъ въ своихъ запискахъ генералъ Фрейгангъ. Только въ стрѣлковыхъ баталіонахъ имѣлись тогда вольнонаемные оружейные мастера, преимущественно нѣмцы.

[24]) Приказъ по баталіону 2-го февраля 1856 г. № 33.

апрѣля, доказалъ однако, что намъ остается желать еще многаго для доведенія себя до такой степени, на которой долженъ стоять стрѣлковый баталіонъ, какъ избранное и отборное войско“ [25]). Далѣе слѣдуютъ указанія, обнимающія всѣ отрасли хозяйственнаго и строеваго управленія и въ особенности стрѣлковаго образованія баталіона, и эти указанія къ инспекторскому смотру 1-го сентября дали ожидаемые плоды, за что Фрейгангъ объявилъ ротнымъ командирамъ „искреннюю благодарность“ [26]).

Изъ событій мирной жизни баталіона въ 1856 году выдаются два: торжество по случаю освященія георгіевскаго знамени и посѣщеніе штабъ-квартиры стрѣлковъ новымъ намѣстникомъ и командующимъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ, прибывшимъ въ край въ половинѣ октября 1856 года. Получивъ заблаговременно предписаніе объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, полковникъ Фрейгангъ назначилъ въ почетный караулъ лучшую по фронту 2-ю роту капитана Геннинга, со знаменемъ. 2-го ноября, въ 2 часа пополудни, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, подъѣхалъ къ дому командира баталіона, принялъ почетный караулъ при кликахъ „ура“, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ и познакомился съ офицерами, которыхъ представилъ ему полковникъ Фрейгангъ. Затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ кавалеровъ, имѣвшихъ по три знака отличія военнаго ордена, и надѣлъ имъ вновь установленные золотые кресты; командиру же баталіона вручилъ медаль, учрежденную Государемъ Императоромъ за войну 1853—56 годовъ. Посѣтивъ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ съ крестомъ, князь Барятинскій возвратился къ полковнику Фрейгангу и удостоилъ принять его приглашеніе на обѣдъ. Кромѣ него, у Александра Васильевича въ этотъ день обѣдали: князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, баронъ Вревскій (вновь назначенный начальникомъ лезгинской линіи), генералъ Индреіусъ, графъ Соллогубъ, Рихтеръ и др. Въ 6 часовъ пополудни кн. Барятинскій выѣхалъ въ Тифлисъ, обворожив гомборцевъ своею привѣтливостью. На слѣдующій день послѣдовалъ приказъ о вступленіи князя Барятинскаго въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, который онъ принялъ отъ князя В. О. Бебутова, временно управлявшаго краемъ и командовавшаго войсками [27]). Вслѣдъ за этимъ онъ немедленно же принялся, при содѣйствіи своего даровитаго начальника штаба Д. А. Милютина, за преобразованія. Касательно гомборцевъ имѣлись пока неофиціальныя свѣдѣнія; зная, что предположено довести численность ихъ до 1000 человѣкъ, полковникъ Фрейгангъ нѣсколько разъ запрашивалъ, скоро-ли прибудутъ 400 человѣкъ на укомплектованіе баталіона, дабы приготовить имъ помѣщенія до осени, но только 13-го декабря 1856 года послѣдовалъ приказъ по корпусу о переименованіи и переформированіи стрѣлковаго баталіона. Въ этомъ приказѣ было выражено слѣдующее:

„Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) кавказскій стрѣлковый баталіонъ привести въ тысячный составъ и затѣмъ строить оный въ три шеренги, согласно съ уставомъ о строевой пѣхотной службѣ.

---

[25]) Приказъ по баталіону 4-го мая 1855 г. № 125.

[26]) Приказъ по баталіону 11-го сентября 1855 г. № 255.

[27]) Приказъ по корпусу 3-го ноября 1856 г. № 645.

2) Переименовать этотъ баталіонъ въ *гренадерскій кавказскій стрѣлковый баталіонъ*, полагая оный при кавказской гренадерской дивизіи, а для 19, 20 и 21 пѣхотныхъ дивизій сформировать вновь три стрѣлковыхъ баталіона. 3) Для каждаго изъ этихъ четырехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ имѣть въ мирное время по одной резервной ротѣ, въ составѣ сводnаго резервнаго стрѣлковаго баталіона, при резервной дивизіи кавказскаго корпуса. 4) Для сформированія трехъ дѣйствующихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ кавказскаго корпуса и четырехъ резервныхъ ротъ выбрать способныхъ въ стрѣлки людей изъ полковъ и резервной дивизіи этого корпуса".

Объявляя объ этомъ, князь Барятинскій, съ своей стороны, прибавилъ: „5) какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, избрать изъ извѣстныхъ по своему усердію къ службѣ и хорошей нравственности, а также способныхъ къ стрѣлковой службѣ, и послѣднихъ особенно искусныхъ въ мѣткой стрѣльбѣ, имѣя въ виду, что несообразное съ этимъ назначеніе кого бы то ни было падетъ на отвѣтственность начальниковъ, которымъ предоставленъ выборъ означенныхъ чиновъ, и на счетъ которыхъ несоотвѣтствующіе стрѣлковой службѣ будутъ возвращены въ тѣ полки, изъ коихъ назначены" [28]).

Вмѣстѣ съ переименованіемъ баталіона въ кавказскій гренадерскій стрѣлковый было приказано: „на малиновыхъ плечевыхъ погонахъ у нижнихъ чиновъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона должно имѣть просѣченныя на желтомъ сукнѣ курсивныя литеры К. Г. [29]).

По новому штату полагалось въ баталіонѣ: 2 штабъ-офицера, 23 оберъ-офицера, 86 унтеръ-офицеровъ, 920 рядовыхъ и 43 нестроевыхъ обозныхъ рядовыхъ. Согласно этому штату, баталіонъ началъ комплектоваться лишь въ началѣ 1857 года лучшими нижними чинами изъ кавказской гренадерской дивизіи. Три офицера, назначенные приказомъ по корпусу отъ Эриванскаго, Тифлисскаго и Мингрельскаго полковъ, были, по просьбѣ полковника Фрейганга, отставлены, такъ какъ въ это время въ баталіонѣ было своихъ четыре сверхкомплектныхъ офицера [30]). Недостающее въ баталіонѣ для вновь прибывающихъ чиновъ оружіе было пополнено литтихскими штуцерами изъ карабинернаго полка, взамѣнъ коихъ карабинерамъ выданы были турецкіе штуцера [31]).

Одновременно съ переформированіемъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона формировались 19-й, 20-й и 21-й стрѣлковые (нынѣ 2-й, 3-й и 4-й). Кадры ихъ составлены были изъ чиновъ старыхъ прославленныхъ кавказскихъ полковъ, которые однако довольно долго еще нуждались въ развитіи и упроченіи своего спеціальнаго образованія, чтобы вполнѣ отвѣчать своему новому назначенію. Одной перемѣны образца оружія очевидно далеко не могло быть достаточно. Прошло, напримѣръ, въ 19-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ болѣе полутора года со дня его сформированія, когда командиръ его вынужденъ былъ донести: „для обученія людей всѣмъ правиламъ стрѣлковой службы я не имѣю никакихъ ни учителей, ни знающихъ чиновниковъ, а потому необходимо выслать въ баталіонъ изъ гренадерскаго стрѣл-

---

[28]) Приказъ по кавказскому отдѣльному корпусу 13-го декабря 1856 года № 722.
[29]) Приказъ по воен. вѣдом. 17-го декабря 1856 года № 300.
[30]) Отношеніе начальника гренадерской дивизіи 5-го апрѣля 1857 года № 1147.
[31]) Дѣло по дежурству 1 отд., 2 стола, 1856 года № 370.

коваго баталіона для успѣшнѣйшаго образованія людей ввѣреннаго мнѣ баталіона хотя двухъ унтеръ-офицеровъ и столько же рядовыхъ, знающихъ хорошо всѣ правила, какъ обращенія съ оружіемъ, такъ равно и приготовленія патроновъ, и всѣ правила стрѣльбы въ цѣль“ [32]). Число подобныхъ ходатайствъ росло все болѣе и болѣе; при невозможности удовлетворить ихъ всѣ, изъ Гомборъ то и дѣло посылались письменныя разъясненія касательно стрѣлковаго образованія и правилъ обращенія съ новымъ оружіемъ. Такимъ образомъ, гомборцы въ какія нибудь десять лѣтъ пріобрѣли славу лучшей боевой части и сдѣлались образцами и руководителями для послѣдующихъ нашихъ стрѣлковыхъ частей.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что въ то время, какъ кавказскія войска усиливались и вооружались лучшимъ оружіемъ, положеніе Шамиля все болѣе и болѣе ухудшалось. Наши успѣхи въ Анатоліи подорвали всѣ надежды имама на будущее; да и окружающіе „владыки горъ“ начали понемногу сомнѣваться въ его звѣздѣ и охладѣвать къ нему. Такимъ настроеніемъ горцевъ поспѣшилъ воспользоваться князь Барятинскій и принялся за дѣло съ перваго же дня своего прибытія на Кавказъ.

XIV.

1857 годъ. Новая система дѣйствій. Участіе трехъ ротъ стрѣлковаго гренадерскаго баталіона въ лезгинской экспедиціи. Выдающееся участіе стрѣлковъ въ разгромленіи ауловъ дидойскаго общества: Хупро, Хитрахо и др. Знаменитый штурмъ 4-й роты при отступленіи отряда изъ дидойскаго общества. Роспускъ отряда. Результаты экспедиціи. Награды. Тушины и стрѣлки. Внутренній бытъ въ штабъ-квартирѣ.

Располагая достаточнымъ количествомъ войскъ и средствъ, князь Барятинскій рѣшилъ охватить отрядами восточный Кавказъ въ кольцо и, стѣсняя его все болѣе и болѣе, концентрически и постепенно, однимъ ударомъ покончить съ самымъ центромъ сопротивленія. Согласно этому рѣшенію три сильныхъ отряда должны были оперировать противъ этого края съ трехъ сторонъ одновременно; съ сѣвера—чеченскій генерала Евдокимова; съ востока—дагестанскій—генерала барона Врангеля; съ запада же—лезгинскій генерала барона Вревскаго. Ближайшія цѣли этихъ отрядовъ должны были состоять въ уничтоженіи, на своемъ пути, всего, что могло хоть сколько нибудь поддержать существованіе горцевъ, и въ нанесеніи имъ ударовъ, отъ которыхъ они могли бы оправиться уже не иначе какъ подъ нашимъ покровительствомъ. Прежніе набѣги „въ глубину горъ“ должны были уступить мѣсто систематическому истребленію ауловъ, продовольственныхъ запасовъ и посѣвовъ, такъ какъ только отнятіемъ у горцевъ пищи и крова можно было ослабить тотъ религіозный фанатизмъ, который такъ долго поддерживалъ ихъ въ борьбѣ съ нами. Такая система дѣйствій нашла свое оправданіе въ томъ, что въ три года (1857—1859) дала въ результатѣ окончательное покореніе восточнаго Кавказа. Въ этотъ періодъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ дѣйствовалъ исключительно въ составѣ гренадерской дивизіи, въ лезгинскомъ отрядѣ, куда высылалъ по три роты;

[32]) Докладная записка командира баталіона 14-го мая 1857 г. № 273.

на прочихъ же театрахъ войны участвовали, съ своими дивизіями, остальные стрѣлковые баталіоны. Участіе стрѣлковъ гренадеръ въ экспедиціяхъ лезгинскаго отряда въ этотъ періодъ ознаменовано длиннымъ рядомъ выходящихъ изъ ряда подвиговъ, которыми они изумляли даже современныя имъ кавказскія войска уже не какъ стрѣлки только, а какъ воины, которые расчищаютъ отрядамъ путь къ побѣдѣ главнымъ образомъ штыками. Не смотря на введеніе въ полкахъ нарѣзнаго оружія и появленіе стрѣлковыхъ баталіоновъ, гомборцы продолжаютъ и далѣе приковывать къ себѣ вниманіе высшаго начальства; ходатайства о назначеніи ихъ въ другіе отряды поступаютъ въ штабъ почти также настойчиво, какъ и прежде. Но по доводамъ барона Вревскаго рѣшено было оставить ихъ въ лезгинскомъ отрядѣ, долженствовавшемъ оперировать на театрѣ чрезвычайно пересѣченномъ, представлявшемъ нескончаемый рядъ мрачнѣйшихъ трущобъ южнаго Дагестана.

Разрушительнымъ операціямъ нашихъ войскъ должны были предшествовать проложеніе дорогъ и вырубка просѣкъ. Лезгинскому отряду предстояло прежде всего расширить старыя просѣки и проложить новыя на кахетинской равнинѣ отъ Закаталъ до сел. Сабун, чтобы этимъ обезопасить сообщеніе по всей линіи, а въ особенности у лѣсистаго подножія главнаго хребта, а также всѣ пути, ведущіе отъ этой линіи къ р. Алазани. Задача эта исключала всякую нужду въ стрѣлкахъ, поэтому въ зимнихъ дѣйствіяхъ войскъ на лезгинской кордонной линіи гомборцы не принимали никакого участія. Для лѣтней же экспедиціи, цѣлью которой было усиленное движеніе въ горы, подробная рекогносцировка мѣстности, исправленіе старыхъ и постройка новыхъ укрѣпленій, отрядъ началъ собираться съ середины апрѣля. Въ составъ его вошли 9 баталіоновъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ, 9 горныхъ орудій, 1 мортира, 9 сотенъ пѣшей и конной милиціи и 3-я и 4-я роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, выступившія изъ Гомборъ 11-го апрѣля. Сборнымъ пунктомъ дѣйствующаго отряда служила позиція у подошвы горы Кодоры.

Такъ какъ въ концѣ іюня весь лезгинскій отрядъ былъ уже въ сборѣ, а работы по проложенію дорогъ отъ Закаталъ на Гонзогоръ и отъ Каратубани на Химрикъ были окончены, то генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій, раздѣливъ отрядъ на двѣ колонны, направилъ одну изъ нихъ, передовую, въ пять баталіоновъ пѣхоты и двѣ роты гомборцевъ, подъ командою полковника князя Шаликова, черезъ горную Тушетію къ границамъ общества Дидо. Хотя это раздѣленіе было вынуждено неимѣніемъ достаточнаго количества вьючныхъ лошадей, но колонна Шаликова могла и должна была отвлечь остальныя общества отъ содѣйствія дидойцамъ и способсвовать безпрепятственному движенію главныхъ силъ, а потомъ присоединиться къ нимъ въ глубинѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ отряда вытребовалъ еще одну (первую) роту стрѣлковъ, съ прибытіемъ которой общее число всѣхъ чиновъ въ трехъ ротахъ заключалось въ 12-ти оберъ-офицерахъ, 49 унтеръ-офицерахъ и 551 рядовомъ.

Кратчайшій путь въ Дидо лежалъ черезъ гору Кодору, возвышающуюся на 7500 футовъ надъ уровнемъ моря. Разработавъ дорогу къ этой возвышенности лишь на столько, что по ней можно было двигаться не иначе, какъ по два человѣка въ рядъ, главныя силы двинулись 6-го іюля на Кодору. Прослѣдовавъ затѣмъ далѣе черезъ гору большую Андаразань и преодолѣвъ множество за-

трудненій, онѣ вступили, наконецъ, въ предѣлы дидойскаго общества и 11-го числа сосредоточились на урочищѣ Хуприсъ-тави, сдѣлавшемся съ этой минуты временнымъ базисомъ нашихъ операцій. Оставивъ отрядъ устраиваться на позиціи, баронъ Вревскій произвелъ рекогносцировку и, убѣдившись, что для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Дидо необходимо проложить дорогу въ селеніе Хупро черезъ лѣсистый гребень, дававшій лезгинамъ большія удобства для обороны, послалъ для этого на другой день особую колонну съ двумя ротами гомборцевъ [1]), подъ командою полковника де-Саже. Непріятель въ значительныхъ силахъ занялъ лѣсъ, устроенные имъ въ двухъ мѣстахъ завалы и на командующей высотѣ деревянный блокгаузъ. Выдвинувъ впередъ гомборцевъ и горныя орудія, начальникъ отряда приказалъ имъ усиленно обстрѣливать расположеніе лезгинъ. Послѣ непродолжительной канонады онъ двинулъ въ атаку конную сотню тушинъ, двѣ сотни Грузинской пѣшей Дружины и 1-й баталіонъ эриванцевъ, прогналъ лезгинъ и овладѣлъ устроенными ими двумя завалами и деревяннымъ блокгаузомъ. Пѣхота занялась проложеніемъ дороги, а тушины, погнавъ непріятеля, достигли селенія Хупро и подожгли въ немъ нѣсколько передовыхъ сакль. Не желая въ этотъ день разворять аулъ, баронъ Вревскій поспѣшно отозвалъ оттуда тушинъ, оттянулъ эриванцевъ и, приказавъ стрѣлкамъ разсыпаться въ цѣпь, приступилъ также къ рубкѣ лѣса, срытію заваловъ и блокгауза. Лезгины, полагая, что отрядъ отступаетъ, приготовились его преслѣдовать и, выдвинувшись впередъ сильною партіею, выставили четыре значка. Давъ имъ окончательно сосредоточиться, баронъ Вревскій двинулъ на нихъ съ фронта пѣхоту, а тушинъ направилъ имъ во флангъ. Партія живо была отброшена, смята и едва успѣла подобрать тѣла убитыхъ, оставивъ однако въ нашихъ рукахъ пятисотенный наибскій значокъ. Потерпѣвъ такое пораженіе, лезгины не осмѣливались болѣе приближаться, а засѣвъ въ глубокомъ лѣсистомъ оврагѣ, ограничились одною перестрѣлкою. Особенно удачно дѣйствовали они противъ нашей лѣвой цѣпи, передъ которою мѣстность особенно благопріятствовала имъ. Гомборцы, занимавшіе лѣвую цѣпь, при всемъ своемъ искусствѣ примѣняться къ мѣстности, не избѣгли потерь и въ непродолжительномъ времени лишились трехъ человѣкъ ранеными—что составляло большой процентъ въ общей потерѣ отряда, простиравшейся до 20 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ. Когда же пришлось отступать, цѣпь, лежавшая на окраинѣ лѣсистаго оврага, не могла даже поднять головы, такъ какъ лезгины били ее съ деревьевъ на выборъ и вполнѣ безнаказанно. Вслѣдствіе этого изъ артилеристовъ были вызваны охотники, которые, въ числѣ трехъ человѣкъ горной № 1-го батареи, съ самоотверженіемъ спустились въ оврагъ и выгнали изъ него непріятеля ручными гранатами. Послѣ этого цѣпь поднялась на ноги—и колонна двинулась назадъ, имѣя въ арріергардѣ роту кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. Едва только лезгины замѣтили отступленіе войскъ, какъ накинулись на нихъ со всѣхъ сторонъ; пришлось отступать перекатными цѣпями. Прежде всего они стали напирать на тылъ, гдѣ шли гомборцы—„и тутъ-то—пишетъ участникъ и очевидецъ—штуцерныя пули дали понять горцамъ, что всякое приближеніе менѣе тысячи шаговъ

[1]) 1-й и 3-й баталіоны Эриванскаго, 4-й Мингрельскаго полковъ, двѣ роты стрѣлковъ, по взводу орудій горныхъ №№ 1 и 3 батарей, команда саперъ, двѣ сотни Грузинской пѣшей Дружины и сотня тушинъ.

невозможно. Эти штуцера во все остальное время экспедиции были для нихъ предметомъ ужаса и единственнымъ въ своемъ родѣ барьеромъ, ограждавшимъ наше отступленіе“ [2]). Отхлынувъ отъ арріергарда, горцы съ удвоенною дерзостью насѣли на боковыя цѣпи. Когда же отрядъ вышелъ „изъ черты преслѣдованія на мѣстность болѣе или менѣе открытую, они еще разъ вздумали постращать стрѣлковъ ружейнымъ огнемъ. Вокругъ значконосца, на небольшомъ курганѣ, собралось до полутора десятка джигитовъ, которые открыли учащенную стрѣльбу. Тогда одинъ изъ стрѣлковъ снялъ съ пояса сошки, утвердилъ ихъ на землѣ, установилъ на нихъ штуцеръ— и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ — и значконосецъ въ буркѣ полетѣлъ съ кургана кубаремъ. Затѣмъ войска безпрепятственно вернулись въ лагерь, гдѣ въ первый разъ послѣ полуторы недѣли ихъ ожидала въ пору уварившаяся кашица“ [3]).

На слѣдующій день, отправивъ раненыхъ на плоскость въ сел. Пшавели, баронъ Вревскій выслалъ небольшую колонну по вчерашнему направленію для рубки лѣса и разработки дороги къ Хупро, такъ какъ черезъ это селеніе лежалъ главный путь въ глубину дидойскаго общества. Столкновеній съ непріятелемъ не было. 13-го іюля для той же цѣли была выслана, подъ командою полковника Лагоды, колонна изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, роты гомборцевъ, дивизіона горной артилеріи и двухъ сотенъ милиціи. Горцы, догадавшись, повидимому, къ чему ведутъ наши ежедневныя появленія, а съ ними вмѣстѣ рубка лѣса и разработка дороги, принялись съ одной стороны мѣшать нашимъ рабочимъ всѣми способами, съ другой—очищать Хупро, увозя оттуда имущество и семейства. Перестрѣлка, въ началѣ весьма упорная, скоро начала ослабѣвать, такъ какъ мѣткія пули гомборцевъ живо образумили дидойцевъ, и колонна отдѣлалась однимъ убитымъ и пятью ранеными. Работы быстро подвигались впередъ, такъ что 14-го іюля всѣ спуски къ Хупро были разработаны, и горная артилерія могла подойти къ аулу на колесахъ. Теперь оставалось только напасть на аулъ и окончательно разворить его, но этого нельзя было предпринять на слѣдующій же день по причинѣ „выпавшаго большого снѣга и непроходимости дороги“. Погода вообще, и въ частности въ этотъ день, была отвратительна; она сопровождала до сихъ поръ почти всѣ дѣйствія войскъ, и самъ суровый начальникъ отряда не считалъ возможнымъ умолчать о ней въ своемъ донесеніи; онъ писалъ: „не смотря на постоянные почти дожди, снѣгъ, холода и непомѣрные труды, нижніе чины сохраняютъ духъ бодрый, свойственный русскому солдату“ [4]).

Съ разсвѣтомъ 15-го іюля, раздѣливъ отрядъ на два эшелона, баронъ Вревскій двинулъ ихъ на Хупро. Двѣ роты гомборцевъ были въ первомъ эшелонѣ [5]), а третья во второмъ [6]). Наступленіе по разработанной дорогѣ

---

[2]) „Кавказскій Сборникъ“, томъ I. стр. 405.

[3]) Тамъ же.

[4]) Рапортъ г.-л. барона Вревскаго 15-го іюля 1857 года № 420.

[5]) 1-й баталіонъ и двѣ роты 2-го баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, 2-й баталіонъ Тифлисскаго, 1-й и 4-й баталіоны Мингрельскаго гренадерскихъ полковъ, двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, четыре орудія горной № 1 батареи, 3 орудія горной № 3 батареи и вся милиція.

[6]) 1-й и 3-й баталіоны Эриванскаго полка, одна рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона и одно орудіе горной № 3 батареи.

до приближенія къ аулу на картечный выстрѣлъ совершилось почти безпрепятственно. Послѣ непродолжительной канонады, лезгины, бойко встрѣтившіе насъ изъ аула ружейнымъ огнемъ, были выбиты штыками. Вся потеря наша состояла въ трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Вслѣдствіе трудности дороги весь отрядъ успѣлъ сосредоточиться у Хупро только къ шести часамъ вечера, гдѣ и расположился ночевать на хлѣбахъ и покосахъ хупринцевъ. Высоты, окружавшія аулъ, были такъ удачно заняты нашими стрѣлками, что непріятель принужденъ былъ ограничиться только перестрѣлкою съ противуположныхъ лагерю горъ изъ длинныхъ крѣпостныхъ ружей; но эта стрѣльба, продолжавшаяся днемъ и ночью, не причинила намъ никакого вреда. Весь слѣдующій день былъ посвященъ истребленію хлѣбовъ, посѣвовъ аула и дальнѣйшему проложенію дороги. Къ вечеру аулъ Хупро исчезъ съ лица земли. Въ этотъ же день начальникъ отряда произвелъ рекогносцировку къ сел. Хойтло, чтобы опредѣлить возможность прямаго движенія отъ Хупро по ущелью къ сел. Цицмахо. Оказалось, что лезгины могли поставить намъ здѣсь серьезныя преграды, пользуясь лѣсными трущобами и чрезвычайною пересѣченностью дороги. Въ виду этого баронъ Вревскій рѣшилъ двинуться на Цендако черезъ аулъ Хитрахо. Это направленіе имѣло еще и ту выгоду, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, колонна князя Шаликова шла въ это время изъ горной Тушетіи на соединеніе съ главнымъ отрядомъ черезъ Цендако и, слѣдовательно, могла нѣкоторымъ образомъ отвлечь силы горцевъ. Но прежде чѣмъ достигнуть Цендако, необходимо было уничтожить Хитрахо—аулъ такой же сильный по мѣстоположенію какъ и Хупро и еще болѣе укрѣпленный въ фортификаціонномъ отношеніи.

Въ ночь на 18-е іюля, полковнику де-Саже, съ колонною изъ трехъ баталіоновъ, роты стрѣлковъ, четырехъ орудій и части милиціи, было приказано занять Хитрахо и разработать у себя въ тылу дорогу для облегченія наступленія главныхъ силъ. Такъ какъ весь успѣхъ этого предпріятія, въ виду малочисленности колонны, зависѣлъ отъ быстроты движенія и неожиданности нападенія, то полковникъ де-Саже поручилъ часть ввѣренной ему колонны, съ ротою гомборцевъ, полковнику Кононовичу и приказалъ ему захватить аулъ вполнѣ неожиданно. Приказаніе было исполнено во всей точности, и горцы, всецѣло поглощенные выслѣживаніемъ дѣйствій главныхъ силъ у Хупро, были застигнуты Кононовичемъ врасплохъ. Хотя они немедленно сбѣжались со всѣхъ сторонъ, осыпали колонну градомъ пуль и кинулись въ шашки, но „и здѣсь счастье имъ не послужило: стрѣлки, шедшіе въ арріергардѣ, съ ротнымъ командиромъ капитаномъ Максимовымъ во главѣ, встрѣтили ихъ бѣглымъ огнемъ, а затѣмъ моментально сплотились и ударили въ штыки. Масса враговъ отхлынула быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать при всей подвижности горцевъ“ [7]). Вскорѣ прибыли въ Хитрахо и остальныя части колонны полковника де-Саже, который тотчасъ же послѣ занятія аула приступилъ, согласно приказанію барона Вревскаго, къ разработкѣ дороги на Цендако. Чтобы помѣшать намъ въ этомъ, лезгины массами поспѣшили занимать окружающія высоты; но высланная противъ нихъ часть войскъ, подъ начальствомъ полковника Кононовича, и кстати показавшаяся колонна полковника князя Шаликова убѣдили ихъ оставить свое на-

[7]) „Кавказскій Сборникъ“, т. II, стр. 226.

мѣреніе. Аулъ Хитрахо былъ истребленъ дотла; богатые окрестные посѣвы его были также уничтожены при необыкновенномъ усердіи тушинъ, заклятыхъ враговъ лезгинъ.

Въ 8 часовъ утра, когда, по расчету барона Вревскаго, колонна полковника Кононовича должна была занять Хитрахо, началось отступленіе отъ Хупро главныхъ силъ къ нашему базису на Хуприсъ-тави. Горцы, подкрѣпленные наканунѣ двухтысячнымъ скопищемъ изъ разныхъ наибствъ Дагестана, бросились на отрядъ и атаковали арріергардъ. Но здѣсь была рота кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, благодаря штуцерамъ которой отрядъ отступилъ въ полномъ порядкѣ, лишившись всего одного оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ ранеными. Несмотря на жаркое преслѣдованіе, главныя силы успѣли къ полудню сосредоточиться на Хуприсъ-тави, такъ какъ дороги были хорошо разработаны. „Въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ еще разъ можно было убѣдиться—доносилъ баронъ Вревскій—въ пользѣ штуцеровъ и нарѣзныхъ ружей, дѣйствіе которыхъ постоянно удерживало непріятеля въ отдаленіи“. На другой день произведена разработка спусковъ на Хитрахо, и продолжалось устройство дороги на Цендако, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены ближайшіе хлѣба и посѣвы.

20-го іюля часть отряда [8]), съ ротою гомборскихъ стрѣлковъ, была двинута на Хитрахо и въ тотъ же день, поднявшись на Цендако, расположилась на урочищѣ Цыцмахосъ-тави, гдѣ къ ней присоединилась колонна князя Шаликова. Такимъ образомъ, войска почти безъ потерь совершили переправу черезъ глубокое лѣсистое ущелье, представлявшее непріятелю всѣ удобства для упорной обороны. Затѣмъ полковникъ де-Саже, имѣя въ своемъ распоряженіи $2^3/_4$ баталіона и роту гомборскихъ стрѣлковъ, двинулся къ ур. Мухасъ-Цыхе и приступилъ къ разработкѣ, отъ горы Кодоры въ Дидо, прямой дороги, которая сокращала движеніе отрядовъ на три перехода и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляла ихъ отъ ночлеговъ на главномъ водораздѣльномъ хребтѣ, гдѣ почти постоянно господствуетъ ненастье и совершенно не имѣется топлива.

21-го числа, когда полковникъ Кононовичъ, выступивъ съ транспортомъ изъ Хитрахо на Хуприсъ-тави, разворялъ окрестныя поля и посѣвы—другая колонна, въ составѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты, роты гомборскихъ стрѣлковъ, двухъ орудій и 6 сотенъ милиціи, подъ начальствомъ князя Челокаева, двинулась для истребленія ауловъ Халохо, Цыцмахо и Чиліахо съ ихъ богатыми полями. Будучи въ недоумѣніи относительно истиннаго намѣренія нашего, горцы держали всѣ свои скопища на высотахъ за незначительными рѣчками, протекавшими близъ Хупро и Асахо, за которыми въ лѣсахъ скрывались ихъ семейства. Первые два аула были заняты внезапно, преимущественно тушинами, при незначительномъ сопротивленіи. Не имѣя достаточно войскъ, чтобы ударить на лизгинъ, занимавшихъ ближайшія высоты, а также чтобы уничтожить поля обоихъ ауловъ, князь Челокаевъ до основанія разворилъ самые аулы съ ихъ запасами, а затѣмъ двинулся къ Чиліахо. Замѣтивъ это, горцы густыми толпами хлынули туда и, предупредивъ насъ, заняли аулъ. Послѣдній былъ укрѣпленъ башнями и расположенъ на крѣпкой позиціи, доступной лишь съ одной стороны по

[8]) 1-й баталіонъ Мингрельскаго, 1-й баталіонъ Грузинскаго полковъ, 1-я рота кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 4 орудія и часть милиціи.

узкому скалистому гребню. Подойдя на пушечный выстрѣлъ, князь Челокаевъ направилъ къ аулу два орудія, взводъ стрѣлковъ и 1-й баталіонъ Мингрельскаго гренадерскаго полка. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ удачныхъ выстрѣловъ, а въ особенности мѣткаго огня гомборцевъ, двѣ роты мингрельцевъ, имѣя впереди тушинъ, двинулись на штурмъ. Непріятель былъ выбитъ изъ аула и бѣжалъ, преслѣдуемый тушинами и оставивъ на мѣстѣ 30 тѣлъ и наибскій значокъ. За позднимъ временемъ истребленіе аула было отложено на слѣдующій день. Отступленіе колонны произошло безъ выстрѣла.

22-го іюля, три баталіона пѣхоты, рота гомборцевъ, три орудія и большая часть милиціи, подъ командою полковника Кононовича, уничтожили аулъ Ретло и докончили истребленіе Чиліахо, сравнивъ всѣ его башни съ землею. Горцы не только не сопротивлялись, но даже бросили неприступный аулъ Кемеши, который, вмѣстѣ съ окрестными полями, подвергся участи всѣхъ предыдущихъ. На слѣдующій день другая колонна, также съ участіемъ роты гомборцевъ, подъ командою полковника Лагоды, подступила къ Шопихо и Халахо. Они были найдены пустыми, но когда войска приступили къ ихъ разворенію, то лезгины, въ числѣ 2 тысячъ человѣкъ, занявъ противуположныя высоты, завязали изъ за заваловъ неумолкаемую перестрѣлку. Съ нашей стороны все дѣло ограничилось одними гомборцами, подъ покровительствомъ огня которыхъ войска окончательно разворили названные аулы, захвативъ мимоходомъ также и весьма небѣдный аулъ Хойтло съ его посѣвами. Войска возвратились въ лагерь безъ преслѣдованія. 24-го числа, уничтоживъ хутора съ ихъ посѣвами на хребтѣ Цендако, они двинулись на линію для отдыха и для пополненія боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ. 25-го іюля они прибыли къ подножію горы Лаи и отсюда двумя колоннами перешли—одна на малую Андаразань, а другая—черезъ лайскій постъ въ горную Тушетію. Этимъ закончился первый періодъ лѣтней экспедиціи лезгинскаго отряда. Общій характеръ этого періода очерченъ барономъ Вревскимъ слѣдующимъ образомъ: „войска почти мѣсяцъ были безъ отдыха, постоянно въ движеніи, въ бою или въ работѣ. Всѣ встрѣчи съ непріятелемъ были увѣнчаны рѣшительнымъ успѣхомъ. Одиннадцать многолюдныхъ селеній, съ прочными каменными постройками и всѣми ихъ хлѣбами, истреблены до основанія. Положеніе жителей съ наступленіемъ зимы должно быть самое бѣдственное: упадокъ духа горцевъ явно доказывается тѣмъ, что въ послѣдніе дни нашихъ дѣйствій, не смотря на выгоды мѣстности, они насъ вовсе не преслѣдовали. Просѣка отъ Хуприсъ-тави на Хупро и дорога отъ Кодоры къ Ори-Цхали, которая въ первыхъ числахъ августа должна быть окончена, откроютъ на будущее время легкій и безпрепятственный доступъ въ Дидо. Не смотря на непогоду и лишенія, больныхъ очень немного, и духъ войска возрастаетъ“ [9]).

Продовольственная часть отряда была въ крайне грустномъ состояніи вслѣдствіе непрерывныхъ движеній и затруднительности подвозить провіантъ, мундирную одежду и т. д. Баронъ Вревскій не любилъ баловать солдатъ, еще менѣе жалѣлъ онъ себя, но принужденъ былъ убѣдиться, что всему бываетъ предѣлъ; въ силу этого-то убѣжденія онъ и прервалъ дѣйствія лезгинскаго отряда. Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшее было еще впереди. Вся сѣверо-

[9]) Рапортъ 30-го іюля 1857 года № 438.

восточная часть дидойскаго общества, куда въ теченіе всей кавказской войны ни разу не заносилась русская нога, отличалась высокимъ благосостояніемъ. Опустошить этотъ богатѣйшій уголокъ значило поразить Дидо въ самое сердце. Полнымъ разореніемъ Дидо баронъ Вревскій расчитывалъ лишить средствъ къ существованію не только наиболѣе богатое общество въ горахъ, но и повліять этимъ на экономическое положеніе сосѣднихъ обществъ, которыя Дидо снабжало хлѣбомъ.

Въ то время, какъ войска отдыхали и приготовлялись къ второму періоду, г.-л. баронъ Вревскій совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ горы для осмотра дорогъ, пролегавшихъ въ тылъ дидойскому бществу и для рекогносцировки отрога главнаго хребта Мечитль, отдѣляющаго Дидо отъ Капучи. 7-го августа онъ сталъ стягивать войска на высоты Пахалисъ-тави „по тропамъ едва доступнымъ пѣшему человѣку“, и произвелъ рекогносцировку дидойскаго селенія Инухо; 8-го числа приступилъ къ разработкѣ дороги отъ малой къ большой Андаразани и отъ Кодоры къ хубіарскому озеру, а также продолжалъ проложеніе удобнаго сообщенія къ горной Тушетіи. Пользуясь продолжительнымъ перерывомъ нашихъ военныхъ дѣйствій, Шамиль прислалъ въ Дидо огромныя толпы изъ Чечни и Дагестана, съ четырмя орудіями и пятнадцатью пушками, подъ главнымъ начальствомъ своего сына Кази-Магомы.

Наступательныя дѣйствія отряда начались съ того, что онъ 16-го августа весь перешелъ на урочище Нинкосъ-Цыхе, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня авангардъ его, подъ командою полковника Кононовича, въ составѣ баталіона Тифлисскаго полка, роты стрѣлковъ и четырехъ сотенъ милиціи, двинулся налегкахъ по симурскому ущелью съ цѣлью занять гору Симуръ. Хотя горцы отлично понимали значеніе этой горы, составлявшей крайній южный пунктъ на границѣ дидойскаго общества, и вслѣдствіе этого укрѣпили ее двумя каменными башнями и завалами, но почему-то не приняли мѣръ къ надежному занятію ея и ограничились лишь тѣмъ, что поставили на ней одни наблюдательные посты. Наткнувшись на первую линію заваловъ, тифлисцы и гомборцы живо разбросали ихъ, потомъ перешли ко второй, третьей и, взобравшись на вершину, овладѣли башнями безъ всякой для насъ потери. „Движеніе было такъ быстро и внезапно—доносилъ баронъ Вревскій—что когда партія горцевъ прибѣжала, то вершина была въ нашихъ рукахъ, а караульные разбѣжались, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми и одного раненымъ“. Въ тотъ же день колонна полковника Кононовича двинулась на урочище Барибъ-Майданъ, куда 18-го августа прибыли и остальныя войска. Пунктъ этотъ, по центральному положенію въ Дидо, былъ выбранъ пока новымъ базисомъ для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій. Обезпечивъ его за нами, Кононовичъ, не ожидая прибытія остальныхъ войскъ, двинулся къ крѣпкому аулу Эльбако, застигъ его врасплохъ, тотчасъ атаковалъ съ фронта и съ фланговъ и взялъ такимъ образомъ сналета. Лезгины бѣжали, преслѣдуемые огнемъ гомборцевъ, а затѣмъ тушинами, и оставили намъ пять тѣлъ и трехъ плѣнныхъ женщинъ. Аулъ, съ принадлежавшими ему посѣвами, былъ истребленъ; потеря наша заключалась въ двухъ раненыхъ милиціонерахъ.

Утромъ 19-го августа, выступивъ изъ Барибъ-Майдана, подъ командою полковника де-Саже, колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, роты

гомборскихъ стрѣлковъ, трехъ горныхъ орудій, трехъ сотенъ казаковъ и большей части милиціи, направилась къ богатымъ и весьма густо населеннымъ ауламъ большому и малому Кидеро—мѣстопребыванію наиба. Жители скрыли свои семейства въ лѣсахъ за высокимъ хребтомъ Бешо, а сами, сгруппировавшись на партіи, заняли высоты по обѣимъ сторонамъ ауловъ Кидеро. Примѣру ихъ послѣдовали также и жители остальныхъ ауловъ, расположенныхъ по кидероскому ущелью. Подойдя къ ауламъ, полковникъ де-Саже направилъ баталіонъ эриванцевъ, роту гомборцевъ и милицію въ обходъ справа и слѣва, а главныя силы двинулъ съ фронта. „Стремительно атакованные на почти неприступномъ лѣсистомъ гребнѣ, прилегающемъ къ аулу, и въ то же время искусно обойденные милиціею и стрѣлками, лезгины тщетно пытались держаться и, выбитые со всѣхъ позицій, поспѣшили бѣжать, оставивъ въ нашихъ рукахъ 22 тѣла“. Аулы были разрушены, и богатые хлѣба ихъ истреблены самымъ усерднымъ образомъ. Къ вечеру колонна вернулась въ лагерь безъ преслѣдованія. 20-го августа, другая колонна, подъ командою полковника князя Челокаева, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, роты гомборцевъ, трехъ горныхъ орудій, двухъ сотенъ казаковъ и пяти сотенъ милиціи, послѣ кратковременнаго боя, заняла аулъ Инухо и разорила его.

Тѣмъ временемъ на хребтѣ Бешо сосредоточились значительныя массы горцевъ. Замѣчательный порядокъ, господствовавшій въ непріятельскомъ лагерѣ, обнаруживалъ присутствіе въ немъ начальника важнаго чина. Густыя и правильныя массы занимали хребетъ Бешо, за которымъ скрывались семейства лезгинъ, по всѣмъ правиламъ боеваго искусства. Для овладѣнія этою позиціею баронъ Вревскій двинулъ, 21-го числа, большую часть отряда [10]), подъ командою полковника Кононовича. Когда войска приблизились къ ауламъ Зехидо и Гутохо, находившимся у подошвы Бешо, съ хребта послѣдовали, съ разстановкою, три непріятельскихъ орудійныхъ выстрѣла, въ отвѣтъ на которые наша артилерія открыла огонь. Пока она обстрѣливала вершину горы, на штурмъ, подъ павѣсомъ снарядовъ, были направлены: баталіонъ Тифлисскаго гренадерскаго полка, рота гомборцевъ и три сотни всадниковъ, подъ командою подполковника князя Джандіери. Бойко и быстро поднималась эта колонна подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. „Стрѣлки, поровнявшись съ боковыми пикетами горцевъ, хотя и были охватываемы ихъ огнемъ, но, не обращая на это никакого вниманія, останавливались, укрѣпляли свои подсошки и не оставляли позиціи, пока не выбивали горцевъ. Въ хвостѣ штурмовой колонны находилась часть милиціи, которая, преслѣдуя разстроившіеся непріятельскіе пикеты, разгоняла ихъ во всѣ стороны“ [11]). Находившійся при колоннѣ баронъ Вревскій доносилъ: „колонна эта молодецки исполнила свое назначеніе. Непріятель не устоялъ и, не смотря на продолжительность и трудность подъема“, былъ лихо атакованъ и бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ пять тѣлъ, причемъ тушины, въ рукопашной схваткѣ, отбили у него древко значка. Истребленіе Зехидо и Гутохо, съ ихъ посѣвами, не могло быть

[10]) По одному баталіону отъ полковъ гренадерской дивизіи, полубаталіонъ Рязанскаго полка, рота стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ орудій, мортира и семь сотенъ кавалеріи.

[11]) „Кавказскій Сборникъ“, т. II, стр. 299.

произведено окончательно въ этотъ же день и завершено было только 22-го числа колонною полковника князя Тарханъ-Моуравова, въ составъ которой опять входила рота гомборцевъ. Пока часть колонны была занята „уборкою“ Зехидо и Гутохо и истребленіемъ ихъ полей и близлежащихъ хуторовъ, другая часть ея безпрепятственно разработала дорогу отъ Барибъ-Майдана въ кидероское ущелье и по одному изъ горныхъ отроговъ, а всѣ прочія войска перешли на урочище Эльбако-Майданъ. Къ вечеру туда же прибыла по разработанной уже дорогѣ и колонна полковника князя Тарханъ-Моуравова.

23-го августа войска отдыхали; не отдыхалъ только баронъ Вревскій: онъ произвелъ рекогносцировку къ аулу Шопихо, пока вовсе не думая разорять его; онъ хотѣлъ привести горцевъ въ недоумѣніе насчетъ истиннаго своего намѣренія, состоявшаго въ слѣдующемъ: чтобы окончательно очистить отъ враждебнаго намъ населенія цѣлую полосу отъ Капучи до Тушетіи, необходимо было разорить прежде всего богатѣйшіе и населеннѣйшіе аулы Вицію и Хибія, расположенные на мѣстности почти неприступной. Нападеніе на нихъ, хотя бы даже неожиданное, было дѣломъ рискованнымъ, и во всякомъ случаѣ, сопряженнымъ съ большими потерями. Чтобы избѣгнуть послѣднихъ, баронъ Вревскій и рѣшилъ, движеніемъ на Шопихо, привлечь сюда значительныя силы горцевъ. Эта рекогносцировка дала вполнѣ желанный результатъ: большія партіи лезгинъ, бросивъ аулы Вицію и Хибію, тотчасъ потянулись къ Шопихо и стали проворно укрѣплять его завалами. Чтобы еще болѣе усилить заблужденіе горцевъ, баронъ Вревскій на другой день, съ разсвѣтомъ, направилъ къ Шопихо одну небольшую летучую колонну [12]), съ ротою гомборскихъ стрѣлковъ, подъ командою полковника князя Тарханъ-Моуравова, черезъ аулъ Эльбако, приказавъ ему пройти оттуда вдоль по гребню хребта прямо на сѣверъ, къ аулу Шопихо, въ тылъ аулу Хибіи; другую же колонну [13]), также съ ротою стрѣлковъ, подъ командою полковника де-Саже, двинулъ черезъ часъ по слѣдамъ предыдущей. Маневръ удался превосходно: движеніе обѣихъ нашихъ колоннъ на Шопихо окончательно убѣдило горцевъ, что мы слѣдуемъ на этотъ аулъ, и они бросились туда всею массою, а баронъ Вревскій, тѣмъ временемъ, тихо поднялъ всѣ остальныя войска, остававшіяся въ лагерѣ, и, ввѣривъ ихъ полковнику Кононовичу, отправилъ его нижнею и прямою дорогою, черезъ лѣсистое и глубокое ущелье прямо на Хибію. Колонна князя Тарханова, двигаясь медленно и пройдя аулъ Эльбако, круто свернула влѣво и, двигаясь далѣе, остановилась на высотахъ, командующихъ ауломъ Хибіею и составлявшихъ ключъ позиціи. Вторая колонна, двигаясь также медленно вслѣдъ за первою, быстро затѣмъ свернула съ гребня, спустилась къ аулу Вицiи и заняла его; а Кононовичъ безпрепятственно прошелъ ущелье и явился у Хибіи. Хотя почти всѣ силы непріятеля были отвлечены отъ этого аула, однако безъ боя не обошлось, и гомборцамъ, а также и артилеріи, пришлось израс-

---

[12]) 2-й баталіонъ Грузинскаго полка, рота кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, сотня донскаго № 49 полка и четыре сотни милиціи.

[13]) 1-й и 3-й баталіоны Эриванскаго полка, 3-й и двѣ роты 4-го баталіона Мингрельскаго полка, рота кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, мортира, 3 орудія горной № 1 батареи, 2 орудія горной № 3 батареи, двѣ сотни милиціи и всѣ тяжести отряда.

ходовать порядочное количество патроновъ и снарядовъ, пока лезгины не предоставили аула въ наше распоряженіе. Непріятель, подвергшійся преслѣдованію однихъ тушинъ, оставилъ въ ихъ рукахъ одинъ значокъ. Остановившись, такимъ образомъ, на трехъ пунктахъ въ виду другъ друга, и прикрываясь взаимно, колонны расположились на ночлегъ. Потери наши ограничились всего однимъ убитымъ и тремя ранеными нижними чинами. На слѣдующій день, 25-го числа, истребивъ Вицію и Хибію съ ихъ хлѣбами, колонны полковниковъ де-Саже и Кононовича поднялись къ позиціи полковника князя Тарханова. Пока онѣ стягивались, непріятельскія партіи, все возрастая, покрыли окружающія высоты. Сильнѣе всего заняли они пункты вѣроятнаго отступленія нашего и укрѣпили ихъ завалами.

Въ виду совершеннаго недостатка въ провіантѣ и приближенія ненастныхъ дней слѣдовало поспѣшить отступленіемъ на линію—„предпріятіе серьезное, въ виду многочисленныхъ скопищъ, все увеличивавшихся и со всѣхъ сторонъ окружавшихъ отрядъ. Отступить можно было по двумъ дорогамъ: черезъ Хупро на Кодору или черезъ Пахалисъ-тави на Шильды. Но первый путь пролегалъ черезъ лѣсистыя высоты праваго берега рѣчки Цунтадариль-оръ, противъ Хупро, и Вревскому было извѣстно, что сюда потянулись всѣ пѣшія толпы Казы-Магомы, который принялъ всѣ мѣры встрѣтить насъ съ упорствомъ и ожесточеніемъ. Кромѣ того, на хупринскихъ высотахъ лезгины днемъ и ночью устраивали завалы. На проложеніе же просѣки по этому направленію не доставало бы ни времени, ни продовольствія. Двигаясь по этой дорогѣ, отрядъ не могъ избѣгнуть боя и понесъ бы большія потери. Другая дорога проходила по весьма неудобопроходимымъ, но за то безлѣснымъ горамъ; необходимо было только сбить полчища Казы-Магомы, занимавшія эти горы. Начальникъ отряда выбралъ эту дорогу, т. е. на Пахалисъ-тави. 26-го августа, на разсвѣтѣ, началось отступленіе отряда. Чтобы атаковать непріятеля, занявшаго хребетъ, по косогору котораго долженъ былъ пройти отрядъ, баронъ Вревскій раздѣлилъ войска на четыре колонны. Первая [14]), подъ командою полковника Кононовича, должна была идти по косогору и, сбивая по возможности непріятеля съ высотъ, обогнуть хребетъ и окончательно ударить горцамъ въ тылъ; въ составѣ этой колонны находилась рота гомборцевъ капитана Новицкаго. Вторая, маіора Рукевича,—должна была фланговымъ движеніемъ содѣйствовать первой. Третья, съ ротою гомборцевъ, полковника де-Саже, должна была атаковать непріятеля съ фронта, вдоль по гребню, сообразуясь съ движеніемъ полковника Кононовича. Арріергардъ, съ послѣднею ротою стрѣлковъ, составлявшій четвертую колонну, ввѣренную полковнику князю Тарханову, направлялся по высотамъ вслѣдъ за вьюками и долженъ былъ принять на себя натискъ тѣхъ непріятельскихъ силъ, которыя сосредоточились у Хупро. Князю Тарханову велѣно было тронуться не раньше, чѣмъ поднимутся на гору всѣ вьюки отряда; первыя же двѣ колонны, которымъ предстоялъ большой обходъ и необыкновенно крутой и продолжительный подъемъ, выступили изъ лагеря въ 3 часа утра.

„Сложный маневръ этотъ, по словамъ барона Вревскаго, былъ исполненъ всѣми колоннами самымъ блистательнымъ образомъ“. Колонна полков-

[14]) 2-й баталіонъ Тифлисскаго полка, рота стрѣлковаго баталіона, два орудія горной № 1 батареи и сотня милиціи.

ника Кононовича, вступивъ на косогоръ, пошла ускореннымъ шагомъ и въ 9 часовъ утра показалась близъ вершины главной высоты, увѣнчанной семью значками. Горцы встрѣтивъ 2-й баталіонъ тифлисцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, который однако не причинилъ ему вреда, такъ какъ онъ былъ защищенъ отъ пуль скатомъ хребта. Но за тифлисцами слѣдовали два орудія, которыя нужно было прикрыть; это вопервыхъ; вовторыхъ, нужно было развлечь непріятеля, пока тифлисцы обогнутъ хребетъ и появятся у него въ тылу. „Для этого маневра Кононовичъ приказалъ ротѣ стрѣлковъ капитана Новицкаго [15]) подняться съ тропы прямо и вертикально на вершину хребта и взять ее штурмомъ, сбивъ оттуда непріятеля. И нужно было быть въ то время тутъ, на мѣстѣ, чтобы видѣть этотъ знаменитый штурмъ стрѣлковъ—въ сущности предпріятіе безразсудное,—который, вѣроятно, до могилы не изгладится изъ памяти всѣхъ свидѣтелей и участниковъ отступленія авангарда. Безразсудное оно было, вопервыхъ, потому, что здѣсь одинъ солдатъ шелъ, по крайней мѣрѣ, противъ десяти горцевъ—это не подлежало никакому сомнѣнію, а вовторыхъ потому, что всѣ невыгоды были на сторонѣ несчастнаго солдата, и ему приходилось идти и притомъ подниматься въ гору, тогда какъ непріятель стоялъ на одномъ мѣстѣ и ожидалъ его. Значитъ, истомленный, усталый солдатъ долженъ былъ драться съ десятью свѣжими врагами. Наконецъ, непріятель могъ стрѣлять сверху внизъ сколько ему было нужно или сколько хотѣлось, и половина пуль его, будучи направлена мѣтко, должна была достигать цѣли; между тѣмъ, солдатъ могъ стрѣлять снизу вверхъ только тогда, когда позволяла мѣстность, т. е. на десять пуль отвѣчать одною и изъ десяти этихъ однихъ ручаться опять-таки не болѣе, какъ за одну пулю.

„Но бывшій кавказскій солдатъ не привыкъ и не разсуждалъ въ подобныхъ случаяхъ. Точное, безпрекословное исполненіе приказаній было его обыкновеніемъ. Такъ поступили и стрѣлки. Жаль было смотрѣть на нихъ не толко какъ на воиновъ, а, просто, какъ на людей, когда они царапались на полуотвѣсную гору. Поддерживать строй было невозможно, и стрѣлки карабкались вразбродъ, по два, по три, хватаясь за землю руками и взбираясь по большей части на четверенькахъ. Все это было на моихъ глазахъ, и я видѣлъ, что, не смотря на весь адскій трудъ этого восхожденія, ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ шага назадъ. Какъ безстрастныя статуи, подвигаемыя какимъ нибудь механизмомъ, они все двигались и двигались, кой-гдѣ пріостанавливаясь для отдыха, и изрѣдка пуская пулю вверхъ. А между тѣмъ, съ вершины хребта пули буквально сыпались на нихъ градомъ, такъ что, когда въ это время ниже ихъ, по тропѣ, проходила артилерія — эти пули барабанили по зарядымъ ящикамъ, какъ дождь по стеклу.

„Восхожденіе капитана Новицкаго съ его стрѣлками происходило около часа времени. Значитъ, каждый изъ героевъ умиралъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ умереть въ теченіе этого времени около трехъ тысячъ шестисотъ разъ—если считать, что каждую секунду могла поразить его непріятельская пуля. И хоть бы одинъ вздохъ, хоть бы одно нареканіе! Подобная стойкость недоступна во всей ея полнотѣ никакому перу, недоступна даже пониманію.

[15]) Изъ статьи участника, напечатанной во II томѣ „Кавказскаго Сборника“ стр. 322.

„Но вотъ, стрѣлки понемногу начали подбираться къ вершинѣ хребта. По мѣрѣ того, какъ они подходили все ближе и ближе, капитанъ Новицкій мановеніемъ одинокой своей руки сближалъ и стягивалъ ихъ. Шагахъ въ пятнадцати или въ двадцати отъ вершины стрѣлки сгруппировались. Горцы въ это время прекратили пальбу и, обнаживъ свои шашки и помахивая ими въ воздухѣ, съ рѣшимостью ожидали своихъ враговъ. Вдругъ, раздался залпъ всей роты, штыки мгновенно примкнуты, громкое, единодушное „ура“ пронеслось по всему хребту—и стрѣлки схватились съ непріятелемъ. Въ то же самое время другое „ура“ послышалось въ тылу у горцевъ, гдѣ одновременно съ стрѣлками появились тифлисцы—и магическое дѣйствіе этихъ двухъ возгласовъ охватило собою весь отрядъ, пронеслось по всѣмъ колоннамъ.

„Схватка продолжалась двѣ-три минуты—и непріятеля въ этомъ мѣстѣ какъ и не бывало. Не смотря на то, что здѣсь онъ имѣлъ возможность моментально скатываться по ту сторону горы, сбрасывая туда въ одинъ мигъ тѣла своихъ убитыхъ и раненыхъ—все же онъ не успѣлъ убрать четырехъ тѣлъ, и они остались въ нашихъ рукахъ“. Въ донесеніи же барона Вревскаго находимъ, между прочимъ, слѣдующее: „штурмъ этой горы, который вполнѣ назвать можно молодецкимъ, стоилъ намъ только 6 человѣкъ раненыхъ нижнихъ чиновъ [16]), и, не смотря на трехверстный чрезвычайно крутой подъемъ, атака была столь смѣла, что оставлены непріятелемъ на мѣстѣ четыре тѣла. Штуцера и нарѣзныя ружья при этомъ случаѣ оказали величайшую пользу“. Когда части колонны полковника Кононовича, т. е. стрѣлки и тифлисцы, одновременно ударили на горцевъ и смяли ихъ, на флангѣ непріятеля показалась колонна маіора Рукевича, а колонна де-Саже повела атаку съ фронта на высоты. Горцы, сбитые со всѣхъ позицій, окончательно очистили гребень и въ безпорядкѣ бѣжали къ Инухо. Такимъ образомъ, стрѣлки выполнили возложенную на нихъ задачу какъ нельзя блистательнѣе, т. е., прикрывъ движеніе артилеріи и вмѣстѣ съ тифлисцами отбросивъ скопища Кази-Магомы съ пути нашего отступленія, дали возможность отряду свободно выдти изъ ущелья.

Другое скопище, ожидавшее насъ по направленію къ Хунро, какъ только замѣтило все происшедшее, налетѣло на отрядъ и бросилось на арріергардъ князя Тарханова. Натискъ былъ быстръ и стремителенъ, но и здѣсь въ арріергардной цѣпи шла рота кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Кабенина (Николая Петровича); она замыкала шествіе всего отряда, и на нее-то обрушились массами озлобленные горцы. Но „на кинжалы горцевъ стрѣлки отвѣчали штыками, а на ихъ маленькія пули—своими штуцерными пулями, отбившими у нихъ, наконецъ, всякую охоту къ преслѣдованію“ [17]). Голодный и измученный отрядъ стянулся около полуночи на Барибъ-Майданъ.

На слѣдующій день отрядъ прибылъ къ границамъ общества Капучи. Непріятельскія полчища, раздѣлившись на три большія партіи, лишь издали слѣдили за войсками. 28-го отправлены всѣ тяжести на Нинкосъ-Цыхе, а 29-го войска спустились черезъ Пахалисъ-тави къ шуагорской башнѣ. 1-го

[16]) Всѣ шестеро были стрѣлки: раны получены ими преимущественно въ головы; въ теченіе сутокъ всѣ они умерли.

[17]) „Кавказскій Сборникъ“, т. II. стр. 325.

сентября они были распущены по штабъ-квартирамъ. Стрѣлки ушли въ Гомборы разновременно: 4-я рота прибыла 2-го сентября, 1-я—6-го октября, а 3-я—14-го октября. Причина такого поздняго возвращенія состояла въ томъ, что 1-я и 3-я роты, какъ и нѣкоторыя части, по окончаніи экспедиціи, были расположены на линіи для прикрытія края, и отпущены лишь съ появленіемъ въ горахъ снѣга.

Успѣхи экспедиціи лезгинскаго отряда превзошли ожиданія: дидойскому обществу былъ нанесенъ ударъ, послужившій прочнымъ началомъ къ покоренію этого племени. Разработаны были дороги на протяженіи болѣе ста верстъ по едва доступнымъ мѣстамъ, разрушено до основанія 21 аулъ, истреблены всѣ ихъ посѣвы, отбито множество плѣнныхъ и 5 значковъ. Успѣхамъ этимъ, впрочемъ, много способствовала колонна полковника князя Андроникова, отвлекавшая часть населенія Анкратля отъ поданія помощи дидойцамъ.

За лезгинскую экспедицію объявлено всему отряду Высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ пожаловано по 1-му рублю серебромъ [18]). Награды гомборцамъ были слѣдующія: командующій тремя ротами капитанъ (Петръ) Новицкій получилъ чинъ маіора, капитанъ Максимовъ—орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами; штабсъ-капитаны: Кабенинъ (Николай)—чинъ капитана, Грессеръ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами, Ильяшенко—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами; унтеръ-офицеръ Василій Клещовъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ другую часть. Нижнимъ чинамъ пожаловано пять знаковъ отличія военнаго ордена [19]).

Нельзя пройти молчаніемъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какую репутацію стяжалъ себѣ стрѣлковый баталіонъ въ средѣ кавказскихъ войскъ. Командиръ тушинской милиціи поручикъ Натіевъ, извѣстный своею замѣчательною храбростью, озабочиваясь прикрытіемъ дорогъ въ Тушетію отъ набѣговъ лезгинъ, просилъ окружнаго начальника князя Эристова выслать ему въ помощь тридцать человѣкъ нижнихъ чиновъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, въ которыхъ тушины видѣли для себя надежнѣйшую охрану. Для этихъ нижнихъ чиновъ они обязались подпискою, представленною по начальству, отвести у себя квартиры, снабжать ихъ провіантомъ и мясною порціею [20]). Но гомборцамъ не пришлось воспользоваться гостепріимствомъ храбрыхъ тушинъ, такъ какъ обстоятельства въ горахъ во многомъ измѣнились къ лучшему.

Конецъ 1857 года и начало 1858 прошли для баталіона, бывшаго въ сборѣ, необыкновенно весело: въ цѣльной и большею частью состязательной стрѣльбѣ, которой предавались со страстью почти всѣ офицеры, въ задушевныхъ пирушкахъ, въ литературныхъ вечерахъ и домашнихъ театральныхъ представленіяхъ. Особенно удачно шли послѣднія, и нѣкоторые изъ офицеровъ прекрасно исполняли роли въ такихъ пьесахъ, какъ „Свадьба Кречинскаго“, „Азъ и фертъ“, „Свои люди сочтемся“ и др. Другое не

---

[18]) Рапортъ барона Вревскаго 14-го сентября 1857 года № 721.

[19]) Унтеръ-офицеры: Степанъ Толчіевъ № 3499 и Антонъ Дьяковъ № 3500; рядовые: Егоръ Петровъ № 3501, Пантелеймонъ Корольковъ № 3502, Кирилъ Емельяновъ № 3503. (Дѣло особ. отд. шт. кавк. в. окр. 1857 г. № 68).

[20]) „Кавказскій Сборникъ“, томъ II. стр. 352.

менѣе привлекательное развлеченье составляла охота за звѣремъ. Во время одного изъ похожденій въ густыхъ гомборскихъ лѣсахъ, съ капитаномъ Новицкимъ произошелъ довольно курьезный случай. Ранивъ на небольшомъ отъ себя разстояніи оленя, упавшаго при этомъ на колѣна, онъ бросился къ нему; но не успѣлъ выхватить охотничьяго ножа, какъ олень поднялся на ноги и приготовился бѣжать. Новицкій моментально вскочилъ на него верхомъ и такъ проскакалъ по пересѣченной мѣстности около 150 шаговъ, пока успѣлъ вонзить ножъ въ бокъ животнаго. Лишь примѣрная ловкость охотника могла въ глазахъ товарищей смягчить его оплошность, состоявшую въ томъ, что онъ не убилъ оленя наповалъ, а только ранилъ. Вообще, страсть къ охотѣ была сильно развита среди офицеровъ. Они, между прочимъ, установили даже довольно строгія правила для охотниковъ, такъ напримѣръ: считалось преступленіемъ ранить животное, а нужно было убить его наповалъ; и мало того, необходимо было попасть пулею подъ ухо или подъ лопатку.

Библіотека быстро обогатилась лучшими произведеніями литературы, русскими и иностранными. Остатки этой библіотеки хранятся донынѣ и свидѣтельствуютъ о высокой умственной потребности тогдашняго общества офицеровъ. Особенно богата была библіотека сочиненіями по естествознанію и по исторіи военной и политической. Баталіонъ комплектовался лучшими офицерами, въ числѣ которыхъ были и иностранцы, отличавшіеся прекраснымъ образованіемъ, серьезнымъ направленіемъ и образомъ мыслей; многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ Штеръ и Генумондъ, были сотрудниками извѣстныхъ нѣмецкихъ и русскихъ журналовъ. Общество отличалось полнымъ единодушіемъ, и вліяніе старшихъ было сильно и благотворно. Въ штабъ-квартирѣ всѣ офицеры (за исключеніемъ единственнаго въ баталіонѣ семейнаго) обѣдали за общимъ столомъ. Подавались обыкновенно блюда довольно изысканныя и почти всегда дичь. Послѣобѣденное время проводили иногда въ пѣніи, за стаканомъ вина, а большею частью за газетами, журналами и за ералашемъ. Но все-таки потребность въ городской жизни до извѣстной степени была неотразимая, и начальство, судя по приказамъ по баталіону, не затруднялось отпускать офицеровъ въ Тифлисъ довольно часто.

XV.

1858-й годъ. Движеніе трехъ ротъ гомборцевъ съ лезгинскимъ отрядомъ въ Капучу, Анцухъ и въ анкратльскій союзъ. Гомборцы въ бою на склонѣ хребта Гогеатль. Движеніе въ Ильянхеви. Штурмъ аула Китури. Баронъ Вревскій и полковникъ Коргановъ. Движеніе въ Дидо. Роспускъ отряда. Награды. Посѣщеніе Гомборъ Ихъ Императорскими Высочествами. Переходъ гомборцевъ изъ вѣдѣнія инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ въ распоряженіе своего главнокомандующаго. Ружья Минье. Смотръ. 1859-й годъ. Участіе трехъ ротъ гомборцевъ въ лѣтней лезгинской экспедиціи и движеніе ихъ въ долину андійскаго Койсу. Окончательное покореніе восточнаго Кавказа. Роспускъ отряда. Награды. Смотръ стрѣлковъ.

Положеніе Дидо, разгромленнаго въ 1857-мъ году войсками лезгинскаго отряда, было въ началѣ слѣдующаго года на столько грустное, что генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій рѣшилъ бросить его и сосредоточить все свое вниманіе на лезгинскихъ обществахъ, составлявшихъ анкратльскій союзъ.

участи Дидо должны были подвергнуться пока главнѣйшія и ближайшія изъ этихъ обществъ: Капуча и Анцухъ.

Къ концу мая 1858 г. войска лезгинскаго отряда начали стягиваться къ подножію главнаго хребта, а въ первыхъ числахъ іюня стали подниматься въ горы. Они были раздѣлены на двѣ части, и изъ нихъ одна, подъ названіемъ главнаго отряда [1]), должна была дѣйствовать въ Анкратлѣ, а другая, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ, двухъ горныхъ орудій и милиціи, подъ начальствомъ полковника князя Челокаева, находясь въ горной Тушетіи, должна была отвлекать общества отъ поданія помощи анкратльцамъ.

Чтобы устранить затрудненіе въ сообщеніи отряда съ плоскостью, и вообще облегчить предстоящія операціи, баронъ Вревскій приступилъ къ разработкѣ дорогъ отъ Шуагори на Пахалисъ-тави и Нишкосъ-Цыхе и отъ укрѣпленія Сацхениси на Сацхенисъ-тави и далѣе въ Капучу. Разработка началась съ 1-го іюня. 22-го числа Вревскій прибылъ на Пахалисъ-тави, а 24-го, передвинувъ находившуюся здѣсь колонну полковника де-Саже къ подножію горы Нишкосъ-Цыхе, самъ въ тотъ же день произвелъ рекогносцировку хребта Мечитль. Проложеніе дороги по этому хребту, отдѣляющему Дидо отъ Капучи, открыло бы намъ возможность проникнуть въ глубину горъ и появляться въ любое время надъ аулами Дидо, Капучи и Ильянхеви. Путь по Мечитлю долженъ былъ имѣть важное стратегическое значеніе для обезпеченія Кахетіи и вообще для окончательнаго покоренія немирныхъ обществъ, прилегающихъ къ лѣвому флангу лезгинской кордонной линіи. Руководясь этими соображеніями, баронъ Вревскій рѣшилъ „проложить по этому направленію хотя проходъ для войскъ и тѣмъ избѣгнуть чрезвычайно труднаго подъема на Барисъ-тави“. Работы на Мечитлѣ начались 26-го іюня и, благодаря неутомимости нашего солдата, быстро подвигались впередъ. Необходимо было преодолѣть „неимовѣрныя трудности. На узкомъ гребнѣ Мечитля, гдѣ съ трудомъ могъ пробираться пѣшій горецъ и на линіи вѣчныхъ снѣговъ, безъ топлива и воды, не было никакой возможности расположиться лагеремъ, по этому люди должны были ходить на работы отъ 10—15 верстъ и по самому крутому подъему, продолжавшемуся до четырехъ верстъ. Скалы, изъ коихъ состоитъ весь Мечитль, не уступали лому, и во многихъ мѣстахъ приходилось рвать порохомъ, а къ тому еще къ 1-му іюля погода постоянно была самая суровая“.

Всѣ невзгоды съ прочими войсками дѣлили также и гомборскіе стрѣлки, прибывшіе въ отрядъ 22-го іюня, въ составѣ 1-й, 2-й и 3-й ротъ, подъ начальствомъ командира баталіона полковника Фрейганга. 3-го іюля, „благодаря неимовѣрному усердію войскъ, всѣ препятствія были устранены“, и

[1]) 1-я, 2-я и 3-я роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, 1-й и 2-й баталіоны и три роты 4-го б. Эриванскаго полка, 2-й и 3-й бат., три роты 4-го баталіона и три стрѣлковыхъ роты Грузинскаго полка, 1-й и 3-й баталіоны и четыре стрѣлковыхъ роты Тифлисскаго полка, 1-й баталіонъ и двѣ стрѣлковыхъ роты Мингрельскаго полка, команда 2-й роты кавказскаго сапернаго № 1-го баталіона, двѣ роты 2-го баталіона Рязанскаго полка, мортирный дивизіонъ, шесть орудій горной № 1-го батареи, два орудія горной № 2-го батареи, три сотни Грузинской Дружины и ея партизанская команда, 80 человѣкъ джаро-лезгинской постоянной милиціи, три сотни телавской пѣшей милиціи, три сотни сигнахской пѣшей милиціи, одна сотня конной сигнахской милиціи и двѣ сотни тушино-пшавскихъ охотниковъ. Всего въ строю: офицеровъ и нижнихъ чиновъ до 10.000 человѣкъ и 1.000 лошадей.

къ полудню дорога была окончена до башни Барисъ-тави, куда къ вечеру стянулся отрядъ и расположился на позиціи. Непріятель, ожидавшій насъ по симурскому ущелью и обойденный движеніемъ нашихъ войскъ по Мечитлю, вынужденъ бы отступить, отдавъ намъ безъ боя башню Барисъ-тави. 5-го іюля большая часть отряда сосредоточилась на позиціи Кхейдо, укрѣпленной завалами, которая также была намъ уступлена безъ всякаго сопротивленія, хотя лезгины не могли не понять, что занимающій эту позицію, находящуюся на узлѣ главнѣйшихъ дорогъ, идущихъ въ Дидо, Капучу, Ильяхили и Богозъ, имѣетъ полную возможность запереть выходъ изъ этихъ обществъ. 8-го іюля отрядъ двинулся по хребту, составляющему правую сторону капучинскаго ущелья, и расположился на урочищѣ Анцокояцодолошетдойсъ. Непріятель вздумалъ преслѣдовать арріергардъ, но нѣсколькими удачными выстрѣлами былъ остановленъ. Продолжая разработку дороги все по означенному хребту, войска 11-го числа заняли также безъ боя еще одну позицію, укрѣпленную башнею и завалами.

Между тѣмъ, особая колонна полковника Корганова, въ составѣ которой находилась и рота гомборскихъ стрѣлковъ, пролагая себѣ путь особо отъ Сацхениси, перевалила черезъ главный хребетъ и спѣшила на соединеніе съ главными силами. По пути полковнику Корганову не разъ приходилось преодолѣвать сопротивленіе горцевъ изъ за заваловъ, и почти каждый разъ они, „благодаря быстротѣ атаки и дѣйствію нарѣзныхъ ружей, оставляли по нѣскольку тѣлъ“. Движеніе нашихъ войскъ по гребню лишало горцевъ всякой возможности вступать съ нами въ бой и даже заботиться о защитѣ своихъ жилищъ, которыя они бросали; толпы ихъ только издали слѣдили за нашимъ отрядомъ. Въ виду этого, баронъ Вревскій пожелалъ испытать прежде всего кроткія мѣры къ покоренію капучинцевъ; поэтому, жилища и хлѣба ихъ онъ пощадилъ и далъ имъ двухнедѣльный срокъ на размышленіе, а самъ 15-го іюля выступилъ съ отрядомъ въ общество Анцухъ, считавшееся у горцевъ безусловно неприступнымъ, а въ легендахъ сосѣднихъ племенъ—самою преисподнею. Предпріятіе это было тѣмъ болѣе отважное, что непріятель все болѣе и болѣе возрасталъ въ численности. Сосѣднія общества, надѣясь на неуязвимость Анцуха, немедленно прибыли къ нему на помощь и распустили слухъ, что къ нимъ явится съ подкрѣпленіями самъ Казы-Магома. Люди, посланные къ нимъ начальникомъ отряда съ прокламаціями, были зарѣзаны. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что лезгины напрягутъ всѣ усилія, чтобы уничтожить насъ въ своихъ мрачныхъ трущобахъ. Ни мало не колеблясь, баронъ Вревскій спокойно подвигался впередъ. Отрядъ шелъ налегкахъ, оставивъ всѣ тяжести на позиціи Зикари-Катъ, откуда начинался входъ въ глубину Анцуха. При отрядѣ находились всѣ три роты гомборцевъ съ командиромъ ихъ полковникомъ Фрейгангомъ во главѣ [2]).

Общество Анцухъ расположено было въ глубокихъ ущельяхъ, образуемыхъ высокими (въ 10 т. футовъ) лѣсистыми и скалистыми отрогами богозскаго хребта, покрытыми вѣчными снѣгами. По двумъ главнымъ ущельямъ бѣгутъ быстрыя и глубокія рѣки, образующія, по сліяніи своемъ, аварское Койсу; онѣ не проходимы въ бродъ. Анцухъ, благодаря своей недоступности,

[2]) Гомборцевъ было: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 35, музыкантовъ 7, рядовыхъ 325 и нестроевыхъ 27.

считался сердцемъ и оплотомъ не только Анкратля, но и всего средняго Дагестана. Ни одинъ изъ восточныхъ завоевателей, бывавшихъ почти во всѣхъ сосѣднихъ обществахъ, не рѣшался проникнуть сюда. И для насъ край этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ.

Всѣ доступы въ Анцухъ были защищены цѣлою системою прочныхъ каменныхъ заваловъ, башенъ и укрѣпленій. Дорога, избранная барономъ Вревскимъ, шла сначала по глубокому ущелью, образуемому отрогами богосскаго хребта, а затѣмъ поднималась на высоту Жекода, занятую сильною партіею лезгинъ. Едва только колонна поднялась до половины высоты, какъ сверху раздались учащенные выстрѣлы. Обстрѣлявъ непріятеля штуцернымъ огнемъ стрѣлковъ и преимущественно гомборцевъ, начальникъ авангарда полковникъ Коргановъ, двинулъ въ атаку пѣхоту, а въ обходъ направилъ милицію; въ четверть часа непріятель былъ сбитъ съ позиціи. Два аула, разбросанные въ ущельяхъ по обѣимъ сторонамъ Жекоды, были уничтожены. Авангардъ расположился на высотѣ, куда стянулись къ вечеру и всѣ войска. Мрачное ущелье, на днѣ котораго мчался потокъ Хвонъ-оръ, раздѣляло войска наши отъ многочисленнаго непріятеля, занявшаго неприступныя высоты Гарухъ-Мееръ, въ 11 т. фут. Высоты эти были укрѣплены нѣсколькими линіями сильныхъ заваловъ; на самой же вершинѣ выслилось прочное укрѣпленіе, сложенное изъ дерна и камня, съ бойницами, глубокимъ и широкимъ наружнымъ рвомъ и башнями для фланговой обороны.

Рѣшившись атаковать высоты Гарухъ-Меера на другой же день, баронъ Вревскій образовалъ три колонны и назначилъ каждой изъ нихъ слѣдующія задачи: первой (эриванцы), полковника Корганова — атаку съ фронта; второй (грузинцы и первая рота стрѣлковаго баталіона подъ командою шт.-капит. Ильяшенко), подполковника Гарднера—обходное движеніе; третьей (тифлисцы, вторая рота гомборскихъ стрѣлковъ и двѣ пѣшихъ сотни милиціи), подъ командою войсковаго старшины Магалова—связать общее движеніе предыдущихъ колоннъ и облегчить главной изъ нихъ доступъ къ непріятельской позиціи. Кромѣ того, резервъ, куда вошла послѣдняя рота гомборцевъ, былъ въ совершенной готовности двинуться туда, куда надобность укажетъ. Обходная колонна Гарднера выступила въ два часа пополуночи на 16-е іюля, остальныя же двинулись съ разсвѣтомъ. Болѣе двухъ часовъ спускалась пѣхота по густо поросшему лѣсистому скату Жекода, пока достигла потока Хвонъ-оръ; для артиллеріи же почти на каждомъ шагу приходилось разработывать дорогу. Отъ рѣки Хвонъ-оръ начинался подъемъ на Гарухъ-Мееръ, мѣстами доходившій до 70° крутизны.

Перейдя потокъ Хвонъ-оръ, колонны начали карабкаться на крутизны, загроможденныя грудами камней, неся почти на рукахъ горныя орудія, для которыхъ не оказалось дорогъ. Горцы замѣтили прежде всего движеніе подполковника Гарднера и, затянувъ свою унылую предсмертную пѣснь, открыли по ней жестокій перекрестный огонь. Но она, не обращая на это вниманія, двигалась безостановочно и даже съ успѣхомъ отвѣчала на огонь горцевъ. Рота штабсъ-капитана Ильяшенко шла впереди колонны. Взводы ея, поперемѣнно останавливаясь на удобныхъ позиціяхъ, своимъ огнемъ въ значительной степени сокращали бѣшеную пальбу лезгинъ. Наконецъ, преодолѣвая страшныя препятствія, колонна, карабкаясь большею частью на четверенькахъ и подъ огнемъ, подошла къ первой линіи заваловъ на

100 шаговъ и, въ ожиданіи общаго штурма, залегла въ мертвомъ пространствѣ.

На колонны Корганова и Магалова горцы, помимо страшнаго ружейнаго огня, пустили тучу камней и бревенъ. Но и эти колонны поднимались безостановочно. Огромныя глыбы камней, катясь со страшнымъ грохотомъ, то и дѣло переходили въ рикошеты. „Моментъ былъ торжественный, доносилъ баронъ Вревскій, но войска не дрогнули и, благодаря хладнокровію полковника Корганова, колонна могла продолжать движеніе безостановочно и въ грозномъ порядкѣ“. Послѣ нѣкотораго времени совокупнаго движенія колонна Магалова опередила колонну полковника Корганова и приняла вправо. Этой колоннѣ, впереди которой шла вторая рота гомборцевъ капитана Геннинга (Григорія), выпала на долю тяжелая но благодарная задача. Выдерживая неумолкаемый адскій огонь, градъ камней и бревенъ, она начала штурмовать одинъ за другимъ передовые завалы и, продолжая оттѣснять горцевъ, она очутилась, наконецъ, на флангѣ главной ихъ позиціи, на которую двигался съ фронта полковникъ Коргановъ. По занятіи послѣдняго завала, гомборцы Геннинга зашли правымъ плечомъ и открыли убійственный огонь вдоль по линіи заваловъ, откуда лезгины громили колонну Корганова. Попавъ подъ фланговый огонь, горцы начали бросать свои мѣста и тѣмъ дали возможность главной колоннѣ безпрепятственно придвинуться къ пункту, откуда можно было идти на штурмъ Гарухъ-Меера и вѣнчавшаго его укрѣпленія. Въ это время обходная колонна Гарднера показалась на вершинѣ хребта, и начальникъ отряда замѣтилъ, какъ она залегла впереди непріятельскихъ заваловъ въ ожиданіи штурма. Подведя колонны Корганова и Магалова на такое-же разстояніе и давъ имъ небольшой отдыхъ, баронъ Вревскій двинулъ войска на штурмъ. Завалы были немедленно же очищены [3]). Послѣ этого оставалось только овладѣть укрѣпленіемъ, но и оно было обойдено колонною подполковника Гарднера и одновременно атаковано съ фланга Магаловымъ. „Непріятель — сказано въ донесеніи Вревскаго—обойденный съ фланга, угрожаемый съ тыла, устрашенный смѣлымъ напискомъ съ фронта, дрогнулъ, и войска наши по пятамъ его ворвались въ грозное укрѣпленіе, причемъ въ нашихъ рукахъ осталось множество тѣлъ“. Къ полудню войска сосредоточились на возвышенности Гарухъ-Меера, названной солдатами „чертовою лѣстницею“, такъ какъ она возвышалась крутыми террасами до 6 верстъ и казалась нескончаемою. Общая потеря отряда была сравнительно не велика. Потеря гомборскихъ стрѣлковъ состояла въ двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Дальнѣйшее движеніе войскъ нашихъ въ глубину Анцуха къ аулу Хорода было задержано еще небольшимъ сомкнутымъ укрѣпленіемъ, въ которомъ засѣло нѣсколько наибовъ съ тремя стами отчаяннѣйшихъ мюридовъ. Укрѣпленіе это, имѣвшее два яруса бойницъ въ толстыхъ камен-

[3]) При отрядѣ находился знаменитый художникъ изъ Мюнхена Горшельдъ, прибывшій изъ Алжира и пожелавшій смотрѣть горскую войну. Онъ очень полюбилъ гомборцевъ и былъ съ ними почти неразлученъ; особенно радовался онъ, что можетъ бесѣдовать на родномъ языкѣ съ полковникомъ Фрейгангомъ. Когда послѣдній спросилъ его, пишетъ-ли онъ все видѣнное имъ роднымъ въ Мюнхенъ, художникъ добродушно отвѣтилъ, что писать не будетъ, такъ какъ тому, что совершаетъ русскій солдатъ, никто, все равно, не повѣритъ, да и невозможно описать съ достаточной яркостью.

ныхъ стѣнахъ до 6 аршинъ высоты, не допускало никакого обходнаго движенія. Баронъ Вревскій, приказавъ гомборскимъ стрѣлкамъ и милиціи обстрѣливать его, послалъ за артилеріею, которая не успѣла еще подняться на Гарухъ-Мееръ. До прибытія ея, „прикрываясь скалами, стрѣлки вели съ защитниками укрѣпленія жаркую перестрѣлку“, но не могли привести дѣла къ развязкѣ, такъ какъ штуцерныя пули были недѣйствительны. Спустя часа два, явились, наконецъ, орудія, но и они, по малому калибру, не были въ состояніи пробить брешь. Тогда полковникъ Коргановъ приказалъ идти на штурмъ. По данному сигналу, съ крикомъ „ура“, съ барабаннымъ боемъ и при звукахъ зурны, пѣхота и милиція бросились къ стѣнамъ. Подсажывая другъ друга, солдаты и милиціонеры полѣзли на стѣны и, наконецъ, ворвались внутрь укрѣпленія. Завязался жестокій рукопашный бой, который продолжался всего нѣсколько минутъ. Непріятель дрогнулъ и побѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ до пятидесяти тѣлъ. Войска двинулись впередъ. Аулъ Хорода — мѣстопребываніе анцухскаго наиба, былъ разрушенъ до основанія.

Дальнѣйшее слѣдованіе не представляло ничего особенно затруднительнаго. Оставалось между тѣмъ истребить еще многое, въ особенности богатѣйшіе аулы и посѣвы, раскинутые по обоимъ берегамъ рѣки Сараоръ. Для уничтоженія ихъ баронъ Вревскій 18-го іюля двинулъ отрядъ двумя колоннами параллельно и по обоимъ берегамъ названной рѣки. Первая, въ составъ которой вошла рота гомборцевъ штабсъ-капитана Ильяшенко, должна была, подъ начальствомъ полковника Лагоды, переправиться черезъ Сара-оръ выше Хорода и истребить всѣ аулы по скату лѣваго берега этой рѣки; по правому же берегу, съ тою же цѣлью, послѣдовала вторая, главная колонна, ввѣренная полковнику де-Саже, въ составъ которой вошла рота стрѣлковъ капитана Геннинга 2-го. Многолюднѣйшіе и богатѣйшіе аулы, расположенные на правомъ берегу рѣки, а въ особенности аулъ Мачара, названный горцами Анцухомъ, составляли цѣль послѣдней колонны. Благополучно миновавъ шакурскій лѣсъ, она безъ боя взяла брошенную горцами башню и, разрушивъ ее, заняла аулъ почти безъ сопротивленія. Но недалеко находилась прочная каменная крѣпостца, вооруженная, по полученнымъ свѣдѣніямъ, тремя орудіями—и баронъ Вревскій, не давая горцамъ опомниться, двинулся прямо къ ней. Лезгины не ожидали сюда нашего прибытія, поэтому крѣпостца не имѣла достаточнаго числа защитниковъ. Оказавъ штурмующимъ нѣкоторое сопротивленіе, слабый гарнизонъ бросилъ свою твердыню и бѣжалъ къ единственному въ этихъ мѣстахъ пункту переправы черезъ аварское Койсу. Но бѣгство его не спасло: за нимъ погнались гомборскіе стрѣлки и, быстро занявъ удобный пунктъ, начали обстрѣливать то мѣсто, гдѣ горцы должны были переправиться черезъ Койсу. Большой уронъ понесли здѣсь лезгины, „которые—по донесенію барона Вревскаго—бучучи въ необходимости поодиночкѣ подниматься на весьма крутой берегъ, попали подъ убійственный штуцерной огонь кавказскихъ стрѣлковъ. Въ виду отряда здѣсь убито болѣе 20 человѣкъ“ [4]). Изъ трехъ орудій, бывшихъ въ крѣпостцѣ, войска наши захватили только два—полевое и мортиру; третье же орудіе горцы успѣли спрятать.

---

[4]) Рапортъ барона Вревскаго 30-го іюля 1858 года № 117.

Между тѣмъ, колоннѣ полковника Лагоды, долженствовавшей дѣйствовать на лѣвомъ берегу р. Сара-оръ, предстояло рѣшить трудную задачу—переправиться на лѣвый берегъ этой рѣки. Переправа была защищена двумя аулами, которые, вмѣстѣ съ тремя сосѣдними, расположенными амфитеатромъ, были сильно заняты горцами, не успѣвшими еще вывезти свои семейства. Чтобы избѣгнуть серьезнаго боя и большихъ потерь, полковникъ Лагода рѣшилъ—незамѣтнымъ для непріятеля образомъ занять ночью частью войскъ высоту надъ верхнимъ ауломъ Антаколо. Для этого онъ назначилъ, подъ командою капитана Гурскаго, взводъ стрѣлковъ 1-й роты (подпоручика Олферова), мингрельцевъ и милицію. Колонна эта, выступивъ въ 10 часовъ вечера, въ чрезвычайной тишинѣ переправилась черезъ Сара-оръ въ бродъ, и, не отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы, начала подниматься на гору. Къ тремъ часамъ утра высота была занята. Это обстоятельство произвело между лезгинами страшный переполохъ. Опасаясь за свои семейства, которыя они только-что отправили какъ разъ по направленію колонны капитана Гурскаго, они бросили аулы и собрались въ завалы, устроенные на гребнѣ—что и дало возможность остальнымъ войскамъ колонны полковника Лагоды перейти на лѣвый берегъ рѣки Сара-оръ совершенно безпрепятственно.

19-го іюля, двигаясь по лѣвому берегу рѣки, колонна полковника Лагоды предала истребленію всѣ жилища и посѣвы лезгинъ. Но для соединенія съ главною колонною ей предстояло отступленіе, которое не могло обойтись безъ серьезнаго преслѣдованія со стороны озлобленныхъ горцевъ, лишенныхъ крова и насущнаго пропитанія. Баронъ Вревскій, зная это, выслалъ съ бивака главной колонны часть войскъ, со взводомъ гомборцевъ [5]), подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Дадіани, которому приказалъ: „оттянувъ къ себѣ непріятеля, облегчить дальнѣйшее слѣдованіе полковника Лагоды и истребить большіе аулы—Мачара, Колода и Кабосида“. Первая цѣль была достигнута: непріятель, обратясь къ колоннѣ князя Дадіани, далъ полковнику Лагодѣ возможность присоединиться къ отряду почти безъ выстрѣла; но достиженіе второй цѣли было несравненно труднѣе. Переправясь черезъ Сара-оръ, князь Дадіани прямо двинулся къ аулу Мачара—главному опорному пункту непріятеля. Горцы засѣли въ каменныхъ сакляхъ и башняхъ и, занявъ въ то же время неприступный хребетъ между деревнями Мачара и Шидыбъ, открыли сильнѣйшій огонь; сверхъ того, они бросали на войска груды камней. Тогда начальникъ колонны направилъ часть войскъ, подъ командою полковника Гарднера, выше и въ обходъ аула Мачара. Горцы, замѣтивъ это, бросили аулъ и сосредоточились на сильной позиціи по дорогѣ, ведущей изъ Анцуха въ Хунзахъ. Чтобы парализовать ихъ и тѣмъ дать колоннѣ полковника Лагоды совершенно выйти изъ сферы преслѣдованія непріятеля, князь Дадіани послалъ къ хребту милицію и гомборскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ подполковника князя Джандіери. Подступивъ подъ самый пикъ хребта, они держали горцевъ въ блокадѣ до тѣхъ поръ, пока Лагода сталъ внѣ всякаго преслѣдованія. Мачара, Кабосида и Колода были истреблены, и въ четыре

[5]) Шесть ротъ Эриванскаго, шесть ротъ Тифлисскаго полковъ, взводъ стрѣлковъ роты капитана Геннинга, два горныхъ орудія, двѣ пѣшія сотни и полторы сотни конной милиціи.

часа началось отступленіе; взводъ гомборцевъ шелъ въ арріергардѣ, которымъ начальствовалъ полковникъ Коргановъ. Пользуясь командовавшею мѣстностью и лѣсистымъ глубокимъ оврагомъ, непріятель сильно преслѣдовалъ колонну, но, благодаря распорядительности Корганова и бойкому штуцерному огню гомборцевъ, лезгины ни разу не осмѣлились приблизиться даже на ружейный выстрѣлъ. Такъ какъ цѣль отряда была достигнута, то баронъ Вревскій рѣшилъ отступить. Путь пролегалъ по узкимъ тропамъ, на днѣ лѣсистаго и глубокаго ущелья, вверхъ по лѣвому берегу Койсу. Нужно было серьезно позаботиться о способахъ обезпеченія весьма опаснаго отступленія изъ глубины Ашуха, а самое главное—нужно было выиграть время. Поэтому обратное движеніе отряда началось въ два часа пополуночи. Легкій туманъ и густой дымъ отъ пылавшихъ ауловъ способствовали на нѣсколько часовъ скрытному движенію отряда. Непріятель замѣтилъ отступленіе, когда всѣ тяжести поднялись на высоту Прида. Опасный шакурскій лѣсъ былъ пройденъ. Горцы бросились опережать отрядъ, чтобы выйти на высоты Прида, командовавшія надъ путемъ отступленія; но онѣ уже были заняты арріергардомъ полковника де-Саже и правою боковою колонною генеральнаго штаба капитана Комарова, въ распоряженіи которыхъ находилось, между прочимъ, по одной ротѣ гомборскихъ стрѣлковъ. „Всѣ усилія горцевъ—доносилъ баронъ Вревскій—вредить намъ были напрасны, и, по понесеніи значительной потери отъ стрѣлковъ, они должны были совершенно отказаться отъ преслѣдованія“. Такимъ образомъ, отрядъ прошелъ опаснѣйшій пунктъ подъ прикрытіемъ гомборскихъ штуцеровъ. Между тѣмъ, по непроходимости Койсу, правый берегъ этой рѣки нами не былъ занятъ, вслѣдствіе чего партіи, находившіяся на томъ берегу, быстро сгруппировались на удобныхъ позиціяхъ. „Не смотря на дальность разстоянія—сказано въ донесеніи барона Вревскаго—и на неприступныя, почти отвѣсныя скалы Шубди-Меера, горцы вскорѣ открыли оттуда огонь, на который стрѣлки наши весьма удачно отвѣчали съ противоположныхъ гребней“. Но, замѣтивъ, что партіи стекаются на западный скатъ, баронъ Вревскій, чтобы отвлечь ихъ, двинулъ особую колонну на фланговыя высоты. Остановивъ на ней все свое вниманіе, непріятель далъ возможность отряду, не смотря на наступившую уже ночь, продолжать безпрепятственное движеніе до аула Эндзеби, гдѣ войска стали на ночлегъ. Потеря въ этотъ день состояла въ одномъ офицерѣ, подпоручикѣ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Тальгренѣ, раненомъ пулею въ лѣвую ногу выше колѣна. Убито нижнихъ чиновъ четыре и ранено четырнадцать; изъ гомборскихъ стрѣлковъ убитъ одинъ и ранено три. „Потеря—по словамъ барона Вревскаго—ничтожная, если взять въ соображеніе всѣ невыгоды мѣстности, гдѣ по узкой тропѣ можно было идти только поодиночкѣ; притомъ, нужно было нести раненыхъ, во многихъ мѣстахъ переносить на рукахъ вьюки и на рукахъ же волокомъ тащить отбитое полевое орудіе... Этотъ день еще разъ доказалъ всю пользу нарѣзныхъ ружей“. Послѣ этого легко понять, какую услугу оказали отряду гомборскіе стрѣлки, конвоировавшіе его на всѣхъ опасныхъ пунктахъ и въ продолженіе цѣлаго дня находившіеся въ огнѣ. 22-го іюля войска разорили аулъ Эндзеби, не пощадивъ конечно и его посѣвовъ, а на слѣдующій день двинулись къ аулу Калаки. 24-го числа, уничтоживъ калакскіе хутора, баронъ Вревскій перешелъ на лѣсистыя вы-

соты Типача. Непріятель собралъ громадныя скопища и атаковалъ арріергардъ, но опять наткнулся на гомборскіе штуцера, безъ которыхъ не обходился при отступленіяхъ ни одинъ арріергардный бой. Эта непріятная встрѣча заставила его вскорѣ оставить отрядъ въ покоѣ.

Донося князю Барятинскому о дѣйствіяхъ войскъ, среди которыхъ стрѣлки играли такую видную роль, баронъ Вревскій прибавилъ: „не имѣю возможности передать всѣ частные подвиги, совершенные въ это время. Не могу найти словъ, чтобы выразить всѣ военныя доблести и добродѣтели, которыми каждый, проникнутый своимъ долгомъ, постоянно отличался. Милиція несла службу наравнѣ съ регулярными войсками и во всѣхъ дѣлахъ была впереди; пѣхота наравнѣ съ милиціею взбиралась на высоты отъ 10 до 11 тысячъ футъ по тропинкамъ едва доступнымъ для самихъ горцевъ. Каждая встрѣча съ непріятелемъ была ознаменована побѣдою. Занятые съ боя завалы пересчитать трудно. Штурмомъ взято три крѣпости, изъ коихъ двѣ каменныя, сложенныя на извести; 34 богатыя деревни, укрѣпленныя башнями и самою природою, уничтожены до основанія съ ихъ посѣвами, и можно сказать, что недоступный доселѣ Анцухъ остается безъ крова и безъ хлѣба. Непріятель потерялъ убитыми и раненымн болѣе 300 человѣкъ; въ рукахъ нашихъ осталось два орудія. Блистательные эти результаты достигнуты стремительностью атакъ и примѣрнымъ порядкомъ. Нравственное вліяніе уничтоженія Анцуха должно потрясти не только весь Анкратль, но и имѣть большое вліяніе на весь средній Дагестанъ“. Этими строками лучше всего очерчивается, между прочимъ, и дѣятельность гомборцевъ въ составѣ лезгинскаго отряда въ 1858 году. Государь Императоръ, прочитавъ журналъ военныхъ дѣйствій лезгинскаго отряда съ 1-го по 29-е іюля, изволилъ собственноручно начертать на немъ: „*молодецкая экспедиція, за которую объявить особое благоволеніе генералъ-лейтенанту барону Вревскому и всѣмъ начальствовавшимъ; нижнимъ чинамъ по два рубля и войти съ представленіемъ объ отличившихся*“. Въ числѣ офицеровъ, особенно отличившихся, баронъ Вревскій указывалъ на подпоручика кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Тальгрена, который получилъ рѣдкую, сообразно его чину, награду—золотое оружіе съ надписью „за храбрость“.

Давъ войскамъ отдохнуть, баронъ Вревскій рѣшилъ направиться въ Анцросо—мѣстопребываніе главнаго наиба Анкратля, извѣстнаго своими похожденіями на лезгинской линіи, Бакракъ-Али. 31-го іюля онъ произвелъ рекогносцировку дорогъ, ведущихъ въ аулъ Кутлабъ, на который долженъ былъ пасть первый ударъ. Отъ урочища Типача туда вели двѣ дороги: одна, ближайшая, черезъ лѣсистый гребень Чумаколо; другая—сначала по лѣсистому хребту Калиша, потомъ по скату и оврагу громадной горы Шубди-Мееръ. Знали ли горцы намѣреніе барона Вревскаго, или просто предвидѣли наше вторженіе—во всякомъ случаѣ они построили на обѣихъ дорогахъ сомкнутыя каменныя укрѣпленія и, кромѣ того, на Чумаколо нѣсколько каменныхъ заваловъ, которые сильно заняли многочисленнымъ скопищемъ, рѣшившись, повидимому, упорно защищать доступы въ Кутлабъ и другіе аулы Анцросо.

1-го августа отрядъ двинулся по дальней дорогѣ на хребетъ Калиша и расположился лагеремъ въ виду непріятеля, занимавшаго высоты Чумаколо. Авангардъ полковника Корганова въ 10 ч. утра построилъ саженяхъ

въ 250-ти отъ Чумаколо мортирную батарею и началъ громить позицію горцевъ. Стрѣльба изъ полупудовыхъ мортиръ, неизвѣстная еще мѣстнымъ горцамъ, произвела свое дѣйствіе, и толпы бѣжали за завалы; но и тамъ онѣ не избѣгли нашихъ гранатъ. Чтобы сбить ихъ съ гребня и изъ заваловъ и занять черельскій мостъ—единственный проходъ въ Анцросо, баронъ Вревскій раздѣлилъ отрядъ на три колонны и ввѣрилъ ихъ подполковнику Гарднеру, князьямъ Джандіери и Туманову. Первыя двѣ должны были обойти фланги непріятеля, а третья—атаковать его съ фронта. Общее начальствованіе надъ ними было поручено полковнику Корганову, и выступленіе было назначено на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Роты гомборскихъ стрѣлковъ были распредѣлены между колоннами поровну. Но планъ барона Вревскаго долженъ былъ измѣниться, такъ какъ горцы, потрясенные нашимъ огнемъ особенно изъ мортиръ, потеряли всякую надежду отстоять свою крѣпость, зажгли ее и бѣжали по направленію къ черельскому мосту. Чтобы не дать имъ уничтожить его, баронъ Вревскій быстро двинулъ колонну подполковника Гарднера, а за нею и другія двѣ колонны. Гарднеръ настигъ лезгинъ, атаковалъ ихъ и преслѣдовалъ на разстояніи шести верстъ по узкой скалистой дорогѣ до самаго черельскаго моста, который былъ уже подожженъ. Но огонь скоро былъ потушенъ, мостъ исправленъ, и войска перешли на другой берегъ. Аулъ Тларата—мѣстопребываніе наиба, сдѣлался первою жертвою; за нимъ немедленно сожжены всѣ другіе аулы по берегу рѣки Черель-оръ и захвачено много скота, имущества и трое плѣнныхъ. Войска сосредоточились на ночлегъ въ аулѣ Тларата. Всѣ прочіе аулы Анцросо были уничтожены, за исключеніемъ двухъ, съ которыми рѣшили покончить уже на другой день. Для истребленія ихъ были назначены, подъ общимъ начальствомъ полковника Корганова, двѣ колонны [6]): первая, подполковника князя Джандіери, послѣ незначительной перестрѣлки гомборцевъ съ горцами, взяла и уничтожила аулы Хамаръ и Барнабъ; вторая [7]), подполковника Гарднера, направленная вслѣдъ за нею, атаковала аулы общества Ухнада. „Три раза горцы пытались остановить наши войска—доносилъ баронъ Вревскій—но, постоянно опрокидываемые и преслѣдуемые стрѣлками и милиціею, были, наконецъ, настигнуты въ аулѣ Индухъ и, послѣ краткаго боя, оставивъ въ рукахъ милиціи три тѣла, бѣжали въ Ташъ“. Въ этотъ же день полковникъ Коргановъ произвелъ усиленную рекогносцировку заваловъ, устроенныхъ на скалистомъ хребтѣ Урдан, между Анцросо и Бохнада. Въ колоннѣ Корганова шла также и третья рота гомборскихъ стрѣлковъ. При обратномъ движеніи горцы насѣли на арріергардъ и опять затѣяли дѣло съ стрѣлками, „но дѣйствіемъ нарѣзныхъ ружей остановлены и обращены назадъ съ большими потерями“.

4-го августа двѣ роты гомборцевъ участвовали въ усиленной рекогносцировкѣ въ общество Ташъ и въ уничтоженіи нѣсколькихъ хуторовъ съ ихъ посѣвами, а 5-го числа тѣ же двѣ роты вошли въ составъ колонны, посланной подъ начальствомъ полковника Корганова для уничтоженія ауловъ общества Бохнада. Для занятія сильныхъ заваловъ, устроенныхъ на хребтѣ

[6]) Три роты Мингрельскаго полка, рота кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, три сотни пѣшей и двѣ сотни конной милиціи.

[7]) Шесть ротъ Грузинскаго полка, одна рота гомборскихъ стрѣлковъ и 3 сотни милиціи.

Урдан, полковникъ Коргановъ направилъ черезъ горы въ обходъ небольшую колонну въ составѣ двухъ ротъ гомборскихъ стрѣлковъ и трехъ сотенъ пѣшей милиціи, подъ командою войсковаго старшины Магалова, а самъ съ остальными войсками двинулся прямо на завалы по большой дорогѣ, также занятой непріятелемъ. „Появленіе стрѣлковъ и милиціи—по словамъ барона Вревскаго—выше заваловъ заставило горцевъ бѣжать послѣ незначительной перестрѣлки". Для преслѣдованія ихъ была выслана конная милиція подъ начальствомъ подполковника кн. Джандіери. Милиціонеры по пятамъ лезгинъ ворвались въ главный аулъ Бохнады—Никаръ, а войсковой старшина Магаловъ, со стрѣлками и пѣшею милиціею, спустился въ то время съ горы и, занявъ аулъ Цикиль, истребилъ его со всѣми хлѣбами и посѣвами. Подоспѣвшія войска уничтожили всѣ прочіе аулы и хутора общества. Тушины, продолжавшіе между тѣмъ преслѣдованіе горцевъ, ворвались въ ущелье, гдѣ были спрятаны ихъ семейства—и завязалась сильная перестрѣлка. Храбрые тушины оказались въ критическомъ положеніи, такъ какъ горцы отличались особенною стойкостью, когда приходилось имъ отстаивать свои семейства. Полковникъ Коргановъ „тотчасъ же направилъ въ ущелье всю пѣшую милицію, а на поддержку ей—двѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ. Милиція, искусно поддержанная стрѣлками, по словамъ барона Вревскаго, дѣйствовала съ блестящимъ успѣхомъ". Горцы пытались защищаться, но, разбитые наголову, бѣжали, оставивъ четырнадцать тѣлъ; многіе изъ нихъ погибли подъ кручею, а въ плѣнъ захвачено 23 души обоего пола; кромѣ того, отнято вдоволь всякаго имущества, оружія и 102 штуки рогатаго скота. При отступленіи лезгины преслѣдовали колонну; но, не рѣшаясь подходить близко къ штуцерамъ, бывшимъ въ арріергардѣ, они лишь провожали ее орудійною пальбою, которая, впрочемъ, по дальности, не принесла намъ никакого вреда. Къ вечеру колонна успѣла стянуться въ лагерѣ у Тларата. Наши потери состояли изъ 14 раненыхъ милиціонеровъ.

Результаты послѣднихъ четырехъ дней были громадны: поражая горцевъ вездѣ, гдѣ они осмѣливались появляться, отрядъ уничтожилъ до основанія всѣ безъ исключенія аулы, хлѣба и хутора общества Анцросо, три большихъ аула Ухнады и два аула съ шестью хуторами Бохнады; имъ взято въ плѣнъ 26 душъ, отбито огромное количество оружія и имущества и 300 штукъ рогатаго скота.

„Необыкновенный успѣхъ дѣйствій въ Анцросо, Ухнада и Бохнада—замѣчаетъ баронъ Вревскій—есть прямой результатъ пораженія Анцуха—сердца всего Анкратля".

6-го августа отрядъ поднялся на скатъ Шубди-Меера. Непріятель какъ ни былъ потрясенъ, а все же рѣшилъ попытать счастья и напалъ на арріергардъ, гдѣ слѣдовали эриванцы, мингрельцы и двѣ роты гомборцевъ. Преслѣдованіе его было довольно продолжительное, но безуспѣшное, потому что стрѣлки не допустили его нанести отряду какой нибудь вредъ. На слѣдующій день отрядъ передвинулся къ калакскимъ хуторамъ и здѣсь расположился на отдыхъ.

Но самымъ важнымъ результатомъ экспедиціи было то, что 9-го августа прибыли къ барону Вревскому анцухскіе старшины и принесли покорность; ихъ примѣру послѣдовали также и капучинцы. Но эта покорность

вызвала новую экспедицію, такъ какъ напбы дидойскій, богозскій и илянхевскій, за измѣну анцухо-капучинцевъ, вырѣзали нѣкоторыя ихъ семейства, захватили имущество и собирались всѣхъ остальныхъ спровадить въ глубину горъ. Необходимо было во что бы то ни стало отстоять эти семейства и, для дальнѣйшей безопасности, переселить ихъ на плоскость. Для этого была снаряжена колонна подъ командою подполковника Гарднера. Она двинулась въ Анцухъ, захватила, между прочимъ, одно непріятельское орудіе, бывшее въ укрѣпленіи Гетинигенъ, и, забравъ съ собою множество семействъ съ ихъ имуществомъ и скотомъ, 12 августа прибыла въ лагерь. Начальнику другой колонны подполковнику кн. Джандіери было приказано освободить семейства и скотъ аула Бежита и разбить непріятельскую партію въ 1500 человѣкъ, собравшуюся на отрогѣ богозской горы Балакури. Въ составъ колонны вошла рота гомборскихъ стрѣлковъ капитана Геннинга 2-го.

Колонна двинулась ночью по ущелью къ аулу Бежита и, пройдя его, выдѣлила изъ себя часть въ обходъ на гору Гогеатль. Остальныя войска, подъ командою маіора Рукевича, должны были ожидать, пока обходная колонна отрѣжетъ горцамъ путь отступленія. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что лезгины занимали двѣ отдѣльныя позиціи: одну на склонѣ горы Гогеатль, другую—у бежитскихъ хуторовъ. Главныя силы, направленныя на эти хутора, встрѣтили лезгинскій конный пикетъ. Джарскіе милиціонеры и гомборцы преслѣдовали его до перваго непріятельскаго лагеря; за ними послѣдовала остальная пѣхота, которая, „не смотря на крутизну горы, бѣгомъ“ прошла все разстояніе до лагеря и ворвалась въ него. Лезгины бѣжали и присоединились къ толпамъ, расположеннымъ на скатѣ Гогеатля. Гомборцы тотчасъ завязали съ ними перестрѣлку и тѣмъ замаскировали движеніе нашей обходной колонны. Думая серьезно защищаться противъ колонны Рукевича, горцы поспѣшили занимать вершину горы, но, къ ужасу ихъ, на ней показались наши войска. Отказавшись отъ своего намѣренія, они устремились внизъ, но дороги вездѣ были заняты нашею пѣхотою. „Окруженные со всѣхъ сторонъ, лезгины бросились съ крутаго обрыва въ пропасть, чтобы пройти на противоположную гору. Подъ убійственнымъ огнемъ стрѣлковъ капитана Геннинга они здѣсь понесли ужасное пораженіе. Часть милиціонеровъ пустилась по ихъ слѣдамъ, а стрѣлки били ихъ съ высоты навыборъ до тѣхъ поръ, пока это оказалось возможнымъ. Свыше ста тѣлъ устлали собою путь бѣгства непріятеля“. Результатомъ этого блистательнаго дѣла было освобожденіе до 400 семействъ бежитцевъ съ ихъ имуществомъ и скотомъ. Въ числѣ павшихъ знатныхъ лезгинъ были напбы: богозскій Абакаръ-Гаджи и капучинскій Ибадулла-Магома-Али. Сверхъ того, въ рукахъ нашихъ осталось три напбскихъ значка, множество оружія, 23 лошади и 1600 барановъ. Съ нашей стороны потеря, благодаря внезапности нападенія, ограничилась однимъ раненымъ милиціонеромъ. Въ своемъ донесеніи начальникъ колонны подполковникъ князь Джандіери, въ числѣ весьма немногихъ отличившихся офицеровъ, счелъ „своимъ священнымъ долгомъ свидѣтельствовать“ объ особенной храбрости и распорядительности капитана Геннинга [8]). Всѣ изъявившіе покорность анцухцы и капучинцы, въ числѣ 1240 душъ, были отправлены

[8]) Секр. дѣло 2-го отд. ген. штаба. 1858 года № 1.

съ имуществомъ и стадами на плоскость подъ прикрытіемъ особой колонны, долженствовавшей оставаться при нихъ до окончательнаго водворенія. Прочія же войска въ это время усердствовали въ раззореніи ауловъ Генитль и Эшитль, принадлежавшихъ илянхевскому обществу; горцы пытались защищать ихъ, но, попавъ подъ штуцерной огонь гомборцевъ, вскорѣ разсыпались.

19-го, отрядъ перешелъ на позицію Кхейдо, а на слѣдующій день двинулся къ илянхевскому аулу Китури. 300 отчаянныхъ мюридовъ, въ ожиданіи русскихъ, сильно укрѣпили этотъ аулъ, каждая сакля котораго представляла небольшую крѣпость, снабженную множествомъ бойницъ и т. п. сооруженій. „Необходимо было—по словамъ барона Вревскаго—во что бы ни стало взять аулъ и тѣмъ еще разъ доказать имъ невозможность намъ сопротивляться“. Для штурма была назначена, подъ начальствомъ полковника де-Саже, колонна изъ 21-й роты гренадерской дивизіи, двухъ ротъ гомборскихъ стрѣлковъ, взвода саперъ, четырехъ горныхъ орудій, $3^1/_2$ сотенъ пѣшей и 2 сотенъ конной милиціи. Войска эти выступили въ 7 ч. утра 20-го августа двумя эшелонами и совершенно налегкахъ. Правый, обходный эшелонъ, состоявшій изъ пѣшей милиціи, 1-й и 2-й ротъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою того же баталіона капитана Ильяшенко, направился на правую сторону илянхевскаго ущелья, а лѣвый, подъ личнымъ начальствомъ полковника де-Саже, двинулся по полугорѣ хребта Бешо. Оба соединились на вершинѣ хребта къ 12-ти часамъ утра.

Не смотря на быстрое и осторожное движеніе, непріятельскіе пикеты успѣли вовремя предупредить жителей Китури о нашемъ приближеніи, вслѣдствіе чего они поспѣшно отправили въ горы свои семейства и скотъ. Отовсюду начали стекаться партіи, и скоро покрылось ими все илянхевское ущелье въ тылу Китури. У полковника де-Саже пока находилось подъ рукою шесть стрѣлковыхъ ротъ (двѣ гомборскія и четыре Эриванскаго полка) и милиція. Такъ какъ остальныя войска еще не подошли, а необходимо было занять аулъ какъ можно скорѣе, чтобы отбить семейства лезгинъ и не дать гарнизону соединиться съ прибывшими партіями, то онъ и испросилъ на то разрѣшенія барона Вревскаго. Получивъ его, де-Саже двинулъ къ аулу свои наличныя силы въ два часа пополудни.

Китури лежитъ при соединеніи двухъ глубокихъ ущелій: илянхевскаго и другаго, образуемаго отрогами богозскаго хребта. По фронту его протекаетъ быстрая рѣчка, по лѣвому берегу которой спускаются лѣсистые отроги хребта Бешо. Крѣпкій своимъ мѣстоположеніемъ и притомъ хорошо укрѣпленный, онъ пока еще не былъ занятъ какъ слѣдуетъ. Необходимо было предупредить прибывшія партіи лезгинъ. Поэтому де-Саже поспѣшилъ прежде всего окружить аулъ и тѣмъ лишить его защитниковъ всякой надежды на помощь, а затѣмъ уже штурмовать. Соображаясь съ этимъ, онъ двинулъ впередъ авангардъ, который подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ перешелъ рѣчку частью по мосту, а частью въ бродъ, и затѣмъ раздѣлился надвое: милиція и взводъ гомборскихъ стрѣлковъ направились вправо, чтобы занять всѣ высоты со стороны богозскаго хребта, а остальныя полторы роты гомборцевъ и четыре стрѣлковыя роты эриванцевъ были двинуты къ аулу съ фронта и поставлены на позиціи въ 300 шагахъ отъ него. Черезъ

часъ окрестныя высоты были нами заняты, и аулъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. Часть непріятеля, покушавшаяся бѣжать, была побита, а спѣшившія на помощь партіи остановлены. Повидимому, все предвѣщало успѣхъ, и можно было ожидать, что защитники аула, охваченные въ кольцо и лишенные всякой надежды на помощь извнѣ, положатъ оружіе. Но не такъ вышло на дѣлѣ.

Четыре роты эриванцевъ, покровительствуемыя частымъ огнемъ полуторы роты гомборскихъ стрѣлковъ, бросились къ аулу; но, встрѣченныя сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, внезапно остановились. Напрасно нѣкоторые храбрецы подавали собою примѣръ самоотверженія. Это ни къ чему не повело: эриванцы отступили и залегли передъ ауломъ. Необходимость бомбардировать Китури стала очевидною для всѣхъ. Тогда саперы быстро построили эполементы для орудій и закрытія для стрѣлковъ—и началась артилерійская канонада, съ первыхъ же выстрѣловъ весьма успѣшная. Скоро были разрушены башни и смежныя съ ними части стѣны, съ которой непріятель дѣйствовалъ энергично. Гомборцы ни минуты не переставали стрѣлять, не пропуская случая поражать лезгинъ, перебѣгавшихъ по крышамъ сакль. Наконецъ, прибыли и другія части колонны. Стрѣлки Грузинскаго полка заняли позицію между артилеріею и эриванцами; штурмовавшія аулъ двѣ стрѣлковыя роты Эриванскаго полка были направлены на лѣвый флангъ аула, съ приказаніемъ держаться въ связи—влѣво съ милиціею и вправо съ ротою гомборскихъ стрѣлковъ шт.-капит. Ильяшенко. Канонада продолжалась самымъ энергическимъ образомъ. Въ разгарѣ боя непріятель показался массами „въ тылу у насъ на лѣсистыхъ отрогахъ хребта Бешо. Для удержанія его дальнѣйшихъ попытокъ, поставлена была на лѣвомъ отрогѣ рота гомборскихъ стрѣлковъ капитана Геннинга и рота стрѣлковъ Грузинскаго полка". Стрѣлки Мингрельскаго полка заняли выходъ изъ ущелья, а Тифлисскаго полка были оставлены въ резервѣ.

Дѣйствіе артилерійскаго огня замѣтно поколебало непріятеля. Часть аула, на которую бросились эриванцы, была объята пламенемъ. Полковникъ де-Саже приказалъ ротамъ Эриванскаго и Грузинскаго полковъ снова идти на штурмъ. Построившись въ ротныя колонны, эриванцы и грузинцы бросились на центральную часть аула, гдѣ сконцентрировался непріятель, но были встрѣчены такимъ убійственнымъ огнемъ, что могли занять только передовыя сакли. Въ это время прибылъ баронъ Вревскій и принялъ на себя личное распоряженіе боемъ. Лишь только онъ выѣхалъ впередъ, какъ двѣ пули поразили его почти одновременно [9]). Несчастье это произошло на глазахъ всего отряда. Озлобленные злополучіемъ своего любимаго вождя, солдаты рванулись впередъ и теперь уже къ самому центру аула, но опять

[9]) Раны были тяжелыя, и черезъ десять дней онѣ свели въ могилу одного изъ даровитѣйшихъ и незамѣнимыхъ нашихъ генераловъ. Оставляя въ сторонѣ прежнія его заслуги, достаточно указать на дѣла его въ лезгинскомъ отрядѣ. Огромные успѣхи въ Дидо, купленные невѣроятно малыми потерями, слѣдуетъ приписать его чрезвычайному умѣнію вводить непріятеля въ заблужденіе. Свои планы и предположенія баронъ Вревскій умѣлъ скрывать даже отъ своихъ приближенныхъ до послѣдней возможности. Обходныя и фланговыя движенія его колонны, благодаря его необыкновенно развитому глазомѣру, всегда вѣнчались успѣхомъ; направленныя имъ на одинъ и тотъ же пунктъ, но разными, часто весьма извилистыми и пересѣченными дорогами, онѣ всегда сходились и нападали на непріятеля одновременно.

напрасно: горцы были неодолимы за своими каменными преградами, а потери наши очень ощутительны. Чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ и напрасныхъ жертвъ, полковникъ де-Саже приказалъ подобрать убитыхъ и раненыхъ, вывелъ войска изъ аула и ограничился одною канонадою. Но тяжело раненый баронъ Вревскій, не переставая до сихъ поръ руководить войсками, отдалъ такое приказаніе: „однимъ молодецкимъ ударомъ рѣшить дѣло, пользуясь крайнимъ изнуреніемъ непріятеля“. Завѣтъ этотъ былъ точно приведенъ въ исполненіе, но только уже ночью. Въ два часа пополуночи, тушины, поддержанные стрѣлками и охотниками, ворвались въ аулъ и зажгли его со всѣхъ сторонъ. Фанатическіе защитники его оставили подъ развалинами сакль болѣе трехсотъ тѣлъ. У насъ же полтораста человѣкъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными. Перечисляя офицеровъ, отличившихся въ китуринскомъ сраженіи, полковникъ де-Саже съ „особенною похвалою“ отзывается о командирахъ 1-й и 2-й ротъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона капитанѣ Геннингѣ 2-мъ и шт.-кап. Ильяшенко [10]).

На другой день приказано отступать. Объ этомъ провѣдали горцы и были готовы къ преслѣдованію еще до разсвѣта. Съ правой стороны плянхевскаго ущелья, чуть-свѣтъ, показалась партія въ 500 человѣкъ всадниковъ, а съ прочихъ высотъ начали спускаться многочисленныя толпы. Для отступленія были приняты слѣдующія мѣры: по двумъ отрогамъ хребта Бешо, составляющимъ ущелье, по которому долженъ былъ отступать отрядъ, направлены были двѣ небольшія колонны—лѣвая, состоявшая изъ роты гомборскихъ стрѣлковъ и двухъ сотенъ милиціи, подъ командою капитана Геннинга 2-го, и правая въ составѣ роты стрѣлковъ и сотни милиціи—Гогніева. Остальная рота гомборскихъ стрѣлковъ была назначена въ арріергардъ, ввѣренный подполковнику Габаеву; эриванцы были въ резервѣ.

Отступленіе началось лишь тогда, когда всѣ вьюки и транспортъ съ больными и ранеными вытянулись на гору. Едва только тронулся авангардъ, какъ со всѣхъ сторонъ нахлынули лезгины, и прежде всего на боковыя колонны и арріергардъ. Но гомборцы и прочіе стрѣлки имѣли передъ собою уже не каменныя стѣны Китури, а людей, которыхъ всегда били въ открытомъ полѣ, и потому всѣ покушенія горцевъ, по донесенію полковника де-Саже, „были отражены мѣткостью нарѣзнаго оружія стрѣлковыхъ ротъ“. Не смотря на сильныя нападенія горцевъ въ лѣсистомъ ущельи, изъ строя убылъ у насъ только одинъ легко раненый, между тѣмъ какъ непріятель понесъ весьма чувствительную потерю.

Страдая отъ ранъ и чувствуя себя не въ силахъ руководить дѣйствіями отряда, генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій, при отступленіи отъ Китури, передалъ командованіе имъ даровитому и во всѣхъ отношеніяхъ достойному сподвижнику своему полковнику Корганову, поручивъ ему предпринять походъ въ Дидо, на развалинахъ котораго возникла жизнь, хлѣбопашество и т. п., и тѣмъ окончить экспедицію 1858-го года. Полковникъ Корганов выполнилъ приказаніе блистательно. Онъ началъ съ того, что всѣхъ раненыхъ и больныхъ отослалъ, подъ прикрытіемъ восьми ротъ пѣхоты, въ томъ числѣ одной роты гомборцевъ, и двухъ горныхъ орудій,

[10]) Рапортъ 23-го августа 1858 года № 152.

въ Кварели, а съ остальными войсками [11]), въ составъ которыхъ вошли двѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ, безъ палатокъ, совершенно налегкахъ, и лишь съ десятидневнымъ провіантомъ, перешелъ на урочище Барибъ-Майданъ. Полковникъ князь Челокаевъ, съ особою колонною, долженъ былъ занять высоты Цендако.

24-го и 25-го августа войска уничтожили аулы: Инухо, большой и малый Кидеро, большой и малый Гутохо, Эльбако, Вицію, Хибію, Шопихо и Халахо, съ ихъ башнями и посѣвами. Дидойцы, укрывъ семейства и имущество въ илянхевскомъ обществѣ, сгруппировались въ значительныхъ массахъ на всѣхъ высотахъ, окружавшихъ только-что разоренные аулы. Но эти сборы были совершенно безопасны: они лишь „тревожили насъ въ лѣсахъ и ущельяхъ, а также въ ночное время. Бдительность стрѣлковъ и милиціи, искусно устраивавшихъ засады, наносила имъ большой вредъ". 25-го августа явились къ полковнику Корганову, съ изъявленіемъ покорности, старшины сел. Асахо. 26-го числа тушинская колонна князя Челокаева, поднявшись на Цендако, прибыла къ главнымъ силамъ, уничтоживъ по пути аулы Кемеши и Чиліахо и истребивъ множество посѣвовъ. Въ этотъ же день полковникъ Коргановъ получилъ свѣдѣніе, что дидойцы поклялись Даніельбеку держаться въ аулѣ Цибаро противъ русскихъ до послѣдней возможности. Произведенная рекогносцировка обнаружила возможность взять Цибаро приступомъ. Немедленно была составлена диспозиція такого рода: войска должны были двинуться на Цибаро съ разсвѣтомъ 27-го августа, двумя колоннами. Первой, подъ начальствомъ маіора Виберга [12]), приказано—обойдя горами, безъ дорогъ, аулъ Цибаро съ лѣвой стороны, появиться у него въ тылу, а второй, подъ начальствомъ полковника Врангеля—ударить на аулъ съ фронта. Въ составъ послѣдней колонны вошла одна рота гомборскихъ стрѣлковъ. Общее командованіе обѣими колоннами было возложено на полковника князя Челокаева.

Маіоръ Вибергъ выступилъ съ разсвѣтомъ и, поднимаясь на гору черезъ селеніе Ицпрахо, нашелъ его незанятымъ, зажегъ и быстро направился къ Цибаро. Аулъ этотъ, укрѣпленный башнями, лежалъ въ глубинѣ ущелья, при сліяніи рѣкъ Асахо и Ори-Цхали, на крутомъ скалистомъ обрывѣ. Горцы крѣпко вѣрили въ недоступность своей позиціи и рѣшились, повидимому, защищать ее до послѣдней возможности; но неожиданное появленіе въ тылу у нихъ обходной колонны маіора Виберга несказанно встревожило ихъ. Къ 10-ти часамъ утра полковникъ Врангель успѣлъ подвести и свою колонну, а въ 11 часовъ князь Челокаевъ подалъ сигналъ къ штурму. „Милиція обѣихъ колоннъ—доносилъ князь Челокаевъ—подъ покровительствомъ огня стрѣлковъ, съ быстротою бросилась въ аулъ и, не смотря на убійственный ружейный огонь горцевъ, ворвалась въ него". На улицахъ, между саклями, произошла страшная суматоха. Солдаты дрались съ ожесточеніемъ и въ тоже время жгли дома, такъ что черезъ полчаса лезгины принуждены были бѣжать, преслѣдуемые огнемъ стрѣлковъ.

---

[11]) Семь ротъ эриванцевъ, одиннадцать ротъ грузинцевъ, три роты тифлисцевъ, шесть ротъ мингрельцевъ, двѣ роты гомборцевъ, четыре горныхъ единорога, двѣ полупудовыхъ мортиры, пять сотенъ пѣшей, двѣ сотни конной милиціи и двѣ сотни донцовъ № 8 полка.

[12]) Впослѣдствіи командиръ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона.

Цибаро запылало. Но оказалось, что не всѣ защитники бѣжали: отважнѣйшіе изъ нихъ засѣли въ трехъ-этажной каменной башнѣ, съ деревяннымъ верхомъ, приспособленнымъ къ навѣсной оборонѣ; это было послѣднее убѣжище и послѣдняя ихъ надежда отстоять себя, такъ какъ въ эту башню можно было засѣсть съ единственною цѣлью умереть съ честью. Башня была молодецки атакована милиціею, но не взята, потому что убійственный огонь изъ трехъ-ярусныхъ бойницъ и навѣсная стрѣльба съ крыши заставили ее отступить. Тогда подвезены были два горныхъ орудія, и, послѣ полуторачасовой изъ нихъ канонады, башня рухнула и погребла подъ своими развалинами всѣхъ до единаго героевъ. Въ три часа пополудни колонна начала отступать къ лагерю тремя дорогами, прикрывшись преимущественно гомборскими стрѣлками. Толпы непріятеля, до сихъ поръ любовавшіяся картиною пылавшаго Цибаро, вышли изъ илянхевскаго ущелья и открыли преслѣдованіе; но, „попавъ подъ тройной огонь нашихъ стрѣлковъ и милиціи, повернули назадъ“. Войска въ семь часовъ вечера прибыли въ лагерь.

Даніельбекъ, соблазнившій жителей Цибаро, не подалъ имъ помощи. Это обстоятельство подѣйствовало поучительно на умы другихъ ауловъ, которые пока были свободны отъ происковъ элисуйскаго султана.

28-го августа большая часть отряда, не исключая, конечно, обѣихъ ротъ гомборскихъ стрѣлковъ, занялась опустошеніемъ и истребленіемъ ауловъ Цыцмахо, Хойтло и Хупро, съ ихъ посѣвами. Послѣ этого полковникъ Коргановъ, считая свое дѣло конченнымъ, приказалъ приготовиться къ обратному движенію на линію. Но отряду оставалось преодолѣть еще одно препятствіе въ Дидо, именно—проходъ черезъ утесистый, покрытый густымъ лѣсомъ подъемъ, идущій изъ ущелья Хитрахо и представлявшій непріятелю всѣ выгоды для нападенія. Затрудненіе это было для насъ очень серьезное, потому что войска прикрывали до тысячи душъ дидойцевъ, перешедшихъ, послѣ вторичнаго погрома, въ наше подданство и теперь переселявшихся на плоскость.

Передъ разсвѣтомъ 29-го августа началось отступленіе двумя колоннами. Одна, съ участіемъ обѣихъ ротъ гомборцевъ, успѣла занять въ пять часовъ утра опасный хитрахойскій подъемъ; другая выступила за нею вмѣстѣ съ семействами и стадами переселенцевъ. Обѣ колонны успѣли безпрепятственно выйти изъ лѣсной полосы и благополучно прибыли на урочище Хуприсъ-тави. Когда же тронулся съ мѣста арріергардъ, то горцы, скрытно прошедшіе черезъ лѣсистое хупринское ущелье, бросились на него съ чрезвычайною дерзостью. Произошла жестокая схватка. Это неожиданное нападеніе побудило полковника Корганова выслать на помощь атакованнымъ, подъ командою Рукевича, всю милицію, шесть ротъ Мингрельскаго полка и обѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, уже расположившіяся на бивакъ. Пѣхота, сбѣжавъ въ ущелье, гдѣ кипѣлъ отчаянный бой, бросилась въ штыки и, черезъ нѣкоторое время, при содѣйствіи милиціонеровъ, обратила непріятеля въ бѣгство. Потери его были громадны. Къ семи часамъ все кончилось, и войска стянулись на Хуприсъ-тави. У насъ изъ строя выбыло шесть штабъ и оберъ-офицеровъ и 49 нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ убитыми, ранеными и контуженными; въ числѣ ихъ гомборцевъ было убито два и ранены кинжалами пять. Конецъ дидойской

экспедиціи совпалъ съ радостнымъ и высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства Государя Императора. 31-го августа отрядъ двинулся на плоскость черезъ Андаразань и Кодору. На кодорскомъ перевалѣ онъ былъ застигнутъ необыкновенною мятелью, снѣгомъ и градомъ. Къ шести часамъ вечера войска спустились въ натлисъ-мцемельское ущелье. Часть ихъ отсюда была распредѣлена по линіи для охраны края, а другая часть, съ гомборскими стрѣлками, была 1-го сентября отпущена въ штабъ-квартиры. „Дидойское общество—доносилъ полковникъ Коргановъ—житница всего анкратльскаго союза, обращено въ груду камней и пепла". Вообще же продолжительная экспедиція 1858 г. имѣла важныя послѣдствія. Не только дидойцы, но и весь анкратльскій союзъ пришелъ къ безповоротному убѣжденію, что Шамиль не въ силахъ спасти Дагестанъ. Имамъ никакъ отъ населенія не могъ скрыть, что, тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими войсками, онъ терпѣлъ пораженіе на каждомъ шагу. Восхваляя многоразличные подвиги войскъ, и перечисляя особенно отличившихся офицеровъ, полковникъ Коргановъ представилъ въ числѣ ихъ также и штабсъ-капитана гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Ильяшенко, какъ „заслуживающаго особеннаго вниманія" [13]). По докладу Государю Императору журнала военныхъ дѣйствій лезгинскаго отряда съ 29-го іюля по 1-е сентября, Его Величество изволилъ собственноручно начертать на немъ: *„полковнику Корганову объявить благоволеніе въ приказъ, равно и всѣмъ начальникамъ и офицерамъ; нижнимъ чинамъ по одному рублю серебромъ"*. Кромѣ того, гомборскіе стрѣлки получили слѣдующія награды: командиръ баталіона полковникъ Фрейгангъ—золотое оружіе съ надписью „за храбрость"—за примѣрное мужество и распорядительность, оказанныя въ дѣлахъ 16-го и 22-го іюля; капитанъ Геннингъ, *„особенно мужественно и храбро распоряжавшійся при движеніи изъ Анцуха"*, награжденъ чиномъ маіора, со старшинствомъ съ 22-го іюля и съ оставленіемъ въ баталіонѣ; командовавшій 2-ю ротою шт.-капитанъ Ильяшенко за китурпское дѣло получилъ орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами; баталіонный адъютантъ штабсъ-капитанъ Гресссръ—слѣдующій чинъ [14]); подпоручикъ Генумондъ, прапорщики: Олферовъ и Родзевичъ (Николай)—слѣдующіе чины; прикомандированный къ баталіону лекарь Яшинъ, „находившійся при ротахъ стрѣлковъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ"—орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами. Нижнимъ чинамъ пожаловано девятнадцать знаковъ отличія военнаго ордена [15]).

---

[13]) Рапортъ полковника Корганова 2-го сентября 1858 года № 472.

[14]) Тальгренъ, произведенный уже въ поручики, какъ извѣстно, получилъ золотое оружіе.

[15]) Фельдфебеля: Семенъ Степановъ 2-й степени № 261, Степанъ Островерченко 3-й степени № 945; унтеръ-офицеры: Иванъ Александровъ, Степанъ Мурадовъ № 7134, Агабекъ Аганджановъ № 7135—всѣ 3-й степени. 4-й степени: унт.-оф.: Николай Поповъ № 7136, Степанъ Купцовъ № 7139, Кирилъ Арцыбашевъ № 7140, Эдуардъ Ленцъ № 7137, Леопольдъ Линдбладтъ № 7138; рядовые: Сафронъ Бурцовъ № 7141, Елистратъ Нефедьевъ № 7143, Байтемъ Абдулинъ № 72142, Петръ Тельшевскій № 7144, Николай Наумовъ № 7145, Михаилъ Вдовенко № 7146, Яковъ Фурмановъ № 7147, Рядовой Федоръ Ивановъ награжденъ на мѣстѣ отличія *„за особенное мужество при разбитіи непріятеля* на укрѣпленной позиціи Чумаколо" крестомъ за № 2160; точно такимъ же образомъ награжденъ былъ и рядовой Агафонъ Скрябинъ № 2204. Сверхъ этого, фельдшеръ Иванъ Кузьминъ, самоотверженно „подъ выстрѣтами непріятеля перевязывавшій раны стрѣлкамъ", награжденъ пятнадцатью рублями серебромъ.

По возвращеніи ротъ въ Гомборы, баталіонъ удостоился чести принять у себя Высокихъ Посѣтителей, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, которые изволили путешествовать по Кавказу. 4-я рота была назначена въ почетный караулъ.

1858-й годъ, между прочимъ, принесъ гомборцамъ слѣдующую реформу: они вышли изъ вѣдѣнія инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ герцога Георгія Мекленбургскаго и вошли, съ 13-го января того года, въ полное подчиненіе главнокомандующаго кавказскою арміею. Тѣмъ не менѣе, князь Барятинскій убѣдительно просилъ Его Высочество сообщать ему всѣ нововведенія и улучшенія въ стрѣлковыхъ баталіонахъ Россіи [16]). Въ концѣ этого года баталіонъ получилъ семилинейныя ружья Минье, а литтихскіе штуцера были сданы въ тифлисскій арсеналъ. Пули, которыми заряжались новыя ружья, не имѣли ушковъ, а свинецъ ихъ вжимался въ нарѣзы дѣйствіемъ помѣщавшихся въ нихъ чашечекъ, расширявшихся отъ давленія газовъ и раздававшихъ свинцовыя стѣнки пуль во всѣ стороны. Отъ этого становится понятнымъ, какихъ неудобствъ избѣгали стрѣлки при заряжаніи своихъ винтовокъ. На смотру цѣльной стрѣльбы, произведенномъ 27-го мая начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ барономъ Вревскимъ, изъ баталіона 102 стрѣлка были за „постоянно отличную стрѣльбу“ награждены деньгами въ общей сложности до ста руб., а 14 человѣкъ получили нашивки—унтеръ-офицеры вдоль погонъ изъ галуна, а рядовые на обшлагахъ полукафтановъ изъ бѣлой тесьмы [17]).

Цѣль экспедиціи 1858 года была почти вполнѣ достигнута, такъ какъ къ началу 1859-го года изъявили намъ покорность, кромѣ Анцуха, еще и другія пять обществъ: Ухнада, Бохнада, Канада, Тебель и Джурмутъ. При этихъ условіяхъ дальнѣйшія дѣйствія войскъ лезгинскаго отряда представляли одну продолжительную военную прогулку.

Наступилъ, наконецъ, послѣдній годъ владычества Шамиля—незабвенный 1859-й годъ. Въ сущности, за послѣдніе два года было нанесено столько смертельныхъ ударовъ восточному Кавказу, что окончательное покореніе его было вопросомъ времени, при томъ весьма непродолжительнаго. Отряды наши, тѣсня имама съ разныхъ сторонъ, уже концентрировались около него все ближе и ближе, и о финалѣ драмы уже не могло быть сомнѣнія. Гомборцы и въ этомъ году были назначены въ составъ лезгинскаго отряда, которому предстояла весьма важная и трудная задача: наступая черезъ снѣжный богозскій хребетъ въ Ункратль и Богулялъ, спуститься въ долину андійскаго Койсу. Сюда же должны были двигаться на соединеніе и совмѣстное рѣшеніе участи непокорнаго восточнаго Кавказа: чеченскій отрядъ черезъ Андію и Технуцалъ, а дагестанскій черезъ Гумбетъ. Такъ какъ, однако, лезгинскому отряду предстояло пройти весьма значительное разстояніе и преодолѣть по пути множество разныхъ препятствій, то начальнику его, генералъ-маіору князю Меликову предложено было занять пока Сотль и главные опорные пункты въ богозскомъ обществѣ, а затѣмъ ожидать результата дѣйствій въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ особыхъ приказаній главнокомандующаго.

---

[16]) Отзывъ начальника главнаго штаба 26-го января 1858 года № 348.

[17]) Приказъ по баталіону 29-го мая и 24-го іюня 1858 года №№ 149 и 155.

Къ началу іюля лезгинскій отрядъ [18]) стянулся на урочищѣ Чельтисъ-тави. Вошедшія въ него 2-я, 3-я и 4-я роты гомборскихъ стрѣлковъ прибыли подъ общимъ начальствомъ маіора Геннинга 2-го, въ составѣ, кромѣ Геннинга, еще одного штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 538 нижнихъ чиновъ, включая сюда четверть-инвалидную роту, пестроевую команду и фурштатовъ. 2-ю ротою командовалъ поручикъ Тальгренъ, 3-ю капитанъ Кабенинъ (Николай), а 4-ю поручикъ Коптевъ. 5-го іюля отрядъ выступилъ въ Дидо и къ вечеру расположился на урочищѣ Барисъ-тави. На другой день особая колонна полковника князя Челокаева, силою около трехъ баталіоновъ пѣхоты, направилась изъ тушинскаго селенія Дикло въ Тушетію, чтобы отвлечь вниманіе туземцевъ отъ главнаго отряда, который, устроивъ на Барисъ-Тави укрѣпленный вагенбургъ и оставивъ въ немъ небольшую колонну, немедля принялся разрабатывать дороги, съ одной стороны на Пахалисъ-Тави, съ другой — къ илянхевскому обществу на хребетъ Бешо. Передвинувшись сюда 18-го іюля, отрядъ принялся рубить просѣку по направленію къ роковому для насъ селенію Китури. Многія селенія дидойскаго общества прислали депутацію съ изъявленіемъ покорности и выдали аманатовъ. Ожидая, что примѣру дидойцевъ послѣдуютъ также и илянхевцы, князь Меликовъ въ теченіе двухъ дней не предпринималъ противъ нихъ ничего; но такъ какъ илянхевцы не думали о покорности, то онъ рѣшился истребить ихъ жилища.

Ознакомившись, посредствомъ рекогносцировокъ, съ тремя дорогами, ведущими съ Бешо въ Илянхеви, князь Меликовъ избралъ ту изъ нихъ (среднюю), которая пролегала прямо на Китури [19]). Отрядъ былъ раздѣленъ на пять колоннъ: первая, подъ командою маіора Геннинга 2-го, изъ трехъ ротъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, сотни пѣшей милиціи Телаевскаго уѣзда и полусотни мирныхъ дидойцевъ, и вторая такой же силы, подъ командою капитана Гурскаго, должны были, слѣдуя сперва вмѣстѣ за четвертою и пятою колоннами, спуститься внизъ, въ илянхевское ущелье, и занять два взаимно противуположныхъ отрога его; четвертая же и пятая должны были занять лѣвый и правый хребты, составляющіе ущелье, и всѣ вмѣстѣ облегчить тѣмъ движеніе по ущелью третьей колонны, главной, ввѣренной генералъ-маіору Корганову. Войска выступили съ разсвѣтомъ 20-го іюля. Когда четвертая и пятая колонны заняли лѣвый и правый хребты ущелья, колонны Геннинга и Гурскаго быстро спустились въ ущелье и полнымъ ходомъ достигли Китури. Неподалеку отъ него онѣ были встрѣчены съ высотъ сильнымъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ; но огонь этотъ очень скоро былъ потушенъ штуцерами гомборцевъ, такъ какъ лезгины, угадавъ, съ первыхъ же выстрѣловъ, противниковъ своихъ, поспѣшили очистить высоты, командующія надъ Китури. Тогда колонны Геннинга и Гурскаго прошли мимо селенія и заняли предназначенныя имъ позиціи; слѣ-

[18]) Шесть баталіоновъ пѣхоты, 21 стрѣлковая рота, нестроевая полурота, взводъ саперъ, эскадронъ кавалеріи, 1½ сотни казаковъ, 14 сотенъ пѣшей и конной милиціи, 8 горныхъ орудій и четыре полупудовыхъ мортиры.

[19]) Первая — главная вела къ верховьямъ илянхевскаго ущелья въ сел. Эшитль, 3-я къ сел. Шаури, закрывающему ущелье верховьевъ андійскаго Койсу. Всѣ три дороги были лѣсисты и мало доступны, въ особенности третья, упиравшаяся въ дикое и совершенно недоступное ущелье верховьевъ Койсу.

довавшая за ними главная колонна заняла Китури, брошенный лезгинами [20]). Вслѣдъ затѣмъ, выходы изъ ущелья, и въ особенности къ аулу Цикохо, были преграждены, и войска принялись жечь посѣвы и разворять жилища китурянцевъ. Мимоходомъ былъ захваченъ и аулъ Геніатль. Въ четыре часа, когда отъ обоихъ ауловъ остались груды камней и пепла, войска тронулись обратно на Бешо. Отступленіе открыла главная колонна, которую прикрывалъ сначала баталіонъ тифлисцевъ, а потомъ Геннингъ и Гурскій. Непріятель, не находя по пути опорныхъ для себя пунктовъ, преслѣдовалъ слабо и, благодаря распорядительности генералъ-маіора Корганова, не нанесъ намъ почти никакого вреда. Къ 9-ти часамъ вечера отрядъ прибылъ въ лагерь.

Вслѣдъ затѣмъ начальнику отряда дали знать, что горцы, скрывъ свои семейства въ укрѣпленномъ аулѣ Шаури, лежащемъ у входа въ дикое ущелье верховьевъ андійскаго Койсу, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпили аулы Хетохъ, Квитло, Цикохо и другіе. Рекогносцировка, произведенная на слѣдующій день къ селенію Азильто, подтвердила это извѣстіе и подала князю мысль идти черезъ Азильто прямо къ Шаури, несмотря на неприступную почти мѣстность, на которой находился этотъ аулъ. Маневръ этотъ долженъ былъ привлечь сюда на защиту семействъ многочисленныя партіи, занятыя укрѣпленіемъ ауловъ. Запертые въ этомъ ущельѣ частью нашихъ войскъ, горцы дали бы другимъ нашимъ войскамъ возможность безъ выстрѣла истребить и разворить илянхевскіе аулы; соображеніе это было основательно, и исполненіе его опять было возложено на генерала Корганова. Войска, ввѣренныя ему, были раздѣлены на три колонны, въ одну изъ которыхъ [21]), полковника Мамацева, вошли всѣ три роты гомборскихъ стрѣлковъ. Оставивъ небольшую часть отряда для прикрытія лагеря на Бешо, Коргановъ выступилъ 22-го іюля и прямо направился на Азильто. Аулъ этотъ, составляя пока ближайшую цѣль движенія Корганова, былъ взятъ безъ боя, такъ какъ жители бросили его и бѣжали въ Шаури. Двинуться отсюда на Шаури можно было по двумъ тропинкамъ: одна шла по весьма узкому лѣсистому гребню, другая (лѣвая)—по густому лѣсу и страшнымъ крутизнамъ и упиралась сначала въ Шаури, а потомъ въ скалистые отроги богосскаго хребта, гдѣ находились завалы горцевъ; отсюда тропинка вела въ недоступное ущелье верховьевъ андійскаго Койсу. Предстояли препятствія „почти неодолимыя“; но князь Меликовъ, „вполнѣ надѣясь на храбрость войскъ“, рѣшился однако спуститься въ узкое и едва доступное ущелье [22]). Оставивъ въ Азильто часть войскъ и всю артилерію, онъ направилъ, „какъ бы для пробы“, по правому хребту, безъ дороги, сначала четвертую роту гомборскихъ стрѣлковъ съ поручикомъ Коптевымъ, и сотню милиціи изъ колонны полковника Мамацева, а вслѣдъ за ними и роту стрѣлковъ

[20]) Передъ занятіемъ аула необходимо было удостовѣриться, что аулъ дѣйствительно брошенъ, дабы избѣгнуть возможной катастрофы; для этого были высланы охотники изъ тушинъ и гомборцевъ роты Геннинга, которые подошли къ стѣнамъ и, разобравъ входы, вошли первыми въ аулъ, оказавшійся пустымъ.

[21]) Колонна состояла изъ сотни Грузинской пѣшей Дружины, двухъ сотенъ горійской милиціи, трехъ ротъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, четырехъ ротъ Эриванскаго, десяти ротъ Мингрельскаго полковъ, четырехъ единороговъ и двухъ мортиръ.

[22]) „Кавказскій Сборникъ“, т. IV, стр. 320.

Грузинскаго полка. Частямъ этимъ было приказано—спуститься къ Шаури и, обстрѣлявъ его, а также завалъ, устроенный на уступѣ богозскаго хребта, при входѣ въ ущелье верховьевъ андійскаго Койсу, обезпечить такимъ образомъ движеніе къ аулу колонны полковника Мамацева. Въ то же время послѣдній, съ остальными частями своей колонны, за исключеніемъ лишь трехъ ротъ мингрельцевъ, началъ спускаться по лѣвой дорогѣ. Предположеніе командующаго войсками сбылось: едва только поняли горцы, что удары наши направлены туда, гдѣ находятся ихъ семейства, какъ немедленно бросили всѣ аулы и поспѣшили къ Шаури.

Теперь вся задача состояла въ томъ, чтобы не дать лезгинамъ возможности выйти изъ ущелья на защиту брошенныхъ ими ауловъ. Для этого колонна Мамацева двинулась прямо въ ущелье, имѣя впереди милицію. Послѣдняя была встрѣчена такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что отступленіе ея не подлежало бы сомнѣнію, еслибы ее не поддержали 2-я, 3-я и 4-я роты гомборскихъ стрѣлковъ. Онѣ быстро рызсыпались въ цѣпь и открыли по аулу учащенный штуцерной огонь, подъ покровительствомъ котораго милиціонеры ворвались въ аулъ. Но непріятель мгновенно прекратилъ пальбу и бѣжалъ въ ущелье къ своимъ семействамъ. Занявъ аулъ 2-мъ баталіономъ эриванцевъ, Мамацевъ направилъ милиціонеровъ къ слѣдующему завалу. Лезгины встрѣтили ихъ мужественно, но, замѣтивъ спѣшившихъ на выручку гомборцевъ, очистили и этотъ завалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ бѣжали еще далѣе въ ущелье, поспѣшно уводя туда и свои семейства. Не давая имъ времени опомниться, Корганов приказалъ тотчасъ приступить къ наведенію моста черезъ рѣчку, преграждавшую намъ дорогу. Пока саперы производили работы, двѣ роты гомборцевъ и сотня пѣшей милиціи поторопились занять отрогъ богозскаго хребта, откуда обстрѣливался выходъ изъ ущелья. Такимъ образомъ, съ этой минуты ни одинъ горецъ не могъ показаться изъ тѣснины, такъ какъ готовые штуцера зорко стерегли каждаго, кто рѣшился бы на эту рискованную попытку.

Главная цѣль была достигнута, и остальное уже не представляло особеннаго затрудненія. Аулы были заняты нашими войсками и преданы пламени. Отрядъ остался ночевать на занятыхъ имъ позиціяхъ, а 2-я и 3-я роты гомборцевъ—на отрогѣ богозскаго хребта, выставивъ въ сторожевую цѣпь одинъ взводъ; 4-я же рота была отозвана къ Шаури. Далеко за полночь, горцы, собравшись изъ окрестныхъ обществъ, неоднократно открывали пальбу по нашему бивуаку и пытались бросаться даже въ шашки, но вездѣ встрѣчали готовыя къ отпору войска и, наконецъ, къ разсвѣту угомонились. На слѣдующій день, довершивъ истребленіе илянхевскихъ ауловъ, отрядъ двинулся въ обратный путь на Бешо. Отступленіе прикрывала преимущественно колонна полковника Мамацева, въ которой шли также и гомборскіе стрѣлки. За все время не было произведено ни одного выстрѣла. Авангардъ прибылъ на Бешо къ полудню, а 2-я и 3-я роты гомборцевъ, слѣдовавшія въ арріергардѣ—только въ 9 часовъ вечера. Общая потеря наша была совсѣмъ незначительная, а гомборцы ея и вовсе не имѣли [23]).

---

[23]) Загадочная на самомъ дѣлѣ причина незначительности нашихъ потерь вообще въ этотъ періодъ кавказской войны изслѣдована въ статьѣ „Окончательное покореніе восточнаго Кавказа“, помѣщенной въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, т. IV, стр. 322.

„Быстрый успѣхъ и важные результаты, достигнутые въ такое короткое время", начальникъ отряда относилъ „къ примѣрной неутомимости и расторопности" ввѣренныхъ ему войскъ, которыя, не смотря на недоступную повидимому мѣстность, преодолѣли всѣ препятствія легко и съ величайшею готовностью". Изъ офицеровъ, наиболѣе отличившихся примѣрнымъ хладнокровіемъ, князь Меликовъ указалъ и на капитана кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Кабенина [24]). Кромѣ двухъ ауловъ, отдѣленныхъ хребтомъ Бешо, всѣ остальные дидойскаго и илянхевскаго обществъ были истреблены, либо изъявили полную покорность. 25 числа самъ наибъ илянхевскаго и дидойскаго обществъ Джабо-Лабазани-швили явился къ князю Меликову съ почетными старшинами; примѣру его послѣдовали наибы и старшины сел. Кварши и общества Тиндаля (Богоза), населяющаго богозскій хребетъ. Это было весьма важное обстоятельство въ виду намѣренія командующаго войсками поднять отрядъ на этотъ хребетъ.

2-го августа, войска, разрабатывавшія подъемъ на Мечитль, двинулись, подъ командою генералъ-маіора Корганова, на Богозъ и немедленно принялись за проложеніе сообщеній. Хотя богозцы считались теперь покорными, тѣмъ не менѣе работы тщательно охранялись частями отряда и преимущественно стрѣлками. Наконецъ, грозныя скалы Богоза перестали служить препятствіемъ для нашихъ войскъ, которыя открыли свободный для себя спускъ въ долину андійскаго Койсу и сообщеніе съ чеченскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ то время у Конхидатля. Самое соединеніе отрядовъ въ сердцѣ владѣній Шамиля являлось вѣнцомъ трехлѣтнихъ усилій нашихъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ, грозный нѣкогда владыка горъ, съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ мюридовъ, заперся на неприступномъ Гунибѣ. Князь Барятинскій обложилъ эту природную крѣпость. Нужно было лишь, во избѣжаніе напраснаго штурма, убѣдить упрямаго старика положиться на великодушіе нашего правительства.

13-го августа генералъ-маіоръ князь Меликовъ выступилъ съ частью лезгинскаго отряда, и въ томъ числѣ съ тремя ротами гомборцевъ, къ черельскому мосту. Сюда должны были съѣхаться представители всѣхъ лезгинскихъ обществъ, изъявившихъ намъ покорность. Устроивъ управленіе этими обществами, князь Меликовъ перенесъ свою дѣятельность въ Тленсерухъ, укрѣпленный аулъ котораго Ирибъ, бывшій резиденціею элисуйскаго султана, предалъ уничтоженію. Затѣмъ настали въ горахъ холода, а въ то же время 25-го августа насталъ и конецъ шестидесятилѣтней упорной борьбѣ нашей съ населеніемъ неприступнѣйшаго изъ угловъ земнаго шара. Шамиль сдался военно-плѣннымъ и былъ отправленъ въ Россію. Въ гомборцахъ надобности болѣе не предстояло, и они спущены въ свою штабъ-квартиру, куда прибыли 1-го сентября. Трехлѣтнее пребываніе ихъ въ войскахъ лезгинскато отряда представляетъ длинный рядъ подвиговъ, важность которыхъ князь Барятинскій достойно оцѣнилъ въ слѣдующемъ приказѣ:

„Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія восточнаго Кавказа, самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, неутомимыя войска лезгинскаго отряда! Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія. Примите, братцы, мое душевное спасибо. Благодарю

[24]) Рапортъ г.-м. князя Меликова 30-го іюля 1859 года № 80.

искренно достойнаго предводителя вашего генералъ-маіора князя Меликова, всѣхъ генераловъ и офицеровъ".

Важность заслугъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона удостовѣряется еще и тѣмъ, что составу его офицеровъ за одинъ только 1859 годъ пожаловано 16 наградъ: маіору Геннингу 1-му—слѣдующій чинъ, маіору Геннингу 2-му—орденъ св. Станислава съ мечами и короною, капитану Кабенину, поручикамъ: Коптеву, Тальгрену и Генумонду—слѣдующіе чины, а Штеру—орденъ св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ; подпоручикамъ: фонъ-Вульфену—орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, а Новикову—слѣдующій чинъ; прапорщикамъ: Рейтеру, Нелюбову, Родзевичу 1-му, Загобелю, Бейеру, графу Менгдену и Петерсену—слѣдующіе чины. Произведены въ прапорщики слѣдующіе унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся: Агабекъ, Аганджановъ, Степанъ Меликъ-Мурадовъ, Николай Поповъ, Эдуардъ Ленцъ, Дмитрій Глаголевъ, Дмитрій Кузнецовъ, Леопольдъ Линдбладтъ—всѣ, кромѣ перваго, съ переводомъ въ другія части. Нижнимъ чинамъ Всемилостивѣйше пожаловано по 1 рублю и 50 знаковъ отличія военнаго ордена [25]). Кромѣ того, всѣ, участвовавшіе въ походахъ 1857, 1858 и 1859 годовъ, награждены серебряными медалями съ надписью „за покореніе восточнаго Кавказа" и впослѣдствіи особо установленнымъ крестомъ „за службу на Кавказѣ". Всего на баталіонъ выдано офицерамъ и нижнимъ чинамъ 742 медали [26]).

2-го іюня 1859 года баталіону былъ произведенъ смотръ командующимъ войсками лезгинской кордонной линіи. Оставляя въ сторонѣ хозяйственное состояніе баталіона, во всѣхъ отношеніяхъ найденное вполнѣ исправнымъ, нельзя не остановить особеннаго вниманія на томъ, что, „за отличную стрѣльбу" въ 1859 году стрѣлки получили 15 нашивокъ, 47 денежныхъ наградъ на сумму 150 рублей, одно ружье въ 15 рублей и одно унтеръ-офицерское званіе [27]).

---

[25]) Знаки отличія военнаго ордена 3 степени получили: фельдфебель Василій Тарасовъ и унтеръ-офицеры—Дмитрій Петровъ, Дмитрій Шкалета, Иванъ Афанасьевъ; 4 степени: унтеръ-офицеры—Филиппъ Ганенко, Петръ Суховерченко, Иванъ Генераловъ, Константинъ Сохацкій, Иванъ Евдокимовъ, Иванъ Бажукъ, Егоръ Васильевъ, Францъ Бейнардтъ, Казиміръ Чарнецкій, Иванъ Мацевскій, Іосифъ Пржеленскій, Вельбальдъ Погожельскій, Брониславъ Ждановичъ, Константинъ Маркари, Василій Кувшиновъ, Михаилъ Васильевъ, Иванъ Гололобовъ; рядовые — Матвѣй Косоротиковъ, Николай Корчминскій, Ѳедоръ Рѣпинъ, Ефимъ Астапенко, Иванъ Высоцкій, Антонъ Лазаренко, Зотъ Ивановъ, Агафонъ Париновъ, Иванъ Поляковъ, Герасимъ Полунинъ, Емельянъ Фартушинъ, Адамъ Марцынякъ, Власъ Кузнецъ, Семенъ Скрябинъ, Прокофій Зютинъ, Дмитрій Ивановъ, Василій Колесниковъ, Ѳома Мочалинъ, Данило Ткаченко и Войцехъ Собчикъ.

[26]) Приказъ по баталіону 1-го ноября 1862 года № 305.

[27]) Приказъ по баталіону 21-го іюня 1859 года № 172.

XVI.

1860-й годъ. Выступленіе гренадерскаго стрѣлковаго баталіона на западный Кавказъ и участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ составѣ адагумскаго отряда. Отличія. Награды. 1861-й годъ. Боевая дѣятельность гомборскихъ стрѣлковъ въ адагумскомъ и верхне-лабинскомъ отрядахъ. Состояніе баталіона. Прибытіе въ Кубанскую область Государя Императора. Назначеніе командиромъ баталіона полковника Виберга. Дѣятельность стрѣлковъ въ дѣлѣ 20-го ноября. Награды.

Съ паденіемъ восточнаго Кавказа князь Барятинскій сосредоточилъ все свое вниманіе на закубанскихъ горцахъ, которые все еще стояли противъ насъ во всеоружіи. За исключеніемъ небольшого количества войскъ, назначенныхъ въ Чечню и Дагестанъ собственно для дорожныхъ работъ и вообще для устройства края, почти всѣ остальныя войска кавказской арміи были направлены на правый флангъ. Судьба гомборскихъ стрѣлковъ была рѣшена немедленно же послѣ плѣненія Шамиля. Еще при торжественномъ въѣздѣ въ Тифлисъ главнокомандующаго, какъ покорителя восточнаго Кавказа, начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Милютинъ поздоровался съ полковникомъ Фрейгангомъ и тутъ же поздравилъ его съ походомъ на правое крыло. Эту неожиданность гомборцы встрѣтили съ радостью, потому что привыкли къ походной жизни и къ браннымъ тревогамъ. Вся зима была проведена въ приготовленіяхъ. Дальній походъ въ край, славившійся лихорадками и всевозможными невзгодами, представлялъ много хлопотъ, и приказы по баталіону за это время наполнены всевозможными мѣрами, которыя принималъ полковникъ Фрейгангъ для обезпеченія стрѣлковъ всякими удобствами.

Наконецъ, 8-го февраля 1860 года, оставивъ въ Гомборахъ необходимое число чиновъ для завѣдыванія и присмотра за штабъ-квартирою, баталіонъ выступилъ въ походъ. По маршруту путь предстоялъ черезъ военно-грузинскую дорогу, которая въ этомъ году была особенно непривѣтлива, и чуть-ли не каждый день заносилась снѣгомъ и загромождалась обвалами. Въ семнадцати верстахъ отъ Владикавказа, близъ Джераховскаго укрѣпленія, Фрейгангу дали знать, что на возвратномъ пути изъ Петербурга проѣдетъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Въ ожиданіи его, баталіонъ построился развернутымъ фронтомъ вдоль дороги. Вскорѣ на башнѣ раздались пушечные выстрѣлы, и показался поѣздъ главнокомандующаго. Подъѣхавъ къ стрѣлкамъ, привѣтствовавшимъ покорителя Кавказа дружнымъ „ура“, князь Барятинскій сказалъ имъ: „вы помогли мнѣ завоевать восточный Кавказъ,—теперь идите завоевать западный“. Вторичное „ура“ было отвѣтомъ на это напутствіе и сопровождало князя, пока карета его не скрылась изъ виду. Это было послѣднее свиданіе стрѣлковъ съ славнымъ кавказскимъ вождемъ.

Послѣ тысячеверстнаго слишкомъ марша, баталіонъ 10-го апрѣля прибылъ, наконецъ, въ укрѣпленіе Крымское, назначенное ему временною штабъ-квартирою, имѣя въ пути всего семь человѣкъ больныхъ нижнихъ чиновъ, которыхъ оставилъ въ пятигорскомъ госпиталѣ. Въ составѣ баталіона находились 2 штабъ-офицера и 20 оберъ-офицеровъ. Первою ротою командовалъ поручикъ Аткинсонъ, второю—поручикъ Кабенинъ, третьею—

капитанъ Кабешинъ и четвертою—поручикъ Коптевъ. Адагумскій отрядъ, въ составъ котораго вступили стрѣлки, въ это время былъ распущенъ на отдыхъ послѣ зимней экспедиціи, и потому гомборцамъ оставалось только приготовляться къ лѣтнимъ дѣйствіямъ. Почти одновременно съ гомборцами начали стягиваться съ восточнаго Кавказа и изъ Закавказья на правое крыло и всѣ стрѣлковыя роты полковъ гренадерской, 20-й и 21-й дивизій, стрѣлковые баталіоны тѣхъ же дивизій, три драгунскихъ полка и вся резервная дивизія кавказской арміи. Такимъ образомъ, противъ непокорныхъ закубанскихъ горцевъ, доходившихъ до 200 тысячъ душъ, мы имѣли 20 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 20 баталіоновъ резервной дивизіи, 20 баталіоновъ 19-й пѣхотной дивизіи, 5 линейныхъ баталіоновъ, 5 пѣшихъ казачьихъ, дивизію драгунскихъ полковъ, 20 казачьихъ полковъ и сто полевыхъ пѣшихъ, горныхъ и конныхъ орудій. Эта громадная армія, командовать которою предназначалось генералъ-адъютанту графу Евдокимову, была распредѣлена на девять отрядовъ, сила которыхъ обусловливалась важностью задачи каждаго изъ нихъ. Вмѣстѣ съ сборомъ войскъ на правое крыло кавказской линіи, послѣдовало преобразованіе края въ административномъ отношеніи, на основаніи котораго, приказомъ по арміи 3-го марта 1860-го года, правое крыло было названо Кубанскою областью, лѣвое—Терскою, а прикаспійскій край—Дагестанскою областью. Начальникамъ областей присвоено названіе также и командующихъ войсками. Впредь до прибытія гр. Евдокимова, командованіе войсками и начальствованіе Кубанскою областью оставалось за прежнимъ начальникомъ праваго крыла генералъ-лейтенантомъ Филипсономъ.

Въ теченіе всей войны на западномъ Кавказѣ, одни военные театры теряли свое значеніе, другіе, наоборотъ, пріобрѣтали особенную важность. Сообразно этому мѣнялись составы отрядовъ, распускались одни и формировались другіе. Ни одна часть войскъ не была такъ часто передвигаема изъ отряда въ отрядъ, какъ гомборскій стрѣлковый баталіонъ, и, надо замѣтить, что каждый разъ, когда непредвидѣнныя обстоятельства или необходимость особенно важныхъ операцій вынуждали сформировать новый отрядъ, то первымъ дѣломъ начальника его было хлопотать о назначеніи къ нему гомборцевъ. Адагумскій отрядъ, въ составъ котораго первоначально вошелъ гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, по важности назначенія былъ главнѣйшимъ изъ всѣхъ отрядовъ, и ему предстояло пока достроить адагумскую кордонную линію. Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ генералъ-маіоръ Бабичъ—старый, опытный пластунъ, отлично знакомый съ мѣстностью и съ племенами, на ней обитавшими, и вообще какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій этому назначенію.

Ко времени прихода стрѣлковъ, отрядъ генерала Бабича занялъ при входѣ въ неберджайскую тѣснину мѣсто, назначенное для постройки укрѣпленія на двѣ роты и открылъ работы 25-го апрѣля. По приходѣ гомборцевъ въ укр. Крымское, необходимая часть ихъ была занята устройствомъ своей новой штабъ-квартиры; остальные же немедленно были обращены на охрану работъ адагумскаго отряда. Горцы не мѣшали нашимъ работамъ, и войска, окончивъ свое дѣло въ концѣ іюня, стянулись къ укрѣпленію Крымскому. 1-го іюля баталіонъ, въ составѣ отряда изъ $5^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ сотенъ казаковъ, 8 ракетныхъ станковъ и 10 орудій, перешелъ на

рѣку Шибсъ и расположился здѣсь лагеремъ. Построивъ на этой рѣкѣ два моста, войска, съ участіемъ гомборцевъ, принялись рубить лѣсъ по лѣвому ея берегу, а также между этою рѣкою и р. Шебикомъ. Непріятель, занятый уборкою хлѣба, и здѣсь не тревожилъ отряда. 3-го іюля къ отряду присоединились, по окончаніи покоса, и остальныя войска, назначенныя въ его составъ. Такимъ образомъ, весь адагумскій отрядъ составляли: десять баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ драгунъ, четыре сотни казаковъ, шестнадцать ракетныхъ станковъ и четырнадцать орудій. Дѣйствія этого отряда должны были, по плану, утвержденному главнокомандующимъ, состоять въ покореніи многочисленнаго воинственнаго племени шапсуговъ, богатый край которыхъ лежалъ между рр. Шахо и Пшадою на южной и между рр. Супъ и Адагумомъ на сѣверной сторонѣ главнаго хребта. Мѣстомъ для новаго сбора отряда назначена была р. Бугундырь.

4-го іюля отрядъ перешелъ на правый берегъ р. Шебика. Въ этотъ же день генералъ Бабичъ, взявъ съ собою шесть стрѣлковыхъ ротъ, въ томъ числѣ и первую роту гомборцевъ, роту пластуновъ, охотниковъ отъ всѣхъ частей, дивизіонъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, четыре орудія и 8 станковъ, произвелъ рекогносцировку пространства между рр. Шебикомъ и Абиномъ. При обратномъ движеніи передовая часть отряда была встрѣчена залпомъ горцевъ, засѣвшихъ въ оврагахъ въ 150 шагахъ влѣво отъ дороги.Ославъ охотниковъ отъ всѣхъ частей и казаковъ на фланги непріятеля, генералъ Бабичъ приказалъ драгунамъ атаковать его съ фронта. Послѣ небольшой перестрѣлки съ пѣхотою, завершившейся налетомъ сѣверцевъ, горцы бѣжали, оставивъ на мѣстѣ восемь тѣлъ.

На другой день началась рубка лѣса въ окрестностяхъ лагеря и по обѣимъ сторонамъ р. Коафо; лагерь же перешелъ на лѣвый берегъ р. Абина, нѣсколько ниже бывшаго Абинскаго укрѣпленія. Восьмаго числа, часть отряда, съ гомборцами, прошла по правому берегу р. Бугундыря версты четыре и превратила въ пепелъ всѣ аулы, попадавшіеся на пути. Шапсуги, занятые перевозкою въ горы семействъ и имущества, показывались лишь въ незначительномъ количествѣ, и хотя открывали огонь изъ ружей и фалконета, но, всегда восчувствовавъ дѣйствіе нашего нарѣзнаго оружія, быстро прекращали его. Потерь у насъ не было.

Цѣль рекогносцировки 8-го іюля состояла въ томъ, чтобы избрать мѣсто для лагеря на Бугундырѣ; но рѣка эта оказалась высохшею; немного стоячей воды, бывшей въ руслѣ, была негодна для питья. Устройство колодцевъ для такого большаго отряда, какимъ явился адагумскій,—было немыслимо, да и вода въ нихъ оказалась, изъ опыта, негодною для питья. Это заставило генерала Бабича измѣнить первоначальное предположеніе и устроить постоянный лагерь на р. Абинѣ, славившейся превосходною водою. Для того же, чтобы вытѣснить оттуда непокорное населеніе въ горы, онъ рѣшилъ предпринять движеніе двумя колоннами вверхъ по обоимъ берегамъ этой рѣки. Гомборцы были назначены въ колонну г.-м. графа Сумарокова-Эльстона. Обѣ колонны выступили въ 5 часовъ утра 9-го іюля и, предавъ огню нѣсколько ауловъ, возвратились въ лагерь. Горцы, старавшіеся наносить вредъ арріергарду и боковымъ цѣпямъ, были отбрасываемы съ урономъ. Изъ разоренныхъ ауловъ особенною многолюдностью и богатствомъ отличался Кяухико. Шапсуги его защищали довольно упорно, но

принуждены были намъ уступить, благодаря мѣткому ружейному огню нашихъ стрѣлковъ.

Вообще, въ послѣднее время, и въ особенности 8-го и 9-го іюля, войска адагумскаго отряда уничтожили до тридцати пяти ауловъ. Рядомъ съ подобными дѣйствіями, имѣвшими цѣлью удалить горцевъ изъ долины Абина, производилась рубка лѣса отъ этой рѣки также и по направленію къ рѣкѣ Коафо, куда 10-го числа изъ лагеря была выслана колонна, съ участіемъ гомборцевъ. Колонна эта, ввѣренная командиру кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона полковнику Фрейгангу, выполнивъ свое дѣло, на возвратномъ пути истребила нѣсколько ауловъ, лежавшихъ влѣво отъ дороги, и имѣла безвредную для себя перестрѣлку. Старое Абинское укрѣпленіе, оградою котораго ген. Бабичъ не могъ воспользоваться, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ и другихъ неудобствъ, было разбросано, а мѣсто для укрѣпленнаго лагеря было избрано недалеко отъ него, на командующей мѣстности. 10-го іюля войска были переведены на новую позицію и немедленно принялись устраивать засѣку и необходимыя внутреннія сооруженія; до 15 числа они исключительно были заняты устройствомъ лагеря, складовъ и т. п.

15-го іюля г.-м. Бабичъ произвелъ по дорогѣ къ ур. Перу рекогносцировку съ цѣлью найти покосныя мѣста. Въ рекогносцировкѣ принимала участіе рота гомборскихъ стрѣлковъ, имѣвшая при отступленіи незначительную перестрѣлку. На всемъ пройденномъ пространствѣ раскинуты были роскошные луга съ большою и хорошею травою, которой хватило бы отряду на четыре мѣсяца. Вслѣдствіе этого, съ 11-го числа изъ лагеря начали выходить команды косцовъ, подъ прикрытіемъ болѣе или менѣе сильныхъ колоннъ. Непріятель не тревожилъ насъ и только 19-го числа завязалъ сильную перестрѣлку съ колонною полковника Фрейганга, причемъ гомборцы потеряли одного раненаго. Такимъ образомъ, потери вообще были ничтожны. Но за то, войска начали болѣть лихорадкою, и къ 1-му іюля, по донесенію генерала Филипсона, при отрядѣ было уже 183 больныхъ.

20-го и 21-го іюля гомборцы участвовали въ колоннахъ, посылаемыхъ на мѣсто, обрекогносцированное 15-го числа. Подъ прикрытіемъ ихъ покосъ былъ оконченъ. Незначительная перестрѣлка, происходившая въ эти дни, оставила среди стрѣлковъ лишь одно слабое воспоминаніе. Гораздо памятнѣе былъ для нихъ день 22-го іюля. Въ этотъ день они находились въ колоннѣ, уничтожившей двѣнадцать ауловъ, съ большими запасами хлѣба, находившихся на лѣсистой возвышенности и въ оврагахъ лѣваго берега р. Коафо. Затѣмъ, въ теченіе всего мѣсяца гомборцы имѣли три перестрѣлки: 23-го числа при покосѣ у аула Кіохъ-Іонъ и при уничтоженіи трехъ ауловъ, 28-го при обратномъ движеніи, въ составѣ колонны, посланной въ укрѣпленіе Крымское, и, наконецъ, 29-го іюля. Послѣднее дѣло заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, хотя и оно было для гомборцевъ безкровное. Колонна, въ которую они вошли, состояла изъ восьми ротъ пѣхоты, четырехъ эскадроновъ драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ, четырехъ орудій и охотниковъ; она была ввѣрена полковнику Фрейгангу и имѣла назначеніемъ прикрывать покосъ, который долженъ былъ происходить между курганомъ и рѣкою Бугундыремъ. Прійдя на мѣсто и прогнавъ горцевъ, собравшихся у кургана, Фрейгангъ расположилъ здѣсь прикрытіе и отправилъ къ Бугундырю охотниковъ для уничтоженія ауловъ. Черезъ нѣсколько времени

два аула запылали, но за то, ожилъ и лѣвый берегъ Бугундыря. Сбѣжавшись сюда большими массами, вполнѣ прикрытые лѣсомъ, горцы открыли огонь, который продолжали до пяти часовъ пополудни. Нѣсколько разъ конныя толпы ихъ пробовали выѣзжать изъ опушки, но, попадая подъ штуцерной огонь, тотчасъ удалялись. Въ послѣдующіе дни гомборцы участвовали въ колоннахъ, ходившихъ прикрывать покосъ, рубку лѣса и расчистку просѣки. При нихъ, кромѣ того, прорублена была просѣка отъ р. Абина до р. Коафо. Весьма удачные ночные поиски, производимые командою охотниковъ, между которыми было много гомборцевъ, имѣли послѣдствіемъ уничтоженіе въ теченіе іюля семнадцати ауловъ, огромнаго количества хлѣба и другихъ запасовъ, находимыхъ въ разнаго рода ямахъ и замаскированныхъ амбарахъ.

Лихорадка между тѣмъ усиливалась, и число больныхъ къ 1-му августа было 293, изъ коихъ 15 гомборскихъ стрѣлковъ. Не смотря на это, дѣла и всѣ предпріятія наши шли успѣшно на всѣхъ военныхъ театрахъ Кубанской области. Адагумскій отрядъ продолжалъ работы по укрѣпленію лагеря и заготовленію сѣна на зиму, для чего каждый день высылались команды рабочихъ и косцовъ, прикрытія которыхъ почти ежедневно имѣли перестрѣлки. На долю гомборцевъ послѣднія выпали: 1-го августа—при покосѣ на Бугундырѣ, 2-го августа—при покосѣ и при производствѣ топографическихъ съемокъ на той же рѣкѣ, а 4-го числа—при движеніи части отряда съ адагумской кордонной линіи. Колоннами 2-го и 4-го августа командовалъ полковникъ Фрейгангъ. Во время послѣднихъ фуражировокъ колонны наши были тревожимы болѣе всего жителями богатаго и весьма населеннаго аула Мерчанъ, которымъ сѣверскіе драгуны были обязаны погибелью своею командира полка полковника князя Багратіона. Чтобы отвадить ихъ отъ всякихъ покушеній, генералъ-маіоръ Бабичъ, въ ночь на 7-е августа, направилъ къ нимъ отрядъ, въ которомъ были двѣ роты гомборцевъ, тремя колоннами. Дѣло открыли драгуны, которыхъ горцы встрѣтили сильнымъ ружейнымъ огнемъ; пѣхота прибавила шагъ и спѣшила поддержать драгунъ. Увидя ея приближеніе и намѣреніе окружить аулъ, мерчанцы обратились въ бѣгство—и черезъ часъ на берегахъ Абина не стало одного изъ населеннѣйшихъ шапсугскихъ ауловъ. Войсками было захвачено много плѣнныхъ, имущества, зернового запаса и 828 штукъ рогатаго скота. Потеря отряда состояла изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и пяти раненыхъ лошадей. 8-го августа часть гомборцевъ имѣла перестрѣлку при сопровожденіи фуража и захваченныхъ запасовъ въ укр. Крымское и при исправленіи моста на р. Коафо, а на слѣдующій день весь баталіонъ находился въ составѣ колонны полковника Фрейганга, производившей покосъ на урочищѣ Перу, къ югу отъ развалинъ Мерчана, гдѣ не обошлось безъ перестрѣлки. Послѣ этого гомборцы почти ежедневно имѣли незначительныя перестрѣлки, которыя однако держали ихъ въ постоянно напряженномъ состояніи и, при свирѣпствовавшей тогда лихорадкѣ, вліяли на ихъ здоровье. Такъ все продолжалось до 20-го августа. Къ этому времени число больныхъ въ отрядѣ доходило до 576 человѣкъ. Подъ тягостью этой болѣзни надломились даже и гомборцы, у которыхъ было въ лазаретѣ укрѣпленія Крымскаго до 25-ти человѣкъ больныхъ перемежающеюся лихорадкою [1]).

[1]) Приказы по баталіону за августъ мѣсяцъ 1860 года.

Въ половинѣ августа временное Абинское укрѣпленіе можно было считать готовымъ; кромѣ того, войсками нашими была разработана дорога и проложена просѣка отъ укр. Крымскаго на Абинъ, на разстояніи 16½ верстъ. Всѣ остальные отряды въ томъ районѣ Кубанской области (ихъ было три) точно такимъ же образомъ укрѣпили свои временныя стоянки, запаслись на зиму сѣномъ и хлѣбомъ и могли одновременно съ адагумскимъ отрядомъ открыть свои наступательныя дѣйствія въ землю шапсуговъ. Послѣдніе же, окончивъ полевыя занятія, понемногу собирались въ большія толпы, и въ особенности скопились между рѣками Коафо и Шибсъ, не рѣшаясь, впрочемъ, пока на открытыя нападенія, и ограничиваясь лишь порчею мостовъ, переправъ, дорогъ и установленіемъ всякихъ затрудненій на нашихъ сообщеніяхъ. Особою предпріимчивостью въ этомъ отношеніи отличались жители ауловъ урочища Хунозукъ, разбросанныхъ по лѣвому берегу р. Шибсъ, на девять верстъ выше проложенной недавно просѣки. Для наказанія ихъ за эти продѣлки и для предотвращенія таковыхъ въ будущемъ, въ ночь на 26-е августа направленъ былъ къ нимъ отрядъ, въ составъ котораго входили и гомборцы. Онъ двинулся четырмя колоннами и, достигнувъ ауловъ въ чрезвычайной тишинѣ, окружилъ ихъ. Пользуясь ночнымъ мракомъ, горцы успѣли скрыться въ ближайшія трущобы; не смотря на это, войска захватили все-таки 46 человѣкъ въ плѣнъ, а аулы были уничтожены.

Въ ночь на 29-е августа охотники всего отряда, подъ командою капитана Экельна, и пластуны есаула Любарцова отправились въ залогъ на р. Бугундырь, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ предполагалось произвести на слѣдующій день покосъ. Во главѣ гомборскихъ охотниковъ находились поручикъ Аткинсонъ и подпоручикъ графъ Менгденъ. Съ разсвѣтомъ на покосъ была выслана въ прикрытіе фуражировъ колонна, подъ командою полковника Фрейганга, при которой находился и генералъ Бабичъ. Вскорѣ услышали выстрѣлы со стороны залога. Имѣя въ виду поддержать охотниковъ и пластуновъ, генералъ Бабичъ приказалъ флигель-адъютанту полковнику Граббе взять изъ колонны Фрейганга двѣ роты и одно орудіе и этими войсками подкрѣпить команды капитана Экельна и есаула Любарцова. Прибывъ къ залогу, Граббе засталъ охотниковъ въ сильной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, занимавшимъ пересѣченную мѣстность передъ аулами рѣки Антхырь. Такъ какъ горцы постоянно усиливались, и ихъ позиція была слишкомъ близка къ мѣсту, гдѣ фуражировала въ этотъ день колонна полковника Фрейганга, то необходимо было по возможности скорѣе сбить ихъ оттуда, чтобы обезпечить фуражировку. Для этого Граббе направилъ охотниковъ и пластуновъ въ обходъ этой позиціи, а самъ открылъ огонь изъ одного орудія. Удачное дѣйствіе послѣдняго и маневры охотниковъ заставили горцевъ отступить къ ауламъ. Пользуясь первымъ успѣхомъ и видя замѣшательство шапсуговъ, „поражаемыхъ мѣткими выстрѣлами охотниковъ“, Граббе приказалъ атаковать аулъ. „Капитанъ Экельнъ—доносилъ г.-л. Филипсонъ—и кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона поручикъ Аткинсонъ, съ охотниками и пластунами, бѣгомъ ворвались въ аулъ, выбили изъ него непріятеля и, живо его преслѣдуя, заняли другой аулъ. Необыкновенная быстрота движенія нашихъ войскъ и ихъ настойчивость заставили непріятеля оставить въ нашихъ

рукахъ четыре тѣла, бросить аулъ и разсѣяться“ [2]). Предавъ аулы огню, войска присоединились къ колоннѣ полковника Фрейганга. Однако это молодецкое дѣло дорого обошлось гомборцамъ: они потеряли раненымъ одного изъ доблестныхъ офицеровъ, поручика Аткинсона, которому пуля совершенно исковеркала лицо. Попавъ въ верхнюю правую челюсть, она разорвала верхнюю губу съ лѣвой стороны и выбила всѣ зубы правой челюсти, за исключеніемъ послѣдняго кореннаго; затѣмъ, изъ всѣхъ трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ двое были гомборскіе стрѣлки [3]).

Собираясь проложить въ непродолжительномъ времени просѣку отъ р. Абина на р. Иль, генералъ Бабичъ направилъ туда 31-го августа въ 9 часовъ утра колонну [4]) полковника Фрейганга, при которой находился и самъ. Во главѣ гомборскихъ охотниковъ былъ на этотъ разъ подпоручикъ графъ Менгденъ. По осмотрѣ мѣстности, направленіе просѣки назначено отъ Абина на р. Антхырь. Дальнѣйшее же движеніе колонны къ Бугундырю было нѣсколько пріостановлено огромною засѣкою, которая преграждала дорогу. Но горцы очевидно прозѣвали случай причинить намъ вредъ, и войска прошли безпрепятственно. Только съ выходомъ на поляну охотники, бывшіе въ авангардѣ, завязали перестрѣлку съ горцами, спѣшившими изъ аула вѣроятно съ цѣлью занять засѣку. Полковникъ Фрейгангъ немедленно выдвинулъ на позицію двѣ роты стрѣлковъ и два орудія, а кавалерію и охотниковъ направилъ въ обходъ аула съ обѣихъ сторонъ для того, чтобы захватить скотъ, который шапсуги собирались угнать въ лѣсъ. „Стремительная атака драгунъ, заскакавшихъ въ тылъ, и мѣткій огонь охотниковъ и пластуновъ заставили горцевъ бросить табунъ и скрыться въ лѣсу“. Охотники захватили въ плѣнъ двухъ шапсуговъ и отбили 387 штукъ рогатаго скота. Колонна переправилась послѣ того черезъ Бугундырь, прошла по берегу верстъ пять и вернулась въ лагерь. Въ первый разъ непріятель вздумалъ преслѣдовать арріергардъ. Произошла довольно сильная перестрѣлка, но мѣткій огонь роты гомборцевъ, замыкавшей шествіе колонны, заставилъ шапсуговъ разсѣяться и прекратить преслѣдованіе.

Результаты дѣйствій адагумскаго отряда къ началу сентября были довольно ощутительны: ближайшее къ лагерю непріятельское населеніе было отброшено частью къ низовьямъ рѣкъ, частью въ горы, и на пространствѣ десяти верстъ отъ лагеря войска могли безпрепятственно рубить лѣсъ и фуражировать. Оставалось лишь избавиться еще отъ одного значительнаго хищническаго аула Одобричъ, расположеннаго у выхода р. Абина изъ ущелья. Колонны наши почти постоянно были тревожимы джигитами этого аула и рѣдко возвращались безъ потерь. Сильно полагаясь на недоступность своего гнѣзда, населеніе Одобрича оказывало еще и гостепріимство жителямъ равнинъ изъ разоренныхъ нами ауловъ. Въ ночь на 1-е сентября генералъ Бабичъ направилъ туда колонну, подъ начальствомъ подполковника Виберга (будущаго командира гомборцевъ), въ составѣ восьми ротъ пѣхоты (въ томъ числѣ двухъ ротъ гомборскихъ

---

[2]) Рапортъ г.-л. Филипсона 9 сентября 1860 года № 4503.

[3]) Приказъ по баталіону 1-го сентября 1860 года № 245.

[4]) Составъ: шесть ротъ пѣхоты, въ томъ числѣ двѣ роты гомборцевъ, четыре орудія, полусотня казаковъ и сто охотниковъ.

стрѣлковъ), четырехъ горныхъ орудій, четырехъ станковъ, сотни казаковъ и 150 охотниковъ и пластуновъ. Она выступила въ 2 часа пополуночи, переправилась на правый берегъ Абина и продолжала двигаться совершенно скрытно до такъ называемой „гвардейской поляны“. Здѣсь она была открыта пикетомъ горцевъ, который немедленно разнесъ тревогу. Не смотря на это, подполковникъ Вибергъ продолжалъ наступленіе, считая неожиданность и быстроту нападенія первымъ ручательствомъ въ успѣхѣ. Во всякомъ случаѣ онъ „рѣшилъ остановиться не раньше, какъ пройдя Николаевское укрѣпленіе, или же когда благопріятная для непріятеля мѣстность и сильный перевѣсъ въ силахъ дали бы горцамъ возможность долго и упорно обороняться“. Не доходя версты двѣ до означеннаго укрѣпленія, подполковникъ Вибергъ оставилъ двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою капитана Кабенина, а самъ продолжалъ двигаться къ Николаевскому укрѣпленію, не обращая никакого вниманія на попадавшіеся ему на пути непріятельскіе аулы, изъ которыхъ шапсуги торопились вывозить свои семейства. Весь успѣхъ зависѣлъ отъ неожиданности и быстроты. Остановка же для раззоренія отдѣльныхъ ауловъ, отнимая много времени, дала бы горцамъ возможность собраться въ большія массы.

Прибывъ къ мѣсту бывшаго Николаевскаго укрѣпленія, Вибергъ далъ войскамъ небольшой роздыхъ. Затѣмъ, оставивъ въ укрѣпленіи обозъ, двѣ роты стрѣлковъ и часть кавалеріи, онъ, пройдя еще нѣсколько верстъ, подступилъ къ аулу Одобричъ. Горцы встрѣтили войска недалеко отъ аула сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ и, отступая шагъ за шагомъ, довели ихъ до ограды. Однимъ изъ первыхъ вошелъ въ аулъ подпоручикъ графъ Менгденъ, а за нимъ и гомборскіе охотники, увлекшіе за собою всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ, аулъ былъ въ нашихъ рукахъ. Раскопавъ одну изъ свѣжихъ насыпей, солдаты нашли въ ней только-что зарытое мѣдное орудіе, носившее на тѣлѣ вензель султана Махмуда II. Предавъ Одобричъ и всѣ сосѣдніе аулы огню и уничтоживъ все, что нельзя было взять съ собою, подполковникъ Вибергъ предпринялъ обратное движеніе. Потерявъ орудіе, оставивъ въ рукахъ нашихъ нѣсколько тѣлъ и понеся вообще огромную потерю, горцы съ особеннымъ ожесточеніемъ начали преслѣдовать отступающія войска. Самая затруднительная для отступленія по абинскому ущелью часть дороги находится близъ хребта Мертазакохъ. При всѣхъ прежнихъ движеніяхъ нашихъ по абинскому ущелью, горцы постоянно собирались у этого мѣста, и рѣдко дѣло обходилось безъ значительныхъ потерь. И въ этотъ разъ они обходными тропами предупредили колонну подполковника Виберга. Но, спускаясь съ высоты Мертазакохъ въ ущелье, горцы неожиданно наткнулись на залогъ изъ двухъ ротъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ капитана Кабенина. Стрѣлки съ громкимъ „ура“ бросились на непріятеля, который, не смотря на свою многочисленность, опрометью бросился назадъ и, только благодаря необыкновенно пересѣченной мѣстности, успѣлъ скрыться въ ущельи; при этомъ у насъ ранены два стрѣлка [5]). При дальнѣйшемъ отступленіи колонны, шапсуги продолжали перестрѣлку съ арріергардомъ, но уже далеко не съ тою настойчивостью, какъ прежде. Попытавъ еще разъ

[5]) Рапортъ ген.-л. Филипсона 9-го сентября 1860 года № 4503.

счастье на „гвардейской полянѣ“, они были прогнаны появленіемъ у нихъ въ тылу охотниковъ, дѣйствіемъ артилеріи и ракетъ. Весь успѣхъ „этого удачнаго дѣла“ генералъ Бабичъ приписывалъ „примѣрной распорядительности и настойчивости подполковника Виберга, отличныя распоряженія котораго какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а также необыкновенной храбрости и находчивости войскъ, а въ особенности охотниковъ“. Перечисляя особенно отличившихся въ этомъ дѣлѣ офицеровъ, г.-л. Филипсонъ упоминаетъ о капитанѣ Кабенинѣ и о предводителѣ охотниковъ подпоручикѣ графѣ Менгденѣ. Общая потеря гомборцевъ состояла въ трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

3-го сентября г.-м. Бабичъ отправился въ укр. Крымское, передавъ начальство надъ адагумскимъ отрядомъ командиру гомборскаго стрѣлковаго баталіона, какъ старшему изъ полковниковъ.

Возникновеніе укрѣпленнаго лагеря по близости стараго Абинскаго укрѣпленія вынуждало горцевъ оставить обширную абинскую поляну и, очистивъ среднія части долинъ рр. Шибса и Шебика, убраться въ горы съ семействами и имуществомъ. Съ другой стороны, капитальныя работы по рубкѣ просѣкъ по долинѣ р. Иль поставили въ такое же положеніе и жителей средней части бугундырской долины. Что же касается непріязненныхъ намъ поселеній по низовьямъ этой рѣки, то мы рѣдко тревожили ихъ въ предшествовавшіе годы.

Между тѣмъ шапсуги, жившіе въ непронутыхъ еще аулахъ, нерѣдко собирались въ большія партіи, тревожили наше сообщеніе по просѣкѣ и совершали хищническіе поиски по адагумской кордонной линіи. Относительно дѣятельности гомборскихъ стрѣлковъ въ въ этотъ періодъ военные журналы не даютъ никакихъ свѣдѣній; между тѣмъ, по послужнымъ спискамъ офицеровъ, они имѣли нѣсколько перестрѣлокъ, хотя и не важныхъ, какъ напримѣръ: 6-го сентября, при уничтоженіи ауловъ между укрѣпленіемъ Константиновскимъ и Геленджикомъ; 11-го сентября, при рекогносцировкѣ восточнаго берега Чернаго моря у бывшаго Вельяминовскаго укрѣпленія; 11-го, 17-го и 18-го сентября—при движеніи колонны на урочище Айриджъ.

Чтобы положить конецъ всѣмъ безобразіямъ непріятеля, полковникъ Фрейгангъ рѣшилъ разорить нижне-бугундырскіе аулы и 28-го сентября, въ 3 часа утра, направилъ къ низовьямъ р. Бугундыря, подъ командою подполковника Антоневича, небольшую колонну изъ восьми ротъ пѣхоты, въ числѣ которыхъ были двѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ, трехъ орудій, двухъ ракетныхъ станковъ, 125 казаковъ и 100 охотниковъ. На разсвѣтѣ колонна подошла къ аулу Куй-Хабль, близъ котораго шапсуги имѣли сильные пикеты. Направивъ кавалерію влѣво отъ аула, на поляну, а часть стрѣлковъ съ орудіемъ вправо, полковникъ Фрейгангъ приказалъ остальнымъ войскамъ атаковать аулъ. „Куй-Хабль держался упорно—пишетъ Фрейгангъ въ своихъ воспоминаніяхъ — но и тутъ, какъ всегда, гомборскіе стрѣлки дѣйствовали молодцами“. Аулъ, наконецъ, былъ взятъ, и трофеемъ досталось намъ одно непріятельское орудіе.

Одновременно съ движеніемъ къ аулу Куй-Хабль, полковникъ Фрейгангъ послалъ двѣ роты стрѣлковъ, съ однимъ орудіемъ и частью кавалеріи, подъ командою капитана Бучкіева, для занятія перелѣсковъ и хуто-

ровъ на лѣвомъ берегу р. Бугундыря. Цѣль этой операціи состояла въ удержаніи шапсуговъ, уже собиравшихся по тревогѣ, а также въ отвлеченіи ихъ отъ другихъ ауловъ, вблизи которыхъ предполагалось сдѣлать фуражировку.

Колонна, назначенная для этой фуражировки, въ составѣ 8-ми ротъ пѣхоты, 3-хъ орудій, 100 казаковъ и 60 охотниковъ, подъ командою маіора Стражеца, подошла къ аулу Куй-Хабль двумя часами позже колонны подполковника Антоневича. Съ ея прибытіемъ капитанъ Бучкіевъ двинулся къ бугундырскимъ ауламъ. Подкрѣпивъ его еще двумя ротами гомборскихъ стрѣлковъ, съ однимъ орудіемъ, и обстрѣлявъ мѣстность, полковникъ Фрейгангъ приказалъ этимъ войскамъ атаковать аулы, откуда горцы открыли сильный огонь изъ ружей и фалконетовъ. „Гренадерскіе и куринскіе стрѣлки—сказано въ донесеніи Филипсона—а равно и рота 18-го стрѣлковаго баталіона, штыками выбили непріятеля изъ овраговъ передъ аулами. Горцы энергически сопротивлялись, засѣвъ въ сакляхъ за плетнями, и не сдавались; многіе изъ нихъ переколоты штыками, а нѣсколько фанатиковъ, защищаясь въ одной изъ сакль, сдѣлались жертвою пламени, скоро объявшаго бугундырскіе аулы на пространствѣ шести верстъ“ [6]). На мѣстѣ боя осталось 19 тѣлъ. При штурмѣ ауловъ убиты два гомборскихъ стрѣлка, раненъ подпоручикъ графъ Менгденъ и 11 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ шестеро гомборцевъ. Въ реляціи г.-м. Бабича о полковникѣ Фрейгангѣ сказано: „командуя стрѣлковымъ баталіономъ, онъ былъ однимъ изъ лицъ, которыхъ смѣло могу назвать помощниками моими въ командованіи отрядомъ. Не исчисляя всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ полковникъ Фрейгангъ выказалъ рѣдкія воинскія дарованія, я укажу только на 28-е сентября, когда онъ, двигаясь съ неимовѣрною быстротою, подошелъ незамѣтно къ аулу Куй-Хабль, опрокинулъ пикеты, стоявшіе впереди аула, ворвался вслѣдъ за ними въ аулъ, и, не смотря на ожесточенное сопротивленіе горцевъ, овладѣлъ непріятельскимъ орудіемъ съ полною принадлежностью. Двигаясь далѣе, полковникъ Фрейгангъ атаковалъ нижне-бугундырскіе аулы. Выбивъ оттуда горцевъ и овладѣвъ ихъ имуществомъ и скотомъ, онъ отступилъ, понеся, сообразно съ результатами дѣла, весьма малую потерю“ [7]).

Занятіе атакованной части бугундырскихъ ауловъ дало возможность расположить войска на удобной позиціи и подъ ихъ прикрытіемъ произвести фуражировку; триста повозокъ были нагружены зерновымъ хлѣбомъ и фуражомъ. Захвачена масса добычи и 83 штуки рогатаго скота. Отступленіе было произведено въ полномъ порядкѣ. „Войска, участвовавшія въ этомъ дѣлѣ, по донесенію гр. Евдокимова, исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ“.

Графъ Евдокимовъ, съ прибытіемъ въ область, поставилъ адагумскому отряду слѣдующую главную задачу: проложить удобную и безопасную дорогу для движенія даже слабыхъ колоннъ отъ укрѣпленія Григорьевскаго въ укрѣпленіе Крымское,—значитъ, по всему протяженію земли шапсуговъ. Устроивъ эту дорогу, мы отхватывали у шапсуговъ обширное пространство плодородной земли, такъ какъ они „окончательно лишались возможности

[6]) Рапортъ ген.-ад. гр. Евдокимова 4-го октября № 4723.
[7]) Дѣло особ. отд. арх. окр. штаба 1861 года № 16.

пользоваться поземельными угодьями этого богатаго края". Чтобы выиграть время, графъ Евдокимовъ приказалъ генералу Бабичу, вновь вступившему въ командованіе адагумскимъ отрядомъ, двинуться изъ Абинскаго укрѣпленія на р. Бугундырь, а начальнику средне-шапсугскаго отряда полковнику Левашеву—изъ укрѣпленія Ильскаго, и рубить просѣку одинъ другому на встрѣчу по указанному направленію. Средне-шапсугскій отрядъ двинулся 30-го ноября по анапской дорогѣ къ рѣкѣ Абину и 1-го декабря началъ рубку лѣса назадъ, на укрѣпленіе Ильское. Адагумскій же отрядъ, въ составѣ 10-ти баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ гомборскій стрѣлковый баталіонъ), 4-хъ эскадроновъ драгунъ, 4-хъ сотенъ казаковъ, 12-ти орудій и 16-ти ракетныхъ станковъ, выступилъ также 30-го ноября. По пути гомборцы, бывшіе въ боковыхъ цѣпяхъ, имѣли незначительную перестрѣлку.

Съ 2-го по 7-е декабря адагумскій отрядъ производилъ рубку просѣки между рѣками Антхырь и Бугундырь, а съ 7-го—отъ Антхыря къ р. Хабль. Непріятель пока не безпокоилъ. Рядомъ съ работами, ежедневно высылались колонны для фуражировки, причемъ столкновеніе съ непріятелемъ произошло только 3-го декабря въ аулахъ, разбросанныхъ въ ущелья Гукецкаль, гдѣ гомборцы имѣли одного ушибленнаго камнемъ. Того же числа графъ Евдокимовъ съ частью главнаго шапсугскаго отряда, пройдя балку Богай, остановился лагеремъ на р. Азипсѣ. Для успѣшнаго проложенія общей просѣки отъ Азипса къ Антхырю, гдѣ стоялъ адагумскій отрядъ, онъ сформировалъ на р. Хабль промежуточный отрядъ, ввѣривъ его командованію генерала Карцова. Затѣмъ, графъ Евдокимовъ выѣхалъ въ Тифлисъ, приказавъ начальникамъ отрядовъ: адагумскаго, шапсугскаго и промежуточнаго, по окончаніи общей просѣки, очистить отъ непріятеля все пространство между Абиномъ и Азипсомъ, и предпринять движеніе въ сосѣднія горныя общества для рекогносцировокъ и истребленія ближайшихъ къ просѣкѣ ауловъ.

Работы шли быстро. Адагумскій отрядъ съ 8-го по 14-е декабря не имѣлъ минуты отдыха. Гомборцы ежедневно ходили въ прикрытіе фуражировъ, но непріятель не показывался. Къ 14-му декабря предположенная просѣка была окончена адагумскимъ отрядомъ, и генералъ Бабичъ сдѣлалъ движеніе вверхъ по Антхырю; одновременно съ нимъ отряды генералъ-маіоровъ Карцова и кн. Святополкъ-Мирскаго двинулись вверхъ по рр. Азипсу и Хаблю. Движеніе вверхъ по Антхырю генералъ Бабичъ предпринялъ тремя колоннами. Одна изъ нихъ, подъ командою полковника Головинскаго, въ составѣ которой былъ гомборскій стрѣлковый баталіонъ, пошла по ущелью р. Антхырь, а другія двѣ—полковниковъ Петрова и князя Шаликова, по обоимъ склонамъ ущелья. Въ каждой изъ колоннъ находилось по два съ половиною баталіона пѣхоты, двѣ сотни казаковъ или драгунъ и по два орудія. Всѣ колонны должны были при отступленіи соединиться на Антхырѣ. Колонна полковника Головинскаго, не смотря на трудности пути и разныя препятствія на пересѣченной мѣстности, къ разсвѣту успѣла отойти отъ лагеря верстъ на 11-ть. Аулы, на которые устремились, по командѣ Головинскаго, гомборцы и драгуны, оказались пустыми и были немедленно преданы огню. При отступленіи шапсуги открыли нападенія на арріергардъ и правую боковую цѣпь; пересѣченная мѣстность скрывала ихъ

отъ мѣткихъ пуль гомборцевъ, такъ что преслѣдованіе прекратилось лишь съ выходомъ колонны изъ ущелья Антхыря. Колонны Петрова и Шаликова истребили по нѣсколько ауловъ и, захвативъ 14 плѣнныхъ и 350 штукъ рогатаго скота, благополучно присоединились къ колоннѣ Головинскаго. Участіемъ гомборскихъ стрѣлковъ въ набѣгѣ 15-го декабря закончилась ихъ боевая дѣятельность въ 1860-мъ году. Послѣ этого они обратились къ хозяйственнымъ занятіямъ, и въ особенности къ устройству бараковъ, которые, въ ожиданіи морозовъ, необходимо было построить подобно другимъ частямъ войскъ. Къ концу декабря абинскій укрѣпленный лагерь окончательно обстроился и принялъ видъ оживленнаго городка. Вскорѣ наступили страшные морозы, доходившіе до 30°, а лихорадка удвоила свое опустошительное дѣйствіе. Въ приказахъ по баталіону за это время то и дѣло встрѣчается, что такой-то „отъ изнурительной (либо перемежающейся) лихорадки волею божіею умеръ“.

Результаты нашихъ предпріятій въ 1860-мъ году въ землѣ шапсуговъ были весьма осязательны. Построивъ удобное сообщеніе отъ ук. Крымскаго до ук. Григорьевскаго на 74 версты, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ пространствѣ двухтысячъ кв. верстъ между рр. Адагумомъ и Супсомъ не пощадили ни одного сколько нибудь значительнаго аула, и лишь самую незначительную часть скота и имущества шапсуги успѣли укрыть въ болотистыхъ плавняхъ Кубани, доступъ къ которымъ для насъ былъ возможенъ лишь во время морозовъ. Вслѣдствіе этого до двухъ тысячъ семействъ прислали депутацію къ гр. Евдокимову съ изъявленіемъ покорности. Но начальникъ края, зная отлично, что пока эти полудикари живутъ около горъ и могутъ въ нихъ скрываться, окончательной покорности ихъ можно добиться лишь тогда, когда горы ихъ будутъ въ нашихъ рукахъ. Поэтому онъ объявилъ депутатамъ, что покорными будутъ считаться только тѣ, которые выселятся въ аулы на Кубани по указаніямъ начальства.

За лѣтнюю экспедицію 1860 года стрѣлковые офицеры, въ представленіи начальника отряда, удостоились вполнѣ завидной аттестаціи, которая столько же дѣлаетъ честь отличившимся, сколько еще разъ рекомендуетъ составъ, къ которому они принадлежали. О командирѣ баталіона, между прочимъ, говорится: „не вычисляя многихъ случаевъ, гдѣ полковникъ Фрейгангъ, начальствуя колоннами, выигралъ славныя у горцевъ дѣла, скажу, что въ лѣтней экспедиціи 1860 года въ землѣ шапсуговъ, какъ опытный офицеръ генеральнаго штаба, съ особымъ искусствомъ руководилъ войсками въ бою и нерѣдко, въ болѣе важныхъ случаяхъ, служа самъ примѣромъ храбрости, лично водилъ въ дѣла части войскъ“. О графѣ Менгденѣ сказано: „въ теченіе цѣлой лѣтней экспедиціи въ землѣ шапсуговъ, находясь въ собранной изъ частей войскъ отряда ротѣ охотниковъ, офицеръ этотъ, по своей храбрости и распорядительности, былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ, почему въ дѣлахъ и перестрѣлкахъ на него возлагались болѣе важныя порученія, которыя онъ всегда выполнялъ съ успѣхомъ“. Что касается Аткинсона, то собственное засвидѣтельствованіе имъ о своемъ мужествѣ, оставшееся наглядным для всѣхъ и осязательнымъ для него на всю жизнь, исключаетъ всякую необходимость въ какой бы то ни было реляціи. Фрейгангъ былъ представленъ къ чину генералъ-маіора и произведенъ 22-го іюля 1861 года, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ

и по военно-учебнымъ заведеніямъ; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ командовать баталіономъ до 12-го сентября того же года. Аткинсонъ также награжденъ слѣдующимъ чиномъ, а поручикъ Кабенинъ (Василій) и подпоручикъ Менгденъ—орденами св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Нижнимъ же чинамъ пожаловано 10 знаковъ отличія ордена св. Георгія [8]).

Едва только адагумскій отрядъ прочно устроился въ Абинскомъ укрѣпленіи, какъ вытѣсненные въ горы шапсуги вновь начали спускаться на плоскость и селиться на своихъ старыхъ пепелищахъ. Узнавъ объ этомъ, графъ Евдокимовъ, находившійся въ это время въ Ставрополѣ, предписалъ генералъ-маіору Бабичу двинуться отъ Абина до укр. Ильскаго и „потревожить“ ихъ, а потомъ, соображаясь съ обстоятельствами, пройти вверхъ по нѣкоторымъ ущельямъ. Отрядъ былъ собранъ 31-го декабря 1860 года изъ десяти баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, четырехъ эскадроновъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ, двѣнадцати орудій и восьми станковъ. 1-го января 1861 года генералъ Бабичъ расположился на берегу Антхыря, потомъ побывалъ на Азипсѣ, перешелъ къ укр. Ильскому и 10-го числа вернулся въ абинскій укрѣпленный лагерь. Движеніе это сопровождалось безпрестанною высылкою колоннъ на поиски въ сосѣднія ущелья, а также по Бугундырю, причемъ гомборцы имѣли перестрѣлки 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 7-го, 8-го и 9-го января. Въ теченіе этихъ дней Бабичъ успѣлъ захватить болѣе двухъ тысячъ головъ разнаго скота, уничтожилъ массу хлѣба и фуража, разорилъ множество новыхъ жилищъ на Бугундырѣ и захватилъ въ плѣнъ десять человѣкъ. Затѣмъ онъ опять уѣхалъ къ себѣ въ станицу, оставивъ командира гомборскаго стрѣлковаго баталіона начальникомъ отряда. „Трудное было положеніе—пишетъ Фрейгангъ—въ продолженіе двухъ недѣль. Наступили страшные морозы, 25°—30°. Счастье, что можно было не посылать въ Крымское укрѣпленіе: провіанта и всего было навезено довольно. Но за дровами нельзя было не посылать, а назначать рабочимъ прикрытіе—значило бы заморозить его. Поэтому я отдалъ приказаніе—посылать въ лѣсъ безъ прикрытія, но чтобы рабочихъ было не менѣе ста человѣкъ при офицерѣ, и у всякаго ружье за плечомъ, смѣло расчитывая, что и шапсуги въ чевякахъ не польстятся въ такой морозъ за добычею“.

Гораздо чувствительнѣе были морозы для горныхъ обществъ, лишенныхъ крова и пропитанія. Они давно желали изъявить намъ покорность и даже хотѣли, по желанію графа Евдокимова, переселиться на Кубань, но ихъ удерживали безпокойныя головы надеждою на лучшее будущее. Этими поджигателями особенно кишѣли верховья рѣки Шебшъ и ущельевъ впадающихъ въ нее рѣчекъ. Чтобы скорѣе парализовать ихъ вредное вліяніе на народъ, графъ Евдокимовъ приказалъ генералъ-маіору Бабичу передвинуть адагумскій отрядъ въ укрѣпленіе Григорьевское, от-

[8]) Кресты получили: за 29-е августа унтеръ-офицеръ Иванъ Щербаченко № 4997, за 31-е августа рядовой Андрей Зюзинъ № 5021, за 1-е и 28-е сентября рядовой Ларіонъ Кибасовъ № 5024; за разновременныя дѣла: унтеръ-офицеры Антонъ Трофимовъ № 11112, Михаилъ Жилило № 11113, рядовые—Валентій Требульскій № 11114, Авраамъ Зубань № 11115, Степанъ Гребельниковъ № 11116, Эрастъ Зайцовъ № 11117, Иванъ Мартыненко № 11118. (Дѣла особ. отд. арх. окр. штаба 1860 года №№ 71 и 101).

куда гораздо удобнѣе было двинуться въ притоны возмутителей. 28-го января Бабичъ выступилъ изъ Абинскаго къ Григорьевскому, съ отрядомъ въ составѣ десяти баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и гомборскаго стрѣлковаго баталіона [9]), команды охотниковъ, сводной роты пластуновъ, двухъ дивизіоновъ драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ, четырнадцати орудій и разной милиціи. Къ этому отряду должны были присоединиться постепенно изъ разныхъ пунктовъ Кубанской области до шести съ половиною баталіоновъ пѣхоты, рота саперъ, два дивизіона драгунъ, пять сотенъ казаковъ и два орудія.

Отрядъ двигался отъ абинскаго лагеря до укрѣпленія Григорьевскаго по просѣкѣ чрезъ укр. Ильское. Не смотря на это, онъ успѣлъ прибыть туда только 5-го февраля, потому что неожиданно наступившая оттепель подняла уровень рѣкъ, и переправа черезъ нихъ заняла очень много времени. Горцы нѣсколько разъ открывали перестрѣлку съ боковыми цѣпями, но вреда никакого не нанесли имъ. 6-го числа прибыли въ Григорьевское также и дополнительныя войска. Непосредственное командованіе всѣмъ отрядомъ было ввѣрено генералу Бабичу, а главное руководство ихъ дѣйствіями принялъ на себя самъ графъ Евдокимовъ, прибывшій 5-го числа въ Григорьевское одновременно съ принцемъ Вильгельмомъ баденскимъ, пожелавшимъ участвовать въ экспедиціяхъ.

Запасшись вьючнымъ обозомъ, войска 9-го февраля тронулись вверхъ по р. Шебшу тремя колоннами; правая—по лѣвому берегу Шебша до впаденія въ него р. Безепса; лѣвая—безъ дороги черезъ гору по р. Психабе, съ тѣмъ, чтобы выйти нѣсколько выше впаденія этой рѣки въ Шебшъ, а главныя—по правому берегу Шебша также къ устью Психабе. Послѣдняя была раздѣлена на три эшелона: авангардъ, средній эшелонъ съ вьюками и арріергардъ. Авангардъ, въ составъ котораго вошелъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, былъ подъ начальствомъ принца Вильгельма баденскаго. Всѣ три колонны выступили одновременно, въ 7 часовъ утра. Небольшая конная партія показывалась на разныхъ пунктахъ передъ нашими цѣпями, но движенію не мѣшала.

Авангардъ чуть ли не съ первымъ шагомъ началъ встрѣчать всевозможныя препятствія для своего движенія, а въ $6^1/_2$ верстахъ отъ укр. Григорьевскаго гомборцы, шедшіе въ головѣ авангарда, неожиданно увидѣли впереди себя два завала, откуда былъ открытъ ружейный огонь. Повидимому, горцы намѣревались оказать намъ здѣсь упорное сопротивленіе, но движеніе боковыхъ колоннъ, угрожавшихъ флангамъ и тылу завало въ, заставило защитниковъ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, бросить ихъ и отступить въ глубь ущелья. Разбросавъ оба завала, авангардъ продолжалъ наступленіе и, прибывъ къ устью Психабе въ 6 часовъ вечера, расположился на ночлегъ у непріятельскаго аула того же имени, въ 12-ти верстахъ отъ укр. Григорьевскаго. Сюда къ этому же времени стянулась и лѣвая колонна; правая же, двигавшаяся по другому берегу Психабе, переправилась черезъ рѣку и расположилась лагеремъ недалеко отъ главной колонны. 10-го февраля графъ Евдокимовъ направилъ изъ лагеря на Психабе небольшую колонну изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, подъ

[9]) Въ баталіонѣ было: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 15, унтеръ-офицеровъ 81, стрѣлковъ 596.

начальствомъ принца баденскаго, вверхъ по ущелью рѣки. Въ составъ ея вошелъ весь гомборскій стрѣлковый баталіонъ [10]). Долина рѣки была усѣяна небольшими аулами, однако довольно густо населенными и расположенными на возвышенныхъ мѣстахъ. Хотя эти аулы были труднодоступны и сообщались между собою едва проходимыми тропинками, однако колонна двигалась чрезвычайно быстро. Постоянно отражая непріятеля, выбивая его повсюду и зажигая его жилища на всемъ пути, она добралась, наконецъ, до верховьевъ Психабе. Отдохнувъ здѣсь короткое время, она прошла еще верстъ восемь, истребила аулы въ ущельи Шибсугъ и возратилась къ вечеру въ лагерь, истребивъ по пути аулы, второпяхъ упущенные раньше изъ виду. „Успѣхъ былъ полный, доносилъ гр. Евдокимовъ, непріятель, устрашенный быстротою движенія по такимъ трущобамъ, по которымъ никакъ не ожидалъ наступленія, сопротивлялся слабо; превосходство нашихъ силъ и стрѣлковое вооруженіе заставили его держаться вдали, и огонь его не могъ вредить намъ“. Такимъ образомъ, въ два дня совершенно были разворены общества шапсуговъ, населявшихъ котловину Шебша и Психабе. Находя, что достигъ цѣли, т. е., „уничтожилъ моральное вліяніе этихъ шапсуговъ на остальныхъ соплеменниковъ“, графъ Евдокимовъ предпринялъ обратное движеніе.

Отступленіе началось 11-го февраля. Горцы съ ожесточеніемъ преслѣдовали арріергардъ и, увлекшись, не замѣтили драгунъ, заскакавшихъ имъ въ тылъ. Произошла рѣзня, кончившаяся бѣгствомъ непріятеля, оставившаго до 50-ти тѣлъ и лишившагося 4-хъ плѣнныхъ, много имущества и нѣсколькихъ сотъ штукъ рогатаго скота. Потеря всего отряда состояла въ 1-мъ убитомъ и 1-мъ раненомъ оберъ-офицерахъ, въ 4-хъ убитыхъ и 11-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ [11]). Изъ укр. Григорьевскаго адагумскій отрядъ не прошелъ въ абинскій лагерь, а двинулся 14-го числа на Кубань и, для временнаго отдыха, размѣстился по станицамъ. Гомборскому стрѣлковому баталіону была указана временная штабъ-квартира въ станицѣ Полтавской, куда онъ прибылъ 17-го февраля. Однако не долго онъ простоялъ здѣсь, такъ какъ цѣль расквартированія въ бѣдной станицѣ, а именно отдыхъ и приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ, не достигалась. По этой причинѣ онъ былъ вскорѣ, именно 4-го марта, переведенъ въ укр. Крымское, гдѣ имѣлись всевозможные склады и удобныя помѣщенія. Тотчасъ по прибытіи въ Крымское, полковникъ Фрейгангъ получилъ предписаніе и маршрутъ для слѣдованія въ штабъ-квартиру—Гомборы.

„Обрадовались стрѣлки извѣстію, что пойдутъ восвояси—пишетъ генералъ Фрейгангъ. Расчитывая, что время настаетъ теплое, и что обозъ и безъ того значительный, я разрѣшилъ стрѣлкамъ, по ихъ просьбѣ, продать полушубки, съ тѣмъ, что въ Гомборахъ сошьютъ себѣ новые. Самъ же рѣшился отдать все дерево, принадлежащее палаткамъ“. Оставивъ въ укрѣпленіи излишнія тяжести и при нихъ команду стрѣлковъ съ прапорщикомъ Ловчинскимъ, баталіонъ 11-го марта выступилъ въ походъ. Путь лежалъ черезъ укр. Адагумское и далѣе на военно-грузинскую дорогу. Но на десятомъ переходѣ баталіону велѣно было остановиться для участія

[10]) Ротами командовали: 1-ю капитанъ Грессеръ, 2-ю поручикъ Кабенинъ, 3-ю капитанъ Кабенинъ и 4-ю штабсъ-капитанъ Коптевъ.

[11]) Донесеніе графа Евдокимова 14-го февраля 1861 года № 111.

вновь въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого онъ былъ временно расположенъ въ станицѣ Тифлисской. Въ виду предполагавшейся, такимъ образомъ, въ скоромъ времени экспедиціи, полковникъ Фрейгангъ велѣлъ ротнымъ командирамъ вновь „озаботиться зимнею одеждою для нижнихъ чиновъ“. Баталіонъ, по полученіи приказанія о пріостановленіи его, немедленно, по ходатайству генерала Бабича, опять былъ зачисленъ въ составъ адагумскаго отряда; но такъ какъ дѣла наши на Лабѣ осложнились, а адагумскій отрядъ, собранный въ мартѣ, уже оканчивалъ свои дѣйствія, то гомборцы не были отправлены въ распоряженіе Бабича. 16-го апрѣля они, вмѣстѣ съ 18-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и резервнымъ баталіономъ Куринскаго полка, были зачислены въ абадзехскій отрядъ, гдѣ принимали участіе въ его занятіяхъ, состоявшихъ въ рубкѣ просѣки по дорогѣ отъ укр. Майкопа къ станицѣ Лабинской, въ заготовленіи матеріаловъ для постройки новыхъ станицъ, въ возведеніи постовъ на сообщеніяхъ и т. п. Сверхъ того, во второй половинѣ апрѣля баталіонъ былъ посланъ въ окрестности Ставрополя, въ станицу Надеждинскую, потомъ направленъ, съ нѣкоторыми другими войсками, въ ст. Александровскую, по случаю возникшихъ недоразумѣній между казаками. Дѣла здѣсь были скоро улажены, но баталіонъ буквально не имѣлъ покоя. Наконецъ, 4-го мая онъ былъ зачисленъ въ составъ войскъ верхне-лабинскаго отряда и перенесъ свою временную штабъ-квартиру въ станицу Засовскую.

Однимъ изъ средствъ къ быстрому и прочному покоренію западнаго Кавказа должно было явиться заселеніе русскими колонистами пространствъ, пройденныхъ нашими войсками. Прикрывая ими свой тылъ, войска наши могли подвигаться впередъ безостановочно и безповоротно. Каждый отнятый нами у горцевъ аршинъ земли долженъ былъ становиться нашею неотъемлемою собственностью. Нужно было только заселить русскими людьми обширные басейны рѣкъ Кубанской области.

Назначеніе верхне-лабинскаго отряда, въ составъ котораго вошли гомборцы, состояло въ понужденіи къ выселенію въ Турцію племенъ, населявшихъ верховья большой Лабы, бесленеевцевъ, кизильбековцевъ и др.—и въ устройствѣ новыхъ станицъ для нашихъ переселенцевъ съ Дона и изъ внутреннихъ губерній Россіи. Переселенцевъ, въ виду предоставленныхъ имъ льготъ, въ 1861 году уже насчитывалось до 1800 семействъ. Выселеніе въ Турцію горцевъ—частью по ихъ собственному побужденію, а частью поневолѣ — началось съ наступленіемъ весны. Многія общества уходили безъ принужденія, и только бесленеевцы, не взирая на наши напоминанія и требованія, не трогались съ мѣста. Чтобы не допустить ихъ до явнаго неповиновенія, а затѣмъ и до открытаго сопротивленія, 20-го іюня аулы ихъ внезапно были окружены войсками верхне-лабинскаго отряда, съ участіемъ также гомборскихъ стрѣлковъ, и все почти четырехтысячное племя было выведено, подъ сильнымъ конвоемъ, на правый берегъ Урупа, откуда началось постепенное выселеніе ихъ въ Турцію. Лишь небольшая часть бесленеевцевъ скрылась въ горахъ, между абадзехами. Независимо участія въ выселеніи горцевъ, гомборскій стрѣлковый баталіонъ построилъ двѣ станицы—Ахметовскую и Каладжинскую, и содѣйствовалъ разработкѣ дороги по ахметовскому ущелью, а затѣмъ перенесъ свою рабочую дѣятельность въ верхне-абадзехскій отряда, гдѣ былъ смѣненъ сводно-стрѣлковымъ

№ 4 полубатальономъ [21]). Такимъ образомъ, гомборцы съ 8-го февраля 1860 г., т. е. со дня выступленія изъ штабъ-квартиры, все время стояли подъ ружьемъ, и, не смотря на сильныя лѣтнія жары и на суровые морозы, не знали другаго жилища, кромѣ палатокъ, которыя переносили съ мѣста на мѣсто. Состояніе баталіона въ половинѣ мая 1861 года усматривается изъ слѣдующихъ словъ приказа полковника Фрейганга [13]): „нижніе чины совершенно отвыкли отъ фронта. Я приписываю это тому, что баталіонъ былъ постоянно въ походѣ и по станицамъ и не находился въ сборѣ, почему затруднительно было присмотрѣть за нижними чинами. Но въ томъ видѣ, въ какомъ баталіонъ былъ сегодня, онъ не можетъ быть представленъ начальству". Далѣе исчислялись всѣ замѣченныя неисправности—неизбѣжный результатъ вѣчной походной жизни, когда неумолкаемый стукъ топоровъ и отрывистые звуки непріятельскихъ выстрѣловъ замѣняли гомборцу обычныя въ мирное время командныя слова. Въ заключеніе сказано: „стойка, держаніе ружья, маршировка дурны. Предписываю съ 15-го числа ежедневно производить одиночное, шереножное и ротное ученья по 2 часа въ день" и т. д. При этомъ не обращалось, конечно, вниманія на то, что чуть ли не всѣ эти съ виду плохіе солдаты украшены были георгіевскими крестами. Въ станицѣ Зассовской баталіонъ устроился для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Сюда были вскорѣ перевезены всѣ баталіонныя тяжести изъ Крымскаго укрѣпленія, и прибыла 27-го іюня оставшаяся тамъ команда стрѣлковъ съ прапорщикомъ Ловчинскимъ.

Въ верхне-абадзехскій отрядъ вошли: 4 баталіона Севастопольскаго пѣхотнаго полка, стрѣлковые баталіоны—кавказскій гренадерскій, сводно-стрѣлковый № 1, 19-й, полковъ Кабардинскаго и Ширванскаго, резервные баталіоны полковъ Эриванскаго и Грузинскаго, двѣ роты кавказскаго сапернаго № 2 баталіона, 200 человѣкъ охотниковъ, два эскадрона Нижегородскихъ драгунъ, 8 сотенъ кубанскаго казачьяго войска, легкая № 4 бат. 19-й арт. бригады и 4 орудія конно-казачьей № 14 батареи кубанскаго войска. Назначеніе отряда состояло въ разработкѣ дорогъ отъ Хамкеты черезъ верховья Фарса къ р. Бѣлой и внизъ по Фарсу до станицы Нижне-Фарсской, а также въ постройкѣ на нихъ станицъ для переселенцевъ. 21-го іюля большая часть отряда, а съ нею вмѣстѣ и гомборскій стрѣлковый баталіонъ, двинулась къ урочищу Мамрюкъ-гой и, перейдя рѣку Аллеркушъ, расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу ея; 22-го числа, въ день Высочайшаго приказа о производствѣ Фрейганга, когда отрядъ открылъ свои работы, въ баталіонѣ состояло: генералъ-маіоръ 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 14, унтеръ-офицеровъ 84 и стрѣлковъ 596. Жары становились все сильнѣе, и изъ ограниченнаго количества людей въ баталіонѣ лихорадка все дѣятельнѣе выдергивала одного за другимъ. Но ничто не могло остановить работъ, и къ первому сентября онѣ были окончены: проведена дорога отъ ур. Мамрюкъ-гой къ ст. Губской, исправлена дорога отъ лагеря на Аллеркушъ къ Хамкеты, устроены мосты черезъ рр. Тхатмахтль, Тамежукъ, а также и черезъ хамкетинскій оврагъ.

11-го сентября Кубанскую область осчастливилъ посѣщеніемъ Государь Императоръ. Всюду, куда слѣдовалъ Его Величество, были разстав-

[12]) „Кавказскій Сборникъ", т. V, стр. 354.

[13]) Приказъ по баталіону 13-го мая 1861 года № 133.

лены войска. 16-го сентября Государь имѣлъ дневку въ верхне-абадзехскомъ отрядѣ, гдѣ изволилъ сдѣлать смотръ, въ числѣ прочихъ войскъ этого отряда, также и гомборскому стрѣлковому баталіону. 19-го сентября Его Величество изволилъ прослѣдовать внизъ по Лабѣ, затѣмъ, черезъ ст. Усть-Лабинскую, по Кубани и 21-го числа отбылъ въ Поти. 12-го сентября генералъ-маіоръ Фрейгангъ сдалъ баталіонъ полковнику Грузинскаго гренадерскаго полка Вибергу, назначенному командиромъ Высочайшимъ приказомъ 29-го іюля 1861 года. Гомборцы отлично знали и любили этого храбраго штабъ-офицера со времени совмѣстно съ нимъ произведеннаго штурма аула Одобричъ. Оставивъ баталіонъ, Александръ Васильевичъ не только постоянно сохранялъ о немъ добрыя воспоминанія, но и не переставалъ интересоваться его дальнѣйшею судьбою. „Еще 2½ года продолжалась послѣ того упорная борьба—пишетъ онъ—и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, нынѣ 1-й кавказскій стрѣлковый Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, продолжалъ доблестную свою службу. Я же разстался съ этою горстью воиновъ славной кавказской арміи съ тѣмъ, чтобы навсегда сохранить въ сердцѣ память о ней и съ гордостью вспоминать, что шесть лѣтъ я стоялъ во главѣ героевъ“.

Между тѣмъ абадзехи, изъявившіе намъ покорность еще въ 1859 году, и сдѣлавшіеся, съ выселеніемъ бесленеевцевъ, нашими непосредственными сосѣдями, начинали волноваться, справедливо усматривая, что просѣки и хорошія дороги приведутъ насъ къ нимъ въ качествѣ полновластныхъ господъ и во всякомъ случаѣ поставятъ предѣлъ ихъ необузданной доселѣ вольности и своеволію. Пріѣздъ Государя возбудилъ въ нихъ надежду выговорить себѣ мирнымъ образомъ нѣкоторыя условія чуть не политической самостоятельности; но они горько разочаровались. Вслѣдствіе этого, послѣ отъѣзда Императора волненія среди нихъ стали быстро расти и развиваться. Къ нимъ то и дѣло прибывали значительныя партіи убыховъ и ахчипсхойцевъ, обитателей недоступныхъ береговыхъ скалъ Чернаго моря. Кромѣ того, на настроеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ имѣли большое вліяніе турецкій агентъ Исмаилъ-паша и находившійся при немъ англійскій офицеръ. Усматривая все это, графъ Евдокимовъ принялъ мѣры къ скорѣйшему окончанію просѣки по берегу р. Фарса къ ст. Нижне-Фарсской, къ проложенію ея внизъ по Фарсу и къ расчисткѣ вверхъ по этой рѣкѣ на встрѣчу верхне-абадзехскому отряду. 12-го октября работы эти были окончены, и приступлено къ рекогносцировкамъ для избранія мѣстъ подъ новыя станицы и промежуточные посты. Оставивъ на р. Фарсѣ лишь девять баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тихоцкаго, для расчистки старыхъ просѣкъ, графъ Евдокимовъ съ остальными войсками и съ гомборцами двинулся въ укр. Майкопъ и прошелъ безъ выстрѣла, такъ какъ абадзехи пока не рѣшались открыть военныя дѣйствія. 15-го числа онъ произвелъ рекогносцировку внизъ по Бѣлой и избралъ пункты для устройства на ней мостовъ. Одинъ изъ нихъ близъ ханскаго брода долженъ былъ принести намъ ту важную пользу, что давалъ возможность перенести операціи за р. Бѣлую, въ общество нижнихъ абадзеховъ. Къ 5-му ноября работы верхне-абадзехскаго отряда были окончены, и графъ Евдокимовъ, имѣя въ виду проложить прямое сообщеніе между верхнимъ теченіемъ Бѣлой и укр. Хамкеты, приказалъ генералу Тихоцкому двинуться налегкахъ съ

необходимымъ вьючнымъ обозомъ къ верховьямъ р. Фюнфта и оттуда внизъ по р. Бѣлой—къ Майкопу, сообразуясь съ движеніемъ нижне-абадзехскаго отряда, которому, въ свою очередь, было приказано подняться вверхъ по Бѣлой къ Фюнфту на встрѣчу къ ген. Тихоцкому. 6-го числа оба отряда—верхне и нижне-абадзехскій (полковника Горшкова) стянулись на урочищѣ Мамрюкъ-гой; 7-го ноября войска двинулись къ устью Фюнфта, и на другой день, слѣдуя по правому берегу Бѣлой, прибыли къ Майкопу; 10-го ноября они расположились лагеремъ у ханскаго брода—для постройки укрѣпленія и заготовленія лѣса для моста на Бѣлой. Такъ какъ, съ переходомъ къ Майкопу, верхне-абадзехскій отрядъ сталъ ниже отряда полковника Горшкова, то, приказомъ по войскамъ Кубанской области [14]), графъ Евдокимовъ присвоилъ первому изъ этихъ отрядовъ названіе нижне-абадзехскаго, а второму—вехне-абадзехскаго.

Устроивъ станичную ограду у ханскаго брода и временный мостъ черезъ р. Бѣлую, войска нижне-абадзехскаго отряда, въ томъ числѣ и гомборскіе стрѣлки, приступили, 16-го ноября, къ рубкѣ лѣса по скату хребта, примыкающаго къ лѣвому берегу р. Бѣлой, и проложенію дороги отъ ханскаго моста къ р. Пшеху. Торопясь окончить просѣку и окончательно опредѣлить направленіе дороги на р. Пшеху, генералъ Тихоцкій предпринялъ рекогносцировку къ остроконечной возвышенности Шиханъ, примыкающей къ лѣвому берегу р. Бѣлой, въ двухъ верстахъ отъ лагеря. При приближеніи колонны пикетъ абадзеховъ, стоявшій на Шиханѣ, бѣжалъ внизъ, по направленію къ партіи, находившейся въ пяти верстахъ и доходившей до двухъ тысячъ человѣкъ. Оставляя ее въ покоѣ, генералъ Тихоцкій осмотрѣлъ мѣстность и вернулся въ лагерь. Черезъ полчаса за р. Бѣлою уже начали показываться передовые всадники, но наступила ночь, и они ушли не потревоживъ насъ. Между тѣмъ, лазутчикъ далъ знать, что абадзехи, усиливаясь постепенно, намѣреваются напасть на отрядъ со всѣхъ сторонъ. Поэтому, 20-го ноября, съ восходомъ солнца, изъ лагеря выступила, подъ начальствомъ подполковника Момбели, колонна изъ шести баталіоновъ пѣхоты, со включеніемъ и гомборскаго стрѣлковаго баталіона — съ цѣлью не только разсѣять абадзеховъ, но и рубить просѣку въ избранномъ наканунѣ направленіи. По прибытіи на мѣсто работъ, войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: три роты стрѣлковаго баталіона Кабардинскаго полка заняли входъ въ ущелье, откуда горцы могли тревожить лѣвый флангъ и голову колонны, назначенной на рубку просѣки, а кавказскій гренадерскій баталіонъ, охраняя тылъ этой колонны, расположился у подошвы высотъ, обладаніе которыми обезпечивало сообщеніе рабочей колонны съ лагеремъ, и занялъ гребень высотъ сильнымъ пикетомъ. До полудня рубка производилась безпрепятственно, при мѣрахъ предосторожности, принятыхъ на случай нападенія горцевъ. Не было никакого сомнѣнія, что оно послѣдуетъ, поэтому подполковникъ Момбели предпочелъ его выждать на мѣстѣ. Дѣйствительно, въ полдень прискакалъ лазутчикъ и сообщилъ о приближеніи громаднаго непріятельскаго скопища, а черезъ пять минутъ раздались выстрѣлы на пикетѣ гомборскихъ стрѣлковъ. Послѣдніе были немедленно подкрѣплены двумя ротами своего баталіона, стоявшими у подошвы высотъ—и вскорѣ загорѣлась оживленная перестрѣлка. Пользуясь

[14]) 14 Ноября № 85.

численнымъ превосходствомъ, абадзехи пытались обойти гренадеръ съ праваго фланга, но прискакавшій, по тревогѣ, къ мѣсту боя изъ лагеря войсковой старшина Пистолькорсъ, съ сотнею 5-й бригады, спѣшилъ охотниковъ этой сотни и ими вовремя подкрѣпилъ тѣснимыхъ стрѣлковъ. Непріятель былъ отбитъ штыками, но не отсталъ; наоборотъ, послѣ перваго отпора онъ снова бросился окружать стрѣлковъ, хотя толпою погибалъ подъ выдержанными залпами трехъ ротъ, вступившихъ въ дѣло [15]). „Въ то же время подполковникъ Момбели, замѣтивъ, что противъ остальныхъ войскъ, производившихъ рубку, горцы не предпринимали ничего, направилъ къ угрожаемому пункту три роты 13-го баталіона кубанскаго казачьяго войска. Въ этотъ моментъ прибылъ къ колоннѣ генералъ-маіоръ Тихоцкій, и видя, что пунктъ нападенія горцевъ окончательно опредѣленъ, приказалъ стянуть къ мѣсту, гдѣ бой продолжался, всѣ баталіоны, бывшіе на работѣ". Пока эти баталіоны спѣшили на поддержку, начальникъ отряда направилъ во флангъ горцамъ прибывшихъ изъ лагеря охотниковъ Кабардинскаго полка, а въ подкрѣпленіе имъ—двѣ роты 2-го баталіона Севастопольскаго полка, по дну оврага, къ которому примыкалъ лѣвый флангъ гренадерскихъ стрѣлковъ. Поднявшись на высоту, кабардинскіе охотники и севастопольцы атаковали горцевъ во флангъ. „Внезапное появленіе ихъ—по словамъ графа Евдокимова—и стремительный натискъ гренадерскихъ стрѣлковъ и казаковъ 13-го баталіона съ фронта отбросили горцевъ назадъ". Но это дорого обошлось стрѣлкамъ: у насъ былъ раненъ командующій 4-ю ротою штабсъ-капитанъ Генумондъ, о которомъ сохранилась въ баталіонѣ память какъ объ отважномъ и въ высшей степени мужественномъ офицерѣ. Пуля попала ему въ средину лѣваго бедра и раздробила кость.

Вогнавъ абадзеховъ въ лѣсъ, гомборцы, а за ними и другія части, заняли позиціи и открыли перестрѣлку. Но имѣя въ виду, „что въ лѣсистой мѣстности, укрывавшей толпы непріятеля, нельзя нанести чувствительный вредъ имъ", генералъ Тихоцкій приказалъ прекратить бой и возвратиться въ лагерь. Роты гомборцевъ, не смотря на сильное утомленіе, были назначены въ арріергардную и въ боковыя цѣпи. Ободренные нашимъ отступленіемъ, абадзехи нѣсколько разъ производили нападенія на цѣпь, „но, встрѣчаемые всегда мѣткими выстрѣлами, должны были прекращать огонь и скрываться въ чащѣ лѣса". Дѣло это, продолжавшееся съ полудня до трехъ часовъ, стоило намъ трехъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, одного раненаго штабъ-офицера, одного оберъ-офицера и 19-ти нижнихъ чиновъ. Въ этомъ числѣ потеря гомборцевъ, кромѣ штабсъ-капитана Генумонда, состояла въ двухъ убитыхъ и въ 14 раненыхъ стрѣлкахъ, изъ коихъ трое умерли на слѣдующій же день. Такимъ образомъ, вся тягость боя 20-го ноября легла на однихъ гомборцевъ, три роты которыхъ въ теченіе трехъ часовъ отбивались отъ скопища болѣе чѣмъ въ 2500 человѣкъ и, наконецъ, при помощи одной сотни казаковъ, отбросили его въ лѣсъ [16]). Послѣ этого непріятель, все время находившійся въ сборѣ, всѣми мѣрами старался препятствовать работамъ и каждый день заводилъ перестрѣлки съ

[15]) Въ дѣлѣ участвовали: 2-я рота подъ командою поручика Кабенина, 3-я поручика Байкова и 4-я штабсъ-капитана Генумонда. 1-я же рота охраняла въ это время сообщеніе колонны съ лагеремъ.

[16]) Рапортъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова 1-го декабря 1861 г. № 1312.

прикрывавшими частями. Но потери наши были незначительны, такъ напримѣръ: съ 20-го ноября по 1-е декабря мы имѣли всего одного убитаго и двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Работы были окончены 12-го декабря, и затѣмъ приступлено къ рубкѣ лѣса на лѣвомъ берегу р. Бѣлой. Колонна, назначенная для этого, 12-го числа имѣла жаркую перестрѣлку, которую вынесли опять почти одни гомборцы. Но еще серьезнѣе было дѣло 14-го декабря, когда гомборцы снова были въ прикрытіи рабочей колонны. „Непріятель нѣсколько разъ появлялся большими толпами противъ прикрывавшихъ рубку частей, но каждый разъ былъ отбиваемъ съ уономъ“. При обратномъ движеніи колонны въ лагерь, горцы, въ числѣ 1000 человѣкъ, выдвинулись на самую просѣку, съ цѣлью атаковать нашъ арріергардъ, но были остановлены дѣйствіемъ артилеріи. Вся наша потеря ограничилась однимъ раненымъ, тогда какъ потери горцевъ были громадны. 15-го декабря въ отрядъ пріѣхалъ графъ Евдокимовъ и нашелъ, что возложенныя на войска работы достаточно подвинуты впередъ: промежуточный постъ между ханскимъ бродомъ и Майкопомъ совершенно готовъ; земляныя работы по устройству ограды для предполагавшейся у ханскаго брода станицы также совершенно готовы, а лѣсъ на лѣвомъ берегу р. Бѣлой вырубленъ. Полагая необходимымъ возможно скорѣе проложить прямое сообщеніе между укр. Хамкеты и мѣстомъ настоящаго расположенія верхне-абадзехскаго отряда при устьѣ Фюнфта; сверхъ того, имѣя въ виду, что для довершенія работъ у ханскаго брода можно ограничиться и меньшимъ количествомъ войскъ, графъ Евдокимовъ 18-го декабря передвинулъ нижне-абадзехскій отрядъ къ Фюнфту, а гомборскій стрѣлковый баталіонъ, съ небольшою частью отряда, оставилъ на прежнемъ мѣстѣ до перваго января 1862 года, для участія въ дальнѣйшихъ работахъ.

Награды, пожалованныя гомборцамъ за боевую службу въ 1861 году, были слѣдующія: полковнику Вибергу—орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами, капитану Кабенину—орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами и короною, капитану Грессеру, штабсъ-капитану Казакевичу, поручику Кабенину и подпоручикамъ Загобелю и Бейеру—слѣдующіе чины, юнкеру Адольфу Котлубаю—чинъ прапорщика, а стрѣлкамъ—семнадцать знаковъ отличія ордена св. Георгія 4-й степени [17]).

---

[17]) Ихъ получили: юнкера—Григорій Ивановъ, Клавдій Бейеръ, Иванъ Кирпотинъ; унтеръ-офицеры—Александръ Калашниковъ, Михаилъ Калашниковъ, Игнатій Казаровъ, Иванъ Свинковскій, Августъ Броцкій, Давыдъ Ивановъ, Павелъ Мальчиковъ, Миронъ Ищенко, Афанасій Мироновъ, Иванъ Кольцовъ, Гавріилъ Стрѣльчикъ, Степанъ Головковъ, Кириллъ Ждановъ, Иванъ Петренко.

XVII.

1862 годъ. Волненія между абадзехами. Дѣятельность гомборцевъ въ составѣ главнаго отряда. Подвиги гомборцевъ въ дѣлахъ 24-го и 27-го февраля. Временная штабъ-квартира стрѣлковъ—станица Ханская. Экспедиція въ Дахо и на Курджипсъ. Гомборцы въ пшехскомъ отрядѣ. Лихорадки. Подвигъ гомборцевъ 4 ноября у Валгай-Обидова. Рѣшительная помощь гомборцевъ 31 декабря. Баталіонная библіотека. Назначеніе Е. И. В. Государя Великаго Князя Михаила Николаевича Главнокомандующимъ кавказскою арміею. Награды.

Броженіе между абадзехами, перешедшее въ концѣ 1861 года въ открытое возстаніе, взволновало и другія общества, и снова разгорѣлась ожесточенная война на всемъ пространствѣ отъ Лабы до Чернаго моря. Начало 1862 года ознаменовалось чрезвычайными усиліями абадзеховъ увеличить число нашихъ враговъ. Самыми опасными для насъ явились воинственные убыхи; проживавшіе въ средѣ ихъ Исмаилъ-паша и европейскіе авантюристы убѣдили ихъ подать помощь абадзехамъ, и вскорѣ аулы послѣднихъ наводнились тысячами убыхскихъ джигитовъ. Печальная перспектива разстаться съ родными полями сплотила съ абадзехами и многія другія общества и вызвала въ нихъ небывалое до того единодушіе. Они сами открыли наступательныя дѣйствія, первыми жертвами которыхъ сдѣлались нѣсколько вновь построенныхъ станицъ. Графъ Евдокимовъ принялъ всѣ мѣры къ скорѣйшему окончанію работъ. Ханская станица, надъ которою гомборцы, не смотря на свирѣпствовавшіе мятели и морозы, трудились полтора мѣсяца, не имѣя буквально ни одного дня отдыха, была въ концѣ января уже готова; лѣсъ на лѣвомъ берегу Бѣлой былъ весь вырубленъ. Также были успѣшны и работы другой части нижне-абадзехскаго отряда на берегу р. Фюнфта. Уступать суровой зимѣ было нельзя уже потому, что ее презирали въ этомъ году также и легко одѣтые и зябкіе абадзехи. Во второй половинѣ февраля необходимыя работы были окончены, и графъ Евдокимовъ, рѣшивъ двинуться въ центръ земли нижнихъ абадзеховъ, населявшихъ пространство между рр. Пшишъ и Бѣлою, собралъ къ 20-му числу у ханскаго брода, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, большой отрядъ изъ 17-ти баталіоновъ пѣхоты, 10-ти эскадроновъ драгунъ, 11-ти сотенъ казаковъ и 20-ти орудій. Въ составъ отряда вошелъ и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. По диспозиціи на 21-е февраля, отрядъ двинулся тремя колоннами: лѣвая, въ составѣ 8 баталіоновъ (въ томъ числѣ гомборскій стрѣлковый), двухъ саперныхъ ротъ и четырехъ орудій, подъ командою полковника Горшкова, переправилась до разсвѣта черезъ Бѣлую по мосту и поднялась на высоты лѣваго берега этой рѣки; правая, перейдя Бѣлую въ бродъ противъ впаденія въ нее р. Мышехо, развернулась влѣво и вошла въ связь съ предыдущею, а третья колонна послѣдовала за лѣвою и служила ей резервомъ. Часть войскъ, преимущественно кавалерія, была оставлена у ханскаго брода. Войска, занявъ свои мѣста, приступили къ рубкѣ лѣса и къ разработкѣ подъемовъ. Небольшая перестрѣлка, лишившая насъ одного раненаго нижняго чина, нисколько не помѣшала работамъ. На слѣдующій день горцы усилились, но пока ничего особеннаго не предпринимали. 23-го февраля морозы быстро и неожиданно смѣнились оттепелью; Бѣлая вскрылась, и ледъ, нахлынувъ на мостъ у

ханскаго брода, снесъ его. Всѣ старанія построить временный мостъ оказались безплодными, такъ какъ огромныя льдины не давали установить козлы, и для того, чтобы возстановить необходимое сообщеніе, 25-го февраля устроили паромъ, такъ что 26-го числа можно было свободно перевозить провіантъ.

Болѣе серьезныя дѣйствія начали абадзехи съ 24-го февраля, напавъ большими массами на баталіонъ № 13 кубанскаго казачьяго войска, но ихъ во время выручили гомборцы, прибѣжавшіе въ самый разгаръ боя. Такимъ образомъ, гомборцы отблагодарили казаковъ за 20-е ноября прошлаго года, такъ какъ это были именно тѣ казаки, которые помогли имъ отбросить нѣсколько тысячъ абадзеховъ. Въ слѣдующіе два дня горцы безпрестанно тревожили рабочихъ, но прикрытія твердо стояли на своихъ мѣстахъ. Перестрѣлки, не умолкавшія почти все время, не принесли никакого вреда—по крайней мѣрѣ гомборцамъ.

Желая вознаградить потери, понесенныя 24-го февраля, и вообще свои неудачныя попытки послѣднихъ дней, абадзехи предприняли 27-го февраля довольно серьезное покушеніе, и имъ, дѣйствительно, удалось нанести вредъ, преимущественно гомборцамъ.

Въ этотъ день на работахъ и въ прикрытіи ихъ были шесть баталіоновъ пѣхоты [1]), въ томъ числѣ и гомборскій стрѣлковый. Они расположились въ одну линію, имѣя впереди густую цѣпь стрѣлковъ съ резервами, подъ начальствомъ полковника Іолшина; позади этой линіи, за ея флангомъ и центромъ, стали въ видѣ главнаго резерва: 19-й и сводный № 1 стрѣлковые баталіоны и 2-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка. Съ гомборцами повторилось почти то же самое, какъ и въ ноябрѣ минувшаго года. „Во второмъ часу пополудни горцы—по словамъ графа Евдокимова—собравшись въ значительныхъ массахъ противъ лѣваго фланга линіи войскъ, занятыхъ рубкою, стремительно атаковали цѣпь и резервы кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона“ [2]). Но они, конечно, были отбиты, хотя въ этомъ жаркомъ дѣлѣ были ранены: командующій 3-ю ротою поручикъ Байковъ и прапорщикъ той же роты Бѣлицкій. На помощь къ гренадерамъ были двинуты войска главнаго резерва, съ приближеніемъ которыхъ гомборцы перешли въ наступленіе. Абадзехи, атакованные на двухъ пунктахъ, бѣжали въ глубь лѣса, оставивъ въ нашихъ рукахъ четыре тѣла и 30 лошадей съ полнымъ уборомъ, теплую одежду и часть продовольствія. Вся потеря этого дня легла главнымъ образомъ на гомборцевъ, которые лишились двухъ раненыхъ оберъ-офицеровъ, четырехъ убитыхъ и 17-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ числа послѣднихъ умерли въ тотъ же день четверо [3]).

Къ 1-му марта работы были окончены, и для дальнѣйшаго продолженія просѣки къ р. Пшехѣ были употреблены всѣ безъ исключенія свободныя войска. До 7-го числа просѣка была доведена къ полянѣ, непосредственно

---

[1]) 1-й, 3-й и 5-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка и стрѣлковые баталіоны: Кавказскій гренадерскій, Ширванскаго пѣхотнаго полка и Сводный № 3.

[2]) Ротами командовали: 1-ю шт.-капитанъ Казакевичъ, 2-ю поручикъ Кабенинъ, 3-ю поручикъ Байковъ и 4-ю штабсъ-капитанъ Тальгренъ.

[3]) Рапортъ графа Евдокимова 14 марта 1862 года № 486 и приказъ по баталіону 1 марта № 60.

прилегающей къ Пшехъ. Туземцы, обитавшіе около пройденныхъ отрядомъ мѣстъ, были переселены на Лабу. Графъ Евдокимовъ приказалъ затѣмъ населенію, живущему въ нагорной полосѣ, къ югу отъ абадзехской кордонной линіи, выселиться на плоскость и на указанныя мѣста; но жители не исполнили этого приказанія. Тогда онъ сформировалъ три подвижныхъ отряда, которые должны были оружіемъ вытѣснить неповинующихся на всемъ пространствѣ между Бѣлою и Лабою. Одинъ изъ отрядовъ въ теченіе 11-го и 12-го марта истребилъ девять мохошевскихъ ауловъ; другой въ продолженіе 12-го, 13-го, 14-го и 15-го чиселъ уничтожилъ до тридцати трехъ ауловъ по р. Фарсу на протяженіи 20 верстъ, а третій, въ составъ котораго вошелъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, ввѣренный полковнику Горшкову [4]), собрался предварительно въ Майкопѣ 8-го марта и въ тотъ же день выступилъ въ землю егерукаевцевъ. По пути онъ долженъ былъ исправить испорченную горцами дорогу по правому берегу Бѣлой, возстановить удобное сообщеніе отъ Майкопа вверхъ по теченію этой рѣки и уширить просѣки. Все это въ точности было выполнено къ 15-му марта. Въ разныхъ ежедневныхъ перестрѣлкахъ мы потеряли шесть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

18-го марта къ войскамъ полковника Горшкова присоединилась часть перваго отряда и усилила ихъ до 12-ти баталіоновъ. 21-го числа отрядъ двинулся въ землю егерукаевцевъ двумя колоннами по рѣкамъ Кхіатль и Фешь и, истребляя всѣ гнѣздившіеся на этомъ пространствѣ аулы, къ вечеру 22-го числа сосредоточился на р. Серали, близъ аула Алхазъ-Хабль. Такимъ образомъ, въ теченіе полумѣсяца соединенными усиліями трехъ отдѣльныхъ отрядовъ „совершенно очищено отъ непріязненнаго намъ туземнаго населенія все пространство между рр. Лабою и Бѣлою. Остались еще горскіе аулы въ даховскомъ обществѣ. Огромный лѣсъ Тхачехъ, сохранявшій такъ долго за собою репутацію неприступности, пройденъ нашими войсками во всѣхъ направленіяхъ“ [5]). Послѣ такихъ блистательныхъ результатовъ войска все же не возвратились въ свои временныя штабъ-квартиры, какъ бывало прежде; они не имѣли даже укрѣпленнаго лагеря. Безостановочно подвигаясь впередъ, они переносили съ мѣста на мѣсто шанцевый инструментъ и палатки—что и составляло отличительную черту нашей дѣятельности этого періода времени. Гомборцамъ была назначена новою временною штабъ-квартирою станица Ханская, куда начали перевозить изъ Зассовской всѣ баталіонныя тяжести и склады. Очистивъ пространство между Лабою и Бѣлою, войска приступили къ устройству по рр. Псефиру, Фарсу и Бѣлой станицъ и промежуточныхъ постовъ. Чтобы закончить колонизацію, по словамъ графа Евдокимова, „упереть, такъ сказать, крайніе предѣлы ея и вновь устраиваемыя бѣлорѣчинскую и фарскую линіи въ горы“, необходимо было занять даховское общество, составлявшее стратегическій ключъ названнаго пространства. Приготовленіе къ этой экспедиціи внесло, наконецъ, нѣкоторое разнообразіе въ скучную жизнь. Самая экспедиція представлялась весьма желаннымъ нравственнымъ отдыхомъ. 25-го апрѣля войска, оставивъ ра-

---

[4]) 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Кубанскаго, 3-й и 5-й баталіоны Ставропольскаго пѣхотныхъ полковъ, кавказскій гренадерскій и 21-й стрѣлковые баталіоны, двѣ сотни 2-й бригады кубанскаго казачьяго войска, по два орудія отъ батарейной № 3, облегченной № 4 и горной батарей 19-й артилерійской бригады.

[5]) Рапортъ гр. Евдокимова 30-го марта 1862 года № 611.

боты, стянулись къ Царской станицѣ, въ числѣ 16½ баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 5 сотенъ казаковъ и 6 орудій. Въ составъ этого отряда вошелъ также и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. Прежде чѣмъ двинуться къ даховскому обществу, графъ Евдокимовъ послалъ небольшую колонну на лѣвый берегъ Бѣлой, съ цѣлью отвлечь вниманіе горцевъ отъ главнаго пункта нашихъ дѣйствій. Затѣмъ 26-го апрѣля, взявъ необходимыя тяжести на вьюки, главный отрядъ двинулся по разработанной дорогѣ и, прибывъ къ полудню на урочище Унакосъ, занялъ его безъ выстрѣла и расположился лагеремъ. Со всѣхъ сторонъ стали прибывать партіи абадзеховъ. Войска были еще заняты устройствомъ лагеря, когда горцы открыли по нимъ пальбу. Главныя ихъ силы поспѣшно заняли ущелье р. Жешуко, по которому проходитъ самая удобная дорога въ долину р. Дахо. Туда вели еще двѣ дороги: одна, западная отъ ущелья Жешуко, пролегала черезъ скалистый гребень Черныхъ горъ, другая (восточная) черезъ лѣсистый гребень тѣхъ же горъ. Необходимо было избрать одну изъ этихъ двухъ дорогъ, чтобы избѣгнуть серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ въ ущельи Жешуко. Повидимому горцы собирались занять также и восточную дорогу; на западный же путь, какъ на недоступный для насъ, они не обратили никакого вниманія. Но этому то пути и рѣшилъ гр. Евдокимовъ спуститься въ долину Дахо, завладѣть съ тыла ущельемъ Жешуко и проложить колесную дорогу. Чтобы замаскировать свое намѣреніе и раздѣлить силы горцевъ, онъ сдѣлалъ видъ, что избралъ для своего движенія восточный путь и, не теряя времени, въ тотъ-же день 26-го апрѣля двинулъ по восточной дорогѣ на лѣсистый гребень шесть баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и гомборскій. Горцы замѣтили наше движеніе довольно рано и большими партіями поспѣшно заняли восточный путь, но послѣ жаркой перестрѣлки были прогнаны и преслѣдуемы до самаго спуска въ долину Дахо. Осмотрѣвъ этотъ спускъ, графъ Евдокимовъ пришелъ къ заключенію, что онъ дастъ горцамъ много шансовъ нанести намъ чувствительныя потери, а главное, что онъ велъ въ лѣсистыя верховья Дахо, поэтому онъ отступилъ, потерявъ въ этотъ день двухъ офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ ранеными.

На другой день, до разсвѣта, колонна изъ девяти баталіоновъ, не исключая и гомборскаго, подъ командою полковника Геймана, поднялась на скалистый гребень высотъ, гдѣ пролегалъ западный путь, намѣченный гр. Евдокимовымъ, и отсюда приступила къ рубкѣ просѣки, направляясь по тропѣ, ведущей къ такъ называемому Каменному мосту, находившемуся у входа въ ущелье. Непріятель, убѣжденный въ положительной невозможности для насъ спуститься въ Дахо по этому пути, принялъ нашу рубку за демонстрацію и не трогался съ занятой вчера позиціи на восточномъ пути, гдѣ онъ успѣлъ воздвигнуть нѣсколько завалovъ; но когда мы прорубили лѣсъ на значительномъ протяженіи и устроили засѣку на два баталіона съ горнымъ орудіемъ, тогда только онъ понялъ свою ошибку. Быстро перебравшись къ мѣсту нашего расположенія, онъ завязалъ живую перестрѣлку, но помѣшать работамъ уже не могъ, такъ какъ всѣ усилія его были парализуемы огнемъ изъ засѣки, занятой, между прочимъ, и гомборцами. Войска отступили въ лагерь съ наступленіемъ сумерокъ. 28-го апрѣля рубка продолжалась и шла весьма успѣшно, не смотря на прибытіе въ Дахо подкрѣпленій и жаркія перестрѣлки. Осмотрѣвъ весь скалистый

гребень, опоясывающій даховскую котловину, графъ Евдокимовъ избралъ, для спуска въ нее, каменистую малозаросшую тропу въ 45° крутизны, представлявшую чрезвычайныя неудобства для вьюковъ и артилеріи, но за то оставленную горцами безъ вниманія, какъ вполнѣ недоступную для движенія. 29-го апрѣля отрядъ двинулся по просѣкѣ и, подъ прикрытіемъ авангарда, прибывшаго заранѣе на перевалъ и устроившаго засѣки по обѣимъ сторонамъ избранной накануѣ тропы, повернулся весь въ кручу и началъ спускаться. „Солдаты спускались сидя, какъ на салазкахъ—говоритъ очевидецъ—а для лошадей и орудій мѣстами продѣлывали на скорую руку тропки. Спустившись ниже, гдѣ уклонъ постепенно становился менѣе крутъ, солдаты построились въ колонны и, подъ звуки музыки Севастопольскаго полка, стройно, въ боевомъ порядкѣ, начали спускаться въ котловину“ [6]).

Въ аулахъ даховскаго общества, защитники которыхъ были въ лѣсу, на гребнѣ, около просѣки, произошло страшное смятеніе. Войска наши очутились въ тылу партій, защищавшихъ доступы въ Дахо, и вслѣдствіе этого аулы перешли въ наши руки почти безъ всякаго сопротивленія и потери. Расположившись лагеремъ на берегахъ р. Дахо, отрядъ немедленно разработалъ спускъ въ ущелье и построилъ при входѣ въ него укрѣпленный постъ. 30-го апрѣля графъ Евдокимовъ произвелъ рекогносцировку къ устью р. Дахо, впадающей въ Бѣлую, и избралъ мѣсто для станицы на правомъ берегу Бѣлой. Небольшая перестрѣлка, затѣянная горцами, не имѣла серьезныхъ послѣдствій. 1-го и 2-го мая войска занимались проложеніемъ сообщенія по долинѣ р. Дахо черезъ ущелье Жешуко къ ст. Царской. Непріятель не могъ даже и думать о защитѣ этого прохода, обойденнаго нами съ тыла.

Долина Дахо, считавшаяся до тѣхъ поръ безплодною и бѣдно населенною, оказалась однимъ изъ роскошныхъ и плодородныхъ угловъ западнаго Кавказа: войска нашли здѣсь до 30-ти густо населенныхъ ауловъ и вполнѣ вознаградившіе ихъ обильные посѣвы; высокій хлѣбъ, начавшій колоситься, послужилъ превосходнымъ фуражомъ. „Смѣло можно сказать, писалъ гр. Евдокимовъ главнокомандующему, что Даховская станица будетъ одна изъ богатѣйшихъ станицъ западнаго Кавказа“. Такую станицу можно было основать немедленно же, такъ какъ занятіемъ даховскаго общества мы совершенно обезпечили успѣхъ заселенія переселенцами всего предгорнаго пространства между рр. Лабою и Бѣлою.

По поводу занятія даховскаго общества графъ Евдокимовъ писалъ начальнику штаба кавказской арміи: „долгомъ считаю въ особомъ письмѣ высказать, для доклада г. командующему арміею, тѣ чувства истиннаго удовольствія, которыя я ощущалъ при видѣ доблестныхъ и превосходныхъ войскъ, поступившихъ въ составъ главнаго дѣйствующаго отряда. Откровенно говоря, съ такими войсками нѣтъ невозможнаго, и я принужденъ былъ раздать всѣ знаки отличія военнаго ордена, находившіеся въ моемъ распоряженіи. Вообще, занятіе даховскаго общества составляетъ важную страницу въ исторіи завоеванія западнаго Кавказа. Оно упрочило за нами владѣніе горнымъ пространствомъ отъ Кубани къ р. Бѣлой, окончательно завершило устройство бѣлорѣченской линіи, которую больше нельзя обходить съ фланга, и дало средства имѣть базисъ для дальнѣйшихъ воен-

[6]) „Кавказскій Сборникъ“, т. V, стр. 386.

ныхъ дѣйствій въ горныхъ котловинахъ за р. Бѣлою. Но значеніе этой экспедиціи еще важнѣе въ нравственномъ отношеніи: она морально потрясла горцевъ и показала, что для насъ нѣтъ болѣе недоступныхъ мѣстъ“ [7]).

Цѣлую недѣлю войска всего отряда неутомимо работали надъ проложеніемъ просѣки и разработкою дороги отъ новаго лагернаго расположенія на берегу Дахо—по ущелью р. Жешуко и далѣе по направленію къ урочищу Упакосъ. Около этого послѣдняго было избрано мѣсто для ст. Севастопольской. 6-го мая графъ Евдокимовъ выѣхалъ изъ отряда въ Ставрополь, ввѣривъ командиру кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона полковнику Вибергу небольшую колонну изъ частей абадзехскаго отряда и приказавъ ему: выдвинуться вверхъ по правому берегу рѣки Бѣлой для прикрытія даховскаго отряда съ правой его стороны, а потомъ—устроивать по этому берегу посты и разработывать дорогу отъ Каменнаго моста до ст. Абадзехской. Работы даховскаго отряда шли успѣшно, и въ виду того, что непріятель почти не препятствовалъ имъ, колонна полковника Виберга, прикрывавшая отрядъ, занялась исключительно разработкою дороги къ ст. Абадзехской. 9-го мая гомборскій стрѣлковый баталіонъ перешелъ въ самую станицу и приступилъ къ устройству станичной ограды и къ очисткѣ лѣса на высотахъ обоихъ береговъ р. Бѣлой, причемъ онъ имѣлъ слабыя и безвредныя для себя перестрѣлки 10-го и 11-го мая. Къ концу мая 1862 года войска Кубанской области построили 24 станицы и заселили ихъ разнаго рода переселенцами въ количествѣ 3904 семействъ. Старые женатые гомборцы, окончившіе обязательный срокъ службы, весьма охотно записывались въ казачье сословіе и населяли собою преимущественно отстроенныя ими станицы Ханскую, Засовскую и другія.

По сооруженіи станицы Абадзехской, графъ Евдокимовъ рѣшилъ двинуться къ верховьямъ рѣки Курджипса, вопервыхъ для того, чтобы изслѣдовать курджипскій перевалъ, а вовторыхъ—вытѣснить населеніе, гнѣздившееся между названною рѣкою и Бѣлою. Съ этою цѣлью онъ собралъ къ 25-му мая у ст. Абадзехской отрядъ въ семь баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ драгунъ, 4 сотни казаковъ и 4 орудія. Въ составъ отряда вошелъ и гомборскій стрѣлковый баталіонъ, который, до прибытія къ нему, имѣлъ перестрѣлки: 22-го мая при фуражировкѣ въ окрестностяхъ ст. Абадзехской и 24-го при разработкѣ дороги по лѣвому берегу р. Бѣлой выше Каменнаго моста. Ввѣривъ отрядъ генералъ-маіору Тихоцкому, графъ Евдокимовъ приказалъ ему запять аулы, разбросанные по Курджипсу. 25-го и 26-го мая отрядъ переправился на лѣвый берегъ р. Бѣлой съ большими затрудненіями вслѣдствіе большой прибыли въ ней водьі, а потомъ направился по среднему теченію р. Курджипса на р. Шундукъ. Преодолѣвъ множество всякаго рода препятствій, войска въ два часа пополудни 26-го числа расположились лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки. Во время движенія непріятель не тревожилъ ихъ, но по всѣмъ направленіямъ скакали одиночные всадники съ бѣлыми значками на длинныхъ копьяхъ, означавшими призывъ къ газавату.

Съ разсвѣтомъ 27-го мая большая часть отряда, въ томъ числѣ и гомборцы, сдѣлавъ демонстрацію на лѣвый берегъ Шундука, быстро повернула къ рѣкѣ Залукъ и, пройдя вверхъ по лѣвому ея берегу, перешла на

[7]) Письмо графа Евдокимова 1-го мая 1862 года № 26.

р. Хокодзъ—притокъ Курджипса, и отсюда спустилась въ долину. Движеніе это было произведено безъ выстрѣла, такъ какъ абадзехи были заняты увозомъ своихъ семействъ. Небольшой привалъ, который имѣли войска, далъ возможность начальнику отряда произвести рекогносцировку курджипскаго перевала. Все было спокойно. Войска уничтожили четыре аула и двинулись въ обратный путь. Но едва только они вытянулись на дорогу, какъ партія человѣкъ въ 800 пѣшихъ и конныхъ выскочила изъ лѣса и бросилась въ шашки на арріергардъ, состоявшій изъ двухъ ротъ 19-го стрѣлковаго баталіона. Не смотря на неожиданность нападенія, стрѣлки мужественно и дружно встрѣтили горцевъ штыками, но положеніе ихъ тѣмъ не менѣе было довольно затруднительное, такъ какъ одному приходилось отбиваться отъ пяти или шести озлобленныхъ абадзеховъ. Кромѣ того, роты сильно терпѣли и отъ огня другихъ горцевъ, скрытыхъ въ лѣсной чащѣ. На поддержку атакованнымъ немедленно были посланы изъ резерва нѣкоторыя части войскъ, въ томъ числѣ и гомборцы, которыя заставили непріятеля очистить опушку. Но это содѣйствіе не обошлось для гомборцевъ безъ сравнительно большихъ потерь: они лишились одного убитаго и шести раненыхъ нижнихъ чиновъ, а отрядъ въ теченіе получасовой схватки потерялъ убитыми 8 нижнихъ чиновъ, ранеными—2-хъ оберъ-офицеровъ и 34 нижнихъ чина. Потеря непріятеля „отъ нашего нарѣзнаго оружія“ была также весьма значительная. На другой день отрядъ перешелъ въ Майкопъ, къ сборному пункту войскъ, назначенныхъ для дѣйствій на рѣкѣ Бѣлой со стороны ханскаго брода. Между тѣмъ, пространство между Бѣлою и Курджипсомъ постепенно наводнялось партіями, прибывавшими къ абадзехамъ на подкрѣпленіе изъ обществъ южнаго склона главнаго кавказскаго хребта. Это обстоятельство побудило генералъ-маіора Тихоцкаго снова предпринять движеніе къ Курджипсу, чтобы удержать горцевъ отъ серьезныхъ предпріятій противъ нашихъ новыхъ поселеній на правомъ берегу Бѣлой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прогнать туземное населеніе съ Курджипса. 31-го мая отрядъ, собранный у Майкопа, въ составѣ $8^1/_2$ баталіоновъ (включая и гомборскій) [8]) пѣхоты, 8 эскадроновъ, 5 сотенъ и 4-хъ орудій, перешелъ по мосту на лѣвый берегъ Бѣлой и расположился на ночлегъ въ низовьяхъ Курджипса. На слѣдующій день непріятель, занявъ по пути почти всѣ сколько нибудь крѣпкіе пункты, открылъ перестрѣлку съ ранняго утра и не оставлялъ отряда въ покоѣ. Особенно жаркое дѣло произошло при занятіи балки Курале, „усѣянной, въ полномъ значеніи слова, толпами горцевъ“. Отбрасывая ихъ штыками чуть не на каждомъ шагу, войска, наконецъ, добрались до станицы Егерукаевской, потерявъ одного нижняго чина убитымъ и ранеными: одного оберъ-офицера и 22 рядовыхъ; у гомборцевъ было три раненыхъ.

2-го іюня войска поднялись вверхъ по Бѣлой, а потомъ повернули на перевалъ къ Курджипсу. Горцы занимали его въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, но, угрожаемые посланною въ обходъ колонною, очистили свою позицію. Занявъ этотъ перевалъ, войска двинулись къ устью р. Хокодзъ. Абадзехи еще разъ попробовали преградить имъ путь, но, снова обойденные, отказались отъ своего намѣренія. Гомборцы, бывшіе весь день въ

[8]) Ротами командовали: 1-ю—штабсъ-капитанъ Казакевичъ, 2-ю—поручикъ Бейеръ, 3-ю—поручикъ Новиковъ и 4-ю—капитанъ Тальгренъ.

слабыхъ перестрѣлкахъ, потерь не имѣли. Ночью непріятель произвелъ нападеніе на лагерь, но былъ отбитъ съ урономъ: тѣмъ не менѣе онъ до утра тревожилъ войска ружейною пальбою.

Болѣе существенныхъ результатовъ достигли войска 3-го іюня. Въ то время, какъ одна колонна, двигаясь по Курджипсу вверхъ, истребила три большихъ аула въ 300 дворовъ, при серьезномъ сопротивленіи ихъ защитниковъ, другая съ генераломъ Тихоцкимъ, въ составѣ пяти баталіоновъ [9]), въ томъ числѣ гомборскаго стрѣлковаго, двухъ дивизіоновъ драгунъ и трехъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ, выступивъ изъ лагеря въ 4 часа пополудни, двинулась внизъ по Курджипсу къ ауламъ Тляустана и Анічокова, служившимъ сборными пунктами непріятельскихъ скопищъ. Первое препятствіе, встрѣченное колонною, представилъ аулъ Хаджи-Хасаева, расположенный недалеко отъ лагеря, за глубокимъ оврагомъ. Онъ былъ сильно занятъ непріятелемъ, который при приближеніи войскъ открылъ ружейный огонь.Ославъ кавалерію въ обходъ аула, генералъ Тихоцкій приказалъ пѣхотѣ атаковать его съ фронта. Баталіоны, предшествуемые гомборцами, бѣгомъ бросились къ аулу и, не обращая вниманія на пальбу, мигомъ ворвались въ него. Абадзехи едва успѣли спастись, все же оставивъ на мѣстѣ четыре тѣла. Уничтоживъ аулъ, колонна двинулась внизъ по Курджипсу. Занявъ по дорогѣ всѣ удобные пункты, горцы силились не допустить насъ къ остальнымъ ауламъ, но это имъ не удалось: опрокидывая ихъ повсюду, войска истребили еще два селенія и пріостановились на отдыхъ. Генералъ Тихоцкій тѣмъ временемъ произвелъ рекогносцировку, которая показала, что дорога по долинѣ Курджипса достаточно удобна, особенно по лѣвому берегу, но требуетъ значительной рубки лѣса.

Лишь только колонна начала отступать, громадная партія насѣла на арріергардъ. Произошла жаркая перестрѣлка, но засада и искусство маневрированія 19-го стрѣлковаго баталіона разрушили всѣ затѣи непріятеля. Колонна генерала Тихоцкаго потеряла въ этотъ день убитыми пять нижнихъ чиновъ и ранеными трехъ оберъ-офицеровъ и 43 нижнихъ чина; изъ этого числа на долю гомборцевъ пришлось два убитыхъ и 5 раненыхъ. Изъ отличившихся офицеровъ обратилъ на себя вниманіе подпоручикъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона графъ Менгденъ, который впослѣдствіи произведенъ за дѣло 3-го іюня въ слѣдующій чинъ. Движеніе въ курджипское ущелье достигло цѣли, и горцы далеко отодвинулись отъ Майкопа, которому они до сихъ поръ такъ часто угрожали. Ущербъ, понесенный ими въ послѣднее время, сдержалъ ихъ воинственные порывы, и мы могли спокойно готовиться къ болѣе серьезной экспедиціи въ низовья р. Пшехи. Въ виду этого соображенія, генералъ Тихоцкій 4-го іюня предпринялъ обратное движеніе отъ Курджипса къ станицѣ Абадзехской. „Необходимость—доносилъ графъ Евдокимовъ—поспѣшить съ войсками на р. Пшехъ, дабы своевременно занять тамъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій до наступленія покоса, рѣшила обратное движеніе отряда къ Майкопу“ [10]). 5-го іюня войска Тихоцкаго прибыли въ Майкопъ, имѣя во время движенія слабыя перестрѣлки.

---

[9]) Стрѣлковые баталіоны: кавказскій гренадерскій, 19-й, Апшеронскаго и Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ и сводный Ставропольскаго пѣхотнаго полка.

[10]) Рапортъ графа Евдокимова 23-го іюня 1862 года № 1134.

10-го іюня, у станицы Ханской собрался отрядъ изъ 13¾ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми эскадроновъ драгунъ, 4-хъ сотенъ казаковъ, 10-ти пѣшихъ, 2-хъ горныхъ и 4-хъ конныхъ орудій. Въ составъ его вошелъ также и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. Отрядъ получилъ названіе шехскаго и былъ ввѣренъ генералъ-маіору Тихоцкому. Въ тотъ же день онъ переправился на лѣвый берегъ Бѣлой и, расположившись лагеремъ на возвышенности между рр. Бѣлою и Ляхо, приступилъ къ возведенію редута у балки Мышехо на двѣ роты и два орудія и къ исправленію дорогъ, мостовъ, спусковъ и подъемовъ въ оврагѣ Мышехо. 11-го числа генералъ Тихоцкій произвелъ рекогносцировку пространства до урочища Куага, во время которой гомборцы имѣли небольшую перестрѣлку.

16-го іюня войска двинулись къ Пшехѣ. Авангардъ, въ которомъ находились гомборцы, также и арріергардъ, имѣли въ этотъ день ожесточенныя перестрѣлки, особенно у сліянія рр. Пшехи и Пшекодзъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, у горцевъ было убито и ранено 300 человѣкъ, въ томъ числѣ 12 старшинъ. Затѣмъ войска до 29-го іюня рубили лѣсъ, разработывали дороги, сооружали постройки и окопъ для новой станицы у впаденія Пшекодза въ Пшеху и т. д. Эта новая станица, названная „Пшехинскою“, могла на первыхъ порахъ служить превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій вверхъ по Пшехѣ. Работы шли, конечно, не совсѣмъ спокойно, а 24-го іюня произошло даже довольно серьезное дѣло при обратномъ слѣдованіи колонны полковника Добровольскаго, посланной для изслѣдованія мѣстности между Пшехою и Пшишемъ. Массы непріятеля окружили ее со всѣхъ сторонъ и провожали неумолкаемымъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока изъ лагеря выслано было подкрѣпленіе. Бывшія въ цѣпи 2-я и 3-я роты гомборскихъ стрѣлковъ лишились трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ [11]).

Дѣятельность гомборцевъ въ іюнѣ мѣсяцѣ завершилась 29-го числа фуражировкою на лѣвомъ берегу Пшехи. Едва только горцы завязали съ фуражирами дѣло, какъ на подкрѣпленіе послѣднихъ изъ лагеря были отправлены три баталіона, въ томъ числѣ и гомборскій, подъ командою подполковника Лагоріо. Замѣтивъ ихъ, горцы оставили фуражировъ и обратились на колонну Лагоріо, но послѣ непродолжительнаго боя были опрокинуты съ большимъ урономъ. При отступленіи они сильно потѣснили арріергардъ, но были атакованы двумя эскадронами драгунъ, которые обскакали ихъ и ударили имъ въ тылъ. Много горцевъ, бросившись къ Пшехѣ, съ намѣреніемъ спастись на правый берегъ, были потоплены или изрублены. У насъ ранены: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 23. Потеря гомборцевъ неизвѣстна.

Настали невыносимыя жары, и лихорадка приняла ужасающіе размѣры. Приказы по баталіону въ іюлѣ мѣсяцѣ переполнены длинными списками больныхъ. Рѣдко проходилъ день, чтобы изъ баталіона не отправлялось въ госпиталь менѣе 10-ти человѣкъ, а случалось, что цифра эта возростала непомовѣрно. Такъ, 23-го іюля было отправлено 49 больныхъ, 30-го іюля—35, 1-го сентября—41. Сообразно этому увеличивалась и смертность: роковое „волею божіею умеръ“ встрѣчалось во всѣхъ почти нумерахъ приказовъ. Иногда большая часть роты лежала въ пароксизмѣ. Объ этомъ не-

[11]) Приказъ по баталіону 28-го іюня № 179.

ріодѣ одинъ изъ очевидцевъ говоритъ: „переболѣвшіе солдаты едва двигались, а солнце палило огнемъ, и спасенія не было нигдѣ. Міріады мухъ ѣли и нашихъ лошадей, и насъ самихъ. Мы изнемогали“ [12]). А работы, тѣмъ временемъ, не прекращались. Участвуя въ нихъ, гомборцы заготовляли фуражъ, устроивали станичные окопы, сооружали мосты и т. п. Эта тяжелая жизнь иногда разнообразилась рекогносцировками. Единственный раненый въ этомъ періодѣ стрѣлокъ—былъ часовой на дальнемъ посту, выставленномъ отъ гомборцевъ у рѣки Бѣлой. Онъ былъ раненъ изъ засады при смѣнѣ караула [13]).

Въ концѣ августа былъ произведенъ набѣгъ въ долину Курджипса. Отрядъ, собранный для этого въ Майкопѣ, подъ начальствомъ подполковника Есакова, состоялъ изъ двухъ эскадроновъ драгунъ и трехъ сотенъ казаковъ. Переправившись въ полдень, 29-го Августа, черезъ Бѣлую въ бродъ, подполковникъ Есаковъ двинулся на рысяхъ къ ближайшей переправѣ черезъ р. Курджипсъ. За кавалерійскимъ отрядомъ почти бѣгомъ шли вторая и четвертая роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. У переправы стрѣлки были остановлены, чтобы, занимая переправу обезпечить отступленіе кавалеріи; послѣдняя же, перейдя Курджипсъ, направилась вверхъ по лѣвому берегу его, вскорѣ достигла устья рѣки Луки и невдали отсюда захватила 160 штукъ рогатаго скота. При отступленіи, большія конныя партіи преслѣдовали ее до курджипской переправы; онѣ настигли ее, но, благодаря огню двухъ гомборскихъ ротъ, не могли помѣшать ей перегнать отбитое стадо на правый берегъ. Недовольные своею неудачею, горцы обратили ружейный огонь на стрѣлковъ и вывели у нихъ изъ строя двухъ раненыхъ, а сами между тѣмъ понесли весьма чувствительную потерю. Давъ кавалеріи съ добычею отойти далеко, они снялись съ позиціи и вернулись въ Майкопъ [14]).

3-го сентября была произведена рекогносцировка хребта Ангуль, тянущагося между рр. Бѣлою и Пшехою, параллельно теченію послѣдней. Назначенная для этого колонна, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ и 4-хъ орудій, выступила, подъ командою подполковника Лагоріо, къ ст. Ханской и, пройдя въ этомъ направленіи четыре версты, круто повернула направо, поднялась на хребетъ Ангуль, по его сѣверному лѣсистому скату, и выйдя на ближайшую поляну, приступила къ фуражировкѣ. Въ то же время другая колонна, состоявшая изъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіона драгунъ и 2-хъ конныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Шостака, пройдя прямою дорогою, поднялась на тотъ же хребетъ съ западной стороны и, занявъ одну изъ высотъ правѣе колонны Лагоріо, прикрыла фуражировъ. Горцы, такимъ образомъ, не могли помѣшать фуражировкѣ, но при отступленіи накинулись на войска подполковника Лагоріо. Гомборскій стрѣлковый баталіонъ, въ разгарѣ натиска непріятеля, отбросилъ его штыками и при этомъ потерялъ одного убитаго и одного раненаго [15]). Затѣмъ, на фуражировкѣ 11-го сентября гомборцы лишились еще одного уби-

---

[12]) „Кавказскій Сборникъ“, т. II, стр. 441.

[13]) Рапортъ поручика Новикова 5-го августа 1862 года № 60.

[14]) Рапортъ поручика Кабенина и капитана Тальгрена 29-го августа 1862 года №№ 72 и 42.

[15]) Рапортъ графа Евдокимова 11-го ноября 1862 года № 1735.

таго [16]). Впрочемъ эти потери были ничто сравнительно съ тѣмъ, что причиняла перемежающаяся лихорадка, такъ напр., въ одинъ день 16-го сентября въ отрядный лазаретъ было перевезено 36 человѣкъ гомборцевъ, заболѣвшихъ лихорадкою.

Къ 21-му сентября отрядъ, продолжая устройство Пшехской станицы, перевезъ въ нее заготовленный фуражъ и все необходимое для переселенцевъ. Станичный окопъ былъ приведенъ въ удовлетворительное для обороны состояніе. Обезпечивъ, такимъ образомъ, этотъ важный пунктъ между Бѣлою и Лабою, войска могли проникнуть въ глубь непріятельской земли, и графъ Евдокимовъ прежде всего обратилъ вниманіе на нагорное пространство между рр. Бѣлою и Пшишемъ, гдѣ безпокойная молодежь, скрываясь въ трущобахъ и лѣсныхъ дебряхъ верховьевъ этихъ рѣкъ, постоянно возбуждала противъ насъ населеніе плоскости и даже разворяла аулы своихъ одноплеменниковъ за недостатокъ энергіи въ борьбѣ съ нами. Первымъ дѣяніемъ нашихъ войскъ, по плану графа, должно было служить движеніе въ долину Курджипса; затѣмъ, подвинувъ работы шапсугскаго отряда вверхъ по Пшишу, предположено было открыть сообщенія между этимъ и пшехскимъ отрядами, послѣ чего предстояло устройство надежнаго базиса для дальнѣйшихъ предпріятій вверхъ по Курджипсу, Пшехѣ и Пшишу до перевала черезъ главный кавказскій хребетъ. Для занятія курджипской долины предназначенъ былъ даховскій отрядъ; но чтобы появленіемъ нашихъ войскъ на различныхъ пунктахъ развлечь вниманіе большихъ скопищъ, собравшихся, по свѣдѣніямъ, между верхнимъ теченіемъ Пшехи и Бѣлой, графъ Евдокимовъ предписалъ шапсугскому отряду подняться вверхъ по Пшишу. Съ этою же цѣлью начальникъ войскъ за Лабою расположенныхъ генералъ-маіоръ Преображенскій получилъ приказаніе—подняться съ отрядомъ вверхъ по лѣвому берегу р. Пшехи, разработать по пути слѣдованія дорогу и проложить просѣку.

Отрядъ генерала Преображенскаго, въ составѣ шести баталіоновъ (въ томъ числѣ кавказскій гренадерскій стрѣлковый), двухъ эскадроновъ драгунъ, сотни казаковъ и восьми орудій, выступилъ утромъ 21-го сентября. Разработывая дорогу, пролагая просѣку и ведя перестрѣлку, онъ прошелъ въ этотъ день всего до трехъ верстъ и расположился на ночлегъ. На слѣдующій день, двигаясь по густому лѣсу, усѣянному аулами, онъ вскорѣ подошелъ къ большому завалу, занятому горцами. Обойти его не было никакой возможности, и предстояло штурмовать. Генералъ Преображенскій рѣшилъ, во избѣжаніе большихъ потерь, отвлечь непріятеля отъ этого пункта, и съ этою цѣлью двинулъ вправо два баталіона пѣхоты для разворенія ближайшихъ ауловъ. Маневръ этотъ вполнѣ достигъ своей цѣли: горцы поспѣшили къ атакованнымъ ауламъ, а остальныя войска отряда въ это время заняли почти безъ выстрѣла завалъ и разбросали его.

Вслѣдъ затѣмъ были высланы изъ отряда другіе два баталіона, которые овладѣли, послѣ упорнаго боя, еще двумя большими аулами Лагумже-Хабль и, истребивъ огромные запасы ихъ продовольствія, присоединились къ главной колоннѣ. Дальнѣйшее движеніе отряда до мѣста лагеря, избраннаго на возвышенности лѣваго берега Пшехи, въ шести верстахъ отъ станицы Пшехской, сопровождалось непрерывною перестрѣлкою. Гомборскіе

[16]) Рапортъ поручика Кабенина 11-го сентября 1862 года № 79.

стрѣлки, бывшіе въ цѣпяхъ, лишились въ этотъ день четырехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ; вся же потеря отряда состояла изъ 5-ти убитыхъ и 33 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ слѣдующіе дни войска занимались разработкою сообщенія отъ лагеря къ станицѣ Пшехской. Когда сообщеніе это было кончено, войска были обращены къ рекогносцировкамъ, во время которыхъ начальникъ отряда вмѣстѣ съ тѣмъ не щадилъ, конечно, и ауловъ. Такъ, 30-го сентября онъ двинулся къ аулу Эсхакъ-Эфенди-Салахова и разорилъ его до основанія. Къ развалинамъ этого аула былъ переведенъ лагерь отряда.

Пока пшехскій отрядъ отвлекалъ на себя вниманіе непріятеля, у станицы Абадзехской изъ войскъ даховскаго отряда 25-го сентября собралась особая колонна, силою до 8 баталіоновъ пѣхоты. Графъ Евдокимовъ лично повелъ ее на Курджипсъ. Произведя рекогносцировку береговъ и долины этой рѣки, и разоривъ попадавшіеся по пути ауды, войска 29-го сентября расположились лагеремъ въ 16 верстахъ отъ Майкопа и занялись устройствомъ окопа и складовъ для будущей станицы, а также разработкою дорогъ. 1-го октября командующій войсками прибылъ въ станицу Ханскую, куда была прислана часть пшехскаго отряда, вмѣстѣ съ баталіономъ гомборцевъ, для встрѣчи и для конвоированія его. На слѣдующій день войска выступили вверхъ по лѣвому берегу Пшехи. Непріятель все время слѣдилъ за ними, и хотя завелъ перестрѣлку, но вреда имъ не причинилъ. Когда же они стали приближаться къ позиціи пшехскаго отряда и проходили черезъ оврагъ, значительная партія, сдѣлавъ нѣсколько залповъ изъ опушки прилегающаго къ дорогѣ лѣса, выдвинулась впередъ съ намѣреніемъ броситься въ шашки на нашу пѣхоту. Но едва только ея попытка была замѣчена, какъ пѣхота и артилерія предупредили ее сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, а драгуны понеслись ей во флангъ. Въ виду такой опасности поголовнаго избіенія, горцы поспѣшили скрыться въ лѣсу, а войска, продолжая движеніе, дошли до лагеря безъ выстрѣла. Гомборцы потеряли въ этотъ день двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Изслѣдовавъ мѣстность вверхъ по Пшехѣ, графъ Евдокимовъ 3-го октября поднялъ пшехскій отрядъ съ позиціи у аула Эсхакъ-Эфенди-Салахова и двинулся съ нимъ внизъ по Пшехѣ. На слѣдующій день онъ уничтожилъ по дорогѣ нѣсколько ауловъ, въ томъ числѣ многолюдный Ахметукъ-Хабль, въ который гомборцы ворвались въ числѣ первыхъ. При взятіи этого аула, командиръ 1-й роты капитанъ Смолько-Казакевичъ, шедшій во главѣ ея, былъ убитъ наповалъ. Отрядъ къ вечеру стянулся въ Пшехскую станицу. Дальнѣйшее движеніе его происходило по лѣвому берегу Пшехи. 6-го октября онъ повернулъ на Пшишъ и къ вечеру расположился лагеремъ на берегу р. Хагудже-Хабль. Сюда на слѣдующій день прибылъ и слился съ нимъ шапсугскій отрядъ, утративъ при этомъ свое названіе и самостоятельность. Начальникомъ соединенныхъ отрядовъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Преображенскій [17]). Задача, указанная ему, состояла на первыхъ порахъ въ устройствѣ новаго кордона отъ константиновской переправы на Кубани вверхъ по Пшишу и далѣе чрезъ станицу

[17]) Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, входившій въ составъ пшехскаго отряда, имѣлъ въ своихъ рядахъ: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 29, унтеръ-офицеровъ 94 и рядовыхъ 1042.

Пшехскую къ станицѣ Ханской. Линія эта должна была служить основаніемъ для предпріятій въ нагорномъ пространствѣ между верховьями Курджипса и Пшишемъ и могла прикрывать надежнымъ образомъ все позади лежащее пространство. Работы начались 7-го октября. Горцы, понявъ ихъ смыслъ, постоянно тревожили наши аванпосты. Гомборцы, прикрывавшіе рабочихъ, 7-го октября потеряли одного убитаго стрѣлка, а 10-го ноября, въ 5 часовъ вечера, при возвращеніи въ лагерь команды посланной за водою, горцы, прикрываясь темнотою, изъ засады сдѣлали залпъ и убили еще одного стрѣлка, да ранили другаго [18]).

11-го октября большая часть войскъ, расположенныхъ на Хагудже-Хабль, въ томъ числѣ и гомборскій стрѣлковый баталіонъ, двинулась къ урочищу Кошко-Дечукъ. Горцы, занявъ близъ него балку, встрѣтили насъ съ упорствомъ и только послѣ продолжительнаго боя уступили свою позицію. Въ числѣ двухъ раненыхъ въ отрядѣ офицеровъ, былъ прапорщикъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона Ленцъ [19]). Утвердившись на Кошко, войска приступили къ очисткѣ отъ лѣса окружающей мѣстности и къ заготовленію матеріаловъ для устройства укрѣпленнаго поста. Роты гомборцевъ были распредѣляемы частями, и изъ нихъ, при устройствѣ, 12-го и 13-го октября, редута, 1-я—подпоручика графа Менгдена, и 2-я—поручика Кабенина, потеряли пять раненыхъ нижнихъ чиновъ. Къ 20-му октября окончены два укрѣпленныхъ поста, и заготовлены всѣ необходимые матеріалы для сооруженія мостовъ и т. д.

Снова насталъ для гомборцевъ длинный утомительный періодъ рабочей жизни, прерванный до 4-го ноября лишь два раза, а именно 12-го и 23-го октября. Перерывы эти составляли набѣги въ ближайшіе къ ст. Пшехской аулы—не заслуживающіе, впрочемъ, особеннаго вниманія и имѣвшіе незначительные результаты. Болѣзненность не ослабѣвала, не смотря на миновавіе лѣтнихъ жаровъ, а наоборотъ, усиливалась. Такъ напримѣръ, изъ гомборскаго стрѣлковаго баталіона 28-го октября было отправлено въ майкопскій временный госпиталь ровно пятьдесятъ человѣкъ [20]). Въ другихъ частяхъ было не лучше: судя по запискамъ очевидцевъ, роты иногда насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 20 или 30 солдатъ [21]).

Въ концѣ октября, когда большая часть постовъ на новомъ кордонѣ была готова, генералъ Преображенскій получилъ приказаніе—оставить въ нихъ небольшіе гарнизоны, а остальныя войска сосредоточить въ ст. Пшехской, такъ какъ отсюда, какъ отъ центра, предполагалось въ первыхъ числахъ ноября открыть военныя дѣйствія по всѣмъ направленіямъ. Цѣль ихъ состояла главнымъ образомъ въ очисткѣ всего пространства между Пшехою и Бѣлою отъ враждебныхъ намъ элементовъ, въ уничтоженіи всѣхъ преградъ, которыя бы вздумали горцы поставить движенію нашихъ войскъ, и въ обнаженіи лѣсныхъ трущобъ, укрывавшихъ сборы абадзеховъ. Въ виду этого, оставивъ небольшую часть войскъ для окончанія работъ, генералъ Преображенскій 3-го ноября перешелъ съ отрядомъ въ станицу Пшехскую, куда прибылъ также и кавказскій гренадерскій стрѣлковый

---

[18]) Рапорты поручика Здановскаго 7-го и 10-го октября 1862 года №№ 84 и 85.

[19]) Приказы по баталіону 23 и 29 октября 1862 года №№ 296 и 302.

[20]) Приказъ по баталіону 28-го октября 1862 года № 301.

[21]) „Кавказскій Сборникъ“, т. V. стр. 399.

баталіонъ. 4-го ноября колонна, въ составѣ $8^1/_4$ баталіоновъ пѣхоты, трехъ дивизіоновъ кавалеріи и 8 орудій, направилась вверхъ по лѣвому берегу Пшехи; гомборскій стрѣлковый баталіонъ, заключавшій въ своемъ составѣ 2 штабъ-офицера, 18 оберъ-офицеровъ и 776 нижнихъ чиновъ, занималъ правую цѣпь. Сначала было совершенно спокойно, такъ какъ открытое пространство, по которому слѣдовала колонна, давало кавалеріи и стрѣлкамъ полную возможность не допускать горцевъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла; но когда войска поровнялись съ лѣсомъ—оттуда раздались частые выстрѣлы, на которые правая цѣпь, съ своей стороны, отвѣчала весьма бойко. Огонь постепенно усиливался, но колонна, предоставивъ правой цѣпи одной вѣдаться съ непріятелемъ, безостановочно подвигалась впередъ. Особенно жаркое дѣло имѣла правая цѣпь съ абадзехами, занявшими возвышенность Валгай-Обидова—съ намѣреніемъ, вѣроятно, помѣшать спуску обоза съ горы. Здѣсь гомборцы, поддержанные другими частями, кинулись на горцевъ такъ дружно, что отбросили ихъ отъ дороги на дальній ружейный выстрѣлъ и держали въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ спустился на довольно обширную и открытую равнину. По отступленіи съ горы гомборцевъ, гребень высотъ немедленно былъ занятъ абадзехами, но огонь ихъ не могъ уже причинить намъ вреда. Продолжая двигаться по лѣвому берегу р. Пшехи, отрядъ къ вечеру прибылъ къ мѣсту, гдѣ впослѣдствіи воздвигнута была станица Кубанская, и здѣсь расположился на ночлегъ. Потеря этого дня состояла въ одномъ убитомъ и семи раненыхъ нижнихъ чинахъ, изъ коихъ пятеро были стрѣлки 3-й и 4-й гомборскихъ ротъ.

Слѣдующій переходъ до аула Исаакъ-Шулухова былъ совершенъ благополучно. Отсюда генералъ Преображенскій произвелъ набѣги по берегамъ Пшехи и незначительныхъ ея притоковъ и разорилъ нѣсколько ауловъ. Такимъ образомъ, съ 4-го по 9-е ноября, пшехскій отрядъ очистилъ все пространство отъ ст. Пшехской до нынѣшней Апшеронской. 9-го числа, предавъ пламени также и аулъ Шулуховъ, войска двинулись обратно и 10-го вечеромъ прибыли въ ст. Пшехскую. Хотя въ теченіе этихъ шести дней непріятель понесъ сравнительно мало потерь въ людяхъ, такъ какъ при приближеніи нашемъ бросалъ аулы, почти не оказывая сопротивленія, но ударъ, нанесенный ему, былъ весьма чувствителенъ: до тридцати ауловъ съ ихъ запасами были превращены въ пепелъ, захвачена была масса всякой добычи—и все это цѣною четырехъ убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: одного оберъ-офицера и 32 нижнихъ чиновъ. Потеря эта была ничтожна, если принять во вниманіе ежедневныя и продолжительныя иногда перестрѣлки. Среди нихъ гомборцы 8-го ноября лишились еще одного раненаго, такъ что общая ихъ потеря въ теченіе послѣднихъ шести дней состояла изъ шести раненыхъ нижнихъ чиновъ.

До сихъ поръ мы истребляли только тѣ аулы, которые находились недалеко отъ пути слѣдованія отряда. Значительное же количество ихъ въ глубинѣ страны вообще оставалось не тронутымъ. Поэтому, давъ войскамъ трехдневный отдыхъ, генералъ Преображенскій двинулъ 13-го ноября мимо высоты Валгай-Обидова въ долину рѣки Шебизъ семь съ половиною баталіоновъ (въ томъ числѣ кавказскій гренадерскій стрѣлковый), три дивизіона кавалеріи и 8 орудій. Благодаря быстрому и въ то же время чрезвычайно

осторожному движенію, войска заняли аулъ Басыръ-бей безъ боя и около него расположились лагеремъ. Горцы между тѣмъ успѣли собраться, но не могли, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, помѣшать намъ разбивать лагерь. Оставаясь здѣсь до 19-го ноября, войска уничтожили ближайшіе аулы и разработали дорогу по шебизскому ущелью. Обиліе фуража, исключавшее надобность фуражировокъ, и хорошая погода много способствовали успѣху работъ и уничтоженію большого числа непріятельскихъ ауловъ. 19-го числа отрядъ поднялся по р. Шебизъ и, пройдя шесть верстъ, расположился лагеремъ при устьѣ р. Аммы, приступивъ въ тотъ же день къ истребленію ауловъ.

20-го ноября гомборцы участвовали въ составѣ колонны генеральнаго штаба подполковника Цитовича, рекогносцировавшей чрезвычайно трудную и едва доступную дорогу отъ лагеря вверхъ по Аммѣ и далѣе чрезъ лѣсистый кряжъ, отдѣляющій басейны Пшехи и Курджипса, къ ст. Курджипской. По пути не былъ пощаженъ ни одинъ аулъ. Такимъ образомъ, до 28-го ноября, войска, изслѣдуя мѣстность, въ то же время истребили всѣ аулы, расположенные по рр. Шебизъ, Аммѣ, Псефиру, Панахо и ихъ притокамъ, безъ всякихъ для себя потерь. Отбито множество добычи, 103 штуки рогатаго скота, и взято пять плѣнныхъ. 28-го ноября отрядъ вернулся въ станицу Пшехскую и до четвертаго декабря достраивалъ мостовыя и другія сооруженія. 3-го декабря генералъ Преображенскій сдалъ войска полковнику Офрейну, который тотчасъ отдалъ приказаніе приготовиться къ движенію. Въ походъ были назначены семь баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ и гомборскій), пять эскадроновъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и пять орудій. Всѣ они были распредѣлены на двѣ колонны; командованіе первою принялъ на себя самъ Офрейнъ, а вторая, въ которую вошелъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, ввѣрена была подполковнику Новоселову.

Первая колонна выступила изъ лагеря раннимъ утромъ 4-го декабря и направилась къ р. Пшекодзъ, а затѣмъ поднялась вверхъ по р. Четухъ, впадающей въ Пшекодзъ; вторая же двинулась на слѣдующій день, 5-го числа, къ рѣкѣ Фене и, остановившись въ семи верстахъ отъ ея устья, повернула на встрѣчу первой. Переходя изъ одного ущелья въ другое, обѣ колонны усердно истребляли аулы, изъ которыхъ горцы заблаговременно убирались въ лѣса. Но такъ какъ немыслимо было одновременно и въ короткій промежутокъ времени уничтожить всѣ поселенія между Пшехою и Бѣлою, потому что пришлось бы раздробить отрядъ на множество мелкихъ колоннъ, то Офрейнъ ограничился операціями лишь по берегамъ Пшекодзъ, Четухъ и Фене и 11-го декабря возвратился въ ст. Пшехскую. Оставаясь здѣсь до 27-го декабря, отрядъ заготовлялъ матеріалъ для постройки мостовъ на Пшехъ, такъ какъ сильнымъ разливомъ рѣки 12-го декабря снесло всѣ бывшіе на ней мосты. Окончивъ постройку мостовъ къ 25-му декабря, войска приступили къ разработкѣ прямаго сообщенія съ Пшишемъ, производя, конечно, и набѣги, въ одномъ изъ которыхъ приняли участіе и гомборцы. Горцы не вступали ни разу въ серьезный бой. Общій результатъ набѣговъ былъ тотъ, что Пшехская станица избавилась, наконецъ, отъ притоновъ безпокойныхъ сосѣдей, которые были оттѣснены въ лѣсистыя верховья рѣкъ.

Собираясь устроить сообщеніе съ Пшишемъ, необходимо было очистить отъ горскихъ поселеній тотъ раіонъ, по которому оно должно было проле-

гать. Колонна, назначенная для этой цѣли, состояла изъ семи баталіоновъ пѣхоты, вмѣстѣ съ гомборскимъ, трехъ дивизіоновъ кавалеріи и восьми орудій. Она двинулась утромъ 27-го декабря къ урочищу, называемому анапскою переправою, но весьма пересѣченной мѣстности. Горцы издали слѣдили за нею и дали ей безпрепятственно занять аулы на р. Урусъ-Нако, гдѣ войска расположились лагеремъ. На другой день было произведено по этой рѣкѣ и ея притокамъ два набѣга—одинъ утромъ, подъ начальствомъ самаго Офреймна, по р. Урусъ-Нако, а другой, съ участіемъ гомборцевъ, колонною полковника Виберга—послѣ обѣда. Результатомъ обоихъ движеній было истребленіе нѣсколькихъ ауловъ.

28-го декабря отрядъ двинулся по анапской дорогѣ на р. Пшишъ, сопровождаемый наблюдавшими за нимъ абадзехами, которые открыли небольшую перестрѣлку только при приближеніи его къ мѣсту, избранному для лагеря, не доходя версты четыре до поста Кошко-Дечукъ. 30-го декабря на Урусъ-Нако была послана на фуражировку колонна изъ девяти ротъ пѣхоты, въ числѣ которыхъ были 1-я и 3-я роты гомборскихъ стрѣлковъ. Колонна поднялась на возвышенность лѣваго берега Урусъ-Нако и, пройдя нѣсколько холмовъ, спустилась въ долину Пшиша, къ притоку Этердокъ, и начала фуражировку. Гомборцы, въ числѣ другихъ ротъ, назначенныхъ въ прикрытіе фуражировки, заняли гребень высокаго берега, откуда можно было съ удобствомъ слѣдить за непріятелемъ и остановить всякія его покушенія. Когда фуражировка кончилась, и вьюки вытянулись въ обратный путь, абадзехи энергически накинулись на хвостъ колонны. Поручивъ фуражъ охранѣ двухъ ротъ, начальникъ колонны подполковникъ Сидоровъ спустилъ остальныя семь ротъ и всю кавалерію, съ намѣреніемъ атаковать непріятеля. Горцы не рѣшились вступить въ дѣло, но, постоянно угрожая нападеніемъ, заставили прикрытіе отступать до самаго лагеря шагъ за шагомъ.

31-го декабря была выслана на Этердокъ колонна изъ десяти ротъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, казаковъ и взвода горныхъ орудій—для истребленія уцѣлѣвшихъ на этой рѣкѣ ауловъ, а также и для фуражировки. Когда она окончила фуражировку и уничтожила аулъ Шегухо-Хабль, а затѣмъ начала отступать, изъ ближайшихъ ауловъ лѣваго берега Пшиша явилась сильная партія. Пропустивъ вьюки и колонну, она бросилась на арріергардъ съ такимъ ожесточеніемъ, которое въ послѣдніе два года еще не обнаруживалось. Вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, въ колоннѣ произошло замѣшательство, усилившееся затѣмъ отъ внезапнаго появленія и отъ дикихъ яростныхъ криковъ новой толпы абадзеховъ, выскочившихъ изъ кустовъ. Трудно приходилось арріергарду, но онъ пока держался, и особенною стойкостью отличалась рота Кубанскаго пѣхотнаго полка. Наконецъ, абадзехи выхватили шашки и съ гикомъ кинулись на горныя орудія, но послѣднія дали два картечныхъ выстрѣла. Это остановило горцевъ лишь на нѣсколько минутъ, послѣ чего они испробовали новое усиліе и массою устремились въ обходъ лѣваго фланга колонны, съ намѣреніемъ овладѣть находившимся вблизи его заваломъ, занятымъ нашими стрѣлками. Послѣдніе встрѣтили ихъ бѣглымъ огнемъ, но не опрокинули, и тѣ все продолжали лѣзть къ завалу. Вдругъ, въ это время изъ лагеря подоспѣли гомборскіе стрѣлки. Густая цѣпь ихъ приняла во флангъ увлекшихся горцевъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они невольно остановились, а когда сомкнутыя части

гомборцевъ удачно забѣжали имъ въ тылъ, то непріятель совершенно потерялъ голову и кинулся вразсыпную куда попало. Бѣгство его было такъ поспѣшно, что онъ оставилъ въ рукахъ гренадеръ двѣнадцать тѣлъ [22]). Отсутствіе кавалеріи на этой пересѣченной мѣстности сдѣлало окончательное избіеніе горцевъ невозможнымъ. Этою услугою пшехскому отряду гомборцы завершили трудный 1862 годъ. Потеря ихъ 30-го и 31-го декабря состояла въ трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ [23]).

Относительно потерь вообще, 1862 годъ можно считать въ исторіи гомборцевъ самымъ тяжелымъ. Много было пролито крови, а еще больше людей умерло отъ лихорадокъ и истощенія, происходившаго отъ непомѣрныхъ физическихъ трудовъ.

Но войска утѣшали себя убѣжденіемъ, что, при практикуемой системѣ, они дѣлаются безповоротными хозяевами занятой страны. Другое утѣшеніе для гомборцевъ составляла библіотека, которую они захватили съ собою изъ Гомборъ. Не говоря объ офицерахъ, ею пользовалась, кромѣ множества своихъ нижнихъ чиновъ, масса постороннихъ лицъ. Дѣло было поставлено такъ широко, что къ библіотекарю прапорщику Махотину былъ назначенъ въ помощь прапорщикъ Ловчинскій. Несмотря даже на это и вслѣдствіе постоянныхъ передвиженій—пропадала масса книгъ. По этому поводу полковникъ Вибергъ вынужденъ былъ строго воспретить выдачу книгъ посторонимъ лицамъ, своимъ же нижнимъ чинамъ онъ разрѣшилъ ее не иначе какъ черезъ завѣдующихъ ими офицеровъ и на отвѣтственность этихъ послѣднихъ [24]).

6-го декабря 1862 года послѣдовало Высочайшее назначеніе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича главнокомандующимъ кавказскою арміею. Событіе это, отразившееся на военной и гражданской жизни края, имѣло громадное вліяніе и на дальнѣйшую судьбу кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона.

За дѣла въ 1862 году гомборцы получили слѣдующія награды: полковникъ Вибергъ—бриліантовый перстень съ изображеніемъ имени Его Величества; поручикъ Штеръ, подпоручикъ гр. Менгденъ и прапорщикъ Ленцъ—слѣдующіе чины; поручикъ Родзевичъ (Николай)—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами; юнкера Бейнардтъ, Пржелецкій и унтеръ-офицеры Гололобовъ и Маркари произведены въ прапорщики. Стрѣлкамъ пожаловано 25-ть знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія [25]).

---

[22]) Дѣло секр. 2 отд. ген. шт. 1863 г. № 2. Рапортъ графа Евдокимова 21-го января 1863 г. № 205.

[23]) Приказъ по баталіону 8-го января 1863 г. № 8. „Кавказскій Сборникъ“, т. VIII стр. 457.

[24]) Приказъ по баталіону 25 марта 1862 г., № 84.

[25]) Ихъ получили: фельдфебель Дмитрій Петровъ—знакъ отличія 2-й степени; 4-й степени: унтеръ-офицеры—Федоръ Трофимовъ, Доминикъ Скибинскій, Тиграпъ Марукovъ, Михаилъ Духановскій, Яковъ Мотинъ, Потапъ Петровъ и Павелъ Юрченко; рядовые—Василій Гайдашъ, Патрикій Власовъ. Филиппъ Платоновъ, Степанъ Егожа, Онуфрій Конченко, Дмитрій Сигаревъ, Даніилъ Устьянскій, Михаилъ Абрамовъ, Ефимъ Желѣзновъ, Иванъ Домбровскій, Тимофей Ѳоминъ, Николай Шишкинъ, Степанъ Красниковъ, Сергѣй Драгенинъ, Никифоръ Выключевъ, Митрофанъ Кудаковъ, Иванъ Шляпинъ.

XVIII.

1863-й годъ. Дальнѣйшая дѣятельность гомборцевъ въ составѣ пшехскаго отряда. Прибытіе въ отрядъ Августѣйшаго Главнокомандующаго и слѣдованіе въ Майконъ. Отличіе гомборцевъ при переправѣ черезъ р. Пшишъ. Награды. Подвигъ и смертъ поручика гр. Менгдена. Подвигъ полковника Виберга. Отбитіе партіи абадзеховъ командою фуршататъ и инвалидовъ гомборскаго баталіона. Выдѣленіе изъ баталіона кадра для формированія 16-ти вторыхъ резервныхъ баталіоновъ. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника Комарова 4-го. Близость развязки. Назначеніе шефомъ гренадерскаго-стрѣлковаго баталіона Е. И. В. Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Пораженіе скопища въ верховьяхъ Туапсе. Послѣдующія дѣянія гомборцевъ въ области. 1864-й годъ. Возвращеніе баталіона въ Гомборы. Награды. Смотръ. Выступленіе въ походъ. Участіе баталіона въ окончательномъ покореніи западнаго Кавказа. Возвращеніе въ Гомборы. Награды. Учебная команда и ротныя библіотеки. Прибытіе въ Гомборы Главнокомандующаго.

1863-й годъ засталъ гомборцевъ въ палаткахъ на берегу рѣки Урусъ-Нако. Первые дни января они какъ бы отдыхали, хотя этотъ отдыхъ нерѣдко прерывался высылкою поочереди одной или двухъ ротъ въ составъ колонны, назначавшихся на фуражировки, которыя никогда почти не прекращались. Онѣ производились въ ближайшихъ аулахъ и въ лѣсу на высотахъ праваго берега р. Пшекодзъ, куда непріятель спряталъ свои запасы. Перестрѣлки были весьма незначительныя, а для гомборцевъ и безвредныя. 7-го января пшехскій отрядъ передвинулся на р. Деньку и, фуражируя по ней, перешелъ къ редуту Кошко, а оттуда въ станицу Пшехскую. Здѣсь было приступлено къ заготовленію матеріала для казенныхъ построекъ и мостовъ и къ рубкѣ просѣки на р. Пшишъ и къ анапской переправѣ.

11-го января, на рубкѣ лѣса находился весь баталіонъ, а съ 16-го числа онъ участвовалъ во всѣхъ январьскихъ операціяхъ по полубаталіонно. За фуражемъ приходилось предпринимать довольно дальніе поиски, такъ какъ по близости къ станицѣ его не было, а съ удлиненіемъ просѣки пропадало много времени на переходъ къ мѣсту рубки. Въ виду этого, начальникъ отряда полковникъ Офрейнъ приказалъ семнадцати стрѣлковымъ ротамъ, въ томъ числѣ двумъ ротамъ кавказскаго баталіона, выдвинуться по направленію просѣки, выбрать позицію между Пшехою и Пшишемъ и оставаться на ней до конца рубки, дѣлая по временамъ набѣги въ разныя стороны. Колонна эта выступила 17-го января и заняла позицію у р. Даргай. Чтобы не допустить горцевъ ближайшихъ ауловъ скрыть свои пожитки, полковникъ Офрейнъ немедленно двинулъ семь стрѣлковыхъ ротъ и два горныхъ орудія вверхъ по Даргаю. Вскорѣ пѣхоту обогнала кавалерія, и тремъ ротамъ приказано было бѣгомъ слѣдовать за нею. Но захватить горцевъ не удалось, потому что впереди все уже было объято пламенемъ; кавалерія настигла только стадо скота и овладѣла имъ. Когда уже она начала отступать, и притомъ по мѣстности, изрѣзанной множествомъ балокъ и лощинъ, обросшихъ густымъ кустарникомъ, непріятель отовсюду открылъ по ней сильный огонь. Кавалерія наша попала въ такое затруднительное положеніе, что ей не могли помочь и три стрѣлковыхъ роты, прикрывавшія ея отступленіе, и только затрудненія миновали тогда, когда подоспѣли двѣ роты гомборцевъ. Онѣ быстро очистили мѣткимъ огнемъ всѣ опушки и до самаго лагеря удерживали непріятеля въ отдаленіи. Во второй половинѣ января сообщеніе между ст. Пшехскою и анапскою переправою было разработано, и 21-го числа войска возвратились въ свои землянки, а гомборцы направились въ станицу Ханскую.

Между тѣмъ, число переселенцевъ изъ Россіи все увеличивалось, а очищенное по Пшехѣ пространство не было еще занято войсками, и даже не были отведены мѣста для станицъ и постовъ. Въ виду этого, начальникъ отряда снарядилъ колонну, включивъ туда также и двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, и выступилъ съ нею 24-го января вверхъ по лѣвому берегу Пшехи. Пройдя верстъ 13, войска расположились на правомъ берегу р. Куякъ (лѣвый притокъ Пшехи) на ночлегъ, гдѣ предназначено было мѣсто для Кубанской станицы. Движеніе это сопровождалось незначительными перестрѣлками въ боковыхъ цѣпяхъ и въ авангардѣ. На слѣдующій день, въ разстояніи пятнадцати верстъ отъ пункта ночлега, избрано мѣсто также для станицы Апшеронской и для промежуточныхъ постовъ. 26-го числа были произведены два набѣга: одинъ утромъ, во время котораго, при сильномъ сопротивленіи горцевъ, разворены аулы по р. Тхухи, а другой, въ которомъ участвовали обѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ— послѣ обѣда. Послѣдній далъ въ результатѣ также нѣсколько истребленныхъ ауловъ, порядочный запасъ фуража и одного убитаго стрѣлка, сверхъ того, осмотрѣнъ лѣвый берегъ Пшехи далѣе выбраннаго уже пункта для станицы Апшеронской.

На другой день колонна двинулась въ обратный путь. Болѣе двухъ тысячъ горцевъ, раздѣлившись на три партіи, кинулись на нее съ первымъ же ея шагомъ; главная партія насѣла на арріергардъ, гдѣ шли между прочимъ и гомборцы, а другія двѣ на фланги колонны. Нѣсколько разъ абадзехи порывались кинуться въ шашки, но попытки ихъ оканчивались для нихъ плачевно. Отступая такимъ образомъ, колонна подошла къ оврагу Даргай, гдѣ непріятель успѣлъ устроить засаду; но послѣдняя была во время обнаружена, и двѣ стрѣлковыя роты, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, быстро атаковали горцевъ и заставили ихъ бѣжать. Драгуны не преминули воспользоваться случаемъ: цѣлый дивизіонъ ихъ заскакалъ во флангъ бѣгущимъ и изрубилъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Потеря же колонны заключалась въ шести раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Въ первыхъ числахъ февраля въ отрядѣ распространился слухъ о скоромъ пріѣздѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Въ виду этого, войска принялись за исправленіе дорогъ, мостовъ и т. п. Рядомъ съ этими работами гомборцы принимали участіе въ постройкѣ станицъ Апшеронской и Кубанской, а также и въ нѣсколькихъ фуражировкахъ. 26-го февраля часть пшехскаго отряда, вмѣстѣ съ кавказскимъ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, направилась къ р. Псекупсъ для встрѣчи и сопровожденія Главнокомандующаго и 1-го марта прибыла къ переправѣ близъ аула Хасай-Хабль. Разогнавъ горцевъ, оберегавшихъ эту переправу, стрѣлки перешли въ бродъ на лѣвый берегъ и здѣсь имѣли честь встрѣтить и привѣтствовать Государя Великаго Князя. Осмотрѣвъ войска пшехскаго отряда, Его Императорское Высочество въ 9-ть часовъ утра соизволилъ направиться съ ними обратно къ Пшишу. Во время этого движенія кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ въ арріергардѣ, которымъ командовалъ полковникъ Джемарджидзе [1]).

[1]) Арріергардъ состоялъ изъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіона Переяславскаго драгунскаго полка и взвода облегченной № 3 батареи.

Мѣстность отъ р. Псекупса до р. Марте вообще ровная, покрыта кустарникомъ и незначительнымъ лѣсомъ съ обширными промежуточными полянами, перерѣзанными глубокими балками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разнообразится незначительными возвышеніями, образующими водораздѣлъ рѣкъ Псекупса, Ичаса и Марте. Обратное движеніе колонны обошлось безъ преслѣдованія, и арріергардъ не выпустилъ ни одного патрона. Слѣдующій переходъ, съ гомборскими стрѣлками въ авангардѣ [2]), совершился также благополучно—но только до Ишиша, къ которому колонна стала приближаться къ вечеру. Здѣсь лѣсъ начинался гуще и совершенно прикрывалъ рѣку противъ Бжедуховской станицы. Не было никакого сомнѣнія, что горцы, сопровождавшіе колонну издали, воспользуются имъ для того, чтобы нанести ей вредъ. Предположеніе это становилось тѣмъ вѣроятнѣе, что до поворота къ переправѣ черезъ Ишишъ у Бжедуховской станицы мѣстность хотя была довольно ровная, но мелкій кустарникъ и тонкія балки сильно затрудняли движеніе артиллеріи и обоза и совершенно отнимали у кавалеріи возможность дѣйствовать въ конномъ строю. Неудобства эти возрастали съ приближеніемъ къ мосту на Ишишѣ. По этой причинѣ почти вся кавалерія шла въ хвостѣ. При приближеніи колонны къ переправѣ, передовыя ея части были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Оказалось, что опушка лѣса съ правой стороны дороги, по которой шла колонна, и въ особенности по направленію параллельному устроенной недалеко дамбѣ, была сильно занята горцами, которые устроили даже завалъ, соединявшій двѣ сосѣднія опушки. Чтобы вытѣснить ихъ изъ лѣса и выбить изъ завала, графъ Евдокимовъ назначилъ, подъ начальствомъ полковника Виберга, слѣдующія части: кавказскій гренадерскій, Самурскій баталіоны и три роты 19-го стрѣлковаго баталіона, при двухъ орудіяхъ. Колонна эта атаковала непріятеля съ фронта, а на поддержку ей съ праваго фланга были выдвинуты $1^3/_4$ баталіона пѣхоты, дивизіонъ драгунъ и два конныхъ орудія. „Абадзехи—доносилъ объ этомъ графъ Евдокимовъ—пользуясь мѣстностью, въ высшей степени благопріятствовавшей оборонѣ, открыли изъ за холмиковъ, деревьевъ, кустовъ и завала сильный ружейный огонь по наступающимъ войскамъ. Гренадеры первые бросились въ опушку влѣво отъ завала и, заставивъ горцевъ отступить въ глубь лѣса, подались вправо на присоединеніе къ тремъ ротамъ 19-го стрѣлковаго баталіона, направленнымъ съ Самурскимъ баталіономъ противъ завала, и вмѣстѣ съ ними бросились на завалъ одновременно съ фронта и съ праваго фланга“ [3]). Завалъ, конечно, остался за стрѣлками, а абадзехи, будучи обращены въ бѣгство, оставили въ нашихъ рукахъ девять тѣлъ и множество оружія.

Однако абадзехи, не смотря на преподанный имъ урокъ, не хотѣли оставить насъ въ покоѣ. Повидимому, они хотѣли выказать передъ царственнымъ главнокомандующимъ не только свою удаль, но и упорство и энергію. Въ виду этого графъ Евдокимовъ направилъ самурцевъ, ширван-

[2]) Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Джемарджидзе, были слѣдующія войска: кавказскій гренадерскій и Апшеронскій стрѣлковые баталіоны, три роты сводно-резервнаго № 3-го баталіона, рота саперъ, команда пластуновъ, дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, двѣ сотни 3-й бригады кубанскаго казачьяго войска, три ракетныхъ станка, два орудія облегченной № 3-го батареи 19-й артил. бригады и милиція.

[3]) Журналъ в. д. пшехскаго отряда 2-го марта 1863 года.

цевъ и 19-й стрѣлковый баталіонъ для занятія лѣса и прикрытія обоза при переправѣ черезъ рѣку. Опушка лѣса отъ ската высоты до моста, на протяженіи около полуторы версты, была занята цѣпью стрѣлковъ и пластуновъ; гомборцы же и сводно-резервный № 2 баталіонъ, при двухъ орудіяхъ, оставались въ виду завала, занимая часть его, а также ближайшіе перелѣски и балки, дабы непріятель, оправившійся отъ пораженія и опять начинавшій показываться изъ за лѣса, не занялъ вновь завала. По расположеніи такимъ образомъ войскъ, немедленно двинулись экипажи Его Высочества и обозъ по двумъ чрезвычайно узкимъ дорогамъ къ дамбѣ и къ мосту. Послѣ переправы части войскъ, Великій Князь, въ сопровожденіи казаковъ, благополучно направился черезъ лѣсъ къ дамбѣ и прибылъ въ ст. Бжедуховскую. Оставленныя на позиціи войска продолжали между тѣмъ, подъ начальствомъ графа Евдокимова, отражать нападенія абадзеховъ, которые все еще пытались задержать переправу черезъ Пшишъ; но, наконецъ, видя безполезность своихъ усилій, и понеся значительную потерю, совершенно прекратили преслѣдованіе. Началось отступленіе прикрывающихъ частей, и трудно было сомнѣваться, что горцы не захотятъ выместить на нихъ свои неудачи. Гомборцы были въ замкѣ всѣхъ войскъ. „Послѣднія повозки и вьюки переправились черезъ Пшишъ въ 7 часовъ вечера, а гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, который, подъ начальствомъ своего командира полковника Виберга, былъ назначенъ, съ командою пластуновъ, въ послѣдній эшелонъ арріергарда, прибылъ къ мѣсту своего бивачнаго расположенія лишь въ 8 часовъ вечера“ [4]). Потеря этого дня состояла въ одномъ убитомъ и двадцати семи раненыхъ нижнихъ чинахъ; изъ послѣдняго числа на долю гомборцевъ пришлось четверо, на которыхъ Государь Великій Князь изволилъ лично возложить кресты. Войска, прибывшія съ Марте, расположились на ночлегъ внутри ограды Бжедуховской станицы, за исключеніемъ милиціи, команды пластуновъ, трехъ сотенъ казаковъ, дивизіона драгунъ и кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. Всѣ они были оставлены на правомъ берегу Пшиша „для первой встрѣчи абадзеховъ въ случаѣ, еслибы ночью они вздумали мѣшать отдыху отряда“. Но тревоги не было никакой. 2-е марта было знаменательнымъ днемъ для гомборскаго стрѣлковаго баталіона. Утромъ Его Высочество изволилъ пѣшкомъ обойти войска, выстроившіяся за оградою станицы, и лично удостоилъ крестами нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ. Наибольшая доля милостей выпала гомборцамъ. Юнкеръ Иванъ Кириотинъ и унтеръ-офицеръ Александръ Калашниковъ произведены въ прапорщики; нижнимъ чинамъ пожаловано восемнадцать знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й ст. и одинъ знакъ 3-й степени [5]).

Поздравивъ новыхъ кавалеровъ, Великій Князь приказалъ выступить въ дальнѣйшій путь. Въ авангардъ, ввѣренный полковнику Вибергу, вошли: кавказскій гренадерскій и 19-й стрѣлковые баталіоны и 2 орудія облегчен-

[4]) Секретное дѣло 2-го отд. ген. штаба, 1863 г., по оп. № 2.

[5]) Знакъ 3-й ст. получилъ рядовой Аврамъ Зубань. 4-й степени: унтеръ-офицеры—Андрей Забрудкій, Яковъ Петрусенко, Никифоръ Баранюкъ; рядовые—Ѳаддей Хабаровъ, Степанъ Трифоновъ, Иванъ Лобадюкъ, Иванъ Никитинъ, Игнатій Малышовъ, Николай Шпаковичъ, Маркъ Машкалевъ, Захаръ Іоновъ, Степанъ Финаевъ, Лука Ковальчукъ, Мартынъ Семеновъ, Алексѣй Ерофѣевъ, Дмитрій Плаксинъ, Василій Колесниковъ, Павелъ Уланкинъ. (Приказъ по баталіону 22-го апрѣля 1863 г. № 112).

ной № 4-го батареи 19-й артилерійской бригады. Дорога шла преимущественно полянами. Движеніе войскъ, при прекрасной весенней погодѣ, не было обезпокоено довольно продолжительное время, но когда съ правой стороны потянулись густые лѣса—изъ нихъ начали раздаваться ружейные выстрѣлы. Перестрѣлку поддерживала одна правая цѣпь. Было около трехъ часовъ пополудни, когда Его Высочество, въ сопровожденіи авангарда, благополучно прибылъ въ станицу Пшехскую, куда черезъ два часа явился обозъ и арріергардъ. 4-го марта Государь Великій Князь, въ сопровожденіи особой колонны, направился по дорогѣ черезъ ст. Ханскую въ укр. Майкопъ, а войскамъ пшехскаго отряда былъ данъ двухдневный отдыхъ. Толпы абадзеховъ, ожидавшія движенія пшехскаго отряда въ Кубанскую станицу, занимали всѣ крѣпкіе пункты по пути, увѣренные, что Главнокомандующій направится въ раіонъ дѣйствій даховскаго отряда; перемѣна маршрута разрушила всѣ ихъ ожиданія, и они, простоявъ нѣсколько дней, разошлись. 6-го марта пшехскій отрядъ приступилъ къ рубкѣ лѣса и расчисткѣ его по берегамъ Пшиша, а также къ устройству станицъ Бжедуховской и Кубанской. Гомборцы, принявшіе участіе въ отправленіи всевозможныхъ службъ и работъ, имѣли незначительныя перестрѣлки 25-го, 29-го, 30-го и 31-го марта.

Вскорѣ послѣ посѣщенія пшехскаго отряда, Главнокомандующій изволилъ отозваться объ осмотрѣнныхъ Его Высочествомъ частяхъ слѣдующимъ образомъ: „войска найдены Мною въ превосходнѣйшемъ состояніи: ихъ бодрый видъ, неутомимость въ походѣ, ихъ мужество, котораго Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго“ [6]). Дорогія и лестныя слова эти, очевидно, должны быть отнесены также и къ гомборцамъ, которыми графъ Евдокимовъ, можно сказать безъ преувеличенія, щеголялъ передъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ. И заслужены они были всѣми вообще войсками Кубанской области, изъ коихъ пшехскому отряду удалось съ іюня 1862 года по апрѣль 1863 года, терпя тяжелые труды, болѣзни и всякія лишенія, выстроить станицы: Пшехскую, Кубанскую, Бжедуховскую, Габукаевскую и Апшеронскую, окружить обширное между ними пространство постами, очистить отъ горцевъ и приготовить для нашихъ переселенцевъ.

Въ концѣ апрѣля работы были прерваны, и войска пшехскаго отряда приступили къ разработкѣ дороги вверхъ по Пшехѣ на аулъ Магометъ-Амина, съ тѣмъ, чтобы оттуда открыть сообщеніе съ даховскимъ отрядомъ. Для предварительной въ этомъ случаѣ рекогносцировки, къ 27-му апрѣля изъ ст. Апшеронской двинулась колонна, подъ начальствомъ полковника Офрейна, изъ пяти [7]) баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ гомборскій), дивизіона драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ, 6 орудій, командъ пластуновъ и саперъ. Она прошла безъ выстрѣла девять верстъ до равнины Хіачъ. Отсюда, послѣ привала, начальникъ отряда направилъ два баталіона, при двухъ конныхъ орудіяхъ, для уничтоженія ауловъ, расположенныхъ по

---

[6]) Приказъ по кавказской арміи 11-го марта 1863 года № 92.

[7]) Стрѣлковые баталіоны: кавказскій гренадерскій, 19-й, Ширванскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка, 2-й дивизіонъ тверскихъ драгунъ, двѣ сотни 6-й бригады кубанскаго казачьяго войска, взводъ конной № 13, взводъ горной и взводъ облегченной № 4 батареи 19 артилерійской бригады.

обоимъ берегамъ р. Дынъ-Пшекодзъ, на протяженіи четырехъ верстъ отъ впаденія этой рѣки въ Пшеху. Но чтобы предупредить горцевъ, которые могли заблаговременно спрятать или увезти свое имущество, вслѣдъ за пѣхотою были посланы драгуны и казаки. Они, дѣйствительно, не дали непріятелю спасти что либо, но за то, были встрѣчены ружейнымъ огнемъ. Только благодаря подоспѣвшимъ стрѣлкамъ, принявшимъ на себя толпы горцевъ, кавалерія наша могла отступить въ порядкѣ. Кромѣ сожженныхъ ауловъ, множества плѣнныхъ и добычи, набѣгъ этотъ имѣлъ тотъ серьезный результатъ, что повелъ за собою новый бой въ отплату за погибель лучшихъ людей среди абадзеховъ и нѣсколькихъ женщинъ, которыя сражались въ ихъ рядахъ; для гомборцевъ же, кромѣ того, онъ ознаменовался тяжелою потерею.

Съ привала колонна двинулась вверхъ по Пшехѣ. Долина р. Хіачъ замыкалась чрезвычайно лѣсистою возвышенностью, на которой находился аулъ Магометъ-Амина. Нужно было ожидать, что на этой-то возвышенности и приготовили намъ абадзехи кровавую встрѣчу. Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ шелъ на этотъ разъ въ головѣ правой цѣпи. Едва только авангардъ подошелъ къ высотѣ близъ аула, какъ по немъ раздался сильный залпъ; другая же партія горцевъ, расположенныхъ по самому гребню хребта, тянувшагося вдоль лѣваго берега Пшехи, завязала живую перестрѣлку съ гренадерскими стрѣлками. 19-й стрѣлковый баталіонъ, слѣдовавшій въ головѣ колонны, и правая цѣпь (гомборцы) стремительно кинулись на непріятеля и оттѣснили его. Но этимъ, конечно, дѣло не кончилось, и самое трудное было впереди, потому что начиналась пересѣченная мѣстность. „Приходилось почти на каждой верстѣ спускаться въ овраги, по дну которыхъ протекали болотистые ручьи. Овраги довольно отлогіе въ низовьяхъ, выше обрывались отвѣсно. Эти естественныя препятствія не могли быть оставлены абадзехами безъ вниманія, и послѣ перваго отпора они снова открыли преслѣдованіе“. Лѣсъ, по которому двигалась правая цѣпь, былъ такъ густъ, что не представлялось возможности ни соображаться съ движеніемъ главной колонны и обоза, ни сохранить надлежащую связь; цѣпь растянулась донельзя. Гомборцы, между тѣмъ, успѣли стянуться въ самомъ опасномъ мѣстѣ; провожая ихъ ружейнымъ огнемъ, абадзехи однако не рѣшились броситься на нихъ въ шашки—по знакомству ли, или другой причинѣ—и дали имъ пройти мимо. „Но какъ только 3-я стрѣлковая рота Кубанскаго полка вступила въ самую изрѣзанную часть лѣса и стала переправляться черезъ небольшой и весьма обрывистый овражекъ, на нее напали горцы съ величайшимъ азартомъ“.

Рота была совершенно отдѣлена отъ остальныхъ частей, и на нее горцы смотрѣли уже какъ на вѣрную добычу. „По выстрѣламъ, доходившимъ до насъ—пишетъ очевидецъ—слышно было, что тамъ идетъ горячее дѣло. Изъ авангарда двѣ роты ширванцевъ бѣгомъ бросились на выручку, но пришли поздно: кубанцы постоями сами за себя, хотя и понесли чувствительную потерю,—почти половина роты легла на мѣстѣ. Къ остальнымъ людямъ присоединился въ самый разгаръ полувзводъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, начальникъ котораго поручикъ графъ Менгденъ поплатился жизнью за свой доблестный подвигъ: онъ былъ убитъ въ упоръ, съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ“ [8]). Но помощь, оказанная графомъ Менг-

[8]) „Кавказскій Сборникъ“, т. II, стр. 440 и 499.

деномъ, спасла роту. Бой, дѣйствительно, былъ отчаянный, и изъ рядовъ гомборцевъ выбыло два убитыхъ и десять раненыхъ; но оставшимся въ живыхъ удалось, наконецъ, опрокинуть толпы непріятеля. Когда прибѣжали ширванцы, горцевъ уже не было, и обливавшіеся кровью гомборцы указали имъ на обозъ, оставленный безъ всякаго прикрытія. Ширванцы заняли пустое мѣсто въ правой цѣпи и такимъ образомъ обезпечили безопасность обоза. Будучи заняты кубанцами и гомборцами, абадзехи не обратили вниманія на беззащитныя повозки, наполненныя всевозможною для нихъ добычею, и, такимъ образомъ, имущество было спасено отъ расхищенія, а фуршаты отъ неминуемой гибели. Продолжая затѣмъ безпрепятственное движеніе, колонна уничтожила по пути всѣ аулы до р. Феэбча, гдѣ расположилась на ночлегъ, въ 19-ти верстахъ отъ ст. Апшеронской. Горцы понесли не малую потерю въ этотъ день: у одного лишь аула Магометъ-Амина они оставили 40 тѣлъ, не считая другихъ убитыхъ и большого числа раненыхъ, которыхъ унесли съ собою. Но и нашъ уронъ былъ немаловаженъ: убитъ одинъ оберъ-офицеръ и 10-ть нижнихъ чиновъ, изъ коихъ два гомборца; ранены: одинъ оберъ-офицеръ и 63 нижнихъ чина, въ числѣ которыхъ десять гомборскихъ стрѣлковъ [9]). Особенно чувствительна была потеря графа Менгдена, котораго товарищи считали героемъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова.

28-го апрѣля, войска поднялись вверхъ по Пшехѣ всего на двѣ съ половиною версты. Узнавъ, что дальше мѣстность становится все пересѣченнѣе и опаснѣе; что крайній постъ отъ даховскаго отряда находится всего въ 12-ти верстахъ, и что, слѣдовательно, цѣль операціи сообщенія съ даховскимъ отрядомъ достигнута, полковникъ Офреймъ двинулся въ обратный путь по той же дорогѣ. Горцы, конечно, поджидали колонну, но провидѣніе спасло ее отъ новыхъ жертвъ: пошелъ проливной дождь, всегда неблагопріятный для кремневыхъ винтовокъ, и преслѣдованіе не состоялось. Къ вечеру войска прибыли въ станицу Апшеронскую. Полковникъ Офреймъ вскорѣ былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Зотовымъ, назначеннымъ приказомъ 28-го апрѣля.

Къ 5-му мая войска пшехскаго отряда, прорубая лѣсъ на встрѣчу даховскому отряду, заняли теченіе Пшехи до станицы Самурской, а возведеніемъ станицъ Бжедуховской и Габукаевской упрочили за собою обладаніе низовьями рѣки Пшишъ. Такимъ образомъ, прямое сообщеніе съ Кубанью сдѣлалось безопаснымъ. Велѣдъ затѣмъ оставалось только утвердиться на Пшишѣ и сдѣлать его операціонною линіею на восточной сторонѣ театра военныхъ дѣйствій, а также главною дорогою черезъ горы къ ущелью Туапсе и къ морю. Собираясь перенести свою дѣятельность на Пшишъ, генералъ-маіоръ Зотовъ стянулъ къ Пшехской станицѣ до восьми баталіоновъ пѣхоты, четыре эскадрона драгунъ, четыре сотни казаковъ, 8-мь орудій и выступилъ съ ними 9-го мая къ анапской переправѣ на Пшишъ, на восемь верстъ выше поста Кошко-Дечукъ. Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ назначенъ въ авангардъ. Колонна двинулась по знакомой просѣкѣ и вскорѣ прибыла къ высокому берегу Пшиша. „Чтобы обезпечить позицію отъ нечаянныхъ нападеній, приказано было

[9]) Рапортъ графа Евдокимова 18-го мая 1853 г. № 1022.

занять какъ броды черезъ рѣку, такъ и подходящіе къ скату лѣса; почему, тотчасъ же по прибытіи колонны на мѣсто, кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, двѣ сотни казаковъ и дивизіонъ драгунъ были спущены внизъ; изъ нихъ баталіонъ и одна сотня были даже переведены на лѣвую сторону рѣки". Горцы, затѣявшіе неудачную для себя перестрѣлку съ переправившимися гомборцами, вскорѣ разбѣжались, не успѣвъ причинить имъ вредъ. Отрядъ спокойно разбилъ свои палатки, и на слѣдующій день генералъ Зотовъ произвелъ рекогносцировку, съ участіемъ гренадерскихъ стрѣлковъ, внизъ и вверхъ по Ишиню и выбралъ мѣсто для станицы Ишишской. Выборъ этотъ былъ одобренъ графомъ Евдокимовымъ, пріѣхавшимъ на другой день въ шехскій отрядъ.

12-го мая графъ Евдокимовъ, въ сопровожденіи большей части шехскаго отряда, направился въ районъ дѣйствій даховскаго отряда и въ станицу Апшеронскую. Въ лагерѣ на берегу Ишиша были оставлены для постройки новой станицы четыре баталіона: кавказскій гренадерскій и Самурскій стрѣлковые, 3-й сводно-стрѣлковый и 3-й Кубанскаго пѣхотнаго полка. Устроивъ лагерь, баталіоны эти принялись за обычныя работы. Войска, сопровождавшія графа Евдокимова, вернулись въ лагерь 14-го мая. До 28-го числа главное занятіе войскъ состояло въ рубкѣ просѣки и въ разработкѣ дороги отъ лагеря черезъ перевалъ между рѣками Тхухою и Яша и между этою послѣднею и р. Дагуа. При слѣдованіи колоннъ на рубку, непріятель ежедневно завязывалъ перестрѣлки; обычную же дерзость свою онъ выказывалъ при отступленіи колоннъ, но огонь стрѣлковъ почти постоянно держалъ его на почтительномъ разстояніи.

Разворивъ поселенія горцевъ въ долинѣ Тхухи, шехскій отрядъ перешелъ, 28-го мая, на р. Дагуа, а на слѣдующій день занялъ на Ишиніѣ урочище Хадыжи, гдѣ и заложилъ укрѣпленіе. Послѣднее отстояло отъ ст. Шехской болѣе чѣмъ на 40 верстъ. Занимая такое выдвинутое положеніе, мы врѣзывались „въ самое сердце населенія", постоянно угрожали ему набѣгами и, главное, отнимали у него богатыя покосныя мѣста. Неожиданное появленіе наше въ Хадыжи привело горцевъ въ недоумѣніе, такъ какъ, при отдаленности этого пункта отъ станицы Шехской, они ожидали сюда наши войска не ранѣе двухъ мѣсяцевъ и совершенно не были приготовлены къ обычной встрѣчѣ. 30-го мая аулы ихъ большею частью были преданы пламени. Рѣшивъ поскорѣе и прочно утвердиться на этомъ урочищѣ, генералъ-маіоръ Зотовъ приказалъ прежде всего поспѣшить возведеніемъ ограды. Оставивъ здѣсь три съ половиною баталіона для постройки укрѣпленія, онъ съ остальными войсками двинулся по правому берегу Ишиша къ анапской переправѣ: кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ въ авангардѣ. Движеніе началось за четыре часа до зари, съ соблюденіемъ чрезвычайной тишины и осторожности, такъ какъ предстоялъ переходъ до 45 верстъ. Пройдя верстъ пятнадцать безъ большихъ приключеній, войска остановились для привала. Пока они обѣдали и отдыхали—на что имъ дано было пять часовъ, абадзехи понемногу начали собираться.

Дальнѣйшее движеніе отряда было сопряжено съ ожесточенною перестрѣлкою. Авангарду приходилось штыками выбивать горцевъ почти съ каждой занятой ими позиціи, а боковымъ цѣпямъ и особенно арріергарду—

выдерживать постоянныя нападенія. „Изъ многихъ дѣлъ—сказано въ донесеніи графа Евдокимова относительно гренадерскаго стрѣлковаго баталіона—въ которыхъ баталіонъ этотъ дѣйствовалъ съ особенною храбростью и мужествомъ, можно указать на дѣла 30-го и 31-го мая 1863 года, при движеніи отряда къ анапской переправѣ, гдѣ баталіонъ этотъ, составляя авангардъ и двигаясь по тѣсной лѣсистой дорогѣ, нѣсколько разъ выбивалъ непріятеля изъ заваловъ и тѣмъ много облегчилъ движеніе нашихъ войскъ“ [10]). Преслѣдованіе прекратилось лишь съ прибытіемъ войскъ къ Пшишской станицѣ. 5-го іюня генералъ-маіоръ Зотовъ послалъ полковника Виберга, съ ввѣреннымъ ему баталіономъ, а также и съ другими тремя, въ Хадыжи, для снятія оставленныхъ тамъ войскъ, которыя, по отдаленности и неудобствамъ сообщенія съ анапскою переправою, оказывались пока тамъ безполезными. Горцы почти не тревожили колонны, а толпы ихъ, собиравшіяся вокругъ хадыжинскаго укрѣпленія, чтобы сдѣлать нападеніе на небольшой гарнизонъ, при появленіи Виберга тотчасъ же разсѣялись.

7-го іюня укрѣпленіе Хадыжи было оставлено, и всѣ войска, подъ командою полковника Виберга, двинулись внизъ по Пшишу къ анапской переправѣ. По пути, у аула Абинди-Хабль, гдѣ избрано было мѣсто для нынѣшней станицы Тверской, имъ предстояло произвести подробную съемку мѣстности и взслѣдовать подъемы на высоты праваго берега Пшиша. У названнаго аула войска остановились для привала. Едва только начали они варить пищу, какъ со всѣхъ сторонъ показались толпы абадзеховъ. Приказавъ немедленно вывернуть котлы, полковникъ Вибергъ двинулъ войска впередъ, чтобы не дать горцамъ времени занять крѣпкіе по пути слѣдованія отряда пункты. Завязалась сильная перестрѣлка въ цѣпяхъ и въ арріергардѣ, и особенно пострадали апшеронцы, „но отчаянный, смѣлый ударъ опытнаго вождя полковника Виберга не могъ быть ослабленъ тучами пуль. Опрокинутые и прогнанные, горцы, потерявъ всякую надежду даже на возможность какого нибудь успѣха, отстали, должно быть, подбирать своихъ раненыхъ“ [11]).

Это дѣло ясно доказало, что горцы дрались какъ бы въ послѣдней агоніи, на смерть, и что едва ли они еще разъ попробуютъ что либо подобное. Носились даже слухи о томъ, что нѣкоторыя общества намѣрены принести намъ присягу, и что старшины ихъ давно осаждаютъ переговорами начальника даховскаго отряда. Вообще, многое говорило въ пользу близкаго окончанія войны, и хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ взрывы продолжались, но ихъ слѣдуетъ отнести къ отдѣльнымъ случаямъ, не имѣвшимъ тѣсной связи съ народною драмою. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ и съ гомборцами. 12-го іюня, въ 6 часовъ утра, изъ станицы Ханской были отправлены всѣ конныя и воловьи повозки и съ ними 16 вооруженныхъ гомборцевъ для перевозки сѣна съ покоса, находившагося въ трехъ верстахъ отъ Ханской, вверхъ по р. Бѣлой. Какъ только транспортъ съ сѣномъ тронулся въ обратный путь, на него налетѣла громадная партія и завязала сильную перестрѣлку. Гомборцы бойко отбивались отъ многочисленнаго непріятеля, хотя состояли исключительно изъ фур-

[10]) Дѣло особ. отд. шт. кавк. воен. окр. 1864 года № 44.
[11]) „Кавказскій Сборникъ“ т. VIII, стр. 507.

штатъ и чиновъ четверть-инвалидной роты, и не дали горцамъ ни одного трофея. Наконецъ, они приблизились къ станицѣ и были выручены явившимся на выстрѣлы подкрѣпленіемъ. Въ этомъ нападеніи команда лишилась двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ [12]).

Работы по устройству Пшишской станицы продолжались безпрепятственно, и непріятель потревожилъ ихъ серьезно одинъ только разъ. Партія его въ шестьсотъ человѣкъ заняла позицію на лѣвомъ берегу Пшиша и завязала перестрѣлку съ эскадрономъ Тверскихъ драгунъ, прикрывавшимъ пастьбу. На помощь къ нему прискакали—другой эскадронъ и сборная сотня терскихъ казаковъ; но до прибытія ихъ партія успѣла переправиться на правый берегъ. Казаки бросились ей наперерѣзъ, а изъ лагеря, для обезпеченія ихъ отступленія, выступилъ полковникъ Вибергъ съ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и также переправился на лѣвый берегъ рѣки. Когда кавалерія разогнала горцевъ и стала отступать, они попробовали опять занять лѣвый берегъ рѣки Пшишъ, но были встрѣчены мѣткимъ огнемъ гомборцевъ и оставили свое намѣреніе [13]).

Къ 22-му іюня Пшишская станица была готова, и окончена дорога между ею и постомъ Конко-Дечукъ. Держать войска не было надобности, вслѣдствіе чего генералъ Зотовъ, оставивъ въ гарнизонѣ новой станицы кавказскій гренадерскій и Самурскій стрѣлковые баталіоны, съ дивизіономъ Тверскихъ драгунъ и взводомъ конныхъ орудій, съ остальными войсками двинулся къ аулу Шаушъ-Хабль для рубки просѣки отъ этого аула по берегу Пшиша до нынѣшней ст. Тверской. Между тѣмъ, переселенцы для ст. Пшишской стали прибывать, и гомборцы, при всякомъ случаѣ, помогали имъ устраиваться, припасали для нихъ продовольствіе, сопровождали ихъ транспорты и т. д.

Система нашихъ дѣйствій за Кубанью быстро достигала цѣли: Магометъ-Аминъ бѣжалъ въ Турцію; верхніе абадзехи, какъ болѣе пострадавшіе, стали переселяться въ наши предѣлы, а нижніе продолжали переговоры, начатые еще въ концѣ 1861 года, лишь для выиграніе времени и въ надеждѣ на благопріятную для себя перемѣну обстоятельствъ. Но они ошиблись въ своихъ расчетахъ, и графъ Евдокимовъ настойчиво продолжалъ довершать дѣло. Къ 6-му августа окопъ Тверской станицы былъ готовъ, и разработаны дороги отъ поста Конко-Дечукъ къ станицѣ Пшишской и вверхъ по правому берегу Пшиша; построенъ былъ также руками гомборцевъ между Пшишскою и Тверскою станицами „Гомборскій“ постъ. Жары стояли сильныя: лихорадка, конечно, не переставала выносить изъ рядовъ жертвы за жертвами, хотя нельзя не замѣтить, что гомборцы теперь терпѣли отъ нея гораздо менѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Въ первыхъ числахъ августа послѣдовало, по волѣ Его Императорскаго Высочества, распоряженіе, по которому всѣ сверхкомплектные, а также изъ штатнаго числа по три унтеръ-офицера отъ каждой роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, были назначены въ распоряженіе начальника кавказской резервной дивизіи для сформированія 16-ти вторыхъ

---

[12]) Рапортъ завѣдывавшаго временною штабъ-квартирою прапорщика Пржелецкаго 12-го іюня 1863 года № 18.

[13]) Рапортъ графа Евдокимова 30-го іюня 1863 г. № 1224.

резервныхъ баталіоновъ. Для этой надобности унтеръ-офицеры были назначены преимущественно изъ „старослужащихъ, благонадежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ они составятъ—сказано въ приказѣ—главное основаніе вновь формируемыхъ частей“ [14]). Въ то же время формировался и Черноморскій пѣхотный полкъ, командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Виберъ. Онъ сдалъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ генеральнаго штаба подполковнику Комарову 4-му, назначенному приказомъ по Кубанской области 18-го августа 1863 г. за № 6023. 1-го сентября подполковникъ Комаровъ (Константинъ Виссаріоновичъ) вступилъ въ командованіе баталіономъ. Новаго командира горцы уже знали. Не смотря на то, что онъ началъ боевую карьеру съ 1857 года, онъ былъ извѣстенъ, какъ опытный и храбрый офицеръ, и имѣлъ ордена: св. Анны 2-й степени, золотое оружіе и орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Съ новымъ командиромъ характеръ дѣятельности горборскихъ стрѣлковъ, ихъ жизнь и бытъ нимало не измѣнились. Самыя событія въ области пошли еще быстрѣе: отряды наши, сближаясь все болѣе и болѣе, составляли желѣзное кольцо, охватившее горцевъ со всѣхъ сторонъ. Адагумскій отрядъ занявъ станицами всю плоскость до р. Пля, перенесъ свою дѣятельность на южный склонъ, въ долину Адерби и Мезиба; даховскій и шхехскій отряды завладѣли всею нагорною частью до р. Шхехи и верхняго теченія Пшиша; незанятая нами полоса земли отъ Пшиша до Шебша уже была обойдена нами съ двухъ сторонъ и, подверженная двойнымъ ударамъ, не могла служить серьезнымъ оплотомъ для непріятеля. По этой причинѣ графъ Евдокимовъ и не включилъ ее въ общую систему колонизаціи въ Кубанской области, такъ какъ участь ея считалъ рѣшенною. Мало-лабинскій отрядъ занималъ теченіе малой Лабы; хамышейскій завладѣлъ послѣднимъ доступомъ съ южнаго склона главнаго хребта на бѣлорѣченскую линію и заставилъ горцевъ очистить фланги и тылъ этой линіи. Такимъ образомъ, жители, стѣсненные со всѣхъ сторонъ и убѣдившіеся въ печальной для нихъ дѣйствительности, начали уходить въ Турцію или переселяться въ наши предѣлы. „Такое положеніе нашихъ дѣлъ—писалъ графъ Евдокимовъ—дастъ возможность обратить главныя усилія войскъ Кубанской области на операціи для занятія южнаго склона главнаго хребта, а очищеніе еще незанятой нами части сѣверной покатости кавказскаго хребта отнести къ второстепеннымъ предпріятіямъ“.

Основываясь на этомъ, начальникъ главнаго штаба кавказской арміи генералъ-маіоръ Карцовъ просилъ гр. Евдокимова возвратить стрѣлковые баталіоны въ свои штабъ-квартиры, считая пребываніе ихъ въ Кубанской области излишнимъ, тѣмъ болѣе, что второстепенныя дѣйствія въ этой области могли быть выполняемы вновь формировавшимися кадровыми баталіонами. Но командующій войсками, въ особомъ письмѣ, просилъ не требовать стрѣлковыхъ баталіоновъ обратно, такъ какъ „имѣвшіеся сформироваться кадровые баталіоны не скоро можно назвать войскомъ. Затрудненія въ томъ—писалъ графъ—что необходимо появленіе солдатъ въ каждой балкѣ; безъ этого не только нѣтъ переселенія, но безпрестанно встрѣчаются случаи, что изъ одной балки народъ выселяется для того, чтобы спрятаться

[14]) Приказъ по баталіону 4-го августа 1863 г. № 216.

въ другой“ [15]). Такимъ образомъ, по настоянію графа Евдокимова, всѣ войска были оставлены въ Кубанской области на своихъ мѣстахъ и въ первыхъ числахъ сентября получили соотвѣтственныя назначенія [16]). Пшехскій отрядъ, въ которомъ находились гомборцы, занялъ верхнее теченіе Пшиша и расположился на урочищѣ Хадыжи, для очищенія отъ туземцевъ пространства между Пшехою и Пшишемъ, содѣйствуя въ этомъ же даховскому отряду. Начальникомъ пшехскаго отряда былъ назначенъ полковникъ Граббе. Къ концу сентября даховскій отрядъ, исполнивъ свое прямое назначеніе, подошелъ къ Хадыкамъ и расположился недалеко отъ лагеря пшехскаго отряда, такъ какъ предстояло, по плану графа Евдокимова, общими силами идти къ перевалу главнаго кавказскаго хребта.

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, неожиданно для гомборцевъ послѣдовало событіе, имѣвшее громадное вліяніе на ихъ дальнѣйшую судьбу: Государь Императоръ осчастливилъ баталіонъ назначеніемъ ему шефа въ Августѣйшей Особѣ Своего царственнаго Брата, Государя Великаго Князя Главнокомандующаго кавказскою арміею. 13-го сентября послѣдовалъ объ этомъ приказъ по кавказской арміи слѣдующаго содержанія: „Высочайшимъ приказомъ отъ сего числа назначенъ Я Шефомъ кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, коему повелѣно именоваться *кавказскимъ стрѣлковымъ имени Моего баталіономъ*, и зачисленъ въ полки: лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества и Нижегородскій драгунскій его королевскаго высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго. Осчастливленный такимъ знакомъ Монаршаго благоволенія, и гордясь честью принадлежать къ составу названныхъ славныхъ частей войскъ, поспѣшаю о Всемилостивѣйше пожалованной Мнѣ наградѣ сдѣлать извѣстнымъ по войскамъ кавказской арміи“.

Радостно отозвался этотъ приказъ въ душѣ гомборцевъ, служба которыхъ была такъ высоко оцѣнена, и имъ оставалось теперь лишь одно: дальнѣйшею такою же службою оправдать оказанную имъ милость.

Войска пшехскаго отряда, устроивъ свой операціонный базисъ, принялись съ 1-го октября за разработку дороги къ Гойтху, а оттуда къ перевалу главнаго хребта. Абадзехи, прибывъ къ графу Евдокимову, во время пребыванія его въ пшехскомъ отрядѣ, просили дать имъ время для переселенія до весны слѣдующаго года, но командующій войсками имъ отказалъ. Тогда часть изъ нихъ, предпочитавшая смерть переселенію въ невѣдомый край, примкнула къ убыхамъ, населявшимъ верховья Туапсе, чтобы общими силами излить на русскихъ свою глубокую ненависть; присоединились къ нимъ также и партіи шапсуговъ, вытѣсненныхъ адагумскимъ отрядомъ. Наконецъ, къ нимъ явились европейскіе авантюристы съ четырмя нарѣзными орудіями. Чтобы разогнать эти толпы по возможности скорѣе, гр. Евдокимовъ приказалъ полковнику Граббе общими силами пшехскаго и даховскаго отрядовъ предпринять въ ночь на 8-е ноября нечаянное нападеніе на мѣсто непріятельскихъ сборищъ. Въ составъ войскъ, назначен-

---

[15]) Письмо графа Евдокимова 16-го сентября 1863 года.

[16]) Адагумскому отряду, обращенному на южный склонъ главнаго хребта, предстояло очистить отъ туземцевъ весь край между теченіемъ р. Джубги и восточнымъ берегомъ Чернаго моря; даховскому же—все нагорное пространство между Пшехою и Пшишемъ.

ныхъ для этой цѣли, вошли 7¼ баталіоновъ пѣхоты и 3 эскадрона драгунъ, при трехъ взводахъ горныхъ орудій [17]).

Въ два часа пополуночи, взявъ съ собою трехдневный запасъ провіанта, войска тронулись вверхъ по пшишскому ущелью и, не доходя лагернаго расположенія даховскаго отряда, переправились черезъ р. Ази-Пшишъ и послѣдовали правымъ берегомъ ея въ тылъ скопищу горцевъ. Въ то же время даховскій отрядъ, въ составѣ шести баталіоновъ, долженъ былъ двинуться на перевалъ прямою дорогою, нѣсколько позже пшехскаго отряда, и атаковать скопище съ фронта. Непріятельскій лагерь былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Чилипса, на одну версту выше впаденія его въ Туапсе; артилерія же и запасный паркъ его находились позади, на возвышенности, командующей ущельемъ Чилипса, въ пунктѣ соединенія двухъ дорогъ, идущихъ изъ пшишскаго ущелья. Отрядъ полковника Граббе совершенно незамѣтно подошелъ къ непріятельскому лагерю. Для атаки были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Самурскій и сводно-кубанскій стрѣлковые баталіоны, со всею артилеріею и кавалеріею, расположились на высотахъ лѣваго берега Чилипса въ видѣ резерва; 19-й и Апшеронскій стрѣлковые баталіоны были направлены въ обходъ лѣваго фланга непріятельскаго расположенія, а гренадерскому, Ширванскому и сводно-линейному № 1 баталіонамъ было приказано—переправившись черезъ Чилипсъ, атаковать непріятеля съ фронта. „Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, подъ командою подполковника Комарова, шедшій въ головѣ колонны, прибавилъ шагу и почти бѣгомъ бросился впередъ, чтобы захватить непріятеля врасплохъ. Но уже востокъ началъ бѣлѣть, и непріятельскіе пикеты подняли тревогу, а затѣмъ эмигранты, съ орудіями, безъ оглядки обратились въ бѣгство внизъ по склону, въ долину Туапсе, взорвавъ по дорогѣ и складъ зарядовъ, имѣвшійся у нихъ на склонѣ. Партіи горцевъ тоже, подъ вліяніемъ общаго страха, отстрѣливаясь отъ набѣжавшихъ стрѣлковъ, разсѣялись по пересѣченной оврагами мѣстности и только изъ за трудно-доступныхъ возвышенностей продолжади перестрѣлку“ [18]). Вскорѣ бѣгство горцевъ сдѣлалось поголовнымъ, а тѣ, которые не особенно торопились, очутились на штыкахъ гомборскихъ стрѣлковъ. Они оставили до 76 человѣкъ убитыми, кромѣ 94 человѣкъ, погибшихъ при взрывѣ парка, множество лошадей, массу оружія, сѣделъ и т. п. Уронъ этотъ нанесенъ имъ не одними стрѣлками, но и артилерійскимъ огнемъ изъ орудій, стоявшихъ на высотахъ лѣваго берега Чилипса. Дѣло это было рѣшено такъ быстро, что даховскій отрядъ, долженствовавшій выступить нѣсколько позже, чтобы прежде времени не обнаружить нападенія, не успѣлъ прибыть вовремя и потому не участвовалъ въ погромѣ скопища. Завладѣвъ непріятельскою позиціею, полковникъ Граббе отступилъ безъ выстрѣла прямою дорогою черезъ лагерь даховскаго отряда и, переночевавъ близъ устья Ази-Пшишъ, на слѣдующій день распустилъ войска по своимъ мѣстамъ.

---

[17]) Стрѣлковые баталіоны: кавказскій гренадерскій Его Высочества, 19-й, Апшеронскій, Ширванскій, Самурскій, сводно-кубанскій, сводно-линейный № 1, эскадронъ Тверскаго и два эскадрона Нижегородскаго драгунскихъ полковъ, горный взводъ облегченной № 3 батареи, дивизіонъ горныхъ орудій 20-й артилерійской бригады и 4-я рота кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона.

[18]) „Кавказскій Сборникъ“, т. V, стр. 437.

Для ускоренія работъ черезъ перевалъ въ долину Туапсе, войска были расположены на четырехъ пунктахъ по берегу Пшиша и не знали отдыха. Не останавливали ихъ даже сильныя „непогоды, свирѣпствовавшія въ теченіе почти всего ноября мѣсяца“. Дорожныя работы замедлялись единственно отъ свойства грунта у береговъ Пшиша, который былъ твердъ и хрящеватъ. Но къ 23-му ноября все же сообщеніе, на которомъ было выстроено два крѣпкихъ поста, было усовершенствовано настолько, что его можно было оставить на попеченіи небольшой колонны. Послѣ этого графъ Евдокимовъ приказалъ полковнику Граббе двинуться съ пшехскимъ и даховскимъ отрядами въ верховья Пшиша и Пшехи и истребить оставшіеся на нихъ и между ними аулы, а жителей переловить и переселить въ наши предѣлы. Граббе стянулъ пять баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и гомборскій, двѣ сотни казаковъ и дивизіонъ горныхъ орудій и съ разсвѣтомъ 28-го ноября выступилъ вверхъ по правому притоку Пшиша—Соже. Колонна была безъ обоза и имѣла только четырехдневный провіантъ.

Пространство на первыхъ трехъ верстахъ оказалось совершенно необитаемымъ; мѣстность была чрезвычайно пересѣченная и сжатая скатами ущелья; далѣе открывались небольшія поляны съ раскинутыми на нихъ аулами, которые большею частью были брошены жителями повидимому недавно. Войска съ обычнымъ усердіемъ принялись жечь ихъ. „Въ одномъ изъ такихъ ауловъ, именно Коцежу-Хабль, кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ встрѣченъ залпомъ“. Гренадеры моментально ворвались въ сакли, перекололи сопротивлявшихся и 20 человѣкъ захватили въ плѣнъ. Аулъ, конечно, былъ преданъ огню, и отрядъ двинулся дальше. На седьмой верстѣ отъ устья рѣки Соже, ущелье теряетъ характеръ тѣснины и переходитъ въ довольно широкую долину, усѣянную множествомъ небольшихъ ауловъ. Разгромивъ и эти послѣдніе и взявъ въ плѣнъ 30 человѣкъ, войска расположились на ночлегъ тамъ, гдѣ р. Соже образуется изъ двухъ горныхъ потоковъ.

На другой день казаки уничтожили всѣ аулы по ущелью малаго Соже, а затѣмъ отрядъ двинулся вверхъ по большому Соже и черезъ нѣсколько времени остановился для привала въ долинѣ Чукуа-Перъ, усѣянной множествомъ ауловъ, жители которыхъ не ожидали нашего появленія, поэтому и сильно переполошились. Въ виду отряда, они, съ своими семействами, въ перегонку торопились подняться на перевалъ въ басейнъ Пшиша, а за тѣмъ, спустившись съ этого перевала, сгруппировались въ глубокомъ оврагѣ Хапсъ, предполагая, что дальнѣйшее наше наступленіе будетъ вверхъ по долинѣ Чукуа-Перъ. Между тѣмъ, колонна полковника Граббе, послѣ привала, начала подниматься нѣсколькими тропами на перевалъ въ басейнъ Пшиша, въ верховья оврага Хапсъ. Гомборцы шли впереди. „Непріятель, по словамъ графа Евдокимова, замѣтивъ, что отрядъ направился на послѣднее убѣжище его семействъ, занялъ крѣпкую позицію на самомъ перевалѣ и встрѣтилъ передовыя части сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Гренадерскіе стрѣлки, шедшіе въ головѣ отряда, выдержавъ первый огонь, бросились на непріятеля и овладѣли позиціею“ [19]). Затѣмъ, когда весь отрядъ стянулся на взятой гомборцами позиціи, полковникъ Граббе направилъ баталіоны такимъ образомъ, что оврагъ Хапсъ былъ замкнутъ съ

[19]) Рапортъ графа Евдокимова 23-го декабря 1863 года № 2019.

обоихъ береговъ и въ верховьи; часть же стрѣлковъ успѣла добѣжать до устья оврага и занять его. Результатомъ такого маневра было то, что всѣ горцы, не успѣвшіе выбѣжать изъ оврага, принуждены были, послѣ ожесточеннаго, хотя и кратковременнаго, сопротивленія, положить оружіе. Здѣсь взято было нами 64 души обоего пола и 690 штукъ рогатаго скота. Потеря отряда 29-го ноября состояла въ одномъ убитомъ гомборцѣ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ другихъ частей. На слѣдующій день войска ночевали на лѣвомъ берегу Пшиша и 1-го декабря двинулись къ укрѣпленію Гойтхъ, находившемуся въ трехъ верстахъ; непріятель преслѣдовалъ ихъ неотступно, и при этомъ гомборцы, бывшіе въ аррiергардѣ, лишились одного стрѣлка раненымъ.

Въ первой половинѣ декабря 1863 г. положеніе нашихъ дѣлъ въ Кубанской области настолько улучшилось, что можно было предсказать близкій конецъ войны на западномъ Кавказѣ. За горцами оставалось пространство только между Пшишемъ и Шебшемъ, по прямой линіи до 50-ти верстъ. Сѣверная полоса, прилегающая къ Кубани, была занята покорными бжедухами, а въ остальной части до главнаго хребта столпились всѣ непокорные абадзехи. Но и ихъ судьба была рѣшена, потому что мѣстность здѣсь уже была далеко не такъ недоступна, какъ на Бѣлой и Пшехѣ. На южномъ склонѣ хребта очищенъ и заселенъ былъ весь берегъ отъ устья Кубани до Геленджика, почти на 100 верстъ, а до границы непокорныхъ убыховъ оставалось пройти 120 верстъ—что не представляло никакихъ затрудненій. Для этой задачи были употреблены съ половины декабря четыре отряда: даховскій, пшехскій, шебшскій и адагумскій.

До 20-го декабря пшехскій отрядъ разработывалъ дорогу по пшишскому ущелью. Чрезвычайно глубокій снѣгъ, сильные морозы и въ особенности свирѣпствовавшія весь декабрь мятели лишали всякой возможности предпринимать наступленіе въ послѣднія трущобы горцевъ, а пшишское ущелье, занесенное снѣгомъ, вынудило войска перейти къ укрѣпленію Хадыжи. Отсюда кавказскій гренадерскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ былъ направленъ въ ст. Ханскую для приготовленій къ слѣдованію въ свою штабъ-квартиру [20]), куда онъ былъ вытребованъ, согласно приказанію Его Высочества, начальникомъ кавказской гренадерской дивизіи. Приказаніе это графъ Евдокимовъ получилъ 18-го декабря, но могъ отпустить баталіонъ лишь 26-го декабря, ссылаясь на то, что „необходимо было дать ему еще нѣсколько дней отдыха передъ продолжительнымъ походомъ“. Выступленіе изъ Хадыжи сопровождалось слѣдующимъ приказомъ подполковника Комарова [21]):

„Его Императорское Высочество Намѣстникъ кавказскій и нашъ Шефъ соизволилъ потребовать баталіонъ въ Закавказье. Сего числа я получилъ объ этомъ распоряженіе ближайшаго начальства. Стрѣлки, завтра въ походъ! Оставляя Кубанскую область, сохранимъ воспоминаніе не о трудахъ и невзгодахъ, которые несли, а о славномъ поприщѣ, которое оставляемъ. Каждый изъ васъ да гордится, что подъ командою доблестнаго графа Евдокимова участвовалъ въ покореніи западнаго Кавказа. Ура!“. Слѣдуя обык-

[20]) Отзывъ начальника главнаго штаба 1-го декабря 1863 г. № 1340.

[21]) 18-го декабря № 352.

повеннымъ походнымъ маршемъ, баталіонъ прибылъ въ Гомборы 17-го февраля.

За отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ горцами въ 1863 году чины кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго Его Высочества баталіона удостоились слѣдующихъ наградъ: маіоръ Кабешинъ—ордена св. Анны 2 степ. съ мечами; капитанъ Тальгренъ и поручикъ Загобель—орденовъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Кромѣ Ивана Кирпотина и унтеръ-офицера Александра Калашникова, произведены въ прапорщики: юнкера Клавдій Бейеръ и Григорій Ивановъ. Сверхъ 19-ти знаковъ отличія, пожалованныхъ Великимъ Княземъ за дѣла 2-го и 3-го марта, гомборцы удостоились еще двадцати двухъ [22]).

Въ описываемомъ году, весною, въ разгаръ дѣятельности стрѣлковъ, имъ былъ произведенъ генераломъ Преображенскимъ смотръ цѣльной стрѣльбы. На немъ они доказали, что безпрестанныя тревоги и бивачная жизнь мало вредили ихъ спеціальному дѣлу. Инспектировавшій остался весьма доволенъ и велѣлъ раздать отличнымъ стрѣлкамъ денежныя награды на сумму 184 р. 57 коп. [23]).

Къ 1-му марта 1864-го года положеніе западнаго Кавказа было слѣдующее: весь сѣверный склонъ главнаго хребта отъ Лабы къ западу и южный отъ устья Кубани до бывшаго укр. Вельяминовскаго были очищены отъ враждебнаго намъ населенія. Шапсуги, за исключеніемъ поселившихся на Кубани, удалились въ Турцію. Абадзехи были сжаты казачьими станицами и, отрѣзанные отъ горъ, поставлены въ необходимость исполнять наши требованія. Всѣ племена отъ Туапсе до Псезуапа изъявили покорность. Но, чтобы имѣть возможность считать покорными всѣ племена отъ военно-грузинской дороги до восточныхъ береговъ Чернаго моря, необходимо было сломить убыховъ, у которыхъ сосредоточились всѣ нежелавшіе покориться, а также нѣкоторыя народности въ верховьяхъ рр. Бзыби и Сочи.

Для окончательнаго покоренія западнаго Кавказа Его Императорское Высочество Главнокомандующій предначерталъ въ мартѣ 1864 года планъ, по которому четыре сильныя колонны должны были двинуться съ разныхъ сторонъ и, постепенно стѣсняя непріятеля, сосредоточиться въ обществѣ Ахчипсхоу, на ур. Гбаада [24]).

„Я увѣренъ—писалъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій военному министру—что совокупное появленіе такихъ силъ съ разныхъ сторонъ будетъ достаточно для того, чтобы отнять у ничтожныхъ по

[22]) Ихъ получили: унтеръ-офицеры—Емельянъ Засухинъ, Тимофей Губниковъ, Иванъ Котляровъ, Иванъ Драгайцевъ, Андрей Казачковъ; рядовые—Матвѣй Андрейчикъ, Иванъ Зайцевъ, Станиславъ Лукитаревъ, Гавріилъ Алексѣевъ, Петръ Коровиченко, Никита Кобзарь, Осипъ Истоминъ, Евдокимъ Чернышукъ, Макаръ Маслакъ, Михайло Гавриліокъ, Гавріилъ Хамычевъ, Максимъ Ивановъ, Михаилъ Игнатьевъ, Дмитрій Моисеевъ, Корнѣй Зилинскій, Захаръ Руденко, Павелъ Черноморцевъ.

[23]) Приказъ по баталіону 9-го мая 1863 года № 130.

[24]) Въ Ахчипсхоу должны были двигаться отряды: Псхувскій ген. Шатилова отъ Гагръ по долинѣ Псхоу черезъ общество Айбго; Ахчипсхоускій кн. Святополкъ-Мирскаго (десантный), высадившись въ устьѣ р. Мзымты,—долиною этой рѣки; даховскій ген. Геймана отъ поста Кубанскаго въ верховьяхъ Сочи д. б. направиться параллельно главному хребту; мало-лабинскій ген. Граббе отъ истоковъ малой Лабы долженъ былъ перейти на южный склонъ главнаго хребта и ущельемъ Мзымты. 20 мая всѣ четыре отряда должны были соединиться.

числу, хотя упорныхъ по враждѣ съ нами, убыховъ и другихъ племенъ всякую надежду на успѣхъ сопротивленія, и что если какія либо посторонніе обстоятельства не замѣшаются въ этомъ дѣлѣ, то война кавказская должна будетъ окончиться въ самомъ непродолжительномъ времени“ [25]).

Кавказскій гренадерскій стрѣлковый, а также и другіе баталіоны кавказской гренадерской дивизіи, были назначены въ составъ десантныхъ войскъ ахчипсхоускаго отряда, съ образованіемъ изъ нихъ сводной бригады. Передъ выступленіемъ въ новый походъ стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества баталіона, начальникъ гренадерской дивизіи 21 марта произвелъ ему инспекторскій смотръ, результатъ котораго усматривается изъ слѣдующаго приказа: „инспекторъ остался вполнѣ доволенъ хорошимъ состояніемъ ввѣреннаго мнѣ баталіона. Хотя было замѣчено, что какъ гг. офицеры, такъ и нижніе чины не совсѣмъ тверды въ знаніи правилъ дѣйствія стрѣлковъ въ разсыпномъ строю, а мастеровые и инвалидная команда почти вовсе не занимались фронтовыми ученьями; что результаты стрѣльбы въ цѣль хотя и удовлетворительны, но ниже тѣхъ, которыхъ можно требовать; равнымъ образомъ, правила сбереженія оружія и теорія стрѣльбы хотя и извѣстны нижнимъ чинамъ, но не вполнѣ ими усвоены,—но всѣ эти недостатки его превосходительство отнесъ къ продолжительному пребыванію баталіона въ походахъ, гдѣ настоятельная надобность въ тщательномъ обученіи нижнихъ чиновъ фронту и стрѣлковому дѣлу часто замѣнялась насущными потребностями войны, продолжительными походами и тяжелыми работами. При этомъ его превосходительство изволилъ выразить, что онъ надѣется, что не только по возвращеніи въ штабъ-квартиру, но и въ настоящемъ походѣ будутъ употреблены всевозможныя средства, чтобы стрѣлковое образованіе въ баталіонѣ доведено было до той степени, которой должно соотвѣтствовать спеціальное назначеніе части“ [26]).

26-го марта баталіонъ, взявъ съ собою семидневное продовольствіе, всѣ палатки, вьючный обозъ и шанцевый инструментъ, выступилъ къ Сухуму въ слѣдующемъ составѣ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18, унтеръ-офицеровъ 58, горнистовъ 12, стрѣлковъ 528, 1/4 инвалидной роты унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 11, нестроевыхъ 41. Прибывъ, 15-го апрѣля, въ мѣстечко Орпири и оставивъ здѣсь всѣ тяжести при 6-ти нижнихъ чинахъ, баталіонъ выступилъ въ Поти и явился туда 22-го апрѣля. Къ этому же дню собрались всѣ остальныя войска [27]), которыя были посажены на суда. 28-го числа, при тихой и ясной погодѣ, эскадра съ десантомъ снялась съ якоря и утромъ слѣдующаго дня стала у мыса Адлера. Высадившись тотчасъ же, отрядъ расположился лагеремъ около бывшаго укрѣпленія св. Духа, на правомъ берегу р. Мзымты. Джигеты встрѣтили его дружелюбно и, объявивъ, что желаютъ переселиться въ Турцію, просили дать имъ необходимое къ тому время.

---

[25]) Рескриптъ военному министру 26/27 марта 1864 года № 523.

[26]) Приказъ по баталіону 31-го мая 1864 года № 152.

[27]) 1-й и 2-й баталіоны Эриванскаго, 1-й и 2-й баталіоны Грузинскаго, 1-й баталіонъ Тифлисскаго, 2-й и 3-й баталіоны Мингрельскаго полковъ, кавказскій гренадарскій стрѣлковый баталіонъ, взводъ 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, горные взводы батарейныхъ №№ 1-го и 2-го батарей кавказской гренадерской артилерійской бригады, полсотни донскаго № 1-го полка, полсотни конвоя Е. И. В., 25 человѣкъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, четыре сотни пѣшей милиціи.

Мѣстность около Адлера слыветъ одною изъ самыхъ нездоровыхъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, и потому желательно было расположить войска гдѣ нибудь подальше отъ морскаго берега. Рекогносцировка, произведенная съ этою цѣлью вверхъ по р. Мзымтѣ, не обнаружила удобныхъ для этого пунктовъ. Въ виду этого, въ первыхъ числахъ мая началось передвиженіе войскъ отъ Адлера на урочище Ахштырхъ. Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ переведенъ туда 6-го мая. Въ тотъ же день Его Императорское Высочество высадился у Адлера и, прибывъ въ ахчипсхоускій отрядъ, изволилъ утвердить, подъ охраною 1-й роты гомборцевъ, свою ставку и главную квартиру также на ур. Ахштырхъ. 7-го мая начальникъ ахчипсхоускаго отряда генералъ-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій выслалъ колонну [28]), подъ начальствомъ командира гренадерскаго стрѣлковаго баталіона подполковника Комарова, на урочище Пчаса для занятія авангардной позиціи и для разработки дороги къ ур. Ахчипсхоу, а вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Высочество прибылъ на Пчаса и изволилъ осмотрѣть позицію, занятую колонною Комарова. Вмѣстѣ съ Комаровымъ выступила изъ Гагръ на Псхоу и колонна генерала Шатилова. Это параллельное движеніе двухъ колоннъ имѣло цѣлью возможное взаимное содѣйствіе. Айбговцы, населявшіе долину Псхоу, вздумали оказать сопротивленіе, но, обойденные частью войскъ въ тылъ, изъявили покорность. Къ 15-му мая дорога въ долинѣ рѣки Мзымты отъ Пчаса къ Ахчипсхоу была разработана на 12-ть верстъ, и того же дня гренадерскій стрѣлковый баталіонъ выступилъ въ Ахчипсхоу. Перевалившись черезъ хребетъ Ахцу, онъ расположился у подошвы его, въ 12-ти верстахъ отъ ур. Пчаса, и немедленно принялся за продолженіе разработки дороги въ Ахчипсхоу. 16-го мая Его Высочество переѣхалъ на ур. Пчаса, а черезъ два дня шесть ротъ отсюда были перемѣщены къ подошвѣ горы Ахцу, на позицію, которую занимали гомборцы, передвинувшіеся, въ свою очередь, нѣсколько впередъ.

Въ то время, какъ псхоускій и ахчипсхоускій отряды, разработывая дороги, готовились проникнуть въ Ахчипсхоу, даховскій и мало-лабинскій, долженствовавшіе дѣйствовать съ ними совокупно и съ разныхъ сторонъ, находились въ двухъ переходахъ отъ этого общества. Въ виду этого, 20-го мая двинуты были въ Ахчипсхоу: гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, 6-ть ротъ Грузинскаго, 3 роты Тифлисскаго полковъ, вся артилерія, сотня Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка и вся пѣшая милиція отряда. Жители Ахчипсхоу, охваченные въ кольцо, не выразили никакого сопротивленія, и 21-го мая, въ кругу четырехъ отрядовъ и въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, было совершено благодарственное молебствіе по случаю окончательнаго покоренія западнаго Кавказа. „Отнынѣ на всемъ Кавказѣ нѣтъ ни одного человѣка непокорнаго Вашему Императорскому Величеству“, писалъ Августѣйшій Главнокомандующій. Покореніемъ западнаго Кавказа кончилась кавказская война, не имѣющая себѣ подобной въ исторіи всѣхъ народовъ.

22-го мая ахчипсхоускій отрядъ двинулся обратно долиною р. Мзымты по дорогѣ, пройденной имъ при наступленіи. Въ Ахчипсхоу остался только

[28]) Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ и 1-й баталіонъ Эриванскаго полка, три роты Тифлисскаго полка, горный взводъ № 1-го батареи кавказской гр. артилерійской бригады и полувзводъ саперъ.

гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, радостное настроеніе котораго было нѣсколько омрачено столкновеніемъ, происшедшимъ между выставленнымъ отъ 3-й роты пикетомъ и послѣдними могикапами покоренной страны, причемъ былъ раненъ стрѣлокъ Арсеній Корніенко—послѣдняя жертва кавказской войны [29]). Его Императорское Высочество изволилъ на другой день лично возложить на Корніенко знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени. 23-го мая всѣ войска, а затѣмъ и гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, перешли на ур. Ичаса, а на другой день ахчипсхоускій отрядъ прибылъ въ Ахштырхъ, поступилъ въ вѣдѣніе командующаго войсками Кубанской области и частью вошелъ въ составъ даховскаго отряда для выселенія оставшихся еще туземцевъ, устройства 55-ти новыхъ станицъ, разработки дорогъ и пр. Гомборцы же 8-го іюня отплыли въ Поти и оттуда, послѣ дневки, направились въ свою штабъ-квартиру, унося съ собою увѣренность, что имъ не придется больше воевать на западномъ Кавказѣ, гдѣ они оставили не раззоренный край, какъ восточный Кавказъ, а страну, заселенную русскимъ народомъ и гдѣ нѣсколько тысячъ не выселившихся въ Турцію горцевъ были распредѣлены чуть-ли не по всѣмъ станицамъ кубанскаго казачьяго войска. Кромѣ того, графъ Евдокимовъ приписывалъ гомборцамъ и Кубанскому полку очищеніе отъ туземнаго населенія всего пространства между Пшехою и Псекупсомъ.

О дѣятельности гомборскаго баталіона въ Кубанской области въ представленіи Главнокомандующему [30]) сказано, между прочимъ, слѣдующее: „при движеніяхъ отрядовъ впередъ, онъ почти всегда находился въ авангардѣ и во всѣхъ перестрѣлкахъ являлъ собою примѣръ мужества и стойкости для другихъ войскъ; вообще, самые большіе труды и лишенія пали на его долю“. Выслушавъ журналъ военныхъ дѣйствій, Дума единогласно признала баталіонъ этотъ достойнымъ награжденія знаками отличія на головные уборы, вслѣдствіе чего ему и были Высочайше пожалованы эти знаки съ надписью „за покореніе западнаго Кавказа въ 1864 году“. Чины же баталіона получили слѣдующія награды: подполковникъ Комаровъ, капитанъ Тальгренъ, штабсъ-капитанъ Новиковъ, поручики: Загобель, Бейеръ, Родзевичъ 2-й, подпоручики Сазановичъ и Васильевъ—слѣдующіе чины; капитанъ Кабешинъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ; Штеръ—орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами; поручикъ Здановскій, подпоручикъ Бейнардтъ, прапорщики: Чарнецкій, Ловчинскій, Кирпотинъ, Калашниковъ, Ивановъ—ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Кромѣ того, установлена и роздана въ войска, участвовавшія въ дѣйствіяхъ за Кубанью, серебряная медаль съ надписью „за покореніе западнаго Кавказа“.

Первымъ дѣломъ подполковника Комарова, по возвращеніи баталіона въ Гомборы, было сформированіе учебной команды. Она состояла изъ 28-ми унтеръ-офицеровъ и 52-хъ рядовыхъ. Придавая ей громадное значеніе, Комаровъ обставилъ ее всевозможными попеченіями и удобствами, и завѣдывающему ею поручику Здановскому назначилъ въ помощники прапорщиковъ Ловчинскаго и Чарнецкаго. Въ приказѣ по баталіону было сказано, чтобы команду эту ни на какую службу безъ разрѣшенія поручика Здановъ-

[29]) Рапортъ командира 3-й роты 22-го мая 1864 года.

[30]) Дѣло арх. шт. кавказскаго военнаго округа особ. отд. 1864 года № 44.

скаго не парящать. Затѣмъ, не ушло отъ вниманія Комарова и умственное развитіе нижнихъ чиновъ: рядъ приказовъ по баталіону свидѣтельствуетъ о томъ, что этой отрасли военнаго образованія онъ придавалъ первостепенное значеніе; вслѣдствіе этого ротныя библіотеки были пополнены вполнѣ удачнымъ выборомъ разныхъ книгъ, доступныхъ пониманію солдата. Въ заключеніе всего, 1864 годъ ознаменовался для гомборцевъ посѣщеніемъ ихъ штабъ-квартиры, при слѣдованіи въ Телавъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и Августѣйшею Супругою Его Высочества. Стрѣлки имѣли честь представиться Высокимъ Посѣтителямъ въ эполетахъ, украшенныхъ вензелевымъ изображеніемъ имени своего Шефа [31]).

XIX.

1865 г. Переформированіе баталіона. Лагерь подъ Тифлисомъ. 1866 г. Переименованіе 1-й роты. Подчиненіе стрѣлковъ общему строевому уставу и инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ. 1867 г. Гомборцы въ Тифлисѣ и въ Боржомѣ. 1868 г. Назначеніе маіора Толстого командиромъ баталіона. Смотръ Шефа. Перевооруженіе винтовками Карле въ 1869 году. 1870 г. Переименованіе баталіона. Перемѣна штабъ-квартиры баталіона и перевооруженіе его винтовками Бердана № 1. Высочайшій смотръ. Смотры въ 1872—73 гг. Преобразованіе 1874 года. Выдающіеся успѣхи въ стрѣльбѣ въ 1875—76 гг. Дѣятельность баталіона при усмиреніи возстанія въ Мингреліи. Назначеніе командиромъ баталіона подполковника князя Варятинскаго.

Мирный для всей кавказской арміи 1865 годъ открылъ собою періодъ важныхъ преобразованій и усовершенствованій. Прежде всего Августѣйшій Главнокомандующій обратилъ вниманіе на неудобства, происходившія отъ усиленныхъ работъ и неблагопріятно отражавшіяся на военномъ благоустройствѣ частей. По поводу этого Его Высочество предначерталъ рядъ мѣръ къ ихъ устраненію, а также къ обезпеченію войскамъ возможности „заняться съ должною тщательностью строевымъ образованіемъ“. Между прочимъ приказано было, „чтобы стрѣлковые баталіоны и стрѣлковыя роты полковъ вовсе не были наряжаемы на работы, а занимались бы исключительно строевымъ образованіемъ и стрѣльбою въ цѣль“ [1]). Что касается гомборцевъ, то вся энергія просвѣщеннаго командира ихъ была направлена именно въ этомъ духѣ и съ самаго возвращенія изъ Кубанской области. Съ того времени исключеніе неспособныхъ чиновъ изъ списковъ баталіона дѣлается гораздо чаще и въ большихъ размѣрахъ, а комплектованіе его гораздо строже и осмотрительнѣе. Надзоръ за нравственностью нижнихъ чиновъ сдѣлался серьезнѣе; провинившагося чаще всего наказывали переводомъ въ другую часть, и такое наказаніе считалось въ средѣ гомборцевъ весьма суровымъ и постыднымъ. Въ началѣ же февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе такого рода: „кавказскій гренадерскій, 19-й, 20-й и 21-й стрѣлковые баталіоны привести въ общій штатъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, изданный при приказѣ 2-го августа 1864 года за № 219, именно—въ

[31]) О Высочайшемъ разрѣшеніи стрѣлкамъ имѣть на эполетахъ вензель Шефа графъ Гейденъ сообщилъ генералу Карцову телеграммою отъ 17-го февраля 1864 г. (Приказъ по кавказской гренадерской дивизіи 10-го марта 1864 года № 49).

[1]) Приказъ по кавказской арміи 7-го января 1865 года № 1.

военный составъ, опредѣленный симъ штатомъ, при слѣдующихъ изъятіяхъ: а) удержать существующую четверть-инвалидной роты; б) обозныхъ нижнихъ чиновъ оставить по 1-му унтеръ-офицеру и 23 рядовыхъ на баталіонъ, вмѣсто опредѣленныхъ для прочихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ по 1-му унтеръ-офицеру и 16 рядовыхъ; в) подъемныхъ лошадей имѣть по 64 на баталіонъ, вмѣсто 88, убавивъ для сего въ каждомъ баталіонѣ по 24 лошади, содержимыя для возки вьюковъ съ солдатскими вещами“ [2]). По новому штату для кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ число рядовыхъ сокращено до 720, или 180 человѣкъ въ ротѣ, число унтеръ-офицеровъ по 76, а оберъ-офицеровъ положено имѣть 24.

Переформированіе стрѣлковаго Его Высочества баталіона началось съ 9-го мая и шло довольно медленно, такъ какъ продолжительный походъ расшаталъ весь механизмъ хозяйственнаго управленія. Самая важная часть имущества и боеваго снаряженія—оружіе, была въ такомъ запущеніи, что число исправныхъ ружей составляло всего 9%. „Вообще оружейная, лабораторная и стрѣлковая части—сказано въ приказѣ Главнокомандующаго [3])—въ совершенномъ упадкѣ“. Его Высочество, впрочемъ, находилъ, что „столь важные недостатки, конечно, произошли преимущественно вслѣдствіе долговременнаго нахожденія баталіона въ Кубанской области, при невыгодныхъ условіяхъ походной службы“. Послѣ этого приказа подполковникъ Комаровъ удвоилъ энергію, и въ непродолжительномъ времени оружейная и лабораторная мастерскія были приведены въ надлежащій порядокъ, и приступлено къ тщательной починкѣ оружія.

Едва баталіонъ втянулся въ свои спеціальныя занятія, какъ 3-го іюня по приказанію начальника главнаго штаба, изъ Гомборъ выступили въ гор. Тифлисъ, для отправленія гарнизонной службы, 1-я и 2-я роты въ полномъ составѣ, подъ общею командою капитана Аткинсона, и участвовали въ прекращеніи бывшихъ въ Тифлисѣ безпорядковъ. На донесеніе о послѣднихъ ген. Карцова, Его Императорское Высочество, въ это время пребывавшій въ Боржомѣ, поручилъ ему объявить благодарность войскамъ „за ихъ примѣрное поведеніе, а тѣмъ, которыя вызваны были изъ окрестностей—за быстроту, истинно кавказскую, съ которою они пришли“ [4]). Затѣмъ весь баталіонъ въ концѣ августа въ первый разъ собрался въ общій лагерь подъ городомъ Тифлисомъ. Результаты его занятій и преимущественно цѣльная стрѣльба были провѣрены генераломъ Карцовымъ 19-го сентября. Не смотря на продолжительное отсутствіе всякихъ ученій, стрѣлки все-таки показали себя какъ слѣдуетъ. За „хорошую одиночную стрѣльбу“ на смотру были награждены четверо отличнѣйшихъ стрѣлковъ золотымъ басономъ вдоль плечевыхъ погоновъ, четверо—нашивками на обшлага и одинъ денежною наградою. 2-го октября баталіонъ двинулся обратно въ Гомборы. Не менѣе удачно сошелъ осенній смотръ, произведенный помощникомъ начальника гренадерской дивизіи генералъ-маіоромъ Свѣчинымъ. На состязаніи, имъ устроенномъ, 22 стрѣлка получили денежныя награды въ размѣрѣ 180 руб. [5]).

---

[2]) Приказъ военнаго министра 9-го февраля № 48.
[3]) Приказъ по кавказской арміи 13-го апрѣля 1865 г. № 21.
[4]) Приказъ по кавказской арміи 28-го іюля 1865 г. № 75.
[5]) Приказы по баталіону 6-го и 14-го октября 1865 г. №№ 279 и 287.

До 1863 года стрѣлковые баталіоны хотя и обучались по общему для всей пѣхоты строевому уставу, однако, въ виду особыхъ своихъ обязанностей, пользовались нѣкоторыми изъятіями, такъ напримѣръ: имъ не полагалось „строиться въ колонну къ атакѣ, производить наступленіе развернутымъ фронтомъ со вздвоенными взводами и стрѣлять залпами. Эти изъятія, сдѣланныя для стрѣлковыхъ баталіоновъ еще въ то время, когда строевые уставы были очень сложны, теперь, съ упрощеніемъ ихъ, теряли свое значеніе“, и въ виду этого Высочайшимъ приказомъ 16-го іюня 1866 года они отмѣнены, и стрѣлковые баталіоны подчинены общему пѣхотному уставу [6]). За то, съ другой стороны, Государь Императоръ подчинилъ кавказскій гренадерскій, 19-й, 20-й и 21-й стрѣлковые баталіоны въ мирное время инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ [7])—что, конечно, не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на стрѣлковомъ образованіи. Хотя кавказскіе стрѣлковые баталіоны съ 1858 года, т. е. со времени изъятія ихъ изъ вѣдѣнія инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, не могли не знать того, что совершенствовалось въ стрѣлковыхъ баталіонахъ Россіи, но вслѣдствіе постоянныхъ походовъ они не имѣли возможности стремиться къ тому же уровню и послѣ войны наглядно убѣдились, какъ много предстояло имъ сдѣлать для пополненія массы пробѣловъ въ ихъ спеціальности. По этому случаю, распоряженіе о подчиненіи стрѣлковыхъ баталіоновъ вновь особому инспектору особенно порадовало гомборцевъ. Все лѣто и часть осени 1863 года 1-я рота занимала караулъ въ м. Боржомѣ, въ лѣтней резиденціи своего Августѣйшаго Шефа, и была удостоена Государемъ Великимъ Княземъ наименованія „роты Его Высочества“ [8]); 4-я же рота выступила въ іюнѣ мѣсяцѣ для занятія карауловъ въ г. Тифлисъ и возвратилась въ Гомборы лишь 10-го декабря.

14-го февраля 1867 года 3-я рота выступила въ гор. Тифлисъ, а 4-я въ Боржомъ. Затѣмъ, 14-го сентября, по приказанію Главнокомандующаго, весь баталіонъ собрался въ учебный лагерь подъ г. Тифлисомъ. Его Императорское Высочество, передъ роспускомъ войскъ, произвелъ между прочимъ смотръ также и Своему баталіону и нашелъ его „во всѣхъ отношеніяхъ въ отличномъ состояніи“. Но смотровая стрѣльба дала результаты, которые оставляли желать многаго, причемъ нельзя не упомянуть, что успѣхъ ея былъ опредѣленъ по оцѣнкѣ для шестилинейныхъ винтовокъ, тогда какъ войска имѣли значительно уступающія имъ въ мѣткости семилинейныя винтовки [9]). Эти результаты [10]) Великій Князь извинялъ печаль-

[6]) Приказъ военнаго министра 5-го мая 1866 года № 129.

[7]) Приказъ военнаго министра 15-го іюля 1866 г. № 169.

[8]) Приказъ по баталіону 17-го іюня 1866 г. № 168.

[9]) Инструкція для стрѣльбы изъ скорострѣльныхъ винтовокъ была введена раньше перевооруженія стрѣлковыхъ баталіоновъ.

[10]) **Результаты смотровой стрѣльбы, произведенной въ присутствіи Августѣйшаго Шефа.**

Названія ротъ.	На 400 шаговъ.				Оцѣнка стрѣльбы.	На 900 шаговъ.				
	Число стрѣлк.	Число выпущ. пуль.	Число попавш. пуль.	Процен. содерж.		Число стрѣлк.	Число выпущ. пуль.	Число попавш. пуль.	Процен. содерж.	Оцѣнка стрѣльбы.
1-я рота	112	336	115	34%	Посредственная.	112	336	74	22%	Посредств.
2-я „	102	306	102	33%		102	306	58	19%	Слабыя.
3-я „	112	336	114	34%		112	336	44	13%	
4-я „	88	264	90	34%		88	264	47	18%	

нымъ состояніемъ оружія вообще въ кавказскихъ войскахъ, для которыхъ не такъ легко было послѣ кавказской войны исправить семилинейныя ружья. Тѣмъ не менѣе Его Высочество все же остался доволенъ стрѣльбою и за исправность баталіона вообще объявилъ благодарность полковнику Комарову. Смотръ стрѣльбы, произведенный вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, помощникомъ инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Нирродомъ, далъ результаты слабѣе предыдущихъ, но графъ Нирродъ объяснялъ ихъ весьма дурною погодою, въ которую производилась стрѣльба. По поводу послѣдняго смотра послѣдовалъ приказъ по баталіону [11]), въ которомъ было сказано: „имѣя въ виду теперешнія требованія скорой стрѣльбы, при которой правильная прикладка и спускъ курка получили огромное значеніе, предписываю во все зимнее время между обыкновенными занятіями упражнять нижнихъ чиновъ въ прикладкѣ и въ прицѣлкѣ ружья, въ спускѣ курка и разбиваніи пистона, дабы къ началу прохожденія будущаго курса стрѣльбы люди были вполнѣ освоены съ этими подготовительными пріемами“. Смыслъ этого приказа достаточно указываетъ, насколько баталіонъ отсталъ въ дѣлѣ, для него самомъ важномъ.

Въ началѣ 1868-го года введены были шестилинейныя скорострѣльныя ружья Карле, но не во всѣхъ частяхъ, и ими были вооружены не всѣ чины. Въ каждую пѣхотную роту и драгунскій эскадронъ было отпущено по одной винтовкѣ для обученія нижнихъ чиновъ правиламъ заряжанія и обращенія съ скорострѣльнымъ оружіемъ [12]). Для усовершенствованія же вообще стрѣлковаго образованія въ кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ Его Высочество повелѣлъ освободить ихъ отъ производства новыхъ построекъ и капитальныхъ исправленій штабъ-квартирныхъ зданій, оставивъ на обязанности ихъ только ремонтированіе таковыхъ. Новыя же постройки и капитальныя перестройки были возложены на обязанность инженернаго вѣдомства. Не ограничиваясь этими распоряженіями, Августѣйшій Главнокомандующій лично объѣзжалъ войска и провѣрялъ результаты зимнихъ занятій, а при поѣздкѣ по алазанской долинѣ, между прочимъ, произвелъ смотръ и кавказскому гренадерскому стрѣлковому баталіону. Послѣдствіемъ этого смотра была искренняя благодарность полковнику Комарову [13]) и пожалованіе нижнимъ чинамъ сорока рублей. Другимъ значительнымъ событіемъ 1868 года въ жизни баталіона послужило назначеніе командиромъ баталіона адъютанта Его Императорскаго Высочества, л.-гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитана Толстого, съ переименованіемъ его въ маіоры. Съ чувствомъ искренняго сожалѣнія разстались гомборцы съ полковникомъ Комаровымъ, назначеннымъ командиромъ Владикавказскаго пѣхотнаго полка. Но утрата излюбленнаго и просвѣщеннаго командира вскорѣ же была вознаграждена въ полной мѣрѣ новымъ назначеніемъ [14]). Почти девятилѣтнее командованіе баталіономъ Александра Николаевича Толстого составляетъ своего рода эпоху въ мир-

---

[11]) 17-го ноября.

[12]) Приказъ по округу 13-го февраля 1868 г. № 17.

[13]) Приказъ по округу 6-го апрѣля 1868 г. № 63.

[14]) Высочайшій приказъ 27-го марта 1868 г. Приказы по округу 2-го и 21-го апрѣля 1868 г. №№ 59 и 81.

ной жизни гомборцевъ. Благодаря высокому характеру, взгляду на дѣло и образу мыслей маіора Толстого, стрѣлковый Его Высочества баталіонъ во всѣхъ отношеніяхъ достигъ наивысшей репутаціи.

Въ общемъ учебномъ лагерѣ подъ Тифлисомъ баталіонъ пробылъ съ 15-го сентября по 15-е октября. Его Императорское Высочество произвелъ ему подробный смотръ по всѣмъ отраслямъ солдатскаго образованія. Знаніе строевыхъ уставовъ, быстрота и отчетливость построеній оказались вообще удовлетворительными. Въ приказѣ по арміи по этому поводу выражено: „съ особеннымъ удовольствіемъ долженъ замѣтить, что не смотря на недавнее полученіе новыхъ уставовъ баталіоннаго и ротнаго ученій въ войскахъ кавказской арміи, они успѣли достаточно съ ними ознакомиться, а части гренадерской дивизіи достигли даже значительной степени совершенства, почти не оставляющей желать ничего лучшаго". Его Высочество, между прочимъ, изволилъ сдѣлать подробныя указанія относительно гимнастики, фехтованія и въ особенности—двухсторонихъ маневровъ, съ объясненіемъ смысла и настоящаго назначенія ихъ. Цѣльная стрѣльба произведена была съ 800 шаговъ одиночная и съ 200 шаговъ залпами. Стрѣльба эта хотя и оставляла желать многаго, тѣмъ не менѣе, все остальное давало командиру баталіона право на благодарность, которая и была выражена ему въ приказѣ по округу [15]).

Въ 1869 году кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ былъ окончательно перевооруженъ шестилинейными скорострѣльными винтовками Карле. Исправное содержаніе оружія въ это время было вполнѣ обезпечено знаніемъ стрѣлками своего дѣла, а также искусствомъ и усердіемъ вольнонаемнаго оружейнаго мастера Фердинанда Клетта, который, между прочимъ, въ томъ году былъ даже Всемилостивѣйше награжденъ половиннымъ окладомъ жалованья (209 рублей) „за отличное исполненіе своей обязанности въ продолженіе четырехъ лѣтъ" [16]). Такъ какъ кругъ этой обязанности долженъ былъ уменьшиться вслѣдствіе приведенія въ этомъ же году баталіона изъ военнаго въ усиленный мирный составъ, то ясно, что оружіе не могло послѣ того придти въ то печальное состояніе, въ которомъ находилось въ 1865 году. Благодаря этому обстоятельству, смотровая стрѣльба трехъ ротъ (1-й, 3-й и 4-й) [17]), произведенная въ присутствіи Августѣйшаго Главнокомандующаго, была въ 1869 году почти на подобающей высотѣ [18]). Въ приказѣ по округу сказано между прочимъ: „въ общемъ выводѣ, стрѣльба всѣхъ частей гренадерской дивизіи была очень хороша; въ частяхъ же 39-й дивизіи едва достигла посредственнаго результата". Что касается строеваго образованія, то о немъ замѣчено, что стрѣлки „сдѣлали значительные успѣхи по всѣмъ предметамъ" его [19]). Познанія эти были провѣрены состоявшимъ при кавказской арміи генералъ-лейтенантомъ княземъ Шаховскимъ, впослѣдствіи начальникомъ кавказской стрѣлковой бригады. Гра-

---

[15]) 7-го декабря 1868 г. № 238.

[16]) Приказъ по стрѣлковымъ баталіонамъ 8-го апрѣля 1869 года № 1.

[17]) 2-я рота находилась въ Боржомѣ.

[18]) А именно: съ дистанціи 800 шаговъ—41%, 45% и 31%, въ итогѣ—„посредственная"; а съ дистанціи 300 шаговъ во всѣхъ трехъ ротахъ—„отличная". (Приказъ по округу 19-го октября 1869 г. № 230).

[19]) Приказъ по округу 9-го ноября 1869 г. № 245.

мотность въ ротахъ была также на желаемомъ уровнѣ и противъ процента 1868 года (55% о) возрасла на 14% о, такъ что въ баталіонѣ было свыше двухъ третей грамотныхъ нижнихъ чиновъ.

1870-й годъ былъ ознаменованъ важными событіями и перемѣнами въ быту баталіона. Въ августѣ послѣдовало отдѣленіе его отъ кавказской гренадерской дивизіи и зачисленіе въ кавказскую стрѣлковую бригаду, съ переименованіемъ въ „1-й кавказскій стрѣлковый Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ“. Относительно сохраненія на эполетахъ и погонахъ присвоенныхъ чинамъ баталіона вензелей, Высочайше повелѣно ему быть „на гренадерскомъ положеніи“ [20]). Осенью, послѣ лагерныхъ занятій, происходившихъ частью въ Гомборахъ (съ 1-го мая по 14-е сентября), а частью подъ Тифлисомъ (съ 15-го сентября по 15-е октября), штабъ-квартира баталіона была перенесена въ Тифлисъ, и нижніе чины, впредь до отстройки казармъ, расположены въ зданіи кадетскаго корпуса. Наконецъ, въ декабрѣ состоялось перевооруженіе баталіона малокалиберными (4,2 л.) пѣхотными винтовками Бердана № 1 [21]). Съ переводомъ баталіона въ Тифлисъ, все хозяйство его, устроенное трудами десятковъ лѣтъ, было брошено, и стрѣлки вступили въ особенныя условія городской жизни.

Но пока не навсегда покинули стрѣлки свое насиженное гнѣздо. 29-го мая 1871 года 1-я, 2-я и 3-я роты выступили въ Гомборы для лѣтнихъ занятій и оставались здѣсь до 13-го августа, а 4-я рота была въ Боржомѣ. Для обученія саперному дѣлу баталіонъ выдѣлилъ отъ себя команду изъ 8-ми стрѣлковъ, при унтеръ-офицерѣ, подъ начальствомъ офицера. Занятія въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ происходили у соляныхъ озеръ близъ Тифлиса. 30-го августа весь баталіонъ собрался въ общій лагерь подъ Тифлисомъ. Заслуживаетъ вниманія результатъ цѣльной стрѣльбы, произведенной свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Вельяминовымъ: 80 человѣкъ стрѣлковъ, числившихся въ теченіе трехъ лѣтъ въ первомъ разрядѣ по стрѣльбѣ, были тутъ же награждены инспекторомъ басонными нашивками вдоль плечевыхъ погоновъ [22]).

Въ 1871-мъ году Государь Императоръ осчастливилъ Кавказъ своимъ посѣщеніемъ. 20-го сентября Его Величеству представились въ лагерномъ сборѣ подъ Тифлисомъ также и старые гомборцы. Послѣ произведеннаго смотра, Его Величеству угодно было выбрать изъ нихъ десять человѣкъ въ гвардію, а всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловать 169 рублей. Государь Императоръ остался восхищенъ кавказскою арміею и въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 28-го сентября на имя Главнокомандующаго изволилъ высказать слѣдующія знаменательныя слова: *„отъѣзжая нынѣ съ Кавказа, Я уношу въ душѣ самое отрадное воспоминаніе о всемъ Мною видѣнномъ“*.

Быстро подвигалась кавказская армія по пути прогреса, и безпрерывныя, неустанныя заботы о ней ея Августѣйшаго Вождя дали весьма ощутительные плоды въ 1872 году, во время лагерныхъ сборовъ въ различныхъ пунктахъ Кавказа. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, въ составѣ своей бригады, пробылъ въ частномъ лагерѣ подъ гор. Владикавказомъ съ 15-го

[20]) Высочайшій приказъ 31-го августа и приказъ по военному вѣдомству № 365.
[21]) Приказъ по кавказской стрѣлковой бригадѣ 13-го декабря 1870 года № 1.
[22]) Приказъ по баталіону 14-го сентября 1871 г. № 257.

іюня по 15-е августа. Возвратившись въ Тифлисъ, онъ, въ составѣ прочихъ войскъ, пробылъ въ тифлисскомъ лагерѣ съ 15-го сентября по 1-е ноября. Касательно всѣхъ отраслей одиночнаго образованія, Его Императорское Высочество находилъ, что на нихъ „вездѣ обращено вниманіе". Въ приказѣ было сказано, что на смотру „особенно выдавались": 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ, Грузинскій, Севастопольскій и Кубанскій полки. Церемоніальный маршъ шагомъ и бѣгомъ былъ „вездѣ вполнѣ хорошъ", и въ особенности „въ 14-мъ гренадерскомъ Грузинскомъ, 75-мъ пѣхотномъ Севастопольскомъ полкахъ и въ стрѣлковомъ имени Моего баталіонѣ" [23]). Въ стрѣльбѣ съ опредѣленныхъ дистанцій съ гомборцами могли сколько нибудь поспорить только стрѣлковыя роты Грузинскаго и Тифлисскаго полковъ, а съ неопредѣленныхъ—самаго существеннаго изъ всѣхъ родовъ стрѣльбы, гомборцы стояли неизмѣримо выше [24]).

1873-й годъ во всѣхъ отношеніяхъ служилъ продолженіемъ предыдущаго, и въ основѣ дѣятельности лежали все тѣ же неусыпныя заботы подполковника Толстого объ усовершенствованіи всесторонняго образованія ввѣренной ему части. Командиръ баталіона придавалъ особенное значеніе ученіямъ съ тактическою цѣлью и каждый почти разъ разбиралъ ихъ во всей подробности въ приказахъ по баталіону. Разборы эти, обнаруживавшіе въ немъ высокую опытность и глубокое пониманіе тактики, конечно, не проходили безслѣдно для офицеровъ, глубоко почитавшихъ Толстого и весьма серьезно относившихся къ дѣлу. Лагерныя занятія подъ Тифлисомъ съ 15-го сентября по 15-е октября велись съ обычною энергіею, и опять заслуживаютъ вниманія результаты смотра, произведеннаго баталіону состоявшимъ при инспекторѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Эриротомъ. По выраженію его, „въ общей сложности результаты стрѣльбы очень хорошіе; результаты же стрѣльбы гг. офицеровъ изъ винтовокъ были отличные на 200 шаговъ и посредственные на 900 шаговъ, а изъ револьверовъ—хорошіе". Относительно двухъ офицеровъ, стрѣльба которыхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ значительно понижала общую оцѣнку, предписано было: „произвести съ ними особую перестрѣлку и о результатахъ представить дополнительное свѣдѣніе въ управленіе инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ". Особенное значеніе придавалъ инспекторъ упражненію офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній, которое при новомъ усовершенствованномъ оружіи составляло самую важную отрасль стрѣлковаго образованія въ войскахъ. На неудовлетворительное состояніе въ баталіонѣ этой отрасли инспекторъ обратилъ вниманіе командира баталіона. Теоретическая сторона стрѣлковаго образованія, гимнастика, фехтованіе, а также и оружіе стрѣлковъ найдены въ превосходномъ состояніи. Только по грамотности стрѣлки какъ будто отстали въ этомъ году: грамотныхъ оказалось 77% т. е. на 6% менѣе прошлаго года. Но за то, отличились стрѣлки въ твердомъ пониманіи всѣхъ тонкостей аванпостной службы, „какъ въ теоретическомъ знаніи уставныхъ правилъ, такъ равно и въ разумномъ практическомъ примѣненіи этихъ правилъ". Вообще же, инспекторъ „убѣдился въ отличномъ состояніи баталіона, въ особенности по стрѣльбѣ и фронтовому образованію—что доказываетъ, что было прило-

[23]) Приказъ по округу 4-го ноября 1872 года № 221.

[24]) Тамъ же.

жено много труда командиромъ, всѣми ротными командирами и офицерами, а также изъ чего видно и усердіе нижнихъ чиновъ, о чемъ—сообщалъ командиру баталіона г.-м. Эрротъ—считаю пріятнымъ для себя долгомъ довести до свѣдѣнія Его Великогерцогскаго Высочества инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ“ [25]).

Относительно небольшихъ колебаній въ успѣхахъ двухъ послѣднихъ годовъ можно сказать лишь то, что они, въ сущности, были кажущіяся, такъ какъ оцѣнка производилась лицами, руководившимися различными взглядами на дѣло; въ дѣйствительности же нельзя было не признать, что баталіонъ все подвигался впередъ по пути совершенствованія своихъ знаній. Достаточно обратить вниманіе на ту серьезность, съ какою производились полевыя тактическія занятія, съ подробнымъ ихъ описаніемъ и составленіемъ кроки мѣстности. Инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ писалъ: „я съ удовольствіемъ убѣждаюсь, что на занятія эти обращается все болѣе и болѣе вниманія, и что въ производствѣ ихъ сдѣланъ значительный успѣхъ—въ сравненіи съ прошлымъ годомъ въ особенности“ [26]). Въ числѣ первыхъ, преуспѣявшихъ въ этихъ занятіяхъ, упоминается кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ.

Важною перемѣною въ жизни баталіона въ 1874 году было изданіе новыхъ штатовъ, по которымъ для стрѣлковыхъ баталіоновъ вообще въ военное время полагалось въ строю 21 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1013 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а въ мирное—17 штабъ и оберъ-офицеровъ и 473 строевыхъ нижнихъ чина. Четверть-инвалидной роты велѣно упразднить. Число всѣхъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ положено имѣть для военнаго времени 50, а для мирнаго—40; изъ этого числа обозныхъ: 1 унтеръ-офицеръ и 16 рядовыхъ въ военное, а 6 рядовыхъ въ мирное время [27]). Согласно этому штату, и 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ долженъ былъ перейти въ мирный составъ, но только по окончаніи лагерныхъ сборовъ. Причина послѣдняго обстоятельства заключалась въ весьма важномъ событіи въ жизни и въ исторіи регулярной русской арміи—во введеніи въ началѣ этого года всеобщей воинской повинности, въ виду которой предстоялъ громадный наплывъ новобранцевъ и такое же увольненіе нижнихъ чиновъ, прослужившихъ продолжительные сроки.

Вслѣдъ за объявленіемъ закона объ общей воинской повинности [28]) послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ увольненіи во временный отпускъ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ къ 1-му января 1874 года семь, восемь и болѣе лѣтъ, а также принятыхъ на службу въ январьскій наборъ 1868 г. Согласно этому, Его Императорское Высочество изволилъ приказать: „увольненіе нижнихъ чиновъ кавказской арміи, выслужившихъ восемь и болѣе лѣтъ, а также поступившихъ въ рекруты не позже 1-го марта 1867 года, произвести *немедленно*, въ одинъ разъ, не ожидая прибытія рекрутъ, причемъ въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, какъ вообще во всей пѣхотѣ, уволить всѣхъ нижнихъ чиновъ за исключеніемъ оштрафованныхъ“. Въ артилеріи

---

[25]) Предписаніе свиты Его Величества г.-м. Эррота отъ 19-го сентября 1873 года № 95.

[26]) Приказъ по стрѣлковымъ баталіонамъ 12-го января 1874 года № 2.

[27]) Приказъ по военному вѣдомству 1-го августа 1874 года № 222.

[28]) Приказъ по военному вѣдомству 1874 года № 5.

же, саперныхъ и кавалерійскихъ частяхъ число увольняемыхъ чиновъ семилѣтняго срока было ограничено настолько, чтобы покрыть сверхкомплектъ за поступленіемъ рекрутъ [29]).

Увольненіе чиновъ восьмилѣтняго и болѣе срока до прибытія набора признавалось возможнымъ потому, что затрудненія по этому вопросу въ отправленіи службы, если бы таковыя встрѣтились, были бы не больше, чѣмъ при увольненіи людей сказанныхъ сроковъ и тотчасъ вслѣдъ за прибытіемъ новобранцевъ. Затѣмъ, дальнѣйшее увольненіе людей не только семилѣтняго срока службы, но и людей январьскаго набора 1868 года въ частяхъ, гдѣ, за увольненіемъ *согласно вышеизложенному*, оставались излишніе противъ новыхъ штатовъ люди—обусловливалось какъ для стрѣлковыхъ, такъ вообще и для всѣхъ полевыхъ войскъ окончаніемъ лѣтнихъ занятій. При этомъ однако имѣлось въ виду уволить лишь то число людей, поступившихъ на службу послѣ 1-го марта 1867 года и въ январьскій наборъ 1868 года, которое, за выбытіемъ людей старшихъ сроковъ службы, оказалось бы сверхъ комплекта. Сдѣлавъ распоряженіе о переформированіи арміи, Августѣйшій Главнокомандующій снабдилъ войска подробными *инструкціями для болѣе успѣшнаго служенія молодыхъ людей всѣхъ сословій и состояній*. Требовалось отъ старыхъ воиновъ много энергіи, усердія, а еще болѣе такта, для внесенія въ массу молодой кавказской арміи лучшихъ особенностей старыхъ боевыхъ войскъ.

Въ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ новобранцы начали прибывать съ марта мѣсяца. Къ іюню съ ними было пройдено почти все необходимое. Затѣмъ, въ три лѣтнихъ мѣсяца они прошли курсъ стрѣльбы, а 13-го сентября стали въ строй баталіона и двинулись въ лагерный сборъ подъ Тифлисомъ, для участія въ общихъ занятіяхъ [30]). Насколько успѣшны были послѣднія, можно видѣть изъ отчета по инспекторскому смотру, произведенному 20-го сентября состоявшимъ тогда при инспекторѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ генералъ-маіоромъ Вейнтраубе. Изъ этого интереснаго отчета видно, что большой наплывъ молодыхъ солдатъ понизилъ общій уровень образованія баталіона менѣе, чѣмъ можно было ожидать. „Я убѣдился—писалъ генералъ Вейнтраубе—что баталіонъ, за исключеніемъ залповъ стрѣльбы въ низкія мишени и глазомѣрнаго опредѣленія разстояній, по всѣмъ остальнымъ отдѣламъ стрѣлковаго образованія доведенъ до очень хорошаго состоянія“. Затѣмъ объ общей оцѣнкѣ стрѣльбы сказано: „отличные результаты дала 3-я рота штабсъ-капитана Линдбладта при стрѣльбѣ на 1100 шаговъ—37% (*отлично + 4*) и съ неизмѣренныхъ разстояній—29% (отлично + 4). Вообще, по полученнымъ результатамъ первое мѣсто занимаетъ 3-я рота, за нею рота Его Высочества (съ одною посредственною стрѣльбою), затѣмъ 2-я и 4-я роты, слабо стрѣлявшія залпами въ низкія мишени“ [31]). Штабсъ-капитанъ Линдбладтъ, рота котораго „во всѣхъ отношеніяхъ оказалась первою“, получилъ „искреннюю благодарность“ въ при-

---

[29]) Приказъ по округу 12-го февраля 1874 года № 30.

[30]) Новобранцевъ было изъ губерній: Екатеринославской—58, Донской области 20, Петроковской губерніи 26—всего 104 человѣка. Послѣдующія укомплектованія производились преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ губерній Россіи.

[31]) Приказъ по баталіону 1-го октября 1874 года № 274 и ордеръ генералъ-маіора Вейнтраубе 29-го сентября 1874 г. № 65.

казѣ по баталіону. Не смотря на большой процентъ молодыхъ солдатъ, оружіе оказалось хорошо сбереженнымъ и вообще было въ послѣднее время въ отличномъ состояніи [32]).

Стрѣлки въ преобразованномъ видѣ представлялись также и своему Шефу. Его Императорское Высочество остался весьма доволенъ всѣми частями, участвовавшими въ лагерѣ подъ Тифлисомъ, и въ особенности новобранцами, которыхъ считалъ „выше всякой похвалы“. Обратясь къ начальнику войскъ тифлисскаго учебнаго лагеря генералъ-адъютанту князю Тарханъ-Моуравову, Главнокомандующій изволилъ произнести: „отлично, отлично и отлично. Еще разъ искренно благодарю. У Меня, что на сердцѣ, то и на устахъ. Передайте это всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ“ [33]). Такимъ образомъ, примѣненіе къ обученію стрѣлковъ тѣхъ указаній, которыя были сдѣланы въ предыдущемъ году, еще разъ доказало, что баталіонъ систематически и быстро шелъ по пути улучшеній, и что колебаніе, усмотрѣнное въ успѣхахъ его образованія, было не болѣе какъ случайнымъ.

16-го октября баталіонъ перешелъ въ свои казармы и приступилъ къ переформированію своего состава. Четверть-инвалидной роты перестала существовать; излишекъ, бывшій вообще въ баталіонѣ, въ числѣ 191 рядоваго, былъ переведенъ въ формировавшуюся тогда 41-ю пѣхотную дивизію. Затѣмъ, когда баталіонъ окончательно сложился и округлился, полковникъ Толстой приступилъ къ усиленнымъ занятіямъ.

15-го мая 1875 года 4-я рота была выслана въ Боржомъ, а остальныя три 25-го мая перевезены по желѣзной дорогѣ въ частный лагерь у мѣстечка Сурама. Пробывъ здѣсь до послѣднихъ чиселъ августа и присоединивъ къ себѣ пришедшую изъ Боржома роту, баталіонъ 27-го августа выступилъ въ Тифлисъ для участія въ общемъ лагерномъ сборѣ и пробылъ тамъ до 15-го октября. Въ присутствіи Августѣйшаго Главнокомандующаго ему, въ числѣ прочихъ войскъ, было произведено ученіе, по поводу котораго въ приказѣ сказано: „стрѣлковыя ученія, особенно въ стрѣлковыхъ частяхъ, исполнялись также правильно. Стрѣлковыя цѣпи двигались ловко, люди ходили развязно и хорошо пользовались мѣстностью; распорядительность начальниковъ въ цѣпи заслуживаетъ одобренія“ [34]). Но еще болѣе порадовалъ Его Высочество смотръ, произведенный генералъ-маіоромъ Вейнтраубе. „Съ особеннымъ удовольствіемъ—говорится въ томъ же приказѣ—указываю на то, что стрѣлковая бригада, а особенно 1-й кавказскій стрѣлковый имени Моего баталіонъ, по стрѣльбѣ достигла результатовъ, соотвѣтствующихъ достоинству оружія, которымъ вооружена бригада, и спеціальному ея назначенію“. Эти назидательныя слова ясно доказываютъ, чего можно достигнуть при разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу.

Результаты по различнымъ родамъ стрѣльбы, которые доставили Его Высочеству такое удовольствіе, были слѣдующіе: баталіонъ и каждая рота отдѣльно, съ разстоянія 800 и 1167 шаговъ, не дали ни одного результата ниже отличнаго; съ разстоянія отъ 400 до 1500 шаговъ включительно роты

---

[32]) Оружейный мастеръ Клеттъ во 2-й разъ награжденъ 100 руб. сер. „за усердную службу“. Приказъ по стрѣлковымъ баталіонамъ 8-го марта 1874 года № 2.

[33]) Приказъ по войскамъ тифлисскаго учебнаго лагеря 26-го октября 1874 г. № 189.

[34]) Приказъ по округу 28-го января 1876 года № 14.

дали выше отличнаго [35]); въ состязательной стрѣльбѣ нижнихъ чиновъ съ 200 шаговъ отборными стрѣлками баталіонъ далъ 91% (отлично+21), а 2-я рота—96% (отлично+26); наконецъ, въ общемъ результатѣ баталіонъ оказался внѣ разрядовъ (отлично+14%), не считая результатовъ стрѣльбы въ низкія мишени [36]). Только была неудовлетворительна стрѣльба роты Его Высочества послѣдовательными залпами поэшелонно. „Одиночная подготовка унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ, какъ теоретическая, такъ равно и практическая, найдена въ баталіонѣ отличною, въ чемъ особенно выдалась 3-я рота. Офицерская стрѣльба дала изъ винтовокъ съ 200 шаговъ 82% (отлично+12), съ 1000 шаговъ—58% (отлично+14) и изъ револьверовъ съ 15 шаговъ 77% (отлично+14). Далъ 100% изъ винтовки съ 200 шаговъ, и изъ револьвера, и выбилъ наибольшую сумму нумеровъ подпоручикъ Мищенко-Анисимовъ.

Сравнительно съ стрѣлковыми ротами 19-й, 20-й, 38-й и 39-й пѣхотныхъ дивизій и кавказской стрѣлковой бригады, двѣ роты 1-го стрѣлковаго баталіона, производившія стрѣльбу 2-го и 3-го рода, стояли такъ: въ стрѣльбѣ 2-го рода залпами на 300 шаговъ въ 1-мъ нумерѣ стояла 3-я рота штабсъ-капитана Линдбладта (84%), а 2-я рота капитана Герича была въ четвертомъ нумерѣ (77%). Въ стрѣльбѣ же 3-го рода на 1250 шаговъ въ 1-мъ нумерѣ стояла 2-я рота капитана Герича (59%); большинство же ротъ имѣло менѣе ея (30%). „Оружіе въ баталіонѣ найдено въ примѣрномъ состояніи. Въ баталіонѣ было относительно самое значительное приращеніе грамотныхъ. По гимнастикѣ баталіонъ имѣлъ 76%“. Единственное слабое мѣсто состояло въ томъ, что „правило употребленія въ бою штыка не было усвоено съ должною основательностью“ [37]).

Такимъ образомъ, полковникъ Толстой доказалъ, что если кадръ хорошъ, и твердо, разумно поставлено дѣло мирнаго обученія солдата, то никакія капитальныя переформированія не расшатаютъ части, крѣпкій организмъ которой выноситъ даже такой недугъ, какъ чрезмѣрный наплывъ новобранцевъ. Въ воздаяніе за свои труды полковникъ Толстой вскорѣ прочиталъ въ приказѣ по округу слѣдующее: „Государь Императоръ, по донесеніи объ осмотрѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ прошломъ 1875 году, объявляетъ, въ числѣ прочихъ, Монаршее благоволеніе командиру 1-го кавказскаго стрѣлковаго имени Моего баталіона полковнику Толстому, за мѣткость стрѣльбы ввѣреннаго ему баталіона, который на всѣхъ произведенныхъ смотрахъ стрѣльбы получилъ всѣ результаты не ниже отличнаго“ [38]). Полковникъ Толстой, „относя эти блестящіе результаты къ заслугамъ лишь своихъ подчиненныхъ“, благодарилъ ротныхъ командировъ и особенно маіора Бейера, все лѣто завѣдывавшаго баталіономъ [39]), „за то разумно-плодотворное веденіе лѣтнихъ практическихъ занятій баталіона, результатъ которыхъ былъ столь блистателенъ“. При этомъ онъ высказывалъ надежду, что „баталіонъ, разъ попавъ, по своему образованію,

---

[35]) 1-я+15%, 2-я+20%, 4-я+17%.

[36]) Приказъ по стрѣлковымъ баталіонамъ 20-го декабря 1875 года № 5.

[37]) Приказъ по округу 28-го января 1876 года № 14.

[38]) Приказъ по округу 16-го марта 1876 года № 44.

[39]) Самъ Толстой лѣтомъ былъ за границею для возстановленія разстроеннаго здоровья.

внѣ разряда, не спустится съ этой высокопочетной ступени и во всѣ послѣдующіе годы“ [40]).

На состязательной стрѣльбѣ, устроенной Его Императорскимъ Высочествомъ на тифлисскомъ стрѣльбищѣ 27-го марта 1876 года, изъ числа шести призовъ, которые оспаривались болѣе чѣмъ семидесятью офицерами, какъ тифлисскаго гарнизона, такъ и прибывшими въ Тифлисъ на состязаніе, три были взяты офицерами 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, а именно: первый призъ (серебряный сервизъ отъ Государыни Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны) взялъ штабсъ-капитанъ Линдбладтъ, сдѣлавъ 92 кв. [41]); третій призъ (охотничье ружье въ 90 руб.)—подпоручикъ Курочкинъ, при суммѣ кв. 151; пятый призъ (тоже охотничье ружье въ 65 руб.)—прапорщикъ Габаевъ 2-й, при суммѣ кв. 174 [42]). Затѣмъ, нѣсколько офицеровъ баталіона выбили изъ пяти пуль весьма незначительные квадраты.

Лѣтомъ 1876 года, въ лагерѣ у Сурама, полковникъ Толстой объявилъ результаты повѣрки зимнихъ занятій баталіона: теоретическія занятія оказались отличными; особенно выдалась учебная команда подпоручика Гороновича, не смотря на то, что она не была освобождена отъ карауловъ. „Вообще, изъ повѣрки зимнихъ занятій я вынесъ то пріятное убѣжденіе—писалъ полковникъ Толстой—что если лѣтомъ съ должнымъ вниманіемъ и заботливостью будутъ совершаемы примѣненія на практикѣ теоретическихъ знаній нижнихъ чиновъ, то по всѣмъ отдѣламъ военнаго образованія будетъ хорошій результатъ“. Но примѣненія эти были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Баталіонъ былъ отправленъ въ Мингрелію для усмиренія возставшихъ крестьянъ. Побуждаемые злонамѣренными людьми, они не только отказались платить подати своимъ помѣщикамъ, но и изгнали наши власти, вознамѣрившіяся ихъ къ тому побудить и возвратить къ послушанію. Дерзость бунтовщиковъ дошла до того, что они рѣшились сопротивляться даже ротѣ Александропольскаго п. полка, и когда она, будучи слабаго состава и не имѣя никакихъ инструкцій, уступила, то волненія возросли до грозныхъ размѣровъ. Были-ли вызваны эти волненія въ самой глухой окраинѣ нашей, пограничной съ Турціею, наканунѣ войны съ этою послѣднею, какими либо политическими интригами—трудно утверждать, но какъ бы то ни было, необходимо было поторопиться.

12-го іюня, въ два часа пополудни, полковникъ Толстой получилъ по телеграфу приказаніе начальника окружнаго штаба приготовить баталіонъ къ экстренному выступленію въ Зугдиды, въ распоряженіе кутаисскаго губернатора, для возстановленія порядка въ Мингреліи. На слѣдующій день, въ часъ пополудни, баталіонъ [43]) двинулся изъ Сурама по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ четырмя эшелонами, взявъ съ собою восьмидневный сухарный запасъ, палатки, комплектъ боевыхъ патроновъ и вьючный обозъ. Всѣ эшелоны высадились въ Квирилахъ, и баталіонъ двинулся походнымъ маршемъ. 14-го іюня, въ 10 часовъ утра, онъ прибылъ

---

[40]) Приказъ по баталіону 6-го апрѣля 1876 года № 27.

[41]) Штабсъ-капитанъ Линдбладтъ имѣлъ уже призъ Ея Императорскаго Высочества: серебряную весьма изящную чарку, взятую имъ на состязаніи въ 1874 году.

[42]) Приказъ по баталіону 25-го апрѣля 1876 года № 116.

[43]) Составъ баталіона: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 13, чиновниковъ 2, нижнихъ чиновъ 412.

въ Новосенаки и расположился на ночлегъ, въ ожиданіи кутаисскаго губернатора.

На слѣдующій день баталіонъ выступилъ въ Зугдиды, имѣя впереди 1-ю, 2-ю и 3-ю роты со всѣмъ конным обозомъ, а позади воловій обозъ подъ прикрытіемъ 4-й роты. Переходъ былъ въ 43 версты и по самой дурной дорогѣ, но стрѣлки сдѣлали его въ одинъ день безъ утомленія. Въ Зугдидахъ они расположились лагеремъ и стали ожидать приказаній. Здѣсь уже находились четыре роты Александропольскаго пѣхотнаго полка, а одна рота того же полка, съ сотнею Гурійской дружины, стояла въ деревнѣ Чкадуани по дорогѣ къ селенію Ліа, гдѣ именно начались безпорядки и откуда отступила александропольская рота.

По выясненіи сущности дѣла, между прочимъ, оказалось, что взбунтовавшіеся крестьяне верхней Мингреліи требовали отъ жителей деревень средней Мингреліи — Кырцхэ, Хибула и Лисичино, чтобы они присоединились къ возстанію, иначе намѣрены были принудить ихъ къ тому силою. Для скорѣйшаго воспрепятствованія предпріятію бунтовщиковъ, 16-го іюня была составлена, подъ командою штабсъ-капитана Линдбладта, сводная рота изъ лучшихъ стрѣлковъ [44]). Къ ней были приданы 15-ть всадниковъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка при трехъ офицерахъ. Этотъ небольшой отрядъ былъ ввѣренъ командованію подполковника Принца, состоявшаго при кутаисскомъ губернаторѣ и командированнаго въ настоящемъ случаѣ въ качествѣ правительственнаго коммисара для разбора жалобъ возмутившихся жителей.

Снабдивъ стрѣлковъ трехдневнымъ сухарнымъ запасомъ, выдавъ каждому изъ нихъ по 60-ти боевыхъ патроновъ и посадивъ ихъ на обывательскихъ лошадей, полковникъ Толстой отправилъ роту, съ подполковникомъ Принцомъ, къ деревнѣ Кырцхэ въ 8 часовъ вечера. Штабсъ-капитану Линдбладту онъ преподалъ слѣдующую инструкцію: „отыскать повстанцевъ и, не завязывая съ ними дѣла, задержать ихъ до прибытія баталіона; но, въ случаѣ явно враждебныхъ съ ихъ стороны дѣйствій, открыть стрѣльбу по приказанію подполковника Принца и ни въ какомъ случаѣ не отступать“ [45]).

Вслѣдъ за сводною ротою долженъ былъ, на разсвѣтѣ 17-го іюня, выступить и весь баталіонъ; но ночью изъ селенія Чкадуани получено было извѣстіе, что мингрельцы завязали перестрѣлку съ ротою александропольцевъ и готовятся напасть на нее большими силами. Это обстоятельство заставило выступленіе баталіона пріостановить до разъясненія размѣровъ опасности. Оказалось потомъ, что ничего серьезнаго не случилось, и что рота и сотня, стоявшія въ селеніи Чкадуани, находились въ полной безопасности. Тогда полковникъ Толстой въ два часа пополудни двинулся къ сел. Кырцхэ, на поддержку отряда подполковника Принца, оставивъ двѣ роты Александропольскаго полка для прикрытія Зугдиды, подъ командою полковника Гуріи.

Отрядъ Принца прошелъ первые десять верстъ по шоссе и частью засвѣтло, а потомъ вступилъ на узкую проселочную дорогу, которая, при

---

[44]) Составъ роты: оберъ-офицера 3, унтеръ-офицеровъ 5, горнистъ 1 и рядовыхъ 62. Командирами взводовъ были: 1-го подпоручикъ Гороновичъ и 2-го прапорщикъ Габаевъ (Василій).

[45]) Со словъ подполковника Линдбладта.

значительной темнотѣ, увеличивала неудобства ночнаго движенія. Направляясь къ сѣверу отъ Зугдиды, онъ переправился въ бродъ черезъ довольно глубокую рѣчку Хони, причемъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ приключеній вслѣдствіе полнѣйшаго незнакомства стрѣлковъ съ верховою ѣздою. Двигаясь далѣе подъ проливнымъ дождемъ, отрядъ къ двумъ часамъ пополуночи прибылъ въ деревню Кырцхэ и расположился на отдыхъ въ зданіи волостнаго правленія, отъѣхавъ такимъ образомъ отъ Зугдиды 25 верстъ. На другой день утромъ, пройдя версты три вверхъ по правому берегу Хони, отрядъ пріостановился, и подполковникъ Принцъ выслалъ впередъ разъѣзды для открытія бунтовщиковъ. Оказалось, что они были недалеко, вслѣдствіе чего штабсъ-капитану Линдбладту велѣно было двинуться съ конными стрѣлками впередъ. Проѣхавъ около версты, стрѣлки захватили пять человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ, которые, послѣ угрозъ, сознались, что принадлежатъ къ шайкѣ возмутителей. На седьмой верстѣ отъ ночлега отрядъ былъ опять настигнутъ проливнымъ дождемъ и вынужденъ былъ свернуть въ ближайшую деревню. Переждавъ здѣсь часа два, отрядъ тронулся къ селенію Лецурцумъ, имѣя впереди разъѣзды. Попавшіеся по дорогѣ 12-ть человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ были схвачены, обезоружены и арестованы. Едва отрядъ сталъ приближаться къ селенію и уже поднимался на лѣсистыя лецурцумскія высоты, какъ изъ деревни стали раздаваться звуки призывныхъ трубъ. Тогда шт.-кап. Линбладтъ спѣшилъ стрѣлковъ и построилъ ихъ въ полувзводную колонну, а одинъ полувзводъ разсыпалъ въ цѣпь. Наступая въ боевомъ порядкѣ, рота вступила въ Лецурцумъ, на окраинѣ котораго стоялъ одинокій домъ сельскаго правленія и около него свыше ста человѣкъ вооруженныхъ жителей. Стрѣлки остановились—и начались переговоры. Пока они происходили, 2-й взводъ стрѣлковъ незамѣтно и быстро обогнулъ домъ и окружилъ крестьянъ. Мингрельцы настолько были испуганы этимъ маневромъ, что, по первому требованію, тотчасъ же сложили оружіе. Но человѣкъ пять, во время суматохи, успѣли ускользнуть и скрыться въ лѣсу. Отобравъ у остальныхъ 98-ми крестьянъ оружіе, стрѣлки заперли ихъ въ отдѣльный домъ подъ караулъ, и сами расположились на отдыхъ.

Около двухъ часовъ пополудни, вдали, на горѣ, у деревни Обуджи, показались густыя толпы вооруженныхъ людей, которые начали кричать и гикать. Вскорѣ сборище достигло до 3-хъ тысячъ человѣкъ и къ 3-мъ часамъ спустилось внизъ, къ ротѣ. Одновременно съ этимъ, въ тылу роты, со стороны р. Хони, начали собираться и оглашать окрестность дикимъ крикомъ другія толпы. Было ясно, что крестьяне, увидѣвъ малочисленность отряда, хотѣли окружить его, взять въ плѣнъ, обезоружить и затѣмъ освободить своихъ арестованныхъ. Сообразивъ опасность положенія, штабсъ-капитанъ Линдбладтъ тотчасъ разсыпалъ къ сторонѣ Хони одинъ полувзводъ въ 8-мь рядовъ, а другой полувзводъ расположилъ въ резервѣ за закрытіемъ. Начальствованіе этою стороною обороны было ввѣрено прапорщику Габаеву 2-му, съ приказаніемъ—не стрѣлять до особаго распоряженія. Къ сторонѣ же деревни Обуджи, противъ главной толпы, штабсъ-капитанъ Линдбладтъ расположилъ развернутымъ фронтомъ между плетнями два остальные полувзвода, подъ начальствомъ подпоручика Гороновича. На лѣвомъ флангѣ занятой стрѣлками позиціи находился крутой, лѣсистый

скать, а шагахъ въ пятидесяти впереди его—небольшая изгородь, закрывавшая половину фронта; правый флангъ примыкалъ къ плетню огорода, а тыломъ своимъ весь взводъ былъ обращенъ къ саклѣ, въ которой заключены были крестьяне. Такимъ образомъ, фланги и тылъ взвода были совершенно обезпечены, и бунтовщики могли атаковать его не иначе, какъ весьма узкимъ фронтомъ.

Приблизившись шаговъ на 600, крестьяне выслали для переговоровъ человѣкъ около десяти. Имъ было предложено—сложить оружіе и идти съ отрядомъ въ Зугдиды, гдѣ кутаисскій губернаторъ разберетъ ихъ жалобы. Не соглашаясь на это, крестьяне заявили, что собственно противъ правительства они не имѣютъ ничего, но что поклялись отомстить своимъ помѣщикамъ и истребить ихъ за постоянныя и тяжкія отъ нихъ притѣсненія. Депутація эта была вскорѣ смѣнена другою все отъ той же толпы, но и съ нею переговоры не имѣли успѣха; повидимому, бунтовщики только тянули время.

Было уже 5 часовъ пополудни, когда огромная толпа со стороны деревни Обудяки двинулась впередъ и подошла къ взводу на 200 шаговъ. Увѣщанія, приказанія и угрозы употребить оружіе не могли остановить ее. Пока толпа, держа винтовки на готовѣ, видимо приготовлялась къ нападенію, другая, стоявшая позади, противъ прапорщика Габаева 2-го, усиліями этого офицера была, наконецъ, уговорена и разошлась. Послѣ этого явилась возможность усилить фронтъ еще однимъ полувзводомъ прапорщика Габаева 2-го, а другой полувзводъ расположить въ резервѣ за саклями. Такимъ образомъ, положеніе небольшаго отряда, окруженнаго враждебно настроеннымъ населеніемъ, нѣсколько улучшилось. „Впрочемъ—пишетъ очевидецъ [46])—жители лецурцумскаго общества, какъ оказалось впослѣдствіи, оставили свои деревни и вооружились только вслѣдствіе угрозъ и требованій лійцевъ и джварійцевъ, почему такъ легко и уступили разумному внушенію“.

Пока это происходила въ тылу, толпа впереди роты принимала все болѣе и болѣе угрожающее положеніе. Неистово крича и махая оружіемъ, она, казалось, хотѣла этимъ устрашить стрѣлковъ, вѣроятно расчитывая, что войска, какъ это случилось въ маѣ, отступятъ. Тутъ опять послѣдовали переговоры и увѣщанія, а тѣмъ временемъ начался мелкій дождь и стало темнѣть. Въ это время командиръ роты обратился къ начальнику отряда подполковнику Принцу, представляя, что, въ виду данной ему инструкціи, онъ съ ротою не отступитъ ни на шагъ и поэтому ждетъ приказанія открыть огонь, въ случаѣ, если переговоры не возымѣютъ успѣха. На это подполковникъ Принцъ сначала не рѣшился, но, увидя приближающуюся темноту и всю опасность положенія отряда, приказалъ ротѣ прицѣлиться, не производя, впрочемъ, выстрѣловъ. По командѣ ротнаго командира, стрѣлки, точно на учебномъ плацу, прикладывали и опускали ружья, не сдѣлавъ ни одного даже нечаяннаго выстрѣла. Но бунтовщиковъ это еще болѣе раздражало, и многіе изъ нихъ, засѣвъ за плетнемъ огорода, также приготовились къ стрѣльбѣ. Въ эти минуты еще два раза предложено имъ было черезъ переводчика сложить оружіе: но съ ихъ стороны былъ отвѣтъ: „пусть кровь прольется, но не уступимъ“. Послѣ этого рѣшительнаго отказа, Линдбладтъ

[46]) Записки подполковника Линдбладта.

снова представилъ Принцу всю опасность положенія отряда, который, по случаю быстро наступавшей темноты, могъ попасть въ крайнее затрудненіе. Принцъ, наконецъ, убѣдился въ справедливости этого заявленія и приказалъ стрѣлять.

Раздался залпъ, а затѣмъ пальба рядами. Бунтовщики отвѣтили тоже залпомъ и, поднявъ кинжалы и шашки, бросились на стрѣлковъ; но, не выдержавъ бѣглаго огня изъ берданокъ, повернули назадъ и моментально разбѣжались. Для внушенія имъ еще большаго страха, а также чтобы отогнать ихъ дальше отъ фронта, былъ разсыпанъ одинъ полувзводъ, который еще немного времени стрѣлялъ по людямъ, скрывавшимся за изгородью у праваго фланга. Толпа же, остановившись на разстояніи 1500 шаговъ, продолжала гикать. По ней сдѣлано два выстрѣла; она, въ отвѣтъ, произвела также два выстрѣла, а затѣмъ разсѣялась. Стрѣлки выпустили 115 патроновъ. Бунтовщиками было оставлено на мѣстѣ 13-ть убитыхъ и 35-ть раненыхъ; съ нашей стороны тяжело раненъ одинъ всадникъ и одна лошадь. Послѣ того, освободивъ арестованныхъ, и взявъ отъ нихъ обѣщаніе разойтись и не приставать къ бунтовщикамъ, отрядъ отступилъ. Пройдя верстъ восемь, онъ расположился бивакомъ на командующей высотѣ, принялъ охранительныя мѣры и сталъ ожидать прибытія главныхъ силъ.

Прійдя съ баталіономъ и александропольцами въ селеніе Чаквинджи, полковникъ Толстой получилъ свѣдѣніе, что отрядъ подполковника Принца окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Не довѣряя этому слуху, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчилъ донесенію Принца, командиръ баталіона расположился на ночлегъ, окруживъ бивакъ аванпостною цѣпью, а къ Принцу послалъ всадника узнать, что именно случилось. Послѣдній, возвратясь довольно скоро, доложилъ, что, по случаю донесшихся до него выстрѣловъ, онъ не рѣшился ѣхать къ стрѣлкамъ. Не смотря на такое тревожное сообщеніе, полковникъ Толстой все-таки счелъ невозможнымъ выступить ночью, такъ какъ было очень темно, шелъ дождь и нужно было идти по вьючной дорогѣ. Второй всадникъ, посланный въ 11-ть часовъ, вернулся въ три часа пополуночи и доложилъ, что подполковникъ Принцъ былъ окруженъ крестьянами и прибѣгнулъ къ оружію, результатомъ чего было нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ бунтовщиковъ.

Какъ ни сознавалъ теперь Толстой, что нужно поспѣшить выступленіемъ, но все же ранѣе пяти часовъ утра 18-го іюня подняться не могъ, такъ какъ, при предстоявшей вьючной дорогѣ, арбъ взять было нельзя, а доставка жителями вьючныхъ лошадей замедлилась. Наконецъ, всѣ затрудненія были устранены, и отрядъ тронулся ускореннымъ шагомъ къ Лецурцуму, оставивъ роту александропольцевъ въ селеніи Чаквинджи до особаго распоряженія. Въ авангардѣ шли мингрельскіе всадники, а вьючный обозъ прикрывала другая рота Александропольскаго полка, подъ командою маіора Бейера. При переправѣ черезъ Хони, мингрельцы, по свидѣтельству полковника Толстого, принесли большую пользу, отыскавъ удобопроходимый бродъ и занявъ командующія высоты на противуположномъ берегу. Вскорѣ главныя силы прибыли къ биваку подполковника Принца—и здѣсь полковникъ Толстой имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что въ общемъ все обстояло благополучно. Неудобно было только то, что на мѣстѣ бивака сводной роты не было воды, вслѣдствіе чего весь отрядъ перешелъ къ р. Хони и около

селенія Лецурцума расположился на ночлегъ. Къ вечеру сюда прибыла сотня Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка.

Между тѣмъ, начальство пока не считало дѣло умиротворенія Мингреліи оконченнымъ, поэтому велѣно было обойти всѣ возмутившіяся общества и принудить ихъ къ полной покорности. По поводу этого распоряженія, съ бивака на р. Хони было послано въ с. Чаквинджи приказаніе: оставшейся тамъ ротѣ Александропольскаго полка отправиться съ аробнымъ обозомъ въ м. Зугдиды, а полковнику Гуряки выслать другую роту того же полка въ сел. Цаленджихи, съ четырехдневнымъ провіантомъ для отряда. Затѣмъ, 19-го іюня войска двинулись къ сел. Цаленджихи. Мингрельцы наблюдали за ними со всѣхъ сторонъ, но при приближеніи ихъ тотчасъ скрывались; въ домахъ же находились одни только женщины. Такъ какъ это доказывало, что жители вовсе не успокоились, то отрядъ слѣдовалъ въ боевомъ порядкѣ, высылая боковыя цѣпи, а на бивакахъ охранялъ себя аванпостами и принималъ всѣ военныя предосторожности. Въ пяти верстахъ отъ с. Цаленджихи, конные мингрельцы захватили одного изъ трехъ вооруженныхъ крестьянъ, долго слѣдившихъ за отрядомъ, обезоружили его и арестовали.

Рѣшительныя дѣйствія произвели отрезвляющее впечатлѣніе на взволнованное населеніе, и изъ с. Цаленджихи вышелъ на встрѣчу отряду одинъ крестьянинъ съ заявленіемъ о покорности нѣкоторыхъ семействъ. На другой день, 20-го іюня, его примѣру послѣдовали всѣ жители селенія, и это дало возможность отряду двинуться далѣе. 21-го числа онъ выступилъ къ селенію Джвари; но пути же не встрѣтилъ ни одного любопытнаго бунтовщика; напротивъ, онъ былъ еще на полдорогѣ, когда къ нему вышли крестьяне съ изъявленіемъ покорности. Въ самомъ селеніи отрядъ нашелъ полное спокойствіе и отсутствіе всякихъ признаковъ возмущенія. На другой день сложили оружіе и послѣдніе бунтовщики селенія Лія. 23-го числа, оставивъ въ Лія 3-ю и 4-ю роты стрѣлковъ, при полусотнѣ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ начальствомъ маіора Бейера, для сбора недоимокъ, отрядъ перешелъ въ м. Зугдиды и расположился здѣсь лагеремъ, въ ожиданіи прибытія оставленныхъ въ Лія войскъ. Послѣднія, выполнивъ свое назначеніе, прибыли въ Зугдиды 25-го іюня. Мингрелія совершенно успокоилась, и быть можетъ, только благодаря рѣшительному и энергичному содѣйствію штабсъ-капитана Липдбладта [47]).

27-го іюня баталіонъ выступилъ изъ Зугдиды и черезъ Новосенаки и Квирилы, а затѣмъ по закавказской желѣзной дорогѣ, тремя эшелонами прибылъ въ Сурамъ. „Во все время похода въ Мингреліи—доносилъ полковникъ Толстой—не смотря на недѣльное движеніе безъ палатокъ, которыя были оставлены въ Зугдидахъ, и почти все время подъ проливными дождями, не только больныхъ, но даже отсталыхъ въ баталіонѣ не было рѣшительно ни одного человѣка—что, конечно, нужно приписать единственно тому, что нижніе чины получали усиленную порцію мяса и водки. Люди шли бодро и замѣчательно быстро, не смотря на дурную погоду и такую же дорогу по горно-лѣсистымъ тропинкамъ. Кромѣ всего этого, во

[47]) Въ это время вспыхнуло возстаніе и въ Сванетіи; оно было подавлено отрядомъ генералъ-маіора Цытовича, которому пришлось нѣсколько труднѣе чѣмъ отряду, дѣйствовавшему въ Мингреліи.

время похода не было ни одного случая нарушенія правъ собственности и вообще даже ни одного проступка въ баталіонѣ“ [48]).

По возвращеніи изъ Мингреліи баталіонъ предался обычнымъ лагернымъ занятіямъ, среди которыхъ особенное вниманіе было обращено на двухсторонніе маневры и аванпостную службу. Мрачный политическій горизонтъ на Балканскомъ полуостровѣ внушалъ предчувствія близкой войны съ Турціею, и хотя баталіонъ былъ готовъ къ ней во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе стрѣлки въ теченіе іюля, августа и сентября самымъ усернымъ образомъ занимались тактическими ученіями, для наилучшей боевой подготовки своей. Втораго октября три роты были перевезены по желѣзной дорогѣ въ гор. Тифлисъ; 2-я же рота содержала караулъ въ Боржомѣ.

4-го октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „1) должность инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ и состоящее при немъ управленіе упразднить; 2) учредить должность инспектора стрѣлковой части въ войскахъ и при немъ управленіе“. Означенныя учрежденія вмѣстѣ съ тѣмъ получили новые штаты и положеніе, съ отмѣною нѣкоторыхъ статей касательно упраздненныхъ учрежденій въ св. воен. пост. (ст. 422 и 444, 1869 года [49]).

Въ ноябрѣ отношенія между Россіею и Турціею настолько обострились, что Государь Императоръ повелѣлъ привести въ военный составъ, между прочимъ, и нѣкоторыя части кавказской арміи. При этой мобилизаціи кавказская стрѣлковая бригада была изъята *временно* изъ вѣдѣнія ея начальника и подчинена вполнѣ, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, командующему корпусомъ.

Но полковнику Толстому не суждено было вести на войну баталіонъ, который такъ много ему обязанъ: Высочайшимъ приказомъ 3-го декабря онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка и вскорѣ оставилъ баталіонъ, передавъ своимъ преемникамъ самую легкую заботу—удержать баталіонъ на высотѣ его славы и на той степени развитія, на которую онъ его поставилъ. Въ теплыхъ, сочувственныхъ словахъ онъ благодарилъ баталіонъ, разставаясь съ нимъ навсегда. „Примѣрное состояніе“ баталіона по строевой части и „образцовое положеніе его хозяйства“ онъ приписывалъ неутомимымъ трудамъ и усердію своихъ подчиненныхъ, особенно подполковника Бейера, и если онъ „не разъ осчастливленъ былъ лестными отзывами Августѣйшаго Шефа, то этимъ считалъ себя обязаннымъ далеко не личнымъ своимъ заслугамъ“ [50]). Замѣчательные проводы, устроенные баталіономъ Толстому, обнаружили рѣдкое проявленіе самой горячей привязанности къ человѣку, котораго, мало сказать, любили—обожали всѣ его подчиненные, потому что онъ воплощалъ въ своемъ лицѣ самую справедливость и всѣ высокія качества человѣческой души.

Тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ командиромъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона былъ назначенъ адъютантъ Шефа, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ князь Барятинскій, съ переименованіемъ въ подполковники.

---

[48]) Дѣло окружнаго штаба, 1-го отдѣленія, 1876 года, № 69. Донесеніе полковника Толстого 20-го іюня 1876 года.

[49]) Приказъ по военому вѣдомству 4-го декабря 1876 года № 274.

[50]) Приказъ по баталіону 14-го декабря 1876 года № 349.

XX.

Турецкая война 1877—1878 гг. Укомплектованіе, подготовка и выступленіе въ походъ стрѣлковъ Его Высочества. Гомборцы въ кобулетскомъ отрядѣ. Граница, пути сообщенія и населеніе Гуріи. Переходъ границы. Участіе гомборцевъ въ штурмѣ Легвы. Взятіе гомборцами высотъ Аламбара. Награды. Цихисдзирскій укрѣпленный лагерь. Участіе гомборцевъ въ штурмѣ Цихисдзири 11-го іюня. Отступленіе. Награды. Итоги. Гомборцы въ ардаганскомъ отрядѣ. Партизанскія попытки турокъ. Переходъ стрѣлковъ Его Высочества въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ славяне Балканскаго полуострова, доведенные до отчаянія турецкими беззаконіями, возстали. Жестокость, съ которою подавлялось это возстаніе, возбудило негодованіе въ русскомъ народѣ, который выразилъ свое сочувствіе повстанцамъ посылкою имъ значительныхъ денежныхъ средствъ и множества добровольцевъ. Отозвалось и великое сердце Царя-Освободителя; но заступничество Государя за угнетенныхъ на почвѣ дипломатическихъ сношеній оказалось безуспѣшнымъ, и Турціи въ 1877 году была объявлена война.

Такая развязка не была неожиданностью для кавказской арміи, которая, благодаря заботамъ объ ней царственнаго ея Руководителя, оказалась вполнѣ къ ней подготовленною. Что касается собственно 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Высочества баталіона, то хотя изъ предыдущей главы и легко было видѣть, что и онъ былъ готовъ ко всякаго рода случайностямъ, нельзя однако не коснуться здѣсь того смотра, который былъ произведенъ ему въ началѣ января 1877 года, т. е. недѣли двѣ спустя послѣ довольно быстраго приведенія его въ военный составъ, потому что иначе, въ виду значительнаго численнаго его пополненія, боевая готовность его, передъ самою войною, могла бы подлежать большому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, будучи, какъ и вся наша армія, послѣ введенія всеобщей воинской повинности, еще довольно молодымъ и имѣя въ своемъ составѣ всего 565 стрѣлковъ, баталіонъ принялъ въ свои ряды еще 542 запасныхъ нижнихъ чина изъ уроженцевъ Воронежской губерніи, которые, почти всѣ, оказались прошедшими службу во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ разнаго рода командахъ и даже въ кавалеріи. Это обстоятельство, конечно, могло только польстить баталіону. Очевидно, если штаты, установившіе такую численность пополненія, были обусловлены твердымъ расчетомъ на устойчивость кадровъ вообще, то начальство оказало баталіону еще болѣе довѣрія, относясь безразлично къ качеству самаго матеріала, коимъ оно его пополнило. По этому становится особенно цѣннымъ свидѣтельство инспектора, который, провѣривъ хозяйство мобилизованнаго баталіона, остановилъ вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ факторахъ, которыми только и обезпечивается нравственное воспитаніе и боевая готовность части, случайно поставленной въ самыя неблагопріятныя условія. „Вообще осмотръ баталіона убѣдилъ меня, писалъ инспекторъ, что всѣ гг. офицеры знаютъ свои обязанности и вполнѣ добросовѣстно къ нимъ относятся, а дисциплина, внутренній порядокъ, строевое образованіе и хозяйственная часть находятся въ весьма хорошемъ состояніи“ [1]). Такой отзывъ только усугублялъ заботы офицеровъ по образованію запасныхъ нижнихъ

[1]) Предписаніе командующаго кавказскою стрѣлковою бригадою 19-го января 1877 г. № 227.

чиновъ, между которыми, кстати сказать, было не болѣе 10-ти бывшихъ стрѣлковъ. Нынѣ, когда всѣ части нашей арміи вооружены одинаково и проходятъ почти одинъ и тотъ же курсъ стрѣльбы, нѣтъ, пожалуй, большой разницы между запасными, служившими и не служившими въ стрѣлковыхъ частяхъ. Но тогда условія были совершенно иныя. Стрѣлки, сравнительно съ остальною пѣхотою, были вооружены болѣе сложнымъ оружіемъ и требовали спеціальной подготовки мирнаго времени. По этому укомплектованіе стрѣлковаго баталіона людьми, не подготовленными сколько нибудь къ стрѣлковой службѣ, и притомъ наканунѣ войны, не могло не представить большихъ неудобствъ для кадра, такъ какъ требовалось много времени, чтобы должнымъ образомъ ассимилировать съ собою совершенно чуждый элементъ. И потому тѣмъ выше заслуги офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые, отложивъ заботы о личныхъ нуждахъ на случай похода, ожидавшагося со дня на день, приложили все усердіе свое и умѣніе, чтобы сплотить баталіонъ и, такъ сказать, укрѣпить его организмъ путемъ разумно-усиленныхъ занятій съ призывными. Диковинныя для послѣднихъ бердановскія винтовки и мудреная теорія стрѣльбы были изучены въ самое короткое время. Учебная же стрѣльба и тактическая подготовка проходились съ ними безостановочно вплоть до выступленія въ походъ, т. е. до конца марта. Къ этому времени, благодаря трудамъ офицеровъ, баталіонъ представлялъ уже одну сплоченную семью, дорожащую своею прошлою славою и проникнутую стремленіемъ къ новымъ побѣдамъ. Такая же почти дѣятельность кипѣла и во всѣхъ остальныхъ мобилизованныхъ частяхъ кавказской арміи и, при соотвѣтственномъ планѣ войны и надлежащей подготовкѣ театровъ для дѣйствій, должна была дать блестящіе результаты.

Кавказской арміи, предназначенной оперировать въ Анатоліи, предстояло рѣшительное наступленіе для занятія линіи Батумъ-Ардаганъ-Карсъ и Баязетъ, а потомъ уже, и только при благопріятныхъ условіяхъ— движеніе на Эрзерумъ. Сообразно съ этимъ былъ сформированъ дѣйствующій корпусъ, состоявшій изъ трехъ отрядовъ: главнаго александропольскаго и фланговыхъ: ахалцыхскаго и эриванскаго. Войска, не входившія въ корпусъ, образовали нѣсколько отрядовъ для обороны черноморскаго побережья, за исключеніемъ довольно значительнаго кобулетскаго отряда [2]), назначеннаго для активныхъ операцій противъ Батума. Въ составѣ этого отряда, ввѣреннаго генералъ-лейтенанту Оклобжіо и собраннаго въ г. Озургетахъ, вошелъ и гомборскій стрѣлковый баталіонъ. Приказъ о выступленіи его по назначенію былъ полученъ 29-го марта, и черезъ два дня гомборцы уже стояли подъ ружьемъ въ ожиданіи своего обожаемаго Шефа. Царственный Главнокомандующій вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Семействомъ соизволилъ удостоить гомборцевъ посѣщеніемъ и, сказавъ стрѣлкамъ на прощаніе нѣсколько высокомилостивыхъ и завѣтныхъ словъ, пожелалъ имъ новыхъ лавровъ. Напутствуемый также и овацією многочисленной публики, собравшейся на вокзалѣ, баталіонъ, 31-го марта, сѣлъ въ поѣздъ закавказской желѣзной дороги и покинулъ Тифлисъ [3]). 1-го апрѣля стрѣлки высадились на станціи

[2]) Приблизительно: 15 баталіоновъ пѣхоты, 2 роты саперъ, восемь батарей артиллеріи и семь сотенъ кавалеріи.

[3]) Въ баталіонѣ было на лицо: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 18, унтеръ-офицеровъ 107, музыкантовъ 19, рядовыхъ 739, и нестроевыхъ 76.

Самтреди и, двигаясь отсюда по маршруту черезъ Орпири, 3-го числа вступили въ Озургеты, перенесшавъ на послѣднемъ переходѣ кое-что изъ своего забытаго прошлаго: на отвыкшихъ отъ трудовъ плечахъ своихъ они, подъ сильнымъ дождемъ, вынесли обозъ, не могшій двигаться по вязкой и размытой дождемъ грунтовой дорогѣ. Въ Озургетахъ гомборцы были торжественно встрѣчены войсками съ генераломъ Оклобжіо во главѣ и размѣщены въ баракахъ на горѣ Экадіи, верстахъ въ 4-хъ отъ города и въ 10-ти отъ турецкой границы. Здѣсь они занимались стрѣльбою и ученіями аванпостной службы до 12-го апрѣля.

Батумъ, составлявшій цѣль отряда, стоялъ въ 50-ти верстахъ отъ границы. Но это незначительное разстояніе, какъ оказалось лишь впослѣдствіи, пролегало по лѣснстымъ, непроницаемымъ трущобамъ, кишѣвшимъ враждебнымъ намъ населеніемъ. Свѣдѣнія наши по топографіи и этнографіи предстоящаго театра и особенно о путяхъ сообщенія, оказались недостаточными и неточными. Граница Гуріи оказалась малодоступною. Она шла отъ устья рѣки Чолоха до ея истоковъ у чахатскихъ вершинъ; направляясь далѣе черезъ вершину Талаха и аджарскій хребетъ, она примыкала къ горѣ Шавнабадъ. Линія эта состояла изъ двухъ совершенно различныхъ частей: низменная—отъ устья Чолоха до поста Музаратскаго—имѣла всего 23 версты протяженія; гористая же—отъ поста Музаратскаго до Шавнабада—около 50 верстъ.

Гористая часть описанной границы недоступна. Черезъ низменную же часть мы могли проникнуть въ Турцію по тремъ дорогамъ: 1) отъ поста св. Николая вдоль берега моря, которое принадлежало туркамъ; 2) черезъ Чолокскій постъ и кобулетскую деревню Легва и 3) отъ Нижнебагильскаго поста черезъ хуторъ Ачхамури.

Разспросныя свѣдѣнія, собранныя въ Озургетахъ, должны были склонить насъ къ выбору легвской дороги, годной для движенія даже полевой артилеріи. Но необходимо было привлечь на нашу сторону враждебныхъ намъ кобулетцевъ или по крайней мѣрѣ обезпечить за собою ихъ нейтралитетъ. Но едвали это было возможно. Правда, кобулетцы народъ грузинскаго происхожденія и въ прошломъ столѣтіи были даже христіанами, но теперь они исповѣдывали религію турокъ, а невѣротерпимостью даже превосходили ихъ, и уже поэтому одному не могли желать намъ добра. Мало того, большинство населенія жило разбоемъ и контрабандою и, избалованное слабою администраціею турокъ, естественно должно было сопротивляться водворенію у себя болѣе твердыхъ русскихъ порядковъ. Что же касается лучшей части населенія, то она по необходимости должна была бороться съ нами, пока турки фактически были господами страны. И дѣйствительно, переговоры съ кобулетскими беками не привели ни къ чему. Не оказала на нихъ вліянія даже великодушная прокламація, въ коей Августѣйшій Главнокомандующій кавказскою арміею возвѣщалъ между прочимъ: „не угрозою вамъ, мирнымъ жителямъ, являются въ ваши предѣлы войны Русскаго Государя,—нѣтъ, всякаго изъ васъ, кто самъ поступками своими не выкажетъ себя врагомъ нашимъ, будемъ мы считать другомъ и будемъ ограждать его семью и достояніе. И да послужитъ пребываніе русскихъ войскъ въ странѣ вашей не къ взаимной враждѣ и озлобленію, а къ установленію духовной связи и сближенію нашему съ вами, сыны благороднаго

картвельскаго племени, братья по крови всегда вѣрныхъ и любимыхъ подданныхъ Русскаго Императора". Между тѣмъ, кобулетцевъ можно было нейтрализовать лишь силою оружія. Это мы могли знать и раньше, а вскорѣ и убѣдились окончательно, что только первые и быстрые успѣхи наши могли внушить имъ уваженіе къ намъ и недовѣріе къ могуществу турокъ. Во всякомъ случаѣ, выбирая дорогу отъ Чолокскаго поста къ дер. Легва, мы не могли не предвидѣть возможности партизанской войны.

12-го апрѣля войска генералъ-лейтенанта Оклобжіо, раздѣленныя на двѣ колонны, съ 1-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ въ лѣвой [4])— генералъ-маіора Деннбекова, перешли государственную границу въ двухъ пунктахъ: правая—у Нижнебагильскаго поста, лѣвая у Чолокскаго. Задача обѣихъ колоннъ состояла въ занятіи укрѣпленныхъ муха-эстатскихъ высотъ со стороны деревни Легвы и съ противоположной стороны отъ хутора Ачхамури. Турки, занимавшіе на противоположномъ берегу Чолока сторожевые посты, при нашемъ приближеніи удалились безъ выстрѣла. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь же, что многое указывало на виды турокъ не вступать до поры до времени въ непосредственныя съ нами столкновенія, и, еще задолго до нашего вступленія въ ихъ территорію, они, въ числѣ 15.000 человѣкъ пѣхоты и артилеріи, отступили отъ границы къ недоступнымъ вершинамъ Цихисдзири, заслонявшимъ отъ насъ Батумъ, и, укрѣпившись всевозможными фортификаціонными сооруженіями, приняли строго оборонительное положеніе. Кобулетцы же должны были играть роль ихъ передовыхъ силъ съ назначеніемъ ослабить насъ, если возможно, на столько, чтобы мы не могли даже подступить къ Цихисдзири.

По переходѣ границы, гомборцы, какъ и другія части, расположились бивакомъ на самомъ берегу Чолока, гдѣ въ 6 часовъ утра 13-го апрѣля имъ былъ прочитанъ переданный по телеграфу приказъ, коимъ войска кавказской арміи призывались къ защитѣ чести и достоинства Россіи. „За вами, говорилось въ немъ, славное прошлое кавказскихъ войскъ, передъ вами поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братій. Впередъ! Съ Богомъ, за вашу родину и вашего Государя". Едва окончилось чтеніе этого приказа, какъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ: кобулетцы, какъ оказалось, изъ засады убили одного и ранили другаго изъ всадниковъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, посланныхъ впередъ на развѣдки.

Вслѣдъ за этимъ колонна генерала Деннбекова, выславъ авангардъ по дорогѣ на деревню Легва, сама тронулась съ бивака въ 8 часовъ утра. Въ составъ авангарда, ввѣреннаго полковнику Козелкову, вошли: 1-й Его Высочества и 2-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, пластунская сотня, взводъ саперъ 2-го сапернаго баталіона, 6-я батарея 41-й артилерійской бригады и 1-я сотня Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка. Движеніе началось со всѣми мѣрами предосторожности, и отъ гомборцевъ цѣлая полурота шла въ боковой цѣпи, пока мѣстность допускала таковую.

[4]) 1-й Его Высочества и 2-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, 3-я рота 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, 1-й пластунскій баталіонъ; 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Закатальскаго пѣхотнаго полка, 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка, 5-я и 6-я батареи 41 арт. бригады, 3-я и 6-я сотни Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка; всего 9¼ баталіоновъ, 16 орудій и 2 конныхъ сотни. Правая-же колонна состояла изъ 6¼ баталіоновъ, 32 орудій и 5 конныхъ сотенъ.

Грунтовая дорога, по которой двигался авангардъ, вначалѣ шла большею частью полянами и представляла едва замѣтный подъемъ: по вскорѣ она углубилась въ лѣсистое ущелье, образуемое отрогами чахатскихъ и джиханджирскихъ горъ и сдѣлалась неудобопроходимою. Подъемы и спуски, по которымъ тянулась дорога, переходная скоро въ тропинку, становились все круче и пересѣченнѣе, и тропинка, наконецъ, совершенно исчезла въ лѣсу. Колеснаго обоза, конечно, не было: тяжести перевозились на вьюкахъ, что представляло въ первое время большія затрудненія. Вслѣдствіе полнѣйшаго неумѣнія солдатъ навьючивать и водить лошадей, вьюки часто спадали и на узкой дорогѣ задерживали сзади идущихъ. Къ счастію, погода была сухая, иначе не исчислимы были бы неудобства движенія отъ непролазной грязи, образуемой отъ незначительнаго дождя въ этихъ мѣстностяхъ.

Авангарду предстояло отбросить кобулетцевъ, занявшихъ лѣсистыя высоты Легвы и тѣмъ дать колоннѣ возможность двинуться на Муха-эстатэ и занять этотъ укрѣпленный пунктъ, такъ какъ для движенія на Муха-эстатэ нельзя было обойти возвышенность Легвы, командовавшей, кромѣ того, дорогами. Было 10 часовъ утра, когда пластуны, шедшіе впереди, открыли близость непріятеля и остановились; не вдалекѣ отъ нихъ кобулетцы занимали лѣсистую возвышенность съ деревнею Легва. Позиція эта перерѣзывала дорогу нашу почти въ перпендикулярномъ направленіи. Выяснивъ расположеніе непріятеля, пластуны стали пробираться къ нему цѣпью и вскорѣ были встрѣчены ружейными выстрѣлами. Въ это время роты [5]) 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 4-я рота заняла дорогу, идущую по лѣвому скату легвской возвышенности для обезпеченія лѣваго фланга авангарда; 2-я и 3-я роты двинулись за пластунами, 1-й же ротѣ приказано держаться правѣе двухъ горныхъ орудій, которыя поспѣшили подняться на гору вслѣдъ за стрѣлками. По мѣрѣ приближенія ротъ къ вершинѣ горы, огонь кобулетцевъ и нашихъ стрѣлковъ все усиливался и перешелъ, наконецъ, въ жаркій огнестрѣльный бой; здѣсь впервые полилась кровь стрѣлковъ. Скрытые за деревьями, кобулетцы стрѣляли со страшною быстротою изъ магазинныхъ и другихъ скорозарядныхъ ружей [6]), которыми турки снабдили ихъ въ изобиліи. Но мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ и пластуновъ вскорѣ сильно поколебалъ ихъ стойкость; пользуясь удобнымъ моментомъ, баталіонъ вмѣстѣ съ пластунами быстро бросился въ атаку, отбросилъ кобулетцевъ отъ вершины Легвы и, расположившись здѣсь на позиціи, немедленно же выслалъ полуроту [7]) отъ 1-й роты для занятія противоположной высоты за глубокимъ оврагомъ, дабы не дать кобулетцамъ возможности укрѣпиться здѣсь. Непріятель не оказалъ полуротѣ стрѣлковъ никакого сопротивленія: опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ своихъ позицій на высотахъ Хуцубани явившимися у него на флангѣ нашими орудіями и другими частями войскъ, онъ поспѣшилъ убраться. Вслѣдъ за полуротою стянулся и весь баталіонъ къ означен-

---

[5]) Ротами командовали: 1-ю штабсъ-капитанъ Клименко, 2-ю поручикъ Мищенко-Анисимовъ, 3-ю капитанъ Лицбладтъ и 4-ю капитанъ Бейнардтъ.

[6]) У кобулетцевъ были ружья Снайдера, Пибоди и Винчестера.

[7]) Приказомъ по военному вѣдомству 9 Апрѣля 1877 г. № 128 терминъ „взводъ“ замѣненъ „полуротою“, и рота подраздѣлена на четыре взвода, по два взвода въ каждой полуротѣ, 1-й и 2-й взводы въ первой, 3-й и 4-й взводы—во второй.

ной вершинѣ, откуда видѣлось все пространство до Аламбара и Муха-эстатэ. По занятіи удобныхъ пунктовъ для стрѣльбы, роты тотчасъ же стали учащеннымъ огнемъ гнать кобулетцевъ съ окрестныхъ высотъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ доступы на Муха-эстатэ не были обезпечены за нашими войсками. За взятіе Легвы двое фельдфебелей баталіона были торжественно награждены знаками отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени [8]).

Такимъ образомъ, гомборскіе стрѣлки, подвергшись первымъ ударамъ непріятеля, выполнили лучшую часть задачи, возложенной на отрядъ; подъ покровительствомъ живаго и мѣткаго огня ихъ и пластуновъ колонна генералъ-маіора Денибекова безпрепятственно двинулась къ Муха-эстатэ и заняла его почти безъ боя. Ближайшая цѣль кобулетскаго отряда—занятіе муха-эстатскихъ высотъ—была, такимъ образомъ, достигнута одною лѣвою колонною; что-же касается правой, то она, по переходѣ границы у Нижне-багильскаго поста, съ первыхъ же шаговъ встрѣтилась съ непомѣрными трудностями пути и, не будучи въ силахъ поспѣть вовремя, выдѣлила особую летучую колонну полковника Казбека, которая при занятіи Муха-эстатэ и имѣла съ кобулетцами незначительную перестрѣлку. Потери баталіона, благодаря умѣнію стрѣлковъ пользоваться мѣстностью и быстротѣ, съ которою пошли они въ атаку, были сравнительно незначительны: ранено всего семь нижнихъ чиновъ. Въ 11 часовъ вечера баталіонъ также передвинулся на позицію Муха-эстатэ. Позиція эта представляла довольно возвышенную неправильной формы площадь, съ трехъ сторонъ окруженную почти отвѣсными скатами, и была, кромѣ того, укрѣплена траншеями и завалами. Оставаясь вплоть до 29 апрѣля на этой позиціи, баталіонъ не имѣлъ никакихъ серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ; но его постоянно тревожили небольшія партіи кобулетцевъ, которыя, пользуясь густымъ, лиственнымъ лѣсомъ и пересѣченною мѣстностью, незамѣтно прокрадывались къ баталіону и открывали по немъ огонь; цѣпь, которую выставлялъ баталіонъ почти каждый день, принуждаема была отвѣчать на огонь, и такимъ образомъ открывалась перестрѣлка, оканчивавшаяся иногда потерями: такъ 14-го апрѣля были убиты баталіонный знаменщикъ и одинъ стрѣлокъ. Положительная сторона этихъ перестрѣлокъ заключалась въ томъ, что стрѣлки ознакомились съ пріемами кобулетцевъ и, вслѣдствіе этого, впослѣдствіи уже не такъ терпѣли отъ нихъ. Напротивъ, кобулетцы вскорѣ стали сильно бояться стрѣлковъ; они ихъ быстро узнавали не только по стрѣльбѣ, но и по формѣ одежды, и обыкновенно, при ихъ появленіи, оставляли позиціи свои, или же прямо громкимъ голосомъ просили на чистомъ русскомъ языкѣ прекратить пальбу, обѣщаясь въ свою очередь не стрѣлять, при чемъ аккуратно исполняли свое обѣщаніе. Кромѣ ежедневной сторожевой службы, стрѣлки очень часто наряжались для конвоированія транспортовъ, въ караулы и т. д.

До 28 апрѣля саперы успѣли устроить и обезпечить тылъ отряда хорошими сообщеніями съ Озургетами. Тогда генералъ Оклобжіо рѣшилъ занять высоты Хуцубани и уже здѣсь выработать планъ атаки цихисдзирскихъ высотъ, составлявшихъ оплотъ Батума. Раздѣливъ войска на двѣ колонны и ввѣривъ ихъ генералъ-маіорамъ Шелеметеву и Денибекову, онъ приказалъ послѣднему занять своимъ авангардомъ высоты Хуцубани; авангардъ-же

[8]) Фельдфебеля: Степанъ Щербаковъ и Степанъ Груздовъ.

колонны генерала Шелеметева долженъ былъ прикрывать дорогу, ведущую отъ позиціи Муха-эстатэ къ рѣчкѣ Чурукъ-су, т. е. къ берегу моря, а также и демонстрировать противъ лѣваго фланга непріятеля. Для выполненія возложенной на него задачи, авангардъ генерала Деникбекова, подъ личнымъ его начальствомъ, былъ раздѣленъ на двѣ колонны; изъ нихъ главной, составленной изъ 14¾ ротъ пѣхоты (въ томъ числѣ всѣхъ четырехъ ротъ гомборскихъ стрѣлковъ), четырехъ горныхъ орудій и 50 всадниковъ [9]), подъ начальствомъ командира Закатальскаго пѣхотнаго полка полковника Солтана, было приказано идти вправо отъ большой дороги, ведущей отъ лагеря къ р. Ачкуа. Лѣвой, состоявшей изъ 6¼ ротъ, двухъ орудій и 20 всадниковъ, подъ командою полковника Козелкова—двигаться по большой дорогѣ съ цѣлью обезпечить движеніе главной колонны съ лѣвой стороны, гдѣ въ лѣсу собирались значительныя партіи. Остальныя войска генераловъ Деникбекова и Шелеметева составили резервъ, долженствовавшій слѣдить за флангами обоихъ авангардовъ и за тыломъ всего муха-эстатскаго расположенія.

Авангарду генерала Деникбекова предстояло двигаться дорогою, пролегавшею по весьма пересѣченнымъ отрогамъ хребта, идущаго отъ горы Перанга и составлявшаго водораздѣлъ рр. Ачкуа и Кинтриши. Путь этотъ отъ лагеря шелъ сначала по весьма густому лѣсу, доходившему до береговъ Ачкуа, лѣвый берегъ котораго представлялъ высокую, почти обрывистую терасу съ группами деревьевъ и домовъ. Терасы представляли собою натуральные плацдармы и были усилены искусственными сооруженіями. Узкая дорога, вьющаяся по лѣсу и по обрывамъ, была мѣстами завалена огромными деревьями. За первымъ рядомъ терасъ идутъ другія, раздѣленныя весьма глубокими оврагами, въ которыхъ разбросаны усадьбы деревень Аламбара, Гварда и Хуцубани. Надъ всѣмъ описаннымъ мѣстомъ господствуетъ вершина Хуцубани—самый важный въ военномъ отношеніи пунктъ. Колонны полковниковъ Солтана и Козелкова двинулись по указаннымъ направленіямъ въ 3 часа утра 29 апрѣля. Во главѣ первой колонны шелъ баталіонъ стрѣлковъ Его Высочества съ командиромъ своимъ подполковникомъ княземъ Барятинскимъ во главѣ [10]).

Едва только колонна полковника Солтана вошла въ лѣсъ, какъ начались тотчасъ же недоразумѣнія по выбору пути, которыя было трудно разрѣшить вслѣдствіе темноты, плохой надежды на проводника изъ аборигеновъ и неимѣнія картъ; вслѣдствіе этого колонна вышла на р. Ачкуа не въ томъ мѣстѣ, которое ей было указано: она перерѣзала путь колонны Козелкова и вышла на Ачкуа лѣвѣе послѣдней, и черезъ это, въ началѣ же дѣла, колонны генераловъ Деникбекова и Шелеметева слишкомъ удалились другъ отъ друга. Не смотря на мѣры, принятыя для скрытнаго движенія, кобулетцы ожидали насъ, потому что они открыли огонь по колоннѣ полковника Солтана, какъ только она вступила въ лѣсъ. Поражаемыя съ фронта

---

[9]) 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ, 1-й и 3-й баталіоны Закатальскаго пѣхотнаго полка, 2 роты 4-го баталіона того же полка, три полувзвода 1-й роты 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, 4 орудія (горныя) 41-й арт. бригады и 50 всадниковъ.

[10]) Штабъ-офицера 2, оберъ-офицеровъ 16, унтеръ-офицеровъ 102, музыкантовъ 18, рядовыхъ 732.

и съ лѣваго фланга, передовыя части колонны, не имѣя мѣста для развертыванія фронта, должны были остановиться и ждать, пока цѣпь оттѣснитъ непріятеля изъ за вѣковыхъ деревьевъ, а саперы исправятъ дороги для артилеріи. Здѣсь мы потеряли много людей и болѣе часу времени, которое было очень дорого, тѣмъ болѣе, что непріятель, судя по пальбѣ, все усиливался. Было около 5½ часовъ, когда къ колоннѣ подъѣхалъ, по порученію генерала Оклобжіо, начальникъ штаба его полковникъ Казбекъ и „засталъ главныя силы медленно вытягивающимися влѣво и вверхъ по р. Ачкуа. Въ передовомъ и самомъ сильномъ огнѣ, доносилъ генералъ Оклобжіо, находились въ это время части стрѣлковаго Вашего Императорскаго Высочества баталіона и двѣ роты 4 баталіона Закатальскаго полка. Но въ то время, когда, не смотря на большія потери, солдаты геройски прокладывали себѣ путь вверхъ по р. Ачкуа, непріятель значительно усилился и началъ неумолкаемый огонь по всему длинному своему фронту“ [11]). Но этотъ фронтъ обозначился лишь къ 7 часамъ, и тогда же колонны Солтана и Козелкова окончательно устроились, а артилерія могла подготовлять штурмъ съ большими удобствами. Она, правда, открыла съ Мухаэстатэ сильный массированный огонь въ отвѣтъ на первые же выстрѣлы кобулетцевъ, но стрѣльба ея по невидимому противнику не могла быть успѣшна. Еще менѣе могъ быть дѣйствителенъ ружейный огонь стрѣлковъ. Но и по обозначеніи противника, многое нужно было уяснить себѣ, разобраться въ этихъ трущобахъ, въ виду предстоящаго штурма. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ очутился противъ возвышенной терасы, на которой расположена деревня Аламбара; но необходимо было ознакомиться съ подступами къ ней. Для этой цѣли были произведены развѣдки подпоручикомъ Курочкинымъ и прапорщикомъ Габаевымъ (Василіемъ) [12]). Офицеры эти, подъ жестокимъ огнемъ съ Аламбара, осмотрѣли всю впереди лежащую мѣстность; результаты осмотра ихъ были доложены генералу Денибекову, прибывшему къ стрѣлкамъ вмѣстѣ съ капитаномъ барономъ Зальца (будущимъ командиромъ гомборцевъ).

Въ это же время начальникъ авангарда узналъ, что генералъ Оклобжіо, въ виду усиленія непріятеля регулярными частями, подкрѣпилъ центръ общей боевой линіи 3-мъ баталіономъ севастопольцевъ и 4-ю сотнею Гурійской дружины. Тогда генералъ Денибековъ приказалъ горнымъ орудіямъ выдвинуться впередъ и, занявъ послѣднюю позицію, открыть возможно сильную канонаду, а заднимъ частямъ колонны пододвинуться къ переднимъ. Вслѣдствіе этого 2-я и 3-я роты стрѣлковъ Его Высочества, по приказанію подполковника князя Барятинскаго, быстро пробѣжали впереди стоящій лѣсъ и, выйдя на его опушку, дали нѣсколько дружныхъ залповъ, послѣ чего съ крикомъ „ура“ стремительно бросились къ рѣчкѣ и заняли обрывистый ея берегъ. Хотя движеніе это произведено было ротами замѣчательно проворно и быстро, но такъ какъ оно произошло подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ кобулетцевъ, то онѣ понесли чувствительныя потери. Прежде всего онѣ

---

[11]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо 4-го мая 1877 г. № 60.

[12]) Во время развѣдки бывшій по собственному желанію въ прикрытіи къ офицерамъ рядовой Хачидзе получилъ смертельную рану, но, не обращая на нее вниманія, разыскалъ и подалъ подпоручику Курочкину оброненный послѣднимъ бинокль. Чрезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ раны.

лишились смертельно раненаго командира 2-й роты поручика Мищенко-Анисимова. Во главѣ роты сталъ подпоручикъ Побыванецъ. Послѣ нѣкотораго промежутка времени, когда желаніе атаки охватило всѣ войска, генералъ Денибековъ, ставъ самъ лично въ головѣ штурмующихъ и громко скомандовавъ: „за мною, братцы, ура“, двинулся впередъ; вся штурмующая линія, прекративъ пальбу, дружно бросилась съ крикомъ „ура“ въ атаку. Кобулетцы не выдержали и, бросивъ свои довольно крѣпкія траншеи, пустились бѣжать по направленію къ хуцубанскимъ высотамъ. 3-я рота, съ капитаномъ Линдбладтомъ впереди, молодецки обошедшая и атаковавшая правый флангъ противника, составлявшій съ мечетью ключъ позиціи, бросилась преслѣдовать его и такъ увлеклась, что пришлось прибѣгнуть къ сигналамъ, чтобы остановить ее. Аламбарскія высоты были теперь въ нашихъ рукахъ; взятіемъ ея баталіонъ значительно облегчилъ рѣшеніе главной задачи 29-го апрѣля, т. е. штурмъ хуцубанскихъ высотъ. Но на этомъ баталіонъ не остановился: занявъ Аламбара, онъ немедленно же выслалъ 3-ю и 4-ю роты для занятія позиціи по близости къ Хуцубани, чтобы съ этихъ позицій поддерживать своимъ огнемъ атаку двигавшихся тогда нашихъ войскъ на Хуцубани. И это было весьма кстати, такъ какъ роты, расположившись на позиціи, открыли сильный огонь по непріятелю какъ разъ въ то время, когда онъ довелъ свой ружейный огонь противъ атакующихъ до чрезвычайнаго напряженія. Мало того, большія партіи, выдвинувшіяся для охвата праваго фланга штурмующей колонны, попавъ подъ мѣткій огонь 3-й и 4-й ротъ гомборцевъ и угрожаемыя резервомъ, высланнымъ на поддержку праваго фланга штурмующихъ, оставили свое намѣреніе. Войска наши, и впереди всѣхъ 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, завладѣли хуцубанскими высотами. Успѣхъ этотъ въ значительной степени былъ подготовленъ штурмомъ Аламбара, что было признано генераломъ Оклобжіо, который немедленно же прибылъ къ гомборцамъ и горячо благодарилъ ихъ за подвигъ, а въ подтвержденіе представилъ многихъ къ наградамъ, которыя, по относительному числу, значительно превзошли награды, пожалованныя другимъ частямъ за 29 апрѣля. Награды эти были слѣдующія: маіору Геричу и капитану Бейнардту—ордена св. Станислава 2-й степени съ мечами; капитану Линдбладту—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; поручику Побыванцу и подпоручику Курочкину—ордена св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и подпоручику Купцову—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Нижніе чины получили 20 знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени [13]). Потери же баталіона были слѣдующія: убитъ поручикъ Мищенко-Анисимовъ; контужены: маіоръ Геричъ и подпоручикъ Гороновичъ; нижнихъ чиновъ убито 6 и ранено 30. Но особенно чувствительна была потеря Мищенки-Анисимова, снискавшаго уваженіе начальства и товарищей благодаря своимъ обширнымъ военнымъ познаніямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ.

---

[13]) Кресты 4-й степени получили: фельдфебель Сергѣй Мирошниковъ; унтеръ-офицеры—Иванъ Ломоткинъ, Иванъ Пономаревъ, Григорій Никитинъ, Сергѣй Куркинъ, Семенъ Дудинъ; рр: Евстафій Ковалевъ, Антинъ Зайцевъ, Александръ Красильниковъ, Трофимъ Ральскій, Яковъ Жилкинъ, Никита Мякушевъ, Иванъ Борщъ, Иванъ Евдокимовъ, Онуфрій Ткачевъ, Александръ Быбикъ, Матвѣй Цалка, Михаилъ Сергѣенко, Демьянъ Подопригора, Феногенъ Юменскій.

До обезпеченія тыла и укрѣпленія хуцубанской позиціи, баталіонъ продолжалъ оставаться на Аламбара и только 10 мая былъ передвинутъ на Хуцубани и расположенъ на такъ называемомъ „денибековскомъ курганѣ".

До 29-го апрѣля мы имѣли дѣла съ одними лишь кобулетцами. Турки принимали участіе пока инструкціями и внушеніями. И въ дѣлѣ 29-го апрѣля число сражавшихся противъ насъ кобулетцевъ, какъ передавали лазутчики, было свыше 4 тысячъ. Впрочемъ, къ нимъ была отряжена на хуцубанскую позицію часть турецкихъ регулярныхъ войскъ съ Цихисдзири. Кромѣ того, занятіемъ Хуцубани мы приблизились къ Цихисдзири и стали между турками и населеніемъ Кобулетъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, отношенія къ намъ кобулетцевъ должны измѣниться къ лучшему, но ничуть не бывало; напротивъ того, они стали еще назойливѣе. Положеніе нашего отряда, окруженнаго сѣтью враждебныхъ кобулетцевъ, должно было сильно безпокоить генерала Оклобжіо, вслѣдствіе чего онъ и дѣйствовалъ крайне медленно и осмотрительно, двигаясь впередъ не иначе, какъ связавъ вновь занятыя позиціи съ тыломъ хорошими колесными дорогами. Вслѣдъ за взятіемъ хуцубанскихъ высотъ, одни только жители верхнихъ Кобулетъ согласились положить оружіе, но съ условіемъ, чтобы мы заняли и высоты Самебы, отдѣленной отъ Хуцубани рѣкою Кинтриши. Занятіемъ Самебы мы лишали турокъ возможности проникнуть въ деревни верхніе Кобулеты для наказанія жителей за ихъ измѣну. Кромѣ того, именитые жители деревни верх. Кобулетъ, боясь мести со стороны враждебныхъ намъ кобулетцевъ, требовали присутствія между ними русскаго отряда: нужно было обезопасить ихъ, отправивъ къ нимъ небольшой отрядъ. Въ виду этого, 15 мая организованы были, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, двѣ колонны: правая для занятія Самебы, лѣвая для занятія деревни верхніе Кобулеты; 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ былъ назначенъ въ резервъ, который, въ случаѣ надобности, долженъ былъ производить демонстрацію наступленія къ рѣкѣ Кинтриши. Общая цѣль движенія отряда, согласно диспозиціи, заключалась въ томъ, чтобы, занявъ высоты лѣваго берега р. Кинтриши, т. е. Самебу и Зенити, отдѣлить такимъ образомъ мѣстное населеніе отъ турецкихъ войскъ, занимавшихъ Цихисдзири. Цѣль была достигнута блистательно: турки застигнуты врасплохъ, и Самеба очутилась въ нашихъ рукахъ почти безъ выстрѣла. И все это— „благодаря отличной распорядительности флигель-адъютанта полковника Гурчина, которымъ было строго разсчитано все движеніе и предусмотрѣны малѣйшія случайности" [14]). Небольшая перестрѣлка произошла только у Столовой горы. Роль 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона ограничилась тѣмъ, что 2-я и 3-я роты охраняли мостъ на Кинтриши и поддержали своимъ огнемъ штурмующихъ, а 1-я и 4-я роты стояли въ полной готовности отразить ударъ, которымъ угрожали кобулетцы со стороны Чахата, противъ нашей попытки къ завладѣнію Самеба. Роты эти потерь не имѣли; турецкіе снаряды, посылавшіеся съ Цихисдзири на 1-ю роту, не причинили ей даже безпокойствія. Занявъ Самебу, войска немедленно же укрѣпили ее; а баталіонъ, оставаясь до 6 іюля на Хуцубани, посылалъ людей на работы по устройству укрѣпленій и для сторожевой службы передъ Самеба. По занятіи лѣваго берега Кинтриши, войска наши стали лицомъ къ лицу съ сильно

[14]) Донесеніе начальника штаба кобулетскаго отряда полковника Казбека № 115.

укрѣпленнымъ непріятельскимъ лагеремъ на цихисдзирскихъ высотахъ. Этимъ мы лишили кобулетцевъ возможности предпринять что либо враждебное противъ насъ, а турокъ поставили въ строго оборонительное положеніе и заставили ихъ съ особенною энергіею удлинять и совершенствовать свою позицію. Кстати, къ нимъ въ это время прибыло вновь нѣсколько арабистанскихъ баталіоновъ съ новымъ, болѣе энергичнымъ командующимъ войсками Дервишемъ-пашою.

6-го іюня большая часть отряда вмѣстѣ съ 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ была сосредоточена на Самебѣ, отдѣленной отъ Цихисдзири только рѣкою Кинтышъ [15]). Съ этой позиціи и рѣшено было уяснить силы и расположеніе противника и опредѣлить пункты атаки; для этого не представлялось иного средства, какъ произвести усиленную рекогносцировку Цихисдзири. Было предположено произвести таковую 11 іюня, и, при удачномъ ея исходѣ, обратить ее въ дѣйствительный штурмъ.

Начались энергичныя приготовленія къ штурму Цихисдзири. Каждый день шли работы по устройству мостовъ черезъ Кинтриши и дорогъ съ денибековскаго кургана на самебскія высоты, на которыхъ построили сильныя батареи и ложементы. Турецкія батареи, особенно такъ называемая „желтая", усердно обстрѣливали наши вновь построенныя укрѣпленія и старались мѣшать нашимъ сапернымъ работамъ. Саперы, строившіе мосты на р. Кинтриши, подвергались гибельному, хотя и дальнему, огню кобулетцевъ изъ сакль на лѣвомъ берегу рѣки. Прикрытіе саперъ, стрѣлявшее по кобулетскимъ саклямъ изъ ружей Карле, не имѣло успѣха, по причинѣ малой мѣткости и слабаго разрушительнаго дѣйствія пуль, не проникавшихъ досчатыхъ стѣнъ кобулетскихъ сакль. Тогда нѣсколько гомборскихъ стрѣлковъ, руководимые капитаномъ Линдбладтомъ, поставили прицѣлъ на 1200 шаговъ и, открывъ огонь по саклямъ, немедленно же выкурили изъ нихъ кобулетскихъ стрѣлковъ и тѣмъ обезпечили наши саперныя работы. Но Дервишъ-паша старался безпокоить насъ также и высылкою таборовъ на наши фланги; это обстоятельство отражалось и на гомборскомъ баталіонѣ. Такъ, 8-го іюня, онъ былъ передвинутъ, въ виду ожидавшагося наступленія турокъ, на правый флангъ Столовой горы для усиленія находившихся тамъ войскъ и здѣсь провелъ всю ночь въ полной готовности встрѣтить турокъ; но ожиданія атаки не сбылись, и баталіонъ утромъ же перешелъ обратно на самебскую позицію и сталъ готовиться къ предполагавшемуся на 11-е іюня штурму цихисдзирскихъ высотъ.

Укрѣпленный лагерь турокъ состоялъ изъ трехъ сильныхъ оборонительныхъ линій: 1) ближайшаго къ намъ хребта Квирике, 2) высотъ Дегва и 3) горъ Цыпнари. Всѣ три линіи были обращены фронтомъ къ долинѣ рѣкъ Кинтриши и Чолока. На высотахъ Квирике турки построили цѣлую сѣть укрѣпленій, отличительная черта которыхъ состояла въ тыльной оборонѣ нижнихъ укрѣпленій верхними. Особенное вниманіе обратили турки на батареи. Оцѣнка и выборъ пунктовъ для этихъ батарей, ихъ система расположенія, тщательно очищенныя эспланады передъ ними для наилучшаго обстрѣла, нѣсколько ярусовъ траншей, оборонявшихъ подступы къ нимъ, доказывали замѣчательное умѣніе турокъ пользоваться всѣми оборонительными

[15]) Р. Кинтышъ легко смѣшать, по сходству названій, съ р. Кинтриши. Первая отдѣляетъ Самебу отъ высотъ Цихисдзири, вторая же—Хуцубани отъ Самебы.

свойствами и безъ того неприступной своей позиціи. Оборонительная линія Квирике состояла изъ 5 батарей, множества ложементовъ и траншей [16]). Самая сильная и ближайшая къ намъ батарея носила названіе „желтой батареи“ (Акширъ-табіэ); батарея эта, расположенная почти противъ центра нашей позиціи и командовавшая ею, имѣла довольно сильную профиль и была вооружена четырмя 6-ти-фунтовыми дальнобойными орудіями, стрѣлявшими черезъ банкъ; она была опоясана тремя рядами открытыхъ и блиндированныхъ траншей. Вторая и третья оборонительныя линіи были усѣяны множествомъ батарей и открытыхъ и сомкнутыхъ укрѣпленій, построенныхъ по всѣмъ правиламъ фортификаціи, огражденныхъ искуственными препятствіями: проволочными сѣтями, волчьими ямами и т. п. Въ довершеніе всего, число защитниковъ Цихисдзири доходило до 30-ти тысячъ человѣкъ пѣхоты и артилеріи. Пространство, раздѣлявшее насъ отъ Квирике, представляло рядъ холмовъ, прорѣзанныхъ глубокими балками и покрытыхъ непроницаемымъ лѣсомъ; хотя эти балки и могли доставить штурмующимъ временное укрытіе отъ выстрѣловъ непріятеля, но онѣ были не только безъ дорогъ, но и весьма трудно проходимы. Штурмующія колонны могли, и то вначалѣ только, наступать узкими тропами, которыя вели неизвѣстно куда: густота лѣса исключала всякую возможность оріентироваться. При наступленіи черезъ подобную среду, люди обязательно должны выходить изъ рукъ начальниковъ и даже теряться и перемѣшиваться съ другими частями.

Обходъ фланговъ описанной сейчасъ позиціи былъ буквально невозможенъ: лѣвый флангъ ея упирался въ Черное море и былъ обезпеченъ турецкими броненосцами, вооруженными девяти-дюймовыми орудіями; правый же флангъ Цихисдзири упирался въ недоступный аджарскій хребетъ. Оставалось одно: произвести на Цихисдзири фронтальную атаку. Пунктами атаки были избраны двѣ наиболѣе доступныя батареи турокъ: 1) Акширъ-табіэ („желтая батарея“) на Квирике и 2) Османъ-табіэ („амбразурная“) на Дегвѣ.

Рѣшительную атаку предположено было повести на Акширъ-табіэ, на „амбразурную“ же батарею—лишь демонстрировать. По диспозиціи, отданной на 11-е іюня, всѣ войска, назначенныя на штурмъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря, должны были составить двѣ колонны (правую и лѣвую) и резервъ. Правая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шелеметева, должна была въ началѣ демонстрировать на „амбразурную батарею“ Дегвы, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ „желтой батареи“, на которую лѣвая колонна фл.-адъют. полковника Гурчина должна была повести рѣшительную атаку. Лѣвая колонна была, въ свою очередь, подраздѣлена на два фланга (правый и лѣвый) и общій резервъ. Правый флангъ [17]), подъ командою подполковника Козелкова, въ составѣ трехъ баталіоновъ, въ томъ числѣ и гомборскаго, и восьми орудій, получилъ приказаніе: переправиться черезъ р. Кинтышъ и атаковать „желтую батарею“. Лѣвый флангъ и резервъ должны были лишь содѣйствовать правому флангу въ рѣшеніи главной задачи, возложенной на лѣвую колонну. Бой должна была завязать наша артилерія съ самебской позиціи.

---

[16]) Описаніе боевой жизни 41 арт. бриг. въ войну 1877—1878 г.г. шт.-кап. ф.-Климанъ.

[17]) 1-й Его Высочества и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, Пластунскій баталіонъ и 5-я батарея 41 арт. бригады.

Ровно въ 6 часовъ съ нашей позиціи послѣдовалъ первый орудійный выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ сваливанію заранѣе подпиленныхъ деревьевъ передъ батареями на всей линіи Самеба; демаскированныя такимъ образомъ, батареи наши начали канонаду, сосредоточивъ свой огонь преимущественно на „желтой батареѣ“. Турки не замедлили отвѣчать на нашъ артилерійскій огонь, и къ 8 часамъ бомбардировка съ обѣихъ сторонъ дошла до большаго напряженія. На неумолкаемый огонь нашихъ 46-ти орудій турки отвѣчали самымъ энергичнымъ огнемъ изъ своихъ 30 орудій разныхъ калибровъ. Кромѣ того, къ постоянно дежурившему у береговъ Чурукъ-су турецкому броненосцу присоединились еще два военныхъ парохода, которые съ самаго начала боя усердно бомбардировали нашъ правый флангъ. „Окрестность, пишетъ участникъ сраженія, три часа ревѣла и стонала отъ грома исключительно только одного артилерійскаго огня“ [18]). Стрѣльба нашихъ батарей, въ началѣ неудачная, по трудности пристрѣлки въ гористой и лѣсистой мѣстности, становилась, повидимому, все дѣйствительнѣе, потому что нѣкоторыя непріятельскія батареи, а въ особенности „желтая“, главная наша мишень, начали понемногу ослабѣвать, а къ девяти часамъ и окончательно замолкли. Этого оказалось вполнѣ достаточнымъ для предположенія, что наступила минута для всеобщей атаки. По знаку ген. Оклобжіо взвились у насъ три ракеты, и на высотахъ Хунубани былъ поднятъ значокъ командующаго войсками. Раздались звуки гимна, и началось наступленіе лѣвой колонны. Первымъ двинулся ея правый флангъ. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ [19]), входившій въ его составъ, построившись по-ротно въ двѣ линіи, двинулся по весьма крутому спуску къ р. Кинтышъ. Лѣвѣе его начали спускаться 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и пластуны. Тропинки, по которымъ потянулись гуськомъ стрѣлки и гомборцы, шли среди густаго едва проходимаго лѣса, заросшаго вѣковыми деревьями, переплетенными ползучими растеніями. Едва только движеніе баталіона было замѣчено непріятелемъ, какъ турецкая пѣхота, не подававшая до того времени и признаковъ жизни, открыла убійственный огонь изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ окоповъ. Хотя густота лѣса способствовала скрытному движенію баталіона, но, по недостатку дорогъ и невозможности ориентироваться въ лѣсу, роты то и дѣло скучивались, особенно при переходѣ въ бродъ черезъ р. Кинтышъ, имѣвшую весьма мало переправъ. Перейдя, подъ сильнымъ огнемъ, рѣку, роты баталіона стали подниматься на первую промежуточную высоту между Кинтышемъ и Квирике. Карабкаясь гуськомъ по почти отвѣсному скату, заросшему сплошнымъ колючимъ кустарникомъ, стрѣлки взобрались, наконецъ, на вершину хребта и были разсыпаны по ея гребню въ цѣпь. Но долго оставаться на этомъ гребнѣ, обдававшемся непрерывнымъ свинцовымъ градомъ, было невозможно; нужно было скорѣе пройти этотъ адъ, отдѣлявшій насъ отъ турецкихъ ложементовъ. По этому, пострѣлявъ немного, баталіонъ сталъ быстро спускаться съ хребта, преодолѣвая тѣ же препятствія, какія встрѣчалъ онъ на своемъ пути при восхожденіи на хребетъ. Пришлось переправляться черезъ множество глубокихъ овраговъ,

[18]) Описаніе боевой жизни 4-го кав. стрѣл. бат. штабсъ-капитана Попова.

[19]) Въ составѣ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 16, унтеръ-офицеровъ 100, музыкантовъ 16, рядовыхъ 673.

промонинъ. Когда же роты вышли на открытую поляну, то положеніе ихъ сдѣлалось еще хуже; ихъ стали уже съ трехъ сторонъ хлестать свинцовымъ ливнемъ изъ множества фланговыхъ и фронтальныхъ блокгаузовъ, засѣкъ и заваловъ. Храбро подвигаясь подъ этимъ убійственнымъ огнемъ и овладѣвая передовыми завалами и траншеями, выбивая турокъ изъ всѣхъ закрытій, роты наши поднялись, наконецъ, на вторую возвышенность; но ни ружейный огонь нашихъ резервовъ, ни даже шрапнель нашихъ девяти-фунтовыхъ батарей не могли ослабить энергичной ружейной пальбы турокъ; покровительствуя нашему движенію лишь въ слабой степени, они имѣли скорѣе нравственное значеніе, такъ какъ ни бердановскія пули, ни осколки картечныхъ гранатъ, не могли съ достаточнымъ успѣхомъ бороться съ прочнымъ блиндажомъ турецкихъ окоповъ и ложементовъ. Артилерія, правда, открыла присутствіе блиндажей въ турецкихъ окопахъ и начала обстрѣливать ихъ обыкновенными гранатами, но это было лишь тогда, когда вся линія штурмующихъ войскъ вошла въ мертвое пространство подъ Квирике.

На второмъ возвышеніи ружейный огонь турокъ сдѣлался еще губительнѣе. Стрѣлки не могли безнаказанно занимать разбросанные на этомъ гребнѣ досчатые домики; нельзя было даже становиться за ними на время для того, чтобы сколько нибудь перевести духъ, такъ какъ ихъ легко пронизывали насквозь пиподіевскія пули съ ближайшихъ траншей. Жара и жажда мучили людей, ярость которыхъ не имѣла границъ; въ это время самое горячее желаніе всѣхъ и каждаго было поскорѣе броситься въ турецкіе окопы и однимъ ударомъ покончить все. Спускаясь съ гребня и выбивая штыками противника изъ сакль и засѣкъ, роты баталіона, съ боемъ и подъ страшнымъ огнемъ, прошли все пространство до подошвы Квирике. Разстояніе, отдѣлявшее ихъ теперь отъ ближайшей непріятельской траншеи, сократилось до 150—200 шаговъ; но броситься съ сильно порѣдѣвшею, измученною цѣпью на свѣжаго и хорошо обороняющагося за закрытіемъ противника было безразсудно, а главное, напрасно; по этому пришлось подъ жесточайшимъ огнемъ ждать приближенія резервовъ. Такъ какъ правый флангъ колонны генерала Шелеметева не переходилъ еще въ наступленіе, то турки, сообразивъ, что главная атака поведена нами противъ „желтой батареи“, стянули къ послѣдней почти всѣ войска со своихъ фланговъ и, занявъ ими три яруса траншей впереди означенной батареи, буквально заливали свинцомъ всю впереди лежащую мѣстность.

Было уже около 3-хъ часовъ пополудни, когда стали подходить резервы; съ ихъ приближеніемъ, въ войскахъ, позади первой линіи, раздалось „ура“. Рота Его Высочества и 3-я, бывшія ближе всѣхъ къ турецкимъ ложементамъ, подъ впечатлѣніемъ этого крика, умоляли своихъ офицеровъ пустить ихъ въ атаку; лишь строжайшая дисциплина могла удержать порывъ этихъ ротъ, страстно желавшихъ идти на вѣрную смерть. Наконецъ, къ передовой цѣпи подошли и резервы. Тогда роты баталіона, по командѣ „впередъ“, поднялись, начали карабкаться по страшной крутизнѣ и, приблизясь на 50 шаговъ, съ крикомъ „ура“ бросились впередъ. На этотъ крикъ турки, нисколько не теряясь, отвѣтили залпами. Не смотря на это, взводъ 4-й роты, съ отважнымъ поручикомъ Бавталовскимъ во главѣ, ворвался въ турецкій окопъ и, штыками выбивъ оттуда турокъ, занялъ его.

Но это было безполезно; такъ какъ передніе ложементы прекрасно обстрѣливались съ заднихъ, то поручику Бавталовскому оставалось одно: поскорѣе убрать оттуда свой сильно порѣдѣвшій взводъ героевъ. Онъ отступилъ за ближайшій перегибъ. „Подъ жесточайшимъ перекрестнымъ двухъ и трехъ-яруснымъ огнемъ, пишетъ участникъ боя и очевидецъ, стрѣлкамъ удается овладѣть нижнею траншеею, но всѣ ихъ дальнѣйшія попытки остаются безуспѣшны. Всѣ преимущества мѣстности и превосходство ружейнаго огня переходятъ въ подавляющей степени на сторону турокъ. Вертикальные обрывы, груды поваленныхъ для образованія эспланадъ деревьевъ, полное отсутствіе пунктовъ, хоть сколько нибудь удобныхъ для сосредоточенія болѣе или менѣе значительной массы пѣхоты для приступа, рѣшительная невозможность развить свои силы и дѣйствовать длиннымъ фронтомъ, наконецъ, убійственный многоярусный огонь, рѣшаютъ участь этого дня не въ нашу пользу. Напрасно отдѣльными толпами лѣзли отважные стрѣлки на приступъ; груды раненыхъ и убитыхъ и неизбѣжное отступленіе уцѣлѣвшихъ сопровождаютъ геройскія усилія этихъ людей“ [20]).

Но неудача и свинцовый дождь не остановили нашихъ офицеровъ; они быстро собираютъ стрѣлковъ и снова съ большею энергіею, но и съ большими потерями, бросаются къ ложементамъ; наконецъ, ихъ останавливаютъ, но не турки, а свои начальники. И это было настоятельно необходимо, ибо ряды штурмующихъ порѣдѣли донельзя; уцѣлѣвшіе же были измучены десяти-часовымъ боемъ. Новыя атаки только разслабляли бы насъ все болѣе и болѣе, не причиняя туркамъ ни малѣйшаго вреда. Въ виду этого командующій войсками счелъ нужнымъ временно пріостановить наступленіе. По приказанію флигель-адъютанта полковника Гурчина баталіонъ отошелъ назадъ и, расположившись въ мертвомъ пространствѣ за отнятымъ у турокъ хребтомъ, сталъ ожидать приказанія или сигнала къ новой атакѣ. Но ожиданія эти не сбылись. Наступила ясная лунная ночь, и, въ виду нашихъ войскъ, турки дѣятельно принялись исправлять свои земляныя работы и снабжать войска въ траншеяхъ огнестрѣльными припасами. Безцѣльная пальба, затѣянная нами съ цѣлью помѣшать работамъ турокъ, только тревожила наши отдыхавшія войска, силы которыхъ были необходимы теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Съ разсвѣтомъ началась канонада, и „желтая батарея“ обнаружила необычайную энергію. Оказалось, что орудія на ней были не подбиты, какъ мы полагали, начиная штурмъ, а свезены, въ виду ожидавшейся съ нашей стороны атаки, дабы они не попали въ наши руки. Не подлежало сомнѣнію, что наша вчерашняя неудача сильно подняла духъ турецкихъ войскъ, и что наша новая атака была бы отбита еще энергичнѣе. Но атаковать намъ не пришлось. Баталіоны получили приказаніе отступить.

Оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ провели ночь, по взводу отъ 2-й и 3-й ротъ, подъ командою двухъ офицеровъ, для прикрытія отступленія, гомборцы, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, начали скрытно и безъ шума спускаться къ р. Кинтышъ и остановились у перевязочнаго пункта, гдѣ баталіонъ раздѣлился: 2-я и 3-я роты высланы на правый берегъ Кинтыша, чтобы принять отступающихъ, въ случаѣ надобности, подъ прикрытіе своего огня; 1-я же и 4-я роты назначены въ прикрытіе раненыхъ на случай, еслибы

[20]) Описаніе боевой жизни 41-й арт. бригады въ минувшую войну 1877—1878 гг.

турки вздумали преслѣдовать отступающія войска. Надо сказать, что раненые большею частью были оставляемы своими частями безъ прикрытія. „Раненыхъ было много, и никто не думалъ ихъ убирать, пишутъ участники. Наконецъ, показалась изъ лѣсу Грузинская дружина, которая, по просьбѣ князя Барятинскаго, отдѣлила часть людей для переноски раненыхъ и убитыхъ. Хотя для этой же цѣли и 1-я и 4-я роты отдѣлили по полуротѣ, но, все таки, забрать ихъ всѣхъ мы не имѣли никакой физической возможности. По счастію, черезъ нѣсколько времени подошла рота Пятигорскаго полка, которую уговорили также забрать своихъ раненыхъ. Но такъ какъ и этого было недостаточно, то для уборки остальныхъ — 1-й и 4-й ротамъ пришлось отдѣлить еще по полувзводу“ [21]).

Гомборцы и дружинники остались, такимъ образомъ, вѣрны обычаю, усвоенному ими у горцевъ, относившихся съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ павшимъ въ полѣ чести.

Вторая и третья роты стрѣлковъ Его Высочества, выстроившись, подъ огнемъ непріятеля, фронтомъ къ переправѣ черезъ р. Кишышъ, пропустили войска лѣвой колонны на Самеба и только вслѣдъ за ними начали отступать сами, не упуская случая подбирать по пути своихъ и чужихъ раненыхъ. Турки почему-то долго не рѣшались преслѣдовать насъ, и только въ 9 часовъ, когда всѣ наши войска стянулись на Самебѣ, по всей турецкой линіи пронесся крикъ „алла, алла“; вмѣстѣ съ тѣмъ батареи турокъ до крайности участили стрѣльбу, а пѣхота ихъ всею лишею спустилась съ своихъ позицій къ Кишышу и повела весьма рѣшительную атаку на наши передовыя позиціи. Но войска наши, уже выстроившись на своихъ прежнихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, могли встрѣтить эту атаку въ полномъ порядкѣ, а баталіонъ стрѣлковъ Его Высочества былъ немедленно же двинутъ на поддержку батареи Бучкіева, на которую турки повели особенно энергичную атаку. Турки хотя и понесли большой уронъ отъ мѣткаго огня нашихъ бердановъ, но это не остановило ихъ; оставшіеся въ живыхъ съ удвоенной энергіею бросились на батарею, но ее выручила стойкость гомборскихъ стрѣлковъ, штыками опрокинувшихъ нѣсколько ротъ редифовъ, полѣзшихъ на пушки [22]). Такимъ же почти образомъ была отбита атака турокъ и на другихъ пунктахъ нашей позиціи. Укрывшись въ балкахъ и въ лѣсахъ на лѣвомъ берегу Кишыша, турки еще долго вели перестрѣлку съ нашею цѣпью, а батареи ихъ энергично обстрѣливали наши позиціи. Усилившись новыми таборами, они повели вторичную атаку, но уже не такъ храбро, ибо гибли массами отъ нашего картечнаго и ружейнаго огня. Атаки турокъ прекратились только въ 6 часовъ вечера, но ружейная и артилерійская пальба ихъ прекратилась лишь съ наступленіемъ темноты. Потеря баталіона за эти два дня состояла въ 25 убитыхъ и 56 раненыхъ нижнихъ чинахъ. Подвиги гомборцевъ были признаны въ достаточной мѣрѣ наградами офицерамъ и въ особенности нижнимъ чинамъ. За 11-е и 12-е іюня были пожалованы: капитану Бейнардту—орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; подпоручику Габаеву 1-му—орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ; прапорщикамъ Лонги-

[21]) Описаніе боевой жизни 1-го кавказскаго стрѣлковаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона въ войну 1877—1878 г.г. ш.-к. Курочкина и прап. Сергѣева.

[22]) Описаніе боевой жизни 4 кав. стрѣл. баталіона, штабсъ-капитана Попова.

нову и Преображенскому—ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ; нижнимъ чинамъ—53 знака отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени [23]).

Вторично атаковать Цихисдзири съ имѣвшимися подъ рукою силами было немыслимо, такъ какъ и безъ того мы слишкомъ дорогою цѣною купили убѣжденіе, что съ такимъ ничтожнымъ числомъ войскъ, хотя и безъ-завѣтно храбрыхъ, и съ такою малокалиберною артилеріею, которую мы едва могли принести съ собою въ эти трущобы,—бороться съ цихисдзирскими твердынями нельзя. Взять же войска и пушки большаго калибра было неоткуда: на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ Анатоліи мы терпѣли въ это время большой недостатокъ въ нихъ. Мы не могли усилить, напримѣръ, слабаго александропольскаго отряда, противъ котораго стояла громадная армія Мухтара-паши, ибо волненіе горцевъ на Кавказѣ, а также десантныя войска Фезли-паши, отвлекали значительно войскъ. При такихъ условіяхъ удержаніе всѣхъ частей войскъ противъ Цихисдзири было болѣе чѣмъ безцѣльно. Рѣшено было по этому, выдѣливъ часть войскъ въ другіе отряды, держаться подъ Цихисдзири строго оборонительной системы дѣйствій. Было бы пока совершенно для насъ достаточно отвлекать силы Дервиша-паши отъ главнаго театра войны. Но оставаться для этого на Самеба было безразсудно: позиція эта, будучи въ сферѣ вліянія Цихисдзири, была вдвойне для насъ невыгодна, такъ какъ занятіе ея должно было еще и вынуждать насъ тратить напрасно значительныя силы для прикрытія лишь своего тыла и сообщенія съ Озургетами на большомъ протяженіи. По этому и рѣшено было отступить на Муха-эстате и здѣсь укрѣпиться.

Неудача наша подъ Цихисдзири сильно подняла духъ и предпріимчивость кобулетцевъ: дерзость ихъ сдѣлалась изумительною; повидимому, они хотѣли умилостивить турокъ, готовившихся наказать ихъ за недавнюю преданность намъ. Теперь не было уже ни одного преданнаго намъ кобулетца. Они принуждали насъ держать сильные сторожевые посты, такъ что, напримѣръ, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ до 15 іюня ежедневно высылалъ по двѣ роты въ цѣпь.

Предстояло по этому весьма трудное отступленіе. Совершить его днемъ съ многочисленною артилеріею, не имѣя достаточнаго числа дорогъ, мостовъ черезъ глубокій Кинтриши было бы крайне опасно: переѣди турки въ наступленіе на насъ, отступающихъ, и бѣдствія наши были бы неисчислимы. По этому рѣшено было произвести отступленіе темною ночью, а чтобы замаскировать его, производились передъ тѣмъ ночныя передви-

---

[23]) Фельдфебеля: Петръ Грызловъ, Федотъ Коникъ, Петръ Новиковъ, Андрей Шульгинъ, Яковъ Коресуновъ; унтеръ-офицеры: Терентій Соланикъ, Яковъ Князевъ, Иванъ Князевъ, Василій Левитскій, Николай Бобакъ, Алексѣй Вахтинъ, Трофимъ Пугачевъ, Алексѣй Чернышевъ, Акимъ Пытовъ, Федоръ Глинкинъ, Семенъ Клименко, Андрей Тарасовъ, Григорій Угрюмъ, Сидоръ Бологовъ; р.р.: Осипъ Дроздовъ, Иванъ Лобовъ, Семенъ Вичканюкъ, Михаилъ Калининъ, Федоръ Костиничъ, Игнатъ Сѣдовъ, Никита Курбатовъ, Клементій Мишенко, Григорій Дуронишкинъ, Семенъ Суторлинъ, Андрей Степановъ, Дмитрій Еловенко, Кузьма Межевъ, Никита Жабинъ, Иванъ Дубовъ, Дмитрій Бердинковъ, Мартынъ Торопчинъ, Андрей Гузенко, Василій Панченко, Василій Чайкинъ, Филиппъ Чуркинъ, Михаилъ Паляничко, Василій Парывъ, Демидъ Вышкварка, Сергѣй Свѣтиковъ, Яковъ Китаевъ, Кузьма Бондаренко, Евсѣй Гранкинъ, Павелъ Бучацкій, Василій Скоторенко, Антонъ Удовидченко, Эрнестъ и Эйнгацеръ.

женія войскъ по разнымъ направленіямъ. Уловка удалась въ достаточной степени; даже неугомонные кобулетцы, не отходившіе все время отъ отряда, были введены въ заблужденіе относительно нашихъ ночныхъ передвиженій. 15-го іюня начала вытягиваться по направленію къ Муха-эстатэ наша артилерія съ тяжестями, а въ ночь на 17-е іюня произведено было общее отступленіе войскъ съ Самебы на Муха-эстатэ. Войска начали отступать тремя колоннами, понемногу и безъ шума. Для охраны ихъ были выдвинуты за мосты и переправы первыя три роты 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона; 4-я же рота была оставлена на мѣстѣ для прикрытія отступленія войскъ; она перешла черезъ мостъ на Кинтышѣ послѣднею, послѣ чего этотъ мостъ былъ немедленно же разобранъ. Турки прозѣвали добычу. Одни кобулетцы, догадавшись, въ чемъ дѣло, начали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ и тѣснить хвостъ колонны, еще не успѣвшей стянуться на Муха-эстатэ. 4-я рота имѣла съ ними небольшую перестрѣлку и тѣмъ остановила ихъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Въ 7 часовъ утра весь отрядъ стоялъ уже на муха-эстатской позиціи. Сами турки открыли наше отступленіе, когда уже было поздно атаковать насъ. Хотя они спустились съ горъ для преслѣдованія насъ, но пока ограничились занятіемъ хуцубанскихъ высотъ. 17 іюня было получено приказаніе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею—двинуть 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ къ Александрополю, въ составъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, а 18 числа былъ прочитанъ этому баталіону слѣдующій приказъ по отряду:

„Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны, вы, войска кобулетскаго отряда, понесли трудъ достойный полнаго вниманія. Въ это время, не говоря объ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ кобулетцами, вы соорудили болѣе 70-ти прекрасныхъ колесныхъ дорогъ, разработанныхъ заново въ чрезвычайно пересѣченной и лѣсистой мѣстности, построили четыре укрѣпленныхъ позиціи значительныхъ размѣровъ, совершили четыре блестящихъ горныхъ экспедиціи и имѣли три крупныхъ дѣла, въ числѣ которыхъ одно двухдневное сраженіе, гдѣ противъ васъ дѣйствовала большая часть батумскаго корпуса. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не смотря на то, что мы не имѣли никакихъ крупныхъ трофеевъ, вы вели себя героями и оставались побѣдителями. Противникъ, значительно превосходившій насъ числомъ войскъ, только одинъ разъ рискнулъ атаковать нашу позицію и, потерявъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ войскъ, снова заперся въ своемъ укрѣпленномъ цихисдзирскомъ лагерѣ.

Нынѣ, когда высшему начальству угодно, чтобы нѣсколько баталіоновъ и батарей, изъ состава кобулетскаго отряда, поспѣшили на другіе театры военныхъ дѣйствій, вы должны покинуть позиціи, занятыя вашими геройскими усиліями и отойти нѣсколько назадъ, чтобы исполнить съ прежнимъ геройствомъ новую задачу, предназначенную намъ начальствомъ. Прощаясь съ частями войскъ, исключаемыми изъ состава кобулетскаго отряда, я приношу какъ имъ, такъ и остающимся со мною генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ мое душевное спасибо за ихъ честную и геройскую службу въ составѣ кобулетскаго отряда“.

19 числа, передъ выступленіемъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона изъ состава кобулетскаго отряда, высшія начальствующія лица: ге-

нералы Оклобжіо, Девибековъ и командовавшій кавказскою стрѣлковою бригадою флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ посѣтили его и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поблагодарили его за геройскую службу, совершенные подвиги и понесенные труды. „Три крупныхъ дѣла“, о которыхъ упоминалъ приказъ по отряду, заключались, какъ уже извѣстно, въ борьбѣ съ защитниками Батума на трехъ опорныхъ пунктахъ, охранявшихъ доступы къ этому городу; пункты эти были: Муха-эстатэ, Хуцубани и Цихисдзири. Они были сильно заняты войсками и окружены сѣтью партизанскихъ отрядовъ. Кобулетскому отряду необходимо было послѣдовательно занять эти пункты одинъ за другимъ и бороться съ неутомимыми партіями кобулетцевъ въ недоступныхъ трущобахъ. Главнѣйшія роли въ этихъ дѣлахъ выпали на долю 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Онъ первый завязалъ бой съ врагомъ и, штурмуя высоты Легвы, занятыя большими партіями кобулетцевъ, очистилъ дорогу на Муха-эстатэ и своимъ огнемъ помогъ нашимъ войскамъ занять эту укрѣпленную позицію почти безъ сопротивленія. Въ операціи противъ высотъ Хуцубани задача баталіона была еще труднѣе: вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія мѣстности, дорогъ и расположенія противника, онъ понесъ большія потери, но рѣшительнымъ, тѣмъ не менѣе, штурмомъ прикрывавшихъ Хуцубани аламбарскихъ высотъ, укрѣпленныхъ завалами, засѣками и редюптомъ (мечетью), оборонявшихся кобулетцами и регулярными турецкими войсками, баталіонъ обезпечилъ движеніе нашихъ войскъ на Хуцубани; занятіемъ же Аламбара и сосѣднихъ къ Хуцубани высотъ, а также и парированіемъ обходнаго движенія турокъ на правый флангъ нашей штурмовой колонны баталіонъ, въ значительной степени, облегчилъ самый штурмъ и занятіе нашими войсками Хуцубани. Наконецъ, при атакѣ на Цихисдзири геройскія усилія баталіона, первымъ ворвавшагося въ передовую траншею турокъ, и вызвавшаго подражаніе и въ другихъ баталіонахъ, рѣшили вопросъ о цихисдзирскихъ высотахъ и окончательно доказали безусловную невозможность для какихъ-бы то ни было героевъ міра, при наличныхъ условіяхъ, овладѣть цихисдзирскими твердынями.

Баталіону поэтому было тяжело разставаться съ кобулетскимъ отрядомъ, который съ немалою грустью провожалъ его. „Когда баталіонъ проходилъ мимо постовъ Ленкоранскаго и Закатальскаго полковъ, то, пишутъ очевидцы, солдатики откровенно намъ говорили: „что-то будетъ намъ безъ васъ“. Баталіонъ двинулся черезъ Озургеты на станцію Самтреди и по желѣзной дорогѣ прибылъ въ ст. Михайлово. Слѣдуя отсюда черезъ Боржомъ походнымъ порядкомъ, онъ направился къ гор. Ахалцыху.

Послѣ взятія крѣпости Ардагана войска наши обложили Карсъ. Тогда турки вознамѣрились вернуть себѣ Ардаганъ и угрожать флангу главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса и для этого сосредоточили въ Ольтахъ и въ Пенякѣ болѣе восьми баталіоновъ пѣхоты и 6 орудій. Начальникъ ардаганскаго отряда, сформированнаго послѣ взятія Ардагана, для поддержанія связи этой крѣпости съ главными силами корпуса и для наблюденія за ненадежнымъ населеніемъ, полковникъ Комаровъ, бывшій командиръ гомборцевъ, смѣло двинулся съ тремя баталіонами на турокъ и очистилъ отъ нихъ Ольты и Пенякъ. Кромѣ того, онъ отразилъ турокъ, занявшихъ Ардануч, а также скопища башибузуковъ, вторгшихся въ ахалцыхскій уѣздъ. Прикрывая пути, ведущіе къ Ардагану отъ Ардануча и Ольты, а также

изъ Карса къ Зурзуну, отрядъ оставался въ такомъ положеніи до второй половины іюля, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Мухтаръ-паша рѣшилъ открыть въ тылу войскъ Комарова партизанскія дѣйствія. Собираясь вторгнуться въ александропольскій уѣздъ и желая отвлечь ардаганскій отрядъ отъ Ариачая, муширъ съ 15-го іюля началъ сосредоточивать значительныя конныя партіи въ лѣсахъ и верховьяхъ Куры съ цѣлью направить ихъ на сообщеніе войскъ Комарова. Угрожая сообщеніямъ ардаганскаго отряда, турецкіе партизаны могли значительно расширить свои дѣйствія и, наконецъ, подняли бы тревогу, которая охватила бы всѣ уѣзды до Тифлиса. Это и заставило направить въ составъ ардаганскаго отряда 1-й и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, бывшіе уже въ движеніи къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса. Такимъ образомъ, едва баталіонъ Его Высочества вступилъ въ Ахалцыхъ, какъ получилъ приказаніе немедленно же двинуться къ Ардагану и войти въ составъ ардаганскаго отряда. Переходы оказались весьма изнурительными вслѣдствіе непастной погоды и дурныхъ дорогъ, но обошлись безъ отсталыхъ. Пребываніе стрѣлковъ въ Ардаганѣ, продолжавшееся до 10 іюля, не ознаменовалось ничѣмъ, если не считать крайняго нравственнаго угнетенія ихъ отъ частыхъ извѣстій о нашихъ неудачахъ. Наконецъ, получено было сообщеніе, что муширъ готовится напасть на Ардаганъ со стороны Ольты. Это нѣсколько разнообразило жизнь баталіона, который, въ виду прикрытія Ардагана, передвинулся къ горѣ Алагёзу и, выбравъ здѣсь позицію, укрѣпился на ней [24]). Но муширъ не рѣшился почему-то перейти въ наступленіе, хотя и былъ сильно ободренъ нашими бѣдствіями подъ Зивиномъ.

Простоявъ на Алагёзѣ дня четыре, баталіонъ двинулся на Пенякъ, гдѣ уже находились елисаветпольцы и 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, направленный изъ кобулетскаго отряда также на усиленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса.

Со времени прихода въ Ардаганъ вся служба баталіона до 27-го іюля заключалась въ несеніи сторожевой службы, которая, въ виду близости врага, становилась тщательнѣе и усиленнѣе. Самое тяжелое передвиженіе было совершено 7-го іюля 2-ю и 4-ю ротами, подъ командою маіора Герича, въ сел. Омеръ-Ага для прикрытія дорогъ въ Зурзуны отъ набѣговъ извѣстнаго разбойника Меграли [25]) и стоило лишь напраснаго безпокойства.

---

[24]) Всѣ передвиженія по приходѣ въ Ардаганъ баталіонъ дѣлалъ при вьючномъ обозѣ; колесный обозъ вмѣстѣ съ остальными его тяжестями, съ помощью обывательскихъ подводъ, былъ направленъ по дорогѣ въ Ахалкалаки, за 40 верстъ отъ Ардагана, въ сел. Зурзуны. Такъ были облегчены и другія части ардаганскаго отряда въ виду носившихся упорныхъ слуховъ о рѣшительномъ намѣреніи турокъ вернуть себѣ Ардаганъ. Нѣкоторые форты этой крѣпости были даже взорваны.

[25]) Меграли, бѣглый борчалинскій разбойникъ, въ началѣ войны набралъ шайку изъ карапапаховъ и грабилъ всѣхъ, кого только могъ; опустошалъ и жегъ все, что не могъ взять съ собою. Успѣхъ вскорѣ привлекъ къ нему отовсюду массу охотниковъ и сдѣлалъ его вреднымъ для насъ. Старанія наши поймать его оказались безуспѣшными; когда же войска наши отступили отъ Зивина, Меграли, и прежде не вѣрившій въ нашъ успѣхъ, сдѣлался крайне нагломъ и рѣшился даже нападать на насъ открытою силою. Онъ перемѣнилъ бывшую свою роль разбойника на роль турецкаго партизана, а въ описываемое время фигурировалъ уже въ качествѣ турецкаго кавалерійскаго генерала, располагая значительною кавалерійскою партіею, табором низама и двумя орудіями.

Гораздо чувствительнѣе было передвиженіе баталіона 23-го іюля опять изъ-за Меграли. Онъ былъ, наконецъ, настигнутъ полковникомъ Комаровымъ, но, имѣя огромную партію, обнаружилъ замѣчательную стойкость. Начальникъ отряда потребовалъ изъ Пенякъ къ себѣ на подкрѣпленіе 1-й и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны. Оставивъ на Пенякѣ баталіонъ Елисаветпольскаго полка, подполковникъ князь Барятинскій, во главѣ означенныхъ баталіоновъ, двинулся форсированнымъ маршемъ къ Дичору на соединеніе съ колонною полковника Комарова; переходъ отъ Пенякъ до Дичора былъ сопряженъ съ большими трудностями; двигаясь частью ночью, а частью днемъ, въ сильную жару, причемъ были случаи солнечнаго удара, баталіоны прибыли въ Дичоръ, сдѣлавъ 60 верстъ.

Бой не былъ еще оконченъ, какъ князь Барятинскій „вполнѣ вовремя", по словамъ полковника Комарова, двинулъ на врага свои баталіоны. „Неожиданное появленіе нашихъ баталіоновъ вполнѣ вовремя послѣ ночнаго 45 верстнаго перехода" рѣшило судьбу Меграли. Пораженный нечаяннымъ ихъ появленіемъ у себя въ тылу и на флангѣ, онъ не только поспѣшилъ отступить къ Ардануччу, но и „обратился въ формальное бѣгство, въ разсыпную" [26]), а селенія Дичоръ и Сайзанъ, жители которыхъ стрѣляли по нашимъ войскамъ, заняты нами съ боя и сожжены дотла. Участіе жителей доказывало, что мѣстное населеніе считало насъ слабѣе турокъ. Возвратившись обратно на Пенякъ, баталіонъ сталъ ждать приказаній, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ сторожевою службою. Но, повидимому, турки не имѣли никакого желанія завладѣть Ардаганомъ; въ виду этого и рѣшено было стянуть къ главнымъ силамъ ардаганскій отрядъ полковника Комарова. Баталіонъ сильно обрадовался этому обстоятельству, такъ какъ оно избавляло его отъ томительнаго ожиданія мало-вѣроятныхъ и незначительныхъ событій. 31-го іюля баталіонъ вмѣстѣ съ другими частями ардаганскаго отряда тронулся изъ Пенякъ по направленію къ Кюрюкъ-дара, гдѣ находился лагерь главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. 2-го августа къ баталіону присоединился весь его обозъ, направленный изъ Зурзунъ кратчайшимъ, неизвѣстнымъ и опаснымъ путемъ по сѣверо-восточному берегу озера Чалдыръ-гель, подъ прикрытіемъ лишь трехъ казаковъ и баталіонныхъ фурштатовъ, вооруженныхъ на это время остававшимися въ обозѣ винтовками убитыхъ стрѣлковъ. Это направленіе было выбрано ген. Комаровымъ во избѣжаніе кружнаго пути черезъ Ахалкалаки и Александрополь. Передвиженіе обоза совершилось вполнѣ благополучно. Близость непріятеля, хотя и не обнаруживавшаго особенной предпріимчивости, заставляла баталіонъ двигаться со всѣми мѣрами предосторожности и не торопясь, такъ какъ обстоятельства легко могли вернуть его обратно на Пенякъ; такъ, онъ былъ остановленъ въ деревнѣ Наргетъ до 4-го августа. Томимые бездѣятельностью и неизвѣстностью съ одной стороны и палящими лучами знойнаго солнца съ другой, гомборцы прибыли, наконецъ, 5-го августа, въ Кюрюкъ-дара, гдѣ были весьма радушно встрѣчены лейбъ-эриванцами, своими кюрюкъ-даринскими соратниками по общепамятному славному поприщу.

---

[26]) Военный журналъ ардаганскаго отряда съ 1-го по 25 іюля 1877 года.

XXI.

Обстоятельства, вызвавшія подкрѣпленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. Турецкая позиція. Гомборцы въ рекогносцировкѣ 6 августа. Бой подъ Кизилъ-тапою и Субатаномъ. Награды. Прибытіе Августѣйшаго Главнокомандующаго въ кюрюкъ-дарнскій лагерь. Поворотъ въ настроеніи русскихъ и турецкихъ войскъ. Штурмъ гомборцами горы большіе Ягны 20-го сентября. Награды. 1-й кавалеръ ордена св. Георгія—капитанъ Бейнардтъ. Результаты боя 20-го сентября. Участіе гомборцевъ въ бою 3-го октября. Погромъ арміи Мухтара-паши и его послѣдствія. Награды.

При вступленіи кавказскихъ войскъ въ Анатолію съ цѣлью занять въ ней оборонительныя позиціи, турки оказались не совсѣмъ подготовленными. Отряды наши, довольно слабые въ отдѣльности, хотя и достаточно сильные для оборонительнаго образа дѣйствій, нигдѣ на своемъ пути не встрѣтили сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. Успѣхъ нашъ подъ Ардаганомъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на направленіе нашихъ дѣйствій. Сопротивленіе, далеко не соотвѣтствовавшее стратегической важности этой крѣпости [1]), вызвало въ насъ пренебреженіе къ туркамъ и рѣшимость покончить однимъ ударомъ съ Карсомъ, или же, оставивъ подъ нимъ небольшой наблюдательный отрядъ, съ остальными силами углубиться въ Малую Азію, занять Эрзерумъ и тѣмъ съ одной стороны обезпечить за собою всю страну, начиная отъ долины Ефрата на югѣ, до аджарскихъ горъ на сѣверѣ; съ другой—парализовать тотъ источникъ, откуда Турція черпаетъ свои главнѣйшія военныя силы. Такимъ образомъ, была рѣшена поучительная по своимъ послѣдствіямъ соганлугская экспедиція, которая, впрочемъ, и при неудачномъ исходѣ имѣла бы въ результатѣ отвлеченіе части арміи Мухтара-паши, тѣснившей небольшой отрядъ ген. Тергукасова, смѣло углубившагося въ непріятельскую территорію со стороны Эривани [2]). За Соганлугомъ около Эрзерума были сосредоточены главныя силы Мухтара-паши, который, въ ожиданіи нашего нападенія, избралъ и укрѣпилъ сильную по природѣ позицію при Зивинѣ всевозможными фортификаціонными сооруженіями. Оставивъ небольшой отрядъ генерала Девеля осаждать и бомбардировать Карсъ, командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ двинулся къ Зивину съ остальными войсками, составлявшими отрядъ генерала Геймана. Какъ о позиціи турокъ, такъ и о численности ихъ не имѣлось точныхъ свѣдѣній; сознаніе ихъ необходимости было поглощено заботами лишь о томъ, чтобы не дать туркамъ избѣгнуть поголовнаго истребленія, такъ что, при приближеніи къ непріятельской позиціи, безъ предварительной рекогносцировки, войска были двинуты генераломъ Геймановъ прямо на штурмъ, чтобы не терять времени. Не смотря однако на обычный геронзмъ нашихъ войскъ, повторилось здѣсь почти аналогичное съ цихисдзирскимъ штурмомъ; неудачный приступъ и здѣсь

---

[1]) Ардаганъ расположенъ въ долинѣ р. Куры на узлѣ дорогъ, изъ коихъ одна идетъ черезъ Артвинъ въ Батумъ, другая черезъ Ольты въ Эрзерумъ.

[2]) Генералу Тергукасову было предложено, чтобы онъ, въ виду предстоящаго бомбардированія карсскихъ укрѣпленій, произвелъ энергическую демонстрацію противъ непріятеля, сосредоточеннаго на Соганлугѣ, съ цѣлью воспрепятствовать ему явиться на помощь осажденнымъ.

убѣдилъ насъ, что турокъ не такъ мало, и они не такъ ничтожны, какъ мы полагали. Мы отступили ночью, съ предосторожностями, потерявъ убитыми и ранеными 37 офицеровъ и 807 нижнихъ чиновъ. Отступить необходимо было потому, что противъ насъ, не болѣе какъ на орудійный выстрѣлъ, находился противникъ въ превосходныхъ силахъ, ободренный удачнымъ отбитіемъ штурма; кромѣ того, въ тылу у насъ жили горцы, выселенные съ Кавказа. Этимъ хищникамъ достаточно было догадаться о нашемъ положеніи, чтобы съ ожесточеніемъ броситься на насъ.

Отрядъ генерала Геймана придвинулся къ отряду ген. Девеля, и это обстоятельство дало Мухтару-пашѣ возможность подойти къ Карсу съ силами, имѣвшими громадный перевѣсъ надъ нашими. Но этому, снявъ осаду Карса, мы отошли всѣми силами на болѣе удобную, въ оборонительномъ отношеніи, позицію и стали ждать подкрѣпленій. Получить же ихъ вовремя было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ тылу у насъ возстали Чечня и Дагестанъ. Генералу Свистунову удалось подавить это возстаніе, но зимняя неудача наша снова его разожгла. Въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, главныя силы наши расположились лагеремъ у сел. Кюрюкъ-дара, а авангардъ генерала князя Чавчавадзе, въ послѣдствіи генерала Девеля,—у сел. Башъ-кадыкляръ. Такое расположеніе прикрывало бывшую тогда нашу государственную границу отъ вторженія Мухтара-паши, ставшаго теперь лагеремъ на аладжинскихъ высотахъ, спускающихся своими юго-восточными отрогами къ Арпачаю, составлявшему нашу границу. Единственное утѣшительное явленіе въ это время представляло геройское отступленіе эриванскаго отряда, имѣвшаго въ своемъ составѣ не болѣе пяти тысячъ человѣкъ, но выдержавшаго десяти-часовое упорное нападеніе турокъ силою въ 22 баталіона, съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи и кавалеріи. Величіе духа генерала Тергукасова спасло славу нашего оружія: оно спасло также и несчастный, измученный, лишившійся всякой надежды на спасеніе, гарнизонъ Баязета, осажденнаго 12-ти-тысячнымъ сбродомъ Кази-Магомы, сына Шамиля.

Таково было положеніе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, когда появились въ Кюрюкъ-дара 1-й Его Высочества и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны. Весьма радостно встрѣченные генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, гомборцы немедленно же были передвинуты на Башъ-кадыкляръ и расположены въ авангардномъ лагерѣ. Къ этому же времени стали прибывать части 40-й пѣхотной дивизіи, такъ что силы корпуса значительно возросли. Боевыя и продовольственныя средства ихъ были теперь въ наилучшемъ состояніи. Являлась полная возможность перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и прежде всего была выдѣлена небольшая колонна въ помощь эриванскому отряду [3]). При этомъ въ распоряженіи корпуснаго командира еще оставалось: 46 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 64 сотни и 168 орудій. Съ этими силами корпусный командиръ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку непріятельской позиціи и диспозиціею на 6-е августа опредѣлилъ приблизительный планъ наступленія на эту позицію. Правый ея флангъ упирался на конусообразную возвышенность Инахъ-тепеси, расположенную у подножія аладжинскихъ высотъ съ сѣверной стороны. Укрѣпленный редутомъ, Инахъ составлялъ важный опорный пунктъ турокъ; лѣвый флангъ

[3]) 7½ бат. пѣх., 12 орудій и 4 сотни казаковъ.

позиціи оканчивался дер. Визинкеемъ. Между правымъ и лѣвымъ флангами проходилъ субатанскій оврагъ, по которому протекала рѣчка Мавракъ-чай. По лѣвой сторонѣ оврага, отъ Баинъ-кадыкляра на югъ, были расположены сел. Гюльверанъ, Субатанъ, Хаджи-вали и Буланыхъ; къ юго-западу отъ Буланыха возвышается гора Авліаръ; къ западу же отъ Авліара, почти на одной параллели, лежитъ Визинкей. Орлокскія высоты составляли крайній южный пунктъ позиціи. Нѣсколько сѣвернѣе Авліара расположены горы, въ одномъ почти направленіи: сначала большіе потомъ малые Ягны. Всѣ эти пункты къ 6-му августа были заняты непріятелемъ и укрѣплены множествомъ ложементовъ и траншей, надъ которыми турки работали больше мѣсяца. Сообщеніе между флангами пролегало около сел. Субатанъ и Хаджи-вали. Все протяженіе фронта турецкой позиціи простиралось до 25 верстъ, считая по ломанной линіи, идущей отъ Инахъ-тепеси, черезъ занятые передовые пункты, до Визинкея. Вся позиція была занята, къ 6-му августа, приблизительно тридцатью пятью тысячами войска и, сравнительно съ силами, слѣдовательно, была сильно растянута. Кромѣ того, Визинкей, составлявшій связь съ Карсомъ, былъ слабо укрѣпленъ; а субатанскій оврагъ, раздѣлявшій силы противника надвое, не допускалъ, по причинѣ обрывистыхъ скатовъ, сколько нибудь удобнаго сообщенія между ними. Во всемъ же остальномъ турецкая позиція была весьма удачно выбрана и тщательно укрѣплена въ фортификаціонномъ отношеніи. Цѣль усиленной рекогносцировки, которую рѣшилъ произвести командующій корпусомъ, состояла въ выборѣ, близъ субатанскаго ручья, такой позиціи, съ которой можно бы было развить значительный артилерійскій огонь, хотя бы противъ ближайшихъ частей непріятельскаго расположенія, и одновременно съ этимъ, если бы оказалось возможнымъ и удобнымъ,—въ занятіи горы Инахъ-тепеси. Для этой цѣли была назначена, подъ командою генералъ-лейтенанта Девеля, колонна изъ 17 баталіоновъ, въ томъ числѣ стрѣлковый Его Высочества, и 48 орудій. Другая колонна, изъ 5 баталіоновъ и 12 орудій, подъ командою генералъ-маіора Комарова, должна была, демонстрируя противъ лѣваго фланга турецкой позиціи, отвлечь силы турокъ отъ праваго фланга. 3-я колонна, изъ всей гренадерской дивизіи съ ея артилерією, подъ командою генералъ-лейтенанта Геймана, должна была поддерживать связь между первыми двумя колоннами.

Колоннѣ генерала Девеля ставилось цѣлью перейти на новую позицію впереди селенія Гюльверанъ и оттуда выслать передовыя части на Инахъ для осмотра доступовъ къ нему и оставить его, если завладѣніе имъ обѣщало слишкомъ большія потери. Для исполненія этой задачи войска ген. Девеля были раздѣлены, въ свою очередь, на три колонны. При этомъ на лѣвую колонну генерала Ореуса, въ составѣ 1-го и 4-го кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, Елисаветпольскаго и Абхазскаго полковъ, 1-й и 3-й батарей 40-й и 6-й батареи 39-й артилерійскихъ бригадъ—возлагалась атака Инаха. Лѣвая колонна, подойдя на 8 верстъ къ непріятельской позиціи, перемѣнила фронтъ къ сторонѣ Инаха; выдвинутый баталіонъ елисаветпольцевъ занялъ Тайналыхъ, а 1-й и 4-й баталіоны этого полка и стрѣлковый Его Высочества съ двумя батареями 39-й арт. бригады направлены въ обходъ черезъ дер. Джала. Бой начался артилерійскою канонадою съ Инаха, во время которой генералъ Девель произвелъ подробный осмотръ непріятельской позиціи и преимущественно Инахъ-тепеси и подступовъ, ведущихъ къ нему

и къ аладжинскимъ высотамъ, и рѣшилъ, что занятіе редута на Инахѣ хотя и было возможно, но стоило бы намъ сильнаго урона, не представляя особенныхъ выгодъ тѣмъ болѣе, что было бы очень трудно удержаться на Инахъ-тепеси, не завладѣвъ многими господствовавшими надъ нимъ траншеями и батареями, изъ которыхъ непріятель могъ бы поражать насъ не только орудійнымъ, но и ружейнымъ огнемъ. По этому всѣ три колонны генерала Девеля отошли къ Гюльверану и Кадыкляру, при чемъ гомборскій стрѣлковый баталіонъ шелъ въ хвостѣ колонны, а 4-й ротѣ капитана Бейнардта пришлось израсходовать порядочное количество патроновъ, потому что „во время отступленія непріятельская кавалерія пыталась бросаться нѣсколько разъ въ атаку, но была, по словамъ корпуснаго командира, отбиваема залпами стрѣлковыхъ цѣпей“ [4]). Отступила также и колонна полковника Комарова; не будучи вовремя подкрѣплена войсками резерва, она тѣмъ не менѣе была вынуждена принять бой, причинившій ей значительныя потери, если принять во вниманіе, что дѣлу 6-го августа серьезнаго значенія не придавали. Колонна же генерала Девеля потерь не имѣла; а у гомборцевъ не оказалось даже и отсталыхъ или заболѣвшихъ отъ сильнѣйшаго въ этотъ день зноя, тогда какъ въ другихъ частяхъ были случаи солнечнаго удара. Стрѣлковый Его Высочества баталіонъ до 12 августа несъ сторожевую службу, а затѣмъ передвинулся, согласно новому распредѣленію войскъ, въ Кюрюкъ-дара.

Во время боя 6-го августа командующій корпусомъ находился на горѣ Кизилъ-тапа, возвышающейся на плоскости передъ правымъ флангомъ турецкой позиціи; оцѣнивъ должнымъ образомъ важное значеніе этого пункта, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ приказалъ корпусному инженеру укрѣпить его. Но времени-ли для этого оказалось мало, или же неуспѣли достаточно укрѣпить его по другой причинѣ, не извѣстно; только 12-го августа Кизилъ-тапа была слабо подготовлена въ фортификаціонномъ отношеніи; вдобавокъ еще, оставленъ былъ на ней всего одинъ баталіонъ Имеретинскаго п. полка, тогда какъ для прочнаго занятія и обороны Кизилъ-тапы нужно не менѣе четырехъ баталіоновъ. Значеніе Кизилъ-тапы для насъ, главнымъ образомъ, состояло въ томъ, что, прочно занимая ее, мы удерживали противника на горахъ, парализуя его наступательныя дѣйствія.

Мухтаръ паша долженъ былъ понимать важное значеніе Кизилъ-тапы, какъ крѣпкаго опорнаго пункта. Провѣдавъ черезъ лазутчиковъ, что мы намѣрены усилить находящійся тамъ отрядъ нашъ, муширъ рѣшился отнять этотъ пунктъ при первомъ удобномъ случаѣ, который вскорѣ и представился.

Около трехъ часовъ ночи на 13-е августа турецкая конница, съ посаженною на крупахъ лошадей пѣхотою, быстро подъѣхала къ нашимъ аванпостамъ. Одѣтые какъ наши милиціонеры, черкесы закричали по-русски: „не стрѣляйте, это свои“; говорятъ, что даже на окликн данъ былъ „отзывъ“; пѣхота, прибывшая съ кавалеріею, быстро обрушилась на нашу цѣпь и смяла ее; за нею слѣдовали скорымъ шагомъ отборные арабистанскіе баталіоны Мехмедъ-бея. Осыпавъ гарнизонъ градомъ пуль, фанатизированные баталіоны съ крикомъ „алла“ бросились на штурмъ. Натискъ былъ до того стремителенъ, что имеретинцамъ съ трудомъ удалось спасти свое знамя.

[4]) Рапортъ ген.-адъютанта Лорисъ-Меликова 10-го августа 1877 г. № 1099.

На первые же выстрѣлы съ Кизилъ-таны, поднявшіе тревогу въ авангардномъ лагерѣ, были посланы два баталіона владикавказцевъ, два баталіона имеретинцевъ и кавалерія, а въ то же время и изъ состава главныхъ силъ у Кюрюкъ-дара двинуты, подъ командою полковника Комарова, три баталіона севастопольцевъ. 1-й Его Высочества и 4-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны съ 4-мя орудіями „пошли ранѣе другихъ, прямою дорогою“ къ Кизилъ-танѣ; на поддержку ихъ вскорѣ двинута и 2-я бригада гренадерской дивизіи. Пробужденные отъ сна первыми же выстрѣлами, гомборцы черезъ 10 минутъ уже стремились, во главѣ съ подполковникомъ княземъ Барятинскимъ, въ темную ночь, прямо на выстрѣлы, не зная, въ чемъ дѣло, и не видя впереди ничего, такъ какъ гора Караялъ заслоняла собою Кизилъ-тапу, которая, спустя лишь нѣкоторое время, представилась ихъ глазамъ какъ вулканъ, извергающій пламя и дымъ.

Занявъ Кизилъ-тапу, турки немедленно же укрѣпили ее и, поднявъ на нее нѣсколько орудій, встрѣтили войска наши такимъ сильнымъ огнемъ, что имеретинскіе и владикавказскіе баталіоны, нѣсколько разъ ходившіе въ атаку, оставили уже всякую попытку вернуть Кизилъ-тапу, такъ какъ съ каждымъ штурмомъ увеличивались только ихъ потери. Не желая подвергнуться напрасному ущербу, полковникъ Комаровъ съ своими 5-ю баталіонами и 4-мя орудіями отправился вправо отъ Кизилъ-таны и, видя противъ праваго своего фланга значительныя массы непріятеля, рѣшился броситься на центръ турецкой позиціи, къ Субатану. Подойдя къ субатанскому оврагу, полк. Комаровъ былъ встрѣченъ гранатами и пулями съ противоположнаго берега. Гомборцы стали въ первую линію. Двигаясь въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи и имѣя впереди 1-ю и 4-ю роты, а между полубаталіонами 1-ю батарею кавказской гренадерской Его Высочества артилерійской бригады, стрѣлки Его Высочества, обогнувъ Кизилъ-тапу, раздѣлились: третья и четвертая роты, подъ командою капитана Бейнардта, двинулись лѣвѣе и залегли верстахъ въ пяти отъ Кизилъ-таны. Но турки не думали отсюда мѣшать движенію на Субатанъ, поэтому черезъ часъ капитанъ Бейнардтъ, по приказанію флигель-адъютанта полковника Гурчина, принявшаго начальство вмѣсто раненаго полковника Комарова, снялся съ позиціи и, двигаясь форсированнымъ маршемъ, присоединился съ первымъ полубаталіономъ, уже вошедшимъ въ сферу ружейнаго огня. Подаваясь все ближе и ближе къ Субатану, роты привлекли на себя сильный ружейный и орудійный огонь турокъ, рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ быть атакованными съ праваго фланга турецкою кавалеріею. Было около 7 часовъ утра, когда граната, пущенная съ батареи со стороны Кизилъ-таны, разорвалась возлѣ командира баталіона и, задѣвъ осколкомъ голову, причинила сильную контузію: кн. Барятинскій упалъ; можно было полагать, что онъ убитъ. При видѣ несчастія съ командиромъ, роты стрѣлковъ, подъ командою штабсъ-капитана Клименко, какъ старшаго въ строю послѣ кн. Барятинскаго и капитана Бейнардта, еще не успѣвшаго присоединиться къ баталіону, ринулись впередъ, подогрѣваемые еще и жаждою мести; стрѣлки не могли уже остановиться даже передъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ турокъ. Занявъ субатанскій оврагъ, правовѣрные буквально обдавали свинцовымъ дождемъ всю мѣстность, по которой двигались роты, но онѣ шли, не обращая на это никакого вниманія. Между тѣмъ намѣреніе обойти нашъ правый флангъ стало уже явно выказываться.

Девять баталіоновъ турецкой пѣхоты и два полка кавалеріи съ артилеріею двинулись отъ Хаджи-вали къ Субатану. Бывшіе со стрѣлками баталіоны направились вверхъ по покатости горы Аладжи, и положеніе стрѣлковъ флигель-адъютанта полковника Гурчина „оказалось весьма серьезнымъ“, а потому изъ главныхъ силъ къ нимъ отправленъ былъ Мингрельскій полкъ. Но стрѣлки подвигались хладнокровно и, наконецъ, занявъ удобную позицію, открыли огонь, который продолжался однако не долго, такъ какъ турки поспѣшили скрыться отъ него въ глубину оврага. Стрѣлки придвинулись къ нимъ и заняли небольшую ложбину въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турецкой цѣпи. Жара становилась все сильнѣе. Нечѣмъ было утолить жажду, такъ какъ не было нигдѣ по близости ни капли воды. Послѣ нѣкоторыхъ перемѣщеній войскъ правый нашъ флангъ былъ обезпеченъ отъ охвата, а въ центрѣ „стрѣлки, поддержанные справа мингрельцами, мѣткою стрѣльбою и по временамъ атакою въ штыки наносили непріятелю, какъ подтвердилось впослѣдствіи, громадныя потери“. Но съ усиленіемъ стрѣлковъ мингрельцами, турки удвоили энергію; рѣжейный ихъ огонь, сопровождаемый непрерывнымъ гуломъ отъ орудійной пальбы, дошелъ до крайняго напряженія. Шрапнель турецкихъ орудій большаго калибра изумительно мѣтко ложилась посреди стрѣлковъ, расположенныхъ на мѣстности совершенно открытой, подверженной самому широкому обстрѣливанію. Разстрѣлявъ всѣ патроны, лѣвый флангъ, какъ передаютъ участники, будто-бы подался назадъ. Замѣтивъ это, офицеры моментально обнажили сабли и бросились впередъ. За ними съ увлеченіемъ понеслись и стрѣлки, заявивъ только, что не имѣютъ патроновъ. Тотчасъ же изъ резерва были доставлены патроны, и передовая цѣпь, будучи еще и усилена взводомъ изъ бывшей въ резервѣ второй роты, начала тѣснить турокъ, которые, бросивъ свои ровики, перебѣжали на другую сторону оврага.

Стрѣлки бросились по пятамъ турокъ переходить оврагъ, но были остановлены подъѣхавшимъ къ нимъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Гурчинымъ. Точно такимъ же образомъ были остановлены и другія передовыя части. Уже вечерѣло. А турки, между тѣмъ, засѣли и утвердились на Кизилъ-танѣ столь крѣпко, что войскамъ нашимъ оставалось только отступить. Причина такого упорнаго выжиданія успѣха со стороны корпуснаго командира была та, что генералъ Девель, отряженный съ 7-ю баталіонами на помощь эриванскому отряду, получилъ, во время движенія, извѣстіе о нападеніи Мухтара, повернулъ назадъ и спѣшилъ напасть на флангъ турокъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ сдѣлать это вовремя, будучи задержанъ трудною переправою черезъ Арпачай у Кигача. Въ виду того, что новая атака Кизилъ-таны, безъ содѣйствія ген. Девеля, потребовала бы огромныхъ потерь, а главное, въ виду того, что занятіе Кизилъ-таны турками ставило ихъ въ положеніе не особенно выгодное въ военномъ отношеніи, ген.-адъют. Лорисъ-Меликовъ рѣшилъ отойти на дер. Огузлы. Но отступить отъ турокъ, ободренныхъ рядомъ успѣховъ, нельзя было безнаказанно, такъ какъ предпріимчивость ихъ достигла небывалыхъ размѣровъ. Какъ только гомборскія роты начали отходить, турки сейчасъ же открыли по нимъ бѣшеный огонь, какъ ружейный, такъ и артилерійскій. Въ виду этого роты начали отступать перекатами и такъ стройно, что приближенные корпуснаго командира съ кургана могли, по словамъ оче-

видца „любоваться этимъ блистательнымъ отступленіемъ, произведеннымъ какъ бы на учебномъ плацу". Остальныя наши войска также отступали въ это время отъ Кизилъ-тапы, причемъ имъ тоже пришлось попасть подъ ружейный и артилерійскій огонь турокъ. Баталіону, уже отошедшему довольно далеко отъ турецкихъ позицій, было приказано двинуться обратно, подъ командою капитана Бейнардта, къ Инахъ-тепеси съ цѣлью прикрыть отступленіе нашихъ войскъ. Подойдя на дистанцію ружейнаго выстрѣла, баталіонъ разсыпалъ двѣ роты въ цѣпь, которая легла и открыла огонь. Подъ покровительствомъ этого огня отступили наши страшно обезсилѣвшія войска. Было уже совершенно темно, когда гомборцы снялись съ позиціи и стали отступать послѣ всѣхъ войскъ, преслѣдуемые артилерійскимъ огнемъ. Баталіонъ вынужденъ былъ обнаружить въ этотъ день весь запасъ своей выносливости; съ одной стороны непрерывный бой съ ранняго утра до вечера, страшная жара и полнѣйшее отсутствіе воды кругомъ, съ другой—не поставили его въ необходимость быть смѣненнымъ, что происходило по всей боевой линіи нашихъ войскъ. Впрочемъ, благодаря заботливости корпуснаго командира, баталіону была доставлена вода въ бурдюкахъ, и каждому стрѣлку удѣлена чарка воды, хотя тогда почти уже было прохладно, и не чувствовалось той муки, какую вынесли стрѣлки въ полдень, въ пылу горячаго боя. Прибывъ въ Кюрюкъ-дара, гомборцы расположились бивуакомъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Потери ихъ въ дѣлѣ 13-го августа были слѣдующія: контуженъ гранатою въ голову командиръ баталіона подполковникъ кн. Барятинскій; ранены: прапорщики Бахтіаровъ и Кривенцовъ; нижнихъ чиновъ убито 13; ранено и контужено 40. Потери турокъ доходили до 1500 человѣкъ. По словамъ корпуснаго командира, „они потерпѣли въ особенности отъ огня стрѣлковыхъ баталіоновъ, бывшихъ въ колоннѣ полковника Комарова и отъ огня мингрельцевъ" [5]).

За кизилъ-тапинское дѣло офицеры баталіона удостоились получить слѣдующія награды: подполковникъ князь Барятинскій—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; штабсъ-капитанъ Кирпотинъ—слѣдующій чинъ; прапорщики Бахтіаровъ и Кривенцовъ—ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Нижнимъ чинамъ пожаловано 25 знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія [6]).

При всѣхъ нашихъ усиліяхъ мы не могли вырвать Кизилъ-тапу изъ рукъ Мухтара-паши. По словамъ донесенія корпуснаго командира, муширъ, занявъ Кизилъ-тапу, имѣлъ въ виду, опираясь правымъ флангомъ на этотъ пунктъ, перейти съ остальными войсками въ наступленіе, съ обходомъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, нашего праваго фланга. Если бы даже и не удалось Мухтару-пашѣ выполнить это, то во всякомъ случаѣ занятіе Кизилъ-тапы, хотя оно и растягивало его позицію и такъ длинную, было важно въ другомъ отношеніи: турецкія войска занимали горный

[5]) Рапортъ ген.-адъют. Лорисъ-Меликова отъ 25 августа 1877 № 1200.

[6]) Кресты получили: 3-й степени—рядовой Семенъ Ольховскій и 4-й степени—унтеръ-офицеры: Ефимъ Чигринцевъ, Вячеславъ Рѣзуновъ, Михаилъ Глотовъ, Иванъ Золотаревъ, Филиппъ Мироненко, Андрей Богдановъ, Романъ Буковскій и Александръ Мухранскій; рядовые: Дмитрій Гусевъ, Петръ Орѣховъ, Кондратъ Неборатченко, Яковъ Кутищевъ, Никита Рыбалкинъ, Дмитрій Скуратовъ, Яковъ Безрукавый, Антонъ Скиба, Даніилъ Сердюковъ, Демидъ Радченко, Федоръ Араповъ, Федоръ Тюринъ, Петръ Михняцкій, Павелъ Древаль, Дмитрій Афанасьевъ, Филиппъ Гончаровъ.

хребетъ, высшій пунктъ котораго возвышается надъ уровнемъ моря на 6880 футовъ; между тѣмъ приближалась зима, и холодъ заставлялъ османовъ мерзнуть; появилась болѣзненность, въ виду чего Мухтару необходимо было спуститься на плоскость, гдѣ было гораздо теплѣе и къ водѣ ближе; вообще позиція турокъ въ санитарномъ отношеніи не удовлетворяла многимъ важнымъ условіямъ. При всемъ томъ, бой 13-го августа сильно поднялъ славу Мухтара-паши въ глазахъ чуть ли не всѣхъ мусульманъ міра. Султанъ даровалъ ему титулъ „газы“ (непобѣдимый). Мусульманскіе народы Закавказья, ожидая со дня на день прибытія турецкихъ войскъ, открыто угрожали христіанскому населенію поголовною рѣзнею. Это легко могло случиться, если бы муширъ съумѣлъ воспользоваться всею выгодою своего положенія, созданнаго предшествовавшими событіями. Послѣ кизилъ-тапинскаго боя башъ-кадыклярскій лагерь стоялъ въ страшномъ безпорядкѣ, будучи изолированъ отъ кюрюкъ-дарпинскаго лагеря, также разстроеннаго подъ вліяніемъ неудачъ; послѣдній еще и расположенъ былъ перпендикулярно фронту турецкой позиціи. На лѣвомъ флангѣ кюрюкъ-дарпинской позиціи возвышалась, верстахъ въ 3-хъ, гора Караялъ, которая, хотя и служила стратегическимъ ключемъ нашихъ позицій, и важность ея была сознана, не была однако занята достаточнымъ числомъ защитниковъ, такъ что турки могли завладѣть ею легче, чѣмъ они сдѣлали это съ Кизилъ-тапою. Кромѣ того, гора Учь-тапа не была нами вовсе занята; сильная по своей природѣ и приспособленная къ оборонѣ, она могла бы служить намъ теперь противовѣсомъ правому флангу турецкой позиціи. Перейди Мухтаръ 14-го или 15-го августа въ наступленіе и займи онъ Караялъ и Учь-тапу, мы были бы оттѣснены къ Арпачаю, и нашъ тылъ подвергся бы роковой опасности. Но Провидѣнію неугодно было допустить это. Вмѣсто наступленія Мухтаръ спустился на плоскость и съ лихорадочною поспѣшностью принялся возводить новыя укрѣпленія, ожидая, что мы непремѣнно захотимъ вернуть обратно Кизилъ-тапу.

Въ такомъ положеніи находились дѣла наши, когда въ кюрюкъ-дарпинскій лагерь изволилъ прибыть Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею; это было 14-го августа. Выславъ шефскую роту со знаменемъ въ почетный караулъ къ ставкѣ Его Высочества, гомборцы приготовились на своей передней линейкѣ встрѣтить своего обожаемаго Шефа. Было 11 часовъ утра, когда къ баталіону подъѣхалъ Его Высочество; поблагодаривъ стрѣлковъ за ихъ службу, Августѣйшій Главнокомандующій изволилъ выразиться, что они „выглядываютъ женихами“, такъ мало повліяли на нихъ неудачный кизилъ-тапинскій бой и понесенныя до сихъ поръ всевозможныя невзгоды. Восторгомъ преисполнились сердца не однихъ только гомборцевъ, когда былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго: „Прибывъ сего числа къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса, Я принимаю на Себя непосредственное руководство военными дѣйствіями и направленіе военныхъ предпріятій войскъ, этотъ корпусъ составляющихъ, оставляя на обязанности командующаго корпусомъ, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, всѣ распоряженія по выполненію Монхъ указаній“.

Со дня прибытія Его Императорскаго Высочества, дѣла наши начинаютъ принимать все болѣе и болѣе благопріятный оборотъ. Событія идутъ систематически и послѣдовательно; въ основѣ каждаго изъ нихъ ясно замѣ-

чается преслѣдованіе одной главной цѣли и строгое единство въ направленіяхъ дѣйствій. Удары, которые мы начинаемъ съ этого времени наносить арміи Мухтара-паши, направляются какъ нельзя вѣрнѣе. Въ войскахъ появился прежній духъ увѣренности въ свою силу и въ побѣду. Мрачное настроеніе, завладѣвшее войсками послѣ кизилъ-тапинскаго боя, смѣнилось радостнымъ; вездѣ начали раздаваться лихія пѣсни, какъ-бы послѣ одержанной важной побѣды. Прибытіе Его Высочества для всѣхъ и каждаго служило предвозвѣстникомъ побѣды. Каждый чувствовалъ теперь живо, что болѣе не придется пролить даромъ ни капли крови. Начинается энергичная дѣятельность нашихъ войскъ по сооруженію фортификаціонныхъ построекъ и приготовленію къ рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ. 15-го августа 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ перешелъ къ Байрахтару и, занявъ позицію впереди деревни Огузлы, въ шести верстахъ отъ кюрюкъ-даринскаго лагеря, приспособилъ ее къ оборонѣ. Въ это же время были прочно заняты и укрѣплены горы Караялъ и Учь-тапа.

Находясь совершенно отдѣльно и далеко отъ прочихъ войскъ, баталіонъ Его Высочества вынужденъ былъ нести усиленную сторожевую службу, высылая каждую ночь для этого по двѣ роты; такая служба, продолжавшаяся до 20 сентября, была страшно утомительная, а при развившейся предпріимчивости турокъ, и крайне тревожная. Къ этому времени прибыли въ баталіонъ молодые солдаты изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона въ числѣ 123-хъ стрѣлковъ. Они были подготовлены удовлетворительно, и, хотя были сильно изнурены непривычнымъ походомъ въ жаркое время года, все же прибытіе ихъ значительно облегчило несеніе сторожевой службы старослужащими. Тревожное состояніе стрѣлковъ отчасти облегчалось высылкою партій охотниковъ съ цѣлью тревожить турецкія форпосты и держать османовъ въ надлежащемъ страхѣ; такія партіи и команды получили впослѣдствіи широкое развитіе и оказали войскамъ большія услуги въ особенности при блокадѣ Карса.

Въ половинѣ сентября стали подходить къ главнымъ силамъ: первая гренадерская дивизія, Астраханскій казачій полкъ и двѣ батареи донскихъ казаковъ. Все, происходившее послѣ ихъ прибытія, указывало на вѣроятность нападенія, въ близкомъ будущемъ, на позицію Мухтара. Турки между тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣпляли свою позицію, весь фронтъ которой буквально былъ изрытъ траншеями вдоль и поперегъ. Особенное вниманіе обратили они на укрѣпленія Кизилъ-тапы и обоихъ Ягновъ, поставивъ на малые Ягны орудія большихъ калибровъ. Мухтаръ-паша располагалъ въ это время 45-ю баталіонами, 10.000-ми кавалеріи и 16-ю батареями, не считая гарнизона Карса [7]). Наши же главныя силы состояли изъ $60^1/_4$ баталіоновъ, 76 эскадроновъ и сотенъ и 228 орудій. Кромѣ численнаго превосходства, на нашей сторонѣ былъ также и перевѣсъ нравственныхъ силъ. По мѣрѣ того, какъ наши войска ободрялись и крѣпли духомъ, османы теряли самоувѣренность и надежду; кромѣ того, крайне незавидное санитарное состояніе и хозяйственныя неурядицы возбуждали ропотъ и увеличивали дезертирство. Мухтаръ-паша усердно изыскивалъ средства къ поддержанію духа своей арміи, но уже не могъ вселить энергію въ войска, не смотря на множество вымышленныхъ имъ свѣдѣній о побѣдахъ правовѣрныхъ на Дунаѣ. Надеж-

[7]) 29 баталіоновъ, 3000 коней, 3 полевыя батареи и 184 крѣпостныхъ орудія.

да на собственныя силы, повидимому, оставила даже самого Мухтара, отлично знавшаго наши обстоятельства. Предпринять теперь что либо активное противъ насъ для турокъ стало немыслимымъ.

Во второй половинѣ сентября мы были совершенно готовы къ началію военныхъ дѣйствій.

Переведенный 18-го сентября въ Кюрюкъ-дара, баталіонъ отдохнулъ, въ теченіи 19-го сентября, отъ изнурительныхъ занятій аванпостною службою, въ палаткахъ Эриванскаго полка, такъ какъ по диспозиціи на 20-е сентября ему предстояло участвовать въ штурмѣ большихъ Ягновъ [8]). По этой диспозиціи главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса предстояло атаковать части войскъ карскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ горамъ бальшіе и малые Ягны и къ Визинкею для поддержанія лѣваго фланга арміи Мухтара-паши. По занятіи возвышенностей обоихъ Ягновъ, Инахъ-тепеси и Кизилъ-таны, войска наши должны были привести ихъ въ оборонительное положеніе, а затѣмъ двигаться впередъ, чтобы завладѣть горою Авліаромъ и визинкейскими высотами. Наконецъ, часть нашихъ войскъ, назначенная въ обходъ черезъ Камбинскій постъ, должна была напасть на турокъ съ тыла.

Если бы все, указанное въ диспозиціи, было въ точности исполнено, то часть арміи Мухтара-паши была бы отброшена къ Карсу, а другая была бы отрѣзана какъ отъ этой крѣпости, такъ и отъ пути отступленія къ Соганлугу.

Для выполненія диспозиціи войска наши были раздѣлены на два крыла (правое и лѣвое) и главный резервъ: правое крыло, въ составъ котораго вошли 32 баталіона, 34 эскадрона и сотни и 104 орудія, должно было, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира „удерживать частью силъ лѣвый флангъ Мухтара-паши, расположенный отъ Хаджи-вали до Субатана, и, препятствуя движенію его на помощь карскимъ отрядамъ, атаковать всѣми остальными силами эти отдѣлившіяся части непріятеля и нанести ему возможно полное пораженіе“. Оно было раздѣлено на четыре колонны: лѣвая генерала фонъ-Шака [9]) должна была дѣйствовать противъ Хаджи-вали. Средняя—генералъ-маіора Шереметева, въ составѣ $4^{3}/_{4}$ баталіоновъ, въ томъ числѣ баталіона стрѣлковъ Его Высочества, 12 эскадроновъ и сотенъ и 16 орудій [10]), должна была „быстро захватить гор. бальшіе Ягны и затѣмъ выдвинуться къ сторонѣ Визинкева“. Правая же генерала гр. Граббе [11]), должна была оперировать противъ гор. малые Ягны при содѣйствіи ардаганскаго отряда ген. Комарова. Остальныя войска праваго крыла образовали его резервъ, ввѣренный генералу Соловьеву. Лѣвое крыло [12]), подъ началь-

---

[8]) 19-го сентября стрѣлкамъ былъ объявленъ приказъ, которымъ, въ измѣненіе прежнихъ правилъ, предписывалось примыкать штыки: при производствѣ стрѣльбы одиночной на 300 шаговъ и залповъ на всѣ разстоянія, при отправленіи караульной службы и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. (Прик. по воен. вѣд. 30 іюня 1877 г. № 270).

[9]) Изъ $7^{1}/_{4}$ баталіоновъ, 2-хъ сотенъ и 40 девяти-фунтовыхъ орудій.

[10]) Три баталіона Несвижскаго гренадерскаго полка, 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ, 1-я рота 1-го кавказскаго сапернаго баталіона, 4-я батарея 39 артилерійской бригады, 4 эскадрона Тверскаго драгунскаго полка, 4 сотни Кубанскаго коннаго полка, 2-й Владикавказскій полкъ (четыре сотни), 5-я конная батарея кубанскаго войска.

[11]) Изъ $7^{1}/_{4}$ баталіоновъ, 16 сотенъ и 26 орудій.

[12]) $11^{1}/_{4}$ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и сотенъ и 40 орудій.

ствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, должно было лишь удерживать правый флангъ турокъ, расположенный между Ишахъ-тепеси и Субатаномъ, дѣйствуя на него преимущественно артилерійскимъ огнемъ. Обходному же отряду генерала Шелковникова, изъ 5½ баталіоновъ, 10 сотенъ и 12 орудій, предстояло дѣйствовать на аладжинскихъ горахъ въ тылу турецкой арміи. Остальныя войска главныхъ силъ находились въ резервахъ, или же прикрывали нѣкоторые пункты нашей позиціи, какъ напр. Караялъ, Учь-тапа и др.

Такимъ образомъ, центромъ общаго наступательнаго движенія нашего была гора б. Ягны. 19-го сентября 1-ый кавказскій стрѣлковый баталіонъ [13]), запасшись сухарями на четыре дня, двумя фунтами вареная мяса и шестью пачками патроновъ на человѣка, безъ ранцевъ, которые переданы были на подводы, и, взявъ лишь по одной вьючной лошади на роту, выступилъ, подъ командою капитана Бейнардта, изъ лагеря въ 7 часовъ вечера. Не имѣя проводника, онъ сбился съ даннаго направленія и не могъ вовремя прибыть къ назначенному пункту. Только знакомый конусъ б. Ягны, слабо выглядывавшій на темномъ фонѣ горизонта, далъ впослѣдствіи возможность открыть заблужденіе и, безъ дороги, направиться прямо на него. Часамъ лишь къ двумъ ночи, будучи въ четырехъ верстахъ отъ б. Ягновъ, онъ былъ остановленъ для привала въ оврагѣ, проходящемъ отъ Палдырвана къ б. Ягнамъ, гдѣ уже находились войска лѣвой и средней колонны, подъ общимъ командованіемъ генерала Геймана. Съ привала войска тронулись около 2½ час. съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ для нечаяннаго нападенія. Колонна, напр., была растянута группами съ большими дистанціями, чтобы грохотъ орудій и зарядныхъ ящиковъ не выдалъ движенія. На разсвѣтѣ генералъ Шереметевъ, остановивъ свою колонну у подошвы б. Ягновъ, построилъ ее въ боевой порядокъ: въ 1-ю линію онъ назначилъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 3-й баталіонъ Несвижскаго гренадерскаго полка; во 2-ю— два остальныхъ баталіона этого полка и роту саперъ съ батареею. Къ обоимъ флангамъ 1-й линіи были примкнуты охотники Мингрельскаго гренадерскаго полка и 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона (по 120 человѣкъ отъ каждаго). Правѣе гомборскихъ охотниковъ пошелъ 2-й баталіонъ несвижцевъ, а кавалерія съ конною артилерією стали лѣвѣе стрѣлковъ Его Высочества. Генералъ Шереметевъ рѣшилъ частью войскъ зайти съ тыла, гдѣ гора не такъ крута, и потому перевелъ боевой порядокъ на южную и юго-западную стороны. По этому сюда были двинуты изъ лѣвой колонны еще одинъ баталіонъ и двѣ батареи. Пока наша артилерія приготовлялась обстрѣливать внутренность укрѣпленія, баталіоны были двинуты впередъ.

На разстояніи версты отъ непріятеля капитанъ Бейнардтъ перестроилъ баталіонъ по-ротно въ двѣ линіи со второю и третьею ротами въ первой, при чемъ рота капитана Линдбладта направилась влѣво и въ обходъ праваго фланга турецкой позиціи; вторая же, подъ командою поручика Побыванца, двинулась къ ея фронту. Первая и четвертая роты составили частныя поддержки ротъ первой линіи, всецѣло разсыпанныхъ въ цѣпь.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда боевая линія ген. Шереметева подошла къ большимъ Ягнамъ. Застать турокъ врасплохъ, какъ это предполагалось, не удалось; турецкому часовому на Ягнахъ не нужно было быть особенно бдительнымъ, чтобы открыть наше движеніе; онъ далъ выстрѣлъ. Немед-

[13]) Оберъ-офицеровъ 17, унтеръ-офицеровъ 98, музыкантовъ 15, рядовыхъ 736.

ленно же показался дымъ отъ горящаго сигнальнаго столба, и правовѣрные сразу же открыли бѣшеный ружейный огонь изъ всей своей линіи; артилеріи у нихъ не было, за невозможностью поднять пушки на крутизны Ягны. Артилерія наша немедленно же открыла канонаду преимущественно картечными гранатами. Не обращая вниманія на свинцовый дождь, баталіонъ нашъ твердо поднимался по крутому и продолжительному скату. Подойдя на разстояніе мѣткаго ружейнаго огня, стрѣлки залегли. Первое время огонь ихъ былъ мало дѣйствителенъ, и турки безнаказанно высовывались изъ своихъ траншей и наносили намъ чувствительный вредъ; но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока производилась по нимъ пристрѣлка. Пристрѣлялись же къ нимъ прежде всего офицеры, а капитанъ Линдбладтъ, лучшій между ними стрѣлокъ, выпустилъ порядочно патроновъ, пока было найдено дѣйствительное разстояніе до турецкихъ траншей. Когда прицѣлъ былъ опредѣленъ, можно было считать дѣло уже сдѣланнымъ. Вскорѣ мѣткія пули гомборскихъ стрѣлковъ выгнали правовѣрныхъ спасаться въ мѣста не столь опасныя; они спустились по скату на своемъ правомъ флангѣ и въ тылу по направленію къ Авліару. Но имъ не суждено было найти тамъ закрытіе отъ бердановскихъ пуль стрѣлковъ, такъ какъ рота капитана Линдбладта уже поджидала ихъ тамъ; занявъ удобную позицію на флангѣ и въ тылу Ягны, она отрѣзала имъ путь отступленія на Авліаръ. Попавъ подъ огонь этой роты, турки опять вернулись на вершину въ страшномъ безпорядкѣ. Между тѣмъ оставшіеся въ траншеяхъ болѣе храбрые турки продолжали упорную перестрѣлку съ баталіономъ, однако вреда никакого стрѣлкамъ наносить не могли, ибо для этого имъ необходимо было прежде всего выставлять свои головы, что не обходилось имъ безнаказанно. Ограничиваясь пальбою изъ глубины своихъ окоповъ, они стрѣляли не цѣлясь и наугадъ, но съ другой стороны они углубились на столько, что и берданки наши ничего съ ними подѣлать не могли. Кромѣ того, туркамъ помогло расположеніе ихъ окоповъ. „Дорога, разработанная турками, шла, по словамъ корпуснаго командира, легкими зигзагами, за которыми устроены были траншеи и ровики для стрѣлковъ. Турки открыли изъ этихъ траншей жесточайшій перекрестный огонь. Первыми жертвами пали здѣсь два нашихъ офицера (гомборцы—поручикъ Бавталовскій и подпоручикъ Латернеръ) и нѣсколько нижнихъ чиновъ“. Во избѣжаніе напрасныхъ потерь, полковникъ Коваленскій, руководившій штурмомъ, потребовалъ одну батарею. Явившаяся немедленно же, подъ начальствомъ адъютанта Его Высочества, полк. фонъ-Петерса, 5-я кубанская батарея была раздѣлена Коваленскимъ на двѣ части и разставлена на обѣ стороны дороги такъ, чтобы пушки могли обстрѣливать продольно зигзаги и траншеи. Результатъ получился блистательный: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечными гранатами, турки бросили свои траншеи и побѣжали на вершину горы въ главное укрѣпленіе. Послѣ этого стрѣлкамъ не долго пришлось томиться въ ожиданіи развязки; они постепенно пододвинулись къ туркамъ и уже были отъ нихъ шагахъ въ 20—30, когда раздалось „ура“; по этому возгласу офицеры съ командующимъ баталіономъ капитаномъ Бейпардтомъ во главѣ, стремительно бросились впередъ и, увлекши за собою баталіонъ, ворвались въ турецкое укрѣпленіе и ударили въ рукопашную. Часть турокъ бросилась съ горы напрямикъ, безъ дороги, по направленію къ Вязинкею, такъ какъ съ трехъ

сторонъ была окружена стрѣлками и несвижцами, но и послѣдняя надежда ихъ на благополучное бѣгство не сбылась: кубанскіе казаки и конные охотники, ждавшіе только этого момента, воспользовались имъ какъ нельзя лучше: они понеслись на нихъ, часть изрубили и около 150 человѣкъ взяли въ плѣнъ.

Въ самомъ укрѣпленіи турки, по свидѣтельству корпуснаго командира [14]), оказали весьма упорное сопротивленіе и, только уступая стрѣлкамъ въ отвагѣ, они принуждены бѣжать и оттуда. Взятіе гомборцами горы бол. Ягны, составляетъ одно изъ важныхъ событій ихъ исторіи, какъ по выполненію возложенной на нихъ задачи, такъ и по значенію самой задачи: гора эта была чрезвычайно важнымъ въ военномъ отношеніи пунктомъ, которымъ мы однако не воспользовались. Находясь такъ близко отъ Визинкея и Авліара и будучи занятъ нами, этотъ пунктъ могъ бы дать намъ возможность парализовать значеніе мал. Ягновъ и обрушиться большими массами на Авліаръ. Бой 20 сентября останется памятнымъ еще и потому, что капитанъ Бейнардтъ, командовавшій баталіономъ и „первымъ взошедшій въ турецкое укрѣпленіе“ на вершинѣ б. Ягновъ, удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степени, такъ долго составлявшій какъ-бы запретный плодъ для стрѣлковыхъ офицеровъ со времени знаменитой для нихъ инструкціи инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ барона Рамзая. Такимъ образомъ, первымъ кавалеромъ ордена св. Георгія изъ офицеровъ баталіона со дня сформированія является капитанъ Бейнардтъ. Но за свой подвигъ гомборцы поплатились сравнительно весьма жестоко: убитъ цихисдзирскій герой поручикъ Бавталовскій, раненъ подпоручикъ Латернеръ: нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 84 [15]). Къ сожалѣнію, дѣяніе и потери стрѣлковъ Его Высочества оказались напрасными въ виду неуспѣха нашего на другихъ пунктахъ.

Одновременно съ движеніемъ гомборцевъ, въ составѣ колонны Шереметева, на б. Ягны, наступила и лѣвая колонна генерала фонъ-Шака. Руководимая самимъ генераломъ Гейманомъ, она, вмѣсто того чтобы лишь удерживать турокъ у Хаджи-вали, два раза и безъ всякаго успѣха ходила на нихъ въ атаку. По этому, при занятіи среднею колонною б. Ягновъ, генералъ Гейманъ и не имѣлъ возможности двинуть часть своей колонны на Авліаръ, еще не занятый турками, что было весьма важно. Корпусный командиръ, вынужденный поддержать ген. Геймана, подкрѣпилъ его частями резерва праваго крыла и тѣмъ ослабилъ колонну графа Граббе. Послѣдняя, назначенная для взятія м. Ягновъ, настолько запоздала, что вышедшая изъ Карса часть гарнизона успѣла прибыть на подкрѣпленіе м. Ягновъ раньше, нежели войска повели на нее рѣшительную атаку, и хотя тифлисцы отразили вылазку, но принуждены были для этого отдѣлиться отъ колонны и оставить ее въ критическомъ положеніи. Въ виду этого изъ резерва были выдвинуты три баталіона грузинцевъ. Но турки, благодаря численному превосходству,

---

[14]) Воен. журн. главн. силъ дѣйств. корпуса за сентябрь 1877 г.

[15]) За взятіе б. Ягновъ гомборцамъ прислана была, черезъ окружный штабъ, отъ неизвѣстнаго лица тысяча рублей, которую начальникъ кавказской стрѣлковой бригады раздалъ: бывшимъ въ дѣлѣ и неповрежденнымъ по 1 рублю, раненымъ по 3 руб., а семействамъ и роднымъ убитыхъ отправлено по 10 рублей. Приказъ по батал. отъ 30 октября 1877 г.

не только удержались здѣсь, но, предупредивъ насъ занятіемъ Авліара, повели еще и атаку со стороны Визинкея на б. Ягны, такъ что пришлось, оставивъ на вершинѣ б. Ягновъ гомборскихъ стрѣлковъ, спустить и поставить противъ турокъ всѣ остальныя части колонны генерала Шереметева. Но спустя немного, были двинуты съ вершины Ягновъ и двѣ роты стрѣлковъ Его Высочества на выручку батареи полковника Горковенко, находившейся въ большой опасности и терпѣвшей значительныя потери отъ ружейнаго огня насѣдавшихъ на нее турокъ. Появленіе стрѣлковъ сразу измѣнило положеніе батареи; подъ прикрытіемъ мѣткаго ихъ огня, она совершенно спокойно снялась съ позиціи и отъѣхала назадъ. Турки, уже считавшіе батарею своею добычею и не обращавшіе особеннаго вниманія на огонь ея прикрытія, состоявшаго изъ мингрельцевъ, не только оставили свои виды на нее, но и должны были серьезно подумать о собственной безопасности, потому что грянувшія на нихъ неожиданно бердановскія пули стрѣлковъ стали бить ихъ навыборъ; по этому, не долго колеблясь, они попрятались и замолчали, но Побываецъ оставался на позиціи до 11-ти часовъ, когда, снявъ роты съ позиціи, онъ повелъ ихъ обратно на б. Ягны.

Лѣвое крыло, строго придерживаясь диспозиціи, энергично обстрѣливало правый флангъ турокъ и выжидало занятія нами м. Ягновъ. Оно не тронулось съ мѣста даже и тогда, когда обходный отрядъ генерала Шелковникова, появившись въ тылу Аладжи, у орлокскихъ высотъ, открылъ канонаду. Столкнувшись съ сильными резервами турокъ и не будучи поддержанъ, отважный Шелковниковъ принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Если бы ген. Шелковниковъ располагалъ нѣсколько значительными силами, а генералъ Гейманъ двинулся немедленно же, по занятіи б. Ягновъ, на Авліаръ и Визинкей, послѣдствія боя 20-го сентября были бы совершенно иныя. На слѣдующій день активная роль перешла къ туркамъ. Они пробовали напасть на нашъ лѣвый флангъ и энергически двинулись къ Караялу. Хотя попытка эта была отражена съ большимъ для нихъ урономъ, но они успѣли передвинуть часть своихъ резервовъ на Авліаръ и Визинкей, составлявшіе слабые пункты ихъ позиціи. Необходимо было и намъ нѣсколько усовершенствовать свое расположеніе; въ этихъ видахъ баталіону стрѣлковъ Его Высочества, 22-го сентября, послано приказаніе очистить б. Ягны; разъ Авліаръ не былъ взятъ нами, не имѣло значенія и удержаніе за нами этой горы, подверженной обстрѣливанію съ Авліара и вдобавокъ чрезмѣрно отдаленной отъ воды.

Оставивъ б. Ягны, баталіонъ вмѣстѣ съ колонною ген. Геймана расположился на Кабахъ-танѣ, впереди б. и м. Ягновъ. Новая позиція имѣла важные недостатки, изъ которыхъ самымъ главнымъ было отсутствіе воды по близости; для пищи ее надо было возить изъ Кюрюкъ-дара, за 15 верстъ. Кромѣ того, въ оборонительномъ отношеніи позиція эта была весьма слаба, и потому, по приходѣ туда, колонна принялась укрѣплять ее. Стрѣлки, обагрившіе своею кровью б. Ягны, принялись также мужественно и съ обычными насмѣшками окапываться и въ одинъ день построили для себя удобные ровики и траншеи. Выдающееся дѣяніе ихъ было засвидѣтельствовано немедленно же, послѣ занятія б. Ягновъ, лично корпуснымъ командиромъ, прибывшимъ къ нимъ на вершину горы, и значительностью пожа-

лованныхъ имъ наградъ. Кромѣ капитана Бейнардта, награжденнаго орденомъ св. Георгія 4 степени, за 20-е сентября поручику Побыванцу пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ, а нижнимъ чинамъ сорокъ одинъ знакъ отличія военнаго ордена [16]).

Однако, разсматривая бой 20-го сентября какъ усиленную рекогносцировку, слѣдуетъ считать послѣдствія ея блестящими въ томъ отношеніи, что мы, точно также какъ и турки, узнали самое больное мѣсто турецкой позиціи. Неожиданное появленіе въ тылу турокъ ген. Шелковникова и то обстоятельство, что мы только по недоразумѣнію не заняли, 20-го числа, такихъ важныхъ высотъ, какъ Авліаръ и Визинкей, выяснили намъ много вопросовъ, способствовавшихъ впослѣдствіи капитальному успѣху нашего оружія. Позиція же наша у Кабахъ-тапы оказалась фланговою и весьма неудобною для турокъ, по своей близости къ крайнему лѣвому ихъ флангу и сообщенію съ Карсомъ. Все это заставило Мухтара-пашу позаботиться о болѣе надежномъ обезпеченіи Авліара и Визинкея. Рѣшившись держаться оборонительнаго положенія, послѣ полученныхъ нами подкрѣпленій, муширъ предпочелъ занять то положеніе, въ которомъ находился онъ до кизилъ-тапинскаго боя, и поэтому, 26-го числа, онъ бросилъ свои передовые пункты: Кизилъ-тапу, б. и м. Ягны, изъ-за которыхъ было пролито столько нашей и турецкой крови [17]). Передвиженіе турокъ было замѣчено нами съ карайльскаго наблюдательнаго пункта только утромъ 27-го сентября. Немедленно же перешли въ наступленіе: отъ Караяла—Эриванскій, Грузинскій и казачій полки и 4 конныхъ орудія; отъ Паргета—три казачьихъ полка а также конныя орудія, а отъ Кабахъ-тапы были двинуты, по приказанію ген. Геймана, вмѣстѣ съ конными орудіями, Мингрельскій полкъ и 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ, безъ всякаго обоза, къ Субатану; гомборцы бѣгомъ поспѣшили принять участіе въ столкновеніи, но ко времени ихъ прихода перестрѣлка ослабѣла. Надъ ними пронеслось лишь нѣсколько безвредныхъ пуль. Въ ожиданіи событій баталіонъ всю ночь оставался подъ ружьемъ, при генералѣ Геймапѣ, а съ разсвѣтомъ 28-го сентября, 2-я и 3-я роты, подъ командою капитана Линдбладта, были направлены къ горѣ б. Ягны для занятія ея; другія двѣ роты выдвинуты на лѣвый флангъ для сторожевой службы. Между полубаталіонами образовался интервалъ въ двѣнадцать верстъ.

Роты капитана Линдбладта стали быстро взбираться на б. Ягны; но едва онѣ показались на вершинѣ, какъ ихъ энергично привѣтствовали съ Авліара гранатами, не причинившими однако вреда. Роты расположились

---

[16]) Кресты 3-й степени получили слѣдующіе нижніе чины: фельдфебеля—Сергѣй Мирошниковъ и Петръ Новиковъ; 4-й степени—унтеръ-офицеры Иванъ Супрунъ, Иванъ Сергѣевъ, Степанъ Козьяковъ, Андрей Ролдугинъ, Родіонъ Китаевъ, Василій Лоскутовъ, Янъ Романченко, Дмитрій Бузинъ, Фирсъ Абакумовъ; рядовые—Павелъ Мартыновъ, Степанъ Кривуля, Иванъ Быкановъ, Прокофій Подольскій, Максимъ Чернышевъ, Иванъ Батицкій, Елисей Пригарковъ, Сергѣй Свѣтиковъ, Иванъ Спиридоновъ, Семенъ Ефременко, Кузьма Головинъ, Маркъ Божко, Игнатъ Рясковъ, Максимъ Пшеничныхъ, Яковъ Кучьма, Алексѣй Землянскій, Кузьма Дорохинъ, Николай Незимовъ, Иванъ Черниковъ, Петръ Савченко, Семенъ Панченко, Сергѣй Поповъ, Петръ Страхалисъ, Федоръ Мещеряковъ, Елисей Кондратьевъ, Абрамъ Босиковъ, Тарасъ Шеляха, Тимофей Барсуковъ, Павелъ Никулинъ, Степанъ Карпенко.

[17]) Всего выбыло у насъ изъ строя: офицеровъ 138, нижнихъ чиновъ 3326. Турки потеряли до 5000 человѣкъ убитыми и ранеными.

въ траншеяхъ фронтомъ къ Авліару. Находившаяся же здѣсь казачья сотня немедленно спустилась внизъ. Это было въ 11 часовъ утра. Около 2-хъ часовъ пополудни, совершенно неожиданно, 6 таборовъ и полкъ турецкой кавалеріи, стали наступать на б. Ягны; въ то же время съ Авліара турки открыли по этой горѣ канонаду. Что имѣли турки въ виду, трудно сказать. На всякій случай 1-я и 4-я роты стрѣлковъ, занятыя аванпостною службою, были немедленно же двинуты, подъ командою маіора Герича, на подкрѣпленіе своихъ 2-й и 3-й ротъ; было около 5-ти часовъ, когда полубатальоны соединились на б. Ягнахъ. Это-ли обстоятельство подѣйствовало, или же возникли у турокъ какія-либо другія соображенія, но они не рѣшились атаковать стрѣлковъ. Одновременно съ занятіемъ б. Ягновъ, другая колонна наша заняла Кизилъ-тапу и даже вооружила ее осадными орудіями для дѣйствія противъ Ишахъ-тепеси. Мы очутились, также какъ и турки, въ томъ положеніи, въ какомъ находились до кизилъ-тапинскаго боя. Хотя отдѣльныхъ частей войскъ и было у насъ теперь больше, но численность собственно штыковъ оставалась почти та же вслѣдствіе потерь, понесенныхъ нами за это время какъ отъ турецкаго оружія, такъ и отъ болѣзненности, которая увеличивалась къ осени. Преимущество этого положенія заключалось лишь въ томъ, что теперь у насъ созрѣлъ планъ рѣшительнаго, генеральнаго сраженія; и не только начальство, но даже и нижніе чины были увѣрены въ побѣдѣ; почти каждый изъ нихъ уже зналъ, что обходный отрядъ генерала Шелковникова не нанесъ смертельнаго удара арміи мушира только потому, что былъ слишкомъ слабъ; но вотъ, теперь обходное движеніе предпримутъ съ большею предусмотрительностію, и побѣда несомнѣнна. Ожиданія эти сбылись. 28-го сентября генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, во главѣ $23^1/_2$ баталіоновъ, 28-ми эскадроновъ и сотенъ, при 78-ми орудіяхъ, двинулся въ тылъ непріятельскаго расположенія. Условія мѣстности были таковы, что зайти въ тылъ турецкой арміи можно было только кружнымъ путемъ. Возвышенности, занятыя турками, круто подходятъ къ самому берегу Арпачая. Для отряда, имѣющаго орудія и обозъ, этотъ берегъ непроходимъ. По этому генералъ Лазаревъ принужденъ былъ, прежде всего, переправиться на нашу сторону Арпачая у Кигача, затѣмъ пройти верстъ сорокъ на югъ и у Камбинскаго поста опять переправиться на турецкую сторону этой рѣки, протекающей, начиная отъ Кигача, въ страшно крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ. 2-го октября генералъ Лазаревъ напалъ на турокъ, расположенныхъ на базарджикскихъ высотахъ, въ тылу главнаго ихъ расположенія. Отбросивъ отсюда османовъ, ген. Лазаревъ занялъ орлокскія высоты и укрѣпился въ ожиданіи общаго наступленія всѣхъ нашихъ силъ. Путь отступленія Мухтара былъ отрѣзанъ.

1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ не долго оставался на б. Ягнахъ; въ 2 часа ночи на 28-е сентября онъ сошелъ съ этой горы и, прибывъ въ Субатанъ, простоялъ здѣсь до 3-го октября, но далеко не въ бездѣйствіи; онъ выставлялъ на ночь роты въ прикрытіе саперъ, строившихъ редутъ у подножія б. Ягновъ и дальнобойную батарею противъ Авліара и вмѣстѣ съ тѣмъ несъ сторожевую службу, ибо до 3-го октября турки не переставали тревожить войска по ночамъ. Гомборскіе и другіе стрѣлки вели почти неумолкаемую перестрѣлку съ лучшими турецкими стрѣлками, силившимися вредить особенно нашимъ сапернымъ занятіямъ.

Конецъ этимъ тревогамъ насталъ 3-го октября, въ день высокославный въ лѣтописяхъ кавказской арміи вообще и 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Высочества баталіона въ особенности.

На канунѣ этого дня войска были расположены слѣдующимъ образомъ: Отрядъ [18]) генерала Геймана, въ составѣ 24 баталіоновъ, 104 орудій, 8 эскадроновъ и сотенъ,—занималъ позиціи: на б. Ягнахъ (бригада генерала Шака), у Хаджи-вали (бригада генерала Авинова) и у Субатана (частный резервъ генерала Соловьева). Остальныя войска, подчиненныя генералъ-лейтенанту Роопу, состояли изъ отрядовъ генерала Кузьминскаго на позиціи впереди Кизилъ-таны, графа Граббе у Кабахъ-таны и генерала Дена впереди Гюльверана. Войска эти назначены были для фронтальныхъ дѣйствій.

Въ то время, когда ген. Лазаревъ громилъ тылъ Мухтара, въ главныхъ силахъ слышны были орудійные выстрѣлы, и всѣ почти догадывались, въ чемъ дѣло; а ночью съ 2-го на 3-е октября было доложено Главнокомандующему, что ген. Лазаревъ прочно расположился на пути отступленія турокъ. Тогда Его Императорское Высочество, признавъ, что настала минута для нанесенія окончательнаго удара турецкой арміи, изволилъ отдать приказаніе о совокупной атакѣ турецкой позиціи на утро 3-го октября. Къ пяти часамъ утра войска получили слѣдующую диспозицію: главнымъ силамъ отряда ген. Геймана наступать на Авліаръ; отряду ген. фонъ-Шака, охраняя б. Ягны отъ возможныхъ атакъ со стороны м. Ягновъ и Карса, преградить артилерійскимъ огнемъ сообщеніе непріятеля по дорогѣ отъ Визинкея на Авліаръ; отряду ген. Кузьминскаго, слѣдуя на Керъ-хана и Шамши, тѣснить непріятеля съ его аладжинской позиціи къ верхней аладжинской дорогѣ, а остальнымъ войскамъ ген. Роопа (резерву), выдвинувъ часть для связи между отрядами генераловъ Геймана и Кузьминскаго, подвигаться по дорогѣ изъ Субатана на Чифтъ-тепеси. Вмѣстѣ съ тѣмъ отряду ген. Лазарева приказано продолжать наступленіе съ тыла.

Рано утромъ, 3-го октября, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ двинулся на сѣдловину между горами б. Ягны и Авліаръ, гдѣ была сосредоточена колонна ген. Геймана. Въ боевой линіи находились эриванцы фронтомъ къ Авліару, лѣвѣе послѣднихъ стояли грузинцы противъ с. Буланыха и ростовцы. 1-й кавказскій стрѣлковый и 1-й кавказскій саперный баталіоны составляли резервъ колонны. Въ $6^{1}/_{2}$ часовъ утра генералъ Геймант направилъ Ростовскій полкъ на Буланыхъ, Грузинскій полкъ лѣвѣе, а Эриванскій правѣе Авліара, и, имѣя за ними, для первой поддержки, баталіоны пятигорцевъ, выдвинулъ впередъ всю свою артилерію и въ 9 часовъ началъ громить Авліаръ изъ 64-хъ девяти-фунтовыхъ орудій. Канонаду турки открыли немедленно же по наступающимъ лейбъ-эриванцамъ, какъ только они вошли въ сферу артилерійскаго огня. Вошедши въ сферу ружейнаго огня, эриванцы остановились, чтобы дать время нашимъ девяти-фунтовымъ батареямъ обстрѣлять Авліаръ и въ достаточной степени подготовить штурмъ. Какъ уже было сказано,

---

[18]) Кавказская гренадерская дивизія, Ростовскій гренадерскій полкъ, три баталіона Пятигорскаго п. полка, 1-й кавказскій стрѣлковый и 1-й кавказскій саперный баталіоны, кавказская гренадерская арт. бригада, вторыя батареи 1-й гренадерской и 21 арт. бригадъ, 3-я и 4-я батареи 39-й арт. бригады, 16 запряженныхъ орудій осаднаго парка, Тверской драгунскій, четыре сотни 6 Оренбургскаго каз. полка и 5-я кубанская конная батарея.

послѣ 20-го сентября турки вполнѣ оцѣнили значеніе этой горы, составлявшей стратегическій ключъ всего ихъ расположенія; зная, что съ паденіемъ Авліара, армія ихъ отрѣзывалась отъ Карса и теряла путь отступленія, они обратили на этотъ пунктъ особенное вниманіе, построивъ на немъ множество ложементовъ, нѣсколько рядовъ траншей, опоясывавшихъ вершину его, и батарею на три орудія.

Первый баталіонъ эриванцевъ, двигавшійся на правомъ флангѣ, подвергся сильному ружейному огню съ фронта, а потомъ и картечному огню артилеріи, выѣхавшей со стороны Визинкея, откуда двинулась и турецкая пѣхота около 7-ми таборовъ. Не обращая вниманія на значительное численное превосходсво наступающихъ таборовъ, баталіонъ эриванцевъ смѣло пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Артилерія наша хотя и дѣйствовала удачно, но защитниковъ Авліара поколебала мало и не остановила наступленія турокъ на эриванцевъ; они не только не смутились отъ грознаго и стройнаго движенія нашихъ гренадеръ, но встрѣтили ихъ бѣшенымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткимъ огнемъ. „Съ минуты на минуту, пишетъ участникъ, силы противника все болѣе и болѣе расли. Турки ввели въ дѣло около семи таборовъ противъ одного баталіона; кромѣ того, показалась ихъ кавалерія на правомъ нашемъ флангѣ, а пѣхота старалась обогнуть этотъ же флангъ. Положеніе 1-го баталіона сдѣлалось въ высшей степени опаснымъ: баталіонъ, поражаемый съ двухъ сторонъ, несъ чувствительныя потери, въ особенности отъ фланговаго огня съ Авліара. Непріятель, ободренный превосходствомъ своихъ силъ, нѣсколько разъ пытался перейти въ наступленіе, но, всякій разъ встрѣчаемый мѣткимъ огнемъ берданокъ (стрѣлковой роты) и дружнымъ „ура“, останавливался и съ новою яростью извергалъ массу огня“ [19]). 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ въ это время находился лишь въ сферѣ артилерійскаго огня, который не наносилъ ему вреда почти никакого, хотя турки стрѣляли съ замѣчательною быстротою. Но вскорѣ вошелъ онъ въ сферу ружейнаго и даже очень жаркаго огня. Какъ только стало извѣстнымъ тяжелое положеніе эриванцевъ, командовавшій баталіономъ маіоръ Геричъ, недолго думая, немедленно же двинулъ баталіонъ на поддержку эриванцевъ, хотя и подвергалъ себя строгой отвѣтственности за самовольныя дѣйствія; въ подобныя минуты чувство товарищества и принципъ взаимной поддержки, особенно почитаемый офицерами кавказской арміи, нерѣдко брали верхъ надъ формализмомъ и боязнью личной отвѣтственности. Когда же баталіонъ уже протягивалъ эриванцамъ руку помощи, то, къ счастью, было получено и приказаніе ген. Геймана идти на выручку эриванцевъ.

Турки скоро замѣтили движеніе стрѣлковаго баталіона, которому не до маневрированій и не до скрытныхъ движеній было; онъ только торопился явиться вовремя. Защитники Авліара, оставивъ теперь въ покоѣ эриванцевъ, обратили весь свой огонь на стрѣлковый баталіонъ. Турки обдавали его невѣроятно сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но это его не останавливало, онъ двигался смѣло, неотразимо; лишь ряды его съ каждымъ шагомъ рѣдѣли замѣтно; ни единаго звука, ни единаго движенія, обнаруживающаго чувство самосохраненія или же колебанія! Баталіонъ двигался какъ одно неодушевленное тѣло, какъ бы дѣйствіемъ какого-то механизма; такая храб-

[19]) Опис. боев. жизни Лейбъ-Эриванскаго гр. полка въ войну 1877—78 гг.

рость рѣдко обходится безъ чувствительныхъ потерь. Турки вздрогнули; они стрѣляли теперь суетясь, но все-таки въ теченіи нѣсколькихъ минутъ вырвали изъ строя гомборцевъ, четырехъ офицеровъ и шестьдесятъ одного нижняго чина. Стрѣлявшіе хладнокровнѣе, быть можетъ, лишь жалкіе остатки баталіона успѣли бы дойти до рукопашной схватки. „Подкрѣпленіе, пишетъ тотъ же эриванецъ, приблизилось къ мѣсту битвы въ тотъ моментъ, когда патроны (у эриванцевъ) были почти всѣ разстрѣляны, и баталіонъ удерживалъ непріятеля только грознымъ крикомъ „ура“. Очевидцы разсказываютъ, что турки, сойдясь шаговъ на двѣсти, нѣсколько разъ приподнимались, чтобы кинуться въ штыки, но, встрѣченные безстрашнымъ „ура“, опять ложились. Въ столь трудныя минуты боя Федоръ Августовичъ фонъ-деръ-Нонне (флигель-адъютантъ маіоръ фонъ-деръ-Нонне, командиръ 1-го баталіона эриванцевъ), какъ и всегда, былъ спокоенъ и невозмутимъ— только необыкновенно серьезенъ и озабоченъ. Онъ два раза посылалъ фуршштата за патроннымъ ящикомъ, но оба раза фуршштатъ возвращался безъ ящика, съ небольшимъ запасомъ патроновъ: ящикъ былъ сначала задержанъ недоразумѣніемъ, куда ему ѣхать, а за тѣмъ—неровностями мѣстности, почему двигался чрезвычайно медленно. Можно судить, какъ велика была радость Нонне и его баталіона, когда подошелъ на поддержку 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ“. Подоспѣвъ, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе вовремя, стрѣлки моментально разсыпались и открыли частый огонь. Хотя бѣглый шагъ, какимъ они спѣшили на помощь, и утомилъ ихъ нѣсколько, но они тѣмъ не менѣе быстро дали себя чувствовать туркамъ. Правовѣрные, дерзко кидавшіеся до сихъ поръ на эриванцевъ, остановились; огонь гомборскихъ стрѣлковъ быстро образумилъ турокъ, разгоряченныхъ удачею и уже собиравшихся торжествовать побѣду надъ эриванцами; они повернули обратно и, догоняемые мѣткими бердановскими пулями, кинулись бѣжать, въ безпорядочной массѣ, по направленію къ Визинкею. Все это видѣли турки съ горы Авліара и, предчувствуя паденіе своей позиціи, рѣшились отдать ее елико возможно дорогою цѣною: они напрягли силу своего артилерійскаго и ружейнаго огня до предѣловъ возможнаго. Но и нашъ огонь не менѣе энергично дѣйствовалъ по Авліару: въ теченіи трехъ часовъ наши девяти-фунтовыя батареи громили эту гору самымъ учащеннымъ огнемъ. Стрѣльба производилась большею частію залпами и шрапнелью, и, по выраженію корпуснаго командира, почти каждый снарядъ достигалъ цѣли. Вершина Авліара покрылась густымъ дымомъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ, но турки съ замѣчательною стойкостью выдержали этотъ адскій огонь и не только не думали оставлять свои траншеи, но съ замѣчательнымъ безстрашіемъ выходили изъ нихъ, чтобы давать залпы по кучкамъ нашихъ людей, неосторожно выставлявшихъ себя изъ-за закрытій. Было около полудня, когда Гейманъ счелъ атаку на Авліаръ подготовленною и приказалъ начать штурмъ. Черезъ 2 минуты молодецкое движеніе колонны Геймана разразилось громовымъ „ура“. Турки, не дождавшись рукопашнаго боя, массами отхлынули отъ Авліара и понеслись по направленію къ Визинкею, но ихъ предупредили, въ числѣ другихъ, особенно кавалеріи, и гомборскіе стрѣлки: одна полурота ихъ, предводимая прапорщикомъ Дегтянниковымъ, стремглавъ бросилась имъ на перерѣзъ. Доставшаяся на ея долю масса турокъ безъ труда могла бы раздавить эту горсть

храбрецовъ, но она не рѣшилась столкнуться даже съ нею и побѣжала обратно по направленію къ Аладжи. На Авліарѣ взято три орудія и множество боевыхъ снарядовъ. Турки оставили также множество труповъ. Въ побѣдѣ уже трудно было теперь сомнѣваться, такъ какъ Авліаръ былъ въ нашихъ рукахъ: на немъ уже развѣвалось также и славное знамя гомборцевъ.

Послѣ паденія Авліара главное вниманіе руководителей боя на правомъ флангѣ нашемъ обратилось на Визинкей и Орлокъ. Артилерія наша также обратила теперь весь свой огонь на Визинкей. Батарея Мусхелова молодецки и первою выдвинулась къ ней. Но колоннѣ ген. Геймана не пришлось столкнуться съ защитниками Визинкея, такъ какъ ее предупредили нижегородскіе драгуны изъ обходной колонны ген. Лазарева и дербентцы. Первые лихо ворвались въ непріятельское укрѣпленіе, взяли четыре орудія, отбили полковое турецкое знамя и пронеслись на встрѣчу къ колоннѣ ген. Геймана. Только наша артилерія, не узнавшая своихъ драгунъ и стрѣлявшая по нимъ, помѣшала имъ уничтожить остатки защитниковъ Авліара и Визинкея, бѣжавшихъ къ Карсу. Одновременно съ драгунами, дербентцы вытѣснили турокъ изъ Визинкея, а кавалерія генералъ-маіора Лорисъ-Меликова преслѣдовала ихъ до Карса. Такимъ образомъ, войска генераловъ Геймана и Лазарева соединились и тѣмъ разрѣзали армію Мухтара-паши надвое.

Между тѣмъ турки все еще упорно держались на Аладжи и на м. Ягнахъ. Чтобы отрѣзать имъ путь отступленія, ген. Лазареву было приказано занять базарджикскія высоты, а кавалеріи кн. Щербатова—окружить м. Ягны. Но гарнизонъ послѣдней не далъ себя окружить; онъ снялся и сталъ поспѣшно отступать. Часть защитниковъ Аладжи, не успѣвшихъ укрыться на южн. склонахъ этой горы, была взята въ плѣнъ, и къ вечеру непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, сосредоточился на базарджикской высотѣ, которую наши войска окружили со всѣхъ сторонъ. Не желая быть раздавленнымъ въ этомъ кольцѣ изъ храбрыхъ войскъ, шедшихъ на штурмъ, непріятель выкинулъ бѣлый флагъ и выслалъ парламентера для переговоровъ о капитуляціи. Генералъ Гурчинъ, къ которому обратился переговорщикъ отъ Омера-паши [20]), предъявилъ требованіе безусловной сдачи, которое и было принято безъ возраженій. Вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла всѣ войска. Его Императорское Высочество, получивъ положительное извѣстіе о готовности Омера-паши сдаться съ остатками арміи, изволилъ уполномочить командующаго корпусомъ утвердить капитуляцію.

Трофеями нашими оказались 35 орудій, множество оружія и громадное количество боевыхъ снарядовъ; сверхъ того, сдались семь пашей съ семью тысячами плѣнныхъ и болѣе чѣмъ 250 офицеровъ. 4-го октября плѣнная армія была представлена Его Императорскому Высочеству и послѣ этого направлена въ Александрополь.

Славу этого погрома, главнымъ образомъ, раздѣляли: эриванцы, грузинцы, пятигорцы и гомборскій стрѣлковый баталіонъ, пострадавшій несравненно болѣе другихъ частей. Въ телеграммѣ, посланной Государю Императору, Августѣйшій Главнокомандующій писалъ между прочимъ слѣдующее: „Ключъ

[20]) Мухтара-паши въ войскѣ не было; предвидя погромъ, онъ уѣхалъ въ Карсъ за три дня до этого, передавъ командованіе войсками Омеру-пашѣ.

его (турецкаго расположенія) съ фронта составляла гора Авліаръ. Въ шесть часовъ утра войска наши начали общее наступленіе. Подготовивъ атаку Авліара замѣчательно мѣткимъ огнемъ артилеріи, генералъ Гейманъ, съ Эриванскимъ, Грузинскимъ и Пятигорскимъ полками и Стрѣлковымъ баталіономъ, къ полудню блистательно штурмовалъ Авліаръ и овладѣлъ имъ".

Историческое значеніе аладжинскаго погрома установлено словами Государя Императора, выраженными въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ на Имя Августѣйшаго Главнокомандующаго доблестной кавказской арміи и Шефа 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона: „*Блистательная побѣда эта, свидѣтельствующая о благоразумной распорядительности Вашей, украситъ на вѣчныя времена страницы военной исторіи и дастъ Вамъ право на сердечную Нашу благодарность*". Послѣ этого Его Императорскому Высочеству было угодно отдать слѣдующій приказъ: „Войска кавказской арміи! Пятнадцать лѣтъ я имѣю честь командовать вами и горжусь правомъ Своимъ сказать передъ Лицомъ Моего Государя и Отечества, что вамъ, вашему мужеству, вашей беззавѣтной храбрости, вашимъ доблестямъ принадлежитъ вся слава 3-го октября, и вамъ обязанъ Я новою высокою Царскою ко Мнѣ милостію".

Послѣдствія нашей побѣды были чрезвычайно важны для Россіи. Турецкая армія, еще не такъ давно серьезно угрожавшая Кавказу, была разбита и разсѣяна, и мы теперь владѣли всѣмъ пространствомъ до соганлугскаго хребта. Мусульмане Закавказья, готовившіеся принять турокъ съ распростертыми объятіями и грозившіе христіанамъ поголовною рѣзнею, прижались, а горцы потеряли всякую надежду на возвращеніе въ горы Кази-Магомы съ турецкими войсками. Но самое главное, къ нашему солдату возвратилась его прежняя увѣренность въ непобѣдимости: духъ его чрезвычайно возвысился. Турецкая же армія была деморализована окончательно: только сильные форты Карса поддерживали въ ней еще кое-какую надежду на внѣшнюю помощь. Исманъ-паша, готовившійся ворваться въ наши предѣлы, такъ перепугался, услыша о происшедшемъ 3-го октября, что его отступленіе, предпринятое изъ опасенія не быть отрѣзаннымъ отъ Эрзерума, обратилось въ безпорядочное бѣгство, а газы-Мухтаръ, на другой же день послѣ битвы, взявъ съ собою шесть таборовъ, бѣжалъ изъ Карса въ Эрзерумъ. Неизвѣстно, какъ отнесся Стамбулъ къ муширу анатолійской арміи за 3-е октября: турецкое же населеніе Малой Азіи отнеслось къ Мухтару съ величайшимъ негодованіемъ, приписывая ему всѣ бѣдствія 3-го октября и нисколько не обвиняя Омера-пашу; народныя пѣсни турокъ того времени исполнены весьма нелестныхъ для мушира выраженій.

Безсмертной славѣ погрома арміи Мухтара-паши, 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ принесъ, какъ уже сказано, наибольшую дань: убитъ прапорщикъ Ковальскій; ранены: подпоручикъ Алексѣевъ въ голову, прапорщикъ Шмидтъ въ ногу, и контуженъ въ ногу подпоручикъ Купцовъ; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 61 человѣкъ. Но и поощренія, выпавшія на ихъ долю, далеко оставляютъ за собою таковыя прочихъ частей: за штурмъ Авліара награждены слѣдующіе гомборскіе офицеры: подпоручики Габаевъ 1-й, Латернеръ и Алексѣевъ—орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ; прапорщики Картвеловъ и Шмидтъ—св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость".

Нижніе же чины получили 52 знака отличія военнаго ордена [21]). Но кромѣ всего этого, для гомборскихъ стрѣлковъ послужилъ истиннымъ и непосредственнымъ, послѣ одержанной побѣды, вознагражденіемъ за пролитую кровь слѣдующій приказъ Царственнаго Главнокомандующаго:

„Войска дѣйствующаго корпуса! Сегодня вы одержали побѣду васъ достойную: разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій! Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи. Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ свой долгъ. Вамъ же, солдаты, гордость русскаго имени, вамъ царское „ура" прогремитъ отъ одного конца родины до другаго!"

XXII.

Гомборцы въ карскомъ отрядѣ. Блокада Карса. Карскія укрѣпленія. Фортъ Канлы. Бомбардированіе. Поискъ гомборцевъ въ ночь на 17-е октября. Указанія Его Высочества Главнокомандующаго и диспозиція для штурма. Отдѣльныя дѣйствія ротъ гомборцевъ при штурмѣ форта Канлы. Паденіе Канлы. Дѣйствія противъ другихъ фортовъ. Паденіе Карса. Трофеи. Награды. Назначеніе капитана барона Зальца временно-командующимъ гомборцами.

О бѣгствѣ Мухтара-паши узнали у насъ только 5-го октября. Муширъ поспѣшилъ съ нѣсколькими баталіонами къ Соганлугу, чтобы, по крайней мѣрѣ, удержать за собою пути къ Эрзеруму. Необходимо было поэтому: 1) энергически преслѣдовать его, чтобы помѣшать ему соединиться съ Исмаиломъ-пашою или же образовать изъ клочковъ разбитой арміи — новую, и 2) поспѣшить блокадою Карса. По этимъ соображеніямъ, 5-го же октября, главныя силы, будучи раздѣлены на два отряда, получили слѣдующія названія и задачи: соганлугскій генералъ-лейтенанта Геймана, силою въ 28 баталіоновъ, 25½ эскадроновъ и сотенъ и 98 орудій, долженъ былъ очистить отъ непріятеля все пространство между Карсомъ и Соганлугомъ и, дѣйствуя совмѣстно съ эриванскимъ отрядомъ противъ арміи Исмаила-паши, угрожать его пути отступленія къ Эрзеруму. Карскій отрядъ, въ составѣ 31 баталіоновъ, въ томъ числѣ стрѣлковаго Его Высочества, 34 эскадроновъ и сотенъ и 126 орудій, подъ командою генералъ-лейтенанта Лазарева,—наблюдать за Карсомъ и прекратить прибытіе къ нему

[21]) Кресты получили: фельдфебеля—Петръ Новиковъ и Сергѣй Мирошниковъ—2-й степени; Федоръ Щербаковъ, Петръ Грызловъ—3-й степени; Никита Мокроусовъ, Петръ Кругловъ—4-й степени; унтеръ-офицеры: Алексѣй Чернышевъ, Вячеславъ Рѣзуновъ, Трофимъ Пугачевъ—3-й степени; 4-й степени—Трофимъ Шапошниковъ, Викторъ Симоновъ, Кузьма Тагаевъ, Антонъ Гришко, Іонъ Мухинъ, Сергѣй Поповъ, Яковъ Харшенко, Тимофей Хромыхъ, Василій Звѣздочетовъ; 3-й степени—рядовые: Яковъ Живкинъ, Федоръ Тюринъ, Дмитрій Гусевъ; 4-й степени—Илья Поповъ, Терентій Ткаченко, Михаилъ Самакинъ, Порфирій Скляръ, Арсентій Скрипченко, Емельянъ Бажинъ, Яковъ Коваленко, Иванъ Скляровъ, Владиміръ Константиновичъ, Елеазаръ Вопиовъ, Федоръ Даниловъ, Иванъ Карповъ, Иванъ Червякъ, Кузьма Золототрубовъ, Максимъ Сергѣевъ, Федоръ Перовъ, Никита Кузнецовъ, Алексѣй Шевченко, Лазарь Сердюковъ, Павелъ Лишенко, Николай Чернецовъ, Артемъ Шишаковъ, Емельянъ Гартинъ, Степанъ Гавриленко, Антонъ Дерканосъ, Федоръ Усачевъ, Савелій Ивлевъ, Федоръ Бабкинъ, Авксентій Демиденко, Семенъ Ольховскій.

подкрѣпленій и подвозовъ. Гомборцы, назначенные первоначально въ составъ соганлугскаго отряда, въ день выступленія послѣдняго по назначенію, т. е. 10-го октября, были переведены, по волѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго, въ дер. б. Тыкмэ и здѣсь расположены лагеремъ возлѣ ставки Его Императорскаго Высочества, съ перечисленіемъ въ составъ блокаднаго отряда генерала Лазарева, который немедленно же приступилъ къ тѣсной блокадѣ карсскихъ укрѣпленій.

Карсъ былъ окруженъ цѣпью отдѣльныхъ фортовъ и укрѣпленій, образовавшихъ три группы: съ сѣверо-восточной стороны—неприступные Арабъ и Карадагъ; съ юго-восточной—Сувари, Канлы, Хафисъ-паша, Фези-паша и множество ложементовъ и траншей, составлявшихъ 2-ю линію за этими укрѣпленіями. Наконецъ, съ сѣверо-западной стороны города раскинуто было нѣсколько фортовъ въ двѣ линіи, въ первой—Тохмасъ, Лазъ-тепеси и Тихъ-тепеси; во второй—Чимъ, Инглисъ, Блюмъ-паша, Мухлисъ и Вели-паша. Почти всѣ укрѣпленія были долговременной профили и вооружены стальными дальнобойными орудіями большихъ калибровъ. Весь гарнизонъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ въ послѣдствіи, составляли 18½ т. человѣкъ, не считая больныхъ въ госпиталяхъ.

Блокада началась занятіемъ Чахмаура, Мацры, Визинкея и Магараджика, войсками генералъ-лейтенанта Шатилова. Войска генерала Роопа, въ составѣ 13½ баталіоновъ, въ томъ числѣ стрѣлковаго Его Высочества, 14 эскадроновъ и сотенъ, при 64 орудіяхъ, расположились впереди большой Тыкмэ. Линія блокадныхъ отрядовъ генерала Роопа шла отъ Магараджика черезъ Владикарсъ (Чифтли-гая), Когалы до Чахмаура. Главная и корпусная квартиры расположены были на небольшой возвышенности въ западной части дер. б. Тыкмэ, При главной квартирѣ приказано было состоять, изъ отряда ген. Роопа, гомборцамъ и конвойной Его Императорскаго Высочества командѣ.

Вскорѣ отряды, посты и пикеты наши, окруживъ Карсъ, прервали всякое сношеніе его съ окружающей мѣстностью. Обстоятельство это, въ связи съ разгромомъ арміи Мухтара-паши, подѣйствовало на гарнизонъ удручающимъ образомъ; на внѣшнюю помощь едва-ли онъ могъ теперь расчитывать, унынie вело къ деморализаціи солдатъ. Старожилы города, помня бѣдствія постигшія ихъ въ 1855 году, начали волноваться и прямо требовать отъ коменданта сдачи крѣпости. Казалось бы, что такое настроеніе блокированныхъ послужитъ удобною почвою для начатія переговоровъ въ пользу сдачи Карса безъ боя, и Его Императорское Высочество, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, изволилъ поручить командующему корпусомъ вести переговоры. Коменданту Карса Гассану-пашѣ были представлены всѣ бѣдствія, могущія постигнуть какъ солдатъ, такъ и жителей, которыхъ штурмующіе, въ пылу боя, не могутъ отличать отъ солдатъ; но старикъ остался непреклоненъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что осадныя работы наши съ сѣверо-восточной стороны, въ маѣ мѣсяцѣ этого года, шли не особенно быстро. Выбирая карадагскія высоты мишенью для нашихъ осадныхъ орудій, мы полагали тогда, что усиленное обстрѣливаніе этихъ высотъ заставитъ турокъ бросить укрѣпленія Арабъ и Карадагъ, а пологіе скаты съ сѣверо-востока могутъ вполнѣ благопріятствовать веденію подступовъ. Продолжительная осада, между

тѣмъ, не имѣла желанныхъ результатовъ; грунтъ оказался скалистымъ, а подступы пришлось вести на переносномъ матеріалѣ; да и расположеніе нашихъ батарей обстрѣливалось съ фортовъ не только навѣсно, но и продольно. Нѣтъ сомнѣнія, что, приступая теперь къ осаднымъ работамъ, весьма важно было, въ особенности въ виду наступленія холодовъ, изыскать другіе пункты для дѣйствій болѣе рѣшительныхъ и быстрыхъ. Между тѣмъ, въ послѣднее время стало извѣстнымъ, что гарнизонъ нагорныхъ фортовъ снабжался водою изъ Карсъ-чая, а продовольствіемъ изъ города, и что далеко не весь городъ обстрѣливался съ окружающихъ фортовъ. Этого было достаточно, чтобы явилась мысль объ овладѣніи самимъ городомъ; занявъ его, мы отрѣзывали гарнизонъ отъ источниковъ существованія, а главное— отъ воды. Дѣйствительно, городъ—это самое больное мѣсто карсскихъ твердынь; отлично понимая это, турки обнесли его сильными фортами: Сувари, Каплы, Фези-паша и Хафисъ-паша. Для вынужденія гарнизона къ сдачѣ необходимо было направить всѣ усилія къ завладѣнію этими фортами и городомъ. Фортъ Сувари примыкалъ къ правому берегу Карсъ-чая у того мѣста, гдѣ рѣка входитъ въ городъ. Правѣе Сувари находился наиболѣе сильный фортъ Каплы. Въ виду того, что гомборцамъ выпала на долю задача штурмовать именно Каплы, то не лишне остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Фортъ Каплы былъ расположенъ на небольшомъ возвышеніи и состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ укрѣпленій: двухъ квадратныхъ редутовъ и одного центральнаго укрѣпленія съ двумя фланкирующими бастіонами и казематированною казармою съ горжи. Къ правофланговому бастіону примыкалъ довольно значительный реданъ, правый флангъ котораго посредствомъ палисада соединялся съ траншеею, идущею къ форту Сувари. Всѣ укрѣпленія Каплова были обнесены глубокимъ рвомъ и усѣяны съ фронта и фланговъ траншеями и волчьими ямами. Размѣры профили были весьма значительны: высота бруствера 21 ф., толщина 24 ф., ширина валганга съ банкетомъ—42, глубина рва 6 ф., верхняя ширина рва—12 футовъ. Будучи сильнѣе всѣхъ фортовъ Карса, Каплы превосходилъ ихъ также вооруженіемъ (22 орудія) и числомъ защитниковъ (1000 солдатъ пѣхоты и 48 артилеристовъ). Затѣмъ, другіе форты, также защищавшіе городъ, какъ Фези, Хафисъ, а также и Чимъ, имѣли менѣе значительныя профили, а вооруженіе ихъ состояло отъ 7—16 орудій и гарнизонъ отъ 300—500 защитниковъ.

Противъ названныхъ фортовъ и расположили мы теперь свои осадныя батареи; изъ 12 батарей—четыре назначены на бомбардированіе Карадага; остальныя противъ городскихъ фортовъ: противъ одного Каплы должны были дѣйствовать три 9-ти-фунтовыя и одна 24-хъ-фунтовая батареи, каждая въ 4 орудія.

Между тѣмъ какъ часть войскъ занялась осадными работами, другая принялась за иныя подготовительныя дѣйствія, состоявшія: 1) въ изученіи мѣстностей, непосредственно окружающихъ карсскіе форты (опытъ штурма 1855-го года доказалъ, что̀ можетъ намъ стоить такое незнакомство съ мѣстностью); 2) въ перехватываніи всѣхъ проходящихъ въ крѣпость или выходящихъ оттуда людей; наконецъ, 3) въ держаніи гарнизона въ постоянной тревогѣ безпрестанными ночными нападеніями охотничьихъ командъ на ближайшіе пункты фортовъ и пальбою. Приказаніе о подобныхъ охот-

ничьихъ поискахъ было получено въ 1-мъ кавказскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ 12-го октября, и съ 16-го октября до паденія Карса, аккуратно, каждую ночь, выходила изъ баталіона въ охотники рота стрѣлковъ въ полномъ составѣ, по очереди. Очередная рота, соблюдая строжайшую тишину и добравшись до подножія порахскихъ высотъ, или къ городскимъ укрѣпленіямъ, высылала отъ себя впередъ охотниковъ; послѣдніе, приблизясь къ непріятельскимъ аванпостамъ на ружейный выстрѣлъ, открывали сильную пальбу; въ отвѣтъ на это турки открывали огонь по всей линіи аванпостовъ; поднималась общая тревога въ турецкомъ лагерѣ. „Сформированныя команды, пишетъ ген. Кишмишевъ, съ первыхъ же дней стали дѣйствовать весьма успѣшно. Незамѣтно и умѣло они подкрадывались мелкими частями и съ разныхъ сторонъ, почти подъ стѣны укрѣпленія и, открывъ тамъ пальбу, быстро уходили за какія-либо прикрытія, заранѣе ими намѣченныя. Гарнизонъ, не зная, идемъ-ли мы на приступъ, или же производимъ фальшивую тревогу, быстро выбѣгалъ изъ своихъ палатокъ и становился въ ружье, ожидая разъясненія дѣла. Были даже случаи, что послѣ ряда выстрѣловъ съ нашей стороны, турки, лишенные сна, открывали пальбу со всѣхъ фасовъ крѣпости, и трескотня эта продолжалась по цѣлому часу. Одинъ изъ такихъ наиболѣе удачныхъ поисковъ былъ произведенъ въ ночь съ 16-го на 17-е октября охотниками 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, въ составѣ 25-ти унтеръ-офицеровъ, 4-хъ горнистовъ и 125 рядовыхъ, подъ начальствомъ маіора Герича. На этотъ разъ охотники наши были до того дерзки, что непріятель, прекративъ свой ружейный огонь, вынужденъ былъ выслать впередъ изъ укрѣпленія 2 или 3 баталіона, чтобы осмотрѣть мѣстность и заставить охотниковъ отойти далѣе. Не прошло однако и недѣли, какъ утомленные турки перестали уже обращать серьезное вниманіе на эти тревоги и предоставили ночнымъ карауламъ и постамъ слѣдить за движеніемъ нашихъ командъ. Такъ случилось и въ ночь съ 5-го на 6-е ноября“ [1]), ознаменовавшуюся штурмомъ и паденіемъ Карса.

Для болѣе тѣснаго обложенія Карса, была вытребована изъ Ардагана къ Самавату колонна ген. Комарова, въ составѣ 6 баталіоновъ пѣхоты, 8 орудій и 6 сотенъ кавалеріи. Съ приходомъ этихъ частей было произведено нѣкоторое измѣненіе въ блокадной линіи [2]). Осадныя работы между тѣмъ подвигались быстро; 23-го октября вечеромъ заложены три батареи противъ Канлы на разстояніи трехъ верстъ, а утромъ 24-го числа открытъ огонь. Чтобы остановить наши осадные успѣхи, турки въ тотъ же день открыли энергичное нападеніе на наши осадныя линіи, но были отброшены прикрывающими частями. Послѣ этого они сдѣлались гораздо осторожнѣе, и работы наши подвигались почти безпрепятственно.

Тѣмъ временемъ соганлугскій отрядъ ген. Геймана напалъ на армію Мухтара-паши, укрѣпившуюся на сильной позиціи Деве-бойну и на голову разбилъ ее; вѣсть объ этомъ была сообщена въ главную квартиру 25-го

[1]) Война въ Турецкой Арменіи, соч. ген.-маіора С. О. Кишмишева, стр. 437.

[2]) Съ прибытіемъ частей ардаганскаго отряда, 23-го октября, блокирующій корпусъ былъ подраздѣленъ на три колонны: 1) ген.-лейтенанта Шатилова, занимавшая позиціи въ Чахмаурѣ, Маирѣ и Меликъ-кеѣ, 2) ген. лейт. Роопа у Самавата, Возгалы, Дюзъ-верана, Чифтли-гая, Мусаша и б. Тыкмэ, и 3) генералъ-маіора Алхазова—у Визинкея и Магараджика. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и при новомъ подраздѣленіи оставался все же въ вѣдѣніи генерала Роопа и у ставки своего Шефа.

октября. Карсскій гарнизонъ, также извѣщенный объ этомъ, болѣе не могъ питать надежду на помощь извнѣ. Можно было надѣяться, что Гассанъ-паша не станетъ болѣе упорствовать; но переговоры, веденные еще разъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества, о сдачѣ Карса безъ кровопролитія, не помогли дѣлу. Бомбардированіе Карса усилилось. Мы построили новыя батареи противъ шорахскихъ фортовъ, имѣвшихъ возможность принять дѣятельное участіе въ оборонѣ Сувари и Канлы. Бомбардированіемъ мы успѣли въ послѣднихъ числахъ октября разрушить множество домовъ, произвели пожары, но энергичный Гассанъ-паша переселялъ жителей изъ одного квартала въ другой, ободрялъ, наказывалъ, а о сдачѣ Карса и мысли не допускалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительнымъ бомбардированіемъ Карса мы завладѣли бы имъ, но невозможно было хотя бы съ приблизительною точностью опредѣлить, сколько времени могъ еще гарнизонъ выдержать осаду. Не имѣлось свѣдѣній о запасахъ его. Держать войска въ траншеяхъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, когда окрестныя горы уже покрывались снѣгомъ, и наступили холода—было крайне затруднительно. Доставка продовольствія по грунтовымъ испорченнымъ дорогамъ изъ Александрополя сдѣлалась почти невозможною; передовые наши склады уже опорожнились, да и истощенная страна не могла выдѣлить войскамъ ничего. Все это приводило къ необходимости взять Карсъ приступомъ. Объ этомъ весьма важномъ вопросѣ происходили съ 28-го октября долгія совѣщанія въ деревни Веранъ-кала, куда прибыла въ этотъ день главная квартира, а съ нею вмѣстѣ и стрѣлковый Его Высочества баталіонъ. Рѣшено было, наконецъ, штурмовать Карсъ 2-го ноября передъ разсвѣтомъ.

По диспозиціи на 2-е ноября стрѣлковый Его Высочества баталіонъ былъ назначенъ въ непосредственное распоряженіе начальника карсскаго отряда, генералъ-лейтенанта Лазарева, и долженъ былъ участвовать въ штурмѣ фортовъ Хафисъ, Канлы и Сувари. Выступивъ изъ лагеря у Веранъ-кала въ 5 часовъ вечера 1-го ноября, баталіонъ, подъ начальствомъ маіора Герича, направился къ Карсу и по дорогѣ присоединился къ колоннѣ генералъ-маіора графа Граббе. Въ этотъ день съ ранняго утра шелъ мелкій дождь, а съ полудня—мокрый снѣгъ. Вся мѣстность расположенія блокадныхъ отрядовъ покрылась вязкою грязью, сильно затруднявшею движеніе колоннъ; а съ наступленіемъ сумерокъ, вся мѣстность была объята такимъ густымъ туманомъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ трудно было различать предметы. Баталіонъ былъ остановленъ близъ дер. Караджуранъ и, проведя всю ночь въ непролазной грязи и подъ мокрымъ снѣгомъ, ожидалъ разсвѣта и штурма. Но, очевидно, въ такую погоду штурмовать Карсъ было бы безполезно, и штурмъ былъ отложенъ на ночь съ 5-го на 6-е ноября, такъ какъ въ эту ночь, если бы не было облачно, луна должна была свѣтить съ вечера до разсвѣта.

Для завладѣнія Карсомъ открытою силою, Его Императорское Высочество Главнокомандующій кавказскою арміею изволилъ преподать слѣдующія указанія: 1) Войска, блокирующія Карсъ, имѣютъ овладѣть Сувари, Канлы и Хафисъ-табіями. 2) Нападеніе съ этою цѣлью должно быть сдѣлано внезапно, съ цѣлью забрать въ плѣнъ гарнизонъ и захватить орудія. 3) Одновременно съ этою атакою, на другихъ пунктахъ карсской обороны

произвести демонстраціи, съ цѣлью удержать или отвлечь силы непріятеля отъ настоящаго пункта атаки. 4) Демонстрирующимъ войскамъ, въ случаѣ оплошности непріятеля, или при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но не иначе, какъ малыми частями, въ видѣ попытки, во избѣжаніе большихъ потерь. 5) Такія же попытки допустить и со стороны войскъ, атакующихъ нижніе форты, послѣ удачнаго исполненія возложенной на нихъ задачи, причемъ стараться преимущественно занять Чимъ-табія и городскую ограду, а при благопріятныхъ случаяхъ, и Кардагъ. 6) По овладѣніи Сувари, Каплы, Хафисомъ, войсками должны быть приняты мѣры, чтобы утвердиться въ этихъ пунктахъ: а если бы это оказалось невозможнымъ, то оставить ихъ, забравъ съ собою плѣнныхъ и трофеи, испортивъ, сколько возможно, средства мѣстной обороны.

Согласно этимъ указаніямъ, корпуснымъ командиромъ была отдана диспозиція, по которой предстояло: пятью отдѣльными пѣхотными колоннами произвести нападеніе на все расположеніе турокъ отъ склона карадагскихъ высотъ до укр. Тохмасъ, причемъ главныя усилія имѣлось направить на укр. Сувари, Каплы, Хафисъ и Чимъ. Остальныя войска, одновременно съ движеніемъ штурмовыхъ колоннъ, должны были усиленно демонстрировать противъ укрѣпленій шорахскихъ и карадагскихъ высотъ. Артилерія, оставаясь при частныхъ резервахъ, должна была ожидать приказаній. Кавалерія, неся аванпостную службу, должна была сосредоточиться на главныхъ сообщеніяхъ Карса съ горными перевалами соганлугскаго хребта. Задача завладѣнія городскими укрѣпленіями была распредѣлена между помянутыми пятью колоннами слѣдующимъ образомъ:

Первой колоннѣ, составленной преимущественно изъ пятигорцевъ и ростовцевъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Комарова, предписано было, демонстрируя частью своихъ силъ противъ шорахскихъ высотъ и, преимущественно, противъ Тохмаса, другою (силою въ 2457 штыковъ) атаковать Чимъ. *Вторая* колонна, изъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ баталіоновъ Кубанскаго пѣхотнаго полка (силою въ 1811 штыковъ), подъ начальствомъ подполковника князя Меликова, должна была атаковать Сувари и проникнуть въ тылъ Чима для совмѣстныхъ дѣйствій съ первою колонною. *Третья* и *четвертая* колонны [3]) (силою въ 6631 штыкъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Граббе, получили назначеніе овладѣть сильнѣйшимъ изъ всѣхъ фортовъ—Каплы. Стрѣлковый Его Высочества баталіонъ вошелъ въ составъ 3-й колонны. *Пятая* колонна, изъ трехъ баталіоновъ Кутаисскаго и двухъ Владикавказскаго полковъ, при 6-й батареѣ 19-й арт. бригады (силою въ 3441 штыкъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Алхазова, имѣла назначеніе атаковать Хафисъ. Остальныя войска карсскаго отряда, силою въ 17000 чел., должны были демонстрировать противъ нагорныхъ укрѣпленій и составили: *шестую* колонну полковника Че-

[3]) *Третья* колонна самаго графа Граббе, изъ трехъ баталіоновъ Перновскаго гренадерскаго и одного Севастопольскаго пѣхотныхъ полковъ, 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Высочества баталіона, роты 3-го кавказскаго сапернаго баталіона; 2-й батареи 1-й гренад. артил. бригады. *Четвертая* колонна полковника Вождакина—изъ трехъ баталіоновъ Севастопольскаго, двухъ баталіоновъ Имеретинскаго пѣхотныхъ полковъ, полуроты 3-го кавказскаго сапернаго баталіона и 3-й батареи 38-й артилерійской бригады; всего 10¼ баталіоновъ, полурота саперъ и 16 орудій.

ремисинова—противъ Лазъ-тепеси и Мухлисъ, и *седьмую* генералъ-маіора Рыдзевскаго—противъ Араба и Карадага.

Передъ началомъ движенія въ атаку, колонны должны были сосредоточиться въ опредѣленныхъ пунктахъ, а атаку начать въ восемь часовъ вечера [4]). Общее руководство и командованіе штурмовыми войсками, долженствовавшими дѣйствовать на правомъ берегу Карсъ-чая, было возложено на начальника карсскаго отряда генералъ-лейтенанта Лазарева, въ вѣдѣніи котораго состоялъ и общій для нихъ резервъ изъ двухъ баталіоновъ Владикавказскаго полка, съ 1-ю батареею 40-й артил. бригады. Всѣ колонны были снабжены штурмовыми лѣстницами для эскаладированія брустверовъ; при каждой находились: проводникъ изъ мѣстныхъ армянъ, команда саперъ съ динамитомъ и рабочими инструментами и по 16 артиллеристовъ для порчи и заклепки захваченныхъ орудій. На каждую роту взято по фургону для перевозки раненыхъ—независимо, конечно, подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ. Вся свободная отъ охранной и тыльной службы кавалерія, одновременно съ прибытіемъ пѣхотныхъ колоннъ на сборные пункты, должна была занять селенія: Чахмауръ, Бозгала, Кюмбетъ, Чифтли-гая и верхній Караджуранъ, главнымъ образомъ, для наблюденія за дорогами на Эрзерумъ и Ардаганъ, а также для поддержанія связи между колоннами. Главный резервъ (4 баталіона, 2 эскадрона, 2 пѣшихъ и 1 конная батареи) долженъ былъ находиться у сел. Комацоръ [5]).

Главное руководство всѣми войсками, дѣйствовавшими по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, изволилъ принять на Себя Его Императорское Высочество Великій Князь Главнокомандующій кавказскою арміею. Настало 5-е ноября. День былъ ясный, морозный и обѣщалъ такую же ясную и морозную ночь. Къ 5-ти часамъ вечера войска начали стягиваться на сборные пункты. Баталіонъ Его Высочества въ 6 часовъ бросилъ свой непривѣтливый лагерь въ Караджуранъ, гдѣ въ теченіе четырехъ сутокъ терпѣлъ всевозможныя невзгоды, и прибылъ къ лагерю Перновскаго полка, гдѣ находился ген. Лазаревъ. Въ 7 часовъ войска были совершенно готовы къ выступленію и черезъ полчаса тронулись съ сборныхъ пунктовъ. Движеніе было обставлено всѣми пріемами нечаяннаго нападенія; съ солдатами, вопреки обыкновенію, не было ни одной собаки,—неудачный штурмъ Карса въ 1855 году отчасти приписывали собакамъ, которыя всемъ своимъ лаемъ несвоевременно открыли наше движеніе. Турки на этотъ разъ были въ полномъ невѣдѣніи объ ожидавшей ихъ катастрофѣ. Въ то время, когда третья и четвертая штурмовыя колонны подходили къ Капламъ, правовѣрные, по обыкновенію, отдыхали въ казематахъ. Передъ вступленіемъ въ сферу ружейнаго огня, начальникъ этихъ колоннъ генералъ-маіоръ графъ Граббе вызвалъ охотниковъ изъ стрѣлковаго Его Высочества баталіона: вся четвертая рота вызвалась въ охотники; командиръ ея, старый боевой офицеръ, герой б. Ягновъ капитанъ Бейнардтъ, собравъ роту въ кружокъ и въ краткихъ словахъ объяснивъ ей пріемы ночнаго боя, двинулся съ нею

---

[4]) Сборными пунктами колоннъ назначены были: 1-й—сел. Татлиджа, 2-й—Чифтли-гая, 3-й и 4-й—сел. верх. Караджуранъ, 5-й—правофланговыя осадныя батареи.

[5]) Противъ Карса и его фортовъ, обороняемыхъ 18-ти-тысячнымъ гарнизономъ и вооруженныхъ 212-мя орудіями, мы имѣли: 38½ баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ, 44½ сотни и 146 орудій.

впередъ. Въ это время къ баталіону подъѣхалъ генералъ Лазаревъ и, сказавъ ему обычное привѣтствіе, заранѣе поздравилъ его съ успѣхомъ и лично сдѣлалъ кое-какія указанія относительно образа движенія. Пользуясь условіями мѣстности, но не теряя связи, весьма осторожные и достаточно опытные уже охотники капитана Бейнардта стали постепенно приближаться къ турецкимъ пикетамъ. Вслѣдъ за охотниками двинулись и остальныя три роты съ маіоромъ Геричемъ во главѣ. Около 8-ми часовъ кое-гдѣ стали раздаваться одиночные выстрѣлы турецкихъ часовыхъ по подползавшимъ нашимъ охотникамъ; появленіе послѣднихъ было принято турецкими пикетами за обыкновенныя ночныя прогулки нашихъ смѣльчаковъ. Наконецъ, выстрѣлы начали учащаться, и изъ Каплы грянулъ первый выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и вскорѣ запылали сплошнымъ огнемъ ружейныхъ выстрѣловъ всѣ линіи укрѣпленія и траншей. Съ нашей же стороны не было пока ни одного выстрѣла. Графъ Граббе приказалъ охотникамъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона, Севастопольскаго пѣх. полка и саперамъ занять траншею, соединяющую Каплы и Сувари, и, пробѣжавъ шаговъ триста впередъ, атаковать ворота казармы, находящейся недалеко отъ горки укрѣпленія. За охотниками, бросившимися исполнять приказаніе, двинуты были и остальныя три роты стрѣлковъ Его Высочества, а самъ графъ Граббе, съ остальными частями колонны, направился на редутъ съ фронта, имѣя въ первой линіи два баталіона Перновскаго гренадерскаго полка.

Капитанъ Бейнардтъ, сомкнувъ свою роту, безъ выстрѣла подошелъ съ нею къ траншеѣ, въ порядкѣ перешелъ волчьи ямы и стремглавъ, съ крикомъ „ура“, бросился на брустверъ. Пораженные внезапнымъ ударомъ, турки живо очистили траншею и бѣжали; вслѣдъ за этимъ, зайдя лѣвымъ плечомъ, рота быстро направилась на казарму, но передъ этою казематированною казармою была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ бойницъ и картечью изъ мортиръ, поставленныхъ на плоской крышѣ казармы. Не обращая вниманія на адскій огонь, рота съ большимъ одушевленіемъ бросилась къ воротамъ казармы и стала разбивать ихъ ружейными прикладами. Стрѣлки находились теперь въ безопасности отъ огня изъ мортиръ и бойницъ, но не пощадили ихъ ручныя гранаты, которыя турки съ большимъ усердіемъ бросали въ столпившуюся у воротъ роту. Въ виду безполезности своихъ усилій и потерь, капитанъ Бейнардтъ расположилъ часть стрѣлковъ у стѣнъ казармы, возлѣ воротъ, другую же часть убралъ и расположилъ по близости во рву. Послѣ этого нѣсколько разъ, при помощи ворвавшихся въ укрѣпленіе ротъ, бросался онъ къ воротамъ съ цѣлью разломать ихъ, но каждая попытка его только увеличивала потери стрѣлковъ и гренадеръ, которыхъ ему удавалось собирать и вести къ казармѣ. Въ такомъ положеніи находилась 4-я рота, когда къ ней присоединились стрѣлки, отдѣлившіеся отъ нея при завладѣніи первою траншеею. Командиръ 1-й полуроты прапорщикъ Картвеловъ первымъ бросился со своими стрѣлками на лѣвый флангъ турокъ, оборонявшихъ траншею и, прогнавъ ихъ оттуда, занялъ ее. Правый флангъ этой траншеи былъ пока сильно занятъ турками, которые легко могли зайти въ тылъ 4-й ротѣ, долженствовавшей, согласно заданію, зайти лѣвымъ плечомъ и направиться на казарму. Давъ знать объ этомъ капитану Бейнардту, прапорщикъ Картвеловъ расположилъ большую часть своей полуроты позади траншеи для обезпеченія тыла капитана

Бейнардта, а самъ съ небольшою частью стрѣлковъ, севастопольцевъ и саперъ пошелъ на лѣво. Въ неатакованной части траншеи, именно ближе къ правому флангу ея—турки, не подозрѣвая, что лѣвый флангъ ихъ прорванъ и что русскіе охотники идутъ уже вдоль траншеи—стояли преспокойно за валомъ и стрѣляли въ поле. Быстро и незамѣтно пробрались къ нимъ въ тылъ стрѣлки и охотники. Выстроивъ у гребня внутренняго рва, сзади турокъ, шеренгу, прапорщикъ Картвеловъ скомандовалъ ей „на руку“ и двинулъ ее въ штыки. Какъ на обыкновенномъ ученіи онъ произнесъ команду: „коли“; изъ всей шеренги турокъ, подвергшихся нападенію, не спасся ни одинъ; всѣ до единаго легли на мѣстѣ. Турки, стоявшіе по сосѣдству, въ смятеніи бросились бѣжать по направленію къ Сувари. Вся траншея была очищена отъ турокъ, и задача прапорщика Картвелова выполнена. Но, увлекшись боемъ, стрѣлки устремились по пятамъ за бѣгущими и, преслѣдуя ихъ до Сувари, подъ сильнымъ огнемъ съ Чима, перебѣжали балку у самой рѣчки Карсъ-чая и наткнулись на сильную партію турокъ, прикрывавшую орудіе; съ нею они „возобновили рукопашный бой до кулаковъ“. Рядовой 4-й роты Филиппенко протолкнулся къ орудію и успѣлъ вынуть изъ него замокъ (замокъ не былъ взятъ по тяжести); въ это время на него размахнулся саблею турецкій артиллеристъ, но ударъ этотъ, вмѣсто Филиппенки, ловко увернувшагося, поразилъ горниста; за это турокъ жестоко поплатился: унтеръ-офицеръ Халанскій ударомъ приклада въ голову повалилъ его насмерть [6]). Разбросавъ турокъ, стрѣлки увлеклись еще болѣе и, забывъ, что они и безъ того запеслись слишкомъ далеко, бросились къ казармѣ. Масса пуль посыпалась по адресу стрѣлковъ. Сообразивъ, какой опасности подвергалась эта горсть удальцовъ и узнавъ отъ подошедшаго къ нему офицера 4-го стрѣлковаго баталіона, что этотъ послѣдній отступаетъ, прапорщикъ Картвеловъ собралъ свою команду и, отойдя нѣсколько назадъ, расположился за валомъ съ намѣреніемъ поддержать отступающихъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія и видя, что перестрѣлка въ Каплахъ въ полномъ разгарѣ, охотники быстро направились къ названному форту и вскорѣ присоединились къ 4-й ротѣ. Обрадовавшись появленію Картвелова съ командою, капитанъ Бейнардтъ велѣлъ ему принять роту, а самъ сталъ собирать гренадеръ для повторенія приступовъ къ воротамъ казармы.

Вслѣдъ за ротою капитана Бейнардта двинулась вполоборота на лѣво и 3-я рота съ капитаномъ Линдбладтомъ во главѣ; она прошла мимо правофланговаго редута и, зайдя лѣвымъ плечомъ, направилась на реданъ, примыкавшій своимъ лѣвымъ фасомъ къ главному укрѣпленію и соединенный съ нимъ заборомъ. Сокрушая и закалывая турокъ, стоявшихъ лагеремъ между редутомъ и реданомъ, третья рота раздѣлилась: 2-я полурота, подъ командою прапорщика Дегтянникова, направилась на правый фасъ правофланговаго бастіона главнаго укрѣпленія. Первая же, слѣдуя за капитаномъ Линдбладтомъ, благополучно перешла волчьи ямы и моментально ворвалась въ наружный ровъ передъ исходящимъ угломъ. Такимъ быстрымъ движеніемъ капитана Линдбладта, оставившаго безъ вниманія редутъ, турки, стоявшіе въ послѣднемъ, были отрѣзаны отъ главнаго укрѣпленія и, будучи окружены подошедшими войсками, не могли участвовать въ оборонѣ центральнаго укрѣп-

[6]) Изъ записокъ, составленныхъ ротными командирами послѣ штурма и хранящихся въ дѣлѣ штаба дѣйств. корп. на кавк.-турецкой границѣ, стр. отд. 1877 г., № 88.

ленія. Спустившись, подъ сильнымъ фланговымъ огнемъ, въ ровъ, стрѣлки капитана Линдбладта быстро распространились по рву и принялись эскаладировать брустверъ. Не обращая вниманія на страшный ружейный огонь съ средины бастіона и казармы, увлекаемые своимъ ротнымъ командиромъ, стрѣлки вскорѣ увѣнчали собою весь гребень наружной крутости. Обоихъ противниковъ отдѣлялъ лишь скатъ брустверa, буквально обдаваемый свинцовымъ ливнемъ. Подняться на этотъ скатъ, чтобы кинуться въ штыки— было безразсудно. По этой причинѣ, прикрываясь нѣсколько гребнемъ наружной крутости, стрѣлки по возможности отвѣчали непріятелю ружейнымъ огнемъ. Противники находились такъ близко, „что приходилось стрѣлять почти дуло въ дуло и турки бросали въ стрѣлковъ землею“. Дѣло не подвигалось впередъ. Видя, что, дѣйствуя такимъ образомъ, турокъ сбить нельзя, капитанъ Линдбладтъ приказалъ стрѣлкамъ спуститься внизъ и, перебѣгая по рву къ оконечности праваго фаса редана, зайти въ тылъ защитникамъ послѣдняго. Едва онъ успѣлъ отдать это приказаніе, какъ, раненый пулею въ грудь навылетъ, онъ былъ вынесенъ изъ строя. Его планъ былъ приведенъ въ исполненіе уже командиромъ 1-й полуроты прапорщикомъ Преображенскимъ. Стрѣлки бѣгомъ проскочили къ оконечности редана и, какъ снѣгъ на голову, очутились на шеѣ у турокъ. Произошла недолгая схватка со смѣльчаками; непріятель очистилъ весь фасъ до исходящаго угла съ барбетомъ, на который бросились стрѣлки; захваченныя ими здѣсь и на валу три орудія немедленно же были заклепаны или лишились замковъ.

Но занятіе части редана дорого обошлось стрѣлкамъ. Маіоръ Геричъ, ѣхавшій во главѣ 2-й роты, узнавъ, въ чемъ дѣло, направилъ эту роту на исходящій уголъ редана, а самъ прискакалъ къ залегшей на брустверѣ 3-й ротѣ (по выбытіи изъ строя ротнаго командира) и, намѣреваясь открыть стрѣлкамъ путь во внутренность укрѣпленія, лихо вынесся впередъ и мимо оконечности редана вскакалъ въ турецкій лагерь за валомъ. Нѣсколько пуль уложили его коня, а онъ самъ былъ взятъ на штыки турецкими солдатами. Прибѣжавшіе стрѣлки отбили лишь изуродованный его трупъ. Разставивъ по банку часовыхъ, прапорщикъ Преображенскій направился къ другому фасу, гдѣ турки еще держались. Атакованные въ этомъ мѣстѣ полуротою Дегтянникова и перновцами, угрожаемые справа стрѣлками, турки очистили укрѣпленіе, не дождавшись свалки.

Неменѣе удачны были дѣйствія 2-й полуроты прапорщика Дегтянникова. Отдѣлившись отъ роты, она также перешла множество искусственныхъ препятствій, бросилась вмѣстѣ съ перновцами на правый плечной уголъ правофланговаго бастіона и начала взбираться на брустверъ, защитники котораго также не дождались рукопашнаго удара. Стрѣлки стали распространяться по валгану, а перновцы спустились во внутрь укрѣпленія. Вообще появленіе въ тылу у турокъ сначала 4-й, потомъ части 3-й роты произвело панику; они бросились бѣжать; большинство ихъ было перехвачено внутри же укрѣпленія. Фельдфебель 3-й роты, изъ полуроты прапорщика Дегтянникова, погнавшійся со стрѣлками за одною партіею, окружилъ ее, обезоружилъ и сдалъ перновцамъ; затѣмъ, минуя 4-ю роту, осаждавшую ворота укрѣпленія, сталъ со стрѣлками противъ дверей казармы; на нихъ гарнизонъ вздумалъ сдѣлать вылазку; едва только турки выдвинулись впе-

редъ, какъ пятеро изъ нихъ очутились на штыкахъ стрѣлковъ. Остальные скрылись въ казарму; стрѣлки же присоединились къ своей ротѣ.

Въ то время какъ 4-я рота разбивала ворота казармы, а 3-я занимала валгангъ редана и правые участки бастіона главнаго укрѣпленія, 1-я рота, подъ командою капитана Клименко, направилась къ лѣвому фасу и фланку этого укрѣпленія; увлекая за собою часть перновцевъ, рота моментально ворвалась въ ровъ и, подъ сильнымъ, фланговымъ огнемъ, начала карабкаться на брустверъ, но при всходѣ на послѣдній лишилась своего ротнаго командира: ружейная пуля убила его наповалъ. Озлобленные стрѣлки во мгновеніе ока очутились на валгангѣ и перекололи всѣхъ его защитниковъ. Передъ этимъ часть первой роты (12 человѣкъ), подъ командою прапорщика Дарскаго, была оставлена у наружнаго рва для воодушевленія нѣкоторой части гренадеръ, которымъ впервые лишь приходилось входить въ такой огонь. Вскорѣ и они освоились съ нимъ и также полѣзли на брустверъ. Тѣмъ временемъ прапорщику Дарскому удалось захватить въ плѣнъ 7 человѣкъ турокъ, спасавшихся изъ атакованнаго передоваго редута. Сдавши плѣнныхъ, прапорщикъ Дарскій перешелъ со своими стрѣлками валъ и направился въ тылъ казармы, гдѣ находилась первая рота. Такимъ образомъ, правый бастіонъ съ реданомъ и участкомъ бруствера, соединявшіе Каплы съ Сувари, были взяты 4-ю, 3-ю и 1-ю ротами 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона при содѣйствіи перновцевъ и охотниковъ Севастопольскаго полка. Но и 2-я рота далеко не оставалась безъ дѣла. Направленная маіоромъ Геричемъ, она подошла къ исходящему углу редана въ то время, когда брустверъ былъ уже занятъ; закричавъ „ура“ для узнанія своихъ, (такъ какъ съ редутовъ толпы турокъ въ это время спасались къ главному укрѣпленію, и по нимъ стрѣляли наши войска), она обошла брустверъ и направилась къ казармѣ, около которой сгруппировались остальныя части баталіона. Въ это время турки произвели сильный натискъ на лѣвый флангъ укрѣпленія Каплы и стали тѣснить атакующихъ. Замѣтивъ это, командиръ 2-й роты, поручикъ Побываецъ поднялъ свою роту на валгангъ и, расположивъ ее по гребню бруствера, открылъ огонь по насѣдавшимъ толпамъ турокъ, а затѣмъ, спустившись внизъ, принялъ участіе въ схваткѣ, окончившейся бѣгствомъ турокъ. Объ этомъ моментѣ боя Августѣйшій Распорядитель штурма доносилъ Государю Императору слѣдующее: „Передовые люди и съ ними 2-я рота Стрѣлковаго баталіона, предводимая командовавшимъ баталіономъ маіоромъ Геричемъ, съ неимовѣрнымъ усиліемъ успѣли овладѣть кроною бруствера центральнаго укрѣпленія. Огонь противника временно ослабѣлъ. Собравшись и устроившись во рву, перновцы и севастопольцы дружно бросились на валъ и къ 11-ти часамъ вечера, въ то время, когда Стрѣлковыя роты лѣваго фланга уже врывались въ тылъ боковыхъ фасовъ,—вскочили во внутренность главнаго укрѣпленія. Ожесточенный штыковой бой завязался внутри укрѣпленія и на фасахъ праваго его фланга. Болѣе пятисотъ турецкихъ тѣлъ найдено впослѣдствіи на этомъ небольшомъ пространствѣ. Среди этой схватки погибъ неустрашимый маіоръ Геричъ“ [7]).

Между тѣмъ передовые редуты еще держались, а одиночные наши люди и кучки, преимущественно Перновскаго полка, бродили во рву между

[7]) Рапортъ отъ 24-го ноября 1877 г. № 1274.

укрѣпленіями. Намѣреваясь подать помощь передовымъ редутамъ, командиръ 2-й роты гомборцевъ поручикъ Побыванецъ наскоро, при помощи офицера Перновскаго полка, успѣлъ собрать и привести въ порядокъ до двухъ ротъ. Съ этими силами онъ направился къ правому редуту на помощь къ осаждающимъ. Едва онъ отошелъ отъ главнаго укрѣпленія, какъ наткнулся на стройно двигающуюся къ нему со стороны поля команду турокъ съ офицеромъ впереди. Полагая, что она намѣрена сдаться, поручикъ Побыванецъ подошелъ къ офицеру на 4 шага и знаками предложилъ ему положить оружіе. Офицеръ, пораженный неожиданностью, метнулся въ сторону къ правому редуту, а за нимъ и вся команда; но собранные Побыванцемъ люди сами открыли огонь, уложили многихъ и 8 человѣкъ захватили въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько времени подошли къ стрѣлкамъ имеретинцы, штурмовавшіе передовые редуты. Вмѣстѣ съ ними стрѣлки съ Побыванцемъ бросились на выручку войскъ, штурмовавшихъ лѣвую половину главнаго укрѣпленія. Появленіе этой сборной команды изъ ротъ стрѣлковъ, имеретинцевъ и перновцевъ весьма много облегчило штурмъ еще незанятой части форта. Войска наши быстро ворвались во внутренность укрѣпленія, перекололи дѣйствовавшихъ еще изъ орудій храбрыхъ турецкихъ артилеристовъ. Раненый артилеристъ лежалъ около заряженнаго орудія и, сдѣлавъ послѣднее усиліе, лежа выстрѣлилъ; всѣ товарищи его были уже перебиты. Такимъ образомъ, очистивъ весь фортъ Каплы, войска сгруппировались вокругъ казематированной казармы, въ которую заперлись турки; попытки разломать ворота оканчивались плачевно, и чуть было этотъ редюитъ не повернулъ счастія на сторону турокъ.

Еще въ началѣ, когда капитанъ Бейнардтъ, прорвавъ турецкую траншею, направлялся къ казармѣ, а рота капитана Линдбладта штурмовала редантъ, турки, не подозрѣвая присутствія въ тылу у нихъ нашихъ войскъ, открыли сильный огонь съ фронта по надвигавшимся колоннамъ. Желая поднять духъ солдатъ, начальникъ колонны генералъ графъ Граббе выносся верхомъ впередъ и недалеко отъ форта былъ пораженъ пулею въ сердце. Его замѣнилъ командиръ Перновскаго полка полковникъ Бѣлинскій. Воодушевивъ войска, онъ повелъ ихъ на редутъ и завладѣлъ имъ штурмомъ; но затѣмъ, услышавъ сильную пальбу въ главномъ укрѣпленіи, онъ немедленно же двинулся къ горжѣ его, съ цѣлью проникнуть въ него. Турки встрѣтили колонну Бѣлинскаго сильнымъ двухъ-яруснымъ огнемъ изъ казармы и нанесли ей большой уронъ. Вызвавъ охотниковъ, Бѣлинскій бросился съ ними къ воротамъ казармы, чтобы разломать ихъ, но тутъ же погибъ, пораженный пулею. Войска, потерявъ главнаго начальника, смѣшались; это не ускользнуло отъ вниманія турокъ. Ободренные отсутствіемъ единства у насъ, они снова появились внутри главнаго укрѣпленія, а со стороны города небольшія части пѣхоты поспѣшили на помощь къ Каплямъ. Настали критическія минуты. Роты стрѣлковъ, лишившись старшихъ офицеровъ и расположенныя на различныхъ пунктахъ, находились, главнымъ образомъ, въ рукахъ младшихъ офицеровъ. Старшихъ офицеровъ было весьма немного и въ другихъ частяхъ. Не было общаго начальника. Въ такія критическія минуты болѣе распорядительный и храбрый офицеръ, независимо своего чина, невольно командуетъ и руководитъ дѣломъ. Офицеры-стрѣлки приняли въ свое вѣдѣніе участки обороны, включивъ туда и

часть московскихъ гренадеръ, и приготовились встрѣтить турокъ каждый какъ могъ. Одинъ изъ нихъ обнаружилъ въ эту достославную ночь самую энергичную дѣятельность. По единогласному отзыву очевидцевъ, это былъ герой въ истинномъ значеніи этого слова. Не стѣсняясь ни своимъ прапорщичьимъ чиномъ, ни мѣстомъ въ строю, онъ одинъ былъ вездѣ, гдѣ только шла свалка; собиралъ людей чужихъ частей и давалъ имъ различныя назначенія, или же, забывъ боль въ раненой ногѣ, самъ ходилъ съ ними въ дѣло [8]). Въ виду наступленія турокъ, онъ живо собралъ около себя команду до 300 человѣкъ различныхъ частей и принялъ турокъ самымъ энергичнымъ ружейнымъ огнемъ. Но турки яростно наступали, силясь выбить русскихъ изъ укрѣпленія. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда прибылъ въ Канлы полковникъ Бульмерингъ, назначенный начальникомъ колонны, вмѣсто убитаго Граббе. Видя стѣсненное положеніе своихъ, онъ немедленно же попросилъ подкрѣпленія. На выручку подоспѣлъ генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе съ 3-мъ Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, казаками и тушинами. Тогда турки очистили внутренность укрѣпленія и частью снова отошли къ казармѣ. Собравъ всѣ войска, бывшія во рвахъ и на валахъ, полковникъ Бульмерингъ, по приказанію князя Чавчавадзе, двинулъ ихъ съ обоихъ фланговъ: справа севастопольцевъ и перновцевъ, а слѣва имеретинцевъ; къ каждой колоннѣ были присоединены по двѣ роты гомборскихъ стрѣлковъ. Прибывшая же на помощь кавалерія заскакала въ тылъ Канламъ. Появленіе нашихъ войскъ въ тылу и на флангахъ заставило турокъ запереться въ казармѣ; неуспѣвшіе вбѣжать въ нее были переколоты или перехвачены въ плѣнъ набѣжавшими съ обѣихъ сторонъ войсками, причемъ наибольшая доля плѣнныхъ досталась прапорщику Шмидту; всѣхъ же плѣнныхъ было 10 офицеровъ и 180 нижнихъ чиновъ. Это было уже около часа пополуночи.

Разставивъ войска вокругъ форта, дабы отразить всякую попытку турокъ поддержать осажденныхъ, полковникъ Бульмерингъ послалъ гарнизону требованіе сдать казарму. Турки соглашались на это лишь подъ условіемъ выйти съ оружіемъ въ рукахъ. Полковникъ Бульмерингъ повторилъ свое требованіе безусловной сдачи. Начальникъ гарнизона Давутъ-паша упорствовалъ до тѣхъ поръ, пока не приступили къ угрозамъ взорвать казарму и не подкатили орудій къ самымъ стѣнамъ для разрушенія ихъ. Тогда паша съ 12-ю офицерами и двумя-стами нижнихъ чиновъ предпочли плѣнъ вѣрной гибели. Сложивъ оружіе, турки вышли изъ казармы и были препровождены въ Карадикранъ.

Одновременно съ движеніемъ колонны гр. Граббе на правую половину форта Канлы, четвертая колонна полковника Вождакина была двинута на лѣвую часть этого укрѣпленія; часть ея по ошибкѣ приняла направленіе на батарею Фези-паша, находящуюся между Канлы и Хафисомъ. Не смотря

[8]) Это былъ прапорщикъ Шмидтъ. Раненый въ ногу при штурмѣ Авліара, онъ вынужденъ былъ лечь въ госпиталь. Но онъ не стерпѣлъ. Не спросясь госпитальнаго начальства, онъ гдѣ-то захватилъ лошадь, кое-какъ взобрался на нее и поскакалъ къ Карсу. Баталіонъ уже находился на сборномъ пунктѣ, когда Шмидтъ подъѣхалъ къ нему. Никто не допускалъ и мысли, чтобы недавно раненый и теперь числившійся въ госпиталѣ Шмидтъ могъ принять участіе въ штурмѣ Карса. Сидя верхомъ на лошади какъ-то особенно, съ вытянутою въ сторону раненою ногою, онъ весело подъѣхалъ къ товарищамъ, искренне радуясь, что не опоздалъ.

на это, колоннѣ все же удалось ворваться въ лѣвую половину Канлы, хотя съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Здѣсь, лишившись полковника Вождакина, она съ честью выдержала упорный бой и, благодаря третьей колоннѣ, зашедшей въ тылъ укрѣпленія и храбрости подпоручика Ходаковскаго съ охотниками, она не была выбита окончательно. Подпоручикъ Ходаковскій, отбивая всѣ нападенія, геройски удержался до прихода подкрѣпленія; его успѣхамъ особенно благопріятствовала 2-я рота 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, обстрѣливавшая внутренность укрѣпленія въ самый разгаръ натиска турокъ. Наконецъ, прибытіе подкрѣпленія выручило и четвертую колонну и повело за собою паденіе Канлы.

Не такъ счастливъ былъ штурмъ на Сувари и Чимъ. Вторая колонна князя Меликова почти безъ потерь успѣла овладѣть фортомъ Сувари, но, двигаясь въ тылъ Чима, попала подъ сильный огонь съ Тохмаса. Генералъ Комаровъ, долженствовавшій съ первою колонною атаковать Чимъ, обратилъ всѣ силы противъ Тохмаса. Вторая колонна, въ ожиданіи атаки на Чимъ, понесла огромныя потери и, лишившись смертельно раненаго начальника своего, подполковника князя Меликова, отступила на бывшій сборный пунктъ и болѣе въ дѣло не входила. Отчаянный штурмъ на Тохмасъ, на который должны были лишь демонстрировать, былъ отбитъ турками: первая колонна также вскорѣ отступила. Вполнѣ удачны были дѣйствія пятой колонны генерала Алхазова, несмотря на то, что часть ея (кутаисцы) приняла вправо и, вмѣсто того, что бы обойти съ тыла Хафисъ, направилась на Карадагъ. Гарнизонъ Хафиса оказалъ упорное сопротивленіе, но долженъ былъ гибнуть подъ ударами храбрыхъ владикавказцевъ. Отважный полковникъ Козелковъ, зайдя въ тылъ и взорвавъ ворота Хафиса, ворвался въ него съ баталіономъ. Произошла рукопашная схватка. Появленіе въ это время самаго генерала Алхазова съ баталіономъ кутаисцевъ заставило турокъ бросить оружіе, и Хафисъ палъ.

Часть колонны генерала Алхазова, подъ командою полковника Фадѣева, направленная въ тылъ Хафиса, наткнулась на траншею, соединяющую этотъ фортъ съ Карадагомъ; выбивъ изъ нея турокъ и преслѣдуя ихъ по пятамъ, она очутилась у подошвы горы и, взобравшись на нее, атаковала Зіаретъ-табіэ; взорвавъ ворота, войска наши завладѣли этимъ фортомъ; его участи подвергся вскорѣ и Карадагъ, также павшій подъ ударами полковника Фадѣева съ кутаисцами.

Весьма удачно дѣйствовали также демонстративныя колонны: изъ нихъ шестая (ген.-маіора Рыдзевскаго) сначала привлекла на себя весь огонь съ Карадага; когда же огонь съ этого форта прекратился, и ген. Рыдзевскій узналъ, что Карадагъ занятъ нами, двинулся, по приказанію ген. Лазарева, на штурмъ Араба. Защитники этого форта, будучи заняты обстрѣливаніемъ занятаго Фадѣевымъ Карадага, не замѣтили приближенія колонны ген. Рыдзевскаго. Абхазскій полкъ и 6 ротъ Гурійскаго полка вскочили въ укрѣпленіе съ такою стремительностью, что гарнизонъ немедленно же положилъ оружіе. Седьмая колонна (полковника Черемисинова) ввела коменданта Карса въ заблужденіе. Демонстрируя противъ Лазъ-тепеси на шорахскихъ высотахъ, она успѣла притянуть сюда войска изъ ближайшихъ укрѣпленій и почти всѣ городскіе резервы и самаго коменданта, лично распоряжавшагося боемъ. Тѣмъ временемъ ген.-маіоръ Алхазовъ двинулъ войска къ городу и, послѣ небольшой перестрѣлки, завладѣлъ имъ. Узнавъ о паде-

ніи Карадага и о занятіи русскими города, Гассанъ-паша бѣжалъ изъ Карса. Вслѣдъ за тѣмъ турки бросились по всѣмъ направленіямъ; но немногимъ удалось избѣгнуть плѣна. По повелѣнію Августѣйшаго Главнокомандующаго вся наличная кавалерія поскакала наперерѣзъ всѣмъ бѣжавшимъ массамъ. Часть пѣхоты была быстро выдвинута на подкрѣпленіе, и всѣ пути были преграждены. Изъ всего гарнизона ушло не болѣе 300 всадниковъ. Долго гремѣвшее на всѣхъ концахъ Карса „ура“ говорило стрѣлкамъ, продолжавшимъ стоять въ Канлахъ, объ одержанной блестящей побѣдѣ. Но ихъ поздравилъ съ побѣдою генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ лишь въ 9 часовъ, лично прибывъ въ Канлы. Баталіонъ въ 2 часа пополудни вышелъ изъ форта и перешелъ въ Веранъ-кала, гдѣ простоялъ до 10-го ноября; оттуда же передвинулся въ Карсъ и размѣстился въ казармѣ и по квартирамъ для содержанія караула около дома своего Августѣйшаго Шефа.

Карсъ—этотъ крѣпчайшій оплотъ Анатоліи—палъ. Войска кавказской арміи достигли завѣтной цѣли, которую такъ старательно и долго преслѣдовали. Не говоря о пріобрѣтенныхъ трофеяхъ (303 орудія разныхъ калибровъ, до 9-ти тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ пять пашей и 800 офицеровъ, склады и всякое казенное имущество), паденіе Карса открыло намъ возможность наносить безпрепятственные удары Эрзеруму—сердцу малой Азіи; съ другой стороны явилась возможность отдѣлить часть дѣйствующаго корпуса и съ нею оперировать по долинѣ р. Чороха къ Батуму и такимъ образомъ облегчить задачу ріонскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ корпуса Дервиша-паши. Такіе важные результаты были достигнуты благодаря чрезвычайно искусно составленному плану штурма Карса и могучей душѣ кавказскаго солдата; обошлись же они сравнительно не дорого: при штурмѣ убыло изъ строя убитыми, ранеными и контуженными—генерала 2, штабъ и оберъ-офицеровъ 75, нижнихъ чиновъ 2196; изъ этого числа на долю 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона выпало: штабъ и оберъ-офицеровъ 5 и нижнихъ чиновъ 100; убиты при штурмѣ Канлы: маіоръ Геричъ и штабсъ-капитанъ Клименко; ранены: капитанъ Линдбладтъ, подпоручикъ Курочкинъ, и контуженъ прапорщикъ Убиновъ [9]).

1-му кавказскому стрѣлковому баталіону Всемилостивѣйше были пожалованы георгіевскіе серебряные рожки съ надписью: „за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года“. Сверхъ того, за штурмъ Карса капитанъ Линдбладтъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени [10]). Капитанъ Бейнардтъ и поручикъ Побыванецъ—слѣдующими чинами. Подпоручикъ Курочкинъ—орд. св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Прапорщики: Преображенскій—орд. св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“; Дарскій а

[9]) Боевая сила всѣхъ частей, дѣйствовавшихъ противъ Карса, въ ночь на 6-е ноября, состояла изъ 32,723 чел. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, имѣвшій въ строю 1 штабъ, 13 оберъ-офицеровъ и 743 нижнихъ чина, составлялъ 1/44 часть всего вышеприведеннаго числа. Потери же его составляли 1/22 общей потери. Слѣдовательно, онъ пострадалъ вдвое болѣе; объ офицерахъ и говорить нечего.

[10]) Подвигъ его очерченъ въ слѣдующей реляціи: „Капитанъ Линдбладтъ при штурмѣ укр. Канлы, идя во главѣ командуемой имъ роты, первымъ взошелъ на брустверъ центральнаго укрѣпленія Канлы и захватилъ лично три орудія, чѣмъ доставилъ безусловную возможность овладѣть всѣмъ укрѣпленіемъ Канлы, причемъ на брустверѣ раненъ пулею въ грудь навылетъ“. Дѣло походн. штаба 1877-го года по оп. № 193.

также и Шмидтъ—орд. св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся Артемій Вардзигуловъ, Вячеславъ Рѣзуновъ, Андрей Богдановъ и Иванъ Сергѣевъ произведены въ прапорщики, изъ нихъ первый съ переводомъ въ Пятигорскій полкъ. Нижнимъ чинамъ пожалованы 46 знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія [11]).

За выбытіемъ изъ строя старшихъ офицеровъ, послѣ штурма Карса, баталіономъ командовалъ штабсъ-капитанъ Кирпотинъ (капитанъ Бейнардтъ заболѣлъ послѣ штурма Карса), а ротами командовали прапорщики. Въ виду этого, Августѣйшій Шефъ стрѣлковъ назначилъ временно командовать ими адъютанта Своего, капитана л.-гв. 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона барона Зальца.

XXIII.

Переходъ гомборцевъ въ составъ ардаганскаго отряда. Ложное извѣстіе о перемиріи. Движеніе отряда къ иммеръ-хевскому мосту. Позиція турокъ. 1878-й годъ. Взятіе гомборцами горы Аджи-алма. Награды. Участіе стрѣлковъ Его Высочества въ штурмѣ долиханской позиціи. Трофеи гомборцевъ. Движеніе къ Тольгому. Помощь гомборцевъ пятигорцамъ. Занятіе тольгомской позиціи. Перемиріе. Возвращеніе баталіона въ Тифлисъ. Встрѣча Августѣйшаго Шефа. Награды. Оружейный мастеръ Клеттъ.

Послѣ паденія Карса явилась возможность отдѣлить часть дѣйствующаго корпуса, для дѣйствія по долинѣ р. Чорохъ-су, къ Батуму и въ тылъ Дервиша-паши, стоявшаго противъ кобулетскаго отряда. Съ этою цѣлью сформированъ былъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Комарова, ардаганскій отрядъ, въ составѣ 9-ти баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ 1-го кавказскаго стрѣлковаго, роты саперъ, 6-ти сотенъ казаковъ и 6-ти горныхъ орудій [1]). Отряду этому предстояло оперировать отъ крѣпости Ардагана, куда части его начали стягиваться въ первыхъ числахъ декабря.

Съ назначеніемъ въ составъ ардаганскаго отряда, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, взявъ съ собою всѣ свои тяжести, покинулъ Карсъ

[11]) Кресты получили—2-й степени: фельдфебеля—Федоръ Щербаковъ, Петръ Грызловъ и унтеръ-офицеръ Вячеславъ Рѣзуновъ: 3-й степени: фельдфебель Кузьма Грузовъ и унтеръ-офицеры: Гавріилъ Егоровъ, Андрей Тарасовъ, Сергѣй Куркинъ, Романъ Буковскій; рядовые: Иванъ Червякъ, Никита Мякушевъ, Онуфрій Ткачевъ; 4-й степени: унтеръ-офицеры—Яковъ Ивановъ, Андрей Константиновъ, Иванъ Заходякинъ, Степанъ Басовъ, Степанъ Здѣсенко, Яковъ Ярошенко, Борисъ Кириловъ, Акимъ Торинъ, Максимъ Шишловъ, Петръ Котовъ, Павелъ Поповъ, Силантій Хованскій и Иванъ Дауборъ; рядовые—Никаноръ Гранкинъ, Фирсъ Колесниковъ, Моисей Валаха, Дмитрій Харкевичъ, Михаилъ Хохловъ, Тихонъ Удовидченко, Матвѣй Линикъ, Петръ Дрозжинъ, Парамонъ Ишковъ, Лаврентій Аношинъ, Филиппъ Ильинъ, Петръ Безсоновъ, Андрей Дѣдовъ, Митрофанъ Пожидаевъ, Семенъ Проваторовъ, Кириллъ Зайвинъ, Петръ Гейзеровъ, Семенъ Борщовъ, Иванъ Бурдикинъ, Антонъ Малыхинъ.

[1]) Составъ отряда: 1-й кавказскій стрѣлковый Е. В. баталіонъ, 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Пятигорскаго, 1-й, 2-и и 4-й баталіоны Владикавказскаго, 1-й и 2-й баталіоны Севастопольскаго пѣхотныхъ полковъ, рота саперъ, 1-й дивизіонъ 6-й горной батареи 20-й артилерійской бригады, взводъ кавказской горной полубатареи.

28-го ноября и, слѣдуя черезъ с.с. Джелаусъ, Крхъ-килисе, Омеръ-ага, Геляверди,—5-го декабря прибылъ въ крѣпость Ардаганъ. Въ это время авангардъ ардаганскаго отряда успѣлъ уже прибыть въ г. Арданучъ. За нимъ непосредственно слѣдовали другія части; поэтому, продневавъ въ Ардаганѣ, баталіонъ 6-го же декабря тронулся дальше. Предстояло перевалить чрезвычайно высокій ялануcъ-чамскій хребетъ, покрытый вѣчными снѣгами; къ тому еще—поднялась буря и пошелъ сильный снѣгъ [2]). Преодолѣвъ безчисленное множество препятствій и невзгодъ, сопряженныхъ съ зимними экспедиціями на горахъ, двигаясь по узкимъ тропамъ, пробитымъ въ глубокомъ снѣгу, съ вѣчною возней съ вьючнымъ обозомъ, баталіонъ, 12-го декабря, остановился, наконецъ, въ Ардануче [3]). Здѣсь баталіонъ радостно былъ встрѣченъ начальникомъ отряда, своимъ бывшимъ командиромъ. Сказавъ баталіону обычное привѣтствіе, генералъ Комаровъ не преминулъ напомнить ему о его прежней боевой славѣ и выразилъ увѣренность, что „молодцы стрѣлки оправдаютъ свою высокую репутацію“. Лично размѣстивъ на бивакѣ роты гомборцевъ, начальникъ отряда пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ на ужинъ. Черезъ три дня баталіонъ былъ расквартированъ по саклямъ.

Ардануч, однако, былъ занятъ не безъ боя; передовымъ войскамъ отряда пришлось отбросить скопища лазовъ и башибузуковъ, пытавшихся, подъ начальствомъ Дада-бея и Рефетъ-бея, остановить движеніе русскихъ. Отбитый врагъ отступилъ по обоимъ берегамъ рѣки Ардануч-чая и стянулся, главнымъ образомъ, у ауловъ Долисхана и Гюмушхана. Прежде чѣмъ двинуться впередъ, ген. Комаровъ позаботился объ устройствѣ складовъ и пополненіи ихъ провіантомъ. Доставка продовольствія изъ Ардагана производилась весьма медленно, по недостатку удобныхъ сообщеній, и потому начальникъ отряда вынужденъ былъ остановить военныя дѣйствія, хотя, конечно, не пропускалъ случая тревожить непріятеля и рекогносцировать его позиціи. Непріятель же ограничился пока тѣмъ, что безпокоилъ наши аванпосты. Съ прибытіемъ въ Ардануч 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ немедленно же сталъ принимать участіе въ сторожевой службѣ. Между тѣмъ какъ наши передовые посты забавлялись безвредными перестрѣлками съ юркими лазами, генер. Комаровъ дѣятельно хлопоталъ о доставкѣ отряду всевозможныхъ запасовъ, входилъ въ переговоры объ этомъ со знатными лицами и т. п. Въ благонадежности же ардануческихъ гражданъ онъ не сомнѣвался; это были армяне, жаждавшіе прибытія русскихъ, какъ своихъ избавителей.

Къ 28-му декабря была окончена перевозка провіанта въ количествѣ „мѣсячной пропорціи“ для всего отряда, и ген. Комаровъ, считая время

---

[2]) Впрочемъ, стрѣлкамъ пришлось совершить этотъ походъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели другимъ войскамъ: Августѣйшая Супруга ихъ Шефа съ истинно материнскою заботливостью снабдила ихъ теплыми фуфайками и одѣялами. Сверхъ того, Ея Императорское Высочество изволила прислать офицерамъ ящикъ рому и коньяку, а нижнимъ чинамъ цѣлый транспортъ чаю, сахару, табаку и шерстяныхъ чулковъ; унтеръ-офицерамъ же еще и кисеты для табаку Собственнаго Ея Высочества шитья. Описаніе б. жизни бат. 1877—78 гг.

[3]) Колесный обозъ былъ оставленъ въ Ардаганѣ, по невозможности двигаться съ нимъ къ Ардануч.

и обстоятельства благопріятными для открытія военныхъ дѣйствій, рѣшилъ двинуться съ отрядомъ впередъ, для занятія иммеръ-хевскаго моста, единственнаго подступа къ главной позиціи турокъ, и для сосредоточенія здѣсь всего отряда. Диспозиціею на 29-е декабря отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны, причемъ *правая*—маіора Ульянова, въ составѣ 1-го и 4-го баталіоновъ пятигорцевъ, 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона и одного взвода казаковъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка, должна была, сосредоточившись въ дер. Бацъ, выступить въ 7 часовъ утра и двигаться „верхне-лѣсною дорогою“, имѣя 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ влѣво и по гребню горы Аджи-алма для связи со среднею колонною. Ближайшая цѣль этой колонны—движеніемъ впередъ, сообразно съ остальными частями отряда—занять иммеръ-хевскій мостъ. *Средняя* колонна маіора Нелюбина, въ составѣ $2^{1}/_{4}$ бат., 2 сотенъ казаковъ и 4 орудій, должна была двигаться изъ села Баца по нижней дорогѣ также къ иммеръ-хевскому мосту. *Лѣвая* колонна подполковника Энкеля, въ составѣ 3 баталіоновъ пѣхоты, взвода казаковъ и двухъ орудій, имѣла задачею двигаться по лѣвому берегу рѣки, занять аулъ Гюмушхана и, оставивъ тамъ одинъ баталіонъ, наступать къ иммеръ-хевскому мосту.

1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, подъ командою капитана барона Зальца, на разсвѣтѣ 29-го декабря былъ уже на сборномъ пунктѣ, съ 4-хъ-дневнымъ сухарнымъ запасомъ [4]). Въ 7 часовъ всѣ колонны тронулись по указаннымъ направленіямъ. Первую встрѣчу непріятель устроилъ правой колоннѣ, авангардъ которой въ 8 часовъ утра успѣлъ уже завязать дѣло съ передовыми частями турокъ, занимавшихъ высоты праваго берега р. Арданучъ-чая надъ аулами верхн. и нижн. Бацъ. Одновременно съ колонною Ульянова двигались и другія колонны. Вдругъ со стороны карско-батумскаго шоссе показался парламентеръ. Объявивъ, что намѣренъ передать начальнику отряда важныя извѣстія, онъ попросилъ колонныхъ начальниковъ остановиться. Представленный генералу Комарову, парламентеръ доложилъ, что турецкими войсками отъ Дервиша-паши получено приказаніе пріостановить военныя дѣйствія, по случаю заключенія перемирія. Вскорѣ генералъ Комаровъ получилъ и отъ начальниковъ турецкихъ войскъ Дадабея и Рефетъ-бея официальное письмо, подтверждавшее переданное парламентеромъ. Не смотря на то, что башибузуки, занявъ высоту надъ сел. Бацъ, стрѣляли по колоннѣ и усиливались, въ то время какъ парламентеры ихъ просили пріостановки военныхъ дѣйствій, все-же ген. Комаровъ приказалъ войскамъ остановиться. Съ большимъ трудомъ удалось унять башибузуковъ, конечно, при помощи турецкихъ солдатъ, прибывшихъ съ парламентеромъ. Сообщивъ въ турецкій лагерь, что вся отвѣтственность за ложное извѣстіе ляжетъ на командующаго турецкимъ отрядомъ, какъ на нарушителя правилъ военной чести и международнаго права, генералъ Комаровъ приказалъ колоннамъ оставаться на занятыхъ позиціяхъ. Когда же на посланную по этому поводу начальнику окружнаго штаба телеграмму, начальникъ отряда получилъ отвѣтъ, что извѣстіе о перемиріи ложно—то, давъ знать объ этомъ въ турецкій лагерь, онъ приказалъ войскамъ на слѣдующій же день продолжать указанное въ диспозиціи дви-

[4]) Въ составѣ: об.-оф. 14, унт.-оф. 75 и ряд. 569.

женіе [5]). Колонны тронулись чуть-свѣтъ. Первою двинулась колонна маіора Ульянова, которому предстоялъ чрезвычайно трудный подъемъ на гору Аджи-алма. Вообще мѣстность, по которой приходилось двигаться войскамъ нашимъ, представляла почти непреодолимыя препятствія по своимъ физическимъ свойствамъ и допускала движеніе лишь съ большимъ трудомъ. Отъ самаго города Ардануча рѣка Ардануч-чай протекаетъ въ глубокой скалистой трещинѣ съ отвѣсными скатами; трещина эта на разстояніи семи верстъ отъ города представляетъ каменныя ворота; у этого-то пункта и начинались турецкіе аванпосты. Означенныя ворота, образуемыя на правомъ берегу контръ-форсами горы Аджи-алма до 7000 ф. высоты, а на лѣвомъ—отрогомъ тахатскихъ возвышенностей, такой же приблизительно высоты, представляли уже сами по себѣ почти неприступную авангардную позицію. Гора Аджи-алма составляетъ узелъ возвышенностей, громоздящихся около Ардануча на правомъ берегу рѣки. Отъ этой горы тянутся во всѣ стороны нѣсколько отроговъ, изъ которыхъ наиболѣе типичный — это крутой скалистый гребень, идущій прямо къ каменнымъ воротамъ и представляющій почти непроходимый по всему протяженію рядъ остроконечныхъ скалъ. На этомъ гребнѣ, невдалекѣ отъ Ардануч-чая, начинается батумское шоссе; сюда же ведетъ вьючная дорога изъ дер. Бацъ. Параллельно Ардануч-чаю, пересѣкая зигзагами скалистые контръ-форсы отроговъ г. Аджи-алма, идетъ къ иммеръ-хевскому мосту такъ называемое батумско-карское шоссе. Вообще вся мѣстность отъ Ардануч-чая до иммеръ-хевскаго моста на правомъ берегу можно считать одною изъ самыхъ непроходимыхъ. Не менѣе трудна мѣстность на лѣвомъ берегу рѣки; весь уголъ, образуемый сліяніемъ Чороха и Ардануч-чая, „наполненъ самыми прихотливыми контурами въ безпорядкѣ другъ на друга награмоздженныхъ острыхъ скалъ, гребней и шпилей“ [6]). Описывать подробно лѣвый берегъ рѣки нѣтъ надобности, такъ какъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ дѣйствовалъ лишь на правомъ берегу, гдѣ, собственно говоря, и сосредоточился весь интересъ активныхъ дѣйствій отряда, тогда какъ на лѣвомъ берегу часть отряда должна была лишь демонстрировать.

Отъ деревни Бацъ къ иммеръ-хевскому мосту—цѣли движенія отряда—вели двѣ дороги: одна довольно удобная для вьючнаго обоза, вела, въ разстояніи шести верстъ отъ Бацъ, на шоссе; другая—огибая гору Аджи-алма съ сѣверной стороны и круто поднимаясь на гору, входила въ сосновый лѣсъ; затѣмъ, переваливъ черезъ большой отрогъ Аджи-алма какъ-разъ почти у того мѣста, гдѣ устроенъ былъ укрѣпленный турецкій постъ, она, послѣ нѣкотораго спуска, развѣтвлялась на двѣ тропки, изъ которыхъ лѣвая шла черезъ другой отрогъ той же горы, тянущійся на западъ, въ аулъ Жиго, а правая—густымъ и высокимъ сосновымъ лѣсомъ тянулась по гребню къ аулу Цопара; отсюда едва доступная для пѣшеходовъ тропка вела уже къ иммеръ-хевскому мосту.

И такъ, колонны тронулись чуть-свѣтъ. Погода стояла дурная; шелъ мелкій дождь; туманъ былъ настолько густой, что на разстояніи 100 саже-

---

[5]) Въ новомъ приказаніи ген. Комарова начальникомъ средней колонны былъ назначенъ подполковникъ Іоселіани, а лѣвой—полковникъ кн. Чавчавадзе, прибывшій наканунѣ изъ Ардагана.

[6]) Военн. журналъ ардаганскаго отряда.

ней положительно ничего нельзя было видѣть; по этому ориентироваться на этой пересѣченной мѣстности сдѣлалось невозможнымъ. Правая колонна маіора Ульянова потянулась прямо въ гору Аджи-алма: 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, согласно диспозиціи, взялъ влѣво, частью по скату, частью держась къ турецкой караулкѣ у начала шоссе, для поддержанія связи съ среднею колонною. Стрѣлки первыми были встрѣчены съ близкой дистанціи залпами турецкаго пикета, стоявшаго у караулки. „Не останавливаясь для стрѣльбы, которая за туманомъ была безполезна, они—по словамъ донесенія ген. Комарова—дружно бросились на стрѣлявшихъ изъ-за каменнаго гребня турокъ, часть перекололи, часть заставили въ безпорядкѣ бѣжать внизъ по шоссе; это было около 10 часовъ". Дальнѣйшее наступленіе стрѣлковъ было пріостановлено. Не было свѣдѣній о другихъ частяхъ отряда. Туманъ все болѣе и болѣе сгущался; уже въ 10 шагахъ нельзя было различать предметы. Колонна Ульянова поднялась уже на гору и, вся окутанная туманомъ, потянулась внизъ по гребню отрога, оставивъ аулъ Жиго влѣво отъ себя. Вправо отъ колонны, на перевалѣ верхней бацкой дороги, остался сильный турецкій постъ, который, за туманомъ, не видѣлъ ея движенія и самъ, въ свою очередь, остался незамѣченнымъ. Отъ колонны маіора Ульянова ген. Комаровъ не получалъ никакихъ извѣстій; изъ показаній разъѣзда, посланнаго по направленію, принятому въ началѣ правою колонною, онъ могъ узнать только, что правый флангъ нашъ совершенно открытъ для непріятеля. Въ виду этого начальникъ отряда немедленно же двинулъ стрѣлковый Его Высочества баталіонъ вправо, приказавъ ему занять вершину горы Гюрджи-алма и тѣмъ обезпечить нашъ флангъ съ этой стороны. Мѣсто стрѣлковъ у начала шоссе заняла подошедшая, около 12 часовъ дня, колонна подполковника Іоселіани. Выславъ 2-ю роту въ авангардъ и оставивъ 1-ю въ хвостѣ, стрѣлки потянулись вправо на гору. Занявъ противоположный гребень скалъ, непріятель осыпалъ ихъ самымъ учащеннымъ ружейнымъ огнемъ. Колонна Іоселіани не могла покровительствовать наступленію стрѣлковъ, ни движеніемъ впередъ, ни своимъ огнемъ, такъ какъ ей мѣшалъ густой туманъ, и необходимо было выждать наступленія остальныхъ колоннъ.

Между тѣмъ какъ стрѣлки, опрокинувъ турецкій пикетъ, взбирались на гору, лѣвая колонна полковника кн. Чавчавадзе, наступая лѣвымъ берегомъ Арданучъ-чая, продолжала сбивать турокъ со скалъ, главнымъ образомъ съ помощью владикавказцевъ, и безостановочно подвигалась впередъ при взаимномъ содѣйствіи съ среднею колонною. Но и эта колонна была пріостановлена по той же причинѣ, какъ и колонна полковника Іоселіани. Колонна маіора Ульянова—самая важная, какъ обходная, безъ содѣйствія которой дальнѣйшее движеніе на фронтъ непріятельской позиціи было немыслимо—пропала безслѣдно. Стрѣлки Его Высочества, поднявшіеся на гребень г. Гюрджи-алма, увидѣвъ на противоположномъ ея отрогѣ густыя колонны, сначала приняли было ихъ за наши; но вскорѣ оказалось, что это были турки. Посланные одинъ за другимъ ординарцы и адъютанты, натыкаясь почти всюду на турецкіе аванпосты, не добились никакихъ положительныхъ извѣстій о колоннѣ маіора Ульянова. Подробныя свѣдѣнія, добытыя колонною полковника Чавчавадзе, относительно непроходимости мѣстности, по которой предстояло этой колоннѣ дальнѣйшее наступленіе,

отсутствіе колонны Ульянова, наконецъ, то обстоятельство, что непріятель успѣлъ за это время получить значительныя подкрѣпленія на лѣвомъ берегу Ардануч-чая,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило начальника отряда отказаться отъ предположеннаго маневра и перенести всю силу удара на правый берегъ рѣки. Но этому-то онъ и рѣшился, оттянувъ сюда колонну полковника кн. Чавчавадзе, ограничиться на лѣвомъ берегу дѣйствіями лишь демонстративными. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ начальника отряда, колонна кн. Чавчавадзе отошла, съ боемъ, назадъ на высоты надъ Ардануч̀омъ: подполковникъ Іоселіани расположился на ночлегъ на занятой имъ позиціи, т. е. у начала шоссе; въ колонну же Ульянова было послано нѣсколько записокъ одного содержанія, но разными путями: „Если вы впереди колонны Іоселіани — говорилось въ запискахъ — остановитесь тамъ, гдѣ застанетъ приказаніе; расположитесь на ночлегъ и держитесь во что-бы то ни стало; если же отошли назадъ, то займите гору Аджи-алма“.

Между тѣмъ восхожденіе стрѣлковъ Его Высочества на Гюрджи-алма обезпечило правый флангъ нашего расположенія, но это стоило имъ чрезвычайно тяжелаго, утомительнаго марша по острымъ гребнямъ, каменистому грунту и почти отвѣснымъ скатамъ, по которымъ они пробирались въ теченіе дня. Стемнѣло, и стрѣлки расположились въ лѣсу на снѣгу, окруживъ себя цѣпью сторожевыхъ постовъ. Позиція, которую занимали теперь стрѣлки, находилась на полугорѣ Аджи-алма, которую должна была занять колонна маіора Ульянова. Объ этой колоннѣ генералъ Комаровъ получилъ извѣстіе только въ 12 часовъ ночи. Оказалось, что, вопреки отданному ей приказанію, она, страшно истомленная цѣлымъ днемъ хожденія взадъ и впередъ, спустилась, наконецъ, къ дер. Бацъ. Можно себѣ представить, каково было неудовольствіе генерала Комарова; „и какъ это ни разстроивало предположеніе слѣдующаго дня—писалъ онъ объ этомъ—пришлось помириться съ дѣйствительностью. Стрѣлковому баталіону, ночевавшему на половинѣ горы Аджи-алма, приказано чуть-свѣтъ подняться и занять вершину Аджи-алма — тактическій ключъ позиціи, безусловно необходимый для обезпеченія дальнѣйшаго маневра, который поэтому и приказано было первоначально занять колоннѣ маіора Ульянова въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы она нашла положительно для себя невозможнымъ удержаться, во что бы то ни стало, еще впереди ея, т. е., тамъ, куда подвинулась она за этотъ день“.

Такимъ образомъ, по волѣ судьбы, старымъ гомборцамъ и здѣсь пришлось играть первую роль. Сознавая важность возложенной на нихъ задачи и угадывая, что придется имѣть весьма жаркій и продолжительный бой, они запаслись и, какъ оказалось, ненапрасно, массою патроновъ, по 120 на человѣка; стрѣлки наполнили ими карманы и надѣтые черезъ плечо башлыки. Наступило достославное для гомборцевъ 2-е января. Подвиги стрѣлковъ, отбившихъ въ этотъ день рядъ бѣшеныхъ штурмовъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ, могли бы показаться прикрашенными, если бы не были засвидѣтельствованы официальнымъ донесеніемъ начальника отряда:

„Утромъ, на разсвѣтѣ, писалъ ген. Комаровъ, стрѣлки потянулись съ ночлега, бывшаго, какъ уже упомянуто, на половинѣ горы Аджи-алма, вверхъ, чтобы занять и вершину. Оказалось, что вслѣдствіе того, что ко-

лонна маіора Ульянова, спустившись къ Бацу, совершенно открыла этотъ пунктъ, турки успѣли за ночь занять его своимъ пикетомъ. Это обстоятельство по неволѣ разстраивало всѣ соображенія и планы настоящаго дня. Пришлось прежде всего твердо укрѣпиться и занять означенную вершину. Вполнѣ и совершенно вѣрно оцѣнивъ, насколько важно для дальнѣйшихъ дѣйствій отряда обладаніе этимъ пунктомъ, командующій 1-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, капитанъ баронъ Зальца, въ исполненіе отданнаго наканунѣ приказанія, поспѣшилъ занять вершину, сбивъ оттуда турецкій пикетъ и рѣшилъ исполнить это возможно поспѣшнѣе, чтобы не дать времени туркамъ здѣсь усилиться. Дружнымъ натискомъ 1-й роты (подъ командою подпоручика Габаева), шедшей во главѣ, выбиты были изъ-за камней, образующихъ природное укрѣпленіе, вѣнчающее самую верхушку горы, засѣвшіе тамъ турки; благодаря быстротѣ, съ которою, не смотря на трудный подъемъ въ гору и батальный огонь, открытый турками, ведена эта молодецкая атака, она скоро увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и засѣвшіе тамъ турки или переколоты или бѣжали, и баталіонъ скоро стянулся на верхушкѣ, прочно занявъ его".

Но не въ этомъ еще заключалось дѣло. „Едва лишь успѣлъ стрѣлковый баталіонъ взобраться на верхъ—продолжаетъ тотъ же документъ—какъ турки, оцѣнивъ всю важность этого пункта, повели на него цѣлый рядъ послѣдовательныхъ настойчивыхъ атакъ".

„Скрытые густымъ туманомъ, пользуясь лѣсистою, пересѣченною мѣстностью, четырмя густыми колоннами, съ оглушающимъ крикомъ „Аллахъ", бросились они на занимаемый стрѣлками гребень. Первый ихъ натискъ былъ произведенъ въ 9 часовъ утра".

Нѣсколько раньше генералъ Комаровъ выслалъ въ обходъ горы Аджи-алма небольшую колонну генеральнаго штаба капитана Левашова. Онъ предвидѣлъ, что турки напрягутъ всѣ усилія, чтобы отнять у насъ вершину Аджи-алма, и „желалъ во что бы то ни стало обезпечить за нами этотъ пунктъ". Колонна [7]) кап. Левашева направилась по лѣсной дорогѣ, по которой наканунѣ должна была двигаться правая колонна; но она еще не скоро могла потревожить турокъ, готовившихся къ новому приступу.

„Бѣшено бросились турки на высоты г. Аджи-алма съ фронта и праваго фланга, продолжаетъ ген. Комаровъ; стрѣлки, имѣя во главѣ баталіоннаго командира, мѣткимъ и хладнокровнымъ огнемъ въ упоръ, а потомъ дружнымъ натискомъ въ рукопашную сбросили ихъ съ горы и славно отбили эту отчаянную атаку. Турки дрогнули и отступили назадъ, оставивъ на мѣстѣ множество тѣлъ убитыхъ и раненыхъ [8]). Стрѣльба навремя стихла. Но это было затишье передъ грозою. Они отступили лишь съ цѣлью, оправившись и устроившись немного, съ новою силою возобновить

[7]) Двѣ роты Владикавказскаго п. полка, двѣ сотни осетинъ и взводъ горн. бат. 20-й арт. бр.

[8]) „Одинъ изъ стрѣлковъ, увлекшись, бросился за отступавшими, но былъ сильно раненъ, такъ что обратно подняться не хватило уже силъ. Видя это, рядовой 3-й роты Ткачевъ немедленно бросился къ несчастному товарищу и, не смотря на выстрѣлы и погоню непріятеля, благополучно вытащилъ раненаго наверхъ. За этотъ лихой подвигъ, совершенный на глазахъ всего баталіона, Ткачевъ былъ награжденъ знакомъ отличія военна ордена 3-й ст."—„Описаніе боевой жизни бат. 1877—1878 г.г."

свои атаки. Еще болѣе воодушевленный успѣхомъ перваго отбитаго штурма, баталіонъ изготовился дать такой же отпоръ и послѣдующимъ".

„Было около 11-ти часовъ дня. Въ это время подоспѣла уже вправо колонна капитана Левашова. Спѣшенная милиція, разсыпавшись въ лѣсу, неожиданно ударила на непріятеля, двигавшагося на усиленіе штурмовавшихъ Аджи-алма. Одна рота владикавказцевъ поднялась на скатъ и вошла въ связь со стрѣлками, прикрывъ ихъ правый флангъ".

„Это какъ разъ совпадало съ тѣмъ временемъ, когда турки рѣшились на вторую атаку. Но и эта вторая была также блистательно отбита, какъ и первая: съ фронта стрѣлки, съ фланга владикавказцы, осетины и подоспѣвшая вскорѣ рота пятигорцевъ, направленная сюда начальникомъ отряда, отбросили турокъ, съ большимъ для нихъ урономъ, къ подножію горы. Еще двѣ настойчивыя атаки, еще два блистательныхъ штурма, и непріятель, убѣдившись, наконецъ, въ безполезности своихъ геройскихъ усилій, обезсиленный потерями (болѣе ста тѣлъ оставлено имъ на мѣстѣ) и видя прибывающія съ каждымъ часомъ подкрѣпленія, оставилъ свое намѣреніе завладѣть горою Аджи-алма и спустился къ ауламъ Жиго и Цонара".

Продолжительное „ура" огласило окрестности. Но торжество гомборцевъ сдѣлалось полнымъ лишь послѣ того, когда убитые и раненые товарищи ихъ были вынесены и доставлены на вершину горы выбранными [9]) нижними чинами. Вслѣдъ за тѣмъ капитанъ баронъ Зальца получилъ отъ начальника отряда слѣдующую записку: „Сердечно привѣтствую Васъ и отъ души благодарю стрѣлковъ. Былъ бы счастливъ, ежели бы всѣ Вамъ подражали. Завтра баталіону дневка. Комаровъ". Дней черезъ десять капитанъ баронъ Зальца удостоился получить отъ Августѣйшаго Шефа слѣдующую телеграмму: „Спасибо дорогимъ Моимъ стрѣлкамъ и тебѣ за молодецкій штурмъ. Дай Богъ всѣмъ вамъ продолжительныхъ успѣховъ и да сохранитъ Онъ васъ невредимыми. Михаилъ".

Такимъ образомъ, ключъ непріятельской позиціи очутился въ рукахъ стрѣлковъ, и никакими отчаянными усиліями турки не съумѣли вырвать его изъ ихъ рукъ. Геройскій подвигъ стрѣлковъ стоилъ имъ 22-хъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, стрѣлки страшно утомились семичасовымъ упорнымъ боемъ; только къ 4-мъ часамъ пополудни подоспѣли на самую вершину Аджи-алма двѣ роты пятигорцевъ изъ колонны подполковника Іоселіани на смѣну ихъ. Этой послѣдней колоннѣ также пришлось въ этотъ день вступить въ перестрѣлку съ турками, демонстрировавшими одновременно съ атакою на г. Аджи-алма.

Между тѣмъ начальникъ отряда успѣлъ въ этотъ день стянуть главную массу войскъ на правый берегъ Арданучъ-чая, въ дер. Бацъ; сюда „спустился вечеромъ также и кавказскій стрѣлковый баталіонъ, отдыхъ которому—по выраженію начальника отряда—послѣ безсонной ночи и цѣлаго дня боя, былъ необходимъ". На высотахъ надъ Арданучомъ были оставлены два баталіона владикавказцевъ противъ попытокъ непріятеля. Всѣ потери наши въ этотъ день состояли изъ 30-ти убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ нижнихъ чиновъ; не трудно видѣть, что „главная убыль приходилась на долю стрѣлковъ".

---

[9]) Такъ какъ на вызовъ охотниковъ весь баталіонъ пожелалъ вынести павшихъ товарищей.

За дѣло 2-го января командующій баталіономъ стрѣлковъ Его Высочества, капитанъ баронъ Зальца награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени [10]). Подпоручики Габаевъ и Кугушевъ—орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ (Кугушевъ—для нехристіанъ установленнымъ); прапорщики: Шмидтъ, Дегтянниковъ и Картвеловъ—орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость".

3-го января генералъ Комаровъ двинулъ войска дальше тремя колоннами. Изъ нихъ лѣвая имѣла задачею, оставаясь на лѣвомъ берегу Ардануч-чая, лишь удерживать турокъ. Средняя должна была оставаться на занятой ею вчера позиціи и ожидать приказаній. Правая же—полковника князя Чавчавадзе—направилась дорогою отъ Бацъ къ аулу Жиго; главная цѣль этой колонны состояла въ твердомъ занятіи означеннаго аула и подступовъ къ иммеръ-хевскому мосту. Изъ всѣхъ частей, назначенныхъ въ составъ этихъ колоннъ, на третье января, отдыхали только стрѣлки Его Высочества, Ахалцыхскій конно-иррегулярный полкъ и казаки, сильно утомившіе лошадей. 4-го января баталіонъ передвинулся къ аулу Жиго, гдѣ и присоединился, согласно диспозиціи, къ колоннѣ полковника князя Чавчавадзе и всю ночь на 5-е января охранялъ бивакъ передоваго отряда въ лѣсу.

За 3-е и 4-е января колонна князя Чавчавадзе, подъ покровительствомъ горной артилеріи, при содѣйствіи частей другихъ колоннъ, успѣла занять аулъ Жиго и отбросить турокъ отъ высотъ надъ аломъ Цопара. Этимъ маневромъ мы обходили расположеніе врага на лѣвомъ берегу Ардануч-чая; боясь быть отрѣзанными, турки отступили къ Гюмушхана. Погнаться за ними было невозможно вслѣдствіе ненастной погоды, сильнаго утомленія солдатъ и трудности предстоящаго пути. Вся мѣстность, черезъ которую приходилось пройти, по обоимъ берегамъ Ардануч-чая, отъ турецкой караулки у начала шоссе включительно до Долисъ-хана, представляла непрерывный рядъ сильныхъ неприступныхъ позицій. Отвѣстныя скалы, обращенныя фронтомъ къ намъ и нагроможденныя по нашей дорогѣ, были какъ бы самою природою приспособлены къ оборонѣ этого колоссальнаго дефиле; гребни многихъ изъ нихъ были увѣнчаны траншеями,

[10]) Подвигъ капитана барона Зальца со стрѣлками получилъ слѣдующую оцѣнку начальника отряда: „1-го января 1878 года стало ясно, что отъ овладѣнія горою Аджиалма, ключомъ непріятельской позиціи, зависѣлъ весь успѣхъ дальнѣйшаго движенія отряда внизъ по теченію р. Ардануч-чая. Вслѣдствіе этого въ три часа пополудни двинуть туда 1-й стрѣлковый Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича баталіонъ, находившійся по случаю болѣзни командира баталіона, подъ командою капитана барона Зальца, съ приказаніемъ во что-бы-то ни стало сбить непріятеля и удержаться на позиціи. По скалистымъ ребрамъ, подъ огнемъ противника, стрѣлки подымались всю ночь. На зарѣ, имѣя въ авангардѣ всего одну роту, вѣрно соображая, что спѣшившія туда сильныя непріятельскія подкрѣпленія могутъ затруднить успѣхъ до невозможности, баронъ Зальца рѣшился немедленно атаковать втрое сильнѣйшаго противника. Атака была ведена съ беззавѣтною храбростью и полнымъ самоотверженіемъ и, несмотря на то, что изъ авангардной роты выбыла одна четверть наличнаго состава убитыми и ранеными, баронъ Зальца, увлекая баталіонъ личнымъ примѣромъ, достигъ цѣли и овладѣлъ горою. Здѣсь, отражая побѣдоносно всѣ атаки подоспѣвшихъ непріятельскихъ подкрѣпленій, успѣлъ онъ удержаться на занятой позиціи до прихода нашихъ резервовъ, истрачивая уже всѣ средства защиты и нѣсколько разъ бросаясь въ штыки, за полнымъ оскудѣніемъ патроновъ". Дѣло походн. штаба 1877-78 гг. оп. № 193. Арх. шт. кавк. воен. окр.

весьма удачно примѣненными къ мѣстности. Ардаганскому отряду предстояли неимовѣрные труды. Въ виду этого необходимо было дать ему, маневрировавшему 4 дня съ боемъ, хотя день отдыха: кстати, это давало возможность пополнить провіантъ, патроны и снаряды. Поэтому военныя дѣйствія были прерваны на одинъ день.

Диспозиціею на 6-е января ген. Комаровъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ колонны: одной—полковника князя Чавчавадзе — онъ предписалъ передвинуться къ иммеръ-хевскому мосту; другой—подполковника Іоселіани — наступать на турецкую позицію Гюмушхана.

Часть колонны полковника кн. Чавчавадзе (1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 7 рот Севастопольскаго п. полка) двинулась въ 8 часовъ утра частью среднею дорогою на аулъ Цонара, частью по гребнямъ, тянущимся по обѣимъ сторонамъ этой дороги къ иммеръ-хевскому мосту. Остальная часть этой колонны должна была выступить на аулъ Цонара послѣ того, какъ передовая часть колонны обезпечитъ ей это движеніе. Оказалось, что турки почти совсѣмъ очистили правый берегъ Ардануч-чая; только головныя части ихъ продолжали пока занимать передовыя траншеи на лѣвомъ берегу р. Иммеръ-хеви. Къ 12 часамъ стрѣлки и севастопольцы успѣли прочно утвердиться надъ мостомъ, занявъ высоты берега р. Иммеръ-хеви. Этимъ самымъ они угрожали отрѣзать турокъ, занимавшихъ аулъ Гюмушхана на лѣвомъ берегу Ардануч-чая. Поняв это, турки безъ боя очистили аулъ и, такимъ образомъ, дали колоннѣ подполковника Іоселіани безпрепятственно занять, къ 2 часамъ пополудни, высоты надъ этимъ ауломъ. Этимъ генералъ Комаровъ счелъ нужнымъ ограничиться, „чтобы прежде чѣмъ рѣшиться на дальнѣйшія дѣйствія, что называется, хорошенько осмотрѣться.“

7-го января начальникъ отряда произвелъ подробную рекогносцировку турецкой позиціи. Долисханская гора, которую занимали турки, лежитъ въ углу, образуемомъ теченіемъ Иммеръ-хеви и Ардануч-чая; опоясана была она нѣсколькими ярусами всевозможныхъ оборонительныхъ сооруженій, весьма искусно примѣненныхъ къ мѣстности. Вся покатость этой горы, обращенная къ намъ, представляла почти отвѣсную плоскость къ вышеупомянутымъ рѣкамъ. Единственный подступъ къ этой позиціи—это узкое дефиле черезъ иммеръ-хевскій мостъ. „Это была, по выраженію ген. Комарова, твердыня, самою природою какъ будто спеціально устроенная для того, чтобы съ ничтожною силою обороняться противъ вдесятеро сильнѣйшаго противника.“ „Казалось, что у этой твердыни — продолжаетъ далѣе ген. Комаровъ—не было ахиллесовой пяты; безусловно непроходимыя въ бродъ, по свойству крутыхъ, отвѣстныхъ береговъ, р. р. Иммеръ-хеви и Ардануч-чай и дальше Чорохъ, какъ крѣпостные водяные рвы, опоясывали долисханскіе естественные верки и недопускали и мысли обхода позиціи съ праваго фланга, да онъ и не повелъ бы ни къ какому результату“; единственная тропа, по которой мы могли обойти лѣвый флангъ турокъ, оборонялась крѣпкимъ ауломъ Берта. Наученные опытомъ прошедшихъ дней, когда мы обходили то правый, то лѣвый ихъ флангъ, турки съ 6-го же января заняли этотъ аулъ и сильно его укрѣпили. Штурмъ этого аула, если бы онъ и удался, не привелъ бы насъ къ желанному результату; пришлось бы совершить большое обходное движеніе, а слѣдовательно, раздѣлить

весь отрядъ на двѣ самостоятельныя части, которыя по своей слабой численности не могли выполнить предполагаемой задачи. Пройти же всѣмъ отрядомъ по этой тропѣ, что бы занять аулъ Берта, было безцѣльно; все равно пришлось бы оттуда атаковать Долисхана—и это было-бы даже менѣе выгодно, такъ какъ въ этомъ направленіи непріятель имѣлъ два пути отступленія (одинъ по шоссе и другой, ведущій въ Тольгомъ) и могъ упорствовать до послѣдней крайности.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, ген. Комаровъ рѣшился неожиданно атаковать турокъ „прямо въ лобъ—съ фронта—черезъ иммеръ-хевскій мостъ". Но прежде всего нужно было сильно потрясти артиллерійскимъ огнемъ защитниковъ моста и нижнихъ скатовъ долисханской горы, иначе форсированіе этого моста обошлось бы нашимъ колоннамъ чрезвычайно большихъ жертвъ. Для этого начальникъ отряда выбралъ въ 800 шагахъ отъ непріятельской линіи мѣсто для ложемента на четыре горныхъ орудія; въ ночь на 8-е января ложементъ былъ готовъ, а утромъ слѣдующаго дня, прикрываясь туманомъ и 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, орудія придвинулись въ приготовленный для нихъ ложементъ; гомборцы также пріискали для себя закрытія за высотами у Горготохана. Къ нимъ прибылъ, къ вечеру, также и баталіонъ владикавказцевъ. Два горныхъ орудія были поставлены надъ ауломъ Гюмушхана и могли бросать снаряды даже въ самый аулъ Долисхана. Но главнѣйшее ручательство нашей побѣды должно было состоять въ заблужденіи противника относительно пункта атаки, которую мы имѣли повести на его позицію. По этому въ теченіе 7-го и 8-го января наши охотничьи команды предпринимали къ флангамъ турокъ нѣсколько усиленныхъ и довольно жаркихъ рекогносцировокъ. Иммеръ-хевскій же мостъ былъ обрекогносцированъ охотниками 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ прапорщика Дегтянникова. Турки, повидимому, убѣдились, что мы по обыкновенію вздумаемъ обойти какой либо флангъ ихъ позиціи, хотя все же продолжали укрѣплять свой фронтъ.

Для штурма долисханской позиціи генералъ Комаровъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны: правой—ки. Чавчавадзе, въ составѣ $2^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и 1-й кавказскій стрѣлковый, и 4-хъ орудій [11]), онъ приказалъ оставить на высотахъ лѣваго берега Иммеръ-хеви три роты пятигорцевъ и двѣ роты севастопольцевъ, для усыпленія подозрительности турокъ, а съ остальными пятью ротами и 4-мя орудіями стянуться, къ 10 часамъ утра, къ постоялому двору Горготохану, такъ какъ отсюда именно и предстояло ей форсировать иммеръ-хевскій мостъ и штурмовать аулъ Долисхана. Лѣвая колонна получила приказаніе занять удобные пункты для обстрѣливанія подступовъ къ непріятельской позиціи и для облегченія правой колоннѣ перейти мостъ и штурмовать Долисхана. Передъ разсвѣтомъ, согласно диспозиціи, скрытно передвинулась къ Горготохану, соблюдая строжайшую тишину, остальная часть колонны полковника Чавчавадзе. Охотники же отъ лѣвой колонны успѣли расположиться на противоположномъ берегу р. Арданучъ-чая на разстояніи ружейнаго огня отъ непріятеля.

---

[11]) 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 7 ротъ Севастопольскаго и 3 роты Владикавказскаго пп. полковъ, 2 орудія кавказской горной полубатареи и 2 оруд. 6-й бат. 20-й арт. бригады.

Дѣло началось слабою артилерійскою канонадою. Турки нехотя дали нѣсколько отвѣтныхъ выстрѣловъ. Нашъ ружейный огонь также не возбудилъ у нихъ охоты къ стрѣльбѣ. Всѣ старанія начальника отряда вызвать непріятеля на огонь и тѣмъ, болѣе или менѣе, заставить его выказать свое расположеніе въ траншеяхъ, оказались безплодными. Турецкіе окопы упорно молчали. Такъ дѣло потянулось до 5 часовъ вечера; за это время начальникъ отряда, не смотря на туманъ, впрочемъ иногда разсѣевавшійся подъ дѣйствіемъ порывистаго вѣтра, успѣлъ достаточно изучить расположеніе противника. Въ 5 часовъ пополудни тронулась впередъ по шоссе сборная команда охотниковъ изъ колонны полковника Чавчавадзе, подъ начальствомъ прапорщика 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона Дегтянникова. Тихо и незамѣтно прошли охотники до каменнаго завала, устроеннаго турками по шоссе еще раньше. Непріятель, наконецъ, замѣтилъ присутствіе охотниковъ и не выдержалъ. Моментально сквозь туманъ и дымъ освѣтилась долиханская гора нѣсколькими огненными поясами. Охотники наши, въ виду массы непріятельскаго свинца, залегли за завалъ и въ свою очередь открыли огонь. Турки довели свой огонь до бѣшенства. Повести колонну на штурмъ пока было безполезно; надо было выждать сумерекъ и дать туркамъ „время, что называется, хорошенько выстрѣляться". Между тѣмъ какъ наши охотники все болѣе и болѣе разжигали страсть турокъ къ пальбѣ, которая съ теченіемъ времени становилась безпорядочнѣе, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, севастопольцы и пятигорцы передвинулись впередъ и заняли лощины позади охотниковъ. Артилерія же пристрѣлялась къ тѣмъ частямъ турецкой позиціи, по которой турки могли спуститься для усиленія иммеръ-хевскаго моста. Наконецъ, въ 8 часовъ вечера, улучивъ минуту, охотники, съ прапоршикомъ Дегтянниковымъ впереди, бросились къ мосту и съ крикомъ „ура" пробѣжали его и выбили турокъ, занимавшихъ караулки по обѣимъ его сторонамъ; затѣмъ, молодцы наши стремглавъ кинулись на нижнія траншеи, построенныя на скатѣ и надъ мостомъ, и, выбивъ оттуда непріятеля, заняли ихъ [12]). „Страшный залпъ, а затѣмъ цѣлый адъ огня были, по словамъ ген. Комарова, отвѣтомъ этому смѣлому подвигу." Но этотъ адъ огня не остановилъ ни на секунду двигавшейся колонны, въ головѣ которой шелъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. Стрѣлки бѣгомъ пробѣжали мостъ вслѣдъ за охотниками. По ихъ слѣдамъ проскочили пятигорцы и севастопольцы. По переходѣ черезъ мостъ 1-й кавказскій стрѣлковый и 4-й баталіонъ Пятигорскаго п. полка, подъ общимъ начальствомъ капитана барона Зальца, двинулись по шоссе, чтобы, обойдя лѣвый флангъ непріятеля, штурмовать долиханскую гору съ тыла одновременно съ семью ротами севастопольцевъ, съ которыми долженъ былъ атаковать фронтъ непріятеля самъ начальникъ колонны. Остальная часть правой колонны была оставлена въ общемъ резервѣ по обѣимъ сторонамъ иммеръ-хевскаго моста. Стрѣлки между тѣмъ поднимались безостановочно и вразсыпную. „Съ фронта и съ лѣва, т. е. во флангъ и тылъ, пишетъ ген. Комаровъ, безъ выстрѣла лѣзли на отвѣстныя скалы, подса-

[12]) Герой Дегтянниковъ, награжденный за этотъ подвигъ орд. св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, къ великому горю товарищей, былъ убитъ 21-го сент. 1878 года при столкновеніи двухъ поѣздовъ на ростовско-воронежской желѣзной дорогѣ, по которой везъ уволенныхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ.

живая другъ друга, по едва проходимымъ тропамъ, стрѣлки, пятигорцы и севастопольцы. Своимъ личнымъ примѣромъ впереди частей полковникъ кн. Чавчавадзе и капитанъ баронъ Зальца воодушевляли солдатъ. Темнота ночи, едва освѣщаемой сквозь мокрый идущій снѣгъ и туманъ лучами луны, быстрота и дерзость, съ которою велась эта молодецкая, рѣшительная атака по мѣстности, по которой и днемъ непривычному человѣку трудно, почти невозможно пройти, все это, вмѣстѣ взятое, произвело на непріятеля страшный эффектъ." Но этотъ эффектъ еще болѣе усилился, когда окрестности огласились громовымъ „ура". 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и пятигорцы, взявшіе влѣво, отрѣзали туркамъ отчасти даже путь отступленія, заставивъ для бѣгства воспользоваться лишь одною крайне неудобною для движенія верхнею дорогою. На турецкой позиціи произошла страшная суматоха. Закалывая турокъ, выбивая ихъ штыками изъ траншей, стрѣлки на ихъ плечахъ ворвались въ аулъ. Паника была страшная. Повидимому, турки не допускали и мысли, чтобы русскіе дерзнули на такой отчаянный штурмъ; и только тогда, когда войска наши врывались въ нижнюю часть аула, турки спохватились увезти свои орудія. Одно изъ нихъ имъ удалось спасти: другое же, должно быть за непмѣніемъ сейчасъ же подъ рукою перевозочнаго средства, „было разобрано, и турецкіе артилеристы, при помощи пѣхоты, несли его по частямъ на плечахъ по дорогѣ къ шоссе; стрѣлки, отрѣзавшіе имъ путь, кинулись на нихъ и, уложивъ на мѣстѣ всю прислугу, отняли этотъ военный трофей" [13]).

Къ 11-ти часамъ ночи долиханская позиція была уже окончательно очищена. Бѣгство правовѣрныхъ было такъ поспѣшно, что весь почти лагерь достался въ наши руки: въ сакляхъ находили горящій огонь, недоѣденную пищу и пр. По занятіи долиханской позиціи войска размѣстились по тремъ ауламъ въ сакляхъ. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ расположился въ среднемъ аулѣ и обставилъ себя удобствами, которыхъ не имѣлъ задолго до этого времени.

Всю ночь торжествовали войска свою побѣду. „Это ночное молодецкое дѣло—блистательный штурмъ замѣчательно крѣпкой позиціи турокъ, доносилъ ген. Комаровъ—было лучшимъ вознагражденіемъ отряда, безустанно трудившагося подъ рядъ девять сутокъ, расшатывая такимъ образомъ понемногу непріятеля и фактически и нравственно, и довело его въ рѣшительную минуту до паники, до безпорядочнаго бѣгства". Далѣе, исчисливъ трофеи, ген. Комаровъ продолжаетъ: „Какъ за все время, такъ и въ этотъ послѣдній рѣшительный день войска вели себя молодецки; ихъ беззавѣтная отвага и мужество, какъ въ перенесеніи боевыхъ трудовъ похода, такъ и при встрѣчѣ съ противникомъ, стоятъ выше всякой похвалы. При этомъ капитана барона Зальца и полковника князя Чавчавадзе, шедшихъ во главѣ штурмовавшихъ, воодушевляя личнымъ примѣромъ подчиненныя имъ части, я считалъ вполнѣ заслуживающими ходатайствовать о внесеніи ихъ подвига въ думу георгіевскихъ кавалеровъ, для награжденія ихъ, какъ вполнѣ того достойныхъ, знакомъ ордена св. Георгія 4-й степени" [14]).

---

[13]) Журн. воен. дѣйств. ард. отр. 1878 года, дѣло № 3. Арх. шт. кавк. воен. окр.

[14]) Рап. г.-м. Комарова 16-го января 1878 г. № 209. Капитанъ баронъ Зальца, представленный уже за Аджи-алма къ ордену св. Георгія, удостаивался, такимъ образомъ, этого ордена вдвойнѣ.

Трофеями нашими, кромѣ отбитаго стрѣлками орудія, были: знамя, 4 значка, непріятельскій лагерь (100 палатокъ), его складъ боевыхъ припасовъ въ долисханской церкви и около 150 четвертей зернового хлѣба.

Благодаря лихости и быстротѣ, съ которою велся этотъ ночной штурмъ, а также и ночной темнотѣ, потери наши состояли всего въ одномъ контуженомъ оберъ-офицерѣ, въ 2-хъ убитыхъ и 22-хъ раненыхъ и контуженыхъ нижнихъ чинахъ. Изъ этого числа потери стрѣлковъ были: контуженъ подпоручикъ Картвеловъ (оставался все время въ строю) и ранено шесть стрѣлковъ. Долисханскую позицію, оказалось, защищали $2^1/_2$ табора редифовъ и 7 таборовъ организованной милиціи преимущественно изъ жителей Ливана и Лазистана; считая въ таборѣ отъ 400—500 человѣкъ, мы имѣли противъ себя отъ 4000—5000 противниковъ, вооруженныхъ скорозарядными ружьями различныхъ образцовъ. Послѣ долисханскаго погрома главныя силы турокъ отступили къ Артвину и, какъ оказалось, весьма далеко, дабы имѣть время, даже при немедленномъ движеніи нашихъ войскъ, соорудить искусственныя препятствія на какой либо изъ множества прекрасныхъ позицій, которыми такъ богата эта страна. Для этой же цѣли турки оставили при выходѣ Ардануч-чая въ Чорохъ довольно значительный арріергардъ, долженствовавшій задержать наше движеніе. Но начальникъ отряда предпочелъ дать войскамъ отдыхъ; по этому 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ оставался въ Долисхана до 17-го января. За это время отрядъ достаточно отдохнулъ и пополнилъ свои запасы, что было весьма важно, такъ какъ предстояла чрезвычайно трудная операція на городъ Артвинъ. Мѣстность отъ Долисхана къ этому городу представляла множество естественныхъ преградъ для движенія нашихъ войскъ. Отъ Хархана, на южномъ склонѣ котораго лежалъ, можно сказать „висѣлъ“ аулъ Долисхана—тянется гребень изъ ряда высотъ сначала прямо на сѣверъ, пуская отъ себя къ югу и западу рядъ скалистыхъ контръ-форсовъ, перерѣзываемыхъ идущимъ вдоль Чороха шоссе. Харханъ самъ по себѣ составляетъ самый южный контръ-форсъ колоссальнаго карчхальскаго хребта и служитъ узломъ множества гребней, тянущихся отъ него, какъ радіусы. Самый сѣверный отрогъ его, соединяясь съ однимъ изъ главныхъ отроговъ Карчхала и огибая истокъ небольшой рѣчки, протекающей у аула Тольгома, представляетъ новый узелъ гребней, менѣе крутыхъ, образующихъ двѣ глубокія долины; въ одной изъ нихъ лежитъ аулъ Тольгомъ, а въ другой—параллельной первой—аулъ Вазрія. Какъ-разъ противъ этого узла лежитъ, на лѣвомъ берегу рѣки Чороха, городъ Артвинъ. Мѣстность отъ Долисхана до Артвина по лѣвому берегу Чороха носитъ еще болѣе недоступный и мрачный характеръ и состоитъ изъ безпорядочныхъ скалистыхъ массъ, отвѣсно спускающихся къ Чороху. О движеніи по этому берегу рѣки нечего было и думать.

Для дальнѣйшаго наступленія ардаганскаго отряда, ген. Комаровъ раздѣлилъ его уже на авангардъ, главныя силы и арріергардъ. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ вошелъ въ авангардъ, состоявшій всего изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ горныхъ орудій [15]).

---

[15]) 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Севастопольскаго пѣх. полка, 1 сотня Ахалцыхскаго конно-иррегул. полка и взводъ кавказской горной полубатареи.

Ближайшая цѣль отряда состояла въ сближеніи съ турками и занятіи выгодной, въ тактическомъ отношеніи, позиціи, какъ можно ближе къ Тольгому, занятому непріятелемъ. Наканунѣ выступленія отряда, ген. Комаровъ былъ извѣщенъ, что непріятель сосредоточился на позиціи у аула Хана съ намѣреніемъ оказать фронтальное сопротивленіе; что бы сбить его оттуда, ген. Комаровъ двинулъ, еще вечеромъ 16-го января, баталіонъ пятигорцевъ вправо по гребню, къ мысу у впаденія Арданучъ-чая въ Чорохъ. Это обходное движеніе должно было обезпечить безпрепятственное движеніе всего отряда и оказалось весьма кстати. Въ 8 часовъ утра 17-го января началось движеніе отряда. Оказалось, что непріятель имѣлъ намѣреніе смять нашъ правый флангъ. Замѣтивъ обходное движеніе пятигорцевъ, большими силами кинулся онъ на нихъ. Произошла жаркая схватка. Пятигорцы, успѣвши занять вершину гребня, молодецки отбивали атаки турокъ, но послѣдніе все болѣе и болѣе усиливались. Въ это время авангардъ, пройдя 5 верстъ, успѣлъ уже стянуться у сліянія Арданучъ-чая и Чороха. Генералъ Комаровъ, ѣхавшій съ авангардомъ, догадался о происходящемъ и о намѣреніи турокъ и двинулъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ на выручку пятигорцевъ. Не смотря на глубокій снѣгъ и на страшныя крутизны, стрѣлки начали быстро карабкаться на гору, подгоняемые впередъ усиленною пальбою, криками „ура“ и гиканіемъ турокъ, а въ особенности мыслью объ угрожающей товарищамъ серьезной опасности; при страшныхъ усиліяхъ, добрался они, наконецъ, до вершины горы и бѣгомъ разсыпали цѣпь вправо отъ пятигорцевъ, а въ виду близости непріятеля, немедленно же подошли и неразсыпанныя части баталіона. Съ приходомъ стрѣлковъ дѣло быстро измѣнилось. Давъ рядъ залповъ, стрѣлки первыми бросились съ крикомъ „ура“ на турокъ и погнали передъ собою. Натискъ сдѣлался общимъ. За стрѣлками и пятигорцами бросились спѣшившіе севастопольцы. Бѣгство врага было весьма поспѣшное; онъ бросилъ даже своихъ раненыхъ. Такимъ образомъ, почти весь авангардъ былъ передвинутъ на гребень и, не смотря на то, что колонна главныхъ силъ была открыта съ фронта, получилъ приказаніе двигаться за отступающимъ непріятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, такимъ движеніемъ нашего авангарда, главныя силы непріятеля, будучи обойдены слѣва, принуждены были бросить свою позицію и отступить, что они и сдѣлали ночью. Геройски преодолѣвая страшныя препятствія, „наши беззавѣтные бойцы“—авангардная колонна—до наступленія вечера успѣли стянуться на гребнѣ, ограничивающемъ съ восточной стороны тольгомскую долину, и здѣсь расположились на ночлегъ. Остальныя части также стянулись у поворота шоссе въ тольгомскую долину. Потери этого дня состояли въ 2-хъ убитыхъ и 13-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ; контужены: генералъ 1 (начальникъ отряда), оберъ-офицеръ 1 и нижній чинъ 1; потери стрѣлковъ: 1 убитый и 4 раненыхъ нижнихъ чина.

По отступленіи, непріятель занялъ противоположный скатъ упомянутой долины, собственно, такъ называемыя тольгомскія высоты. Новая позиція его оказалась почти неприступною; подступы ея обстрѣливались изъ цѣлаго ряда траншей, надъ которыми турки работали нѣсколько дней. Необходимо было подготовить штурмъ артилерійскимъ огнемъ. Съ большимъ трудомъ удалось установить наши орудія на искусственныхъ площадкахъ и, подъ сильнымъ огнемъ, рыть ровики для прислуги въ скалистомъ грунтѣ. Въ

виду этого войска до 20-го января оставались на занятыхъ ими позиціяхъ, высылая на поиски охотничьи команды. Такъ, охотники 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 18-го числа, захватили 500 головъ козъ и овецъ. Затѣмъ, 19-го января, двѣ роты этого баталіона прикрывали своимъ огнемъ прислугу горной полубатареи, много терпѣвшей отъ огня турецкихъ дальнобойныхъ ружей, съ которыми не могли состязаться наши ружья системы Карле. Берданки же стрѣлковъ были уже не такъ безсильны противъ нихъ. Наконецъ, орудія были установлены въ ложементахъ, и немедленно же началась стрѣльба изъ нихъ. 20-го числа генералъ Комаровъ произвелъ усиленную рекогносцировку тольгомской позиціи двумя колоннами; правою демонстративною—противъ фронта, и лѣвою—для занятія долины Тольгомъ. Колонны, однако, были вскорѣ повернуты обратно, такъ какъ движеніе къ фронту и правому флангу непріятеля оказалось положительно немыслимымъ. Тольгомская позиція представляла длинный и узкій гребень, своимъ лѣвымъ флангомъ примыкавшій къ харханскимъ высотамъ. Этотъ же флангъ, наиболѣе слабый пунктъ его позиціи, былъ сильно укрѣпленъ нѣсколькими рядами траншей, и турки притянули сюда всѣ свои оборонительныя силы, будучи вполнѣ обезпечены съ праваго фланга и съ фронта. Начальникъ отряда предпочелъ атаку тольгомской позиціи съ лѣваго фланга, не смотря даже на то, что необходимый для этого обходъ, гребнемъ харханскихъ высотъ, требовалъ много времени и большихъ усилій. Рѣшившись на это, генералъ Комаровъ, 21-го января, сосредоточилъ на высотѣ Хархана части, назначенныя атаковать турокъ на слѣдующій же день; а чтобы маскировать наши приготовленія, остальныя войска и преимущественно артилерія и 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ получили приказаніе усиленно обстрѣливать расположеніе противника. Диспозиціею для этой атаки генералъ Комаровъ раздѣлилъ отрядъ на три колонны. Правая, въ составѣ трехъ баталіоновъ севастопольцевъ, получила назначеніе атаковать лѣвый флангъ турокъ. Средняя, подъ начальствомъ подполковника Іоселіани, должна была служить ближайшимъ резервомъ атакующей колонны и дѣйствовать совмѣстно съ нею, смотря по обстоятельствамъ—или способствуя атакѣ черезъ верховья балки, отдѣляющей насъ отъ турокъ, или слѣдуя къ лѣвому ихъ флангу тою-же дорогою, какъ и севастопольцы. Колонна эта состояла изъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго и 2-го баталіона Владикавказскаго п. полка и роты саперъ. Лѣвая колонна была назначена для демонстраціи противъ праваго фланга и фронта турокъ. Такимъ образомъ, общая атака, назначенная на 22-е января, должна была рѣшить участь города Артвина.

22-го января чуть-свѣтъ тронулась по гребню Хархана правая колонна. Вслѣдъ за нею двинулись, съ подполковникомъ Іоселіани: 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, владикавказцы и саперы; артилерія открыла изъ ложементовъ огонь. Движеніе было до того затруднительно, что севастопольцы, шедшіе впереди всѣхъ, завязали дѣло съ непріятелемъ лишь въ 3 часа пополудни. Сбивъ аванпосты турокъ, севастопольцы двинулись на завалы и ложементы и въ теченіе двухъ часовъ выбили изъ нихъ защитниковъ ихъ. Наконецъ, около 5 часовъ, когда къ севастопольцамъ стали подходить стрѣлки и владикавказцы, которые, не имѣя рѣшительно никакой возможности штурмовать турокъ черезъ верховья балки,

шли по слѣдамъ севастопольцевъ, послѣдніе перешли въ рѣшительную атаку. Турки не выдержали натиска и изъ перваго ряда траншей бѣжали ко второму ряду, находящемуся на полверстѣ. По пятамъ бѣгущихъ погнались севастопольцы; непріятель не выдержали ихъ и здѣсь. Къ вечеру турки совершенно очистили тольгомскую позицію, на которой, вслѣдъ за ними, расположились на ночлегъ правая и средняя колонны. Вечеромъ 22-го января начальникъ отряда уже сдѣлалъ распоряженіе объ энергичномъ преслѣдованіи, на слѣдующій день, отступившаго непріятеля, какъ явился турецкій парламентеръ съ подлинною телеграммою отъ Дервишъ-паши; въ ней было сказано, что 19-го января заключено между воюющими сторонами перемиріе. Не придавая, однако, никакой вѣры этой телеграммѣ, по извѣстной намъ причинѣ, въ особенности послѣ того, когда мы собирались захватить г. Артвинъ, начальникъ отряда предложилъ передать старшему начальнику турецкихъ войскъ, что пріостановитъ движеніе, если турки очистятъ весь правый берегъ Чороха для того, чтобы русскія войска могли расположиться въ лежащихъ на немъ аулахъ. Парламентеръ обѣщался привезти отвѣтъ передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, но это обстоятельство не остановило нашихъ приготовленій къ движенію на Артвинъ. На этотъ разъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ долженъ былъ шествовать во главѣ общаго движенія. Съ разсвѣтомъ войска двинулись, и стрѣлки, разсыпавши двѣ роты въ цѣпь, уже приближались къ турецкимъ заваламъ, когда присланный отъ начальника отряда ординарецъ сообщилъ имъ о дѣйствительномъ перемиріи. Такимъ образомъ, дѣйствія ардаганскаго отряда были прерваны, что называется, на самомъ интереснымъ мѣстѣ; послѣ погромовъ, понесенныхъ турками, занятіе Артвина совершилось бы, по всей вѣроятности, безъ выстрѣла. Героями 22-го января, т. е. послѣдняго дня многотруднаго и продолжительнаго марша съ боемъ, явились севастопольцы. Потери ихъ были весьма чувствительны. Стрѣлки же потеряли лишь одного раненаго нижняго чина.

Въ своемъ донесеніи начальнику штаба арміи, генералъ Комаровъ не могъ достаточно нахвалиться своимъ отрядомъ. „Неминуемые обходы—писалъ онъ между прочимъ—которыми единственно и можно было дѣйствовать въ этой мѣстности, по едва доступнымъ скаламъ, покрытымъ снѣгомъ, при самой неблагопріятной погодѣ, все это только возбуждало ихъ (солдатъ) энергію, и они, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, твердо шли къ указанной цѣли и вслѣдствіе этого результатъ былъ всегда болѣе, чѣмъ удаченъ. Весь успѣхъ экспедиціи, сопряженный со всѣми этими трудами и боевыми и бивачными, имѣетъ въ основаніи и оказался возможнымъ единственно благодаря этимъ доблестнымъ качествамъ взвѣреннаго мнѣ отряда“.

Демаркаціонную нашу линію составлялъ Чорохъ, за который должны были отойти турки; впрочемъ, они не вполнѣ исполнили это. Баталіонъ редифовъ продолжалъ стоять на правомъ его берегу. Оказалось, что противъ насъ дрались въ послѣдніе дни до девяти тысячъ человѣкъ съ тремя горными орудіями [16]).

По прекращеніи военныхъ дѣйствій 1-й кавказскій стрѣлковый и одинъ севастопольскій баталіоны расположились въ деревнѣ верхній Тольгомъ;

[16]) Всего было: 4 табора редифовъ, 11 таборовъ организованныхъ башибузуковъ, и до 2 тыс. мѣстной вооруженной, но неорганизованной правильнымъ образомъ милиціи.

остальныя же части отряда размѣстились въ среднемъ Тольгомѣ и въ нижнемъ. Гомборцы простояли въ Тольгомѣ до 23-го февраля, пользуясь хорошею погодою и чуть-ли не удобствами постоянной штабъ-квартиры. Тѣмъ не менѣе открывшіяся заразительныя болѣзни вынесли много людей изъ фронта. 19-го февраля, миръ, заключенный и объявленный русской гвардіи на парадѣ въ виду Константинополя, между Россіею и Турціею, положилъ конецъ продолжительной кровопролитной войнѣ. Объ немъ войска ардаганскаго отряда были извѣщены телеграммою 28-го февраля. Политическія соображенія, къ сожалѣнію, помѣшали дунайской арміи, одержавшей рядъ генеральныхъ побѣдъ за Балканами, занять Константинополь. Въ Анатоліи же Эрзерумъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Изъ безвыходнаго состоянія оттоманской имперіи возникла автономія славянъ Балканскаго полуострова; на азіатской ея территоріи урѣзано отъ нея довольно обширное пространство. Вслѣдъ за объявленіемъ мира Августѣйшій Шефъ гомборцевъ, Его Императорское Высочество Главнокомандующій особою телеграммою потребовалъ Свой баталіонъ въ гор. Тифлисъ. 25-го числа стрѣлки Его Высочества покинули Тольгомъ и, слѣдуя черезъ Ардаганъ, Ольчекъ, Зурзуны и Карзахъ, прибыли, 2-го марта, въ г. Ахалкалаки. Переходы были сильно утомительны. Глубокій снѣгъ страшно замедлялъ движеніе. Сплошной ослѣпительный снѣгъ, сильное освѣщеніе и почти непрерывные вѣтры вызвали у стрѣлковъ глазную болѣзнь, такъ что, по освидѣтельствованіи стрѣлковъ врачами, пришлось оставить въ ахалкалакскомъ госпиталѣ 50 человѣкъ больныхъ глазами. Дальнѣйшее движеніе отсюда, черезъ Ахалцыхъ, Боржомъ и станцію Михайлово, уже было не такъ тяжело. Ночью 11-го марта стрѣлки тронулись въ поѣздѣ поти-тифлисской желѣзной дороги и въ 2 часа пополудни подошли къ тифлисскому вокзалу. Баталіонъ былъ встрѣченъ здѣсь высшимъ начальствомъ съ большимъ торжествомъ, а черезъ полчаса, послѣ высадки, былъ удостоенъ особенной милости своего возлюбленнаго Шефа и Его Августѣйшаго Семейства: сперва Онъ, а за Нимъ и Ихъ Императорскія Высочества, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна и Великіе Князья Николай и Михаилъ Михаловичи прибыли къ баталіону, стоявшему за садомъ Муштандъ. Поблагодаривъ стрѣлковъ за молодецкую службу, Шефъ приказалъ капитану барону Зальца перестроить баталіонъ въ колонну; затѣмъ, принявъ Самъ командованіе баталіономъ, удостоилъ провести его церемоніальнымъ маршемъ передъ Ея Императорскимъ Высочествомъ. Вслѣдъ за этимъ баталіонъ двинулся въ казармы. 15-го числа полковникъ кн. Барятинскій вступилъ въ командованіе баталіономъ.

Сверхъ Высочайше пожалованныхъ за взятіе Карса серебряныхъ рожковъ, баталіонъ награжденъ офицерскими шитыми петлицами за войну 1877—1878 гг. Чины же баталіона получили за разновременныя отличія въ теченіе войны слѣдующія награды: капитанъ Линдбладтъ—чинъ маіора; капитанъ Кирпотинъ—орд. Св. Станислава 2-й степени съ мечами; штабсъ-капитанъ Побыванецъ—золотое оружіе съ надписью „за храбрость“; подпоручики: Габаевъ 1-й и Латернеръ—чинъ поручика; Габаевъ 2-й—св. Анны 3-й степени съ меч. и бант., Картвеловъ—св. Анны 3-й ст. съ меч. и бант., Купцовъ—св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант.; прапорщики: Шмидтъ—орд. св. Анны 3-й ст. съ меч. и бант., Лонгиновъ, Дарскій, Левитскій и

Сергѣевъ—орд. св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“; прикомандированные къ баталіону: штабсъ-капитаны—Федяй—орд. св. Анны 3-й степени съ меч. и бант. и Евглевскій—слѣдующій чинъ; поручикъ Кликовичъ орд. св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант. Унтеръ-офицеры: Владиміръ Константиновичъ, Романъ Буковскій, Владиславъ Венсерскій и Василій Звѣздочетовъ—произведены въ прапорщики съ переводомъ въ другія части. Стрѣлками же получено 72 знака отличія военнаго ордена св. Георгія [17]). Сверхъ того, всѣми участниками въ бояхъ получена по свѣтлобронзовой медали въ память турецкой войны 1877—1878 гг. для ношенія на груди на лентѣ, составленной изъ андреевской и георгіевской.

Въ заключеніе, нельзя не сказать нѣсколько словъ о боевой службѣ вольнонаемнаго оружейнаго мастера баталіона, коллежскаго регистратора Фердинанда Клетта, о которомъ уже было сказано кое-что въ предыдущихъ главахъ. Служа довольно продолжительное время со стрѣлками, онъ горячо привязался къ нимъ, сроднился съ ними душою, былъ любимый и любящій членъ ихъ семейства, и въ послѣднюю кампанію не было почти ни одного дѣла, гдѣ бы не видѣли отважнаго Клетта съ ружьемъ въ цѣпи подъ самымъ иногда сильнымъ огнемъ непріятеля. Будучи отличнымъ стрѣлкомъ, Клеттъ былъ превосходнымъ воиномъ и, благодаря своей находчивости и неустрашимости въ опасности, пріобрѣлъ искреннее уваженіе стрѣлковъ; этотъ человѣкъ, обремененный семействомъ, притомъ не связанный ни присягою, ни вообще какимъ либо воинскимъ долгомъ, не задумываясь, подвергалъ свою жизнь опасности и съ удовольствіемъ переживалъ самые тяжелые моменты съ любимыми стрѣлками. Онъ былъ впослѣдствіи награжденъ золотою медалью съ надписью: „за храбрость“, на георгіевской лентѣ, а затѣмъ чиномъ коллежскаго регистратора.

---

[17]) Кресты 1-й степени получили фельдфебеля: Петръ Новиковъ, Федоръ Щербаковъ и Петръ Грызловъ; 2-й степени—Кузьма Грузловъ и унтеръ-офицеры: Иванъ Червакъ, Семенъ Дудинъ, Андрей Тарасовъ и рядовой Никита Мякушевъ; 3-й степени—унтеръ-офицеры: Семенъ Дудинъ, Ефимъ Чигринцовъ, Родіонъ Китаевъ, Павелъ Поповъ, Трофимъ Шапошниковъ; рядовые: Степанъ Кривуля, Савелій Ивлевъ, Емельянъ Гартинъ; 4-й степени—унтеръ-офицеры: Петръ Пономаревъ, Лукьянъ Покидинъ, Алексѣй Чибисовъ, Василій Полтавскій, Дмитрій Фроловъ, Анисимъ Скороходъ, Федоръ Левшинъ, Прохоръ Павленовъ, Василій Мясинъ, Михаилъ Перфиловъ, Андрей Варнаковъ, Моисей Амосовъ и Осипъ Кучевскій; рядовые: Тимофей Саушкинъ, Григорій Махановъ, Яковъ Митренко, Никифоръ Кокинъ, Александръ Жердевъ, Филиппъ Филипенко, Дементій Дементьевъ, Иванъ Комаровъ, Иванъ Булимовъ. Василій Коршуновъ, Дмитрій Панкратьевъ, Павелъ Чижиковъ, Иванъ Василенко, Даніилъ Виноградовъ, Дмитрій Стрѣльцовъ, Яковъ Дымошевскій, Андрей Надежный, Иванъ Погребный, Демидъ Таможнякъ, Иванъ Рязанцевъ, Емельянъ Свѣтличный, Алексѣй Поповъ, Егоръ Неробѣевъ, Егоръ Шайкинъ, Кузьма Крижевъ, Федоръ Стеганцевъ, Егоръ Настенко, Эдуардъ Майдель, Акимъ Понамаревъ, Тарасъ Воронинъ, Алексѣй Мѣняйловъ, Карлъ Стемерихъ, Кузьма Дорохинъ, Антонъ Мальцовъ, Дмитрій Полехинъ, Станиславъ Козловскій, Степанъ Дорщиковъ, Михаилъ Князевъ, Алексѣй Хачидзе, Карлъ Новакъ, Ефимъ Самойловъ, Иванъ Остриковъ и Василій Панченко.

XXIV.

Состояніе 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона послѣ войны 1877—1878 гг. Приведеніе его въ мирный составъ. 1879-й г. Назначеніе командиромъ подполковника барона Зальца. Перевооруженіе винтовками Бердана № 2. Прикомандированіе къ баталіону Е. И. В. Великаго Князя Николая Михаиловича. Смотръ. Учрежденіе металлическаго знака „за отличную стрѣльбу". Вступленіе Его Высочества въ командованіе ротою и зачисленіе въ баталіонъ. Положеніе наше за Каспійскимъ моремъ. Снаряженіе и походъ 2-й роты, въ составѣ сводно-стрѣлковаго баталіона, въ ахалъ-текинскій оазисъ. Степная служба стрѣлковъ. Штурмъ Геокъ-тепе 28-го августа 1879 года. Подвиги. Потери. Отступленіе. Возвращеніе въ Тифлисъ. Награды.

Вслѣдъ за возвращеніемъ стрѣлковъ Его Высочества, по окончаніи турецкой войны, въ г. Тифлисъ, стали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ и другія части побѣдоносной кавказской арміи, [1]) которая удостоилась слѣдующаго высокомилостиваго приказа своего Августѣйшаго Вождя: „Теперь съ миромъ и чистою совѣстью на отдыхъ! Расходясь съ боеваго поля, вы уносите съ собою сознаніе честно выполненнаго долга и заслуженную признательность отечества. Спасибо вамъ еще разъ за все: за ваши геройскіе подвиги, за вашу тяжелую трудовую службу, за вашу стойкость въ лишеніяхъ, за ваше безпредѣльное самоотверженіе".

Но миръ и отдыхъ могли быть для гомборцевъ только относительные. Турецкая война, возстановивъ старый боевой ихъ закалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нанесла ущербъ ихъ спеціальному искусству и страшно разстроила хозяйственную часть. Смотръ, произведенный баталіону начальникомъ кавказской стрѣлковой бригады генералъ-маіоромъ Гурчинымъ, въ апрѣлѣ 1878-го года, имѣющій большой интересъ и поучительность, обнаружилъ явленія далеко неутѣшительныя, происшедшія главнымъ образомъ отъ безпрестанныхъ перемѣнъ начальствующихъ и должностныхъ лицъ. Прежде всего, „въ 1-й ротѣ оказалось нѣсколько справедливыхъ претензій", которыя хотя и были удовлетворены въ тотъ же день, но все же представляютъ случай дотолѣ небывалый. Въ хозяйственной суммѣ ротъ недоставало 603 р. 98 к. и не оказывалось 398 р. 61 к. солдатскихъ денегъ; мундирная одежда и шинели послѣдняго срока были „почти негодны къ употребленію"; амуниція и ранцы далеко не соотвѣтствовали срокамъ службы; мягкія лазаретныя вещи были негодны; вьючный обозъ имѣлъ большіе недостатки, и его приходилось завести почти вновь; казенно-подъемныхъ лошадей по штату полагалось 76, а на лицо было всего 65, и изъ нихъ 22 совершенно негодныхъ. Въ заключеніе всего, молодые солдаты были подготовлены недостаточно, а многіе офицеры, произведенные въ послѣднее время, не знали основательно устава и весьма мало имѣли навыка для командованія частями. Только ружья оказались вполнѣ исправными—и то лишь вслѣдствіе немедленно принятыхъ мѣръ по прибытіи баталіона въ городъ Тифлисъ. Но еслибы инспекторъ пожелалъ посмотрѣть цѣльную стрѣльбу изъ этихъ ружей, то, по всей вѣроятности, не особенно остался бы ею доволенъ. Впрочемъ, это нимало не было страннымъ, такъ какъ въ довольно значительные промежутки между военными дѣйствіями, какъ напримѣръ, во время стоянки въ Карсѣ и въ Тольгомѣ, не производилось никакихъ занятій.

---

[1]) За исключеніемъ тѣхъ, которыя образовали гарнизоны завоеваннаго края.

Для приведенія всѣхъ отраслей хозяйства въ исправность, генералъ Гурчинъ приказалъ изъ хозяйственной суммы въ 17,045 р. 84½ к., отчислить въ неприкосновенный запасъ 10 тысячъ руб. и сдать въ отдѣленіе государственнаго банка на текущіе счеты; туда же были переданы 820 р., отпущенныхъ на постройку обоза и сбруи новой конструкціи. Остальныя же деньги обращены на удовлетвореніе неотложныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Офицерскій капиталъ, разобранный офицерами передъ началомъ войны, былъ вновь образованъ вычетами съ 1-го апрѣля 1879 г. Изъ ротныхъ хозяйственныхъ суммъ (13,209 р. 10½ к.) генералъ Гурчинъ разрѣшилъ отремонтировать ротный обозъ, колесный и вьючный, и прикупить лошадей до четверика въ каждой ротѣ. Инспекторъ приказалъ завести шнуровыя книги для „описи ротнаго имущества“, что было особенно важно во время кампаніи, когда частые пріемы и сдачи ротъ могли породить безчисленныя недоразумѣнія. Было бы долго исчислять длинный рядъ мѣропріятій, которыми баталіонъ былъ обязанъ генералу Гурчину, не щадившему своей энергіи, настойчивости и бдительности для его благоустройства. Матеріальная и вообще хозяйственная его часть въ короткое время была возстановлена настолько, что онъ готовъ былъ къ новому походу хотя бы даже по экстренному требованію. Такимъ образомъ, хозяйственная дѣятельность получила должное направленіе, а дальнѣйшее развитіе обезпечено просвѣщеннымъ надзоромъ генерала Гурчина, и ближайшему строевому начальству стрѣлковъ можно было сосредоточить свое вниманіе на ихъ строевомъ и преимущественно стрѣлковомъ образованіи. Рота Его Высочества возобновила свои занятія въ Боржомѣ, куда была отправлена 17-го мая по потиѳлисской желѣзной дорогѣ, а остальныя три роты приступили къ нимъ въ м. Сурамѣ. Занятія эти были обставлены самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. У офицеровъ они были дополнены противъ прежнихъ еще разными съемками, рѣшеніемъ тактическихъ задачъ въ полѣ и т. д. Нижніе чины, кромѣ всего, стали обучаться еще и самоокапыванію при помощи выданныхъ въ томъ году въ нашей арміи малыхъ лопатокъ Линнемана, которыя, вмѣстѣ съ облегченными топорами, составили прибавку къ общему снаряженію солдата. На каждую роту было отпущено 80 лопатокъ и 40 топоровъ.

13-го сентября роты возвратились въ Тифлисъ, и немедленно началось приведеніе баталіона въ составъ мирнаго времени [2]). Сформированный для войны запасный кавказскій стрѣлковый баталіонъ былъ упраздненъ, и чины его частью уволены въ запасъ, а частью откомандированы къ мѣстамъ прежней службы. Годъ завершился весьма пріятнымъ улучшеніемъ въ быту стрѣлковыхъ офицеровъ и ихъ семействъ, которымъ повелѣно назначать пенсіи изъ инвалиднаго капитала на одинаковыхъ основаніяхъ съ офицерами спеціальныхъ родовъ оружія [3]).

Высочайшимъ приказомъ 4-го февраля 1879 г. командиромъ баталіона былъ назначенъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго подполковникъ баронъ Зальца. Онъ былъ знакомъ стрѣлкамъ еще со времени войны, когда, будучи въ чинѣ капитана, водилъ ихъ на штурмъ Аджи-алма и Долисхана. Первымъ дѣломъ новаго командира было снаряженіе 2-й роты въ составъ экспедиціоннаго отряда въ закаспійскій военный

[2]) Приказъ по кавказскому военному округу 3-го сентября 1878 года № 314.

[3]) Приказъ по военному вѣдомству 3-го октября 1878 года № 260.

отдѣлъ, а затѣмъ опредѣленіе степени благосостоянія остальныхъ трехъ ротъ и баталіона. Оказалось, что эти три роты къ 9-му мая имѣли въ общей сложности 5,363 руб. 21½ коп. наличныхъ ротныхъ денегъ, а баталіонныхъ суммъ было 18,849 руб. 85 коп. Надо замѣтить, что ротные командиры не жалѣли средствъ и превосходно прокармливали [4]) солдатъ, такъ какъ приходилось обучать ихъ, елико позволяли силы.

Во второй половинѣ мая баталіонъ приступилъ къ пріемкѣ винтовокъ Бердана № 2 и къ сдачѣ старыхъ въ складъ. Всѣхъ винтовокъ съ принадлежностями было принято 863. По перевооруженіи ими, начались занятія по ознакомленію стрѣлковъ съ новымъ оружіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ только-что изданнымъ „Наставленіемъ для обученія стрѣльбѣ“. Особенное вниманіе было обращено на стрѣльбу дробинками, а также и на гимнастику. Въ началѣ іюня, согласно приказу по стрѣлковой бригадѣ, подполковникъ баронъ Зальца произвелъ осмотръ хозяйства, повѣрку строевого образованія и экзаменъ нижнимъ чинамъ по теоретическимъ познаніямъ и грамотности. Результаты этихъ испытаній показали, что баталіонъ, такъ скоро оправившій свою матеріальную и хозяйственную часть, даже и черезъ годъ слишкомъ не достигъ прежняго положенія въ другихъ отношеніяхъ. Особенно плачевное было состояніе учебной команды: изъ составлявшихъ ее 14-ти человѣкъ, по произведенному коммисіею экзамену, оказались вполнѣ удовлетворительными всего шесть человѣкъ. Подполковникъ баронъ Зальца объяснялъ это тѣмъ, „что въ числѣ 14-ти человѣкъ были такіе, которые поступили въ учебную команду изъ ротъ недостаточно грамотными и тѣмъ замедлили прохожденіе полностью всего курса, а сами поэтому недостаточно усвоили теоретическія познанія“. Стало-быть, ротныя школы также не могли похвалиться успѣхомъ. Число же грамотныхъ во всѣхъ трехъ ротахъ составляло 63%, и болѣе всего грамотныхъ было въ четвертой ротѣ (77%). Не смотря на все это, общее заключеніе о состояніи баталіона, сдѣланное генераломъ Гурчинымъ на весеннемъ смотру, было довольно благопріятное для стрѣлковъ.

Лѣтнія занятія 1-й и 4-й ротъ происходили въ селеніи Ахалкалакахъ, куда онѣ выступили 10-го іюля, а 3-й—въ Боржомѣ. Стоянка въ Ахалкалакахъ была довольно непривлекательна и полна всевозможныхъ неудобствъ, самое существенное изъ которыхъ относилось къ санитарной части. Хотя здѣсь находились съ 15-го іюля по 15-е сентября и другіе кавказскіе стрѣлковые баталіоны, а также Грузинская пѣшая Дружина, тѣмъ не менѣе не было никакого лазарета, и больныхъ принуждены были отправлять въ сурамское госпитальное отдѣленіе. Въ числѣ обычныхъ лагерныхъ занятій обращаетъ на себя вниманіе особенная забота объ обученіи людей разсыпному строю и самоокапыванію. Впрочемъ, 1-й и 4-й ротамъ не долго пришлось оставаться въ Ахалкалакахъ, такъ какъ, вслѣдствіе приказанія Главнокомандующаго, онѣ 6-го августа переведены въ Боржомъ. Здѣсь баталіонъ удостоился новаго милостивѣйшаго довѣрія своего Шефа, изволившаго при-

---

[4]) 28-го марта ген. Гурчинъ „неожиданно“ посѣтилъ баталіонъ, нашелъ пищу нижнихъ чиновъ „превосходною“ и счелъ „пріятнымъ для себя долгомъ выразить благодарность ротнымъ командирамъ за столь хорошую пищу—какъ послѣдствіе ихъ заботливости о благосостояніи чиновъ ввѣренныхъ имъ ротъ“. Пр. по бат. 1879 г. № 87.

командировать къ нему, для несенія службы, Своего старшаго сына, флигель-адъютанта штабсъ-капитана Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Михайловича [5]). 19-го августа Его Высочество въ первый разъ былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону.

Въ первыхъ числахъ сентября въ Боржомѣ всѣмъ тремъ ротамъ былъ произведенъ смотръ стрѣльбы инспекторомъ стрѣлковой части въ войскахъ генералъ-лейтенантомъ фонъ-Нотбекомъ. Смотръ сошелъ весьма благополучно, и по этому случаю Главнокомандующій приказалъ освободить стрѣлковъ отъ занятій въ продолженіе трехъ дней. Въ награду за свою дѣятельность подполковникъ баронъ Зальца, нѣсколько времени спустя, прочиталъ въ приказѣ по кавказской арміи [6]) слѣдующее: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о результатахъ смотровъ стрѣлковой части въ войскахъ въ 1879 году, объявляетъ Монаршую благодарность, въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ, командиру 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона подполковнику барону Зальца, за достиженіе во ввѣренномъ ему баталіонѣ по стрѣльбѣ отличныхъ результатовъ“. Стрѣлки на этотъ разъ были награждены „за отличную стрѣльбу“ не нашивками или басонами, какъ было до сихъ поръ, а особыми знаками, въ силу слѣдующаго Высочайшаго повелѣнія: „для поощренія отличныхъ стрѣлковъ всѣхъ частей пѣхоты и кавалеріи и для наружнаго отличія установить на будущее время, взамѣнъ принятыхъ нынѣ галунныхъ и басонныхъ на погонахъ нашивокъ, особый металлическій знакъ, для ношенія на правой сторонѣ груди“. Затѣмъ, въ дополненіе къ вышеизложенному повелѣно: „установленный особый знакъ за отличную стрѣльбу присвоить тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые, пройдя два курса стрѣльбы, исполнили въ оба курса условія перворазрядныхъ стрѣлковъ, независимо отъ того, пройденъ ли курсъ по дѣйствующему или по прежнему наставленію для обученія стрѣльбѣ“ [7]). Такихъ перворазрядныхъ стрѣлковъ въ баталіонѣ оказалось 26 человѣкъ, которымъ и были розданы новые знаки за стрѣльбу. Послѣ смотра баталіонъ занимался ротными ученіями, аванпостною службою и т. д.; офицеры же производили маршрутныя и всякаго рода топографическія съемки. Въ началѣ сентября Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ назначенъ командиромъ шефской роты, вмѣсто штабсъ-капитана Побыванца, переведеннаго воспитателемъ въ тифлисскій кадетскій корпусъ, а вслѣдъ затѣмъ зачисленъ въ списки баталіона согласно Высочайшему приказу 13-го сентября. Это былъ новый знакъ Монаршей милости стрѣлкамъ, а также высокаго довѣрія къ нимъ Августѣйшаго Шефа. 28-го октября всѣ три роты возвратились въ Тифлисъ.

Вторая рота была снаряжена въ закаспійскій походъ въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ. Торговыя сношенія Россіи съ среднею Азіею сильно терпѣли отъ туркменъ, жившихъ, главнымъ образомъ, насчетъ нашихъ каравановъ. Ни подарки ихъ старшинамъ, бывшимъ, впрочемъ, безсильными противъ своихъ джигитовъ, ни блистательный походъ нашъ въ Хиву не могли обуздать разбойниковъ. Считая невозможнымъ изъ-за этого водить свои кара-

[5]) Приказъ по кавказской арміи 9-го августа 1879 года № 257.

[6]) 4-го апрѣля 1880 года № 83.

[7]) Приказы по военному вѣдомству 1879 года №№ 130 и 213.

ваны черезъ дальній Оренбургъ, мы заняли въ 1878 году, по близости къ оазису Ахалъ-текэ, этому гнѣзду разбойниковъ, важный опорный пунктъ Чатъ. Почуявъ надвигающуюся грозу, туркмены, въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ, напали на укрѣпленіе Чатъ, но были отбиты. Тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе двинуть, съ наступленіемъ лѣта 1879 г., войска со стороны закаспійскаго отдѣла, занять ахалъ-текинскій оазисъ и построить по р. Атреку укрѣпленный кордонъ. Въ виду серьезности этого предпріятія, требовавшаго значительныхъ силъ, составъ вспомогательнаго для закаспійскаго отдѣла отряда былъ опредѣленъ изъ войскъ Кавказа въ $10^{3}/_{4}$ баталіоновъ пѣхоты, роты саперъ, дивизіона драгунъ, 18-ти сотенъ казаковъ, съ конно-мусульманскимъ полкомъ, 12-ти ракетныхъ станковъ и 34 орудій. Въ составъ экспедиціоннаго отряда въ землю Текэ былъ назначенъ особый сводно-стрѣлковый баталіонъ, составленный изъ частей всѣхъ четырехъ кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ присвоеніемъ ему, во все время пребыванія въ закаспійскомъ отдѣлѣ, названія: „кавказскій сводно-стрѣлковый баталіонъ“. Онъ былъ составленъ такимъ образомъ, что нумерація ротъ его соотвѣтствовала нумераціи баталіоновъ, изъ которыхъ онѣ были взяты, и такимъ образомъ 2-я рота Его Высочества баталіона вступила въ сводный баталіонъ подъ именемъ 1-й роты. Командиромъ кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона былъ назначенъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона маіоръ Сафоновъ. Численность баталіона заключалась въ 1-мъ штабъ и 14-ти оберъ-офицерахъ, 40 унтеръ-офицерахъ и 453 строевыхъ нижнихъ чинахъ; 2-я же рота Его Высочества баталіона ввела въ составъ своднаго баталіона двухъ оберъ-офицеровъ (командира роты поручика Габаева и младшаго офицера прапорщика Дидигова), 10-ть унтеръ-офицеровъ, трехъ горнистовъ и 100 рядовыхъ. Кромѣ того, 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Шмидтъ былъ назначенъ въ сводный баталіонъ казначеемъ, квартермистромъ и офицеромъ по вооруженію.

2-я рота вошла въ сводно-стрѣлковый баталіонъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: изъ нея были изъяты всѣ молодые солдаты ноябрьскаго призыва 1878-го года, а также слабые, по тщательному медицинскому ихъ осмотру, и стрѣлки призыва 1874-го года; недостающее затѣмъ число стрѣлковъ было пополнено людьми изъ другихъ ротъ, вслѣдствіе чего рота почти совсѣмъ измѣнила свою первоначальную внѣшность. Первымъ шагомъ къ приготовленію ея въ походъ былъ осмотръ всѣхъ людей особою коммисіею, съ участіемъ врача. Затѣмъ, не малая забота была приложена къ обмундированію нижнихъ чиновъ, къ постройкѣ для нихъ мѣшковъ вмѣсто ранцевъ и, наконецъ, къ снабженію ихъ гимнастическими рубахами и бѣлыми шароварами. Сверхъ того, каждому стрѣлку были розданы, кромѣ одной пары сапоговъ съ длинными голенищами, поршни обыкновеннаго туземнаго образца, по 2 пары на каждаго. Офицерамъ же были назначены подъемныя деньги [8]). По распоряженію генерала Гурчина, каждый баталіонъ ввѣренной ему бригады выдѣлилъ въ хозяйственную сумму сводно-стрѣлковаго баталіона 400 рублей, всего 1600 рублей; каждая рота взяла съ собою запасной суммы—съѣстной 150 руб. и хозяйственной 350 рублей. Всего, во 2-й ротѣ, при выступленіи въ походъ, кромѣ приварочныхъ денегъ, отпу-

[8]) Поручикъ Габаевъ получилъ 150 руб., прапорщикъ Шмидтъ—275 руб. (изъ нихъ 125 руб. на покупку верховой лошади) и Дидиговъ—100 руб.

щенныхъ на текущее довольствіе, состояло въ ящикѣ 500 рублей. Какъ баталіонный, такъ и ротный обозы были составлены также выдѣленіемъ повозокъ, лошадей и сбруи отъ всѣхъ баталіоновъ кавказской стрѣлковой бригады. Словомъ, не было ни одного отдѣла довольствія въ сводно-стрѣлковомъ баталіонѣ, который составлялъ бы самостоятельную отрасль хозяйства. Вообще, генералъ Гурчинъ обратилъ весьма серьезное вниманіе на приготовленіе своднаго баталіона къ степному походу, входя въ мельчайшія подробности этого дѣла и обставивъ вновь сформированную часть наилучшими по возможности условіями.

16-го апрѣля, 1-я, 2-я и 4-я роты сводно-стрѣлковаго баталіона были осмотрѣны начальникомъ стрѣлковой бригады во всей подробности, и 20-го числа, послѣ торжественнаго молебствія въ присутствіи генералъ-маіора Гурчина, всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ стрѣлковой бригады (за исключеніемъ 3-го баталіона), двинулись въ дальній путь [9]). Погода благопріятствовала, если не считать случавшейся повременамъ жары и дождей, нерѣдко выпадавшихъ некстати, къ которымъ старые кавказскіе солдаты относились, впрочемъ, снисходительно. Дневки дѣлались большею частью на третій день, а во избѣжаніе жаровъ и для пріисканія по возможности заблаговременно пунктовъ ночлега, баталіонъ выступалъ обыкновенно въ три часа утра. Ночлежные пункты, проставленные въ маршрутѣ, иногда оказывались весьма неудобными и вынуждали къ нѣкоторымъ необходимымъ отступленіямъ. 28-го апрѣля баталіонъ вступилъ въ городъ Елисаветполь и здѣсь простоялъ трое сутокъ. Дальнѣйшее слѣдованіе его на Шемаху было уже сопровождаемо сильными жарами и проливными дождями, отъ которыхъ и на ночлегахъ негдѣ было укрыться. Нижніе чины обыкновенно располагались подъ открытымъ небомъ, а офицеры—по этапнымъ дворамъ, подъ навѣсами постоялыхъ дворовъ или же въ ветхихъ, грязныхъ каравансараяхъ [10]). О какихъ бы то ни было удобствахъ и рѣчи не могло быть, а насчетъ пищи приходилось ограничиваться тѣмъ, что могъ предоставить маркитантскій обозъ [11]). Проливные дожди вызвали изъ береговъ множество рѣчекъ, перерѣзывавшихъ дорогу, и тѣмъ создали стрѣлкамъ рядъ хлопотъ при переправахъ.

Наконецъ, среди всѣхъ этихъ невзгодъ, роты вступили 13-го мая въ Шемаху и расположились по квартирамъ. Здѣсь маіоръ Сафоновъ получилъ новый маршрутъ для слѣдованія въ Баку, взамѣнъ выданнаго изъ окружнаго штаба, присланный уже отъ начальника ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда генералъ-адъютанта Лазарева.

Послѣ пятидневной стоянки роты выступили 18-го мая, въ 3 часа утра, въ Баку. Дорога шла степная, пустынная; недостатокъ воды и травы чувствовался вездѣ, и только благодѣтельные молокане выручали стрѣлковъ, подвозя имъ въ бочкахъ воду изъ далекихъ родниковъ. Не смотря на сильный зной и страшную пыль, стрѣлки шли молодцами, не имѣя пока ни одного отсталаго или больного. По мѣрѣ приближенія къ Баку жары ста-

---

[9]) 3-я рота была направлена изъ Владикавказа (шт.-кв. 3-го кавк. стр. бат.) черезъ Хасавъ-юртъ, Чиръ-юртъ и Темиръ-Ханъ-Шуру на Петровскъ.

[10]) Дневникъ кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона.

[11]) При трехъ ротахъ баталіона слѣдовало всего 16-ть одноконныхъ обывательскихъ подводъ для поднятія всевозможныхъ баталіонныхъ тяжестей.

повились сильнѣе; порывистый сѣверный вѣтеръ кружилъ надъ головами столбы песку и пыли; вода становилась горьче и отдавалась нефтью. Наконецъ, 23-го мая стрѣлки вступили въ Баку и расположились около города въ палаткахъ, отпущенныхъ отъ интендантства. Здѣсь они были угощены обывателями, которые пожертвовали имъ 15-ть барановъ, 200 хлѣбовъ и 4 ведра водки. Но что еще важнѣе для утомленныхъ путниковъ — это то, что маіоръ Сафоновъ хорошенько выкупалъ ихъ въ купальняхъ бакинскаго мѣстнаго баталіона. Въ Баку баталіонъ простоялъ до 29-го мая, занимаясь нагрузкою обоза и фуража. Это короткое пребываніе, въ теченіе котораго ни на секунду не переставалъ дуть сильный сѣверный вѣтеръ, поднимавшій тучи песку, при страшной притомъ жарѣ, породило между стрѣлками сильную глазную болѣзнь. 25-го мая шхуна „Шахъ-Иранъ“ повезла тяжести въ Чикишляръ, а 29-го числа вышла въ море со стрѣлками и шхуна „Каспій“. Двое сутокъ качало ее непрерывно, и только 31-го мая бросила она якорь въ трехъ верстахъ отъ берега, на которомъ раскинутъ Чикишляръ. Съ прибытіемъ къ этому пункту баталіонъ вступилъ въ главное подчиненіе генералъ-адъютанта Лазарева.

Довольно продолжительная стоянка къ Чикишлярѣ, гдѣ 2-го іюня присоединилась къ баталіону 3-я рота, не осталась безслѣдною, и вскорѣ люди начали болѣть отъ дурной и вредной воды, которую добывали въ колодцахъ [12]). Болѣзненность отчасти поддерживалась и тѣмъ родомъ тяжелой службы, къ которой были призваны стрѣлки съ 8-го іюня. Она состояла въ выгрузкѣ лодокъ, въ навьючиваніи верблюдовъ, въ насыпаніи полотна желѣзной дороги, въ починкѣ пристани и т. д. Только спустя нѣкоторое время, когда люди втянулись въ работу и нѣсколько освоились съ климатомъ и съ водою, число больныхъ стало уменьшаться, не смотря даже на то, что стрѣлки положительно не имѣли отдыха отъ работъ. Жары доходили иногда до 45° Р. на солнцѣ; дождей не было, и только одинъ разъ на короткое время природа разразилась ливнемъ, прибившимъ нѣсколько пыль и песокъ, отъ которыхъ не было нигдѣ спасенія, такъ какъ, въ палаткахъ, куда прятались въ сильную бурю, донимала духота и жара. Нижніе чины довольствовались морскою порціею, съ обильнымъ отпускомъ, въ предупрежденіе цынги, квашеной капусты, черемши и чеснока, а офицеры, наоборотъ, терпѣли чувствительный недостатокъ въ жизненныхъ продуктахъ. Вслѣдствіе этого командующій войсками разрѣшилъ имъ требовать и себѣ ту же порцію, какая отпускалась нижнимъ чинамъ.

Въ концѣ іюня здоровье людей, однако, начало ухудшаться. Причина этого обстоятельства, по словамъ врача, скрывалась единственно въ утомительныхъ работахъ. 30-го іюня „нѣсколько человѣкъ были отправлены въ госпиталь вслѣдствіе того, что они надорвались на работѣ“ [13]). Затѣмъ, съ каждымъ днемъ число больныхъ прибывало, и непрерывные наряды на работы и въ караулъ отнимали всякую возможность не только отдохнуть и подкрѣпить силы, но починить одежду, пришедшую въ совершенную негодность—такъ что людямъ не въ чемъ было идти, еслибы ихъ двинули въ

[12]) Вода имѣла то свойство, что, постоявъ въ колодцѣ сутки, дѣлалась уже негодною для питія; по этому колодцы рылись черезъ каждые сутки, старые же закапывались.

[13]) Дневникъ сводно-стрѣлковаго баталіона.

походъ [14]). Чтобы дать солдатамъ возможность улучшить свои средства и исправить необходимыя принадлежности обмундированія, имъ было разрѣшено ходить на вольныя работы; но для этого, къ сожалѣнію, почти ни у кого не было свободнаго часа. Къ довершенію всего, прибавилась еще и аванпостная служба, такъ какъ по берегу моря устроили пикеты для охраненія лодокъ, стоявшихъ на якорѣ, отъ пиратовъ-туркменъ. Посреди этихъ невзгодъ, весьма естественно и понятно было томительное ожиданіе похода; но онъ пока не могъ состояться, потому что не было достаточнаго количества провіанта, фуража и перевозочныхъ средствъ.

Наконецъ, къ общему удовольствію, всѣ затрудненія были улажены, и генералъ-адъютантъ Лазаревъ рѣшилъ двинуть войска въ глубь ахалъ-текинскаго оазиса, для занятія главнаго опорнаго пункта текинцевъ—Геокъ-тепе. Отрядъ былъ сформированъ приказомъ по войскамъ 29-го іюля и получилъ названіе „передоваго“. Онъ состоялъ изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ кавказскаго сводно-стрѣлковаго, роты саперъ, дивизіона драгунъ, восьми сотенъ казаковъ, трехъ сотенъ милиціи и 16-ти орудій [15]). Остальныя войска чикишлярскаго лагеря были размѣщены въ тылу для обезпеченія сообщеній. Назначеннымъ въ походъ войскамъ былъ произведенъ тщательный медицинскій осмотръ, при чемъ изъ строя были исключены почти всѣ имѣвшіе хоть какія либо признаки болѣзни, такъ что составъ всего отряда едва-ли превышалъ 3000 человѣкъ. Выступленіе изъ Чикишляра послѣдовало тремя эшелонами: первый двинулся 30-го, а остальные два—31-го іюля. Кавказскій сводно-стрѣлковый баталіонъ вошелъ въ составъ послѣдняго эшелона [16]), находившагося подъ командою полковника Чижикова. Снабженный десяти-дневнымъ запасомъ сухарей и необходимыми для степного похода вещами, какъ-то бочками и бурдюками для воды, и т. п., онъ тронулся въ $9^1/_2$ часовъ вечера, пославъ за четыре часа впередъ весь свой верблюжій транспортъ, подъ командою офицера, за пески.

Пройдя пески, баталіонъ расположился на ночлегъ. На слѣдующій день онъ къ двумъ часамъ пополудни сдѣлалъ 45-ти-верстный переходъ къ колодцамъ Бевенъ-Баши, гдѣ три роты расположились на отдыхъ, а одна была послана за 4 версты для охраненія пастьбы верблюдовъ. Слѣдующій переходъ въ Дилили хотя и былъ на 20 верстъ короче, но несравненно тяжеле перваго; притомъ жажда, жара, духота, пыль и миріады комаровъ просто терзали людей. Въ этотъ переходъ было три случая солнечнаго удара, изъ которыхъ одинъ смертельный. Но за то, въ Дилили явп-

---

[14]) Дневникъ сводно-стрѣлковаго баталіона.

[15]) 3-й баталіонъ Эриванскаго, 3-й Грузинскаго, 4-й Куринскаго, 4-й Кабардинскаго, 1-й Апшеронскаго, 3-й и 4-й Ширванскаго полковъ и кавказскій сводно-стрѣлковый баталіонъ; дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго, 2-я и 5-я сотни Полтавскаго, 1-я сотня Таманскаго, 4-я сотня Волгскаго, 5-я и 6-я сотни Лабинскаго казачьихъ полковъ, 3-я и 4-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 2-я, 3-я и 4-я сотни туземной милиціи; три взвода 4-й батареи 20-й артилерійской бригады, полубатарея 1-й терской конной батареи, взводъ полевой и полубатарея горныхъ орудій красноводской артилеріи. При отрядѣ: подвижной артилерійскій паркъ, одно отдѣленіе военно-временнаго госпиталя и отрядная аптека.

[16]) Три роты 3-го баталіона Ширванскаго полка, кавказскій сводно-стрѣлковый баталіонъ, двѣ сотни Полтавскаго каз. п., двѣ сотни милиціи и отрядный штабъ.

лась возможность освѣжиться, такъ какъ здѣсь вода оказалась лучше, потому что хотя ее доставали также изъ колодцевъ, но она была озерная и, просачиваясь черезъ песчаную почву, дѣлалась довольно чистою и прѣсною. Дальнѣйшіе переходы на Гудри, гдѣ былъ ночлегъ на берегу Атрека, и отсюда по Атреку въ Баятъ-Аджи, Яглы-Олумъ, Текенджинъ и Чатъ (при впаденіи Сумбара въ Атрекъ), сопровождались лишь тѣмъ неудобствомъ, что приходилось воду для питья изъ мутнаго Атрека постоянно фильтровать, потому что иначе она безусловно негодна къ употребленію. Вообще эти переходы были сдѣланы безъ крайняго напряженія, потому что баталіонъ выступалъ въ два часа [17]) полуночи и становился на ночлегъ до разгара жары. Все это громадное пространство было пройдено въ восемь дней непрерывнаго марша; при этомъ, движеніе происходило въ наилучшее для сна и отдыха время. Первая дневка была дана лишь въ Чатѣ—и только вѣроятно потому, что здѣсь необходимо было запастись провіантомъ, продуктами, фуражемъ и т. п. 9-го августа, въ 2 часа ночи, изъ Чата выступилъ одинъ только сводно-стрѣлковый баталіонъ, а остальныя части 3-го эшелона остались въ укрѣпленіи еще на одни сутки. Переночевавъ въ Харъ-Олумѣ, на берегу Сумбара, стрѣлки 10-го августа достигли Дузъ-Олума, не имѣя до этого времени ни одного отсталаго [18]). Здѣсь они застали артилерію, кавалерію и пѣхоту, за исключеніемъ авангарда, бывшаго уже въ Хаджамъ-Кала, за четыре перехода впереди. Баталіонъ оставался въ Дузъ-Олумѣ до 16-го августа, только содержа аванпосты и посылая команды для прикрытія пастьбы верблюдовъ. При этомъ условіи онъ имѣлъ возможность значительно отдохнуть и оправиться. Но это спокойствіе и отдыхъ были неожиданно и сильно омрачены свѣдѣніемъ о смерти генералъ-адъютанта Лазарева, на котораго отрядъ возлагалъ много надеждъ въ будущихъ своихъ военныхъ успѣхахъ. Понятно, что кончина этого боевого и опытнаго генерала не могла не подѣйствовать на войска удручающимъ образомъ. Во временное командованіе отрядомъ вступилъ, „до особаго распоряженія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго“, генералъ-маіоръ Ломакинъ.

Движеніе изъ Дузъ-Олума, сборнаго пункта всѣхъ трехъ эшелоновъ, въ виду возможной встрѣчи съ непріятелемъ, было начато съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей. 16-го августа, въ 6 часовъ утра, войска выступили въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ туркменская сотня и 2-я рота кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона; за нею — остальныя три роты, отрядный штабъ, двѣ роты ширванцевъ, обозъ, транспортъ и, наконецъ, арріергардъ. Дорога была узкая, со множествомъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, а потому весьма утомительная, такъ что, при разстояніи до Бекъ-Текэ 19$^{3}/_{4}$ верстъ, голова колонны пришла на мѣсто только въ часъ пополудни, а хвостъ въ четыре часа. На ночлегъ войска, угрожаемыя нечаяннымъ нападеніемъ быстроконныхъ текинцевъ, расположились въ карре, окруживъ себя аванпостами. Слѣдующій переходъ къ Терсъ-Акану былъ не легче; тѣ-же крутые подъемы и спуски. 1-я и 2-я роты сводно-стрѣлковаго

---

[17]) Люди же, назначавшіеся для навьючиванія верблюдовъ, принимались за свое дѣло за часъ до выступленія, т. к. верблюды, при неопытности стрѣлковъ, бились и съ крикомъ вырывались изъ рукъ и вообще задерживали вьючку.

[18]) Дневникъ баталіона.

баталіона на этотъ разъ шли въ арріергардѣ. Отъ Терсъ-Акана предстоялъ трудный и безводный переходъ на разстояніи 50-ти верстъ. Наполнивъ водою всѣ бочки и бурдюки, колонна выступила въ три часа утра, 18-го августа, и на полпути стала на ночлегъ среди степи, въ мѣстности называемой Маргизъ. Общій бивакъ представлялъ карре, въ серединѣ котораго помѣстился штабъ и верблюды, а колесный обозъ поставленъ въ интервалахъ между баталіонами; передъ фронтомъ были уложены вьюки въ шахматномъ порядкѣ; отъ каждаго баталіона выставлены посты, и выслано по полуротѣ въ секретъ, за версту отъ лагеря. Въ 4 часа утра колонна двинулась на Хаджамъ-Кала, имѣя въ боковыхъ цѣпяхъ первую роту стрѣлковъ. Движеніе ея, безъ того медленное, задерживалось еще тѣмъ, что верблюды то-и-дѣло падали и развьючивались. Къ концу перехода баталіоны пошли впередъ, оставивъ позади весь транспортъ на попеченіи стрѣлковъ поручика Габаева. Наконецъ, войска достигли развалинъ укр. Хаджамъ-Кала, гдѣ присоединились къ баталіонамъ Эриванскаго, Грузинскаго, Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ, съ кавалеріею, артилеріею и полуротою саперъ. Сдавъ лишнія тяжести и больныхъ въ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, сводно-стрѣлковый баталіонъ выступилъ въ два часа пополуночи въ Бендесенъ, куда прибылъ только къ 8 часамъ вечера. Бендесенъ, гдѣ стоялъ нашъ авангардъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника кн. Долгорукова, былъ пока крайнимъ пунктомъ нашего движенія, такъ какъ дальше единственный доступъ въ ахалъ-текинскій оазисъ—перевалъ черезъ гору Копетъ-дагъ—не былъ еще разработанъ настолько, чтобы можно было провезти по немъ обозъ. На разработку перевала стрѣлки 21-го августа выслали отъ себя, въ числѣ прочихъ, сперва 65 человѣкъ, а вечеромъ на смѣну имъ 80 человѣкъ. Послѣдніе возвратились въ пять часовъ утра 22-го августа, проработавъ всю ночь напролетъ. Благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ, къ утру 22-го августа перевалъ былъ достаточно разработанъ, и отрядъ двинулся дальше. Передъ выступленіемъ его, въ лагерѣ были отслужены—заупокойная панихида по генералѣ Лазаревѣ и молебствіе о будущемъ преуспѣяніи войскъ. Послѣ того былъ прочитанъ приказъ [19]) генерала Ломакина, знакомившій войска съ характеромъ текинцевъ, ихъ боевыми особенностями и пріемами для веденія войны. Въ немъ, между прочимъ, было сказано: „врагъ, съ которымъ предстоитъ намъ имѣть дѣло, хотя не организованъ, слабо вооруженъ, но многочисленъ, дерзокъ, энергиченъ и, обладая неутомимыми и быстрыми конями, появляясь неожиданно и со всѣхъ сторонъ, можетъ быть опасенъ не только для одиночныхъ людей и командъ, но и для цѣлыхъ частей, пренебрегающихъ соблюденіемъ правилъ предосторожности“, и т. д. Въ этомъ же духѣ приказъ рекомендовалъ особенное вниманіе на пребываніе резервовъ ближе къ цѣпи а линій ближе другъ къ другу.... Наконецъ, авангардъ двинулся; стрѣлки же выступили въ головѣ главныхъ силъ только въ три часа пополудни, прикрывая всѣ вьюки отряда. Дорога до подъема на перевалъ не представляла особенныхъ затрудненій, но подъемъ былъ чрезвычайно труденъ, а спускъ еще хуже. У этого спуска войска стояли четыре часа, пока пропустили всѣ вьюки. Узкая крутая тропинка давала возможность верблюдамъ двигаться только гуськомъ и притомъ съ чрезвычайною осторожностью.

[19]) 22-го августа № 77.

Слѣдуя далѣе по узкому ущелью, пришлось снова остановиться по выходѣ изъ него, чтобы дать колоннѣ подтянуться. Переходъ этотъ былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Отрядъ прибылъ къ кр. Бами только въ часъ пополуночи, а арріергардныя части окончательно стянулись только къ разсвѣту 23-го августа.

Такимъ образомъ, войска, наконецъ, вступили въ ахалъ-текинскій оазисъ. Крѣпость Бами—первый укрѣпленный пунктъ текинцевъ—оказалась пустою. На слѣдующій день, отрядъ, имѣя въ авангардѣ сводно-стрѣлковый баталіонъ, прибылъ ко второму укрѣпленному пункту текинцевъ—Беурма, но и здѣсь текинцевъ не оказалось: они бѣжали къ югу, захвативъ все свое имущество. Только 24-го августа, когда войска, со стрѣлками въ арріергардѣ, подошли къ Арчману, къ нимъ на встрѣчу выступило нѣсколько текинцевъ, не имѣвшихъ возможности бѣжать при нашемъ поспѣшномъ наступленіи. Такъ какъ они изъявили полную покорность, то ихъ посѣвы, семейства и имущество были оцѣплены казаками, во избѣжаніе насилія и безпорядковъ. Они охотно приносили на продажу арбузы, чуреки и виноградъ. Солдаты съ жадностью набросились на дыни и арбузы, которые они срывали съ бахчей, прилегавшихъ къ дорогѣ; а что касается чурековъ, то они были для нихъ недосягаемою роскошью, такъ какъ войска все время питались сухарями. Не особенно хорошъ былъ и приварокъ съ козлятиною, которую обыкновенно клали въ котелъ. Солдаты предпочитали ему обыденный борщъ изъ сушеной капусты, безъ мяса, и кашу изъ сарачинскихъ крупъ съ саломъ.

Съ 25-го августа начались встрѣчи и столкновенія съ непріятелемъ. До разсвѣта войска двинулись къ Дурун у, имѣя сводно-стрѣлковый баталіонъ въ прикрытіи верблюжьяго транспорта. Верстахъ въ пяти отъ Дуруна показалась въ первый разъ туркменская конница; но, увидѣвъ, что на нее выносласъ наша милиція, она быстро ускакала. Эскадронъ драгунъ пустился ей въ догонку, но не могъ настигнуть. Дурунъ, оставленный жителями, достался намъ безъ выстрѣла; въ немъ, конечно, текинцы не оставили ровно ничего. Впрочемъ, они не совсѣмъ примирились съ лишеніемъ родного очага: съ наступленіемъ сумерокъ они стали подкрадываться къ нашимъ постамъ и завязывали перестрѣлку, особенно усердствуя противъ мѣста нашего водопоя. Чтобы отогнать ихъ дальше, къ водопою были высланы охотничьи команды, и одною изъ нихъ, составленною изъ стрѣлковъ, была устроена засада. Начальникъ ея прапорщикъ Дидиговъ, весьма искусно размѣстивъ людей по ту сторону арыка, приказалъ имъ соблюдать строжайшую тишину. Онъ имѣлъ въ виду дать текинцамъ пройти арыкъ, а затѣмъ, молча кинувшись на нихъ, отрѣзать имъ отступленіе. Текинцы, дѣйствительно, подошли къ арыку и уже готовились сдѣлаться жертвою засады, какъ, откуда ни возьмись, у милиціоперовъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка раздался выстрѣлъ. Текинцы, конечно, остановились и, замѣтивъ опасность, шарахнулись въ сторону. Такимъ образомъ, старанія прапорщика Дидигова были обращены въ ничто, и стрѣлки ограничились одною перестрѣлкою, которая замолкла только къ концу ночи и, по темнотѣ, едва ли была сколько нибудь дѣйствительна. Въ Дурунѣ была сдѣлана дневка, для собранія свѣдѣній о непріятелѣ; но кавалерія наша,

разъѣзжавшая кругомъ бивачнаго расположенія войскъ, не открыла присутствія ни одного туркмена. Ночь прошла спокойно.

27-го числа, въ 4 часа утра, выступилъ изъ Дуруна авангардъ, въ составѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона и двухъ орудій конной полубатареи; въ прикрытіи транспорта шли куринцы, а въ арріергардѣ—кабардинцы. Были приняты всѣ мѣры предосторожности, такъ какъ разъѣздамъ нашимъ трудно было бы вовремя предупредить войска о нападеніи, и быстролетная конница текинцевъ могла обрушиться на нихъ, какъ снѣгъ на голову. 25 верстъ были пройдены совершенно спокойно, и въ два часа передовой отрядъ остановился въ Яраджа, куда черезъ два часа прибыла и колонна главныхъ силъ. На слѣдующій день предвидѣлась серьезная встрѣча съ непріятелемъ, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, не долженъ былъ сдать намъ безъ боя свой самый сильный укрѣпленный пунктъ—Геокъ-тепе. Авангардъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника кн. Долгорукова, выступилъ въ два часа пополуночи въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ, взявъ съ собою сухарей только на два дня, шинели, патроны и нѣсколько верблюдовъ для подвоза воды; остальной вьючный обозъ вошелъ въ вагенбургъ, которому предстояло слѣдовать позади главныхъ силъ, подъ прикрытіемъ сводныхъ ротъ, по одной отъ каждаго изъ пяти баталіоновъ, четырехъ сотенъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій. Движеніе авангарда было чрезвычайно затруднительное. Пройдя около восьми верстъ въ теченіе четырехъ часовъ, онъ остановился для привала, а когда подошли главныя силы, то сейчасъ же тронулся дальше. Въ десяти верстахъ отъ Геокъ-тепе справа показалась конная партія текинцевъ, которая стала сосредоточиваться у аула Егіанъ-Батыръ-Кала; такая же партія выѣхала и съ лѣвой стороны укрѣпленія. Разъѣзды наши завязали съ нею перестрѣлку, а авангардъ ускорилъ шагъ и на разстояніи тысячи сажень перестроился въ боевой порядокъ въ двѣ линіи, причемъ отъ роты поручика Габаева 2-го и отъ 3-й роты стрѣлковъ, бывшей въ первой линіи, было вызвано въ цѣпь по одному взводу. Это было ровно въ девять часовъ утра. Цѣпь, по мѣрѣ движенія, понемногу была усиливаема, а конныя орудія, саженяхъ въ пятистахъ отъ укрѣпленія, выѣхали на позицію и открыли весьма успѣшную пальбу по массамъ текинцевъ, занимавшихъ бугоръ посреди крѣпости, подъ названіемъ Денгиль-тепе. Не сдѣлавъ до сихъ поръ ни одного выстрѣла, сводно-стрѣлковый баталіонъ быстро занялъ фланги артилеріи; цѣпь же, высланная отъ него раньше, залегла впереди орудій.

Крѣпость Геокъ-тепе была построена въ видѣ четыреугольника, обнесена съ западной и съ сѣверной сторонъ, какъ и большинство среднеазіятскихъ крѣпостей, довольно высокою глинобитною стѣною, съ прилегавшими къ ней наружнымъ и внутреннимъ рвами. Внутренность крѣпости была уставлена кибитками, изъ которыхъ ближайшія къ крѣпостной стѣнѣ, по свѣдѣніямъ, были наполнены землею. О расположеніи рвовъ, о размѣрахъ всѣхъ частей обороны и о силахъ непріятеля мы не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній. По занятіи позиціи саженяхъ въ пятистахъ отъ крѣпости, войска наши открыли огонь, который продолжался не болѣе часа, послѣ чего конныя орудія, а съ ними и стрѣлки, стали постепенно подвигаться впередъ.

Часамъ къ 11-ти орудія подъѣхали саженей на триста. Къ этому времени войска главной колонны успѣли занять артилерійскія позиціи. Вмѣстѣ съ движеніемъ впередъ орудій, двинулись также и стрѣлки, а роты, бывшія во второй линіи, вызваны впередъ, и баталіонъ перестроился въ одну линію, имѣя между полубаталіонами полубатарею конной артилеріи. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, послѣдняя весьма усердно бросала снаряды въ крѣпость и, наконецъ, вытѣснила текинцевъ изъ передовыхъ канавъ и ближайшихъ къ намъ закрытій. Тогда, по приказанію флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова, въ прикрытіи артилеріи была оставлена только 2-я рота, а остальнымъ тремъ ротамъ велѣно приготовиться къ штурму передоваго укрѣпленія. Снова перестроившись и разсыпавъ 3-ю роту въ цѣпь, 1-я и 4-я роты, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля съ главнаго вала укрѣпленія, двинулись впередъ развернутымъ фронтомъ. Онѣ были въ трехстахъ шагахъ отъ укрѣпленія, когда непріятель въ громадныхъ массахъ вышелъ изъ рва и приготовился встрѣтить нашу атаку. Третья рота немедленно пристроилась къ лѣвому флангу роты поручика Габаева, и всѣ три, остановившись, открыли пальбу залпами. Послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ, которыми текинцы были остановлены, роты продолжали наступленіе и, пройдя шаговъ 200, стремительно кинулись въ штыки—1-я и 3-я роты съ лѣвой, а 4-я—съ правой стороны передоваго укрѣпленія. Текинцы не выдержали молодецкаго натиска и обратились въ бѣгство; вслѣдъ за ними понеслись и стрѣлки. Они гнали ихъ до самой крѣпости, а нѣкоторые взобрались даже на ея стѣну и, быстро овладѣвъ передовымъ валомъ, уже готовились спуститься внутрь крѣпости, какъ вдругъ были остановлены по распоряженію начальника отряда, который отложилъ штурмъ крѣпости, чтобы дать главнымъ силамъ время подойти ближе. Услышавъ „отбой“, стрѣлки въ недоумѣніи отступили и залегли за стѣною, находившеюся на половинѣ разстоянія между передовымъ укрѣпленіемъ и крѣпостью. Отсюда они открыли по непріятелю, скрывавшемуся за валомъ, рѣдкій огонь, сосредоточивая его преимущественно на горжѣ, чтобы воспрепятствовать текинцамъ завалить ее, а также обстрѣливая продѣланныя артилеріею бреши; артилерія же наша въ это время съ близкой дистанціи громила внутренность укрѣпленія и производила серьезныя опустошенія. Такъ все длилось до пяти часовъ пополудни.

Не располагая повидимому упорствовать послѣ нашего штурма, текинцы стали выпроваживать изъ крѣпости въ степь караваны съ своимъ имуществомъ и семействами, но кавалерія наша каждый разъ обгоняла ихъ и, отрѣзывая такимъ образомъ имъ дорогу, заставляла ихъ возвращаться обратно въ крѣпость. Текинцы пробовали просить насъ навремя прекратить канонаду—быть можетъ, имѣя цѣлью вступить съ нами въ переговоры и, чего добраго, даже о сдачѣ крѣпости, но имъ было въ этомъ отказано. Затѣмъ, въ отрядѣ пронесся слухъ, что они намѣрены попытать счастья бѣжать изъ крѣпости ночью. Такъ какъ это было весьма вѣроятно, то начальникъ отряда, чтобы не дать имъ возможности избѣгнуть наказанія, рѣшилъ въ тотъ же день атаковать Геокъ-тепе. Ровно въ пять часовъ пополудни, авангардъ, подкрѣпленный частью главныхъ силъ, съ сводно-стрѣлковымъ баталіономъ въ полномъ его составѣ, имѣя баталіонъ кабардинцевъ на правомъ флангѣ, по сигнальному залпу изъ орудій двинулся на штурмъ. Подойдя къ западному

фасу, стрѣлки, во главѣ съ маіоромъ Сафоновымъ и своими офицерами, съ крикомъ „ура“, подъ сильнымъ огнемъ, кинулись въ ровъ, нимало не смущаясь его двухсаженною глубиною и такою же шириною, съ отвѣсными притомъ эскарпами. Хватаясь за ружья товарищей, которымъ раньше удалось взобраться на валъ, и подсаживая другъ друга, стрѣлки быстро и бодро карабкались по крутому эскарпу, не смотря на то, что были утомлены труднымъ переходомъ, безсонною ночью и предшествовавшимъ безполезнымъ боемъ. Хотя многіе изъ нихъ уже были сброшены въ наружный ровъ текинцами, стрѣлявшими въ нихъ въ упоръ, и первымъ поплатился маіоръ Сафоновъ, все время находившійся впереди, однако это не остановило стрѣлковъ, и большая часть ихъ взгромоздилась-таки на высокой и отвѣсной стѣнѣ, штыками расчищая ее отъ непріятеля. Въ этомъ молодецкомъ штурмѣ особенно отличились стрѣлки поручика Габаева, рядовые: Порфирій Скляровъ, Наумъ Комаровъ, Родіонъ Степановъ и Александръ Опухликъ. Они, за недостаткомъ унтеръ-офицеровъ, исправляли ихъ должность, вполнѣ и во всемъ показавъ себя примѣромъ [20]), и за это всѣ были произведены въ унтеръ-офицеры. Уже болѣе половины баталіона находилось на валу, и рукопашный бой былъ въ разгарѣ. Стрѣлки готовились ворваться внутрь крѣпости, но не успѣли, потому что войска, штурмовавшія сѣверный фасъ, наткнувшись на множество внутреннихъ рвовъ и поперечныхъ стѣнъ, и подавленныя численнымъ превосходствомъ врага, отступили, а текинцы, отбивъ здѣсь приступъ, повернулись всею массою на западный фасъ и ударили на лѣвый флангъ стрѣлковаго баталіона. Не ожидая такого нападенія, стрѣлки не могли отразить его, тѣмъ болѣе, что были въ нѣсколько разъ слабѣе противника, не сгруппировались еще всѣ окончательно на стѣнѣ и, за неимѣніемъ резервовъ, не получили никакой поддержки. Стрѣлки принуждены были также отойти на позицію, которую занимали до штурма. Этимъ не могли не воспользоваться текинцы; ободренные своею удачею, они выскочили изъ крѣпости въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, выхватили сабли, кинулись на уходившія въ безпорядкѣ войска и стали рубить ихъ съ ожесточеніемъ и видимымъ торжествомъ. Офицеры, несшіе на рукахъ маіора Сафонова, были перерапены и вынуждены оставить свою ношу, которая была искрошена. Отсутствіе у насъ резервовъ еще болѣе помогло безнаказанному преслѣдованію со стороны текинцевъ на значительномъ пространствѣ, до тѣхъ поръ, пока ихъ не встрѣтили, наконецъ, картечь нашихъ орудій и мѣткій огонь кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона, успѣвшаго, не смотря на всеобщую панику, занять для прикрытія отступающихъ весьма выгодную позицію [21]). Послѣ того генералъ Ломакинъ привелъ войска въ порядокъ и снова двинулъ ихъ на штурмъ; но при сильномъ унынін нашихъ солдатъ и высокомъ уровнѣ нравственнаго духа непріятеля, этотъ штурмъ былъ отбитъ даже съ меньшими усиліями чѣмъ предыдущій. Наступили сумерки, и войска были отозваны къ транспорту. Стрѣлки снялись съ позиціи только съ восходомъ луны и отступили послѣдними.

Нельзя не упомянуть о геройскомъ самоотверженіи, выказанномъ, при отступленіи сводно-стрѣлковаго баталіона, унтеръ-офицеромъ роты поручика Габаева, Николаемъ Гриценко. Замѣтивъ, что среди отступающихъ нѣтъ прапорщика Дидигова, онъ, не обращая вниманія на то, что текинцы уже

[20]) Рапортъ поручика Габаева 8-го сентября 1879 года № 28.

[21]) Рапортъ капитана Горскаго 7-го сентября 1879 года № 447.

массировались для производства вылазки и сильно обстрѣливали впереди лежащее пространство, вернулся назадъ и засталъ своего офицера на днѣ рва. Протянувъ ему конецъ своего ружья, Николай Гриценко помогъ ему вскарабкаться наверхъ и такимъ образомъ спасъ ему жизнь. Но этотъ доблестный поступокъ дорого обошелся герою: въ то время, когда онъ шелъ за Дидиговымъ, его нагнали нѣсколько текинцевъ; они уже готовились окружить его, какъ онъ самъ кинулся на нихъ. Но едва Гриценко сдѣлалъ нѣсколько шаговъ — сзади раздался выстрѣлъ, и онъ свалился. Текинцы тотчасъ его изрубили.

Прапорщикъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Высочества баталіона Шмидтъ, будучи квартермистромъ, просилъ маіора Сафонова о назначеніи его во 2-ю роту, гдѣ не было младшихъ офицеровъ. Надо полагать, что просьба его была уважена, такъ какъ и онъ не преминулъ также принять участіе въ бою. Передъ началомъ штурма онъ находился при второй ротѣ штабсъ-капитана Федорова, которая прикрывала полубатарею. Около пяти часовъ Федоровъ получилъ приказаніе двинуться въ атаку. По данному сигналу, 2-я рота, осыпаемая градомъ пуль, вмѣстѣ съ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка, бросилась къ укрѣпленію. „Встрѣтивъ передъ собою глубокій и широкій ровъ съ отвѣсными стѣнами, люди не спустились, а бросились въ него, и постепенно почти всѣ перебрались на берму; нѣкоторые же передовые, и въ числѣ ихъ прапорщикъ Шмидтъ, который тамъ и раненъ, завязали рукопашную схватку на кронѣ бруствера“ [22]). Но, въ виду общаго отступленія, отозвали назадъ и роту штабсъ-капитана Федорова, который вслѣдъ затѣмъ присоединился къ баталіону [23]). Стрѣлки понесли весьма серьезныя потери: убиты—маіоръ Сафоновъ и 39 нижнихъ чиновъ; ранены—четыре оберъ-офицера и 32 нижнихъ чина; контужены—3 оберъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа рота поручика Габаева имѣла 11-ть человѣкъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Отрядъ же потерялъ вообще 453 человѣка изъ состава трехъ тысячъ людей, включая и офицеровъ.

Однако, блистательно отбивъ штурмъ, текинцы и не думали должнымъ образомъ воспользоваться своимъ успѣхомъ: войска наши переночевали у нихъ на глазахъ, въ одной верстѣ отъ крѣпости. Въ теченіе всей ночи они ни разу не тревожили ихъ, а наоборотъ, массами выѣзжали изъ крѣпости и направлялись на востокъ, въ пески. Можно было бы ожидать, что новый штурмъ далеко не встрѣтитъ того сопротивленія, которое оказалъ непріятель наканунѣ; но мы его не только не повторили, а рѣшились и совсѣмъ отступить, за неимѣніемъ будто бы патроновъ и зарядовъ. Съ разсвѣтомъ 29-го августа, забравъ съ собою раненыхъ, которыхъ успѣли подобрать,

---

[22]) Дневникъ кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона.

[23]) Насколько прапорщикъ Шмидтъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ назначенію строеваго офицера, чѣмъ нестроевымъ обязанностямъ, видно изъ того, что, будучи впослѣдствіи временно завѣдывающимъ 3-ю ротою, командиръ которой былъ въ отпуску, онъ съумѣлъ такъ поставить эту роту въ короткій промежутокъ времени, что подполковникъ баронъ Зальца счелъ необходимымъ оставить его въ строю. Объ этомъ онъ изложилъ въ приказѣ такъ: „на основаніи того хорошого состоянія, въ которомъ находилась рота подъ временнымъ командованіемъ поручика Шмидта, нахожу болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ названному офицеру нести службу въ строю, а потому поручикъ Шмидтъ отчисляется въ строй, въ 3-ю роту, и должность квартермистра предлагаю ему теперь же сдать“. (Приказъ по баталіону 12-го октября 1881 года № 254).

войска покинули свою позицію и стали отступать на Кара-Кярызъ, прикрывая свой тылъ кавказскимъ сводно-стрѣлковымъ баталіономъ. Весь четырнадцати-верстный переходъ отъ Геокъ-тепе на Кара-Кярызъ отрядъ былъ преслѣдуемъ текинцами, съ которыми цѣпь стрѣлковъ вела оживленную перестрѣлку. Ночь была проведена безпокойно: уныніе, овладѣвшее солдатами вслѣдствіе несчастнаго штурма 28-го августа, довело ихъ до высшей степени нервнаго возбужденія и въ результатѣ породило нѣсколько ложныхъ тревогъ, поднимавшихся пальбою въ цѣпи неизвѣстно по комъ. Отъ Кара-Кяръза отрядъ отступалъ безостановочно и безъ дневокъ до 4-го сентября на селенія Дурунъ, Арчманъ и Беурму, соблюдая всѣ мѣры предосторожности и держась лѣвымъ флангомъ къ подошвѣ Копетъ-дага, для большей безопасности съ этой стороны. Войска отступали общимъ карре, имѣя въ серединѣ транспортъ, причемъ кавказскій сводно-стрѣлковый баталіонъ, подъ командою капитана Горскаго, занималъ то авангардъ, то арріергардъ и фланги. Странно, что жители Арчмана, узнавъ о нашей неудачѣ, все-таки остались намъ вѣрными.

Наконецъ, 4-го сентября генералъ-маіоръ Ломакинъ рѣшился дать войскамъ дневку въ Беурмѣ, но эта дневка едва не была разстроена. На этотъ разъ, какъ на зло, непріятель показался рано утромъ на горахъ и смѣло спустился внизъ, съ намѣреніемъ отбить верблюдовъ съ пастьбы, но былъ разсѣянъ высланными ракетами и сотнею казаковъ. На слѣдующій день войска двинулись въ Бами и расположились въ двухъ верстахъ отъ аула, окруженныя густою цѣпью постовъ. Непріятель не показывался, такъ что 6-го сентября, прибывъ, послѣ чрезвычайно тяжелаго перехода, въ Бендесенъ, отрядъ провелъ въ немъ три спокойныхъ дневки. 10-го числа онъ перешелъ въ Хаджамъ-Кала и имѣлъ еще дневку. Длинный переходъ отъ Хаджамъ-Кала черезъ Маргизъ на Терсъ-Аканъ былъ совершенъ благополучно. Въ Терсъ-Аканѣ, куда войска прибыли въ 4 часа пополудни 13-го сентября, пронесся радостный слухъ о пріѣздѣ генералъ-лейтенанта Тергукасова, назначеннаго на мѣсто умершаго генералъ-адъютанта Лазарева. Войска оставались въ Терсъ-Аканѣ, въ ожиданіи прибытія своего новаго начальника, до 20-го сентября, приводя себя въ порядокъ и занимаясь караульною службою. Только 19-го сентября весь сводно-стрѣлковый баталіонъ выходилъ охранять пастьбу верблюдовъ, находившихся въ четырехъ верстахъ отъ лагеря. 20-го числа пріѣхалъ генералъ Тергукасовъ. Поблагодаривъ войска, онъ вручилъ стрѣлкамъ за штурмъ 28-го августа 16 крестовъ, изъ коихъ четыре достались на роту поручика Габаева [24]).

Кавказскія войска, хорошо знакомыя съ прошлою дѣятельностью генерала Тергукасова, были теперь увѣрены въ блистательномъ исходѣ будущей экспедиціи и почти совершенно позабыли о неудачномъ дѣлѣ 28-го августа. Но начальникъ отряда не имѣлъ возможности пока предпринять что либо, такъ какъ нашелъ безпорядки и упущенія въ хозяйствѣ отряда, въ особенности въ перевозочныхъ средствахъ, которыя слѣдовало исправить. Притомъ, необходимо было дать войскамъ отдыхъ и запастись всѣми средствами и предметами для ихъ обезпеченія, которыя частью разстроились, а частью и

[24]) Награждены: унтеръ-офицеръ Лукіанъ Покидинъ 3-й степени за № 3691; рядовые—Степанъ Ванюхинъ 4-й степени № 86510, Егоръ Раковъ 4-й степени № 88975, Григорій Камневъ 4-й степени № 88976.

вовсе погибли или истощились. Такъ напримѣръ, въ кавказскомъ сводно-стрѣлковомъ баталіонѣ обозъ, лагерь, котлы и нѣкоторыя кожанныя вещи, „вслѣдствіе климатическихъ условій и похода“, пришли „въ совершенную негодность къ дальнѣйшему употребленію“ и вынудили капитана Горскаго представить объ этомъ по начальству [25]). То же самое было почти во всѣхъ частяхъ. Въ виду этого войска пока принуждены были возвратиться въ Чикишляръ, за исключеніемъ небольшихъ частей, предназначенныхъ для занятія Дузъ-Олума и Чата. Поэтому, сводно-стрѣлковый баталіонъ, вмѣстѣ съ 3-ю ротою 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, съ артилерійскимъ паркомъ и съ отдѣленіемъ общества Краснаго креста, 25-го сентября выступилъ въ Бекъ-Текэ; остальныя же части отряда двинулись изъ Терсъ-Акана только 28-го сентября.

Дальнѣйшее слѣдованіе баталіона на Дузъ-Олумъ, гдѣ онъ оставилъ саперъ и артилерійскій паркъ, а оттуда на Харъ-Олумъ и черезъ укрѣпленіе Чатъ до Чикишляра было безостановочное и происходило такимъ образомъ, что въ авангардѣ, въ арріергардѣ и на флангахъ шли по одной ротѣ, а въ серединѣ этого четыреугольника—транспортъ. 3-го октября баталіонъ прибылъ въ Чикишляръ, гдѣ сосредоточилась понемногу большая часть экспедиціоннаго отряда. Не имѣя въ виду предпринять наступательное движеніе даже въ ближайшемъ будущемъ, генералъ Тергукасовъ рѣшилъ отправить большую часть войскъ на западный берегъ Каспійскаго моря—иначе, оставаясь на восточномъ берегу, они истощили бы все то довольствіе, которое подвозилось; для охраны же Чикишляра, Чата и Дузъ-Олума онъ признавалъ достаточными весьма ограниченныя силы. Къ отправленію были назначены 8-мь баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ и кавказскій сводно-стрѣлковый, дивизіонъ драгунъ, 10-ть сотенъ казаковъ и казачья полубатарея. Въ ожиданіи этого возвращенія, стрѣлки провели весь октябрь въ усиленныхъ работахъ и всевозможныхъ нарядахъ на службу. Они занимались въ это время также и стрѣльбою, и смотръ, произведенный имъ командиромъ сводно-стрѣлковаго баталіона, ознаменовался собственно для роты поручика Габаева пожалованіемъ ей „за отличную стрѣльбу“ [26]) четырехъ знаковъ.

Наконецъ, 29-го октября 1-я рота сводно-стрѣлковаго баталіона сѣла на шхуну „Волга“ и направилась въ Баку; 3-я—31-го числа была послана черезъ Петровскъ во Владикавказъ, а остальныя двѣ роты оставили Чикишляръ только 2-го ноября. 7-го ноября всѣ три роты соединились въ Баку и расположились въ казармахъ. Здѣсь стрѣлки ожидали прибытія подъемныхъ лошадей и могли выступить только 23-го ноября. Путь слѣдованія къ Тифлису былъ по прежнему маршруту. Тѣ же лишенія походной жизни, тѣ же набитые навозомъ и грязные постоялые и этапные дворы, конюшни и каравансараи были неизбѣжны и на этотъ разъ. Весьма часто на ночлегахъ, не смотря на холодъ, приходилось буйволятникамъ и саманникамъ предпочитать открытое небо. 30-го декабря, въ 9 часовъ утра, баталіонъ подошелъ къ Тифлису и у городской тюрьмы былъ встрѣченъ начальникомъ стрѣлковой бригады, а въ 11 часовъ представился на Гунибской площади Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему и, пропущенный церемоніальнымъ маршемъ, разошелся по казармамъ. Рота

[25]) Рапортъ 8-го октября 1879 года № 525.

[26]) Пр. по воен. вѣд. 1879 года № 180.

поручика Габаева, принявъ свой прежній нумеръ, продолжала однако сохранять лучшихъ людей, избранныхъ изъ всего баталіона. Такъ завершились труды и лишенія стрѣлковъ, перенесенныя ими въ теченіе около девяти мѣсяцевъ въ безплодной экспедиціи [27]). Честно, какъ всегда, исполнивъ свой долгъ, они были вознаграждены достойнымъ образомъ: поручикъ Габаевъ 2-й получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщикъ Шмидтъ—чинъ подпоручика со старшинствомъ съ 28-го августа 1879 года, прапорщикъ Дидиговъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, портупей-юнкеръ князь Кочакидзе—чинъ прапорщика съ переводомъ въ Апшеронскій полкъ; нижніе же чины, сверхъ четырехъ человѣкъ, награжденныхъ начальникомъ отряда, и четырехъ произведенныхъ въ унтеръ-офицеры, получили еще одиннадцать знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія и серебряную медаль [28]). Сверхъ того, всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ походѣ, было роздано по три рубля серебромъ за понесенные труды и лишенія—но только въ сентябрѣ 1881 года, когда такихъ участниковъ осталось въ баталіонѣ всего 46 человѣкъ [29]).

XXV.

1880-й г. Переформированіе и состояніе гомборцевъ. Смотръ стрѣльбы. Отличіе 1-й роты и пожалованіе Августѣйшаго ея Командира орденомъ св. Владиміра 4-й степени. 1881-й годъ. Приказъ по баталіону по случаю оставленія баталіона Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Отъѣздъ изъ края Августѣйшаго Шефа гомборцевъ. Зачисленіе въ списки баталіона Е. И. В. Великаго Князя Михаила Михайловича. Занятія тактическія и военно-судебныя. 1882-й годъ. Баталіонное и ротное хозяйство. Телеграммы Августѣйшаго Шефа. 1883-й годъ. Смотръ. Пріѣздъ въ Тифлисъ Августѣйшаго Шефа гомборцевъ. Чайная. 1884-й годъ. Успѣхи стрѣлковъ. Особыя черты гомборцевъ.

1-го января 1880 года въ баталіонѣ стрѣлковъ Его Высочества введена новая отчетность по ротному хозяйству, за примѣненіемъ которой г.-м. Гурчинъ слѣдилъ неослабно, лично повѣряя и регулируя расходы въ ротахъ. Одновременно съ этимъ происходило переформированіе баталіона согласно новому штату [1]), на основаніи котораго число рядовыхъ предстояло довести до 90, унтеръ-офицеровъ—до 10-ти и горнистовъ—въ трехъ ротахъ 4, а въ 1-й—5. Люди набора 1875 года были уволены, за исключеніемъ унтеръ-офицеровъ и учителей новобранцевъ, которыхъ имѣлось въ виду уволить не ранѣе окончательнаго обученія сихъ послѣднихъ. Такъ какъ за увольненіемъ нижнихъ чиновъ набора 1875 года оставались еще сверхкомплектные, то въ годо-

[27]) Занятіе оазиса послѣдовало въ слѣдующемъ году, и Геокъ-тепе было взято правильною осадою генераломъ Скобелевымъ (ген. Тергукасовъ умеръ въ началѣ 1880 г., успѣвъ, однако, достаточно подготовить будущій успѣхъ).

[28]) Кресты получили: унтеръ-офицеръ Василій Книжникъ 4-й ст. 81868; рядовые—Алексѣй Землянскій 3-й ст. 3633; 4-й ст.: Антимонъ Кургузовъ 81869, Константинъ Волынскій 81870, Никифоръ Волкевичъ 81871, Семенъ Еркинчъ 81872, Семенъ Восалакъ 81873, Карпъ Куропятникъ 81874, Степанъ Пономаревъ 81875, Яковъ Ткачевъ 81876, Фока Курковъ 81877; ротный фельдшеръ Абрамъ Кожухаровъ награжденъ серебряною медалью съ надписью „за храбрость“ для ношенія на груди на георгіевской лентѣ.

[29]) Приказъ по баталіону 17-го сентября 1881 года № 260.

[1]) Приказаніе по кавказской арміи № 433.

вой отпускъ были уволены люди всѣхъ сроковъ службы до 1879-го года включительно—изъ числа раненыхъ, а также неспособныхъ, по слабости здоровья, къ строевой службѣ; унтеръ-офицеровъ же 1875-го г. и учителей новобранцевъ предписано было считать временно-сверхкомплектными. Мѣра эта имѣла значительное вліяніе на успѣхъ образованія нижнихъ чиновъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ, и въ смотровомъ отчетѣ замѣчено, что свѣдѣнія, обязательныя для каждаго солдата, были усвоены молодыми солдатами довольно хорошо; но ихъ „лучше и тверже знали нижніе чины 3-й роты, гдѣ въ особенности теорія стрѣльбы и обращеніе съ ружьемъ были доведены до желаемаго результата“. Старослужащими тоже были сдѣланы успѣхи: строевое образованіе ихъ оказалось вообще въ хорошемъ состояніи, а гимнастика и фехтованіе еще лучше. Но за то, по грамотности 3-я рота значительно перещеголяла остальныя (84%, на 29% болѣе противъ прошлаго года). Общее же число грамотныхъ въ 1880 году было 63%, т. е. на 3% болѣе противъ прошлаго года. Что касается учебной команды, то почти всѣ чины ея кончили курсъ вполнѣ успѣшно, и командиръ баталіона относилъ это къ особенному усердію и заботливости завѣдывающаго командою поручика Габаева 1-го.

Лѣтнія занятія баталіона производились въ лагерѣ у м. Боржома, куда баталіонъ выступилъ 3-го іюля. Результатъ ихъ опредѣлился на смотру, произведенномъ состоявшимъ при инспекторѣ стрѣлковой части въ войскахъ генералъ-маіоромъ Давыдовымъ, и состоялъ въ слѣдующемъ: на 300 шаговъ въ фигуру человѣка баталіонъ далъ 48% (очень хорошо + 12); на 200 шаговъ въ головную фигуру 57% (отлично + 5); на 800 шаговъ въ 6 фигуръ 45% (очень хорошо); на 200 шаговъ скорою стрѣльбою въ 5 секундъ 42% (отлично + 2); общій баталіонный процентъ—отлично + 4, 25. Значительно выше отличнаго оказалась стрѣльба изъ револьверовъ (отлично + 5) какъ офицеровъ, такъ въ особенности фельдфебелей и горнистовъ (отлично + 12); слабою же — стрѣльба офицеровъ на 800 шаговъ въ 6 фигуръ (36%). Всѣ приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія найдены также вполнѣ удовлетворительными. Общее впечатлѣніе, вынесенное генералъ-маіоромъ Давыдовымъ, выразилось въ слѣдующихъ словахъ его ордера: „изъ получившихся результатовъ смотровой стрѣльбы видно, что баталіонъ сдѣлалъ замѣтный успѣхъ по стрѣльбѣ. Вообще, въ баталіонѣ видна отличная стрѣлковая подготовка“ [2]). Особенное же отличіе выказала по стрѣльбѣ рота Его Высочества также и въ этомъ году, такъ что „Государь Императоръ—сказано въ приказѣ по кавказской арміи [3])—по всеподданнѣйшему докладу засвидѣтельствованія инспектора стрѣлковой части въ войскахъ объ отличныхъ результатахъ, полученныхъ на смотрахъ стрѣлковой части, произведенныхъ въ минувшемъ и настоящемъ годахъ въ кавказской стрѣлковой бригадѣ, причемъ рота 1-го кавказскаго стрѣлковаго имени Моего баталіона, состоящая подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, дала по стрѣльбѣ всѣ результаты выше отличной оцѣнки, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Его Высочеству орденъ св. Владиміра 4-й степени“. Въ свою очередь, командиръ баталіона удо-

---

[2]) Ордеръ 6-го сентября 1880 года № 103.

[3]) 28-го декабря 1880 года № 288.

стоился „за отличную подготовку къ стрѣльбѣ ввѣренной ему части Монаршей благодарности“.

Несчастіе, постигшее Россію 1-го марта 1881-го года, глубоко поразило также и 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. 2-го марта, въ три часа пополудни, онъ принесъ присягу на вѣрноподданство Императору Александру III. Вскорѣ Августѣйшій Командиръ Шефской роты, по волѣ Главнокомандующаго, выѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ роту на законномъ основаніи. По этому случаю въ приказѣ по баталіону сказано: „ввѣренный мнѣ баталіонъ имѣлъ счастіе считать Его Высочество непосредственно въ рядахъ своихъ съ 9-го августа 1879-го года первоначально младшимъ офицеромъ, а затѣмъ, 29-го сентября того же года въ должности командира 1-й роты. Во все время съ командованія ротою Государь Великій Князь ревностно и неупустительно исполнялъ всѣ безъ исключенія обязанности, лежащія на ротномъ командирѣ, какъ по строевой, такъ и по хозяйственной части. То блестящее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе, въ которомъ постоянно находилъ означенную роту начальникъ бригады, отличные результаты по стрѣльбѣ, данные ею на двухъ смотрахъ лицъ, инспектировавшихъ стрѣлковую часть въ войскахъ, а также вполнѣ успѣшныя занятія съ новобранцами — я отношу къ неутомимой энергіи Его Высочества, къ высшей степени добросовѣстному исполненію Имъ служебнаго долга. Въ этомъ отношеніи Государь Великій Князь подавалъ прекрасный примѣръ всѣмъ своимъ сослуживцамъ по баталіону, въ памяти которыхъ сохранятся навсегда самыя дорогія воспоминанія о совмѣстныхъ съ Его Высочествомъ служебныхъ трудахъ и о томъ милостивомъ вниманіи, которымъ Онъ ихъ при этомъ удостоивалъ. Съ своей же стороны считаю долгомъ выразить Государю Великому Князю Николаю Михайловичу мою искреннюю душевную признательность за помощь, которую Онъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ мнѣ оказывалъ въ командованіи баталіономъ—помощь, принесшую столь плодотворные результаты“ [4]). Спустя около двухъ мѣсяцевъ, а именно 23-го іюля, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ былъ Высочайше призванъ на постъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, съ освобожденіемъ отъ званій Намѣстника кавказскаго и Главнокомандующаго кавказскою арміею. Разставаясь съ войсками, которыя лелѣялъ 19 лѣтъ, водилъ непрерывно къ побѣдамъ и славѣ и вознесъ на удивленіе всему міру, Его Высочество простился съ ними, между прочимъ, въ слѣдующихъ задушевныхъ словахъ: „Мнѣ оставалось только свидѣтельствовать постоянно передъ Государемъ Императоромъ, какъ свидѣтельствую Я это и теперь, разставаясь съ вами, что годы, когда Я имѣлъ честь стоять во главѣ такой арміи, составятъ гордость Мою до конца Моей жизни. Не изгладятся они изъ памяти Моей, какъ не изгладятся изъ сердца Моего чувства довѣрія, уваженія и любви къ вамъ, Мои кавказскіе соратники—чувства, которыми Я отдаю вамъ только должное“ [5]).

Эти чувства кавказская армія видѣла и испытала неоднократно, а объ облагодѣтельствованныхъ Великимъ Княземъ стрѣлкахъ нечего и говорить. Въ этомъ отношеніи 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ пользовался осо-

[4]) Приказъ по баталіону 27-го мая 1881 года № 146.
[5]) Приказъ по арміи 27-го іюля 1881 года № 195.

Императоръ Александръ III.

Ихъ Императорскія Высочества

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ

Николай Михаиловичъ

Михаилъ Михаиловичъ

бенно завидною милостью своего возлюбленнаго Шефа. Такъ напримѣръ, 10-го іюля того же года, въ лагерѣ подъ Сурамомъ, Его Императорское Высочество удостоилъ стрѣлковъ, по случаю ихъ баталіоннаго праздника, слѣдующею телеграммою:

„Мой славный стрѣлковый баталіонъ! Поздравляю съ баталіоннымъ праздникомъ. Пью за здоровье молодцовъ Моихъ стрѣлковъ и снова благодарю ихъ за прежнюю службу. Крайне сожалѣю, что не провожу съ вами нашъ праздникъ. Михаилъ".

Но связь Шефа съ баталіономъ выразилась самымъ ощутительнымъ образомъ въ слѣдующей Царской милости: 4-го октября подполковникъ баронъ Зальца имѣлъ счастіе получить отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Михаиловича слѣдующую телеграмму: „Государь Императоръ сдѣлалъ Мнѣ великую милость — зачислилъ Меня въ вашъ чудный стрѣлковый баталіонъ. Страшно обрадованъ. Ура! Пью за здоровье баталіона. Михаилъ".

Вторая половина 1881-го года была богата весьма разнообразными занятіями, прямо отвѣчавшими тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ всегда бой, а именно: двухсторонними маневрами и двухсторонею же сторожевою службою, боевою стрѣльбою частями, затѣмъ тактическими занятіями въ полѣ офицеровъ, подъ руководствомъ офицера генеральнаго штаба. Результаты этихъ занятій, конечно, были немедленно же, по ихъ окончаніи, подробно разобраны въ приказѣ по баталіону. Съ того времени эти занятія, благодаря непрерывной заботливости генералъ-маіора Гурчина, ведены были все съ большимъ вниманіемъ и съ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Имѣя въ виду, что практическія работы въ 1881-мъ году обнаружили недостаточную подготовку офицеровъ, генералъ Гурчинъ настойчиво домогался основательныхъ теоретическихъ познаній, по которымъ занятія производились зимою въ дежурной комнатѣ, подъ руководствомъ младшаго штабъ-офицера баталіона маіора Линдбладта. Прочно установивъ это важное дѣло, начальникъ бригады обратился къ другой не менѣе серьезной отрасли военнаго образованія—къ распространенію среди офицеровъ военно-судебныхъ познаній. Въ виду предоставленія строевымъ офицерамъ въ частяхъ правъ судей, хотя бы съ ограниченною властью, а также командированія ихъ временными членами въ военно-окружной судъ, мѣра эта являлась не только своевременною, но и настоятельно необходимою. Занятія эти производились въ дежурной комнатѣ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ руководствомъ военнаго судьи кавказскаго военнаго округа полковника Корниловича и въ присутствіи всѣхъ командировъ баталіоновъ и самаго генерала Гурчина. Впрочемъ, занятія эти велись только въ теченіе одного года.

По возвращеніи баталіона изъ Сурама 4-го сентября, двѣ роты посмѣнно были наряжаемы съ 20-го сентября въ Караязъ на вольныя работы по устройству бакинской желѣзной дороги; другія двѣ въ это время исполняли свои прямыя служебныя обязанности. Работы продолжались въ теченіе мѣсяца и дали возможность пополнить артельныя ротныя суммы, а нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ запасъ арміи, пріобрѣсти на дорогу разныя необходимыя вещи. Это тѣмъ болѣе было важно, что съ 1880-го года второсрочную одежду, въ которой обыкновенно солдатъ уходилъ домой, Высочайше было

повелѣно считать безусловно собственностью не солдата лично, по частей войскъ, управленій и заведеній военнаго вѣдомства [6]).

Обильный всевозможными явленіями въ быту баталіона 1881-й годъ завершился еще одною весьма полезною новинкою, заключавшеюся въ распоряженіи о привлеченіи къ стрѣлковому образованію нестроевыхъ и хозяйственныхъ чиновъ баталіона. Съ этой минуты отъ музыканта, кашевара, хлѣбопека, конюха требовалось быть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ стрѣлкомъ—въ виду того, что эти чины легко могли попасть въ строй; изъ строя же ихъ, по малоспособности къ стрѣлковой службѣ, некуда было выключить въ силу Высочайшаго приказа [7]), по которому отмѣнялось существовавшее до сихъ поръ положеніе объ исключеніи изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ пѣхотные полки менѣе способныхъ нижнихъ чиновъ.

1-го января 1882-го года послѣдовало Высочайшее назначеніе на постъ командующаго войсками кавказскаго военнаго округа генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова. 11-го марта онъ прибылъ въ Тифлисъ, привѣтствуемый встрѣтившими его войсками, въ томъ числѣ и 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ Его Высочества баталіономъ. Осмотрѣнныя имъ вообще войска произвели на него благопріятное впечатлѣніе, и онъ отдалъ слѣдующій приказъ по округу: „съ отраднымъ чувствомъ убѣждался я повсюду [8]) въ прекрасномъ состояніи осмотрѣнныхъ частей; сегодняшній же смотръ тринадцати баталіонамъ и тремъ батареямъ, представившимся вполнѣ въ блестящемъ видѣ, свидѣтельствуетъ мнѣ вновь, что молодые наслѣдники старой славы кавказскихъ войскъ съумѣютъ съ достоинствомъ и честью поддержать завѣты отцовъ своихъ—служить всегда гордостью Россіи и быть доблестными исполнителями Державныхъ указаній обожаемаго Государя“.

Съ 1882-мъ годомъ подготовительное обученіе къ стрѣльбѣ, а именно—прикладка, прицѣливаніе и спускъ ударника, должно было еще болѣе расшириться, такъ какъ отпускъ учебныхъ припасовъ для практической стрѣльбы былъ сокращенъ въ пѣхотѣ на 20 патроновъ на человѣка; соотвѣтственно этому было принято за норму требовать боевыхъ патроновъ по 130, холостыхъ по 15 и капсюлей для комнатной стрѣльбы дробинками по 150 [9]). Стремленіе къ экономіи обнаружилось также и въ хозяйствѣ баталіона, такъ напримѣръ: „въ виду удешевленія пищи нижнихъ чиновъ“, предложено ротнымъ командирамъ „употреблять для подбивки борща вмѣсто пшеничной муки кукурузную, а пшеничную муку продавать, и остатокъ денегъ, за покупкою кукурузной муки, обращать въ экономическую сумму“ [10]). По случаю послѣдняго рода мѣропріятій, баталіонныя и ротныя суммы съ 1881-го года постепенно возрастали и къ первому января 1882-го года всѣхъ ихъ было 18511 руб. 37 коп. [11]). Эта сумма была довольно велика, если принять во вниманіе, что послѣ турецкой кампаніи произведено было много расходовъ

---

[6]) Приказъ по военному вѣдомству 8-го марта 1880 года № 67.

[7]) 6-го августа 1881 года № 226.

[8]) При проѣздѣ по краю князь Дондуковъ осмотрѣлъ нѣкоторыя части по пути слѣдованія.

[9]) Приказъ по баталіону 4-го января 1882 года № 4.

[10]) Приказъ по баталіону 21-го января 1882 года № 21.

[11]) Изъ этого числа баталіонныхъ 16798 р. 89 к., 1-й роты—620 р. 63⅓ к., 2-й—274 р. 71 к., 3-й—399 р. 73½ к. и 4-й—417 р. 39¾ к.

на благоустройство баталіона вообще. Изъ вѣдомостей же, представленныхъ въ началѣ 1882-го года особою коммисіею, провѣрявшею дѣйствительное состояніе баталіоннаго и ротныхъ имуществъ, видно, что баталіонный цейхгаузъ вмѣщалъ въ себѣ почти все необходимое имущество въ полной исправности, а въ особенности вещи неприкосновеннаго запаса. Коммисія остановилась съ особеннымъ вниманіемъ на благоустройствѣ обоза, какъ баталіоннаго, такъ и ротнаго и нашла нужнымъ просить о замѣнѣ устарѣвшаго образца фургоновъ болѣе легкими, прочными и подвижными. Вообще, предсѣдатель этой коммисіи подполковникъ Линдбладтъ представилъ самыя подробныя вѣдомости всему безъ исключенія имуществу баталіона, какъ штатному, такъ и нештатному. О пополненіи и приведеніи въ исправность всего найденнаго коммисіею неудовлетворительнымъ и недостаточнымъ— командиръ баталіона немедленно же сдѣлалъ надлежащія распоряженія, причемъ особенное вниманіе было обращено имъ на обозъ. Состояніе оружія въ баталіонѣ было вполнѣ удовлетворительное; общій процентъ винтовокъ, требовавшихъ исправленія, составлялъ 16,02%, изъ которыхъ отъ небрежнаго обращенія—8,45%. Замѣтно подвинулось также и дѣло образованія баталіона по всѣмъ отраслямъ, а особенно по грамотности (74%) и гимнастикѣ.

Учебныя занятія стрѣлковъ въ лагерѣ подъ Сурамомъ были прерваны приготовленіями къ встрѣчѣ командующаго войсками, выразившаго желаніе осмотрѣть въ началѣ іюля войска сурамскаго лагеря. Вслѣдствіе этого всѣ части кавказской стрѣлковой бригады дѣятельно занимались маневрами и особенно боевою стрѣльбою съ маневрированіемъ — собственно въ смыслѣ репетиціи къ предстоящему смотру. Августѣйшій Шефъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, въ поздравительной телеграммѣ отъ 10-го іюля, по поводу баталіоннаго праздника, выразилъ надежду, что стрѣлки удачно сдадутъ смотръ. Телеграмма была такого содержанія: „поздравляю славныхъ, дорогихъ Моихъ стрѣлковъ съ баталіоннымъ праздникомъ. Сожалѣю, что не съ вами. Надѣюсь, командующій войсками останется доволенъ смотромъ. Михаилъ“. Надежду своего возлюбленнаго Шефа стрѣлки не преминули оправдать вполнѣ, и смотръ сошелъ блистательно. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ войскъ, одни оказались въ „удовлетворительномъ состояніи“, другія — въ „хорошемъ“, третьи—„въ очень хорошемъ“ и четвертыя—„въ отличномъ“. Къ числу послѣднихъ отнесены: кавказская стрѣлковая бригада, Гурійская пѣшая дружина, а затѣмъ и тифлисское пѣхотное юнкерское училище [12]). Его Императорское Высочество былъ извѣщенъ объ этомъ, и когда полковникъ баронъ Зальца послалъ въ день баталіоннаго праздника телеграмму съ выраженіемъ „чувствъ глубочайшей преданности баталіона“, Великій Князь осчастливилъ стрѣлковъ слѣдующимъ отвѣтомъ: „возобновляю Моимъ славнымъ стрѣлкамъ поздравленія и пожеланія. Благодарю за депеши. Особенно радъ удачному смотру. Михаилъ“.

Изъ занятій, производившихся во второй половинѣ іюля и въ началѣ августа, заслуживаетъ вниманія показная стрѣльба — съ назначеніемъ наглядnаго изображенія разсѣванія и средней траекторіи выпущенныхъ изъ винтовки пуль. Этотъ весьма важный отдѣлъ практическихъ занятій пройденъ былъ съ должною серьезностью. Стрѣльба производилась свод-

[12]) Приказъ по округу 6-го сентября 1882 года № 189.

ными ротами, составлявшимися изъ лучшихъ стрѣлковъ всего баталіона. Особенно же интересовала стрѣлковъ перекидная показная стрѣльба, имѣющая большую важность, при современномъ усовершенствованіи огнестрѣльнаго и фортификаціоннаго дѣла, для пораженія противника, скрытаго за бугромъ или за верками укрѣпленія.

Но всѣ эти занятія были прерваны внезапнымъ командированіемъ баталіона въ Боржомъ для тушенія пожара, охватившаго собою сплошной лѣсъ на огромномъ пространствѣ и угрожавшаго рѣшительнымъ его истребленіемъ. 25-го августа баталіонъ въ полномъ составѣ выступилъ изъ Сурама, въ тотъ же день прибылъ въ Боржомъ и получилъ приказаніе о предстоящихъ работахъ. На другой день выступили налегкахъ, имѣя лишь на людяхъ весь малый шанцевый инструментъ, 2-я, 3-я и 4-я роты, которыя поступили въ распоряженіе уѣзднаго начальника. Онѣ производили работы на 15-й верстѣ по дорогѣ въ Ахалкалаки и въ теченіе четырехъ дней прорубили по высокому гребню горы широкую просѣку, отдѣливъ ею горѣвшую полосу лѣса отъ нетронутой части его. Обильный дождь довершилъ успѣхъ работъ, и стрѣлки 30-го августа возвратились въ Боржомъ, а оттуда на слѣдующій день въ Сурамъ, гдѣ простояли до 3-го сентября.

По возвращеніи баталіона въ городъ Тифлисъ начальникъ бригады генералъ-маіоръ Гурчинъ произвелъ баталіону смотръ стрѣльбы, нижеслѣдующіе результаты котораго достойны особеннаго вниманія. Изъ винтовокъ:

На 300 шаговъ въ фигуру солдата во весь ростъ.	На 200 шаговъ въ головныя мишени.	На 700 шаговъ въ 6 фигуръ въ рядъ и во весь ростъ.	На 200 шаговъ скорая стрѣльба (5 сек.) поясная.	Залпами на 800 шаговъ въ 12 фигуръ во весь ростъ и въ рядъ.
57% от. +7%	62% от. +17%	70% от. +10%	49% от. +9%	42% от. +2%

Также блистательна была стрѣльба нижнихъ чиновъ изъ револьверовъ: стрѣляли всего 10 человѣкъ фельдфебелей и горнистовъ, и каждый изъ нихъ непрерывно въ 30 секундъ выпустилъ по 5 патроновъ въ мишень, въ фигуру человѣка во весь ростъ, на разстояніи 25-ти шаговъ; процентъ попавшихъ пуль составлялъ 82% (отлично +17%). Офицеры, плохо стрѣлявшіе вообще послѣ минувшей турецкой кампаніи, на этотъ разъ оказали также большіе успѣхи [13]). Для боевой стрѣльбы частями была выдѣлена рота въ составѣ трехъ оберъ-офицеровъ и 64 нижнихъ чиновъ. Стрѣльбою управлялъ командиръ 2-й роты, которому предложено было рѣшить три задачи. Всего выпущено было 515 пуль; попало 108. Стрѣльба эта была удачная, если принять во вниманіе, что до смотра всего было произведено три упражненія въ боевой стрѣльбѣ частями, и инспекторъ могъ указать только на незначительные недостатки. Вообще же, этотъ смотръ доказалъ, что стрѣлковое образованіе поставлено въ баталіонѣ на высокій уровень, и эту же мысль высказалъ генералъ Гурчинъ въ своемъ предписаніи [14]) командиру баталіона: „сравнивая стрѣльбу прошлаго и настоящаго годовъ, оказывается, что средній результатъ этого года получился отличный +9, т. е. на 3,2% больше прошлаго года. Принимая же во вниманіе, что баталіонъ въ теченіе

[13]) Изъ винтовокъ: на 200 шаговъ—62% (отлично + 7%); на 700 шаговъ — 71% (отлично + 11%); изъ револьверовъ—66% (отлично + 1%).

[14]) 9-го октября 1882 года № 1413.

четырехъ лѣтъ подрядъ выбиваетъ на смотру отличные проценты, а въ этомъ году въ среднемъ выводѣ не было ни одной стрѣльбы ниже отличной, я считаю своею обязанностью выразить мою душевную признательность в. в. и искренно благодарить младшаго штабъ-офицера подполковника Линдбладта, ротныхъ командировъ [15]) и всѣхъ офицеровъ за отличное стрѣлковое образованіе баталіона, а нижнимъ чинамъ объявляю мое сердечное спасибо".

Существовалъ между тѣмъ общій недостатокъ, обнаруженный инспекторами во всѣхъ вообще частяхъ нашей арміи въ продолженіе 1882-го года, а именно—медленное производство одиночнаго выстрѣла на близкихъ разстояніяхъ. Извѣстно, что солдаты въ боевой обстановкѣ, сблизившись съ противникомъ, когда стрѣльба производится съ постояннымъ прицѣломъ, иначе не будутъ стрѣлять, какъ быстро приложившись и быстро прицѣлившись. Въ виду этого, найдено необходимымъ — при обученіи стрѣльбѣ стремиться къ развитію въ солдатѣ способности быстро производить эти дѣйствія, „не нарушая ихъ правильности". Къ исправленію указаннаго недостатка въ баталіонѣ приступлено въ началѣ 1883-го года, при особенномъ усердіи офицеровъ; но бороться съ привычкою, выработанною долгими годами, было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что требовался непрерывный надзоръ за каждымъ стрѣляющимъ. При всемъ томъ, дѣло быстрой прикладки и прицѣливанія подвигалось въ баталіонѣ сравнительно довольно успѣшно. Главнымъ средствомъ къ тому служила въ зимнее время стрѣльба дробинками въ помѣщеніи нижнихъ чиновъ, которая особенно поощрялась офицерами.

27-го апрѣля 1883-го года, командующій войсками округа произвелъ смотръ, въ числѣ прочихъ частей тифлисскаго гарнизона, также и кавказскому стрѣлковому Его Высочества баталіону и нашелъ его по строевому образованію, по обмундированію и снаряженію въ отличномъ состояніи. По провѣркѣ, произведенной вслѣдъ затѣмъ командиромъ баталіона, строевое образованіе оказалось подвинувшимся мало, а по гимнастикѣ общее число перворазрядныхъ—143, 2-го разряда—101 и 3-го разряда—201; въ этомъ числѣ 108 молодыхъ солдатъ, которыхъ слѣдовало полагать въ третьемъ разрядѣ. Застой, если не сказать больше, обнаруженъ лишь въ свѣдѣніяхъ обязательныхъ для солдатъ, и въ особенности въ грамотности. Нѣсколько въ болѣе утѣшительномъ видѣ представились ротныя школы. Значительный успѣхъ былъ сдѣланъ также и учебною командою, въ которой изъ 17-ти нижнихъ чиновъ 15-ть весьма успѣшно окончили курсъ. Затѣмъ, особая воинская коммисія, свидѣтельствовавшая баталіонное имущество, заготовленное насчетъ экономическаго капитала спеціально для военнаго времени, нашла, „что оно удовлетворяетъ своему назначенію, за нѣкоторыми незначительными недостатками", которыя легко было исправить при наличныхъ средствахъ баталіона и ротъ [16]).

Для лѣтнихъ занятій баталіонъ выступилъ изъ Тифлиса въ Сурамъ 2-го іюня. Учебная стрѣльба въ этомъ году шла весьма успѣшно, не смотря на порывистые вѣтры и частые дожди. Около 9-ти часовъ утра вѣтеръ такъ

---

[15]) Ротами командовали: 1-ю капитанъ Малюженко, 2-ю штабсъ-капитанъ Габаевъ, 3-ю штабсъ-капитанъ Вояковскій, 4-ю штабсъ-капитанъ Преображенскій.

[16]) Къ 1-му января 1883 г. баталіонъ имѣлъ 21,180 руб. Роты имѣли: 1-я—468 р., 2-я—176 р., 3-я—366 р. и 4-я—329 р.

усиливался, что дальнѣйшее ученіе стрѣльбѣ становилось безполезнымъ, вслѣдствіе чего съ 12-го іюля стрѣльба начиналась въ пять часовъ утра; утренній же чай стрѣлкамъ давался послѣ стрѣльбы. Въ день баталіоннаго праздника стрѣлки удостоились слѣдующей телеграммы своего Августѣйшаго Шефа: „Моихъ дорогихъ стрѣлковъ поздравляю съ баталіоннымъ праздникомъ. Пью за здоровье нашего баталіона. Сожалѣю, что такъ давно не видѣлись. Надѣюсь, что молодцами представитесь на смотръ инспектора. Михаилъ". Въ виду именно смотра, роты, пройдя довольно рано курсъ учебной стрѣльбы, перешли къ повторительной стрѣльбѣ и ко всѣмъ родамъ показной стрѣльбы, не въ ущербъ, конечно, другимъ занятіямъ, которыя велись съ прежнею настойчивостью. Но прежде всего баталіону былъ произведенъ смотръ, 5-го августа, начальникомъ кавказской стрѣлковой бригады. При ясной погодѣ и вѣтрѣ справа, иногда усиливавшемся, роты оказались въ слѣдующихъ разрядахъ: 1-я, капитана Малюженко—въ первомъ разрядѣ; 2-я, штабсъ-капитана Габаева—внѣ разрядовъ; 3-я, штабсъ-капитана Вояковскаго—внѣ разрядовъ и 4-я, штабсъ-капитана Преображенскаго—во 2-мъ разрядѣ. 19-го августа послѣдовалъ смотръ инспектора стрѣлковой части въ войскахъ генералъ-лейтенанта фонъ-Нотбекъ. Этотъ смотръ еще разъ доказалъ, что стрѣлковое дѣло въ баталіонѣ было обезпечено [17]). „Находя въ общемъ стрѣлковую часть во ввѣренномъ в. в. баталіонѣ въ превосходномъ состояніи—писалъ генералъ Нотбекъ—я считаю простою случайностью невыполненіе баталіономъ условія, ставящаго его внѣ разрядовъ между частями, въ которыхъ стрѣлковая часть доведена до превосходнаго состоянія,—въ виду отличныхъ результатовъ стрѣльбы и прочно установившагося въ баталіонѣ стрѣлковаго дѣла" [18]). Послѣ этого смотра полковникъ баронъ Зальца поспѣшилъ обрадовать Августѣйшаго Шефа депешею, на что имѣлъ счастье получить милостивый отвѣтъ такого рода: „поздравляю съ блестящимъ результатомъ стрѣльбы Мой славный баталіонъ, искренно Меня радующій. Надѣюсь черезъ недѣлю увидѣться. Михаилъ".

23-го августа баталіонъ, по приказанію начальника бригады, двинулся въ Боржомъ—въ ожиданіи пріѣзда туда Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Шефа. Но такъ какъ прибытіе на Кавказъ Государя Великаго Князя было отложено до сентября, то баталіонъ, согласно телеграммѣ командующаго войсками, 1-го сентября возвратился въ Тифлисъ и вновь направился въ Боржомъ, по желѣзной дорогѣ, только 11-го сентября. Его Высочество изволилъ прибыть черезъ два дня и соблаговолилъ принять почетный караулъ, со знаменемъ, отъ 1-й роты въ ея полномъ составѣ. 14-го числа Августѣйшій Шефъ произвелъ баталіону смотръ и, „найдя его въ отличномъ состояніи", пожаловалъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки. 20-го сентября Его Высочество изволилъ произвести нижнимъ чинамъ состязательную стрѣльбу, пожертвовавъ для призовъ четверо часовъ. Выступленіе баталіона изъ Боржома, по случаю отъѣзда Шефа въ гор. Тифлисъ, гдѣ Августѣйшій Генералъ-Фельдмаршалъ пожелалъ видѣть кавказскія войска, состоялось 23-го

---

[17]) На 300 ш. въ фигуру далъ 54% (отл.+4%); на 200 ш. въ головн.—63% (отл.+18%); на 800 шаг.—47% (очень хорошо + 7%). Скорая на 200 шаговъ—56% (отл. + 16%). Залпами на 700 ш.—57% (отл. + 12%). Оружіе не оставляло желать лучшаго: на 1042 выстрѣла оказался одинъ срывъ и одна осѣчка отъ недовернутаго затвора.

[18]) Ордеръ 21-го августа 1883 года № 55.

сентября. Проводивъ Великаго Князя, баталіонъ быстро собрался, поспѣшно прошелъ 30-ть слишкомъ верстъ до станціи Михайлово и по желѣзной дорогѣ явился въ Тифлисъ какъ-разъ къ смотру. Великій Князь, считавшій стрѣлковъ въ Боржомѣ, былъ пріятно и чрезвычайно удивленъ, когда увидѣлъ ихъ въ общемъ строю щегольски одѣтыми, чистенькими, точно они цѣлую недѣлю готовились къ смотру.

Зимнія занятія съ офицерами тактикою велись съ большою энергіею. Свои теоретическія познанія офицеры приложили къ рѣшенію тактическихъ задачъ на планѣ мѣстности. „Всѣ задачи—по словамъ приказа по бригадѣ—были разобраны вполнѣ обстоятельно и подробно руководителемъ занятій подполковникомъ Линдбладтомъ. Исполненіе задачъ гг. офицерами свидѣтельствуетъ о серьезномъ и внимательномъ отношеніи ихъ къ этому дѣлу". Благодаря особенной настойчивости подполковника Линдбладта, тактическія знанія офицеровъ настолько обогатились, что даже въ слѣдующемъ 1884-мъ году могли удовлетворять довольно сложнымъ требованіямъ со стороны офицеровъ генеральнаго штаба, назначенныхъ руководить ими въ лагерѣ. Изъ внутренняго быта баталіона за 1884-й годъ слѣдуетъ отмѣтить интересный и оригинальный фактъ, который, при извѣстныхъ условіяхъ и долговѣчности, можетъ имѣть весьма благопріятныя послѣдствія. Это—открытіе офицерами чайной для нижнихъ чиновъ, находившейся въ завѣдываніи и подъ надзоромъ одного изъ офицеровъ. Чайная, привлекая къ себѣ массу стрѣлковъ дешевизною чаю, сахару и удобствами, вопервыхъ—парализовала въ значительной степени вредное вліяніе на солдатъ множества питейныхъ домовъ въ окрестностяхъ казармъ, а вовторыхъ — способствовала развитію между стрѣлками духа общежитія и товарищества. Къ сожалѣнію, съ уходомъ баталіона въ 1885-мъ году въ походъ, чайная прекратила свое существованіе. Но стрѣлки не совсѣмъ лишились возможности пріобрѣтать чай и сахаръ по доступной имъ цѣнѣ, такъ какъ баталіонная лавка снабжала ихъ въ походѣ и тѣмъ, и другимъ. Вообще, эта лавка, доставляя многое необходимое въ скромномъ быту нижнихъ чиновъ по возможно дешевой цѣнѣ, значительно способствовала къ сбереженію солдатской копѣйки.

1884-й годъ особенно замѣчателенъ въ быту стрѣлковъ 1-го баталіона чрезвычайнымъ развитіемъ грамотности, учебныхъ познаній и вообще умственнаго образованія. Изъ числа 17-ти человѣкъ учебной команды выдержали экзаменъ 16-ть, а 17-й не выдержалъ только по случаю продолжительнаго пребыванія въ госпиталѣ. Ротныя школы также сильно подвинулись впередъ, и полковникъ баронъ Зальца свидѣтельствовалъ, что особенно рѣзкіе успѣхи сдѣлала 3-я рота. Еще выше оцѣнилъ ее начальникъ стрѣлковой бригады на инспекторскомъ смотру, и строгая справедливость требуетъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности: повѣрка чтенія, разсказы прочитаннаго, диктантъ и въ особенности ариѳметика обнаружили такіе почти невѣроятные результаты знаній, что инспекторъ, желая провѣрить впечатлѣніе, произведенное на него ротною школою, приступилъ къ вторичному экзамену, но на этотъ разъ не черезъ завѣдывающаго школою, который, быть можетъ, имѣлъ свои особыя сноровки, а при посредствѣ начальника учебной команды. Результаты вторичной провѣрки были совершенно тѣ же, какъ и первой: нижніе чины, не говоря о вполнѣ безошибочномъ изложеніи продиктованнаго и умѣньи бойко передавать прочитанное, всѣ рѣшали съ поразительною

быстротою сложныя ариѳметическія задачи изъ четырехъ дѣйствій совокупно. Люди эти, надо сказать, знали, сверхъ обязательныхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, также и именованныя числа, а человѣкъ пять или шесть имѣли понятіе и о дробяхъ.

Въ сурамскомъ лагерѣ, куда баталіонъ прибылъ 7-го іюня, роты съ особеннымъ усердіемъ занимались ученіями съ тактическою цѣлью. Ротнымъ командирамъ была передана для выполненія цѣлая серія всевозможныхъ задачъ, а „для большей поучительности“, по приказанію генерала Гурчина, была произведена рекогносцировка и оцѣнка въ тактическомъ отношеніи мѣстности въ окрестностяхъ лагернаго расположенія всей стрѣлковой бригады, и выбраны отдѣльные участки для производства тактическихъ ученій [19]). Частная жизнь стрѣлковъ разнообразилась въ Сурамѣ танцовальными вечерами, устраиваемыми во временномъ военномъ собраніи, учрежденномъ для всей стрѣлковой бригады съ разрѣшенія начальника послѣдней. 10-го іюля, шумно празднуя свой баталіонный праздникъ, стрѣлки вспомнили свои старые подвиги и, поднявъ чару за здоровье возлюбленнаго Шефа, выслушали слѣдующую милостивую Его телеграмму: „поздравляю Моихъ славныхъ стрѣлковъ съ баталіоннымъ праздникомъ. Пью за ихъ здоровье и надѣюсь, что они всегда и вездѣ поддержатъ свою старую славу“. 19-го августа баталіонъ двинулся въ Тифлисъ, гдѣ до октября мѣсяца участвовалъ въ общемъ лагерномъ сборѣ, отличавшемся на этотъ разъ преимущественно своими маневрами. Послѣдніе достойны вниманія, главнымъ образомъ, потому, что каждый изъ нихъ подвергался, въ приказѣ по бригадѣ, подробному разбору и обстоятельной оцѣнкѣ генерала Гурчина. Во второй половинѣ года, т. е. незадолго до новой экспедиціи въ закаспійскую область, стрѣлковая подготовка въ баталіонѣ, провѣренная свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Гурчинымъ съ 7-го по 13-е августа, дала въ результатѣ средній выводъ „отлично + 10,4%“, и оказалась на 1% болѣе прошлогодней. Внѣ разрядовъ поставлены роты: 2-я штабсъ-капитана Габаева (отлично + 15%) и 3-я рота капитана Вояковскаго (отл. + 11%); 1-я же рота капитана Малюженко причислена къ 1-му разряду [20]), а 4-я рота штабсъ-капитана Преображенскаго — по стрѣльбѣ послѣдняя во всей кавказской стрѣлковой бригадѣ и Грузинской пѣшей дружинѣ—причислена ко второму разряду. Вообще, этой ротѣ часто приходилось понижать общій баталіонный процентъ, хотя въ теченіе курса, по свѣдѣніямъ, подаваемымъ ротнымъ командиромъ, она стрѣляла ничуть не хуже остальныхъ ротъ [21]).

Боевая подготовка стрѣлковъ—передъ закаспійскимъ походомъ также не могла подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время къ нимъ примѣнялось все, что было выработано новѣйшею тактикою. Но главнымъ ручательствомъ за будущее все-же служило то, что, несмотря на цѣлое десятилѣтіе, въ теченіе котораго выбыли изъ строя, въ силу устава о воинской повинности, почти всѣ старые солдаты, духъ прежнихъ гомборцевъ давалъ себя чувствовать почти на каждомъ шагу, въ явленіяхъ, которыя никоимъ образомъ нельзя было считать единичными. Такъ, 28 марта 1884 г. въ кладовой Приказа общественнаго призрѣнія въ г. Тифлисѣ застрѣлился

[19]) Приказъ по баталіону 22-го іюня 1874 года № 174.

[20]) Это значитъ, что всѣ стрѣльбы были не ниже очень хорошей.

[21]) Дѣло по части строевой № 13, 1884 года, баталіоннаго архива.

казначей. На выстрѣлъ прибѣжали служащіе и кинулись къ дверямъ; но стоявшій въ то время на часахъ рядовой 2-й роты Макаръ Митрофановъ загородилъ имъ дорогу, скромно отвѣчая на ихъ требованія, что можетъ пропустить ихъ только по приказанію разводящаго, поставившаго его на часы. Никакія увѣщеванія чиновниковъ на Митрофанова не подѣйствовали, и онъ не позволилъ никому войти въ кладовую, пока изъ караула не прибѣжалъ къ нему ефрейторъ. Командующій войсками назначилъ Митрофанову въ награду три рубля [22]).

Другой случай былъ такого рода: 9-го марта 1887 года, около двухъ часовъ пополудни, въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, во время выпуска арестантовъ за естественною надобностью одинъ изъ нихъ, Измаилъ Магометъ-Оглы быстро оттолкнулъ конвойнаго рядоваго той же 2-й роты Михаила Рудакова съ мѣста и бросился въ дверь съ намѣреніемъ бѣжать, но Рудаковъ, желая задержать бѣжавшаго арестанта, ударилъ его штыкомъ, прокололъ этимъ на арестантѣ шинель, сыромятный ремень, задерживавшій кандалы, и слегка ранилъ его въ бокъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы лишить Рудакова возможности помѣшать его побѣгу, арестантъ бросилу свою шинель на штыкъ Рудакова; но послѣдній понялъ уловку и, не выпутывая штыка изъ шинели, догналъ арестанта у самаго выхода и ударомъ приклада сшибъ его съ ногъ; вслѣдъ затѣмъ вышедшій караулъ задержалъ арестанта. Въ этомъ поступкѣ Рудакова высшее начальство усмотрѣло „вполнѣ ясное пониманіе и толковое исполненіе имъ обязанностей конвойнаго и находчивость въ исключительныхъ случаяхъ“. Вслѣдствіе этого начальникъ кавказской стрѣлковой бригады объявилъ рядовому Рудакову—„свое спасибо“ и приказалъ выдать ему три рубля сер. изъ хозяйственныхъ суммъ баталіона [23]). Третій случай описанъ въ слѣдующемъ приказѣ по бригадѣ [24]): „3-го декабря 1886 года конвой изъ 4-хъ нижнихъ чиновъ 1-й роты..... кавказскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ старшаго изъ нихъ, рядоваго Ивана Тимофѣева, сопровождая двухъ арестантовъ тюремнаго замка въ судъ, возвратили ихъ въ тюрьму въ пьяномъ видѣ, причемъ, по произведенному дознанію, обнаружилось, что арестанты напились въ то время, когда они, находясь въ судѣ, ходили въ отхожее мѣсто за естественною надобностью. Черезъ два мѣсяца, именно 3-го февраля, конвойными 1-й роты 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона точнымъ исполненіемъ обязанностей старшимъ изъ нихъ, рядовымъ Алексѣемъ Курбаковымъ, предупрежденъ случай, подобный предыдущему тѣмъ, что, когда арестанты, находясь въ судѣ, два раза ходили въ отхожее мѣсто, то Курбаковъ не дозволялъ имъ запираться и требовалъ, что бы они отправляли естественныя потребности на глазахъ конвойныхъ, причемъ на второмъ разу было усмотрѣно, что арестанты что-то доставали изъ ямы отхожаго мѣста, и по произведенному тотчасъ обыску оказалось, что арестанты вытащили изъ отхожаго мѣста бутылку водки, которая, такъ надо полагать, заранѣе была тамъ приготовлена для нихъ“.

„Вышеприведенные два однородные случая, но съ различными результатами, вызвали въ первомъ случаѣ наказаніе конвойныхъ по закону, а во второмъ—похвалу. Съ своей стороны, считаю нужнымъ замѣтить, что если гг. рот-

[22]) Прик. по баталіону 3 апр. 1884 г. № 85.

[23]) Прик. по бат. 22-го марта 1887 г. № 81.

[24]) Прик. по кавк. стрѣл. бригадѣ 18 февраря 1887 г. № 15.

ные командиры и младшіе офицеры ротъ и тѣ офицеры, совмѣстно съ которыми нижніе чины исполняютъ ту или другую обязанность, передъ отправленіемъ своихъ подчиненныхъ на службу, будутъ повѣрять и напоминать имъ ихъ обязанности, то всегда достигнутъ того, что исполненіе не будетъ вызывать кару. Рядовому 1-й роты 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона Курбакову за точное исполненіе имъ своихъ обязанностей предписываю выдать изъ хозяйственныхъ суммъ три рубля". Необходимо замѣтить, что Курбаковъ не зналъ о случившемся раньше въ другомъ стрѣлковомъ баталіонѣ. Было бы утомительно пересказать и многіе другіе случаи, но и приведенныхъ достаточно для наглядности, что въ стрѣлкахъ Его Высочества далеко не угасъ тотъ духъ, который не допускалъ гомборца теряться въ самыя критическія минуты; нельзя не прибавить кстати, что со дня сформированія 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона не было ни одного случая побѣга арестанта изъ подъ конвоя или караула отъ гомборскихъ стрѣлковъ.

XXVI.

1885-й годъ. Мобилизація баталіона. Выступленіе въ закаспійскую область. Трудности степнаго похода. Пребываніе въ Серахсѣ. Смотръ. Баталіонный праздникъ. Пріемъ офицеровъ у Менгли-хана. Смотровая стрѣльба. Нравственное состояніе баталіона. 1886-й годъ. Болѣзненность. Несбывшіяся распоряженія. Увольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ. Измѣненіе штатовъ. Назначеніе новаго начальника бригады. Усиленіе болѣзней. Укомплектованіе баталіона. Возвращеніе баталіона въ Тифлисъ. Приказы. Вопросъ о солдатской кашѣ. 1887-й годъ. Хозяйственная часть. Лагерь въ Тіонетахъ. Смотръ генерала Эллиса. Состояніе оружія. Полувѣковой юбилей. Заключеніе.

Въ 1884-мъ году туркмены, населяющіе басейны рр. Теджена и Мургаба, вошли въ подданство Россіи. Занятіе нашими войсками Мерва на Мургабѣ и нѣкоторыхъ пунктовъ какъ по этой рѣкѣ, такъ и по Теджену, сдѣлало насъ непосредственными сосѣдями авганцевъ. Англичане, считавшіе себя обязанными обезпечить цѣлость Авганистана, стоявшаго на пути изъ нашихъ владѣній въ Индію, возбудили вопросъ о границахъ этой страны и вступили съ Петербургомъ въ переговоры. Отношенія между двумя кабинетами постепенно обострились настолько, что Государь Императоръ нашелъ нужнымъ усилить закаспійскія войска частями кавказскаго округа, и вслѣдствіе этого, въ началѣ 1885-го года 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ неожиданно велѣно было укомплектовать до штата военнаго времени преимущественно нижними чинами кавказской гренадерской дивизіи и притомъ старыхъ сроковъ службы. Затѣмъ, послѣдовалъ рядъ приказовъ, направленныхъ къ приведенію баталіона въ боевую готовность въ самый короткій промежутокъ времени. Ротные командиры принялись за усиленныя занятія съ солдатами по тѣмъ отраслямъ знаній, которыя существенно важны въ военное время; вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ пріобрѣтенію казенно-подъемныхъ лошадей только по штату мирнаго времени, такъ какъ роты купили по четыре лошади на свои артельныя суммы. По переходѣ въ за-

каспійскую область, баталіонъ имѣлъ въ виду получить всѣ необходимыя перевозочныя средства. Кромѣ заботъ о пріобрѣтеніи лошадей, надлежало еще подумать о многомъ, такъ какъ степной походъ 1879-го года научилъ опыту. По приказанію генерала Гурчина, прежде всего къ фуражкамъ нижнихъ чиновъ пришиты были козырки (отмѣненные раньше въ Россіи и на Кавказѣ), и на каждую фуражку отпущено по два лѣтнихъ чахла; на роту велѣно было взять по крайней мѣрѣ по 50 набрюшниковъ, по два вьючныхъ сѣдла, необходимыя запасныя части къ обозу, по четыре косы и серпа (туземныхъ) для косненія травы и молодаго камыша для корма лошадей, по четыре топора для рубки дровъ, колючки и стараго камыша для топлива, толстыя колья съ желѣзными наконечниками для коновязи, запасъ веревокъ, по два ведра, нѣсколько чайниковъ, нѣсколько мѣшковъ изъ солдатскаго сукна и запасъ квасцовъ для очищенія воды. Сверхъ того, роты запаслись сушеною капустою, уксусною эссенціею и возможно большимъ количествомъ чаю; обязательно должны были взять крышки къ артельнымъ котламъ, пятиведерные боченки, обтянутые сукномъ или войлокомъ, а маркитантъ долженъ былъ имѣть стручковый перецъ, лукъ, чеснокъ и лимонную кислоту. Таково было хозяйственное снаряженіе баталіона.

Что касается вещеваго довольствія собственно нижнихъ чиновъ, то Высочайше было разрѣшено снабдить ихъ дополнительными предметами по табели, приложенной къ приказу по военному вѣдомству 1884 г. № 35, какъ то: на третью пару сапоговъ подошвами и деньгами на шитье по 19½ коп., гимнастическими рубахами съ погонами—по одной, синими нанковыми шароварами—по двѣ пары (деньгами по 1 р. 10 к. на пару), фланелевыми фуфайками — по одной (деньгами по 1 р. 66 к. за каждую), козырками къ фуражкамъ, рукавицами съ шерстяными варегами и полушубками. Предметы эти были отпущены съ тѣмъ, что сроки вещамъ обмундированія увеличивались, а именно: шаровары и шинели на 2 года, а мундиръ на 3 года. Не были забыты еще и другія двѣ весьма важныя вещи: кошмы для подстилки, по полтора аршина на каждаго человѣка, и бутылки для воды, обтянутыя сукномъ или войлокомъ. Почти всѣ эти вещи были пріобрѣтены и заготовлены къ 14-му февраля изъ 4000 руб., взятыхъ ротами поровну, по приказанію командира баталіона, изъ баталіонныхъ суммъ заимообразно, впредь до полученія въ счетъ вышеозначеннаго отъ казны довольствія. Когда такимъ образомъ все было приготовлено, и, надо сказать, съ большою энергіею—была получена 15-го февраля телеграмма командующаго войсками въ закаспійской области о немедленномъ выступленіи баталіона въ гор. Асхабадъ. Полковникъ баронъ Зальца поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Августѣйшаго Шефа и удостоился получить отъ Его Императорскаго Высочества слѣдующую телеграмму: „шлю Моимъ славнымъ стрѣлкамъ лучшія пожеланія по случаю выступленія баталіона. Чтобы ни случилось, увѣренъ, что всѣ вы свято исполните свой долгъ. Съ Богомъ, въ добрый путь! Михаилъ“.

16-го февраля 1885-го года, баталіонъ [1]), отслуживъ молебенъ въ присутствіи высшаго начальства, выѣхалъ по закавказской желѣзной дорогѣ двумя эшелонами, напутствуемый добрыми пожеланіями многочисленной тифлис-

[1]) Ротами командовали: 1-ю капитанъ Малюженко, 2-ю штабсъ-капитанъ Габаевъ, 3-ю поручикъ Рѣзуновъ, 4-ю штабсъ-капитанъ Преображенскій.

ской публики, собравшейся на вокзалѣ желѣзной дороги проводить его. Черезъ два дня онъ прибылъ въ гор. Баку, гдѣ нижнимъ чинамъ были отведены помѣщенія мѣстнаго баталіона, а офицерамъ—одна изъ лучшихъ гостинницъ на счетъ города. 11-го февраля баталіонъ сѣлъ на суда „Туркменъ“ и „Волга“ и, переѣхавъ Каспійское море, двинулся по желѣзной дорогѣ въ Кизилъ-Арватъ, куда прибылъ 21-го февраля. Здѣсь онъ простоялъ лагеремъ въ полѣ до 26-го числа. Время это употреблено было на пріобрѣтеніе кошмъ, раздачу ихъ въ роты и на покупку офицерами верховыхъ лошадей. Съ 23-го февраля людей начали довольствовать фунтомъ мяса, а на руки роздали, на срокъ до 15-го марта—чаю по 21-му золотнику и сахару по полфунта. Въ Кизилъ-Арватѣ къ баталіону былъ прикомандированъ на довольствіе взводъ № 4 батареи 39-й артилерійской бригады, въ числѣ 48 нижнихъ чиновъ. 26-го февраля онъ, вмѣстѣ съ баталіономъ, двинулся къ Асхабаду; всѣ почти тяжести были подняты на верблюдахъ. Первые два перехода были весьма благополучны, хотя и утомительны. Въ Бами ротные командиры закупили свѣчнаго сала для смазки ногъ всѣмъ нижнимъ чинамъ; съ другой стороны, пищу здѣсь приготовили изъ полфунтовой порціи, которую приказали „не ѣсть, а оставить на послѣзавтра“. Въ Бами баталіонъ запасся изъ мѣстнаго продовольственнаго магазина 52 пудами сухарей и 3 четвертями крупы и двинулся къ Арчману. Погода все время стояла отличная; пѣсни солдатъ не умолкали всю дорогу. Въ Арчманѣ получена была телеграмма отъ Августѣйшаго Шефа, изъ которой стрѣлки съ благоговѣйнымъ восторгомъ узнали, что Его Высочество заботливо слѣдитъ за ихъ судьбою въ далекой невѣдомой странѣ. Это обстоятельство еще сильнѣе подняло ихъ нравственный духъ.

Въ Геокъ-тепе баталіонъ былъ торжественно встрѣченъ 2-мъ закаспійскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, а по приходѣ въ Асхабадъ—всѣми квартировавшими тамъ частями, во главѣ съ начальникомъ закаспійской стрѣлковой бригады полковникомъ Козелковымъ, съ искреннимъ радушіемъ и съ тѣмъ широкимъ хлѣбосольствомъ, которое всегда было и есть дорогимъ и исключительнымъ достояніемъ кавказской арміи. Въ Асхабадѣ баталіонъ простоялъ дней восемь, расположившись лагеремъ въ полѣ, къ югу отъ города, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ него. Почти все время шли проливные дожди, и вообще, пребываніе въ Асхабадѣ было крайне тягостно въ смыслѣ всевозможныхъ невзгодъ и неизвѣстной будущности. На всякій случай ротные командиры приступили къ приведенію въ исправность солдатской обуви, а командиръ баталіона разрѣшилъ пріобрѣсти на ротныя суммы по 20 паръ поршней или другой обуви этого рода для выдачи тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые на походѣ натрутъ себѣ ноги, съ тѣмъ однако, чтобы, по выздоровленіи, отъ нихъ отбирались поршни для передачи ихъ нуждающимся. Затѣмъ, баталіонъ запасся чаемъ и сахаромъ на срокъ до 15-го апрѣля и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать распоряженій о своей дальнѣйшей судьбѣ. Наконецъ, изъ штаба закаспійской области было получено приказаніе—двинуться въ старый Серахсъ. Баталіонъ выступилъ 15-го марта, вмѣстѣ съ 1-мъ взводомъ 4-й батареи 39-й артилерійской бригады; проводниковъ не было, и названіе пунктовъ въ маршрутѣ служило единственнымъ указаніемъ дороги. Конечно, въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду благонадежность туркменъ, которые, въ случаѣ спроса, всегда могли направить баталіонъ по наз-

наченію. Движеніе отъ Асхабада къ Серахсу было гораздо труднѣе, чѣмъ отъ Казилъ-Арвата до Асхабада; оно затруднялось почти постоянными дождями и вязкимъ грунтомъ дороги, на которой верблюды съ вьюками то и дѣло ложились черезъ каждые сто шаговъ, и стрѣлкамъ стоило большихъ хлопотъ поднимать этихъ животныхъ, укладывавшихся не изъ лѣности, а изъ опасенія упасть на чрезвычайно скользкомъ пути и переломать себѣ ноги. Труднѣе всего былъ переходъ отъ Асхабада къ Гяуарсу: огромные песчаные заносы исключали всякую возможность движенія колеснаго обоза, вслѣдствіе чего баталіонные и ротные фургоны были почти на однихъ солдатскихъ рукахъ перетащены черезъ песчаные сугробы. Баталіонъ почти всегда приходилъ на ночлегъ уже по наступленіи сумерокъ, хотя маршрутъ былъ составленъ по уставу, т. е. съ расчетомъ приходить на ночлегъ засвѣтло. При дальнѣйшемъ движеніи невзгоды эти удесятерились бы, еслибы въ Душакѣ полковникъ баронъ Зальца не получилъ частнаго письма отъ поручика Дуплицкаго, извѣщавшаго о разлитіи Теджена до такой степени, что не представлялось никакой возможности переправиться на правый берегъ этой рѣки. (Лѣвый берегъ, по которому шелъ баталіонъ, противъ Серахса составляетъ персидскую территорію). Это извѣстіе было подтверждено и душакскими туркменами, которые указывали на каррыбентскую плотину, еще не сорванную теченіемъ Теджена, какъ на единственный пунктъ переправы на ту сторону рѣки. Еслибы баталіонъ послѣдовалъ по маршруту черезъ Меана и Чаача, то обрекъ бы себя напрасному хожденію къ персидскому Серахсу и возвращенію оттуда, а также безчисленнымъ невзгодамъ и, можетъ быть, продолжительному и непосильному голоданію, такъ какъ при выступленіи взялъ съ собою печенаго хлѣба только на четыре дня и восьмидневный сухарный запасъ.

Сообразивъ все это, и донеся въ штабъ закаспійской области о мотивахъ, заставившихъ измѣнить маршрутъ, полковникъ баронъ Зальца на слѣдующее утро двинулъ баталіонъ къ каррыбентской плотинѣ, находившейся, на одной широтѣ съ Душакомъ. Слѣдуя все время къ востоку, баталіонъ въ темную ночь 22-го марта добрался до Каррыбента и, перейдя при большой опасности плотину, расположился бивакомъ на правомъ берегу Теджена, сдѣлавъ такимъ образомъ болѣе 50 верстъ тяжелаго безводнаго пути. Здѣсь шумно и торжественно стрѣлки отпраздновали Пасху — чему нисколько не помѣшали ни проливной дождь, ни рѣзкіе холодные вѣтры и тому подобныя невзгоды. 25-го марта тронулись дальше. Двигаясь безъ дороги и держась лишь праваго берега Теджена, баталіонъ черезъ три дня остановился возлѣ развалинъ стараго Серахса, противъ персидскаго укрѣпленія того же имени, отдѣляющагося лишь р. Тедженомъ. Здѣсь стояла тогда рота 5-го закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, всѣ помѣщенія которой состояли въ одной убогой землянкѣ для нижнихъ чиновъ. При невыразимо дурныхъ условіяхъ вступили стрѣлки въ назначенную имъ временную штабъ-квартиру. Уже болѣе недѣли они не разставались съ измокшимъ платьемъ, ночуя постоянно на топкой грязной почвѣ и въ мокрыхъ палаткахъ. Можно было надѣяться, что въ новой штабъ-квартирѣ они отдохнутъ отъ продолжительнаго похода и по крайней мѣрѣ обсушатся, но, къ сожалѣнію, этого не случилось: весь апрѣль мѣсяцъ дождь не переставалъ почти ни на одинъ часъ. Невозможно описать невзгоды, которыя переносили стрѣлки въ

это время. Офицеры жили по четыре человѣка и болѣе въ одной кибиткѣ, въ которой все буквально утопало въ грязи; топкій болотистый грунтъ исключалъ всякую возможность устройства сухаго пола, а стоять въ палаткѣ—значило тонуть по колѣно въ грязи. Нечего и говорить о нижнихъ чинахъ, палатки которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ уступали войлочнымъ кибиткамъ офицеровъ. Не смотря однако на дожди, стрѣлки принялись чуть не съ перваго дня прибытія въ Серахсъ за хлѣбопеченіе, въ наскоро устроенныхъ ими печахъ, подъ проливнымъ дождемъ, а въ печахъ 5-го закаспійскаго стрѣлковаго баталіона стали сушить сухари для восьмидневнаго запаса. Ждать наступленія хорошей погоды было некогда, тѣмъ болѣе, что еще по дорогѣ къ Серахсу получено было свѣдѣніе о столкновеніи нашихъ войскъ съ авганцами на р. Кушкѣ, и каждую минуту слѣдовало ожидать движенія впередъ; мало того, надо было поставить молодыхъ солдатъ на надлежащую военную ногу. Поэтому, не жалѣя себя, офицеры съ замѣчательною энергіею подъ дождемъ занимались съ нижними чинами гимнастикою, фехтованіемъ и т. п. Усталые солдаты, послѣ дневныхъ строевыхъ и хозяйственныхъ занятій, которыя прекращались не ранѣе шести часовъ пополудни, проводили холодныя ночи въ мокрыхъ и грязныхъ палаткахъ; къ тому еще, кошмы, выданныя въ баталіонъ со вступленіемъ въ закаспійскую область, успѣли уже къ началу апрѣля прійти въ негодность, такъ что полковникъ баронъ Зальца 5-го апрѣля, при посредствѣ коммисіи, составилъ объ этомъ актъ, на основаніи котораго баталіонный казначей по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ получилъ приказаніе выдать въ роты 1008 аршинъ кошмы на подстилку, считая по аршину на человѣка. Каждая рота должна была заплатить по 167 р. 17 к. на пополненіе баталіонныхъ суммъ, изъ конхъ былъ произведенъ первоначальный расходъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ дожди стали рѣже, и едва солнце обсушило стрѣлковъ, какъ они принялись за устройство для себя новой штабъ-квартиры. Одного этого слова достаточно для представленія о томъ, какихъ трудовъ должна была стоить штабъ-квартира. Къ этому необходимо добавить, что за неимѣніемъ подъ рукою матеріаловъ для построекъ, стрѣлки должны были ходить за лѣсомъ верстъ двѣнадцать и болѣе, а за жженными кирпичами—къ развалинамъ стараго Серахса [2]). Послѣ сырой погоды и дождей, сразу начались сильныя жары, и въ половинѣ мая онѣ доходили повременамъ до 50° Р. Но, не смотря на палящій зной, солдаты неутомимо продолжали строить сначала свои кухни, а также баталіонныя и ротныя хозяйственныя помѣщенія, а затѣмъ офицерскія землянки и собственные бараки. Руководимые офицерами, они до того изощрились въ строительномъ искусствѣ, что каждый изъ нихъ безъ труда могъ бы годиться въ каменьщики.

Но утомительныя работы въ сильную жару не могли не отразиться на здоровьи нижнихъ чиновъ; особенно болѣли они разстройствомъ желудка. По отношенію къ такимъ больнымъ полковникъ баронъ Зальца 2-го мая велѣлъ добавить, на счетъ ротныхъ суммъ, къ положенному довольствію 1/4 золотника чаю и по два золотника сахару на человѣка, на время по опредѣленію врачей. Съ 24-го же мая „въ виду сильныхъ жаровъ и хоро-

[2]) Впослѣдствіи они дѣлали сырцовые кирпичи и изъ нихъ построили свои бараки.

шаго состоянія ротныхъ суммъ“ дача чаю и сахару была еще увеличена [3]). Были предприняты мѣры къ предупрежденію также цынготной болѣзни, и самая дѣйствительная изъ нихъ состояла въ отпускѣ съ 1-го мая лимонной кислоты, по 12-ти золотниковъ въ день на 100 человѣкъ—согласно положенію Военнаго Совѣта, состоявшемуся въ 1884 году исключительно по отношенію къ войскамъ закаспійской области. Для болѣе дѣйствительнаго надзора за больными нижними чинами, а также для предупрежденія серьезныхъ болѣзней, по приказанію генерала Гурчина, былъ открытъ при баталіонѣ околотокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтенъ для него котелъ и чайникъ такихъ размѣровъ, чтобы приготовленіе въ нихъ пищи и чаю удовлетворяло пятьдесятъ человѣкъ вдругъ. Нижніе чины, поступая въ околотокъ, должны были пользоваться особою пищею, поэтому они исключались приказомъ по баталіону съ довольствія въ ротахъ, которое поступало въ вѣдѣніе околотка, представлявшаго собою родъ лазарета.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ стрѣлки были въ Серахсѣ, какъ у себя дома. Занятія стрѣльбою и всѣмъ необходимымъ шли своимъ чередомъ, за исключеніемъ курсовъ учебной команды и ротныхъ школъ; но и этотъ пробѣлъ не очень долго былъ непополненнымъ. Оставалось учиться и ждать событій, а о возвращеніи на Кавказъ пока и мысли не допускать. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ для инспектированія баталіона начальникъ кавказской стрѣлковой бригады, длинное и утомительное путешествіе котораго завершилось весьма опаснымъ переѣздомъ въ бродъ черезъ широко разлившійся Тедженъ, верхомъ на верблюдѣ. Генералу было весьма пріятно видѣть, какими удобствами успѣли въ такой короткій промежутокъ времени обставить себя стрѣлки. Провѣривъ строевое и теоретическое образованіе баталіона, и найдя все въ отличномъ состояніи, инспекторъ покинулъ Серахсъ и направился въ Мервъ для инспектированія другихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Офицеры провожали своего начальника до Теджена, черезъ который онъ переправился вновь съ большою опасностью.

Мирная служба и монотонная жизнь баталіона не нарушались никакимъ выдающимся событіемъ; мало того, можно сказать, что эта жизнь проходила среди всевозможныхъ лишеній. Небольшой серахскій продовольственный магазинъ доставлялъ провіантъ, а маркитантъ, имѣвшій только мелкій рогатый скотъ—мясо не особенно вкусное, а иногда и противное; все остальное приходилось доставать у него же за тройную плату—и хорошо еще, если удавалось доставать [4]). Такъ какъ офицеры не имѣли возможности пріобрѣтать себѣ хлѣбъ даже покупкою, то полковникъ баронъ Зальца приказалъ ротнымъ командирамъ выдавать хлѣбъ по требованію офицеровъ изъ экономическаго припека, съ платою по двѣ коп. за фунтъ. Положеніе же нижнихъ чиновъ въ этомъ отношеніи улучшилось: съ перваго дня пребыванія ихъ въ Серахсѣ, а именно съ 29-го марта, къ нимъ было примѣнено гвардейское положеніе по довольствію крупою, и отпускалось вмѣсто $^2/_{30}$ гарница—по $^3/_{30}$ гарница въ день на человѣка. Впослѣдствіи командиръ баталіона велѣлъ каждый день варить нижнимъ чинамъ на ужинъ супъ съ $^1/_4$

---

[3]) По $^3/_4$ зол. чаю и по $3^1/_3$ золотника сахару на человѣка (1 ф. въ мѣсяцъ).

[4]) Маркитантъ обязанъ былъ доставлять только мясо (по 4 р. 40 к. за пудъ), сало топленое (10 р.) и нетопленое (8 р. за пудъ), водку (по 7 р. за ведро) и соль (по 20 к. за пудъ). Все остальное онъ могъ продавать по вольнымъ цѣнамъ.

фунта мяса „въ крошку“, куда и класть вновь опредѣленный добавокъ крупы. Строевыя занятія, а также и стрѣльба усиливались по мѣрѣ того, какъ хозяйственныя заботы становились слабѣе; но теоретическая сторона солдатскаго образованія была обставлена крайне скудно. Позже, когда стало окончательно извѣстно, что баталіону предстоитъ мирное и долгое пребываніе въ Серахсѣ, были, конечно, пріобрѣтены всевозможныя учебныя пособія, и было обращено особенное вниманіе на умственное образованіе стрѣлковъ.

Частная жизнь офицеровъ была крайне бѣдна въ смыслѣ удовлетворенія духовныхъ запросовъ; единственнымъ, можно сказать, развлеченіемъ являлось чтеніе небольшаго количества весьма неаккуратно и поздно получавшихся газетъ, и стремленіе узнать изъ нихъ, что дѣлается въ мірѣ политики и вообще за предѣлами закаспійскихъ степей и пустынь; вообще чтеніе газетныхъ статей занимало почти весь досугъ офицеровъ; такъ какъ переписка многихъ изъ нихъ съ родными и друзьями весьма часто пропадала безслѣдно, то ею особенно и не занимались. Обыкновенно собирались они въ плетневую библіотеку, гдѣ на глиняныхъ столахъ валялась масса истрепанныхъ газетъ, и въ десятый разъ перечитывали весь этотъ хламъ. Значительно разнообразило скучную и безсодержательную жизнь офицеровъ занятіе пѣніемъ, иниціаторомъ котораго явился подполковникъ Линдбладтъ; обладая серьезною музыкальною подготовкою и любя пѣніе, онъ составилъ хоръ изъ офицеровъ, весьма сочувственно къ этому отнесшихся, и даже положилъ основаніе систематическимъ въ этомъ искусствѣ занятіямъ. Другое же обстоятельство, разогнавшее навремя тоску, былъ баталіонный праздникъ, къ которому офицеры готовились за цѣлую недѣлю впередъ. Они разукрасили гирляндами солдатскіе бараки и наметъ, особо устроенный въ степи, и приготовили фейерверкъ. Праздникъ прошелъ шумно и торжественно. Въ числѣ приглашенныхъ были всѣ постороннія начальства Серахса, между прочимъ и капитанъ милиціи Теке-ханъ, его сынъ Шахъ-Назаръ и племянникъ Менгли-хана молодой Баба-Назаръ. Въ началѣ обѣда былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Государя Императора. Теке-ханъ, замѣтивъ необыкновенное благоговѣніе, съ которымъ офицеры, вскочивъ съ мѣстъ, приняли этотъ тостъ, захотѣлъ узнать въ чемъ дѣло. Когда же ему объяснили значеніе тоста, онъ моментально обнажилъ свою бритую голову, взялъ наполненный виномъ стаканъ и, обратясь къ обществу, произнесъ на туркменскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „да укрѣпитъ аллахъ здоровье и десницу Бѣлаго Царя и дастъ побѣду его оружію надъ всѣми его врагами. Да продлятся дни Того, подъ чьею властью мы можемъ, наконецъ, спокойно смотрѣть на свѣтъ божій. Аллахъ благословилъ русскаго падишаха, ибо его воины — это не грозные завоеватели, это ангелы небесные“; закончилъ Теке-ханъ взволнованнымъ голосомъ, указывая на офицеровъ баталіона [5]). Всѣ туркмены во время этой рѣчи стояли серьезно, какъ бы при священнодѣйствіи, повременамъ бросая на офицеровъ взгляды, полные преданности и глубокой любви. Особенное впечатлѣніе произвели на туркменъ выстрѣлы изъ полевыхъ орудій холостыми зарядами и фейерверкъ. Праздникъ закончился веселыми солдатскими представленіями при ясномъ лунномъ освѣщеніи. Очарованные туркмены разошлись поздно ночью, унося съ собою весьма пріятныя впечатлѣнія.

[5]) Авторъ, знакомый съ туркменскимъ нарѣчіемъ, передаетъ подлинныя слова хана.

Туркменскіе ханы наперерывъ старались пріобрѣсти благосклонность командира баталіона и дружбу офицеровъ, но послѣдніе держали себя совершенно одинаково по отношенію къ нимъ, избѣгая всего, что могло разсорить ихъ между собою. Притомъ, всѣ знали интригу между Теке-ханомъ и Менгли-ханомъ, вслѣдствіе того, что первый изъ нихъ былъ капитаномъ нашей милиціи, между тѣмъ какъ Менгли-ханъ [6]), считавшій его ниже себя, а самого себя настоящимъ ханомъ, не имѣлъ чина и сильно завидовалъ ему. Особенно чувствительно было для него значеніе Теке-хана, какъ административнаго органа. Однажды Менгли-ханъ пригласилъ къ себѣ въ гости всѣхъ офицеровъ. Приглашеніе было принято весьма охотно, и въ назначенный день и часъ офицеры пріѣхали въ аулъ къ кибиткѣ Менгли-хана, встрѣтившаго ихъ весьма радушно. Всѣ ожидали, что ханъ устроитъ угощеніе не только въ азіятскомъ, но даже въ туркменскомъ духѣ, и сильно интересовались этимъ; но, къ удивленію, вышло совсѣмъ другое, и за обѣдомъ подавали все европейскія кушанья. Хотя кибитка была застлана и завѣшана дорогими коврами, и нѣкоторые офицеры усѣлись на полу, забросанномъ подушками, но у хана оказались и вѣнскіе стулья. Предупредительность его была изумительная: онъ самъ, стоя все время, прислуживалъ каждому, не смотря на множество нукеровъ. Онъ особенно остановился на тостѣ, предложенномъ въ честь нашего Августѣйшаго Шефа, принятомъ съ соотвѣтственнымъ благоговѣніемъ, подобно тосту за здоровье Государя. Когда хану объяснили, что мы стрѣлки дяди Бѣлаго Царя, то онъ выразился такъ: „теперь я не удивляюсь, почему вы всѣ представляете собою такой отборный и прекрасный баталіонъ“. Съ трудомъ удалось увѣрить хана, что всѣ войска русскаго Царя одинаково безукоризненны, и что между Его полками есть даже много такихъ, которые стоятъ гораздо выше, чѣмъ баталіонъ, съ которымъ онъ познакомился. Ханъ, много слышавшій о пристрастіи русскихъ къ спиртнымъ напиткамъ, былъ удивленъ замѣчательною скромностью офицеровъ, почти не пившихъ ничего, кромѣ кофе, хотя у хана было всего много. Азіятецъ подозрѣвалъ здѣсь напускную скромность, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ почти всѣ офицеры отличались крайнею воздержностью. Впрочемъ, впослѣдствіи представленіе туркменъ о нетрезвости русскихъ сильно пошатнулось. Въ бесѣдѣ своей съ офицерами ханъ обнаруживалъ относительно довольно большое остроуміе. Ему очень понравилось офицерское оружіе, и въ особенности шашка полковника барона Зальца; но онъ нашелъ, что ему вовсе не нужно имѣть такого хорошаго оружія, „такъ какъ всѣ эти молодцы-баяры—прибавилъ онъ, указывая на офицеровъ—никогда не допустятъ къ тебѣ даже самыхъ храбрыхъ враговъ“. Во все время продолжительнаго нашего пребыванія у Менгли-хана, у дверей и кругомъ его кибитки толпились массы туркменъ всѣхъ возрастовъ, съ своими старшинами. При значительныхъ тостахъ, Менгли-ханъ каждый разъ выходилъ къ народу и, объяснивъ ему значеніе минуты, вызывалъ восторженные возгласы. Чаще всего они повторяли слѣдующее: „съ такими баярами русскій падишахъ весь міръ завоюетъ“. Вообще, обращеніе офицеровъ съ туркменами видимо очаровало этихъ „сыновъ“ пустыни, еще

[6]) Титулъ хана никогда не былъ жалуемъ туркменамъ повелителями Ирана или Турана. Этимъ званіемъ облекалъ народъ своихъ сородичей, выдававшихся главнымъ образомъ богатствомъ, заключавшимся въ коняхъ, верблюдахъ и баранахъ.

недавно такъ недовѣрчиво смотрѣвшихъ на русскія войска. Довѣріе ихъ дошло до того, что они вскорѣ начали даже приносить своихъ больныхъ дѣтей въ лагерь, прося помощи нашихъ врачей. Не менѣе сильное впечатлѣніе произвели стрѣлки на персіянъ въ особенности своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ. Вѣками стоялъ персидскій Серахсъ, и въ немъ не было такихъ помѣщеній, какія построили себѣ стрѣлки. Послѣ визита, сдѣланнаго полковнику барону Зальца проживавшимъ въ Серахсѣ начальникомъ персидской кордонной линіи Али-Марданъ-ханомъ, въ Серахсѣ стали возводить казармы будто-бы для имѣющаго прибыть туда баталіона сарбазовъ. Персіянъ поражала огромная разница между стрѣлками и ихъ сарбазами, плохо одѣтыми, вооруженными ударными ружьями, плохо снаряженными, и по выправкѣ даже не похожими на воиновъ.

Жары между тѣмъ становились все сильнѣе, и всѣ прятались въ землянки, выходя на открытый воздухъ не ранѣе 6 часовъ пополудни. Приказомъ по баталіону, всякія занятія и работы съ 10 часовъ утра до 6 часовъ пополудни были отмѣнены и воспрещены. Тѣмъ не менѣе, солдаты начали болѣть, и только благодаря хорошимъ санитарнымъ условіямъ, которыми былъ обставленъ баталіонъ, не произошло ни одного смертнаго случая. Единственный человѣкъ, котораго лишился баталіонъ, это былъ стрѣлокъ, утонувшій въ наполненной водою ямѣ, которыми такъ богаты жилыя мѣстности закаспійской области. Затѣмъ, вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ, баталіонъ не понесъ никакихъ потерь даже и отъ черной оспы, которая охватила ближайшія къ Серахсу кочевья туркменъ. Мѣры эти состояли въ томъ, что нѣкоторыя дороги были заняты пикетами; рынокъ, на который привозили туркмены свои произведенія, упраздненъ; надзоръ врачей усиленъ; пища людей улучшена, и, наконецъ, младшій баталіонный врачъ Павлоцкій, вмѣстѣ съ врачемъ закаспійскаго стрѣлковаго баталіона Ефремовымъ, объѣзжали туркменскіе аулы, и хотя съ большимъ трудомъ, но все же убѣдили туркменъ въ необходимости отдѣлять каждаго заболѣвшаго отъ здоровыхъ. Болѣзнь вскорѣ была совершенно локализована, а больнымъ подана медицинская помощь. Къ счастью, въ исходѣ лѣта прибылъ въ Серахсъ военный госпиталь, и явилась возможность содержать въ немъ больныхъ стрѣлковъ съ удобствомъ. Не мало заботъ пришлось приложить къ добыванію воды. Употребленіе колодезной воды началось еще съ 22 іюня, такъ какъ Тедженъ къ этому времени значительно обмелѣлъ, а канава (арыкъ), проходившая отъ рѣки мимо лагеря и постоянно снабжавшая серахскій гарнизонъ водою изъ Теджена, могла доставить воду лишь въ весьма незначительномъ количествѣ. Въ виду массы плавающихъ въ ней нечистотъ, полковникъ баронъ Зальца воспретилъ ея употребленіе, разрѣшивъ пользоваться ею только для мытья бѣлья и другихъ безвредныхъ нуждъ. Къ концу іюля Тедженъ, наконецъ, совсѣмъ высохъ, и только, благодаря содѣйствію старыхъ туркменъ, удалось вырыть четыре колодца, по одному на каждую роту. Въ колодцахъ этихъ на глубинѣ около десяти сажень явилась хотя солоноватая, но недурная вода, и количество ея было достаточно для всего гарнизона.

Изъ наиболѣе выдающихся явленій въ мирной жизни баталіона въ концѣ лѣта слѣдуетъ отмѣтить смотръ стрѣлковой части, произведенный полковникомъ барономъ Зальца 11 сентября. При самыхъ неблагопріятныхъ

условіяхъ, баталіонъ израсходовалъ на подготовительную и курсовую стрѣльбу боевыхъ патроновъ 125,943, холостыхъ—4,123, револьверныхъ 792 и капсюлей для стрѣльбы дробинками 90,000 [7]). Теоретическая часть стрѣлковаго дѣла была оцѣнена слѣдующимъ образомъ: „въ 3-й ротѣ очень хорошо, въ 1-й и 2-й хорошо, слабѣе въ 4-й ротѣ“ [8]). Техническая часть была въ отличномъ состояніи, и во время стрѣльбы была одна только осѣчка, происшедшая отъ отсутствія въ капсюлѣ воспламеняющаго состава [9]).

Къ концу лѣта жизнь въ Серахсѣ настала гораздо сноснѣе, и можно было добывать даже предметы роскоши, не говоря о предметахъ первой необходимости. Хотя дороговизна тѣхъ и другихъ была чувствительная, но она не особенно смущала офицеровъ, такъ какъ они получали въ это время полевыя порціонныя деньги. Живо чувствовался лишь недостатокъ въ средствахъ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, вслѣдствіе чего возникла игра въ карты—хотя довольно скромная и направленная лишь къ времепровожденію. Не то было съ нижними чинами: игра въ карты и въ орлянку начала принимать между ними обширные размѣры, и мѣстомъ сборовъ служили вообще отдаленныя и скрытныя мѣста, особенно помѣщенія нижнихъ чиновъ продовольственнаго склада. Игра доходила до такого азарта, что разслѣдованіе обнаружило проигрышъ одного стрѣлка въ 60 рублей. Командиръ баталіона, раскрывъ это зло, арестовалъ строгимъ арестомъ на пять сутокъ около десяти человѣкъ, которые принадлежали ко всѣмъ ротамъ, за исключеніемъ лишь 3-й. Нѣкоторые солдаты стали даже прибѣгать къ „утѣшительной чаркѣ“, но, къ счастью, число ихъ въ серахскомъ гарнизонѣ было самое ограниченное. Только одни офицеры стойко боролись со скукою и тоскою по родинѣ. Большимъ подспорьемъ имъ въ этомъ служило твердое нравственное вліяніе старшихъ офицеровъ временъ полковника Толстого, хотя ихъ и оставалось въ баталіонѣ, къ сожалѣнію, всего четыре человѣка [10]). Къ осени общее напряженное состояніе стало нѣсколько облегчаться, такъ какъ газетныя статьи и слухи объ улаженіи споровъ по вопросу о русско-авганской границѣ вселили въ стрѣлкахъ надежду на скорое возвращеніе въ штабъ-квартиру. Эта надежда превратилась почти въ увѣренность, когда изъ Серахса, въ концѣ ноября, была выслана въ Тифлисъ команда изъ четырехъ унтеръ-офицеровъ и 20 учителей молодыхъ солдатъ, подъ начальствомъ подпоручика Арутюнова, для обученія солдатъ призыва 1885 года при штабъ-квартирѣ. Ясно было, что предполагалось возвратить баталіонъ въ Тифлисъ не позже весны 1886 года, иначе не было бы цѣли держать и обучать молодыхъ солдатъ цѣлую зиму отдѣльно отъ баталіона.

Зима прошла довольно сносно; постоянная почти теплая погода исключала надобность въ печахъ, которыми стрѣлки успѣли обзавестись заблаговременно; отрадная же перспектива скораго возвращенія восвояси дѣлала жизнь нѣкоторымъ образомъ даже пріятною, тѣмъ болѣе, что въ это время

---

[7]) Приказъ по баталіону 3 декабря № 337.

[8]) Ротами командовали: 1-ю капитанъ Малюженко, 2-ю штабсъ-капитанъ Габаевъ, 3-ю поручикъ Рѣзуновъ, 4-ю штабсъ-капитанъ Дарскій.

[9]) Завѣдывающій оружіемъ поручикъ Дидиговъ и мастеръ коллежскій регистраторъ Клеттъ.

[10]) Подполковникъ Линдбладтъ, капитаны: Пирпотинъ и Вояковскій и штабсъ-капитанъ Габаевъ (Василій).

Серахсъ можно было уподобить маленькому городку, со множествомъ относительно красивыхъ домовъ, магазиновъ и различныхъ заведеній. Даже была небольшая гостинница, и въ ней бильліардъ, а о недостаткѣ съѣстныхъ продуктовъ уже и рѣчи не было. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ появился щавель, и роты поспѣшили имъ воспользоваться. Пища нижнихъ чиновъ не оставляла желать ничего лучшаго [11]). Но не смотря на всѣ благопріятныя условія и хорошую погоду, въ особенности въ мартѣ мѣсяцѣ, „стало поступать въ околотокъ значительное число больныхъ лихорадкою и острымъ катарромъ легкихъ“. Такое „усиленное заболѣваніе, какъ оказалось, по мнѣнію старшаго врача, находилось въ прямой связи съ занятіемъ рыбною ловлею, причемъ люди подвергались продолжительному вліянію воды очень низкой еще температуры“. Командиръ баталіона, конечно, немедленно же воспретилъ подобнаго рода развлеченія.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, къ общей радости, распространился слухъ о возвращеніи баталіона въ Тифлисъ. 11 апрѣля слухъ этотъ былъ удостовѣренъ приказаніемъ барона Зальца такого рода: „въ виду выступленія баталіона въ штабъ-квартиру, исключить съ провіантскаго и приварочнаго довольствія нижнихъ чиновъ 1-го взвода 4 батареи 39 артилерійской бригады“, долженствовавшаго войти въ составъ постоянныхъ войскъ области. Эта радостная новость какъ разъ совпала съ праздникомъ Пасхи. По поводу послѣдней, полковникъ баронъ Зальца послалъ поздравленіе Августѣйшему Шефу, на которое Его Императорское Высочество изволилъ отвѣтить: „спасибо дорогимъ стрѣлкамъ, и всѣхъ поздравляю съ Свѣтлымъ праздникомъ. Искренно радуюсь вашему скорому возвращенію; желаю благополучнаго похода. Михаилъ“. Послѣ этого всѣ сомнѣнія о возвращеніи стрѣлковъ вовсвояси исчезли. 14-го апрѣля была получена телеграмма генералъ-лейтенанта Комарова, что путевое довольствіе, при обратномъ слѣдованіи изъ Серахса, будетъ произведено по приварочному окладу, причемъ онъ разрѣшалъ израсходовать восьмидневный сухарный запасъ съ тѣмъ, чтобы пополнить его немедленно по прибытіи въ Асхабадъ. Вслѣдствіе этого выпечку хлѣба прекратили и выдали людямъ сухари. Затѣмъ, всю оставшуюся муку сдали, какъ экономическую, въ серахскій продовольственный магазинъ; боевой комплектъ патроновъ, гильзы, свинецъ и экспедиціонныя вещи, находившіяся въ ротахъ, за исключеніемъ кошмъ, передали въ соотвѣтственныя военныя заведенія серахскаго гарнизона; наконецъ, 16 казенно-подъемныхъ лошадей, съ полною упряжью, 4 фургона, 16 вьючныхъ сѣделъ и всѣ казенныя баталіонныя зданія также сдали по указанію. Офицеры же поспѣшили распродать—конечно, почти за безцѣнокъ—выстроенные ими довольно хорошенькіе домики.

Каково же послѣ этого было общее изумленіе, когда 17-го апрѣля узнали, что возвращеніе въ Тифлисъ отмѣнено „впредь до особаго распоряженія“. Вслѣдствіе этого, было принято обратно все, что было сдано недавно. Труднѣе всего пришлось офицерамъ, которые были вынуждены теперь платить большія деньги за наемъ квартиръ, ими же выстроенныхъ. Счастливѣе всѣхъ оказались нижніе чины срока 1881 года, которые, согласно телеграммѣ генерала Комарова, были уволены въ запасъ. Въ баталіонѣ ихъ набралось 226 чело-

[11]) Съ января 1886 г. стали класть въ котелъ по 24 золот. лимонной кислоты въ день на каждые сто человѣкъ.

вѣкъ. По снабженіи ихъ мундирною одеждою соотвѣтственныхъ сроковъ [12]), жалованьемъ, кормовыми, аммуничными деньгами и трехдневнымъ запасомъ сухарей, ихъ отправили, при офицерѣ, изъ Серахса 17-го апрѣля. Вслѣдъ за увольненіемъ этихъ запасныхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о содержаніи въ баталіонѣ полуротъ въ 42 ряда и разрѣшеніе оставить то списочное число, которое окажется за увольненіемъ въ запасъ нижнихъ чиновъ службы 1881 года и прибытіемъ новобранцевъ призыва 1885 года. По новому временному штату положено было имѣть 786 нижнихъ чиновъ, т. е. на 215 человѣкъ меньше противъ штата военнаго времени. Вслѣдъ за этимъ жизнь стрѣлковъ вошла въ обычную однообразную колею, и только 12 мая до нихъ дошло извѣстіе, нѣсколько ихъ оживившее: начальникъ кавказской стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіоръ Гурчинъ былъ Высочайше назначенъ начальникомъ 38-й пѣхотной дивизіи, а вмѣсто него, Высочайшимъ приказомъ 19-го февраля 1886 года, повелѣно быть начальникомъ бригады генералъ-маіору Трейтеру, который и вступилъ въ эту должность 19-го апрѣля. Новый начальникъ бригады вполнѣ оцѣнилъ дѣятельность своего энергическаго предшественника, и въ присутствіи офицеровъ 2-го и 4-го кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ выразился, что единственною его заботою будетъ—поддержать бригаду на той высотѣ, на какую возвелъ ее генералъ Гурчинъ. Въ Серахсѣ дѣятельно стали готовиться къ смотру, котораго ожидали въ ближайшемъ будущемъ; усилили занятія, не смотря на повысившіяся быстро жары, и вслѣдствіе этого, конечно, значительно улучшили довольство, и такъ какъ въ окрестностяхъ Серахса выгорѣла вся зелень, и не имѣлось совсѣмъ овощей, то баронъ Зальца приказалъ класть въ день по десяти фунтовъ зеленаго луку на роту.

Состояніе баталіона въ это время было слѣдующее: въ учебной командѣ находилось 19-ть человѣкъ; всѣ они окончили курсъ съ правомъ на производство въ унтеръ-офицеры. За исключеніемъ чтенія, въ которомъ успѣхи были „не особенно значительны“, все остальное, въ особенности ариѳметика, военно-судное дѣло и составленіе рапортовъ и донесеній, было усвоено очень хорошо. Полковникъ баронъ Зальца пришелъ къ заключенію, „что завѣдывающимъ командою поручикомъ Рѣзуновымъ не только все время занятій съ чинами команды было употреблено съ должною пользою для нихъ, но и съ его стороны было приложено полное усердіе и строгое выполненіе возложенныхъ на него обязанностей“. За это поручику Рѣзунову выражена „искренняя признательность“, а нижнимъ чинамъ „спасибо“ [13]). Повѣрка ротныхъ школъ показала, что въ нихъ сдѣланы были большіе успѣхи въ чтеніи—въ особенности во 2-й ротѣ, а въ ариѳметикѣ — въ особенности въ 1-й ротѣ. Вообще же, завѣдывающими школами „было обращено должное вниманіе на веденіе занятій въ школахъ“ и „приложенъ должный трудъ къ обученію порученныхъ имъ нижнихъ чиновъ“. Осмотръ мундирной одежды стрѣлковъ показалъ, что „вообще мундиры сбережены довольно хорошо, и

---

[12]) Для войскъ закасп. области табельные сроки были уменьшены: для мундирной одежды—съ 3-хъ на 1 годъ; для шароваръ, шинелей и фуражекъ—съ 2-хъ на 1 годъ; для башлыковъ—съ 6 на 4 года. Всѣмъ нижнимъ чинамъ предписано выдавать, невзачетъ, годовыя вещи: двѣ рубахи, двѣ пары подштанниковъ, галстухъ и сапожный товаръ съ деньгами на шитье сапоговъ. Отнош. Окр. Инт. Упр. кав. в. окр. 4 фев. 1886 № 5121.

[13]) Приказъ по баталіону 28-го мая № 148.

въ особенности, если принять во вниманіе невыгодное положеніе ротъ относительно храненія ихъ, совершенный походъ до Серахса и тѣ работы, которыя баталіонъ долженъ былъ, въ силу необходимости, сдѣлать по приходѣ въ закаспійскую область". Стрѣлки имѣли по одной парѣ исправныхъ сапоговъ, а многіе по двѣ пары. Оружіе найдено въ очень хорошемъ состояніи. Что же касается второстепенныхъ отдѣловъ вооруженія и снаряженія, какъ то: бутылокъ, мѣшковъ, подсумковъ, шанцеваго инструмента и т. д., то все это найдено, за незначительными исключеніями, въ довольно исправномъ видѣ. Строевое образованіе было въ томъ же почти состояніи, какъ въ прошлые смотры, и общій недостатокъ все тотъ же—малый шагъ; въ гимнастикѣ замѣтенъ успѣхъ, особенно въ 4-й ротѣ. Вообще, гимнастика на снарядахъ во всѣхъ ротахъ производилась правильно и ловко: многіе стрѣлки 3-го разряда великолѣпно исполняли требованія 1-го разряда на одномъ или двухъ снарядахъ. Теоретическая подготовка оказалась весьма хорошею и лучше всѣхъ въ 3-й ротѣ [14]). Во второй половинѣ іюня прибыла въ баталіонъ команда молодыхъ солдатъ, обучавшихся зимою и весною 1886 года въ Тифлисѣ. Смотръ, произведенный ей по приказанію начальника бригады, показалъ, что съ нею занимались какъ нельзя болѣе основательно и правильно.

Настали обычныя занятія, которыхъ не останавливали даже удушливыя жары. Къ концу іюня число больныхъ умножилось, и въ околоткѣ не было свободныхъ мѣстъ для вновь заболѣвающихъ. Въ виду того, что послѣднихъ необходимо было кормить пищею изъ околотка, они, хотя и оставались въ своихъ ротахъ, но исключались приказомъ по баталіону съ довольствія въ нихъ и числились при околоткѣ. Августѣйшій Шефъ неустанно заботился о санитарномъ состояніи баталіона, и на поздравленіе, посланное Его Высочеству въ день баталіоннаго праздника, удостоилъ слѣдующею отвѣтною телеграммою: „Мой славный стрѣлковый баталіонъ. Великая Княгиня и Я сердечно поздравляемъ съ баталіоннымъ праздникомъ. Пьемъ здоровье дорогихъ стрѣлковъ и надѣемся, что больныхъ попрежнему мало". Къ концу августа болѣзни усилились, и особенно давали себя чувствовать: перемежающаяся лихорадка, поносъ и пендинская язва. По докладѣ объ этомъ старшаго врача, коллежскаго совѣтника Лобачевскаго, полковникъ баронъ Зальца приказалъ ротнымъ командирамъ немедленно принять мѣры къ оздоровленію всего лагернаго расположенія и предохраненію нижнихъ чиновъ отъ многихъ, указанныхъ въ приказѣ по баталіону [15]), вредныхъ условій, въ особенности отъ питья сырой воды, замѣняя ее хорошо прокипяченою и даже чаемъ. Относительно послѣдняго необходимо отмѣтить весьма благодѣтельное въ то время нововведеніе для войскъ вообще, а для закаспійской области въ особенности, состоявшее въ отпускѣ, вмѣсто винныхъ порцій, чайнаго довольствія. Норма послѣдняго была установлена для всѣхъ войскъ, за исключеніемъ находившихся въ закаспійской области, по 78 золотниковъ чаю и по 2 фунта и 12 золотниковъ сахару въ день на сто человѣкъ; для войскъ же закаспійской области норма чайнаго довольствія была опредѣлена въ размѣрѣ одного фунта чаю и трехъ ф. сахару въ день на сто человѣкъ. Порядокъ веденія отчетности по чайному довольствію при-

[14]) Приказъ по баталіону 9-го іюня 1886 года № 160.
[15]) 31 авг. 1886 г. № 243.

нять тотъ же, какъ и для приварочнаго довольствія. Въ баталіонѣ ротные командиры ввели новое довольствіе съ 1-го сентября.

Положеніе стрѣлковъ постепенно улучшилось, и къ климатическимъ невзгодамъ они привыкли въ достаточной степени. Тѣмъ не менѣе, скука и тоска по родинѣ рѣзко давали себя чувствовать. Слабая же ихъ надежда избавиться отъ того и другаго возвращеніемъ въ Тифлисъ вскорѣ совсѣмъ угасла, когда было получено изъ штаба закаспійской области распоряженіе объ увольненіи въ запасъ арміи нижнихъ чиновъ срока 1882-го года, въ числѣ 208 человѣкъ. Этимъ баталіонъ ослаблялся настолько, что, за недостаткомъ людей до сорока-двухряднаго состава, приходилось дѣлить взводы на два отдѣленія вмѣсто четырехъ. Но дѣло, впрочемъ, уладилось, такъ какъ вскорѣ на пополненіе убыли были присланы люди изъ 77-го Тенгинскаго и 78-го Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ. Такъ какъ баталіонъ, дорожа своею репутаціею, всегда посылалъ, въ случаѣ требованія, на сформированіе или укомплектованіе другихъ частей, лучшихъ людей, но не всегда былъ отплачиваемъ тѣмъ же, то къ прибывшимъ нижнимъ чинамъ былъ строго примѣненъ циркуляръ главнаго штаба 1885-го года, по которому „новобранцы, назначенные въ стрѣлки, должны быть ловки и крѣпкаго тѣлосложенія, ростомъ не ниже аршина и трехъ вершковъ“, а затѣмъ, чтобы было обращено „особое вниманіе на состояніе глазъ, правильное устройство грудной клѣтки и вполнѣ здоровое состояніе грудныхъ и брюшныхъ органовъ“. Занятіе съ зачисленными въ списки баталіона—пришлось начать немедленно же и, что называется, съ азбуки, и хотя, вслѣдствіе миновапія жаровъ, это не было особенно утомительно, но все же отнимало у офицеровъ черезчуръ много времени и доставляло имъ массу хлопотъ.

Наконецъ, 22-го октября была получена радостная телеграмма о возвращеніи баталіона въ свою штабъ-квартиру. На этотъ разъ распоряженіе было безповоротное. Закипѣла дѣятельность по сдачѣ всякаго имущества въ описанномъ выше порядкѣ—и баталіонъ, поднявъ свои тяжести на 120 слишкомъ верблюдахъ, 25-го октября, въ 4 часа пополудни, тронулся въ обратный путь. Движеніе до Каррыбента происходило черезъ Рукнъ-Абадъ по берегу Теджена, причемъ стрѣлки получали по фунту мяса въ день на человѣка и имѣли свѣжую капусту изъ своихъ огородовъ, по десяти пудовъ на роту. Въ Каррыбентѣ баталіонъ простоялъ два дня и 1-го ноября былъ перевезенъ по закаспійской желѣзной дорогѣ черезъ Асхабадъ на станцію Узунъ-Ада. Здѣсь 3-го ноября онъ былъ посаженъ на пароходъ „Цесаревичъ Александръ“ и отплылъ въ г. Баку, а 8-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Тифлисъ. Командующій войсками почтилъ баталіонъ встрѣчею на вокзалѣ желѣзной дороги. О томъ, какое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этой встрѣчи, лучше всего свидѣтельствуетъ приказъ по кавказскому военному округу, послѣдовавшій въ тотъ же день:

„Осмотрѣвъ вступившій сего числа въ г. Тифлисъ 1-й кавказскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича стрѣлковый баталіонъ, я нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ въ отличномъ видѣ. Сдѣланный баталіономъ дальній переходъ изъ Серахса въ Тифлисъ не оставилъ ни малѣйшаго на немъ слѣда: люди имѣютъ такой молодцеватый, бравый, здоровый видъ, какъ будто они были дома, на мѣстѣ. Весьма отрадна также незначительная цифра больныхъ, оставленныхъ баталіономъ

въ закаспійской области. За такое примѣрное состояніе части считаю пріятнымъ долгомъ объявить мою искреннюю благодарность начальнику кавказской стрѣлковой бригады генералъ-маіору Трейтеру, командиру 1-го стрѣлковаго баталіона полковнику барону Зальца и всѣмъ его помощникамъ — штабъ и оберъ-офицерамъ баталіона. Молодцамъ стрѣлкамъ прошу передать мое сердечное спасибо". Слова эти были вполнѣ заслужены стрѣлками, если взять во вниманіе все, перенесенное ими въ закаспійскихъ степяхъ съ начала 1885-го года. Обстоятельную оцѣнку этой тяжелой службы Царю и отечеству, послѣ которой не встрѣтится надобности въ общихъ выводахъ, далъ въ своемъ приказѣ ближайшій свидѣтель ихъ дѣятельности начальникъ закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ:

„Съ глубокимъ сожалѣніемъ разставаясь съ этими прекрасными во всѣхъ отношеніяхъ частями [16]), считаю особенно пріятною для себя обязанностью высказать на прощанье мою искреннюю благодарность, какъ начальникамъ означенныхъ частей, такъ и всѣмъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ за ихъ почти двухлѣтнюю службу въ предѣлахъ закаспійской области. Не смотря на то, что всѣ части резерва выступили съ Кавказа почти форсированнымъ маршемъ, онѣ прибыли въ блестящемъ видѣ и въ полной боевой готовности. Насколько подготовка эта была хороша, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что, не смотря на всю новизну и непривычку къ тяжелой обстановкѣ степныхъ походовъ, всѣмъ частямъ резерва пришлось выдержать этотъ походъ съ первыхъ же дней вступленія въ предѣлы области и разрѣшить съ честью задачу, которая всегда признавалась одною изъ самыхъ тяжелыхъ для закаленныхъ и привычныхъ частей. Не входя въ подробное перечисленіе всей служебной дѣятельности войскъ резерва, за время пребыванія ихъ въ области, я не могу не указать на болѣе выдающіеся въ этомъ отношеніи факты, которыми можно и должно гордиться, а именно: 1) въ одну изъ самыхъ неблагопріятныхъ минутъ пришлось совершить 1-му кавказскому стрѣлковому баталіону переходъ изъ Асхабада въ Серахсъ. Дождь, непогода, пустыня и безлюдная мѣстность—все это преодолѣли молодцы стрѣлки шутя, не оставивъ даже по пути ни одного больного. 2) Когда осенью прошлаго года выяснилось, что части резерва остаются въ области, ими въ самый непродолжительный срокъ были устроены прекрасныя помѣщенія, давшія возможность не только перезимовать, но и могущія служить еще нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи войска резерва оставили по себѣ хорошую память. Не могу не прибавить къ этому, что ни усиленные труды по возведенію казармъ, ни форсированные марши, ни самая обстановка, близко подходившая къ боевой бивачной жизни, не помѣшали войскамъ резерва вести обычныя занятія съ полною энергіею и представиться на всѣхъ моихъ смотрахъ, равно и на послѣднемъ смотру его сіятельства князя Дондукова, въ блестящемъ видѣ. Не менѣе хорошо поставлена была въ нихъ и часть хозяйственная. 3) Наконецъ, не могу обойти молчаніемъ въ высшей степени отрадные факты, что за всѣ эти два года санитарное состояніе войскъ резерва было прекрасное, и что мнѣ ни разу не пришлось слышать нареканія на нравственность нижнихъ чиновъ, на какія бы то ни было недоразумѣнія между войсками резерва и жителями, мѣстной администраціей или остальными частями войскъ закас-

[16]) 1-й и 3-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны и Кизляро-Гребенской казачій полкъ.

пійской области. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ воинской дисциплины и полной заботливости по отношенію къ ввѣреннымъ войскамъ какъ со стороны ихъ начальниковъ, такъ и всѣхъ вообще гг. офицеровъ и начальствующихъ нижнихъ чиновъ. Я глубоко убѣжденъ, что съ такими задатками и съ такою подготовкою войска резерва съ честью выполнили бы ту задачу, которая выпала бы на ихъ долю въ случаѣ дальнѣйшаго осложненія политическихъ обстоятельствъ, и къ прежней своей боевой славѣ прибавили бы еще нѣсколько новыхъ блестящихъ страницъ". Въ заключеніе генералъ-лейтенантъ Комаровъ, между прочимъ, выразилъ благодарность полковнику барону Зальца и всѣмъ офицерамъ, а „молодцамъ стрѣлкамъ" Его Высочества баталіона—свое задушевное спасибо [17]).

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „войскамъ кавказскаго резерва, все время, со дня прибытія ихъ въ закаспійскую область по день открытія разграничительныхъ работъ съ Авганистаномъ, т. е. по 30-е октября 1885-го года, считать за военный походъ, со внесеніемъ онаго въ послужные списки воинскихъ чиновъ, участвовавшихъ въ передвиженіяхъ означеннаго резерва". Такимъ образомъ, послужные списки стрѣлковъ украсились новою страницею ихъ честной службы Государю.

Тотчасъ же по прибытіи баталіона въ Тифлисъ, полковникъ баронъ Зальца приступилъ къ приведенію въ порядокъ всего, что оказалось разстроеннымъ послѣ продолжительнаго похода. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на ротное хозяйство и 12-го ноября потребовалъ отъ ротныхъ командировъ вѣдомости всѣмъ недостающимъ и подлежащимъ исправленію вещамъ. Въ возстановленіи хозяйственной части затрудненій не могло быть, такъ какъ баталіонъ вообще и каждая рота отдѣльно, по возвращеніи изъ закаспійской области, обладали небывалымъ до того времени благосостояніемъ [18]).

Среди всѣхъ вообще хозяйственныхъ распоряженій описываемыхъ лѣтъ заслуживаетъ особеннаго вниманія весьма поучительный для всѣхъ частей войскъ и дотолѣ нетронутый вопросъ о солдатской кашѣ, поднятый еще начальникомъ бригады генераломъ Гурчинымъ. До сихъ поръ было извѣстно, что изъ полфунта мяса, отпускаемаго на солдата, получалась, послѣ варки, порція вѣсомъ въ 22 золотника. По этой нормѣ всегда имѣлась возможность узнать, получаетъ ли солдатъ хотя приблизительно полагаемое на него количество мяса. Этого нельзя было сказать относительно каши, и отъ благоусмотрѣнія кашевара зависѣло дать ея солдату больше или меньше, такъ какъ не существовало нормы для этой дачи. Солдатъ отлично зналъ, что на него отпускается отъ казны 32 золотника крупы, и что, по раскладкѣ, утвержденной начальникомъ бригады генералъ-маіоромъ Гурчинымъ, изъ этихъ 32-хъ золотниковъ ежедневно на каждаго нижняго чина 4 золотника употреблялись въ щи, а 28 золотниковъ шли на приготовленіе каши. Нѣсколько разъ генералъ Трейтеръ провѣрялъ дачу каши и находилъ, что во всѣхъ частяхъ она выдается солдату далеко не въ одинаковомъ количествѣ,

---

[17]) Приказъ по войскамъ закаспійской области 5-го ноября 1886 года № 338.

[18]) Къ 1-му ноября въ баталіонѣ было: баталіонныхъ суммъ 45337 р. 40½ к.; ротныхъ: въ 1-й ротѣ—2455 р. 21 к., во 2-й—2435 р. 97 к., въ 3-й 2522 р. 43¼ к., въ 4-й —2416 р. 67¼ к. Всего же денегъ баталіонныхъ, ротныхъ и хора бригадной музыки было 55167 р. 69 к. (Приказъ по баталіону 25-го ноября 1886 года № 329).

изъ чего было ясно, что произволъ кашевара составлялъ единственную въ этомъ отношеніи норму. Чтобы опредѣлить точное количество каши, которое могло получиться изъ 28 золотниковъ крупы, и при томъ изъ каждаго сорта отдѣльно, генералъ Трейтеръ предложилъ—во всѣхъ ротахъ каждаго баталіона и сотняхъ дружины въ теченіи тридцати дней, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ротныхъ командировъ, при участіи младшихъ штабъ-офицеровъ и подъ общимъ руководствомъ начальниковъ частей, произвести испытаніе приготовленія каши. Для болѣе точныхъ выводовъ начальникъ бригады велѣлъ вести журналъ, въ который былъ бы записанъ ежедневный расходъ продуктовъ, по вѣсу, положенныхъ въ кашу. Въ этотъ же журналъ должны были вписывать и средній выводъ вареной каши на каждую дачу крупы въ 28 золотниковъ. Опыты дали возможность опредѣлить среднее количество получаемой солдатомъ каши вѣсомъ около 72-хъ золотниковъ.

Дѣятельность по другимъ отраслямъ хозяйства, какъ въ ротахъ, такъ и баталіонѣ, шла необыкновенно быстро. Но за то, заготовленіе мундирной одежды и разныхъ необходимыхъ предметовъ отразилось на баталіонныхъ и въ особенности на ротныхъ суммахъ весьма чувствительнымъ образомъ, такъ что къ 1-му января 1887 года въ 1-й ротѣ осталось всего 578 руб. 25 коп., во 2-й—492 руб. 65 коп., въ 3-й 428 руб. 40 коп. и въ 4-й 425 руб. 29 коп. Такимъ образомъ, громадная экономія, пріобрѣтенная въ закаспійской области, пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Солдаты также приберегли копѣйку и, не взирая на то, что по возвращеніи въ штабъ-квартиру кое-чѣмъ обзавелись, все же къ 15-му января 1887 года 148 человѣкъ изъ нихъ имѣли въ казенномъ денежномъ ящикѣ собственныхъ денегъ 2760 руб.

Рядомъ съ хозяйственнымъ благоустройствомъ приложены серьезныя заботы и относительно санитарной части, такъ какъ въ концѣ 1886-го года, вслѣдствіе прибытія до трехсотъ новобранцевъ и скученности въ размѣщеніи нижнихъ чиновъ, появились случаи заболѣванія брюшнымъ тифомъ, а въ особенности трахомою глазъ [19]). Источники заболѣванія вскорѣ были обнаружены старшимъ врачемъ Лобачевскимъ, а командиромъ баталіона предпринятъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ благія послѣдствія [20]). Но дѣлу помогло еще и то обстоятельство, что, по распоряженію главнаго штаба, сверхкомплектъ, превышающій 42-хъ-рядный въ полуротахъ составъ, въ числѣ 139 нижнихъ чиновъ, былъ переведенъ въ концѣ апрѣля въ полки 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи. Это дало возможность расположить оставшихся въ баталіонѣ людей съ большимъ удобствомъ и съ возможнымъ соблюденіемъ санитарныхъ требованій.

Понятно, что зимнія занятія при сказанныхъ условіяхъ должны были нѣсколько затормазиться. Однако смотръ, произведенный молодымъ солдатамъ полковникомъ барономъ Зальца, показалъ, что ротные командиры съумѣли обходить всѣ затрудненія и поставить свое дѣло почти на тотъ уровень, котораго держался баталіонъ до послѣдняго похода. Молодые солдаты, какъ по строевому образованію и гимнастикѣ, такъ и по теоретической под-

---

[19]) Суровая зима не допускала держать окна отворенными достаточное время или же производить занятія на открытомъ воздухѣ, и тѣмъ отнимала способъ бороться со зломъ.

[20]) Прик. по бат. 7 и 16 февраля 1887 г. №№ 38, 47.

готовкѣ, оказались вообще довольно хороши. Безъ недостатковъ, конечно, не обошлось, и они были подробно указаны въ приказахъ по баталіону. Еще больше усердія выказали офицеры, завѣдывающіе школами 2-й, 3-й и 4-й ротъ; за полную добросовѣстность имъ была выражена „истинная признательность“ командира баталіона. Школа же 1-й роты оказалась весьма слабою. Все остальное, не смотря на многія неблагопріятныя условія, находилось въ удовлетворительномъ состояніи, и надо было желать только успѣховъ отъ лѣтнихъ занятій, тѣмъ болѣе, что баталіонъ ожидалъ смотра стрѣльбы по Высочайшему повелѣнію, и при томъ на новой лагерной стоянкѣ близь селенія Тіонеты, куда стрѣлки прибыли 30-го мая. На первый разъ казалось, что незнакомство съ мѣстностью, требовавшею извѣстной траты времени и труда на приспособленія различнаго рода и, между прочимъ, постоянные дожди отнимутъ у стрѣлковъ возможность заниматься своимъ дѣломъ съ должною пользою, но послѣдствія показали противное. Еще задолго до вступленія стрѣлковой бригады въ Тіонеты, генералъ-маіоръ Трейтеръ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи при 1-мъ кавказскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ своднаго лазарета на 56-ть человѣкъ, соображаясь съ числомъ вещей, имѣвшихся въ баталіонахъ и дружинѣ. Разрѣшеніе послѣдовало тѣмъ скорѣе, что вблизи лагернаго расположенія бригады не имѣлось ни одного госпитальнаго учрежденія. Лазаретъ былъ устроенъ съ первыхъ же дней прибытія баталіона въ лагерь и велъ свои дѣла блистательно, какъ въ санитарномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, а въ особенности въ послѣднемъ. Затѣмъ, дабы занятія не проигрывали отъ неблагопріятныхъ условій мѣстности и климата, начальство регулировало ихъ болѣе сообразно съ обстоятельствами. Въ числѣ прочихъ наставленій ротнымъ командирамъ обращаетъ на себя вниманіе обязательство, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ заблаговременно составлять программу для ученія. Такую программу, кратко и точно опредѣляющую послѣдовательность ученія, командиръ роты долженъ былъ имѣть при себѣ во время ученія, которое являлось такимъ образомъ вполнѣ обдуманнымъ, цѣлесообразнымъ актомъ въ области мирныхъ занятій [21]).

Смотръ стрѣльбы, произведенный въ началѣ августа по Высочайшему повелѣнію начальникомъ гвардейской стрѣлковой бригады генералъ-лейтенантомъ Эллисомъ, доказалъ, что ротные командиры съумѣли обойти затрудненія и неблагопріятныя для ученія условія. Результаты смотровой стрѣльбы были слѣдующіе:

Стрѣльба нижнихъ чиновъ.

Изъ винтовокъ:					Изъ револьвер.:	
На 300 шаговъ. Фигура во весь ростъ.	На 800 шаговъ. 6 фигуръ во весь ростъ.	На 200 шаговъ. Скорая 5 секундная, въ головную.	На 200 шаговъ. Учащенная 30 секундная, въ поясную.	Залпами въ 30 секундъ на 800 шаговъ, въ 12 фигуръ.	Непрерывно 6 патроновъ въ 30 секундъ.	
					Чис. стрѣл.	На 25 шаговъ въ мишень во весь ростъ.
57% Отлично +7	55% Отлично +5	38% Оч. хор. +8	56% Отлично +11	44% Отлично +4	12	67% Отлично +2

[21]) Приказъ по баталіону 6-го іюня 1837 года № 157.

Стрѣльба оберъ-офицеровъ.

Изъ винтовокъ.			Изъ револьверовъ.		
Число стрѣлявшихъ.	На 800 шаговъ. 6 фигуръ во весь ростъ.	На 200 шаговъ. Фигура во весь ростъ.	Число стрѣлявшихъ.	На 25 шаговъ. Въ мишень во весь ростъ.	
15	55% Отлично + 3.	68% Отлично + 3.	15	59% Очень хорошо + 4.	

Результаты эти получены при 11,75% всего расхода людей въ отношеніи списочнаго числа и 4,7% неокончившихъ курса или необучавшихся стрѣльбѣ по разнымъ уважительнымъ причинамъ. Инспекторъ нашелъ, сверхъ того, отличный порядокъ во время стрѣльбы, а техническую часть въ превосходномъ состояніи. Свой взглядъ генералъ Эллисъ высказалъ въ предписаніи [22]) полковнику барону Зальца въ слѣдующихъ словахъ: „стрѣлковая часть во ввѣренномъ вамъ баталіонѣ найдена мною въ отличномъ состояніи, что и выражается общимъ результатомъ смотровой стрѣльбы отлично + 5, и если баталіонъ въ настоящемъ году не оказался внѣ разряда, то я отношу это только къ одной случайности“.

Осмотръ оружія, произведенный въ 1887 году штабъ-офицеромъ, осматривавшимъ его въ войскахъ Закавказья, показалъ, что этотъ первостепенный отдѣлъ стрѣлковой части всегда обращалъ на себя серьезное вниманіе тѣхъ, кому слѣдовало заботиться о немъ. Винтовки найдены вообще въ очень хорошемъ состояніи. „Принимая во вниманіе: 1) что баталіонъ недавно возвратился изъ почти двухлѣтняго пребыванія въ закаспійской области; 2) что, по заявленію командира баталіона, ни одинъ стволъ, по возвращеніи изъ этого похода, не подвергался ни свинцованію, ни фришеванію, и 3) что, при осмотрѣ, даже безвредныхъ легкихъ слѣдовъ ржавчины и царапинъ найдено въ каналахъ стволовъ самое ничтожное число,—сбереженіе винтовокъ въ баталіонѣ, особенно въ 1-й и 2-й ротахъ, слѣдуетъ считать отличнымъ“ [23]). Затѣмъ, перечисляя въ подробности найденные незначительные недостатки, осматривавшій оружіе продолжаетъ: „вольнонаемный оружейный мастеръ Фердинандъ Клеттъ—тотъ же, который находился въ баталіонѣ и въ прошлый осмотръ оружія, и попрежнему выполняетъ всѣ свои обязанности съ образцовою точностью и добросовѣстностью, съ усердіемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла. Офицеръ, завѣдывающій въ баталіонѣ оружіемъ, поручикъ Дидиговъ, находится въ этой должности съ конца 1883 года и выполняетъ ее во всѣхъ подробностяхъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ, усердіемъ и добросовѣстностью“. Съ своей стороны полковникъ баронъ Зальца, „придавая весьма важное и серьезное значеніе отзывамъ и похваламъ, высказаннымъ столь компетентнымъ лицомъ, какъ подполковникъ Каневскій“, выразилъ поручику Дидигову и мастеру Клетту, а также командирамъ ротъ [24]) свою „искреннюю и глубокую признательность“.

---

[22]) 11-го августа 1887 года № 46.

[23]) Приказъ по баталіону 30-го іюля 1887 года № 212.

[24]) 1-ю ротою командовалъ капитанъ Малюженко, 2-ю—штабсъ-капитанъ Габаевъ 3-ю—капитанъ Вояковскій и 4-ю—штабсъ-капитанъ Дарскій.

Таково было положеніе баталіона послѣ полувѣковой его службы Царю и отечеству къ знаменательному для него дню 10-го іюля 1887-го года. Къ чествованію этого пятидесятилѣтняго юбилея баталіона офицеры готовились давно и опасались только, какъ бы безпрестанные въ Тіонетахъ дожди не омрачили ихъ свѣтлаго праздника. Но судьба сжалилась — и точно лишь для стрѣлковъ, потому что до праздника и послѣ него дождь продолжалъ свое дѣло. На праздникъ собрались офицеры всей кавказской стрѣлковой и гренадерской артилерійской бригадъ и съ небывалымъ торжествомъ отпраздновали 1-й день [25]). Между прочимъ, изъ Тифлиса привезли стараго гомборца, поступившаго въ баталіонъ при его сформированіи, героя знаменитаго кереламскаго отступленія, заслужившаго тамъ знакъ отличія военнаго ордена—отставного унтеръ-офицера Ивана Горчакова. Изъ самыхъ старыхъ въ баталіонѣ нижнихъ чиновъ обращалъ на себя особенное вниманіе унтеръ-офицеръ Илья Чувеляевъ, украшенный множествомъ медалей и двумя большими за сверхсрочную службу. Чувеляевъ былъ извѣстенъ какъ рѣдкій унтеръ-офицеръ по безпредѣльной честности, аккуратности, исполнительности и по всѣмъ прочимъ воинскимъ добродѣтелямъ. Онъ—отраженіе старой славы, живой образъ прославленныхъ гомборцевъ; онъ пользовался необычайнымъ почетомъ и безграничнымъ довѣріемъ командира и офицеровъ. Въ торжественныхъ случаяхъ честь носить знамя баталіона предоставлялась одному лишь Чувеляеву, не смотря на то, что онъ состоялъ фельдфебелемъ нестроевой команды [26]). Затѣмъ, изъ офицеровъ, прошедшихъ школу кавказской войны, на праздникѣ были служившіе и въ это время въ баталіонѣ подполковникъ, нынѣ генералъ-маіоръ Линдбладтъ, имѣющій знакъ отличія военнаго ордена за отступленіе изъ Анцуха, и капитанъ, нынѣ подполковникъ Кирпотинъ, произведенный въ прапорщики изъ юнкеровъ, въ 1863-мъ году, за отличіе въ присутствіи Главнокомандующаго въ дѣлѣ на Пшишѣ.

Въ этотъ день полковникъ баронъ Зальца послалъ телеграммы: Его Императорскому Величеству, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю Михаилу Николаевичу и Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ и удостоился получить слѣдующіе отвѣты:

„Государь Императоръ, по прочтеніи телеграммы вашей, соизволилъ повелѣть благодарить васъ и всѣхъ чиновъ баталіона за вѣрноподданическія чувства и поздравить съ баталіоннымъ праздникомъ. Генералъ-адъютантъ Обручевъ“.

Отъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Шефа получены были двѣ телеграммы:

1) „Мой дорогой стрѣлковый баталіонъ. Сердечно поздравляю съ праздникомъ, пью здоровье молодцовъ стрѣлковъ. Хороша ли новая лагерная стоянка, много ли больныхъ, какъ стрѣльба? Михаилъ“. 2) „Спасибо Моимъ стрѣлкамъ за любезную депешу. Не поздравилъ съ годовщиною, ибо не зналъ,

---

[25]) Подробности праздника описаны въ свое время въ газетѣ „Кавказъ“ и въ „Русскомъ Инвалидѣ“.

[26]) Умеръ зимою 1891 г. въ тифлисскомъ военномъ госпиталѣ, въ Навтулугѣ. На его похороны явился баталіонъ въ полномъ составѣ; гробъ съ покойникомъ былъ вынесенъ изъ часовни и поставленъ на катафалкъ офицерами баталіона.

что сегодня празднуется [27]). Исполняя это теперь, Шефъ увѣренъ, что Его славный баталіонъ и впредь будетъ также блистательно и храбро служить, какъ и въ первое пятидесятилѣтіе своего существованія, въ теченіе коего онъ удостоился получить столько боевыхъ отличій. Ура, ура! молодцамъ гомборцамъ. Михаилъ".

Отъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны были получены также двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія:

1) „Очень признательна славнымъ стрѣлкамъ за любезную депешу и отъ души поздравляю всѣхъ съ баталіоннымъ праздникомъ и пятидесятилѣтнею годовщиною сформированія онаго. Ольга". 2) „Отъ всей души поздравляю васъ и баталіонъ съ годовщиною и сердечно благодарю за добрую память. Жалѣю, что не могу отпраздновать этотъ день съ вами. Пью здоровье славнаго и знаменитаго боеваго баталіона. Ура! Ольга".

Чтеніе этихъ милостивыхъ и теплыхъ привѣтствій сопровождалось, конечно, выраженіемъ искренняго, задушевнаго восторга стрѣлковъ и общимъ продолжительнымъ „ура". Кромѣ того, были получены телеграммы отъ Августѣйшихъ Стрѣлковъ—Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Михаиловичей и отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ и офицеровъ, служившихъ въ баталіонѣ. Три дня продолжался праздникъ, причемъ особенное вниманіе было обращено на увеселенія нижнихъ чиновъ: солдатскія игры, представленія и всевозможныя зрѣлища слѣдовали одни за другими; было израсходовано для этого изъ однѣхъ баталіонныхъ суммъ болѣе тысячи рублей. Нижнимъ чинамъ было роздано множество подарковъ необходимыми въ быту ихъ вещами. Было произнесено много рѣчей въ честь прошлой славной жизни и дѣятельности баталіона. Содержаніемъ ихъ, главнымъ образомъ, являлось то значеніе, которое имѣлъ баталіонъ въ рядахъ прошлой безсмертной кавказской арміи, равно и положеніе, котораго онъ достигъ ко дню своего полувѣкового юбилея путемъ продолжительныхъ трудовъ и кровавыхъ испытаній.

Послѣдующее десятилѣтіе мирной службы баталіона, въ командованіе имъ полковниковъ: Левестама, кавалера ордена Св. Георгія 4 степени, съ 1889—1896 и затѣмъ Сагинова, кавалера того же ордена, не ознаменовалось выдающимися событіями, за исключеніемъ Высочайшаго смотра, при посѣщеніи Кавказа Государемъ Императоромъ Александромъ III-мъ въ 1888-мъ году и празднованія 25-ти лѣтія шефскаго юбилея въ томъ же году, а также перевооруженія стрѣлковъ трехлинейными винтовками. Баталіонъ неукоснительно велъ и ведетъ дѣло своего матеріальнаго и духовнаго совершенствованія. Оставляя подробное изложеніе послѣдняго будущему историку, нельзя, въ заключеніе, не оглянуться на полувѣковую

---

[27]) Первоначально предполагалось отпраздновать годовщину въ гор. Тифлисѣ, по возвращеніи изъ Тіонетъ, въ виду удобствъ, и объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Шефа. Затѣмъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, рѣшено было отпраздновать юбилей во что бы ни стало 10-го іюля. Объ этомъ Шефъ узналъ уже по полученіи телеграммы, посланной 10-го іюля.

Полковникъ Сагиновъ.

Полковникъ Толстой.

Генералъ-лейтенантъ Комаровъ.

Полковникъ баронъ Зальца.

Полковникъ князь Барятинскій.

Полковникъ Левестамъ.

Генералъ-отъ-инф. Фрейгангъ.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 19

службу гомборцевъ и не воскресить въ общихъ чертахъ громаднаго значенія этой службы.

Съ первой минуты прибытія на Кавказъ и до окончательнаго покоренія его, баталіонъ былъ выдающимся двигателемъ и мощнымъ пособникомъ другимъ частямъ войскъ въ достиженіи той цѣли, изъ за которой въ теченіе шестидесяти слишкомъ лѣтъ принесено нами такъ много жертвъ.

Благодаря своей организаціи, назначенію, внутреннему складу и направленію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и исключительному своему оружію, онъ принесъ дѣлу покоренія края весьма вѣскія услуги и сберегъ отъ погибели не одну сотню дорогихъ и часто незамѣнимыхъ для службы нашей родинѣ головъ. Это легко заключить изъ тѣхъ случаевъ, когда мѣткій огонь стрѣлковъ не разъ останавливалъ рѣшительныя атаки сильныхъ скопищъ непріятеля или прикрывалъ движеніе войскъ, охраняя ихъ отъ потерь въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Иногда даже одно появленіе гомборцевъ измѣняло всѣ шансы боя—и это хорошо помнятъ и до сихъ поръ оставшіеся въ живыхъ кавказскіе ветераны, не говоря о всякихъ другихъ офиціальныхъ и частныхъ засвидѣтельствованіяхъ, которыя перешли уже въ исторію. Часто раздававшіяся въ разгарѣ боя слова: „держись, братцы, гомборцы идутъ“! поднимали духъ солдата до крайняго напряженія, а погибель у непріятеля лучшихъ людей, которыхъ дальній и мѣткій огонь штуцеровъ вырывалъ изъ рядовъ навыборъ, въ то же время связывала врагамъ руки и парализовала ихъ дѣйствія.

Что касается развитія на Кавказѣ стрѣлковаго искусства и знакомства войскъ съ раціональною стрѣльбою, возведенною на степень одного изъ отдѣловъ военной науки, то въ этомъ случаѣ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ безспорно можетъ считать за собою право и названіе піонера для всѣхъ кавказскихъ войскъ, а урочище Гомборы можетъ быть названо школою, центромъ и разсадникомъ познаній въ этомъ родѣ, въ особенности для вновь формируемыхъ частей, которыя всегда заботились объ обогащеніи ихъ кадровъ возможно большимъ числомъ гомборскихъ стрѣлковъ. Не менѣе сильно и важно было также нравственное вліяніе гомборцевъ на остальныя части кавказскаго корпуса, благодаря тому высокому во всѣхъ отношеніяхъ уровню офицеровъ баталіона, который невольно возбуждалъ соревнованіе и подражаніе. Въ баталіонѣ никогда не случалось крупнаго или коллективнаго нарушенія дисциплины, а о какихъ либо случаяхъ нарушенія присяги или совершенія поступковъ, компрометирующихъ добрую славу части, и говорить нечего. Быстро и неотразимо передавались и усвоивались эти качества всѣми новыми чинами, вступавшими въ среду баталіона, и такимъ образомъ съ каждымъ поколѣніемъ укрѣплялась его мощь и репутація. Традиціи баталіона были слишкомъ жизненны, чтобы не дѣйствовать даже на самыя неподатливыя натуры, случайно попадавшія въ ряды баталіона, и не передѣлывать ихъ. Эти традиціи до сихъ поръ бережно охраняются командирами и офицерами, для которыхъ важнѣйшимъ въ этомъ отношеніи стимуломъ была и есть та неизмѣнно-милостивая благосклонность, которою даритъ ихъ и понынѣ обожаемый Августѣйшій ихъ Шефъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Списокъ Высочайшимъ Особамъ и офицерамъ, служившимъ и служащимъ въ нынѣшнемъ 1-мъ кавказскомъ стрѣлковомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонѣ съ 1837-го по 1897-й годъ.

Августѣйшій Шефъ, Высочайше зачисленный въ списки баталіона Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Генералъ-Фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Михайловичъ.

1. Аганджановъ, Агабекъ Рафаиловичъ.
2. Алексѣевъ, Лукьянъ Кузьмичъ.
3. Аленинъ 1-й, Владиміръ Никитичъ.
4. Аленинъ 2-й, Николай Никитичъ.
5. Аммонтъ, Эрнстъ Іогановичъ.
6. Амилахвари, кн. Америндо Америндовичъ.
7. Аппельбергъ, Вольдемаръ Адольфовичъ.
8. Араратскій, Исаакъ Іосифовичъ.
9. Аргутинскій, кн. Георгій Васильевичъ.
10. Арутюновъ, Филиппъ Артемьевичъ.
11. Арцыбашевъ, Николай Аполлоновичъ.
12. Аткинсонъ, Алексѣй Васильевичъ.
13. Байковъ, Левъ Матвѣевичъ.
14. Балбашевскій, Леонардъ Леонардовичъ.
15. *Барятинскій, князь Александръ Анатоліевичъ.*
16. Бафталовскій, Петръ Ивановичъ.
17. Бахтіаровъ, Николай Яковлевичъ.
18. Бекманъ, Отто.
19. Бейеръ 1-й, Александръ Александровичъ.
20. Бейеръ 2-й, Клавдій Александровичъ.
21. Бейнардтъ, ФранцъФранцовичъ.
22. Бѣшенцовъ.
23. Богдановъ, Андрей Федоровичъ.
24. Брунстремъ, Карлъ Ивановичъ.
25. Бреннеръ.
26. Брикнеръ.
27. Бучинскій, Викентій Антоновичъ.
28. Бѣлинскій, Сергѣй Іосифовичъ.
29. Бѣлицкій, Владиміръ Степановичъ.
30. Вальгренъ.
31. Ваксмутъ.
32. Варинскій, Павелъ Васильевичъ.
33. Варламовъ, Николай Ивановичъ.
34. Васильевъ, Михаилъ Евгеніевичъ.
35. Венюковъ 1-й, Викторъ Ивановичъ.
36. Венюковъ 2-й, Владиміръ Ивановичъ.
37. Ветошниковъ, Михаилъ Александровичъ.
38. *Вибергъ, Александръ Карловичъ.*
39. Винарскій, Люціушъ Яковлевичъ.
40. Вольтеръ.
41. Вояковскій, Викторъ Рафаиловичъ.
42. Вонсевичъ.

43. Воскресенскій, Викторъ Александровичъ.
44. Фонъ-Врисбергъ, Генрихъ Рудольфовичъ.
45. Фонъ-Вульфенъ, Густавъ Адольфовичъ.
46. Габаевъ 1-й, Прангистанъ Андреевичъ.
47. Габаевъ 2-й, Василій Давыдовичъ.
48. Гагаринъ, кн. Иванъ Владиміровичъ.
49. Газенкампфъ, Иванъ Александровичъ.
50. Гамовъ, Константинъ.
51. фонъ-Гаугребенъ, баронъ Верперъ.
52. Генкевичъ.
53. Геннингъ 1-й, Егоръ Владиміровичъ.
54. Геннингъ 2-й, Григорій Владиміровичъ.
55. Генумондъ, Эдмундъ Карловичъ.
56. Геричъ, Николай Феликсовичъ.
57. Глаголевъ, Дмитрій.
58. Гольцъ, Николай.
59. Гороновичъ, Иліодоръ Софроновичъ.
60. Грессеръ, Петръ Аполоновичъ.
61. Дарскій, Василій Петровичъ.
62. Девель, Дмитрій Федоровичъ.
63. Дегтянниковъ, Матвѣй Алексѣевичъ.
64. Дидиговъ, Атабай Налбатовичъ.
65. Дигуровъ, Михаилъ Петровичъ.
66. Добржанскій, Александръ Николаевичъ.
67. Домбровскій.
68. Жемчужниковъ, Аполлонъ Аполлоновичъ.
69. Загобель, Михаилъ Михайловичъ.
70. Загю 1-й, Николай Михайловичъ.
71. Загю 2-й, Михаилъ Михайловичъ.
72. *Зальца, баронъ Антонъ Егоровичъ.*
73. Залѣсскій, Матвѣй Даниловичъ.
74. Здановскій, Александръ Петровичъ.
75. Зинкевичъ, Федоръ.
76. Зыбинъ.
77. Ивановъ 1-й, Василій Ивановичъ.
78. Ивановъ 2-й, Григорій Поликарповичъ.
79. Ивановъ 3-й, Евгеній Андреевичъ.
80. Иванюковъ, Василій Васильевичъ.
81. Ильяшенко, Антонъ Николаевичъ.
82. Іолшинъ, Михаилъ Александровичъ.
83. Кабенинъ 1-й, Николай Петровичъ.
84. Кабенинъ 2-й, Василій Петровичъ.
85. Кадуринъ, Николай Федоровичъ.
86. Казакевичъ-Смолько, Викентій Викентьевичъ.
87. Калашниковъ 1-й.
88. Калашниковъ 2-й, Михаилъ Григорьевичъ.
89. Калашниковъ 3-й, Александръ Григорьевичъ.
90. Камбіаджіо, Алексѣй Людвиговичъ.
91. Каменскій 1-й, Прокофій Павловичъ.
92. Каменскій 2-й, Михаилъ Дмитріевичъ.
93. Картвеловъ, Давидъ Яковлевичъ.
94. Квартовкинъ, Петръ Игнатьевичъ.
95. *Киновичъ.*
96. Кирпотинъ, Иванъ Кузьмичъ.
97. Клименко, Павелъ Константиновичъ.
98. Клодтъ, фонъ-Юргенсбургъ, баронъ.
99. Ковальскій.
100. Колюбакинъ, Борисъ Михайловичъ.
101. *Комаровъ 4-й, Константинъ Виссаріоновичъ.*
102. Комаровъ, Викторъ Виссаріоновичъ.
103. Комендантовъ, Михаилъ Дмитріевичъ
104. Коптевъ, Николай Кировичъ.
105. Котлубай, Адольфъ Іосифовичъ.
106. Кравченко, Даніилъ Петровичъ.
107. Красовскій.
108. Кривенцовъ, Владиміръ Александровичъ.
109. *Кривоносовъ 1-й.*
110 Кривоносовъ 2-й, Дмитрій.
111. Кугушевъ, Хасанъ Невмятуловичъ.
112. Кущовъ, Иларіонъ Никифоровичъ
113. Курочкинъ, Константинъ Кузьмичъ.
114. Кутлоевъ, Георгій Захаровичъ.
115. Ланге, Канутъ Владиміровичъ.
116. Латернеръ, Михаилъ Сергѣевичъ.

117. Лебединскій, Евгеній Васильевичъ.
118. Лебедевичъ-Драевскій 1-й, Федоръ Дмитріевичъ.
119. Лебедевичъ-Драевскій 2-й, Василій Дмитріевичъ.
120. *Левестамъ, Михаилъ Юліевичъ.*
121. Левестамъ, Юлій Михайловичъ.
122. Левинъ, Михаилъ Алексѣевичъ.
123. Левицкій, Василій Николаевичъ.
124. Ленцъ, Эдуардъ Юстиновичъ (Ивановичъ).
125. Линдбладтъ, Леопольдъ Ивановичъ.
126. Лобачевскій, Владиміръ Владиміровичъ.
127. Ловчинскій, Владиміръ Ивановичъ.
128. Лонгиновъ, Александръ Гавриловичъ.
129. *Лузановъ, Константинъ Харитоновичъ.*
130. Лукинъ, Николай Павловичъ.
131. Лучковскій, Владиміръ Антоновичъ.
132. Малюженко, Павелъ Николаевичъ.
133. Максимовъ, Петръ Елисеевичъ.
134. Маркари, Константинъ Ивановичъ.
135. Мартыновъ, Михаилъ Васильевичъ.
136. Макшеевъ, Евграфъ Ивановичъ.
137. Махвеладзе, Иванъ Дмитріевичъ.
138. Махотинъ, Михаилъ Антоновичъ.
139. Мейстеръ, Аркадій.
140. Меликовъ 1-й, кн. Иванъ Левановичъ.
141. Меликовъ 2-й, кн. Петръ Левановичъ.
142. Меликовъ 3-й, кн. Михаилъ Левановичъ.
143. Менгденъ, графъ Александръ Федоровичъ.
144. Мерманъ, Отто Оттовичъ.
145. Мещериновъ, Сергѣй Ивановичъ.
146. Мицкевичъ, Георгій Юстиновичъ.
147. Мищенко - Анисимовъ, Петръ Карповичъ.
148. Могильянскій, Михаилъ Григорьевичъ.
149. Моренцъ, Константинъ Николаевичъ.
150. Меликъ-Мурадовъ, Степанъ.
151. Мякишевъ, Евграфъ Ивановичъ.
152. Невядомскій.
153. Нелюбовъ, Иванъ Матвѣевичъ.
154. Новиковъ, Павелъ Андреевичъ.
155. Новицкій 1-й, Егоръ Ивановичъ.
156. Новицкій 2-й, Петръ Ивановичъ.
157. Норденсванъ.
158. Олферьевъ, Петръ Александровичъ.
159. Орловъ 1-й, Василій Яковлевичъ.
160. Орловъ 2-й, Николай Яковлевичъ.
161. Палибинъ, Яковъ Михайловичъ.
162. Петрашевскій, Иванъ Гавриловичъ.
163. Петерсенъ, Павелъ Ивановичъ.
164. Побиванецъ, Павелъ Петровичъ.
165. Подымовъ, Александръ Александровичъ.
166. Познякъ 1-й, Эдмундъ Михайловичъ.
167. Познякъ 2-й, Станиславъ Францовичъ.
168. Покровскій, Александръ Петровичъ.
169. Поповъ, Владиміръ Михайловичъ.
170. Прага, Сергѣй Клементьевичъ.
171. *Прежевскій, Федоръ Григорьевичъ.*
172. Пржевальскій, Евгеній Іеронимовичъ.
173. Пржелецкій, Іосифъ Владиславовичъ.
174. Преображенскій, Петръ Васильевичъ.
175. Радванъ, Феофилъ - Людвигъ Павловичъ.
176. Рейдордтъ.
177. Рейтеръ, Иванъ Николаевичъ.
178. Рейхардтъ.
179. Ремизовъ, Матвѣй Григорьевичъ.
180. Реммертъ, Георгій Адольфовичъ.
181. Родзевичъ 1-й, Владиміръ Ивановичъ.
182. Родзевичъ 2-й, Николай Ивановичъ.
183. Роуба.
184. Рѣзуновъ, Вячеславъ Васильевичъ.
185. Рыльке 1-й, Станиславъ Даниловичъ.

186. Рыльке 2-й, Генрихъ Даниловичъ.
187. *Сагиновъ, Ростомъ Ивановичъ.*
188. Сазоновичъ, Павелъ Владиміровичъ.
189. Салтыковъ.
190. Свербѣевъ, Владиміръ.
191. Сергѣевъ, Иванъ Федоровичъ.
192. Спреліусъ, Отто.
193. Снаксаревъ, Ипполитъ Михайловичъ.
194. Солтановъ.
195. Сморадскій, Петръ Іосифовичъ.
196. Старосевильскій 1-й, Владиміръ.
197. Старосевильскій 2-й, Петръ.
198. Стефанекъ, Францъ Іогановичъ.
199. Строевъ, Николай Георгіевичъ.
200. Сусловскій, Николай Дорофѣевичъ.
201. Тальгренъ, Пауль Самуиловичъ.
202. Фонъ-Таубе, баронъ Вольдемаръ Антоновичъ.
203. Теслевъ.
204. *Толстой, Александръ Николаевичъ.*
205. Троновъ, Борисъ Александровичъ.
206. Трубачевъ, Николай Михайловичъ.
207. *Тунебергъ, Юстій.*
208. Тунебергъ 2-й, Фаддѣй.
209. Тюнинъ, Василій Адріановичъ.
210. Убиновъ, Михаилъ Михайловичъ.
211. Федоровъ, Иванъ Ивановичъ.
212. Феклистовъ.
213. Фитингофъ, Эмилій Карловичъ.
214. *Фрейгангъ, Александръ Васильевичъ.*
215. Фрейгангъ, Андрей Николаевичъ.
216. Хржановскій, Александръ Іосифовичъ.
217. Цыклауровъ, Николай Евгеніевичъ.
218. Цышкевичъ.
219. Чемодановъ, Николай Ивановичъ.
220. Чарнецкій, Казиміръ Іосифовичъ.
221. Фонъ-Чуди, Генрихъ Рудольфовичъ.
222. Шипулинъ, Владиміръ Павловичъ.
223. Шмидтъ, Іоганъ Яковлевичъ.
224. Штеръ, Владиміръ Сергѣевичъ.
225. Штубендорфъ, Вильгельмъ-Аркадій Эдуардовичъ.
226. Щербовичъ-Вечоръ, Александръ Ольгердовичъ.
227. Щербовичъ-Вечоръ, Владиміръ Ольгердовичъ.
228. Юдинъ 1-й, Федоръ Александровичъ.
229. Юдинъ 2-й, Дмитрій Александровичъ.
230. Якъ.

II.

Списокъ офицерамъ, поступившимъ въ 1837-мъ году на сформированіе 1-го стрѣлковаго баталіона.

Маіоръ фонъ-Тунебергъ—командиръ баталіона.
Штабсъ-капит. баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ—командиръ 1-й роты.
Поручики: Зенкевичъ—командиръ 2-й роты.
„ Брикнеръ—командиръ 3-й роты.
„ Вальгренъ—командиръ 4-й роты.
„ Роуба—баталіонный адъютантъ.
„ Рейхардтъ „ „
„ Вольтеръ „ „
Подпоручики: фонъ-Тунебергъ.
„ Ваксмутъ.
„ Гольцъ.
„ Якъ—баталіонный казначей.
„ Аленинъ.
Лекарь Озеровъ.

III.

Списокъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, штабъ-офицерамъ, командовавшимъ 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ (нынѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича) баталіономъ, со дня сформированія сего послѣдняго.

1) Маіоръ фонъ-*Тунебергъ*	Съ 10-го іюля 1837 по 25-е мая 1843 г.
Маіоръ *Эренкрейцъ*, временно-командовавшій, по приказ. командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, впредь до Высочайшаго назначенія особаго командира. . . .	Съ 10-го іюня по 1-е ноября 1843 г.
	Приказы о назначеніи:
2) Подполковникъ *Киновичъ*. . . .	4-го августа 1843 года.
3) Маіоръ *Кривоносовъ*	3-го января 1846 года.
Маіоръ *Араратскій*, временно-командовавшій съ 8-го мая по 30-е августа 1848 года.	
4) Маіоръ *Прежевскій*.	24-го іюня 1848 года.
5) Маіоръ *Лузановъ*.	2-го апрѣля 1853 года.
6) Полковникъ *Фрейгангъ*.	30-го декабря 1855 года.
7) Полковникъ *Вибергъ*.	29-го іюля 1861 года.
8) Подполковникъ *Комаровъ* 4-й .	19-го автуста 1863 года.
9) Маіоръ *Толстой*.	27-го марта 1868 года.
10) Подполковн. князь *Барятинскій*.	3-го декабря 1876 года.
11) Подполковникъ баронъ *Зальца*.	4-го февраля 1879 года.
12) Подполковникъ *Левестамъ*. . .	31-го іюля 1889 года.
13) Полковникъ *Сагиновъ*	25-го апрѣля 1897 года.

IV.

Списокъ убитымъ, раненымъ и контуженымъ офицерамъ 1-го кавказскаго стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона съ 1844-го по 1879-й годъ.

1844 г. іюня 22. Пор. Невядомскій.	Раненъ при отступленіи отъ аула Зубутъ.
1845 г. іюля 11. Поруч. Новицкій .	Раненъ при отступленіи отъ Дарго.
„ „ 14. Прапорщикъ Домбровскій	Убитъ на завалѣ въ даргинскомъ лѣсу.
„ „ 16. Поручикъ баронъ Врангель	Раненъ при штурмѣ завала.

1846 г. іюля 25.	Пор. Геннингъ 1-й.	Контужены при штурмѣ хребта Тлія.
„ „ „	Пор. Бучинскій .	
1847 г. іюня 4.	Прапорщ Бекманъ.	Раненъ при штурмѣ Гергебиля.
„ „ 8.	Прикомандир. шт.-кап. Кривоносовъ (Дмитрій)	Контуженъ при отступленіи отъ Гергебиля.
1847 г. іюня 27.	Прапорщикъ Сиреліусъ	Раненъ въ цѣпи при укр. Салты.
„ авг. 22.	Шт.-капит. Аленинъ 2-й.	Раненъ при укрѣпленіи Салты.
„ сент. 14.	Подпоруч. Брунстремъ	Убитъ при штурмѣ Салты.
1848 г. авг. 24.	Прапорщикъ Снаксаревъ	Раненъ во время фуражировки у хутора Сабдулы въ Чечнѣ.
1849 г. авг. 23.	Шт.-капит. Аленинъ 2-й	Ранены при отступленіи отъ укрѣпленія Чохъ.
„ „ „	Пор. Геннингъ 2-й.	
1852 г. января 16.	Прапорщ. Лукинъ.	Смертельно раненъ у аула Шеляги.
1853 г. ноября 2.	Пор. Аппельбергъ.	Раненъ подъ Баяндуромъ.
„ „ „	Поруч. Венюковъ.	Контуженъ тамъ же.
„ „ 19.	Полк. Лузановъ .	Ранены на башъ-кадыклярскихъ высотахъ и послѣдній изъ нихъ два раза.
„ „ „	Шт. капитанъ Геннингъ 2-й. . . .	
1854 г. іюля 24.	Прикомандир. прапорщ. Демонкаль.	Убитъ. / Раненъ. / Раненъ. — Въ сраженіи при с. Кюрюкъ-Дара.
„ „ „	Поруч. Ильяшенко.	
„ „ „	Шт.-к. Новицкій .	
1855 г. сент. 17.	Полковникъ Лузановъ	Убитъ. / Раненъ / Контуженъ. / Раненъ. — При штурмѣ Карса.
„ „ „	Капит. Каменскій.	
„ „ „	Поручикъ Грессеръ.	
„ „ „	Прап. кн. Гагаринъ (Иванъ)	
1858 г. іюля 21.	Подпор. Тальгренъ (Пауль)	Раненъ при отступленіи изъ общества Анцухъ.
1860 г. авг. 30.	Поруч. Аткинсонъ.	Раненъ при раззореніи аула Антхырь.
„ сент. 28.	Подпор. гр. Менгденъ	Раненъ при овладѣніи ауломъ Эфтечуко-Хабль.

1861 г. нояб 20.	Шт.-К. Генумондъ.		
1862 г. февр. 27.	Поруч. Байковъ .		Ранены при рубкѣ лѣса на берегу Бѣлой.
„ „ „	Прап. Бѣлицкій .		
„ октября 4.	Капит. Смолько-Казакевичъ . . .		Убитъ при овладѣніи ауломъ Ахметуко-Хабль.
„ „ 11.	Прапорщ. Ленцъ.		Раненъ при овладѣніи позиціею на урочищѣ Кошко-Дечукъ.
1863 г. марта 3.	Прап. Бейнардтъ.		Раненъ въ дѣлѣ на рѣкѣ Пшишѣ.
„ апр. 27.	Подпор. гр. Менгденъ (Алексан.) .		Убитъ въ дѣлѣ на рѣкѣ Пшехѣ.
1877 г. апрѣл. 29.	Поручикъ Мищенко Анисимовъ. .	Убитъ.	При взятіи высотъ Аламбара.
„ „ „	Подпоруч. Гороновичъ	Контуженъ.	
„ „ „	Маіоръ Геричъ .	Раненъ.	
1877 г. август. 13.	Полков. кн. Барятинскій	Контуженъ.	Въ бою у Кизилъ-Тапа.
„ „ „	Прап. Бахтіаровъ.	Раненъ.	
„ „ „	Прап. Кривенцовъ.	Раненъ.	
„ сентяб. 20.	Пор. Бафталовскій.	Убитъ.	При штурмѣ горы б. Ягны.
„ „ „	Подпор. Латернеръ.	Контуженъ.	
„ октября 3.	Прап. Ковальскій.	Убитъ.	При штурмѣ горы Авліаръ.
„ „ „	Подпоруч. Алексѣевъ.	Раненъ.	
„ „ „	Прап. Шмидтъ .	Раненъ.	
„ „ „	Подпор. Купцовъ.	Контуженъ.	
„ ноября 5—6.	Маіоръ Геричъ. .	Убитъ.	При штурмѣ Карса.
„ „ „	Шт.-к. Клименко.	Убитъ.	
„ „ „	Кап. Линдбладтъ .	Раненъ.	
„ „ „	Подпоручикъ Курочкинъ.	Раненъ.	
„ „ „	Подпор. Убиновъ.	Контуженъ.	
1878 г. января 9.	Подпоруч. Картвеловъ		Контуженъ при штурмѣ горы Долисхана.
1879 г. авгус. 28.	Подпор. Шмидтъ.		Раненъ при штурмѣ Геокъ-тепе.

V.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему кавказскому стрѣлковому баталіону.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего къ отличному мужеству и храбрости, оказаннымъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ въ походѣ въ Анди и при взятіи Дарго, Всемилостивѣйше жалуя баталіону этому препровождаемое при семъ знамя съ надписью: „за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845 года“. Повелѣваемъ—освятивъ оное при прочтеніи предъ баталіономъ сей Нашей грамоты, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, россійскому воинству толико свойственными.

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ,
18-го марта 1846 года.

VI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему кавказскому гренадерскому стрѣлковому баталіону.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ (нынѣ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ) въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854 года, Всемилостивѣйше пожаловали Мы баталіону сему, приказомъ 30-го августа 1856 года, георгіевское знамя съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854 года“, съ сохраненіемъ и прежней на знамени надписи: „за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845 года“. Повелѣваемъ—Знамя сіе, освятивъ по установленію, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, россійскому воинству свойственными.

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ,
15-го Декабря 1858 года.

VII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему кавказскому гренадерскому стрѣлковому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіону.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости кавказскимъ гренадерскимъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича стрѣлковымъ баталіономъ при покореніи западнаго Кавказа въ 1864 году, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіону сему знаки на головные уборы съ надписью: „за отличіе при покореніи западнаго Кавказа въ 1864 году“. Повелѣваемъ— знаки сіи носить по установленію.

С.-Петербургъ,
20-го Іюля 1865 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

VIII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему 1-му кавказскому стрѣлковому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіону.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіономъ въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіону сему георгіевскіе серебряные сигнальные рожки съ надписью: „за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года“, и петлицы за военное отличіе на штабъ и оберъ-офицерскіе мундиры, и повелѣваемъ: сигнальные рожки употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, россійскому воинству свойственными, а петлицы носить по установленію.

С.-Петербургъ,
26-го ноября 1878 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

IX.

Приказъ по баталіону 5-го іюля 1841 года № 186.

Господинъ корпусный командиръ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ многіе нижніе чины брѣютъ усы; сверхъ этого, въ полкахъ дурно фабрятъ усы и вообще дурная фабра—по этому случаю изволилъ приказать: а) воспретить подъ строгою отвѣтственностью всѣмъ безъ исключенія нижнимъ чинамъ брить усы; о тѣхъ же, коимъ нужно будетъ брить оные потому, что дурно растутъ, испрашивать предварительно разрѣшенія его высокопревосходительства, и б) фабру, по распоряженію полковыхъ командировъ приготовлять для всего полка хорошей доброты.

О таковомъ приказаніи корпуснаго командира объявляя по ввѣренному мнѣ баталіону къ непремѣнному исполненію, предписываю о тѣхъ нижнихъ чинахъ, у которыхъ дурно растутъ усы, доносить мнѣ для доклада его высокопревосходительству. *Подполковникъ Тунебергъ.*

X.

Приказъ по баталіону 24-го января 1843 года № 24.

Господинъ инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, предписаніемъ отъ 23-го декабря 1842-го года № 1391, увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія его, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) По вооруженіи нынѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ новыми штуцерами съ ударными замками, для достиженія возможнаго совершенства въ мѣткой стрѣльбѣ усилить ученье въ семъ важномъ предметѣ и для того увеличить впредь отпускъ учебныхъ припасовъ 50-ю патронами болѣе противу настоящаго, что составитъ въ годъ 150 боевыхъ патроновъ, на число коихъ отпускать и капсюли, съ добавленіемъ на каждую сотню по 5-ти въ запасъ на случай осѣчекъ. На приготовленіе патроновъ къ новымъ штуцерамъ, согласно предположенію его, употреблять винтовочнаго пороху на каждый патронъ по $1^{1}/_{10}$ золотника и свинца на пулю по 8 $^{2}/_{10}$ золотника. 2) Для доставленія стрѣлковымъ баталіонамъ средствъ къ наградѣ нижнихъ чиновъ, отличающихся мѣткою стрѣльбою, и для поощренія тѣмъ прочихъ къ подобному соревнованію, отпускать ежегодно для сей надобности каждому баталіону по 50 руб. серебромъ, и 3) отпускаемыя стрѣлковымъ баталіонамъ ремонтныя деньги на кремни и патронную бумагу въ равномъ количествѣ съ другими пѣхотными войсками увеличить до 20-ти коп. серебромъ въ годъ и обратить оныя на покупку холста и жиру для пластыря на обертку пуль.

XI.

Приказъ по баталіону 3-го ноября 1843 года № 307.

Инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, въ дополненіе предписанія своего ко мнѣ за № 611, отъ 13-го октября за № 774, предложилъ: на присвоеніе нижнимъ чинамъ ввѣреннаго мнѣ баталіона, постоянно отличающимся въ стрѣльбѣ въ цѣль, для наградъ, въ томъ предписаніи означенныхъ, со внесеніемъ въ формулярные списки, соблюдать слѣдующія правила:

1) Изъ суммы, Высочайше опредѣленной на сей предметъ по 50 руб. серебромъ въ годъ, 1/3 предоставить въ денежную награду нижнихъ чиновъ, отличающихся въ стрѣльбѣ, по назначенію начальства корпуснаго штаба при смотрахъ баталіона, равно какъ и по усмотрѣнію между заслуживающими наградъ при личныхъ удостовѣреніяхъ моихъ въ успѣхахъ нижнихъ чиновъ въ семъ искусствѣ, и выдаваемыя такимъ образомъ деньги записывать, сходно предложенію его, отъ 23-го декабря 1842-го года № 1390, въ заведенную въ баталіонѣ на сей предметъ особую книгу, доставляя къ нему въ каждую треть именные списки, кому именно, когда и кѣмъ назначена денежная награда. 2) Остальныя 2/3 сказанной суммы хранить неприкосновенно до особо производимаго имъ ежегоднаго смотра, для покупки серебряныхъ часовъ и кубковъ въ награду по его усмотрѣнію отличнѣйшихъ стрѣлковъ. 3) Отличія галунною нашивкою унтеръ-офицеровъ на плечевые погоны и стрѣлковъ вокругъ обшлаговъ, конечно, частію будутъ присваиваться гг. корпуснымъ командиромъ и начальникомъ штаба при осмотрахъ ими баталіона и частію лично имъ при раздачѣ часовъ и кубковъ по мѣрѣ сказанныхъ заслугъ; мнѣ же предложилъ удостоивать таковыхъ постоянно отличающихся преимущественно передъ прочими въ стрѣльбѣ, и именно тѣхъ изъ нихъ, кои окажутся, по имѣющимся въ ротахъ журналамъ, въ продолженіе 5-ти и болѣе къ ряду занятій въ стрѣльбѣ въ цѣль, производя при оныхъ по 10-ти выстрѣловъ на 250 и 300 шаговъ съ руки каждою пулею, въ общей сложности выбитыхъ номеровъ попавшими въ 6-ть круговъ т. е. изъ числа 50 выстрѣловъ—300 номеровъ. Время удостоенія къ этимъ наградамъ установить въ маѣ и октябрѣ мѣсяцахъ ежегодно въ видѣ стрѣлковаго празднества (празднество это въ 1-й разъ сдѣлать въ маѣ мѣсяцѣ 1844-го года) для состязанія въ присутствіи моемъ и всѣхъ гг. офицеровъ. Отличныхъ стрѣлковъ и признанныхъ мною достойными къ полученію наградъ сихъ представлять каждый разъ на его (инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ) усмотрѣніе.

Что же касается до добавочныхъ 50-ти патроновъ въ годъ на каждаго человѣка, то причитающійся для нихъ порохъ слѣдуетъ требовать вмѣстѣ съ прочимъ довольствіемъ учебныхъ припасовъ, но безъ свинца и капсюлей, ибо взамѣнъ перваго, при хорошемъ устройствѣ мишеней и за оными ящиковъ, могутъ быть добываемы изъ оныхъ старыя пули и переливаемы для новаго употребленія, коихъ, какъ дознано опытомъ, будетъ для сего не только достаточно, но даже слишкомъ. Капсюли же на сіи прибавочные патроны употреблять охотничьи, кои, по повелѣнію о томъ г. военнаго министра, пріобрѣтать покупкою изъ благоразумной экономіи баталіона, или въ случаѣ

неимѣнія къ тому средствъ, изъ ремонтной суммы, замѣняя въ такихъ случаяхъ обыкновенно употребляемые стержни отпущенными баталіону на сей предметъ охотничьяго размѣра.

Таковое предписаніе его превосходительства г. инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ передаю въ роты для объявленія нижнимъ чинамъ на тотъ конецъ, дабы каждый изъ нихъ, горя желаніемъ къ полученію Всемилостивѣйше дарованныхъ имъ наградъ, старался болѣе и болѣе усугублять свои старанія къ цѣльной стрѣльбѣ, какъ важному для стрѣлка предмету, помня при томъ, что штуцера даны имъ не для того, чтобы только палить, но въ военныхъ дѣйствіяхъ по искусственному навыку мѣтко попадать въ непріятеля.

Гг. же ротнымъ командирамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность устроить въ удобныхъ мѣстахъ мишени и за ними ящики, дабы изъ нихъ можно было добывать старыя пули и переливать для новаго употребленія, а также къ предстоящему зимнему времени озаботиться устройствомъ домиковъ для стрѣльбы въ цѣль, ставя ихъ въ 300 шагахъ отъ вала.

XII.

Приказъ по баталіону 5-го ноября 1843-го года № 309.

По случаю назначенія баталіона къ выступленію въ продолжительный походъ, прошу гг. ротныхъ командировъ немедленно приступить къ обзаведенію въ ротахъ слѣдующимъ:

1) Для всѣхъ нижнихъ чиновъ искупить теплыя рукавицы, портянки или носки, а также воротники изъ овечьихъ кожъ. 2) Искупить во всѣхъ ротахъ по 3-й артельной лошади. 3) Имѣющіеся въ сумахъ у нижнихъ чиновъ боевые патроны осмотрѣть, и буде гдѣ окажутся таковые попорченными, или пули худо вылиты, тотчасъ перелить и устроить аккуратно въ колодки. 4) Непремѣнно имѣть къ сказанному походу у новыхъ штуцеровъ погонныя пряжки и приготовить для каждаго штуцера по сто пластырей и потребное количество деревяннаго масла. 5) Преимущественно заняться обученіемъ нижнихъ чиновъ форпостной службѣ и играніемъ егерскихъ сигналовъ.

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
МАЛАЯ КАБАРДА
ТЕРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
КУМЫКИ
М. ЧЕЧНЯ
Б. ЧЕЧНЯ
ИЧКЕРИ
САЛАТАУ
Ш. ТАРКОВСКОЕ
ХАН. МЕХТУЛИНСКОЕ
АВАРІЯ
ХЕВСУРІЯ
ПШАВІЯ
ТУШЕТІЯ
АНДАЛАЛЪ
АКУША
КАЙТАГЪ
ХАН. КАЗЫКУМУХСКОЕ
ДУСРАРАТСКІЙ
АНКРАТЛЬ
ТАБАСАРАНЪ
ХАН. КЮРИНСКОЕ
КУБИНСКАЯ ПР.
ШИРВАНСКАЯ ПР.
ШЕКИНСКАЯ ПР.
ДЖАРО БЕЛАКАНСКАЯ ОБЛ.
ЭЛИСУЙСКОЕ СУЛТ.
КАХЕТІЯ
КАРТАЛИНІЯ
ОСЕТІЯ
МОЗДОКЪ
КИЗЛЯРЪ
ГРОЗНАЯ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
ПЕТРОВСКЪ
ДЕРБЕНТЪ
ТИФЛИСЪ
НУХА
ТЕЛАВЪ
СИГНАХЪ
Т.Х.ШУРА
ВЕДЕНО
ДАРГО
ХАСАВЪ-ЮРТЪ
ЧИРЪ-ЮРТЪ
ГУНИБЪ
Степь Ширакская
Степь Караязъ
Р. Терекъ
Р. Кура